THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

Russian and East European Institute
Ballantine Hall 565
Indiana University
Bloomington, IN 47405

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., 9 л., д. 13.

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Книги, вышедшiя въ 1904-5-6 гг., указаны ——

Собственныя изданiя

I. Историческiй отдѣлъ

Батюшковъ, Ф. Д.

В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведенiямъ. Съ портретами [illegible] иллюстрацiями (№ 12) [печатается].

Богучарскiй, В.

—— Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 4).

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Съ 8 портретами. С[illegible] 1903 г. 1 р. 75 к. (№ 1).

—— Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II. Съ 18 портретами (№
Вып. I. Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. 1 р. 75 к.
Вып. II. Съ 5 портретами [печатается].

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ III. Съ 15 портретами (№ [печатается].

Брюкнеръ, А.

Исторiя польской литературы (№ 13) [печатается].

Буркгардтъ, Якобъ.

Культура Италiи въ эпоху Возрожденiя. Перев. съ нѣм. С. *Брилiантова*, съ 8-го изда[нiя], переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Въ 2 тт. Спб. 1906 г. Ц. за о[ба] тома 5 р. (№ 7).

Вандаль, Альбертъ.

Возвышенiе Бонапарта. I. Происхожденiе брюмерскаго консульст[ва]. Конституцiя III года. Переводъ съ XI-го фр. изд. *Е. И. Журавской*. С[пб.] 1905 г. 3 р. (№ 16).

Каутскiй, Карлъ.

Томасъ Моръ и его утопiя. Переводъ съ нѣм. *М. Л. и А. Г. Ронкель*. Спб. 190[5] 1 р. 25 к. (№ 14).

Лемке, Мих.

Очерки по исторiи русской цензуры и журналистики XIX столѣтiя. Съ 19 портретам[и] и карикатурою. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 2).

—— Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 4 портретами. Спб. 190[illegible] 3 р. (№ 3).

Милюковъ, П.

—— Государственное хозяйство Россiи въ первой четверти XVIII столѣтiя и рефо[рма] Петра Великаго. 2-е изданiе. Спб. 1905 г. 3 р. 50 к. (№ 5).

Никитенко, А. В.

—— Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ“. Зап[иски] и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданiе 2-е, исправленн[ое и] дополненное по рукописи, подъ редакцiей, съ примѣчанiями и алфавитнымъ [указателемъ] М. К. Лемке. Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. Ц. за оба тома 7 р. (№

Общественныя движенiя въ Россiи въ первую половину XIX вѣка (№

—— Томъ I. *Декабристы*: *М. А. Фонъ-Визинъ*, кн. *Е. П. Оболенскiй* и [illegible] *В. И. Штейнгель* (статьи и матерiалы). Составили В. И. Семевскiй, В. Богучар[скiй] и П. Е. Щеголевъ. Съ 3 гелiогравюрами. Спб. 1905 г. 5 р.

IV

Sochinenii

ГЛАВНѢЙШІЯ НЕТОЧНОСТИ

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
8	22 снизу	хвастать	хвастаться
11	2 „	развивающейся	разовьющейся
28	4 сверху	издѣвательскій	издѣвательный
34	19 „	животнаго	животненнаго
36	11 „	крестьянско-женщины	крестьянской женщины
38	16 „	басачанъ	басаганъ
--	29 „	тоже	тоже
40	17 „	прежней	прежде бывшей
49	6 снизу	мужей	мужьевъ
50	7 „	крестьянскихъ женъ	крестьянокъ-женъ
52	7 сверху	народной	въ народной
54	—	Пропущена выноска отъ послѣдняго слова: Напечатано точно съ рукописнаго оригинала, автографа Щапова, тоже полученнаго М. К. Лемке отъ В. И. Семевскаго.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА
1906

ОГЛАВЛЕНІЕ

Ольга Ивановна Щапова

Характеристика ея умственныхъ и соціально-нравственныхъ качествъ [1])

)льга Ивановна Жемчужникова (Щапова),— родившаяся въ Псковѣ отъ бѣднаго
я семинаріи, двухъ мѣсяцевъ жизни оставшаяся сиротой и воспитанная въ
семьѣ дяди—петербургскаго протоіерея Меліоранскаго, подъ благотворнымъ,
нно и нравственно-возбудительнымъ вліяніемъ университетской молодежи,—
лась замѣчательными умственными и соціально-нравственными качествами.
ıла женщина, одаренная отъ природы высокими умственными талантами,
выдававшимися изъ уровня обыкновенныхъ умственныхъ способностей. По
ı развитію ума, по глубинѣ и основательности мысли, по логичности су-
она далеко не походила на огромное большинство нашихъ обыкновенныхъ
ванныхъ женщинъ, а скорѣе походила на лучшаго студента университета
а высоко-развитаго, глубоко-серьезнаго, научно-мыслящаго молодого чело-
кончившаго курсъ въ университетѣ. Въ первые годы моего сближенія и
льства съ нею, она больше поражала и плѣняла меня своими высокими
венными качествами — необыкновенною добротою, прямодушною, такъ ска-
истинно-демократическою простотою, естественностью и беззавирностью въ

) Завѣщеваю это воспоминаніе, написанное мною вскорѣ послѣ смерти Ольги Ива-
Щаповой, именно съ 25 по 30 марта 1874 года, завѣщеваю непремѣнно напечатать
.къ только будетъ возможно. Антрополого-соціологическая лѣтопись или исторія
отмѣчать многознаменательное антропологическое существованіе (особенно въ наше
:. тяжелое, многострадальное и многоскорбное соціальное время) каждой личности,
.ли то мужикъ, мѣщанинъ или крестьянка, мѣщанка и т. п., будетъ ли то из-
я, или почти вовсе неизвѣстная, но соціально-нравственно замѣчательная личность.
Ивановна Щапова умерла съ 12 на 13 число марта 1874 года, послѣ тяжкой и слож-
ıѣзни, продолжавшейся 35 сутокъ. Она умерла въ полномъ сознаніи, въ высшей
ı спокойно. За полчаса до послѣдняго вздоха, когда члены ея стали уже мертвѣть,
ачала сказала: „трите, трите, хоть немного продлите мое существованіе"; потомъ,
нѣсколько минутъ, съ особеннымъ умиленіемъ сказала: „я одного желаю — при-
и, наконецъ, послѣднія прощальныя слова мнѣ: „прости, Шоня" (такъ меня звала
такъ она звала меня). Въ настоящемъ очеркѣ изъ біографіи Ольги Ивановны
явлена только общая антрополого-соціологическая или соціально-нравственная ха-
істика ея. Ея многострадальная борьба съ моимъ грубымъ порокомъ—пьянствомъ,
мъ я страдалъ въ первые годы сожительства съ нею и отъ котораго, только благо-
ı энергическимъ усиліямъ, избавился, ея соучастіе со мной въ трудной турухан-
кспедиціи (въ 1866 г.), въ которую она перенесла много лишеній и страданій во
ıашего тридцатидневнаго плаванія по Енисею на лодкѣ отъ Туруханска до села
за (65^{0} — 62^{0} с. ш.), и многіе другіе факты изъ ея скромной, неизвѣстной, но много-
ательной жизни, будутъ описаны въ особой запискѣ.

поступкахъ и разговорахъ, полнѣйшею честностью и справедливостью не только во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но и въ мысляхъ и сужденіяхъ, полнѣйшею искренностью чувствъ и убѣжденій. Глубина, сила и основательность ея мысли тогда еще не выказывались особенно рельефно, многія понятія ея еще не совсѣмъ были выработаны. Это замѣтно отражалось тогда и въ общемъ выраженіи ея лица. Оно казалось менѣе задумчивымъ, серьезно и глубоко-мыслящимъ, болѣе добродушнымъ, теплосердечно-симпатичнымъ. Но живя въ Иркутскѣ, одинаково со мной, въ полнѣйшей отрѣшенности отъ общества, постоянно-сосредоточенною, самоуглубленною жизнью, постоянно читая серьезныя, научныя книги съ глубочайшимъ и живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ, потомъ года два съ половиной или болѣе съ внимательнѣйшею сосредоточенностью занимаясь самостоятельной разработкой и приготовленіемъ уроковъ для дѣтей женской гимназіи, постоянно серьезнѣйшимъ анализомъ и размышленіемъ перерабатывая въ своей головѣ каждый вопросъ науки или жизни, каждый общественный или житейскій фактъ, каждое новое впечатлѣніе, каждое новое наблюденіе, — даровитая Ольга Ивановна годъ отъ году все больше и больше развивалась. Ея широкій и высокій лобъ, съ рельефно-выдающимися бугорками въ передней части, все съ большею и большею выразительностью отпечатлѣвалъ на себѣ ея рѣдкія умственныя дарованія, ея глубоко-сосредоточенную работу мысли, думъ, ея самостоятельно-активную выработку глубокихъ и живыхъ убѣжденій, особенно соціально-нравственныхъ, словомъ — ея, рѣдкую или весьма не частую среди нашихъ женщинъ (да и наибольшей части мужчинъ), серьезнѣйшую мыслящую жизнь. Только весьма частые (почти постоянные) припадки тяжкой, мучительнѣйшей головной боли, которую она, какъ сама сказывала часто, начала чувствовать съ семи лѣтъ жизни, и потомъ постоянныя житейскія скорби наложили свой отпечатокъ на морщинкахъ ея возвышеннаго, серьезно-выразительнаго, мыслящаго чела. Разъ я замѣтилъ ей: «въ послѣдніе годы ты замѣтно стала гораздо развитѣе сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда я впервые познакомился и сошелся съ тобой: съ полнѣйшею искренностью скажу тебѣ, что ты теперь стала высоко развитою, глубоко-мыслящею женщиной, особенно поразительно выработана твоя нравственная натура». На это она съ пріятнѣйшею шутливостью любезности отвѣтила мнѣ: «а ты, дуракъ мой, поди, думаешь, что я тебѣ, твоему вліянію обязана своимъ развитіемъ, если только я дѣйствительно развилась сколько-нибудь сравнительно съ прежнимъ». «Нѣтъ, — отвѣчалъ я ей съ искреннимъ и серьезнымъ убѣжденіемъ, — нѣтъ: ты достигла высокаго, серьезнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія единственно вслѣдствіе многолѣтней сосредоточенной жизни въ Сибири, со мной, вслѣдствіе непрерывной, ежедневной самостоятельной работы твоей головы, твоей мысли, вслѣдствіе постояннаго серьезнаго чтенія и размышленія, вслѣдствіе постояннаго глубокаго анализа жизненныхъ и общественныхъ фактовъ и наблюденій и проч.». И дѣйствительно, ея уединенное, самостоятельное развитіе и тихій, скромный умственный трудъ для общественнаго, для народнаго блага не отмѣтились громкою извѣстностью (которой она всегда избѣгала до самоотверженія), но были многознаменательны и достопримѣчательны въ антрополого-соціологическомъ, соціально-нравственномъ смыслѣ.

Отмѣчу прежде всего достопамятныя черты педагогической дѣятельности Ольги Ивановны.

Въ Иркутскѣ ей говорили (Вагинъ и другіе): «Здѣсь надо прокричать, пробить о себѣ, чтобы найти учительское мѣсто». Съ строгимъ осужденіемъ и)ащеніемъ она всегда отрицала этотъ способъ достиженія какой бы то ни было ественной дѣятельности. И дѣйствительно, безъ всякаго крика о себѣ, тихо, киданно получила она мѣсто учительницы въ иркутской женской гимназіи. нственно ея высокія, безъ всякаго грому, безъ всякихъ рекламъ замѣчательныя ıгогическія способности, вовсе неизвѣстныя иркутскому обществу (особенно въ вые годы нашей иркутской жизни) сами собой проложили ей путь къ учительі дѣятельности въ иркутской женской гимназіи. Учитель классической гимназіи И. Поповъ и Б. А. Милютинъ, завѣдывавшій тогда (въ 1868 — 1869 г.) ской гимназіей, зная педагогическія дарованія и знанія Ольги Ивановны Щаой, помогли ей безпрепятственно занять мѣсто въ женской гимназіи, по классу эметики. Это было въ августѣ 1869 года. Съ тѣхъ поръ до февраля 1872 года, заболѣнія жестокимъ тифомъ, она непрерывно преподавала ариѳметику въ жені гимназіи и потомъ еще французскій языкъ. Съ рѣдкою, поистинѣ достомѣчательною и примѣрною добросовѣстностью относилась она къ своему любйшему педагогическому дѣлу. Всецѣло отдавшись ему, она объ немъ только умала съ необыкновенною заботливостью. Каждый день, особенно утромъ и ѳромъ, она часовъ 6, 7 и 8 съ величайшимъ вниманіемъ, съ энтузіастичео любовью и увлеченіемъ занималась самостоятельною выработкой и приготоіемъ уроковъ. Какъ только вставала утромъ, какъ только приходила изъ гими, какъ только приходила или пріѣзжала съ базара (съ провизіей), какъ только вращалась съ небольшой прогулки со мной, — сейчасъ садилась она за свой икъ, обложенный педагогическими книгами, учебниками, руководствами. Руко:твуясь методомъ Грубе и имѣя подъ руками всѣ лучшія новѣйшія руковод, по ариѳметикѣ, она не довольствовалась, не ограничивалась ими рабски, :ивно, не слѣдовала имъ слѣпо, а внимательно наблюдая степени и пріемы ріимчивости дѣтей, самостоятельно вырабатывала свои наиболѣе цѣлесообраз- и успѣшныя приспособленія наилучшихъ методовъ къ наиболѣе успѣшному)ужденію воспріимчивости дѣтей и къ наиболѣе успѣшному, самовозбужденнотельному, активному ихъ саморазвитію. Съ энергическою любовью и тщаностью, съ усиленнымъ напряженіемъ своего мышленія (часто до безсоны), она составляла свои уроки, комбинировала свои ариѳметическія задачи, тельно переписывала ихъ къ каждому уроку. Такимъ образомъ у нея со:илась цѣлая куча тетрадей, исписанныхъ ариѳметическими задачами. Теіями этими съ большой пользой руководствовались нѣкоторые изъ иркутсъ педагоговъ, изъ политическихъ ссыльныхъ поляковъ. Въ самыхъ низ:ъ классахъ гимназіи она знакомила маленькихъ дѣвочекъ съ элементарными лами измѣренія и счисленія наглядно, предметно. Постоянно ходила она въ :съ съ метрами, съ кубиками и т. п. Такъ какъ дѣвочки не могли обходиться , старыхъ ариѳметическихъ правилъ и пріемовъ счисленія, то она не только енно, всевозможными возбужденіями соображенія пріучала ихъ къ отвлечен- умственному счисленію или къ разнообразному умозрительному сочетанію и изу чиселъ, но и къ отчетливому, разумно-сознательному письменному счислепо ариѳметическимъ правиламъ. Общія, отвлеченныя теоремы или опредѣленія метическихъ дѣйствій дѣвочки выводили уже изъ самыхъ дѣйствій или про-

цессовъ счисленія. Самые задачи или примѣры, самые предметы счисленія Ольга Ивановна старалась брать всегда такіе, которые бы въ то же время расширяли по возможности, и кругъ полезныхъ реальныхъ-физическихъ и общественныхъ знаній и понятій дѣтей. Успѣхи ея кратковременнаго преподаванія ариѳметики въ иркутской женской гимназіи рѣзко отмѣтились, такъ сказать, совершенно особымъ потокомъ цѣлаго поколѣнія дѣвочекъ, которое потомъ, въ высшихъ классахъ гимназіи, удивляло и много облегчало трудъ педагоговъ—учителей мужской гимназіи своею особенною, наибольшею понятливостью и разумно-сознательностью въ усвоеніи дальнѣйшихъ, болѣе высшихъ частей математики. Преподавая ариѳметику, Ольга Ивановна главнѣйшимъ образомъ заботилась именно о возбужденіи и развитіи активной самодѣятельности умственныхъ способностей дѣтей, о дисциплинарной выработкѣ и подготовкѣ ихъ логической силы мышленія и, вообще, умственныхъ способностей къ самостоятельно-активному, разумно-сознательному изученію, къ болѣе легкому и быстрому пониманію и усвоенію другихъ наукъ. Постоянно домогаясь, постоянно всевозможными варіаціями задачъ и комбинацій примѣровъ достигая въ умахъ дѣтей отчетливаго, разумно-сознательнаго пониманія: «почему?»,—она стремилась воспитывать въ дѣтяхъ такую силу мышленія, такую разумно-сознательную отчетливость, ясность и точность пониманія, сужденія и умозаключенія, которыя бы сдѣлали ихъ умственно-сильными не только въ научномъ саморазвитіи, но и въ соціально-нравственномъ самонаблюденіи и самовоспитаніи. Она глубоко понимала ту истину, что безъ развитія и возбужденія активной самодѣятельности разсудочныхъ способностей невозможно не только активное, творческое научное умственное саморазвитіе, но и невозможно разумно-сознательное и дѣятельное нравственное самосовершенствованіе, потому что невозможны постоянный активный анализъ, постоянное активное сравненіе и постоянная активная, разумно-сознательная критика нашихъ соціально-нравственныхъ чувствъ, убѣжденій и дѣйствій. Вообще, самое развитіе умственныхъ способностей человѣка она всего болѣе цѣнила по отношенію къ соціально-нравственному сознанію и развитію личности. Съ этой точки зрѣнія, она понимала слѣдующую мысль Ларомигьера: A l'homme seul appartient de vérifier ses pensées, de les ordonner; à l'homme seul appartient de corriger, de rectifier, d'améliorer, de perfectionner et de pouvoir ainsi tous les jours se rendre plus habile, plus sage et plus heureux. Pour l'homme seul, enfin, existe un art, un art suprême dont tous les arts le plus vantés ne sont que les instruments et l'ouvrage: l'art de la raison, le raisonnement. Постоянно, глубоко, энтузіастично воодушевляемая такими твердыми и живѣйшими убѣжденіями, она, и преподавая ариѳметику, развивая умственныя способности дѣвочекъ, по возможности, старалась возбуждать и развивать въ нихъ и нравственное чувство, какъ, повидимому, ни далеко было это отъ ея прямого, спеціальнаго дѣла. Напримѣръ, если она замѣчала, что какая-нибудь дѣвочка, дочь богатыхъ родителей, обнаружившая больше наклонностей къ нарядамъ и даже уже къ кокетству, чѣмъ къ ученью, свысока или нѣсколько презрительно относилась къ дѣвочкѣ бѣдной, плохо одѣтой, дочери небогатыхъ рабочихъ родителей,—то она своимъ, особенно впечатлительно дѣйствовавшимъ гуманно уважительнымъ обращеніемъ съ этой послѣдней, бѣдной дѣвочкой, старалась доводить невольно до стыда презиравшую ее богатую дѣвочку, особенно если бѣдная дѣвочка отличалась и большими способностями и лучше училась, чѣмъ дѣвочка богатыхъ родителей. Лѣнивымъ, избалованнымъ,

вообще, болѣе испорченнымъ домашней средой дѣвочкамъ она часто давала чувствовать и болѣе или менѣе сознавать то, какъ бѣдныя, неизбалованныя дѣвочки, или дѣвочки, менѣе разсѣянныя, менѣе увлекавшіяся модными нарядами, пустыми забавами матерей и т. п., болѣе способны были къ пониманію и усвоенію уроковъ и отличались бо́льшею любовью къ ученію, единственно вслѣдствіе того, что менѣе занимались матеріями для модныхъ платьевъ, бантиками, шубками бархатными да сплетнями и пересудами въ кухняхъ съ горничными и стряпками о худой одеждѣ, о дрянной посудѣ, о разныхъ домашнихъ недостаткахъ у бѣдныхъ сосѣдей или своихъ квартирантовъ и т. п., а, какъ воспитанницы, болѣе заботились о надлежащемъ пониманіи и усвоеніи уроковъ, болѣе занимались на досугѣ чтеніемъ дѣтскихъ книжекъ и т. п. Вообще, Ольга Ивановна отъ всего сердца, съ глубокимъ убѣжденіемъ, съ энтузіастическимъ рвеніемъ желала дѣйствовать въ женской гимназіи на дѣвочекъ, по возможности, всесторонне-воспитательно, желала возбуждать и развивать въ нихъ не однѣ умственныя способности, но и соціально-нравственные инстинкты. Обращая вниманіе на взаимные поступки дѣвочекъ, она желала посредствомъ ихъ же поступковъ и дѣйствій пріучать ихъ къ честности, справедливости, снисходительности и взаимной помощи, взаимному содѣйствію въ отношеніи другъ къ другу. Вникая въ разговоры дѣвочекъ, она желала пріучать ихъ не съ зубоскальными, просмѣшливыми сплетнями и пересудами, а съ сердобольнымъ участіемъ, съ чувствомъ жалости и состраданія разсказывать другъ другу о видѣнныхъ ими чужихъ бѣдныхъ людяхъ, о несчастныхъ разнаго рода—калѣкахъ, слѣпыхъ, хромыхъ, уродахъ, больныхъ и т. п. Однимъ словомъ, она всего болѣе, всего пламеннѣе желала гуманно-соціальнаго воспитанія и направленія дѣтей. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Среди жалкаго педагогическаго персонала не только женской, но и мужской гимназіи въ Иркутскѣ, въ концѣ 60-тыхъ и въ началѣ 70-тыхъ годовъ, Ольга Ивановна, какъ учительница и какъ человѣкъ, рѣзко обособлялась. Нѣкоторые учителя иркутской классической гимназіи (сибиряки) насмѣшливо называли ее «философомъ». Въ обществѣ иркутскомъ легкомысленныя, вѣтреныя, пустыя дамы тоже глумливо поговаривали: «Щапова, преподавая ариѳметику, все хочетъ, изъ всѣхъ силъ домогается, чтобъ дѣвочки понимали: «почему?» Все «почему да почему!» Но она, разумѣется, не обращала никакого вниманія на эти невѣжественные толки. А ее сильно сокрушало только то, что ея благотворное воспитательное вліяніе на дѣвочекъ женской гимназіи сильно парализовалось тьмой противодѣйствующихъ вліяній почти всѣхъ другихъ учительницъ и учителей, домашней, семейной и общественной среды и проч. Съ какою, бывало, горечью и болью на сердцѣ она всякій разъ, какъ приходила изъ гимназіи, разсказывала мнѣ то такой, то другой фактъ, какъ нельзя болѣе характеризовавшій или крайнюю недобросовѣстность, безучастность учительницъ и учителей къ своему педагогическому дѣлу, или крайнюю пустоту, легкомысленность и невѣжество ихъ, или ихъ отупляющее и развращающее вліяніе на дѣвочекъ. Разъ она говорила мнѣ: «если бы кто не зналъ домашней жизни и преобладающихъ интересовъ иркутскихъ гражданъ, домашней воспитательной среды дѣтей, то, мнѣ кажется, по однимъ разговорамъ какъ самихъ учительницъ, такъ и ученицъ нашей иркутской женской гимназіи, онъ узналъ бы безошибочно, какіе интересы всего болѣе поглощаютъ умы и чувства иркутскихъ гражданъ, отцовъ и матерей дѣвочекъ и самихъ учительницъ, какія впечатлѣнія домашней жизни всего

болѣе воспитательно дѣйствуютъ на дѣтей въ тотъ или другой мѣсяцъ года: напримѣръ, въ концѣ ноября и въ первой половинѣ декабря (т. е. передъ Рождествомъ) и потомъ въ мартѣ (передъ Пасхой), какъ сами учительницы, такъ и ученицы только и говорятъ, и говорятъ съ экзальтированнымъ воодушевленіемъ, объ обновахъ, о синихъ или голубыхъ бантикахъ, о томъ, гдѣ, какъ и какіе бантики пришиваются или лучше бы было пришивать, о цвѣтѣ матерій для модныхъ платьевъ, о покроѣ ихъ, о покупкѣ новыхъ санокъ или новой телѣжки, долгуши для катанья и ѣзды въ гости, о количествѣ проданной въ постъ на базарѣ рѣдьки и капусты и т. п.; въ августѣ и въ началѣ сентября только и слышишь разговоровъ, у кого когда будетъ или была капустка, кто сколько припасъ на прокъ ягодъ, груздей, киселъ, шинкованой капусты и т. п.; въ октябрѣ—о томъ, у кого когда вставлены зимнія рамы, выштукатурены или мохомъ законопачены дома, у кого сколько зарублено на прокъ, на праздники, на именины, на свадьбы разной домашней птицы—гусей, индюшекъ, утокъ и т. д.». Да, въ бытность Ольги Ивановны въ иркутской женской гимназіи, ничто такъ не печалило ее, какъ зловредное вліяніе на дѣвочекъ и, вообще, на дѣтей кухонныхъ и семейныхъ сплетенъ и пересудовъ, мономанической заботы о нарядахъ и кокетливомъ щегольствѣ, мономаническихъ интересовъ скопидомства, домохозяйства и т. п. Она всегда возмущалась, часто наблюдая, какъ изъ школы дѣти прямо бѣжали въ кухню и отъ стряпокъ, горничныхъ и кучеровъ поучались сплетнямъ, грубымъ циническимъ, скандалезнымъ разсказамъ и разнымъ гадостямъ. Вообще, ее сильно печалило и сокрушало то, что крайне одностороннее и часто положительно зловредное вліяніе семейной обстановки, кухонь и скопидомскаго, эгоистически-наживательнаго домохозяйства сильно преобладало надъ благотворнымъ, соціально нравственно-воспитательнымъ вліяніемъ школы, и что между учительницами и учителями женской гимназіи не было никакого единства и согласія, никакой общности и солидарности педагогическихъ интересовъ и стремленій. Ольга Ивановна разсказывала мнѣ, какъ учительницы, между классами, въ часъ отдыха или пережиданья своего срочнаго урока, сходились вмѣстѣ въ одну комнату гимназіи не за тѣмъ, чтобы потолковать съ живою любовью къ дѣлу о насущныхъ педагогическихъ вопросахъ и потребностяхъ, а только за тѣмъ, чтобы артелью пить чай съ разными сластями и пирожками изъ кондитерской, и за чаемъ только и толковали съ живѣйшимъ увлеченіемъ о множествѣ у каждой изъ нихъ шитья обновъ, платьевъ, о своихъ или чужихъ стряпкахъ, либо зубоскально передавали другъ другу разныя городскія сплетни, особенно скандальнаго свойства. Глубоко-серьезная Ольга Ивановна не могла принимать и не принимала никакого участія въ этой зубоскально-сплетнической, безсмысленно-болтательной чаепитной артели учительницъ. Она, если предстоялъ еще другой урокъ, обыкновенно задумчиво, одна, особнякомъ ходила по комнатѣ, а если не было другого урока, тотчасъ приходила домой и, напившись со мной чаю, садилась за дальнѣйшее приготовленіе уроковъ. Отъ всей души желала она сплотить, соединить учительницъ и учителей женской гимназіи, во имя высшихъ общечеловѣческихъ педагогическихъ идеаловъ. Сама она выработала въ своемъ умѣ опредѣленные, ясные, научно-антропологическіе идеалы воспитанія, насколько могла—по своимъ научнымъ знаніямъ, практически воспитательнымъ наблюденіямъ и опытнымъ педагогическимъ выводамъ. Съ живѣйшимъ, энтузіастическимъ воодушевленіемъ высказывала она мнѣ свои высокія, научно-раціональныя,

глубоко-продуманныя и живо-прочувствованныя идеи о воспитаніи, когда читала, напримѣръ, социально-педагогическую «книгу для народа» (Лингардъ и Гертруда), или письма о воспитаніи Песталоцци и т. п. Съ радостнѣйшимъ привѣтомъ и восхищеніемъ говорила она мнѣ и всѣмъ, въ комъ хоть какое-нибудь пониманіе и сочувствіе предполагала, о такихъ новѣйшихъ педагогическихъ статьяхъ въ русскихъ журналахъ, каковы, напримѣръ, статья Мечникова «о воспитаніи съ антропологической точки зрѣнія», или статья Н. Корфа: «дарвинизмъ и вопросы педагогіи» и т. п. Едва ли были лучшія педагогическія или учебныя руководства, лучшія дѣтскія или народныя книги, которыхъ бы она не изучила внимательно. При чтеніи всякаго дѣльнаго руководства, какого бы предмета оно ни касалось, она высказывала мнѣ свои чувства, мысли и симпатіи къ тѣмъ или другимъ идеямъ. Напримѣръ, читая, уже незадолго передъ смертью, книгу Стоюнина «о преподаваніи русской литературы», она высказывала мнѣ живѣйшую свою симпатію къ знанію исторіи словесности родного народа, въ связи съ исторіей его общественнаго, соціально нравственнаго развитія. Точно также, съ живѣйшимъ интересомъ и критично прочитывала она всѣ педагогическія статьи, какія появлялись, напримѣръ, въ журналахъ «Семья и Школа», «Учитель», «Дѣтскій Садъ» и друг. Дѣтскіе сады были предметомъ ея пламеннѣйшей соціально-педагогической, соціально-нравственной вѣры въ возможность воспитанія лучшихъ человѣческихъ поколѣній, способныхъ къ новому, истинно-антропологическому, гуманно-соціальному, именно—къ соціально-кооперативному общественному самоустройству. Одно время, именно въ іюлѣ 1870 года, она даже сама, по приглашенію директора иркутской гимназіи, занималась въ иркутскомъ «дѣтскомъ саду», въ качествѣ временной начальницы, и занималась, по обычаю, въ высшей степени добросовѣстно: съ вечера, бывало, усерднѣйшимъ образомъ наготовитъ разныхъ плановъ и моделей дѣтскихъ работъ или живыхъ, удобопонятнѣйшихъ разсказовъ о домашнихъ животныхъ и т. п. Въ одинъ мѣсяцъ ея занятія въ «дѣтскомъ саду» оказали такіе успѣшные результаты, которые, невольно обнаруживъ не совсѣмъ добросовѣстныя дѣйствія или нѣкоторыя опущенія и погрѣшности настоящей начальницы «дѣтскаго сада», временно отсутствовавшей, возбудили со стороны послѣдней завистливыя интриги и даже злобныя, мстительныя клеветы противъ честнѣйшей, справедливѣйшей Ольги Ивановны. Но высоко-развитая совѣсть Ольги Ивановны была такъ чиста, безукоризненна и такъ даже невольно-обличительна для другихъ недобросовѣстныхъ людей, что, когда она умерла и лежала уже на столѣ, эта начальница «дѣтскаго сада», уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ совершенно прервавшая съ ней первоначальныя дружескія отношенія, гордая, надменно-самохвальная, сама пришла проститься съ нею, поклониться ея мертвому тѣлу,—такъ что на гробѣ Ольги Ивановны, и въ этомъ отношеніи, можно было написать: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Вообще, Ольга Ивановна критично и вполнѣ основательно понимала и осуждала существенные недостатки иркутскаго «дѣтскаго сада», искажавшіе великія антрополого-педагогическія идеи Песталоцци. Она строго осуждала, напримѣръ, то, что начальница «дѣтскаго сада», вмѣсто воспитанія въ дѣтяхъ чувства человѣческаго достоинства и права, пріучала ихъ къ раболѣпію и человѣкоугодничеству, заставляя дѣтей дѣлать для генералъ-губернатора къ празднику такія бездѣлушки, которыя могли бы польстить его самолюбію, или не воспитывала, а заглушала въ дѣтяхъ инстинкты соціальной симпатіи, чувство

равноправности и человѣческаго братства, явно предпочитая нарядныхъ и упитанныхъ дѣтей знатныхъ и богатыхъ родителей дѣтямъ бѣдныхъ, рабочихъ людей, или, вмѣсто того, чтобы съ усиленною гуманною энергіею исправлять нѣсколько испорченныхъ нравственно бѣднѣйшихъ дѣтей—сиротъ, выгоняла ихъ изъ «дѣтскаго сада» и т. п. Съ такой-то выработкой педагогическихъ знаній и убѣжденій Ольга Ивановна желала соединить, въ свое время, по крайней мѣрѣ, учительницъ иркутской женской гимназіи въ одинъ дружный педагогическій союзъ, во имя высшихъ научно-антропологическихъ идеаловъ воспитанія. Но, увы! Всѣ учительницы, ея сотрудницы, служили только изъ-за жалованья. Многія изъ нихъ, не зная ни одного предмета, ни одной элементарной части науки не только основательно, но и поверхностно, безсовѣстнѣйшимъ образомъ нахватывали только какъ можно больше уроковъ по разнымъ предметамъ, чтобы только больше получать жалованья. Ни одна учительница не только не изучала своихъ предметовъ преподаванія, но и никогда не подготовлялась къ урокамъ. Часто сами онѣ, при Ольгѣ Ивановнѣ, безъ всякаго стыда, безъ зазрѣнія совѣсти, проговаривались напримѣръ, такимъ образомъ: «ахъ, какъ много у меня дома шитья, а тутъ ходи на уроки: и шить-то надо, да и деньги-то надо!» или: «въ настоящее время мнѣ побольше надо денегъ на прибавокъ къ мужнину жалованью: вотъ я и хочу прибавить себѣ какъ можно больше уроковъ». При такихъ взглядахъ на свое педагогическое дѣло, понятно, какова была педагогическая практика такихъ учительницъ-скопидомокъ. Ольга Ивановна нерѣдко разсказывала мнѣ печальные, а иногда и прекурьезные факты изъ педагогической практики своихъ сотрудницъ, но я большею частью забылъ ихъ, или во всей точности не могу воспроизвести. Одна, напримѣръ, учительница, всецѣло поглощенная мелкими интересами домохозяйства и нарядами, но всѣхъ болѣе любившая заносчиво хвастать своими педагогическими талантами и ученостью, преподавая дѣвочкамъ русскій языкъ или русскую словесность, постоянно пускала имъ пыль въ глаза такими общими, опошленными голословными фразами: «Пушкинъ былъ великій поэтъ! Лермонтовъ былъ великій поэтъ! Гоголь былъ великій поэтъ!» и т. п. Другая, пустѣйшая кокетка-учительница, не имѣвшая въ себѣ, можно сказать, ни малѣйшей искорки умственной жизни, всецѣло занятая только своимъ лицомъ и нарядами, къ урокамъ ежедневно подготовлявшаяся только однимъ тщательнѣйшимъ распредѣленіемъ, въ какомъ платьѣ придти въ гимназію въ понедѣльникъ, въ какомъ во вторникъ и т. д.,— во время уроковъ, заставляя дѣвочекъ читать гуломъ—гуртомъ, сама вѣчно только глазѣла въ окно, кокетливо выжидая и посматривая на молодыхъ франтиковъ. Вынужденная въ послѣднее время, по предписанію директора гимназіи, учить дѣтей чтенію по звуковому методу, эта учительница въ послѣднее время своего учительства (передъ выходомъ замужъ) каждодневно приходила въ гимназію и уходила изъ нея съ однимъ только протяжнымъ: «а-а-а!» То она, сидя за столомъ, сонно и плаксиво вытягивала съ ученицами: *а*! То, забываясь и подолгу заглядываясь въ окно, вдругъ съ сердитымъ крикомъ оборачивалась къ нимъ: «говорятъ вамъ, дуры, *а*!“ Только двѣ учительницы, по мнѣнію Ольги Ивановны, были сравнительно получше. Одна изъ нихъ, сибирячка, была недальняго ума, неразвитая, но честная, усердная, искренно преданная своему дѣлу: она любила по своему философствовать, разсуждать о высокихъ матеріяхъ, все объяснять свысока или издалека общими отвлеченными фразами, но все это выходило какъ-то

наивно-простоватымъ: иногда такъ смѣшно бухались возвышенныя идеи, что едва можно было удержаться отъ смѣха. Но, все-таки, это была одна изъ лучшихъ, честныхъ и добродушныхъ учительницъ, занимавшаяся своимъ дѣломъ хотя и не совсѣмъ раціонально, но искренно и усердно. Съ ней Ольга Ивановна была знакома. Другая учительница, пріѣзжая изъ Россіи, жена учителя гимназіи-сибиряка, по мнѣнію Ольги Ивановны, была сравнительно лучше всѣхъ учительницъ. Это была молоденькая женщина, очень способная, довольно развитая, честная. Преподавая нѣкоторое время въ женской гимназіи русскій языкъ, она старалась преподавать его, по возможности, раціонально, по лучшимъ руководствамъ, любила съ живымъ интересомъ толковать съ Ольгой Ивановной о лучшихъ методахъ преподаванія, о лучшихъ учебникахъ и руководствахъ, и критично относилась къ недостаткамъ иркутской женской гимназіи и ея педагогическаго персонала. Съ этой учительницей и съ ея мужемъ, прекраснѣйшимъ, гуманнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ, мы оба были знакомы и всегда помнили ихъ добромъ: съ ними только мы отводили душу въ духотѣ одинокой, уединенной иркутской жизни.

Многое можно бы еще вспомнить изъ гимназическихъ отношеній Ольги Ивановны, но я поспѣшу охарактеризовать другія, наиболѣе выдававшіяся достопамятныя для меня черты ея психической жизни и соціально-нравственныхъ стремленій.

2 февраля 1872 года Ольга Ивановна захворала тифозной горячкой, пролежала въ постели около 8 недѣль и только въ маѣ мѣсяцѣ мало-по-малу поправилась, но, къ несчастію, съ нѣкоторыми печальными болѣзненными слѣдами, оставленными тифомъ. О болѣзняхъ ея надѣюсь сказать въ особомъ мѣстѣ своихъ краткихъ записокъ. Послѣ тифа она оставила женскую гимназію, не оставивъ, однакожъ, намѣренія со временемъ опять заняться въ ней. Но еще года за два до тифа у нея родилось пламеннѣйшее желаніе устроить при женской гимназіи особый классъ для чтенія и бесѣдъ съ ученицами. Безъ всякаго жалованья, безплатно она хотѣла заняться этимъ дѣломъ, о которомъ часто съ особенной, горячайшей симпатіей помышляла и говорила мнѣ. Именно, она страстно хотѣла читать какъ можно удобопонятнѣйшія статьи о природѣ, человѣкѣ и обществѣ, или: 1, такія популярныя книги о природѣ, какъ, наприм., книжка г. Бекетова: „о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ“, книжка Отто Уле: „Почему и потому?“ и т. п.; 2, читать и разъяснять популярное изложеніе соціологическаго ученія или самую удобопонятную передѣлку соціологическихъ статей, касающихся общественной организаціи и антропологическихъ законовъ и потребностей умственнаго развитія, труда, взаимныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ въ обществѣ и проч.,— статей, составленныхъ (ею самою) по даннымъ, находящимся въ такихъ книгахъ и статьяхъ, какъ, наприм., „объ умственномъ развитіи“ Клиффорда, объ образованіи по сборнику Юманса, „о воспитаніи съ антропологической точки зрѣнія“—Мечникова, о соціальной организаціи труда—по книгѣ Торнтона „о трудѣ“, Пфейфера — объ ассоціаціяхъ, Лассаля—о рабочемъ вопросѣ, Флеровскаго—о рабочемъ вопросѣ, о соціальной организаціи разумныхъ и справедливыхъ взаимныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ—по книгѣ Милля „о подчиненности женщины“, по статьямъ Михайлова (въ „Современникѣ“), Цебриковой и т. п. О своемъ новомъ, истинно-благотворнѣйшемъ, насущно-жизненномъ педагогическомъ намѣреніи или предпріятіи она говорила уже и директору иркутской гимназіи. Но устроить новый, небывалый

классъ при женской гимназіи начальствомъ найдено было невозможнымъ, незаконнымъ. Итакъ, плодотворнѣйшая мысль Ольги Ивановны осталась въ настоящее время безъ почвы и потому безъ всякаго настоящаго плода [1]. . . . . .
. . . .

Сколько бы такихъ плодотворнѣйшихъ, соціально-воспитательныхъ идей и энергической, дѣятельной иниціативы могла внести въ общество одна такая соціально-гуманная, возвышенно-стремительная женщина, какою была Ольга Ивановна, если бы былъ для нея и для всѣхъ подобныхъ ей женщинъ необходимый соціальный просторъ, было необходимое общественное сочувствіе, если бы само общество лучше, глубже и разумно-сознательнѣе понимало свои истинные интересы и умѣло бы не только цѣнить справедливо, но и сочувственно призывать, изыскивать, поддерживать и ободрять ко всякой соціально-гуманной иниціативѣ своихъ лучшихъ людей—лучшихъ женщинъ и лучшихъ мужчинъ, если бы не было преградъ общественно-моральныхъ, административныхъ, полицейскихъ и т. д! Но за тебя, многострадальная, высоко-гуманная, честнѣйшая, святая моя Оленька, за тебя и за всѣхъ тебѣ подобныхъ, я, самъ доживая послѣднее время свое въ страданіи, утѣшаюсь одной мыслью. Утѣшаюсь именно тѣмъ глубочайшимъ моимъ убѣжденіемъ, что чѣмъ больше было для тебя и для подобныхъ тебѣ передовыхъ людей всякихъ общественныхъ и домашне-житейскихъ преградъ, невзгодъ, страданій, чѣмъ менѣе было развито общество и менѣе понимало тебя и подобныхъ тебѣ,—тѣмъ выше, многознаменательнѣе въ антрополого-соціологической исторіи и твои, моя святая Оленька, самоотверженныя, страдальческія соціально-гуманныя стремленія, твои возвышенно-гуманные, истинно-антропологическіе соціальные идеалы, какъ и стремленія, идеалы и подобныхъ тебѣ лучшихъ людей. Чѣмъ мрачнѣе и жизнеубійственнѣе были царствовавшія вокругъ, въ *низменности* [2]) жалкаго историко-традиціоннаго существованія стараго человѣческаго общества, чѣмъ мрачнѣе, ужаснѣе и человѣкоубійственнѣе были вокругъ соціальная тьма и соціальный холодъ,—тѣмъ лучезарнѣе, ярче и животворнѣе, антропологично-многознаменательнѣе свѣтились и проблескивали, на возвышенности общечеловѣческихъ разумно-сознательныхъ, научно-раціональныхъ антрополого-соціологическихъ идеаловъ, вѣрованій и стремленій, и твои, высоко-человѣчная Оленька, идеалы, вѣрованія и стремленія, свѣтились и мелькали яркими, свѣтоносными звѣздочками Великаго Лучшаго Будущаго, такъ же какъ идеалы, вѣрованія и стремленія и всѣхъ тебѣ подобныхъ. Передъ моимъ умственнымъ взоромъ,—насколько я могу прозрѣвать въ глубину или въ даль Великаго Будущаго черезъ настоящій, далеко еще несовершенный телескопъ антрополого-соціологической исторіи,—и твои идеалы,

---

[1]) Слѣдующія далѣе мысли и чувства невольно вылились изъ глубины моей души послѣ одного изъ посѣщеній могилы моей Оленьки. Пусть онѣ такъ и останутся. Онѣ—частичка моего соціологическаго вѣроисповѣданія.

[2]) Этотъ образъ представленія невольно возникъ въ моемъ умѣ, когда я смотрѣлъ съ высокой „Знаменской Горы“, гдѣ похоронена Ольга Ивановна,—и передъ глазами моими, въ глубокой *низменности*, омываемой съ восточной стороны рѣчкой Ушаковкой, съ юго-западной и западной Ангарой, простирался городъ Иркутскъ—древній „Иркуцкой острогъ“, какъ онъ назывался въ Сибирскихъ актахъ XVII вѣка. „Знаменская Гора“, гдѣ избрано мѣсто для нашей могилы (для Оленькиной и для моей), есть одна изъ самыхъ высокихъ горъ, окружающихъ городъ Иркутскъ. Съ высоты ея широко открытъ живописный видъ въ даль—на востокъ, къ „Веселой Горѣ“, на Ленскую сторону, на юго-западъ, на Гольцы тункинско-саянскіе, и, наконецъ, особенно живописно и далеко, за синія лѣсистыя горы, на западъ.

чувства, убѣжденія, вѣрованія, твои святыя волненія и пророчественныя думы, моя святая, чистая, высокая Оленька, ярко-свѣтящей звѣздочкой, искоркой небесной горятъ, неугасимо горятъ, пламенѣютъ, свѣтятся на общечеловѣческой всемірно-исторической возвышенности общечеловѣческихъ антрополого-соціологическихъ идеаловъ и стремленій. И, горя, свѣтясь, пылая неугасимо, неистощимо, привносятъ и они собой новую, *маленькую*, но яркую, лучезарную частичку свѣта въ тотъ общій, всемірно-историческій факелъ, въ ту путеводную звѣзду общечеловѣческаго антрополого-соціальнаго движенія и прогресса, въ то физико-антропологическое и антрополого-соціологическое Солнце Разума и Чувства, Истины и Правды, при свѣтѣ которыхъ идемъ не только мы, пигмеи, но шли, идутъ и будутъ идти и такіе великаны антрополого-соціальнаго движенія, какъ Христосъ, Руссо, Сенъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ, Контъ, Лассаль, Прудонъ, Марксъ, Милль, Мадзини и весь сонмъ имъ подобныхъ. Да, и ты, моя святая, высокогуманная Оленька, и ты теперь—маленькій атомчикъ, маленькая частичка этого общечеловѣческаго путеводнаго свѣта на пути величественнаго антрополого-соціологическаго движенія. Я твердо, глубоко вѣрую въ это, когда мнѣ дано природой чувство, дано сознаніе: меня заставляютъ такъ вѣрить природа, исторія человѣческаго страданія и это профетическое, научное, антрополого-соціологическое сознаніе передового человѣческаго разума,—то Сознаніе, которое, въ формѣ нервной силы человѣческой природы, начинаетъ чувствовать и заявлять себя новой, одной изъ величайшихъ, одной изъ самыхъ могучихъ силъ природы. Меня такъ вѣрить заставляютъ и это голубое, ясное, солнечное небо,—подъ которымъ и я недаромъ же рожденъ, которое посылаетъ же и на нашъ шаръ земной, на эти горы съ человѣческими могилами, каждогодную весну возрожденія и расцвѣта,—да, подъ этимъ небомъ голубымъ,—за этимъ почернѣло-свинцовымъ традиціонно-историческимъ крестомъ общечеловѣческаго страданія, распростертымъ. пока, по всей землѣ,—все сильнѣе и сильнѣе, съ революціоннымъ ропотомъ и движеніемъ начинающаяся борьба нервной силы, борьба сознанія и чувства человѣческаго съ самымъ деспотизмомъ физической природы, безчувственнымъ, желѣзнымъ, и съ деспотизмомъ историко-традиціоннаго рока, созданнаго еще первобытными, зоологическими чувствами и безсознательнымъ невѣжествомъ животныхъ силъ человѣческой природы . . . .

. . . .

Но, однакожъ, ты, моя многострадальная, моя многоскорбная Оленька, ты — въ землѣ, тлѣешь, ты тутъ, въ землѣ, въ глубокой могилѣ тлѣешь. Вотъ этотъ, вокругъ тебя тающій снѣгъ, влагой, сыростью просачиваясь къ тебѣ въ могилу, ускоряетъ твое тлѣніе . . . .

. . . .

Но... прочь слезы! Прочь мракъ могилы! Ропщетъ живое чувство, сознаніе, дерзаетъ, безстрашно дерзаетъ, по крайней мѣрѣ, роптать живое чувство, сознаніе. Прочь ужасъ могилы, погребенія, тлѣнія! Пусть ненужное, тяжелое, невыносимо-страдальческое, изболѣвшее тѣло твое, моя многострадальная, но и моя многоутѣшно-пророчественная Оленька, пусть оно тлѣетъ въ землѣ. Но твоя высокоразвитая нервная сила, частичка общечеловѣческой, высоко развитой и еще болѣе развивающейся Нервной Силы, твое сознаніе — искорка общечеловѣческаго научно-профетическаго, антрополого-соціологическаго Сознанія, многознаменательная, истинно-

человѣчественная жизнь твоей души, твоей мысли, твоего чувства, твои возвышенно-соціальныя гуманныя желанія, порыванія и стремленія, твои антрополого-соціологическіе идеалы, убѣжденія, чувства и вѣрованія—они всѣ нетлѣнны, вѣчно-передаваемы, они всѣ со мной, слились съ моей нервной силой, съ моимъ сознаніемъ, съ моими идеалами, чувствами, убѣжденіями, вѣрованіями и стремленіями, для передачи Великому Будущему. Они—нетлѣнная частичка, нетлѣнный атомчикъ жизни будущаго, лучшаго человѣчества. Здѣсь же, у твоей могилы, у этой глыбы земли, покрывающей твое ненужное болѣе, брошенное страдальческое тѣло, здѣсь же я, по невольному движенію и внушенію великой силы природы — сознанія, прозрѣваю, хоть смутно, чуть-чуть, но прозрѣваю своимъ умственнымъ взоромъ, сквозь настоящій, далеко еще не совершенный микроскопъ антрополого-соціологической исторіи,—и нервная сила моя, мое сознаніе профетически говоритъ мнѣ, что и твои, моя многоутѣшно-пророчественная Оленька, и твои возвышенно-гуманные, антрополого-соціологическіе идеалы, чувства, убѣжденія, порыванія и стремленія неискоренимо, до конца земли, посѣяны на почвѣ всего будущаго общечеловѣческаго антрополого-соціологическаго самосознанія и саморазвитія людей на землѣ. Посѣяны они такими *маленькими*, но вѣчно-плодотворнѣйшими зернышками, которыя каждой весной будущаго соціальнаго обновленія человѣческихъ генерацій будутъ вѣчно возрождаться все въ новыя и новыя, все въ болѣе и болѣе плодотворнѣйшія сѣмена будущаго истинно-человѣческаго, истинно-антропологическаго соціальнаго расцвѣта общечеловѣческаго сознанія и чувства, общечеловѣческой истины и правды. И маленькая частичка, микроскопическое зернышко твоихъ возвышенно-профетическихъ идеаловъ, думъ, убѣжденій и стремленій,—такъ же, какъ микроскопическія зернышки подобныхъ же или иболѣе развитыхъ антрополого-соціологическихъ идеаловъ всѣхъ вымирающихъ теперь передовыхъ человѣческихъ генерацій, такъ же, какъ и болѣе крупныя зерна общечеловѣчески-возродительныхъ идеаловъ такихъ погребенныхъ въ землю вождей и учителей человѣчества, какими были всѣ великіе, міровые предтечи антрополого-соціальнаго возрожденія,—такъ же, говорю, и маленькая частичка, микроскопическое зернышко твоихъ возвышенно-профетическихъ гуманно-соціальныхъ идеаловъ существенной, полножизненной молекулярной частичкой войдетъ въ составъ одного, общаго, всеміртно-человѣческаго зерна антрополого-соціологическаго развитія и сознанія. Она войдетъ въ составъ того одного, общечеловѣческаго зерна истины и правды, высшей соціальной симпатіи, гуманности и справедливости, которое будетъ вѣчно питать и животворить все будущее, новое, лучшее человѣчество, изъ котораго выраститъ, расцвѣтетъ, наконецъ, и распространится по всему земному шару и дойдетъ и до этой высокой сибирской «Горы Знаменской», гдѣ ты погребена, чуть предчувствуемая нами теперь, будущая, великая, всеміртная общечеловѣческая федерація истинно-антропологическихъ братскихъ человѣческихъ общинъ или ассоціацій.

Съ такимъ соціологическимъ вѣроисповѣданіемъ, продолжу я характеристику Ольги Ивановны Щаповой — поистинѣ передовой женщины, только что ушедшей навстрѣчу грядущимъ поколѣніямъ великаго будущаго.

Соціально-гуманные идеалы и стремленія Ольги Ивановны, эти ея, такъ сказать, профетическія, соціально-преобразовательныя порыванія, не ограничивались одной сферой педагогики. Она желала не только труда умственнаго, теоретическаго, но и труда реальнаго, практическаго, и желала именно соціально-гуманной, коопе-

ративной ассоціаціи такого труда. Она очень хорошо, научно-сознательно понимала антрополого-соціологическій законъ неразрывной связи и соединенія труда умственнаго и мускульнаго. Она всегда съ глубочайшимъ, энтузіастическимъ убѣжденіемъ и воодушевленіемъ утверждала, что настоящій, истинный человѣкъ только тотъ, кто равно могучъ, нераздѣленъ какъ въ умственномъ творчествѣ научныхъ и соціальныхъ идей и убѣжденій, такъ и въ мускульномъ, реальномъ, дѣятельномъ осуществленіи этихъ идей и убѣжденій, и что, наоборотъ, въ высшей степени жалки, презрѣнны тѣ люди, которые умомъ изобрѣтаютъ и утверждаютъ возвышенно-честныя, соціально-гуманныя идеи, а на дѣлѣ, въ своей жизни и дѣятельности не проводятъ, не осуществляютъ этихъ идей и убѣжденій. Поэтому, она всегда съ живѣйшимъ воодушевленіемъ и восторгомъ, съ искорками пламеннаго душевнаго огня на глазахъ говорила о тѣхъ людяхъ изъ молодого поколѣнія, которые поистинѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, оказывались богатырями, героями и мысли сильной, научно-развитой, и чувства высокаго, соціально-гуманнаго, и дѣла самаго честнаго, высоко-человѣчнаго, дѣла соціально-стремительнаго, соціально-геройскаго. Одного близко подходящаго къ этому типу новыхъ, лучшихъ людей, высоко-развитого молодого человѣка, кончившаго курсъ въ петербургскомъ университетѣ и временно пребывавшаго въ Иркутскѣ (именно Г. А. Л.), она и я знали очень хорошо и всегда вспоминали вмѣстѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ [1]). Точно также Ольга Ивановна вполнѣ отчетливо, разумно-сознательно понимала и великій антрополого-соціологическій принципъ соціально-кооперативной взаимности. Сама поразительно, часто до ригоризма отличаясь строго выдержанными, ежеминутно и въ мысляхъ и въ дѣлахъ проводимыми въ ея жизни высшими чувствами честности, справедливости и гуманной взаимности,—она строго судила и въ высшей степени проницательно, вѣрно и мѣтко понимала и оцѣнивала умственную и особенно нравственную сочувственную или антипатичную сторону и сталкивавшихся съ нами людей. Чуть выказывалась въ какомъ-нибудь человѣкѣ, льнувшемъ къ намъ, хоть самая малѣйшая фальшивая струнка въ понятіяхъ, въ чувствахъ и особенно въ соціально-нравственныхъ убѣжденіяхъ и чувствахъ, — она сейчасъ высказывала мнѣ свою антипатію къ этому человѣку, нерѣдко прямо обнаруживала ее передъ нимъ самимъ, рѣшительно отворачивалась отъ него. Былъ ли знакомый или совершенно незнакомый, чужой человѣкъ,—но если онъ хоть на малѣйшую, на тончайшую нотку фальшивилъ въ тонѣ соціально-нравственныхъ чувствъ и убѣжденій, а особенно, если онъ, по своимъ искреннимъ либерально-консервативнымъ убѣжденіямъ или по одностороннему и фальшивому направленію своей соціальной симпатіи оправдывалъ и даже возвеличивалъ какія-нибудь такія дѣйствія тѣхъ или другихъ личностей, которыя, несмотря на ихъ кажущуюся или даже дѣйствительную (но ошибочную) благонамѣренность, не выдерживали, однакожъ, строгой соціально-нравственной критики и провѣрки на безпристрастныхъ вѣсахъ истинной справедливости, честности и гуманности,—то, въ такихъ случаяхъ, Ольга Ивановна всегда высказывалась прямо, безъ всякихъ обиняковъ. Съ благороднѣйшей энергіей, съ обычной искоркой душевнаго огня на ея глазахъ, возражала она въ такихъ случаяхъ часто рѣзко, но всегда глубоко-обдуманно, мѣтко, основательно,

---

[1]) Впрочемъ, видѣла Ольга Ивановна и недостатки въ этомъ человѣкѣ и критично обсуждала ихъ.

твердо-убѣжденно и сильно убѣдительно. Все, бывало, она больше молчитъ, слушаетъ бесѣды или разсужденія и споры приходившихъ къ намъ знакомыхъ. и, въ общей сложности припоминаемыхъ бесѣдъ, рѣдко или не очень часто возразитъ, выскажетъ свое мнѣніе или убѣжденіе, но за то возразитъ всегда кстати, поразительно мѣтко, обдуманно, разумно и полновѣсно. Если кто-нибудь изъ знакомыхъ или изъ незнакомыхъ, хотя бы то съ самыми искренними и благонамѣренными, но консервативными и даже либерально-консервативными убѣжденіями горячо полемизировалъ со мной противъ радикалистическихъ, антрополого-соціологическихъ идей общественной реформы,—то она опять выходила изъ своего обычнаго, преобладавшаго молчанія или тихаго, безспорнаго, единогласнаго собесѣдованія, и опять возражала всегда воодушевленно, мѣтко и основательно. Если я высказывалъ когда-либо, въ бесѣдѣ съ знакомыми, ошибочныя мысли и сужденія, то она всегда безпристрастно, рѣзко и основательно возражала и противъ моихъ ошибокъ. «Ты,—говорила она мнѣ также не разъ и прямо, откровенно,—ты способенъ, умственно развитъ, но нравственно не совсѣмъ: въ тебѣ не мало еще слѣдовъ ангинщины (Анга—деревня за Леной, гдѣ я родился и выросъ) и бурсы, ты не воспитанъ былъ, а природа тебѣ дала дарованіе». И это — вѣрно. Съ другой стороны, не могу умолчать и о другомъ ея сужденіи обо мнѣ: въ глубинѣ своего сердца она въ высшей степени симпатично, искренно и высоко цѣнила во мнѣ и не однѣ умственныя способности, но еще болѣе—мою, такъ сказать, кровную искренность, энтузіастичность и непоколебимую твердость антрополого-соціологическихъ убѣжденій и проч.,—и часто говорила мнѣ: «я только не говорю тебѣ этого, ты, пожалуй, зазнаешься». Съ своей стороны, я долженъ сознаться здѣсь въ своей мучительнѣйшей для моего нравственнаго чувства винѣ противъ моего самаго дорогого, теплосердечнѣйшаго друга жизни, какимъ была для меня Ольга Ивановна. При нашей уединенной, замкнутой жизни въ Иркутскѣ, при глубокомъ отвращеніи къ иркутскому обществу, не имѣвшему никакихъ высшихъ, серьезныхъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ,—Ольга Ивановна, естественно, никакого другого сочувствія и участія къ себѣ не желала, какъ желала постояннаго и самаго тепло-сердечнаго участія въ ней съ моей стороны. Особенно необходимо было это постоянное и живѣйшее участіе въ послѣдніе годы, когда она почти постоянно прихварывала, часто и очень сильно, то головой, то катарромъ желудка, то маточной болѣзнью, и потому не могла уже заниматься и уроками, что ее сильно печалило и сокрушало, а только и могла еще читать книги, журналы и газеты, и то всегда лежа и не очень напряженно и долго, съ перерывами. И вотъ, меня теперь страшно мучитъ, сокрушаетъ и убиваетъ именно то, что я, по своимъ всежизненнымъ кабинетно-литературнымъ работамъ, при постоянной необходимости умственнаго самоуглубленія для обдумыванія тѣхъ или другихъ вопросовъ въ области своихъ изслѣдованій и литературныхъ статей, при постоянной проклятой необходимости торопиться писать, переписывать и отправлять въ Питеръ статьи для обезпеченія нашего насущнаго содержанія въ Иркутскѣ, часто невольно оказывался какъ будто безучастнымъ къ скорбнымъ состояніямъ духа моей многострадальной и многодумной Оленьки. Часто, бывало, пишу я статью или спѣшу рѣшить, изслѣдовать скорѣе какой-нибудь вопросъ, а сердце во мнѣ такъ и ноетъ и подсказываетъ мнѣ: она, бѣдная, скорбитъ, скучаетъ одна безъ дѣла, надо поскорѣе оторваться отъ своего стола и идти побесѣдовать съ ней. Но, опять, и работать-то, писать-то и переписывать статьи скорѣе надо,

даже изъ-за куска хлѣба, изъ-за долговъ надо, и такъ, вотъ часто, бывало, невольно замѣшкаешься подойти къ ней, разсѣять ея скорбь, скуку, чувство страданія или, вообще, хандристое, тяжелое психическое состояніе, либо не очень долго посидишь съ ней, спѣша къ своему дѣлу, къ кабинетному столу. Вотъ это-то меня всегда сокрушало, а теперь, когда ея не стало, еще сильнѣе сокрушаетъ. Съ другой стороны, и сама Ольга Ивановна нерѣдко выражала мнѣ свое искреннее прискорбіе и сожалѣніе о томъ, что и мнѣ часто не съ кѣмъ было обсудить вмѣстѣ какой-нибудь сильно-занимавшій меня трудный научный или антрополого-соціологическій вопросъ, некому было высказать для критической повѣрки и обсужденія какихъ-нибудь своихъ историческихъ выводовъ или обобщеній и т. п. Знакомства съ легкомысленными и пустыми мужчинами и женщинами—гражданами и гражданками города Иркутска, Ольга Ивановна всегда съ глубокимъ отвращеніемъ избѣгала. Особенно она не терпѣла пустыхъ, легкомысленныхъ и тщеславно-надменныхъ барынь-кокетокъ и фатовъ-мужчинъ. Она лучше любила знаться и бесѣдовать съ простыми, необразованными бабами, чѣмъ съ какою-нибудь иркутской барыней. И, при ея, такъ сказать, естественной демократичности и гуманной простотѣ, она какъ-то особенно пріятно и поразительно умѣла поддерживать дружескій, добросердечно-симпатичный разговоръ съ простыми бѣдными бабами, не давая имъ нисколько чувствовать, что у ней, собственно, почти ничего общаго съ ними не могло быть, при ея высокой умственной и соціально-нравственной развитости и при полнѣйшемъ невѣжествѣ и грубѣйшемъ своекорыстіи этихъ бабъ иркутскихъ. И бабы за то льнули къ ней, выражаясь по-сибирски, «за всяко-просто», и любили угощаться у ней чаемъ, хотя заочно, по обычаю, нерѣдко и пересуживали ее за то, что она вовсе не походила на обыкновенныхъ иркутскихъ барынь, все только читала книги, никуда не выѣзжала въ общество, не любила нарядовъ, не имѣла почти ни одного порядочнаго платья, все ходила почти въ одномъ и томъ же очень не изящномъ, починеномъ платьѣ, смѣняя его только для чистоты, которую она въ высшей степени любила соблюдать. При невольной, экономически-бытовой и особенно умственно-нравственной обособленности и уединенности нашей въ Иркутскѣ, Ольга Ивановна только и желала и для себя и для меня заводить и поддерживать знакомство и сообщество съ одними лучшими людьми изъ политическихъ или государственныхъ ссыльныхъ, или, вообще, только съ людьми болѣе или менѣе истинно-развитыми, честными, справедливыми, гуманными и естественно-простосердечными, не гордыми, не стѣснявшими насъ и съ нашей стороны не стѣснявшихся никакими ложными подсказываніями самолюбія, скрытности и фальшивой этикетности. Чуть вѣяло отъ человѣка отрадной, живительной теплотой непритворныхъ, искреннихъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ чувствъ, убѣжденій и стремленій,— она сейчасъ проницательно отгадывала и справедливо оцѣнивала этого человѣка, чувствовала къ нему искреннюю симпатію, съ живымъ, радостнымъ, сердечно-прямодушнымъ сочувствіемъ и радушіемъ принимала его. Несправедливо выключенный изъ семинаріи бурсакъ, невзрачный, неуклюжій, оборванный, но умный, способный, серьезно-мыслящій, съ жаждой и толкомъ читающій истинно-развивающія книги единственно для саморазвитія и подготовки къ полезной посильной дѣятельности для блага народнаго, честный въ своихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ, просто, естественно, искренно, безъ всякихъ обиняковъ выказывающійся въ своихъ словахъ и дѣлахъ,—вотъ такой бурсакъ возбуждалъ

въ Ольгѣ Ивановнѣ самое теплое участіе и живѣйшую, искреннѣйшую симпатію, — тогда какъ всякій изящный молодой человѣкъ, эстетически-развитой, но фатоватый, пустоватый фальшивый въ мысляхъ, чувствахъ и дѣлахъ, всегда возбуждалъ въ ней не только антипатію, но и отвращеніе. Если добрый, въ одно время даже почти единственный близкій нашъ знакомый, честный и серьезно-мыслящій бурсакъ, мучившійся своею умственною и соціально-нравственною неудовлетворенностью, долго не приходилъ къ намъ и съ горя погибалъ въ пьянствѣ,—то она всегда посылала меня разыскать его, привести къ намъ, и сама употребляла все свое нравственное вліяніе, чтобы поддержать его, спасти отъ погибели и направить въ университетъ. Въ Иркутскѣ, надо сказать, у насъ только въ послѣдніе четыре года (до смерти Ольги Ивановны) и начались кое-какія, болѣе или менѣе симпатичныя для насъ обоихъ знакомства. Именно, въ это время Ольга Ивановна только и цѣнила знакомство съ такими наиболѣе развитыми, честными и соціально-симпатичными людьми, большею частью, впрочемъ, чрезвычайно рѣдко и временно появлявшимися въ Иркутскѣ, каковы были Г. А. Л., кандидатъ петербургскаго университета, А. П. Гурлади, бывшій учитель иркутской классической гимназіи, жена его В. Д. Г., полковникъ В. А. Бѣльцовъ съ женой (теперь покойной), политическій ссыльный полякъ Даукша. Въ самое же послѣднее время, когда почти всѣхъ этихъ знакомыхъ въ Иркутскѣ не стало, Ольга Ивановна только и дорожила единственнымъ ближайшимъ нашимъ знакомствомъ съ жившимъ въ Иркутскѣ и занимавшимся учительствомъ ссыльнымъ студентомъ Г. Х. Фризе и его неразвитой, но умной, честной и добросердечной женой, Александрой Васильевной. Въ нихъ она весьма сочувственно цѣнила многія симпатичныя умственныя и нравственныя качества. Иногда, правда, она довольно рѣзко, прямо и осуждала ихъ нѣкоторыя соціально-нравственныя погрѣшности или нѣкоторое охлажденіе высшихъ умственныхъ интересовъ, осуждала прямо въ глаза, но, съ другой стороны, до конца жизни искренно любила и уважала ихъ, относилась къ нимъ, какъ къ своимъ, роднымъ, всегда охотно ѣздила къ нимъ. Вообще, умственное и нравственное чутье Ольги Ивановны, ея проницательность и строгая, но безошибочная и справедливѣйшая разборчивость въ выборѣ знакомыхъ и въ соціально-нравственномъ, соціально-психологическомъ діагнозисѣ людей были, можно сказать, поразительны. Она,—думалось мнѣ часто, — какъ будто нарочно создана была природой и призвана къ подбору людей для соціально-кооперативныхъ ассоціацій

И дѣйствительно, антрополого-соціологическая идея федераціи кооперативныхъ общинъ или ассоціацій, которыя должны создать будущія университетски-развитыя молодыя поколѣнія, мужскія и женскія, была, можно сказать, основнымъ догматомъ ея цѣльно-выработаннаго, разумно-сознательнаго, научно-раціональнаго соціальнаго міросозерцанія, была предметомъ ея пламеннѣйшихъ ожиданій и стремленій. Точно также, она съ энтузіастическимъ сочувствіемъ и глубокимъ пониманіемъ постоянно слѣдила за развитіемъ и осуществленіемъ всѣхъ вопросовъ соціальной реформы, неразрывно, органически-связанныхъ съ идеей будущихъ ассоціацій, именно за женскимъ вопросомъ, рабочимъ вопросомъ, вопросомъ педагогическимъ или народообразовательнымъ, вопросомъ соціально-гигіеническимъ и т. д. Это было ея глубочайшее, искреннѣйшее и живѣйшее соціологическое вѣроисповѣданіе. И въ моихъ сочиненіяхъ, которыя она всегда прочитывала внимательно, сочувственно и безпристрастно-критично, ей особенно пріятно было именно постоянное развитіе и рас-

пространеніе въ обществѣ этой идеи будущихъ соціально-кооперативныхъ ассоціацій, связанной со всѣми другими вопросами соціальной реформы. «Только печально,— говорила она не разъ,—что мы не доживемъ даже до начала этихъ истинно-человѣческихъ ассоціацій». Но говоря такъ, она вовсе не унывала, не отчаявалась, а до гроба пламенно вѣрила въ осуществленіе идеи истинно-антропологическихъ ассоціацій, вполнѣ соотвѣтственныхъ высокому достоинству, высшимъ гуманно-соціальнымъ инстинктамъ, физико-психическимъ законамъ и существеннымъ, истиннымъ физико-психическимъ потребностямъ человѣческой природы. Съ своей стороны, она и въ Иркутскѣ не разъ энергично порывалась устроить артель или ассоціацію огородническую и садоводческую. Воодушевленно помышляла она объ этомъ и высказывала свою мысль мнѣ. Съ энергичнымъ рвеніемъ желала она подыскать, подобрать для этого дѣла способныхъ, понимающихъ и честныхъ женщинъ и мужчинъ, но не могла найти. Перебрали мы тогда съ ней всѣхъ мужчинъ и женщинъ — постоянныхъ иркутскихъ жителей, которыхъ хоть сколько-нибудь знали въ то время, но ни одной личности не находили подходящей, готовой и способной къ такому соціально-кооперативному дѣлу. Да и, вообще, некого было найти. Туземность, можно сказать, полудикарская, полуживотная, положительно была не подготовлена, не развита ни къ чему возвышенно-идеальному. Сибиряки и сибирячки, даже наиболѣе образованные или самохвально величавшіеся туземной, мѣстной интеллигенціей, всецѣло поглощены были эгоистическими семейно-родовыми и своекорыстно-скопидомскими интересами. Всецѣло поглощены они были грубо-матеріалистичнымъ, животно-эгоистическимъ утилитаризмомъ, фатскимъ франтовствомъ, щегольствомъ, жаждой одного наибольшаго полученія денегъ, часто какими бы то ни было способами, для тщеславно-хвастливой выставки своего скопидомскаго благополучія, всецѣло поглощены были отвратительно-бездушнымъ, пустозвоннымъ, тщеславнымъ либерализмомъ для громко-пустозвоннаго самопрославленія и проч. Такіе сибиряки и сибирячки не только не понимали никакой возвышенно-идеальной, соціально-возродительной иниціативы, не только индиферентно, безчувственно и безсмысленно относились ко всякимъ новымъ, возвышенно-умозрительнымъ, антропологo-соціологическимъ идеаламъ, но и зубоскально, насмѣшливо глумились надъ всякимъ малѣйшимъ отступленіемъ отъ ихъ византійско-монгольской рутинно-церемонной уставности и обрядности, а тѣмъ болѣе зубоскально, сплетнически осмѣивали всякую новую, соціально-преобразовательную идею, чуть только она провозглашалась не въ книгахъ, а на дѣлѣ, съ цѣлью реальнаго соціально-жизненнаго примѣненія и осуществленія. Поневолѣ, въ теченіе нашего десятилѣтняго пребыванія въ Иркутскѣ, мы съ Оленькой жили отрѣшенно отъ общества. Да, собственно говоря, въ Иркутскѣ и не было да и доселѣ нѣтъ общества въ строгомъ смыслѣ этого слова, не было и нѣтъ общества органически-однороднаго, цѣльнаго, самобытнаго, изъ самого себя, только лишь подъ вліяніемъ внѣшнихъ цивилизующихъ импульсовъ, генеративно-послѣдовательно нарождавшагося и развивавшагося. Всѣ разно-составные элементы сибирскаго общества не только разрозненны, расплывчаты, но и взаимно-антагонистичны. Коренной, туземный, основной элементъ сибирскаго общества, составляющій собственно его почву, элементъ разноплеменно-народный, чисто демократическій, не имѣющій коренного туземнаго, генеративно-наслѣдственнаго, генеалогическаго дворянства или барства,—это элементъ, самъ по себѣ, хотя и весьма способный, но крайне неразвитый, полудикарскій, не сознающій своей демократи-

ческой силы и самобытности, разрозненный буржуазно-эгоистическими, своекорыстно-пріобрѣтательными стремленіями. Верхній слой этого сибирскаго общества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цивилизующую интеллигенцію составляетъ пріѣзжій, такъ называемый въ Сибири, «навозный» элементъ населенія. Это — «ночевали тучки». Сегодня эти пріѣзжіе люди здѣсь, завтра ихъ нѣтъ. На мѣсто ихъ пріѣзжаютъ другіе, и так же скоро уѣзжаютъ. Полгода, годъ, рѣдко 5, 10 и болѣе лѣтъ поживутъ пріѣзжіе люди въ Сибири, наживутся, повысятся въ чинахъ, — и уѣзжаютъ. Это — люди чуждые сибирскому обществу. Сопоставьте же теперь вмѣстѣ, въ одно цѣлое, и тотъ низменный, основной, туземно-коренной, чисто демократическій элементъ сибирскаго общества, который не имѣетъ никакого разумнаго соціальнаго самосознанія, не имѣетъ никакой связи, общности и солидарности интересовъ, и этотъ верхній, временно пріѣзжій, чуждый элементъ, который, составляя всю цивилизующую интеллигенцію, всю заправляющую силу сибирскаго общества, не принадлежитъ, однакожъ, къ нему, не прикрѣпленъ къ нему органическою, генеративною связью, патріотическою привязанностью, чуждъ, индиферентенъ, даже часто антагонистиченъ въ отношеніи къ нему. Сопоставьте вы эти два взаимно-отталкивающіеся элемента сибирскаго общества, — и вы увидите въ немъ преобладаніе эгоистической дизассоціаціи, затруднитесь, куда вамъ примкнуть. Если вы природный сибирякъ, но измѣненный вліяніемъ науки и европейскихъ соціальныхъ идей,—то, хотите ли вы примкнуть къ своимъ, природнымъ сибирякамъ,—сибиряки васъ не понимаютъ, зубоскально смѣются надъ вами, чувствуютъ къ вамъ антипатію, какъ не къ своему, несходному съ ними въ понятіяхъ; хотите ли вы примкнуть къ пріѣзжимъ, наиболѣе интеллигентнымъ людямъ, тѣ говорятъ вамъ: «уѣзжайте скорѣе вмѣстѣ съ нами въ Россію или за границу, бросьте поскорѣе Сибирь проклятую, какъ и мы скоро бросимъ ее». И что же выходитъ, если бы вы задумали затѣять какую-нибудь ассоціацію? Желаете вы сойтись съ истыми, природными сибиряками, съ демосомъ сибирскимъ съ цѣлью начинанія какого-нибудь полезнаго дѣла для блага сибирскаго общества или народа, — но эти сибиряки и сибирячки сразу поразятъ васъ, что въ мозгахъ ихъ еще почти вовсе нѣтъ, такъ сказать, и нервныхъ клѣтокъ, соотносительныхъ высшимъ соціально-гуманнымъ идеямъ, чувствамъ и стремленіямъ, а потому нѣтъ часто пріема растолковать имъ что-нибудь: они все сводятъ на эгоистически-пріобрѣтательные счеты и разсчеты, а надъ вами смѣются, какъ надъ дуракомъ и отворачиваются отъ васъ. Желаете вы сойтись съ болѣе интеллигентными пріѣзжими людьми съ цѣлью какой-нибудь полезной иниціативы, клонящейся собственно ко благу мѣстнаго сибирскаго народа или общества, — васъ поражаетъ въ нихъ не только совершенный индиферентизмъ, апатія, но и полнѣйшая антипатія ко всякимъ мѣстнымъ интересамъ сибирскаго общества: это не отечественное ихъ общество, чуждое имъ общество, часто ненавистное или, по крайней мѣрѣ, нелюбимое,— и они не хотятъ большею частью ничего для него дѣлать, спѣшатъ только какъ можно поскорѣе нажиться, заслужиться насчетъ Сибири и уѣхать. Вотъ среди какого общества моя высоко-развитая, соціально-стремительная Оленька лелѣяла свою идеально-возвышенную соціальную мысль объ устройствѣ садоводческой и огороднической ассоціаціи. Мысль ея, какъ зачаточное соціально-возродительное сѣмячко великой общечеловѣческой идеи антрополого-соціальной реформы, осталась вѣчной звѣздочкой надъ Сибирью, надъ сибирскимъ обществомъ; а «темнопоборное»,

эгоистически-буржуазное сибирское общество 60-хъ и 70-хъ годовъ XIX-го столѣтія ярко отмѣтилось этой непризнанной будущей мыслью въ своемъ настоящемъ, закоснѣломъ состояніи заскорузлой, полудикарской отсталости, въ состояніи животно-эгоистической стремительности къ дизассоціаціи или къ первобытно-грубой, чисто-зоологической своекорыстно-индивидуальной борьбѣ за существованіе, въ состояніи антагонизма къ идеѣ будущей гуманно-кооперативной ассоціаціи. И дѣйствительно, какая тутъ могла быть непрерывно-устойчивая интеллигентная ассоціація? Съ кѣмъ было поддерживать ее, если бы она даже была допущена, терпима? У насъ съ Оленькой, въ теченіе 10 лѣтъ, не было даже и непрерывнаго, постояннаго знакомства, вполнѣ симпатичнаго. Все метеорами, спорадически, разновременно и на самое короткое время появлялись въ Иркутскѣ отрадные, лучшіе люди, болѣе или менѣе развитые, честные, теплосердечные, и то больше появлялись въ послѣдніе 4 или 5 лѣтъ нашего уединенія въ «Иркутскомъ острогѣ», сближались съ нами, доставляли намъ отраду и оживленіе своимъ знакомствомъ, кто полгода, кто годъ, кто годъ съ двумя или тремя мѣсяцами,— и опять исчезали, уѣзжали одинъ за другимъ. Только мы, Оленька и я, съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ безвыѣздно, безвыходно оставались чахнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ, постоянно воздыхая и печалясь о томъ, какъ бы и чѣмъ бы въ срокъ заплатить за квартиру, какъ бы и чѣмъ бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія стряпки, какъ бы замѣнить новымъ, до дыръ, а иногда и до износу заношенное, ветхое бѣлье, какъ бы избавиться поскорѣе отъ сокрушительной, убійственной тяготы долговъ, — печалясь и воздыхая обо всемъ этомъ изъ-за того, какъ бы хоть сколько-нибудь поспокойнѣе углубиться въ свои умственныя занятія, въ свое общество вдвоемъ, состоявшее изъ Оленьки моей и меня. О, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное! И ты, моя многострадальная, долготерпѣливая, его пережила. Дай же теперь все его мнѣ одному потерпѣть еще за то, что и ты его потерпѣла, пережила!..

Однакожъ, какъ ни временно и сколь ни на короткое время появлялись въ Иркутскѣ лучшіе, отрадные, симпатичные люди изъ молодого поколѣнія, — Ольга Ивановна стремилась и ихъ сплотить въ одно дружеское интеллигентное общество съ цѣлью взаимнаго соціально-нравственнаго самоподдержанія и саморазвитія. Въ 1870 году случилось такъ, что съ нами познакомились учитель гимназіи А. П. Гурлади, молодой человѣкъ, добросердечнѣйшій, честный, развитой, и жена его Варвара Дмитревна — молодая женщина, тоже очень симпатичная, добрая, развитая, мыслящая. Въ тотъ же годъ вскорѣ пріѣхали изъ Россіи молодой медикъ Дьяченко, съ любовью занимавшійся или интересовавшійся не только медициной и физіологіей, но и соціальными науками, и его жена Марья Федоровна, женщина тоже очень развитая и помышлявшая еще учиться въ Цюрихѣ. Съ ними Ольга Ивановна первая познакомилась у Гурлади. Когда скопилось такое знакомство,— соціально-стремительная энергія Ольги Ивановны, несмотря на начинавшіяся уже у ней разныя болѣзни, пробудилась съ новою силою. Неожиданно для всѣхъ насъ, знакомыхъ, она первая энергично и настоятельно заявила въ домѣ Гурлади возникшую въ умѣ ея мысль — устроить общіе вечера для чтенія, такъ, чтобы хоть разъ въ недѣлю всѣмъ вмѣстѣ собираться поочередно у Гурлади, у Дьяченко и у насъ и читать лучшія книги по части естествознанія и соціологіи. Свѣтлая, животворная мысль Ольги Ивановны принята была съ общимъ сочувствіемъ. Не-

медленно, въ одинъ изъ ближайшихъ дней той же недѣли, собрались всѣ въ домѣ Гурлади, порѣшили читать статьи преимущественно антрополого-соціологическаго содержанія, --такъ какъ всѣ мало были знакомы даже съ тѣмъ соціологическимъ ученіемъ, какое доселѣ выработано было въ европейской наукѣ и литературѣ и отчасти вырабатывалось въ нашихъ, русскихъ лучшихъ журналахъ, и, наконецъ, нашли болѣе удобнымъ постоянно собираться въ домѣ Гурлади, по субботамъ. Такъ и начались наши читальныя собранія, благодаря иниціативѣ Ольги Ивановны, составлялись аккуратно, непрерывно по субботамъ и, сколько я могу судить, доставляли много живѣйшаго умственнаго наслажденія, освѣжали и возбуждали голову къ работѣ, хотя, на первыхъ порахъ представляли и нѣкоторые существенные недостатки, одинаково уменьшавшіе удовольствіе и мое, и моей Оленьки. Вначалѣ, сколько помню, послѣдовательно читаны были на этихъ собраніяхъ: 1) статьи, касающіяся умственнаго развитія личности и общества, именно: а) «рефлексы головного мозга» —Сѣченова; б) нѣкоторыя статьи изъ сборника Юманса объ образованіи; в) статья Россмесслера объ естественно-исторической школѣ; г) отрывокъ изъ «Французской Демократіи» Прудона о соціальной организаціи народнаго образованія; д) статья Мечникова «о воспитаніи съ антропологической точки зрѣнія; е) моя небольшая статейка объ естественно-историческихъ послѣдствіяхъ вѣкового отчужденія простого, рабочаго народа и женщины отъ высшаго, научнаго развитія, съ историко-антропологической точки зрѣнія; ж) нѣкоторыя статьи изъ журнала «Знаніе»; 2) статьи, касающіяся индивидуальнаго и кооперативнаго труда; 3) статьи, относящіяся къ женскому вопросу и т. п. Чтенія иногда прерывались, восполнялись и оживлялись критическими замѣтками, возраженіями, поясненіями и дополненіями. Эти живыя бесѣды, критическія и пояснительныя замѣчанія значительно оживляли и увеличивали пользу чтеній. Къ сожалѣнію, по скромности ли излишней, неумѣстной, или по неодинаковости степени и качествъ умственнаго развитія, по неодинаковости знаній и начитанности,—не всѣ товарищи дополняли чтенія критическими замѣтками и сообщеніемъ своихъ мыслей и знаній. Нерѣдко, даже большею частью приходилось говорить однимъ и тѣмъ же соучастникамъ собранія. Это одинаково не нравилось какъ самимъ тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали съ своей стороны возможность и даже невольно вынуждались дополнять чтенія критическими замѣчаніями или пояснительными фактами, такъ и основательницѣ нашей читальной артели—незабвенной Ольгѣ Ивановнѣ. Она съ прискорбіемъ говорила объ томъ, что не всѣ товарищи читальной артели оживляли чтенія живою критическою или пояснительною и дополнительною бесѣдою. Особенно она сѣтовала на тѣхъ сотоварищей, которые, по ея мнѣнію, могли бы дѣлиться своими знаніями и мыслями. Но все-таки, благодаря иниціативѣ Ольги Ивановны, наши читальныя собранія почти непрерывно продолжались года два. Одно собраніе было у насъ въ квартирѣ (18 января 1871 года), когда я, въ день своего рожденія, читалъ свою статью объ умственномъ и мускульномъ трудѣ, о кооперативныхъ ассоціаціяхъ. Передъ заболѣніемъ Ольги Ивановны тифомъ, читальныя собранія наши съ новою силою, было, возобновились и оживились прибавочнымъ соучастіемъ въ нихъ Г. А. Л., Г. Х. Фризе съ женой, политическаго ссыльнаго поляка Даукши и одной иркутской дѣвушки—Ровякиной, занимавшейся нѣкогда въ иркутскомъ «дѣтскомъ саду». Къ сожалѣнію, послѣ тифозной горячки Ольги Ивановны, когда она и я, очевидно, не могли принимать участія въ собраніяхъ, — наша читальная артель какъ-то

·по-малу разрушилась, закончившись моими троекратными чтеніями, которыя я, астоятельной просьбѣ товарищей, согласился предложить имъ для критическаго сденія или, лучше сказать, для предварительнаго дружескаго процензированія, какъ чтенія эти («О развитіи человѣческой природы») вскорѣ послѣ того были моими ічными лекціями въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, по случаю ·я Петра Великаго. Во все это время Ольга Ивановна только что поправля- послѣ тифа. А вскорѣ послѣ того, какъ она поправилась послѣ тяжкой бо- , наши знакомые, одинъ за другимъ, стали уѣзжать и улетучиваться изъ тска. Дьяченки уѣхали еще раньше. Вслѣдъ за ними уѣхали Гурлади. За- спустя годъ или менѣе, не стало и наиболѣе развитого (и наиболѣе и не- рнаго) Г. А. Л. Остались мы только съ Фризе, его женой и крошками- ми ихъ. Съ тѣхъ поръ часто Ольга Ивановна говорила скорбно-призывно: › бы какая-нибудь развитая, симпатичная, теплосердечная честная семья изъ) поколѣнія пріѣхала къ намъ, въ Иркутскъ, изъ Питера». Такая семья, ожъ, не пріѣзжала и доселѣ не пріѣзжаетъ. Однакожъ, и въ это время, въ дній годъ своей жизни, лѣтомъ на дачѣ замѣтно поправившись здоровьемъ, далеко не вполнѣ, Ольга Ивановна съ новымъ воодушевленіемъ помышляла ть у насъ, осенью и зимой, читальные вечера. Фризе и еще нѣкоторымъ ъ, въ томъ числѣ и двумъ своимъ бывшимъ ученицамъ, кончившимъ курсъ кутской женской гимназіи, она уже и говорила о чтеніяхъ тогда же, лѣ- на дачѣ (въ августѣ 1873 года) и приглашала ихъ принять участіе въ ›ныхъ собраніяхъ. Потомъ, въ началѣ осени она неоднократно повторяла это желаніе, которому я вполнѣ сочувствовалъ. Но независящія отъ насъ обстоя- ва, частью отсутствіе научно-развитыхъ людей, которые могли бы сдѣлать чтенія дѣйствительно полезными, образовательными, развивающими, частью ьшая склонность имѣвшихся въ виду личностей къ увеселительнымъ раз- іямъ и пустымъ, легкимъ разговорамъ, а частью, наконецъ, и наша эконо- ая несостоятельность издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести чайныя чашки и стаканы, припасти достаточно свѣчей, — вотъ всѣ эти тельства пріостанавливали исполненіе мысли и желанія Ольги Ивановны, мы и потомъ все надѣялись еще осуществить ихъ. Но не такъ-то вышло. ецъ и Фризе, измучившись въ Иркутскѣ добываніемъ куска хлѣба для про- нія дѣтокъ, уѣхали въ деревню, поневолѣ взявшись за несочувственный, ій, только лишь болѣе надежный способъ заработковъ куска хлѣба (именно уѣхалъ въ Уриковскую волость волостнымъ писаремъ). А мѣсяцъ спустя отъѣзда Фризе, не стало и моей святой, гуманнѣйшей, честнѣйшей, спра- ѣйшей, многострадальной Оленьки... Одно только и утѣшаетъ меня теперь— лосердечное, священнѣйшее для меня словечко, сказанное ею во время льной болѣзни: «ты одинъ ближе, роднѣе всѣхъ для меня!..»

Среди разныхъ скорбей, постоянныхъ крайнихъ нуждъ, недостатковъ, лишеній элыхъ болѣзненныхъ страданій, Ольга Ивановна, сверхъ всегда желаннаго аго теплаго участія, состраданія и сочувствія съ моей стороны, не знала го другого лучшаго, высшаго утѣшенія и наслажденія, кромѣ наслажденія янымъ саморазвитіемъ посредствомъ постояннаго чтенія серьезныхъ книгъ— ıхъ и литературныхъ. Страстная любовь ея къ чтенію серьезныхъ, научныхъ и литературныхъ произведеній, такъ же какъ жажда скорѣйшаго знанія

газетныхъ извѣстій о фактахъ и событіяхъ современнаго соціальнаго движенія на Западѣ и въ Россіи, доходила, можно сказать, до энтузіастическаго увлеченія. Чтеніе серьезной, развивающей умъ и чувство книги составляло для нея существенную потребность умственнаго и нравственнаго существованія. Я часто изумлялся. замѣчая, что она гораздо легче обходилась нѣсколько дней сподрядъ безъ пищи, чѣмъ безъ серьезнаго чтенія [1]). Безъ чтенія серьезной книги, газеты, журнала или осмысленнаго живой идеей романа она не могла пробыть ни одного полчаса, если у ней подъ руками не было какого-нибудь практическаго дѣла. Всякое мелочное житейское или домашне-хозяйственное дѣло, въ родѣ починки бѣлья, покупки и выдачи провизіи, объясненія и обдѣлыванія разныхъ дѣлъ со стряпками, съ прачкой и т. п., возбуждало въ ней отвращеніе, если оно въ какой-нибудь день или весьма часто отвлекало ее отъ умственнаго занятія болѣе, чѣмъ сколько было неизбѣжно нужно. Вообще, одаренная отъ природы и развитая всего болѣе для высшей, соціально-нравственной и общественной дѣятельности, она часто съ наболѣвшей горечью на душѣ и даже со слезами проклинала неотвратимую неизбѣжность мелочныхъ хозяйственныхъ хлопотъ. Я иногда осмѣливался говорить ей, что для нея [2]) не лишне, даже нужно нѣкоторое развлеченіе и движеніе за практическими дѣлами. А у самого меня, однакожъ, сердце ныло, я глубоко-печально сострадалъ ей, вполнѣ чувствуя и понимая ея высокія психическія дарованія и призваніе къ иной, высшей дѣятельности. Когда она хандрила и плакала о томъ, что въ послѣдніе годы, по болѣзнямъ, не могла ничего дѣлать, мучилась тревожнымъ вопросомъ своего высоко-развитого нравственнаго сознанія: для чего я существую?— я, опять, для того, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ея скорбь, говорилъ ей: «ты не дѣлаешь теперь только по физической невозможности дѣлать, по болѣзнямъ, но ты вся—vis potentialis для дѣла, ты жаждешь дѣла, къ которому способна, ты ужъ доказала это на дѣлѣ—ты дѣлала, когда и сколько можно было; въ настоящее время дорого, многознаменательно уже одно появленіе и существованіе такихъ настоящихъ, истинныхъ людей—женщинъ, какъ ты, которые уже не могутъ существовать безъ соціально-гуманнаго дѣла, безъ ежеминутной потребности его даже и тогда, когда, совершенно независимо отъ самихъ себя, не имѣютъ никакой физической возможности дѣлать; а вотъ, посмотри-ка ты на тысячи, на милліоны не только женщинъ, но и мужчинъ: они и здоровенны, да ничего не дѣлаютъ и не хотятъ ничего дѣлать» и т. д. Но хотя я такъ говорилъ, и говорилъ съ чистымъ, искреннимъ убѣжденіемъ, а у самого меня, все-таки, такъ и подмывала, грызла сердце тяжелая скорбь объ томъ, что она не только по соціальнымъ условіямъ, но въ послѣдніе годы и по физической невозможности, по болѣзнямъ не могла дѣлать того, къ чему имѣла могучую нравственную стремительность и способность. Повидимому, физическая невозможность дѣлать ее тѣмъ сильнѣе сокрушала, чѣмъ больше она видѣла меня корпящимъ за своимъ литературнымъ дѣломъ. Она часто знакомымъ нашимъ говорила сердобольно: «мнѣ жалко ужъ его-то, бѣднаго, я вѣдь вижу, какъ онъ работаетъ почти безъ отдыха». Но, святая ты, высоко-гуманная женщина! Вѣдь мое дѣло — было и твое дѣло. Мы, мужчины,

---

[1]) Въ послѣдніе годы, при катаррѣ желудка, она часто, нѣсколько дней сподрядъ только утромъ выпивала маленькую чашечку чаю съ крошечнымъ сухарикомъ, или только часовъ въ 11—12 съѣдала маленькую котлетку, либо одно яйцо всмятку.

[2]) При нервныхъ головныхъ страданіяхъ.

сплошь и рядомъ присвояемъ себѣ собственно ваше дѣло: вы стоите за нами и своимъ могучимъ нравственнымъ вліяніемъ даете намъ силу дѣлать, слѣдовательно, дѣлаете самое главное дѣло, суть дѣла—импульсируете насъ къ дѣлу, услаждаете, облегчаете для насъ дѣло, мотивируете его. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не тебѣ, моя святая, высокая Оленька, не тебѣ надо было жалѣть меня за то, что я слишкомъ усидчиво корпѣлъ за дѣломъ. А мнѣ жалко тебя, страшно жалко за то, что я дѣлалъ и часто наслаждался дѣломъ, на половину, если не болѣе, благодаря нравственно-возбудительнѣйшему вліянію твоего сочувствія къ моему дѣлу, твоего постояннаго живительнаго соприсутствія при моемъ дѣлѣ; ты давала мнѣ и всю необходимую умственно сосредоточивающую и нравственно-успокоительную обстановку, всю благопріятную среду, всю сладостную возможность, все наслажденіе моего не высокаго, не многозначительнаго, но простого, честнаго общественно-литературнаго дѣла,—и ты же, высоко-гуманный ангелъ, сердобольно печалилась еще, будто я обремененъ былъ дѣломъ . . . .

. . . .

Съ такими-то, однакожъ, скорбными волненіями и тревогами своего высокоразвитого нравственнаго чувства и сознанія, Ольга Ивановна предавалась единственному своему высшему утѣшенію — сосредоточенному серьезному чтенію. При крайней несложности нашего скуднаго домашняго хозяйства, она имѣла полную возможность часто цѣлые дни просиживать за чтеніемъ. Въ послѣдніе годы жизни, когда начались и все болѣе и болѣе осложнялись, усиливались ея разныя болѣзненныя страданія, и когда она уже не могла заниматься ни въ женской гимназіи, ни частными уроками, — она, можно сказать, только и жила, и дышала однимъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ, лучшихъ журналовъ и внимательнымъ обзоромъ лучшихъ газетъ. Это занятіе ея только и прерывалось, по временамъ, нашими взаимными бесѣдами о литературныхъ и общественныхъ дѣлахъ [1]), да изрѣдка— какимъ-нибудь моимъ чтеніемъ изъ своихъ литературныхъ работъ. Изъ книгъ она всего болѣе любила читать лучшія, серьезнѣйшія или болѣе основательныя и удобопонятныя сочиненія по части естествознанія и по части антропологическихъ и соціальныхъ наукъ. Такія книги, особенно наиболѣе лучшія, капитальныя, она не просто читала, но съ живымъ, радостно-пылкимъ юношескимъ увлеченіемъ глубоко-сосредоточенно и внимательно изучала. Каждую страничку она обдумывала и мысленно воспроизводила въ своемъ умѣ. Всякія живыя впечатлѣнія новыхъ идей, возбуждавшія въ ней рядъ новыхъ мыслей, выводовъ, убѣжденій и чувствъ, она съ особенно-сладостнѣйшимъ умственнымъ и нравственнымъ довольствомъ, наслажденіемъ и восхищеніемъ сообщала мнѣ. Точно также часто она обращалась ко мнѣ съ разными вопросами недоумѣнія, сомнѣнія. Особенно возвышенна, достопамятна, примѣрно-поучительна была одна черта ея умственнаго и нравственнаго характера, свидѣтельствующая о ея рѣдкой, высокой прямотѣ души, ума и чувства, о ея полнѣйшемъ безпристрастіи, о ея глубочайшей, искреннѣйшей любви къ истинѣ и справедливости. Это именно то высокое умственное и нравственное безпристрастіе, высокое чувство и сознаніе истины и справедливости, съ какимъ она часто, читая сочиненія великихъ европейскихъ мыслителей или біографіи великихъ соціальныхъ

---

[1]) А также, и очень частенько, и о нашихъ матеріальныхъ нуждахъ и ожиданіи чего-нибудь утѣшительнаго изъ Питера.

пропагандистовъ и дѣятелей и т. п., въ высшей степени симпатично, съ истинною любовью и искреннѣйшею благожелательностью обращалась ко мнѣ и въ высшей степени нравственно-дѣйственно указывала мнѣ на то, какъ та или другая идея противорѣчила какой-нибудь моей идеѣ, или основательно опровергала мой выводъ, мое мнѣніе, была болѣе глубока, научно-раціональна и основательно-убѣдительна, или какъ то или другое дѣйствіе какого-нибудь замѣчательнаго общественнаго дѣятеля должно было быть поучительно для меня, или должно было возбудить во мнѣ живое и глубокое нравственное сознаніе необходимости и обязанности исправить свой образъ дѣйствій въ томъ или другомъ отношеніи. Такими своими высокогуманными, симпатично-искренними указаніями, проникнутыми глубоко-сердечною, искреннѣйшею и истинною любовью ко мнѣ, она имѣла сильное нравственное вліяніе на меня. Вообще, она читала глубоко-поучительно и плодотворно, можно сказать, не только для себя, но и для меня. Часто, читая прежде меня какую-нибудь книгу или статью въ журналахъ, она добродушно говорила мнѣ: «не нуженъ ли тебѣ вотъ этотъ фактъ, не нужны ли тебѣ эти свѣдѣнія?» или: «прочитай вотъ это или вотъ то-то, тебѣ, вѣрно, это нужно въ твоей работѣ». Имѣя больше меня времени просматривать кучи старыхъ газетъ, за полмѣсяца и болѣе, — она постоянно указывала мнѣ на все замѣчательное въ нихъ, и всегда удивительно согласно съ общимъ характеромъ моего міросозерцанія и моихъ убѣжденій или умственныхъ потребностей: «послушай, — говорила она обыкновенно мнѣ, когда я сидѣлъ за своей литературной работой,—послушай, я прочитаю тебѣ вотъ новый фактъ о рабочихъ артеляхъ, тебѣ, я знаю, это нужно; послушай, если можешь теперь послушать, я прочитаю тебѣ извѣстіе о сестрорѣцкой артели»; или: «вотъ новый фактъ о Мадзини»; или: «прочитай, какіе это отрадные факты: женщина завела хорошую народную школу; наши русскія женщины изъ новаго поколѣнія оказываютъ замѣчательные успѣхи въ серьезномъ научномъ саморазвитіи; прочитай статью Цебриковой, какія справедливыя мысли проводитъ она, какъ критично, основательно анализируетъ воспитаніе русской женщины съ антрополого-соціологической точки зрѣнія»; или: «прочитай, какъ наши крестьяне, въ цѣлыхъ губерніяхъ, голодаютъ, какія новыя стѣсненія для народныхъ школъ, для нашей печати», и проч., и проч. Вообще, при чтеніи книгъ, журнальныхъ статей и газетъ, она съ замѣчательнымъ пониманіемъ, съ поразительно-глубокимъ и въ высшей степени симпатичнымъ чутьемъ указывала мнѣ на все замѣчательное въ научномъ, литературномъ и, особенно, соціальномъ отношеніи, касалось ли то Россіи, или западноевропейскихъ обществъ. Мнѣ пришлось бы здѣсь исписать много листовъ, если бы я сталъ припоминать разнообразнѣйшія ея указанія и замѣтки, съ какими она всегда симпатично и добродушно обращалась ко мнѣ при чтеніи книгъ, журналовъ и газетъ, нисколько не мѣшая, однакожъ, мнѣ въ моихъ литературныхъ работахъ. Здѣсь, кстати, не забыть бы мнѣ замѣтить и то, что Ольга Ивановна, при замѣчательномъ критическомъ сужденіи о разныхъ книжныхъ или газетныхъ извѣстіяхъ и т. п., отличалась еще едва ли не болѣе поразительною мѣткостью, точностью, остротой и глубиной живой, реальной наблюдательности, особенно въ сферѣ окружающей соціально-нравственной дѣйствительности. Бывала ли она въ Иркутскѣ, на базарѣ, бывала ли въ гостяхъ или по какому-нибудь дѣлу у иркутскихъ казачекъ и мѣщанокъ, или просто ходила для моціона по двору нашей квартиры (такъ какъ въ послѣдніе два года она уже не могла и ходить далеко), — вездѣ,

при всякомъ мелочномъ, повидимому, случаѣ, она удивительно проницательно и мѣтко умѣла уловить самую характеристическую, умственную или особенно соціально-нравственную черту въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ иркутскихъ гражданъ и гражданокъ,—въ чемъ другіе, умственно и нравственно близорукіе люди ничего особеннаго, характеристическаго не замѣтили бы. Была, разъ, она на моей публичной лекціи въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, и, по возвращеніи съ лекціи, разсказывала мнѣ прехарактеристическіе курьезные разговоры барынь о журналѣ «Гражданинъ», какіе на-лету невольно уловила, и потомъ, вообще, съ горькимъ негодованіемъ замѣтивъ на лекціи умственную пустоту и легкомысленность нѣкоторыхъ знатныхъ барынь, въ высшей степени симпатично, теплосердечно замѣтила мнѣ: «не тутъ тебѣ читать свои такія серьезныя лекціи: я болю за тебя!» Или, разъ, въ началѣ сентября (1873 г.), во время иркутской «капустки» (шинкованья и рубки капусты на «кислы»), ходила, прогуливалась она по двору, всего минутъ съ десять или пятнадцать, и, по возвращеніи въ комнату, въ высшей степени характеристично разсказывала мнѣ, какъ грубая, буржуазнѣйшая и невѣжественно-суевѣрнѣйшая хозяйка, скопидомка-старуха, въ своемъ міросозерцаніи весь свѣтъ совмѣщавшая только въ иркутскихъ скопидомскихъ дворахъ, кухняхъ и амбарахъ, всѣ общечеловѣческіе соціальные интересы представлявшая только въ этихъ «капусткахъ» и т. п., пресерьезнымъ тономъ, протяжно и торжественно по всему двору восклицала: «теперь, однако, во всемъ свѣтѣ идетъ капустка!» И тысячи такихъ мѣткихъ, на лету уловляемыхъ, повидимому, мелкихъ, но весьма характеристическихъ чертъ изъ соціально-нравственнаго быта сибирскаго народа и общества сообщала мнѣ глубоко-наблюдательная Ольга Ивановна. Многими изъ ея наблюденій я воспользовался въ своихъ соціально-этнографическихъ очеркахъ общественнаго и народнаго быта въ Сибири. Въ другой разъ я поподробнѣе припомню и запишу всѣ такія ея наблюденія и замѣтки, если только успѣю. Но теперь продолжу воспоминаніе о ея чтеніи. Что касается до книгъ, журналовъ, газетъ, романовъ или повѣстей и другихъ родовъ литературы, которые читала и прочитала Ольга Ивановна, то все это было такъ, въ извѣстной степени, многочисленно и разнообразно, что теперь трудно все перечислить. Она перечитала почти все, что было у насъ въ Иркутскѣ подъ руками, исключая спеціальныхъ изданій сухихъ историческихъ и статистическихъ матеріаловъ, всякихъ филистерскихъ, консервативно-тенденціозныхъ, безжизненныхъ книгъ и т. п. Она съ жаждой, съ глубочайшимъ и серьезнѣйшимъ вниманіемъ перечитала все изъ находившагося у насъ подъ руками, что исполнено было живого смысла, живыхъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ идей, убѣжденій и чувствъ, что дѣйствительно и существенно относилось только къ разъясненію законовъ внѣшней и человѣческой природы, къ разъясненію существенныхъ, физико-психическихъ потребностей и законовъ развитія человѣческой природы, къ разъясненію законовъ историческаго и соціальнаго развитія обществъ человѣческихъ, что дѣйствительно и существенно относилось къ истинно-антропологическому, истинно-человѣческому индивидуальному и соціальному развитію человѣческой личности и, вообще, къ великой идеѣ будущей соціальной реформы. Въ этомъ смыслѣ и направленіи, съ такимъ общимъ запросомъ чтенія, она, сверхъ нѣсколькихъ книгъ и руководствъ по физикѣ, геологіи, ботаникѣ, зоологіи, физіологіи, географіи, исторіи и проч., особенно внимательно прочитала, изучила, между прочимъ, такія книги, какъ: по части естествознанія и антропо-

логіи—«О единствѣ и соотношеніи физическихъ силъ природы»—Грове, «Общее землевѣдѣніе»—К. Риттера, «О происхожденіи видовъ» и «О происхожденіи человѣка»—Дарвина, «О мѣстѣ человѣка въ природѣ»—Гексли, «Физіологическія письма»—Фогта, «Физіологію обыденной жизни»—Льюиса, «О примѣненіи естественныхъ наукъ къ личному существованію человѣка»—Кленке, и много другихъ: по части соціальныхъ наукъ: «Исторію цивилизаціи»—Бокля, «Исторію умственнаго развитія въ Европѣ»—Дрэпэра, «Рабочій вопросъ»—Лассаля, «Объ ассоціаціяхъ»—Пфейфера, «Трудъ»—Торнтона, книгу Прудона о демократіи во Франціи (гдѣ излагается теорія мютюелизма, или взаимности, въ соціально-экономической организаціи), Милля—«О подчиненности женщины», и много другихъ въ этомъ же родѣ. Въ послѣднее время, мѣсяца за два съ половиной или за три до своей смерти, она начала читать, между прочимъ, «Первобытную культуру»—Тэйлора и собиралась читать «Капиталъ»—Маркса. Изъ произведеній такъ называемой изящной литературы она съ глубоко-критическимъ пониманіемъ и съ живѣйшимъ сочувствіемъ читала только такіе романы или повѣсти, которые имѣли болѣе или менѣе серьезный и глубокій смыслъ физіолого-психологическій, или, особенно, антрополого-соціологическій, человѣчно-жизненный. Такіе романы и повѣсти она почти всѣ читала, какъ иностранные, такъ и русскіе, какіе только могла достать. Но съ особеннымъ увлеченіемъ, глубокимъ пониманіемъ и живѣйшимъ, энтузіастическимъ сочувствіемъ читала она только такіе романы, какъ: «Les Misérables»—В. Гюго, «Одинъ въ полѣ не воинъ», «Между молотомъ и наковальней» и другіе романы Шпильгагена, «Джинксовъ младенецъ»—политическую сатиру Джиксона, «Что дѣлать?»—Чернышевскаго. Изъ русскихъ журналовъ она въ послѣдніе годы, съ наибольшимъ сочувствіемъ читала: «Отечественныя Записки» 1869—1873 годовъ, «Русское Слово» и «Дѣло» до 1870 года, гдѣ наиболѣе цѣнила статьи Писарева и Шелгунова, «Вѣстникъ Европы» 1870—1873 годы, гдѣ съ наибольшимъ сочувствіемъ читала статьи Сѣченова, Мечникова, Пыпина, Н. Корфа, Утина и нѣкоторыхъ другихъ, и, наконецъ, «Знаніе», гдѣ, въ послѣднее время обращала особенное вниманіе на соціологическія статьи, въ родѣ «Соціологическихъ этюдовъ» Южакова и т. п. Мои журнальныя статьи, отрывки изъ которыхъ я нерѣдко читалъ ей еще въ рукописи, она большею частью внимательно прочитывала снова, когда онѣ только что появлялись въ печати или, дождавшись ихъ окончанія, когда статьи были большія и раздробленно длились въ журналахъ,—и при чтеніи ихъ часто симпатично высказывала мнѣ свое особенное сочувствіе тѣмъ или другимъ моимъ мыслямъ, или же свои недоразумѣнія, сомнѣнія и критическія замѣчанія [1]). Вообще же, во всѣхъ журналахъ она прежде всего читала болѣе серьезныя статьи, но только тѣ, которыя имѣли живой смыслъ, живое примѣненіе къ насущнымъ вопросамъ и потребностямъ современной мысли и соціальной жизни. Дѣльность и пользу журнала она измѣряла прежде всего его естественно-научно-образовательнымъ и антрополого-соціологическимъ направленіемъ и значеніемъ. Напримѣръ, «Вѣстникъ Европы», во многихъ отношеніяхъ уважаемый ею журналъ, не нравился, однакожъ, ей своимъ образованно-чиновничьимъ, либерально-консервативнымъ, филистерски-профессорскимъ направленіемъ. Она и не разрѣзы-

[1]) Въ самые тяжкіе дни своей послѣдней смертельной болѣзни, недѣли за двѣ или за полторы до смерти, она еще спросила меня: „а что „Отечественныя Записки“ пришли? Твоя статья напечатана или нѣтъ?“

вала такихъ статей въ «Вѣстникѣ Европы», какъ, наприм., статьи Стасова о древнихъ былинахъ, полемическія статьи (Троицкаго) о церковно-обрядовыхъ спорахъ и толкахъ раскола, статья о Ѳеофилактѣ, экзархѣ Грузіи, даже многія, чисто археологическія статьи Костомарова, въ родѣ статей о лѣтописи Нестора, о слѣдственомъ дѣлѣ, касающемся царевича Димитрія и т. п. «Къ чему такія статьи въ общественномъ журналѣ, въ журналѣ живой мысли и жизни общественной, современной,—говорила она: имъ мѣсто—въ спеціальныхъ сборникахъ матеріаловъ и черновыхъ, подготовительныхъ работъ, да въ духовныхъ полемическихъ и церковно-историческихъ журналахъ. Мнѣ кажется,—прибавляла она,—въ настоящее время писать и помѣщать въ общественномъ журналѣ такія сухія, безжизненныя, мертвечинныя и нерѣдко почти совершенно безсмысленныя статьи, не имѣющія никакого отношенія къ живой соціальной мысли и живому соціальному дѣлу,—это, мнѣ кажется, праздная, даже почти преступная филистерская забава досужихъ профессоровъ и сочинителей. Въ западной и въ нашей общественной жизни кипучими ключами бьются самые животрепещущіе вопросы живой мысли, науки и особенно соціальной жизни. Кругомъ, на каждомъ шагу— насущные вопросы мысли и жизни. Общественнымъ журналамъ работы множество. На нихъ лежитъ первѣйшая обязанность—общественно-образовательная. Ихъ первѣйшій, современно-историческій долгъ—развивать, уяснять и пропагандировать, по возможности, идеи соціальной реформы. Вотъ почему всякія филистерскія статьи, не осмысленныя живой, насущной современной общественной потребностью, по моему, не только мертвечина, но, пожалуй, и преступленіе современной соціальной мысли». Сужденія эти я отмѣтилъ послѣ одного изъ частыхъ разговоровъ ея о «Вѣстникѣ Европы» и другихъ журналахъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ и то сказать, что она всегда съ удовольствіемъ и внимательно читала въ «Вѣстникѣ Европы», сверхъ болѣе или менѣе живыхъ серьезныхъ статей и повѣстей, внутреннее обозрѣніе, какъ ни осуждала иногда въ немъ общій характеръ «постепеновщины» и нѣсколько бюрократически-либеральное направленіе, а также—иностранное обозрѣніе и особенно—обозрѣніе вновь выходящихъ заграничныхъ и русскихъ книгъ и т. п. Выше «Вѣстника Европы» она ставила «Отечественныя Записки» за послѣдніе годы (1869—1873), именно цѣнила ихъ за болѣе или менѣе радикально-соціологическое направленіе. Правда, и «Отечественныя Записки» не всегда и не вполнѣ ее удовлетворяли: часто, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, она говорила, что та и та книжка «Отечественныхъ Записокъ» пустая, ничего не даетъ хорошаго, свѣжаго, живого, оригинальнаго, научно-соціологическаго. Особенно въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ очеркахъ, разсказахъ и повѣстяхъ она жаловалась на пустоту, избитость, исписанность убогаго содержанія. Вообще, во всѣхъ журналахъ, не исключая и «Отечественныхъ Записокъ», ничто такъ не возбуждало въ ея умѣ отвращенія, какъ пустая, бездушная либеральная фразеологія, искусственная надутость мысли, чувства и фантазіи. Но, съ другой стороны, за то-то она и предпочитала «Отечественныя Записки» за послѣдніе годы, что въ нихъ, сравнительно съ другими журналами, всего менѣе замѣчала грѣховъ и недостатковъ современной нашей журналистики. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» она почти все прочитывала, но съ наибольшимъ увлеченіемъ и сочувствіемъ читала статьи Михайловскаго, статьи объ артеляхъ, о коопераціяхъ, статьи Цебриковой, Скабичевскаго, и др. Пустозвонно-ругательныя нападки на «Отечественныя Записки», ежемѣсячно

повторяемыя въ фельетонѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» какимъ-то Z, въ умѣ и сердцѣ Ольги Ивановны возбуждали большею частью негодованіе и отвращеніе. Она въ нихъ видѣла безчестность, подлость тенденцій автора, видѣла жандармскій, фанатически-злобный, цинически-издѣвательскій, фарисейски-либеральный консерватизмъ. Потому что, по ея убѣжденію, честный писатель, хотя бы самъ держался либерально-консервативнаго направленія, идей, убѣжденій и стремленій «постепеновщины», все-таки, не только не дерзалъ бы съ фанатическою нетерпимостью, съ жандармскою доносчивостью, подъ видомъ литературной полемики, дѣлать голословно ругательныя нападки на радикальныя, антрополого-соціологическія идеи другихъ честныхъ писателей, а радовался бы и имъ искренно и глубоко, какъ такимъ идеямъ, которыя прочищаютъ дорогу и даже сопутствуютъ и его гуманно-соціальнымъ, либерально-консервативнымъ стремленіямъ къ постепенному улучшенію общественнаго и народнаго быта, и потому не только не ругалъ бы ихъ доносчиво, а поддерживалъ честно, симпатично. Разъ, лѣтомъ 1873 года, она говорила мнѣ: «что онъ, этотъ Z, самъ сдѣлалъ для науки или литературы, доказалъ ли онъ когда-нибудь и чѣмъ-нибудь свою серьезную, труженическую, самостоятельно и плодотворно производительную умственную работу для истиннаго блага нашего народа и общества? А между тѣмъ, подлецъ, безъ зазрѣнія совѣсти, нахально позволяетъ себѣ глумиться голословными, бездоказательными пустозвонными фразами надъ дѣйствительно-труженическими и полезнѣйшими для общества работами самыхъ честныхъ рабочихъ науки и литературы, которые дѣйствительно честно, соціально работали и дѣйствительно уже сдѣлали многое существенное, необходимое для нашего будущаго общественнаго развитія, дѣйствительно указали, уяснили многое. А безпардонная безсовѣстность, подлость, съ какою Z безцеремонно дѣлаетъ подлѣйшія перетолкованія подлѣйшимъ образомъ, извращенно дѣлаемыхъ имъ выписокъ изъ статей честныхъ тружениковъ-писателей, — эта безсовѣстность поистинѣ изумительна, вопіюща» и проч. Читала она и «Еженедѣльные очерки» Суворина, но не симпатизировала и имъ, тоже называла его подловатымъ, даже часто прямо п—цомъ. Вообще, она имѣла вполнѣ самостоятельныя, опредѣленныя мнѣнія почти о всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ литераторахъ 50—60-тыхъ годовъ, такъ же какъ и о многихъ профессорахъ С.-Петербургскаго университета, медицинской академіи, учителяхъ гимназій, о всѣхъ женщинахъ писательницахъ (особенно новѣйшихъ русскихъ) и т. п. Вообще же,—надо замѣтить,—Ольга Ивановна всегда съ глубочайшей вѣрой, даже съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣла на высокое соціально-педагогическое значеніе русской литературы. Нигдѣ, по ея понятію, литература не имѣла такого общественно-воспитательнаго значенія или призванія, какое она должна имѣть и отчасти имѣетъ среди русскаго народа и общества. Поэтому, чтеніе, саморазвитіе, самовоспитаніе посредствомъ хорошей литературы она считала непремѣнною обязанностью всякаго человѣка молодыхъ, новыхъ поколѣній. Того она не уважала, не любила, кто не чувствовалъ потребности развиваться, воспитываться посредствомъ честной литературы, посредствомъ серьезнаго чтенія. Мнѣ, когда, бывало, я послѣ слишкомъ продолжительной и утомительной работы нѣсколько залѣнюсь въ отдыхѣ, она добросердечно говаривала: «ну, отдохни послѣ работы, да и почитай: пора тебѣ и читать». Близкимъ знакомымъ молодымъ людямъ она часто рѣзко говорила: «стыдъ, грѣхъ вамъ: зачѣмъ вы не читаете серьезныхъ книгъ, серьезныхъ статей въ журналахъ».

Всѣ сужденія Ольги Ивановны о писателяхъ и людяхъ основывались на ея огихъ соціально-нравственныхъ убѣжденіяхъ. Единственнымъ критеріемъ ея огой и поразительно-проницательной, справедливѣйшей оцѣнки людей были такія ества, какъ цѣльная, всесторонняя, истинно-антропологическая развитость или ьшая или меньшая близость къ ней, и, въ частности, гуманность, честность и аведливость, вообще— преобладаніе высшихъ соціальныхъ чувствъ, идей, убѣ- ній и стремленій надъ всякими эгоистическими интересами. Изъ всѣхъ рус- хъ писателей своего времени она едва ли не выше всѣхъ цѣнила Н. Г. Чер- певскаго за то, что онъ былъ соціально замѣчателенъ не только какъ писатель, и какъ человѣкъ. Въ одно время она даже порывалась сговаривать, согла- гь лучшихъ иркутскихъ женщинъ —подать адресъ генералъ-губернатору Восточной іири о возвращеніи Чернышевскаго изъ Вилюйска. Но... о, дамы иркутскія! Она а съ презрѣніемъ говорила о нихъ. Вообще, въ каждомъ человѣкѣ она жде всего искала *человѣка* въ истинномъ, соціально-антропологическомъ зна- іи этого «святѣйшаго изъ званій». О комъ бы она ни судила, прежде всего обращала вниманіе на то, каковъ онъ, какъ человѣкъ.

Сама Ольга Ивановна была многострадальнымъ воплощеніемъ,—утвердительно у сказать, — почти идеальной чистоты души, чувства, мысли, совѣсти, искрен- шей прямоты и рѣдкой твердости, самостоятельности и энергіи характера, до- ившей, поистинѣ, до стоицизма въ лучшемъ его значеніи, была живымъ во- щеніемъ, олицетвореніемъ истинной демократичности, искреннѣйшаго добродушія, лосердечности, высокой гуманности, — честности и справедливости идеально-вы- жанной во всей ея жизни, не только въ каждомъ ея поступкѣ и дѣйствіи, не ько во всѣхъ ея дѣлахъ, но и въ каждомъ потаенномъ, задушевномъ мотивѣ мысли, чувства и воли, во всѣхъ ея помыслахъ и стремленіяхъ. Даже самая корузлая буржуазная сибирская баба-скопидомка, сидѣлка при больныхъ, ко- ая, по желанію Ольги Ивановны, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ помогала мнѣ живать за нею больною и во время ея тифа, и въ послѣднюю болѣзнь, даже гакая заскорузлая эгоистка-скопидомка удивлялась ея необыкновенной добротѣ, анности и справедливости, съ какою она, до самой своей смерти, сердобольно этилась объ удовлетворительномъ обезпеченіи прислуги, — и восклицала: «ахъ, ая она, Ольга Ивановна, *правильница*-то, какая правильница-то была: я та- ъ еще и не видывала!» Да, это была, дѣйствительно, святая, праведная жен- на, въ высокомъ, истинно-антропологическомъ, соціально-нравственномъ значеніи къ словъ. Это была женщина не настоящаго, а будущаго времени. Въ теченіе яти лѣтъ я ее изучалъ изо дня въ день, изъ часу въ часъ, — и отъ всей бины души вопію, взываю и завѣщеваю всѣмъ будущимъ, все лучшимъ и шимъ, истинно-антропологическимъ человѣческимъ генераціямъ отмѣтить въ бу- цей антрополого-соціологической исторіи, отмѣтить на знаменахъ грядущихъ, инно-человѣческихъ соціально-кооперативныхъ ассоціацій скромное, неизвѣстное настоящее время, но многознаменательное соціально-антропологическое имя этой кой еще въ современномъ нашемъ обществѣ женщины—Ольги Ивановны Ща- ой (Жемчужниковой). Въ Сибири же такой женщины еще и не бывало и, оятно, долго не будетъ. Знаю, что она, по величайшей своей скромности, ѣла бы мнѣ уничтожить эти строки и всю ея коротенькую біографію. Но чтожьте всѣ мои сочиненія, отнимите мою жизнь, бросьте въ огонь или въ

воду все, что я написалъ и напечаталъ въ русской литературѣ, только, — умоляю, заклинаю всѣхъ будущихъ людей, какіе будутъ жить на мѣстѣ нынѣшней Сибири и Россіи,—сохраните эти мои строчки о женщинѣ — Ольгѣ Ивановнѣ Щаповой. Если я пережилъ ее, то считаю теперь единственнымъ высшимъ утѣшеніемъ, единственнымъ счастіемъ своимъ, что сподобился отмѣтить для будущей антропологого-соціологической исторіи или лѣтописи ея скромное, неизвѣстное, но многознаменательное соціально-антропологическое существованіе, сподобился указать на одну изъ свѣтлыхъ звѣздочекъ великаго будущаго женщины и человѣчества [1]).

---

[1]) Напечатано точно съ рукописнаго оригинала, писаннаго рукою самого А. П. Щапова и переданнаго М. К. Лемке В. И. Семевскимъ, по желанію Н. К. Михайловскаго, получившаго отъ Г. З. Елисеева.

Значеніе народной женщины въ антропологическомъ и соціальномъ развитіи русской народности.

Хотя извѣковѣчное историческое преобладаніе мужчинъ, вообще, всегда устраняло женщину изъ сферы общественной, исторической дѣятельности, замыкая ее въ гаремы, терема и замки домашне-семейнаго рабства,—но, все-таки, сквозь всѣ трущобы историко-традиціонной гегемоніи мужчинъ, женщина всегда болѣе или менѣе проторгалась на общечеловѣческій путь исторіи. Большею частью она была незамѣтнымъ, скрытымъ историко-антропологическимъ факторомъ физическаго, психическаго и соціальнаго развитія различныхъ племенъ человѣческаго рода. Но нерѣдко выступала она и явно на общечеловѣческій, всемірно-историческій видъ, въ качествѣ живой, дѣятельной силы въ историческихъ поворотахъ человѣчества къ новымъ путямъ гуманно-антропологическаго прогресса. Уже въ первобытномъ состояніи человѣка, физіологическая притягательная сила женщины, какъ доказано Дарвиномъ и Литре, была первымъ источникомъ въ человѣческой природѣ инстинктовъ соціальной симпатіи, альтруистическихъ чувствъ и, вслѣдствіе того, одною изъ главныхъ естественныхъ силъ зарожденія соціальности, созданія первобытныхъ общинъ. Нервно-мозговая система человѣческой природы, какъ сфера чувства, сознанія, мышленія и воли, была одной изъ могучихъ силъ прогрессивнаго видоизмѣненія общаго тѣлеснаго построенія и психическаго развитія человѣка, между прочимъ, именно въ силу постояннаго возбужденія ея половымъ, физіологическимъ и эстетическимъ вліяніемъ женщины, потому что въ сферѣ дѣйствія полового подбора женщина имѣла столько же активное участіе, сколько и мужчина. «Тотъ, кто не отрицаетъ принципа полового подбора,—говоритъ Дарвинъ,—долженъ непремѣнно придти къ замѣчательному выводу, что мозговая система не только регулируетъ большую часть отправленій нашего организма, но и оказываетъ также косвенное вліяніе на постепенное развитіе различныхъ физическихъ построеній и нѣкоторыхъ умственныхъ качествъ. Храбрость, воинственность, стойкость, сила и размѣры тѣла, оружіе всякаго рода, музыкальные органы, какъ вокальные, такъ и инструментальные, яркіе цвѣта, изящные или обаятельные жесты и манеры, красота — все это косвенно было пріобрѣтено тѣмъ или другимъ поломъ, подъ вліяніемъ любви и ревности, въ силу оцѣнки прекраснаго въ звукахъ, цвѣтѣ или формѣ и, наконецъ, при посредствѣ произвольнаго выбора; а ясно, что всѣ эти

умственныя отправленія зависятъ отъ развитія мозговой системы» [1]). Вообще, прямое и косвенное естественно-историческое значеніе женщины въ прогрессѣ человѣческой природы давно уже было сознано. Еще въ 1845 году, профессоръ парижскаго университета Серръ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ сравнительной антропологіи высказалъ эту идею въ такихъ словахъ: «корни человѣческаго усовершенствованія дикихъ племенъ заключаются въ женскомъ организмѣ, такъ что причиной одичалости этихъ племенъ есть униженное состояніе женщины. Если это открытіе распространится на другія племена, то окажется, что женщина — главный дѣятель въ процессѣ воспроизведенія — представляется намъ новою формою или силою человѣческаго прогресса» [2]).

Въ настоящее время Дарвинъ подробно разъяснилъ естественно-историческое соучастіе женщины въ развитіи антропологическаго или этническаго, тѣлеснаго и душевнаго типа различныхъ племенъ. Затѣмъ, хотя женщина, какъ мы сказали, всегда была устраняема отъ прямого участія и содѣйствія въ антропологической общественной исторіи, но, все-таки, въ переходныя эпохи, въ періоды рѣзкаго поворота цѣлаго человѣчества или разныхъ отдѣльныхъ народовъ къ новымъ путямъ антрополого-соціальнаго прогресса, женщина почти всегда выступала многозначительною историческою дѣятельницею. Если, съ одной стороны, выходъ ея въ эти эпохи на свѣтъ исторіи вызывался силою историческаго развитія новыхъ гуманно-соціальныхъ идей, то, съ другой стороны, и самое выступленіе ея на поприще общечеловѣческой дѣятельности, въ переходныя эпохи, въ свою очередь, много содѣйствовало возбужденію въ новыхъ поколѣніяхъ новыхъ высшихъ антрополого-соціальныхъ идей и соціально-гуманныхъ чувствъ и стремленій, которыя, затѣмъ, съ новою силою прогрессивно дѣйствовали на усовершенствованіе общаго антропологическаго и, особенно, психическаго — умственнаго, нравственнаго и соціальнаго типа передовыхъ цивилизованныхъ народовъ. Такъ, въ древне-греческой республикѣ на поворотѣ ея къ сознанію потребности созданія новаго, лучшаго общества, по идеаламъ политики Аристотеля и соціализма Платона, — женщина является выдающеюся ассоціирующею и возбуждающею силою въ кругу передовыхъ общественныхъ мыслителей и дѣятелей. Общественныя собранія женщинъ, Ἐκκλησιάζουσαι, хотя и осмѣивались Аристофаномъ, но все-таки были невольнымъ, открытымъ общественно-гражданскимъ, коллективнымъ заявленіемъ соціально-антропологической, общественно-возбудительной и общественно-образовательной силы женщинъ. Въ исторіи западно-европейскихъ народовъ, въ эпоху такъ называемаго renaissance, или возрожденія наукъ и искусствъ, въ эпоху, сѣявшую первыя сѣмена будущихъ великихъ антрополого-соціальныхъ переворотовъ и реформъ, — опять выступаютъ женщины, какъ возбудительницы передовыхъ умовъ и новаго, высшаго, психическаго, гуманно-соціальнаго прогресса человѣческой природы, въ передовыхъ цивилизованныхъ на-

---

[1]) О происхожд. человѣка, въ перев. Благосв. ч. III, стр. 609. Замѣтимъ мимоходомъ, что мозговая система, и помимо половыхъ чувствъ любви и ревности, могла оказывать и, вѣроятно, оказывала многозначительное вліяніе на развитіе тѣлесной организаціи человѣка. Такъ, страхъ вообще и, въ частности, многовѣковой фетишическій страхъ таинственныхъ силъ природы, въ связи съ чувствомъ изумленія и другими нервно-мозговыми волненіями или аффектами, вѣроятно, много содѣйствовалъ, между прочимъ, первобытному развитію органовъ зрѣнія и слуха, анатомическаго приспособленія ногъ къ быстрому бѣгству, физіологической наклонности волосъ взъерошиваться, подниматься щетиной въ сильномъ испугѣ или ожесточеніи противъ страшнаго врага.

[2]) „Отеч. Зап.“ 1845 г. т. XLII.

. «Знатныя дамы,—говоритъ Шлоссеръ,—были не только поэтами, но большастью основательными знатоками древнихъ языковъ и литературы и пониıезамѣнимое значеніе послѣднихъ для развитія въ людяхъ истинно-человѣ) духа, которой одинъ составляетъ въ человѣкѣ нѣчто божественное и сво-, потому что все прочее слѣпо повинуется законамъ природы. Женщины ользуясь своимъ саномъ и вліяніемъ, принимали живое участіе въ стремлесвоихъ современниковъ, проснувшихся для новой жизни, и являлись могунными покровительницами всякой науки и всякаго искусства. Для примѣра зовемъ, кромѣ матери Лоренцо Медичи, нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ нъ того времени. Первое мѣсто между ними занимаютъ Изабелла АрагонИпполита Сфорца, Серафина, Колонна, Анна Спина и Александра Скала. ги женщины прославились трудами по разработкѣ національной литературы ıвательнымъ знаніемъ древнихъ языковъ. Кромѣ того, извѣстны еще имена Изотта—знатныхъ женщинъ, стихотворенія которыхъ знаетъ вся Италія. цу съ ними славились принцесса Біанка Эсте и Домиталла Тривульція. Но не пользовался такимъ уваженіемъ современниковъ, какъ Кассандра Феделе. ı и рѣчи ея совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ похваламъ, какія расточались кенщинѣ Поліціаномъ. Похвалы Поліціана сдѣлали эти произведенія извѣстпо всей Европѣ, и Кассандра была обязана имъ тѣмъ, что въ слѣдующемъ іи королева испанская, Людовикъ XII французскій и папа Левъ X почти ю время приглашали ее къ своему двору. Но соотечественники гордились общею славою и уваженіемъ и убѣдили ее не разставаться съ ними. Въ :е вѣкѣ, во Франціи, Англіи, Миланѣ и вездѣ, гдѣ былъ въ употребленіи -французскій придворный языкъ, прославляли имя писательницы Христины :кой, издавшей Mémoires sur le régne de Charles V. сочинявшей разноые стихи (dictées, rondeaux, ballades, laix и др.) и, вообще, написавшей анцузскомъ языкѣ до 15 книгъ. Слава ея была такъ громка, что короли и и приглашали ее къ своимъ дворамъ, и знатныя дамы съ восхищеніемъ чи:я сочиненія. И дѣйствительно, нѣкоторыя изъ 15 книгъ Христины особенно тѣмъ, что ими было положено начало литературы или журналистики для ъ то время, когда такой литературы еще не существовало. Любимою книгою всѣхъ хъ и образованныхъ женщинъ XV столѣтія было сочиненіе Cité des dames» [1]. эцъ, передъ великою французскою революціей. въ эпоху сильнѣйшаго возıія и развитія новыхъ антрополого-соціальныхъ идей, передъ окончательнымъ леніемъ историческаго развитія и осуществленія научной, антрополого-соціоской идеи радикальной и всеобщей соціальной реформы,—снова женщины нъ, Жофренъ, дю-Деффанъ и др.) ассоціируютъ въ своихъ салонахъ ux d'esprit) всѣхъ передовыхъ мыслителей и дѣятелей своего вѣка. Снова ила эпоха такъ называемаго «господства женщинъ» (1743—1774), многоельно содѣйствовавшаго существенному прогрессивному измѣненію антропологоьнаго типа передовыхъ человѣческихъ поколѣній. Вліяніе этихъ женскихъ)въ было, во многихъ отношеніяхъ, гораздо сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ : множества тогдашнихъ ученыхъ мужчинъ. «Въ салонахъ герцогини дю-Мень, дю-Деффанъ, Леспинасъ, Жоффренъ и другихъ гораздо болѣе проявлялось са-

) Шлоссеръ, „Всеміp. исторія" X, 378—379. 397.

мостоятельности и возбудительнаго вліянія на умы, чѣмъ въ королевскихъ академіяхъ и другихъ подобныхъ офиціальныхъ учрежденіяхъ. Въ этихъ салонахъ происходили всѣ перевороты въ соціальныхъ идеяхъ, во вкусѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ. Фонтенель, Вольтеръ, Даламберъ, Дидро, Лагарпъ, Мармонтель и другіе почерпали здѣсь мысли и вдохновеніе, развивали свои революціонно-философскія идеи, блистали краснорѣчіемъ и остроуміемъ и искали гораздо болѣе одобренія этого избраннаго общества, чѣмъ похвалъ и лавровъ академическихъ. Критика этихъ остроумныхъ женщинъ была для нихъ страшнѣе и воодушевительнѣе всякой другой критики» [1]). Въ то же время, во главѣ еще крайне мало цивилизованнаго русскаго народа и общества, знаменитая женщина—императрица Екатерина Великая, послѣ до-петровскаго зоологически-грубаго и аскетическаго извращенія человѣческой природы русскихъ людей впервые возвѣщая въ Наказѣ и въ извѣстной педагогической инструкціи Салтыкову общечеловѣческія филантропически-соціальныя идеи и чувства человѣколюбія, чувствительности, учтивости, любви и доброжелательности къ человѣчеству,—такимъ образомъ полагала первыя начала соціальной гуманизаціи человѣческой природы русскихъ людей Благодаря этому филантропически-гуманному вліянію женщины-царицы, въ передовыхъ поколѣніяхъ русскаго народа съ тѣхъ поръ впервые сталъ мало-по-малу совершаться поворотъ отъ до-петровскаго зоологически-грубаго, животнаго быта общественнаго и индивидуальнаго на путь разумно-сознательнаго, гуманно-соціальнаго развитія личности и общественности въ средѣ русской народности. Петръ Великій, какъ выражался Бецкій, создалъ въ Россіи *людей,* такъ какъ до иего русскіе люди были, по выраженію одного древне-русскаго писателя, *аки звѣрье*, а Екатерина Великая влагала въ созданныя Петромъ Великимъ тѣла людскія *души*, воспитаніемъ создавала *новую породу отцовъ и матерей.* Если же, такимъ образомъ, женщина почти всегда являлась могучей исторической силой въ поворотныя эпохи исторіи человѣчества и отдѣльныхъ народовъ, въ началѣ каждаго новаго историческаго фазиса ихъ соціально-антропологическаго возрожденія, — то, на основаніи этого историческаго факта, можно, кажется, съ большою вѣроятностью предполагать, что и въ будущемъ, въ фазисъ окончательнаго совершенія предстоящей въ исторіи всеобщей и всецѣлой соціальной реформы, женщина должна или можетъ явиться могучею ассоціирующею и соціально-преобразовательною силою и въ созданіи новыхъ антрополого-соціальныхъ, научно-развитыхъ, научно-рабочихъ, гуманно-кооперативныхъ общинъ и ихъ цѣлаго, всеобщаго соціально-федеративнаго союза.

Таково, въ короткихъ чертахъ, общее антрополого-историческое значеніе женщины. Но и этимъ не ограничивалось вліяніе женщины на развитіе человѣческой природы въ средѣ тѣхъ или другихъ племенъ. Составляя половину человѣческаго рода, женщины, хотя и не имѣли прямого участія въ историческихъ судьбахъ народовъ, но, все-таки, всегда были существенными естественно-историческими факторами въ антропологическомъ или физіолого-психическомъ видоизмѣненіи и развитіи различныхъ человѣческихъ племенъ. Эту роль повсюду выполняли даже по преимуществу женщины массъ народныхъ, женщины нисшихъ, рабочихъ классовъ человѣчества. Такъ, напримѣръ, вся антрополого-этнологическая исторія колониза-

[1]) „Современникъ“ 1851 г., іюнь, отд. II, „Литер. воспоминанія“.

ціоннаго и физіологическаго смѣшенія славяно-русскаго народа съ разными племенами финскими, тюрко-татарскими, монгольскими, маньчжуро-тунгусскими и другими, съ естественно-исторической точки зрѣнія, есть по преимуществу исторія физіолого-генетическаго вліянія славяно-русской, народной, преимущественно крестьянской женщины на постепенное видоизмѣненіе антропологическаго или этническаго типа различныхъ племенъ и постепенной ассимиляціи его съ типомъ славяно-русской народности. Славяно-русская народная, крестьянская и посадская женщина въ древней Руси была главной антропологической силой не только въ процессѣ ассимиляціи разныхъ инородческихъ племенъ съ племенемъ славяно-русскимъ, но и въ физіолого-психологическомъ ихъ возрожденіи, въ образованіи въ разнообразныхъ областныхъ русско-народныхъ этнографическихъ и лингвистическихъ варіететовъ и, наконецъ, въ преобразованіи первобытныхъ чисто родовыхъ общинъ въ общины гражданскія или земскія, сельскія и посадскія. Когда въ главныхъ чертахъ почти повсюду закончился этотъ первоначальный чисто зоолого-физіологическій процессъ ассимиляціи разнообразныхъ инородческихъ племенъ съ славяно-русскою народностью, вслѣдствіе возродительнаго воздѣйствія славяно-русской народной женщины, — тогда мало-по-малу стало начинаться и антрополого-соціальное вліяніе народной женщины. Такъ, напримѣръ, въ эпоху созданія новыхъ народныхъ общинъ — раскольничьихъ, между прочимъ, неотразимое физіологическое и нравственное вліяніе женщины въ XVIII вѣкѣ радикально измѣняло до-петровскій грубый аскетическій характеръ этихъ общинъ. Оно невольно вело къ постепенному преобразованію самыхъ фанатическихъ и антигуманныхъ, такъ называемыхъ «дѣвственныхъ или бракоборныхъ согласій» въ общины наиболѣе антропологичныя, гражданско брачныя. Мало того, неотразимое физіологическое вліяніе женщины невольно признано было потомъ и въ этихъ «бракоборныхъ» согласіяхъ самою могучею общинно-соединительною силою. Упорнѣйшіе аскетическіе гонители женскаго пола пришли, наконецъ, къ тому сознанію, что безъ женщины, безъ ея генетической и ассоціирующей, связующей силы невозможно не только нарожденіе, но и поддержаніе и сплоченіе общины, что женщина есть необходимая и могучая сила органическаго развитія и прочной связи какой бы то ни было общины. Такъ, наставникъ московской преображенской общины, Гнусинъ, такое завѣщаніе давалъ одному своему единомышленнику: «если ты пожелаешь быть наставникомъ всего нашего согласія въ Россіи, то помни, что оно сосредоточено въ московской общинѣ, которая, какъ восточная звѣзда въ небесахъ, возсіяла по всей русской землѣ. Но общину составляютъ люди, и чтобы владѣть ими—надо имъ не противиться: не тронь молодыхъ, если они противятся старикамъ, увлекаются женщинами. Чѣмъ чаще будешь дозволять имъ свободу общенія съ женщинами, тѣмъ сильнѣе они будутъ привержены къ общинѣ, къ согласію... Отверзай женщинамъ свободное вхожденіе и исхожденіе въ средѣ мужчинъ,—и ты заслужишь почтеніе въ общинѣ и поддержишь въ ней союзъ, согласіе» [1]).

Какъ въ средѣ великорусскаго народа женщина принимаетъ дѣятельное участіе въ развитіи новыхъ раскольничьихъ народныхъ общинъ,—такъ, въ средѣ сибирскаго населенія народная, крестьянская женщина является многозначительною дѣятельною

[1]) Изъ раскольничей рукописи, см. у Нильскаго „Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ", ч. I, стр. 364.

силой въ созданіи новыхъ, осѣдло-инородческихъ сельскихъ общинъ. Собственно въ русскихъ крестьянскихъ сибирскихъ общинахъ женщина ничѣмъ особенно не выдается, не обнаруживаетъ рѣзко-замѣтнаго вліянія на общинную жизнь, такъ какъ и самые эти сибирскіе русско-крестьянскіе міры, вообще, не обнаруживаютъ никакихъ новыхъ. самобытныхъ общинныхъ стремленій, въ родѣ соціальныхъ стремленій великорусско-духоборческой общины, братскаго общаго ученія и союза общинъ и т. п. Но зато здѣсь, въ Сибири, еще во всей силѣ замѣчается первоначальное. физіолого-этническое возродительное вліяніе славяно-русской, народной, именно. по преимуществу, крестьянской женщины среди разныхъ инородческихъ племенъ. Чтобы имѣть ясное представленіе объ этомъ вліяніи, — достаточно обратить вниманіе на значеніе русской крестьянско-женщины въ видоизмѣненіи антропологическаго типа. а также домашняго и общественнаго быта одного какого-нибудь сибирскаго племени. Мы возьмемъ для примѣра бурятъ.

Русская крестьянская женщина, входя въ бурятскій міръ, какъ и въ среду другихъ инородческихъ племенъ, привноситъ съ собою сѣмена антропологическаго возрожденія и начала новой общинной жизни. Бурятскія женщины, вслѣдствіе постепеннаго истощенія ихъ нативитарной генетической силы въ замкнутой сферѣ своего родового быта и генезиса, все болѣе и болѣе уменьшаясь въ численности. такимъ образомъ неизбѣжно лишаютъ бурятскую, улусную родовую общину физіологическихъ, нативитарныхъ, генетическихъ силъ или источниковъ ея прогрессивнаго органическаго самовоспроизведенія, роста и саморазвитія, постепенно, съ каждымъ поколѣніемъ, ведутъ ее вмѣстѣ съ собой къ дегенераціи, къ вырожденію. Напротивъ, русскія крестьянскія женщины, входя въ бурятскій міръ, выходя замужъ за крещеныхъ бурятъ, какъ оказывается изъ статистическихъ данныхъ, въ большемъ числѣ нарождаютъ женскаго пола, чѣмъ мужского; въ большемъ числѣ и сохраняютъ его для новаго нарожденія будущихъ поколѣній, — и такимъ образомъ невольно, физіологически обезпечиваютъ на будущее время нативитарныя. генетическія силы для органическаго развитія и приращенія новыхъ крестьянскихъ общинъ — осѣдло-инородческихъ. Въ самомъ дѣлѣ, статистическіе факты, по крайней мѣрѣ тѣ, какіе намъ удалось извлечь изъ офиціальныхъ источниковъ кудинскаго. верхоленскаго и ленскаго вѣдомствъ, довольно ясно выставляютъ это различіе въ численности женщинъ въ бурятской улусной общинѣ и въ общинѣ осѣдло инородческой. Повсюду, во всѣхъ бурятскихъ родахъ, женщинъ оказывается меньше. чѣмъ мужчинъ, а въ селеніяхъ осѣдлыхъ инородцевъ, напротивъ, въ общей сложности, повсюду женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Такъ, въ кудинскомъ вѣдомствѣ. по статистическимъ даннымъ кудинской степной думы 1872—1873 годовъ, кочевыхъ бурятъ числится муж. п. 5.656 душъ, жен. п. 5.288, а осѣдлыхъ инородцевъ муж. п. 169, жен. п. 182 души. Въ частности, въ Усть-Ордынскомъ селеніи осѣдлыхъ инородцевъ, по 10-й ревизіи, числилось муж. п. 58, жен. п. 72, а въ 1873 году муж. п. 71, жен. п. 80 (значитъ въ 20 лѣтъ мужчинъ прибыло 13, женщинъ 16). Въ Курскомъ осѣдло-инородческомъ селеніи (кудинскаго же вѣдомства), по 10-й ревизіи. муж. п. было 63, жен. п. 68. Въ верхоленскомъ инородческомъ вѣдомствѣ, въ 39 бурятскихъ улусахъ ользоновскаго. баендаевскаго, 1-го и 2-го абызаевскихъ и 1-го и 4-го буровскихъ родовъ, въ 1872—1873 гг. числилось муж. п. 6.139, жен. п. только 5.420, — а въ 3-хъ селеніяхъ осѣдлыхъ инородцевъ, происшедшихъ изъ этихъ бурятскихъ родовъ,

то же время муж. п. числилось 158, жен. п. 162. Считая мужчинъ и женнъ у кочующихъ бурятъ и у осѣдлыхъ инородцевъ за 7 лѣтъ, съ 1867 по 73 годъ,—мы находимъ у бурятъ, среднимъ числомъ, муж. п. 6.129, жен. п. ько 5.466 душъ, а у осѣдлыхъ инородцевъ, живущихъ среди этихъ бурятъ особыхъ селеніяхъ, муж. п. 150, жен. п. 180. Предлагаемъ, для наглядности, ціальныя статистическія цифры за 7 лѣтъ (1867—1873):

	Кочующихъ инородцевъ.		Осѣдлыхъ инородцевъ	
	м. п.	ж. п.	м. п	ж. п.
1867 г.	6.341	5.483	107	114
1868 »	6.112	5.465	98	110
1869 »	6.136	5.460	121	123
1870 »	6.124	5.632	112	113
1871 »	6.171	5.711	111	113
1872 »	5.959	5.233	100	96
1873 »	6.005	5.300	89	92
Среднее	6.129	5.466	150	180

Въ ленскомъ инородческомъ вѣдомствѣ, въ 35 улусахъ, въ 7 бурятскихъ ахъ, по статистичэскимъ даннымъ ленской инородческой управы за 7 лѣтъ (съ 37 по 1873 г.), муж. пола насчитывается, среднимъ числомъ, 4.730, жен. п. 30 душъ, а въ небольшихъ селеніяхъ, заимкахъ и выселкахъ осѣдлыхъ иноцевъ, происшедшихъ изъ ленскихъ бурятскихъ родовъ, за тѣ же 7 лѣтъ нагывается среднимъ числомъ муж. п. 199, жен. п. 270 душъ. Это видно изъ дующаго официальнаго исчисленія:

	У бурятъ.		У осѣдлыхъ инородцевъ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Въ 1867 г.	4.883	4.597	321	312
» 1868 »	4.885	4.579	322	314
» 1869 »	4.787	4.352	164	173
» 1870 »	4.821	4.348	131	166
» 1871 »	4.881	4.312	151	164
» 1872 »	4.623	4.289	154	167
» 1873 »	4.647	4.348	154	154
Среднее	4.730	4.430	199	270

Въ частности, въ самомъ большомъ роду манзурско-ленскихъ бурятъ, именно хенхедурскомъ, кочующемъ по р. Манзуркѣ, муж. п. 2.202 души, а жен. ко 1.961 душа, изъ всѣхъ 17 улусовъ хенхедурскаго рода только въ 3-хъ сахъ женщинъ нѣсколько больше, чѣмъ мужчинъ, а въ 14-ти улусахъ женъ гораздо меньше, чѣмъ мужчинъ. Между тѣмъ, въ небольшихъ выселкахъ и кахъ осѣдлыхъ инородцевъ, происшедшихъ изъ этого же хенхедурскаго рода, ь видно изъ ревизской сказки 1858 года, женщинъ вездѣ больше, чѣмъ мужь, именно муж. пола 40, а жен. пола 72 души. Въ частности, въ Кудринской

заимкѣ при р. Манзуркѣ, по ревизской сказкѣ 1858 года, муж. пола 8, жен. пола 24 души, въ Лапхайской заимкѣ муж. пола 8, жен. пола 10, въ Харухайской заимкѣ, при р. Ленѣ и Манзуркѣ, муж. пола 18, жен. пола 20, въ выселкѣ осѣдлыхъ инородцевъ при Харбатовскомъ селеніи, на р. Манзуркѣ, муж. пола 6, жен. пола 18 душъ.

Какъ, повидимому, ни маловаженъ этотъ фактъ меньшей численности женщинъ у бурятъ и, сравнительно, большей численности ихъ у осѣдлыхъ инородцевъ,-- но и онъ, въ сущности, на нашъ взглядъ, въ этнологическомъ отношеніи многозначителенъ. Безъ сомнѣнія, постепенное уменьшеніе женщинъ у бурятъ происходитъ, между прочимъ, и отъ того, что онѣ, вслѣдствіе крайне угнетеннаго положенія, чахнутъ и вымираютъ въ бурятскихъ родахъ, повидимому, гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ мужчины. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе женщины въ бурятскихъ улусахъ самое ненормальное. Достаточно прочитать нѣсколько актовъ изъ разсмотрѣннаго нами въ архивѣ верхоленской степной думы „дѣла о бѣглыхъ жонкахъ отъ мужьевъ" (съ 1791 по 1821 г.), чтобы составить понятіе о горькой участи замужней женщины у бурятъ. Выходила бурятская басачанъ—дѣвица замужъ въ чужой родъ,—тамъ часто сватъ скотски поступалъ съ нею и тиранилъ ее. Наприм., въ 1792 г. одинъ сватъ, братскій 2-го абызаевскаго рода верхоленскаго вѣдомства, взявши за сына своего замужъ дочь у братскаго хенхедурскаго рода того же вѣдомства, по словамъ акта, „насильнымъ порядкомъ приступалъ къ своей невѣсткѣ, приневоливалъ ее къ блудодѣянію съ собою, а какъ она не соглашалась на это, то запиралъ ее въ особую юрту, морилъ голодомъ, билъ нещадно и, наконецъ, совсѣмъ прогналъ изъ своего улуса" [1]). Въ 1807 г. въ баендаевскомъ роду верхоленскаго вѣдомства, молодая бурятка, послѣ смерти своего мужа, избѣгая насилій и обидъ со стороны свата, ушла къ матери и за свободу свою давала свату выкупу—десятка два или болѣе головъ скота. Но сватъ во что бы то ни стало хотѣлъ, чтобы молодая невѣстка жила съ нимъ, и настойчиво тягался о возвращеніи ея къ себѣ [2]). Вообще, когда буряту нравилась басачанъ—невѣста, онъ насильно домогался брачнаго союза съ нею, хотя бы она ни за что не хотѣла выходить за него замужъ. Но чуть, съ другой стороны, жена почему-нибудь оказывалась негодною для мужа,—онъ тотчасъ безжалостно прогонялъ ее отъ себя. Такъ, въ верхоленскомъ же вѣдомствѣ, дочь одного братскаго хенхедурскаго рода въ 1793 г. выдана была замужъ за братскаго буровскаго рода. Жила съ мужемъ 4 года. Но захворала, —и тогда мужъ безжалостно прогналъ ее къ братьямъ. Въ юртѣ братьевъ она лѣчилась у разныхъ шамановъ: за лѣченіе братья отдали шаманамъ 50 р. и яловую корову. Когда бурятка вылѣчилась, то стала просить мужа, чтобъ принялъ ее къ себѣ, такъ какъ у братьевъ нечѣмъ было содержаться, и заплатить имъ за издержки на ея лѣченіе. Но мужъ наотрѣзъ отказывался отъ жены, считая ее уже негодной для себя послѣ болѣзни [3]). Такіе примѣры были сплошь и рядомъ. Или въ 1792 г. одна вдова-бурятка подала главному тайшѣ такую жалобу: „послѣ смерти мужа моего, братъ его, мой деверь, съ племянникомъ отобрали у меня 80 головъ скота, оставленныхъ мнѣ въ наслѣдство мужемъ, били меня и разбили на смерть,

[1]) Дѣло о бѣглыхъ жонкахъ № 15, л. 7.
[2]) Ibid., л. 40.
[3]) Ibid., л. 33.

вередили голову и внутри сердце и печень, такъ что отъ битья я лѣчилась, била 4 головы—двѣ головы на сердце клала, другія двѣ головы ѣла, сверхъ того лѣчилась у лѣкаря и ему за лѣчонье дала добраго сошнаго коня. Наконецъ, деверь и племянникъ совсѣмъ меня прогнали съ дочерью, дали мнѣ только одного коня да платье, какое у меня было, сказали: намъ тебя не надо, откуда пришла, туда и ступай. Я ушла къ брату, и братъ не хотѣлъ держать меня, не имѣя достатка прокармливать; ѣздилъ къ деверю и говорилъ ему: кто-де ее станетъ поить, кормить, она—ваша. По всему этому прошу шуленьгу меня обидящую удовлетворить во всемъ, чтобы мнѣ отъ нихъ въ похвальбѣ смерть не принять, и если послѣ случится мнѣ какое зло, или собака укуситъ, то они не приступали бы изъ-за меня къ братьямъ моимъ напрасно: братья ничего и не знаютъ“ [1]). Часто молодыя бурятки погибали жертвой звѣрскаго насилія жениховъ, а иногда и жестокосердія родителей. Такъ, наприм., братскій 1-го абызаевскаго рода въ 1792 г., сосватавши дочь у братскаго хенхедурскаго рода, до брака лишилъ ее невинности и потомъ мѣшкалъ, даже вовсе не хотѣлъ на ней жениться. Родители, узнавши, что дочь ихъ забеременѣла отъ жениха, навязывали ее ему въ жены. Но онъ отпирался, говорилъ, что не отъ него дочь ихъ забеременѣла. Родители, однакожъ, привезли дочь къ жениху, оставили ее у него въ юртѣ и сами тайкомъ уѣхали домой. Несчастная дочь ихъ, спустя недѣлю послѣ отъѣзда родителей, стала мучиться родами и умерла: ей никто не оказалъ никакой помощи, даже похоронить или, какъ выражено въ актѣ, «спрятать» ее никто не брался [2]). Если иной бурятъ хотѣлъ добромъ спровадить отъ себя жену, то не спрашивалъ на это ея согласія, а прямо отправлялъ ее назадъ къ отцу или брату и заключалъ съ нимъ мировую сдѣлку. Такова, напр., мировая этого рода: «1793 года апрѣля 29 дня далъ сіе мировое письмо баендаевского роду братской Григорей Болцохаловъ новокрещеному Михаилу Рогалеву въ томъ, что по иновѣрческой нашей вѣрѣ, равно и по согласію нашему, учинили и утвердили договоръ въ разсужденіи бывшей за мною въ замужествѣ его сестры Хожушки Голкаловой назадъ тому уже восьмой годъ, а нынѣ вознамѣрился я, Болцохаловъ, отдать ее обратно ему, Рогалеву, а за нее получаю 12 головъ скота, а именно: одного большого коня, кобылу большую, два жеребенка, одного быка большого, корову съ теленкомъ, качирика, два барана, два куречана, и считаться онымъ отъ него, Рогалева, довольнымъ и болѣе отъ сего времени впредь ничего на немъ не искать подъ опасеніемъ жестокаго по законамъ штрафа и наказанія, при коемъ письмѣ я, Болцохаловъ, тебѣ, Рогалеву, бывшую жену свою, а твою сестру Хожушку и отдаю при старшинѣ своемъ, а за нее означеннаго скота долженъ получить безъ всякихъ твоихъ отговорокъ сего года на 20-е число мая, въ чемъ сіе мировое условіе впредь ни въ чемъ прекословить не буду, а равно и сродственникамъ моимъ въ оно дѣло не вступаться, а бывшей женѣ своей Хожушкѣ позволяю отъ сего времени итьти въ замужество за другого, а ты воленъ сестру свою продать и получить за нее калымъ» [3]). Но, съ другой стороны, чаще всего бывало такъ, что и ни на какую мировую сдѣлку не соглашались мужья, когда хотѣли во что бы то ни стало удержать у себя жену, не хотѣвшую жить за мужемъ. Такъ, напр.,

---

[1]) Ibid., л. 18.
[2]) Ibid., л. 15.
[3]) Ibid., лл. 28-29.

въ 1793 г. одна бурятская женщина ольхонскаго чернорудскаго рода, выданная замужъ за бурята 1-го абызаевскаго рода, «не взлюбя мужа», ушла отъ него къ матери. Мужъ во что бы то ни стало хотѣлъ вернуть ее къ себѣ. Но жена не хотѣла вернуться къ мужу, и мать не соглашалась ее выдать. Она предложила, съ своей стороны, такую мировую запись: «1793 года марта 18 дня малаго чернорудского роду брацкая женка Халюна Бухина дала сіе мировое письмо 1-го абызаевскаго рода брацкому иноземку Васкѣ Даншину въ томъ, что отдана была за тебя въ замужество на промѣну на сестру твою родную Буржину дочь моя родная Дакана Бухина и жила съ тобой напередъ сего семь лѣтъ, и ты прижилъ съ дочерью моею по иновѣрчеству своему во утробѣ младенца. А прошлаго 792 года въ осеннее время, не злюбя тебя или по какому поговору, дочь моя отъ тебя убѣжала, куда ей надлежитъ. А сего 793 года марта 16 дня, согласяся мы между собою, взяла я, Халюна, дочь свою Дакану отъ тебя обратно назадъ попрежнему въ вѣчное владѣніе. А во утробѣ ея прижитый тобою младенецъ, если родится мужескаго пола, то его отдать тебѣ, Даншину, обратно, въ домъ твой, чтобъ владѣть тебѣ имъ яко отцу родному вѣчно, а если же родится женскаго пола, дѣвица, владѣть мнѣ, Халюнѣ, и прежней женѣ твоей вѣчно же, а тебѣ, Даншину, и твоимъ родственникамъ болѣе до того младенца никому не вступаться, также и сестру твою Буржину мнѣ не брать, такъ какъ и сынъ мой, за котораго она была сосватана, пропалъ, и потому владѣть тебѣ сестрой своей попрежнему. Въ томъ я, Халюна, тебѣ, Даншину, впредь для вѣрности и смертнаго времени сіе мировое письмо дала; а если кто изъ насъ будетъ другъ на друга въ главныхъ правительствахъ просить и судей утруждать, то за неустойку въ вышепрописанномъ обстоятельствѣ съ виновнаго взыскать и отдать правому въ удовольствіе денегъ сто пятьдесятъ рублевъ» [1]). Несмотря, однакожъ, на всю справедливость этого мирового условія, мужъ упорно требовалъ возвращенія убѣжавшей отъ него жены, призналъ мировое письмо подложнымъ, подалъ прошеніе главному шуленьгѣ о выдачѣ ему жены, и шуленьга строго предписалъ возвратить абызаевскому братскому ушедшую отъ него жену [2]). Вообще, положеніе наибольшей части замужнихъ женщинъ у бурятъ до того было невыносимо для нихъ, что онѣ весьма часто убѣгали отъ своихъ мужьевъ, какъ видно изъ вышеупомянутаго особаго цѣлаго дѣла «о бѣглыхъ жонкахъ отъ мужей» (1791—1821). Во время бѣгства несчастнымъ женщинамъ часто приходилось скитаться по лѣсамъ, претерпѣвать голодъ, холодъ и всякія бѣды. Такъ, напр., одна дочь братскаго 1-го абызаевскаго рода выдана была замужъ за братскаго хенхедурскаго рода. 4 октября 1808 года, поздно ночью она неожиданно явилась въ юрту отца. На разспросы отца, откуда пришла, отчего убѣжала, дочь отвѣчала: «я ушла отъ мужа своего потому, что онъ съ своей молодой сестрой нещадно билъ, мучилъ меня; отъ этихъ несносныхъ побоевъ я и убѣжала потаеннымъ образомъ, пѣшкомъ, долго блуждала по лѣсамъ, въ прослѣдованіи до родной юрты питалась по лѣсамъ саранками, на пашняхъ выминала зерна хлѣба изъ кладей, да вырывала рѣпу» [3]). Часто замужнія женщины убѣгали невѣдомо куда, такъ что ихъ не могли найти никакимъ общественнымъ обыскомъ. Нерѣдко бурятскія жены убѣгали въ русскія деревни,

---

[1]) Ibid., лл. 23—24.
[2]) Ibid., лл. 23—24, 27.
[3]) Ibid., л. 49.

къ крестьянамъ и къ священникамъ, тамъ крестились и выходили замужъ за русскихъ. Въ этомъ родѣ характеристично, напр., слѣдующее объявленіе бурята хенхедурскаго рода объ его «бѣглой жонкѣ»: «Сего 1808 года, августа мѣсяца въ послѣднихъ числахъ поѣхалъ я изъ юрты своей для жатвы и уборки съ поля насѣяннаго хлѣба, пробылъ въ полѣ 4 дня, а въ юртѣ моей осталась жена моя Хапкарая Кунгеева. Послѣ уборки хлѣба воротился я въ свою юрту поздно вечеромъ: вижу,—въ юртѣ жены моей нѣтъ, а куда ушла, домашніе сказали: не можемъ знать. Осмотрѣлъ я все въ юртѣ и по осмотру не оказалось двухъ женскихъ тулуповъ — одинъ козлиной, другой жеребячей, не оказалось простыхъ унтовъ кониныхъ, нѣсколькихъ перстней и серегъ мѣдныхъ. А съ чего тотъ побѣгъ жена моя учинила и съ какого умыслу,—я знать не могу. Почему объявилъ я о побѣгѣ ея сосѣдямъ, живущимъ вблизь около меня, а напослѣдокъ послалъ брата своего родного Халмактана узнать, не ушла ли жена моя къ своему отцу Кунгею Весангину. Братъ мой ѣздилъ и спрашивалъ объ ней у отца. Отецъ отвѣчалъ, что дочь его, моя жена, никогда у него не бывала и нѣтъ ея у него. Когда братъ мой воротился и объявилъ мнѣ объ этомъ,—я самъ поѣхалъ. Когда пріѣхалъ, тесть мой и мнѣ то же объявилъ при постороннихъ братскихъ. Послѣ этого я еще болѣе взялъ сумнѣніе свое, поѣхалъ къ своему старшинѣ Бубею Зундукову и подробно объяснилъ ему побѣгъ моей жены. Старшина далъ знать всему обществу для отысканія жены моей по всѣмъ сосѣднимъ улусамъ. Нигдѣ сыскать не могли. Послѣ того я опять поѣхалъ съ однимъ товарищемъ братскимъ къ отцу моей жены спросить его обстоятельнѣе. На дорогѣ встрѣтилъ братскаго 1-го абызаевскаго рода Пятона Накыева; онъ мнѣ сказалъ, что твоя бѣглая жена вчерашній день пришла къ своему отцу, а гдѣ находилась по сіе время, я неизвѣстенъ. Поѣхалъ я къ отцу, вошелъ въ юрту и увидѣлъ свою жену. Спросилъ ее: гдѣ ты была? Она сказала: жила въ лѣсу, а пропитаніе получала отъ проѣзжающихъ разнаго званія людей, и за то платила унесенными мною изъ твоей юрты вещами. Тогда отецъ велѣлъ ей возвратиться со мной, далъ ей коня съ сѣдломъ для отъѣзда въ мою юрту. Пріѣхали мы въ свою юрту. Жена пожила у меня три дня,—и опять, не знаю съ чего, вторично бѣжала, а куда неизвѣстно. Опять учиненъ былъ по всѣмъ нашимъ улусамъ обыскъ по два дня,— не могли отыскать. Тогда я опять пріѣхалъ къ тестю своему и спрашивалъ о своей женѣ. Тесть отвѣчалъ: у меня жены твоей нѣтъ, да и не бывала. Въ то время пришелъ въ юрту родной его братъ Елочой Весангинъ и сказалъ, что жена твоя, должно быть, въ русской деревнѣ, и прежде этого мы ее взяли у русскихъ. Посему и прошу покорно васъ, старшину, по сей моей явкѣ розыскать мою жену». Розыскъ снова былъ произведенъ. Но въ концѣ концовъ, 29 ноября 1808 года, по общему заявленію братскихъ, тайши верхоленскій и ольхонскій и волостное правленіе манзурскаго комисарства «рапортами доносили, что бѣглой братской жонки Хапкараи Кунгеевой нигдѣ не оказалось» [1]).

При такомъ ненормальномъ, угнетенномъ положеніи женщины у бурятъ, неудивительно, что она у нихъ не только сама чахнетъ и вымираетъ, но и все племя мало-по-малу влечетъ къ постепенной дегенераціи, или вырожденію. Вслѣдствіе удрученности женщины, продолжающейся во всю ея жизнь, не исключая и періода беременности, и вслѣдствіе вѣковой замкнутости родового генезиса въ пре-

[1]) Ibid., лл. 56—58, 60.

дѣлахъ бурятской родовой общины между весьма немногими, давно уже перероднившимися между собою родами,—женщины у бурятъ, какъ оказывается, весьма часто родятъ уже ненормальныхъ дѣтей, уродовъ. Хотя моя экскурсія по кудинскому и верхоленскому краю продолжалась всего 25 дней, но и въ этотъ короткій срокъ мнѣ удалось собрать свѣдѣнія частью лично, частью черезъ показанія мѣстныхъ жителей, о 21 бурятскомъ уродѣ. Уродства эти для удобства представленія я классифицирую на два рода: мускульно-остеологическія и нервно-мозговыя. Къ мускульно-остеологическому роду отношу тѣ уродства, которыя состоятъ или въ совершенномъ отсутствіи, либо въ большей или меньшей недоразвитости нѣкоторыхъ внѣшнихъ тѣлесныхъ органовъ, напр., рукъ, ногъ, или пальцевъ на рукахъ и ногахъ и т. п., или, наоборотъ—въ излишествѣ нѣкоторыхъ органовъ, наприм., въ полидактилизмѣ, или, наконецъ, вообще, въ неправильной формѣ костей и мускуловъ въ той или другой части тѣла и, соотносительно съ тѣмъ, въ общей неправильности тѣлосложенія. Къ типу нервно-мозговыхъ уродствъ отношу тѣ, въ которыхъ, при общей правильности тѣлосложенія, рѣзко выдаются анормальныя нервно-мозговыя или психическія проявленія, наприм., въ наклонности находиться въ стадѣ овецъ, въ стремленіи убѣгать въ лѣсъ, лазить по деревьямъ или по стѣнамъ, въ отвращеніи отъ людей, отъ одежды и т. п. Такъ какъ тѣ и другія уродства подробно описаны мною въ особой статьѣ, предназначенной для напечатанія въ «Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла географическаго общества», то здѣсь я ограничусь только двумя или тремя примѣрами. Изъ числа видѣнныхъ мною мускульно-остеологическихъ уродствъ, особенно замѣчательны 3 урода. Перваго урода видѣлъ я въ Кудинскомъ вѣдомствѣ, въ Кулимканскомъ улусѣ 1-го абаганатскаго рода при р. Кудѣ. Это молодой бурятъ, лѣтъ 11. Съ 2-хъ годовъ отъ роду, съ тѣхъ поръ, какъ ему надо было ходить,—онъ лежитъ въ юртѣ, на половой нарѣ, недвижимо на корточкахъ, или навзничь, опершись на локти руки и на колѣни, и самъ нисколько не можетъ перемѣнить своего положенія. Руки у него маленькія и тоненькія, немного болѣе $1^1/_2$ дюймовъ въ окружности. Судя по этому признаку, у крайне малорослаго урода, повидимому, была задержка роста, происшедшая отъ рахитизма конечностей или же болѣзни позвоночника. Животъ у урода непомѣрно большой, выпяченный до полу. На спинѣ—горбъ горой, какъ у верблюда. На хрестцѣ—отростокъ, нѣчто въ родѣ рудиментарнаго признака или слѣда хвостового. Ноги согнуты дугой, не двигаются. Только руку уродецъ могъ нѣсколько протянуть, когда я далъ ему 20-копѣечный серебряный. Ничего онъ не говоритъ, только изрѣдка проборматываетъ что-то тихонько, будто мычитъ. Самъ онъ, конечно, не можетъ и ѣсть: его кормитъ мать. Передъ нимъ, у огня, стоитъ чашка съ арсой. Въ кудинскомъ же вѣдомствѣ, въ курумжинскомъ родѣ, въ Чохтоевскомъ улусѣ есть другой, едва ли еще не болѣе замѣчательный уродъ. Этотъ уродъ, лѣтъ 12, съ одной ногой, безъ рукъ, только съ рудиментарнымъ отросткомъ, или, какъ выражался кудинскій тайша, съ одними «значками рукъ»: но одинъ ручной зачатокъ, или рудиментъ, немного подлиннѣе другого и нѣсколько заостренъ на концѣ. При одной ногѣ, уродъ этотъ, однакожъ, съ дѣтства научился съ удивительною быстротой и подвижностью бѣгать или скакать на одной ногѣ. При отсутствіи рукъ, онъ съ дѣтства навыкъ съ изумительною ловкостью схватывать пальцами ноги, напримѣръ, палочку, вкладывать ее въ ротъ, въ зубы, и потомъ, схватывая тѣми же ножными пальцами ножикъ, рѣзать палочку въ зубахъ.

Однимъ, наиболѣе удлиненнымъ и нѣсколько заостреннымъ плечевымъ рудиментарнымъ отросткомъ онъ удивительно ловко отбиваетъ и отталкиваетъ отъ себя сильныхъ ровесниковъ, если они чѣмъ-нибудь раздражаютъ его. Уродъ этотъ, однакожъ, повидимому, съ полнымъ разсудкомъ, говоритъ хорошо, здраво. Въ 7-ми верстахъ отъ Усть-Ордынскаго селенія, въ Булусинскомъ улусѣ абаганатскаго рода, находится уродъ, тоже замѣчательный, особенно какъ одинъ изъ примѣровъ реверсіи въ развитіи человѣческой природы. Этотъ уродъ, при обезьянообразномъ строеніи лица, ногъ и рукъ, не ходитъ, а ползаетъ, какъ-будто передвигается на четвереренькахъ. Складъ головы у него микроцефалическій. Ничего онъ не слышитъ, не говоритъ, а только ворчитъ по-собачьи. Ѣстъ тоже по-собачьи, лакаетъ ртомъ прямо изъ корыта. Нерѣдко, однакожъ, дня по два бываетъ безъ ѣды. Вреда онъ не причиняетъ никакого. Когда сильно заворчитъ,—его постращаютъ бичемъ, и онъ замолчитъ. Кромѣ этихъ, ужъ очень раритетныхъ уродствъ, — въ кудинскомъ, а также въ верхоленскомъ и ленскомъ вѣдомствахъ есть еще не мало другихъ уродовъ, характеристичныхъ по недоразвитости тѣхъ или другихъ органовъ, или по общей неправильности и недоразвитости тѣлосложенія.

Изъ разряда нервно-мозговыхъ уродствъ особенно замѣчательно одно. Въ Отонхоевскомъ улусѣ бабаевскаго рода кудинскаго вѣдомства есть мальчикъ 7 или 8 лѣтъ. Онъ, повидимому, глухонѣмой, ничего не слышитъ и не понимаетъ. Чрезвычайно дикъ и необыкновенно подвиженъ. Безпрестанно то дрыгаетъ или быстро машетъ руками, то катаетъ турсуки, то вертится самъ на землѣ,—не посидитъ ни минуты спокойно на одномъ мѣстѣ. То вдругъ припрыгнетъ, то лѣзетъ на стѣну юрты. Иногда что то промычитъ тихонько. По временамъ губами производитъ какіе-то странные звуки, въ родѣ треска либо бульканья или же въ родѣ особаго рѣзкаго звука *пр*. Людей избѣгаетъ, повидимому, даже глядѣть на нихъ долго не можетъ, взглянетъ только мгновенно, диковато и безсмысленно,—и сейчасъ же отворачивается и вертится. Любитъ находиться въ стойлѣ вмѣстѣ съ овцами. «Изъ этого мальчика,—говорилъ намъ его родственникъ, молодой бурятъ,—выйдетъ большой человѣкъ, шаманъ». Другіе два урода этого типа, какихъ намъ показывали въ баендаевскомъ и 3-мъ буровскомъ бурятскихъ родахъ верхоленскаго и ленскаго вѣдомствъ, отличаются особеннымъ отвращеніемъ отъ жилья, отъ одежды и наклонностью убѣгать въ лѣсъ, рвать и ѣсть траву, лазить по деревьямъ и т. п. Такія нервно-мозговыя аномаліи или уродства, повидимому, появляются у бурятъ весьма часто. И это частое появленіе ихъ обусловливается, должно быть, главнымъ образомъ наслѣдственной передачей тѣхъ нервно-мозговыхъ разстройствъ и аномалій или тѣхъ психопатическихъ свойствъ и наклонностей, какія генеративно порождаетъ и развиваетъ господство шаманства. Каждый бурятскій родъ имѣетъ по нѣскольку шамановъ. Напримѣръ, въ кудинскомъ бурятскомъ населеніи, при 5.600 м. п. и 5.200 ж. п., находится, по крайней мѣрѣ, до 46 шамановъ муж. пола и до 13 жен. пола. Въ верхоленскомъ и ленскомъ вѣдомствахъ по р. Манзуркѣ есть цѣлые улусы (напр., Бортойскій, Степно-Балтайскій), находящіеся при священныхъ, шаманскихъ или тайлаганныхъ (богослужебныхъ) горахъ, ключахъ и рѣкахъ, которые, по завѣщанію древнихъ знаменитыхъ въ бурятскихъ легендахъ шамановъ, спеціально предназначены къ генеративному нарожденію шамановъ. Въ каждомъ бурятскомъ роду весьма многіе отцы и матери питаютъ суевѣрно-задушевное желаніе—родить шамана. Вообще, генеративно-наслѣдствен-

ная передача шаманскихъ нервно-мозговыхъ наклонностей до того сильна въ замкнутой сферѣ бурятскаго родового генезиса, что въ улусахъ бурятскихъ нерѣдко появляются цѣлыя толпы людей нервно-разстроенныхъ, психопатически-возбужденныхъ. Это такъ называемые «дулашены». По толкованію кудинскаго тайши и другихъ бурятъ, «дулашены» суть не что иное, какъ временно появляющіяся въ бурятскихъ улусахъ толпы дико-вдохновенныхъ пѣсенниковъ, людей экзальтированныхъ, бѣснующихся. Дулашенами бываютъ и мужчины, и женщины. Если кто-нибудь изъ нихъ, будетъ ли то бурятъ или бурятка, особенно рѣзко выдается своею нервною возбужденностью и экзальтированностью,—то такой дулашенъ обыкновенно становится шаманомъ. Онъ бѣгаетъ день и ночь по лѣсу, гдѣ часто, разложивъ большой огонь, начинаетъ около него кружиться и кривляться самымъ неестественнымъ образомъ, такъ что на него въ это время страшно смотрѣть: лицо у него совершенно измѣняется, изо рта выдѣляется пѣна; дулашенъ, какъ сумасшедшій, кричитъ дико, нечеловѣческимъ голосомъ, подобно разнымъ звѣрямъ. При такой наклонности бурятъ къ нервно-мозговому разстройству—«дулашенству» и проистекающему изъ него шаманизму, неудивительно, что и женщины бурятскія часто родятъ дѣтей съ этими дулашенскими или шаманскими нервно-мозговыми предрасположеніями.

Имѣя въ виду такія анормальныя проявленія генезиса среди бурятскаго племени, мы, кажется, несомнѣнно можемъ предполагать, что и главная, коренная причина общей меньшей численности и постепеннаго, генеративно-послѣдовательнаго уменьшенія у бурятъ женщинъ заключается собственно въ этой естественно-исторической наклонности бурятской родовой генетической способности къ дегенераціи, къ вырожденію, вслѣдствіе именно замкнуто-родового, кровосмѣсительнаго генезиса и вслѣдствіе угнетенности женщины. Въ племени, въ которомъ, въ силу вѣковой крайне-ограниченной родовой сферы генезиса, нативитарная, генетическая энергія, естественно, неизбѣжно ослабѣваетъ, парализуется и уклоняется отъ физіологической нормальности, генетическое, замкнуто-родовое кровообращеніе, такъ сказать, застаивается, и, наконецъ, отъ застоя и отсутствія освѣженія извнѣ, начинаетъ какъ бы портиться до того, что часто порождаются, вмѣсто нормально-сложенныхъ людей, странные уроды, — въ такомъ племени, по нашему мнѣнію, естественно, женщинѣ, какъ главной генетической, нативитарной силѣ человѣческой природы, такъ сказать — не родъ, не мѣсто. Сама природа какъ бы стремится устранить ее отъ нарожденія уродовъ, отъ естественно-историческаго процесса дегенераціи, вырожденія родовъ, замкнуто-обособленныхъ, неестественно изолированныхъ въ тѣсно-родовомъ, единокровномъ генезисѣ. И вотъ, женщина чахнетъ, изводится и вымираетъ тамъ, гдѣ среда не благопріятствуетъ нормальному проявленію ея нативитарной способности, гдѣ ей не достаетъ, такъ сказать, физіологическаго, нормально-генетическаго мѣста и значенія, гдѣ, однимъ словомъ, ей не житье.

Совершенно другое явленіе представляетъ намъ русско-крестьянская женщина въ осѣдло инородческихъ общинахъ. Какъ ни мелокъ, по числовымъ даннымъ, фактъ большей численности женщинъ у осѣдлыхъ инородцевъ, но и онъ внушаетъ намъ нѣкоторые выводы, не лишенные значенія. Коль скоро у кочевыхъ бурятъ, нарождающихся въ замкнутыхъ родахъ, женщина вымираетъ, а напротивъ, у осѣдлыхъ инородцевъ, вмѣстѣ съ осѣдлостью и домоустройствомъ воспринимаю-

щихъ и обновительно-воспроизводительный генетическій элементъ,—именно славяно-русскій женскій элементъ, — у осѣдлыхъ инородцевъ и женщина нарождается съ новою силою, даже, повидимому, въ гораздо большей численности сравнительно съ мужчинами, — то что это значитъ? Не значитъ ли это ясно, что приливъ, новой, освѣжающей, возродительной генетической силы въ сферу бурятскаго генезиса, привносимый славяно-русскою женщиною, прямо, физіологически ведетъ не только къ возрожденію антропологическаго типа, человѣческой природы бурятъ въ образѣ осѣдло-инородческихъ поколѣній, но и къ возстановленію среди осѣдлыхъ инородцевъ нативитарной, генетической силы женскаго элемента, который среди бурятскихъ родовъ начинаетъ вырождаться. Не значитъ ли эта большая численность женщинъ у осѣдлыхъ инородцевъ, усматриваемая изъ сравненія съ численностью женщинъ у бурятъ, что вступленіе славяно-русской, крестьянской женщины въ замкнутую сферу родового бурятскаго генезиса ведетъ къ новому, усиленному нарожденію новаго антропологическаго типа осѣдло-инородческой женщины, вмѣсто вымирающихъ женщинъ бурятскихъ, ведетъ къ прогрессивному, генеративно-послѣдовательному увеличенію числа осѣдло-инородческихъ женщинъ, увеличенію, пропорціональному генеративно-послѣдовательному уменьшенію числа женщинъ бурятскихъ. Такимъ образомъ, во всемъ этомъ естественно-историческомъ процессѣ само собою выказывается значеніе славяно-русской крестьянской женщины, повидимому, незамѣтное, сокрытое, но, тѣмъ не менѣе, весьма многознаменательное. Женщина русско-крестьянская входитъ въ ясачно-бурятскій міръ, въ среду бурятскаго племени,—и привноситъ съ собою животворную, обновительную, возрождающую генетическую силу. Посмотрите на дѣтей осѣдлыхъ инородцевъ во второмъ, и особенно въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, посмотрите на ихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Какіе они здоровые, цвѣтущіе, бойкіе, даже иногда при самой убогой домашней матеріальной обстановкѣ! «Даромъ, что братской породы, а какіе бѣленькіе, хорошенькіе у васъ дѣти»,—сказалъ я разъ въ Усть-Ордынскомъ селеніи одной женщинѣ—женѣ осѣдлаго инородца. «Да, *бабья природа одолила братскую кровь*»,—отвѣтила она мнѣ. И точно, «бабья природа одолила». Женщина славяно-русская, крестьянская претворяетъ, перерождаетъ бурятскую родовую породу въ русскую народность. Привнося славяно-русскую народную кровь въ кровь монголо-бурятскую, возрождая бурятскіе роды въ славяно-русскія народныя генераціи, женщина русско-крестьянская такимъ образомъ, можно сказать, творитъ новые антропологическіе или этническіе типы, наиболѣе ассимилирующіеся съ высшимъ, передовымъ антропологическимъ типомъ индо-европейскимъ. Она прежде всего перерождаетъ бурятъ, людей монгольской крови, въ племя славяно-русское, европейское, а ужъ потомъ психически-возродительной силѣ высшей антропологической соціальной цивилизаціи предстоитъ довершить дальнѣйшую, высшую антропологосоціальную ассимиляцію какъ самой славяно-русской народности, такъ вмѣстѣ съ нею, въ ея этническомъ составѣ, и бурятскаго племени съ высшимъ человѣческимъ типомъ — западно-европейскимъ и сѣверо-американскимъ. Да, если вы вникните въ послѣдовательно-генеративный, физіолого-генеалогическій процессъ перерожденія бурятскихъ родовъ въ русско-крестьянскія поколѣнія, въ лицѣ ясачныхъ или осѣдлыхъ инородцевъ,—то наглядно въ дѣйствительности увидите, какъ мѣтко и вѣрно замѣтила усть-ордынская осѣдло-инородческая женщина, когда сказала: «бабья природа одолила!» Въ осѣдло-инородческихъ селеніяхъ вы нерѣдко можете замѣ-

тить поразительныя проявленія, такъ сказать, самой борьбы, съ какою возродительная генетическая сила славяно-русской народной женщины одолѣвала бурятскую кровь или породу въ генеративно-послѣдовательномъ нарожденіи новыхъ этническихъ типовъ — осѣдло-инородческихъ, ясачно-обрусѣлыхъ. Такъ, наприм., въ Ользоновскомъ и Баендаовскомъ селеніяхъ я видѣлъ двои[хъ] двойниковъ, въ обоихъ случаяхъ—двойниковъ-дѣвочекъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, изъ тѣхъ и другихъ двойниковъ — одна дѣвочка бѣленькая, даже особенно бѣленькая, другая же еще нѣсколько черноватая или смугловатая. «Тутъ,— замѣтила одна осѣдлая инородка,— тутъ двѣ крови боролись — братская и русская: черна земля сильна — брацкая кровь въ черненькой дѣвчонкѣ еще усилѣла, а все-таки русская бабья кровь сильнѣе, взяла свое, одолила брацкую кровь: другая двойничная дѣвченочка вся вышла въ мать, бѣленькая: въ третьемъ колѣнѣ русская кровь ужъ и совсѣмъ пересиливаетъ брацкую». И, дѣйствительно, въ Ользоновскомъ селеніи я обошелъ всѣ 19 домовъ, — и вездѣ увидѣлъ осѣдлыхъ инородцевъ даже уже во второмъ, а особенно же въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ уже совершенно съ русскимъ народнымъ обличьемъ. Въ третьемъ, а иногда даже и во второмъ колѣнѣ, у нихъ появляется уже довольно большая борода, хотя у прадѣдушекъ ихъ — бурятъ бархуновъ, орбадаевъ, сурохубуновъ, ходуновъ и др., какъ они ихъ называли, бороды вовсе не было, или было только 5—6 волосковъ, какъ выражались внуки и правнуки этихъ бурятъ — ользоновскіе осѣдлые инородцы. Наконецъ, что касается до уродства, то несмотря на всѣ внимательные розысканія и распросы, въ осѣдло-инородческихъ селеніяхъ мнѣ не удалось видѣть ни одного урода. Съ разными предупредительными поясненіями, направленными къ тому, чтобы возбудить въ народѣ болѣе или менѣе искреннюю, безбоязненную или безпредразсудочную откровенность и довѣрчивость, — постоянно и повсюду разспрашивалъ я самихъ жителей осѣдло-инородческихъ селеній, нѣтъ ли у нихъ гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь семьѣ, или не помнятъ ли они, не родились ли прежде у нихъ какіе-нибудь уроды. Спрашивалъ я объ этомъ для того, чтобы, по показаніямъ осѣдлыхъ инородцевъ, мало-по-малу, по мѣрѣ возможности, осмотрѣть всѣхъ этихъ уродовъ, если бы они гдѣ-нибудь оказались. Но всѣ осѣдлые инородцы, въ разныхъ мѣстахъ, съ клятвами, въ одинъ голосъ отвѣчали, что у нихъ не было, и что они не помнятъ и не знаютъ вовсе, чтобы въ ихъ селеніяхъ когда-либо и у кого-либо родились какіе-нибудь уроды. «Что намъ скрывать, — говорили они прямодушно, — вѣдь, это дѣло Божье, явное, на глазахъ у всѣхъ: кабы у кого-нибудь родились у насъ уродики, пошто бы намъ не сказать. Нѣтъ, ужъ по всей правдѣ говоримъ: нѣтъ у насъ такихъ уродиковъ, и не помнимъ, не знаемъ, были ли и прежде у кого-нибудь». И дѣйствительно, во многихъ осѣдло-инородческихъ селеніяхъ я обошелъ всѣ дворы, всѣ избы, осмотрѣлъ, можно сказать, всѣ семьи отъ мала до велика, но нигдѣ не встрѣтилъ ни одного урода съ какими бы то ни было органическими аномаліями.

Замѣтно измѣняя общій антропологическій или этническій типъ бурятъ, русская крестьянская женщина, выходя замужъ за бурятъ, черезъ извѣстный рядъ нарождающихся вновь смѣшанныхъ поколѣній бурятско-русской породы, мало по малу производитъ въ этихъ поколѣніяхъ и нѣкоторыя частныя анатомо-физіологическія измѣненія. Такъ, напримѣръ, замѣтны нѣкоторыя измѣненія въ физической, мускульной силѣ тѣхъ поколѣній, какія произошли отъ смѣшанныхъ браковъ бу-

рятъ съ русскими крестьянскими женщинами. Это можно видѣть отчасти изъ слѣдующей небольшой сравнительной таблицы ручной, плечевой и грудной силы бурятъ, осѣдлыхъ инородцевъ или ясачныхъ и русскихъ крестьянъ [1]), какую я успѣлъ составить, въ короткій срокъ экскурсіи, на основаніи своихъ наблюденій посредствомъ динамометрическаго безмѣна, или вѣса.

РУЧНАЯ, ПЛЕЧЕВАЯ И ГРУДНАЯ СИЛА.

Вытягивали.	Изъ 61 бурята муж. п.	Изъ 36 ясачно-осѣдлыхъ муж. п.	Изъ 51 русскихъ крестьянъ м. п.
Отъ 1 п. — ф. до 1 п. 5 ф. . .	7	6	4
» 1 п. 10 ф. до 1 п. 12 ф. . .	6	3	6
» 1 п. 15 ф. до 1 п. 20 ф. . .	16	6	8
» 1 п. 25 ф. до 1 п. 30 ф. . .	18	12	17
» 2 п. — ф. до 2 п. 10—20 ф. . .	14	9	16

Какъ ни малочисленны эти данныя, но и они, на нашъ взглядъ, приводятъ къ нѣкоторымъ выводамъ, стоющимъ вниманія. Изъ нихъ оказывается, что, вопервыхъ, средняя сила ручная, плечевая и грудная,—вообще значительно преобладающая надъ наименьшею силою какъ у бурятъ, такъ и у осѣдлыхъ инородцевъ и русскихъ крестьянъ,—сравнительно, однакожъ, менѣе развита у бурятъ, чѣмъ у осѣдлыхъ инородцевъ и у русскихъ крестьянъ: тогда какъ у осѣдлыхъ инородцевъ отъ 1 п. 25 ф. до 1 п. 30 ф. вытягивали на динамометрическомъ безмѣнѣ 12 изъ 36 человѣкъ, или 33,33% на 100, у русскихъ крестьянъ 17 изъ 51 челов., или тоже 33,33% на 100,—у бурятъ только 18 изъ 61 челов., или 29,5% на 100. Точно также и наибольшая сила, по указанію динамометрическаго вѣса, оказывается опять значительно менѣе развитою у бурятъ, значительно болѣе развитою у ясачно-осѣдлыхъ инородцевъ и наибольшею у русскихъ крестьянъ: изъ 61 бурята только 14 вытянули отъ 2 п. до 2 п. 10—20 ф., тогда какъ осѣдлые инородцы 9 изъ 36, а русскіе крестьяне 16 изъ 51. Вообще, въ процентномъ отношеніи, у бурятъ наиболѣе сильныхъ оказывается около 23%, у осѣдлыхъ инородцевъ около 25%, а у русскихъ крестьянъ около 31,37%. Какъ ни малочисленны, говоримъ, эти данныя, но все-таки, по нашему мнѣнію, и они приводятъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, заслуживающимъ вниманія въ соціально-этнологическомъ отношеніи. Буряты,—надо замѣтить, сравнительно гораздо болѣе, чѣмъ осѣдлые инородцы и русскіе крестьяне, потребляютъ въ годъ мяса и молока—пищи, наиболѣе укрѣпляющей физическую силу. Каждый бурятъ, по при-

---

[1]) За отсутствіемъ настоящаго динамометра, я измѣрялъ силу динамометрическимъ вѣсомъ, или безмѣномъ. Обыкновенно сначала въ рукахъ каждаго субъекта, охотно бравшагося за испытаніе своей силы, я налаживалъ динамометрическій вѣсъ прямо около груди, въ ровномъ разстояніи отъ праваго и лѣваго бока или въ ровномъ горизонтальномъ положеніи осевой линіи вѣсового круга отъ одного кольца до другого, такъ, чтобы всѣ одинаково его брали, для того, чтобы, по возможности, всѣ одинаково могли показывать свою силу ручную, плечевую и грудную и, въ частности, силу пальцевъ. Употребляя такимъ образомъ динамометрическій вѣсъ, или безмѣнъ, я отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ только силу тѣхъ субъектовъ, которые, во-1-хъ, по возрасту были отъ 20 до 40 лѣтъ, во-2-хъ, пробовали или испытывали свою силу въ утренніе часы дня, или съ 8 час. утра до 2-хъ час., въ-3-хъ, пробовали или показывали свою силу не одинъ разъ, а съ отдыхами отъ 3 до 6 и болѣе разъ. Къ сожалѣнію, по причинѣ недостаточной встрѣчи молодежи, по случаю страднаго времени,—мнѣ удалось такимъ образомъ отмѣтить силу небольшого числа субъектовъ.

близительному разсчету, потребляетъ мяса въ годъ, среднимъ числомъ, не менѣе 140 фунтовъ, тогда какъ на каждаго осѣдлаго инородца и русскаго крестьянина едва ли приходится въ годъ, среднимъ числомъ, болѣе 20 или 25 фунтовъ мяса. Вообще, матеріальныя жизненныя средства, въ общей сложности, у наибольшей части бурятъ, сравнительно, изобильнѣе, чѣмъ у наибольшей части осѣдлыхъ инородцевъ и русскихъ крестьянъ. Какъ посмотришь тамъ индѣ, по рѣкамъ Манзуркѣ, Ленѣ и Ангѣ на эти деревушки осѣдлыхъ инородцевъ и русскихъ крестьянъ, на эти Большіе или Малые Голые, Кудринскія заимки, Аргуны, Аланы, Дурутуйскія заимки и проч., да заглянешь въ ихъ полуразвалившіяся избушки,— такъ поникнешь головой отъ тяжелой думы о преобладаніи въ нихъ крайней бѣдности, голытьбы народной. И, однакожъ, диво, что и въ этихъ бѣдныхъ деревушкахъ пульсъ жизни народной бьется еще живо, здорово. И вотъ, оказывается даже, что и физическая сила сравнительно болѣе развита въ этомъ осѣдло-инородческомъ и крестьянскомъ населеніи, чѣмъ въ бурятскихъ поколѣніяхъ. Что же это значитъ? Не показываетъ ли опять и этотъ фактъ намъ, такъ сказать, физіологически или сравнительно-этнологически, что физическая сила славяно-русскаго племени, генеративно развившаяся и окрѣпшая вслѣдствіе вѣкового упражненія ея въ земледѣльческой работѣ, черезъ посредство славяно-русскихъ, крестьянскихъ женщинъ постепенно передается и нарождающимся отъ нихъ обрусѣлымъ бурятскимъ поколѣніямъ. Земледѣльческія работы и земледѣльческое домохозяйство, несмотря на всѣ гнетущія соціально-экономическія условія ихъ развитія, ужъ сами по себѣ, въ теченіе тысячелѣтій, наиболѣе благопріятствовали укрѣпленію и развитію физической силы славяно-русскаго народа. А, напротивъ, бурятская пастушеская и юртовая жизнь, большею частью праздношатательно-кочевая, беззаботно-вялая, сидячая и лежачая, несмотря на лучшее, наибольшее питаніе бурятъ мясомъ и молочными продуктами, уже сама по себѣ, если не парализируетъ, не ослабляетъ физическую силу бурятъ, то, по крайней мѣрѣ, и не благопріятствуетъ ея развитію. Поколѣнія пришлыхъ изъ Россіи въ Сибирь крестьянъ генеративно-наслѣдственно сохраняютъ и развиваютъ въ себѣ физическую силу славяно-русскаго народа, въ теченіе вѣковъ развитую страдной, богатырской мускульной работой. И вотъ, славяно-русскія крестьянскія женщины, выходя замужъ за ясачно-крещеныхъ бурятъ, и передаютъ эту физическую силу славяно-русскаго народа нарождающимся отъ нихъ новымъ осѣдло-инородческимъ поколѣніямъ смѣшанной бурятско-русской породы. А эти поколѣнія, въ свою очередь, изъ рода въ родъ упражняясь въ земледѣльческихъ и домохозяйственныхъ работахъ, и вновь вступая въ браки съ русско-крестьянскими женщинами, генеративно поддерживаютъ въ себѣ и, по мѣрѣ возможности, развиваютъ унаслѣдованную черезъ матерей физическую силу славяно-русскаго народа,—и такимъ образомъ, естественно, оказываются сильнѣе бурятъ—своихъ прародичей по мужской линіи.

Наконецъ, славяно-русскія крестьянскія женщины, выходя замужъ за новокрещеныхъ бурятъ или осѣдлыхъ инородцевъ, вносятъ нѣкоторыя улучшенія и въ ихъ домашній, семейный бытъ и отчасти даже содѣйствуютъ ихъ новому общинному соединенію, слiянію и согласію. Достаточно сравнить ту улусную юрту, изъ которой новокрещеный бурятъ переходитъ къ сельской осѣдлости и къ крестьянскому домоводству, достаточно сравнить эту юрту съ той избой, какую заводитъ новокрещеный осѣдлый инородецъ, женясь на русской крестьянской женщинѣ.

сразу видѣть большую перемѣну, какую привносятъ съ собою русскія нскія женщины, выходя за бурятъ замужъ. Тогда какъ бурятки никогда тъ ни юртъ своихъ, ни посуды, считая это, по своей вѣрѣ, грѣхомъ,— дло-инородческихъ избахъ русскія крестьянскія женщины, хозяйки дома, іютъ чистоту во всемъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ, по настоянію русскихъ іъ-домохозяекъ, стѣны выкрашены разными красками, въ видѣ разныхъ › и узоровъ, или на подобіе обоевъ. Вмѣсто грязныхъ и смрадныхъ войъ, желѣзныхъ и деревянныхъ „онгоновъ“ (идоловъ—бурхановъ), пропитаннасломъ или сметаной отъ такъ называемаго „брызганья“ шаманскаго и зенно висящихъ безобразно на лѣвой стѣнѣ юртъ,—русскія крестьянскія ы—осѣдло-инородческія домохозяйки—нерѣдко всѣ переднія стѣны своихъ особенно въ горницахъ, увѣшиваютъ разными картинками и пестрыми, разноми бумажками, хотя большею частью безъ всякаго вкуса, но все-таки съ :тивною потребностью возможнаго, своеобразнаго эстетическаго убранства и нія своей убогой осѣдло-инородческой избушки. Въ Ользоновскомъ осѣдлоіескомъ селеніи (верхоленскаго вѣдомства), въ одной избѣ, по сторонамъ разовъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Маріи Египетской и Богородицы, е надъ окнами привѣшены разныя картинки и фигурныя бумажки, какъ, ѣръ: картинка или марка даниловской мануфактуры механическаго ткачеещеринова, картинка съ куска ситца, китайская бумажка съ кирпичнаго :артинка Chymansky in Charkow, изображающая группу шарманокъ или подобное, простыя розовыя или аленькія бумажки, картинка фабрики Мино и т. п. Въ томъ же селеніи, въ домѣ одной вдовы—осѣдлой инородки бразами навѣшано до 30 или 40 разныхъ изъ бумажекъ вырѣзанныхъ ковъ, цвѣтовъ, звѣздочекъ, а за этими бумажными фигурами собственнаго навѣшаны оберточныя бумажки съ сигаръ Крафта, съ конфектовъ и т. п. готовскомъ селеніи, близъ р. Манзурки, у старшины—осѣдлаго инородца го въ горницѣ навѣсила картинки или марки съ товаровъ, бандерольныя і, а затѣмъ—портреты короля Фридриха Вильгельма I Людвика, ФриКарла—племянника короля, Фридриха Вильгельма—сына короля, генерала э, генерала Фогель-Фалькенштейна, генерала Роонъ, генерала Герварта фельдскаго. На окнахъ во многихъ осѣдло-инородческихъ избахъ русскія ы-домохозяйки стали ставить цвѣтники-горшки, кадки, а иногда просто или туязья съ цвѣтами—съ розой, съ перцовымъ растеніемъ и т. п. жены осѣдлыхъ инородцевъ — русскія крестьянскія женщины, вмѣсто ой, азіатской лѣни и наклонности къ покою или праздношатательству по и улусомъ для угощенія тарасуномъ и жарениной, вносятъ въ осѣдлоескія общины любовь къ работѣ, энергію трудолюбія и заботливость о ишествѣ, о домохозяйствѣ, о дѣтяхъ, объ улучшеніи домашняго быта. › мы могли замѣтить, жены осѣдлыхъ инородцевъ едва ли не трудолюбивѣе заботливѣе своихъ мужей—„выгонковъ“ бурятскихъ, какъ выражаются о ми осѣдлые инородцы. По крайней мѣрѣ, намъ иногда доводилось видѣть дло-инородческихъ селеніяхъ, какъ мужья—осѣдлые инородцы либо пьяные ь на печи, на палатяхъ, либо праздно шатались по деревнѣ въ самый страды,—а жены ихъ и дочери съ ранняго утра и до поздняго вечера и на пашнѣ или на покосѣ, либо ѣздили по бурятскимъ улусамъ вымѣни-

вать на что-нибудь шерсть, сметану и т. п., или же съ утра до вечера копошились, „убирались въ избѣ“. Разъ мы слышали даже, какъ одна весьма умная отъ природы жена осѣдлаго инородца, русская крестьянская женщина, кротко выговаривала своему мужу, тоже весьма умному, трезвому и трудолюбивому осѣдлому инородцу, но на этотъ разъ нѣсколько залѣнившемуся,—выговаривала за то, что онъ въ страду, въ хорошій ясный день остался дома сидѣть въ кабакѣ, не поѣхалъ на пашню жать. Когда мужъ, съ своей стороны, попрекнулъ ее въ бездѣльи, то она ему отвѣтила: «ну, ужъ нечего говорить, переробилъ ты меня: ты видишь, сколько у меня дома-то работы, съ утра до ночи не посидишь на мѣстѣ, стряпай, вари, мой рубахи, дой коровъ да и за ребятами гляди, корми, качай ребенка въ зыбкѣ; кабы не ребяты, я бы съ радостью ходила на пашню жать». Въ частности, русскія крестьянскія женщины, жены осѣдлыхъ инородцевъ, нерѣдко своими настоятельными внушеніями возбуждали въ своихъ мужьяхъ любовь къ хлѣбопашеству, дѣятельную заботу объ его приращеніи. Въ усть-ордынской осѣдло-инородческой общинѣ женщины едва ли не горячѣе своихъ мужей говорили намъ о крайней необходимости прибавки имъ земли подъ хлѣбопашество изъ бурятскихъ пустопорожнихъ земель. Далѣе, жены осѣдлыхъ инородцевъ—русскія крестьянскія женщины, повидимому, больше мужчинъ—«выгонковъ» бурятскихъ водворяли въ новыхъ осѣдло-инородческихъ общинахъ миръ, взаимность, согласіе и общительность. Живя въ нѣкоторыхъ осѣдло-инородческихъ селеніяхъ по нѣскольку дней, я замѣчалъ между женщинами наибольшую общительность и взаимность, чѣмъ между мужчинами—осѣдлыми инородцами. Тогда какъ мужчины были большею частью въ разрозненности, особняками, женщины то и дѣло сходились и сообщались между собою по дѣламъ и безъ дѣла. На улицахъ нерѣдко можно было слышать дружныя переклички бабъ, въ родѣ такихъ: «не топи, молодка, сегодня баню-то у себя, сходите въ нашу». или: «ходила искать свою краснуху, да и вашу-то чернуху по пути пригнала» и т. п. Бабы быстро разносили по селу тѣ или другія новости. Ѣздила, напр., одна женщина въ улусъ и видѣла тамъ страшнаго урода, и вотъ разсказъ о немъ, сначала сообщенный другимъ женщинамъ на рѣкѣ, за мытьемъ бѣлья, въ тотъ же день быстро обобщился по всей деревнѣ. Женщины поддерживаютъ между сосѣдями, между всѣми семьями осѣдло-инородческой общины гостепріимную симпатію и ссудо-вспомогательную взаимность. Въ нашу бытность въ нѣкоторыхъ осѣдло-инородческихъ селеніяхъ, женщины то и дѣло приходили другъ къ другу то взять чего-нибудь взаймы—ковригу хлѣба, муки пшеничной и т. п., или же просто побесѣдовать за чаемъ, обмѣняться своими семейными чувствами и домашними заботами. Наконецъ, жены осѣдлыхъ инородцевъ—русскія крестьянскія женщины, повидимому, не мало содѣйствовали возбужденію въ «выгонкахъ» бурятскихъ—осѣдлыхъ инородцахъ воспріимчивости къ обычаямъ русско-крестьянской общинной жизни и, въ частности, къ артельному началу. Сколько мы могли замѣтить изъ бесѣдъ крестьянскихъ женъ осѣдлыхъ инородцевъ, онѣ очень хорошо понимаютъ всѣ порядки русско-крестьянской общины, а также и нравы и обычаи бурятской улусной родовой общины. Въ усть-ордынской осѣдло-инородческой общинѣ одна русская крестьянская женщина, жена осѣдлаго инородца, сообщила намъ нѣсколько обстоятельныхъ свѣдѣній о мірскихъ сходкахъ въ этой общинѣ, о правилахъ или условіяхъ выдачи осѣдлымъ инородцамъ хлѣба изъ запаснаго магазина, который у нихъ общій съ бурятами, объ артеляхъ сѣнокосныхъ, рыболовныхъ, о помочахъ

половыхъ, о генеалогическомъ образованіи усть-ордынской осѣдло-инородческой общины изъ рода крещенаго бурята Татаринова и о многомъ другомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, осѣдло-инородческія жены, русскія крестьянскія женщины, словно древне-германскія freodawebbende—«ткущія миръ женщины», обнаруживали довольно замѣчательную способность примиренія, соглашенія ссорившихся артелей, и съ тѣмъ вмѣстѣ выражали самыя разумныя, самыя справедливыя сужденія о взаимныхъ обязанностяхъ артельщиковъ. Такъ, напр., въ Усть-Ордынскомъ же осѣдло-инородческомъ селеніи, въ домѣ, гдѣ я квартировалъ, поздно вечеромъ пристала покормить лошадей и напиться чаю извозная артель оецкая (изъ Оецкаго селенія въ 35 верстахъ отъ Иркутска), возившая кладь на Лену. За чаемъ артельщики стали ссориться, хотя не шумно, не бранно, но все-таки съ замѣтнымъ огорченіемъ считались между собою; всѣ они просили на водку у одного изъ товарищей, а какъ этотъ не хотѣлъ дать, то артельщики и корили его за то, что въ то время, когда всѣ они работали въ Качугѣ (на пристани ленской), таскали съ возовъ кладь на своихъ плечахъ къ вѣсамъ и въ амбары,—онъ, этотъ молодой артельщикъ, одинъ не работалъ, не таскалъ вмѣстѣ съ ними клади, а по просьбѣ хозяина стоялъ у хозяйскихъ вѣсовъ. Долго артельщики попрекали этимъ своего сотоварища, разъясняли ему, что онъ долженъ дать имъ на водку за то, что не пособлялъ имъ въ одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ артельныхъ дѣлъ. Молодой парень — артельщикъ, повидимому, никакъ не хотѣлъ взять этого въ толкъ, не соглашался дать на водку. Наконецъ, въ споръ артельщиковъ вмѣшалась баба, русская крестьянская женщина, жена осѣдлаго инородца, хозяйка дома, поившая артельщиковъ чаемъ. Она заговорила: «какъ же ты не поймешь, што ты точно не правъ? Какой же ты артельщикъ въ самомъ дѣлѣ? Когда нужно было въ самой тяжелой работѣ пособлять товарищамъ-артельщикамъ, ты отсталъ отъ артели и пошелъ, сложа руки, стоять у хозяйскихъ вѣсовъ. Ты вѣдь не съ хозяиномъ имѣлъ артельный уговоръ. Ты вѣдь долженъ былъ дѣлать артельное дѣло вмѣстѣ, заодно съ своей артелью, а ты пошелъ дѣлать хозяйское дѣло—принимать за хозяина и провѣрять на вѣсахъ хозяйскую кладь. Вѣстимо, ты долженъ ублаготворить товарищей-артельщиковъ за то, что они за тебя дѣлали твою долю работы». Тогда молодой артельщикъ усовѣстился, согласился съ доводами женщины и удовлетворилъ желаніе товарищей. Скоро послѣ того ночью артель дружно отправилась въ дорогу. Вообще, если бы русскія крестьяскія женщины не вносили съ собой началъ русской народной жизни въ инородческій міръ, —то и наша сельская община, составляющая главную силу государства и основу нашего будущаго соціальнаго возрожденія, не расширялась бы этимъ безпрерывнымъ приращеніемъ къ ней новыхъ осѣдло-инородческихъ общинъ.

Итакъ, сколь ни ограничена роль народной женщины въ развитіи русской народности, но и на основаніи ея мы можемъ составить тотъ общій выводъ, что въ исторической выработкѣ общественнаго прогресса, въ антропологическомъ и соціальномъ развитіи народа дѣйствуютъ не однѣ верховныя, господствующія силы государства, не однѣ избранныя личности, рѣзко выдающіяся изъ массы посредственныхъ государственныхъ, гражданскихъ и научныхъ дѣятелей, но и такіе незамѣтные, скромные, такъ сказать, рядовые члены народа, какъ, напримѣръ, простонародныя, крестьянскія, рабочія женщины, равно какъ и всѣ честные чернорабочіе труженики, честные низшіе слуги общества и т. д. Сколько, значитъ, прогрессивныхъ силъ могло бы быть вызвано къ усиленному коллективному, соціально-коопе-

ративному соучастію и содѣйствію во всеобщемъ дѣлѣ соціальнаго благоустроенія и развитія русскаго народа, если бы общество серьезно всматривалось во всѣ свои составныя части и сложныя народныя силы, сосчитывало и взвѣшивало всѣ прогрессивныя силы и задатки, которые заключаются въ его разнообразныхъ составныхъ общественныхъ и національныхъ элементахъ, напримѣръ, въ классѣ рабочемъ, въ мірѣ женщинъ, въ крестьянской и, вообще, въ сельской крестьянской. а также и инородческой общинѣ, народной молодежи и проч. Необходимо только, во-первыхъ, обратить серьезное вниманіе на эти большею частью незамѣтныя, сокрытыя въ общественномъ круговоротѣ, дѣятельныя, прогрессивно-потенціальныя силы народности. Во-вторыхъ, необходимо вызывать, возбуждать и усиливать прогрессивную активность этихъ силъ ихъ научно-образовательнымъ раціонализированіемъ и развитіемъ, пробужденіемъ въ нихъ сознательности. Наконецъ, необходимо умѣть, такъ сказать, соціально-экономично или общественно-производительно комбинировать эти разрозненныя потенціально-прогрессивныя народныя силы. Возьмемъ въ примѣръ опять женщину, о которой и была у насъ рѣчь въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ. Женщина, какъ аристократическая, такъ равно и простонародная, съ общей антропологической точки зрѣнія одинаково можетъ быть могучей прогрессивной силой, съ одной стороны, въ улучшеніи расовыхъ или антрополого-національныхъ качествъ народности, съ другой — въ развитіи новаго, лучшаго антрополого-соціальнаго строя. Будь общественное, антрополого-соціологическое воспитаніе и образованіе женщины, какъ высшаго, такъ и рабочаго класса, направлено такъ, чтобы оно создавало изъ женщинъ новую породу матерей научно-развитыхъ, научно-рабочихъ и соціально-гуманныхъ, тогда эти истинно-антропологично развитыя женщины — матери, естественно, стали бы и порождать новыя, лучшія человѣческія генераціи, новые, лучшіе, высшіе антропологическіе типы, наиболѣе проникнутые высшими соціальными идеями и высшими соціальными чувствами гуманности, справедливости, честности и соціально-кооперативной симпатіи, союзности и взаимности, и, слѣдовательно, наиболѣе способные къ лучшей, научно-раціональной и соціально кооперативной организаціи общественности. Эту же мысль высказываетъ и г. Н. Корфъ въ своей статьѣ — «Теорія Дарвина и вопросы педагогіи»: «если справедливо, — говоритъ онъ, — что наслѣдственность, въ ряду множества другихъ причинъ, имѣетъ вліяніе на физическія и психическія свойства человѣка; если справедливо также, что въ случаѣ неравенства родителей дѣти не всегда представляютъ нѣчто среднее между отцомъ и матерью, но, напротивъ, часто удаются то въ совершеннѣйшаго, то въ несовершеннѣйшаго изъ родителей; если, наконецъ, справедливо замѣтилъ Де-Кандоль, что потому дикія племена такъ мало видоизмѣнились, несмотря на то, что истребленіе слабыхъ направляло естественный подборъ въ смыслѣ покровительства сильнѣйшимъ въ расѣ, что они угнетаютъ женщину, — то насколько человѣчество задерживало до сихъ поръ прогрессъ свой тѣмъ, что *большинству* женщинъ не давали того воспитанія физическаго и того образованія, которое получаетъ *большинство* мужчинъ? Поступая такимъ образомъ, люди, призывая къ жизни множество нравственныхъ причинъ, могущихъ надѣлить потомковъ наслѣдственными условіями прогресса, какъ бы довольствовались только подборомъ отцовъ, часто *парализируя* результаты этого подбора *пренебреженіемъ къ матерямъ*. Отсюда слѣдуетъ, что мужчины, поощряя въ женщинахъ любовь къ труду, вкусъ къ научнымъ занятіямъ, вкусъ къ разумному воспитанію

и домашнему хозяйству, дѣйствуютъ въ собственномъ интересѣ, такъ какъ этимъ самымъ они увеличиваютъ шансы того, чтобы сыновья и внуки ихъ наслѣдовали хорошія склонности не только отъ отца, *но и отъ матери»* [1]). Далѣе, женщина, повидимому, болѣе мужчины способна къ развитію наиболѣе стройной, гуманно-союзной соціальности или къ содѣйствію въ дѣлѣ созданія и наиболѣе прочнаго сплоченія соціально-кооперативныхъ общинъ, потому что, вслѣдствіе естественно-историческаго хода развитія человѣческой природы, въ женщинѣ оказываются болѣе развитыми инстинкты соціальной симпатіи, чѣмъ въ мужчинѣ. «Женщина,—говоритъ Дарвинъ,—обладаетъ большею нравственною мягкостью, и чувство эгоизма въ ней менѣе развито. Подтвержденіе такому факту мы можемъ найти даже у дикихъ: стоитъ только припомнить трогательный разсказъ Мунго-Парка о симпатіи и добротѣ негритянокъ внутренней Африки даже къ иноплеменникамъ, особенно во время болѣзни, а также указанія и замѣчанія многихъ другихъ путешественниковъ. Благодаря своимъ материнскимъ инстинктамъ, женщина обнаруживаетъ свою симпатію, любовь и доброту въ самой высокой степени въ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ; поэтому неудивительно, что она часто выказываетъ эти соціальныя качества и по отношенію къ своимъ ближнимъ. Мужчина соперничаетъ съ другими мужчинами, и это соперничество доставляетъ ему удовольствіе, а это развиваетъ въ немъ честолюбіе, которое слишкомъ рано переходитъ въ эгоизмъ. Эти послѣднія качества, повидимому, составляютъ естественное и роковое достояніе мужчинъ» [2]). Если же справедливо, что въ женщинѣ болѣе развиты соціальныя наклонности, чѣмъ въ мужчинѣ, — то, естественно, при наибольшемъ раціонально-воспитательномъ и научно-образовательномъ развитіи въ ней этихъ соціальныхъ способностей, она можетъ быть одной изъ самыхъ могущественныхъ антропологическихъ силъ въ ассоціированіи и сплоченіи будущихъ соціально-кооперативныхъ общинъ. Не даромъ, даже такіе темные люди, какъ наши раскольники, и тѣ именно въ союзѣ женщины съ мужчиною видятъ естественное начало и основаніе соціально-кооперативной или общинно-сотруднической взаимности, хотя съ ограниченной точки зрѣнія. Такъ, одинъ поморскій расколоучитель, благодаря женскому вліянію измѣнившій свои аскетическія понятія о женщинѣ на здравыя антропологическія воззрѣнія, разсуждаетъ: «ежедневное наше въ свѣтѣ обращеніе показываетъ, что безъ взаимной помощи жизнь человѣка и трудна, и скучна. Взаимной же помощи только отъ вѣрнѣйшаго надѣяться можно. Кто же вѣрнѣе жены о благополучіи нашемъ можетъ стараться? Правда, отецъ и мать и близкіе родственники, при случаѣ, наблюдаютъ иногда наше благополучіе. Однако общество, не имѣющее союзовъ мужчинъ и женщинъ, откуда и такое сотрудническое, взаимновспомогательное сродство будетъ имѣть? Совершенно не откуда. Ибо гдѣ не имѣются супружескіе союзы мужчинъ и женщинъ, тамъ нѣтъ отцовъ и матерей; а гдѣ нѣтъ отцовъ и матерей, тамъ нѣтъ и никакихъ сродниковъ, а гдѣ нѣтъ никакихъ сродниковъ, тамъ нѣтъ и общества, и взаимной помощи людей» [3]). Не даромъ также въ русской сельской общинѣ крестьянскія женщины, какъ можно судить по недавнему газетному извѣстію изъ Тарусскаго уѣзда Калужской губерніи,

---

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1873 г., № 5, стр. 308—309.
[2]) „О происхожд. человѣка“, въ перев. Благосвѣтлова вып. 3, стр. 493.
[3]) Г. Нильскій, „Семейная жизнь въ расколѣ“, ч. I, стр. 295.

оказываются, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже болѣе способными къ сельскимъ мірскимъ согласіямъ или сходкамъ, чѣмъ большая часть мужчинъ, крестьянъ, наиболѣе склонныхъ не только къ такъ называемому «могарычеству» на сходкахъ, но и къ эгоистическимъ, своекорыстнымъ сдѣлкамъ, несогласіямъ и раздорамъ.

Вліяніе общественнаго міросозерцанія на соціальное положеніе женщины въ Россіи [1]).

По дремучимъ лѣсамъ древлянскимъ, по горамъ полянъ кіевскихъ разъѣзжалъ сильный, могучій богатырь, «молодой Дунай сынъ Ивановичъ, и думалъ онъ думу крѣпкую»: кабы мнѣ была сопротивница красна-дѣвица:

Какъ-бы та была дѣвица станомъ статна,
Станомъ-бы статна и умомъ свершна,
Ея бѣлое лицо какъ-бы бѣлой снѣгъ,
И ягодицы какъ-бы маковъ цвѣтъ,
А и черныя брови какъ соболи,
А и ясныя очи какъ-бы у сокола.

Съ такой думой «наѣзжалъ сильный, могучій богатырь на свѣжій, бродучій слѣдъ», на днѣпровскихъ лугахъ, недалеко отъ города Кіева,—и вотъ:

Стоитъ на лугахъ тутъ бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица...
Молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо—калену стрѣлу,
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу.
Взвыла, спѣла тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—
Угодила стрѣла въ сыръ крековистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножевые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра, будто угорѣлая,
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ, Дунай, со добра коня,
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,—
И гораздъ онъ со дѣвицею дратися.
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пнулъ онъ дѣвицу подъ...
Женской полъ отъ того пухомъ живетъ,

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Дѣло" за 1871 г., № 7, стр. 179—215 и № 8, стр. 1—40 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 28 іюля и 25 августа 1871 г.; редакція Н. Шульгина).

Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя:—
Втапоры дѣвица взмолилася:
„Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
Не коли ты меня дѣвицу до смерти,
Я у батюшки, сударя, отпрошалася:
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти".
А и туто Дунай сынъ Ивановичъ
Тому ея слову обрадовался,
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ,
А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы,
Нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ
Обручницу, сопротивницу.
Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися [1]).

Вотъ одинъ изъ древнѣйшихъ эпическихъ образовъ первобытнаго порабощенія женщины. Въ самомъ дѣлѣ, было, по всей вѣроятности, время, когда «сильные мужи»—богатыри часто изъ-за того только и бились съ разными племенами и ихъ князьями, чтобы похитить себѣ или тому князю, которому служили, невѣсту, прекрасную дѣвицу. Силой своей они наводили паническій страхъ и ужасъ на всѣхъ, у кого были прекрасныя дочери. И эти «красныя дѣвицы — дочери отеческія», если сами равномѣрно не упражняли своихъ физическихъ силъ ни въ «битвенныхъ дѣлахъ въ полѣ», ни въ звѣроловческихъ промыслахъ, а сидѣли въ своихъ шатрахъ только за ручнымъ дѣломъ,—то невольно и сразу, со страхомъ и трепетомъ покорялись силѣ наѣзжихъ «сильныхъ мужей», предъ которыми не могъ устоять никакой звѣрь, никаковъ человѣкъ, ни даже богатырь менѣе сильный. Эпосъ народный такъ, напримѣръ, повѣствуетъ объ этомъ первоначальномъ покореніи женщинъ преобладающей силѣ мужчинъ: «Говоритъ богатырь, необычно-сильный мужъ, своему брату, тоже богатырю: брате князь Иванъ русскій богатырь! Ѣхалъ я въ чистое поле, и наѣхалъ — двѣ рати побитыя лежатъ: и кто ихъ побивалъ? И говоритъ князь Иванъ русскій богатырь: та рать сила побитая Федула царя-змія и побивалъ язъ, а доступалъ у него язъ прекрасныя царевны Кондуріи Федуловны, и хощу ее за себя взять, а сказываютъ, что ея краше на свѣтѣ нѣтъ,—и въ завтрѣ у меня будетъ остальной бой. И по утру, вставъ рано, князь Иванъ богатырь осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхалъ въ чистое поле, а братъ богатырь поѣхалъ смотрѣть на его битву. И какъ пріѣдетъ на князя Ивана русскаго богатыря Федула царя-змія конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30,000 по морю и по берегу,—и не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди, напущается тутъ Иванъ русскій богатырь на рать-силу Федула царя змія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ 20,000 и самого Федула царя убилъ, а которые остались—все люди малые и старые, и некому противъ Ивана русскаго богатыря выйти. И тутъ взялъ князь Иванъ русскій богатырь прекрасную царевну Кондурію Федуловну, и привелъ ее въ бѣлъ шатеръ... и легъ опочивать съ нею... И говоритъ Иванъ князь русскій богатырь: милая моя, прекрасная царевна Кондурія Федуловна! Для тебя язъ съ отцомъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ и конемъ притопталъ больше, а

[1]) Древнее россійское стихотвореніе—Кирши Данилова, стр. 94—96.

все для тебя: есть ли тебя на свѣтѣ краше, а моего брата храбрѣя и сильнѣя? И говоритъ ему царевна Кондурія: «государь князь Иванъ русскій богатырь! Кровь отца моего и воинскихъ людей не по красотѣ моей пролита: и я, государь, что за красна! А есть, государь, въ чистомъ полѣ, въ бѣломъ шатрѣ, три дѣвицы царя Богрія, а по имени зовутъ ихъ — старшая Прондора, а средняя Мендора, а меньшая Легія, и которая, государь, передъ нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и нощь,—та вдесятеро меня краше; а язъ что за красна и хороша! Когда я была у отца своего и матери, тогда я была красна и хороша, а тепере я полоняничное тѣло: воленъ богъ да и ты со мною. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, служитъ у царя Далмата человѣкъ, а зовутъ его Ивашкомъ—Бѣлая Епанча! а слыхала язъ у отца своего, — уже онъ стережетъ въ чистомъ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство мимо его никаковъ богатырь не проѣзживалъ, ни птица не пролетывала; а язъ, государь, брата твоего храбрости не видала и не слыхала, кой у нихъ храбрѣя и сильнѣя». Богатырь, сильный мужъ, все то слушалъ, и его богатырское сердце неутерпчивое разгорѣлось. Входитъ онъ въ бѣлъ шатеръ, брату своему покланяется и съ нимъ прощается: садится на свой добрый конь, и поѣхалъ въ чистое поле гулять, по индѣйскому царству. И ѣдетъ богатырь мѣсяцъ, ѣдетъ другой и третій, а самъ себѣ подумалъ: поѣхалъ я въ дальную сторону, а не простился я съ отцомъ, съ матерью, и не видали они меня, какъ ѣждю на добромъ конѣ. И воротился онъ къ отцу, къ матери... Даетъ ему отецъ свой крѣпкой щитъ и копье свое долгомѣрное, и емлетъ богатырь щитъ подъ пазуху, а копье въ руку, и простился съ отцомъ своимъ и съ матерью, и поѣхалъ въ чистое поле. Ѣхалъ полгодищное время, ажно наѣхалъ въ чистѣ полѣ шатеръ, а въ бѣлѣ шатрѣ три дѣвицы сидятъ — Прондора, да Мендора, да Легія — царевы дочери, царя Богрія: таковыхъ прѣкрасныхъ на свѣтѣ нѣтъ, дѣлаютъ ручное дѣло. И тутъ его сердце богатырское разгорѣлося, юность его заиграла, и беретъ себѣ большую сестру, прекрасную Прондору за руку, а тѣмъ сестрамъ велѣлъ изъ шатра выйти вонъ, а самъ съ нею легъ спати на постель, и говоритъ ей: милая моя, прекрасная царевна Богріевна! Есть ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? И говоритъ ему прекрасная царевна Прондора: «государь! что я за красна? Когда я была у отца своего и у матери, тогда я была и красна и хороша, а нонѣ я полоняничное тѣло. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ храбрый человѣкъ, прозвище Бѣлая Епанча, и стоитъ въ чистомъ полѣ на дорогѣ: мимо его никакой человѣкъ не прохаживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, никакой богатырь не проѣзживалъ. А ты что за храбръ? Обычная твоя «храбрость—что насъ дѣвокъ разогналъ». И сталъ сильный мужъ богатырь съ постели, взялъ острую саблю свою и отсѣкъ дѣвицѣ голову, да и подъ кровать бросилъ. И емлетъ себѣ на постелю вторую сестру Мендору, и говоритъ ей: милая моя, прекрасная Мендора Богріевна! Есть ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? Дѣвица сказала ему тѣ же рѣчи, что и сестра, и онъ также отсѣкъ ей голову и подъ кровать бросилъ. И емлетъ третью дѣвицу Легію къ себѣ на постелю и говоритъ ей: есть ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? И говоритъ ему Легія дѣвица: «государь! язъ что за красна и хороша? Нынѣ я полоняничное тѣло: которые ты у меня красоты захотѣлъ! А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, у царя Далмата храброй и сильной человѣкъ, а зовутъ его Ивашко, прозвище Бѣлая Епанча: мимо его

никакой богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала; а я у васъ невѣдаю, кой храбрѣе и сильнѣе. А есть, государь, въ градѣ Добріѣ, у царя Варфоломея царевна Настасія, и та вдесятеро меня краше». И тутъ богатырь сталъ съ постели, и говоритъ дѣвицѣ таково слово: милая моя, прекрасная Легія! Живи ты въ чистѣ полѣ, «не бойся никого, а сестеръ своихъ схорони». И самъ поѣхалъ въ чистое поле, ко индѣйскому царству. Ѣдучи, помолился: «Господи! дай мнѣ всякаго человѣка убить копьемъ, тупымъ концомъ»! Заѣхалъ потомъ къ отцу, къ матери, взялъ у нихъ благословеніе жениться на прекрасной дѣвицѣ Настасіи, и оправился въ путь-дорогу, къ индѣйскому царству. Дорогой много сотворилъ онъ разныхъ чудесъ своею богатырскою силою, много побилъ богатырей, ратной силы и разныхъ страшныхъ чудовищъ. Наконецъ, доѣхалъ до царства индѣйскаго, и сразу побѣдилъ, покорилъ его царя. Вошелъ въ теремъ прекрасной царевны Настасіи, взялъ ее за руки и легъ съ нею опочивать, и учалъ себѣ любить ее, спрашивать: милая моя царевна Настасія Варфоломѣевна! Есть ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? Что зговоритъ ему царевна Настасія: «Государь! Нѣтъ тебя храбрѣе: ты, государь, побилъ многихъ сильныхъ мужей, богатырей. А язъ, государь, что за красна! Какъ есть, государь, въ дѣвичьѣ царствѣ, въ Солнышномъ градѣ, царевна Понарія, сама царствомъ владѣетъ: иная, государь, которая предъ нею, государь, стоитъ день и ночь, и та, государь, меня вдесятеро краше». Опять разгорѣлось богатырское сердце неутерпчивое, тотчасъ же онъ простился съ прекрасной дѣвицей Настасіей, и самъ поѣхалъ къ дѣвичью царству, къ Солнышному граду — видѣти прекрасную царевну Понарію. И ѣхалъ полгода времени, доѣхалъ до дѣвичья царства, до Солнышнаго града, въѣхалъ въ градъ, слѣзъ съ своего добра коня, и пошелъ къ царевнѣ въ палату. И узрѣла царевна такова воина, и учала ему бити челомъ: «государь, храбрый, сильный мужъ! Владѣй ты моимъ царствомъ и людьми». И богатырь, смотрячи на красоту ея, съ умомъ смѣшался, и забылъ свой первый бракъ, и взялъ ее за руку за правую, и цѣловалъ ее въ уста сахарныя, и прижималъ ее къ сердцу ретивому, и назвалъ ее женою, а она его мужемъ назвала» [1]).

Далѣе, по преданію былинъ народныхъ, «сильные мужи»—богатыри часто съ цѣлой дружиной отправлялись въ чужія — дальнія стороны силой доставать себѣ и дружинникамъ дѣвицъ и силой жениться на нихъ. Чародѣйно-могучій богатырь, «молодой Волхъ Всеславьевичъ» говоритъ своей дружинѣ:

„Гой еси вы, дружина храбрая!
Пойдемъ мы ко царству индѣйскому,
Ходите по царству индѣйскому,
Рубите стараго, малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена,
Оставьте только вы по выбору,
Не много, не мало семь тысячей
Душечки красны дѣвицы“.
А и ходитъ его дружина по царству индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляетъ по выбору
Душечки красны дѣвицы.
А самъ онъ Волхъ во палаты пошелъ,
Во тѣ во палаты царскія:
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки, пробои по булату злачены.

[1]) Памят. стар. рус. литерат., II.

Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ:
„Хотя ноги изломить, а двери выставить!“
Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные,—
Онъ беретъ царя за бѣлы руки...
Ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ,
Разшибъ его въ крохи...
И тутъ Волхъ Всеславьевичъ
Взялъ царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та его дружина храбрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася [1]).

Наконецъ, при насильственномъ, хищническомъ порабощеніи дѣвицъ, часто
лучалось, что между самими похитителями являлись соперники. И тогда они
илой, боемъ рѣшали, кому достаться похищенной дѣвицѣ. Въ этой битвѣ, по
осу народному, иногда участвовали и сами дѣвицы, помогая тому, кому наиболѣе
асположены были онѣ предаться въ руки.

Возговоритъ стольный кіевскій Владиміръ князь:
Гой еси, богатырь Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя Иванъ третье сто.
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
Честью не дастъ, ты и силой бери“.
Скоро молодцы тѣ собираются
А скоря того поѣздку чинятъ,
Поѣхали къ городу Чернигову...
И будетъ Иванъ во Черниговѣ,
А у Дмитрія гостя богатаго,
Скачетъ Иванъ середи двора,
Привязалъ коня къ дубову столбу,—
Походилъ онъ во гридню свѣтлую,
Къ Дмитрію гостю богатому...
Дмитрію гостю не кланяется;
Походилъ за занавѣсу бѣлую
Онъ къ душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ...
Молодой Иванушка Годиновичъ
Онъ изъ-за занавѣсу бѣлаго
Душку Настастью Дмитревну
Взялъ за руку за бѣлую,
Потащилъ онъ Настасью вонъ на дворъ,
Вытащилъ ее середи двора,
Посадилъ на добра коня,
И самъ метался въ сѣделечко черкеское.
Некому бѣжать во Кіевъ градъ
За молодымъ Иванушкомъ Годиновичемъ.
Переѣхалъ онъ, Иванъ, девяносто верстъ,
Поставилъ онъ, Иванъ, тутъ свой бѣлъ шатеръ,
Развернулъ ковры сорочинскіе,
Послалъ потнички бумажные —
Изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьею опочивъ держать.

Едва успѣлъ сильный русскій богатырь похитить такимъ образомъ дѣвицу,
акъ тотчасъ же явился ему соперникъ, соискатель той же дѣвицы, представляемый
ь былинѣ въ образѣ «царя Афромея Афромѣевича».

А и тутъ царь Афромей Афромѣевичъ
Закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:

---

[1]) Древнее россійское стих., 52—53.

„Гой еси, Иванушка Годиновичъ?
А и ты суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь:
Почто увезъ ты Настасью Дмитревну?"
А скоро Иванъ выходитъ изъ бѣла шатра.
Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичъ:
„Гой еси, царь Афромей Афромѣевичъ!
Станемъ мы съ тобою боротися,
А большинѣ что кому наша Настасья достанется".
И схватилися они тутъ боротися,—
Согнетъ Иванъ царя корчагою,
Опустилъ его о сыру землю,—
Царь Афромей Афромѣевичъ
Лежитъ на земли, свѣту не видитъ.
Когда молодой Иванъ за кустикъ ушолъ
Царь Афромей тутъ едва пропищалъ:
„Думай ты, Настасья, не продумайся!
За мною быть—царицею слыть,
За Ивaномъ быть—холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести".
Приходитъ Иванъ ко бѣлу шатру,
Напустился съ нимъ опять боротися-
Схватилися они руками боротися.
Тутъ душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича за ноги,
Тутъ его двое и осилили...
И связали Ивана руки бѣлыя,
Привязали его къ сыру дыбу.

Но тутъ вдругъ наѣхала храбрая дружина добраго молодца Ивана Годиновича, тотчасъ выручила его изъ путъ, а царя Афромея взяла въ полонъ и отвезла въ Кіевъ. Дѣвица такимъ образомъ опять досталась сильному мужу Ивану Годиновичу. Силой взялъ, поработилъ онъ ее себѣ, и звѣрской силой сталъ тотчасъ же учить ее, какъ мужъ жену. Озлобленный ея измѣной и сопротивленіемъ, «сильный мужъ» — богатырь какъ звѣрь разсвирѣпѣлъ и на несчастной, силой похищенной и порабощенной невольницѣ-женѣ излилъ всю звѣрскую жестокость своего «богатырскаго сердца неутерпчиваго» и грубой физической силы.

Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,
Онъ душку Настасью Дмитревну:
Онъ перво ученье—то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:
„Эта мнѣ рука ненадобна,
Трепала она рука Афромея царя".
А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:
„А и та-де нога мнѣ ненадобна,
Оплеталася съ Афромѣемъ царемъ".
А третье ей ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
„А и эти губы мнѣ ненадобны,
Цѣловали онѣ царя невѣрнаго".
Четверто ученье, голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
„Эта голова мнѣ ненадобна
И этотъ языкъ мнѣ ненадобенъ,
Говорилъ со царемъ невѣрнымъ,
И здавался на его слова прелестныя" [1]).

Такъ эпосъ народный изображаетъ первобытное порабощеніе женщины. Одинъ страхъ могучей физической силы сильныхъ мужей сразу дѣлалъ ихъ рабынями мужчинъ. Но ужели же рѣшительно безъ всякой борьбы, безъ всякаго отбоя со

[1]) Ibid., стр. 138—147.

стороны женщины совершалось это первоначальное, самое грубое покореніе ея силѣ мужчины? Нѣтъ, этого, намъ кажется, нельзя сказать. Въ этомъ же эпосѣ народномъ сохранились слѣды того отдаленнаго, переходнаго періода, когда, повидимому, совершалась первобытная половая борьба, и женщина не вдругъ поддавалась и покорялась деспотической порабощающей силѣ мужчины. Въ отдаленныя времена, когда, какъ увидимъ дальше, совершалось хищническое «умыканіе» дѣвицъ, послѣднія невольно должны были быть постоянно на сторожѣ и, когда можно, силой, боемъ отбиваться отъ недруговъ — хищниковъ мужчинъ. Постоянный страхъ деспотическаго преобладанія, мужской хищнической силы невольно, по инстинкту самосохраненія, долженъ былъ вызывать иныхъ, особенно сильныхъ женщинъ, на противоборство съ мужчинами изъ-за свободы или равноправности. Такимъ именно образомъ, вѣроятно, произошли первобытныя, эпическія женщины-воительницы, «вѣщія дѣвы», «лихія бабы-вѣдьмы» и т. п. Такъ Ставрова молодая жена богатырски воевала съ борцами Владиміровыми:

Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Она третьяго хватала поперекъ хребта,
Ушибла его середи двора.

Она сильнѣе, бойчѣе не только обыкновеннаго человѣка, но даже и могучаго богатыря. Не уступая «сильнымъ мужамъ» богатырямъ, она и сама, по примѣру ихъ, набирала себѣ дружину силачей:

Втапоры кинулися ея удалы добры молодцы—
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ [1]).

Если мужчина силой «умыкалъ дѣвицу у воды или на игрищахъ» и силой бралъ ее за себя замужъ, то и «сопротивница красна-дѣвица» не безъ борьбы, не безъ бою покорялась преобладающей силѣ мужчины. Она тому только «сильному мужу» невольно покорялась, за того выходила замужъ, который своей преобладающей силой побивалъ ее въ чистомъ полѣ, завоевывалъ ея руку, обращалъ ее въ «тѣло полоняное», плѣнялъ ее своею физическою силою, какъ идеаломъ совершенства. Напередъ она сама выходила въ чистое поле помѣряться своей силой съ тѣмъ мужчиной, который хотѣлъ плѣнить ее своею силою. Такъ, дѣвица, побѣжденная Дунаемъ и потомъ ставшая его женой, говоритъ:

„Я у батюшки, сударя, отпрошалася,
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти“ [2]).

Такъ сила была первой основой брака, замужества женщины. Дѣвица покорно сдавалась и выходила замужъ за того только мужчину, который пересиливалъ и побивалъ ее. Но проходили вѣка въ такой неравной борьбѣ за равноправность полового подбора,—и, наконецъ, естественно-преобладающая физическая

---

[1]) Ibid., стр. 129—130.
[2]) Ibid., стр. 95.

сила мужчины, еще болѣе развивавшаяся въ постоянной звѣроловческой борьбѣ съ сильными звѣрями и въ богатырскихъ, «битвенныхъ» подвигахъ въ чистомъ полѣ, и относительная физическая слабость женской организаціи, при господствѣ чувства страха всякой преобладающей силы, роковымъ образомъ рѣшили первобытную неравную борьбу мужчинъ и женщинъ постепеннымъ порабощеніемъ женщины преобладающей физической силѣ мужчины. При этомъ, исключительно свойственныя природѣ женщины, такія естественныя физіологическія условія, какъ продолжительный періодъ беременности, болѣзненный, обезсиливающій процессъ дѣторожденія, необходимость первоначальнаго кормленія дѣтей молокомъ матернимъ и, вслѣдствіе того, невольная, полная физическая зависимость женщины отъ мужчины, во время беременности, родовъ и кормленія ребенка грудью, всѣ эти естественныя причины невольно лишали женщину равносилія въ борьбѣ съ «сильными мужами» и невольно ставили ее въ зависимость отъ мужчины, покоряли его опекѣ и власти. Затѣмъ, все болѣе и болѣе обнаруживавшійся перевѣсъ физической силы мужчины, при «умыканіи дѣвицъ», невольно возбуждалъ въ слабыхъ женщинахъ страхъ передъ необузданнымъ, деспотическимъ проявленіемъ мужской силы, и этотъ страхъ невольно все болѣе и болѣе деморализировалъ и, наконецъ, доводилъ до полной рабской покорности силѣ мужчины. Но и при всемъ этомъ, женщина до послѣдней возможности боролась противъ гегемоніи мужчины. Вначалѣ, когда женщина-воительница почувствовала естественное малосиліе своей женской организаціи въ сравненіи съ наиболѣе развитою физическою, мускульною силой мужчинъ, — она стала стремиться пересиливать ихъ силой мозговой, силой ума, стала мудрить, хитрить передъ «сильными мужами» знахарствомъ, перехитривать мужчинъ-враговъ или недруговъ вѣдунствомъ, вслѣдствіе того естественно-психологическаго мотива, что слабый всегда хитритъ передъ сильнымъ. Въ этой фазѣ первобытной борьбы за свободу или равноправность женщина возбуждала страхъ въ мужчинахъ, какъ хитрѣйшая, мудрѣйшая «вѣщая дѣва», «лихая баба-вѣдунья», «яга баба—вѣдьма», и если уже не физической силой, то своимъ хитрымъ вѣдунствомъ и чародѣйствомъ иногда пересиливала самыхъ сильныхъ мужчинъ-недруговъ. Этой силой чародѣйной хитрости и мудрости женщины-вѣдьмы величались и передъ княгинями и боярынями. Напримѣръ, Марина, превратившая Добрыню въ «гнѣдого тура-золотые рога», говорила о себѣ:

Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
А и нѣтъ меня *хитрѣя, мудрѣя*,
А и я де обернула девять молодцевъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми турами“ [1]).

Постоянный гнетущій страхъ преобладающей, деспотической силы мужчинъ невольно побуждалъ женщинъ научаться тайкомъ, хитро изводить мужчинъ-недруговъ зельемъ, или привораживать и отворaживать ихъ. Такъ произошли «лихія бабы-вѣдуньи» и не менѣе мужчинъ-вѣдуновъ возбуждали страхъ въ суевѣрномъ обществѣ. Если своей физической силой дѣвица не могла устрашить и покорить мужчину-недруга, то она страшна была для него своимъ зелейническимъ вѣдунствомъ.

[1]) Ibid, стр. 86.

И по тѣмъ по хорошимъ зеленымъ лугамъ,
Тутъ ходила-гуляла душа красная дѣвица.
А копала она коренья, зелье лютое;
Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья во серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,—
И хотѣла извести своего недруга [1]).

Наконецъ, если «сопротивницы красныя дѣвицы» не могли, какъ дѣвы-ительницы, своей физической силой устоять противъ силы «сильныхъ мужей»,— онѣ невольно очаровывали и плѣняли ихъ магической силой своей тѣлесной ісоты. Передъ этой обаятельной, чарующей силой дѣвичьей красоты невольно, рлективно преклонялись самые «сильные мужи» — богатыри могучіе, и съ тре-'омъ видѣли въ ней таинственное, сверхъестественное чародѣяніе, или волшебно-:орожительную, вѣщую силу. Отсюда-то, вѣроятно, и произошло, какъ увидимъ ыше, религіозно-языческое поклоненіе «дѣвѣ, какъ богинѣ». Отсюда же, по й вѣроятности, произошли и тѣ волшебные народные заговоры, въ которыхъ юдой мужчина, выходя на борьбу изъ-за дѣвицы или на битву въ поле съ ьнымъ супостатомъ, взывалъ, молился «красной дѣвицѣ», прося ея чародѣйной ющи. Вотъ, напримѣръ, одинъ такой заговоръ: «Ѣду на гору высокую, да-ую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярскій, а теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба—красна дѣвица. Ты дѣвица, зазноба моло-еская, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злодѣевъ. Вынь дѣвица, отеческой мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; мкни ты, дѣвица, коня ворона... Мнѣ шлемъ богатырской будь вѣнцомъ обру-ьнымъ, мнѣ конь вороной будь удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто :е, а во чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружій нѣтъ смѣты. крой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ стрѣлъ, отъ борца, кулашнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева русскаго и заморскаго: отъ дубу, вязу, отъ клену, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиннаго, удлиннаго, четвертиннаго, отъ липы, жимолости, отъ ивы, отъ сосны... отъ іа, отъ соломы, отъ костей, отъ желѣза, отъ уклада, стали, мѣди красной, оной, отъ серебра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей — айскихъ, нѣмецкихъ, мордвы, татаръ, башкирцевъ, турчаниновъ, черемисовъ, яковъ... А буде я ворочусь по живу и по здорову, ино буду, красна дѣвица, ою похвалятися, своею молодецкою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, ъ камень горючь Алатырь; моя молодецкая поступь сильна, какъ вода мель-іная!» [2]). Наконецъ, если не передъ «красной дѣвицей», то передъ «лихой ой-вѣдуньей», въ родѣ «злой вѣдьмы кіевской», часто со страхомъ и трепетомъ клонялся самый сильный мужъ. Не могла женщина устоять противъ порабощаю-й силы «сильныхъ мужей Владиміровыхъ», «богатырей ноугородскихъ, сорат-овъ молодецкихъ» — такъ за то страшно мстила имъ «лихая баба-вѣдунья», іая вѣдьма кіевская», страшная «баба-яга». «Злая вѣдьма кіевская» до того рашала суевѣрныхъ «сильныхъ мужей богатырей», что могла однимъ своимъ

[1]) Ibid., стр. 303.
[2]) Сахаровъ, „Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ". Спб. 1836, , стр. 81.

страшнымъ заповѣднымъ словомъ помѣшать имъ достать ту «сбрую богатырскую», въ которой они такъ всесильно порабощали женщину, похищали красныхъ дѣвицъ. И только тогда, когда они съ трепетною покорностью преклонялись передъ ней, какъ передъ страшнымъ сверхъестественнымъ существомъ, — она помогала имъ своимъ вѣщимъ заповѣднымъ словомъ достать «сбрую богатырскую». Поэтому-то «сильный мужъ», ратный молодецъ такимъ заговоромъ взывалъ къ «злой вѣдьмѣ кіевской»: «подъ моремъ подъ хвалынскимъ стоитъ мѣдной домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а надъ змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовой ключъ отъ княжева терема, Володимірова, а во княжемъ теремѣ, Володиміровомъ, сокрыта сбруя богатырская, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ... Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма кіевская. Пойду-ль во лѣсъ стоячей, во боръ дремучей, взойду ль я въ избушку къ злой вѣдьмѣ, кіевской. Ты, злая вѣдьма кіевская! Вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдной домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовой ключъ. Заупрямилась, закорачилась злая вѣдьма кіевская, о своемъ воронѣ: не моей старости бродить до моря Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. По ея заповѣдному слову, разбилъ воронъ мѣдной домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключъ. Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ, Володиміровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруѣ не убьютъ меня ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы!» [1]).

Но несмотря на то, что женщина, во времена господства чувства страха таинственныхъ силъ природы, устрашала мужчинъ-поработителей своею вѣщею, чародѣйною силою, все-таки, «сильные мужи» превозмогали ее своею физическою, мускульною силою. Страхъ передъ рѣзко-ощутительной грубой физической силой «сильныхъ мужей», постоянно устрашавшихъ слабѣйшій полъ кровопролитіемъ, убійствами, увѣчьями, насиліями всякаго рода, пересиливалъ и суевѣрный страхъ передъ фантасмагорической, воображаемой чародѣйственной силой вѣщихъ дѣвъ и лихихъ бабъ-вѣдуній, сплошь и рядомъ оказывавшихся безсильными подъ кулакомъ сильныхъ мужей, которые притомъ и сами нерѣдко устрашали ихъ не только какъ богатыри, но и какъ страшные волхвы-вѣдуны. Вообще, если женщина только чарами перехитривала иногда мужчину, то мужчина всегда пересиливалъ ее матеріальною силою. Если Марина своею волшебною, чародѣйною хитростью заставила Добрыню жениться на себѣ, такъ за то Добрыня злѣйшимъ образомъ казнилъ ее своею звѣрскою силою, какъ самую безгласную, безпомощную, беззащитную рабу. Преобладающая сила мужчинъ продолжала порабощеніе женщины безостановочно. Стремленіе сильныхъ мужей къ порабощенію женщинъ, повидимому, особенно усилилось по переходѣ славянскихъ племенъ отъ чисто-зоологической формы кровосмѣсительныхъ и насильственныхъ браковъ къ антропологической формѣ браковъ неродственныхъ, договорныхъ. Безъ сомнѣнія, было время, когда у наиболѣе дикихъ славянскихъ родовъ, жившихъ, по словамъ лѣтописи, «въ лѣсу звѣринскимъ образомъ, якоже всякій звѣрь», господствовала самая первобытная, такъ сказать, зоологическая форма кровосмѣсительныхъ, единокровныхъ

---

[1]) Ibid., 84—85.

ковъ. Этотъ древнѣйшій типъ брака наиболѣе сохранялъ свои слѣды у древлянъ, ерянъ, радимичей и вятичей. У этихъ славянскихъ племенъ, по преданію описи, «не было стыдѣнья и не было браковъ, а господствовало срамословье едъ отцами и матерями, передъ снохами и сестрами, свекровями и деверями». ідовательно, не было еще никакого стыда и отвращенія смѣшиваться браками половымъ сожительствомъ въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства, внутри а. И дѣйствительно, если впослѣдствіи князья Рюриковичи вступали въ бракъ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства [1]), и въ народѣ восмѣсительные, родственные браки долго до того были обычны, что церковь гоянно вопіяла противъ нихъ,—то, разумѣется, у языческихъ славянъ, во мена родового быта, при господствѣ многоженства, браки въ ближайшихъ іеняхъ родства, въ своемъ единокровномъ родѣ, могли быть весьма обыкновени. По преданію народной былины, въ древнѣйшія времена

Было беззаконство великое:
Братъ на брата съ боемъ ходилъ
Братъ сестру за себя ималъ [2]).

Уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый Ярославу Великому, свидѣтельіетъ, что и во времена распространенія христіанства на Руси въ народѣ еще ьно господствовали остатки древне-языческихъ кровосмѣсительныхъ браковъ, нно: браки въ близкомъ кровномъ родствѣ, грѣхъ братьевъ съ сестрами, кровъ со снохами, съ сестрами, съ мачехою, сожительство двухъ братьевъ съ ою женою и т. п. [3]). Наконецъ, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить такъ сильно ренившейся въ нравахъ простого русскаго народа издревней привычки къ ъ называемой «матерщинѣ», къ самому безстыдному «матерному слову» или ıянью», какъ развѣ только тѣмъ, что было время, когда предки нашего народа—вляне, сѣверяне, радимичи, вятичи и проч. предавались безразборному кровосмѣнію, каждый въ своемъ родѣ, и потому не имѣли никакого стыдѣнья, срамословили едъ отцами и матерями, передъ сестрами и снохами, передъ свекровями и ерями. Такіе кровосмѣсительные, родственные браки, неизбѣжно обусловливавшіе утствіе «стыдѣнья» и господство «срамословія», особенно долго сохранялись три тѣхъ замкнутыхъ родовъ, которые жили отдѣльно, въ селахъ, въ дикихъ ахъ. Роды эти до тѣхъ поръ не могли чувствовать отвращенія къ кровосмѣельнымъ бракамъ, пока не испытали новыхъ чувствъ, какія естественно подались вслѣдствіе похищенія дѣвицъ изъ чужихъ родовъ и брачнаго союза этими чужеродными дѣвицами. Браки въ чужихъ родахъ или семействахъ ественно должны были показаться имъ наиболѣе заманчивыми и привлекательи, вслѣдствіе новости впечатлѣній и ощущеній, сопряженныхъ съ этими чужеными браками, вслѣдствіе наибольшей возбужденности, заманчивости и горячти полового влеченія къ чужероднымъ дѣвицамъ, внезапно и сильно поражавмъ своею красотою или бойкостью на игрищахъ между селами или у воды, а же вслѣдствіе заманчивости самой отваги, какая требовалась для того, чтобы

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. III, примѣч. 29.
[2]) Древнее рос. стихотвор., 388.
[3]) См. еп. Макарія „Истор. русс. церкви“, т. I; Карамзина, „Истор. госуд. росс.“, I; прич., Неволина, „О церковн. судѣ въ Россіи“, въ „Ж. М. Н. Просв.“, 1847.

достать себѣ дѣвицу изъ чужого рода-племени. И вотъ, коль скоро славянскіе роды испытали наибольшую привлекательность браковъ неродственныхъ, чужеродныхъ, порождаемую новостью или другой причиной, они уже стали все болѣе и болѣе избѣгать кровосмѣсительныхъ, своеродныхъ браковъ и домогаться браковъ въ чужихъ семействахъ или родахъ. «Множество фактовъ доказываетъ,—говоритъ Дарвинъ,—что дѣти отъ родителей, неродственныхъ между собой, болѣе сильны и плодовиты, чѣмъ дѣти отъ близко родственныхъ между собою родителей. Вслѣдствіе этого, всякое легкое чувство, порождаемое новостью или другой причиной, которая бы побуждала скорѣе къ бракамъ перваго рода, чѣмъ къ бракамъ второго, было бы непремѣнно усилено естественнымъ подборомъ, и стало бы, такимъ образомъ, инстинктивно, потому что тѣ особи, которыя имѣли бы врожденное предпочтеніе къ чужимъ семействамъ, стали бы размножаться быстрѣе прочихъ. Повидимому, съ большею вѣроятностью можно думать, что именно этимъ путемъ развилось у грубыхъ дикарей безсознательное отвращеніе отъ кровосмѣсительныхъ браковъ, нежели предположить, что чувство это явилось у нихъ вслѣдствіе разсужденія и наблюденія дурныхъ результатовъ подобныхъ браковъ» [1]). Такимъ же точно путемъ, безъ сомнѣнія, и у славянскихъ племенъ генеративно-наслѣдственно усилившееся инстинктивное чувство предпочтенія къ бракамъ въ чужихъ родахъ все болѣе и болѣе развивало отвращеніе отъ первобытныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ и стремленіе къ бракамъ неродственнымъ, чужероднымъ. Это вновь зародившееся чувство отвращенія къ родовому кровосмѣшенію отразилось и въ древнихъ народныхъ былинахъ. Напримѣръ, былина о богатырѣ Михайлѣ Казариновѣ разсказываетъ:

Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы руки,
Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ.
Какъ чуть ему съ дѣвицею грѣхъ творить,
А грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить,—
Расплачется красная дѣвица:
„А не честь твоя молодецкая, богатырская,
Не спросилъ ты ни дядины, ни отчины,
Княженецкая дочь я, боярская,
Была я дочь гостиная
Изъ Волынца города, изъ Галичья,
Молода Марфа Петровична".
И за то слово Казаринъ спохватается:
„Гой еси, душа, красная дѣвица,
Молода Марфа Петровична!
А ты по роду мнѣ родна сестра"!
Посадилъ енъ дѣвицу на добра коня,
На русскаго, богатырскаго,
Самъ онъ садился на татарскаго—
Какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ—
И поѣхалъ домой, къ городу Кіеву
Со своею сестрицею родимою [2]).

Когда, такимъ образомъ, зародилось чувство отвращенія отъ кровосмѣсительныхъ, родственныхъ браковъ, тогда, естественно, наступилъ физисъ господства древне-славянскаго обычая—«умыканія», похищенія дѣвицъ изъ чужихъ родовъ. И вотъ, обычай этотъ особенно господствовалъ на переходѣ славянскихъ племенъ отъ чисто

[1]) Ч. Дарвинъ, „Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія", Спб. 1868 г. т. II, стр. 133.
[2]) Древнее росс. стих., 210—211.

логической формы кровосмѣсительныхъ браковъ къ антропологическому типу браковъ оворныхъ. Въ особенной силѣ онъ былъ передъ началомъ распространенія хрианства, и опять дольше всего сохранялся у тѣхъ же, наиболѣе отсталыхъ и кихъ славянскихъ племенъ, каковы были древляне, сѣверяне, радимичи и вятичи, торые, такимъ образомъ, посредствомъ «умыканія» дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, степенно отвыкали отъ своеродовыхъ, кровосмѣсительныхъ браковъ и подготовлясь къ усвоенію дальнѣйшей формы брака—договорной, «сватовской». «Древляне,— ворить лѣтописецъ,—жили въ лѣсу, звѣринскимъ образомъ, не имѣли стыдѣнья редъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, и брака нихъ не было, а было похищеніе дѣвицъ; радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли инакій обычай: жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, было срамословье у нихъ редъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было (т. е. съ христіанской чки зрѣнія), но были игрища между селами: сходились на игрища, на плясанье, тутъ умыкали себѣ женъ, съ какой дѣвицей кто соглашался: имѣли же по двѣ по три жены» [1]). Переяславскій лѣтописецъ передаетъ это свидѣтельство Нестора болѣе распространенной формѣ: «діаволу угожающи, и срамословье и нестыдѣное злюбиша передъ отцами и передъ снохами и матерями, а браци не возлюбиша, игрища межи селъ, и ту слѣгахуся, рищуще на плясанія, и отъ плясанія знаваху—которая жена или дѣвица до младыхъ похотѣніе имать, и отъ очнаго ззрѣнія, и отъ обнаженія мышцъ, и отъ показанія перстъ ручныхъ, и отъ дараганія (надѣванья) перстней на персты чюжая, тажъ потомъ цѣлованія съ лобзамъ, и, плоти съ сердцемъ разжегшихся, слагахуся, иныхъ дѣвицъ поимающе, другихъ, поругавше, метаху на посмѣяніе до смерти» [2]). Такимъ образомъ, лая масса восточныхъ славянскихъ племенъ, во времена господства грубой физиской силы, имѣла обычай силой похищать женщинъ изъ чужихъ родовъ, на лигіозно-обрядовыхъ игрищахъ между селами. Долго господствовавшій обычай щническаго, насильственнаго «умыканія дѣвицъ» представлялъ такимъ образомъ вый источникъ первобытнаго порабощенія женщины. Сначала въ этихъ похищеніяхъ вицъ, разумѣется, преобладала грубая физическая сила, со всѣмъ ея дикимъ, йнымъ разгуломъ. Вслѣдствіе этого, естественно, насильственное похищеніе дѣвицъ лошь и рядомъ должно было сопровождаться враждой между родами. По свидѣльству лѣтописи, «родъ вставалъ на родъ», и одною изъ причинъ этой родовой зни и борьбы, безъ сомнѣнія, было насильственное, хищническое «умыканіе дѣвицъ» нимъ родомъ у другого. О враждѣ древне-славянскихъ родовъ изъ-за насильвеннаго похищенія дѣвицъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и одна старинная роводная игра нашего простого народа, въ которой символически изображается евняя дѣйствительная борьба двухъ родовъ изъ-за похищенной дѣвицы. По мволическому обряду этой игры, одна сторона, представляющая въ лицѣ «женскаго ла» тотъ родъ, изъ котораго на игрищахъ между селами похищена дѣвица, аждебно выступаетъ противъ другой стороны, представляющей въ лицѣ «мужескаго ла» родъ похитителей дѣвицъ. При этомъ, «женскій полъ», идя навстрѣчу ужскому полу» на игрищѣ поетъ:

Ужъ мы просо сѣяли, сѣяли!
Ой Дидъ-Ладо сѣяли, сѣяли!

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 6.
[2]) Переясл. лѣтоп., стр. 3—4.

А «мужской полъ», выступая навстрѣчу женскому, отвѣчаетъ:

Ужъ мы просо вытопчемъ, вытопчемъ!
Женщины: Гдѣ вамъ, дрянямъ, вытоптать, вытоптать!
Мужчины: Ужъ мы пустимъ сто коней, сто коней!
Жен. А мы коней перейменъ, перейменъ!
Муж. Гдѣ вамъ, дрянямъ, перенять, перенять!
Жен. У насъ шелковы уздицы, крѣпкія!
Муж. Ужъ мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Жен. Гдѣ вамъ, дрянямъ, выкупить, выкупить!
Муж. Мы дадимъ сто рублей, сто рублей!
Жен. Намъ не надо сто рублей, тысячей!
Что вамъ, дрянямъ, надобно, надобно?
Муж. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу!

Затѣмъ мужчины, поднимая руки, начинаютъ ловить дѣвицъ, а женщины стараются вырваться и пробѣгаютъ между рукъ парней. Похитивши дѣвицу или нѣсколько, мужчины торжественно поютъ:

„Нашего полку прибыло, прибыло!"

А женщины жалобно вторятъ:

„А нашего полку убыло, убыло!"
Мужчины: „Наши-то играли да выиграли,
А ваши-то играли да проиграли!"
Женщины: „Ни тканью, ни пряжью проиграли" [1]).

Въ другихъ пѣсняхъ вражда родовъ изъ-за похищенныхъ дѣвицъ выражается въ образѣ борьбы славянскаго рода-племени съ Литвой, которая представляетъ враждебный родъ похитителей дѣвицъ. Наконецъ, если вражда между родами изъ-за похищенныхъ дѣвицъ кончалась войной и въ ней одерживалъ верхъ родъ, оскорбленный похищеніемъ,- -то этотъ родъ требовалъ съ рода похитителя матеріальнаго удовлетворенія, вознагражденія за похищенную у него дѣвицу. На это требованіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простого народа... Подлѣ невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь? — Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко.—А если она теперь ваша, заплатите мнѣ за ея прокормленіе: я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ [2]). Такъ произошло вѣно- -мировая плата за похищенную дѣвицу [3]).

Затѣмъ, проходили вѣка,—и отдѣльныя семьи славянскія все болѣе и болѣе размножались въ роды, а роды развѣтвлялись и размножались въ племена. Единоплеменные союзы родовъ, происшедшіе отъ одного или нѣсколькихъ родоначальниковъ, въ родѣ Кія, Щека и Хорива или Вятко, Радима и т. п., и долго жившіе въ смежныхъ селахъ, наконецъ, вслѣдствіе одного естественнаго размноженія и

[1]) Записано въ Сибири, въ Разводинскомъ селеніи, въ 4-хъ верстахъ отъ Иркутска.

[2]) А. Терещенко. „Бытъ русскаго народа", Ч. II, стр. 517—518.

[3]) Вѣно—цѣна дѣвушки, платимая женихомъ роднымъ невѣсты. По свидѣтельству лѣтописи, Владиміръ (женясь на Аннѣ) „вдасть за вѣно грекамъ Корсунь царицы дѣлъ"; Казиміръ (женясь на сестрѣ Ярослава) „вдасть за вѣно людіе 800". *Вѣно* — отъ глагола *вѣнити*—vendere, цѣнить, продавать по чемъ. Въ переводѣ правилъ Іоанна Схоластика замѣчено о вѣнѣ, какъ о цѣнѣ или куплѣ: „восхищеніемъ ли нужею съ женами живущихъ и о дѣвствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ чрезъ *вѣно* владущихъ ими". (Розенкампфъ. „О кормчей книгѣ", стр. III). Надобно замѣтить здѣсь еще, что какъ похищеніе дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, такъ и вражда изъ-за нихъ и потомъ плата за нихъ существуютъ и теперь у нѣкоторыхъ финскихъ, самоѣдскихъ и другихъ племенъ, сожительствующихъ съ славянорусскимъ народомъ.

территоріальнаго расширенія, мало-по-малу сливались, соединялись вмѣстѣ, огораживали свои селенія общимъ «заборомъ», въ видѣ остроговъ или укрѣпленій, и такимъ образомъ устраивали города, въ родѣ Кіева, Пересѣчена, Любеча, Коростеня, Смоленска и т. п. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ выходило, что въ городахъ этихъ жилъ уже не одинъ родъ, какъ въ небольшихъ, отдѣльно разбросанныхъ селахъ, а жило вмѣстѣ нѣсколько родовъ, которые, вслѣдствіе естественнаго расхожденія, отдаленія и отчужденія побочныхъ родовыхъ линій и колѣнъ, давно уже обособились, отчудились другъ отъ друга, утратили или забыли и самую родоначальную, единокровную связь между собою, не помнили своего первоначальнаго сродства, вообще, считались чуждыми другъ другу родами. Естественно, что здѣсь, въ городахъ, при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоего пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя, случались частыя похищенія дѣвицъ, которыя вели къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдями. Напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Такимъ образомъ, въ городахъ необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай, по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невѣсты [1]). Такъ произошло, по выраженію былинъ народныхъ, «доброе дѣло—сватанье», и вмѣсто враждебнаго, хищническаго «умыканія дѣвицъ» получилъ начало дружелюбный, полюбовный, договорный бракъ. По свидѣтельству лѣтописи, договорный, сватовской бракъ существовалъ у наиболѣе кроткаго и мирнаго племени—полянъ, жившихъ уже не въ «черномъ дикомъ лѣсу», а въ расчищенномъ, разработанномъ полѣ, и имѣвшихъ своимъ средоточіемъ городъ Кіевъ. Здѣсь вѣно, означавшее прежде, при господствѣ похищенія дѣвицъ, плату за похищенную невѣсту, перешло въ подарки отъ жениха роднымъ невѣсты, а впослѣдствіи стало означать вообще брачныя условія, брачную запись [2]). Когда возникъ, такимъ образомъ, брачный обычай и браки стали заключаться не иначе, какъ съ согласія родственниковъ невѣсты, посредствомъ сватовства,—тогда, естественно, молодымъ людямъ труднѣе стало похищать дѣвицъ силой, не боясь нарушенія общепринятаго обычая—дружелюбнаго сговора и согласія. Они все болѣе и болѣе должны были напередъ склонять, располагать къ себѣ и сговаривать понравившихся имъ дѣвицъ изъ чужого рода. И дѣвицы, въ свою очередь, охраняемыя родителями и общимъ, между-родовымъ брачнымъ обычаемъ сватовства, также стали имѣть нѣкоторую возможность иногда напередъ мирно, полюбовно совѣщаться съ молодцами, изъявлять согласіе на ихъ сватанье.

Но не всегда, однакожъ, и сватовство рѣшалось мирно, полюбовно. Часто родители жениха или невѣсты упрямились, не соглашались на «доброе дѣло—сватанье», и тогда опять сила, а впослѣдствіи, сверхъ того, и княжеская воля вынуждали противную сторону согласиться на сватовство и бракъ. Такъ, былина о Гордеѣ Блудовичѣ характеристично обрисовываетъ старинныя родовыя ссоры по случаю сватовства.

---

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, I, 62.

[2]) Въ „Азбуковникахъ“ толкуется: „вѣнонаписаніе: егда кто обручитъ себѣ невѣсту и творитъ писаніемъ крѣпость промежъ себя, и то писаніе нарѣчется *вѣно*“.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,—
Много было у князя Владиміра
И князей, и бояръ и княжецкихъ женъ,
Пригодились тутъ на пиру двѣ честныя вдовы:
Первая вдова Чесовая жена,
А другая вдова Блудова жена,-
Обѣ жены богатыя,
Богатыя жены дворянскія.
Промежу собой сидять, за прохладъ говорять.
Что возговоритъ тутъ Блудова жена:
„Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена!
Есть у тебя девять сыновей,
А девять сыновей, какъ ясныхъ соколовъ,
И есть у тебя дочь возлюбленна
Молода Авдотья Чесовична,
Та вѣдь дѣвица какъ лебедь бѣлая,—
А у меня у вдовы Блудовы жены
Единъ есть сынъ Горденъ, какъ ясенъ соколь.
Многіе пожитки осталися ему
Отъ своего родимаго батюшки:
Нонѣ за прохладъ за чужимъ пиркомъ,
Молвимъ словечко о добромъ дѣлѣ о сватаньѣ:
Я хощу у тебя свататься
За молода Гордена Блудовича
Дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну".
Втапоры Авдотья Чесова жена осердилася,
Била ее по щекѣ, таскала по полу кирпищету,
И при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила,
И весь народъ тому смѣялися.

- **Изобиженная, обезчещенная Авдотья Блудова жена скоро пошла ко двору своему и жалобу принесла своему сыну Гордену Блудовичу:**

Была я на честномъ пиру
У великаго князя Владиміра,
Сидѣли мы съ Авдотьей Чесовой женой,
За прохладъ съ нею рѣчи говорили
О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
Сваталась я на ея на любимой на дочери
Авдотьѣ Чесовичнѣ
За тебя сына, Гордена Блудовича,
Тѣ ей мои рѣчи не взлюбилися,
Била меня по щекѣ и таскала по полу кирпищетому,
И при всемъ народѣ, на пиру обезчестила".

Молодой Горденъ уклалъ спать свою матушку родимую, такъ какъ «втапоры она была пьяная», а самъ пошелъ на дворъ къ Чесовой женѣ, «сжималъ песку горсть цѣлую», и, какъ сталъ противъ высокаго терема, гдѣ сидѣла молода Авдотья Чесовична, бросилъ ту горсть песку въ теремъ, полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ.

Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась точно бѣшеная изъ высокаго терема,
Середи двора она бѣжитъ, ничего не говоритъ;
Пропустя она Гордена, сына Блудовича,
Побѣжала къ своей родимой матушкѣ
Жаловаться на княженецкой пиръ.

Ссора разгоралась шире и далѣе. Наконецъ, на улицѣ «учинилась драка великая», и молодой Горденъ Блудовичъ, не получивши руки Авдотьи Чесовичны

«добрымъ дѣломъ—сватаньемъ», взялъ ее силой, побивши ея братьевъ—«вдовиныхъ ребятъ»:

Горденъ вертокъ былъ,
Того онъ ударилъ о землю,
И ушибъ его до смерти,
Другой подвернулся, и того ушибъ,—
Третій и четвертый кинулися къ нему,
И тѣхъ всѣхъ прибилъ до смерти.
Пошелъ онъ, Горденъ, къ Авдотьѣ Чесовичнѣ,
Взялъ ее за бѣлы руки,
Обручился, обвѣнчался съ ней и домой пошелъ.

Но и послѣ того, какъ Горденъ силой взялъ за себя «молоду Авдотью Чесовичну», мать ея все-таки упрямилась, не хотѣла скрѣпить своимъ согласіемъ насильственный бракъ. Тогда Горденъ прибѣгъ къ силѣ княжескаго слова и окончательно порѣшилъ «доброе дѣло—сватанье»:

По утру Горденъ столъ собралъ,
Столъ собралъ и гостей позвалъ,
Позвалъ тутъ князя со княгинею
И молоду свою тещу Авдотью Чесовую жену,
Втапоры было честна вдова Чесовая жена
Загординилася, не хотѣла было идти
Въ домъ къ зятю своему.
Тутъ Владиміръ князь стольной кіевской
И со княгинею стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гнѣвалася,—
И она тутъ ихъ послушала,
Пришла къ зятю на веселый пиръ,
Стали пити, ясти, прохлаждатися [1]).

И самъ великій князь Владиміръ сначала добромъ сватался на Рогнѣдѣ, дочери Рогвольда полоцкаго, сговоренной за его брата Ярополка, но когда получилъ отказъ со стороны невѣсты, не хотѣвшей выйти замужъ за «рабочича», сына рабы, то сильно разгнѣвался, тотчасъ же собралъ большое войско изъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей и, напавши на Полоцкъ, убилъ Рогвольда съ двумя сыновьями, а дочь его Рогнѣду силой взялъ за себя замужъ, а впослѣдствіи порывался даже убить ее за то, что она не хотѣла выйти за него замужъ. И, по преданію былины народной, Владиміръ самъ приказывалъ, въ случаѣ нужды, замѣнять «доброе дѣло—сватанье» силою, насильнымъ похищеніемъ дѣвицы:

Возговоритъ Володиміръ князь:
„Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя Иванъ третье сто:
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
Честью не дастъ, *ты и силою бери*".

Наконецъ, если не физическая сила удалаго молодца, такъ деспотическая сила родителей также сплошь и рядомъ дѣлала «доброе дѣло — сватанье» насильственнымъ и обращала его въ новый источникъ порабощенія женщины. Не даромъ, старинныя русскія свадебныя пѣсни, особенно тѣ, которыя поются дѣви-

[1]) Древнее россійское стих., 178—154.

цами на «сговорѣ» и на «дѣвичникахъ», преисполнены вопіющихъ жалобъ со стороны невѣстъ-дочерей противъ деспотической воли родителей. Такъ, напримѣръ, въ одной свадебной пѣснѣ невѣста—«дочь отецкая» съ воемъ причитаетъ:

Не сама я вылетаю,
Не своею я охотою:
Выдаетъ меня: сударь, батюшка,
Снаряжаетъ родна матушка,
Къ чужому отцу, къ матери,
Къ чужому роду, племени...
Скучно мнѣ дѣвушкѣ сиротинушкѣ,
Безталанной, бѣдной головушкѣ!..
Теперь батюшка да какъ чужъ чужанинъ,
Родная матушка хуже мачехи:
До зореньки красныя понаѣлися,
До свѣту божьяго понапилися--
Пропили меня дѣвушку, сиротинушку,
Пропили головушку безпріютную,
Не глядя на слезы, на жаленьице,
Забросили дѣтище въ нелюбиму сторону,
Да на горе, да на кручинушку
Да на плаканье, да на вѣчное...
Больно сердичку, и больнешенько...
Разступись ты мать, сыра земля!
Подымись, вскройся гробова доска!
Встань ты, братецъ мой, встань родименькой,
Пріюти меня безпріютную,
Приголубь меня позабытую!
Роду, племени я чужой стала,
Отцу, матери я покидышемъ“ [1]).

Такимъ образомъ, и во времена господства брачнаго обычая — сватовства, полюбовнаго согласія и договора,—все-таки, почти сплошь и рядомъ дѣвицъ порабощали игу брака силой. Мало того: даже самый первобытный обычай похищенія дѣвицъ долго удерживался въ простомъ народѣ. Бопланъ, жившій въ Украйнѣ 17 лѣтъ, описываетъ кражу дѣвицъ, совершавшуюся въ его время, въ половинѣ XVII вѣка. Въ Украйнѣ, во всякое воскресенье и всякій праздникъ, говоритъ Бопланъ, собираются послѣ обѣда къ корчмѣ казаки съ женами и дѣтьми. Мужчины и замужнія женщины проводятъ время въ питьѣ, а юноши и дѣвушки забавляются на лугу пляскою, подъ дудку. Сюда приходитъ помѣщикъ съ своимъ семействомъ, чтобы посмотрѣть на молодыхъ, иногда и самъ онъ съ своимъ семействомъ принимаетъ участіе въ веселостяхъ. Тогда казаки, по старому между ними обыкновенію, похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика. Въ этомъ случаѣ необходимы ловкость и проворство. Похититель непремѣнно долженъ ускользнуть съ своею добычею и скрываться въ лѣсу не менѣе 24 часовъ. Этимъ только онъ спасается, иначе пропала его голова. Пойманнаго въ лѣсу, до истеченія сутокъ, лишали жизни. Если похищенная дѣвушка пожелаетъ выйти за него замужъ, то онъ обязанъ жениться на ней, въ противномъ случаѣ лишается головы. Если же дѣвица не изъявитъ желанія выйти за него замужъ, то онъ свободенъ отъ смерти [2]). О Стенькѣ Разинѣ сохранилось извѣстіе, будто онъ на Дону велѣлъ вѣнчать мужчинъ съ похищенными дѣвицами около деревьевъ [3]). Нѣкоторыя секты раскола также до позднѣйшаго времени сохраняли обычай похищенія дѣвицъ:

---

[1]) Терещенко, „Бытъ русскаго народа“, Ч. II, стр. 124—209.
[2]) „Description d'Ukraine“, p. 63.
[3]) Ригельманъ, „Исторія донск. войска“ въ „Чтен. моск. общ. исторіи“.

между ними бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такой обычай былъ въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое кирмамъ, плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмама и, посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу, объѣзжая его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Липецкомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ. Наконецъ, обычай похищенія дѣвицъ до позднѣйшаго времени соблюдался и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, въ Тобольской губерніи, и тоже между раскольниками [1]).

Какъ первобытные брачные обычаи — кровосмѣсительные, хищническіе и договорные браки, такъ и сопровождавшія ихъ религіозно-обрядовыя игрища или празднества имѣли свои послѣдовательныя видоизмѣненія и разнообразныя переходныя формы. Древнѣйшія изъ этихъ игрищъ, на которыхъ совершались еще кровосмѣсительные или общинные браки, отличались самымъ нецѣломудреннымъ, безстыднымъ, чисто животнымъ проявленіемъ половой похоти. Въ эти времена, вѣроятно, возникъ культъ въ честь Ярилы. Животворная теплота и разгорячающій жаръ яркаго весенняго и лѣтняго солнца, во всей природѣ возбуждая жизнь и плодородье, въ то же время, въ частности, съ наибольшею возбудительностью разжигали и плотскія половыя влеченія и желанія въ первобытной молодежи, жившей скотоподобною, животною жизнью, «якоже всякій звѣрь», по выраженію лѣтописца. И вотъ, предки наши, почитая, въ религіозно-языческомъ апоѳеозѣ Ярилы, возбудительную, теплотворную и плодотворную силу яркаго весенняго и лѣтняго солнца и, въ то же время, непостижимую силу возбужденія половой любви, половыхъ страстей и похотѣній и полового оплодотворенія,—въ честь Ярилы посвящали свои весеннія и лѣтнія игрища или празднества, и на этихъ-то игрищахъ, совершая кровосмѣсительные браки, а потомъ и «умыканіе дѣвицъ», предавались самому безстыдному, животному разгулу половой похоти. Въ религіозныхъ обрядахъ, сопровождавшихъ на этихъ игрищахъ первобытные кровосмѣсительные браки и долго потомъ сохранявшихся на языческихъ свадьбахъ, проглядываетъ, въ видоизмѣненной формѣ, древнѣйшій архаическій остатокъ того, можно сказать, чисто зоологическаго, животнаго полового отношенія мужчины къ женщинѣ, какое могло господствовать въ человѣческомъ родѣ только въ тѣ отдаленнѣйшія, первобытныя времена, когда человѣкъ только что начиналъ выдѣляться изъ общаго зоологическаго міра. Далѣе, когда, вмѣсто первобытныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ, обычно стало «умыканіе дѣвицъ» изъ чужихъ родовъ и затѣмъ сталъ входить въ обычай брачный обрядъ сватовства, соглашенья, договора, — самое чувство взаимнаго влеченія юноши и дѣвицы, чувство половой страсти, ведущей къ брачному союзу, также выражалось въ разныхъ религіозныхъ обрядахъ, на игрищахъ между селами, на празднествахъ религіозно-обрядовыхъ. Непонятна, непостижима была для первобытныхъ предковъ нашихъ эта таинственная, магическая сила по-

---

[1]) Терещенко, „Бытъ рус. народа“, II. 28.

лового влеченія, эта волшебно-обаятельная, обворожительная, чарующая сила дѣвичьей красоты, невольно, рефлективно увлекавшая къ умыканію дѣвицъ. Какъ древній грекъ, по словамъ Платона, когда въ первый разъ видѣлъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала ощущалъ священный страхъ и трепетъ, а потомъ невольно преклонялся передъ красотой, боготворилъ ее и готовъ былъ приносить ей жертвы [1], — такъ и первобытные предки наши сначала невольно ужасались, страшились таинственной, магически-чарующей красоты дѣвичьей и ея непреодолимой, томительно-притягательной половой силы, предполагая въ нихъ какую-то невидимую силу демоническую, магически обворожительную, волшебно-чародѣйную. И вотъ, изъ этого-то страха или трепетнаго обаянія и очарованія, вѣроятно, и произошло первобытное поклоненіе «богинѣ-дѣвѣ» и богинѣ любви и брака — «Ладѣ». По свидѣтельству слова Григорія Назіанзина, — и у нашихъ предковъ-славянъ была «богиня — си же дѣва», и они, подобно многимъ другимъ языческимъ народамъ, «чтили богиню, сію же дѣву творили» [2]). Въ антропоморфическомъ апоѳеозѣ Лады предки наши чтили богиню любви и брачнаго союза. Какъ Фрея у нѣмцевъ, такъ Лада у славянъ почиталась покровительницею любви и браковъ, богинею юности, красоты и плодотворенія, всещедрою матерью. Страхъ за непредвидимую будущую судьбу брака, опасеніе чародѣйной порчи и будущаго несчастья брачной жизни побуждали языческихъ предковъ нашихъ умилостивлять и умаливать богиню Ладу и бога Лада, чтобъ они уладили, устроили бракъ добрый, счастливый. Весной, въ пору наибольшаго возбужденія половыхъ желаній, Лада, дочь яркаго весенняго солнца, покровительница любви, мать чадородія, воспламеняла въ сердцахъ юношей и дѣвицъ «горячую любовь» [3]). И вотъ молодые люди, пылая горячностью полового влеченія, «горя любовью горючею», сходились съ наступленіемъ весны на игру, извѣстную подъ именемъ «горѣлокъ», славили богиню любви и браковъ Ладу, и тутъ происходило «умыканіе» дѣвицъ или полюбовное соглашеніе на бракъ. Закликая красную весну, обращались къ Ладѣ съ такимъ привѣтомъ:

Благослови мати,
Ой мати Лада, мати!
Весну закликати.

Сохранившаяся доселѣ весенняя игра «горѣлки» представляетъ символическое изображеніе древнѣйшаго обычая похищенія дѣвицъ, на игрищахъ въ честь Лады. Въ игрѣ этой, холостые парни и дѣвицы устанавливаются парами въ длинный рядъ, а одинъ изъ молодцовъ, которому по жребію достается «горѣть», становится впереди всѣхъ и произноситъ: «горю, горю пень!» — Чего ты горишь?

---

[1]) Шевыревъ, „Теорія поэзіи въ историч. развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ". „Истор. философіи", Льюиса, стр. 236.

[2]) Лѣтоп. стар. русск. литер., т. IV: слово противъ язычниковъ, 4. Вѣроятно, видоизмѣненный остатокъ этого древне-языческаго поклоненія „дѣвѣ—богинѣ" сохранился или отпечатлѣлся впослѣдствіи и въ религіозномъ поклоненіи секты „людей Божіихъ" дѣвицѣ, какъ богородицѣ, а также и въ ученіи бѣгуновъ, утверждающемъ, что „дѣвка сотворена отъ Бога, а баба отъ діавола", что блудное общеніе съ дѣвицами есть „любовь Христова" и больше угодно Богу, чѣмъ церковно-брачное сожительство съ женою.

[3]) На эпическомъ языкѣ народныхъ пѣсенъ любовь называется *горючею:* „горюча любовь на свѣтѣ". Объ ней поется: „не огонь горитъ, не смола кипитъ, а *горитъ* — кипитъ ретиво сердце по красной дѣвицѣ". Любовь не пожаръ, выражается пословица, а *загорится*, — не потушишь. Въ Переяславск. уѣздѣ говорятъ: „лучше семь разъ *горѣть* (т. е. влюбляться, томиться любовью), чѣмъ одинъ овдовѣть". Афанасьевъ, I. стр. 448.

спрашиваетъ дѣвичій голосъ. — Красной дѣвицы хочу. — Какой? — Тебя молодой! При этихъ словахъ одна пара разбѣгается въ разныя стороны, стараясь снова сойтись другъ съ дружкою и схватиться руками, а который «горѣлъ»—тотъ бросается ловить себѣ дѣвицу. Если ему удастся поймать себѣ дѣвушку прежде, чѣмъ она сойдется съ своею парою, то они становятся въ рядъ, а оставшійся одинокимъ заступаетъ его мѣсто; если же не удастся поймать, то онъ продолжаетъ гоняться за другими парами, которыя послѣ тѣхъ же вопросовъ и отвѣтовъ, бѣгаютъ по очереди. Погоня за дѣвицами, ловля, захватъ ихъ указываютъ на старинныя умычки женъ, а «горѣнье» молодца означаетъ воспламененіе въ его сердцѣ богинею Ладою любви къ красной дѣвицѣ [1]). Какъ со стороны женскаго пола богиня Лада, такъ со стороны мужского богъ Ладо почитался также покровителемъ половой любви и брака. По преданію, занесенному въ Синопсисъ, богу Ладу приносили жертвы «готовящіяся къ браку, помощію его мняще себѣ добро веселіе и любезно житіе стяжати, Ладу поюще: Ладо, Ладо! и на брачныхъ веселіяхъ руками плещуще и о столъ біюще воспѣваютъ» [2]). То же преданіе сообщаетъ и густынская лѣтопись: «Ладо—богъ женитьбы, веселія, утѣшенія и всякого благополучія; сему жертвы приношаху хотящіе женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ» [3]).

Поклоненіе Ладу и Ладѣ, вѣроятно, получило особенную силу уже во времена господства брачнаго обычая и сватовства, когда болѣе или менѣе понята была важность взаимной любви брачущихся и необходимость предварительнаго согласія на бракъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ родственниковъ. Въ это время, молодымъ людямъ уже не всегда можно было силой похитить дѣвицу, и каждый молодецъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать по опыту, что «силой милымъ не быть», что для того, чтобы ему пріобрѣсти руку очаровавшей его красной дѣвицы, той «дочери отеческой», которая сидѣла въ высокомъ терему у отцаматери, надобно прежде всего, чтобы она знала про любовь молодца къ ней и сама горячо полюбила его, согласилась на бракъ съ нимъ. А дѣвица, съ своей стороны, томилась «горячею любовью» къ другому молодцу, между тѣмъ какъ родители ея, въ свою очередь, мѣтили выдать ее за третьяго, казавшагося имъ наиболѣе выгоднымъ женихомъ. Такимъ образомъ, во времена укорененія брачнаго обычая сватовства, договора, молодые люди, естественно, впервые начинали чувствовать и познавать всю силу тоскливыхъ, томительныхъ ощущеній половой любви. Эта, впервые болѣе или менѣе сознательно восчувствованная тоска-нытье сердца любящаго, эта томительность неудовлетворенности половыхъ желаній и влеченій казалась имъ непостижимой тайной внутренняго, психическаго міра. И вотъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческаго страха таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, молодые люди со страхомъ представляли въ своихъ томительныхъ, тоскливыхъ ощущеніяхъ половой любви гнетущее дѣйствіе особаго психическаго духа, невидимаго существа — «Тоски». Со страхомъ и трепетомъ взывали они къ этой «Тоскѣ», какъ особенной демонической, сатанинской силѣ, которая, возбуждая тайныя желанія, безотчетную грусть и томленье, грызла, давила, сокрушала сердце юноши или дѣвицы, заставляла ихъ изнывать, сохнуть,

[1]) Афанасьевъ, „Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу", т. I, стр. 448—449.
[2]) Ibid., т. I, стр. 229
[3]) П. С. Р. лѣт. II, 257.

таять. Съ трепетнымъ волненіемъ и возмущеніемъ чувства умолялъ молодецъ «Тоску» въ такомъ заговорѣ на любовь красной дѣвицы: «на морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ Тоска. Бьется Тоска, убивается Тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ поломя, изъ поломя выбѣгалъ Сатанина, кричитъ: Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ такой-то въ губы и въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба такая-то тосковала всякой часъ, по полуднямъ, по полуночамъ, ѣла бы не заѣла, пила бы не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтобъ я ей былъ лучше чужова молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью цѣпями, бросаю ключи въ Океанъ море, подъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Кто мудренѣе меня выищется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ отгонитъ Тоску» [1]). Если любовь къ дѣвицѣ сильно томила, крушила сердце молодца, не давала ему покоя, волновала его грудь бурей тяжелыхъ, безпокойныхъ думъ и тайныхъ, сдержанныхъ порыванiй,—то ему казалось, что цѣлые десятки мучительныхъ демоновъ или духовъ Тоски метались, кидались, носились по воздуху, обуревали его душу, грызли, давили его сердце. И вотъ, изъ взволнованной груди его невольно, рефлективно вырывался страшный вопль накопившейся на сердцѣ тоски, и онъ съ трепетнымъ возмущеніемъ чувства заклиналъ легіоны духовъ Тоски такимъ заговоромъ: «какъ на морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, есть бѣлъ-горючь камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, бросаются тоски... чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья воздухомъ и ахромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски въ красную дѣвицу; въ ея буйную голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое, чтобы былъ ей добрый молодецъ милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя... Вставайте вы, матушки, три тоски тоскучія, три рыды рыдучія, и берите свое огненное пламя, разжигайте красную дѣвицу, разжигайте ее во дни и въ ночи, и въ полуночи, при утренней зорѣ и при вечерней...» [2]). Вообще, страхъ таинственной силы природы внѣшней и человѣческой всецѣло проникалъ и самое чувство половой любви. Съ трепетомъ представляя любовь какъ особую демоническую, сатанинскую силу, какъ грызущую, давящую «тоску»,—предки наши со страхомъ и трепетомъ вѣрили и въ «огонь и пламя», и въ «вѣтеръ и вихрь», и въ «быстрыя рѣки», какъ въ могучія сверхъестественныя силы, имѣющія неотразимое вліяніе на психическую жизнь человѣка, навѣвающія, наносящія на душу его разныя тревожныя, мучительныя думы, тяжелыя, мрачныя, тоскливыя чувствованія, безпокойныя, томительныя желанія. «Весь внутренній міръ человѣка,—скажемъ словами г. Афанасьева, — представлялся имъ не свободнымъ проявленіемъ человѣческой воли, а независимымъ отъ нея, привходящимъ извнѣ дѣйствіемъ благосклонныхъ или враждебныхъ боговъ. Всякое тревожное ощущеніе, всякая страсть принималась младенческимъ народомъ за нѣчто *наносное, напущенное*, какой взглядъ и донынѣ удерживается въ массѣ неразвитого простонародья: пьетъ ли кто запоемъ,

---

1) Сахаровъ, 89.
2) Ibid., 1, 27—28.

пристрастится ли къ игрѣ, страдаетъ ли душевной болѣзнью,—все это неспроста, во всемъ этомъ видятъ *очарованіе*. Чувство любви есть также *наносное;* тѣ же буйные вѣтры, которые прогоняютъ весною дождевыя облака, раздуваютъ пламя грозы и разсыпаютъ по землѣ сѣмена плодородія—приносятъ и любовь на своихъ крыльяхъ, навѣваютъ ее въ тѣло бѣлое, зажигаютъ въ ретивомъ сердцѣ. Кто влюбленъ, тотъ *очарованъ*» [1]). И вотъ, вслѣдствіе такого понятія о любви, какъ огнемъ разжигаемомъ и. вѣтромъ наносимомъ чувствѣ, молодые люди съ трепетной тревогой души взывали къ Огню и Пламени, и особенно къ буйнымъ вѣтрамъ и вихрямъ, олицетворяя ихъ въ образѣ трехъ или семи братьевъ: «пойду я въ чистое поле, *взмолюся тремъ Вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтры, буйны Вихори!* дуйте по всему бѣлому свѣту, распалите и разожгите и сведите рабыню (имя) со мною рабомъ божіимъ душа съ душею, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью. Не уроните той моей *присухи* ни въ воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину; на воду сроните — вода высохнетъ, на лѣсъ сроните — лѣсъ повянетъ, на землю сроните — земля сгоритъ, на скотину сроните — скотина посохнетъ. Снесите и положите ее въ рабицу Божію, въ красную дѣвицу — въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и плоть... Есть въ чистомъ полѣ — сидитъ баба-сводница, у бабы сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунчанъ, въ томъ кунчанѣ всякая веща кипитъ-перекипаетъ, горитъ-перегораетъ, сохнетъ и посыхаетъ: такъ бы обо мнѣ рабѣ божіемъ рабица божія (имя) сердцемъ кипѣла, кровію горѣла и не могла бы безъ меня ни жить, ни быть... Встану я и пойду въ чистое поле подъ восточную сторону. *Навстрѣчу мнѣ семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ.* Откуда вы, семь братьевъ, семь Вѣтровъ буйныхъ идете? куда пошли? Пошли мы въ чистыя поля, въ широкія раздолья сушить травы скошеныя, лѣса порубленые, земли вспаханыя. Подите вы, семь Вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и маленькихъ ребятъ — со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ (имя) въ ретивое сердце; просѣките булатнымъ топоромъ ея ретивое сердце, посадите въ нее тоску тоскучую, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, составы... чтобы красная дѣвица тосковала и горевала по такомъ-то рабѣ божіемъ... въ гульбѣ бы не загуливала, и во снѣ бы не засыпывала, въ теплой парушѣ (банѣ) щелокомъ не смывала, вѣникомъ не спаривала... и казался бы ей такой-то рабъ божій милѣе отца и матери, милѣе всего рода-племени, милѣе всего подъ луной господней» [2]).

Наконецъ, что касается до положенія женщины, какъ жены, во времена господства похищенія дѣвицъ и, потомъ, брачнаго обычая, то само собою разумѣется, что уже и въ первобытныя, варварскія времена женщину должно было сильно тяготить иго хищническаго, насильственнаго брачнаго порабощенія. Но что она могла противопоставить грубой физической силѣ своихъ мужей-похитителей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на похищеніе ея соглашались и ея родные, когда дѣвицы, «дочери отецкія», стали товаромъ, выгоднымъ предметомъ родительской продажи? Горемычнымъ дѣвушкамъ, противъ воли, силой похищеннымъ, или силой отцомъ и матерью выданнымъ замужъ, оставалось только ревѣть, рыдать, взывать къ могиламъ и т. п. И вотъ, это-то чувство гнета физической силы мужчины, чувство неволи и рабства

---

[1]) Афанасьевъ, „Поэтич. воззрѣнія славянъ на Природу", I, 453.
[2]) Ibid., I, 451.

въ чужомъ родѣ-племени, въ рукахъ недруговъ — сильныхъ мужей-похитителей, горючими слезами изливалось въ гробовыхъ, могильныхъ причитаніяхъ, какими исполнены старинныя русскія свадебныя пѣсни невѣстъ и ихъ подругъ. Пѣсни эти сохранились до насъ, какъ живой, непрерывный отголосокъ и вѣковѣчный памятникъ тѣхъ страшныхъ чувствъ женщины, съ какими она порабощалась деспотическому, насильственному брачному игу «сильныхъ мужей». Страхъ и трепетъ охватывалъ дѣвицу, когда вдругъ наѣзжали изъ чужого рода незваные недруги-сваты. Въ одной свадебной пѣснѣ дочь-невѣста поражается ужасомъ при въѣздѣ на дворъ сватовъ:

Матушка, на дворъ гости идутъ,
Сударыня, на дворъ гости идутъ!
Дитятко, не бойся, не выдамъ:
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ!
Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня, на крылечко гости идутъ!
Дитятко, не бойся, не выдамъ!
Матушка, въ нову горницу идутъ!
Дитятко, не бойся, не выдамъ!
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ!.. [1])

Со страхомъ дѣвушка представляла роковой «печальный день» разлуки съ своимъ родомъ-племенемъ и горючими слезами оплакивала свою «волюшку» и выходъ въ замужество. Тѣмъ тяжелѣе и страшнѣе было разставаться съ своимъ родомъ-племенемъ, что въ чужомъ родѣ-племени напередъ, зловѣщимъ образомъ, угрожали дѣвицѣ всѣ ужасы замужняго и общественнаго рабскаго положенія. Въ одной свадебной пѣснѣ дѣвица-невѣста плачевно поетъ:

Мимо мой темный кутничекъ,
Пролетала лебедушка:
Она махнула правымъ крылышкомъ,
Она черкнула бѣлымъ перышкомъ:
Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
Поплачь, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
Не повадно, не весело:
Всѣ не добры и не ласковы
До тебя молодешенька.
На чужой-то на сторонѣ
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи,
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклонитися
Старому покоритися!
На чужой-то на сторонѣ
Растутъ лѣса-то вилявые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ
Они тебя молодешеньку! [2])

И дѣйствительно, при полномъ господствѣ грубой физической силы и закона сильнѣйшаго, жизнь слабѣйшаго пола, разумѣется, искони была самая безотрадная. Мы видѣли, какъ былины народныя разсказываютъ преданія о первобытномъ, самомъ

[1]) Терещенко, II, стр. 135.
[2]) Ibid., II, 242.

звѣрскомъ обращеніи мужей съ женами. Если, въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, семейное и общественное положеніе женщины нѣсколько возвышалось надъ обыкновеннымъ уровнемъ, то это зависѣло, во-первыхъ, отъ религіозно-языческаго страха магической, чародѣйной силы вѣщихъ женщинъ, во-вторыхъ, отъ чисто-животныхъ мотивовъ любви половой, супружеской, родительской и сыновней и, наконецъ, отъ случайнаго, невольнаго и чрезвычайно рѣдкаго чувства физическаго, умственнаго или нравственнаго преимущества женщины. «Преобладаніе матеріальной силы, разумѣется, не могло условливать уваженія къ слабѣйшему полу; но при отсутствіи опредѣленій, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуществомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играть важную роль: мудрѣйшею изъ людей въ описываемый періодъ является женщина--Ольга, которая правитъ Русью во время малолѣтства Святослава да и послѣ совершеннолѣтія. Женщины привлекаютъ мужей своихъ на битвы; пѣсни, содержаніе которыхъ относится къ временамъ Владиміра, упоминаютъ о женщинахъ чародѣйкахъ; Владиміръ совѣтуется съ своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ дружинниковъ; Рогвольдъ полоцкій отдаетъ на рѣшеніе дочери, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ святополковыхъ» [1]). Но за этими, можно сказать, случайными, единичными исключеніями, и то весьма слабо выказывающими чувство достоинства женщины, господствовавшія нравственно-юридическія понятія, вытекавшія изъ чувства страха матеріальной силы, основывавшіяся на законѣ и правѣ сильнѣйшаго, вообще, порождали совершенно иное, самое жалкое рабское положеніе женщины, какъ въ семьѣ, такъ и въ новорожденномъ обществѣ. Женщины, силой похищенныя изъ своего рода, постоянно подвергались въ чужомъ родѣ самому грубому «срамословью» мужчинъ. Передъ ними не выказывалось никакого стыда, никакого «стыдѣнья», по выраженію лѣтописи. Вслѣдствіе этого, естественно, и сами женщины, отстаивая свою личность отъ нахальства мужчинъ, по большей части теряли свою природную стыдливость и наравнѣ съ мужчинами предавались пьянству, дракамъ и безстыдному срамословію:

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы...
Промежу собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя:
Неотколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похвалялася...
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала,
Что извела ея сына Марина Игнатьевна,
А нынѣ на пиру похваляется...
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ.

---

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, I, 270—271.

Сама она Марину больно бранитъ:
„А и сука ты... еретница!..
Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя,
Сижу я на пиру, не хвастаю;
А и хошь ли я тебя сукой оберну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псовъ водить?
А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое перепадчивое...[1]).

Если мужъ, какъ звѣрь, «кусался», то не диво, что и жена отгрызывалась. Жена была только «хотью», самкой мужа и рабой, долженствовавшей «разувать» мужа, служить ему и работать на него. Когда «сильный мужъ» не могъ силой покорить себѣ женщину, тогда покорялъ ее страхомъ. Вслѣдствіе этого, въ языческія времена, вся жизнь жены приносилась въ жертву мужу, такъ что по какому-то суевѣрному страху, или по религіозному требованію закона сильнѣйшаго, жена должна была даже слѣдовать за мужемъ въ могилу: вдовъ сожигали на кострѣ какъ жертву, въ поминокъ души мужа, для того, чтобы облегчить его участь за гробомъ:

И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и переставился,
Тогда его, Потока, похоронили,
А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну
Съ нимъ же живую зарыли въ сыру землю;
И тутъ имъ стала быть память вѣчная [2]).

Наконецъ, подчиненность женщины, безправность ея личности утверждена была страхомъ княжеской власти, страхомъ перваго славяно-русскаго закона. По установленію «Русской Правды», незамужняя женщина не могла быть самостоятельною владѣлицею собственности, не могла быть самостоятельнымъ членомъ общины, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, только послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Замужняя женщина, сколько бы ни выработала имущества при мужѣ, лишалась всякаго наслѣдства, если по смерти мужа вновь выходила замужъ. Опекунъ изъ ближайшихъ родственниковъ, передъ послухами или свидѣтелями - «добрыми людьми» отбиралъ у нея все имѣніе, какое осталось послѣ мужа, и берегъ его для дѣтей. Сильный мужъ сплошь и рядомъ, по праву сильнаго, жилъ съ рабой, какъ съ женой, и приживалъ съ нею дѣтей, но эти раба и дѣти, прижитыя съ нею «сильнымъ мужемъ», лишались доли въ наслѣдствѣ. Человѣческое достоинство и жизнь женщины, по закону сильнѣйшаго, цѣнились вдвое и даже втрое ниже достоинства и жизни мужчины: по «Русской Правдѣ» за убійство «мужа княжаго» или «слуги княжаго» платилась (убійцей) двойная вира -- 80 гривенъ, за убійство простого мужчины простая вира — 40 гривенъ, а за убійство женщины только полвиры—20 гривенъ [3]).

Въ отдаленныя древнія времена, о которыхъ чуть только начинаетъ помнить исторія, наши предки-славяне, по общечеловѣческому закону первобытнаго психическаго развитія всѣхъ народовъ, переживали еще первый фазисъ своего умственнаго развитія, именно фазисъ господства чувства страха передъ таинственными

[1]) Древнее россійское стих., 67—69.
[2]) Ibid., стр. 225.
[3]) См. изслѣд. о „Русской Правдѣ", Калачова, 1846.

ами природы внѣшней и человѣческой. Это чувство страха въ нихъ было такъ ьно, что даже преобладало надъ столько же свойственнымъ человѣческой при- ѣ чувствомъ удовольствія, радости, наслажденія. Вообще, страхъ былъ, можно зать, господствующимъ мотивомъ всего первобытнаго психическаго развитія на- къ предковъ; чувство страха было главнымъ, преобладающимъ источникомъ хъ разнообразныхъ внѣшнихъ проявленій умственной дѣятельности: по характе- тическому выраженію древнихъ памятниковъ «ужасъ» господствовалъ «въ ра- ахъ». При всякихъ неожиданныхъ, внезапныхъ, непривычныхъ для нервовъ ствъ впечатлѣніяхъ, — въ головѣ первобытнаго предка нашего не рождалось акого другого ощущенія, никакого разумно-сознательнаго размышленія, а воз- ;далось только чувство ужаса, страха, тотчасъ же рефлективно выражавшееся быстрыхъ мышечныхъ сокращеніяхъ, напримѣръ, въ паденіи испуганныхъ людей, ъ мертвыхъ. «Въ той часъ,—гласитъ одна древняя повѣсть,—свиснулъ ве- ій змѣй, и не бысть таковаго зуку слышати николиже: *люди же отъ свиста- того съ коней повергашася на землю, и лежаша на земли долгъ ъ мертви:* по малѣ же времени очнушася, и сѣдше на кони своя, поидоша мѣсто» [1]). Или вдругъ видѣли, напримѣръ, странную, необычайную звѣзду на ѣ,—и взглядъ на нее, не возбуждая въ головномъ мозгу никакого спокойнаго, ососредоточеннаго размышленія, никакой ясной идеи, прежде всего порождалъ только тинктивное чувство ужаса, страха: «явися»,—говорили наши предки,—звѣзда азомъ страннымъ; отъ видѣнія сея звѣзды *страхъ объя вся человѣки и асть»* [2]). При внезапномъ появленіи огненнаго метеора, казавшагося, по закону ьективныхъ свѣтовыхъ слѣдовъ, огненнымъ зміемъ, — предки наши даже еще XVII вѣкѣ, по свидѣтельству актовъ, *«ужасались, обстрашались сильно, отъ ужаса падали на землю»* [3]). Особенно же грозныя, страшныя явленія роды возбуждали, по выраженію древняго памятника, «ужасъ въ разумахъ». одной легендѣ XVII вѣка это первобытное, пантофобическое умонастроеніе ажено такъ: «бысть въ то время гроза и громъ страшенъ,—и всѣ человѣки *аснулись въ разумахъ, изступили же отъ помысловъ»* [4]). Такъ назы- мыя въ физіологіи субъективныя ощущенія, въ родѣ субъективныхъ свѣтовыхъ довъ въ глазу, галлюцинаціи, фантазмы или обманы внѣшнихъ чувствъ, осо- ю зрѣнія и слуха, часто усиливали рефлективную возбуждаемость въ головномъ гу чувства ужаса и страха. При этомъ, общее чувство страха, невольно воз- давшееся, какъ увидимъ дальше, первобытною, безпредѣльно-мрачною областью звѣстнаго и таинственнаго въ окружающемъ мірѣ, постоянно поддерживало тофобическое умонастроеніе и порождало въ головномъ мозгу невольное пред- положеніе — отовсюду ждать въ природѣ чего-нибудь страшнаго, необы- наго. И вотъ это общее чувство страха, въ свою очередь, еще болѣе ливало возбуждаемость внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія и слуха и та- ъ образомъ усиливало въ функціи головного мозга, въ дѣятельности ума подство чувства ужаса и страха. Вслѣдствіе этого даже какая-нибудь, въ первый ъ увидѣнная въ лѣсу трава, —и та могла возбудить въ головномъ мозгу на-

---

[1]) Памятн. стар. рус. литерат., изд. Костомаровымъ и Пыпинымъ, вып. II, стр. 396.
[2]) Густынская лѣтопись, стр. 344—345.
[3]) Акт. Истор., IV, 334.
[4]) Памятн., II, 431.

шего древняго предка только чувство изумленія и ужаса, вслѣдствіе галлюцинаціи зрительной или слуховой. «Былъ нѣкій человѣкъ, — говоритъ, напримѣръ, одна древняя повѣсть, — живяше въ дебри и иде мужъ той искати себѣ на потребу снѣди, и ходяше по лѣсу много, и абіе обрѣте стоящую яблонь вельми добру и узрѣ на яблони траву: обвилась около древа, и сорва травы той едину смоквицу, и послышался ему отъ той травы гласъ. И человѣкъ той *ста изумѣлся, нападе на него ужасъ великій»* [1]). Однимъ словомъ, если мы разсмотримъ первобытное міросозерцаніе нашихъ предковъ — славянъ, то увидимъ, что все оно есть не что иное, какъ выраженіе полнѣйшаго господства чувства страха передъ таинственными силами природы внѣшней и человѣческой.

Это первобытное господство чувства страха необходимо обусловливалось общими физіолого-психологическими законами умственнаго развитія человѣка. «Всякій знаетъ, — скажемъ словами нашего извѣстнаго физіолога г. Сѣченова, — что невольныя движенія, вытекающія изъ головного мозга, происходятъ въ томъ случаѣ, если чувствующій нервъ раздражается неожиданно, внезапно. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, невольное вздрагиваніе человѣка отъ неожиданнаго звука, отъ посторонняго прикосновенія къ нашему тѣлу или внезапнаго появленія передъ глазами какого-нибудь образа будетъ отраженнымъ движеніемъ. Фактъ чрезмѣрно сильныхъ невольныхъ движеній, при видимой незначительности внезапнаго раздраженія чувствующаго нерва, извѣстенъ на животныхъ. На людяхъ явленіе это выражается иногда еще рѣзче. Всякому извѣстно, что неожиданный испугъ, какъ бы незначительна ни была причина, произведшая его (раздраженіе чувствующаго нерва), всегда вызываетъ у человѣка сильныя и обширныя отраженныя движенія. При томъ всякій знаетъ, что испугъ можетъ происходить какъ въ сферѣ спинно-мозговыхъ, такъ и въ сферѣ черепныхъ нервовъ. Можно одинаково легко испугаться какъ отъ внезапнаго прикосновенія посторонняго тѣла къ нашему туловищу (въ которомъ развѣтвляются спинно-мозговые нервы), такъ и отъ неожиданнаго появленія передъ нашими глазами страннаго образа, т. е. при возбужденіи зрительнаго нерва, родящагося изъ головного мозга... Страхъ свойственъ какъ человѣку, такъ и послѣднему изъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ, которые живутъ, по нашимъ понятіямъ, лишь инстинктами. Страхъ или испугъ есть, слѣдовательно, явленіе инстинктивное» [2]). И вотъ, въ силу этого-то общечеловѣческаго физіолого-психическаго закона, предки наши неизбѣжно должны были пережить первобытный общечеловѣческій фазисъ наибольшаго, всеобщаго господства чувства страха именно въ тотъ первоначальный періодъ своего психо-физическаго воспитанія, когда нервно-мозговая, чувствующая система ихъ, по естественной необходимости, всего болѣе подвержена была возбужденіямъ неожиданныхъ, внезапныхъ впечатлѣній, и когда страхъ и возбуждаемый имъ инстинктъ самосохраненія, при господствѣ постоянной борьбы съ таинственными, часто враждебными и зловредными силами природы, всего болѣе необходимы были для сохраненія цѣлости индивидуумовъ и для избѣжанія вредныхъ внѣшнихъ вліяній. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ какой другой періодъ умственнаго развитія человѣка область впечатлѣній неожиданныхъ, внезапныхъ, непривычныхъ для нервовъ чувствъ могла быть наиболѣе обширна, безпредѣльна, какъ не въ тотъ именно первобытный естественно-психологическій фазисъ умственнаго развитія

[1]) Ibid., II, 447.
[2]) Сѣченовъ, „Рефлексы головного мозга“, Спб. 1867 г., стр. 40—41.

народовъ, когда передъ чувственнымъ и умственнымъ кругозоромъ ихъ, естественно, всего обширнѣе и непроницаемѣе была мрачная область неизвѣстнаго, таинственнаго какъ во внѣшней, такъ и въ человѣческой природѣ? Да, тогда только изъ этой, кругомъ облегавшей чувственный и умственный кругозоръ, непроницаемо-мрачной области неизвѣстныхъ, таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, неизбѣжно всего болѣе должны были дѣйствовать и постоянно дѣйствовали на внѣшнія чувства и умъ человѣка впечатлѣнія новыя, неожиданныя, внезапныя, потому что тогда только область явленій непрочувствованныхъ, невоспринятыхъ внѣшними чувствами и, оттого, непознанныхъ и умомъ, еще вполнѣ преобладала надъ сферой впечатлѣній испытанныхъ и познанныхъ. А когда надъ внѣшними чувствами и умомъ кругомъ тяготѣла мрачная область неизвѣстнаго, таинственнаго, тогда естественно, какъ для апріорическихъ заблужденій, такъ и для чувства страха открывалось широкое, безпредѣльное поле. Тогда все народное міросозерцаніе и общественное устройство необходимо должно развиваться преимущественно изъ чувства страха неизвѣстныхъ, таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой и мотивироваться инстинктомъ самосохраненія. И по народнымъ преданіямъ, такъ это и было дѣйствительно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первобытныя времена, на самой низшей, примитивной степени умственнаго развитія народовъ, среди безпредѣльной, мрачной области неизвѣстнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой, — естественно, все новое, въ первый разъ воспринимаемое внѣшними чувствами, неизбѣжно должно было поражать чувствующіе нервы людей неожиданно, внезапно и, потому, невольно должно было возбуждать чувство страха. А страхъ, путемъ рефлексовъ съ чувствующихъ на движущіе нервы, всегда невольно долженъ былъ отражаться содрогательнымъ, трепетнымъ движеніемъ мышцъ. Вдругъ, напримѣръ, неожиданно грянулъ громъ, и первобытный предокъ нашъ впервые въ жизни слышалъ его, или, хотя и слышалъ его прежде, но еще не привыкъ къ его страшному грохоту. Слуховой нервъ его тотчасъ-же раздражительно поражался этимъ непривычнымъ, внезапнымъ для слуха, страшнымъ воздушнымъ звукомъ. Слуховое нервное раздраженіе быстро передавалось головному мозгу и возбуждало въ немъ ощущеніе страха, ужаса. И вотъ, вслѣдствіе рефлекса отъ испуга, подъ вліяніемъ импульса чувства страха, всѣ мышцы или двигательные органы тѣла невольно, рефлективно приходили въ трепетное содроганіе и движеніе; человѣкъ, съ невольнымъ, рефлективнымъ движеніемъ голосового аппарата, съ невольнымъ, рефлективнымъ крикомъ или воплемъ, машинально падалъ ницъ, на колѣни и безсознательно валялся по землѣ. Такъ возникло первоначально, путемъ чисто невольнаго рефлекса, первобытное трепетное колѣнопреклоненіе передъ громомъ; потомъ, это первобытное, чисто-рефлективное колѣнопреклоненіе, послѣ частаго повторенія, естественно, стало привычнымъ, заученымъ рефлексомъ, въ качествѣ постояннаго, обрядоваго поклоненія грому, такъ что въ XVII вѣкѣ выражалось въ суевѣрномъ обычаѣ — безсознательно валяться по землѣ всякій разъ, какъ загремитъ первый громъ [1]).

Точно также, и самое первоначальное сильное ощущеніе страха и ужаса при громѣ, вслѣдствіе частаго повторенія, мало-по-малу превратилось въ головномъ мозгу въ постоянное страшное представленіе о громѣ, какъ о таинственной гроз-

---

[1]) Буслаевъ, „Очерки древн. рус. литерат. и искусствъ“: эпическ. поэзія XVII вѣка.

ной живой силѣ, какъ о страшномъ, карающемъ небесномъ существѣ. Такимъ образомъ возникъ миѳъ о Перунѣ—богѣ грома. Совершенно такимъ же рефлективнымъ путемъ произошло, далѣе, естественно-религіозное поклоненіе и всѣмъ другимъ божествамъ, олицетворявшимъ разныя таинственныя силы и явленія природы. Вообще, когда надъ внѣшними чувствами и умомъ первобытныхъ предковъ нашихъ кругомъ тяготѣла мрачная область неизвѣстнаго, — тогда всѣ таинственныя силы, явленія и предметы, производившіе неожиданный, внезапный эффектъ на ихъ чувствующіе нервы, невольно, рефлективно возбуждали въ нихъ чувство страха и невольно, рефлективно побуждали ихъ къ безсознательному благоговѣйно-трепетному поклоненію.

Когда первобытный предокъ нашъ приходилъ въ себя послѣ первоначальнаго рефлективнаго колѣнопреклоненія и крика, напримѣръ, при внезапномъ ударѣ грома, при внезапномъ наступленіи ужасной бури, или при затменіи солнца и т. п.. — онъ невольно начиналъ съ тревожнымъ чувствомъ размышлять о томъ, какая таинственная сила повергла, преклонила его на землю, вызвала изъ груди его невольный крикъ, вопль и, такъ сказать, насильно, противъ его воли потребовала отъ него колѣнопреклоненія и вопля мольбы. Страхъ усиливалъ дѣятельность органа представленія. И вотъ онъ приходилъ къ тому представленію и вѣрованію, что грозно-ужасающій громъ, страшный, бурный вѣтеръ, солнце, ярко сіяющее или вдругъ неожиданно затмѣвающееся, суть непостижимыя, могучія одушевленныя существа, владычествующія надъ всѣмъ живымъ. Точно также ему казалось, что и невольное паденіе ницъ, на землю, невольное колѣнопреклоненіе и рефлективный крикъ, вопль при ударѣ грома, при страшной бурѣ, при яркомъ весеннемъ свѣтѣ или затменіи солнца, требуются этими таинственными, всемогущими существами, дѣйствующими въ громѣ, въ вѣтрѣ, въ солнцѣ, слѣдовательно, составляютъ, такъ сказать, постоянную ихъ «требу». Такимъ образомъ, произошло и потомъ укоренилось, съ одной стороны, первоначальное благоговѣйно-трепетное, религіозное вѣрованіе въ боговъ природы, — въ бога грома — Перуна, въ бога вѣтра—Стрибога, въ бога солнца—Хорса или Дажьбога и т. д. Съ другой стороны, точно также первоначальное невольное, рефлективное колѣнопреклоненіе, невольный, рефлективный крикъ или вопль при ударѣ грома, при бурѣ вѣтра и проч., однажды навсегда признаны были потомъ за невольную «требу» этихъ боговъ, обратились въ постоянныя, обычно-обрядовыя, трепетно-богослужебныя колѣнопреклоненія, мольбы и требы для умилостивленія боговъ—грома, или Перуна, вѣтра, или Стрибога, солнца, или Хорса, Дажьбога и т. д.

Затѣмъ, началась все болѣе и болѣе усложнявшаяся ассоціація и дизассоціація чувственныхъ ощущеній и невольныхъ, рефлективныхъ мышечныхъ движеній и ощущеній, порожденныхъ чувствомъ страха, и такимъ образомъ совершался дальнѣйшій процессъ развитія миѳологическаго міросозерцанія, эпоса и идолопоклонническаго богослуженія. Прежде всего, чувство страха передъ таинственными силами природы невольно возбуждало рефлективную дѣятельность ассоціирующей и анализирующей способности головного мозга, посредствомъ болѣе или менѣе сложнаго психическаго процесса сочетанія и анализа разнообразныхъ конкретныхъ чувственныхъ возбужденій, ощущеній и представленій, порожденныхъ или всецѣло проникнутыхъ также трепетною боязнью таинственныхъ физическихъ силъ, и такимъ образомъ рефлективно порождало въ головномъ мозгу умственный процессъ обра-

зованія миѳолого-пантофобической теогоніи или зооморфической и антропоморфической персонификаціи и апоѳеоза таинственныхъ силъ природы. «Такъ какъ наши произвольныя дѣйствія,—скажемъ словами Дж. Ст. Милля,—суть самые привычные для насъ случаи связи причины съ слѣдствіемъ, то въ младенчествѣ и дѣтствѣ человѣческаго рода они произвольно (апріорически) принимаются за типъ этой связи вообще, и всѣ явленія предполагаются производимыми прямо волею какого-нибудь чувствующаго существа. Вездѣ, говоритъ Рейналь, гдѣ дикіе видятъ движеніе, котораго не могутъ себѣ объяснить, они предполагаютъ волю, душу. Неразвитые народы дѣйствительно вѣрятъ, что солнце, луна и звѣзды, земля, море и воздухъ, источники и озера обладаютъ разумною и дѣятельною силою: поклоняться имъ и молить ихъ о милости есть родъ свойственнаго дикимъ идолопоклонства» [1]). По этому-то общечеловѣческому, естественно-психологическому принципу, и въ миѳологическомъ міросозерцаніи нашихъ предковъ, подъ вліяніемъ чувства страха таинственныхъ силъ природы, развилась вся система фетишическаго идолопоклонства и зооморфической и антропоморфической персонификаціи и апоѳеоза таинственныхъ силъ, явленій и предметовъ природы. При этомъ, вслѣдствіе органически-свойственной нервной организаціи сѣверныхъ славяно-русскихъ племенъ, общей медленности передвиженія возбужденій по нервамъ, обусловливаемой суровымъ холодомъ сѣвернаго климата и другими причинами [2]),—предки наши, естественно, слишкомъ долго переживали физіолого-психологическій фазисъ первобытнаго, чисто чувственнаго развитія, періодъ преобладанія медленной возбуждаемости и поверхностной воспріимчивости нервномозговой организаціи. А отъ этого и въ миѳологическомъ міросозерцаніи ихъ, самый первобытный, фетишическій сенсуализмъ, всецѣло проникнутый чувствомъ страха природы, вполнѣ преобладалъ надъ разсудочною способностью отвлеченнаго мышленія, надъ смѣлымъ, пытливымъ, разумно-сознательнымъ обсужденіемъ физическихъ впечатлѣній. «Мы россійскій языкъ въ полунощной странѣ,—сказано въ одномъ древнемъ словѣ,—въ части Европіи исперва скиѳяне и славяне нарицахуся, грамоты не имѣяху, малоуміемъ же и грубостію одержими, каменію же и древу омрачахуся служеніемъ» [3]). Каждый славянинъ, предокъ нашъ, смотря по субъективнымъ и часто галлюцинаціоннымъ ощущеніямъ зрѣнія, слуха, осязанія безотчетно, невольно боялся того или другого предмета природы, апріорически присвояя ему волю, душу, и потому поклонялся своему богу сверхъ множества болѣе или менѣе общихъ боговъ. Такъ, объ этомъ личномъ фетишизмѣ свидѣтельствуетъ одно древнее поученіе, направленное противъ язычества нашихъ предковъ: «овъ рѣку богиню нарицаетъ и звѣрь живущъ въ ней, аки бога, нарицая, требу творитъ; а за иныя боги кто можетъ рещи: *всякій бо человѣкъ своего бога имѣяше*, ини почитаху звѣри, ови же зміѣ, гады, ини пни различныя» [4]). Только уже впослѣдствіи, передъ временемъ распространенія христіанства, мало-по-малу начала развиваться и болѣе общая зооморфическая и антропоморфическая теогонія, хотя далеко не въ такихъ типическихъ фор-

---

[1]) Милль, „Логика“ ч. I.

[2]) См. „Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1870 г., № 3.

[3]) Сборн. Соловец. библ. № 923: „Слово печально и рыданію обдержательно“.

[4]) Слова, направленныя противъ язычества нашихъ предковъ-славянъ, напечат. въ лѣтоп. рус. литер. и древности, т. IV, стр. 85.

махъ, какъ, напримѣръ, теогонія древне-эллинская [1]). Далѣе, медленно, но непрерывно совершался процессъ невольной рефлективной ассоціаціи первоначальныхъ представленій, порожденныхъ чувствомъ страха таинственныхъ силъ и явленій природы, съ новыми, внезапными, неожиданно-поразительными впечатлѣніями, также возбуждавшими чувство страха, рефлективно выражавшееся въ мышечныхъ движеніяхъ. И путемъ этой, все болѣе и болѣе осложнявшейся, ассоціаціи ощущеній и представленій развилась вся система миѳологическаго эпоса и міросозерцанія, или теолого-пантофобическаго воззрѣнія на внѣшнюю и человѣческую природу. Разнообразные страшные образы и представленія, порожденные чувствомъ страха при первоначальномъ внезапномъ чувственномъ воспринятіи различныхъ неожиданно-поразительныхъ, непонятныхъ и страшныхъ явленій природы, — эти первоначальные образы и представленія сопрягались съ новыми страшными образами и представленіями, какія попрежнему невольно возбуждались новыми внезапными, таинственными и страшными явленіями природы, и непрерывно-послѣдовательно накоплялись въ быту звѣроловческомъ, пастушескомъ и земледѣльческомъ. Такимъ образомъ составлялись новые, все болѣе и болѣе сложные миѳы зооморфическіе, антропоморфическіе и т. п. Такъ, напримѣръ, въ періодъ звѣроловческій, когда древній предокъ нашъ въ первый разъ видѣлъ въ лѣсу страшнаго звѣря—медвѣдя, вепря или волка,—невольно, въ рефлексѣ отъ испуга, со страхомъ и трепетомъ преклонялся передъ ними. Потомъ, постоянно видя въ лѣсу этихъ звѣрей, онъ мало-по-малу привыкъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что и самъ жилъ въ лѣсу, по словамъ лѣтописи, «звѣринскимъ образомъ, яко же всякій звѣрь». Вслѣдствіе такого постояннаго созерцанія въ лѣсу звѣрей, въ родѣ волковъ или вепрей, въ мозгу его естественно напечатлѣвались и преобладали зооморфическія представленія въ родѣ представленія о волкахъ, объ оборотняхъ въ волковъ или вепрей, или о „волкодлакахъ» чудовищныхъ и страшныхъ. Однимъ словомъ, это былъ періодъ зооморфическаго міросозерцанія, зооморфическихъ божествъ, зооморфическаго, «животненнаго эпоса» [2]). И вотъ потомъ, когда въ головѣ древняго славянина-звѣролова сложились такія зооморфическія представленія,—вдругъ, въ первый разъ и неожиданно видѣлъ онъ на небѣ страшное явленіе,—внезапное полное затменіе солнца.

---

[1]) См. изслѣдованіе Афанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, или опытъ сравнительнаго ученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ", М. 1865 г., т. I. Еще въ IX вѣкѣ славянскія племена поклонялись камнямъ, горамъ, рѣкамъ, озерамъ, колодцамъ или ключамъ, лѣсамъ и рощамъ, звѣрямъ и т. д. Наприм., Гельмольдъ о славянахъ своего времени пишетъ: inribiti sunt Slavi de coetero juvake ein arboribus, fontibus et lapidibus. Lib. 1, c. 84. Несторъ свидѣтельствуетъ о русскихъ славянахъ: „бяху же тогда поганія, жруще озеромъ и кладяземъ и рощеніямъ". Нест. Шлец. 1, 175. Не приводя всѣхъ дальнѣйшихъ свидѣтельствъ изъ XI—XIII вѣка,—укажемъ еще на слѣдующее извѣстіе одного сборника XVII вѣка: „вѣруютъ (язычники) въ солнце, глаголюще, яко то грѣетъ ны, и въ землю вѣруютъ, такоже глаголюще, яко та питаетъ ны, и въ скоты наша и въ волы вѣруютъ, яко тыя ролью (пахоту) намъ дѣлаютъ, и въ псы, въ стрѣлу, и въ роки, и въ лѣсъ, и въ дубіе вѣруютъ: то все себѣ нарицаютъ боги". (Сборн. Солов. библ. № 925, и 72 об.). По смыслу этого свидѣтельства, общее чувство страха таинственныхъ силъ и предметовъ природы ассоціировалось, въ частности, съ эгоистическимъ чувствомъ страха за существованіе, за средства жизни, и, возбуждая инстинктъ самосохраненія, невольно побуждало вѣровать въ солнце, въ землю, въ домашній скотъ, въ рѣки, въ лѣсъ, въ дубы, и поклоняться имъ изъ страха лишиться ожидаемаго отъ нихъ добра, милости и благодѣяній въ жизни.

[2]) Афанасьевъ, о зооморфическихъ божествахъ у славянъ въ „Отечествен. Зап." 1862 г., №№ 1, 2 и 3. Его же о животномъ эпосѣ, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ русскимъ сказкамъ. Подробности см. въ кн. Афанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", т. I, гл. XII—XIV: Баснословныя сказанія о звѣряхъ, стр. 592—796.

видѣлъ, быть можетъ, въ такую минуту, когда, ходя въ лѣсу за звѣрями, съ эвѣрнымъ страхомъ помышлялъ о какихъ-нибудь «волкодлакахъ» или «упыряхъ». ікое необычайное, неожиданное и въ первый разъ увидѣнное зрѣлище, какъ за-еніе солнца, поразивши органъ зрѣнія славянина-дикаря, тотчасъ же возбуждало въ мъ чувство испуга, страха и смущенія и, путемъ рефлекса на голосовыя и разго-рныя мышцы его, машинально исторгало изъ груди его невольный крикъ: «о великъ рахъ, о ужасъ! Погибе солнце!» При этомъ, когда дикій звѣроловъ-славянинъ ло-по-малу опамятовался, приходилъ въ себя и начиналъ размышлять о случив-мся на небѣ явленіи,—въ головѣ его быстро воспроизводилось возникшее прежде преобладавшее въ памяти зрительно-слуховой зооморфическое представленіе о лкахъ и волкодлакахъ и невольно, путемъ рефлективной ассоціаціи, смѣшивалось новымъ неожиданно-поразительнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ—затменіемъ солнца. вотъ, объясняя себѣ затменіе солнца, «невѣгласи» съ ужасомъ говорили: «о, асъ, о, страхъ! Снѣдаемо солнце волкодлаками», т. е. пожирается оборотнями волка или вепря [1]). Точно также всякое другое внезапное и необычайное леніе природы, неожиданно поражая органъ зрѣнія или слуха, путемъ рефлек-внаго дѣйствія на головной мозгъ, возбуждало чувство страха, ужаса и унынія сочетаваясь съ какимъ-нибудь представленіемъ, образовавшимся прежде, поро-дало новое страшное миѳологическое представленіе, новый зооморфическій миѳъ. ругъ, видѣли, напримѣръ, комету или новую, невиданную прежде звѣзду: органъ ѣнія сильно поражался ею, возбужденно воспринималъ ея образъ, а центрально-зговой, психическій органъ представленія, возбужденный ощущеніемъ страха, и этомъ чувственномъ воззрѣніи на комету или звѣзду, быстро рефлективно спроизводилъ, напримѣръ, изъ того же звѣроловческаго быта какіе-нибудь прежде спринятые нервными аппаратами образы, которые ему казались похожими на разъ видимой кометы или звѣзды, представлялъ, напримѣръ, хвостъ звѣриный, пье звѣроловческое и т. п. И вотъ, такимъ образомъ, устрашеннымъ предкамъ шимъ необычайная звѣзда или комета казалась «хвостатою» или «аки копье» наводила на нихъ ужасъ и страхъ: «явися,—говорили со страхомъ даже въ лѣе позднее время,—явися звѣзда хвостата, образомъ страшнымъ и отъ видѣнія звѣзды страхъ объя вся человѣки и ужасть» [2]). Или, въ тотъ же звѣролов-скій періодъ, были наши предки на «ловитвѣ звѣрей» и вдругъ видѣли—несся атмосферѣ огненный метеоръ: въ рефлексѣ отъ страшнаго испуга, они тотчасъ же, выраженію актовъ, «обстрашались зѣло и отъ ужаса падали на землю». При омъ, по извѣстному физіологическому закону такъ называемыхъ «субъективныхъ ѣтовыхъ слѣдовъ», огненный метеоръ, вслѣдствіе непрерывнаго и быстраго дви-нія, оставлялъ въ глазу непрерывный свѣтовой слѣдъ, аналогично, напримѣръ, явленіемъ огненнаго круга, образующагося вслѣдствіе быстраго вертѣнія передъ азомъ раскаленнаго угля. А въ головѣ нашихъ предковъ, въ періодъ зооморф-ическаго міросозерцанія, передъ тѣмъ только-что образовались и живо сохраня-сь разнообразныя страшныя представленія о «змѣяхъ летящихъ», о «зміяхъ рынчищахъ» и т. п. И вотъ это-то представленіе о страшномъ «летящемъ змiѣ»

---

[1]) Ипат. 7: „погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ невѣгласи: „снѣ-аемо солнце". Буслаевъ, „Очерки старин. русс. лит.", I, 93: егда убо погибнетъ луна или олнце, селяне глаголютъ: „*волкодлаци луну изъидоше или солнце*".

[2]) Густын. Лѣт., 344—345.

въ умѣ темнаго народа рефлективно сопрягалось, при видѣ метеора, съ тѣмъ субъективнымъ свѣтовымъ слѣдомъ, какой образовался въ глазу вслѣдствіе безпрерывнаго продолженія быстраго вращательно-поступательнаго движенія метеора, и, такимъ образомъ, глазамъ народнымъ огненный метеоръ казался летящимъ огненнымъ змiемъ. «И абіе, —говоритъ лѣтописецъ, —спаде съ небесе змій превеликъ и ужасошася вси людіе, яко и самой землѣ въ то время стукнути и стонати». Даже еще въ XVIII вѣкѣ огненный метеоръ казался народу извивавшимся по небу огненнымъ змѣемъ и наводилъ такой страхъ, что «отъ ужаса люди падали на землю». Такъ произошелъ миѳъ объ огненномъ змiѣ [1]). Наконецъ, какъ чувственно-перцепціонное развитіе древне-славянскаго народнаго міросозерцанія проистекало вообще изъ чувства страха таинственныхъ силъ и явленій природы, такъ и все дальнѣйшее, апріорическое развитіе его мотивировалось тѣмъ же страхомъ природы вообще и, въ частности, боязнью и трепетнымъ опасеніемъ за цѣлость и сохраненіе жизни, за обезпеченіе физіологической потребности пищи, жилища, одежды, здоровья и безопасности. Такой источникъ и смыслъ имѣютъ всѣ народныя физическія примѣты, весь народный физическій мѣсяцесловъ [2]). Вслѣдствіе всеобщаго страха таинственныхъ физическихъ силъ, все въ природѣ предзнаменовало или предвѣщало что-нибудь существенно-относящееся къ народной физической или нравственной жизни, какое-нибудь народное бѣдствіе или страданіе. При этомъ разъ замѣченное случайное совпаденіе или апріорически, произвольно принятая связь какихъ-нибудь страшныхъ физическихъ явленій съ тѣмъ или другимъ физическимъ бѣдствіемъ народа, въ силу апперцепціи, принимались потомъ и за постоянный физическій законъ, а потому и за постоянную физическую примѣту. Напримѣръ, такія грозныя явленія природы, какъ страшное волненіе моря, сильный громъ, разрушительная буря, чрезмѣрные проливные дожди, необычайное умноженіе и движеніе хищныхъ звѣрей и т. п.,—такія страшныя физическія явленія уже сами по себѣ возбуждали страхъ и трепетъ за жизнь, здоровье и безопасность и, вслѣдствіе этого, рефлективно порождали разныя апріорическія, суевѣрно-боязливыя гаданія насчетъ цѣлости и сохранности жизни и здоровья, запугивали воображеніе боязливымъ ожиданьемъ многократно-испытанныхъ и тяжко-прочувствованныхъ народомъ бѣдствій — мора, неурожая, наводненія и т. п. А при этомъ, если такія грозныя физическія явленія, какъ бурное волненіе моря, страшный громъ, сильныя бури и т. д., хоть разъ дѣйствительно совпадали случайно съ страшными народными бѣдствіями —моромъ, голодомъ или войною, то съ тѣхъ поръ запомянутыя твердо, отмѣченныя въ народныхъ примѣтахъ, а впослѣдствіи записанныя даже въ лѣтописяхъ, эти грозныя, страшныя физическія явленія уже положительно и однажды навсегда принимались за вѣрный и постоянный признакъ или примѣту, предвѣщавшую именно эти народныя бѣдствія—моръ, неурожай и голодъ, войну и т. п. Подобныхъ примѣтъ образовалось вообще безчисленное множество [3]). Громъ всегда возбуждалъ чувство содроганія, страха и трепета за жизнь,—и вотъ подъ вліяніемъ этого страха и дрожанія за жизнь при звукѣ грома, развились всѣ примѣты о предвѣщательномъ знаменованіи грома относительно самыхъ животрепещущихъ потребностей жизни. Примѣты

---

[1]) Сборн. Солов. библ. № 864, л. 140. П. С. Лѣт. I, 92. А. И. IV, 334.

[2]) См. народный мѣсяцесловъ и примѣты въ сборникѣ пословицъ рус. народа, издан. Далемъ.

[3]) Костомаровъ, „Очеркъ нравовъ великорус. народа“, стр. 185.

эти впослѣдствіи записаны были въ «сказаніи о громѣ» [1]). Вообще, чѣмъ больше была область неизвѣстнаго въ природѣ, чѣмъ больше было впечатлѣній совершенно новыхъ, неожиданныхъ, тѣмъ обширнѣе была и мрачная область страшнаго въ природѣ; и тѣмъ сильнѣе эти впечатлѣнія рефлективно раздражали и потрясали нервную систему, чѣмъ мучительнѣе затрогивали они эгоистически-животный инстинктъ самосохраненія. А по законамъ человѣческой природы извѣстно, что впечатлѣнія или ощущенія непріятныя, мучительныя, такъ же, какъ и особенно-пріятныя и радостныя, всегда сочетаваются въ нашемъ представленіи легче и сильнѣе другихъ впечатлѣній и идей, т. е. соединяются послѣ меньшаго числа повтореній, и ассоціація ихъ прочнѣе. И вотъ по этому-то закону ассоціаціи ощущеній и идей развилась многосложная система суевѣрныхъ примѣтъ, религіозныхъ вѣрованій и вообще миѳологическаго міросозерцанія; и общее чувство страха природы, такимъ образомъ, всецѣло проникало все умонастроеніе и политическое міросозерцаніе: то какое-нибудь страшное миѳическое пугало лѣсное—«дивъ» кликалъ съ вершины дерева и вѣщалъ что-нибудь недоброе, страшное, то зловѣщій крикъ птицы, ревъ и свистъ звѣрей пророчилъ бѣду, то «начатъ трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонятися», тоже стращая недобрыми знаменіями, то вѣтры, стрибоговы внуки, не къ добру вѣяли съ моря стрѣлами, предвѣщая погибель и обиду въ силахъ Дажьбога внука. «Солнце ему тьмою, поетъ Слово о полку Игоревѣ,—путь заступило; ночь, стонущи ему грозою, птицъ зловѣщихъ разбудила... Бѣды его вѣщали птицы и свистъ звѣринъ въ лѣсахъ, волки грозу ему сторожили по яругамъ, орлы клектомъ звали звѣрей на кости людскія: «о русская земле!“ Съ тяжкимъ мучительно-тревожнымъ чувствомъ страха, съ рабскимъ трепетомъ передъ владычествомъ природы Ярославна заклинала вѣтеръ и солнце, чувствуя ихъ всесильное господство надъ людьми: «о, вѣтре, вѣтрило! чему, *господине*, насильно вѣеши? Чему мычеши хановскія стрѣлы на своею нетрудную крыльцю на моея лады вои? Мало-ли ти бяше горѣ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ-морѣ? Чему, *господине*, мое веселіе ковылію развѣя?.. Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Чему, *господине*, простре горячую свою лучю на моея лады вои? Чему въ полѣ безводнѣ жаждою имъ луци съпряже, тугою имъ тули затче!»

Какъ по внѣшней природѣ все, что неожиданно, поразительно дѣйствовало на органы чувствъ нашихъ предковъ-язычниковъ, возбуждало въ нихъ страхъ и рефлективно выражалось въ мышечныхъ движеніяхъ колѣнопреклоненія, моленія и т. д., такъ и въ человѣческой природѣ все, что раздражительно поражало чувствующіе нервы, все, что ощущалось и замѣчалось въ организмѣ человѣческомъ въ первый разъ или неожиданно, или что особенно выступало изъ ряда обыкновенныхъ анатомо-физіологическихъ явленій и проявлялось внезапно и непонятнымъ образомъ, — все это точно также возбуждало страхъ и трепетъ, и это чувство страха, въ свою очередь, также невольно, рефлективно проявлялось въ трепетныхъ мышечныхъ движеніяхъ—колѣнопреклоненіяхъ, мольбахъ, наговорахъ, заклятіяхъ и т. п. Такимъ образомъ, всебоязнь распространялась и на человѣческую природу, относилась и къ міру антропологическихъ явленій. Такъ, напримѣръ, прежде всего самый физіологическій актъ рожденія человѣка и потомъ—нарожденія цѣлаго рода или племени, по непостижимости своей для первобытнаго человѣка,

---

[1]) Сборн. Солов. библ., № 182.

казался изумительнымъ и страшнымъ. Первоначально одинъ видъ непонятнаго и мучительнаго акта рожденія человѣка долженъ былъ производить тяжелое, страшное впечатлѣніе на всѣхъ, впервые видѣвшихъ его, и потому невольно возбуждалъ чувство изумленія, страха и ужаса. Такъ какъ первобытный человѣкъ все внѣ себя представлялъ съ субъективной точки зрѣнія и во всякомъ внѣшнемъ движеніи предполагалъ такую же живую, самопроизвольно движущую силу, какую ощущалъ и въ себѣ,—то и въ актѣ рожденія человѣка, и въ самой рожаницѣ, въ моментѣ родовъ, онъ предполагалъ присутствіе и дѣйствіе особой живой силы, особаго невидимаго существа или духа, производившаго актъ рожденія, мучившаго рожаницу во время родовъ и устрашавшаго всѣхъ окружающихъ ее. Такъ могло возникнуть поклоненіе „роду и рожаницамъ". Первоначальное невольное, рефлективное паденіе и колѣнопреклоненіе передъ рожаницей, вызванное испугомъ или страхомъ, признано было за постоянную „требу" или требованіе особеннаго невидимаго существа—духа рода и рожаницы, и такимъ образомъ обратилось въ постоянное, обычное религіозно-обрядовое поклоненіе роду и рожаницѣ. По свидѣтельству древнихъ памятниковъ, роду и рожаницамъ поклонялись, молились, пѣли бѣсовскія пѣсни, требы клали, приносили въ жертву хлѣбъ, сыръ, медъ, куръ и и проч. Бабы варили кашу на собраніе рожаницамъ, въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей. Страхъ непостижимаго акта рожденія человѣка, страхъ рода и рожаницы породилъ, далѣе, суевѣрную боязнь и за всю судьбу новорожденнаго младенца. Отсюда возникло вѣрованіе, что въ тотъ день, когда рождался младенецъ, ему давался, по вліянію рожаницы, „поровъ или осудъ". Отсюда старинныя выраженія: „на роду написано", или «завѣченъ я у родителей". Такимъ образомъ возникъ религіозно-фаталистическій страхъ „судьбы", „рока". Если непостижимый для первобытныхъ людей физіологическій актъ рожденія человѣка возбуждалъ чувство ужаса и породилъ трепетное поклоненіе роду и рожаницамъ, то такія необычайныя явленія дѣторожденія, какъ монстры или уроды, недоразвившіеся или уродливо развившіеся эмбріоны, естественно, должны были производить впечатлѣніе еще болѣе ужасающее. Въ одномъ древнемъ словѣ, обличающемъ языческія суевѣрія славянъ, такъ засвидѣтельствовано это религіозно-трепетное поклоненіе уродамъ или „недоношеннымъ породамъ". „Кланяются они (славяне) стегнороженію, роженію недоношеннаго порода, мати бо его рожаючи оказися, и того (недоношеннаго порода) сотвориша богомъ, кланяются богу мужежену, тѣмъ же богамъ жертву творятъ и кладутъ и славянскій языкъ, и начаша требу творити своимъ богамъ роду и рожаницѣ» [1]). Далѣе, вдругъ, въ первый разъ видѣли древніе предки наши какое-нибудь аномальное или особенно странное и безобразное уклоненіе въ анатомическомъ строеніи, въ наружномъ видѣ человѣка, или внезапно встрѣчали, напримѣръ, человѣка съ кривыми, косыми или разноцвѣтными глазами, съ рыжими, бѣлыми или черными волосами и т. п.,—и вотъ, опять, на первыхъ порахъ поражались страхомъ. Рефлексъ отъ страха выражался на разговорныхъ мышцахъ, и чувство страха рефлективно изливалось въ такомъ трепетно-боязливомъ заклятіи: „завяжи, Господи, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеватаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго у упирца" [2]). Какъ на

[1]) Лѣтоп. стар. рус. литературы: „Поученія, направленныя противъ язычества", III, 99—100.

[2]) Архивъ Калачева, кн. II, 2. пол.

ндцевъ, въ силу ихъ особенной нервной раздражительности (пантофобіи), ͻ неожиданное тѣлодвиженіе—нечаянное открытіе или закрытіе рта, внезапное ніе указательнаго пальца и т. п., по свидѣтельству Кастрена и Гострема, овенно наводитъ всеобщее нервное потрясеніе, и отъ испугу они падаютъ, мертвые [1]), такъ же точно и въ предкахъ нашихъ, въ первобытный періодъ нервно-мозгового, психическаго развитія,—всякій неожиданный физіологическій всякое внезапное движеніе или сотрясеніе того или другого члена обыкно- возбуждали испугъ, страхъ и трепотъ, особенно когда случались въ первый Вдругъ, напримѣръ, засвербѣла ладонь на рукѣ, чего прежде не было, — зазвенѣло въ ушахъ, — первобытный человѣкъ апріорически думалъ, что -нибудь особенная сила, какой-нибудь духъ, демонъ производилъ это свер- ручной кисти или этотъ звонъ въ ушахъ, — и вотъ, боялся, „ухо-звона", ился чего-то зловѣщаго въ неожиданномъ зудѣ ручной ладони. Или, вдругъ, данно произошло рефлективное движеніе въ носовой полости отъ раздраженія вующихъ волоконъ тройничнаго нерва какими-нибудь острыми парами или), и отъ того вдругъ человѣку чихнулось, чего прежде не случалось, — и опять поражались испугомъ и рефлективнымъ трепетомъ: не понимали, что а сотрясеніе, чиханіе, какая невидимая сила вдругъ, неожиданно произво- такое рѣзко-выдающееся движеніе въ носу,—и вотъ боялись чиханія, какъ щаго звука, со страхомъ вѣрили „въ чохъ". Такъ же раздражительно дѣй- ли на чувствующіе нервы, а съ нихъ, путемъ рефлекса, и на весь орга- и многія другія внезапныя тѣлесныя движенія, напримѣръ: неожиданное ıеобычайное движеніе глазъ, дрожаніе или сотрясеніе какой-либо мышцы, еніе руки и т. п. Боялись всякаго малѣйшаго сотрясенія въ бровяхъ, въ ахъ, страшились сотрясенія лѣваго плеча, чесанія глаза, зуда въ переносьи, я, со страхомъ смотрѣли на слѣдъ, оставляемый ступней человѣка. Но осо- боялись злой, страшной силы глаза, насылающей на человѣка бѣдствія и ıыя болѣзни, такъ что только „заговорное слово", по народному повѣрью, спасти отъ навожденія злого глаза, „отъ призора и сглаживанья". Нако- не говоря уже о томъ, какой страхъ возбуждало вѣщее заговорное слово а или вѣдуньи,—самая мысль человѣческая, особенно непостижимая для пер- наго человѣка, была для него страшна, казалась ему зловѣщей. Вслѣдствіе боязливо-фаталистическаго страха ума,—въ самой мысли человѣческой боя- зла и особенно страшились зломыслія вѣдуна-знахаря, со страхомъ вѣруя исущую его уму особенную, сверхъестественную вѣщую силу. Отъ злой , отъ магической силы вѣщаго ума, вѣщей думы вѣдуна заговаривались за- мъ: „завяжи, господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ, и упирцу ба Божія зла не мыслити". Съ трепетной боязнью злой мысли,—вопрошали йны, гадали о ея страшныхъ, роковыхъ предопредѣленіяхъ. Появившіяся ѣдствіи особыя гадальныя тетради, извѣстныя подъ названіемъ „Рафлей", и, напримѣръ, зловѣщими предопредѣленіями „злой мысли" устрашали суе- -боязливаго гадальщика: „въ мысляхъ твоихъ грѣха много, а корысти мало, ой мысли удаляйся и не слушай себѣ, добро будетъ; аще станешь помы- , будетъ погибель, лишися отъ нея: зла сія мысль! Аще думаеши о бо-

[1]) См. статью Лазаруса: „Обманы чувствъ" въ „Современ. Обозрѣніи" 1868 г., № 4.

лѣзни, то смерть будетъ, или о домашнемъ — отнюдь непотребна... И сія тебѣ мысль не на пользу: еще о болѣзни думаешь — болѣзнь будетъ злая, и въ путь свой не ходи — смерть будетъ, и недругъ твой хощетъ тебѣ бѣду сдѣлать. И сія тебѣ мысль не на пользу: и ты, человѣче, задумай, что тебѣ другая мысль скажетъ" и т. д. Вообще, человѣческая природа едва ли еще не болѣе возбуждала въ первобытномъ умонастроеніи нашихъ предковъ чувство страха и трепета, чѣмъ природа внѣшняя, физическая.

При такомъ господствѣ чувства страха природы внѣшней и человѣческой, долго умъ народный не могъ сознать и своей самостоятельности, не могъ опознаться въ сферѣ внѣшней природы. Подавленный чувствомъ страха таинственныхъ силъ природы, окруженный отовсюду мракомъ неизвѣстнаго, онъ самъ своею мыслью еще неспособенъ былъ постигать непостижимое въ природѣ и судьбахъ человѣческой жизни и робко, боязливо ожидалъ объясненія тревожно-мучительныхъ тайнъ и вопросовъ жизни отъ самой окружающей природы. Не сознавая своей самодѣятельности, младенчествующій умъ человѣческій всѣ свои представленія, всѣ свои ощущенія принималъ за таинственныя вѣщанія или внушенія ума, пребывающаго въ предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра. Со страхомъ и трепетомъ первобытный предокъ нашъ прислушивался къ каждому звуку въ природѣ — къ треску дровъ въ огнѣ, къ шуму лѣса, къ скрипу дерева, къ крику птицъ и проч., чтобы вывѣдать тѣ страшныя, тревожно-безпокоющія умъ тайны жизни, какія сокрыты въ таинственныхъ силахъ природы. Въ травѣ, въ растеніи ему представлялся таинственный вѣщій умъ, знавшій всѣ тайны человѣческой природы, и слышался голосъ, раскрывавшій ему секреты растительнаго міра, имѣвшіе отношеніе къ человѣческой жизни [1]).

Очевидно, и самые первые, грубые зачатки умственнаго самосознанія должны были зарождаться крайне медленно и съ большимъ трудомъ. Только тогда уже стали возникать первыя проявленія самоощущенія или самосознанія ума въ сферѣ природы, когда рядомъ съ первобытною безпредѣльною областью неизвѣстнаго и, потому, страшнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой, началъ мало-по-малу обозначаться и очерчиваться первый, чуть замѣтный кругъ извѣстнаго, привычнаго для нервовъ чувствъ и, потому, болѣе уже не такъ страшнаго для запуганныхъ умовъ. Только мало-по-малу накоплялся запасъ болѣе или менѣе полныхъ представленій объ окружающихъ предметахъ природы, запасъ элементарныхъ конкретныхъ знаній. Сначала всего боясь въ природѣ, человѣкъ инстинктивно всего долженъ былъ остерегаться, и это постоянно возбуждаемое страхомъ инстинктивное чувство самосохраненія невольно мало-по-малу развивало въ немъ самоощущеніе, самосознаніе, въ противоположность устрашавшимъ объективнымъ предметамъ или явленіямъ природы. Это умственное самоощущеніе или самосознаніе становилось наиболѣе яснымъ и смѣлымъ въ сферѣ тѣхъ окружающихъ предметовъ или явленій природы, которые, вслѣдствіе постепенной привычки къ нимъ нервовъ чувствъ, уже не возбуждали первоначальнаго чувства страха, а напротивъ, будучи болѣе или менѣе познаны умомъ, давали ему первую точку опоры на пути къ дальнѣйшему самопознанію въ сферѣ окружающей природы, сообщали ему первый лучъ ободряющаго свѣта въ мрачной области неизвѣстнаго. Постоянно ловя и убивая звѣрей

[1]) Памятн., II, стр. 415. 447—449.

или птицъ, или срывая травы и употребляя ихъ для удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей, человѣкъ, естественно, всякій разъ чувствовалъ самого себя, такъ сказать, невольно ухватывался за свою голову, напрягалъ свой мозгъ—способность соображенія, и особенно чувствовалъ это невольное умственное напряженіе тогда, когда неожиданно встрѣчалъ какое-нибудь препятствіе въ ловѣ звѣрей или птицъ, въ собираніи травъ и кореньевъ, или когда испытывалъ отъ нихъ какой-нибудь вредъ. И вотъ, это-то первоначальное самоощущеніе или самосознаніе ума въ сферѣ окружающей природы выразилось, во-первыхъ, въ вѣдунствѣ или знахарствѣ, во-вторыхъ,—въ зачаткахъ первобытной человѣческой пытливости или любознательности, высказавшейся въ дѣтской склонности первобытнаго ума къ загадкамъ. Вѣдунство было первымъ выраженіемъ общественной функціи младенчествующаго ума. Вѣдуны первые заявляли за собою знаніе тайнъ природы, свойствъ звѣрей, растеній, камней и умственную силу—покорять устрашающую человѣка природу. Не даромъ, и въ историческія времена, вѣдуны были первыми составителями зачаточныхъ ботаническихъ описаній—травниковъ, и въ то время, когда русскіе, одержимые чувствомъ страха природы, боялись даже рыться въ горахъ, искать золота или серебра,—въ то время вѣдуны, волхвы являлись первыми смѣльчаками, на которыхъ возлагалось дѣло изысканія рудъ. Въ началѣ же, когда только что стали появляться вѣдуны, они производили паническій страхъ въ пантофобически-настроенныхъ умахъ. Темная масса народа съ изумленіемъ смотрѣла на первое рѣзко-выдающееся проявленіе ума въ вѣдунствѣ и, сколько вѣрила въ него, столько же боялась, трепетала его непостижимой вѣщей силы. Какъ впослѣдствіи умъ человѣческій, прежде, чѣмъ сталъ съ благоговѣніемъ смотрѣть на великихъ міровыхъ геніевъ естествоиспытанія, долго сначала боялся ихъ какъ маговъ, чародѣевъ и чернокнижниковъ,—такъ въ младенчествѣ и дѣтствѣ своемъ онъ вѣрилъ въ чародѣйновѣщій умъ вѣдуновъ и страшился ихъ, какъ людей необыкновенныхъ, знавшихся съ страшными таинственными силами природы. Въ одно время съ вѣдунствомъ, первое самоощущеніе ума въ сферѣ природы выразилось и въ пытливыхъ вопросахъ загадки. Вначалѣ загадки состояли изъ замысловатыхъ вопросовъ о тѣхъ отдѣльныхъ предметахъ или явленіяхъ природы, которые умъ прежде всего позналъ, какъ, напр., объ извѣстныхъ растеніяхъ, звѣряхъ, камняхъ, о днѣ и ночи и т. п.; впослѣдствіи, во времена водворенія христіанства на Руси, загадка стала мало-по-малу обращаться въ космогоническую думу, въ вопросы о началѣ міра и человѣка, о происхожденіи солнца, мѣсяца, звѣздъ, вѣтровъ, грома, звѣрей, птицъ, растеній и т. д. Какъ вѣдунство, такъ отгадыванье загадокъ вначалѣ возбуждало необыкновенное удивленіе, какъ чудо непостижимой вѣщей силы ума [1]).

Таковы были первые, самые тусклые проблески умственнаго самоощущенія человѣка въ кругомъ облегавшей его мрачной области неизвѣстнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой. Но если вникнуть глубже, то легко замѣтить, что и эти первобытные, грубые зачатки умственнаго самоощущенія почти всецѣло проникнуты были тѣмъ-же чувствомъ страха таинственныхъ силъ природы. Только что пробуждавшійся первобытный умъ человѣческій еще даже и не смѣлъ самъ себѣ задавать пытливые вопросы, хоть въ формѣ загадки, и не дерзалъ свободно рѣшать ихъ.

---

[1]) Ibid., II, 349, 350.

Подавленный чувствомъ страха природы, онъ боялся вопросовъ, касавшихся таинственныхъ силъ и явленій природы. Онъ не смѣлъ самъ собою додумываться даже и до загадокъ, не смѣлъ приписывать себѣ мудрость загадочныхъ вопросовъ, а приписывалъ ее страшнымъ таинственнымъ существамъ, мерещившимся ему въ водахъ и лѣсахъ, въ образѣ вѣщихъ вилъ и русалокъ. Несмѣло, а со страхомъ и трепетомъ онъ и рѣшалъ эти загадки, боясь, чтобы русалки не защекотали его до смерти за нерѣшеніе загадки или за рѣшеніе ея, несогласное съ ихъ вѣщимъ умомъ. При первыхъ же порывахъ первобытной, дѣтской пытливости ума, его запугивалъ страхъ темныхъ силъ. Еще болѣе проникнуто было чувствомъ страха природы вѣдунство. Страхъ таинственныхъ силъ природы, можно сказать, и породилъ его. Вѣковой гнетъ мрачнаго, тяжелаго чувства страха природы до того напрягалъ и возмущалъ головной мозгъ тьмой разныхъ страшныхъ представленій, что, наконецъ, невольно, рефлективно выражался страшнымъ крикомъ мятежнаго ропота и заклятія противъ устрашающихъ и гнетущихъ силъ природы или, по крайней мѣрѣ, робкимъ, боязливымъ нашептываніемъ заговора противъ нихъ. Да и самъ волхвъ-вѣдунъ преисполненъ былъ чувства страха передъ таинственными силами природы. Въ томъ же царствѣ растительномъ, гдѣ вѣдунъ-зелейникъ особенно заявлялъ свое знахарство, къ тому или другому растенію и корню онъ и самъ приступалъ съ общимъ суевѣрнымъ страхомъ и трепетомъ, боялся, чтобы не оскорбить пребывающаго въ травахъ и кореньяхъ демона, и, не смѣя приступить во всякое время, съ трепетомъ выжидалъ урочнаго дня и часа. И для темнаго народа вѣдуны-волхвы были большею частію страшилищами. Не добрыми побужденіями, не любовью къ ближнему, не сознаніемъ потребности естествоиспытательнаго служенія народу, а чисто эгоистическимъ чувствомъ самообольщенія, шарлатанскимъ своекорыстіемъ, стремленіемъ къ умственной и матеріальной эксплуатаціи темной, суевѣрной массы—вотъ какими мотивами руководилось вѣдунство, волшебство, знахарство. Потому-то и миѳологія самое происхожденіе волшебства приписываетъ злымъ, страшнымъ, зловреднымъ существамъ. Потому же и народъ, сколько вѣрилъ въ волшебство вѣдуновъ и вѣдуній, столько же и боялся ихъ вѣщаго ума, ихъ злой вѣщей мысли, ихъ тайнаго сношенія съ нечистой, страшной темной силой, и боялся до такой степени, что самъ заговаривался и заклинался отъ вѣдуновъ и вѣдуній: завяжи, господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ и упирцу на раба божія зла не мыслити: пойду я черезъ чистыя поля, черезъ быстрыя рѣки, черезъ зеленыя дубравы: не громъ громитъ, не молніей палитъ,—жжетъ и палитъ отбиваетъ всяку дьявольску притчу отъ раба божія, отбиваетъ раба божія отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуна, отъ вѣдуньи: завяжи, господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ уста и языкъ—на раба Божія зла не мыслити!» При такомъ мрачномъ демоническомъ характерѣ, очевидно, вѣдунство не могло внести въ первобытныя славянскія общины свѣта, просвѣтительныхъ лучей знанія, истины, правды,—не могло быть такой умственной силой ихъ, чтобы могущественно противодѣйствовать господству грубой физической силы и содѣйствовать правильному и самостоятельному, разумно-свободному саморазвитію общинъ. Оно не могло образовать интеллигенціи народа, руководящаго мыслящаго класса. Напротивъ, оно еще и само запугивало, застращивало и, слѣдовательно, деморализировало и омрачало народъ. Послѣ всего этого понятно, почему, во-первыхъ, грубая физическая сила была вполнѣ господствующимъ факторомъ первоначальной

закладки коренныхъ основъ общества, и почему, потомъ, вѣдунство и умственныя силы народа оказались вполнѣ безсильными, чтобы противодѣйствовать вмѣшательству и вліянію варяжскаго и византійскаго общественнаго строя.

Если нервно-мозговая умственная сила, рѣзко выдававшаяся въ вѣдунахъ и вѣдуньяхъ, возбуждала всеобщій страхъ,—то особенно выдававшаяся физическая, мускульная сила человѣка, безъ сомнѣнія, еще болѣе должна была внушать страхъ и трепетъ. И дѣйствительно, первобытное проявленіе человѣческой природы ничѣмъ такъ типично не характеризуется, какъ полнѣйшимъ господствомъ грубой физической силы. Мускульная сила естественно преобладала надъ силой головного мозга, несравненно болѣе дѣйствовала, чѣмъ сила умственная, и потому сама своими «необычными», ужасными проявленіями возбуждала «ужасъ въ разумахъ». Вслѣдствіе этого могучей мышечной силѣ со страхомъ и трепетомъ поклонялись, въ образѣ апоѳеоза «мертвой богатырской головы». «Самый сильнѣйшій и страшнѣйшій богатырь-силачъ,—гласитъ народный эпосъ,—со страхомъ и трепетомъ ударялъ о сыру землю и говорилъ; о государыня богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай животъ! И отъѣхавши, сильнѣйшій богатырь самъ себѣ подумалъ: доселѣ язъ царства устрашалъ, богатырей побивалъ, а нынѣ язъ со слезами богатырской головѣ поклонился. Тогда богатырская голова крикнула громкимъ голосомъ, и богатырь узналъ свою вину, воротился, слѣзъ съ добра коня, палъ на сыру землю, и говорилъ: Государыня богатырская голова! виноватъ я передъ тобою, что посмѣлъ сказать таково слово! И богатырская голова его простила въ томъ словѣ, что дерзнулъ съ млада ума, и научила его, какъ силой орудовать, какъ силу побивать, по какимъ членамъ ударять и бить страшнаго врага» [1]). Страшная сила богатырей или необыкновенныхъ силачей—храбрыхъ воиновъ до того устрашала народъ, что онъ со страхомъ и трепетомъ умилостивлялъ ихъ особыми жертвенными поминками. Слѣды такого первобытнаго умилостивленія страшныхъ силачей сохранились въ народныхъ преданіяхъ и доселѣ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Псковской губерніи, на могилу неизвѣстнаго богатыря мимоидущіе крестьяне бросаютъ вѣтви деревьевъ, сѣно или траву. Въ Вологодской губерніи, съ незапамятныхъ временъ сохранилось обыкновеніе, чтобы каждый проходящій мимо могилы храбраго «Аники-воина» срѣзывалъ прутъ съ дерева и бросалъ на его могилу, приговаривая: «Аника, Аника—вотъ тебѣ вика» [2]). Невольное, трепетное чувство страха предъ необыкновенно-выдающеюся силой человѣческой, въ связи съ смутнымъ, ужасающимъ чувствомъ всеобщаго владычества и гнета всемогущей физической силы, силы природы, породило вѣру въ грознаго бога силы, у котораго просили силы физической, мускульной, силы убійственной, какъ сверхъестественнаго дара божеской силы. Вслѣдствіе этой вѣры въ бога силы, употребленіе физической мускульной силы на «битвенное дѣло» и даже на убійство считалось дѣломъ угоднымъ богу силы, дѣломъ покровительствуемымъ божествомъ силы. Богатырь молился: «боже, боже, дай мнѣ, господи, всякаго человѣка убить копьемъ, тупымъ концомъ» [3]). Вообще, необыкновенная физическая сила, вызывавшая трепетное поклоненіе себѣ, возбуждала всеобщій паническій страхъ и трепетъ. Въ

---

[1]) Ibid., II, 335.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 70—77. „Легенды о храбромъ Аникѣ воинѣ“.
[3]) Памятн., II, 328.

доисторическомъ богатырскомъ эпосѣ народномъ разсказывается: «Говоритъ богатырская голова: язъ былъ человѣкъ, да и богатыри многіе, князи восточные и западные не только меня *боялись*: но и имени моего *страшились*» [1]). Вслѣдствіе такого всеустрашающаго впечатлѣнія, физическая, мускульная сила, возбуждавшая страхъ, была первобытнымъ идеаломъ человѣческаго совершенства, идеаломъ стремленій юношества. Такъ какъ въ тѣ времена господства родовой розни, когда «вставалъ родъ на родъ», обыкновенно каждый споръ, всякая ссора рѣшались грубой физической силой, битвой въ полѣ, то, естественно, всякій желалъ быть страшнымъ своей силой, всякій желалъ возбуждать страхъ въ битвѣ въ полѣ. А какъ и тайна страшной силы заключалась въ таинственныхъ силахъ природы, то и выпытывали ея секретъ у природы разными вѣдунскими, волшебными обрядами. Еще въ лѣчебникахъ XVII вѣка передавался такой изстаринный знахарскій завѣтъ для тѣхъ, кто хотѣлъ бы быть *страшенъ въ битвѣ въ полѣ* [2]). Съ одной стороны существовало полнѣйшее, всеустрашающее преобладаніе грубой мускульной силы и господствовалъ законъ сильнѣйшаго, съ другой — полнѣйшее, рабское чувство трепета и покорности передъ этой силой и отсюда—порабощеніе слабѣйшаго. Самый первоначальный, примитивный періодъ человѣческой дѣятельности, когда чувство страха физической, мускульной силы господствовало въ борьбѣ за существованіе, можно назвать по преимуществу періодомъ спеціальнаго упражненія грубой мускульной силы, періодомъ героическаго, богатырскаго подвига — «битвеннаго дѣла въ полѣ» и звѣроловческаго, хищническаго и разбойническаго разгула дикой физической силы. Это, можно сказать, былъ періодъ первоначальнаго рефлективнаго заучиванья разнообразныхъ актовъ и координацій всѣхъ животныхъ мышцъ, періодъ спеціальнаго упражненія мускуловъ и наслажденія мышечною силою, дѣятельностью мускуловъ. Мышечное чувство невольно, рефлективно стремилось выразиться въ разнообразномъ проявленіи мускульной силы. Когда богатырь-силачъ, «сынъ богатырскій», унаслѣдовавшій физическую силу отъ отца и дѣда—богатыря, былъ «роденъ ростомъ, а тѣло его что сильная гора, а голова его что сильная бугра, промежь плечъ двѣ сажени, руки въ три сажени" и проч.,—тогда естественно, «богатырское сердце было не утерпчиво». Онъ невольно, рефлективно, вслѣдствіе одного мышечнаго ощущенія избытка силы, рвался «получить свое желанье — размахнуться своею силою, на битвенномъ дѣлѣ отвѣдать своихъ плечъ богатырскихъ, потѣшиться своею великою борзостью, прытостью, поперетися съ силою могучею, побить рать-силу великую, въ чистомъ полѣ такъ сильно зрявкнуть, крикнуть, возгаркнуть своимъ зычнымъ богатырскимъ голосомъ, чтобъ всѣ полки турскіе отъ того голосу возмутилися» [3]).

Издалеча, чиста поля
Выскакалъ тутъ, выбѣгалъ
Суровецъ богатырь, суздалецъ,
Богатаго гостя, заморскинъ сынъ.
Онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю,
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Себѣ сильна, могучаго богатыря:
Побиться, подраться, порататься,

---

[1]) Ibid., II, 334.
[2]) Буслаевъ, II, 44.
[3]) Памятн., II, 311--321, 333, 334.

Силы богатырски проотвѣдати,
А могучи плечи пріоправити [1]).

Вслѣдствіе такого энергическаго ощущенія могучей силы и неудержимаго, лективнаго стремленія ея къ размашистой дѣятельности,—всякое животное ощуіе, напр., чувство голода или потребности пищи, чувство непріязни къ врагу, ство жадности къ похищенію чужого имущества, ощущеніе половой похоти,— вомъ, всякое органическое ощущеніе, какъ только возбуждалось въ головномъ гу, тотчасъ же невольно, рефлективно отражалось въ соотвѣтственной мышечной тельности. И это непреодолимое побужденіе къ употребленію мышечной силы о тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе дѣятельность механизмовъ, усиливающихъ ресы головного мозга, преобладала надъ дѣятельностью механизмовъ, задерживщихъ эти рефлексы. И вотъ, вслѣдствіе этого-то невольнаго, рефлективнаго аженія въ мышечной дѣятельности всякаго животнаго ощущенія, произошло, ѣе, первобытное господство «хищнической, разбойнической и битвенной» силы, одившей всеобщій панический страхъ и трепетъ. И рефлективно-мышечная роловческая, хищническая, разбойническая и битвенная дѣятельность, естественно, обладала и представляла первую непосредственно-натуральную форму труда. съ, напр., «живя въ лѣсу звѣринскимъ образомъ, якоже всякій звѣрь», ощуъ нашъ первобытный предокъ—дикарь потребность добычи звѣрины, и звѣроческій трудъ былъ первымъ самымъ обычнымъ актомъ и способомъ полезнаго требленія мышечной силы. Точно также, при видѣ чужой добычи или чужого щества, обыкновенно тотчасъ же возбуждалось эгоистическое чувство зависти корысти,—и тотчасъ же, путемъ рефлекса на мышцы рукъ, выражалось наьственнымъ похищеніемъ или отнятіемъ чужого имущества. И хищническая сила ихъ сильныхъ людей, «татей и разбойниковъ», долго потомъ, даже во времена ленія страха царя, царской грозы и опалы, до того господствовала и наводила ой панический страхъ и трепетъ на славяно-русскія общины, что воплями проъ ея страшнаго господства и насилія наполнены были общинныя челобитныя, выя грамоты, церковныя проповѣди и губныя грамоты общинъ. Или, чувствоъ сильный молодецъ, при взглядѣ на красную дѣвицу, половую похоть,—тотъ же разъярялась въ немъ похоть богатырская и невольно рефлективно проялась въ «умыканіи» или похищеніи дѣвицы: по словамъ древней повѣсти, шь входилъ богатырь въ бѣлъ шатеръ полоненной дѣвицы, забылъ богу помоися, сердце его разгоралося, юность его заиграла,—и онъ тотчасъ же бралъ ѣ дѣвицу за руку и съ нею спать ложился на постели» [2]). Вслѣдствіе такого одства грубаго рефлективнаго проявленія мышечной силы, понятно, какой страхъ одила эта сила на всѣхъ малосильныхъ. Вообще, въ тѣ времена, когда люди, ивя въ лѣсу звѣринскимъ образомъ», ни о чемъ такъ не помышляли и не отились, какъ объ обезпеченіи животной жизни, въ тѣ времена, естественно, одствовала страшная борьба за существованіе: всѣ другъ друга боялись и стреись пересилить. «Родъ вставалъ на родъ»,—и сильнѣйшій родъ былъ страъ для слабѣйшаго. Сосѣдніе племена и народы постоянно дѣлали хищническіе ѣги другъ на друга,—и опять сильнѣйшіе наводили ужасъ на слабѣйшихъ.

[1]) Древнее россійск. стихотвор., стр. 388.
[2]) Памятн., II, 330.

Каждый стремился не только отнять добычу у другого, но и убить его какъ врага, или поработить себѣ,—и сильнѣйшій всегда наводилъ страхъ и трепетъ на слабѣйшаго. Однимъ словомъ: то былъ періодъ полнѣйшаго господства страха грубой физической силы и закона сильнѣйшаго.

Въ эти-то мрачныя времена господства страха грубой физической силы человѣческой полагались первыя основы общества.

Во-первыхъ, во времена господства страха силы и права сильнаго, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ людей на сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, или, по характеристическому выраженію нашихъ древнихъ памятниковъ, на *„сильныхъ мужей“* и *„маломожныхъ смердовъ-людиновъ“*, произошло первобытное раздѣленіе людей на рабочихъ и не рабочихъ, или, говоря языкомъ древнихъ памятниковъ, на *„господствующихъ“* и *„работающихъ“*, на *„господиновъ“* и *„работныхъ людей-рабовъ“*. Религіозно-языческій страхъ передъ «необычной» физической, мускульной силой «сильныхъ мужей» невольно порождалъ во всѣхъ «маломожныхъ людяхъ» рабски-боязливую, трепетную покорность этой силѣ. Какъ сами «сильные мужи»—богатыри со страхомъ и трепетомъ преклонялись передъ «богатырской головой»,—такъ всѣ «маломожные люди» съ рабскимъ страхомъ и трепетомъ преклонялись предъ этими «сильными мужами-богатырями». По свидѣтельству одного древняго сказанія, сильному мужу, совершавшему чудеса могучей силы, «весь міръ поклонялся» [1]). И вотъ такимъ образомъ, люди, выдававшіеся своею необычайною мускульною силою, «сильные мужи, — богатыри, великаны, родные ростомъ», «большіе», «великіе» силачи—вотъ эти люди первые устрашали своею силою и покоряли, порабощали себѣ людей малосильныхъ, «маломожныхъ», людей «меньшихъ» или «малыхъ» и «отроковъ» или «малорослую чадь», а также калѣкъ перехожихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, дряхлыхъ стариковъ и т. п. «Сильные мужи»—богатыри за тѣмъ собственно и рвались въ поле «на дѣло битвенное со всею прыткостью и великою борзостью», чтобы развѣдаться, «кто храбрѣе и сильнѣе» [2]). Коль скоро сильный мужъ ужасалъ, изумлялъ своею преобладающею силою человѣка менѣе сильнаго,—онъ тотчасъ пріобрѣталъ надъ нимъ господство, назывался его *„государемъ“*, *„господиномъ“*, а менѣе сильный человѣкъ назывался его *„холопомъ“*.

Могучая сила богатырей— „сильныхъ мужей» громомъ гремѣла по полямъ, по лѣсамъ,—и сами разбойники-станишники, наводившіе ужасъ на первобытныя общины, со страхомъ и трепетомъ преклонялись предъ громомъ силы богатырской, покорялись сильнѣйшимъ мужамъ и поступали къ нимъ въ *холопство вѣковѣчное*, по словамъ былины, давали рукописанье служить до вѣку [3]).

Появлялся въ первобытной общинѣ славянской, городской или сельской, необыкновенный, могучій силачъ,—онъ наводилъ ужасъ на всю общину, и она рабски покорялась ему, платила дани и оброки. Этотъ способъ порабощенія слабѣйшихъ людей сильнѣйшими старинная былина о Васильѣ Буслаевѣ изображаетъ такимъ сказаніемъ.

Собиралися, сходилися
Тридцать молодцевъ безъ единаго
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ:

---

[1]) Ibid., II, 337.
[2]) Ibid. II. 329.
[3]) Древнее россійск. стихотвор., стр. 418—420.

Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота выбросятъ.
Послышалъ Василько Буслаевичъ—
У мужиковъ новгородскихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя.
Пришелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину, Никольщину...
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки биться;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая...
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,
Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе!
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися.
Со всею дружиною храброю:
Тако вы меня съ дружиною побьете, Новымъ городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи;
А буде-же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань.
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали,
Началась у нихъ драка—бой великая.—
А мужики новгородскіе.
И все купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,—
И дерутся они день до вечера.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Со своею дружиною храброю,
Прибили они во Новѣгородѣ,
Прибили они много до смерти...
И тутъ мужики *покорилися*,
Покорилися и помирилися—
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ,
Къ матери Василья Буслаевича.
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются:
„О, сударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калашниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалешное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ“...
Втапоры мужики новгородскіе
Приносили Василью подарочки
Вдругъ сто тысячей,—
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла:
А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися [1]).

[1]) Ibid., стр. 76—84.

Такъ сильнѣйшіе порабощали слабѣйшихъ. Далѣе, у старшихъ по лѣтамъ, обладавшихъ наиболѣе развитою силою, была естественная наклонность заставлять служить себѣ, работать на себя и, такимъ образомъ, порабощать себѣ младшихъ по лѣтамъ и менѣе сильныхъ людей. И только въ случаѣ спора преобладающая физическая сила рѣшала, кто изъ нихъ долженъ былъ быть господиномъ, кто рабомъ. Одно старинное эпическое сказаніе свидѣтельствуетъ объ этомъ такъ: «Старый богатырь князь Иванъ говоритъ молодшему богатырю; тебѣ вода черпати, да мнѣ подавати; ты дитя молодое. И говоритъ молодшій богатырь: князь Иванъ богатырь, тебѣ вода черпати, да и мнѣ подавать: не имавъ птицу не теребишъ, а добра молодца не отвѣдавъ, да хулишъ и хулу возлагаешъ. И говоритъ князь Иванъ старый богатырь: я во князяхъ князь, а въ боярахъ бояринъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати, да и подавать. И говоритъ ему молодшій богатырь: я въ чистѣ полѣ богатырь, и у царей во дворѣ богатырь, а ты когда у царей во дворѣ, и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты песъ, а не князь: тебѣ вода черпати, да и мнѣ подавать. Сказавши это, молодшій богатырь сталъ вызывать князя Ивана старшаго богатыря рѣшить битвой въ полѣ, кому господствовать, кому работать, кто князь, кто рабъ и слуга. Тогда старый богатырь испугался, и самъ сталъ покорно служить молодшему богатырю» [1]). Такъ могли происходить изъ сильныхъ мужей князья и бояре, «господины, господари» и пріобрѣтать себѣ слугъ, холоповъ, или дружину. И вообще, во времена родового быта славянъ, каждый старшій въ родѣ, каждый «великій, большой и сильный мужъ» естественно стремился господствовать надъ всѣми «молодшими, меньшими» въ роду. И вотъ, такимъ образомъ, въ каждомъ родѣ-племени происходили изъ старшихъ или набольшихъ въ родѣ князья родовые, племенные, которые, какъ родоначальники или старѣйшины, господствовали надъ всѣми молодшими, меньшими и отроками своего рода-племени: по словамъ лѣтописи, «каждый владѣлъ родомъ своимъ» [2]). Въ то же время «сильные мужи», какъ славянскіе, такъ иноплеменные, стремились силой поработить себѣ родовыхъ князей со всѣмъ ихъ родомъ-племенемъ, или хановъ азіатскихъ кочевниковъ. Они нерѣдко стремились силой своей отнять владѣніе у того или другого князя или хана. Какъ страшная преобладающая сила признавалась естественнымъ источникомъ первобытной юридической санкціи достоинства, преимущества, права и власти, такъ, напротивъ, малосиліе или совершенное безсиліе признавались естественными, роковыми условіями униженія, рабства, безправія, ничтожества. Если сильный мужъ — богатырь пересиливалъ какого-нибудь родового или иноплеменнаго князя и его дружину, да въ добавокъ, по звѣрски—жестокому обычаю тѣхъ временъ—ослѣплялъ ихъ на томъ основаніи, что «нельзя слѣпу храбру быти» [3]),—то этотъ сильный мужъ, уже по одному праву сильнаго, становился княземъ, а порабощенный и ослѣпленный князь даже уже оскорблялся, когда послѣ того еще его называли княземъ, а его слугъ-дружинниковъ богатырями. «Не смѣйся намъ,—говорилъ онъ сильному мужу-покорителю,—не зови меня княземъ, а мужей моихъ богатырями, я уже не князь, а тѣ не богатыри: уже у насъ и очи выяли, и мы сѣдимъ и рукъ своихъ не ви-

[1]) Памятн., II, 328—329.

[2]) П. С. Русск. Лѣтоп., I. 3, 24. Древлянскіе послы говорили Ольгѣ: „наши князи добри суть, распасли Деревскую землю“.

[3]) Памятн., II, 360.

ъ» [1]). Вообще, первоначально чисто физическая, мускульная сила была пря-
ıъ источникомъ господства, власти, равно какъ рабства и подданства. Этой же
ıшной, преобладающей силой физической основалось и на Руси варяжское «кня-
ье и володѣнье», варяго-русское государство. Хотя сначала варяжскіе князья,
идимому, добровольно призваны были сѣверными племенами, но потомъ они,
шедши и водворившись съ «роды своими», силой покорили себѣ всѣхъ родо-
ъ князей разныхъ славянскихъ племенъ и, по праву сильнаго, стали «кня-
ь и володѣть» въ землѣ полянъ, древлянъ и другихъ славянскихъ племенъ.
ашная преобладающая сила ихъ, проявившаяся, напримѣръ, въ «*примучива-*
» угличей, древлянъ и т. д., наводила страхъ и ужасъ не только на славян-
ı племена, но и на грековъ. И говоритъ Тугаринъ Змѣевичъ кіевскому князю
одиміру таково слово: «нѣтъ, государь, тебя *грознѣе* во всѣхъ царствахъ, а
ıтырей твоихъ нѣтъ удалѣе во всѣхъ земляхъ» [2]). Сила создала, сила окру-
а, сила распространяла, сила охраняла и поддерживала юное русское государ-
). Великаго князя Владиміра окружали и ему службу служили «сильные мо-
е богатыри». Если прежде у родовыхъ князей бывало въ дружинѣ по 12 бо-
ırей—сильныхъ мужей, то у князя Владиміра въ Кіевѣ, по былинѣ народной,
о 32 богатыря, «да удалы добро необычно есть» [3]). Въ одномъ древнемъ
линникѣ записано: «у князя Владиміра кіевскаго были *сильніи мужіе*—бога-
и: Янъ Усмошвецъ, переславецъ, что печенѣжскаго богатыря убилъ, Рагзай
ıый, что противъ 300 могъ выходить на бой, Александръ Поповичъ, и всѣхъ
было 37 богатырей» [4]). Такимъ образомъ, отовсюду, изъ разныхъ племенъ
ходили къ кіевскимъ князьямъ на службу сильные мужи — изъ славянъ, изъ
и, изъ торковъ, берендѣевъ, угровъ и особенно изъ варягъ и составляли «дру-
у княжю». И вотъ эта-то дружина сильныхъ мужей помогла покорить варяж-
иъ князьямъ подъ крѣпкую руку и подъ дань всю массу «маломожныхъ смер-
ъ», всю массу славянскихъ и чудскихъ родовъ или племенъ, и сама образо-
а служилый боярскій классъ, классъ «*лучьшихъ, вящьшихъ мужей кня-
хъ»*, классъ «*сильныхъ мужей*»—бояръ. Такъ сначала около родовыхъ или
менныхъ князей, а потомъ, окончательно и въ наибольшей многочисленности,
ло наиболѣе грозныхъ и сильныхъ князей варяжскихъ, кіевскихъ, образовались
класса народонаселенія: классъ *господствующихъ сильныхъ мужей*, мо-
ихъ и страшныхъ своею всепорабощающею силою, и классъ *работающихъ*,
)данныхъ, меньшихъ и маломожныхъ людей или *смердовъ*, состоявшій изъ
й массы славянскихъ и финскихъ племенъ, покоренныхъ подъ крѣпкую руку
ıяжскихъ князей, обложенныхъ данями, «повозами», оброками, службой въ
ояхъ», обязанныхъ «рубить города» и проч. Первые образовали классъ нера-
ıихъ, господствующихъ людей, и потому назывались, по первоначальной геге-
ıіи силы, «*сильными*» [5]), а по господству надъ маломожными людьми—«*гос-*
дами», «*государями*». Это послѣднее званіе или преимущество варяжскіе
язья потомъ утвердили за сильными мужами. Въ «Русской Правдѣ» они уже
зывались «господинами», «господами», а также боярами или болярами. Поко-

[1]) Ibid., II, 333.
[2]) Ibid., II. 315.
[3]) Ibid., II, 311. 313.
[4]) Буслаевъ, II. 57.
[5]) П. С. Лѣт., II, 135.

ривши, вмѣстѣ съ князьями, всю массу «маломожныхъ», «меньшихъ» людей, смердовъ, они, какъ и сами князья варяжскіе, набрали себѣ изъ этой массы «маломожныхъ людиновъ», или смердовъ, «полоняниковъ — рабовъ или холоповъ, *молодыхъ чадъ* или дѣтей, *отроковъ*, вообще всякую «*чадь* или *челядь*», и, такимъ образомъ, стали, какъ «сильные мужи», по праву сильнаго, «*господинами* и *государями*» множества «*рабовъ, робынчищей, кабальныхъ холоповъ, работныхъ людей*». А вся остальная масса маломожныхъ людей, смердовъ», покорившись подъ крѣпкую руку и державу варяго-русскихъ князей и ихъ «сильныхъ мужей», естественно, образовала классъ рабочій и называлась «*меньшими, худьмими, маломожными людьми, людинами, смердами*», и была потомъ мало-по-малу подраздѣлена на «*черныхъ людей, рядовичей* или *рядовыхъ людей, наймитовъ, закуповъ, болярскихъ работныхъ людей, кабальныхъ холоповъ*» и т. п. [1]).

Во-вторыхъ, во времена господства чувства страха таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой,—страхъ грубой физической силы «*сильныхъ мужей—убійцъ, татей и разбойниковъ*», въ связи съ страхомъ таинственныхъ силъ внѣшней природы, побудилъ «маломожныхъ смердовъ» къ основанію «вервей», міровъ, общинъ, и въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ естественныхъ мотивовъ къ распространенію общинной колонизаціи на сѣверовостокѣ Европы, колонизаціи такъ называемыхъ «черныхъ земель» или «черныхъ дикихъ лѣсовъ». Страхъ насилія «сильныхъ мужей», татей и разбойниковъ, страхъ постоянныхъ вражьихъ нападеній аваровъ, козаръ и другихъ варваровъ невольно заставлялъ славянъ искать убѣжища въ лѣсахъ и жить въ безпрестанномъ тревожномъ ожиданіи насилія, грабежа, разбоя, хищничества. «Отъ того у нихъ,—говоритъ Маврикій, — недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго снаружи, но живя, какъ разбойники; вообще, живутъ большей частью въ страхѣ». Когда, такимъ образомъ, господствовалъ всеобщій, паническій страхъ преобладающей физической силы «сильныхъ мужей», безпощадно порабощавшихъ, грабившихъ и убивавшихъ людей «маломожныхъ», малосильныхъ, — тогда, естественно, всѣмъ этимъ маломожнымъ или малосильнымъ людямъ не оставалось никакого другого спасенія, никакого другого средства самосохраненія и самообезпеченія отъ насилія сильныхъ мужей, какъ только уходить въ черные дикіе лѣса и тамъ собираться, соединяться въ общины и совокупными, общими силами бороться съ деспотической, порабощающей, хищнической и разбойнической силой «сильныхъ мужей». И вотъ, въ эпоху разложенія родового быта и естественнаго взаимнаго отчужденія многихъ отдаленныхъ родовыхъ линій, или поколѣній, въ эпоху страшной розни родовъ и умноженія «изгоевъ», людей отчужденныхъ отъ рода-племени, когда, вообще, вставалъ родъ на родъ», сильные мужи устрашали весь міръ, въ лѣсахъ умножились станишники и разбойники, когда всякій стремился быть страшнымъ въ битвѣ въ полѣ и шла всеобщая ожесточенная борьба за существованіе,—въ эти-то времена полнѣйшаго господства

[1]) См. Бѣляева, „Исторія крестьянъ на Руси“, стр. 15—34. Въ грамотахъ Солов. Библіот. XIV и XV в. упоминаются „*болярскіе рабы*“ и „*болярскіе работные люди*“. Сбор. Солов. библіот. №№ 19 и 20. Не рабочій, господствующій классъ долго назывался *сильными людьми* (П. С. Л., II. 135). Точно также масса простого, рабочаго народа еще въ XVII в. называлась „*маломожными людьми*“ (Сказан. Авраам. Палиц.).

грубой физической силы и права сильнѣйшаго, созидались общины, міры. Страхъ убійственной, порабощающей, хищнической и разбойнической силы невольно заставляетъ всѣхъ разрознившихся «людей» или «людиновъ», всѣхъ «маломожныхъ, малосильныхъ смердовъ» заключать между собою согласіе, миръ и, такимъ образомъ, составлять общины, міры или, по выраженію «Русской Правды», «*складываться въ виру, изъ дружины прикладываться къ вирѣ, къ людямъ*, къ міру», съ тѣмъ, чтобы всею «*дружиною*», всѣмъ «*вложившимся въ виру людямъ*» сообща, общими силами искать всякаго зловреднаго сильнаго человѣка — *убійцу или разбойника, или татя* и выдавать его «всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе» [1]). Въ то же время, «верви» или общины, «поговоря межь себя», всѣмъ міромъ обязывались сообща, совокупными силами охранять отъ хищничества и разбоя грубой физической силы сильныхъ людей свои общинныя естественно-промышленныя угодья—звѣриные ловы, борти, рыбныя ловли, пашни, межи на поляхъ, сѣти и т. п. [2]). Далѣе, страхъ господствующей физической силы—хищнической и разбойнической невольно заставилъ общины, еще во времена племеннаго быта, покориться защитительной силѣ князей. При страшномъ господствѣ грубой физической силы, «маломожнымъ людямъ», смердамъ не было спокойнаго, безопаснаго житья и въ общинахъ. Безпрестанно и повсюду причиняли имъ насилія тати и разбойники, грабили ихъ животы, разоряли ихъ промышленныя угодья, убивали «огнищаниновъ» — домохозяевъ каждаго обложеннаго княжескою данью «очага», или «дыма». Вслѣдствіе этого, въ общинахъ господствовалъ такой страхъ татей и разбойниковъ—лѣсныхъ богатырей, что въ народѣ распространялись особыя миѳическія сказанія о соловьяхъ-разбойникахъ, которыхъ могъ побивать только такой сильнѣйшій богатырь, какъ Илья Муромецъ и т. п. И эти-то страшные силачи-разбойники, залегавшіе пути на огромныхъ пространствахъ, до того были зловредны и непреодолимы для маломожныхъ смердовъ, что они никакъ не могли сами своею силою справиться съ ними, и вотъ, поневолѣ должны были подчиниться охранительной силѣ князей. Кромѣ того, и въ каждомъ членѣ общины грубая физическая, мускульная сила еще до такой степени господствовала надъ дѣятельностью мозга, ума, что каждое животное чувство, каждая страсть обыкновенно тотчасъ же неудержимо, рефлективно выражалась въ дѣятельности мускуловъ или физической силы. Лишь только начиналась, напримѣръ, ссора на пиру, возбуждался въ комъ-нибудь гнѣвъ,—онъ тотчасъ же звѣрски проявлялся въ дракѣ и убійствѣ, и т. п. Оттого часто случались убійства на сходахъ, на пирахъ, на игрищахъ между селами, и общины были безсильны сами собою искоренить это зло, когда чисто зоологическія, животныя страсти и наклонности еще, можно сказать, вполнѣ преобладали въ чисто зоологической—родовой и племенной организаціи общинъ надъ страстями и наклонностями чисто антропологическими, человѣческими. И вотъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, общины принуждены были съ самаго начала подчиниться охранительной опекѣ и расправѣ варяжскихъ князей, которые и призваны были прямо для того, чтобы водворять нарядъ, миръ, согласіе между разрознившимися родами, производить судъ и расправу среди всеобщаго господства неправды — господства права сильнаго, искоренять татей, убійцъ и разбойниковъ. И князья тотчасъ же вмѣшались въ борьбу общинъ съ хищническою,

---

[1]) „Русская Правда“, по изд. Калачева, ст. LXXXVIII—XC. LXXXIX. LXXI.
[2]) Ibid., ст. CXXIX по синод. списку.

разбойническою и убійственною силой. Составляя первый славяно-русскій законодательный памятникъ—«Русскую Правду», они внесли въ нее нѣсколько установленій, направленныхъ прямо къ обузданію господства грубой физической силы и къ охраненію общинъ отъ хищнической, разбойничьей и убійственной силы. Такъ, въ «Русской Правдѣ» утверждены были князьями или вмѣнены общинамъ въ обязанность такія мѣры расправы съ убійцами, татями и разбойниками: «оже будетъ кто убилъ въ свадѣ или пиру явлено, ему платити по вервинѣ (т. е. по окладу общины, міра); а иже убьютъ огнищанина въ разбои и убійцы не ищутъ, то вирное платити, въ ней же вири (верви) голова начнетъ метати», т. е. той общинѣ, гдѣ найдутъ убитаго. Точно также «Русская Правда» предписывала общинамъ совокупными силами или всѣмъ міромъ охранять отъ хищнической и разбойнической силы свои общинныя угодья. «Аще будетъ разсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имъ же ловимо, или сѣть, то по верви (міромъ) искати въ собѣ татя: аще кто украдетъ борть или сѣть, или разломаетъ борть, или посѣчетъ древо на межи, то по верви (міромъ) искати татя въ собѣ» и т. п. [1]).

Наконецъ, въ тѣ же времена господства страха грубой физической силы, получили начало и многія другія историко-традиціонныя основы общества, какъ, напримѣръ, принципъ раздѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ, или, по выраженію древнихъ памятниковъ, на «*сильныхъ имѣніемъ*» и «*немощныхъ имѣніемъ*», животно-эгоистическія начала нравственности, основанной на правѣ сильнаго, или законѣ сильнѣйшаго и на страхѣ таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой и характеризующейся господствомъ кровной мести, кулачнаго права, убійствъ, дракъ, грабежей, разбоевъ, дикаго животнаго проявленія половой страсти и т. д.

И вотъ,—въ эти-то мрачныя времена, когда сильный порабощалъ слабаго, произошло и первобытное порабощеніе женщины.

---

[1]) „Русская Правда", ст. LXXI, LXXXIX и CXXIX. Лешковъ. „Русскій народъ и государство", стр. 164.

Положеніе женщины въ Россіи по до-петровскому воззрѣнію [1]).

Созрѣвшее въ русскомъ народѣ въ періодъ византійскаго его развитія міро-рцаніе, какъ физико-антропологическое, такъ и соціальное, глубоко отразилось ъ въ общественномъ взглядѣ на женщину, такъ и во всей ея личной, семейной бщественной жизни.

При признаніи обусловленнаго «закономъ сильнѣйшаго» раздѣленія людей на льныхъ» и «маломощныхъ», и первобытное покореніе женщины мужчинѣ, про-еденное первоначально тою же физическою силою «сильныхъ мужей», есте-нно, не могло быть не признано и не утверждено народною вѣрою. Какъ въ ютномъ царствѣ господство самцовъ надъ самками, такъ и въ человѣческомъ ѣ господство мужчины надъ женщиною, мужа надъ женой представлялось не-ложнымъ уставомъ византійской доктрины, который люди должны соблюдать со ахомъ Божіимъ, свято и неизмѣнно, «по глаголу Божію, по всѣмъ тварямъ ущему», и по заповѣди Божіей: «жена да боится своего мужа». Впрочемъ, обно сказать, что по введеніи христіанства прежнее подчиненіе женщины гос-ству мужчины было ослаблено; по общему выводу нашихъ историковъ, «цер-ь съ самаго начала взяла женщину подъ свое покровительство и блюла осо-но за ея нравственностью, возвысила значеніе матери на одинъ уровень съ юмъ, своимъ судомъ вооружилась противъ похищенія дѣвицъ, противъ много-нства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, противъ семейнаго мословія и, наконецъ, блюла за тѣмъ, чтобы родители не женили сыновей и отдавали дочерей замужъ насильно [2]).

При этомъ учители церковные постоянно поучали мужей и женъ во всю ізнь со страхомъ Божіимъ соблюдать церковное таинство брака. Страхъ Божій изнавался первою заповѣдью брачной и семейной жизни. Іереи, вѣнчавшіе мужа жену, обыкновенно «поучали ихъ *страху Божію*, по правиламъ святыхъ апо-

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Дѣло" за 1873 г., № 4, стр. 165—203 и № 6, стр. 112—9: (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 23 апрѣля и іюня 1873 г.; редакція Н. Шульгина).

[2]) „Исторія Россіи" Соловьева. Т. I, стр. 290.

столовъ и святыхъ отецъ, какъ жить мужу съ своею женою»[1]). Домострой «Благовѣщенскаго попа Сильвестра» поучалъ: «благословляю, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего и его жену утверждать себя *во всякомъ страхѣ Божіемъ* и въ законномъ жительствѣ»[2]). На основаніи страха Божія, и всѣ гражданскія и естественныя условія брака и брачной жизни подчинены были строгой церковной уставности. Строго возбранялось расторженіе супружествъ, даже и самыхъ несогласныхъ. Право вступленія въ бракъ ограничено было также строгими каноническими правилами. Пастыри церкви заповѣдывали: «а который мужъ женится тремя женами, или женѣ три мужа, тѣхъ по божественному правилу святыхъ отецъ и великаго Василья не давати имъ причастья святаго, а отъ правила отъ церковнаго отлучити, а съ женою третьею разлучити; аще кто будетъ добрѣ младъ, а дѣтей не будетъ отъ нихъ, отъ перваго брака или второго, тому надобно, по разсужденію великой нужды, пояти третью жену. А еще бы дѣвицъ не вѣнчали меньше 12 лѣтъ, но вѣнчайте 13 лѣтъ»[3]). Троеженцамъ угрожали страхомъ ада. Въ «вопросахъ о живыхъ и о мертвыхъ» сказано: кто трехъ женъ имѣлъ, тѣ какъ будутъ на томъ свѣтѣ? Отвѣтъ: чадо, станутъ они со женою первою, а не со второю, ни съ третьею: вторая бо и третія жена прелюбодѣянія ради, то-же бо есть, иже прелюбодѣянія ради блудъ сотворитъ: кто вторую и третью жены поялъ, тоже есть прелюбодѣй»[4]). Затѣмъ, строго возбранялись всякіе «нечестивые браки правовѣрныхъ съ невѣрными». Географическія и этнографическія условія колонизаціоннаго распространенія русской народности, по естественному ходу исторіи, неизбѣжно вели къ физіологическому смѣшенію племенъ, и исторія физико-этнографической организаціи великорусской народности исполнена фактами такой метисаціи; но учители церковные строго возставали противъ этого естественно-историческаго закона физіолого-этнологическаго сліянія и возрожденія племенъ посредствомъ взаимныхъ браковъ. Такъ, въ 1622 году московскій патріархъ Филаретъ съ негодованіемъ писалъ къ сибирскому архіепископу Кипріану: «вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаи, но по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе-де русскіе люди... съ татарскими, и съ остяцкими и съ вогулицкими поганскими женами смѣшаются и скверная дѣютъ; а иные живутъ съ татарками некрещеными, какъ есть съ своими женами, и дѣютъ съ ними противность»[5]). Вслѣдствіе этого, и цари московскіе постоянно предписывали воеводамъ въ наказахъ, чтобы напередъ инородческихъ «женокъ» научать православной вѣрѣ и крестить, а потомъ уже вѣнчать ихъ съ русскими служилыми или промышленными людьми[6]).

Каноническое ученіе о бракѣ глубоко дѣйствовало на понятія женщины и глубоко укореняло въ ней вѣру въ святость и нерушимость церковно-брачнаго подчиненія жены мужу. Повѣсть о боярынѣ Уліаніи Муромской показываетъ намъ, какъ, съ одной стороны, издѣтства внушаемый женщинѣ аскетизмъ непреодолимо побуждалъ ее иногда отрекаться отъ брака, оставить мужа и постричься въ мо-

[1]) Буслаевъ, II, 253.
[2]) Домострой, напеч. во „Временникѣ", кн. 1.
[3]) Памятн., IV, 186—187.
[4]) Ibid., III, стр. 114.
[5]) Собр. Госуд. Грам., Ч. III. № 60,
[6]) См. воеводскіе наказы въ „Дополн. къ А. Истор." Т. III и IV.

астырь для богоугожденія. Но, съ другой стороны, одно слово или поученіе мужа нерасторжимости церковнаго брака способно было тотчасъ же покорять ее волѣ ужа и удерживать въ брачномъ сожительствѣ съ нимъ. «Молила богобоязненная ена (Уліанія) своего мужа, чтобы отпустилъ ее въ монастырь: если же не отпу- чишь, говорила она, то бѣгомъ утаюсь изъ дома своего. Но мужъ, заклиная ее, рочиталъ ей книгу блаженнаго Козмы пресвитера и прочихъ святыхъ отцевъ, и ногія другія божественныя писанія прочиталъ ей о божественной тайнѣ брака. на же, послушавъ, оставила свое намѣреніе и сказала: воля Господня да будетъ. тѣшалась она, слыша слова апостола: жена привязана къ мужу закономъ, и своимъ ѣломъ она не владѣетъ, но владѣетъ имъ мужъ: спасается же она чадородія ради. [все это блаженная жена размышляла въ сердцѣ своемъ: хотя я, говорила она, ивя съ мужемъ, и поработу ему сама тѣло свое, но да спасется духъ мой» [1]). ъ другой древней повѣсти, именно въ повѣсти о Февроніи, супругѣ муромскаго князя етра, осязательно выражена была вѣра богобоязненной женщины и благочестиваго ужчины въ церковную санкцію брачной вѣрности жены мужу и нерасторжимости ерковнаго брака. «Бояре города Мурома,—гласитъ эта повѣсть,—по зависти и юму совѣту женъ своихъ, хотѣли разлучить Февронію съ супругомъ ея, княземъ етромъ, обѣщались ей все сдѣлать, чего бы она ни захотѣла, только бы оставила воего супруга, а сама шла, куда хочетъ. Блаженная жена дала слово исполнить олю бояръ—уйти изъ города Мурома, но, по обѣщанію ихъ, сказала имъ: вы ъ клятвой обѣщались мнѣ безпрекословно исполнить все, что только я скажу: *же ничего иного не прошу, токмо супруга моего князя Петра.* И бла- женный князь Петръ по евангелію сотворилъ: и самодержавіе свое яко уметы вмѣ- илъ, дабы заповѣди Божіей не разрушить, но по заповѣдямъ Божіимъ шелъ и ержался ихъ, ибо богогласный евангелистъ Матѳей въ благовѣстіи своемъ вѣщаетъ: це кто пуститъ жену свою развѣ словеси прелюбодѣйнаго, и оженится иною, ій прелюбы творитъ. А сама святая жена Февронія поучала и другихъ свято облюдать тайну церковнаго брака. Когда она плыла на суднѣ по рѣкѣ Окѣ изъ орода Мурома, одинъ человѣкъ, у котораго тутъ же на суднѣ была вмѣстѣ съ имъ и жена его, пріимъ помыслъ отъ лукаваго бѣса, возревновалъ на святую ену Февронію помысломъ. Она же, уразумѣвъ вскорѣ нечистый его помыслъ, бличила его и сказала: вотъ вода, почерпнутая изъ одной рѣки съ той и другой тороны судна—все одна и та же вода, равна, ни которая не слаще: такъ едино естество женское. Почто убо свою жену оставилъ, на чужую мыслиши? Тотъ еловѣкъ убоялся тогда своихъ нечистыхъ помысловъ. Когда приближалось благо- естивое преставленіе богобоязненныхъ супруговъ, они сотворили совѣтъ, да будутъ оложены вмѣстѣ, въ одномъ гробѣ. И повелѣли учредить одинъ общій гробъ. По реставленіи же ихъ, люди, хотѣвшіе и при жизни ихъ расторгнуть бракъ ихъ, азлучили ихъ, положили въ разныхъ гробахъ, а общій гробъ оставили пустой. о наутріе тѣ же люди увидѣли особные гробы пусты, а тѣла святыхъ супруговъ ашли въ одномъ гробѣ въ соборной церкви Пречистой Богородицы. Тогда нера- умные люди, какъ при жизни ихъ, старались разлучить, такъ и по честномъ реставленіи опять разлучили ихъ, перенесли тѣла ихъ въ разные гробы. Но на- тріе святые супруги опять найдены были въ одномъ общемъ гробѣ, въ которомъ

[1]) Буслаевъ, II, 253—261. Памятн., I, 63—64.

сами повелѣли положить себя неразлучно, у соборной церкви Рождества Пречистой Богородицы, въ которой и вѣнчаны были епископомъ» [1]). Вслѣдствіе строгаго возбраненія церковью второго и особенно третьяго брака, богобоязненная женщина, какъ бы ни была молода и красива, по смерти перваго мужа своего ни за что не хотѣла вступить во второй бракъ, хотя бы сватавшійся на ней человѣкъ сильно любилъ ее и въ ней самой возбуждалъ любовь къ себѣ, а бракъ съ нимъ обѣщалъ ей полное счастье и довольство. Напротивъ, по чувству страха божія, боясь нарушить церковную заповѣдь о второмъ и третьемъ бракѣ, она давала твердый обѣтъ жить въ цѣломудренномъ вдовствѣ, любившаго ее мужчину «любить только Бога-ради», и, по чувству этой «любви Бога-ради», не только отрекалась отъ плотской любви и второго брака, но и рѣшалась постричься въ монастырь въ инокини, «боясь своей красоты и молодости», да и любившаго ее мужчину тоже сговаривала «любить ее только Бога-ради» и, въ знакъ этой любви, постричься въ монахи [2]). Мало того: хотя бы женщина вовсе не любила своего мужа, у ней все-таки изъ головы не выходила мысль о неразрывномъ союзѣ съ нимъ и нелюбимаго мужа своего она величала: «братъ ты мой любезный!» Идея ненарушимости узъ брачныхъ въ древнемъ народномъ стихѣ «о грѣшной душѣ» выражается въ слѣдующемъ исповѣданіи грѣшной души: «еще я, душа, Богу согрѣшила: мужа съ женой я поразваживала, золотые вѣнцы поразлучивала: въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася и отцу духовному не сказывала; и за то-то провалилась душа въ преисподній адъ, вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться» [3]).

Вмѣстѣ съ строгими правилами, которыми обставлено было брачное сожитіе, въ народѣ укоренился аскетическій взглядъ на женщину. «Не взирайте на лица женскія, поучали книжники,—да не могите взирати на доброту женскую, но ходите предъ ними *въ страхѣ Божіемъ*: ибо лукави суть жены» [4]). Всѣ поученія «о женахъ» направлены были къ тому, чтобы воспитать и глубоко укоренить въ умѣ народномъ странное убѣжденіе, что самое «естество женское вельми есть зло», что «жена сотворена сѣтью бѣсовскою, прельщающею человѣка на зло». Чтобы убѣдительнѣе внушить и глубже укоренить это ученіе, наши книжники подтверждали его авторитетомъ восточныхъ пастырей церкви. Прототипомъ для своихъ поученій «о женахъ» они взяли «слова Іоанна Златоуста», именно «слово о лукавыхъ женахъ» и поученіе «о женщинахъ или красотѣ». Слово Златоустаго «о лукавыхъ женахъ», переведенное подъ заглавіемъ: «слово о злыхъ женахъ», въ славянскомъ текстѣ такъ возбуждало въ русскомъ обществѣ страхъ «злыхъ женъ»: «есть лучьши въ пустыни со звѣрьми жити, неже со злою женою; дикій же звѣрь подобенъ женѣ язычнѣ и злѣ. Поистинѣ нѣсть иныя злобы горше злой жены... ничтоже есть злѣе жены злоязычны. О, зло оружіе діаволе острое—зла жена... О, злѣе всякаго зла жена злая. Во-истину, нѣсть злобы лютѣе жены злы» и проч. Усвоивши такой общій взглядъ на женщину, византійская мораль, въ своемъ бѣсобоязненно-аскетическомъ ученіи «о женахъ», пошла дальше: она возвѣстила, что самое «естество женское вельми есть зло», «сотворено діаволомъ, чтобы уловлять и прельщать человѣка ко грѣху». Повсюду въ мірѣ боясь сѣтей и соблазновъ бѣсовскихъ, повсюду въ обществѣ видя одну только «злую жену», мора-

---

[1]) Памятн. I, 30—39.
[2]) „Повѣсть о цѣломудренной вдовѣ", Памятн.
[3]) Сборн. Варенцова, 146. См. Памятн., III, стр. 120.
[4]) Памятн., III, 34.

листы всѣ силы своей полемики противъ злыхъ женъ напрягали къ тому, чтобы возбудить и укоренить въ народѣ аскетическій страхъ женщины, какъ злого начала, какъ страшнаго «діавольскаго оружія, или сѣти сатаниной, соблазна и ада богоспасаемыхъ». Постоянно устрашаемые бѣсовскими «страхованіями и соблазнами», постоянно вызываемые на борьбу съ соблазнами плоти и міра,—они и въ женщинѣ видѣли только страшное, дьявольски-враждебное существо, или злое начало, постоянно противодѣйствующее доброму началу—иноческому чину богоспасаемыхъ мужей, и потому приписывали женщинѣ всѣ ужасныя, злыя качества діавольскія. Женщина,—по ученію византійской гинекологіи,—это «діаволь цвѣтъ, страшилище бѣсовское и адское, спасаемымъ соблазнъ, покоище змiино, хоругвь адова, трясавица не оставляющая, неутолимая огневица, болѣзнь неисцѣльная, злая ратница, учительница грѣхамъ, совокупленница бѣсовская, несытная похоть, обаянница и еретица, медвѣдица и львица, змія и скорпія, ехидна и василиска» и проч. Въ одномъ старинномъ поученіи читаемъ: «что есть жена? Сѣть діаволомъ сотворена! Прельщаетъ человѣка лестію, свѣтлымъ лицомъ, высокими очима помываетъ, ланиты складаетъ, языкомъ поетъ, гласомъ скверная глаголетъ, словами чаруетъ, ногами играетъ, злыми дѣлами обаяетъ и убиваетъ, многихъ язвитъ и губитъ. Что есть жена? Проказливая святымъ обложница, сатанинъ праздникъ, покоище змiино, цвѣтъ діавольскій, подгнѣчающая сковрода, спасаемымъ соблазнъ, безъ исцѣленія болѣзнь, безъизцѣльная злоба, купница бѣсовская, коза неистовая... Что есть жена? Морозъ злой, колодецъ смрадный, первый врагъ, стрѣла съ чемеромъ» и проч. [1]). И такой человѣконенавистный страхъ женщины, какъ зловреднѣйшаго страшилища бѣсовскаго, какъ дьявольской, сатанинской соблазнительницы и губительницы людей,—такой человѣкобоязненный страхъ женщины воспитывался и передавался наслѣдственно отъ отцовъ къ дѣтямъ. Въ «притчѣ о женской злобѣ» отецъ говорилъ къ сыну: «слушай, сынъ мой, жена злая домовная буря, многимъ потопъ, неудержимое стремленіе, сердцу копье, инокамъ сженіе, очамъ поползеніе, тайнамъ обличеніе, смертоносная бесѣда, неотступная трясавица, неутолимая огневица, лесть возстающая, печаль самохотная, грѣхамъ наставница, темный вождь, хоругвь адова, вѣтвь діаволя, спасаемымъ соблазнъ, злоба безувѣтная, удобь-уловляющая дерзость; жена злая—вѣтръ сѣверъ, день неведрянъ, гостинница жидовская, совокупленница бѣсовская, несытная похоть, стрѣла сатанина, уязвляющая многихъ сердца, неукротимый звѣрь, скорпія многожильная, болячка смертная. Слыши, сынъ мой! *Естество женское вельми есть зло!* Ибо жены пронырливы, льстивы, лукавы, крадливы, злоязычны, обаянницы, еретицы, медвѣдицы, львицы, зміи, скорпіи, василиски и аспиды. Злая жена—оружіе діавола, мечъ сатанинъ и оболгательница святымъ. Злая жена свирѣпѣе и безстуднѣе всѣхъ полевыхъ звѣрей: невозможно убѣжати лютости ея. Слыши, сынъ мой, про жену-медвѣдицу: какъ медвѣдица, когда увидитъ человѣка, то голову свою похилитъ, глаза свои посупитъ въ землю и злобно пыхнетъ, на человѣка нападетъ и задушитъ его вскорѣ, такъ и злая жена главу свою наклонитъ, и очи насупитъ, и уста стиснетъ, злобою на мужа своего дохнетъ, на шею его выю наложитъ, гортанное дыханіе захватитъ, и зло покончитъ его. Слыши, сынъ мой, про жену-львицу: львица въ пустынѣ на всякаго человѣка и звѣря наскачетъ и растерзаетъ: такъ и злая

---

[1]) Костомаровъ, „Очеркъ нравовъ великорус. народа", стр. 103. Буслаевъ, „Очерки литерат." I, 587.

жена, какъ львица, и домочадцевъ возненавидитъ, и одежду растерзаетъ, и тѣю кровью обагряетъ, и волосы вырываетъ, и на мужа рыкаетъ, злобою восхищаетъ, не ухапаетъ мужа львовыми зубами, не закалаетъ его ни ножомъ, ни мечомъ, ни копьемъ, но нравомъ бываетъ злѣе львицы. Слыши, сынъ мой, про жену-змію и скорпію: зміиной родъ изъ всѣхъ ползущихъ гадовъ злѣйшій есть: такъ и злая жена во всемъ человѣчествѣ злѣйшая есть. Змѣя вылазитъ изъ куста и, увидѣвъ человѣка, бѣжитъ отъ него; а злая жена подлѣ человѣка лежитъ, а змѣинымъ ядомъ дышетъ, какъ настоящая запазушная змѣя, и злобою что шипитъ, и сердце мужа злохитрствомъ усѣкнетъ, уязвитъ. Слыши, сынъ мой, про жену-ехидну: ехидна своихъ чадъ ненавидитъ; если хочетъ родить, то наровитъ ихъ пожрать: а этой ехиднѣ подобны многія нынѣшнія дѣвицы: не бываютъ замужнія жены, а въ утробѣ имѣютъ, и родить не хотятъ, а помышляютъ: когда выйдетъ ребенокъ изъ моего чрева, я его своими руками удавлю. Хотя дѣвическую печать и разоритъ, а именуется дѣвицей: на видъ какъ будто дѣвица, а нравомъ какъ окаянная блудница, и ходитъ быстро, глазами обзорлива, и нравомъ буйна, и во всемъ нечестива». И такъ далѣе расписывалась женщина, не какъ человѣкъ, а какъ звѣрь, лютѣйшій и страшнѣйшій изъ всѣхъ самыхъ свирѣпыхъ и страшныхъ звѣрей полевыхъ, для того, чтобы доказать только, что все «естество женское вельми есть зло» [1]).

Когда господствовалъ такой взглядъ на женщину, понятно, каково тогда было ея положеніе въ семьѣ и въ обществѣ, въ этой рабской подчиненности мужу и общественному гнету, позору и оскорбленію, при господствѣ эгоистическихъ, поработительныхъ стремленій въ обществѣ. Во-первыхъ, когда на женщину смотрѣли, какъ на «рабу мужа» и какъ на «бѣсовскую, сатанинскую обаянницу и учительницу грѣхамъ», тогда какое другое юридическое положеніе могли дать женщинѣ общество и законодательство, кромѣ полнѣйшей подчиненности мужу и безправія личнаго и общественнаго? И вотъ, и гражданское или государственное законодательство, всецѣло проникнутое смысломъ религіозно-общественнаго міросозерцанія, утвердило и разными строгими постановленіями поддерживало принципъ глубокаго страха жены передъ мужемъ. Въ «Уставахъ о церковныхъ судахъ», приписываемыхъ великому князю Владиміру и сыну его Ярославу, духовенству предоставлена полная власть завѣдывать браками и всѣми супружескими отношеніями мужей и женъ и охранять церковно-каноническую гегемонію мужа надъ женой. Личность женщины, какъ богообреченной рабы мужа, и въ нравственно-юридическомъ отношеніи признана была несамостоятельною, безправною, и подчинена была юридической гегемоніи мужчины. По юридическимъ понятіямъ московскаго государства или до-петровскаго общества, жена должна была раздѣлять участь мужа въ случаѣ преступленія, совершеннаго послѣднимъ. Во времена Грознаго бояринъ или князь, давая на себя запись царю, говорилъ въ ней, что, въ случаѣ отъѣзда его или непокорности царю, царь воленъ казнить, вмѣстѣ съ нимъ, и его жену [2]). Не только отецъ въ правѣ былъ выдавать свою дочь замужъ силой, но и помѣщикъ уполномоченъ былъ правомъ сильнаго силой выдавать свою рабу

---

[1]) Памяти., II, стр. 461—470.

[2]) „Исторія Россіи“ Соловьева, т. VII, стр. 173: такъ именно князь Иванъ Пронскій, давая запись царю, говорилъ въ ней, что, въ случаѣ отъѣзда его, царь воленъ казнить его и его жену.

замужъ, за кого хотѣлъ [1]). До 1637 года беременныхъ женщинъ безпощадно казнили смертію, и только въ этомъ году отмѣнено было такое безчеловѣчное узаконеніе, потому что «рожденное отъ преступницы не виновато», и велѣно было казнить смертію беременныхъ женщинъ, когда послѣ рожденія минетъ шесть недѣль. Наконецъ, «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича страшной угрозой предписало женѣ бояться своего мужа, какъ главы, и отнюдь не смѣть посягать на его личность. Относительно убійства жены мужемъ оно умалчивало, не давало никакого положительнаго правила, никакого постановленія, а относительно жены установило страшное, немилосердное, жестокое законоположеніе, именно такое: «а будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма, и ее за то казнити, живу окопати въ землю, а казнити ея такою казнію безо-всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти или иныя кто ближніе роду его того не похотятъ, что ея казнити, и ей отнюдь не дати милости и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ» [2]).

Далѣе, когда на женщину смотрѣли, какъ на «бѣсовскую совокупницу и соблазнительницу богоспасаемымъ мужамъ»,—тогда какое другое положеніе могло дать ей общество въ семьѣ и общежитіи, кромѣ наглухо замкнутаго уединенія въ теремѣ. И вотъ ее держали, съ дѣтства до гроба, взаперти, въ тюремномъ заточеніи, на покаяніи. «Отъ младенческихъ лѣтъ, — говоритъ Кошихинъ,—до замужества своего живутъ онѣ у отцовъ своихъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ чужіе люди никто ихъ и онѣ чужихъ людей видѣти не могутъ; такъ-же, какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потому-же люди видятъ мало... И царевны, имѣя свои особые-же покои разные, живутъ яко пустынницы, мало видятъ людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываютъ, и лица свои слезами омываютъ» [3]).

Женщина, по понятіямъ общества, считалась ниже умомъ, малоспособнѣе мужчины. Такое убѣжденіе внушала мужчинамъ византійская литература. Въ «Повѣсти о премудрости Соломона» они поучались зло-насмѣшливому, саркастически-унизительному взвѣшиванію мозга или «ума женскаго». Въ «судѣ Соломоновомъ» они назидались повѣстью о томъ, какъ премудрый Соломонъ, посредствомъ совѣта или повелѣнія мужу убить свою жену, а женѣ своего мужа, испытывалъ «умъ женокъ» и, пришедшій къ тому убѣжденію, что мужчина гораздо умнѣе женщины, въ сборникѣ стиховъ своихъ вписалъ такой выводъ: мужчину умнаго я находилъ одного въ тысячахъ людей, а женщины ни одной во всемъ мірѣ» [4]). Подъ вліяніемъ такихъ-то внушеній, русскіе люди утверждались въ томъ убѣжденіи, что мужчина вообще умнѣе женщины. «Да ужъ Богъ васъ проститъ,—писалъ протопопъ Аввакумъ женщинамъ-боярынямъ,—што на васъ и дивить: у бабы волосы долги, да умъ коротокъ» [5]). По ученію «Домостроя», женщина, какъ менѣе умная, чѣмъ мужчина, лишена была всякаго права самостоятельной мысли, самостоятельнаго распоряженія даже въ дѣлахъ домашнихъ, ибо на то былъ умъ мужа—главы жены, который своими наставленіями и «плеткою вѣжливенько» училъ ее страху Божію и рабскому послушанію. По правиламъ «Вождя по жизни», жена, «кня-

1) Бѣляевъ, „Крестьяне на Руси“.
2) „Уложеніе“, гл. 22, стр. 14.
3) Кошихинъ, стр. 120.
4) Памятн., III, стр. 56 и 63.
5) Письма Аввакума, „Русскій Архивъ“, 1886 г., стр. 98—99.

гиня молодая», не имѣла права ни о чемъ разсуждать своимъ умомъ, а могла «молвить только поклонъ отцу съ матерью: ино то не женское дѣло, кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть: да и не стать въ слухъ при людяхъ своихъ умомъ наказывать: на это есть глава, мужъ законный; на то есть совѣтъ съ мужемъ, съ очей на очи» [1]).

При умственномъ безправіи, женщина безправна была и въ употребленіи своихъ дѣятельныхъ силъ, въ сферѣ труда. «Домострой благовѣщенскаго попа Сильвестра" назначалъ ей дѣятельность исключительно домашнюю, хозяйственную, и то, во всѣхъ мелочахъ, по указу и приказу мужа, подъ страхомъ «плетки», или особаго ремня, называвшагося «дуракомъ». Въ домашнемъ хозяйствѣ, говоритъ Петрей,—лучшія и знатнѣйшія женщины имѣютъ мало значенія: мужья содержатъ ихъ какъ невольницъ; онѣ сидятъ въ заперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ и вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками, и въ этомъ дѣлѣ онѣ искусныя мастерицы» [2]). Такимъ образомъ, въ теремѣ, послѣ молитвъ, женщина могла только, въ слезахъ пригорюнясь, вышивать убрусы да ширинки, или епитрахили, ризы и «воздухи» церковные. И какъ сильно съуживало умственный и нравственный кругозоръ дѣвицъ и женщинъ это теремное рукодѣльное воспитаніе въ нихъ мономаническаго пристрастія къ убрусамъ, воздухамъ и ширинкамъ! Недаромъ царевна Ксенія Борисовна, когда предвидѣла свое насильственное заточеніе изъ терема въ монастырь, не умѣла иначе и выразить въ пѣснѣ своего горя-злосчастья, какъ только такимъ наивно-мелочнымъ сокрушеніемъ объ убрусахъ и ширинкахъ:

А сплачется на Москвѣ царевна
Борисова дочь Годунова:
А свѣты мои браные убрусы,
Береза-ли вами крутити?
А свѣты золоты ширинки,
Лѣсы-ли вами дарити?
А свѣты яхонты, сережки,
На сучья-ли васъ задѣвати?

Вотъ каковъ былъ умственный горизонтъ въ теремѣ знатной дѣвицы, даже той царевны, имя которой впервые возвеличивалось въ царскихъ граматахъ на ряду съ именемъ царя-отца, и которая, по свидѣтельству современниковъ, «писанію книжному прилежала, цвѣла обильнымъ краснорѣчіемъ, во всѣхъ дѣлахъ была чредима, любила гласы воспѣваемые и пѣсни духовныя любезно слышать любила» [3]). Помимо домашней, хозяйственной дѣятельности, разумѣется, для женщины немыслимо, невозможно было никакое общественное занятіе. Правда, по свидѣтельству лѣтописей, уже въ древности нѣкоторыя великія княгини иногда оказывали вліяніе на общественныя событія, какъ совѣтницы мужей своихъ, но и такое пассивное участіе ихъ въ дѣлахъ общественныхъ возбуждало всеобщее негодованіе общества, какъ богопротивное. И Мономахъ поучалъ дѣтей своихъ: «не давайте женамъ своимъ власти надъ собою». Всякое вмѣшательство женщины въ дѣла общественныя считалось величайшимъ зломъ. «Отъ женъ,—гласитъ «притча

[1]) Буслаевъ, I, 509.
[2]) П. Петрей, „Описаніе московскаго государства", Чтен. общ. истор., 1867 г., кн. 2, стр. 388.
[3]) Хронографъ Кубасова.

:кой злобѣ»,—много крови пролито было, и царства раззорялись, цари ли-
› живота, и села, и дома разрушались. Горе тому городу, въ которомъ
ельствуотъ женщина! Горе дому тому, гдѣ владѣетъ женщина! Зло и муж-
:ому, который слушаетъ женщины!» [1]) Вообще, чуть женщина выступала
:оей убійственно-узкой, теремной и семейной колеи, изъ предназначеннаго
,омостроемъ» или «Вождемъ по жизни» круга дѣятельности, чуть порыва-
на жить и дѣйствовать своимъ умомъ-разумомъ, или согласно съ своими
скими, умственными и соціально-нравственными наклонностями,—сейчасъ всѣ
и: «злая жена»! Шла она въ церковь, — и тамъ слышала противъ себя
злохуленія, «слова о злыхъ женахъ». Шла она, по указу мужа, въ гости,
ѣду, гдѣ былъ «покой мнихомъ» и стояла обильная трапеза отцамъ духов-
тамъ она слышала «притчу о женской злобѣ». Занималась женщина
ничествомъ, знахарскимъ леченьемъ людей, и ее, по строгой заповѣди па-
церкви, преслѣдовали, изгоняли изъ городовъ и селъ, какъ «лихую бабу-
ю» [2]). Что-же, послѣ этого, могло хотя нѣсколько расширить сферу дѣя-
:ти женщины и доставить ей имя «доброй жены»? Что могло возбудить
: внѣ терема или въ обществѣ чувство благоговѣйнаго уваженія, почтенія
лавленія и открыть ей какое-нибудь поприще, какой-нибудь выходъ изъ
для дѣла общественнаго? Одно только всеобщее завѣтное чувство всей древ-
:си,—чувство страха Божія. Къ тому-то и направлено было самое слово
ста «о злыхъ женахъ», чтобы возбудить въ женщинахъ такой страхъ Бо-
і который ихъ стали-бы уважать и прославлять уже не только какъ «до-
женъ», но и какъ «женъ праведныхъ, святыхъ, блаженныхъ». Въ словѣ
прямо сказано: «се злыя жены безумныя, слышавше, постыдитеся хулими
яеми отъ святыхъ книгъ, и живите въ *богобоязньствѣ*: тѣ, которыя во
иаши Божіи пребываютъ, тѣ злы жены суть и проказньство на рождаю-
дѣтей своихъ приносятъ» [3]). Вслѣдствіе этого, при всеобщемъ господствѣ
:еннаго начала всѣхъ добрыхъ дѣлъ — «страха Божія», и для женщины
на и дозволительна была одна только общественная дѣятельность—филан-
:ская, внушаемая чувствомъ страха Божія. И Домострой только эту дѣя-
ть женщины, внѣ терема, одобрялъ и дозволялъ. «Мать твоя,—говорилъ
мѣръ сыну авторъ Домостроя,—многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ вос-
выучила и, надѣливъ, замужъ отдавала» [4]). Подобныя богобоязненныя
ицы были и между боярынями, и княгинями. Напримѣръ, протопопъ Авва-
ъ своемъ посланіи къ боярынѣ Феодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Уру-
і Маріи Даниловой такъ восхвалялъ филантропическіе труды и подвиги
женщинъ: «Вѣмъ, другъ мой милый, Федосья Прокопьевна: жена ты была
ія, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, по верху чина царева—
царицы. А до полуночи, съ Анною домочадицей своею, тайно бродишь по
імъ и по богадѣльнямъ, милостыню отъ дому своего нося, деньги и ризы
у) и другое потребное каждому неимущему довольно: овому рубль, а иному
а индѣ 50 рублевъ и мѣшокъ сотонной... Не облѣнюся еще припомнить

[1] Памятн., II, 462.
[2] Ibid., IV, 187.
[3] Лохвицкій, „Памятн. старин. воспитанія" въ „Чт. общ. истор.".
[4] Домострой, во „Времен.", кн. 1.

твои подвиги и труды, блаженная Феодосія: въ трудахъ ты была всегда, постилась, молитву дѣяла неотложно, и власяницу подъ одѣяніемъ носила на срачицѣ, устроенную отъ скота бѣлыхъ власовъ, краткорукавую. А послѣ правила и чтенія книжнаго ты разсуждала домочадцевъ и деревенскія крестьянскія нужды, безъ покою, дня, часу до девятаго и больше печешися о исправленіи крестьянскомъ, *иныхъ жезломъ наказуя*, а иныхъ любовію и милостію на дѣло Господне привлачая. Иногда же руки твои пряслицы касались: и пряла ты нити, и тѣми нитями нашивши рубахъ своими руками, въ вечеру съ Анною Амосовною, одѣвшись въ худыя рубы (рубища), по улицамъ и по стогнамъ града ходила и нищимъ раздѣляла, а иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держала. Федота Стефановича и прочихъ. Имъ своими руками служила, язвы гнойныя измывала, и въ уста ихъ пищу влагала. Еще же домъ твой отверстъ былъ юродивымъ; и нищимъ и сиротамъ не возбранно было въ ложищахъ твоихъ витати, и съ ними ѣла ты изъ единаго сосуда. И бывши на верху у царицы или у своихъ сестеръ, ты никогда не оставляла правило церковное и келейное. Если ты и сильно утомишься, а праздно не покоишься» [1]). Такова была общественная филантропическая дѣятельность женщины, внушаемая чувствомъ страха Божія. Но и эта дѣятельность возможна была только для женщинъ зажиточныхъ и даже богатыхъ. Какой-нибудь боярынѣ Морозовой можно было давать бѣднымъ по 50 рублей и сотенные мѣшки да прокармливать, обшивать и одѣвать ихъ, потому что объ ней тотъ же протопопъ Аввакумъ писалъ къ ней самой: «Дома твоего тебѣ служащихъ было человѣкъ съ 300; у тебя же было крестьянъ 8.000 и имѣнія въ дому твоемъ на 200 и на полтретей было; друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много; ѣздила ты къ нимъ на колесницѣ, т. е. въ каретѣ дорогой и устроенной муссіею и серебромъ; аргамаки многи, 6 или 12 съ гремячими чепьми; за тобой же слугъ—рабовъ и рабынь грядущихъ 100 или 200, а иногда человѣкъ и 300, оберегали честь твою и здоровье» [2]). Но какъ-бы то ни было, а вообще, и въ семьѣ, и въ мірѣ тѣ только женщины и заслуживали похвалу, которыя съ дѣтства имѣли страхъ Божій и творили внушаемыя имъ дѣла христіанскаго милосердія. Женщина, отличавшаяся страхомъ Божіимъ и проистекавшими изъ него добродѣтелями, возбуждала всеобщее удивленіе, какъ рѣдкое явленіе среди массы «злыхъ женъ», отличавшихся «безстрашіемъ Божіимъ». Въ лицѣ такой только женщины дивились «разуму» и славили Бога. Напримѣръ, объ Уліяніи муромской писали: «сія блаженная Уліянія отъ младыхъ ногтей Бога возлюбила и Пречистую матерь, такъ что всѣ *дивились ея разуму:* и вселился въ нее *страхъ Божій*, и *всѣ дивились ея разуму* и славили Бога» [3]). Высшимъ нравственнымъ идеаломъ женщины признавалась суровая жизнь матери и жены въ безропотномъ перенесеніи всѣхъ семейныхъ и общественныхъ оскорбленій и страданій. Чтобы женщинѣ очистить, сбросить съ себя позорно-оскорбительное клеймо «бѣсовской совокупленницы, сѣти сатанинной, спасаемымъ соблазна» и т. д., и заслужить похвалу и прославленіе,—она должна была всю свою жизнь проводить въ «богобоязньствѣ» и страхѣ бѣсовскихъ искушеній, въ умерщвленіи плоти, въ постѣ, покаяніи, колѣнопреклоненіяхъ и денно-нощныхъ молитвахъ да въ дѣлахъ милосердія отъ своего руко-

---

1) Посланіе Аввакума. „Русск. Архивъ". 1866 г., стр. 91–96.
2) Ibid.
3) Памятн., I, 63–64.

ія; она должна была смиренно вынести все иго семейнаго послушанія и раб-
, выстрадать все горе лишеній, оскорбленій и бѣдствій житейскихъ—семейныхъ,
жнихъ и общественныхъ. Чтобы доказать людямъ, обществу, что она не «со-
пленница бѣсовская»,—ей нужно было самой выдержать страшную борьбу съ
сами» семейной жизни, внушавшими раздоры семейные, самодурство отцовъ,
ьевъ, свекровъ и свекровей, ссоры слугъ или рабовъ и т. п. Такая женщина
уждала къ себѣ чувство удивленія, благоговѣнія и прославленія. Таковы были
льные женскіе типы древней Руси, изображаемые въ повѣсти объ Евфросиніи
оцкой, въ житіи Уліяніи Лазаревской, въ повѣсти о Февроніи муромской, въ
идѣ о двухъ сестрахъ—Марфѣ и Маріи. Но объ этихъ типахъ богобоязнен-
ъ женщинъ мы скажемъ въ слѣдующемъ очеркѣ, а здѣсь замѣтимъ только,
вообще, во времена домостроевскаго воспитанія высшимъ, идеальнымъ типомъ
скимъ была только женщина «богобоязненная, праведная, святая, блаженная,
подобная»; только въ такой женщинѣ не боялись «бѣсовской совокупленницы
ѣти сатанинной», а со страхомъ и благоговѣніемъ преклонялисъ передъ ней.
имъ образомъ, первобытный, религіозно-языческій страхъ передъ «мудрой,
цей дѣвой», подъ вліяніемъ чувства страха Божія, перевоспитывался въ чув-
благоговѣнія передъ сверхъ-естественною, «богодарованною мудростью» святой
щины. Какъ «вѣщихъ дѣвъ» воспѣвалъ миѳологическій эпосъ народный, такъ
гую, мудрую женщину прославляла церковная пѣснь. И только въ этой цер-
юй пѣсни, послѣ страдальческаго горя женщины въ земной, семейной и обще-
нной жизни, съ богобоязненнымъ воодушевленіемъ привѣтствовали женщину
мными радостями и блаженствами. «Радуйся, возглашала церковная пѣснь,
римѣръ, въ честь Февроніи муромской,—радуйся, Февронія! Яко въ женстѣй
ѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси. Радуйся, Февронія! Яко отъ Бога
ла еси даръ въ дѣвственнѣй юности недуги исцѣляти» и т. п. [1]). Но надо
ѣтить, что немногихъ женщинъ древняя Русь почтила, какъ святыхъ, правед-
ъ, добрыхъ и мудрыхъ женщинъ; тогда какъ святыхъ мужей древняя русская
ковь воспитала, ублажила и прославила сотни; женщинъ же, подходившихъ
ь идеалъ святости, оказалось только до 28—княгинь и боярынь; изъ просто-
дныхъ же женщинъ воспѣта и прославлена одна только Февронія муромская,
бывшая потомъ княгиней [2]).

Но невозможно же было, чтобы всѣ женщины, „хулимыя и укоряемыя отъ
ыхъ книгъ“, безъ возмущенія духа слушались „притчи о женской злобѣ“ или
ва о злыхъ женахъ» и жили въ «богобоязньствѣ». Человѣконенавистный,
ный и боязливо-недовѣрчивый взглядъ на женщину вообще не могъ благо-
но дѣйствовать и на ея нравственное настроеніе и развитіе. Когда всѣ эти
ва о злыхъ женахъ» и «притчи о женской злобѣ», съ язвительными, злобно-
тельными прибавками русскихъ книжниковъ, безпощадно, злостно поносили
щину всякими оскорбительными выраженіями, сравненіями, примѣрами и описа-
и, то могли ли эти слова и поученія дѣйствовать благотворнымъ образомъ на
щину, могли ли они исправлять и нравственно возвышать ее? Очевидно, нѣтъ.
ротивъ, по всѣмъ психологическимъ законамъ, они должны были ее только
ражать, ожесточать, озлоблять, а съ тѣмъ вмѣстѣ, большею частью, и нрав-

[1]) Ibid., 1, 29, 48.
[2]) Буслаевъ. „Очерки старин. литературы“, т. II, 242—245.

ственно развращать, даже «женъ добрыхъ» обращать въ «злыхъ женъ». Недаромъ сами составители «притчи о женской злобѣ», всячески порицая злую жену, невольно проговаривались, высказывали такую мысль, что злое поруганіе надъ женщиной и звѣрское обращеніе съ нею не только не исправляло ее, но еще болѣе раздражало и ожесточало: «доколѣ мужъ, говорится въ этой притчѣ,—поступаетъ согласно съ женою, не говоритъ ей ничего вопреки, то и она ему терпитъ; а когда мужъ станетъ ей чѣмъ либо грозить и досаждать, тогда и она на него, какъ змѣя шипитъ; а если бьетъ ее жезломъ или пинаніемъ, или за власы пваніемъ, то злую жену ничто нейметъ, но только раздражаетъ, и часто она отъ такого раздраженія чахнетъ и умираетъ... Дивная сія вещь: злая жена, кроткимъ обращеніемъ усмиряемая, возвышается, а когда подвержена бываетъ побоямъ, то бѣсится, сварится и подобна бываетъ болѣзни какой-нибудь» [1]). Недаромъ также ругательнымъ «словомъ о злыхъ женахъ» возмущалось даже необразованное, грубое нравственное чувство простонародныхъ женщинъ, и притомъ еще старообрядокъ, слѣпо вѣрующихъ въ каждую букву стариннаго поученія. Одинъ черниговскій раскольникъ-очевидецъ разсказывалъ, что въ молельнѣ читали однажды «слово о злыхъ женахъ» изъ стараго сборника, весьма уважаемаго раскольниками. Въ «словѣ» были выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «лучше со львомъ и змѣями въ пустынѣ, чѣмъ съ злою женою; змѣя боится человѣка, а злая жена подлѣ мужа лежитъ и дышетъ на него змѣинымъ дыханіемъ; злая жена—орудіе діавола, стрѣла сатанина съ чемерь». Услышавъ эти слова, женщины подняли крикъ: «это все мужики понаписали противъ насъ, отъ того, что сами сошлись, одни мужики, и написали!»—и съ шумомъ и бранью повыходили изъ церкви [2]). Далѣе, при всеобщемъ господствѣ животно-эгоистической нравственности и мизантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, очевидно, не могли вырабатываться и раціональныя нравственныя воззрѣнія на женщину, которыя-бы возвышали, облагораживали ея нравственную жизнь въ обществѣ. Византійскіе книжники апріорически утверждали, что женщина по самой природѣ своей гораздо болѣе склонна ко злу, чѣмъ мужчина: «ангелъ Божій рече,—гласитъ одно византійское писаніе,—яко жены зѣло распаляются на блудъ, паче, сильнѣе мужа; онѣ въ сердцѣ зарятся на мужа, крашеніемъ ихъ прельщаютъ, мыслію и взоромъ ядъ вливаютъ и потомъ дѣломъ плѣняютъ» [3]). На основаніи такого убѣжденія, мужчины, нелюбившіе или нехотѣвшіе заглядывать въ свою совѣсть, неразвивавшіе въ себѣ силу воли и нравственнаго самообладанія, несдерживавшіе своихъ страстей, всю вину своихъ животно-эгоистическихъ увлеченій сваливали па «злое естество женское», на бѣсовскую соблазнительность женскихъ прелестей. «Вѣсть бо,—утверждали моралисты категорически,—вѣсть бо женское естество уловляти умы младыхъ къ любодѣянію» [4]). Въ себѣ самихъ мужчины оправдывали то, что въ нихъ еще гораздо сильнѣе и чаще, чѣмъ въ женщинахъ, животно-эгоистическіе порывы половой страсти заглушали и чувство страха Божія, а «доброта женская» пересиливала и страхъ бѣсовскій. Многіе юноши, начитавшіеся церковныхъ книгъ, не отрицая того анти-соціальнаго убѣжденія, что любовь къ женщинѣ возбуждается дьяволомъ, приходили, однакожъ, и къ тому убѣжденію,

---

1) Памятн., I. 464, 466.
2) „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1864, CXXI, отд. III, стр. 88.
3) Памятн., III. 34.
4) Ibid., I. 170.

что любить женщину не противно страху Божію, что, по заповѣди апостольской, лучше жениться, чѣмъ разжигаться похотью. Когда отецъ раскрывалъ сыну «притчу о женской злобѣ», сынъ дерзалъ возражать ему: «отче, апостолъ рече: лучше жениться, нежели разжигатися; якоже палима пещь огнемъ, такъ же и юношеская плоть къ вожделѣнію женскому разжигается; ибо огонь естественный не вѣтромъ разгнетается, затушается; видѣніемъ красныхъ лицъ взоръ мой прельщается, а время и мѣсто согрѣшенія врагъ полагаетъ: женская красота меня прельщаетъ; взирая на нее, я веселъ» [1]). Сами почитатели «притчи о женской злобѣ» сознаются: «если женщина будетъ прекрасна и лѣпа, то многи очи съ увлеченіемъ смотрятъ на нее: къ таковымъ женщинамъ многіе мужчины прельщаются: одинъ прельщается добролѣпіемъ женщинъ, другой—разумомъ, иной—смѣхомъ, утѣхами, а иной — красноглаголаніемъ и дарованіемъ женщинъ очаровывается, и прочими лестьми прельщаются» [2]). Но если въ мужчинахъ физіологическая половая потребность, естественное, эстетическое и нравственное увлеченіе «добролѣпіемъ, разумомъ и дарованіемъ» женщинъ пересиливали аскетическое чувство страха бѣсовскаго и невольно заставляли ихъ противорѣчить патріархальной морали, то не вносила ли эта мораль, эта «притча о женской злобѣ» и въ чувства женщины тяжелаго противорѣчія и борьбы? Вообще, когда мораль запрещала даже смотрѣть женщинамъ на мужчинъ, а мужчинамъ на женщинъ, и любить другъ друга, тогда, естественно, какъ молодые мужчины тайкомъ сообщались съ молодыми женщинами, или, по выраженію Кошихина, «воровали у дѣвокъ», такъ, съ другой стороны, и сами женщины молодыя тоже тайкомъ сближались съ мужчинами, «тайкомъ высматривали изъ теремовъ на добрыхъ молодцевъ». При отсутствіи нравственной выработки и облагороженности человѣческой природы, при отсутствіи высшихъ стремленій, идеаловъ и удовольствій умственной и соціальной жизни, неудивительно, что и женщина въ половыхъ отношеніяхъ, большею частью такъ же, какъ и мужчина, только и желала грубыхъ, чувственныхъ удовольствій половой любви, и, при гнетущей, всесторонней сдержанности, половыя желанія ея проявлялись еще съ большею энергіею и усиленностью. Уединенная, теремная замкнутость дѣлала невозможнымъ свободное общеніе женщинъ съ мужчинами, между тѣмъ естественная, физіолого-психическая потребность неодолимо влекла ихъ къ сообщенію съ мужчинами; вслѣдствіе такого неестественнаго раздвоенія и борьбы, вслѣдствіе стѣсненности и запуганности, какъ юноши, такъ и дѣвицы, и мужчины, и женщины тайкомъ, боязливо и даже «воровски» выражали естественное чувство взаимнаго влеченія; а отъ этого и самая форма выраженія половой любви была самая грубая, даже часто—пошлая. Когда запрещалось «взирать на доброту женскую и уразумѣвать дѣла женщины», узнавать и вызывать къ свободному проявленію ея умственныя и нравственныя качества, когда женщину держали взаперти, въ отрѣшенности отъ всякихъ внѣшнихъ физическихъ и общественныхъ впечатлѣній, возбужденій и вліяній, въ одуряющемъ и отупляющемъ уединеніи, на покаяніи и постѣ, въ слезахъ и молитвахъ, и не пускали въ общество, — тогда, очевидно, въ ней не могли развиваться ни облагороженныя, просвѣщенно-человѣчныя формы общенія мужчинъ и женщинъ, ни разумныя бесѣды ихъ, ни нравственно-разумныя приличія въ выраженіи чувства взаимнаго влеченія и любви; напротивъ, тогда и возможны были

---

[1]) Ibid., II, 465.
[2]) Ibid., II, 462.

только такія грубыя выраженія полового влеченія, какъ, напримѣръ, «помываніе очима, бедрами трясенія, хребтомъ вихлянія» и т. п. Страхъ передъ нелюбимыми суровыми мужьями побуждалъ запуганныхъ и забитыхъ женъ льстить, лицемѣрить передъ мужьями и въ самыхъ льстивыхъ, напыщенно-лицемѣрныхъ изліяніяхъ чувства любви выражать безмолвное раболѣпіе и трепетъ. «Жена,—говоритъ притча о женской злобѣ,—жена изыдетъ въ срѣтеніе мужу своему, лапитами склобляется (улыбается), уничижается, и за руки мужа пріимаетъ, и одѣяніе съ него совлачаетъ, устами его лобызаетъ и словесами льститъ, такъ говоритъ: пойди, государь мой, свѣтъ очію моего, сладость гортани моему, зрѣніе свѣта моего! Не могу ни единаго слова промолвити! Лицо мое померкло, и сердце мое окаменило, и когда воззрю на тебя, свѣта моего, тогда зѣло возрадуюся: составы мои разступаются, и всѣ члены тѣла моего трепещутъ, и руки мои ослабѣваютъ! Бракъ ты мой любезный! Всегда ты предъ очами моими; и когда услышу сладкія твои словеса, тогда не смѣю что отвѣчать: не отверзутся мои уста, огонь въ сердцѣ горитъ и лицо мое палитъ, и всѣ составы грѣются!» [1]). Страхъ деспотическаго преобладанія силы, власти и произвола мужчинъ вообще и, въ частности, мужей невольно заставлялъ женщинъ, какъ существа слабыя и лишенныя сильнаго вліянія на мужчинъ, прибѣгать къ разнымъ хитростямъ въ дѣлѣ ухаживанія за ними, для пріобрѣтенія вліянія на нихъ. „Лукавы суть жены, — сказано въ одной старинной статьѣ,—ибо, не имѣя ни власти, ни силы надъ мужчинами или мужьями, льстятъ наружными прелестями, какъ бы ихъ къ себѣ привадить: чего не могутъ сдѣлать силою, того достигаютъ лестію, крашеньемъ и обольщеньемъ принуждаютъ мужчину увлекаться ими» [2]). Страхъ «Закона Божія» возбранялъ прерывать брачный союзъ съ нелюбимымъ мужемъ; между тѣмъ страхъ, внушаемый нелюбимымъ мужемъ, невольно отталкивалъ отъ него жену; а неудовлетворенность полового чувства, при разгулѣ воображенія въ теремномъ затворничествѣ, возбуждала жажду новой любви и усиливала стремленіе понравиться другимъ мужчинамъ, возбудить въ нихъ очарованіе или любовь къ себѣ,— и вотъ въ душѣ запуганной и неудовлетворенной женщины разыгрывалась цѣлая драма лицемѣрія, и страстное желаніе понравиться другимъ мужчинамъ выражалось тайкомъ, скрытно отъ мужей, въ самой грубой мимикѣ теремнаго волокитства. «Если въ дому мужа не прилучится, — говоритъ «Притча о женской злобѣ», — то жена близь оконцъ присѣдитъ, сѣмо и овамо колеблется, а со смиреніемъ не сидитъ: скачетъ и пляшетъ, и всѣмъ тѣломъ движется, сандаліями стучитъ, руками плещетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ, головою киваетъ, голосомъ поетъ, языкомъ глаголетъ, бѣсовскія ризы многія перемѣняетъ, и въ оконце часто призираетъ, и многимъ юнымъ хочетъ угодить и всякаго къ себѣ льститъ» [3]). Не въ силахъ будучи такъ овладѣвать мужчинами, какъ мужчины овладѣвали ими, — женщины ухищрялись плѣнять ихъ не только украшеніями и нарядами, но и «тихою поступью, легкимъ, кроткимъ обращеніемъ выи, умильнымъ зрѣніемъ» и т. п. «Прокудливая жена, —гласила та же «притча», — прехитро себя украшаетъ, во пріятныя сандаліи обувается, вѣжды (брови) свои ощиплетъ и духами учинитъ, лицо и выю (шею) вапами (притираньями) повапитъ, и черности во очахъ себѣ украситъ, и когда во одѣяніе себя

---

1) Ibid., II, 463.
2) Ibid., III, 34.
3) Ibid., II, 463.

облечетъ, перси (перстни) на руки возлагаетъ, а верхъ головы золотомъ и каменьемъ дорогимъ украшаетъ, и на лукавыя дѣла тщится; а когда идетъ, ступаетъ тихо, и выю кротко обращаетъ, и очами не вскорѣ, но быстро и зрѣніемъ умильно взираетъ, а уста гладно, слегка открываетъ, и всѣ составы свои къ прелести ухищряетъ, и многія души огнеопальными стрѣлами устрѣляетъ» [1]). Всѣ эти наружныя выраженія женской обаятельности мораль осуждала, какъ бѣсовскія прелести; къ числу 25 самыхъ тяжкихъ грѣховъ — «дѣлъ діаволихъ» она относила «помизаніе очима» и между ними считала его въ числѣ 6-ти «наигоршихъ грѣховъ» [2]). Чтобы сильнѣе возбудить страхъ ко всѣмъ этимъ прелестямъ бѣсовскимъ, книжники и моралисты придумали и въ писаніи раскрывали страшнѣйшія «видѣнія мукъ грѣшницы во адѣ». Въ «видѣніи» этомъ, между прочимъ, сказано: «показалась двумъ мнихамъ жена на страшномъ и лютомъ зміи, и два ужа велики сокрушали выю ея, а два перси (груди) сосали, два же нетопыря выдирали очи ея, и отъ устъ ея исходилъ огнь жупельный, руки же ея уязвляли два пса великіе, во ушахъ ея двѣ стрѣлы великія огненныя, вонзены въ голову ея, сколько было волосовъ — столько ящерицъ. Сіе старцы оные ясно узрѣли, и пали аки мертвые. Тогда женщина сказала имъ: не ужасайтеся! Я женщина проклятая.. Вотъ эти ящерицы, вмѣсто волосовъ, даны мнѣ за украшеніе головы; нетопыри въ очахъ моихъ — это мученіе и казнь мнѣ за прелестное воззрѣніе и возвожденіе бровей; стрѣлы огненныя въ ушахъ — казнь за слышаніе рѣчей лестныхъ, соблазнительныхъ и пѣсней сатанинскихъ; изъ устъ исходящій пламень жупельный — за прелестныя мои слова; ужи сосутъ перси мои — за нечестивое и скверное дотыканіе многихъ; озлобленіе псовъ — за пріятіе руками моими и еже ими давахъ любовникамъ моимъ; а что я сижу на великомъ и страшномъ зміѣ, — это за желающую мою похоть тѣлесныхъ сластей: змѣй этотъ меня зельною нестерпимою мукою дручитъ, и томитъ, и палитъ огнемъ несказаннымъ адскимъ и бедра тайная и вся внутренняя» [3]). Такими ужасами византійско-аскетическая мораль хотѣла внушить женщинамъ страхъ мукъ адскихъ, съ тѣмъ, чтобы обуздать ихъ естественное стремленіе — нравиться мужчинамъ и сдержать ихъ невольное желаніе возбуждать въ мужчинахъ, вмѣсто суроваго взгляда и аскетическаго отвращенія, доброе, любезное расположеніе и любовь къ себѣ. Но могло ли это домостроевское устрашеніе сдѣлать всѣхъ женщинъ богобоязненными, по своему аскетическому или домостроевскому идеалу, блаженными, преподобными монахинями, или такими счастливыми «добрыми женами», которыя бы не имѣли нужды если не естественными, то хоть искусственными средствами, — «крашеніями, вапами и умильными, кроткими помизаніями», — смягчать человѣко-ненавистный взглядъ мужчинъ на женщину и укрощать злыя сердца мужей своихъ? Очевидно, не могло. Кромѣ того, что естественныя наклонности пересиливали въ женщинѣ антифизіологическое умерщвленіе плоти, — сами же мужчины сплошь и рядомъ не имѣли столько ни страха Божія, ни правильнаго взгляда на женщину, чтобы не развращать ее, не дѣлать изъ нея «злой жены». Отъ чего женщина выходила «злою женою?» Отъ мужчины, — говоритъ древняя «Пчела», — отъ выбора, который онъ дѣлаетъ, и отъ образа его воззрѣнія и вліянія на женщину: сами мужчины портятъ женщинъ, ибо мужи-

[1]) Ibid., II, 464.
[2]) Ibid., III, 86.
[3]) Ibid., I, 105—106.

тѣлолюбцы украшенну, т. е. прекрасную жену претворяютъ въ сластолюбицу и блудницу, а мужи-благолюбцы творятъ жену умну и цѣломудренну. Мужья сами виноваты въ томъ, что женщины часто черезчуръ заботятся о своей наружности: «жениться у богатаго гостя (купца) прибытка ради, и взять жену злообразную, некрасивую, то-же, что осудить себя на болѣзнь, если мужъ не любитъ такую злообразную жену; даже лучше трясцею (лихорадкою) болѣть, нежели съ нелюбовною женою жити. Жена некрасивая и нелюбимая поневолѣ печалится о своей некрасотѣ и красится, и въ зерцало (зеркало) смотрится: женѣ злообразной, некрасивой не подобаетъ смотритися въ зерцало, да не сотворитъ себѣ печаль, позрѣвъ на нелѣпство своего лица. Права и неклеветлива жена, которая вапами (притираньями) не красится паче мѣры» и проч. [1]).

Укоренивши такіе общіе принципы личнаго, семейнаго и общественнаго положенія женщины, аскетическая доктрина, на основаніи бѣсобоязненнаго и мизантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу вообще и, въ частности, на «естество женское», установила свои воззрѣнія и на физическія, умственныя и нравственныя качества женщины, на любовь къ женщинѣ и, наконецъ, на всю брачную жизнь ея и, вообще, супруговъ. При выборѣ женщины для женитьбы она строго возбраняла разсматривать тѣлесныя и нравственныя качества женщины, познавать ея дѣла, а заповѣдывала руководствоваться единственно страхомъ Божіимъ и упованіемъ на волю Божію. Она поучала: «да не взирайте на доброту женскую, ни разумѣвайте дѣлъ женскихъ, но ходите въ страсѣ Господни, дондеже дастъ вамъ Господь подружіе, яже самъ хощетъ» [2]). Въ красотѣ женской и въ любви къ женщинѣ она поучала бояться бѣсовской силы, дьявольскаго прельщенія, и потому возбраняла юношамъ «взирать на красныхъ женъ» и любить женщину: «обрати око отъ жены благообразныя и не внимай добротѣ женстѣй: въ добротѣ женстѣй мнози прельстишася, и отъ сего любовь, яко огнь, разгорается: не воззри на доброту женскую, и посреди женъ не сиди: отъ ризъ исходитъ моль, а отъ жены лукавство женское; лучше лукавство мужа, нежели благотворная жена. Отъ жены начатокъ грѣха, и тою умираемъ вси: отврати око отъ жены красныя» [3]). Въ повѣстяхъ, изображавшихъ любовь молодой женщины и юноши, главнымъ дѣйствующимъ героемъ представлялся дьяволъ, который возбуждалъ взаимную любовь юноши и молодой женщины въ качествѣ соблазнителя-брата и друга, являлся посредникомъ между любовникомъ и любовницей, словомъ, разыгрывалъ всю драму или трагикомедію любви и любовной связи: развязка повѣсти, по обычаю, была богобоязненно-аскетическая: въ юношѣ-любовникѣ пробуждалось чувство страха божія и чудесно явившаяся ему Богородица призывала его въ монастырь для избавленія отъ дьявольской любовной связи. Такова, напримѣръ; «повѣсть зѣло предивная и страха и ужаса исполнена—града великаго Устюга купца Фомы Грудцына о сынѣ его Саввѣ, како онъ даде на себя дьяволу рукописаніе и како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія» [4]). Чтобы подавить чувство полового влеченія въ самомъ зародышѣ, домостроевская мораль совѣтовала возбудить въ себѣ чувство отвращенія къ женской красотѣ представленіемъ ея тлѣнности или

[1]) Изъ сборника „Пчелы“. См. у Лешкова: „Русскій народъ и государство“, стр. 439—440.

[2]) Памятн., III 34.

[3]) „Памятн., старин. письмен.“, 56.

[4]) Памятн., I, 170—190. „Лѣтоп. рус. литер.“, IV.

болѣзненнаго безобразія дряхлой старухи и гнилостнаго, мерзящаго разложенія тѣла умершей красавицы. Слово Іоанна Златоуста о женщинахъ и красотѣ въ славянскомъ переводѣ поучало: «егда бо увидиши жену чужду, красотой сіяющую, добрѣ имущую очи и лице, а дивенъ взоръ ея какъ-нибудь запинаетъ твоему помыслу и похоть рождаетъ и ростить, — не прельстися, но разумѣй, яко земля есть и пепелъ чюдимая красота, и престанетъ болѣющая твоя душа, успокоится: помысли прекрасную жену больною и состарѣвшеюся съ лицомъ сморщившимся, съ истаявшими очами, съ отряхнувшимися власами, и со всѣмъ отошедшимъ юношескимъ цвѣтомъ, и тогда увидишь красоты той худость, да постыдися, чему чюдишься: калу и пеплу дивишься, и то тебя поджигаетъ; если же въ правду разсмотришь, то уразумѣешь, что одна личная доброта безъ душевной добродѣтели есть ничто иное, какъ только гробу повапленному подобна, ибо всей нечистоты внутрь исполнена: ибо умершая красавица, послѣ одного или послѣ двухъ дней, множество смрада и гноя и червей въ себѣ имѣетъ, да подразумѣй, какую вещь любиши, человѣче» [1]).

Если и позволялось восхищаться чѣмъ-нибудь въ женщинѣ, то ничѣмъ другимъ, какъ только глубокимъ чувствомъ ея смиренія и всѣми внушаемыми имъ добродѣтелями; въ самой тѣлесной организаціи богобоязненной женщины, во всемъ сложеніи ея членовъ видѣли живой символическій отпечатокъ чувства страха Божія, молитвъ къ Богу, трехъ лицъ Божества, аскетическихъ подвиговъ и христіанскаго милосердія. Вотъ какъ, напримѣръ, протопопъ Аввакумъ описываетъ боярыню Феодору Морозову въ одномъ посланіи къ ней: лѣпота лица твоего сіяла, яко древле во Израилѣ святыя вдовы Юдиѳи, побѣдившія Навуходоносора, князя Алоферна; знаменита ты была въ Москвѣ предъ человѣки, яко древняя Деввора во Израилѣ, Есфирь жена царя Артаксеркса: когда ты молилась на молитвѣ Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ, яко бисеріе драгое исходили; глаголы же устъ твоихъ, яко каменіе драгое, удивительны предъ Богомъ и предъ человѣки были; персты же рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственны: великій, меньшій и средній перстъ въ образъ трехъ ипостасей Божества, указательный же и велико-средній — въ образъ двухъ естествъ Божества и человѣчества Христова, и сложа ихъ на чело ты возносила и на пупъ снося и на обѣ рамѣ полагала и себя пометала на колѣни предъ образомъ Христовымъ, прося отпуста грѣховъ своихъ и всего міра; очи же твои молніеносны держались отъ суеты міра, токмо на нищихъ и убогихъ презираютъ. Нозѣ же твои дивное ступаніе имѣютъ въ хожденіи на дѣла христіанскаго милосердія по темницамъ и богадѣльнямъ... О каменіе драгое, акинфъ, и измарагдъ, и аписъ! О трисіятельное солнце и немерцающія звѣзды!» [2]). Вообще, съ аскетической точки зрѣнія грѣшно было созерцать и описывать тѣлесную красоту женщины — просто, съ естественно-эстетическимъ очарованіемъ, безъ идеи красоты небесной, божественной.

При богобоязненномъ взглядѣ на качества женщины, на выборъ «подружія» — невѣсты, — и въ самой рѣшимости жениться благочестивые люди вполнѣ полагались на волю божію. Затѣмъ, вся брачная жизнь. отъ вѣнца до гроба, подчинена была разнымъ правиламъ церковной уставности. Самое ложе брачное обставлено было разными уставами. Въ «словѣ о постѣ» сказано: аще кто подружіе (жену) имѣетъ,

---

[1]) „Памятн. старин. воспит.", 28.

[2]) „Русскій Архивъ", 1863 г., стр. 91—94.

то въ подобающее время приближатися къ ней, и не аки скотамъ наслажатися плотскимъ по своему хотѣнію, безъ устава, но размѣрити здѣсь все свое житіе, да Богъ въ ту же мѣру отмѣритъ на страшномъ судѣ». Женщина, по домостроевскому воззрѣнію, при многихъ физіологическихъ явленіяхъ, представлялась нечистою и, какъ нечистую, священники очищали ее особыми молитвами;—«молитвою отъ оскверненія невѣстѣ», «молитвою надъ женою бывшею непраздною», «молитвою женѣ и бабѣ», «молитвою надъ женою извергшею». Когда женщина забеременѣвала или, по выраженію благочестивыхъ предковъ нашихъ, «егда по Божію благословенію зачнется во утробѣ младенецъ—богоданный сынъ или богоданная дочь»,— то богобоязненные мужья призывали священниковъ «молитвовать» жену, и, недопуская никакихъ гигіеническихъ предосторожностей при беременности и родахъ женщинъ, со страхомъ божіимъ полагались на волю Божію. Въ трудныхъ родахъ совѣтовали имѣть при родильницѣ «сонъ Богородицы»: «аще которая жена беременна и не можетъ родить младенца, или въ болѣзни родитъ, а сей сонъ Богородицы, святую молитву твою, почитати надъ нею трижды и положить ей на главу, и ту жену, говоритъ Богородица, прощу, и безъ болѣзни отпущена будетъ здрава». Точно также, страхъ бѣсовъ, поселявшихъ въ семьѣ, между мужемъ и женою, раздоръ и несогласіе, побуждалъ прибѣгать богобоязненныхъ людей къ этому же «сну Богородицы»: «аще кто первымъ бракомъ или вторымъ бракомъ идетъ вѣнчатися, а сію святую молитву твою, сонъ Богородицы, съ собою несетъ въ чистотѣ, и съ чистотою и съ прилежностью читаетъ,—и тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ и помилованъ отъ дьявольскія силы, и къ тому человѣку не приступится и не прикоснется лихой и злой человѣкъ (портившій жениха или невѣсту на свадьбѣ»[1]). А такъ какъ, по свидѣтельству Кошихина, при заочномъ сватовствѣ и на смотринахъ невѣстъ, часто подставныхъ, «во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства не было, яко въ московскомъ государствѣ» и браки заключались безъ согласія вступавшихъ въ бракъ, отчего, по словамъ патріарха Адріана, «житіе супруговъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безпріютно» и проч., то, естественно, разводы мужей и женъ были неизбѣжны. Но когда страхъ божій возбранялъ нарушать богоотверженную нерасторжимость церковнаго брака, тогда одинъ только исходъ для разводовъ и возможенъ былъ и считался богоугоднымъ, именно постриженіе несогласныхъ супруговъ въ монастырь, одобряемое и внушаемое тѣмъ же чувствомъ страха божія; и дѣйствительно, нерѣдко случалось, что мужья отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей постригались въ монастырь; по утвердившейся и освященной вѣрованіемъ зависимости женщины отъ мужчины, большею частію мужья силой принуждали своихъ нелюбимыхъ женъ постригаться въ инокини. «Мужъ имѣетъ право,— говоритъ Олеарій,— въ случаѣ безплодія жены, заключить ее въ монастырь и и жениться на иной. Такіе примѣры бывали и съ великими князьями, которые, не имѣя отъ женъ своихъ наслѣдниковъ, или же имѣя только дочерей, заключали этихъ женъ своихъ въ монастырь и женились на другой. Если частный человѣкъ замѣтитъ, что жена невѣрна ему, и можетъ это доказать, то она также постригается въ монастырь, причемъ часто мужъ дѣйствуетъ болѣе по произволу, нежели по справедливости. Такъ, если, иногда по одному только подозрѣнію, или по дру-

[1]) Памятн., III, 127.

гимъ какимъ ничтожнымъ причинамъ, мужъ возненавидитъ свою жену, то онъ подкупаетъ двухъ бѣдняковъ-негодяевъ и идетъ съ ними къ судьѣ обвинять и доказывать на жену, что она застигнута ими въ томъ или другомъ нечестивомъ дѣлѣ, или въ любодѣяніи, и дѣло доводится до того, особенно если помогаютъ тутъ деньги, что добрую женщину, прежде чѣмъ она догадается, въ чемъ дѣло, одѣваютъ въ монашеское платье и заключаютъ въ монастырь, гдѣ она и должна провести остальные дни своей жизни, ибо у русскихъ посвятившій себя однажды въ монашество й будучи постриженъ, уже не можетъ выйти изъ него, а тѣмъ болѣе вступить въ новый бракъ» [1]). Жена, постригшаяся отъ живого мужа, называлась въ отношеніи къ нему «посестріею», мужъ «побратимомъ». Во второй половинѣ XVII вѣка одна такая «посестрія» подала жалобу, что побратимъ избываючи ее, бивалъ и мучивалъ, въ подполы и въ коникъ, крапивы настлавши, сажалъ, и въ соху впрягалъ. Оказалось, что она пострижена была неволею, въ пустой избѣ, а не въ монастырѣ, родственниковъ ея при постриженіи и у записи никого не было. Вообще, какъ разводы, дозволявшіеся только подъ условіемъ постриженія котораго-либо изъ разводящихся супруговъ въ монашество, такъ и взаимное избывательство ихъ въ монастырь, особенно женъ мужьями, до того обычны были въ до-петровскомъ обществѣ и такъ часто сопровождались вопіющими неправдами, что въ 1681 г. патріархъ разослалъ память: «если мужья отъ женъ, а жены отъ мужей захотятъ постричься, то ихъ не постригать; а если жена отъ мужа пострижется, то мужу ея другой жены не брать, также и женамъ, послѣ постриженія мужей, замужъ не выходить» [2]). Наконецъ, только монастырь же, съ другой стороны, искуплялъ женщину и отъ общественнаго юридическаго проклятія и осужденія позорнаго, отъ немилосердо-жестокой, безпощадной кары государственнаго Уложенія за убійство или отраву мужа, и хоть полу-живую вырывалъ ее изъ земли и спасалъ въ своихъ кельяхъ; но и тутъ только чувство страха божія и обѣщаніе вѣчнаго покаянія въ монастырѣ избавляли несчастную женщину отъ «окапыванія въ землѣ», да и то по ходатайству духовенства. Такъ, въ 1677 году окопана была во Владимірѣ на торговой площади крестьянка Жукова за то, что отсѣкла косою голову мужу своему; сутки пробыла она въ землѣ, какъ владимірское духовенство подало челобитную, чтобъ преступницу вынуть изъ земли и постричь въ монастырь; государь велѣлъ исполнить челобитную. Въ 1682 г. былъ такой же случай въ Москвѣ: двѣ преступницы были окопаны въ землю, и въ землѣ обѣщались постричься и злыхъ дѣлъ не творить; государь велѣлъ ихъ выкопать и постричь [3]).

Укоренившіяся въ умѣ народномъ восточныя понятія о женщинѣ и бракѣ оказали, наконецъ, значительное вліяніе и на юридическія понятія русскаго общества объ имущественныхъ правахъ женщины, и на отношенія супруговъ по имуществу; вмѣстѣ съ юридическою, господствующею властью «сильнаго мужа» супруга санкціонирована и имущественная его гегемонія. Основываясь на томъ убѣжденіи, что «мало есть женъ добрыхъ, которыя боятся Бога, а больше — все жены злыя, лукавыя»—византійская доктрина съ особенною настоятельностью поучала — не довѣрять женамъ имущества по смерти мужей. Такъ, одно древнее церковное

---

[1]) Олеарій, „Опис. Пут.," „Чтен. Общ. Истор.", 1868 г., кн. 3, стр. 214.
[2]) Акт. Археогр. Экспед., т. IV, № 247.
[3]) Акт. Истор., V, № 14, 80.

поученіе, подъ заглавіемъ «поученія святаго отца Василія Кесарійскаго», съ восточнымъ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ къ женщинѣ, предписывало такія правила относительно наслѣдства женъ: «Устрояйте, любимые, спасеніе душамъ своимъ въ малое настоящее время: одно время твоего житія, одна смерть, и одна душа; пекись объ ней крѣпко и устрояй житіе свое добрѣ: часть отъ имѣнія своего отдѣляй Богу, а прочее имѣніе объяви при жизни дѣтямъ передъ послухами (свидѣтелями), а *жениннымъ лестямъ не вѣрь*: ибо многія жены лукавы суть. Ради ихъ-то и писано сіе наказаніе. Ибо, если передъ послухами не явишь своего имѣнія дѣтямъ, то жена твоя, утаивши имѣніе, замужъ пойдетъ; не будетъ по тебѣ и памяти, да и дѣтямъ не достанется твое стяжаніе. Того ради объяви имѣніе передъ послухами. Ибо многія жены, когда мужъ въ болѣзни будетъ и хочетъ раздать имѣніе Бога ради, плачутъ умильно, лгутъ, дабы мужъ не раздавалъ имѣнья; клянется жена сильно, много и говоритъ: хочу послѣ тебя сѣсти, остаться вдовой, или постригуся; но не исполняютъ того многія жены. Посему, *берегитесь при своей жизни, дабы послѣ тебя, мужа, не вышла жена замужъ*, солгавши передъ тобой, но управь, какъ святые отцы узаконили, передъ седьмью послухами. Если же жена положитъ обѣтъ постричься послѣ тебя, то слава Богу; почти ее, какъ душу свою, но, Богу часть отъ имѣнія своего отдѣливъ, оставь и ей имѣнье, но скажи, объяви передъ послухами; если ей оставить много имѣнья ради черническаго ея чина, и если не пострижется, а захочетъ замужъ, или начнетъ творить блудъ, то, взявши у ней имѣнье, сохранить дѣтямъ, если еще не разумны будутъ; и въ этомъ поставь седьмь добрыхъ послуховъ: она же, жена, пусть замужъ идетъ въ томъ, что на нее мужъ возложилъ,—одежда или казнь какая (вещи, принадлежащія къ нарядамъ). Знайте, что мало есть женъ добрыхъ, которыя боятся Бога и своего слова не перемѣнятъ. И я видѣлъ много женъ: передо мною обѣтъ положили постричься, и мужья повѣрили имъ, не объявили имѣнія передъ послухами; такъ жены тѣ и не постриглись, но вышли замужъ и дѣтямъ ничего не дали, и такъ посмѣялись тѣ жены надъ своими мужьями. И то бываетъ часто: если мужъ боленъ и хочетъ раздавать имѣніе ради спасенія своей души, то жена плачетъ и говоритъ: а мнѣ что ѣсть, постригшись по тебѣ? А онъ думаетъ: вотъ мнѣ задушье (поминокъ по душѣ) готово; жена пострижется по мнѣ. Она же, лукавая, замужъ выйдетъ, ни души не будетъ, ни дѣтямъ стяжанія. Того ради седьмь послуховъ добро имѣть, и яви передъ ними имѣнье дѣтямъ. Сіе написано и рѣчено для злыхъ и лукавыхъ женъ. А добрая жена и по смерти мужа своего спасетъ, и при жизни мужа все добро творитъ. Но добро бы весьма было, если бы мужья, пока еще здоровые, отдѣлили душевную часть Богу, и жизнь (животъ, имѣнье) свою урядили бы передъ седьмью послухами, тогда не смѣли бы злыя жены ничего лукаваго сотворить. Того ради, устрояйте жизнь свою добрѣ, да безмятежно здѣсь поживете, а тамъ въ царство небесное пріидите» [1]). Подъ вліяніемъ такихъ-то поученій и на основаніи каноническихъ правилъ, помѣщавшихся въ «Кормчихъ книгахъ», опредѣлялись имущественныя права женщины. Мужья, дѣйствительно, передъ послухами объявляли свое имѣнье. Хотя они имѣли обычай «отказывать» женамъ имущество, на случай ихъ вдовства, но по большей части отказываемое

[1]) „Правосл. Собесѣдникъ“ 1858 г., ноябрь, стр. 510—511.

имущество назначалось женѣ не въ полную собственность, а только въ пожизненное владѣніе «для кормли». Да и при такихъ «отказахъ» мужья нерѣдко постановляли тѣ или другія ограниченія: такъ, напримѣръ, мужъ назначалъ женѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми, все свое имущество, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ она послѣ смерти не вступала въ бракъ, а если бы вступила, то должна была возвратить отказанное ей имущество и получала только кое-что изъ движимости и денегъ, а иногда и вовсе ничего не получала. Въ нѣкоторыхъ завѣщаніяхъ мужей прямо говорится, что если жена послѣ нихъ выйдетъ замужъ, то нѣтъ ей участка ни въ чемъ [1]). Псковская судная грамота, по общественному обычаю, предоставляла женѣ-вдовѣ право пользоваться имуществомъ мужа только «для кормли до своего живота» или до выхода замужъ; а если она вышла бы замужъ, то, по правилу грамоты, «и кормли ей нѣтъ» [2]). По Уложенію царя Алексѣя Михайловича, мужъ въ правѣ былъ завѣщать купленную вотчину бездѣтной вдовѣ, съ опредѣленіемъ срока и условій владѣнія вотчиной; если она не выполнитъ этихъ условій, напримѣръ, условія или духовнаго завѣщанія мужа не выходить по смерти его замужъ, то вотчина отбиралась у нея и отдавалась сыновьямъ, братьямъ и родственникамъ [3]). Такъ какъ женщины не имѣли права или обязанности лично служить государству, то онѣ не имѣли права и владѣть помѣстьями и вотчинами; тѣ и другія предоставлялись законами, отъ Судебниковъ до Уложенія, только мужчинамъ, а женщины устранялись отъ наслѣдованія ихъ [4]). Съ того времени, когда явилось различіе между имуществами родовыми, выслуженными, купленными и помѣстьями, законодательство, въ видахъ государственныхъ соображеній правительства, старалось ограничить наслѣдованіе женою имущества умершаго ея мужа; съ тѣхъ поръ, наслѣдникомъ вотчинъ умершаго обыкновенно считался государь, а женѣ выдавалась изъ нихъ только извѣстная часть на прожитокъ или прокормленье. Судебники Іоанна III и Іоанна IV уже не признавали жену наслѣдницей послѣ мужа. При Михаилѣ Федоровичѣ было прямо опредѣлено закономъ, что жена не можетъ наслѣдовать родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ мужа. Духовная власть, на основаніи церковныхъ законовъ византійской кормчей книги, подтверждала такія установленія. Такъ, патріархъ Филаретъ, любившій издавать законы на основаніи Номоканона, призналъ несогласнымъ съ законами, изложенными въ кормчей, отдавать родовыя и выслуженныя вотчины умершихъ вотчинниковъ бездѣтнымъ женамъ ихъ, а не боковымъ родственникамъ, а потому, указомъ 1627 года декабря 3, подтвержденнымъ и царемъ Михаиломъ Федоровичемъ, постановлено было, «чтобы женамъ тѣхъ умершихъ вотчинниковъ, которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животовъ ихъ четверть да приданное, а до родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ имъ дѣла нѣтъ». Если даже у мужа не было никакихъ помѣстій, кромѣ родовыхъ, то и въ такомъ случаѣ вдовы лишались права наслѣдовать эти родовыя помѣстья. Такимъ образомъ, законъ 1627 года совершенно устранилъ бездѣтныхъ женъ отъ наслѣдованія выслуженныхъ и родовыхъ вотчинъ, даже призналъ прежнія выдачи

---

[1]) „Акт. Юрид.“, №№ 409, 415, 418, 420, 427. „Акт. Истор.“, II, № 191.

[2]) Бѣляевъ, „О наслѣдованіи безъ завѣщаній по древн. рус. законамъ“. М. 1858 г., стр. 71. Неволинъ, „Истор. росс. гражд. законовъ“, V, стр. 348.

[3]) Уложеніе, гл. XVII, стр. 7.

[4]) Алексѣевъ, „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древней Россіи и въ Польшѣ“. Чтен. Общ. Истор., 1868 г., кн. 2, стр. 22.

такихъ вотчинъ женамъ незаконными и опредѣлилъ возвратить ихъ назадъ. Указъ этотъ и впослѣдствіи не разъ былъ подтверждаемъ [1]). Какъ мірскія лица, такъ и духовныя власти, въ вотчинахъ своихъ жаловали вдовъ, послѣ смерти ихъ мужей, частью изъ ихъ помѣстій, но также только «на прожитокъ, покамѣсть она замужъ не пойдетъ или въ монастырь не устроится» [2]). По Уложенію, «женамъ до родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ умершихъ мужей дѣла нѣтъ, опричь купленныхъ вотчинъ». Если же мужъ не оставлялъ женѣ никакихъ купленныхъ вотчинъ на прожитокъ, то хотя ей и давалась часть изъ выслуженныхъ вотчинъ на пропитаніе, однако, она не въ правѣ была такія выслуженныя вотчины ни продать, ни заложить, ни по душѣ отдать и т. п. [3]). Правда, жена имѣла право свободно распоряжаться своимъ собственнымъ имуществомъ — приданымъ или благопріобрѣтеннымъ, движимымъ и недвижимымъ, но и то по большей части съ соизволенія или по духовному завѣщанію мужа. Мужъ въ завѣщаніи говорилъ: «а что жены моей приданое, въ томъ приданомъ вольна моя жена», или: «села, купленныя моей женою, вольна она отдать, кому хочетъ» и т. п. [4]). Законами не были строго и точно опредѣлены права жены на собственное ея приданое и, особенно, власть мужа въ пользованіи женинымъ приданымъ. Вслѣдствіе этого мужья сплошь и рядомъ, особенно въ эпоху до Уложенія, полновластно распоряжались приданымъ жены, часто безъ всякаго согласія съ ея стороны продавали ея приданное имѣніе [5]). Въ 1769 году били челомъ служилые люди, что родственницы ихъ выданы замужъ съ вотчинами и мужья ихъ бьютъ и мучатъ, приневоливаютъ, чтобы онѣ свои приданыя вотчины продавали и закладывали своими именами; по этому случаю состоялся указъ, чтобы мужья не продавали и не закладывали вотчинъ женъ своихъ ихъ именами [6]). Въ XIII вѣкѣ, да и послѣ существовало правило, по которому жена отвѣчала за долги мужа и, въ случаѣ неуплаты ихъ, поступала вмѣстѣ съ дѣтьми въ кабалу. Несмотря даже на запрещеніе кормчихъ взыскивать долгъ мужа съ жены, на дѣлѣ нерѣдко имущество жены шло на уплату долговъ мужа [7]). Наконецъ, согласно съ законами Моисеевыми, помѣщавшимися въ кормчихъ книгахъ, дочери устранялись отъ наслѣдованія родительскаго имущества. Судебникъ, изданный царемъ Иваномъ Васильевичемъ III (въ 1497 году), хотя и признавалъ за дочерями право наслѣдованія отцовскаго имущества, но только въ томъ случаѣ, если не было сыновей-наслѣдниковъ [8]). И на дѣлѣ зачастую отцы не оставляли дочерямъ никакого приданаго; все имѣніе отдавали въ наслѣдство сыновьямъ, или если надѣляли и дочерей, то самой ничтожной долей. Не мало было отцовъ въ родѣ какого-нибудь Петра Молечкина, который, не имѣя дѣтей, въ духовномъ завѣщаніи своемъ (въ 1524 г.) писалъ: «если послѣ меня родится у моей жены сынъ, то отчина моя вся сыну моему, съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ по моей душѣ 50 рублей по церквамъ; если же родится дочь, то ей дать 80 рублей изъ моего имѣнья; а жену мою благословляю, за ея приданое, своими вотчинными землями, если не пойдетъ моя жена замужъ и вдовой станетъ

---

1) Ibid., стр. 49—50.
2) Акты истор., II, № 315.
3) Уложеніе, гл. XVII, ст. I, гл. XVI, ст. 16.
4) Акты юрид. № 410. Акты, относ. до юрид. быта, №№ 84, 116 и др.
5) Алексѣевъ, стр. 30.
6) Полн. Собр. Зак., № 751, 762.
7) Алексѣевъ, 32, 33.
8) Ibid., 20, 21.

видѣть» [1]). Иногда и по ряднымъ записямъ приданое невѣсты предназначалось не ей, а ея мужу, такъ что оно становилось не собственностью жены, а собственностью мужа [2]). Бывало даже, что не только отецъ, но и мать, въ родѣ княгини Согорской, выдавая свою дочь-вдову за князя, писала рядную (1542 г.) отъ своего имени и въ ней все свое приданое, состоявшее изъ образовъ, земель, изъ закабаленныхъ и дворскихъ людей и денегъ, давала не дочери, а зятю. Прибавимъ къ этому, что дѣла о приданомъ и вообще споры объ имуществѣ между супругами съ древнѣйшихъ временъ разбирались духовною властію. На это прямо указываютъ уставы Владиміра Великаго о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ: въ нихъ «пошибаніе промежю мужемъ и женою о животѣ» прямо отнесено къ вѣдѣнію духовныхъ судовъ. Тоже сдѣлалъ и стоглавый соборъ. Вслѣдствіе этого въ затруднительныхъ случаяхъ относительно наслѣдства и сами женщины обращались къ власти церковной: такъ, одна вдова обращалась къ московскому митрополиту Кипріану съ вопросомъ: что ей дѣлать? Мужъ ея умеръ насильственной смертью, завѣщанія не оставилъ, дѣтей нѣтъ, но есть пріемышъ. Митрополитъ рѣшилъ, что она имѣетъ право владѣть землею, людьми и всѣмъ имуществомъ мужа своего, помнить его душу, дитя свое пріемное кормить и распорядиться мужнимъ имѣніемъ въ завѣщаніи какъ хочетъ [3]).

Вся эта государственная доктрина объ имущественныхъ правахъ женъ и основанная на ней общественно-экономическая эксплуатація женщины не могли также не деморализировать женщину. Какъ бы ни осуждала домостроевская мораль злую жену за нарушеніе ученія о наслѣдствѣ имущества жены, за нарушеніе завѣщанія мужа роздать все его имѣнье церквамъ, монастырямъ и нищимъ, но, естественно, не умирать же было женщинѣ съ дѣтьми съ голоду послѣ смерти мужа, раздавши все имѣніе монастырямъ, юродивымъ и нищимъ. Неудивительно, что, оскорбленная завѣщаніемъ мужа, поставленная съ дѣтьми въ бѣдственное положеніе по распоряженію его, она поневолѣ не добромъ поминала его и помышляла выйти замужъ— только за «богатаго мужа». Въ «притчѣ о корыстолюбцѣ» читаемъ: «горе тѣмъ человѣкамъ, которые здѣсь живутъ, а о душахъ своихъ не радѣютъ: грабятъ, насилуютъ, а при животѣ своемъ церквямъ Божіимъ и слугамъ церковнымъ не подаютъ, ни страннаго не помилуютъ, ни нагого не одѣнутъ, ни больного не посѣтятъ; а отходя отъ сего свѣта, они приказываютъ управлять своимъ имѣніемъ такимъ же злымъ людямъ, грабителямъ немилостивымъ, и этотъ худоумный человѣкъ обрадуется такому злому собранью имѣнія, думая себѣ на умѣ: когда онъ самъ, другъ, мой не роздалъ имѣнія своего при жизни своей, то и я не даю, и не вѣдаю, откуда что взято, правдою или неправдою, и не знаю, кому что роздать. А когда онъ такъ размышляетъ, въ то время припадаетъ къ нему ангелъ сатанинъ, который есть корень сребролюбія, и научаетъ его: добрый человѣкъ! то тебѣ Богъ далъ за твои добрыя дѣла, владѣй, пей, ѣшь, а чадъ воскорми въ наслѣдіе себѣ, и они послѣ твоей жизни раздадутъ имѣнье. И тотъ худоумный человѣкъ, принявъ въ сердце свое бѣсовскую прелесть, радъ былъ и началъ владѣть; такъ прожилъ много лѣтъ въ питіи, въ ядeніи безвременномъ, а отходя отъ свѣта сего, указалъ послѣ своей жизни имѣнье свое женѣ и дѣтямъ своимъ

---

1) Акты юридич., № 418.
2) Ibid., № 399. Алексѣевъ, стр. 17.
3) Акты ист., I. № 255.

и приказалъ имъ распространно давать и свое, и чужое. И вотъ, оставшаяся послѣ мужа жена начнетъ съ дѣтьми помышлять, такъ разсуждая; чада мои, что это умыслилъ отецъ вашъ, а мой мужъ? Думаю, что онъ безуменъ былъ: повелѣлъ меня и васъ оставляетъ сиротами. Во-истину безумно такое завѣщаніе моего мужа. Чада мои! Умыслила я такъ: съ такимъ богатствомъ выйду замужъ за богатаго мужа и онъ меня возлюбитъ и воскормитъ...» [1]). Когда женщина ничѣмъ не была гарантирована въ правахъ имущественныхъ, не могла вырабатывать и пріобрѣтать для себя средства обезпеченія, тогда она, естественно, неохотно и работала на мужа въ домашнемъ хозяйствѣ, не радѣла о рукодѣльи, о какомъ-нибудь шитьѣ «ножного одѣванія мужу», такъ обидно суживавшемъ ея умственную и экономическую сферу труда. Мало того: зная общее, оскорбительное недовѣріе мужей относительно наслѣдованія женами ихъ имущества, опасаясь деспотическаго произвола мужа лишить ее наслѣдства, боясь чернаго дня, жена невольно тайкомъ отъ мужа скапливала себѣ имѣнье, даже крала его у мужа, или же, не получая отъ мужа достаточныхъ средствъ для нарядовъ и украшеній, злилась и роптала на него, завидовала другимъ, болѣе обезпеченнымъ женамъ и т. п. Въ «притчѣ о женской злобѣ» такъ характеризуются женщины, недовольныя своимъ трудомъ на мужа и недостаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ отъ него: «пронырливая жена рукодѣлья дѣлать не хочетъ, а какъ мужъ ея придетъ, и она лежитъ—шипитъ, стонетъ, встаетъ—охаетъ, и мужъ ей скажетъ: о чемъ, жена, скорбишь и отъ чего не радѣешь о домашнемъ дѣлѣ? А она, хотя и здорова, но скажетъ: не могу. Такая строительница — не помощница ни мужу своему, ни дому: она и мужу своему ножного одѣянія не сдѣлаетъ: и если мужъ что ей прикажетъ, она пронырствомъ своимъ все въ убытокъ сдѣлаетъ. Лукавство женское такое: имѣетъ жена умъ острый и выказываетъ его передъ мужемъ своимъ, и мужъ никакъ не можетъ уразумѣть лукавства ея: ибо съ мужемъ живетъ какъ единодушная, а въ сердцѣ своемъ мыслитъ: если мужъ мой умретъ, а живота своего мнѣ не прикажетъ, то мнѣ и за иного мужа пойти не съ чѣмъ будетъ и никто меня за себя не возьметъ. И такъ разсуждая, задумываетъ вотъ что: нынѣ я всему добру госпожа, учиню себѣ сокровище тайное! И начнетъ у мужа своего красть, а онъ этого не знаетъ, и такъ спроситъ ее: отъ чего это, жена, мы обнищали и домъ нашъ сталъ въ большой скудости? А она отвѣтитъ ему: а то, господине, грѣхъ ради нашихъ, а я некрадливая! Такъ все имѣніе своего мужа утаитъ, погубитъ и оба живутъ въ обнищаніи» [2]). Иная женщина еще въ родительскомъ домѣ привыкла къ богатству, къ нарядамъ и украшеніямъ, а въ замужествѣ, при отсутствіи собственныхъ средствъ, особенно при скупости или незажиточности и мотовствѣ мужа, она не могла имѣть многихъ дорогихъ нарядовъ, и вотъ изъ-за этого она ссорилась съ мужемъ, корила его богатствомъ своего рода-племени, завидовала тѣмъ женамъ, которыхъ мужья одѣвали богато, роскошно, роптала на то, что отсутствіе въ рукахъ ея богатства лишало ее почета общественнаго и т. п. «Если какой мужъ,—гласитъ та-же «притча о женской злобѣ»,—не дастъ женѣ средствъ на роскошные наряды и украшенія, то она сильно вздыхаетъ, плачетъ, шепчетъ, ни худа, ни добра не говоритъ, очи свои измѣнитъ, носъ потупитъ и зубами своими скрежещетъ; а если что мужъ скажетъ ей, то она вспыхнетъ, и

[1]) Памятн., II, 471. Къ сожалѣнію, конца не сохранилось.
[2]) Притча о женской злобѣ, стр. 463.

передъ нимъ плачетъ день и ночь, и мужу своему покою не дастъ, сердится, и говоритъ: у иныхъ мужей жены ходятъ красно, и всѣ ихъ почитаютъ, а я, бѣдная, въ женахъ возненавидѣна, никѣмъ незнаема и всѣми укоряема! Почто ты мнѣ нынѣ мужъ? Лучше бы я тебя не знала! Я была дочь отца богатаго и матери доброй и племени славнаго. Будучи дочерью такихъ родителей,—была бы только я дѣвица,—то былъ бы у меня и мужъ богатаго отца сынъ, и была бы я госпожа добру многому, и вездѣ бы я была честна и хвальна, и почитаема отъ всѣхъ людей!» Когда господствовали экономическія понятія Домостроя, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующей главѣ,—тогда, не удивительно, что и женщина, страшившаяся за свое будущее жизненное обезпеченіе, часто только и мечтала выйти замужъ за богатаго мужа, быть госпожею многаго добра, получить прибыль и за эти домостроевскія качества пріобрѣсти общую похвалу и честь, согласно съ конечною цѣлью домостроевскаго идеала хозяйки. Наконецъ, вслѣдствіе крайней ограниченности имущественныхъ и трудовыхъ правъ женщины, не только простонародныя женщины, жены посадскія и крестьянскія, но и самыя знатныя до того иногда скудно, мало обезпечены были средствами жизни, что вынуждены были сами всякими тайными способами пріобрѣтать деньги. Никогда не пріучаясь, посредствомъ собственнаго, свободнаго и разумнаго труда, понимать всю цѣну честнаго труда, честнаго трудового пріобрѣтенія средствъ къ жизни и имущественной независимости,—поневолѣ даже и царевны, какъ увидимъ дальше, не понимали, какъ унижались передъ какой-нибудь ростовщицей, выпрашивая у нея денегъ взаймы, унижались передъ лавочницей, выпрашивая у нея сластей безъ денегъ, унижались передъ всякимъ чуть-знакомымъ домохозяиномъ, напрашиваясь къ нимъ на обѣды и, наконецъ, тайкомъ страстно предавались исканію кладовъ, по какимъ-то «планетнымъ тетрадямъ» и проч.

Таковы были главныя начала, которыми византійское міросозерцаніе опредѣляло общественное положеніе женщины до Петра Великаго. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы прослѣдимъ, въ общихъ чертахъ, разнообразную судьбу до петровской женщины, вмѣстѣ съ судьбою до-петровскаго «добраго-молодца», какою она представляется въ «Повѣсти о горѣ-злосчастіи», съ точки зрѣнія византійскаго міросозерцанія, начиная съ воспитанія и до послѣдняго исхода, какой находила женщина въ тогдашнемъ обществѣ.

Домостроевскій взглядъ на женщину, какъ на отверженницу, змѣю и ехидницу,—взглядъ, вытекавшій изъ византійскаго міросозерцанія и историческихъ условій жизни, оказалъ глубокое вліяніе на понятія народныя, особенно во времена развитія народнаго церковнаго раскола. Съ одной стороны, аскетическое воззрѣніе на женщину и на бракъ, во времена господства въ народѣ страха церковныхъ и гражданскихъ гоненій раскола, какъ «повсюду распростертыхъ антихристовыхъ и бѣсовскихъ сѣтей», породило въ народѣ фанатическое стремленіе къ «дѣвству», къ келейному уединенію и безбрачію, или, по выраженію раскольничьихъ писателей, породило разныя «вѣры дѣвственныя и согласія безбрачныя» [1]). На возникновеніе такихъ явленій имѣло прямое вліяніе вѣковое ученіе о дѣвствѣ и чистотѣ тѣлесной. Учители и наставники народа, видѣвшіе въ безбрачіи идеалъ спасенія и ангельской чистоты, особенно старались внушить отвращеніе отъ общенія съ

[1]) Сочин. Андрея Сергѣева о новоженствѣ въ согласіяхъ безбрачныхъ старообрядцевъ. „Чтен. Общ. Ист." 1869 г., кн. 3, стр. 126—127.

женщиной и предпочтеніе «чистоты тѣлесной, цѣломудрія, дѣвства» [1]). Вслѣдствіе этого, дѣйствительно, предпочитали дѣвство браку. Боязнь соблазна бѣсовскаго многихъ побуждала презирать красоту женскую, подавлять половую любовь постами, умерщвленіемъ плоти, и брачному житію предпочитать иноческое житіе въ монастырѣ. Старинныя жизнеописательныя повѣсти исполнены сказаніями о томъ, какъ часто «юношѣ, еще юну сущу и плоти цвѣтущей, вмѣсто женитьбы, пріиде пламенное желаніе во иноческій чинъ», или какъ молодой мужчина «прелѣпу жену оставляеше, поживъ съ нею только одинъ или два года» и съ горячимъ рвеніемъ уходилъ въ монастырь, «супруга-же его остася юна сущи и цвѣтомъ юности цвѣтущи», а потомъ и она предавалась такому же иноческому умерщвленію плоти, «дѣвственному житію» въ монастырѣ [2]).

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ глубокаго укорененія такихъ понятій и стремленій было то, что, когда зародилось раскольничье сомнѣніе въ православіи «никоніанскихъ» церковныхъ браковъ, - изъ преувеличенной идеи «дѣвства», «чистоты» мало-по-малу возникли, - сверхъ скопчества съ его безобразной, антифизіологической *«чистотой»*,—разныя «дѣвственныя согласія», «монастырскія общины», скиты, населенные мірскими дѣвственниками и дѣвственницами изъ купцовъ, посадскихъ людей, крестьянъ, бѣглыхъ дьячковъ и проч. Таковы, напримѣръ, были «монастырскія» общины или согласія поморскія, дѣвственное согласіе на Репиной мызѣ въ Польшѣ, а впослѣдствіи и дѣвственныя согласія столичныя и др. Въ общинахъ этихъ первоначально во всей строгости соблюдалась жизнь аскетическая, дѣвственная, запрещалось всякое общеніе мужчинъ и женщинъ, строились особые скиты для обоихъ половъ, новоприхожіе мужья и жены разводились и постригались въ монахи и монахини, выполнялось аскетическое умерщвленіе половой похоти строжайшими постами и молитвами, словомъ, господствовало «жестокое дѣвственное житіе» [3]). Учители «дѣвства», настоятели «дѣвственныхъ вѣръ и согласій» издавали строгіе уставы дѣвственнаго житія» и постоянно поучали братій и сестеръ со страхомъ Божіимъ блюсти дѣвственную чистоту и цѣломудріе. Семенъ Денисовъ († 1730 г.), по словамъ историографа Выговской пустыни, «всегда всю братію и сестеръ обоихъ монастырей, мужескаго и женскаго, съ любовію и моленіемъ поучалъ, дабы жили «въ страсѣ Божіи, во благочестіи крѣпки стояли, заповѣди Христовы и данныя отъ отецъ повелѣнія хранили, наипаче же цѣломудріе и чистоту душевную и тѣлесную хранили». Въ своемъ «Уставѣ благочинія дѣвственнаго», въ 29-й статьѣ Денисовъ полагалъ такой завѣтъ дѣвственникамъ-мужьямъ и женамъ: «которые мужи, живущіе въ скитахъ съ женами своими дѣвственнымъ житіемъ, начнутъ съ ними жити не по пустынному обѣщанію, но по мірскому обычаю, таковыхъ, аще достойнѣ не исправятся, изъ пустынныхъ скитовъ вонъ высылать и отъ церкви отлучать, дондеже исправятся» [4]). Нарушителей обѣта цѣломудрія строгіе ревнители «суроваго дѣвственнаго житія» подвергали разнаго рода епитиміямъ, постамъ, колѣнопреклоненіямъ (полагая, напримѣръ, сверхъ соблюденія строгаго 40-дневнаго поста, до 18,250 поклоновъ въ годъ) и проч., а въ случаѣ

---

1) Памятн., IV, 193.
2) Ibid., 72, 73, 74 и мног. др.
3) См. подробности въ „Исторіи Выговской пустыни" Ив. Филиппова, гл. 4, 13, 14, 23, 24, 33 и др. Историч. очеркъ Нильскаго: „Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ" стр. 24—30 и др.
4) Нильскій, „Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ". I, 29, 30.

нераскаянности грѣшниковъ выгоняли ихъ изъ пустыни [1]). Писатели «дѣвственныхъ вѣръ» наплодили цѣлую литературу, множество полемическихъ, «бракоборныхъ» писаній въ защиту «дѣвства». Денисовъ писалъ «Похвалы честному и высокому дѣвству», въ которыхъ доказывалъ, что съ прекращеніемъ въ мірѣ истиннаго священства «уничтожилась въ Христовой церкви супружеская тайна» и насталъ періодъ всеобщаго «дѣвственнаго житія». Писатели «безбрачныхъ согласій» не отрицали и таинства церковнаго брака, но несравненно выше его ставили «безбрачіе, дѣвство» и съ фанатизмомъ проповѣдывали «дѣвственную вѣру» и «дѣвственное житіе». «Мы не возбраняемъ брака, писалъ Андрей Денисовъ,—но почитаемъ дѣвство паче брака» [2]). Впослѣдствіи извѣстный «бракоборецъ» Илья Ковылинъ писалъ въ своемъ «чинѣ оглашенія дѣвственнаго»: «мы заповѣдуемъ и мужьямъ хотя и единодомовно соприбывати съ своею супружницею, но цѣломудренно. Симъ не бракъ отметается, но, за разсыпаніемъ (неимѣніемъ) руки людей освященныхъ, благословенія на сожитіе и дѣторожденіе получить ни отъ кого не возможно, кольми же паче въ рожденіи молитвословія и очищенія и четыредесятодневной молитвы, что все оное христіанскій законъ обязуетъ соблюдати. Мы учимъ также, что еслибы кто и дѣтямъ своимъ устроилъ бракъ, то такіе, яко пагубу дѣтямъ устроившіе блудомъ, весьма отнюдь отъ церкви Божіей отвергнутся и не примутся въ сообщеніе во вся дни живота своего, дондеже не расторгнутъ беззаконнаго сочетанія чадъ своихъ, и даже при кончинѣ жизни такіе никакой помощи не получатъ, ни погребенія, ни поминовенія. Да и сіе внушати весьма подобаетъ, что, по прорѣченію церковныхъ учителей, пошлетъ сатана-антихристъ бѣсовъ съ чувственными человѣками понырять въ домы и плѣнять женчища, сирѣчь, слабоумныхъ и маловѣрныхъ, и нашептывать, яко змій Евѣ, что возможно браки составлять: таковыхъ хотящимъ спастися подобаетъ всяко, заткнувъ уши, бѣгати, яко истовыхъ посланниковъ антихристовыхъ и губителей, и даже не слушать самаго перваго произношенія ихъ гласа. И неженатымъ также предъявлять, что, за неимѣніемъ священства и священниковъ тайно-совершителей, бракосовершенія получить не возможно, а должно жить въ православіи дѣвственномъ, въ цѣломудріи безженно жизнь провождать» и т. д. [3]). Всему своему ученію о безбрачіи, о дѣвствѣ писатели дѣвственной вѣры, подобно всѣмъ ученіямъ раскола, не исключая и отвратительнаго скопчества, искали опоры въ священномъ писаніи и твореніяхъ греко-восточныхъ святыхъ отцовъ; они всячески старались подтвердить свое «бракоборство» церковными канонами, напримѣръ, 31-мъ правиломъ лаодикійскаго собора, 14-мъ правиломъ четвертаго вселенскаго собора, 72-мъ правиломъ шестого вселенскаго собора, правилами о дѣвствѣ Василія Великаго и т. п. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой антифизіологической бракоборной пропаганды раскольничьей «дѣвственной вѣры» было сильное распространеніе самаго грязнаго разврата и самое унизительное положеніе женщины въ дѣвственныхъ согласіяхъ [4]). Удивительно ли, послѣ этого, если несчастныя дѣвственницы равно возмущались и озлоблялись, какъ безбрачною, «полюбовною связью» съ мужчинами, такъ, съ другой стороны, и брачнымъ супружествомъ. Однѣ приходили къ убѣжденію, что «въ бракѣ не

[1]) „Чтен. общ. истор.“, 1869 г., кн. 3, стр. 66.
[2]) Нильскій, I, 21.
[3]) Сборн. для истор. старообряд., т. I, стр. 87—93.
[4]) Нильскій, II, 102—103.

въ примѣръ счастливѣе женщина», чѣмъ въ «простой полюбовной связи», и желали закрѣпленія этой связи церковнымъ вѣнчаніемъ; а другія съ отчаянія доходили до радикальнаго бракоборства; такъ, около 1850 года образовался въ окрестностяхъ Москвы новый толкъ—изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который отъ каждой изъ нихъ требовалось «письменное удостовѣреніе кровію изъ руки въ томъ, что она ненавидитъ брачное супружество» [1]). И могла ли не накипѣть въ сердцѣ женщины такая озлобленность противъ брачнаго супружества, когда «дѣвственники» да и другіе старовѣры, вѣря, какъ въ догматику, въ «притчу о женской злобѣ» или въ «слово о злыхъ женахъ», постоянно перечитывая ихъ въ своихъ моленныхъ, учили, что «баба сотворена отъ діавола», что «сатана-антихристъ соблазняетъ и уловляетъ мужчинъ женщинами», что «у человѣка все спасеніе отъя женщина!» «Легчае, писалъ одинъ раскольничій вожакъ,—легчае со діаволомъ часто срѣтатися, нежели съ доброличными женами: преложно бо есть естество человѣческое и удобно на зло прелагается; посему великое есть прелюбодѣйство, еже со женами жительствовати... Вложивъ кто огонь въ нѣдра своя, ризъ своихъ не сожжетъ ли? И аще кто ходитъ по углію огненному, не сожжетъ ли ноги своя? Постави свѣщу въ сѣно, и аще возможеши, рцы ми, яко не можетъ сгорѣти. Такъ опасно, ко грѣху удобопреклонно общаться и съ женами и дѣвицами... Нынѣшнія дѣвицы такъ отстоятъ отъ древнихъ святыхъ дѣвицъ, елико небо отъ земли» [2]).

Съ укорененіемъ такого мрачнаго взгляда на бракъ и женщину, естественно, долженъ былъ возникнуть такой же мрачный, антифизіологичный взглядъ и на дѣторожденье. Смотря на бракъ, какъ на «скверну», дѣвственники признавали «скверною» и самое рожденіе дѣтей, стали «ненавистниками родовъ», дѣтей называли «кобеличищами и таймичищами». Упорно ратуя противъ браковъ, особенно въ борьбѣ съ вновь возникшею и все болѣе и болѣе распространявшеюся сектою «новоженовъ», отдѣлившеюся отъ безбрачныхъ согласій,—фанатическіе дѣвственники въ 40-ыхъ годахъ настоящаго столѣтія начали учить, будто съ 1667 г., со времени воцаренія антихриста, зачатіе и рожденіе дѣтей совершается діаволомъ, и умноженіемъ рода человѣческаго промышляетъ сатана. Въ одной тетради, имѣвшей заглавіе: «Отеческія завѣщанія изъ книги Пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича», и найденной на преображенскомъ кладбищѣ около 50-тыхъ годовъ, заключались, между прочимъ, слѣдующіе пункты: «отъ вѣка по Рождествѣ Христовѣ 1667 года бракъ отъяся и запретися (пунктъ 3-й); *къ зачатію младенца душа отъ діавола* (пун. 9-й); христіане брачущіеся суть змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище (пунктъ 10-й); въ христіанскихъ сожитіяхъ мужчинъ и женщинъ родства тѣлеснаго не признавать (пунктъ 11-й); *о умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана* (пунктъ 12-й) [3]). Чтобы сильнѣе внушить народу «ненависть къ дѣтямъ», къ дѣторожденію, «лютые» дѣвственники, аскетическіе маніаки стали въ виршахъ изувѣрно проповѣдовать:

Что къ зачатью человѣка,
Нынѣ въ жизни душу вѣка.

---

1) Ibid., II, 113.
2) Ibid., I, 237.
3) Ibid., II, 95.

Богъ творецъ не посылаетъ
Самъ діаволъ помѣщаетъ.
Сатана зиждетъ людей
Множество числомъ семей [1]).

Вслѣдствіе такого ученія, дѣвственники безчеловѣчнѣйшимъ образомъ относились и къ женщинѣ, рождавшей дѣтей, смотря на нее, какъ на скверное, богомерзкое орудіе сатаны. По словамъ Андрея Сергѣева, «дѣвственныхъ согласіевъ духовныя особы уставами соборными и частными приносили новоженамъ знаменитыя отличія, въ числѣ коихъ: въ чадородіяхъ новоженскихъ женщинъ христіанамъ не пособствовати и повиновенію не служити; новоженскихъ дѣтей христіанамъ не пестовати; новоженскаго младенца, крещенаго матерью, новоженкѣ не кормить, а поить молокомъ коровьимъ, и изъ горшка, а не изъ рожка» [2]). Или, по словамъ извѣстнаго защитника «брачной тайны» Ивана Алексѣева,—дѣвственники, «какъ звѣри, немилосерды были къ женщинѣ, страдавшей муками родовъ, положили уставъ, дабы отъ всякаго христіанскаго общенія и отъ домовъ родители и служащіе родамъ оттоними были», запретили «бабамъ помоществовати тому нужному дѣлу (родамъ), подъ угрозою отлученія отъ молитвъ и яденія за ослушаніе, не токмо сами не сожалѣли, но и пристоящимъ на то женамъ въ бѣдствѣ родовъ не велѣли сострадати родильницѣ, напротивъ, толико страждущей рожденіемъ женѣ требовательно заповѣдали своимъ, да не помоществуютъ, и повелѣли оставляти умерети той рождавшей женѣ, нежели осквернитися, прикоснувшися болѣзнямъ оныя» [3]).

Въ противоположность развивавшимся въ средѣ дѣвственныхъ согласій воззрѣніямъ на женщину и бракъ, въ противоположность выродившейся изъ этихъ воззрѣній отвратительной практикѣ въ той массѣ русскаго народа, которая не пристала къ «дѣвственнымъ согласіямъ», укоренилось глубокое отвращеніе отъ всякихъ безусловно-свободныхъ естественныхъ связей мужчинъ и женщинъ. Книжники народные, на основаніи старопечатныхъ церковныхъ книгъ, внушали народу, что идеалъ его нравственной чистоты, непремѣнное условіе спасенія заключается въ бракѣ, при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни заключался; что внѣ брака все—блудъ и оскверненіе плоти, что самая несчастная, тяжкая и подневольная супружеская жизнь лучше безбрачія... Подъ вліяніемъ такого ученія «божественныхъ книгъ», въ умѣ народномъ такъ глубоко укоренилась вѣра въ непреложную необходимость брака, какъ высшаго идеала спасенія, что даже вожди «бракоборныхъ или безбрачныхъ согласій», какъ мы видѣли, прямо, искренно высказывали, что они вовсе не отрицаютъ самаго догмата о чистотѣ и нравственномъ значеніи брака, а только отвергаютъ «никоніанскіе браки, какъ еретическіе, и вѣруютъ, что съ оскудѣніемъ истиннаго священства въ Россіи, некому стало благословлять браковъ, а потому уничтожилось и самое бракосовершеніе. Когда въ безбрачныхъ согласіяхъ, по естественной неизбѣжности сталъ усиливаться развратъ, изъ среды самихъ «дѣвственныхъ согласій» выступили энергическіе защитники и проповѣдники «тайны брака», каковы, напримѣръ, были поморецъ Мих. Вышатинъ, федосѣевецъ Иванъ Алексѣевъ, Заяцевскій, Скачковъ и многіе другіе,

[1]) Ibid., II, 94.
[2]) „Чтен. Общ. Истор.“, 1869 г., кн. 3, стр. 128—129.
[3]) „О тайнѣ брака“, глава: „Изысканіе шестое о времени рожденія женъ“.

все свое ученіе о бракѣ всецѣло основывавшіе на старо-печатныхъ богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгахъ. Иванъ Алексѣевъ, по собственнымъ словамъ его, «во многія времена, съ великими трудами и нищетою тѣлесныхъ потребъ изучилъ многія церковныя книги, многія правила, исторіи и повелѣнія восточной церкви и такимъ путемъ пришелъ къ убѣжденію, что тайна брака установлена самимъ Богомъ и брачное сожитіе есть необходимо человѣку [1]). Будучи самъ безпоповцемъ и въ своей «Тайнѣ брака» смѣло развивая первые зачатки не столько церковнаго, сколько естественнаго брака,—Алексѣевъ, однакожь, до того проникнутъ церковно-догматическимъ воззрѣніемъ, почтеньемъ къ освященному давнимъ вѣрованіемъ ученью, боязнью отступленія отъ утвержденнаго церковью и проповѣдованнаго святыми угодниками божіими пониманія, что съ негодованіемъ обличалъ бракоборцевъ за ихъ «клевету на учителей и столповъ церковныхъ» и соглашался даже допустить вѣнчаніе браковъ въ православныхъ церквахъ православными священниками. «Божія церковь (старообрядческая) не умствуетъ внѣшнее (никоніанское) вѣнчаніе браковъ за блудническое сходбище, но за сущій бракъ и законный, о чемъ и шестого вселенскаго собора правило 72-е ясно показуетъ» [2]). Самыя понятія о необходимости брачнаго сожительства мужчинъ и женщинъ выводимы были не изъ признанія естественныхъ, физіологическихъ потребностей, а изъ старо-печатныхъ книгъ [3]). Даже въ новѣйшее время, когда въ нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ согласіяхъ вводились такъ называемые «сводные браки»,—и въ это время старообрядческіе учители, составляя свои, новые, своеобразные «уставы брачные», никакъ не могли отрѣшиться отъ домостроевскаго элемента. Чтобы, для успокоенія своей совѣсти, освятить «сводный бракъ» церковной санкціей, они сочиняли, по примѣру и по образцамъ православно-церковныхъ требниковъ, свои «брачные чины», напримѣръ: «чинъ обрученія старовѣрческой церкви брачущихся», «чинъ или обрядъ вѣнчанія», «чинъ или обрядъ очищенія жены, родившей отроча», «канонъ Господу Богу на обрядъ бракосовершенія нерукоположенными мужами поморской церкви, или канонъ, пѣваемый во время сочетанія брака, иначе чинъ брачному молитвословію». Въ канонѣ или чинѣ брачному молитвословію», сочиненномъ Гавріиломъ Скачковымъ, — прежде всего «замѣчается, что во время пѣнія антифоновъ должно немедленно зажечь свѣчи у мѣстныхъ образовъ и въ паникадилѣ; налой же, на которомъ полагается евангеліе съ крестомъ, или животворящій крестъ, долженъ пріуготовленъ быть во всемъ своемъ видѣ среди часовни, отступя отъ крылосовъ вздадъ на локоть или полтора, до входа новобрачныхъ, предъ коимъ должны горѣть въ подсвѣчникахъ двѣ свѣчи. По окончаніи антифоновъ, настоятель занимаетъ свое мѣсто, пѣвчіе же по крылосамъ и кладутъ всѣ совокупно, кромѣ внѣшнихъ, обыкновенныхъ началъ, послѣ коего подходитъ настоятель къ брачущимся и спрашиваетъ ихъ велегласно: «охотою ль и безъ всякаго принужденія берешь сію рабу Божію?» Отвѣчаетъ: «охотою и безъ всякаго принужденія». «Въ вѣчную-ли и нераздѣльную жизнь съ нею вступаешь?» Отвѣчаетъ: «Въ вѣчную и нераздѣльную». «За самый-ли истинный бракъ вмѣняешь сіе священное обстоятельство?» Отвѣчаетъ: «За самый истинный». Также и съ

---

[1]) „Книга о тайнѣ брака", написанная Алексѣевымъ въ 1762 г.

[2]) „О тайнѣ брака", гл. I: „Изслѣдованіе истиннаго разума святыхъ отецъ правилъ, ихъ-же нѣцыи по ложному мнѣнію на отрицаніе браковъ пріемлютъ".

[3]) Нильскій, II, 268—269.

невѣстою поступается. По обязательствѣ семъ настоятель провозглашаетъ четѣ: «Господа новобрачные, для точнаго засвидѣтельствованія вашей сердечной истины, цѣлуйте животворящій крестъ!» кои, подходя благоговѣйнымъ образомъ къ оному, вкупѣ перекрестясь, съ двукратнымъ поклоненіемъ въ поясъ, и еще перекрестясь, цѣлуютъ правую ногу Христа Спасителя и, паки перекрестясь, кланяются вмѣстѣ до земли и идутъ на свое мѣсто. Пѣвчіе же поютъ псаломъ 122-й: «Блажени вси, боящіися Господа» на шесть пріемовъ 7-мъ гласомъ. По пропѣтіи сего, настоятель замолитствуетъ: «Аминь, Царю небесный, Трисвятое, Слава и нынѣ, Пресвятая троице, Господи помилуй (3), Слава и нынѣ, Отче нашъ». По возгласѣ, чтецъ: «Аминь», «Пріидите поклонимся» съ поклонами, и читаетъ псаломъ: «Господи, услыши молитву мою». По прочтеніи сего: «Слава и нынѣ», «Аллилуія» 2-жды съ поклонами, а третій разъ пѣть: «Богъ Господь» на 1-й гласъ. Затѣмъ всѣ церковныя пѣсни и молитвы въ «брачныхъ чинахъ» или «канонахъ» безъ всякаго измѣненія заимствованы изъ требника или служебника православной церкви. Напримѣръ, въ «канонѣ, пѣваемомъ во время сочетанія брака», сочиненномъ тѣмъ же Скачковымъ, заимствованы церковныя пѣсни въ такомъ порядкѣ: «Тропарь (гласъ), богородиченъ, ирмосъ, катавасія; пѣснь 3-я, ирмосъ, богородиченъ, сѣдаленъ (гласъ 6-й)... Пѣснь 6-я, ирмосъ, кондакъ, икосъ, прокименъ и пр. [1]). Мало того: привязанность къ церковной обрядности у безпоповцевъ доходила до того, что проповѣдники «естественныхъ», или «сводныхъ браковъ» старались санкціонировать церковнымъ молитвословіемъ даже самую свадьбу народную. Народнымъ свадебнымъ обрядамъ—«смотрѣнью», «сговору», «рукобитью», «дѣвичнику»— они придавали церковно-обрядную форму, совершали ихъ, по правиламъ Домостроя, съ церковными молитвами и колѣнопреклоненіями. Напримѣръ, на «рукобитіи», по брачному уставу, сочиненному въ 1803 году Павломъ Онуфріевымъ Любопытнымъ,—«всѣ прибывшіе гости кладутъ обыкновенный началъ, по окончаніи котораго старѣйшій замолвствуетъ; по сказаніи «аминя» поютъ стихи—первый: «Владычице, пріими молитву рабъ своихъ!» Второй: «Не остави насъ въ человѣческое предстояніе!» Третій: «Подаждь утѣшеніе своимъ рабамъ, всенепорочная!» И по пропѣтіи каждаго стиха класть земной поклонъ; наконецъ: «Слава и нынѣ», «Господи помилуй» дважды, «Господи благослови!» и отпускаетъ старѣйшина, говоря отпускъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, ради молитвъ Пречистыя Ти матере и святыхъ славныхъ и всехвальныхъ апостолъ (и святыхъ, которыхъ имена имѣютъ женихъ и невѣста) и всѣхъ святыхъ, помилуй и спаси насъ, яко благъ и человѣколюбецъ!» а по «аминѣ»: «Господи помилуй» трижды и т. д. [2]).

II.

До-петровское воззрѣніе на человѣка и природу.

Изложивъ въ общихъ чертахъ общественное положеніе женщины въ до-петровскую эпоху, ея тяжелыя судьбы впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, мы невольно останавливаемся передъ вопросомъ: чѣмъ именно обусловливалась эта страдальческая

---

[1]) См. этотъ „Канонъ“ въ „Чтен. общ. истор.“, 1869 г., кн. 3, стр. 46—57.

[2]) См. „Уставъ брачный“ въ „Чтен. общ. истор.“, 1869 г., кн. 3, стр. 29—39.

роль женщины? Гдѣ источникъ ея униженія и отверженности? На это отвѣтитъ намъ общее воззрѣніе на человѣка и природу древней, до-петровской Россіи.

На борьбу съ первобытнымъ естественно-религіознымъ страхомъ передъ грубой физической силой человѣка, породившимъ всѣ виды первоначальнаго общественнаго порабощенія человѣческой природы, выступала новая сила, церковно-византійская. Навстрѣчу «сильнымъ мужамъ», богатырямъ, выходили изъ Византіи другіе «сильные человѣки» — церковные іерархи, владыки, игумены, іереи и монахи [1], и, объявивъ войну старому языческому міросозерцанію, грозно возвѣстили страхъ «невидимой высшей силы». «Страшно было, братіе, говорили устрашенные язычники,— страшно было видѣть ужасныя чудеса невидимой силы Божіей: великъ есть Богъ всесильный, творящій дивныя чудеса, и велики слуги его!» [2]) Напрасно «сильный мужъ» — богатырь «Алеша Поповичъ младъ» вызывалъ эту «силу нездѣшнюю» на неравную борьбу, напрасно похвалялся: «подавай намъ силу нездѣшнюю, мы и съ тою силою, витязи, справимся!»

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явилась сила нездѣшняя...
Бросились на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть-рубить...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугалися могучіе витязи!
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ;
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси! [3])

Пришедшіе изъ Византіи церковные іерархи и учители возвѣстили, вмѣсто языческаго страха предъ таинственными силами природы внѣшней и человѣческой, страхъ предъ Богомъ, страхъ предъ единымъ всесильнымъ Творцомъ и грознымъ Вседержителемъ силъ природы внѣшней и человѣческой. Они отвергли всѣхъ языческихъ боговъ природы и, грозно возвѣстивши страхъ будущаго суда Божія, такимъ образомъ отклоняли отъ почитанія боговъ природы,— боговъ грома, солнца, вѣтра, рѣкъ и проч. «Люди, учили они,— забывъ страхъ Божій, приступили къ идоламъ и начали приносить жертву молніи и грому, солнцу и мѣсяцу, или Перуну, Хорсу, Сварожичу, виламъ, берегинямъ; а другіе стали молиться огню, камнямъ, рѣкамъ, источникамъ, лѣсамъ и дровамъ. О, злая діавольская прелесть! Если вы, творящіе такъ, не отстанете отъ проклятой службы діаволу, то достойни будете на страшномъ судищѣ Божіемъ огня неугасимаго и смолы вѣчно-кипящей»

[1]) „Памятн. стар. рус. литер.“, IV, 187: „ты, іерей, *сильный человѣкъ* на земли, не бойся никого“.
[2]) Ibid., I, 72—73.
[3]) Буслаевъ: „Истор. очеркъ рус. народн. словесн.“, т. II, стр. 13.

и проч. [1]). Такимъ образомъ, словами, направленными противъ язычества (лѣтоп. рус. словесн. и древн., т. IV) вмѣсто фетишическаго или политеистическаго чувства страха предъ таинственными силами природы, проповѣдники новаго міросозерцанія воспитывали въ народѣ монотеистическое чувство страха предъ единымъ Творцомъ и владыкой силъ природы, со страхомъ и трепетомъ исполняющихъ Его уставы и велѣнія. Въ силу новаго ученія признается только одинъ устроитель всего порядка и «чина» въ природѣ, въ разнообразныхъ дѣйствіяхъ природы усматривается единство предустановленныхъ Творцомъ вселенной конечныхъ цѣлей, а земля и человѣкъ представляются какъ-бы центрами, къ которымъ направляются и вокругъ которыхъ сосредоточиваются всѣ совершающіяся въ мірѣ явленія... Вотъ какъ, между прочимъ, сильный обличитель языческаго страха природы, владимірскій епископъ Серапіонъ, говорилъ: «Вы слышали о наказаніяхъ, отъ Бога посылаемыхъ на землю издревле до потопа на исполиновъ--огнемъ, во время потопа—водою, въ Содомѣ—горючею сѣрою, при Фараонѣ — десятью казнями, на хананеевъ — шершнями и огненными камнями съ неба, при Давидѣ—моромъ, при Титѣ--землетрясеніемъ и паденіемъ города. А надъ нашимъ народомъ чего мы не видѣли? Голодъ, моръ и землетрясенія! А все это отъ Бога, который устрояетъ намъ спасеніе наше. Нынѣ-же умоляю васъ, — покайтеся въ прежнемъ безуміи!» Когда въ 1230 году землетрясеніе поколебало Кіевъ, такъ что треснула на четыре части каменная церковь печерскаго монастыря, епископъ Серапіонъ, пользуясь этимъ случаемъ, опять внушалъ народу страхъ Божій и страхъ казней Божіихъ, проявлявшихся посредствомъ таинственныхъ силъ природы. «Господь уже не устами, говорилъ онъ,—но дѣломъ насъ наказуетъ: вотъ нынѣ землею трясетъ и колеблетъ, беззаконія и грѣхи многіе отрясти хочетъ, какъ листья съ дерева. Вы скажете: бывали и прежде землетрясенія. Такъ, бывали, но потомъ что было намъ? Не голодъ-ли, не моръ-ли нѣсколько разъ? А нынѣ вотъ снова землю трясетъ» и т. д. [2]). Издревле на славянскія племена наводили паническій страхъ и ужасъ — то страшныя грозы, то землетрясенія, то моровыя повѣтрія, или засухи и голодовки, то непонятныя, таинственныя и страшныя знаменія на небѣ и въ воздухѣ--затменія солнца и луны, звѣзды «хвостатыя», разныя метеорологическія явленія и т. п. И вотъ, во всѣхъ этихъ грозныхъ явленіяхъ природы книжники и учители указывали на страшный «перстъ Божій», на гнѣвъ или «ярость Саваофа», на «казни Божіи», такъ какъ повсюду въ природѣ они созерцали единаго Владыку и Царя царей, которому со страхомъ и трепетомъ работаетъ вся природа. Иногда подвижники, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, выходили изъ затворовъ своихъ и страшили грѣшный народъ явленіемъ огненныхъ тучъ и воздушныхъ камней. Разъ, въ городѣ Устюгѣ, въ день недѣльный, когда множество народа собралось въ церковь, входитъ въ храмъ юродивый Прокопій устюжскій и, по окончаніи молебна, вдругъ возглашаетъ народу: «братья, покайтеся! аще-ли не покаятеся, за то убо злѣ имате погибнути огнемъ и водою, и всему граду нашему». Народъ, по словамъ жизнеописателя Прокопія, «не внялъ словеси его въ разумъ, говоря, яко сей человѣкъ юродъ есть, и никогда же онъ смысленно глаголетъ». Но Прокопій не умолкъ: по окончаніи обѣдни, на паперти, съ рыданіемъ и слезами онъ опять громко возвѣщалъ: «най-

[1]) Отд. III: Слово I, II и VII.
[2]) Прибавл. къ твор. св. отцевъ, т. II, Новгор. лѣт., I, 45.

детъ на градъ Устюгъ туча converter превеликая, огненная, и будетъ громъ многъ и страшенъ зѣло, и каменіе огненное спадетъ съ неба». Ту же проповѣдь онъ повторялъ потомъ, ходя по всему городу Устюгу. Устюжане только смѣялись надъ нимъ. Но «было во вторую недѣлю, говоритъ жизнеописатель Прокопія устюжскаго,—отъ полудни нашелъ на градъ Устюгъ облакъ темный, и былъ какъ ночь темная, потомъ явились и возстали со всѣхъ четырехъ сторонъ тучи великія, а изъ тучъ исходила молнія огненная безпрестанная, и громъ большой и страшный гремѣлъ сильно надъ городомъ Устюгомъ, такъ что не слышно было, что говорили другъ съ другомъ, а земля отъ того страшнаго труса непрестанно колебалась и тряслась, а тучи огненныя хотѣли вскорѣ соступиться вмѣстѣ: тогда же отъ молніи и отъ грому огненнаго зной превеликой былъ, и начало-было падать съ неба каменіе многое и безчисленное. Народъ же многъ, видѣвъ сіе неисповѣдимое чудо, пришелъ въ смятеніе и убоялся страшно, тогда вспомянулъ проповѣдь блаженнаго Прокопія: тогда весь народъ, отъ мала до велика, и матери съ младенцами, и старцы и юноши, всѣ побѣжали въ церковь и начали пѣть молебны и каноны читать, и акафистъ Богородицѣ и Благовѣщенію, на колѣняхъ, со слозами многими и воплемъ крѣпкимъ горько и жалостно вопили: «Помилуй насъ, Господи!..» И по малѣ стала тишина велія, и не было грому и молніи, и облака огненныя, разводясь на всѣ стороны, пошли на мѣста пустынныя, и тамъ попалили многіе лѣса и дебри, а тѣмъ многимъ и безчисленнымъ каменьемъ иныя деревья искоренили, разбили въ дребезги, а иныя пополамъ поломали: отъ Устюга та пустыня отстоитъ 20 поприщъ, именуется Косовельская весь. въ нее попадали изъ той тучи превеликія каменія на землю ту, а ломовный лѣсъ видимъ былъ и донынѣ многими людьми» [1]).

Въ умѣ народномъ съ крайней медленностью развивались разумныя понятія о внѣшней природѣ и, слѣдовательно, крайне медленно раскрывалась и уяснялась мрачная, обширная область неизвѣстнаго; естественно, что надъ мыслію должно было долго господствовать чувство страха всего неизвѣстнаго, мрачнаго, таинственнаго. Къ тому же природа сѣверо-восточной русской земли была мрачна, сурова и непривѣтлива. Въ народѣ еще не исчезъ первобытный, языческій страхъ природы. Грозная проповѣдь церковная, съ своей стороны, не могла не производить глубокаго впечатлѣнія, и вотъ подъ ея вліяніемъ первобытный фетишическій и политеистическій страхъ таинственныхъ силъ природы все болѣе и болѣе перевоспитывался въ массѣ народной въ трепетное ощущеніе вездѣприсутствія единаго Бога, сенсуальное міросозерцаніе смѣнялось супранатуралистическимъ, фетишическій страхъ предъ каждымъ отдѣльнымъ предметомъ и явленіемъ природы—монотеистическимъ страхомъ Господнимъ. «И поселяне, живущіе въ веси, говоря словами древней повѣсти объ Іоаннѣ и Логгинѣ Яренгскихъ,—зрѣли на солнцѣ и познавали присносущаго свѣта-Бога: видѣли небеса—разумѣвали творчу славу; землю зрѣли—внимали величеству владычню; море видѣли — познавали силу владѣющаго имъ; взирая на звѣздное теченіе и смотря на луну, — удивлялись сіянію положившаго то. Главизна же и начало премудрости ихъ есть страхъ Господень: страхъ Божій они полагали въ сердцѣ своемъ, ибо подобаетъ зиждителя, животомъ и смертію владычествующаго, имѣющаго силу миловать и мучить, подобаетъ его бояться.

[1]) „Житіе Прокопія Устюжскаго“, по рукописи Соловец. библіотеки.

эпетать и благоговѣть предъ нимъ» [1]). Въ основу физическаго міросозерцанія лагалась теологическая идея единства Божія и богопочтенія. По мѣрѣ распро-эаненія такого теолого-физическаго міросозерцанія, самое чувство страха, возбу-даемое таинственными, грозными силами природы, выражаясь въ невольныхъ ышечныхъ движеніяхъ, — молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ, являлось уже въ вой формѣ, не похожей на первобытную форму. Гремѣлъ, напримѣръ. громъ, и родъ, испуганный его внезапнымъ грохотомъ и ударомъ, падая ницъ, преклоясь на колѣни, по ученію церковныхъ книжниковъ, произносилъ такую молитву: Святъ, святъ, святъ, сѣдяй въ грому, обладавый молніями, проливый источники лицѣ земли! О, владыко страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, инь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ, аминь... Боже страшный, Боже чудный, живый въ вышнихъ, дяй на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладаяй молніями, призываяй воду морую на лице всея земли! Боже страшный! Боже чудный! Самъ казни врага своего авола, всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь!» Сія молитвы глаголати, или церковные книжники,—егда громъ возгремитъ» [2]). Новгородскій лѣтописецъ, зсказавъ о приключившейся въ 1419 году одному лицу отъ огня небеснаго ничинѣ, прибавляетъ: «Невидимъ есть громъ, ни рукъ человѣческихъ не имѣетъ, вырываетъ подруги отъ ужикъ своихъ и чадъ отъ родителей, и убиваетъ, евращаетъ и растерзываетъ, а во всемъ этомъ громъ только повелѣніе владычне страхомъ творитъ, и съ прещеніемъ насъ возставляетъ на такую молитву: ристосъ, умъ пречистъ, самоизволенъ, отъ Бога честь, отчее избавленіе!» [3]) ючно также и другія физическія явленія, сильно потрясавшія нервную систему, збуждали въ народѣ только страхъ «казней Божіихъ». Лѣтописцы, описывая и физическія явленія и происходящія отъ нихъ страданія народныя, обыкнонно восклицали: „о, ужасъ, о, страхъ! О, горе тогда, братіе, бяше! О, горе ше, туга велика и печаль людямъ. Кажи, Господи, накажи, а смерти не пре-ій!» [4]) И такъ какъ разныя естественныя бѣдствія, по физико-географическимъ ловіямъ русской земли, поражали народъ весьма нерѣдко, разъ по 20 и болѣе столѣтіе, и лѣтъ въ пять не то, такъ другое изъ нихъ возобновлялись,—то рахъ «казней Божіихъ» возбуждалъ нервную систему нѣкоторыхъ людей до едчувствія физическихъ золъ. Новгородцы, напр., часто видѣли и испытывали водненія и потопы изъ озера Ильменя и р. Волхова, часто страдали отъ рашныхъ, опустошительныхъ моровыхъ повѣтрій, часто подвергались ужаснымъ, зрушительнымъ пожарамъ,—и вотъ новгородскому пономарю Тарасію привидѣлось ужасное видѣніе, страшной грозы исполненное»: въ первый разъ показалось ему верху церковнаго, будто надъ самымъ Новгородомъ Великимъ озеро Ильмень днялось на высоту, и Господь хотѣлъ потопить городъ за умноженіе грѣховъ енароднаго множества; во-второй разъ видѣлъ онъ, какъ множество ангеловъ рѣляли огненными стрѣлами въ народъ новгородскій, и Богъ посылалъ моръ на дей на 3 лѣта; въ третій разъ видѣлъ тучу огненную надъ городомъ, угро-

[1]) Сборн. Соловец. библ. № 182: „Житіе Яренгскихъ чудотворцевъ Іоанна и Логгина“
[2]) Рѣчь Буслаева о народн. поэзіи, прилож. V, стр. 18.
[3]) Новгород. лѣтоп., IV, стр. 118—119.
[4]) Ibid., I, 46. II, 128 и мног. друг.

жавшую пожаромъ, отъ котораго должна была сгорѣть вся торговая сторона и людей многое множество»[1]). Въ сѣверномъ поморьи, гдѣ, по свидѣтельству народныхъ челобитныхъ, «мѣсто пришло студеное, близь студенаго окіяна-моря, и снѣги часто все лѣто мало сходили, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побивало, — въ сѣверномъ поморьи часто случались сильные морозы даже лѣтомъ, и снѣгъ иногда выпадалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. И эти явленія, по сказанію книжниковъ, бывали для людей не всегда случайными явленіями, а и грозными казнями божіими. Напримѣръ, въ 1643 году одинъ трудникъ соловецкаго монастыря, работавшій въ кузнечной службѣ», разсказывалъ, что ночью на 1 мая ему явился во снѣ нѣкій старецъ и сказалъ: «помолися, Иванъ, Богу и послушай, что я скажу, и говорилъ ему: скажи игумену, что старцы живутъ неподобно: сего ради постигнетъ ихъ божіе наказаніе, возстанетъ въ пятидесятый день туча снѣжная большая и будетъ морозъ; если же не послушаютъ, то вѣрь мнѣ, что попутья и роспуску людямъ мірянамъ на промыслы не будетъ до Ильина дни. И когда настала суббота седьмой недѣли по пасхѣ, въ тотъ же день, повелѣніемъ Божіимъ, внезапно возстала буря страшная и нашла туча снѣжная, стоявшая три дня и три ночи, снѣга ниспало безмѣрно много и настали морозы большіе отъ Яковлева дня, и лежалъ тотъ снѣгъ на землѣ дней двадцать, и послѣ того уже холодъ преложился въ теплоту и дождь благотворный большой спалъ, лилъ весь день тотъ до самой ночи: на утро же была солнечная теплота большая и губа морская вскорѣ отъ льдовъ очистилась»[2]).

Ученіе о грозныхъ явленіяхъ природы, какъ казняхъ божіихъ, иногда слишкомъ впечатлительно дѣйствовало на нервную систему женщинъ. Въ нихъ оно возбуждало экзальтированную ревность объ исправленіи общественныхъ нравовъ, объ искорененіи въ народѣ обычаевъ, казавшихся противными заповѣдямъ божіимъ и свято-отеческой старинѣ. Такъ, въ томъ же сѣверномъ поморьѣ въ 1641 году многія женщины, воодушевившись чувствомъ страха Божія, ходили по волостямъ и погостамъ и проповѣдывали, что «будетъ на землю испущено каменіе многоогненное, и наступитъ морозъ сильный, и будетъ хлѣбный недородъ, и что имъ являлись самъ всемилостивый Спасъ и Пречистая Богородица и велѣли росписи росписывать и разсылать по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобъ православные христіане отнюдь табаки не пили, матерно не бранились бы и по праздникамъ не работали; а буде станутъ пить табаку и заповѣдей Божіихъ не слушать, за ихъ непослушанье будетъ на землю каменіе испущено огненное, будетъ морозъ лютый и хлѣбъ не родится»[3])

Но при богобоязненномъ воззрѣніи на природу, какъ проявленіе воли и силы Божіей, длилась и боязнь пытливаго отношенія къ природѣ, нерасположеніе ко всякимъ попыткамъ познавать ея явленія и законы и углубляться въ ея тайны. Византійскіе наши учители не только не принесли никакихъ книгъ о природѣ, написанныхъ древне-греческими естествоиспытателями, но еще съ самаго начала строго запретили чтеніе всякихъ естественно-научныхъ «еллинскихъ книгъ». Познаніе астрономіи, напримѣръ, по ученію Гиппарха, и, вообще, усвоеніе эллинскаго естествознанія они признали «душевнымъ грѣхомъ! «А се, учили

[1]) Памятн., II, 315.
[2]) Житіе игум. Соловец. Иринарха. Рукоп. соловец. библ., № 238, л. 9.
[3]) Сборн. Солов. библ., № 925, л. 35—45.

они,—душевніи грѣхи—учится астрономіи и вѣрити въ еллинскія книги» [1]. Какъ физическое ученіе древне-греческихъ натуралистовъ было признаваемо богопротивнымъ, антихристіанскимъ, такъ и всякое изученіе ихъ естественно-научныхъ книгъ почитаемо было противнымъ божественному писанію и христіанству. Въ VI вѣкѣ Козьма Индикоплавтъ въ своей «Книгѣ о мірѣ» писалъ: «нѣкоторые, думая быть христіанами, но не помышляя о божественномъ писаніи и преобидя его, стараются познать міръ по ученію внѣшнихъ философовъ и, согласно съ ними, прельщаясь солнечнымъ и луннымъ теченіемъ, представляютъ образъ небесный кругообразнымъ. Прежде всего такъ обольщающимся, первымъ долгомъ, должно сказать, что невозможно оставаться и называться христіаниномъ тому, кто хочетъ изучить еллинскія ученія о мірозданіи, ибо всѣ ихъ мудрованія не истинны, льстивны» [2]. Въ это время на Западѣ древне-греческія и арабскія книги по части естествознанія сильно пробуждали естествоиспытательную мысль, но на Руси были строго возбраняемы всякія эллинскія, арабскія и латинскія сочиненія о природѣ, даже такія, каковъ, напримѣръ, «Луцидаріусъ» (Lucidarius)—энциклопедическій сборникъ физическихъ и астрономическихъ свѣдѣній. Максимъ Грекъ поучалъ русскихъ: «латиняне много прельстились внѣшними учительствами, еллинскими и римскими ученіями и арабскими книгами; а вамъ не подобаетъ внимать ихъ ученію, ни переводить ихъ книгъ на русскій языкъ. Берегитесь отъ нихъ, какъ отъ гангрены и злѣйшей коросты. Ибо заповѣдано—высшаго себя не изыскивать, ни уставлять, о чемъ открыто отъ вѣка единому Богу» [3]. Воспрещая, такимъ образомъ, изученіе эллинскихъ, римскихъ, арабскихъ и латинскихъ книгъ о природѣ, церковные учители возбраняли и всякія самостоятельныя попытки и стремленія любознательнаго разума къ естествознанію. Они строго осуждали «естественный разумъ», если онъ порывался познать причины тѣхъ или другихъ физическихъ явленій или «естественныя вины вещей», какъ выражались церковные учители. Такой разумъ они считали чуждымъ страха Божія, непокорнымъ слову Божію. Такъ одинъ педагогъ-книжникъ церковный писалъ: «Обхуждается непокорство Божію слову того естественнаго разума, который, будучи изощренъ художествомъ, хитростію, на естественныя вины (причины) явленій взираетъ, а Божію слову не повинуется. Такая мудрость міра сего буйство есть у Бога: ибо величайшее есть начало заблужденія, когда хотятъ божественныя и умъ человѣческій превосходящія вещи мѣрою человѣческаго разума измѣрять. Это подобно тому, какъ если бы сова хотѣла судить о свѣтѣ солнца, всеконечно силу зрѣнія ея превосходящаго. Лучше къ небу юные умы обращайте и клоните, дабы не земное зрѣть, не о земномъ мудрствовать, а о небесномъ» [4]. Вслѣдствіе такого отрицанія естествоиспытательнаго разума были признаваемы «богомерзостными» и противными страху Божію всѣ естественныя, физико-математическія науки. «Богомерзостенъ, говорили они,—передъ Господомъ Богомъ всякъ, любяй геометрію» [5]. Западные, латинскіе богословы на геометрію смотрѣли съ теологической точки зрѣнія и въ фигурахъ геометрическихъ видѣли образы или символы божества,

---

[1]) „Слова, направленныя противъ язычества“ въ „Лѣтоп. Литерат“., слово VI.
[2]) Пекарскій, „Наука и литер. при Петрѣ Великомъ“, I, 333.
[3]) „Лѣтоп. рус. лит. и древн.“, 1859 г., кн. I, отд. II, стр. 35—37.
[4]) См. статью Лохвицкаго въ „Чтен. общ. истор.“, „Памятники стариннаго русскаго воспитанія“, стр. 33--44.
[5]) Сборн. соловец. библ., № 925, л. 25—26.

а наши книжники боялись и съ такимъ теологическимъ толкованіемъ принимать геометрическое ученіе: въ немъ они видѣли богохульство, ересь. Такъ, напримѣръ, въ рукописяхъ синодальной библіотеки сохранилось слѣдующее «показаніе отъ писаній святыхъ отецъ о треугольникѣ»: «мудрѣйшій Максимъ Грекъ, обличая нѣмчина Николая Латинника, писаше глаголя, яко землемѣрныя образованія (геометрическія фигуры) равноугольныя и неравноугольныя вводили нѣмчина Николая въ странныя и чуждыя благочестивыя и православныя вѣры мудрованія: хощетъ симъ треугольникомъ показати Троицу, совиновна быти Отцу Сына въ исхожденіи Духа святаго... Сія вся мудрость есть латинниковъ, юже помалѣ и сами похулятъ. Еже-бо кругомъ, отъ точки и времени начинаемымъ и рукою человѣческою и кружаломъ описуемымъ, божіе безначальное и необразуемое знаменатися,—кто, благомудрствуя, не посмѣется сему. Треугольный бо сей и прямоугольный образъ пифагорскихъ философовъ... Что сея ереси хульнѣйшее Бога въ кругѣ заключавшей и по угламъ раставившей! Бѣжати сего всеусердно подобаетъ» [1]). Астрономія была также отрицаема и считалась «богомерзкою, богоотметною», какъ и геометрія, и относима была къ «отреченнымъ книгамъ, ихъ же не подобаетъ чести» [2]). Всякое пытливое разсматриваніе звѣзднаго неба считалось несовмѣстнымъ съ истиннымъ богопочтеніемъ. По случаю явленія звѣзды съ лучомъ» въ 1618 г., московскіе послы въ переговорахъ съ послами литовскими говорили: «Знаменія небесныя бываютъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому непригоже. Небесное знаменіе, тварь Божія, ему Творцу и работаетъ, а разсуждать про то никому не надобно» [3]). Точно также возбранялось усвоять изъ астрономіи всякое физико-математическое ученіе о движеніи небесныхъ свѣтилъ и строго предписывалось буквально держаться одного библейскаго ученія о звѣздномъ небѣ. Такъ, въ «Преніи протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліею» высказываются такія астрономическія воззрѣнія: «Говорилъ игуменъ Илія съ братіею: что было у тебя, Лаврентій, написано въ книгѣ о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, о зодіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ, то непристойно, потому что тѣ статьи взяты изъ книги острологіи, а та острологія взята отъ волхвовъ еллинскихъ и отъ идолослужителей, а это съ нашимъ правовѣріемъ несходно.—А почему несходно? спросилъ Лаврентій: я звѣздъ не писалъ, ни зла, ни счастія, ни рожденія человѣческаго, ни по звѣздамъ правленья житія нашего: я написалъ только для свѣдѣнія, чтобы человѣкъ зналъ, какъ устроено то твореніе Божіе, а о томъ мы не мудрствуемъ, чтобы звѣздами правилось житіе наше.—Игуменъ Илья съ братьею на это сказалъ ему: да для чего ты писалъ-то ради свѣдѣнія, а изъ книги острологіи выбиралъ ложныя рѣчи, имена звѣздамъ, а иныя рѣчи отъ своего умышленья прилагалъ и не прямо объяснялъ?—Лаврентій спросилъ: да какъ же по вашему писать о звѣздахъ?—игуменъ Илья отвѣчалъ: мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ: и сотвори Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и постави ихъ Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по землѣ и владати днемъ и ночью, и разлучати между свѣтомъ и между нощію.—Лаврентій еще спросилъ: а какъ по вашему, свѣтила шествія творятъ? Игуменъ Илья съ братіею отвѣчалъ: по повелѣнію Божію ангелы служатъ,

[1]) Сухомлиновъ, „Матеріалы для исторіи образованія при Александрѣ I“, стр. 217.
[2]) Пам., III, стр. 19, „О астрономіи“.
[3]) „Ист. Россіи“, Соловьева, т. IX, стр. 149.

водятъ тварь. Ибо писано есть во второзаконіи» [1])... Точно также, и о землѣ, о водѣ, о камняхъ, растеніяхъ и животныхъ не смѣли иначе разсуждать, какъ по толкованію библіи. Мало того, что боялись допустить какое-нибудь разсужденіе о природѣ, не вытекающее изъ прямого смысла принятыхъ церковью книгъ; въ нѣкоторыхъ подчиненіе буквѣ освященныхъ употребленіемъ книгъ доходило до того, что самое существованіе извѣстныхъ явленій природы ставилось въ какой-то зависимости отъ сохраненія или уничтоженія названія этихъ явленій въ въ церковной книгѣ: такъ, когда въ первой половинѣ XVII вѣка справщики церковныхъ книгъ, исправляя требникъ, вычеркнули въ немъ ненужное, слово «и огнемъ» въ молитвѣ водоосвященія: «пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ (и огнемъ)», то суевѣры ужаснулись и завопили, что справщики, вычеркивая «огонь» изъ «прилога» въ требникѣ, хотятъ черезъ это *вынять огонь съ земли,* хотятъ огонь уничтожить и чрезъ то лишить людей огня. Точно также, когда исправлены были церковныя книги при патр. Никонѣ, суевѣры завопили, что отъ этого исправленья богослужебныхъ книгъ произошелъ страшный моръ на людей. Вообще, испытаніе тайнъ природы представлялось продерзостнымъ высокоуміемъ. Наши книжники постоянно повторяли такую заповѣдь: «братіе, не высокомудрствуйте, но въ смиренномудріи пребывайте; аще кто ти речетъ: вѣси-ли всю философію? и ты рцы ему: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философами и астрономами не бывахъ, но учуся токмо книгамъ благодатнаго закона... Учися держати умъ, высочайшаго себѣ не изыскивай, а глубочайшаго тебя не испытывай, но елико ти предано отъ Бога, то содержи: глубочайшее убо тебя—бездны проницаніе (геологическое и геогностическое познаніе земли), а высочайшее тебя—небесное измѣреніе (измѣрительная астрономія), высокопаривая мысль, отъ Бога отлученіе. Покой умъ свой благословеннымъ спасеннымъ покоищемъ, еже предано Богомъ всякому хотящему возможно умѣти къ пользѣ вѣчной, еже готово во всякомъ человѣцѣ—истинное сердечное разумѣніе по мѣрѣ комуждо возможной. Истинная мудрость одна — Христосъ Сынъ, Божіе слово и Божія премудрость, истиненъ разумъ отъ Бога: аще кто сію мудрость вознесетъ, вознесетъ его Богъ» [2]). Вслѣдствіе такихъ вѣковыхъ привычекъ мышленія, даже въ то время, когда умы русскіе, подъ вліяніемъ новыхъ географическихъ открытій на востокѣ и усиливавшихся возбужденій Запада, начинали узнавать о чудесахъ природы, напримѣръ, о диковинахъ сибирской природы, о «дивныхъ и чудныхъ» произведеніяхъ природы въ Италіи, когда предки наши начинали слышать объ «удивительныхъ естественныхъ природахъ», раскрываемыхъ въ западныхъ книгахъ,—даже и въ это время они не иначе осмѣливались пользоваться сборниками свѣдѣній о природѣ, какъ «съ разумомъ и прикладомъ страха и прославленія Бога, съ боязнью коварства демоновъ, съ хуленіемъ еретиковъ свидѣтельствомъ ветхаго и новаго завѣта и съ приложеніемъ церковныхъ поученій на цѣлый годъ, на всѣ праздники Господскіе, богородичные и святыхъ». Да и такія то книги великорусскіе книжники сами еще не смѣли или не брались переводить, а переводили ихъ западно-русскіе ученые. Такъ, кіевскій ученый Арсеній Сатановскій, вызванный въ Москву въ 1650 году, перевелъ большой «Сборникъ о природѣ,

[1]) „Лѣт. рус. лит.", ч. II, отд. II, стр. 94—95, „Прѣніе Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліею".

[2]) Сборн. Соловец. библ., № 295, л. 66—68.

собранный отъ 120 творцевъ греческихъ и латинскихъ, какъ внѣшнихъ философовъ, врачевъ, также и духовныхъ богословцевъ и сказателей божественнаго писанія: а писаны въ той книгѣ имена и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ. зміевъ и всякихъ пресмыкающихся, каменей драгихъ, бисеръ, древесъ всякихъ. моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій, воды, земли, воздуха, огня: обрѣтаются еще въ той книгѣ повѣсти философовъ на всякую вещь, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, высокихъ горъ, различныя сѣмена, злаки травные и иное многое собранное и во едино мѣсто совокупленное. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Святой единому Богу, съ примѣненіемъ къ ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, а также и къ коварству демоновъ, къ похваленію святыхъ Божіихъ и къ хуленію еретиковъ, и все это писано съ удивительнымъ приравняніемъ и свидѣтельствомъ ветхаго и новаго завѣта, и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводится. И такими приводами и чуднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на всѣ недѣли и на праздники господскіе и богородичны и на святыхъ и на всю четыредесятницу по два и по три, всякое же поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго мочно два и три и четыре и пять поученій сдѣлать» [1]). Съ такою робостью и боязливостью вступали въ область естествознанія умы русскіе втеченіи семи или восьми столѣтій, запуганные страхомъ испытанія таинъ Божіихъ и страхомъ ересей.

Антропологическое міросозерцаніе народа русскаго, по освобожденіи его отъ естественно-религіознаго воззрѣнія на міръ и жизнь, представляло много сходства съ физическимъ его міросозерцаніемъ: какъ во взглядѣ на внѣшнюю природу. такъ и въ воззрѣніи на природу человѣческую церковная проповѣдь прежде всего внушала страхъ Божій, какъ высшую, основную точку зрѣнія. По ея ученію. чувство страха Божія напечатлѣно въ самомъ составѣ человѣческаго тѣла. «Слово святыхъ отецъ о постѣ», возвѣщая народу страхъ Божій, поучало: «если, братія, изъ внѣшняго міра не научаетесь бояться Бога, то помыслите и разгадайте о своемъ тѣлѣ, чего въ нашемъ тѣлѣ нѣтъ: въ нашемъ тѣлѣ огнь, холодъ, глисты. черви, и все это лежитъ недвижимо, боясь Бога, не смѣя ничего причинить нашему тѣлу; если же повелитъ Господь чему-либо встать въ насъ, или прійти въ дѣйствіе недугу, какой есть въ насъ, то великую болѣзнь сотворитъ тѣлу нашему и смерть причинитъ Божіимъ повелѣніемъ: ибо все, братіе, Бога боится и трепещетъ повелѣнія его» [2]). Такимъ образомъ, какъ во внѣшней, такъ и въ человѣческой природѣ предки наши видѣли только одни «уставы и повелѣнія Божіи», со страхомъ и трепетомъ исполняемые физическими силами и человѣческимъ организмомъ. Вообще, всѣ отправленія человѣческой природы—и питаніе, и дыханіе. и кровообращеніе, и всѣ патологическія ея явленія со страхомъ исполняютъ законъ воли Божіей; а потому и самъ человѣкъ, по словамъ церковныхъ учителей. «всегда долженъ имѣть страхъ Божій и опасное вниманіе къ самому себѣ—и въ

[1]) „Лѣтоп. русск. литер. и древн."
[2]) „Правосл. Собесѣдникъ", 1858 г., I, стр. 154.

›азѣ, и въ зрѣніи, и въ хожденіи, и въ питаніи, и въ разговорѣ, и въ молніи, и во всемъ просто: ибо Богъ зритъ на сердце» [1]).

Само собою разумѣется, что при робости ума предъ тайнами жизни природы человѣка у предковъ нашихъ не могло быть даже зачатковъ какихъ-нибудь ныхъ понятій о человѣческой природѣ. Такъ было и вездѣ. Извѣстно, что и вніе греки вначалѣ, когда, по общечеловѣческому закону умственнаго развитія, еживали фазисъ господства чувства страха передъ таинственными силами при-ды, боялись смѣлаго, пытливаго изслѣдованія человѣческой природы; но потомъ, да возбудившееся, подъ вліяніемъ восточныхъ путешествій и океаническихъ рытій, чувство удивленія чудесамъ природы мало-по-малу породило смѣлый ъ мышленія и изслѣдованія,—передовые греческіе умы съ умѣлою пытливостью ялись анатомо-физіологическимъ познаніемъ человѣческой природы. Аристотель, пократъ, медицинскія школы — догматическая, эмпирическая и методическая— наконецъ, Галенъ, достаточно отчетливо понявши идею механизма органичехъ функцій, первые положили основаніе физіологіи. Ихъ опытными изслѣдоіями выработаны были и переданы въ наслѣдство послѣдующимъ генераціямъ овѣчества первыя понятія о мускулахъ и нервахъ, о венахъ и артеріяхъ, о чныхъ сосудахъ, о процессѣ воспроизведенія и т. п. И западные народы, поно древнимъ грекамъ, вначалѣ, пока находились еще подъ вліяніемъ страха нственныхъ силъ природы, также боялись изслѣдованія человѣческой природы; потомъ, когда передъ ними раскрылся свѣтъ древне-греческаго естествознанія, да новыя, великія океаническія открытія, возбудивши чувство удивленія чудеъ природы, въ нихъ мало-по-малу пробудили смѣлый духъ изслѣдованія,—и западѣ Европы началось смѣлое, энергическое изученіе человѣческой природы. слѣ предварительнаго изощренія мыслительныхъ способностей европейскихъ умовъ, дъ вліяніемъ платоновой и аристотелевой философіи, — анатомо-физіологиская сочиненія Галена были для европейскихъ умовъ первымъ введеніемъ въ ласть точнаго познанія человѣческой природы, и до конца XVI вѣка, до еменъ Везалія, пользовались безусловнымъ авторитетомъ у европейскихъ учехъ среднихъ вѣковъ; возбужденные идеями Галена, какъ исходными точками правленія, западные умы уже легко могли скоро выступить на путь самостоятельнаго физіолого-антропологическаго изслѣдованія. Но въ до-петровй Руси не только строго воспрещено было изученіе «еллинскихъ книгъ» человѣческой природѣ—сочиненій Аристотеля, Галена и другихъ, но и былъ вотанъ и укорененъ въ умѣ народномъ сильнѣйшій страхъ всякаго изслѣдованія ловѣческой природы. Вслѣдствіе того, по народнымъ понятіямъ, особенно богопроваными казались анатомическія наблюденія надъ человѣческимъ организмомъ. Дорoвскіе предки наши не умѣли иначе объяснить себѣ этихъ наблюденій, какъ іями темными и при содѣйствіи темныхъ силъ; они, при одномъ взглядѣ на овѣческій скелетъ, рефлективно трепетали и отъ испуга безъ ума бѣжали. «Русскіе, оритъ Олеарій,—несмотря на то, что любятъ и уважаютъ лекарей за ихъ искусо, все-таки никакъ не хотятъ согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было анатоювать мертвое тѣло или держать у себя человѣческій скелетъ съ цѣлію изуія человѣческой природы. Къ анатомическимъ препаратамъ, къ скелетамъ они

[1]) Памятн., IV, 201—204.

питаютъ большое отвращеніе. Одинъ голландецъ, по имени Квиринъ, повѣсилъ за столомъ у себя на стѣнѣ человѣческій скелетъ. Случилось зайти къ нему стрѣльцамъ: съ ужасомъ увидѣвъ на стѣнѣ висящій человѣческій скелетъ, они страшно перепугались и въ величайшемъ страхѣ спѣшили убѣжать и разсказать, что Квиринъ—волшебникъ. Всѣ переполошились: и царь, и патріархъ присудили было невиннаго любителя анатоміи, какъ колдуна, сжечь вмѣстѣ съ скелетомъ. И только одинъ нѣмецкій купецъ едва убѣдилъ царя отмѣнить казнь, растолковавъ ему, что по скелету никакъ нельзя принимать человѣка за колдуна, потому что въ Германіи всѣ знатные медики держатъ у себя человѣческіе скелеты, чтобы изучить ихъ, и, такимъ образомъ, раціональнѣе лечить людей, наприм., поправить сломанную ногу или другой какой-либо поврежденный членъ» [1]). Отвращеніе къ анатоміи и физіологіи до того было упорно въ русскомъ народѣ, что въ XVIII вѣкѣ профессора московскаго университета долго должны были напередъ увѣщевать публику не бояться анатомо-физіологическихъ изслѣдованій, а, напротивъ, познавать изъ нихъ премудрость Божію, а извѣстная княгиня Н. Б. Долгорукая, отрицая физіологическія и патологическія изслѣдованія медиковъ, говорила: «не испытуйте дѣла Божіи: кто можетъ изслѣдовать премудрость Божію!» [2]). Только на иконахъ издревле принято было изображать скелетъ или трупъ единственно съ тою богобоязненною идеею, чтобы возбудить въ народѣ страхъ «суда божія—смерти», разрушающей человѣческое тѣло, и внушить мысль о ничтожествѣ и тлѣнности человѣческой природы; аскетическій смыслъ изображенія полуистлѣвшаго трупа выяснялся при этомъ надписью: «помянухъ пророка глаголюща: азъ есмь земля и пепелъ и паки разсмотрѣвъ во гробѣ и видѣхъ кости, я не вѣдаю, кто убо есть, праведникъ или грѣшникъ...» [3]). Вообще, мертваго тѣла человѣческаго страшно боялись и не иначе подступали къ нему, какъ перекрестясь и съ молитвой. Любопытно, какъ царь Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ своемъ къ «собинному другу тѣлесному и душевному», митроп. новгородскому Никону описывалъ свой страхъ передъ трупомъ патріарха Іосифа: «Вечеромъ пошолъ я одинъ къ Ризъ-Положенью, куда вынесено было тѣло святителя, и какъ подошелъ къ дверямъ полунощнымъ, а у него никакого сидѣльца нѣтъ, только одинъ священникъ говоритъ псалтирь, и тотъ говоритъ во всю голову кричитъ, а двери всѣ отворилъ; и я началъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? «Прости, государь, отвѣчалъ онъ, — страхъ нашолъ великій: въ утробѣ у него, святителя, безмѣрно шумѣло, такъ меня и страхъ взялъ, вдругъ взнесло животъ у него государя и лицо въ ту-жъ пору стало пухнуть: меня и страхъ взялъ, думалъ, что ожилъ, для того я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать. И на меня, прости, владыко святый, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился: а вотъ и при мнѣ грыжа-то ходитъ очень прытко въ животѣ, какъ есть у живого; и мнѣ пришло помышленіе такое отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ тебя вскоча ударитъ! И я перекрестясь, взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ и въ землю идетъ, чего бояться? Да въ ту-жъ пору какъ есть треснуло у него въ устахъ и я досталь непужался, да поостался, такъ мнѣ

---

1) Путеш. Ад. Олеарія въ „Чтен. Общ. Истор." 1868 г., кн. 3, стр. 166—167.
2) Записки Долгорукой, „Рус. Арх.", годъ 5-й, стр. 56.
3) См. статью гр. Уварова, „Образъ ангела хранителя съ похожденіями". „Рус. Арх.", годъ 2-й, стр. 36—37.

полегчѣло отъ страха, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку его съ молитвою взялъ» [1]). При такомъ страхѣ человѣческаго трупа, очевидно, и немыслимо было смѣлое анатомическое изслѣдованіе его. Но не только анатомическое изслѣдованіе, даже всякое метафизическое мнѣніе о человѣческой природѣ, несогласное съ установившейся доктриной, считалось «дерзкимъ, богопротивнымъ». «Что, Лаврентій, говорилъ московскій игуменъ Илья протопопу Зизанію,—въ твоей книгѣ написано о божествѣ и о человѣкѣ, то дерзостно зѣло и смѣло. Когда ты о человѣкѣ разсуждаешь, что есть человѣкъ,—ты уничижаешь божество предъ человѣчествомъ». Лаврентій съ смиреннымъ раскаяніемъ отвѣчалъ ему: «То мнѣ спростовалось, прости, Бога ради!» И игуменъ опять сказалъ: «Иную ты притчу сказалъ о человѣкѣ, что душа и плоть въ немъ, какъ орелъ съ свиньею связаны. Ино въ нашихъ греческихъ книгахъ такихъ бесѣдъ о человѣкѣ не ведется, а думается намъ, что ты подобныя разсужденія о человѣкѣ взялъ изъ книгъ Езопа, французскаго мудреца, баснослагателя, или изъ иной какой книги, той подобной». Такое извлеченіе игуменъ Илія призналъ богопротивнымъ [2]).

Во всѣхъ естественныхъ, психо-физическихъ проявленіяхъ человѣческой природы до-петровская антропологія видѣла, съ одной стороны, дѣйствіе Бога, съ другой—вліяніе діавола. «Братіе, поучали церковные учители,—очистимся отъ всякія скверны плотскія и душевныя, творяще святыню со страхомъ божіимъ. Ибо глаголетъ святый Макарій великій и святіи отцы глаголютъ тому-же подобно, яко тѣло наше есть домъ и палата божія, въ ней-же небесный царь живетъ Христосъ, а душа наша—невѣста Христова, умъ-же нашъ престолъ Божества есть, а духъ и уста наши трапеза Христова суть, а языкъ нашъ есть трость Духа Святаго. Какъ трость безъ пишущаго не гибнется, такъ и языкъ нашъ безъ Духа Святаго не дѣйствуетъ. Дѣйствуемый отъ Святаго Духа, языкъ нашъ износитъ словеса блага и полезна и утѣшительна; гиблемый-же языкъ нашъ отъ нечистаго бѣса износитъ словеса скверная и гнусная и нечистая» и проч. Такъ и всѣ прочіе органы тѣла, по сему ученію, дѣйствуемые отъ самого Бога, творятъ все благопотребное, полезное и богоугодное, а, движимыя діаволомъ, износятъ всякую скверну тѣлесную и душевную» [3]).

Въ византійской апокрифической литературѣ наши грамотники находили развитыми дуалистическія понятія и проводили ихъ еще съ большею опредѣленностью; въ самомъ актѣ творенія человѣка уже выказывается зловредное отношеніе діавола къ созданію Божію [4]). Кромѣ того, по апокрифической антропологіи, всѣ отправленія человѣческой природы, исполняя законъ воли Божіей, въ то же время совершаются, каждое въ отдѣльности, особыми добрыми духами—ангелами, какъ орудіями воли Божіей въ сферѣ развитія и жизни человѣческаго организма. Такъ, вмѣсто первобытнаго «рода», общее нарожденіе людей приписывается Богу [5]), а вмѣсто первобытной «Рожаницы», невидимаго духа, управляющаго рожденіемъ младенца, родами женщины, — особый ангелъ материнъ возьметъ часть у земли или у воды, или

[1]) А. А. Э., IV, № 57.
[2]) „Прѣніе Лаврентія Зизанія съ игум. Иліею“, въ „Лѣтоп. литерат.“, стр. 93—94.
[3]) Памятн., IV, 189—190.
[4]) См. напр., Памятн., III, 12—13
[5]) Въ одной древней статьѣ говорится: „Вседержитель единъ безсмертныхъ творецъ: дуну бо человѣку на лице духъ жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу; итакъ не Родъ, сѣдя на воздухѣ, мечетъ на землю груды и въ томъ рождаются дѣти, но всѣмъ творецъ есть Богъ, а не Родъ“. (Архивъ историко-юридич. свѣд. Калачева, ч. 2, стр. 21).

у желѣза, или у камени, или у дерева, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возьметъ отъ того ангелъ материнъ и кинетъ на отроча то, и отъ того зарождается въ немъ духъ [1]). Далѣе, по заимствованной у византійцевъ пневматологіи, есть особые «ангелы людстіи — мужскіи и женстіи», по волѣ Божіей, завѣдывающіе всѣми плотскими и душевными дѣйствіями мужескаго и женскаго пола. «Слышите, человѣцы,—поучало одно слово, — вся тварь повинуется Богу, отстанемъ, братіе, отъ злобъ нашихъ: ибо, по захожденіи солнца, всѣ ангелы людскіе, мужскіе и женскіе, идутъ къ Богу на поклоненіе и сказываютъ ему о дѣлахъ человѣческихъ, добрыхъ или злыхъ: ангелъ богобоязливаго человѣка съ радостью идетъ на поклоненіе Богу, а злаго человѣка ангелъ съ плачемъ идетъ къ Господу и говоритъ: Господи вседержителю, повели, да не буду съ злымъ симъ грѣшникомъ, ибо только имя Твое нарицаетъ, а угождаетъ плоти» [2]). Постоянно боясь какого-нибудь неожиданнаго разстройства или вреда въ таинственныхъ отправленіяхъ человѣческаго организма, напр., въ питаніи, въ движеніи, во снѣ и т. п., предки наши вѣрили въ особыхъ духовъ, которые предохраняли ту или другую функцію человѣческаго тѣла отъ всякаго зла и вреда, и ихъ со страхомъ и благоговѣніемъ поминали при томъ или другомъ физіологическомъ актѣ: «аще воду піеши, поучали книжники, помяни св. ангела Ноиля; аще ложася спати,—помяни св. ангела Поманла: той бо есть нощный стражъ намъ спящимъ; егда наліеши пиво или медъ, или ино что,—помяни св. ангела Рахфаила: споро ти будетъ; егда будеши въ печали, — помяни св. ангела Афонаила: той бо есть утѣшеніе ангеламъ и человѣкамъ; егда идеши въ путь, — помяни св. ангела Русаила: супротивника ти не будетъ» и т. п. [3]). Съ другой стороны, укоренилось убѣжденіе, что различныя отправленія, наклонности и дѣйствія человѣческой природы, по Божію попущенію, предоставлены особымъ «духамъ прелестнымъ», вліянію діавола и бѣсовъ. Вслѣдствіе того, какъ во времена господства естественно-религіознаго чувства страха внѣшней и человѣческой природы, предки наши боялись особыхъ зловѣщихъ духовъ въ глазѣ, въ «окомигѣ», въ «ухозвонѣ», въ «чиханьи» и проч., — такъ, подъ вліяніемъ занесенной изъ Византіи пневматологіи, они стали бояться особыхъ «прелестныхъ духовъ», управлявшихъ функціями органовъ чувствъ, головного мозга, питанія, половой сферы и т. д. Именно, «завѣтъ о благоумьи» училъ: «седьмь духовъ дано есть отъ врага на человѣка, которые суть зачинщики (начатцы) его юностныхъ дѣлъ, и седьмь духовъ дано ему въ возрастѣ, отъ которыхъ зависятъ всѣ дѣла человѣческія: первый духъ—животъ, съ нимъ же похоть начинается; вторый духъ—видѣніе, отъ котораго бываетъ помышленіе; третій духъ—слышаніе, съ которымъ дается ученіе; четвертый духъ—обоняніе, даваемое въ силу воздуха и дыханія, а съ нимъ бываетъ вкушеніе; пятый духъ—глаголаніе, съ которымъ бываетъ разумѣніе; шестый духъ—вкушеніе, съ которымъ бываетъ помышленіе о яденіи и питіи и крѣпость, ибо въ пищахъ есть сила крѣпостная; седьмой духъ—сѣянья и зачатья, съ коимъ сходитъ любопохотный грѣхъ и вводитъ юношу, какъ слѣпца въ пропасть; а надъ всѣми сими осьмой духъ есть—сонный, въ которомъ показывается ужасный образъ смерти. Съ сими духами совокупляется духъ прелестный: первый—блудный духъ, второй—

1) Костомаровъ, „Очеркъ нравовъ великорус. народа", стр. 186.
2) Памятн., III, 129, 132.
3) Сборн. соловец. библіот., № 889.

духъ ненасытности во утробѣ, третій—духъ вражды въ сердцѣ и кручинѣ, четвертый—духъ словоохотія и приказньства, пятый — духъ прозорства, который хвалится и высокомудрствуетъ, шестый—духъ лжи и зависти, седьмый—духъ неправды, отъ котораго бываютъ татьбы и обаянія: надъ всѣми сими духами къ осьмому духу присовокупляется сонный духъ, отъ котораго бываютъ прелести и мечтанія. Вотъ отъ всѣхъ сихъ духовъ прелестныхъ погибаетъ всякій, кто омрачаетъ умъ, не разумѣваетъ закона Божія и не слушаетъ наказанія отцовъ своихъ» [1]). Вслѣдствіе такого мрачнаго представленія о пребывающихъ въ человѣкѣ «прелестныхъ духахъ», предки наши невольно во всякомъ проявленіи человѣческой природы боялись дѣйствія этихъ «прелестныхъ духовъ» или бѣсовъ. Рука, творившая грѣшныя дѣла—татьбу, разбои, насилія надъ малосильными, по понятіямъ древняго русскаго человѣка, двигалась бѣсомъ; нога, упражнявшаяся въ скаканіи и плясаніи, управлялась дьяволомъ и т п. Въ желудкѣ больныхъ, страдавшихъ страшными нервными припадками, видѣли легіоны бѣсовъ: отъ несчастныхъ больныхъ этихъ, какъ отъ людей бѣсноватыхъ, зараженныхъ нечистою силою и отверженныхъ Богомъ, съ боязнью отвращались. О помѣшанныхъ умомъ говорили: «умоповрежены навѣтомъ дьявольскимъ», и этихъ нерѣдко безъ разбору безчеловѣчно пытали и казнили, какъ преступниковъ, знавшихся съ дьявольскою силою. Въ психической природѣ человѣка книжники насчитывали до 26 особыхъ страстей или порочныхъ проявленій человѣческой природы, которыя спеціально назывались «дѣлами дьявольими». Усиленные психическіе рефлексы, страсти по преимуществу считались бѣсовскимъ корнемъ всякаго нравственнаго зла. Въ частности, на страсть славолюбія и честолюбія, которую въ XVII вѣкѣ восторженно восхваляли, какъ источникъ всякаго благого и возвышеннаго человѣческаго и гражданскаго воодушевленія или энтузіазма, какъ источникъ «славы ироійскихъ дѣлъ и славы наукъ и художествъ»,—на эту страсть смотрѣли, какъ на сатанинскую прелесть, и поучали «вмѣнять ее яко уметы Христа ради». «Одному діаволу, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ, — одному діаволу годна и дорога здѣшняя честь, а Создателю нашему, творцу неба и земли, вельми неугодны высокопроклятые и гордостные помысли и дѣла, и мнѣ грѣшному здѣшняя честь аки прахъ, и дороги ли мы передъ Богомъ, дороги ли наши высокосердечныя мысли, доколѣ Бога не боимся» [2]). Точно также и въ страсти корыстолюбія, которую въ XVIII вѣкѣ также восторженно восхваляли, какъ источникъ богатства, процвѣтанія коммерціи и матеріальнаго комфорта человѣческой жизни, богобоязненные предки наши страшились особаго бѣса корыстолюбія и представляли этого бѣса въ страшномъ зооморфическомъ образѣ: «демонъ корыстолюбивый или сребролюбивый будетъ яко человѣкъ лицемъ, огнь отъ очей испущаетъ, чер態 яко муринъ, по обоимъ раменамъ его вмѣсто рукъ змія виситъ, уста у него львовы, а вмѣсто зубовъ мечи у него вонзены. вмѣсто языка жалы зміевы, испускающія смертоносный ядъ, чрево же его все влагаемое спаляетъ, ноги его лютѣе всякаго пламени, ибо на какую вещь наступятъ, спаляютъ ее, и голосъ его и видѣніе очей какъ у волка и пса: ничего человѣческаго онъ не вѣщаетъ, а только изрыгаетъ странное нѣчто и страшное, и въ рукахъ имѣетъ пламень» [3]). Наконецъ, впечатлѣніе, производимое каждымъ человѣческимъ существомъ, поражающимъ на-

[1]) Памятн., Ш, 33—34.
[2]) Соловьевъ, „Исторія Россіи", XII, 341.
[3]) Изъ рукописи проф. В. Н. Григоровича.

ружностью, тѣлодвиженіями, рѣчью или чѣмъ-либо другимъ, особенно если оно возбуждаетъ мысли, чувства и желанія, противныя аскетическому воззрѣнію, и вообще чѣмъ-либо обольщаетъ или очаровываетъ другого человѣка, сильно дѣйствуя на умъ или чувство, — впечатлѣніе такое представлялось дѣйствіемъ бѣсовской силы, дьявольскимъ омраченіемъ, обольщеніемъ и очарованіемъ. На этомъ основаніи мистическая мораль запрещала смотрѣть на «доброту чуждую» (напр., наружную, тѣлесную красоту), заповѣдывала «каждому человѣку на доброту не взирати», избѣгать всего, что могло удовлетворять эстетическое чувство или возбуждать восторженное веселіе, смѣхъ, чувственныя удовольствія и т. п. Все прекрасное, живое и радостное, все одушевляющее и услаждающее въ человѣческой природѣ возбуждало аскетическое чувство страха и отвращенія, какъ бѣсовское, дьявольское. Еще въ 1718 году Ѳеофанъ Прокоповичъ говорилъ въ одной проповѣди: «суть нѣцыи мудрецы, или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего урода имѣютъ въ мысли своей, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что-либо увидятъ въ людяхъ чюдно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и небогопротивно; напримѣръ, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми; самаго счастія человѣческаго не любятъ, и не вѣмъ, какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ расположеніи,—то, конечно, не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкамъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ». На томъ же основаніи всякій умъ, рѣзко выдававшійся надъ общимъ уровнемъ, особенно геній нововводительный, преобразовательный, считался «разумомъ бѣсовскимъ, сатанинскимъ, духомъ діавольскимъ, антихристовымъ»: такъ называли темные люди умъ патріарха Никона и геній Петра Великаго.

Наравнѣ съ признаніемъ посторонняго дѣйствія такой злокозненной силы, какъ «ангелы прелестные», утвердившееся въ умѣ народномъ признаніе «злаго естества человѣческаго», естественнаго «окаянства», глубокой растлѣнности и испорченности человѣческой природы или первороднаго грѣха постоянно возбуждало и поддерживало гнетущее чувство нравственнаго самоуничиженія и внушало самое низкое понятіе о естественныхъ способностяхъ и достоинствѣ человѣческой природы. Проникнутый такимъ убѣжденіемъ моралистъ вопіялъ: «о окаянный азъ! не помянухъ, яко Богъ умъ соблюдаетъ: кто похвалится чисто имѣти сердце, или кто дерзнетъ чистъ быти отъ грѣха? Человѣкъ на земли нѣсть праведенъ. Мы сами ся льстимъ: нѣсть истины въ насъ» [1]. Человѣческая природа, въ ея естественномъ состояніи, представлялась существенно нечистою, поганою, плѣненною діаволомъ и неспособною ни къ какому добру и развитію. Всѣ печальныя явленія частной и общественной жизни въ стихѣ «О Горѣ-Злосчастіи» объясняются зломъ, лежащимъ въ природѣ человѣческой отъ начала вѣка человѣческаго. «Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво... Ино зло племя человѣческое. Въ началѣ пошло непокорливо, къ отцову ученію зазорчиво, къ своей матери непослушливо и къ совѣтному другу обманчиво. А сего ради пошли доброубожливы (убоги, скудны добромъ) и на безуміе обратилися, учали жить въ суетѣ и неправдѣ,

---

[1] Памятн., III, стр. 131.

а прямое смиреніе отринули» [1]). Вообще, мрачная, гнетущая мысль о первородномъ растлѣніи человѣческой природы часто заглушала мысль о достоинствѣ ея. И въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху преобразовательнаго возрожденія русскихъ людей, піиты духовные такъ оплакивали страшный внутренній разладъ «людской натуры»:

Натура людска во образѣ Бога есть создана:
Разумъ, память и воля суть мнѣ дарованна,
Но за грѣхъ первородный отъята,
Отъ преслушанія Бога, чрезъ змія треклята,
Занеже ми есть отъята мудрость и святыня.
Безсмертье, нетлѣнность, житія простыня
Разумъ разумѣетъ, яко зломъ объяхся,
Знаетъ и память, яко въ раѣ наслаждахся;
Воля же безвольная оковася узомъ,
А съ нею и разумъ и память единымъ союзомъ,
Дерзаетъ воля на радость, а память памятуетъ,
Яко за малу радость вѣчная скорбь чаетъ.
Воля хощетъ простерти въ самовольство руки,
А разумъ речетъ: помни діавола штуки,
Како тя безсмертную въ раѣ уловиша,
За дерзость сѣтями смерти сокрыша.
И вѣсти отрадныя ни отъ кого не чаять! [2])

Изъ такого мрачнаго понятія о человѣческой природѣ, естественно, проистекалъ аскетическій страхъ «плоти и плотскаго мудрованія». Тѣло человѣческое со всѣми его естественными потребностями представлялось «скверною плотію» и потому «богобоязненными людьми было презираемо, умерщвляемо». Всѣ чувства, мысли и желанія, проистекавшія изъ естественныхъ органическихъ ощущеній и потребностей или изъ животно-эгоистическихъ наклонностей, считались грѣховнымъ и бѣсовскимъ «плотскимъ мудрованіемъ», или «скотскою мудростію», которую стяжутъ раби похотей тѣлесныхъ, плѣнницы страстей плотскихъ, любители плотскаго наслажденія и сластей всяческихъ [3]). Изъ этого убѣжденія естественно развивалась мысль о необходимости борьбы съ плотью, строгаго наблюденія надъ тѣломъ, порабощенія всѣхъ органическихъ дѣйствій и потребностей одной идеѣ о спасеніи души. Физіологическое отправленіе каждаго тѣлеснаго органа подчинялось особымъ ограниченіямъ. Въ педагогическихъ сборникахъ внушалось «всѣмъ повсюду—языкъ воздержати, очеса отъ лѣпыхъ отвращати и наипаче отъ доброты женской, ушеса да не слушаютъ скверныхъ, чрево воздержати, ноги како употребляти благопристойно» и проч. [4]). Надо, однако, замѣтить, что съ аскетическимъ, неблагосклоннымъ воззрѣніемъ на плоть мирно и дружно уживалось пристрастіе къ обычному, закрѣпленному вѣковѣчной привычкой, преимущественному употребленію правой руки и ожесточенная оппозиція бритью бороды: очевидно, что въ данномъ случаѣ на физіологическую функцію или естественную привычку того или другого органа тѣлеснаго, обусловливаемую физіологическимъ закономъ или физическимъ воспитаніемъ, смотрѣли какъ на уставъ Божій и заповѣдь святыхъ отцовъ, и потому строго возбраняли всякое произвольное или невольное уклоненіе въ нихъ. Напримѣръ, если кто ѣлъ не по обычаю лѣвой рукой, ему тотчасъ замѣчали словами Василія Великаго: «почто, брате, не яси десною рукою, но лѣвою?

---

1) Ibid., I, стр. 1.
2) Лѣтоп. рус. литер. и древ., т. IV, отд. 2, стр. 154—158.
3) „Памятн. стар. воспитанія“ — статья Лохвицкаго, стр. 35. „Памятн. стар. рус. литер.“ IV, 201.
4) Ibid., стр. 56. „Памятн. стар. литер.“, IV, 201—204.

Ибо великій Василій глаголетъ: десная убо рука служитъ отъ чреслъ до главы, лѣвая же отъ чреслъ подобно до долу» [1]). Въ бородѣ видѣли уставъ Божій, образъ и подобіе Божіе, священное благообразіе и богоподобіе святыхъ отцовъ, и вотъ, брадобритія боялись и отвращались, какъ ереси, и страхомъ страшнаго суда возбраняли его, какъ богопротивное искаженіе образа и подобія Божія и благообразія свято-отеческаго [2]).

Страхъ глубокой поврежденности человѣческаго естества породилъ недовѣріе къ естественнымъ силамъ и способностямъ человѣка, такъ что человѣкъ самъ, своею волею способенъ только падать, а возставать и исправляться нравственно самъ собою не можетъ. Протопопъ Лаврентій Зизаній говорилъ: «Самовластіемъ (своею волею) человѣкъ обращается къ добродѣтелямъ, какъ и къ злобамъ, тѣмъ самовластіемъ, имъ же почтенъ былъ иснерва Адамъ отъ Бога». А московскіе богословы съ упрекомъ замѣчали ему на это: «смотри, прямо разумѣй, да и прочіе укрѣпляются отъ тебя, а не падаютъ же».—«Да какъ же? Или не такъ?» спросилъ Лаврентій.—«Прямо не такъ,—отвѣчали московскіе богословы,—а вотъ такъ: падаетъ человѣкъ самовластіемъ, возстаетъ же властію и исправленіемъ божіимъ: зри о семъ, како Адамъ самовластіемъ палъ, Господь же убо пріиде взыскати его и обрѣлъ, яко же овча на рамо взя, ко отцу принесе, и по своему хотѣнію» [3]). Страшась «сновъ нощныхъ» и всякихъ помышленій, какъ бѣсовскихъ прелестей, моралисты поучали страхомъ Божіимъ сдерживать всякія мысли и при этомъ договаривались до отрицанія всякаго довѣрія къ разуму, до боязни разума. «Брате,—поучалъ одинъ моралистъ,—во-истину тебѣ глаголю: не вѣрь ни во внутрь, ни во внѣ, ни явственно. Господь сохраняетъ и ублажаетъ только душу человѣка трепещущаго и боящагося прелести и лукаваго ловленія, когда зритъ его со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвающаго. А человѣкъ, себѣ вѣрующій, погибель себѣ ископываетъ: ибо своему разуму вѣрующіи удобь впадаютъ въ прелести различныя и въ ереси» [4]). Вслѣдствіе такого недовѣрія къ разуму, ничего такъ не боялись, какъ свободнаго, самостоятельнаго мышленія, и всякое естественное, свободное выраженіе пытливой мысли, котораго нельзя подтвердить священнымъ писаніемъ или ученіемъ св. отцовъ церкви, осуждалось, какъ ересь, богохульство, «буесловіе». Вольнодумца заключали въ монастырь на покаяніе и богобоязненное вразумленіе; какая-нибудь вновь появлявшаяся ересь наводила паническій страхъ и ужасъ на всѣхъ богобоязненно мыслящихъ людей. Учители церковные боялись слово сказать не словами св. писанія и св. отцовъ, и строго заповѣдывали не слушать тѣхъ учителей, которые дерзнули бы говорить отъ себя, «отъ своего мозга», а не словами библіи и святоотеческихъ твореній. Сами іерархи церковные начинали свои поученія такимъ смиреннымъ заявленіемъ о себѣ: «Господа ради Іисуса Христа, азъ рабъ вашъ и архіерей вашъ грубый и безумный, грѣшныхъ грѣшнѣйшій и злыхъ злѣйшій, ничтоже никогда же добродѣтельно содѣявый, точію грѣхи, великаго и всеблагого Бога милостію возмогаемый, глаголю любви вашей слово Божіе: а глаголемъ, и учимъ, и наказуемъ мы, не отъ своего нечистаго сердца износимъ словеса, въ душѣ бо законопреступной и грѣшной не раждается

---

[1]) Памятн., I, стр. 99.
[2]) Буслаевъ, статья „О бородѣ".
[3]) „Прѣніе Лаврентія Зизанія", стр. 96, 97.
[4]) Памятн., IV, 214—215.

ничто-же доброе, ни слово душеполезное, ни совѣщаніе нѣкое благое, но якоже вчера, сице и днесь, учу я васъ догматамъ православной вѣры словами св. писанія и св. отцевъ (Пам., IV, 194). Одинъ изъ самыхъ многокнижныхъ иноковъ, старецъ Фотій (въ XVI в.) тоже говорилъ въ своемъ поученіи объ избѣжаніи лаянія скверными матерными словами: «свидѣтель ми есть Господь Богъ, яко не отъ себе замышляхъ иже здѣ речено бысть, но написахъ отъ святаго евангелія Христа Бога нашего, отъ святыхъ апостолъ его, потомъ-же, отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ; аще-ли же азъ здѣ отъ себе сія глаголю и пишу, то достоитъ не вѣровати симъ написаннымъ» и проч. (Пам., IV, 19). Одинъ церковный проповѣдникъ говорилъ: «аще бы и высокоумный человѣкъ поучалъ васъ отъ своего мозга, то не слушайте его, не вѣрьте ему».

При господствѣ аскетическаго воззрѣнія на природу человѣка не могло выработаться надлежащее и точное понятіе о достоинствѣ человѣческой природы; напротивъ того, при существованіи такого воззрѣнія естественно было какъ оскорбленіе, порабощеніе и угнетеніе человѣческой личности, такъ и пренебреженіе къ жизни другого лица. Грубое обращеніе съ другими, сквернословіе [1]), побои и убійства были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ; сами потерпѣвшія отъ такихъ дѣйствій лица легко примирялись съ людьми, наносившими имъ вредъ или оскорбленіе, какъ это видно изъ мировыхъ записей въ актахъ юридическихъ. Особенно грубы и злобны были отношенія къ тѣмъ людямъ, съ которыми вели религіозную или церковно-обрядовую полемику. Достаточно прочитать, напримѣръ, «Жезлъ правленія», «Увѣтъ духовный» и другія полемическія сочиненія, чтобы видѣть, до какой степени сами полемизаторы чужды были чувства человѣколюбивой терпимости къ людямъ иного образа мыслей. Также мало мягкосердечія выказываемо было и въ отношеніи къ людямъ чуждаго племени, иной расы или націи и вѣры. Этихъ людей иначе и не называли, какъ нечистыми, погаными, скверными, зловѣрными, звѣрями и т. п. Церковные учители строго возбраняли имѣть съ ними всякое обращеніе, запрещали ѣсть и пить съ ними изъ одной посуды. Народъ долго до того боялся иноземцевъ, западно-европейскихъ людей, что при видѣ ихъ со страхомъ открещивался и бѣгалъ отъ нихъ.

---

[1]) „Нынѣ,—жаловался старецъ Фотій въ XVI в.,—зѣло умножилося и въ братіяхъ скверное лаяніе еже глаголати брату своему, или иному человѣку христіанскія нашея святыя вѣры: „блядинъ сынъ“, а діаволъ о томъ вельми веселится“ (Памятн., IV, 189, 190).

Естествознаніе и народная экономія[1].

(Посвящается Д. И. Писареву и всѣмъ сотрудникамъ „Русскаго Слова").

I.

Кто не испыталъ, тотъ не можетъ и представить себѣ, чего стоитъ быть писателемъ въ провинціальной глуши, гдѣ-нибудь въ Дауромонголіи или Якутскѣ, гдѣ вокругъ случайно заброшеннаго мыслящаго человѣка все спитъ глубокимъ сномъ безсознательной жизни, гдѣ ничто не шевелитъ человѣческой мысли и не возбуждаетъ ее къ дѣятельности. Ни притока новыхъ впечатлѣній, ни обмѣна мыслей, ни книгъ, ни образованныхъ людей—ничего нѣтъ для мыслящаго человѣка въ нашей мертвой и пассивно-неподвижной провинціи.

При такой обстановкѣ умственная работа—каторга, испытываемая ежеминутно тѣмъ, кто чувствуетъ потребность въ этой неугомонной работѣ.

А между тѣмъ, куда бы ни взглянулъ мыслящій человѣкъ — въ этой провинціальной пустынѣ, въ этомъ мертвомъ царствѣ сновъ и призраковъ, вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ, онъ вездѣ встрѣчаетъ необходимость изслѣдованія и знанія. Поѣдетъ ли онъ съ пытливой мыслью по этимъ хребтамъ горъ, загадочнымъ по ихъ геогностическому строенію и минералогическимъ богатствамъ, по ихъ флорѣ и фаунѣ, осмотритъ ли онъ естественныя путеводныя нити и сѣти рѣчныхъ системъ — этихъ артерій въ физико-географической и естественно-экономической организаціи провинцій, осмотритъ ли естественную экономію лѣсовъ, степей, водъ, словомъ—куда ни заглянетъ онъ съ внимательною думою,—вездѣ почувствуетъ, и больно почувствуетъ вопіющую необходимость реальнаго изученія природы, разнообразныхъ и глубокихъ естественно-научныхъ знаній. А ихъ-то и нѣтъ. Вездѣ, напротивъ, — безсмысліе, невѣжество, суевѣріе и пассивное рабство передъ природой. Всѣ видятъ, созерцаютъ внѣшнюю природу своей провинціи, видятъ лѣса, горы, воды, топчутъ разныя почвы, срубаютъ разныя деревья, ловятъ разныхъ звѣрей, рыбъ, насѣкомыхъ, — и никто не знаетъ этой природы, никто не знаетъ

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Русское Слово" за 1864 г., № 1, стр. 1—26; (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки 12 января; редакція Н. А. Благовѣщенскаго).

силъ, законовъ и разнообразныхъ свойствъ продуктовъ естественной экономіи своей провинціи. Есть только свои провинціальные суевѣрные травники и зеленники, свои мѣстныя миѳическія сказки о звѣряхъ, свои провинціальныя суевѣрныя примѣты о погодѣ и т. п. Всѣ бродятъ и копошатся по землѣ слѣпо и пассивно. Всюду бродятъ жалкіе звѣроловы, не имѣющіе никакого понятія о силахъ и законахъ развитія животной жизни. Всюду копошатся и роются въ землѣ жалкіе пахари, нисколько не понимающіе силъ и законовъ почвы и земледѣлія; въ горахъ роются жалкіе рудокопы, не имѣющіе никакого понятія о геогностическомъ строеніи горъ, о химическомъ составѣ минераловъ и вообще о силахъ и законахъ развитія и строенія горной природы. Всякій физико-географическій оазисъ, всякая природная форма, всякій физическій типъ въ той или другой провинціи ждетъ реалистовъ — теоретиковъ и практиковъ. Но ихъ-то и нѣтъ. При одномъ проѣздѣ, напримѣръ, черезъ какую-нибудь степь Барабинскую или черезъ лѣса и горы Нижнеудинскія,— такъ и чувствуешь, и больно чувствуешь необходимость быть натуралистомъ; такъ и желаешь, чтобы тутъ, какъ и вездѣ, въ каждомъ физико-географическомъ провинціальномъ оазисѣ, неутомимо работали, подобно Палласу, Радде, Миддендорфу, естественники — реалисты, открывали, указывали народу ключи къ сокровищамъ мѣстной естественной экономіи, научали его раціональному извлеченію и употребленію мѣстныхъ естественныхъ продуктовъ, и сами насаждали тутъ новые починки новой, естественно-научной культуры и промышленности. А этого-то ничего и нѣтъ. И видишь только — тамъ степь громадную, богатую растительность, безчисленныя озера и болота, несмѣтное множество и просторный разлетъ птицъ разныхъ, а здѣсь—только сплошныя горы, сзади и кругомъ лѣса дремучіе, непроходимые, непочатые, посѣщаемые только бродягами. Наконецъ, посмотритъ ли мыслящій человѣкъ на эту жалкую, сонливую, лѣнивую, пассивную суевѣрно-невѣжественную, восточно-обрядовую жизнь въ провинціальныхъ городишкахъ, въ родѣ Варнавиныхъ, Семеновыхъ, Ялуторовскихъ, Каинскихъ и т. п.; осмотритъ ли онъ провинціальныя фабрики и заводы, ремесленныя и мастерскія, которыя, впрочемъ, едва гдѣ и встрѣтитъ; взглянетъ ли на скотоводство въ степяхъ — въ этихъ первосозданныхъ оазисахъ стадъ и табуновъ, взглянетъ ли на хлѣбопашество въ земледѣльческихъ провинціяхъ, въ черноземной полосѣ, въ Южной Россіи и Сибири, — опять вездѣ увидитъ и почувствуетъ онъ крайнюю, безотлагательную необходимость естественно-научнаго міросозерцанія и примѣненія его къ соціально-экономической дѣятельности. А ея-то и нѣтъ. Вездѣ печальная и страшная апатія мысли и торжество грубыхъ силъ природы надъ умомъ человѣка.

А между тѣмъ въ литературѣ нашей одни идеалы смѣняются другими, одно направленіе быстро чередуется съ другимъ. Каждая новая книжка журнала приноситъ въ провинцію разнообразныя и глубокія идеи, которыя такъ и остаются идеями, безъ всякаго приложенія къ жизни. Жизнь тащится сама по себѣ, а надежды и стремленія мыслящихъ людей—сами по себѣ. Отчего же весь этотъ провинціальный міръ представляетъ такое тупое, повсемѣстное противорѣчіе высокимъ идеаламъ науки и литературы? Отчего эти идеалы, какъ горохъ къ стѣнѣ, лѣпятся къ провинціямъ, и для всѣхъ огромнѣйшихъ провинціальныхъ массъ проходятъ неуловимымъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ? Подумаешь да вглядишься въ дѣйствительный омутъ провинціализма,— и невольно задашься вопросами: да въ идеалахъ ли, въ теоріяхъ ли заключается та искомая сила, которая должна пробудить

и обновить громадный міръ русскаго народа? Безспорно, что идеалы дѣйствуютъ благотворно на умственное направленіе и энергію образованныхъ или учащихся молодыхъ поколѣній. Да вѣдь пора же не забывать и ту черную рабочую массу, которая въ исторіи такъ долго и такъ безсмысленно была забыта; а между тѣмъ она составляетъ главную громаду, почти все содержаніе Россіи; меньшинство передъ ней ничтожно. Пора же уничтожить этотъ вредный, неестественный дуализмъ умственный и бытовой, эту, такъ сказать, аристократію мысли, знанія, просвѣщенія—въ меньшинствѣ, отрѣшенномъ отъ дѣла народнаго, и эту демократію невѣжества, суевѣрія и рутины —въ громадныхъ массахъ работящаго люда, не знающаго и не понимающаго идей и теорій меньшинства. Если оставить это раздвоеніе въ обществѣ и на будущее время, то свѣтлой силѣ меньшинства будетъ постоянно противодѣйствовать темная сила большинства, и всякое движеніе впередъ сдѣлается невозможнымъ. Не даромъ же масса, чернь и въ настоящее время такъ тупо, недовѣрчиво и даже насмѣшливо относится къ великимъ идеямъ науки и литературы, не понимая ихъ прямой, осязательной пользы для себя. Слѣдовательно, проповѣдуя свои теоретическія идеи для развитія меньшинства, мы должны, въ то же время, скорѣе открывать и указывать и практическіе пути и способы для развитія и распространенія реальнаго просвѣщенія въ рабочихъ массахъ. Для нихъ онъ столько же насущный, животрепещущій вопросъ, какъ и для лучшаго, мыслящаго меньшинства. Гдѣ же, въ чемъ искать средствъ и способовъ для развитія и распространенія естественно-научнаго реализма въ провинціальномъ большинствѣ? Объ этомъ мы скажемъ подробно дальше. Теперь же замѣтимъ только, что не идеалы и, вообще, не теоретическій путь, а экономическій утилитаризмъ есть, на первой порѣ, лучшій путь для того, чтобы мало-по-малу ввести рабочія массы въ естественно-научную область реализма. Умственное развитіе и просвѣщеніе массъ можетъ идти съ успѣхомъ только параллельно, одновременно съ реальнымъ, экономическимъ развитіемъ ихъ, съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, съ реальнымъ, практическимъ показаніемъ имъ пользы естественно-научнаго просвѣщенія на дѣлѣ, въ практической жизни, въ ея дѣйствительныхъ вопросахъ и потребностяхъ. Для того, чтобы постепенно развить въ массахъ любовь и стремленіе къ естествознанію, имъ нужно на дѣлѣ раскрывать практическую пользу знанія природы и на опытѣ показывать примѣненіе ея къ ихъ экономическому быту. Идеалами и даже школами массы никогда или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно долго не ввести въ великій храмъ естественно-научнаго реализма. Для рабочихъ массъ лучшими проводниками и училищами реальныхъ идей и знаній скорѣе могутъ быть: 1) фабрики и заводы, устроенные на раціональныхъ, естественно-научныхъ основахъ, съ возможными естественно-научными училищами при нихъ, съ химическими лабораторіями, съ механическими и техническими заведеніями, съ естественно-научными библіотеками и проч. 2) Разнообразныя экономическія ассоціаціи, имѣющія цѣлью прилагать естественно-научныя знанія, идеи и теоріи къ усовершенствованію разнообразныхъ отраслей народной экономіи: ассоціаціи агрономическія, акклиматизаціонныя, скотоводческія, фабрично-заводскія или технологическія, ремесленныя и проч. Только такимъ утилитарно-образовательнымъ путемъ можно подновлять въ массахъ провинціальныхъ почву для полнаго, высшаго реальнаго образованія, для водворенія въ ихъ темномъ міру естественно-научнаго реализма. Нѣтъ сомнѣнія, что работы этой хватитъ на нѣсколько вѣковъ, что для исполненія ея нужны во

сто разъ большія силы, чѣмъ какими располагаетъ въ настоящее время Россія, но безъ этой страдной работы мы не выйдемъ изъ этихъ болотъ, надъ которыми блестятъ блуждающіе огоньки, освѣщая собою непроглядную тьму и тину, лежащую на днѣ... Я даже думаю, что намъ надо отказаться отъ всякой роскоши образованія и прямо приступить къ тому, съ чего начинается умственная дѣятельность всякаго народа,—съ изученія окружающей его природы и разработки экономическаго быта. Вотъ почему популяризировать науку для насъ очень важно, потому что до сихъ поръ всѣ наши теоріи и идеалы носятся внѣ дѣйствительнаго міра, внѣ рабочихъ массъ, для которыхъ знаніе есть реальная потребность и орудіе полезнаго народнаго труда. Удаляя большинство отъ участія въ нашемъ умственномъ прогрессѣ, мы будемъ заниматься бултыхо-болтательнымъ либерализмомъ, на фразахъ творить чудеса, а на самомъ дѣлѣ ничего путнаго не дѣлать.

Желая поговорить въ настоящихъ письмахъ о развитіи естественно-научнаго реализма вообще и, въ частности, въ Россіи,—я считаю нелишнимъ сначала бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторыя другія теоріи, наиболѣе ясно высказавшіяся въ нашей литературѣ. Иногда ждешь-ждешь изъ Петербурга новыхъ книгъ и журналовъ, новыхъ матеріаловъ для работъ и, недождавшись ничего, невольно предашься грустнымъ воспоминаніямъ прочитанныхъ прежде журналовъ, назадъ тому годовъ за пять. Переберешь все,—и въ головѣ образуется хаосъ идей и теорій, знаменующихъ наши неопредѣленныя литературныя партіи, большею частію даже сами для себя необозначившіяся ясно-сознательно. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, не мало же было выдумано и у насъ разныхъ теорій, и всѣ онѣ большею частью одна другую поглощаютъ или уничтожаютъ. Мы укажемъ на самыя главныя изъ нихъ.

II.

Первую теорію можно назвать *историко-юридической*. Эта теорія по преимуществу старалась развивать, съ разныхъ точекъ зрѣнія, идею постепеннаго государственнаго развитія и благоустройства русскаго общества. Исходной и основной идеей ея была та мысль, что благосостояніе русскаго народа зависитъ отъ хорошихъ или правильныхъ государственныхъ учрежденій, отъ постепенныхъ политическихъ реформъ—административныхъ, юридическихъ, гражданскихъ, отъ либерально — преобразовательной дѣятельности и умѣренной опеки правительства. Лучшими представителями этой теоріи въ литературѣ можно назвать Кавелина, Калачева, Бѣляева, Лешкова, Чебышева-Дмитріева, Муллова и проч. Чичеринъ проявился, въ этой категоріи писателей, типомъ ультра-государственнаго фанатизма, рьянымъ проповѣдникомъ строгой, систематической государственной уніи и централизаціи, или централизаціонно-бюрократическаго государственнаго пантеизма: «государство и народъ, по его метафизико-юридической доктринѣ, —одно и тоже, одно цѣлое, государство въ народѣ, народъ въ государствѣ» и т. п. Другіе писатели историко-юридическаго направленія пошли прямо въ разрѣзъ съ доктриной Чичерина, затвердили не объ абстрактной идеѣ государства, не о централизаціи, не о единствѣ государственномъ, не о сліяніи народа съ государствомъ, а о земствѣ, о народѣ, о земскомъ самоустройствѣ, саморазвитіи, самосудѣ и самоуправленіи, о децентрализаціи, о земскихъ сборахъ и объ областныхъ земскихъ собра-

ніяхъ, объ общинахъ сельскихъ и городскихъ и т. д. Въ томъ числѣ грѣшенъ былъ и я: на эти темы я писалъ статьи въ «Вѣкѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», даже въ «Очеркахъ». До изданія «Очерковъ» земство и земское саморазвитіе было моей idée fixe. Подъ земствомъ и земскимъ саморазвитіемъ я разумѣлъ всѣ сферы соціальнаго развитія, всю массу народа со всѣми ея этнографическими видоизмѣненіями, всю совокупность силъ народныхъ—умственныхъ и физическихъ, всѣ интересы и потребности народные—умственные и экономическіе. Я защищалъ инициативу и самодѣятельность силъ народа въ дѣлѣ его соціальнаго саморазвитія. Только при свободномъ и равномъ правѣ иниціативы и самодѣятельности всѣхъ силъ народныхъ, думалъ я, возможно было и могло начаться прогрессивное, здоровое и всецѣлое саморазвитіе народное—и умственное, и экономическое. Вѣря въ иниціативу, самодѣятельность земства, земскихъ, народныхъ, соціальныхъ силъ, —я вѣрилъ не только въ земскія собранія, въ земскіе банки и т. п., но и въ земскія реальныя училища, въ земскія реальныя гимназіи, въ земскіе реальные университеты, академіи и т. д. Со времени изданія «Очерковъ», послѣ тяжелаго сознанія своего семинарскаго невѣжества и пустоты, послѣ сознанія въ своей головѣ совершеннаго отсутствія естественныхъ знаній и послѣ болѣзненной работы и борьбы мыслей,—я сталъ думать, по по своимъ силамъ, о взаимодѣйствіи и взаимно-отношеніи силъ и законовъ внѣшней, физической природы и силъ и законовъ природы человѣческой, о законахъ этого взаимодѣйствія внѣшней и человѣческой природы, о проявленіяхъ ихъ въ исторіи, о значеніи ихъ въ будущемъ соціальномъ строѣ и развитіи народовъ. Хотя я почувствовалъ все свое безсиліе на этомъ новомъ пути мышленія, но все же, сколько могъ, понялъ тогда, что какая бы-то ни была, хоть бы самая совершенная, абстрактная соціально-юридическая теорія не прочна, произвольна безъ единственно прочныхъ основъ—естественно-научныхъ, физико-антропологическихъ; потому что она ни что иное, какъ временный продуктъ измѣняющейся—отстающей или развивающейся—человѣческой мысли, временная и условная, слѣдовательно, произвольная форма склада и настроенія нашихъ метафизическихъ, абстрактно-философскихъ идей и понятій о человѣкѣ, о его физіологическихъ и общественныхъ функціяхъ и отношеніяхъ, объ его соотношеніи съ внѣшнимъ физическимъ міромъ и проч. Всѣ юридическія теоріи, безъ теоріи строго-реальной и экономической, почти ничего не значатъ, не имѣютъ основы и почвы для своего осуществленія и не могутъ вести общества прямо къ главнѣйшей его цѣли—экономическому и умственному развитію и совершенствованію. Сколько бы ни придумывали наши либеральные публицисты самыхъ красивыхъ формъ государственнаго устройства, самыхъ стройныхъ юридическихъ системъ,—они никогда не улучшатъ умственнаго и экономическаго быта народа, если онъ грубъ, неразвитъ, суевѣренъ, невѣжественъ отъ того, что не знаетъ природы, и бѣденъ, неустроенъ, безсиленъ, пассивенъ тоже отъ того, что природы не знаетъ—ни внѣшней, физической природы, ни природы своей земли. Только въ области естествознанія и естествоиспытующаго разума, по мѣрѣ того, какъ будутъ уясняться силы и законы человѣческой природы и силы и законы природы внѣшней, только по мѣрѣ того, какъ будетъ изслѣдована и физіологія отдѣльнаго человѣка и физіологія соціальная, только тогда возможно будетъ развитіе истиннаго, раціональнаго или естественно-научнаго права. Всегда будутъ грубыя преступленія въ обществахъ, всегда будетъ страшный разладъ соціальный.

борьба интересовъ и страстей, всегда будетъ хаосъ соціально-юридическій,— пока весь соціальный строй обществъ не будетъ имѣть единственно прочной основы — естественно-научной разумности и законности, пока онъ не будетъ основанъ на всеобщемъ знаніи единственно точныхъ и непреложныхъ законовъ внѣшней, физической природы и законовъ природы человѣческой. Для этого надобно, чтобы естествознаніе просвѣтило общество, преобразовало все его міросозерцаніе и было для нихъ центромъ всеобщаго тяготѣнія къ одной, всеобщей цѣли соціальной—къ раціонально-экономическому благоустройству и къ интеллектуальному совершенствованію въ борьбѣ съ природой.

Надобно, чтобы раціональная, естественно-научная экономія открывала всѣмъ равно всѣ кладовыя и мастерскія, всѣ фабрики, лабораторіи и магазины естественной экономіи, ея силъ и продуктовъ.

Наконецъ, надобно, чтобы раціональная, естественно-научная экономія здоровья, гигіена и медицина, по возможности, энергично и разумно предотвращала или ослабляла патологическое развитіе и направленіе человѣческаго организма, также сильно выражающееся въ разныхъ формахъ и симптомахъ соціальнаго патологизма, въ развитіи преступленій, въ гибельной тратѣ человѣческихъ силъ и проч. Конечно, всѣ эти требованія въ настоящее время могутъ еще казаться идеальными, мечтательными. Но вѣдь и метафизическая философія права или абстрактная юридическая теорія тоже плодитъ свои идеалы, строитъ свои мечтательныя, метафизико-юридическія системы, быстро смѣняющіяся одна другою. Да притомъ же у нея вовсе нѣтъ прочной, реальной основы, на которой бы она основывала свои выводы. Одинъ юристъ беретъ въ основаніе англійскія идеи, другой— французскія, третій—нѣмецкія, четвертый—принципы римскаго права и т. д., и всякій, при этомъ, создаетъ свои теоріи, свою философію или метафизику права. И всѣ эти юридическія системы, не имѣя прочной, всеобщей, естественно-научно-реальной основы, быстро рушатся, смѣняются новыми системами, а эти опять новыми и т. д. При видѣ такой шаткости и непрочности юридическихъ основъ соціальнаго развитія, очевидно, лучше начать хоть медленную, но единственно надежную работу на самыхъ прочныхъ—естественно-научныхъ основахъ. Тутъ ужъ зданіе не рушится, хоть и медленно будетъ воздвигаться. Реальный, естественно-научный путь, хотя и многотрудный, но единственно прямой и вѣрный.

Другая теорія, ясно высказанная въ нашей журналистикѣ—*экономическая*. По этой теоріи, сущность, цѣль и основа соціальнаго развитія заключается въ экономическомъ благосостояніи всѣхъ классовъ общества. Лучшимъ выразителемъ этой теоріи былъ—переводчикъ и критикъ «Политической экономіи» Милля. Эта теорія сразу подорвала десятки теорій юридическихъ, органическихъ, почвенныхъ, славянофильскихъ, классическихъ и т. п. На разныхъ языкахъ—славянофильскихъ, классически-англоманскихъ, русско-лѣтописныхъ, шумными, трескучими, высокоглаголивыми и всякими фразами трещали и трактовали мы о самоуправленіи, объ англійскомъ Selfgouvernement, о необходимости возстановленія московской старины, излюбленнаго земскаго самоуправленія временъ Грознаго, о почвѣ, объ органическомъ развитіи, о самопроникновеніи русскимъ духомъ, даже о воспитаніи дѣтей по Несторовой лѣтописи и проч. и проч. И о чемъ мы не трещали и чего не словоизвергали? И гдѣ-то мы не искали счастья русскаго народа? Какихъ потребностей и необходимостей не насчитали мы для него, когда онъ вопилъ: нѣтъ

денегъ, не знаемъ ремеслъ и промысловъ, нѣтъ работы, нѣтъ желѣза, нѣтъ соли, неурожай въ Вологодской губерніи, неурожай въ Пермской губерніи и т. п.! И вдругъ свѣтлая, здравая, раціонально-экономическая критика и теорія возвѣстила намъ: Марѳа, Марѳа, печешься и молвишь о мнозѣ службѣ, едино же есть на потребу—прежде всего хлѣбъ насущный, прежде всего нужно, чтобы всѣ были сыты, обезпечены и довольны. Да, подумали мы,—и въ самомъ дѣлѣ вопросъ хлѣба есть вопросъ жизни и слѣдовательно мысли, литературы и науки. Отъ разрѣшенія его зависитъ разрѣшеніе всѣхъ другихъ соціальныхъ вопросовъ. Великіе реалисты-естественники, когда мы ихъ стали читать, подтвердили намъ эту истину. Государственное устройство, говоритъ Либихъ, соціальныя и семейныя связи, ремесла, промышленность, искусство и наука, однимъ словомъ все, чѣмъ въ настоящее время отличается человѣкъ, обусловливается фактомъ, что для поддержанія своего существованія человѣкъ ежедневно нуждается въ пищѣ, что онъ имѣетъ желудокъ и подчиненъ закону природы, по которому долженъ необходимую для него пищу произвести изъ земли своими трудами и искусствомъ, потому что природа сама собою не дастъ ему или даетъ въ недостаточномъ количествѣ необходимыя питательныя вещества. Очевидно, что каждое обстоятельство какимъ-нибудь образомъ дѣйствующее на этотъ законъ, усиливая или ослабляя его, должно обратно имѣть вліяніе на событія человѣческой жизни..... Да, пока существуетъ голодное человѣчество, пролетаріатъ, пауперизмъ,—возможно ли, мыслимо ли, чтобы желудочная машина человѣческой природы не была тяжелымъ тормазомъ человѣчества на пути его высшаго матеріальнаго и умственнаго движенія, а напротивъ служила безпрепятственнымъ естественнымъ локомотивомъ для живого, быстраго прогрессивнаго движенія машины мозговой, для прогресса естествоиспытующаго разума. Доколѣ существуетъ голодное человѣчество, можетъ ли каждый человѣкъ понять, что истинными типами его должны быть будущіе Гумбольдты, Дарвины, Либихи, Уатты и т. п. великіе естествоиспытатели? А мыслимо ли, возможно ли, при теперешнемъ экономическомъ строѣ обществъ вообще и, въ частности, нашего русскаго, возможно ли, чтобы не было бѣдныхъ, голодныхъ и, слѣдовательно, неразвивающихся людей? Раціональная экономическая теорія раскрыла намъ, что невозможно никакими историко-юридическими или административными мѣрами искоренить въ мірѣ голодъ и бѣдность, перестроить, преобразовать экономическій складъ общества безъ единственно-могучей и преобразовательной силы- безъ раціональной, естественно-научной экономіи и организаціи рабочихъ и производительныхъ силъ народа, безъ естественно-научныхъ ключей и руководствъ къ разнообразнымъ кладовымъ и мастерскимъ экономіи природы. И въ дѣйствительности все подтверждаетъ эту простую истину. Посмотрите, напримѣръ, на нашъ громадный провинціальный людъ робочій. Безъ свѣта и силы естествознанія, какъ жалкій червякъ, копошится онъ по разнообразнымъ областямъ естественной экономіи русской земли, отъ Карпатовъ до Камчатки. Повсюду онъ хлопочетъ изъ всѣхъ силъ только еще о первыхъ потребностяхъ организма—о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ,—и все-таки ѣстъ скудно, даже часто скверно и большею частію нездорово: пшеничный хлѣбъ и мясо, и то большею частію вонючее, ѣстъ не всегда, а только по праздникамъ; живетъ въ избахъ и домахъ большею частію деревянныхъ, дрянныхъ, полуразвалившихся, грязныхъ и очень нездоровыхъ; при огромности и просторѣ мѣстностей изобильныхъ и здоровыхъ, весьма часто влачитъ жизнь бѣдственную и чахлую въ мѣстахъ скудныхъ всѣми

ізненными дарами природы и заразительныхъ; одежду носитъ изъ самодѣльщины убой и непрочной, ходитъ большею частію въ лаптяхъ, босикомъ и въ руби-ıхъ и только по праздникамъ одѣвается въ чистыя рубашки. Въ качествѣ ілкаго пахаря, пастуха, охотника, рыболова, собирателя ягодъ, груздей и гри-въ, саранокъ, полевого луку, пучекъ и т. п. онъ въ потѣ лица и съ изнурен-ıми силами остается вѣчно рабомъ окружающей его природы. И все-таки, при ѣхъ хлопотахъ, нѣтъ у него хорошаго скота, а есть выродившіяся породы хлой, тощей, слабосильной и паршивой животины и клячъ, и то каждогодно требляемыхъ страшными падежами; нѣтъ хорошихъ урожаевъ, и отъ неразум-го расхищенія почвы они становятся все хуже и хуже, такъ что большинству млледѣльческаго населенія далеко не хватаетъ своего хлѣба на годъ, до новаго ожая; нѣтъ у него хорошаго приготовленія и запаса разнаго рода продуктовъ ıвотныхъ и растительныхъ. А какъ часто онъ, какъ червь, исчезаетъ подъ ударами ıзическихъ силъ, стихій и бѣдствій! Послѣ каждаго неурожая смертность увеличивается чти вдвое противъ обыкновенной. Въ 30 лѣтъ послѣдняго столѣтія, въ неурожайные да всегда умирало отъ 1.000.000 до 2.000.000 съ лишнимъ, тогда какъ обык-венно умирало по губерніямъ отъ 800.000 до 900.000 человѣкъ. О разру-ıтельныхъ дѣйствіяхъ эпидемій въ Россіи можно судить по 1848 году, когда, отчету министра внутреннихъ дѣлъ, больныхъ холерою было 1.686.849, а ершихъ отъ нея 668.012 чел. Гдѣ же, послѣ этого, искать помощи, спасенія улучшенія народной жизни и дѣятельности въ области экономіи природы! Ужели области историко-юридическихъ или чичеринскихъ идей! Раціональная эконо-ическая теорія рѣшительно отвѣчаетъ: нѣтъ, помощь и спасеніе—единственно въ ласти естественно-научной экономіи, въ раціональной, естественно-научной дѣя-льности разнообразныхъ техническихъ и экономическихъ ассоціацій, въ усиленіи уда и его средствъ, въ естественно-научной экономіи и гигіенѣ рабочихъ физи-скихъ и умственныхъ силъ народа и проч., и слѣдовательно въ области есте-вознанія. Да, въ естествознаніи скрывается тотъ искомый ключъ ко всѣмъ кла-вымъ и мастерскимъ, ко всѣмъ лабораторіямъ и фабрикамъ продуктивной и намической экономіи природы, который ведетъ прямо въ область раціональной родной экономіи. Посмотрите далѣе на провинціи: что это за экономическій строй. звѣковѣчная, гостомысловская и домостроевская *старина и пошлина*, *отчина дѣдина*, отрицавшая естествознаніе, какъ бѣсовскую силу, пробавлявшаяся евѣрнымъ, чернокнижнымъ, миѳологическимъ міросозерцаніемъ, вездѣ положила увѣковѣчила свои первобытныя, палеозоическія основы, слои и формы семейнаго, щественнаго и экономическаго строя, теперь достигшія до степени окаменѣлости. эвсюду, во всѣхъ рабочихъ массахъ эта гостомысловская и домостроевская ста-на и пошлина разъ навсегда намѣтила свои допотопныя привычки и потребности, ои допотопные пути и ухожаи промышленные, свои допотопные сферы, формы и обычаи уда, теперь закоснѣвшіе до рутинной неподвижности въ крестьянской, мѣщанской и печеской практикѣ ремесленной, промышленной и торговой. Отъ временъ родового быта, ь Рюрика до послѣдняго новорожденнаго въ нашихъ рабочихъ классахъ отчина и дѣ-на только и сдѣлала, что передавала и продолжаетъ передавать грядущимъ поколѣ-ıмъ этотъ допотопно-ветошный и жалко-нищенскій навыкъ труда; а между тѣмъ рожденіе отъ нихъ дѣтей, приращеніе народонаселенія, хоть и вялое, мед-нное, все-таки идетъ впередъ, растетъ, далеко непропорціонально съ прира-

щеніемъ новыхъ отраслей и способовъ труда, слѣдовательно—новыхъ, усиленныхъ источниковъ и условій обезпеченія. Возможно-ли тутъ, въ этомъ неподвижномъ омутѣ старины, допотопныхъ, рутинныхъ работъ, ремеслъ и промысловъ, заколдованномъ отческимъ и дѣдовскимъ благословеніемъ и обычаемъ, возможно-ли тутъ живое экономическое движеніе, возможно-ли развитіе новыхъ и мощныхъ рабочихъ поколѣній, новыхъ и могучихъ силъ и средствъ труда, возможно-ли тутъ развитіе и распространеніе новыхъ видовъ, новыхъ сферъ и отраслей труда? Бородатая стариковщина твердитъ молодымъ рабочимъ поколѣніямъ: «что старо, то свято; что старѣе, то правѣе; что изстари ведется, то не минется; ветхое лучше есть». Защитники славянофильскаго и такъ называемаго органическаго, историко-паутиннаго плетенія народнаго развитія въ этомъ застоѣ старины и пошлины видятъ жизненную силу и мощь Россіи. Не то возвѣстила намъ раціональная экономическая теорія. Она сразу потребовала радикальнаго возрожденія рабочихъ классовъ и основала свою теорію на физіологическихъ законахъ общества.

Далѣе, вотъ цѣлая половина Россіи, въ лицѣ женщинъ, нарождающихся, какъ извѣстно, въ наибольшей численности противъ мужчинъ, испоконъ вѣка, цѣлое тысячелѣтіе, оставалась и остается праздною, дармоѣдною обузою и потребительнымъ трутнемъ въ ульяхъ мужского труда. Женщина, обладающая могучей силой обаятельнаго и вдохновляющаго вліянія на умы и сердца мужчинъ, надѣленная отъ природы такими-же мозговыми и мускулярными силами, какъ и мужчина, только менѣе развивавшимися, вслѣдствіе вѣкового неупотребленія, неизощренія, эксплуатаціи,—какой жалкій тормазъ въ экономическомъ прогрессѣ представляла она въ своемъ заколдованномъ кругу семейнаго очага и терема! Она служила по древне-русскому выраженію, только *хотью* мужчины, нарождала, плодила дѣтей и не производила ничего для развитія, обезпеченія и совершенствованія своего потомства. Если же въ низшихъ классахъ народа женщина была рабочей силой, то она была чисто рабочей скотиной, работала и страдала вовсе непропорціонально съ силами своей организаціи. Если такимъ образомъ въ извѣковѣчной эксплуатаціи женщины и ея силъ и дарованій погибла, утратилась въ теченіи вѣковъ огромная сумма рабочихъ силъ и прогрессивной дѣятельности, то, скажите, возможно-ли тутъ цѣльное, всестороннее, разнообразное и гармоническое развитіе экономическаго прогресса и благосостоянія обществъ? Экономическая теорія раскрыла намъ всю громадную, вопіющую невыгоду женскаго бездѣлья, всю эксплуатацію имъ мужского труда, подняла самые животрепещущіе и настоятельные вопросы о женскомъ трудѣ, объ обществѣ женскаго труда, о женскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ и т. п...

Столько и множество другихъ вопросовъ затрогиваетъ и можетъ затрогивать раціональная экономическая теорія. Послѣ нашего эстетическаго самоуслажденія и самоуспокоенія въ *блестящихъ, но негрѣющихъ* и непитающихъ стиховныхъ вертоградахъ Пушкина, послѣ нашего эстетическаго самозабвенія и самоусыпленія въ темныхъ безвоздушныхъ сферахъ мистико-миѳологическихъ сновидѣній и галлюцинацій, среди романтическихъ балладъ, ундинъ, русалокъ и зефировъ Жуковскаго да въ Лермонтовскихъ умственныхъ и нравственныхъ пустыняхъ Демона и Печорина и т. п.,—экономическая теорія сразу спустилась на землю, въ реальный міръ, заговорила намъ тяжелыя, но дѣйствительно—поучительныя и дѣйствительно—нужныя и полезныя вещи, заговорила о хлѣбѣ, о работѣ, о рабочихъ

классахъ, о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, объ организаціи труда, о рабочей платѣ и рентѣ, объ ассоціаціяхъ рабочихъ, о капиталѣ и богатствѣ, о пауперизмѣ и пролетаріатѣ, объ экономическомъ образованіи и проч. и проч.

Но и абстрактная, философская экономическая теорія сама по себѣ еще не можетъ разрѣшить вопроса жизни и развитія человѣческихъ обществъ. Она только раскрываетъ ложь, ненормальность современнаго экономическаго строя обществъ и указываетъ болѣе или менѣе истинныя, раціональныя начала нормальнаго экономическаго развитія народа. Передѣлать же настоящій экономическій міръ она не въ силахъ. Главный недостатокъ этой теоріи по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что она сама еще не имѣетъ прочныхъ или достаточныхъ естественно-научныхъ основъ. Отъ того происходитъ главнымъ образомъ шаткость и даже произвольность многихъ экономическихъ теорій. Однѣ изъ нихъ, въ родѣ System des Volkswirthschaft—В. Рошера, поддерживаютъ старое экономическое зданіе, на историческихъ, традиціонныхъ основахъ и подставкахъ, нисколько не разбирая критически ихъ внутренней подгнилости и шаткости. Другія, въ родѣ буржуазной «Политической экономіи» Милля, исполнены современныхъ экономическихъ предразсудковъ, лжи и даже самыхъ нечестныхъ тенденцій и софизмовъ, порожденныхъ аномаліями и уродливостями средневѣковаго склада обществъ, напримѣръ—лордскимъ аристократизмомъ, буржуазіей, господски—лордскимъ и буржуазнымъ презрѣніемъ къ рабочимъ классамъ и разными формами и видами тунеядства. Третьи, въ родѣ Мальтусовой теоріи, проповѣдуютъ аристократически-фаталистическій взглядъ на пропорціональное отношеніе естественной и народной экономіи и производительности, проповѣдуютъ, во имя непонятныхъ, неизвѣданныхъ силъ и законовъ экономіи и продукціи природы, вѣчный пауперизмъ, пролетаріатъ и голодную смерть рабочимъ классамъ, какъ законъ природы, а не какъ исторически-соціальное нарушеніе его, не какъ историческую аномалію противъ законовъ естественной экономіи и продукціи. Во многихъ экономическихъ теоріяхъ логическій методъ, методъ абстрактнаго, отвлеченнаго раціональнаго соображенія и разсужденія безъ прочныхъ естественно-научныхъ основъ доходитъ нерѣдко до пустыхъ схоластическихъ отвлеченностей, оставляя между тѣмъ безъ разрѣшенія живые и существенные вопросы общественной экономіи. Экономическая жизнь и дѣятельность, экономическое развитіе личностей и обществъ суть по-преимуществу такія реально-жизненныя сферы, гдѣ дѣятельность, интересы и потребности человѣка и общества всего болѣе и даже всецѣло связаны съ силами, законами, продуктами и разными сферами физической экономіи. Вещество въ разныхъ органическихъ и неорганическихъ комбинаціяхъ—есть матеріалъ для экономическихъ процессовъ, операцій и производствъ. Силы и законы природы суть могучіе факторы въ этихъ экономическихъ функціяхъ и актахъ. Слѣдовательно, знаніе природы есть первый, главный, существеннѣйшій экономическій факторъ и могучая сила, которой одной предстоитъ преобразовать соціально-экономическій міръ. Бѣдность и богатство суть историческія аномаліи умственнаго отношенія людей къ экономіи природы, патологическія явленія интеллектуально-экономическаго развитія человѣчества, обусловленныя прежнимъ, изначальнымъ безсиліемъ человѣческаго разума въ области экономіи природы, всеобщимъ и совершеннымъ незнаніемъ ея. Они не сообразны ни съ нормальнымъ развитіемъ и естественнымъ назначеніемъ интеллектуальныхъ силъ и спо-

собностей человѣческаго разума, ни съ естественнымъ назначеніемъ, содержаніемъ и распредѣленіемъ экономіи природы, открытой—равно для всѣхъ и даже открывающей самые пути и средства для всеобщаго и повсемѣстнаго обмѣна своихъ богатствъ, напримѣръ, въ системѣ рѣкъ и морей, въ силѣ пара. Бѣдность исторически развилась и утвердилась въ мірѣ оттого главнымъ образомъ, что исторически господствовало и наказывало людей самое величайшее изъ золъ—незнаніе природы и ея экономіи. Чуть изсякалъ, издерживался одинъ естественный источникъ жизненныхъ средствъ, выбивались или убѣгали изъ охотничьяго пространства звѣри, или истощался данный клочокъ почвы, а новый разработать не было силы или умѣнья,—человѣкъ становился бѣднымъ, потому что не зналъ, чѣмъ воспользоваться въ богатой и разнообразной экономіи природы, кромѣ натуральнаго звѣроловнаго лѣса или кромѣ даннаго клочка земли. Сильный отнималъ у слабаго послѣднія средства жизни,—и слабосильный становился оттого бѣднымъ, потому что не зналъ ключа къ другой кладовой физической экономіи, откуда бы могъ добыть новыя средства обезпеченія и даже обогащенія и т. п. Такъ, если разобрать до основанія,—бѣдность во всѣхъ отношеніяхъ является историческимъ результатомъ незнанія экономіи природы. И доселѣ мы терпимъ нищету, недостатокъ пищи, одежды и жилища оттого, что не умѣемъ въ достаточномъ количествѣ извлекать изъ экономіи природы средства жизни и богатства, не умѣемъ заставлять силы и законы физической экономіи обезпечивать и обогащать насъ, не знаемъ въ обширной, богатой и разнообразной экономіи природы, ни разныхъ сокровенныхъ источниковъ и матеріаловъ для пищи, одежды и жилища, ни тѣхъ секретовъ, кладовъ и сокровищъ природы, которые могли бы всѣхъ насъ равно обогащать, если бы, напримѣръ, химія, технологія и другія естественныя науки всѣмъ намъ въ одинаковой степени открывали ихъ. Точно также богатство, въ историческомъ и современномъ его происхожденіи и видѣ, есть положительно историческій результатъ прежняго всеобщаго отсутствія естественныхъ знаній. Сила, оружіе, война, грабежъ, обманъ, воровство и непосредственно-натуральное расхищеніе экономіи природы—земной, лѣсной и водной или растительной и животной—вотъ первоначальные источники богатствъ въ обществахъ, какъ это всякій знаетъ, кто слѣдилъ за первоначальной исторіей народовъ. Силачъ, богатырь, воинъ-дружинникъ, конунгъ, предводитель воинственныхъ племенъ постоянно больше другихъ захватывали въ экономіи природы разныхъ угодій—земельныхъ, лѣсныхъ, водныхъ и проч. и кромѣ того постоянно отбирали жизненныя средства у слабыхъ, мирныхъ или невоинственныхъ людей, у плѣнныхъ и т. п., точно также воръ, разбойникъ, обманщикъ, или обаянникъ, въ родѣ вѣдуна, волхва, жреца, постоянно отбирали имущество у оплошныхъ, беззащитныхъ, слабоумныхъ, легкомысленныхъ, легковѣрныхъ и простаковъ. А почему? Именно потому, что всѣ эти сильные и хитрые люди сами не знали наиболѣе выгодныхъ и богатыхъ сокровищъ въ общей, никѣмъ незанятой и незнаемой экономіи природы, не знали честныхъ и мирныхъ, естественно-научныхъ способовъ обогащенія. Подобный принципъ обогащенія или историческаго развитія богатствъ господствовалъ и у насъ въ теченіи всей нашей исторіи — и до крѣпостного права или помѣщичьяго насилія, и до московскаго казеннаго правежа, и послѣ... И проявлялся и господствовалъ этотъ принципъ въ разныхъ формахъ—и духовныхъ, и военныхъ, и приказныхъ. Исторія нашей экономической жизни даже какъ-то особенно богата поразительными фактами и

доказательствами этого историческаго принципа происхожденія богатствъ. И доселѣ развѣ не господствуетъ еще подобная система обогащенія даже въ самыхъ первобытныхъ, грубѣйшихъ формахъ. Намъ доводилось слышать не разъ отъ купцовъ-старожиловъ такое увѣреніе, основанное на фактахъ, что большая часть нашихъ купцовъ и богачей положили основаніе своему богатству какими-нибудь неправдами, даже воровствомъ. Да кто же притомъ не знаетъ, что большая часть богатствъ, обращающихся въ современной нашей торговлѣ и промышленности, суть вовсе не результатъ естественныхъ знаній и открытій или раціональнаго труда, а ловкій, утонченный обманъ, грабежъ и обирательство публики, легко и пассивно поддающейся всякому обману, вслѣдствіе ея невѣжества. Богатство, напримѣръ, русскихъ невѣжественныхъ и старовѣрческихъ бородачей-купцовъ — это ничто иное, какъ высшая степень грубаго инстинктивнаго животнаго довольства, подобнаго довольству козла въ богатомъ огородѣ. И способность накопленія подобнаго богатства есть ничто иное какъ только высшая степень безсознательнаго животнаго экономическаго инстинкта. Элементъ разсудочности и сообразительности, проявляющійся въ экономическихъ способностяхъ такого наживалы-человѣка, еще нисколько не отличаетъ этотъ экономическій инстинктъ человѣка отъ животнаго инстинкта матеріальнаго самообезпеченія. Потому что и животныя не лишены силы сообразительности (intelligence, Fr. Cuvier). «По выраженію Петра Губерта, — говоритъ Дарвинъ, — малая доза разсудка или разума часто примѣшивается къ дѣйствіямъ животныхъ, даже низшихъ. И у нихъ есть самые дивные инстинкты, напримѣръ — строительный инстинктъ пчелы, труженическій и рабовладѣльческій инстинктъ многихъ муравьевъ. И у нихъ есть прогрессъ въ промышленномъ инстинктѣ. Всякія легкія уклоненія и видоизмѣненія въ инстинктѣ, приносящія пользу виду, выгодныя въ его физіологической экономіи, въ трудѣ самообезпеченія, сохраняются дѣйствіемъ естественнаго подбора и развиваются наслѣдственно». Постоянное жизненное соприкосновеніе съ разными физическими предметами, силами и условіями и самыя видоизмѣненія физическихъ отношеній и жизненныхъ условій невольно научаютъ ихъ поступать иначе, уклончиво противъ прежнихъ привычекъ, и, такимъ образомъ, инстинктъ ихъ, съ каждымъ новымъ выгоднымъ видоизмѣненіемъ, мало-по-малу пріобрѣтаетъ новую способность жить и промышлять въ опредѣленной сферѣ естественной экономіи. А многимъ ли отличается отъ этого наслѣдственнаго, потомственнаго развитія инстинктовъ животныхъ историческое, рутинно-традиціонное развитіе экономическаго инстинкта человѣка, не руководимаго естественно-научнымъ смысломъ? Пріобрѣтательный инстинктъ нашихъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ есть рѣшительно инстинктъ животно-промышленный, наслѣдственно развитый и переданный отъ *отчины и дѣдины* домостроевскихъ временъ, отъ «*гостей московскихъ, отъ житьихъ людей и мужиковъ новгородскихъ*». Какъ животно-промышленный инстинктъ, унаслѣдованный отъ предковъ домостроевскихъ временъ, отъ отчины и дѣдины,—онъ и въ нынѣшней пріобрѣтательной практикѣ упорно сохраняетъ привычки старины, отчины и дѣдины. И въ этомъ отношеніи онъ опять похожъ на инстинктъ животныхъ. «Какъ при повтореніи давно знакомой пѣсни, — говоритъ Дарвинъ, — такъ и въ инстинктивной дѣятельности одно дѣйствіе слѣдуетъ за другимъ какъ бы ритмически; когда человѣка прерываютъ среди пѣсни, или среди повторенія рѣчи, выученной наизусть, онъ часто принужденъ начать съизнова, чтобы снова попасть въ привычную колею. П. Губеръ наблюдалъ совершенно

подобныя явленія надъ гусеницею, сооружавшею себѣ очень сложный гаймакъ. Когда гусеница была взята изъ гаймака, достроеннаго, напримѣръ, до третьяго стадія, и переносилась въ гаймакъ, доведенный до шестого, такъ что избавлялась отъ значительной доли труда, то вмѣсто того, чтобы сознавать это облегченіе, она приходила въ крайнее замѣшательство, и для того, чтобы окончить гаймакъ, повидимому, принуждена была начать съ третьяго стадія, на которомъ ее прервали, и пыталась передѣлать то, что уже было окончено». Не точно ли такая машинальность господствуетъ и въ нашихъ экономическихъ операціяхъ, основанныхъ на рутинной традиціи и застарѣлой, упорной привычкѣ — держаться старины, несмотря ни на какія нововведенія и улучшенія. Да, наши рабочіе, промышленные классы—крестьяне, мѣщане и купцы—также инстинктивно тяготѣютъ къ своему извѣковѣчному земскому строенію, къ первобытнымъ, изстариннымъ стадіямъ своихъ гаймаковъ—къ своей привычной, рутинной колеѣ ремеслепной и промышленной, къ своимъ обычнымъ, стариннымъ пріемамъ промышленнымъ, и съ упорной привычкой — возвращаются къ этимъ своимъ старымъ стадіямъ промышленнымъ, въ то время, когда естествоиспытующій умъ европейскій давно уже довелъ строеніе этихъ гаймаковъ—разныхъ отраслей, процессовъ и способовъ промышленности—до высокихъ степеней совершенства и прогресса: напримѣръ, машинность инстинктивную, традиціонную, извѣковѣчно-рутинную давно онъ уже замѣнилъ, въ облегченіе рабочихъ классовъ, машинностью физической, динамической, механической. Возьмемъ два-три примѣра этой машинальной инстинктивности земскаго строенья и экономическихъ операцій нашихъ промышленныхъ классовъ. Оторвите, напримѣръ, русскихъ промышленниковъ—крестьянъ, ремесленниковъ, торговцевъ отъ ихъ старыхъ пепелищъ, отъ ихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ стадій гаймаковъ—домоустройства, ремеслъ и промысловъ, и пересадите ихъ куда-нибудь на новую землю, напримѣръ, въ Сибирь: они и тамъ возвратятся къ своимъ первобытнымъ стадіямъ гаймаковъ, несмотря на различіе климата и всѣхъ мѣстныхъ физическихъ условій, и тамъ будутъ такъ же, какъ и въ старину, ставить свои починки на лѣсѣхъ, на новѣ, построятъ такія же избенки, дворы, амбары, бани, овины и проч., сдѣлаютъ такія же допотопныя сохи и бороны, такіе же домостроевскіе красна, такіе же телѣги и сани, словомъ все тоже, что испоконъ вѣка, отъ временъ гостомысловскихъ или домостроевскихъ дѣлали ихъ отцы и дѣды на ихъ старомъ пепелищѣ. Напрасно натуралисты будутъ указывать имъ на новые, наиболѣе выгодные, по мѣстнымъ условіямъ, стадіи или отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, Радде указывалъ забайкальскому населенію. Они не догадаются, не сознаютъ, что на новомъ мѣстѣ, въ новой области естественной экономіи было бы выгоднѣе и легче обработывать то, что въ особенномъ изобиліи даетъ мѣстная природа, напримѣръ— добывать и обработывать какіе-нибудь минеральные, химическіе, растительные и животные продукты; или предпринять то, что особенно вызываютъ мѣстныя географическія условія, напримѣръ, разведеніе и улучшеніе породъ скота для мяса и упряжи, или же что особенно нужно по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ поселеній народныхъ, напримѣръ — устройство мастерскихъ всякаго рода — столярныхъ, слесарныхъ, кузницъ, фабрикъ и заводовъ стеклянныхъ, фарфоровыхъ и вообще гончарныхъ, кожевенныхъ, салотопенныхъ, стеариновыхъ, или сально-свѣчныхъ, полотняныхъ, суконныхъ и проч. и проч. Нѣтъ, они, какъ гусеницы, инстинктивно будутъ достраивать и въ своей новой колоніи старые стадіи гайма-

ковъ—свое старое, изстаринное, домостроевское зданіе. Оттого и выходитъ каждая русская колонія въ Сибири такимъ стереотипнымъ слѣпкомъ на примѣръ великороссійскихъ поселеній, и вообще точнымъ, неизмѣннымъ продолженіемъ и повтореніемъ до-петровскихъ, домостроевскихъ типовъ и формъ хозяйства. Въ частности, возьмемъ примѣръ изъ практики промышленной. Съ XVI или XVII вѣка, нѣкоторыя мѣстности, напримѣръ, Ярославской губерніи спеціально занимаются у насъ льняною промышленностью, полотняными издѣліями. Многія деревни только и заняты тканьемъ: каждый ткачъ научилъ и научаетъ ремеслу своего сына и, достигнувъ самъ извѣстныхъ лѣтъ, перестаетъ работать, и мѣсто его заступаетъ сынъ. Какъ отцы и дѣды обработывали полотно, также—и сыновья и внуки. Обработка самая первобытная и неудовлетворительная. Нѣтъ ни хорошихъ ткацкихъ станковъ, не знаютъ ни процесса опаливанія или проведенія тканей по цилиндрамъ, сильно нагрѣтымъ и стягающимъ ворсъ, ни процессовъ химическаго (спиртового) бѣленья посредствомъ хлора и т. п. Бѣленье и аппретура полотенъ производится до-петровскимъ и потому самымъ неудовлетворительнымъ образомъ: для ускоренія процесса бѣленья, во многихъ мѣстахъ употребляютъ, напримѣръ, известь, безъ всякаго разбора, знанія и безъ необходимыхъ раціональныхъ предосторожностей: известь съѣдаетъ ткань, и полотно часто распадается въ лоскутья. Зло и вредъ очевидные, Но извѣковѣчная, отъ отцовъ и дѣдовъ наслѣдованная инстинктивная привычка къ старымъ стадіямъ гаймака—къ старииннымъ пріемамъ и обычаямъ льняной промышленности, при отсутствіи необходимыхъ, раціональныхъ, техническихъ знаній, до того сильна и упорна, что сколько ни показывали, напримѣръ, крестьянамъ Ярославской губерніи полотняныя бѣлильни, съ заведеніями для аппретуры полотенъ, устроенныя по образцу бельфельдскихъ, что въ Вестфаліи,—льнопромышленники и ткачи эти упорно возвращались къ своимъ старымъ стадіямъ гаймаковъ—продолжали работать по своимъ старымъ рутиннымъ пріемамъ. «Это объясняется, какъ замѣчаетъ бывшая по этому поводу комиссія, двумя обстоятельствами: во-первыхъ, земледѣльческое народонаселеніе наше не любитъ вообще никакихъ улучшеній, измѣняющихъ старые обычаи и пріемы, къ которымъ оно привыкло съ давнихъ временъ, а во-вторыхъ, обыкновенное бѣленіе и аппретура производятся бабами, съ помощью столь простыхъ снарядовъ и способовъ, что операціи эти не влекутъ за собою почти никакихъ расходовъ. А расходы на усовершенствованіе бѣленья, хоть и самые ограниченные (Карновичъ—устроитель бѣлиленъ въ Ярославской губерніи взялся было познакомить крестьянъ съ выгодами раціональныхъ пріемовъ бѣленья за самую ничтожную цѣну), составляютъ въ глазахъ ихъ все-таки новую издержку, на которую они не могутъ смотрѣть равнодушно. Что же касается до предстоящихъ имъ въ будущемъ существенныхъ выгодъ отъ выпуска въ продажу полотенъ въ болѣе удовлетворительномъ видѣ, то, по недостатку предусмотрительности, они еще не въ состояніи понять этихъ выгодъ» [1]). Возьмемъ другой примѣръ изъ экономіи питательныхъ продуктовъ. Что, напримѣръ, можетъ быть нужнѣе и полезнѣе въ сельскомъ хозяйствѣ разведенія картофеля, какъ необходимаго суррогата во многихъ губерніяхъ, терпящихъ недостатокъ въ зерновомъ хлѣбѣ, какъ хорошаго кормового средства для скота, какъ нужнѣйшаго матеріала для многихъ отраслей про-

---

[1]) Тенгоборскій, „О производит. силахъ", ч. II, отд. 2, стр. 166.

мышленности, напримѣръ—для куренія водки, на приготовленіе патоки, крахмала и проч. Нѣтъ, однакожь, рутинная старина, предпочитавшая, по словамъ Олеарія, даже мясной пищѣ рѣпу, рѣдьку, капусту и другіе овощи съ тухлой, вонючей рыбой, привыкшая къ огородничеству только въ предѣлахъ «Домостроя»,—эта сѣдая старина подняла «картофельные бунты»: и семь или даже десять милліоновъ старовѣровъ доселѣ твердятъ, что картофель—чортово прозябеніе, что разводить и ѣсть его грѣхъ—отцы и дѣды не знали и не благословили, и доселѣ упорно продолжаютъ сѣять только рѣпу, рѣдьку, капусту и прочіе овощи стариннаго, до-петровскаго огородничества. А если мы заглянемъ на наши фабрики и заводы всѣхъ видовъ, взглянемъ на различныя операціи обработки продуктовъ минеральныхъ. растительныхъ и животныхъ, то вездѣ увидимъ тоже преобладаніе инстинктивной, рутинной привычки надъ естественно-научной изыскательностію. Вездѣ, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ доморощенныхъ русскихъ промышленниковъ, издавна унаслѣдованная привычка къ старымъ рутиннымъ пріемамъ и способамъ фабричныхъ операцій мѣшаетъ развитію промышленности и замедляетъ успѣхи нововведеній и улучшеній, основанныхъ на естественно-научныхъ опытахъ и данныхъ. Вотъ, напримѣръ, при изобиліи пастбищъ и скота, при существованіи особыхъ скотоводческихъ народовъ на русской землѣ, кое-какъ издавна устроились и распространились въ Россіи кожевенные фабрики и заводы. Имъ ли бы не научиться, напримѣръ, раціонально, по правиламъ технологической науки, обработывать кожи—снимать, дубить и проч. Технологи, хоть въ родѣ Кибера, показали, какъ нужно раціонально вымачивать кожи въ чанахъ, нагрѣваемыхъ паромъ, въ легкомъ растворѣ извести. Относительно дубленія самымъ лучшимъ изъ новѣйшихъ средствъ найдено употребленіе дубильнаго вещества въ растворенномъ видѣ, т. е. въ видѣ щелоковъ, приготовляемыхъ изъ смолистой коры, въ которые погружаются шкуры и обработываются съ помощью механическаго аппарата. облегчающаго и ускоряющаго эту операцію. Нѣтъ, однакожь: наши патріархальные доморощенные кожевенники и доселѣ пробавляются старыми дряннѣйшими и вредными способами отдѣлки кожъ. Напримѣръ, для снятія волосъ со шкуръ мочатъ ихъ въ известковомъ растворѣ, что крайне вредитъ имъ; при дубленіи употребляютъ сѣрную кислоту, которая тоже часто оставляетъ на нихъ слѣды своего разрушительнаго вліянія. и т. п. Деревенскіе же кожемяки и кожевники держатся еще болѣе старыхъ и рутинныхъ пріемовъ обработки кожъ, наслѣдованныхъ отъ хамовниковъ и кожевниковъ древней Московіи. Инстинктивно-рутинное, безсмысленное хозяйничанье наше въ области экономіи природы иногда доходитъ до крайней степени безсмыслія, недогадливости и несообразительности. Напримѣръ, народъ нашъ, въ ущербъ своимъ рабочимъ силамъ, весьма мало потребляетъ мяса: всего приходится на человѣка около 27 фунтовъ, тогда какъ въ Англіи больше 162 ф. Между тѣмъ на югѣ и юго-востокѣ Россіи огромныя, изобильныя пастбища и обширное скотоводство: кочуютъ даже цѣлыя орды, спеціально скотоводческія. Почему бы не сознать экономической выгоды и не догадаться устроить тамъ, въ области скотоводства, заведеній для соленія мяса и для развитія торговли солонинной. Нѣтъ: скота разводятъ тамъ множество, большею частью по азіятскимъ рутиннымъ обычаямъ, безъ всякой заботы объ улучшеніи породъ, скотъ бьютъ и продаютъ на убой, а солить мясо для себя и на продажу не умѣютъ и не хотятъ или не думаютъ поучиться. Между тѣмъ ужасно представить, какую говя-

дину ѣстъ наше простонародье лѣтомъ тамъ же, въ южно-русскихъ и сибирскихъ скотоводческихъ областяхъ—протухлую, гнилую, даже съ червями. Долго ли и трудно ли бы достать и употребить въ дѣло хоть сѣверо-американскія раціональныя правила соленія и сохраненія мяса соленаго. Нѣтъ, никто объ этомъ не догадается, хотя тутъ не нужно никакихъ особенныхъ издержекъ, а польза и выгода, между тѣмъ, очевидная. Наконецъ, въ тѣхъ сферахъ промышленности, гдѣ требуются особенно трудныя, спеціальныя естественныя знанія, напримѣръ, знаніе химіи, тамъ особенно обнаружилась пассивность и отсталость русскаго промышленнаго смысла. Такъ, напримѣръ, въ производствѣ химическихъ продуктовъ. «Хотя это послѣднее, замѣчаетъ Тенгоборскій, и составляетъ вспомогательную фабрикацію для всѣхъ отраслей промышленности, успѣхи его не могли однакожь быть быстры, потому что оно требуетъ отъ занимающихся имъ разнообразныхъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній въ химіи и постояннаго занятія ею, дабы имѣть возможность слѣдить за всѣми ея успѣхами, а это не такъ легко. Въ теченіи послѣдняго полустолѣтія наука эта подверглась разнообразнымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе множества сдѣланныхъ въ ней открытій, которыми она продолжаетъ обогащаться и понынѣ. Этимъ объясняется медленность успѣховъ въ Россіи производства химическихъ продуктовъ. Такъ, гдѣ особенно требуется естествоиспытательный умъ, тамъ особенно обнаруживается и малоразвитость, слабость, отсталость русскаго промышленнаго смысла. И тутъ старая, слѣпая привычка и близорукость мѣшаетъ и противится полезнѣйшимъ и удобнѣйшимъ нововведеніямъ. Напримѣръ, добываніе поташа, по старой до-петровской привычкѣ безпощадно жечь лѣса, доселѣ сопровождается у насъ истребленіемъ лѣсовъ, тогда какъ Гейманъ давно указалъ на способъ сожиганія у насъ картофельной травы для поташа съ большею выгодою, и тогда какъ поташъ съ выгодою можетъ быть замѣненъ при мыловареніи, бѣленіи тканей, крашеніи и набиваніи ситцевъ и въ стеклянномъ производствѣ содою, составляющею у насъ отбросъ при добываніи соляной кислоты, и содержащеюся въ изобиліи въ растеніяхъ озерныхъ, прикаспійскихъ и солончаково-степныхъ [1]. И тутъ сколько еще бываетъ борьбы съ рутиной и невѣжествомъ. Напримѣръ, когда заводчикъ Шиповъ открылъ сѣрный колчеданъ въ Костромской губерніи, въ уѣздахъ: Галичскомъ, Кологривскомъ, Кинешемскомъ и Макарьевскомъ и, по случаю вздорожанія сѣры, сталъ его употреблять на своихъ химическихъ заводахъ, крестьяне обнаружили недовѣріе къ его изслѣдованіямъ. Онъ старался внушить крестьянамъ, чтобы они собирали сѣрный колчеданъ, для чего давалъ имъ образцы, указывалъ, гдѣ и какъ собирать, и предлагалъ возить его на заводъ для продажи. Но всѣ увѣщанія его ни къ чему не послужили: крестьянамъ странно казалось, что онъ ищетъ самъ колчеданъ и учитъ ихъ собирать его, и съ какимъ-то недовѣріемъ смотрѣли на это. И только впослѣдствіи выгода сбора и сбыта колчедана на химическіе заводы, наконецъ, научила ихъ добывать его. Такъ, рутинныя привычки непосредственно натуральнаго пріобрѣтательнаго инстинкта, чуть выводились изъ старой обычной колеи промышленной, то немедленно возвращались въ эти колеи и крѣпко держались ихъ, или обнаруживали слѣпую инстинктивность, рутинно-наслѣдственную обычность и заведенность промышленныхъ дѣйствій, съ совершеннымъ отсутствіемъ экономической раціональности.

---

[1]) На которыя указалъ еще Лепехинъ.

Такъ, все зло, весь источникъ или корень аномальнаго, патологическаго развитія и направленія или рутиннаго застоя экономической жизни людей заключается въ *незнаніи*, въ незнаніи силъ, законовъ и данныхъ великой экономіи природы, въ отсутствіи истинныхъ реальныхъ знаній. Доколѣ господствуетъ незнаніе природы, силъ, законовъ и продуктивнаго содержанія естественной экономіи, дотолѣ экономическія потребности человѣка ограничены, часто даже ложны и вредны для него самого, дотолѣ трудъ человѣка нераціоналенъ, ограниченъ въ сферахъ и отрасляхъ, непостояненъ, недостаточенъ для самыхъ рабочихъ классовъ, непроизводителенъ или мало, ложно и даже вредно производителенъ.

Незнаніе природы есть червь, невидимо, незамѣтно, а иногда и явно, но всегда и непремѣнно подтачивающій основы, благосостояніе и здоровое развитіе обществъ. Азіятскія номадіи, охотничьи племена, азіятскія имперіи, Турція, Испанія и т. п., на яву исторіи подтачивались и подтачиваются въ самыхъ основахъ своихъ этимъ неумолимо-сокрушительнымъ червемъ—незнаніемъ силъ и законовъ природы. Незнаніе природы вездѣ и всегда создавало только рабовъ—рабовъ самой природы и рабовъ всякой человѣческой силы—силы мускуловъ, силы хитрости и ума, силы обмана и обаянія, силы богатства, силы власти и деспотизма, словомъ—силы политической, военной, экономической, буржуазной, религіозной и т. п. По незнанію силъ, законовъ и экономіи природы человѣкъ былъ безсознателенъ, невѣжественъ, суевѣренъ, бѣденъ, безсиленъ, и потому легко поддавался силѣ и могуществу природнаго умственнаго превосходства, богатства, мускульнаго преимущества, хитросплетеннаго обмана и проч. Изъ рабовъ природы всегда легко было сдѣлать рабовъ политическаго деспотизма,—стоило только, пользуясь ихъ рабствомъ, пассивностью и безсиліемъ въ области природы, покорить ихъ силой мускулярной, вооруженной, изъ бѣдныхъ и слабыхъ сдѣлать еще бѣднѣйшими и слабѣйшими, оторвать отъ самостоятельнаго труда и заставить повиноваться, работать и служить себѣ. Равнымъ образомъ, изъ рабовъ природы легко было сдѣлать рабовъ кастъ,—стоило только, пользуясь ихъ незнаніемъ природы, страхомъ и рабствомъ передъ грозными и таинственными силами природы, устрашить, застращать грозными, необычайными и непонятными физическими явленіями—громомъ и молніей, затменіемъ солнца, землетрясеніями, неурожаями и т. п., толкуя ихъ хитросплетенно, обманчиво и устрашительно для массы.

Въ мутной водѣ легко было рыбу ловить. Сила обаятельнаго вліянія вѣдуна, волхва и жреца, и происходящая оттуда вліятельность, авторитетность и власть потому только были возможны, что всѣ подобные обманщики массъ, по незнанію силъ, законовъ и экономіи природы, не знали другихъ источниковъ доходовъ, кромѣ легкаго обмана легковѣрныхъ массъ, не знали разумно-выгодной дѣятельности въ области экономіи природы. Они не знали и не понимали дѣйствительныхъ тайнъ, секретовъ и чудесъ природы, и потому выдумывали свои тайны, чудеса и фокусы ради выгоднаго для нихъ обмана массъ. Вмѣсто фокусовъ и обмановъ они не могли раскрывать и возвѣщать массамъ великія естественныя истины, дѣлать дѣйствительно-дивныя и могучія открытія въ области силъ и законовъ природы и, вслѣдствіе того, не могли имѣть истиннаго и могучаго умственнаго вліянія на массы и прибѣгали къ магіи, къ волшебству, къ фокусамъ и мистеріямъ разнаго рода. Сила богатства и происходящая оттуда вліятельность и власть также оттого только были возможны, что богатые классы, или случайно, или вслѣдствіе наиболь-

шаго практическаго ума и опытности, нахватавши больше другихъ разныхъ благъ въ готовой экономіи природы, или силой награбивши ихъ у безсильныхъ, слабыхъ и оплошныхъ людей,—и потомъ употребляли свои богатства или на новое, дальнѣйшее расхищеніе экономіи природы, или на дальнѣйшій грабежъ, эксплуатацію и закабаленье классовъ бѣдныхъ, слабыхъ, рабочихъ. Не зная и не умѣя познавать экономію природы, они не могли имѣть на массы интеллектуально-экономическаго вліянія, не могли поучать ихъ своимъ примѣромъ, какъ надо разумно открывать, извлекать и употреблять естественные матеріалы и данныя для накопленія богатства. А вслѣдствіе того, умѣя только безразсудно расхищать экономію природы, они богатымъ запасомъ произведеній, необходимыхъ для пищи, одежды и жилищъ, умѣли только привлекать, закабалять и порабощать себѣ массу людей голодныхъ и бѣдныхъ. Они не понимали богатства, какъ взятаго въ экономіи природы займа, средства и силы для раціональной, естественно-научной обработки и фабрикаціи сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ природы, для искусственнаго воспроизведенія, усовершенствованія и разнообразнаго примѣненія естественныхъ произведеній, для открытія и разнообразнаго экономическаго примѣненія силъ и законовъ естественной экономіи. И потому, не зная такой разумной дѣятельности, полезной и для себя и для массъ, они только порабощали и эксплуатировали бѣдные классы, просившіе у нихъ работы, пищи, одежды и жилища. Наконецъ, мускулярная сила, сила воина опять потому только возможна была и возрастала въ могущество и силу Фараоновъ, Тамерлановъ, Аттилы и Александровъ Македонскихъ, въ могущество и деспотизмъ Цезарей, Нероновъ, въ силу и деспотизмъ разныхъ сатраповъ, конунговъ, викинговъ, князей и т. п., что, въ темномъ царствѣ незнанія природы, сильные и воинственные люди не имѣли понятія о назначеніи силы мускуловъ, какъ факторовъ разнообразной и полезной работы въ области экономіи природы, не знали экономіи физіологическихъ силъ, не находили исхода, не знали широкаго поля природы для борьбы съ физическими силами, не знали умственныхъ, естественно-научныхъ занятій, не знали раціональнаго и производительнаго экономическаго употребленія своихъ силъ въ сферѣ естественной экономіи. И вотъ поэтому такъ аттиловски, сатрапски и деспотически тратили свои силы на покореніе и плѣнъ народовъ, на раззореніе человѣческихъ обществъ, на истребленіе человѣчества, на созданіе темныхъ царствъ рабовъ природы и фараонизма. Столько губительной траты силъ производитъ, или лучше, такъ уродливо, безобразно извращаетъ и зловредно-карательно направляетъ человѣческія силы незнаніе природы. Да, при этой мысли, поймешь и почувствуешь всю глубокую справедливость слѣдующихъ словъ Либиха: «Въ ряду золъ, — говоритъ онъ,—которыми страдаетъ человѣчество, *незнаніе* есть безспорно одно изъ главныхъ и притомъ самое большое. Богатство, какъ бы оно велико ни было, не спасетъ отъ обѣдненія человѣка, которому не достаетъ знанія, а бѣднякъ, обладающій знаніями, становится богатымъ при пособіи ихъ. Безсознательно, самъ своими стараніями, своимъ прилежаніемъ и заботами сельскій хозяинъ, не обладающій знаніями, только ускоряетъ свое раззореніе, урожаи на его поляхъ постоянно уменьшаются, и, наконецъ, его внуки и правнуки, столь же невѣжественные, не могутъ уже поддержать свое существованіе на томъ участкѣ земли, на которомъ родились; ихъ земля переходитъ въ руки того, кто обладаетъ знаніемъ, потому что въ знаніи лежитъ сила, которою пріобрѣтается капиталъ и могущество, и эта сила, по неизбѣжному закону природы,

изгоняетъ изъ наслѣдія предковъ потомка, неспособнаго къ сопротивленію. Животное лишено возможности собственною дѣятельностью обезпечить свое существованіе; оно подчинено закону природы, который управляетъ его существованіемъ и обезпечиваетъ его. Но для человѣка, который постигаетъ законы природы, законъ является не властелиномъ его судьбы, а слугою, который служитъ ему безпрекословною и дѣятельною службою. Животное, появляясь на свѣтъ, уже владѣетъ всѣмъ своимъ знаніемъ и мощью, они развиваются въ немъ безъ его содѣйствія; человѣкъ же одаренъ разумомъ и этимъ даромъ отдѣленъ отъ животныхъ; разумъ есть божественный талантъ, который человѣкъ долженъ пускать въ дѣло, и о которомъ скажется: «всякому имѣющему дается, а у неимѣющаго возьмется и то, что имѣетъ»; только то, что человѣкъ пріобрѣтаетъ посредствомъ этого таланта, даетъ ему власть надъ силами природы. Заблужденіе, необходимое послѣдствіе незнанія, должно когда-нибудь быть исправлено; тотъ, кто созналъ заблужденіе, не останется на его сторонѣ, и борьба заблужденія съ юною истиною есть естественное стремленіе человѣка къ познанію; въ борьбѣ должна окрѣпнуть истина; и если заблужденіе остается побѣдителемъ, то это только признакъ, что истина должна расти, а не значитъ, что заблужденіе есть истина. Съиздавна *лучшее* было врагомъ *хорошаго*, но это не объясняетъ, почему такъ часто незнаніе бываетъ врагомъ разума!» [1]).

---

[1]) „Химія въ прилож. къ земледѣлію и физіологіи растеній", стр. 191.

О вліяніи горъ и моря на характеръ населеній [1]).

Не одинъ умъ человѣческій былъ главнымъ факторомъ и въ новой. европейской исторіи. До XVI вѣка, до появленія Novum Organum цивилизаціи, указанной Бэкономъ, до открытій Коперника, Галилея, Декарта, Ньютона, до появленія этихъ, по выраженію Гизо, первыхъ penseurs libres, до «великаго востанія» ума человѣческаго въ XVI вѣкѣ,—природа еще могущественно направляла движеніе исторіи и владычествовала надъ умами, какъ можно видѣть изъ борьбы мистики и схоластики, номинализма и реализма. Альпійскія горы Швейцаріи не даромъ долго служили раздѣлительной цѣпью между образованнымъ греко-римскимъ югомъ и варварскимъ кельто-германскимъ сѣверомъ Европы. Уралъ составлялъ вѣковую преграду для распространенія русской колонизаціи и европейскаго образованія въ Азіи, на востокѣ. Не будь, представляемаго Европой, богатаго географическаго расчлененія,—исторія ея была бы другая. Счастливое береговое развитіе и разнообразное очертаніе материка, океаническое положеніе и тяготѣніе ея береговыхъ, приморскихъ странъ, естественно обусловившее открытіе Новаго свѣта съ открытіемъ новыхъ океаническихъ материковъ, неизбѣжно вызвало, создало новое направленіе европейской исторіи и цивилизаціи. Вліяніемъ или указаніемъ самой природы вызваны многія открытія въ области естествознанія — этого главнаго и могучаго рычага современной и особенно будущей цивилизаціи.

Да, какъ ни стремится человѣчество, по словамъ К. Риттера, высвободиться изъ подъ вліянія грубыхъ натуральныхъ силъ, а отдѣльный человѣкъ — отъ той глыбы земли, на которой родится, — все-таки разные племена и народы еще во многихъ отношеніяхъ суть живые отпечатки природныхъ формъ и типовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они нарождаются и воспитываются: «Человѣкъ, говоритъ тотъ же географъ Риттеръ, есть первый членъ этихъ явленій высшаго организма. Подобно какъ всякій человѣкъ въ различные періоды своей жизни долженъ пройти различные историческіе возрасты дитяти, юноши, мужа и старца, такъ и всякій человѣкъ въ пространствѣ служитъ зеркаломъ своей мѣстности. Житель Сѣвера и Юга, Востока и Запада, обитатель Альповъ гористаго Тироля, Батавецъ—житель

[1]) Напечатано въ журналѣ „Русское Слово“ за 1864 г., № 3, стр. 105—116; (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 15 апрѣля 1864 г.; редакція Н. А. Благовѣщенскаго).

голландской низменности — всякій человѣкъ есть представитель своего природнаго жилища, гдѣ онъ родился и воспитывался. Въ народахъ отражается ихъ отечество. Мѣстныя вліянія ландшафтовъ на характеристику ихъ жителей, на образъ ихъ и тѣлосложеніе, на форму черепа, на цвѣтъ, темпераментъ, языкъ и духовное развитіе неоспоримы. Отсюда и происходитъ безконечное рознообразіе явленій, равно и въ образованіи, и въ характерахъ, и въ стремленіяхъ различныхъ народовъ. Антропологія и этнографія, наука о человѣкѣ и народахъ, суть важнѣйшіе комментаріи для географіи и топографіи».

Предполагая въ особой статьѣ представить подробный очеркъ вліянія различныхъ природныхъ формъ и типовъ — горъ, горныхъ странъ, лѣсовъ, низменностей и степей, рѣкъ, рѣчныхъ системъ и долинъ, волоковъ, тундръ, моря и проч., здѣсь мы предлагаемъ краткій отрывокъ о сибирскихъ горныхъ поселеніяхъ каменьщиковъ и о русскихъ поморскихъ поселеніяхъ.

Не одни азіятскіе нагорные выходцы, но и мирные русскіе колонисты, искавшіе главнымъ образомъ свободы совѣсти, испытывали на себѣ могущественное вліяніе горъ и горнаго быта. Такъ, въ Алтайскихъ горахъ, въ скалистомъ Бухтарминскомъ краѣ, въ русской нагорной алтайской окраинѣ, еще въ прошломъ столѣтіи поселились разные добровольные великорусскіе и сибирскіе выходцы, преимущественно крестьяне русскіе и ясачные. Они заселили тамъ до 8 деревень. Поселенія ихъ извѣстны подъ именемъ *каменныхъ;* ихъ жители, говорятъ, живутъ «въ камняхъ» или «за камнями», откуда и происходитъ наименованіе *каменьщиковъ* или ясачниковъ, такъ какъ на нихъ наложенъ былъ ясакъ. Они состояли въ вѣдомствѣ Бійскаго округа Томской губерніи, теперь же находятся въ вѣдѣніи Бухтарминской волости. Первоначально они платили свою дань мѣхами, впослѣдствіи деньгами. Поводомъ происхожденія ихъ послужили въ шестидесятыхъ годахъ нѣкоторые бѣглые раскольники, весьма многочисленные въ Сибири, въ то время, когда правительство начало вызывать вѣтковскихъ, стародубскихъ, турецкихъ и австрійскихъ выходцевъ — русскихъ раскольниковъ къ добровольному переселенію въ Россію и добровольному же поселенію, гдѣ угодно, въ низовьяхъ Волги или въ Сибири. Первые алтайскіе каменьщики были выходцы изъ Колыванскаго горнаго округа и поселились по верховью Ульбы на сѣверѣ отъ дикихъ Холсунскихъ горъ. Но когда одинъ изъ нихъ былъ пойманъ и открылъ притонъ своихъ прочихъ товарищей, то послѣдніе бѣжали еще далѣе въ самыя дикія, скалистыя пустыни, на востокъ отъ Бухтарминска, черезъ высокія горы, въ дебри, которыя опустѣли со времени, тогда еще недавняго, уничтоженія джунгарской власти. Однакоже, оттуда они иногда приходили въ русскія деревни Алтайскаго горнаго округа, въ которыхъ жили ихъ единовѣрцы—раскольники, подкрѣплявшіе ихъ старинныя вѣрованія и фанатическое пустосвятство. Многіе изъ этихъ деревенскихъ жителей, равномѣрно, отступившись отъ своихъ общинъ и по примѣру первыхъ раскольниковъ поселенцевъ, ушли въ скалистый Бухтарминскій край съ своими женами и дѣтьми. Къ нимъ бѣжали и великорусскіе *бѣгуны*, бѣглые крестьяне, мѣщане и солдаты, послѣдователи только что появившагося въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія *согласія* Евфимія—бѣглаго солдата изъ переяславскихъ мѣщанъ. Каменщики для всенароднаго свѣдѣнія и для привлеченія къ себѣ безпоповцевъ распространяли особые маршруты, въ которыхъ подробно описывали дорогу за Камень. Новооткрытыя горы магически притягивали бѣгуновъ. Проповѣдуя «скрытіе», всячески

гаясь его отъ всѣхъ антихристовыхъ порядковъ и властей общественныхъ, — очень хорошо понимали, что скалистая гора—самая лучшая крѣпость, или да для спасенія отъ преслѣдованій. И вотъ, бѣгуны присоединялись къ горь алтайскимъ каменьщикамъ. Все это новое народонаселеніе, на югѣ отъ Холкихъ горъ, построило себѣ хижины въ самыхъ дикихъ горахъ Бухтарминъ, подлѣ самой китайской границы по горнымъ рѣкамъ Бухтармы и по примъ Язовой, Бѣлой и Черновой, подъ защитою скалистыхъ высотъ. Сначала жили здѣсь совершенно мирно, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ и, ждая шагъ за шагомъ естественныя преграды, стоявшія на пути ихъ труда, вознаграждены за свои усилія обильными жатвами. «Всѣ эти поселенія, на й крайней китайско-сибирской границѣ, замѣчаетъ Риттеръ, заслуживаютъ анія, ибо принадлежатъ къ такимъ общинамъ, которыя, безъ всякаго пособія правительства, развились свободно и быстро». Они достигли полнаго благооянія, не смотря на то, что сложились изъ преступниковъ, бѣглыхъ и одичаъ. Это одна изъ тѣхъ замѣчательныхъ колонизацій, которыя, наперекоръ ственнымъ условіямъ, создаются исключительными историческими обстоятельми. Казалось бы, жители ея должны были наслаждаться въ тишинѣ и мирѣ тою производительностью края, улучшать способы своего быта и, пользуясь ной свободой, невозмутимо отправлять свои религіозныя обряды. Тѣмъ болѣе о нужно было ожидать, что горные каменьщики всѣ были старовѣры и бѣгы, которые для того собственно и бѣжали въ горы, чтобы здѣсь свободно сонять свои вѣрованія и обряды. Бѣгуны, кромѣ того, ничего такъ не жаждали, ь спасительнаго «скрытія», совершеннаго разрыва всякаго сообщенія съ жими городовъ и селъ: *града настоящаго не имамъ*, говорять они, *но дущаго взыскуемъ*. Они желали, какъ можно подальше быть отъ людей. Но же вышло изъ нихъ въ этихъ высокихъ скалистыхъ горахъ, гдѣ горныя по- представляютъ самыя странныя фигуры въ причудливо-величественныхъ форъ колоннъ, корытообразныхъ углубленій, огромныхъ аггрегатовъ, ущелій, верныхъ выпуклостей и горныхъ угловъ, гдѣ съ бурливымъ шумомъ бьются изъ въ пропасти естественные каскады и проч. Вольный воздухъ горъ, дикая рода скалистой, страшной пустыни, оглашаемая только ревомъ дикихъ звѣрей гуломъ и журчаньемъ рѣкъ и ручьевъ, пустынный видъ грандіозныхъ каменъ грудъ, налегающихъ одна на другую, угрожающихъ обрывами, мертвое однозіе волнообразныхъ, скалистыхъ горныхъ грядъ, гребней и снѣжныхъ веръ, дикая даль и глушь, идущая между скалами, по перелѣскамъ и лѣсамъ ымъ, дикія пещеры—все это каждодневно дѣйствовало на здоровыя, мощныя ры горныхъ каменьщиковъ и дикостью своей естественно одичало ихъ. Горы ихъ скалистыми защитами невольно внушали имъ безстрашность, смѣлость, гу. Просторъ горныхъ высей и далей воспитывалъ въ нихъ волю буйную, торную, несдержимую. Жизнь среди хищныхъ звѣрей, охота за хищными ями развивала въ нихъ самыя хищныя наклонности и страсти, при отсутствіи ряющихъ и облагороживающихъ условій просвѣщенной человѣчности и благоных началъ общественной жизни. Вдали отъ общинъ, отъ городовъ и селъ, оянно, каждодневно, ежеминутно одни, вѣчно съ одними и тѣми же, хотя и ичественными, но дикими видами скалистой горной природы, вѣчно съ однимъ и ъ же бѣднымъ умственнымъ запасомъ для бесѣдъ, для обмѣна мыслей и чувствъ,

который также жизненно необходимъ для человѣка, какъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ, вѣчно на виду только другъ у друга, съ отсутствіемъ оживляющихъ, радующихъ или потрясающихъ новостей, вѣчно въ дикихъ ущельяхъ, утесахъ хребта, въ дикихъ лѣсахъ горъ, съ дикими звѣрями, съ дикой, хищной жаждой добычи,— эти горные каменьщики невольно должны были одичать. А вмѣстѣ съ дикостью являлась и лѣность, холодность къ мирному земледѣльческому и торгово-промышленному пріобрѣтенію средствъ благосостоянія, къ честному и постоянному труду. Вольный воздухъ и просторъ горъ расширялъ грудь для вольнаго, просторнаго размаха силъ; дичь скалистыхъ грудъ, горъ, внушала дикіе порывы въ одичалыхъ натурахъ. Лѣнивая жажда легкой наживы и вся атмосфера скалистой дикой природы, воспитывающая только дикихъ звѣрей и дикія произрастенія, возбуждала въ одичалыхъ горныхъ натурахъ каменьщиковъ фанатически-дикіе, хищническіе инстинкты. И вотъ, такимъ образомъ, скалистыя горы, во взаимномъ дѣйствіи съ физіологическими законами, претворяли, преобразовывали горныхъ каменьщиковъ изъ мирныхъ ревнителей староотеческаго благочестія, искавшихъ свободы вѣрованія, покоя, тишины и «скрытія», —преобразовывали ихъ въ самыхъ хищныхъ горцевъ; изъ мирныхъ, трудолюбивыхъ поселенцевъ-земледѣльцевъ дѣлали изъ нихъ одичалыхъ, хищныхъ разбойниковъ. Въ скалистыхъ горахъ имъ ужъ на умъ шло не старое благочестіе, не мирное развитіе ученія Евфимія, а кружила голову, кругомъ съ вершинъ скалистыхъ горъ виднѣвшаяся и манившая хищные взоры, богатая нажива на счетъ чужихъ добытковъ. Не «скрытія» ужъ они желали, а явныхъ, наглыхъ, разбойническихъ набѣговъ. И вотъ, всѣ эти послѣдователи стараго благочестія стали, на горахъ Алтайскихъ, страшными хищниками; изъ согласія религіознаго обратились въ согласіе хищническое, въ банду разбойничью. Они, какъ настоящіе горцы, такъ быстро и ловко дѣлали набѣги, разбои и похищенія, что алтайское управленіе не могло ихъ изловить: чрезвычайно трудно было настигнуть виновниковъ въ ихъ отдаленныхъ дебряхъ. Они, между тѣмъ, все болѣе и болѣе завлекали мародеровъ, бѣглыхъ изъ горнаго округа; и не только каторжники и преступники искали у нихъ убѣжища, но даже рудокопы и заводскіе работники, отчасти даже мастера, по какому-то странному фанатизму, мечтали обрѣсти тамъ лучшій міръ. Къ этимъ безпорядкамъ вскорѣ присоединились воровство, похищеніе женъ, убійства и другія преступленія, отчего первоначальное спокойствіе раскольниковъ въ этомъ убѣжищѣ обратилось въ страшное безначаліе, вызвавшее вооруженныя дѣйствія. По большей части каменьщики жили тогда набѣгами и разбоемъ, какъ браконьеры; появлялись во всей окрестности и, считаясь лучшими стрѣлками, устрашали все сосѣдство. Головы ихъ были оцѣнены и, гдѣ только они попадались, ихъ тотчасъ разстрѣливали; однакоже дѣйствія русскихъ разъѣздныхъ командъ были вообще безуспѣшны: ихъ партіи возвращались изъ скалистыхъ дебрей обыкновенно съ большимъ урономъ. Также безплодны были нападенія сосѣднихъ китайцевъ, желавшихъ отомстить имъ за многократные набѣги на при-иртышскихъ киргизовъ, которые, впрочемъ, гдѣ только могли, платили раскольникамъ тою же монетою. Такихъ буйныхъ хищниковъ заманиваютъ и воспитываютъ скалистыя горы и дебри. Совсѣмъ не то мы увидимъ уже въ предгорныхъ рѣчныхъ долинахъ, равнинахъ и на умѣренно-возвышенныхъ плоскостяхъ. Это мы видимъ на тѣхъ же каменщикахъ, какъ они перемѣнились въ нынѣшнее столѣтіе, вышедши въ 1791 году изъ скалистыхъ горъ и ущелій въ предгорныя рѣчныя долины, въ сосѣдство съ

мирными земледѣльческими, торгово-промышленными и горно-заводскими общинами. Другія условія окружающей природы дали и другое направленіе жизни этихъ выходцевъ.

Теперь перенесемся съ юго-западнаго горнаго хребта на сѣверо-западный, скандинавскій. И здѣсь также весьма типично и рѣзко отпечатлѣлось вліяніе горъ на характеръ финскаго населенія. Это особенно ясно обрисовывается на лопаряхъ осѣдлыхъ, прирѣчныхъ и пріозерныхъ и на лопаряхъ *горныхъ*, кочевыхъ. Тогда какъ первые все больше и больше стремятся и привыкаютъ къ прочной осѣдлости, къ колонизаціи, порываются основать прочный торгово-промышленный бытъ на рѣчныхъ долинахъ и пріозерныхъ низменностяхъ,—такъ называемые горные лопари, напротивъ, не любятъ осѣдлости, а любятъ горныя кочевья и странствованія, постоянно переходя съ оленями съ одной горной возвышенности на другую. Прежде они даже и жили, по словамъ соловецкихъ писателей, какъ дикіе звѣри, въ каменныхъ пещерахъ, поклонялись горнымъ камнямъ и питались всякими животными и звѣрями, какіе бы ни попались подъ ихъ горно-хищническую руку. Правда, и лопарь-рыбакъ низменникъ въ постройкѣ своихъ домовъ не оказалъ особенныхъ успѣховъ въ строительномъ искусствѣ, но если же онъ построилъ домъ, то уже невольно заводитъ и овцу, заводитъ корову: черезъ это уже онъ мало-по-малу стаціонируется, приближается къ прочной осѣдлой жизни. Если онъ иногда еще кочуетъ лѣтомъ и зимой, то все-таки онъ уже только на половину номадъ и образуетъ, такимъ образомъ, средній членъ между горнымъ лопаремъ и колонистомъ. Рыбаки-лопари находятся теперь въ переходномъ процессѣ, но всѣ такіе переходы трудны, и у енарскихъ лопарей такой переходъ отъ состоянія номадовъ къ твердо-осѣдлой колонизаціи мотивируется экономическимъ упадкомъ (Кастренъ, 120—121). Какъ въ лопаряхъ-рыбакахъ прирѣчная рыболовная жизнь и рыбная пища развиваютъ слабосиліе и мягкость, даже вялость нравовъ, такъ, напротивъ, въ горныхъ лопаряхъ горная жизнь и горно-животная пища развивала наибольшую силу, свѣжесть, дикость и даже грубость. Лопари низменно-осѣдлые мягче нравами, цивилизованнѣе, развитѣе, а горные лопари остаются дикарями, номадами, грубыми и дикими. Но мы лучше приведемъ здѣсь прекрасную характеристику глубоко-наблюдательнаго филолога Кастрена. Обрисовавши бытъ и нравы лопарей-рыболововъ, колонистовъ, Кастренъ такъ говоритъ о лопаряхъ горныхъ:

«Горные лопари въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже лопарей-рыболововъ. Это происходитъ не только отъ ихъ кочевого образа жизни, но и отъ незнакомства съ тѣмъ языкомъ, на которомъ до сихъ поръ преподавалась религія... По настоящему древнему обычаю жителей сѣвера, онъ (горный лопарь) любитъ отстаивать свое на основаніи кулачнаго права; онъ часто дерзокъ на словахъ, и грубъ, и высокомѣренъ въ обращеніи. Иначе и быть не можетъ, ибо горные лопари, хотя уже и приняли христіанство, но все-таки принадлежатъ къ числу дикихъ народовъ. Эта дикость, очевидно, проявляется уже въ ихъ наружномъ образѣ жизни. Начать съ того, что они, подобно большей части другихъ дикарей, живутъ въ жалкихъ шалашахъ... (Дальше Кастренъ описываетъ устройство этихъ шалашей, *гоатте*)... Самъ онъ (горный лопарь), съ своею прислугою, слѣдуетъ за стадомъ оленей и располагается иногда въ какомъ-нибудь снѣжномъ сугробѣ, а иногда въ такъ называемой *лавву*, жилищѣ, которое своимъ устройствомъ уступаетъ даже обыкновенному шалашу, *гоатте*... Такія

странствованія, по показанію Кастрена, совершаются два раза въ мѣсяцъ. Кромѣ того, горные лопари весною отправляются къ морскому прибрежью, а осенью возвращаются на горы. Какъ ни затруднительны такія путешествія, но еще большимъ неудобствамъ горный лопарь подвергается отъ постояннаго надзора за своими оленями. День и ночь онъ долженъ охранять этихъ животныхъ отъ волка, этого хитраго врага, который изъ-за куста выжидаетъ удобнаго случая, чтобы напасть на добычу... Къ древесной корѣ, которая (сверхъ мяса и хлѣба) составляетъ важную пищу для лопаря-рыболова, горный лопарь не имѣетъ надобности прибѣгать... Изъ представленнаго выше краткаго очерка видно, что лопарь-рыболовъ въ нравственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше своего собрата, живущаго на горахъ. Наконецъ, я также старался показать, что горный лопарь въ своемъ образѣ жизни болѣе дикъ и менѣе цивилизованъ, чѣмъ лопарь-рыболовъ. Послѣдній большую часть зимы проводитъ у себя дома въ комнатѣ, быть можетъ въ черезчуръ безмятежномъ спокойствіи, тогда какъ горный лопарь долженъ переносить холодъ, бурю и непогоду и, вообще, вести жизнь, которая болѣе похожа на жизнь дикихъ звѣрей, чѣмъ на людскую... Надо стараться направлять лопарей-рыболововъ не къ горамъ, не къ норвежскимъ фіордамъ, а къ той цѣли, къ которой они сами безсознательно стремятся, а именно къ совершенно осѣдлому образу жизни».

Съ горъ поморскихъ сойдемъ на берегъ моря. Здѣсь *Море* и *Горы*,—какъ дѣлятъ русскіе поморцы все свое обширное поморье,—были главными естественными факторами въ физіолого-этнографическомъ образованіи, воспитаніи и развитіи русскаго и финскаго народонаселенія. *Море* испоконъ вѣка, изначала стало стихіей поморцевъ, владыкой жизни и смерти ихъ. *Горы*, т. е. прибрежныя, скалистыя и лѣсныя нагорья, приречныя и пріозерныя возвышенности надъ уровнемъ моря, болотныя мѣста поморскія,—испоконъ вѣка стали стихіей финскихъ племенъ—Лопарей и Кореловъ, ихъ жизнью и смертью. Море на волнахъ своихъ взлелѣяло, вскормило изъ новгородцевъ могучихъ, крѣпкихъ, здоровыхъ, въ высшей степени смышленыхъ поморцевъ, и такимъ образомъ довело ихъ до физіологическаго преимущества предъ горными и болотными лопарями и корелами. Горы или болотныя, материковыя земли поморскія задавили, уронили, низвели до глубокаго паденія финское племя, и такимъ образомъ подчинили ихъ вліянію могучихъ поморцевъ. И вотъ по какому физико-экономическому закону природы совершился этотъ процессъ. Въ сѣверномъ, полярномъ поморьѣ, въ суровомъ, полярномъ климатѣ, на безплодной, скучно-жизненной полярной почвѣ, природа устроила свою великую экономію такъ, что съ полярнымъ холодомъ, съ полярнымъ ускореннымъ и обильнымъ вдыханіемъ кислорода соразмѣрила потребность, количество и качество полярной пищи; соразмѣрила потребность и напряженность полярнаго движенія со степенью напряженія и движенія жизни; соразмѣрила правильно-пропорціональную убыль тканей жизни и потребность прихода, добычи матеріала для возстановленія этихъ тканей жизни. Тутъ, слѣдовательно, въ этой физической средѣ усиленно-напряженной разрушительности необходима соразмѣрная среда и усиленно-напряженной производительности. И вотъ, природа, рядомъ съ маложизненною, скудною средою полярнаго поморья, гдѣ разрушеніе преобладало надъ жизнью, убыль, потеря, разслабленіе надъ прибылью, добычею и укрѣпленіемъ,—природа рядомъ съ этой задерживающей жизнь средою устроила огромный, безпредѣльный, неисчерпаемый резервуаръ жизни, резервуаръ и источникъ мате-

ріаловъ, средствъ для жизни—устроила море и океанъ. Кто хотѣлъ только жить здѣсь, въ суровомъ полярномъ поморьѣ, вполнѣ вѣрно и постоянно обезпеченно, тотъ долженъ былъ полагаться не на скудную, полярную сушу, не на эти корело-лопарскія горы или болота, озера и мхи, а на море, «на океанъ-море», какъ говоритъ нашъ народъ. Потому что и та скудно-жизненная суша, какую представляло сѣверное, полярное поморье, могла еще больше оскудѣть, и дѣйствительно съ теченіемъ вѣковъ оскудѣвала, отъ безпрерывныхъ, ничѣмъ невознаградимыхъ, тысячелѣтнихъ издержекъ и запросовъ на нее, какіе предъявляли то горные и лѣсные лопари и корелы, то волки и медвѣди, то дикіе олени и проч. Дорогіе звѣри, какъ напр., выдры, бобры, единственно обезпечивавшіе безбѣдное существованіе, изводились. Съ убылью или истребленіемъ лѣсовъ и другіе звѣри исчезали. Волки, по безпрестаннымъ и слезо-плачевнымъ жалобамъ лопарей, облавами рыская, безпощадно истребляли и изгоняли оленей. Рыбныя рѣки, рѣчки и озера испоконъ вѣка всѣ распредѣлены были на половины, на юзы и лужи отдѣльныя, участковыя: да и рыба озерно-рѣчная была не совсѣмъ достаточной пищей по сѣверному, полярному климату. А почва полярно-поморская ужъ испоконъ вѣку была обречена на безплодіе, на безхлѣбіе: «по всему поморью, такъ постоянно писали въ своихъ челобитныхъ поморскіе крестьяне, по всему поморью земля пришла каменистая, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побиваетъ». Что же оставалось тамъ для прочнаго, постоянно вѣрнаго обезпеченія поморской колонизаціи и жизни? Что могло обусловить тамъ господствующее населеніе, господствующее физіолого-этнографическое развитіе, господствующій народъ? Море, только океанъ—море, съ его неистощимымъ, неисчерпаемымъ, жизненнымъ содержаніемъ. И вотъ, новгородцы, по естественному же инстинкту жизни, какъ только узнали о сѣверномъ морѣ-океанѣ, такъ пошли туда сначала только на временные промыслы, а потомъ и на постоянное поселеніе. По инстинктивному чувству жизни они сейчасъ поняли, что не *Гора* поморская, скалистая, безплодная, не земля болотная, каменистая и мшистая, должна была кормить, содержать, обезпечивать и обогащать ихъ, а море. Сама природа избытокъ развитія и жизни показала не въ скудныхъ, однообразныхъ, тощихъ формахъ полярнаго, берегового, поморскаго материка, а въ глубинахъ и безпредѣльныхъ омутахъ моря, въ чудныхъ строеніяхъ, формахъ и движеніяхъ естества морского. Море преобладало надъ сушей, надъ матерой землей поморья, слѣдовательно и морскія формы и источники жизни должны были преобладать надъ развитіемъ скудныхъ, исключительно материковыхъ формъ жизни. У моря жить, моремъ и кормиться: къ такому неизбѣжному убѣжденію пришли русскіе поселенцы у моря. Море для нихъ стало жизненной стихіей, море—все для нихъ. Древнія жизнеописанія поморскихъ святыхъ почти исключительно наполнены сказаніями о морской жизни и дѣятельности, о морскихъ промыслахъ новгородскихъ поморцевъ поселенцевъ, о морскихъ юровахъ и юровщинахъ, о морскихъ приключеніяхъ съ ними, о морскихъ буряхъ. Эти сказанія наполнены легендами о морскихъ чудесахъ поморскихъ святыхъ, которые изображаются въ нихъ какими-то морскими героями-полубогами. Море представляло для поморскихъ писателей самый поэтическій, возвышенный предметъ описанія. Въ найденныхъ рукописяхъ Соловецкой библіотеки намъ доводилось читать живописныя, поэтическія изображенія Ледовитаго моря, его волнъ и бурь, ледяныхъ глыбъ и горъ, его теченій и переселеній живущихъ въ немъ рыбъ. Но самое главное, насущное, жиз-

ненное значеніе моря для русскихъ поморцевъ всегда было то, что оно для нихъ замѣняло пашни, замѣняло все. «Море, говорятъ поморцы, наше поле: даетъ Богъ рыбу, даетъ Богъ хлѣбъ». Море, по поморскому же присловью, хоть и горе, а безъ него ему вдвое (387). Моремъ, отъ избытка широкихъ даровъ его, поморецъ русскій и увлекается, и гордится. «Эка благодать!—говорилъ г. Максимову одинъ поморецъ.—Эка благодать—матушка! Эко привольное раздолье, жисть благодатная!.. Міроздaніе божеское!.. Море — это горе! а безъ него — кажись, вдвое. Что у васъ тамъ... въ Расеѣ-то, есть экое-то?» прихвастнулъ хозяинъ и, получивши отрицательный отвѣтъ, еще больше пріударилъ на свое: «то-то, вѣдь нѣтъ!.. Ину пору, правда, и тоска беретъ, эдакъ въ непогодь-то, али-бъ на берегу сидя, а попалъ вотъ въ этакую благодать, такъ слезными рыданіями не прочь удовольствіе себѣ получить... не сошелъ бы съ палубы!»... Такимъ образомъ, море совсѣмъ иначе дѣйствовало на складъ характера и образа жизни своихъ поселенцевъ, чѣмъ горы; оно развивало умъ предпріимчивый и сильную смышленность. Не даромъ Ломоносовъ вышелъ изъ поморья, на которомъ онъ былъ взлелѣянъ съ дѣтства, и о которомъ у него сохранились глубокія воспоминанія. Море взлелѣяло, вскормило изъ новгородцевъ мускулистыхъ, мощныхъ, крѣпкихъ, здоровыхъ, и, главное, изумительно предпріимчивыхъ поморцевъ. Кто первый открылъ Новую Землю, Обь, Чукоцкій носъ? Поморцы. Кто первый смѣло пошелъ по всей безпредѣльной матушкѣ Сибири промышлять пушнымъ звѣремъ? Поморцы. Кто первый заселилъ сибирскіе города, распахалъ первыя пашни--десятины въ Сибири? Опять поморцы. А всю эту могучую, подвижную мускулатуру поморца, всю эту богатырскую смѣлость и предпріимчивость воспитало море, воспиталъ полярный воздухъ морской. Море для помора—пашня несущая хлѣбъ насущный, отъ Мезени до Колы, до Мурмана. Русскіе поселенцы поморья сразу это поняли,—и потому и не осѣлись, не заплѣсневѣли на мшистыхъ, береговыхъ, болотныхъ земляхъ, какъ финское племя, и тотчасъ пустились въ море. Вотъ какъ одинъ поморецъ объяснилъ г. Максимову значеніе моря: «Вонъ лѣта-то наши, видишь, какъ у насъ все холода стоятъ; гдѣ ему тутъ, хлѣбушку уродиться? Не уродиться ему, коли и хорошее лѣто задастся. Вотъ и посѣемъ, и надежду на это большую положимъ, и ждемъ, и въ радость приходимъ; взойдетъ наше жито, и сѣмя нальется, а тамъ, гляди, изъ кажной мшины и пошелъ словно паръ туманомъ: все и прихватитъ, и позябнетъ твой хлѣбъ—твои труды. Изъ чего тутъ биться, къ какому концу приведешь себя? ни къ какому; вѣрь ты слову! Вонъ, коли хочешь, поле-то наше, все оно тутъ на лицо! —продолжалъ поморецъ, опять указывая на море. Это поле и пахать не надо: само, безъ тебя, рожаетъ. Вотъ откуда мы хлѣбушко-то свое добываемъ, и не обижаетъ, ей Богу!..» (I, 80). Это въ одномъ концѣ поморья такъ разсуждали о морѣ—поморы архангельскіе и онежскіе. А вотъ слышится такое же похвальное слово морю и морскимъ промысламъ въ другомъ концѣ поморья, на терскомъ и кольскомъ берегу. «У промысловаго и поморскаго народа одна забота,—говоритъ г. Максимову кольскій поморецъ,—и конецъ одинъ. Гляди ты на море, да полюби его, да не жалѣй своей души многогрѣшной, хорошо будетъ! Море наше, гдѣ ни возьми, вездѣ съ рыбой, вездѣ, стало быть, съ добычей. Разноты тутъ большой не видать: у насъ вотъ переметами рыбку-то ловятъ, а здѣсь, вишь, хорвами. А присмотришься ко всему этому, такъ тоже самое и выйдетъ. Нѣтъ, вѣдь, нашъ народъ кольскій издавна

за толкомъ-то къ сосѣду не ходитъ. Не спуста и пословка такая идетъ, что «городъ де нашъ Кола—крюкъ, народъ—уда, что слово, то и зазубра». И это такъ, и на это обижаться—грѣхъ. Нашего брата закинутаго, поморскаго человѣка домъ-отъ не держитъ: такъ и не привыкаешь къ нему. Мы домой-то только ходимъ отогрѣться да праздники большіе, по закону отцовскому, христіанскимъ образомъ, честно править. Попьешь, пображничаешь съ ромомъ норвежскимъ недѣлю—другую, да и опять потеплѣй одѣваться, опять въ море лѣзешь. Лѣтомъ кого ты въ Колѣ увидѣлъ!.. Лѣтомъ мы всѣ на Мурманѣ треску, семгу, палтасину ловимъ до поздней осени, когда и къ берегамъ ледяные припаи пристынутъ, и губы всѣ въ сплошной ледъ закуетъ, и въ морѣ заплаваетъ сало—снѣгъ, такой мокрый, что масло коровье... И мы къ дому бѣжимъ на отдыхъ... Вотъ и все тутъ, все наше ликованье, вся радость и земная, и небесная» (I, 317).

Такими рѣзкими чертами обозначаетъ природа первые зародыши человѣческихъ обществъ. Пока человѣкъ не одолѣетъ ея силъ, не подчинитъ ихъ своему вліянію, эти естественныя силы неотразимо дѣйствуютъ на развитіе всѣхъ его умственныхъ и нравственныхъ способностей. Онъ подчиняется этимъ силамъ наравнѣ съ другими животными; онъ принимаетъ отъ нихъ вмѣстѣ съ необходимыми средствами жизни и первыя понятія, вѣрованія, надежды или отчаяніе; такъ что по характеру мѣстности и окружающихъ физическихъ явленій мы совершенно вѣрно можемъ судить о самомъ характерѣ первыхъ приморскихъ или нагорныхъ поселеній. Только впослѣдствіи, когда историческая жизнь проходитъ длинное пространство вѣковъ и развиваетъ самыя прочныя общественныя формы,—это вліяніе ослабѣваетъ, но оно никогда не исчезаетъ въ народномъ типѣ.

Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія [1]).

Естественныя и умственныя условія земледѣльческихъ поселеній въ Россіи.

I.

Уже самый первый историческій актъ — географическое распространеніе и земско-хозяйственное устройство допетровской Руси объясняетъ ея медленное умственное движеніе и развитіе. Вѣковое напряженіе физическихъ силъ народа въ колоссальныхъ завоеваніяхъ земель на востокѣ и западѣ (отъ 18.000 до 392.000 кв. м.), въ тысячелѣтнемъ распространеніи колонизаціи и агрикультуры среди лѣсовъ и болотъ, въ борьбѣ съ финскими и турко-монгольскими племенами, въ пассивной борьбѣ съ суровой сѣверной природой, въ войнахъ съ Западомъ, Польшей и Турціей,—все это богатырское напряженіе физическихъ силъ народа, естественно, оставляло мало мѣста для развитія умственныхъ силъ. Къ научнымъ, умственнымъ занятіямъ, и особенно къ такимъ, которыя требовали естествознанія, русскіе люди обнаруживали не только холодность, но и недовѣріе: они не знали ни земли, ни воды своей, и не хотѣли учиться [2]). Отсутствіе умственныхъ интересовъ въ русскомъ народѣ и обществѣ поражало западныхъ путешественниковъ по Россіи [3]). По причинѣ такой умственной неразвитости, вслѣдствіе отсутствія естественно-научной, реально-познавательной дѣятельности, умственныхъ интересовъ и занятій, духа изслѣдованія и пытливости,—въ народѣ, естественно, преобладали

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Русское Слово“ за 1864 г., № 8, стр. 1—54, № 9 стр. 95—130 и № 10, стр. 179—211 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 28 сентября 6 ноября и 6 декабря 1864 г.; редакція Н. А. Благовѣщенскаго).

[2]) Петрей (in chronic. moscovitic., p. 311).

[3]) Олеарій говоритъ: „Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ, тѣмъ менѣе съ охотою занимаются ими... Естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію... Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ достопамятными дѣлами своихъ предковъ, не стараясь узнать что-либо о состояніи иностранныхъ земель, русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Всѣ рѣчи ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ“ и проч. (Путеш. Олеарія, въ „Архивѣ“ Калачева за 1859 г., кн. 3, стр. 25—36).

одни мускулярныя силы и занятія [1]), одно воображеніе. Отъ неразвитости умственно-индустріальной изобрѣтательности проистекло преобладаніе въ древней Россіи такъ называемыхъ *вытныхъ*, хлѣбныхъ промысловъ и сильное развитіе системы кормленія [2]). Отсюда, при легкости прокормленія хлѣбопашествомъ, при обиліи земли хлѣбородной, естественно произошла преобладающая въ древней Россіи—хлѣбопахатная или земледѣльческая колонизація [3]). Преимущественное развитіе и значеніе мускулярной силы, обусловило способность къ военнымъ занятіямъ и промыслы — «полонъ», «добычу», «грабежъ», а потомъ службу *своей силой* за кормъ, за хлѣбное и денежное жалованье, за жалованныя земли [4]). Отсюда проистекала особая

---

[1]) Былины о размашистыхъ подвигахъ богатырей вполнѣ выразили господствующее развитіе мускулярныхъ силъ въ древней Россіи. Силами не только боролись, но и гордились. Есть особыя легенды о силѣ. (См. „Исторію русской словесности" — Шевырева, Т. I. „Сборникъ народныхъ стиховъ" — Кирши Данилова, Сборникъ — Рыбушкина и друг.). Для усиленія развитія силы и вообще тѣлесной крѣпости и полноты въ старину употребляли и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ разныя травы, напримѣръ, девясиль обыкновенный (Pulicaria vulgaris), сушеницу топянистую (Gnafalium uliginorum) и друг. (См. „Матер. для статист. и географ. Воронеж. губ.", стр. 85). И дѣйствительно, западные путешественники единогласно отзывались о русскихъ, какъ о сильныхъ мускулистыхъ людяхъ. Петрей говоритъ: „Русскіе всѣ вообще люди рослые, сильные, дюжіе, тучные"... („Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moskan", S. 583, 593). Олеарій: „всѣ мужчины вообще высоки ростомъ, полны и крѣпкаго сложенія... Русскіе — народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ и жаръ". („Архивъ", 1859 г., кн. 3; сочин. Олеарія, стр. 20, 25, 45, 55). Мускулярныя силы упражнялись и развивались въ палочныхъ и кулачныхъ бояхъ. Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрныя битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались въ партіи, и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ — бились неистово и жестоко... Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. Сверхъ того, молодые люди боролись, бѣгали въ запуски, скакали на лошадяхъ въ перегонки. и проч. (См. Костомарова, „Очеркъ нравовъ великор. народа", стр. 141—142. Олеарія, „Архивъ", стр. 40. А. А. Э. Т. III, № 264). О господствѣ силы въ древней Россіи свидѣтельствуетъ также обычай *биться въ полѣ* изъ-за земли и проч. См. правыя грамоты въ актахъ юридическихъ. Вообще, средніе вѣка, когда господствовало право сильнаго, главнымъ образомъ характеризуются полнѣйшимъ господствомъ и разгуломъ грубыхъ физическихъ, мускулярныхъ силъ.

[2]) Отсюда самая поземельная мѣра выражала представленіе о желудкѣ или насыщеніи человѣка и называлась *вытью*, т. е. такимъ участкомъ земли, съ котораго могло быть сытымъ семейство. („Сошное письмо", въ XVII кн. „Временника". Неволинъ, „О Пятин. и погостахъ Новгород." Прилож. V). Количествомъ вытей гордились и измѣряли богатство и знатность. Въ словѣ о правдѣ, приписываемомъ извѣстн. протоп. Стефану Вонифантьеву, хлѣбъ называется „главизною всѣхъ промысловъ" („Обзоръ дух. писателей"—Филарета подъ словомъ: Стефанъ Вонифантьевъ). Въ одномъ муромскомъ сказаніи также сказано: „главизна всѣмъ—поля хлѣбородныя" (См. во „Владим. Сборн." въ статьѣ о Муромѣ). По народному міросозерцанію, хлѣбопашество—богоопредѣленный источникъ пропитанія, богатства, основанія скотоводства, торговли и всякаго добра.

[3]) О которой и будетъ дальше сказано подробно.

[4]) Упражненіе мускулярныхъ силъ въ палочныхъ и кулачныхъ бояхъ пріучало къ войнѣ, развивало неустрашимый и храбрый воинственный духъ. (Костомаровъ, „Очеркъ нравовъ великорусскаго народа", стр. 141—142). Чтобы наиболѣе развивалась мускулярная сила, русскіе съ 14-ти лѣтъ учились военнымъ занятіямъ и, кромѣ того, ѣли сырое мясо разныхъ звѣрей, оленину съ саломъ дикихъ звѣрей и проч. Вунделеръ (Reisen nach Dänemark, Russland und Schweden 1589 и 1590, во Frankfurt. Archiv, für ältere deutsch. Literatur, u Geschichte, herausgegeb. von J. C. von Fikhardt. Frankf. 1812. Th. I S. 163—235) на стр. 211 говоритъ: „Такъ какъ великіе князья ежегодно нуждаются въ большомъ количествѣ военныхъ людей, то чрезъ каждые три года всѣ дѣти боярскіе, какъ только достигнутъ 14-ти лѣтъ, записываются въ службу и требуются на войну... Самая обыкновенная ихъ пища въ полѣ: олень (Hirsch, Hirse), приготовленный съ саломъ дикихъ звѣрей (mit Wildt-Thier-Schmalz gekocht), лукъ и чеснокъ, сухая рыба, сырое (wildt, roh) мясо многоразличныхъ звѣрей. Вообще здѣшніе жители очень терпѣливы и сносны (sie sind also leidtlich und können sich in alle Zeit schicken)". Русскіе съ молоду пріучались къ разнымъ воинскимъ пріемамъ и обычаямъ, развивали особыя тѣлесныя способности. Напримѣръ, Ст. Какашъ (1602 г.) говоритъ: „московитяне имѣютъ обычай, когда ѣдутъ въ

военно-служилая колонизація — стратегическая или острожная, стрѣлецкая и казачья, линейно-сторожевая, ландмилицкая и военно-поселенческая [1]).

Результатомъ общей односторонности, обусловившей преобладаніе или исключительное развитіе только земледѣльческихъ и военныхъ поселеній, былъ крайній недостатокъ въ древней Россіи высшихъ индустріальныхъ способностей и знаній, индустріальной интеллигенціи и изобрѣтательности и, вслѣдствіе того, слабое развитіе индустріальныхъ народныхъ ассоціацій, мануфактурно-промышленныхъ, фабрично-заводскихъ и торгово-промышленныхъ поселеній [2]). Общая несостоятельность въ

путь (на войну), или стоять на посту, свистѣть губами безъ всякаго инструмента; посредствомъ памяти и долговременнаго упражненія съ юности, они пріобрѣтаютъ въ этомъ занятіи большое совершенство (Archiv für Géographie, Historie, Staats-und Kriegskunst. 1811. Путеш. Какаша въ №№ 11, 12, 27, 29, 37, 39, 40, 41). Изъ-за хлѣбнаго жалованья служили *своею силою*. „Дополн. къ А. И.", т. III, № 87 и мн. др. Первоначальною цѣлью или непремѣннымъ условіемъ всѣхъ древне-русскихъ войнъ, особенно до XII-го в., были — полонъ, грабежъ, добыча, а въ Сибири, въ XVII-мъ в., ясакъ. Въ старину, напримѣръ, чуть происходилъ разладъ между городами или княжествами, тотчасъ начинался грабежъ и полонъ (см., наприм., Соф. Врем., I, 345): „ополчишася на грабежъ, учиниша ратніи вси волости пусты, села пожгоша, а города поимаша, а люди въ полонъ поведоша, а имѣнія разграбиша, а жита потравиша.. Великаго Новгорода разбойницы 70 умкуевъ, съ воеводою Прокофомъ, пришедши взяти Кострому градъ разбоемъ, людей изсѣкоша, а иныхъ въ полонъ ведоша, и жены и дѣти ихъ, а товаръ пограбиша", и проч. (Соф., I, стр. 348--350). Вообще, о каждой древне-русской войнѣ обыкновенно говорится: сожгли или разграбили села и города, полону, женъ и дѣтей, многое множество вывели и все богатство ихъ взяли и т. п. (Никон., III, 123, IV, 16, 25 и мног. др.). „Русскіе, говоритъ Олеарій, весьма способны къ войнѣ и охотно идутъ на нее, такъ какъ они ведутъ жизнь суровую... Цѣль войны состоитъ въ грабежѣ, убійствѣ и желаніи обогатиться". („Архивъ", 1859, кн. III, стр. 45). О военныхъ промыслахъ служилыхъ людей въ пріискѣ ясачныхъ землицъ и людей въ Сибири, о грабежахъ ихъ см. „Дополн. къ акт. историч.", т. III—VIII.

[1]) См. „О сторожевой, станичной и полевой службѣ, на польской или степной украйнѣ москов. государства"- соч. Бѣляева, въ „Чтен. моск. общ. ист." 1845—1846, кн. IV. Въ актахъ XVI и особенно XVII в. весьма часто говорится, что такого-то лѣта и въ такомъ-то мѣстѣ (преимущественно въ понизовомъ, заволжскомъ краю) „Государь указалъ поставить городъ или острогъ и населить его стрѣльцами, пушкарями и защитниками". Въ Сибири, служилые люди, пріискивая немирныя ясачныя землицы, ставили и населяли города, остроги и зимовья. См. „Дополн. къ акт. истор.", т. III—VIII (наприм., т. VI, №№ 1, 5, 10, 21, 89, 118 и 130; т. VII, № 74; т. VIII, №№ 11, 101). Въ XVII в. повсюду около городовъ устроялись стрѣлецкія слободы. А. А. Э., т. IV, № 280. „Владим. Сборн." стр. 78. „Доп. къ А. И.", III, № 16. Солдатами населяли деревни. „Доп. къ А. И.", т. III, № 64. Въ началѣ XVIII стол. драгунскими и пѣхотными полками населялись особыя слободы по дистриктамъ и при городахъ. (П. С. З., т. V, №№ 3.899, 3 901; т. VII, №№ 4.611, 5.017, стр. 746; № 5.033, стр. 760; № 5.117, стр. 823). При Аннѣ Іоанновнѣ и въ послѣдующее время, казаками населяли особые казачьи города и слободы, на царицынской линіи (П. С. З., т. VIII, №№ 5.923, 5.868, 6.007, 6.129 и друг.). Военной колонизаціей, въ XVIII в., проведена была также цѣпь крѣпостей, слободъ, станицъ и форпостовъ, сначала по линіи закамской или черемшанской, потомъ по линіи яицкой: обѣ эти линіи заселялись казаками, пахатными солдатами, ланд-милицкими полками (П. С. З., т. X, № 7,278. Лексик. Татищева, ч. I, стр. 89, 149, 162—163, 200, 236; ч. III, стр. 78, 201, 212. Сочин. и перевод. 1759 г., ч. I, стр. 303, 304, 310 -312, 393). Jonas Hanway, zuverlässige Beschreibung seiner Reisen von London durch Russland und Persien in den Jahren von 1.742 bis 1.750. B. I, c. з. s. 10—11. Тутъ же и карта этой военной стратегической колонизаціи. (Рычковъ, описывая пригородки, крѣпости, редуты, населенные стрѣльцами и солдатами, замѣчаетъ: „Намѣреніе сего поселенія, думаю, состояло въ томъ, чтобы среди иновѣрныхъ народовъ сдѣлать россійскія населенія, которыя бы могли примѣчать всѣ дѣйствія и движенія тогда еще новыхъ, а притомъ къ возмущенію склонныхъ народовъ. Стрѣльцы были на то весьма способны", и проч. (Журн или Дневн. Зап., изд. 1770 г., I, стр. 10). Наконецъ, извѣстны позднѣйшія военныя поселенія въ южномъ и югозападномъ краю и въ губерніяхъ: Новгородской, Витебской и Могилевской, народонаселеніе которыхъ простиралось въ 1858 г. до. 571.989 д. м. п. (См. Тургенева, „La Russie et les Russes", t. II, въ концѣ).

[2]) Юрій Крыжаничь (въ сочин. о Москов. Государствѣ въ царств. Ал. Мих., въ раздѣлѣ III, на стр. 42) говоритъ о земледѣльческой и вообще промышленной — *недомысливости* русскаго народа: „первое, 'або нашего народа люди суть коснаго, медлительнаго, небыстраго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ непокажутъ. Второе: або у насъ нѣсть никаковыхъ книгъ объ тетаніи (земледѣліи) и объ иныхъ промыслахъ, какъ

области индустріальнаго мышленія, занятій и труда, проистекавшая отъ крайняго недостатка или отсутствія реальныхъ знаній, общій недостатокъ промышленной интеллигенціи и изобрѣтательности—только усиливали численное преобладаніе земледѣльческихъ поселеній, въ ущербъ индустріальнымъ, фабрично-заводскимъ, мануфактурнымъ и торгово-промышленнымъ ассоціаціямъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія земледѣльческія поселенія составляли у насъ $^{8}/_{10}$ всего народонаселенія (тогда какъ въ Англіи $^{1}/_{3}$) и 18 милліоновъ душъ мужского пола сѣяли хлѣбъ, чтобы прокормить только 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителей [1]). Въ 1826 году Malchus считалъ въ Россіи земледѣльцевъ 79% всего народонаселенія, тогда какъ городского, промышленнаго сословія только 6% [2]). Въ настоящее время, земледѣльческое сословіе составляетъ около 88% всего мужского народонаселенія, между тѣмъ какъ торговое сословіе меньше $^{3}/_{4}$%, мѣщане и цеховые около $6^{1}/_{3}$%. Военно-служилый характеръ колонизаціи и военно-стратегическіе основы городовъ, естественно, тоже не были благопріятны для широкаго и цвѣтущаго развитія мирныхъ индустріальныхъ занятій.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, въ Россіи, естественно, не развивались цвѣтущія индустріальныя корпораціи труда и населенія. Въ городахъ древней Россіи не только не проявлялось промышленное изобрѣтательное творчество, но чрезвычайно плохо развивалась и простая ремесленность. Извѣстный писатель въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Юрій Крыжаничь говоритъ: «наиболѣе всего богато, славно и сильно то государство, гдѣ хорошія понятія, смѣтки и убѣжденія, или отъ природы даровиты и домысливы разумы, и гдѣ, потому, цвѣтетъ всякое рукодѣлье и ремесло, и великая морская торговля: такъ — въ англичанской и брабантской землѣ... Оказывается, что и русская земля мало имѣетъ торговли... Ремесла до сихъ поръ въ Россіи съ трудомъ заводились. А только ремесломъ умножается земля и наполняются города» [3]). Такъ какъ побужденія мускулярныя преобладали въ древней Россіи надъ мыслящими способностями и надъ высшими умственными потребностями и занятіями, то преобладали и промыслы кормовые надъ мастерствами и занятіями умственными, требующими болѣе или менѣе интеллектуальной сообразительности. Напримѣръ, въ самой Москвѣ, въ мѣщанской слободѣ, въ 1677 году, даже такими, самыми простыми умственными занятіями, какъ—ученье дѣтей въ школѣ, книжная торговля, живопись, печатанье

суть у иныхъ народовъ. Третіе: або наше людство есть лѣниво и непромысельно; и сами себѣ не хотятъ добра учинить, аще не будутъ нѣкакою силою принуждены". Адм. Мордвиновъ (въ мнѣніи о росписи доходовъ и расходовъ на 1821 г.) говоритъ: „Науки не богатили еще всѣхъ сословій народа въ достаточной мѣрѣ тѣми знаніями, которыя къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и къ торговлѣ относятся и даютъ произведеніямъ рукъ человѣческихъ совершенство" („Чтен. Общ. Истор.", 1859 г., кн. I, Отд. V, стр. 7). Въ мнѣніи о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи онъ говоритъ: „Ничто не поощряетъ труда и дѣятельности и не раскрываетъ умственныхъ способностей поселянъ" („Чтен. Общ. Истор.", 1860, кн. I, Отд. V, стр. 30). Въ „Горномъ Журн." за 1826 г., кн. I, на стр. 152, тоже замѣчено объ умственномъ состояніи сельскаго народа, по случаю извѣстія о школѣ Сельскаго Хозяйства и Горнозаводскихъ Наукъ: „Россія, обильная всѣми дарами щедрой природы, обитаемая трудолюбивымъ и смышленымъ народомъ, донынѣ мало пользовалась выгодами, проистекающими отъ приличнаго образованія и обученія людей, занимающихся сельскими работами... Но во сколько кратъ люди сіи были бы полезнѣе, если бы природныя ихъ способности изощрены и усовершены были ученіемъ, если бы обучать простыхъ земледѣльцевъ разнымъ мастерствамъ, открыть имъ новый путь къ обогащенію въ ремеслахъ, и проч.

[1]) „Чтен. Общ. Истор.", 1860 г. кн., I, отд. V, стр. 29—30.

[2]) Statistik und Staatenkunde, S. 200.

[3]) „Русское государство въ полов. XVII в.", раздѣлъ I, стр. 7, 8; разд. III, стр. 39, 40.

листовъ, переписка и переплетъ книгъ, дѣланье органовъ и насосовъ, садоводство,— промышляли всего только 8 человѣкъ, и приходилось только по 1 человѣку на каждое изъ этихъ занятій. Между тѣмъ какъ однимъ мясомъ торговали въ той же мѣщанской слободѣ до 52 человѣкъ, рыбой болѣе 20, хлѣбомъ печенымъ и калачами до 24, разнымъ харчомъ до 11, ветошьемъ до 12 человѣкъ и т. д. И до такой степени не развиты были индустріальныя понятія, что, напр., кормленіе именемъ Христовымъ или подьячествомъ офиціально считалось и записывалось въ числѣ городскихъ ремеслъ и промысловъ [1]). Кормовыя рукодѣлья, конечно, мѣшали умственнымъ трудамъ [2]). По отсутствію самостоятельнаго умственнаго труда и творчества, по совершенному отсутствію реальныхъ знаній, умы русскіе сами собою ничего не могли изобрѣсти, несмотря на богатыя природныя способности, и только легко и быстро могли усвоять чужія изобрѣтенія [3]). Естественныя богатства русской земли, напримѣръ, горной природы, долго вовсе не вызывали въ Россіи разумной промышленности единственно потому, что не было естественныхъ знаній, не доставало средствъ къ изслѣдованію, открытію, добычѣ и разработкѣ ихъ [4]). Когда устроились горные заводы, мастера, по словамъ де-Геннина, «были самые бездѣльные и необученые и ученья не было» [5]). И въ половинѣ XVIII в. индустріальныя способности русскихъ такъ еще были не развиты, что, напримѣръ, рисовальщики на фабрикахъ могли только списывать готовые рисунки, а своихъ изобрѣсти были не въ состояніи [6]). Во всей нашей ремесленности мало было разумности и знанія. «Много людей,—писалъ одинъ русскій публицистъ отъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, —много людей имя ремесленниковъ у насъ носятъ, но мало есть такихъ, которые бы ремесло званія сего достаточно знали. Если избирать только такихъ, которые совершенно его знаютъ, подвергнувши сперва ихъ строгому испытанію, то едва ли изъ тысячи найдется одинъ, который бы достоинъ былъ имени мастера» [7]). При такой неразвитости нашихъ индустріальныхъ способностей и знаній, проистекающей отъ неразвитости и нераспространенности естественно-научныхъ, реальныхъ знаній,—понятно существованіе у насъ множества пустыхъ, безполезныхъ и даже вредныхъ промысловъ, понятна эта ограниченность промышленныхъ идей, отраслей труда и проч. Наконецъ, нужно только взглянуть на географическое распредѣленіе нашихъ мануфактурно-промышленныхъ поселеній, чтобы видѣть, какъ мало и ограничено у насъ вліяніе знаній на развитіе и распро-

---

[1]) „Чтен. Общ. Истор.", 1860 г., кн. 2, отд. V, стр. 1—20, опись, кто чѣмъ промышлялъ.

[2]) Напримѣръ, одинъ грамотникъ — лѣтописецъ XVI или XVII в., говоритъ: „много помышляхъ нѣчто разумѣти и избрати отъ многи лѣта писанныхъ и бытейскихъ книгъ нужнѣйшая, и возбраняемъ есмь отъ рукодѣлья, еже служати чѣмъ животъ кормити" Сборн. соловец. библ. № 864, л. 10 и 11.

[3]) Олеарій говоритъ о подражательности и переимчивости ума русскихъ ремесленниковъ. См. путеш. его въ „Архивѣ" 1859 г., кн. III, стр. 53. Новѣйшій писатель (de la Russie, 1842, p. 45) замѣчаетъ: „jusqu'ici le Russe n'a montre que des facultes d'imitation". Изъ древнихъ, Юрій Крижаничь замѣчалъ: „Народа нашего люди суть косваго разума, и не удобно сами что выдумаютъ, если имъ не покажутъ". Разд. III, стр. 42.

[4]) „Наше россійское государство,—говорилъ Петръ В. въ указѣ 10 декабря 1719 г.— предъ многими чужими землями преизобилуетъ и потребнымъ металлами и минералламе благословенно есть; которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ; сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію та, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оные въ пользу государственную произвести, неразумѣли".

[5]) „Горный Журн.", 1826 г., № 4, 5, біографія и письма де-Геннина, историч. начертаніе Горнаго дѣла въ Россіи -Германа.

[6]) П. С. З., № 10, 129.

[7]) „Чтен. Общ. Ист.".

страненіе этихъ поселеній. Мануфактурно-промышленныя поселенія у насъ сосредоточены главнымъ образомъ только въ центральной возвышенности между верхнею Волгою и Окою, въ губерніяхъ: Московской, Владимірской, Костромской, Ярославской и Калужской, въ половинѣ Нижегородской, Тульской и около 1/3 Тверской. И тутъ чисто естественная необходимость обусловила развитіе этихъ поселеній. Именно, когда скудная почва, съ возрастаніемъ населенія, отъ долговременной, расхищающей системы земледѣлія, безъ раціональной обработки и удобренія, въ теченіе вѣковъ, истощилась,—крестьяне поневолѣ должны были взяться за мануфактурную промышленность. Близость къ столицамъ и географическое сосѣдство центральныхъ великорусскихъ губерній между собою—способствовали развитію и распространенію мануфактурно-ремесленной промышленности. Но и то не много. Изъ 67 или даже 72 милліоновъ народонаселенія, все-таки мануфактурно-промышленнаго населенія считается только около 6.400.000. И въ этомъ числѣ преобладаетъ сельскій, земледѣльческій элементъ. Напримѣръ, льняной и пеньковой промышленностью занимаются до 4.500.000 рабочихъ, тогда какъ химическими продуктами только 1.200. Фабрично-заводская промышленность не развивается у насъ именно по самому характеру нашего рабочаго, почти исключительно земледѣльческаго, населенія, лишеннаго знаній, не имѣющаго сложныхъ и дорогихъ машинъ и не умѣющаго обращаться съ ними.

Итакъ, общій взглядъ на самое происхожденіе, географическое развитіе и соотношеніе главныхъ формъ или слоевъ нашего населенія ясно показываетъ, что, вообще, въ *земскомъ строеньи*, или въ соціально-географическомъ устройствѣ и распредѣленіи народа—еще слишкомъ слабо, даже вовсе незамѣтно было участіе и дѣйствіе реальныхъ знаній. Если мы глубже и подробнѣе прослѣдимъ естественныя и умственныя условія историко-географическаго распространенія и устройства всѣхъ главныхъ формъ поселеній, то еще больше убѣдимся въ этомъ. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе на естественныя и умственныя условія географическаго распредѣленія земледѣльческихъ поселеній въ Россіи.

Зачатки умственнаго стремленія къ выходу изъ общей зоолого-географической области природы, или изъ звѣроловнаго, охотничьяго бродячаго быта, чуть чуть выражающіеся уже въ пастушескихъ, номадныхъ поселеніяхъ, яснѣе и полнѣе обнаруживаются въ происхожденіи и географическомъ распространеніи земледѣльческихъ поселеній [1]). Охотничьи племена, движимыя потребностью пищи, одежды и защиты отъ вліяній климата, въ своихъ способахъ исканія средствъ для всего этого, а вслѣдствіе того—и по самымъ поселеніямъ своимъ, почти всецѣло входятъ въ общую зоологическую область природы, въ составъ цѣлаго животнаго міра. Потому и самое географическое распространеніе ихъ племенныхъ поселеній получаетъ характеръ общаго географическаго распространенія фауны или животнаго царства, и всецѣло зависитъ отъ зоолого-географическихъ условій. Они, подобно звѣрямъ, живутъ, по выраженію нашей начальной лѣтописи, *звѣринскимъ образомъ*, въ лѣсахъ и горахъ, бродятъ и гоняются, какъ звѣри, за добычей жи-

[1]) Объ естественныхъ или зоолого-географическихъ и умственныхъ условіяхъ охотничьихъ, пастушескихъ и скотоводческихъ поселеній въ Россіи будетъ подробно сказано въ особой статьѣ.

вотной пищи, ѣдятъ всѣхъ безъ различія звѣрей, ведутъ съ звѣрями борьбу за существованіе такъ же, какъ и сами звѣри ведутъ ее между собою и съ охотниками. Весь животный міръ, всѣ лѣса и горы на обширномъ пустынномъ пространствѣ—вотъ ихъ отечество и домохозяйство. Человѣческаго, интеллектуальнаго, сознательнаго самовыдѣленія изъ общей зоологической сферы, или среды, изъ лѣсной и горной фауны, въ началѣ развитія охотничьихъ поселеній—почти вовсе незамѣтно, или оно проявляется смутно. Охотничьи племена и мыслятъ образами зоологическими, животными. Отсюда зооморфизмъ міросозерцанія и такъ называемый животный эпосъ. Не то уже въ пастушескихъ поселеніяхъ. Въ иниціативѣ и устройствѣ пастушескихъ или кочевыхъ скотоводческихъ поселеній умъ дикихъ племенъ даетъ уже первый толчокъ къ преобладанію надъ географическимъ и зоологическимъ началомъ природы и, въ частности, надъ міромъ звѣрей. Въ устройствѣ и географическомъ расположеніи пастушескихъ поселеній умъ дикихъ племенъ, движимый тоже потребностью пищи, одежды и жилища, уже сумѣлъ концентрировать всѣ необходимые для этого матеріалы, всѣ жизненныя угодья въ тѣсныхъ зоолого-географическихъ предѣлахъ природной экономіи, и, вслѣдствіе того, обусловилъ значительную пространственную или зоолого-географическую локализацію пастушескихъ поселеній. Здѣсь, слѣдовательно, есть уже зачатки покоренія природы, хотя безсознательнаго. Умъ дикихъ пастушескихъ племенъ опознается въ общей сферѣ зоолого-географической среды, опознается въ общемъ пространствѣ лѣсной и горной природы и въ общей области животнаго царства. Вслѣдствіе этого, номадъ-пастухъ, во-первыхъ, распознаетъ и различаетъ индивидуальныя формы и типы географическіе, выходитъ изъ лѣсовъ и выбираетъ тѣ ли другія, болѣе удобныя степи, долины рѣчныя или горныя равнины, и такимъ образомъ, хотя немного, концентрируется въ извѣстной мѣстности, дѣлается господиномъ извѣстнаго, опредѣленнаго пространства или географической области; во-вторыхъ, выдѣляется изъ общей зоологической среды, выбираетъ извѣстный, наиболѣе нужный ему кругъ животныхъ и млекопитающихъ, приручаетъ, покоряетъ ихъ своимъ нуждамъ, и такимъ образомъ становится хозяиномъ извѣстной зоологической группы, или животной породы. Въ этомъ состояніи, наши номады, напримѣръ, тунгусы, дѣлятся на оленьихъ, конныхъ, табунныхъ, скотныхъ, собачныхъ и т. п. Поэтому, пастушескія поселенія, выражающія первые признаки умственнаго стремленія къ локализаціи въ пространствѣ природы и къ выходу изъ общей зоологической среды, представляютъ естественный переходъ къ прочно-осѣдлой земледѣльческой колонизаціи. Въ земледѣльческихъ поселеніяхъ, стремленіе къ преобладанію надъ географическимъ началомъ природы и выходъ изъ общей зоолого-географической области достигаетъ наибольшаго выраженія. Въ земледѣльческой колонизаціи, умственные успѣхи народонаселенія выражаются, во-первыхъ, въ ограниченіи пространственнаго или географическаго начала прочно осѣдлой локализаціей поселеній, во-вторыхъ, въ ограниченіи умственной и бытовой зависимости отъ зоолого-географическихъ условій и данныхъ природы вслѣдствіе зачатковъ хлѣбопашества. Здѣсь уже умъ народный стремится покорить не животную, а растительную природу и почву, и, вслѣдствіе этого, человѣкъ впервые твердо прикрѣпляется къ землѣ. Отсюда является прочная осѣдлость, домъ, отчизна или родина, отечество. Земледѣльческая колонизація и культура, на одномъ и томъ же пространствѣ или плоскости можетъ прокармливать въ 20 и даже 30 разъ больше людей, чѣмъ номадія, такъ же, какъ эта послѣдняя въ 20 разъ

больше, чѣмъ охота. Земледѣлецъ уже не имѣетъ никакого основанія, какъ охотникъ и даже пастухъ, бояться приселенія къ себѣ другого земледѣльца-сосѣда. Вслѣдствіе этого, естественно организуются сельскія общины, міры [1]). Наконецъ, земледѣльческая колонизація и культура обусловливается уже не зоолого-географическими, а растительными областями и поясами. Поселенія охотничьи и пастушескія распространяются по зоологическимъ областямъ, вслѣдъ за звѣрями и животными. А колонизація земледѣльческая идетъ вмѣстѣ съ колонизаціей растеній, по растительнымъ областямъ и поясамъ и, вмѣстѣ съ географическимъ распространеніемъ поселеній, распространяетъ культурныя растенія [2]).

Все умственное развитіе земледѣльческихъ поселеній, на пути ихъ географическаго распространенія, зависѣло главнымъ образомъ отъ успѣховъ борьбы съ климатическими и почвенными условіями природы, отъ степени покоренія культурѣ растительнаго царства [3]), отъ мѣры познанія физическихъ силъ и законовъ и подчиненія ихъ нуждамъ и пользамъ земледѣльческой колонизаціи и культуры. Агрикультурной колонизаціи предстоитъ несравненно больше борьбы съ внѣшней природой, чѣмъ фабрично-заводскимъ, мануфактурно-промышленнымъ или торговымъ поселеніямъ. И чѣмъ меньше она покоряетъ природу, чѣмъ менѣе основывается на естествознаніи, на опытахъ, открытіяхъ и знаніяхъ физико-географическихъ, метеорологическихъ, химико-физіологическихъ и, вообще, естественно-научныхъ,—тѣмъ невѣжественнѣе, неправильнѣе и медленнѣе устраиваются земледѣльческія поселенія, тѣмъ хуже развиваются [4]). Посмотримъ теперь съ этой точки

---

[1]) Въ древней Россіи потому главнымъ образомъ и колонизовались земледѣльческія общины, что крестьяне, собираясь въ общины, сами охотно „перезывали“ къ себѣ „сосѣдей“—вольныхъ охочихъ людей и отводили имъ волостныя порожнія земли, „поговоря со всѣмъ міромъ и съ сусѣдями волостными“. См. статью: „Сельскіе міры и мірскіе сходы“ въ „Вѣкѣ“ за 1862 г., А. А. Э., т. I, № 73. А. Юрид., № 6. А. А. Э., т. I, № 232 и мн. др.

[2]) Поэтому и исторія и географія растеній всегда находилась въ тѣсной связи съ исторіей цивилизаціи и переселенія народовъ. Декандоль, указывая на эти факты и доказательства въ своей ботанической географіи, говоритъ: „Après l'histoire géologique du règne végétal, est venue l'histoire, pendant l'époque actuelle, depuis quelques milliers d'années. Elle se lie sous certains rapports avec l'histoire de l'homme. Il est intérresant pour un historien de savoir comment les espèces cultivées étaient réparties à l'origine. Il verra, peut-être avec surprise, qu'elles manquaient à des régions éminemment favorables au développement de l'espèce humaine (p. 985). Il trouvera dans ces faits une des causes de la marche des civilisations, et dans les cultures communes à certains peuples une preuve, tantôt de leurs migrations les plus anciennes (p. 833, 872, 913) ou au moins de communications (p. 882, 953, 957), et plus souvent, par la diversité des cultures primitives, la preuve d'une séparation complète et prolongée entre les anciens peuples (Chap. IX). (M. Alph. De-Candolle, „Géographie botanique raisonnée“, Paris, MDCCLV, t. I., p. XXII).

[3]) Декандоль такъ опредѣляетъ степени распространенія и культуры растеній въ разные періоды и состоянія народныхъ цивилизацій: „Les premières peuplades qui se sont répandues sur chaque continent ont porté probablement avec elles quelques espèces de plantes utiles et surtout quelques-unes de ces graines qui s'attachent aux vêtements et aux animaux domestiques, et qui se développent bien dans le voisinage des habitations, près des fumiers, des terrains brûlés et des décombres. Plus une population est faible, plus elle est étrangère aux arts de la civilisation, plus ces premiers transports de graines sont insignifiants. Ensuite, la population devenant plus dense, plus civilisée, l'agriculture ayant pris naissance et étendu son domaine, les occasions de transports se multiplient et s'appliquent à des espèces plus nombreuses. Les peuples chasseurs ou pasteurs parcourent sans doute d'assez vastes étendues de pays, mais les peuples cultivateurs préparent des terrains propres à recevoir des espèces nouvelles, et faisant venir les graines de leurs champs de pays plus ou moins éloignés, ilsintroduisent avec elles des plantes diverses, dont plusieurs naturellement deviennent spontannées“. И т. д. Декандоль указываетъ историческіе успѣхи и способы распространенія и культуры растеній и замѣчаетъ: „Il est clair que, dans les pays civilisés, la culture s'applique à un grand nombre de plantes et fait varier extrêmement la nature physique des terrains“ („Géograph. botanique“, t. II., p. 621—622).

[4]) О вліяніи естественныхъ законовъ на судьбы земледѣльческихъ поселеній см. „Хи-

зрѣнія, на сколько участвовали и взаимодѣйствовали въ географическомъ распространеніи, устройствѣ и развитіи земледѣльческихъ поселеній умственныя и естественныя силы.

I. Уже самый первый толчокъ къ географическому распространенію и устройству земледѣльческихъ поселеній дали не столько умственныя понятія и разсчеты, сколько естественныя, желудочныя потребности и побужденія [1]). На переходѣ отъ охотничьей и пастушеской кочевой жизни къ земледѣльческой колонизаціи и культурѣ первымъ и главнымъ мотивомъ, естественно, служитъ инстинктивная потребность хлѣба. Либихъ такъ объясняетъ эту чисто естественную потребность для человѣка хлѣба и земледѣлія: «Ежедневный расходъ дыхательныхъ средствъ, по количеству, составляетъ въ пять или шесть разъ больше, нежели вѣсъ пластическихъ веществъ, и въ голодные годы недостатокъ первыхъ преимущественно чувствуется во всѣхъ классахъ народа. Между тѣмъ какъ цѣна жира, масла увеличивается по мѣрѣ того, какъ увеличивается цѣна на хлѣбъ, а сообразно тому и цѣна на картофель, цѣна мяса обыкновенно не измѣняется, а остается какъ въ дешевые годы. Причина тому та, что хлѣбъ можетъ замѣнить мясо, тогда какъ для потребностей человѣка мясо не вполнѣ можетъ замѣнить хлѣбъ... Питающемуся мясомъ человѣку, для поддержанія себя, необходимо огромное поле, болѣе обширное, нежели льву или тигру, ибо онъ—когда представляется случай—убиваетъ и не употребляетъ въ пищу убиваемой имъ добычи. Толпа охотниковъ, живя на тѣсномъ пространствѣ, рѣшительно неспособна къ размноженію: необходимый для дыханія углеродъ долженъ быть поглощенъ животными, которыхъ на данномъ пространствѣ можетъ жить лишь ограниченное число. Животныя эти собираютъ составныя части своей крови и органовъ съ растеній и отдаютъ ихъ живущимъ около индѣйцамъ, употребляющимъ ихъ въ пищу безъ веществъ, поддерживающихъ дыханіе этихъ животныхъ въ теченіе ихъ жизни. Индѣйцу для прокормленія и поддержанія своего здоровья въ теченіе нѣсколькихъ дней было бы достаточно одного такого животнаго, если бы въ пищу его входило столько же по вѣсу крахмала, сколько вѣситъ животное; а между тѣмъ онъ для образованія необходимой на это время теплоты долженъ съѣсть пять такихъ животныхъ. Пища его содержитъ избытокъ пластическихъ питательныхъ веществъ; въ теченіе большей части года въ ней не достаетъ именно дыхательныхъ средствъ; на этомъ-

---

мію въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній“ Либиха, именно главу: „Земледѣліе и исторія“. 1864 г., стр. 60—95. Также „Письма Либиха о нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства“. Спб. 1861

[1]) Либихъ говоритъ: „Государственное устройство, соціальныя и семейныя связи, ремесла, промышленность, искусство и наука, однимъ словомъ, все, чѣмъ въ настоящее время отличается человѣкъ, обусловливается фактомъ, что человѣкъ для поддержанія своего существованія ежедневно нуждается въ пищѣ, что онъ имѣетъ желудокъ и подчиненъ закону природы, по которому долженъ необходимую для него пищу произвести изъ земли своими трудами и искусствомъ, потому что природа сама собою не даетъ ему, или даетъ въ недостаточномъ количествѣ необходимыя питательныя вещества... Всякое нарушеніе равновѣсія между запасомъ пищи и потребностью народонаселеній вынуждаетъ людей, для возстановленія равновѣсія, взаимно уменьшать свою численность; тогда одно племя тѣснитъ другое... Отдѣльный человѣкъ становится воромъ и убійцею, массы выселяются или становятся завоевателями... Для великаго цѣлаго окончательно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, насильственно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣлавшихся неплодородными, въ плодородныя“. („Химія въ приложеніи къ земледѣлію“, стр. 64—65).

то основано, что человѣкъ, питающійся преимущественно мясомъ, всегда имѣетъ наклонность къ употребленію вина. Какъ нельзя яснѣе понята практическая сторона земледѣлія въ рѣчи предводителя сѣверо-американскаго индѣйскаго племени, переданной французомъ Кревекуромъ. Совѣтуя своему племени заниматься земледѣліемъ, этотъ предводитель обращается къ нему: «Развѣ вы не видите, что бѣлые живутъ хлѣбомъ, а мы мясомъ? Что мясу необходимо 30 мѣсяцевъ для того, чтобы дойти до надлежащаго возраста, и къ тому оно встрѣчается еще рѣдко? Что каждое изъ удивительныхъ сѣмянъ, ими засѣваемыхъ, имъ приноситъ въ 100 разъ больше? Что у мяса четыре ноги, чтобы скрыться отъ насъ, а у насъ ихъ всего двѣ? Что сѣмена остаются на томъ же мѣстѣ, куда ихъ сѣютъ бѣлые люди? Что зима, представляющая для насъ время самой затруднительной охоты, для нихъ есть время отдыха? Поэтому я говорю каждому, кто меня хочетъ послушать, что раньше нежели деревья надъ нашими шалашами увянутъ отъ старости и раньше, чѣмъ кленовое дерево въ долинѣ перестанетъ намъ давать сахаръ, раньше этого времени, говорю я вамъ, порода хлѣбопашцевъ, уничтожитъ породу мясоядную, если послѣдняя не рѣшится приняться за земледѣліе» [1]). Поэтому племена человѣческія очень давно уже, еще въ варварскія времена, стали воздѣлывать хлѣбныя растенія, именно по причинѣ питательности ихъ тяжеловѣсныхъ зеренъ [2]).

---

[1]) „Письма о химіи“ Либиха. Т. II, стр. 154—156. См. также о химико-физіологическомъ значеніи хлѣба у Молешотта. въ „Ученіи о пищѣ“, въ 3 главѣ „О хлѣбѣ, стр. 89—95. Fr. Schoedler, въ своемъ сборникѣ: „Das Buch der Natur, тоже ссылаясь на слова предводителя сѣверо-американскаго племени, приведенныя Либихомъ, замѣчаетъ: Sehen wir wie die wissenschaftliche Botanik, indem sie die Lebenserscheinungen erforscht und darlegt, berufen ist, der Landwirthschaft die wichtigsten Dienste zu leisten und somit das allgemeine Wohl zu befördern, denn dasselbe ist in dem ergiebigen Ackerbau sicherer gegründet, als durch die Blüthe eines jeden and·ren Gewerbes. Wenn erzählt wird, das der Kaiser von China jährlich einmal die Hand an den Pflug legt, sowie dass einst der Kaiser Joseph auf seiner Reise durch Böhmen eigenhändig eine Furche zog, so sind diese Handlungen nur ein Ausdruck der Anerkennung der hohen Wichtigkeit des Ackerbaues. Nicht minder bezeichnend für die cultur-geschichtliche Bedeutung des Ackerbaues erscheint im Alterthum als mythische Gottheit zugleich des Ackerbaues und der Gesiltuug die Ceres—

„Die Bezähmerin wilder Blüthen,
Die den Menschen zum Menschen gesellt.“ (Buch der Natur, Th. II. S. 245).

Отсюда проистекала идеализація и апотеозъ хлѣба, земледѣлія, плуга и проч. Идиллическія похвалы земледѣлію высказаны были классическими писателями, напр., Виргиліемъ, Варрономъ, Гораціемъ, Сенекой и др. Наши предки—славяне нѣкогда покланялись хлѣбу и воспѣвали ему пѣсни, о чемъ свидѣтельствуетъ древне-славянская пѣсня: „Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, Слава! Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, Слава“! Подобно, какъ всѣ народы почитали хлѣбъ божіимъ даромъ, какъ нѣмцы называютъ его Gottes gave Gottes gabe, такъ и у насъ народъ доселѣ съ благоговѣніемъ говоритъ: „Божій хлѣбъ, Божій даръ“. Боготворя хлѣбъ, предки наши честь воздавали и плугу (См. „Опытъ первоначальной исторіи земледѣлія“—Шеппинга, „Чтен. Общ. Истор.“, 1862 г., отд. V, стр. 81 и далѣе). Хлѣбъ и земледѣліе составляютъ особенный предметъ нашего народнаго міросозерцанія, пословицъ, примѣтъ и проч. (См. Пословицы, изд. Далемъ въ „Чтен. Общ. Истор.,“, подъ словомъ: *земледѣліе).* Но обо всемъ этомъ мы подробнѣе скажемъ въ очеркахъ народнаго земледѣльческаго міросозерцанія.

[2]) Декандоль, согласно съ: Loiseleur-Deslongchamps, говоритъ: „Les hommes n'auraient pas été tentés de cultiver les espèces de Triticum, Hordeum, etc., si les graines de ces plantes n'avaient été pesantes et nourissantes, à peu près comme elles le sont aujourd'hui. Voyons-nous des peuples barbares essayer la culture des Aegilops et de tant d'autres Graminées à graines médiocrement farineuses... Plus on suppose l'agriculture ancienne et remontant à une époque d'ignorance, plus il est probable que les cultivateurs avaient choisi des espèces offrant, à l'origine même, un avantage incontestable... De toutes observations ou reflexions il faut conclure due, selon les probabilités, la plupart des formes tranchées (espèces ou races bien distinctes) de céréales, existaient déjà il y a trois ou quatre mille ans, et même avant qu'on eût essayé de les cultiver“. („Géographie botanique“, t. II, p. 929—930).

Какъ естественный, химико-физiологическiй инстинктъ и законъ побудилъ людей ѣсть и воздѣлывать хлѣбъ, такъ естественныя же, географическiя условiя указали первоначальные пути и мѣста для земледѣльческихъ поселенiй, на природныхъ мѣсторожденiяхъ хлѣбныхъ злаковъ. Не умственныя побужденiя и разсчеты, не естественно-научное изслѣдованiе хлѣбныхъ растенiй, не высшiя, рацiональныя понятiя о сельскомъ хозяйствѣ побудили какъ германскiя, такъ и славянскiя племена къ земледѣльческой культурѣ и колонизацiи, а просто самое географическое распространенiе хлѣбныхъ растенiй на великомъ проходномъ пути народовъ изъ Азiи въ Европу невольно обусловило первоначальное происхожденiе и географическое распространенiе земледѣльческихъ поселенiй германцевъ и славянъ. Хлѣбныя растенiя были распространены въ дикомъ состоянiи почти на всемъ пути великаго переселенiя индо-германскихъ народовъ съ востока на западъ, и даже вблизи европейскихъ, дунайскихъ поселенiй славянъ нѣкоторые виды хлѣбовъ росли въ природномъ состоянiи [1]). По изслѣдованiямъ Линка, Дюро-де-ля Маля, Рейнье, Люазелье Делоншампа и Декандоля, дикая пшеница была находима въ Месопотамiи, а въ новѣйшее время—въ средней Азiи; слѣдовательно, оттуда, вѣроятно, и распространилась. Можно, впрочемъ, полагать, что отечество ея въ древности было обширнѣе и доходило до Индiи, судя по климатическимъ условiямъ. По свидѣтельству Оливье, пшеница росла въ Персiи и по правому берегу Евфрата [2]). По словамъ Декандоля, культура пшеницы должна была исходить изъ странъ, лежащихъ между горами центральной Азiи и Средиземнаго моря [3]). Двурядный ячмень находили дико растущимъ въ Месопотамiи, на правомъ берегу Евфрата, въ Ширванѣ, на юго-западѣ Кавказа, въ Персiи. Нашъ покойный академикъ Мейеръ видѣлъ двурядный ячмень въ дикомъ произростанiи между Ленкоранomъ и Баку, у южныхъ береговъ Каспiйскаго моря. Оттуда именно и, вѣроятно, изъ Персiи онъ и распространился. Рожь до сихъ поръ растетъ полудико въ Трансильванiи, Далмацiи, Австрiи, и Декандоль считаетъ вѣроятнымъ отечествомъ ея страну между Альпами и Чернымъ моремъ, особенно же Венгрiю, Далмацiю и Трансильванiю [4]). Овесъ тоже находили дико растущимъ въ сѣверной Индiи, на Кавказѣ, въ Китаѣ (по Бунге, avena nuda var. chinensis и даже въ Сибири; онъ росъ, по словамъ писателей, in cultis et in incultis [5]). Такимъ образомъ, славянскiя племена, переселяясь изъ Азiи въ Европу, черезъ природную географическую область хлѣбныхъ растенiй, естественно, могли издавна научиться культурѣ хлѣбовъ. И потому уже на Дунаѣ поселенiя ихъ должны были получить

---

[1]) См. Декандоля, „Géographie botanique“, t II, p. 928—980; статью I. Ф. Скау—„Географическое распредѣленiе хлѣбныхъ растенiй“ въ „Картинахъ природы“, стр. 236—264.

[2]) Nous trouvâmes, говоритъ онъ,—dans une sorte de ravin, le froment, l'orge et l'épeautre, que nous avions déjà vus plusieurs fois en Mesopotamie. (Voyag. dans l'empire othoman. 1807. III, p. 460).

[3]) M. Alph. De-Candolle, „Géographie botanique“, t. II, p. 931—932. „En résume, говоритъ Декандоль, les assertions sont anciennes et assez nombreuses pour la Mesopotamie; mais celle de M. Balansa, pour l'Asie Mineure, semble plus positive. Peut-être, l'habitat on primitive s'étendait elle jadis de ce pays jusqu'au nord-ouest de l'Inde et un changement de climat aurait diminué la fréquence de l'espèce“ и проч., p. 932. По увѣренiю Генцельмана, цитированному Линнеемъ (S., p. 1, p. 126), дикая пшеница росла даже у башкирцевъ, но никто не находилъ ее тамъ послѣ того времени. Въ Китаѣ пшеницу воздѣлывали за 2822 г. до христiан. эры. Аристовулъ свидѣтельствуетъ, что она водилась и въ Индiи. По словамъ Бероза, въ старинѣ между Тигромъ и Евфратомъ, находили frumentum agreste, hordeum ochron (Georgii Sincelli, chronogr fol. 1652, p. 28).

[4]) De-Candolle, Géograhie botanique, t. II, p. 937—938

[5]) Ibid., 239—242.

характеръ прочной земледѣльческой осѣдлости [1]). А когда съ Дуная они переселились на Днѣпръ, то здѣсь уже не только села, но и города ихъ, по свидѣтельству лѣтописи, «дѣлали нивы своя и земля своя» [2]). Отселѣ началась вѣковая и обширная земледѣльческая колонизація славянскаго племени по странамъ финскаго, тюрко-татарскаго и манджуро-монгольскаго сѣверо-востока Европы и Азіи.

На сѣверѣ, при усиленномъ химизмѣ дыханія, хлѣбъ, какъ дыхательное средство, особенно необходимъ. Мясо для русскихъ не замѣняло хлѣба. Они почти нисколько не цѣнили естественное изобиліе животной пищи [3]) и только хлѣбъ считали главизною всего «и самой животины». Въ случаѣ неурожая или какого-нибудь недостатка хлѣба, русскіе испытывали страшныя бѣдствія, несмотря на изобиліе животной пищи. Изъ-за хлѣба народъ нашъ не разъ производилъ страшные бунты. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ во время голодовокъ 1605—1608 г. народъ съ остервенѣніемъ кричалъ: «царева ради небреженія бысть голодъ: хлѣба! хлѣба!» [4]). Въ Псковѣ, въ 1650—1652 г., даже и не въ голодное время, а просто, по случаю выпуска хлѣба за границу, тоже былъ бунтъ изъ-за хлѣба: „учинися, какъ сказано въ актахъ, межь народа всѣхъ православныхъ христіанъ мятежъ *за хлѣбъ*». Не умѣя объяснить естественной, химико-физіологической потребности хлѣба, народъ составилъ убѣжденіе и пословицу: «Господь повелѣлъ отъ земли кормиться: все добро за хлѣбомъ; держись за сошенку, сѣй хлѣбъ — не спи; не жди урожая, сѣй жито; кормитъ долгая полоса; какова пашня, таково и брашно; у кого хлѣбъ родится, тому и веселиться; и животина тамъ водится, гдѣ хлѣбъ родится». При такомъ народномъ понятіи о хлѣбѣ и при особенной химико-физіологической потребности его въ холодномъ сѣверо-восточномъ климатѣ, понятно, почему именно хлѣбъ и земледѣліе были первыми, главными, преобладающими рычагами колонизаціи и культуры русской земли. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли гдѣ въ Европѣ другая страна, гдѣ бы была такая обширная земледѣльческая колонизація, какъ въ Россіи. Не говоримъ о нашихъ юго-западныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Отъ Волги хлѣбопахатная колонизація простерлась до Камчатки и проникла даже въ самую Камчатку. И въ этомъ тысячелѣтнемъ дѣлѣ постепеннаго открытія, земледѣльческой обработки и обстройки русской земли развилось въ Россіи такое многочисленное земледѣльческое сословіе, какого ни въ какой другой странѣ нѣтъ. Какъ только основались два исходныхъ пункта колонизаціи—на сѣверѣ, за увалами, въ полярно-балтійской или сѣверо-поморской водной системѣ — «Славно-Торгъ», починокъ Новгорода Великаго, а по другую сторону уваловъ, на волжско-каспійской водной системѣ и низменности — «Славянскій конецъ» въ финскомъ городѣ Ростовѣ и потомъ Москва,—такъ началась обширная, вѣковая, страдомая и богатырская земледѣльческая разработка и колонизація огромныхъ сѣверо-восточныхъ пространствъ русской земли. Повсюду застучалъ топоръ въ «червныхъ ди-

[1]) Славяне хотя развиваются во всемъ позднѣе германцевъ, однакоже прежде ихъ стали заниматься земледѣліемъ въ теперешнихъ своихъ мѣстахъ поселенія. Уже при Геродотѣ (IV, 108) знали они земледѣліе. Въ качествѣ номадовъ они въ исторіи не являлись уже никогда (Schafarik, „Slavische Alterth.“, I, S. 537. Palacky, „Gesehn von Böhmen“, I, S. 60.

[2]) „Лѣсная и разная другая дичь, говоритъ Олеарій, находящаяся у русскихъ въ большомъ изобиліи, не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ... Многихъ птицъ не считаютъ за нужное ловить“ (въ „Архивѣ“, 16—17). Русское пристрастіе къ хлѣбу, доходящее до благоговѣнія, особенно ясно выразилось въ пословицахъ о земледѣліи. См. у Даля.

[3]) Карамзинъ, XII, прим. 348. Никон. V, 26. Палицына.

[4]) Доп. къ А. И., т. III, № 74, стр. 265.

кихъ лѣсахъ», и пошла повсемѣстная «росчисть, роздѣль и распашка лѣсовъ». Повсюду, по словамъ актовъ, «лѣсъ рубили, ронили и чистили, пашни пахали, дворы и деревни ставили и людей называли». Разграничились лѣса «пашенные и непашенные». Повсемѣстно возникали въ лѣсахъ на пашняхъ «починки и сидѣнья», и изъ нихъ выростали «хлѣбныя деревни», пашенныя сельца, села и слободы, или, по выраженію актовъ, «распахивались, поставлялись и посажались деревни на лѣсахъ и пустошахъ». И, по характеристическому выраженію актовъ, куда шелъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха», туда «тянула» и земледѣльческая колонизація; и «гдѣ ея топоры сѣкли», тамъ и разграничивались межи личной и общинной земледѣльческой колонизаціи. Повсюду землевладѣльцы всякихъ чиновъ, получая земли на кормленье, и князья, и бояре, и владыки, и монастыри разными льготами и ссудами «людей называютъ и перезываютъ» — лѣсъ ронить, пашни распахивать, дворы и деревни ставить. Повсюду идутъ «порядные въ крестьянство», опять съ тѣмъ условіемъ, чтобы лѣсъ рубить и чистить, пашни распахивать и дворы рубить и ставить. Повсюду и сами крестьяне «садились на черныхъ дикихъ лѣсахъ и пашни распахивали большія, лѣсъ, раменье расчищали», и потомъ общинами, «поговоря со всѣмъ міромъ», отводили изъ волостныхъ земель участки и садили вольныхъ охочихъ людей на пашни. Повсюду, гдѣ только находили лѣсъ черный, дикой, мѣста пустыя, никѣмъ не занятыя, — сейчасъ били челомъ царю о дозволеніи лѣсъ рубить, ронить, пашни распахивать, дворы ставить и людей называть, и такимъ образомъ земледѣльческая колонизація, исходя изъ двухъ, первоначально раздѣльныхъ пунктовъ, разграниченныхъ увалами и гидрографическими системами, распространяясь долгое время раздѣльно, по двумъ противоположнымъ воднымъ системамъ — полярно-балтійской и волжско-каспійской, группируясь по землѣ и по водѣ, по естественно-расчлененнымъ земско-воднымъ оазисамъ, въ цѣльно-замкнутыя, «особныя, опрочныя» земледѣльческія волости разныхъ родовъ, — къ концу XVI вѣка совокупными силами охватила, въ общихъ очертаніяхъ, всю нынѣшнюю великорусскую землю. И въ предгорьяхъ Урала, на вѣковомъ рубежѣ и застоѣ народовъ Европы и Азіи, соединившись въ одно цѣльное колонизаціонное движеніе въ союзѣ дальнѣйшихъ проводниковъ колонизаціи — сѣверо-поморскихъ новгородскихъ выходцевъ Строгановыхъ и волжско-каспійскаго выходца Ермака, прорубила и отворила вѣковую и широкую дверь въ Сибирь. Хлѣбъ повсюду былъ распространенъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ пашнями, повсюду распространились пашенныя, хлѣбныя деревни и села, даже къ сѣверу, до 65° с. ш. Сошное письмо, земляные списки и писцовыя книги повсюду описывали и сосчитывали земледѣльческіе починки, деревни, сельца, села, слободы и посады, и при нихъ — пашни, пожни, лѣса пашенные и непашенные, земли орамыя и страдомыя, сводили итоги, сколько разработано, распахано и заселено земли, означали, гдѣ стали новые дворы и деревни, гдѣ сколько дворовъ прибыло къ старымъ поселеніямъ, и т. п. Между тѣмъ, земледѣльческая колонизація, перешедши за Уралъ, пошла съ новою напряженностью дальше на востокъ и тамъ распространяла хлѣбныя растенія. Потребность хлѣба была сильнымъ рычагомъ ея послѣдовательнаго географическаго движенія и распространенія по Сибири. Поэтому, сначала въ Пермскомъ Пріуральи, въ одной изъ древнѣйшихъ сибирскихъ колоній — въ Верхотурьи, сосредоточенъ былъ земскій сборный магазинъ или складъ хлѣба для такъ называвшихся тогда «Сибирскихъ хлѣбныхъ отпусковъ», на пер-

воначальное обезпеченіе и содержаніе служилыхъ людей—пролагателей путей сибирской колонизаціи и первыхъ поселеній [1]), для распространенія хлѣбныхъ сѣмянъ [2]), а съ ними и новыхъ земледѣльческихъ поселеній по всей хлѣбородной полосѣ Сибири. Но этотъ сборъ хлѣба, учрежденный только для первоначальной подмоги сибирской колонизаціи, не могъ постоянно обезпечивать всѣхъ служилыхъ людей, пріискивавшихъ и покорявшихъ новыя земли въ Сибири, строившихъ остроги и города и проводившихъ пути для дальнѣйшей колонизаціи. Его недостаточно было также и для выдачи первымъ поселенцамъ на «сѣмена и ѣмена». Служилые люди, инстинктивно чувствуя въ суровомъ сѣверо-восточномъ климатѣ особенную потребность дыхательныхъ пищевыхъ средствъ, не могли удовлетворяться въ Сибири одной животной пищей, несмотря на все ея изобиліе, и постоянно требовали изъ Москвы или изъ Верхотурья и Тобольска хлѣба. Между тѣмъ сборъ хлѣба въ верхотурскія житницы и провозъ его въ Сибирь обходился казнѣ дорого, а крестьянамъ страшно тяжело, такъ что, по жалобамъ ихъ, былъ ужъ «не въ мочь имъ и лошадямъ ихъ» [3]). И вотъ правительство нашлось вынужденнымъ начать *пашенное дѣло* въ Сибири, и возложило его на воеводъ. Имъ предписано было отыскивать въ Сибири хлѣбородныя мѣста, призывать и прибирать крестьянъ на пашни, строить слободы и населять ихъ пашенными крестьянами, чтобы впередъ продовольствовать служилыхъ людей и колонистовъ «хлѣбомъ сибирской пахоты», а не требовать его изъ Верхотурья и русскихъ городовъ [4]). Потребность хлѣба толпами погнала гулящихъ людей и пашенныхъ крестьянъ изъ нехлѣбородныхъ и малоземельныхъ мѣстъ Россіи на свѣжія, просторныя и хлѣбородныя земли Сибири [5]). За одними челобитчиками другіе «челомъ били вновь», чтобъ дозволено имъ было строиться въ Сибири въ слободахъ на пашни. И всякій новоприхожій крестьянинъ селился тамъ, гдѣ распахалъ и расчистилъ пашни изъ дикаго поля «собою» [6]). Появились особые строители слободъ, такъ называвшіеся *слободчики*, которые строили, одну за другою, слободы и селили крестьянъ на пашняхъ. Многіе изъ нихъ, построивши одну пашенную слободу и прибравши въ нее крестьянъ, «ѣздили съ тѣми новоприборными крестьянами далѣе, отыскивая удобныя пашенныя земли, и вновь строили слободы» [7]). Такимъ образомъ, пашенныя слободы довольно быстро возникали одна за другою: лѣтъ въ 20 устроялось слободъ до 10 и пристраивалось вновь дворовъ до 60 [8]). Казаки, въ родѣ Ивана Смолы, выбирали годныя подъ пашню «пустыя лѣсныя и дубровныя мѣста и поля чистыя», — и на нихъ строили слободу и крестьянъ называли вновь [9]). Чуть усматривалось мѣсто «годно слободу строить», -- крестьяне тотчасъ «радѣли на то мѣсто», потому что пашенныхъ земель много [10]). Дѣти боярскіе находили годныя подъ сло-

---

[1]) А. И., т. IV, № 4; т. V, № 103 и мн. др.

[2]) Зерновой хлѣбъ отпускался въ Сибирь, по выраженію одного акта, „на сѣмена и ѣмена". Дополн. къ А. И., т. VII, № 74, стр. 352. Исторія сибирской колонизаціи есть, поэтому, вмѣстѣ исторія распространенія хлѣбныхъ растеній.

[3]) Ibid., т. II, № 9, т. III, №№ 62, 78, 85. А. Э., т. IV, № 120.

[4]) Ibid., т. III, № 121. Дополн. къ А. И., т. IV, № 20; т. VI, № 1, и мн. др.

[5]) Дополн. къ А. И., т. III, № 1.

[6]) А. И., т. III, № 138.

[7]) Дополн. къ А. И., т. III, № 46; т. IV, № 20, Грам. II; т. VI, № 89; т. VII, № 74; акты о строеніи и заселеніи слободъ въ Сибири, Грам. XIII. XV и др.; т. VIII, стр. 228, № 71, Грам. III.

[8]) Ibid., т. IV, №№ 68 и 111.

[9]) Ibid., т. IV, № 106.

[10]) Ibid., т. V, № 22.

боду пашенныя земли,—и также просили дозволенія строить слободу и крестьянъ прибирать [1]). Хлѣбъ и пашни, такимъ образомъ, мало-по-малу заманили въ Сибирь тысячи *новоприхожихъ и новоприборныхъ* пашенныхъ крестьянъ, такъ что въ 1709 году въ ней поселилось уже до 229.227 душъ русскаго народа. Расширилась «хлѣбная пахота»,—и вмѣстѣ съ нею умножились земледѣльческія поселенія. Уже въ одномъ указѣ 1632 года сказано: «прежде привозили изъ поморскихъ городовъ на Верхотурье хлѣбные запасы давно, коли въ сибирскихъ городахъ нашему хлѣбу пахота была не велика, а нынѣ на Верхотурье и въ иныхъ сибирскихъ городахъ тобольскаго разряда хлѣбная пахота учала быть большая, и остается у нихъ хлѣба и за окладомъ много» [2]). Когда, такимъ образомъ, въ верхотурскомъ и тобольскомъ разрядахъ сибирскихъ поселеній насущная потребность хлѣба была удовлетворена посредствомъ устройства и распространенія пашенныхъ слободъ, селъ и деревень и даже «пашенныхъ городовъ»,—большой недостатокъ въ хлѣбѣ чувствовался дальше въ Сибири, въ областяхъ Томской, Енисейской и особенно Ленской. И вотъ, требовалось послать пашенныхъ крестьянъ изъ *тобольскаго разряда* земледѣльческихъ поселеній дальше въ *томскій разрядъ*—въ третье звено или въ третій узелъ сибирской колонизаціи, «для того, что—какъ сказано въ указѣ—и безъ тѣхъ крестьянъ въ тобольскомъ разрядѣ пашенныхъ крестьянъ и хлѣба пахоты ихъ много, а въ томскомъ разрядѣ крестьянъ и хлѣба тамошней пахоты мало, почему ежегодно посылаютъ оттуда за хлѣбомъ въ тобольскій разрядъ, отъ чего служилымъ людямъ въ хлѣбномъ жалованьѣ нужа и въ провожаньи хлѣбныхъ запасовъ напрасная тягость» [3]). Вслѣдствіе такой необходимости хлѣба, вновь называли, накликали бирючами и всячески набирали пашенныхъ крестьянъ, добрыхъ, заводныхъ, прожиточныхъ и семьянистыхъ, лучшихъ людей и меньшихъ жеребьевъ, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ пашеннымъ заводомъ, дальше, на житье на земляхъ томскаго и енисейскаго разрядовъ [4]). И тамъ, по Оби, Томи, Енисею, Тунгускѣ, Иркуту и проч., опять мало-по-малу распахивались пашни, а при пашняхъ устроялись новыя пашенныя слободы, села и деревни [5]). Строился острогъ, въ родѣ Иркутска,—выбирали «мѣсто угожее для пашенъ» [6]). Какъ только собиралось въ острогъ человѣкъ 20 служилыхъ людей,—они тотчасъ распахивали пашню, если вокругъ земля была хлѣбородная. Такимъ образомъ, путемъ распространенія хлѣба и пашенъ, земледѣльческая колонизація еще въ XVII вѣкѣ дошла мало-по-малу до Лены и Дауріи. Здѣсь, гдѣ служилые люди, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, въ тяжкихъ походахъ по рѣкамъ, отъ зимовья до зимовья, по Ледовитому и Охотскому морю, часто были «холодни и голодни», гдѣ часто имъ «пить и ѣсть было нечего, горько было» [7]) — здѣсь потребность хлѣба была особенно ощутительна, и съ каждымъ годомъ увеличивалась. Въ якутскомъ острогѣ служилые люди тѣмъ болѣе терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ, что воеводы не выдавали

1) Ibid., т. VI, № 89.
2) А. И., т. III, № 172.
3) Ibid., III, № 172.
4) Ibid., III, № 167.
5) Ibid., т. III, № 135. Дополн. т. III, № 15; т. VI, № 93; т. VII, № 74; т. VIII, № 34, № 51, Грам. I, II, VII
6) Дополн. т. IV, № 104.
7) Ibid., III, № 100.

имъ сполна присыльный казенный хлѣбъ [1]). Въ Даурію, на Амуръ и Шунгалъ служилые люди шли, по собственнымъ словамъ ихъ, именно *для ради хлѣба, для ради хлѣбныя скудости и нужи* [2]). Хабаровъ, поэтому, совѣтовалъ правительству «завести пашню въ Даурѣхъ» [3]). О хлѣбѣ постоянно писались челобитныя съ Лены, и въ одинъ якутскій острогъ хлѣба требовалось большое количество. Напримѣръ, въ 1653 г. на служилыхъ людей якутскаго острога (на 860 чел.), кромѣ денегъ, нужно было хлѣба 4.666 четей съ осминою ржи, вѣсомъ 21.407 пудъ, 22 гривенки, 72 золотника, 2.486 четей овса, половину крупъ и толокна 1.243 четверти съ полуосминою, вѣсомъ 4.973 пуда. Хлѣбъ этотъ надобно было присылать изъ Тобольска, Енисейска и изъ Илимскаго острога, «до тѣхъ мѣстъ, — какъ сказано въ актѣ, — покамѣстъ въ Илимскомъ уѣздѣ по Ленѣ рѣкѣ, по старымъ заимкамъ и по новымъ мѣстамъ, будутъ новоприбылые пашенные присыльные крестьяне». Поэтому, якутскій воевода писалъ царю: «И только ты, государь, укажешь прислать на Лену, въ Якутскій и Илимскій уѣзды на пашню пашенныхъ семьянистыхъ крестьянъ, и какъ устроены будутъ на Ленѣ присыльные пашенные семьянистые крестьяне,—и отъ тѣхъ крестьянъ будетъ прибыль многая, потому что впередъ тѣ пашенные крестьяне напашутъ хлѣба на жалованье якутскимъ служилымъ людямъ, на всѣхъ на 1.018 человѣкъ сполна, безъ присылки изъ городовъ, и самымъ тѣмъ пашеннымъ крестьянамъ сытымъ быть будетъ мочно» [4]). Такъ, крайняя потребность хлѣба необходимо требовала земледѣльческой колонизаціи на Ленѣ. И вотъ, еще въ 1640—1643 г. велѣно было ленскому воеводѣ Головину съ товарищами — «на Ленѣ рѣкѣ смотрѣть пашеннѣхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, и тѣ мѣста смѣтить, сколько на тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно». И по смѣтѣ посланныхъ для этого служилыхъ людей, найдены были «многія пашенныя мѣста и сѣнные покосы и угода всякая, по обѣ стороны Илима рѣки до Ленскаго волока, по рѣкамъ Кутѣ, Киренгѣ и внизъ по Ленѣ, и предположено было «устроить крестьянъ 800 и больши» [5]). Потребность «хлѣба ленской пахоты» [6]) такъ была велика и настоятельна, что не только особыми граматами, но и въ наказахъ воеводамъ постоянно предписывалось: «а пашенныхъ мѣстъ имъ воеводамъ по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко Лены провѣдывать накрѣпко, чтобъ на Ленѣ рѣкѣ близко того мѣста, гдѣ они воеводы съ служилыми людьми учнутъ жить, пашни завесть и крестьянъ на пашни устроить, и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ, и на оброчниковъ, и на всякіе тамошніе расходы напахать, а изъ Тобольска-бъ и изъ Енисейска бы впередъ на Лену хлѣбныхъ запасовъ не

---

1) „Нынѣ,— сказано въ одной граматѣ 1679 — 1682 г. — намъ великому государю вѣдомо учинилось, что будучи въ Илимскомъ воеводы, не радѣя нашимъ дѣломъ и для своей корысти, хлѣбные запасы Илимскихъ слободъ пахоты посылали въ Якутской служилымъ всякихъ чиновъ людямъ неполной окладъ, а посылали тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ малое число, и отъ той хлѣбной недосылки въ Якутскомъ нашей казны и ясачному сбору чинился многой недоборъ и потеря, а служилымъ всякихъ чиновъ людямъ была скудость большая, а многіе люди цынгами и голодомъ помирали". Дополн., т. VIII, № 53, грам. V, стр. 237.

2) Ibid., т. III, № 122, стр. 525.

3) „И только заведутся въ Даурской землѣ пашни, — писалъ онъ, и тебѣ, государь, будетъ прибыль больше, и въ Якутской острогъ хлѣбъ присылать будетъ не надобно". Ibid., III, № 72.

4) Ibid., III, № 113, стр. 402.

5) Ibid., II, № 90.

6) Ibid., III, № 83 и др.

посылать, а называть на пашню крестьянъ вольныхъ, всякихъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы» [1]). Въ 1651 г. снова предписывалось якутскому воеводѣ отыскивать и заселять новыя пашенныя мѣста на Ленѣ: «на Ленѣ въ якутскомъ острогѣ высмотрѣть того накрѣпко есть ли по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко якутскаго острогу, вверхъ до Чечуйскаго волоку пашенныя угожія и пространныя мѣста? И мочно ли въ тѣхъ угожихъ пространныхъ мѣстахъ до Чечуйскаго волока пашню завесть и крестьянъ на пашни устроить, и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ и на оброчниковъ и на всякихъ людей тамошняго якутскаго острога напахать, чтобъ изъ Тобольска, изъ енисейскаго острога и съ ленскаго волока, впредь на Лену въ якутскій острогъ хлѣбныхъ запасовъ не посылать? А буде, по высмотру, близко якутскаго острога, на Ленѣ пашенныя угожія пространныя мѣста есть, то имъ воеводѣ и дьяку — въ тѣхъ угожихъ мѣстахъ крестьянъ въ пашню строить и называть на пашню во крестьяне вольныхъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы, а около ленскаго волока, на низъ по Ленѣ рѣкѣ до Чечуйскаго волока и вверхъ по Ленѣ же рѣкѣ до верхоленскаго, и около верхоленскаго острожку, велѣно было въ пашню крестьянъ строить другому воеводѣ, Богдану Оладьину [2]). Вслѣдствіе такой крайней потребности хлѣба на Ленѣ, началась и тамъ земледѣльческая колонизація. Потребность хлѣба вызвала и туда охотниковъ на пашенное поселеніе. Предпріимчивый Ерофей Хабаровъ, бывшій первымъ земледѣльцемъ на Енисеѣ, при впаденіи Тесса, знаменитый открытіемъ ближайшаго пути на Амуръ, храбрыми походами туда и развѣдкою всего Амура, какъ сибирскій Триптолемъ, первый водрузилъ и водворилъ соху на ленской землѣ, при устьѣ рѣки Киренги, впадающей въ Лену. За нимъ послѣдовали и другіе. Въ отпискѣ ленскихъ воеводъ 7 мая 1641 г. читаемъ: «въ нынѣшнемъ во 149 году, генваря въ 17 день, билъ челомъ промышленный человѣкъ Ярофейко Павловъ Хабаровъ, а на ленскомъ волоку намъ подалъ челобитную, чтобъ ему Ярофейку на Ленѣ рѣкѣ, на Усть-Киренги рѣки, дать подъ пашню земли на льготу, а послѣ льготныхъ лѣтъ пахать ему на государя отъ девяти десятую десятину въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Да января, въ 27 день, билъ челомъ промышленный человѣкъ Пантелейко Яковлевъ устюжанинъ, чтобъ ему быть въ пашенныхъ крестьянахъ на Ленѣ рѣкѣ на Тунгусскомъ волоку, гдѣ переходятъ съ Лены рѣки на Турухань, и мы велѣли ему Пантелейку быть на Тунгусскомъ волокѣ въ пашенныхъ крестьянахъ.... а пахать ему съ перваго году десятая десятина въ поле, а въ дву по тому жъ, а сѣмена ржаные и яровые на ту десятину давать государевы. И Ярофейку Хабарову по уговору дали льготы на пашню на годъ, и сѣять государеву пашню по вся годы своими сѣменами. Да въ нынѣшнемъ же, въ 149 г., мая въ 7 день, по уговору сѣлъ въ пашнѣ по Ленѣ рѣкѣ, выше Киренскаго устья, на урочные лѣта, на 10 лѣтъ, вологодскаго архіепископа крестьянинъ Ивашко Сверчковъ, и сѣмена ему даны [3]). Такимъ образомъ, потребность хлѣба вызвала ленскую земледѣльческую колонизацію. И она пошла довольно быстро. Уже въ 1679 году, въ верховьяхъ Лены заселилось 6 пашенныхъ волостей, въ одномъ Илимскомъ уѣздѣ: Усть-Куцкая, Орленская, Тутурская, верхняя Киренская, Верхолуцкая, Ангинская,

[1]) Ibid., II, № 100, стр. 269—270.
[2]) А. И., т. III, № 83.
[3]) Дополн. т. II, № 92.

Биргольская [1]). Хлѣбъ такъ былъ нуженъ и дорогъ въ ленской странѣ, и первыя емледѣльческія поселенія такъ были важны и необходимы, что правительство вникало во всѣ подробности первоначальнаго ленскаго хлѣбопашества и первыхъ паенныхъ поселеній [2]).

Указанныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться, какимъ сильнымъ поужденіемъ къ распространенію колонизаціи русской земли и Сибири была потребость хлѣба. И дѣйствительно, безъ хлѣба, даже въ хорошихъ мѣстностяхъ, редставлявшихъ другіе источники жизненныхъ средствъ, поселенія не могли рочно существовать и развиваться, а расходились врознь и разрушались. Нѣаромъ, русское правительство, заводя земледѣльческія колоніи въ Сибири, неедленно велѣло выдавать изъ казенныхъ житницъ хлѣбъ на сѣмена тѣмъ новостроившимся поселянамъ, у которыхъ хлѣбъ не родился или «вызебъ», «чтобы, о словамъ царскаго указа, ихъ одержать въ волости и врозпь не разбролись ы и пашни не запустили бы» [3]). И не мало было случаевъ, что въ прекрасыхъ мѣстностяхъ, при возможности отличнаго скотоводства и при легкости и одручности другихъ средствъ жизни, колоніи разрушались единственно отъ безлѣбья. Такъ въ Минусинскомъ округѣ, въ 9 верстахъ въ сторонѣ отъ Енисея, нованы были въ 1730—37 г. мѣдно-плавильные заводы, и съ 1740 по 1750 г. аходились въ цвѣтущемъ состояніи, когда имѣли хорошіе запасы хлѣба. Въ есчаной мѣстности, богатой пихтовымъ лѣсомъ, съ чрезвычайною поспѣшностью ыли выстроены обширныя зданія съ плавильными печами. Въ луказскомъ заводѣ оружена была церковь, и къ ней причислены всѣ деревни, устроившіяся вверхъ Енисею. Сюда были выписаны плавильщики и рудокопы, набраны рекруты, ереселено 100 ссыльныхъ, и поставленъ былъ комендантъ этого мѣста—артилріи поручикъ. Красивые дома были построены по образцу екатеринбургскихъ, Уралѣ; между ними находилась канцелярія, харчевня, мастерская для рабоихъ. Здѣсь былъ устроенъ также и госпиталь. Поселеніе было огорожено палидами. На видъ оно было цвѣтущимъ. Но что же вышло отъ безхлѣбья изъ

---

1) Ibid., VIII, № 83.

2) Ibid., т. VIII, № 34. Воеводамъ и служилымъ людямъ велѣно было составлять пообныя росписи „пахатныхъ мѣстъ добрые земли на Ленѣ“. Ibid., II, № 89. Въ 1644 г. нт. 30 ленскіе воеводы Вас. Пушкинъ и Кир. Супоневъ предписывали въ наказной паяти служилымъ людямъ: „чтобъ имъ, служилымъ людямъ, на Усть-Куты рѣки государеву сятинную пашню, которую пахали на государя къ прошлому 153 году служилые наемые люди, Исачко Максимовъ, Мишка Костеноппиковъ, Сенка Родіоновъ, Марчко Микитинъ, дрѣшка Катиловъ, по 3 десятины на человѣка, да вверхъ на Ленѣ рѣкѣ на Орлепгѣ судареву же десятину, что пахали Офонка Долгихъ да Панфилко Яковлевъ ко 153 году, мѣрить въ десятины, противъ государева указу, длиннику по 80 десятинъ, поперешнику 40 саженъ десятинъ, по 3 аршина саженъ; а измѣря въ государевы десятины, и сверхъ го ихъ пахоту на заимкахъ измѣрить въ десятины же, счетчи, сколько у нихъ на госуревыхъ десятинахъ ко 153 г. сотницъ сноповъ на десятинѣ родилось, да тотъ хлѣбъ лѣть на гумнахъ складать въ скирды и въ овинъ, а изъ ихъ пахоты, сколько у кого ихъ сятинъ и на десятинахъ родилось, и сколько на той ихъ пашнѣ заѣдетъ въ скирдахъ атаго ржаного и яроваго хлѣба, да съ тѣхъ ихъ десятинъ счетчи въ сотницы же, и съ го ихъ всякаго ржаного и яроваго хлѣба выдѣляти на государя десятой снопъ, изверавъ изо всѣхъ поровну, изъ лучшихъ лучшую, съ середней середнюю, изъ худыхъ худю, да изъ тѣхъ государевыхъ десятинъ и изъ того выдѣльнаго хлѣба, изъ сколькихъ ведется, учинить опытъ, обмолотить, да что по опыту въ умолотѣ того хлѣба будетъ, и ъ изъ того опытнаго хлѣба смѣрить въ пудовую припускную кадь, и сколько котораго ѣба по опыту въ мѣрѣ будетъ, о томъ отписать къ воеводамъ Вас. Никитичу Пушкину товарищи.“ Дальше требуются подробныя извѣстія о количествѣ хлѣба, побитаго морозомъ, потопленнаго водою, вытертаго льдомъ, и т. п. Ibid., II, № 73, стр. 178—179.

3) Ibid., VIII, № 34.

всей этой, повидимому, благоустроенной колонизаціи? Ссыльные всѣ разбѣжались; крестьяне, присланные для работъ издалека, также мало-по-малу разошлись, потому единственно, что, по недостатку хлѣба, должны были питаться исключительно произведеніями стадъ. Такимъ образомъ, поселенія опустѣли, потому что, при обиліи мяса, не было хлѣба, и никто не думалъ воздѣлывать плодоносной почвы. Когда Палласъ посѣтилъ эту несчастную колонію (въ 1772 г.), она уже находилась въ развалинахъ, и въ ней обиталъ одинъ только смотритель, состоявшій на пенсіи [1]).

Степень нужды въ хлѣбѣ и зависящія отъ нея цѣны зерна также имѣютъ вліяніе на движеніе земледѣльческой культуры и колонизаціи. Только высокая цѣна зерна дѣлаетъ лѣса и пустыни обработанными и заселенными [2]). Въ Россіи, въ наибольшей части мѣстностей, цѣна хлѣба большею частію была низкая, и потому самыя плодоноснѣйшія полосы оставались незаселенными и необработанными [3]). Олеарій писалъ: «рѣдко услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства, гдѣ зерно даетъ малый всходъ, земля мало обработывается, такъ какъ крестьяне, запасая себѣ хлѣба на цѣлый годъ, не имѣютъ нужды засѣвать болѣе, и ежегодно употребляютъ только про себя свою богатую жатву. По этому самому, много прекрасной, плодоносной земли остается безъ обработки, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, когда мы проѣзжали черезъ нѣкоторыя мѣстности, покрытыя черною жирною землею [4]). Только въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе истощенія давно расчищенной изъ подъ лѣсовъ почвы и частыхъ отъ того хлѣбныхъ недородовъ, а также вслѣдствіе распространенія винокуренія,— цѣна на хлѣбъ возвысилась; часто хлѣбъ былъ дорогъ... Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ даже земскихъ людей: «отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городахъ, противъ прежняго, хлѣбу дорогая цѣна?» Гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ дали отвѣтъ, что цѣна на хлѣбъ возвысилась, между прочимъ, отъ хлѣбныхъ недородовъ» [5]). Вслѣдствіе такого возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, съ XVII вѣка замѣтно и болѣе сильное стремленіе къ обработкѣ и заселенію пустыхъ и непочатыхъ земель [6]). Особенно усилилась земледѣльческая культура и колонизація въ Сибири. И здѣсь, однакожь, обиліе земли свѣжей и хлѣбородной, легкости годового запаса хлѣба и проистекавшая оттого крайняя дешевизна зерна замедляли успѣхи распространенія земледѣльческой разработки и колонизаціи во многихъ лучшихъ мѣстностяхъ Сибири. Красноярскій округъ, напримѣръ, въ Сибири—самый благодатный край для землед-

---

1) К. Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“, т. III, стр. 529.

2) Уже Bosguileebert говорилъ, что цѣна зерна опредѣляетъ, сколь далеко можетъ быть распространена культура („Traité des grains“, II, 2). „Der hohe-Kornpreis macht alle Wüsten-oerter fruchtbar“ и пр. (Philippi Vertheidigter Kornjude, 1765, S. 116).

3) А. Э. II, 99. III. С. Т. Тр. III, 362. Ворон. акт. I. 54.

4) Путеш. Олеарія, въ „Архивѣ“ Калачева 1859, кн. III, 13.

5) Полн. Собр. Зак., № 286.

6) Сознана была необходимость развѣдки и разработки земель: „Добро бы было,—говорить Юрій Крыжаничь, выслать углядниковъ по всему царству или паче державникамъ (правителямъ областей) заповѣдать, да бѣху обыскивали и отвѣдывали и обличали: гдѣ ся буйно (изобильно) родитъ, либо родиться можетъ кое жито, зелье, древье, или былье, и проч. И дася учинить тетаномъ (земледѣльцамъ) и жителямъ заповѣдь, да бѣху со всякою марливостью (заботливостью) на тетаніе (земледѣліе) и умноженіе настояли“ (Р. Т., розд. III, 44). По регламенту Камеръ-Коллегіи 1719 г. предписывается — „о состояніи натурѣ и плодородіи каждой провинціи увѣдомитися, и наипаче о томъ старатися, чтобы какъ возможно запустѣлые дворы и земли паки населять, такожъ земледѣліе... вездѣ умножать и къ приращенію приводить“. П. С. З., № 3466, п. 13.

ія; Минусинскій округъ, гдѣ родятся и арбузы, считается даже сибирской Италіей [1]). Палласъ съ особеннымъ вниманіемъ указывалъ на плодородіе и удобость для заселенія этой прекрасной области Сибири [2]). Но цѣны на хлѣбъ дѣсь были поразительно низкія: пудъ ржаной муки стоилъ отъ 2 до 3 копѣекъ, шеничной отъ 4 до 5 копѣекъ. Не было выгоды въ большихъ размѣрахъ разабатывать и заселять новыя земли, такъ какъ цѣны на хлѣбъ не обусловливали бширной, выгодной хлѣбной торговли. Поэтому самыя лучшія земли оставались еобработанными и незаселенными. Во всей Красноярской области, на протяженіи 00 верстъ въ длину и ширину, въ 1772 г. считалось только 9.228 крестьянъ, 07 поселенцевъ, 2.023 горожанъ и посадскихъ, которые всѣ занимались земледѣліемъ [3]). Не говоримъ, наконецъ, о степени разработанности и населенности ашей юговосточной и югозападной полосы, заключающей въ себѣ до 90 милл. есятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. та, по выраженію Гакстгаузена, житница Европы во многихъ мѣстахъ предсталяетъ еще пустыни, ждущія сохи и селитьбы. «Черноземная полоса въ средней южной Россіи,—говоритъ этотъ писатель,—заключаетъ въ себѣ (считая въ томъ ислѣ и ту часть степей, которая еще не воздѣлана, но имѣетъ прекрасную очву) отъ 25 до 25.000 кв. миль самой плодоносной въ мірѣ почвы, но въ астоящее время населена мало и по всей вѣроятности не будетъ густо населена въ слѣдующемъ столѣтіи. Со временемъ здѣсь образуется огромный хлѣбный агазинъ для Европы» [4]).

II.

Производство хлѣба зависитъ отъ почвы, климата и вообще отъ внѣшней рироды. Поэтому, земледѣльческая колонизація и культура почти всецѣло подчиена физическимъ законамъ и условіямъ; по самому существу своему она не своэдна такъ отъ природы, какъ торгово-индустріальныя, ремесленныя и фабричноводскія поселенія. Развитіе и распространеніе этихъ послѣднихъ зависитъ отъ живого оборота капиталовъ, рынковъ, рабочихъ силъ, путей сообщенія, отъ умственой изобрѣтательности и предпріимчивости, и т. п. А развитіе и распространеніе грикультурныхъ поселеній всецѣло зависитъ прежде всего отъ почвы и климата, гъ изотермовъ, или направленія ровной годовой температуры, отъ изотеровъ, ли линій одинаковой лѣтней теплоты, отъ изогеотермовъ, или линій равной очвенной температуры, отъ химическихъ свойствъ и законовъ почвы, отъ фиологическихъ свойствъ и законовъ произрастанія, и т. п. Поэтому, всѣ

---

[1]) „Записки Сибирскаго отдѣла Географич. общ.".

[2]) Pallas. Reise, Th. III, s. 9. См. также s. 404 и др.

[3]) Палласъ, описавши плодородіе Красноярской области, говоритъ о степени насеенности ея: „Ich bin hieren etwas umständlicher gewesen, um ein Beispiel des Ackerbaues n Ostlichen Sibirien zu geben, und zu zeigen, wie glücklich der Landmann in diesen fruchtaren Gegenden ist, und wie sehr selbige stärker bevölkert zu werden verdienen. Das Krasojarskische Gebiet beträgt in die Länge und Breite bei sechshundert Werste und hat nicht ehr als etwas über fünfzehn Tausend männliche Seelen zur Bevölkerung, worunter noch rei Tausend Tataren und andre sibirische Völker, welche grösstentheils keinen Ackerbau eiben, sondern von Jagd und Viehzucht leben, mit eingerechnet sind". (Reise, Th. III, S. 7. м. еще S. 13).

[4]) Тенгоборскій. „О производительн. силахъ Россіи", ч. 1.

удачи или неудачи земледѣльческой колонизаціи зависятъ отъ значенія географическаго распредѣленія, сущности и значенія этихъ физическихъ условій и отъ умѣнья направлять ихъ въ пользу агрикультуры или приспособлять къ нимъ самую агрикультуру. При незнаніи физико-географическихъ, метеорологическихъ и химико-физіологическихъ законовъ агрикультуры, земледѣльческія поселенія не могутъ вполнѣ правильно, раціонально-географически распространяться и вполнѣ успѣшно и экономично развиваться. Умственное развитіе и географическое распространеніе ихъ, въ такомъ случаѣ, находится въ рабствѣ у природы, въ пассивной зависимости отъ физическихъ законовъ.

Такъ, во-первыхъ, широты мѣстностей, минимумы и суммы необходимой для культурныхъ растеній теплоты опредѣляютъ различныя агрикультуры широты и предѣлы земледѣльческихъ поселеній. Вотъ краткій перечень условій температуры для нѣкоторыхъ европейскихъ растеній:

ВИДЫ.	Крайніе предѣлы въ Европѣ: страны	широта	Minimum необходим. температ.	Сумма минимума.
Hordei spec.	Въ Норвегіи	70°	5°	1250°
Виноградъ	„ Германіи	52¼	10	2900
Маисъ	„ Idem	51	13	2500
Chamerops humilis	„ Ниццѣ	43⅔	19	2700 до 3000
Atractylis cancellata	„ Idem	43⅔	15 до 16	3000 до 4000
Mesembryanthemum nodiflorum	„ Долмаціи	43	9½	5730
Succowia baleavica	„ Сардиніи	41	11	5800
Dattier (Phoenix dactylifera)	„ Испаніи	39½	18	5100

Культурныя растенія, которыя требуютъ для своего произрастанія отъ 9° до 19° минимума необходимой температуры и отъ 2700° до 5800° суммы необходимаго минимума, очевидно, могутъ обусловливать собою агрикультурную колонизацію только на югѣ Европы, въ странѣ Средиземнаго моря. Виды растеній, требующіе отъ 7° до 13° минимума и отъ 2200° до 3000° суммы, могутъ служить основаніемъ и даннымъ для агрикультурныхъ поселеній въ средней Европѣ, въ Германіи и Франціи. Наконецъ, минимумъ необходимой температуры отъ 5° до 8° и отъ 1250° до 2600° суммы минимума, и растенія, довольствующіяся этимъ количествомъ теплоты, могутъ обусловливать собою агриколярную колонизацію только на сѣверѣ Европы, и притомъ колонизацію и культуру, самую ограниченную, и въ интенсивномъ развитіи, т. е. по количеству и качеству воздѣлываемыхъ растеній, и въ экстенсивномъ, т. е. по географической обширности и пространственному развитію агриколярныхъ поселеній. По этому естественному закону, на сѣверѣ Россіи въ сѣверномъ Поморьи, отъ Мезени до Колы и Лапландіи, никакъ не могли развиться обширныя земледѣльческія поселенія, не только съ разнообразнымъ растительнымъ сѣвооборотомъ, но и съ однимъ ячменемъ и рожью. Всѣ попытки земледѣлія на крайнемъ русскомъ сѣверѣ полярный климатъ съ замерзлой почвой разрушалъ, и наши сѣверо-поморскіе поселенцы въ древней Россіи постоянно жаловались, что «на ихъ поморской украйнѣ, на студеномъ морѣ, гдѣ земля пришла каменистая, стужа великая, во все лѣто снѣги мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побиваетъ» [1]). Только рѣпа могла еще расти на сѣверѣ, и *рѣпища*

[1]) А. И., т. IV, стр. 545.

стари распространены были на поляхъ сѣвернаго поморья [1]). Поэтому, вмѣсто млeдѣльческихъ колоній, тамъ устроились поселенія оленеводческія, рыболовныя море-промышленныя.

Съ поясомъ ячменя становится возможнымъ воздѣлываніе нѣкоторыхъ видовъ ıѣбныхъ растеній, и потому отселѣ начинается географическая область земледѣльскихъ поселеній. Вотъ средняя температура для нѣкоторыхъ предѣловъ и окрестстей ячменя:

Мѣстности:	въ апр.	маѣ	іюнѣ	іюлѣ	авг.	сент.	октяб.	Лѣто.
Фероэ 62°3'	5°55	7°43	11°51	12°83	12°30	10°78	8°08	12°24 отъ мая до сент. 10.97
ьтенъ въ Норвегіи 70°0'	3 —0.5	4.81	8 14	11.71	10.55	5 66	—0.28	10.13
Улео 65°0'	—3.2	4.9	12 9	16.4	13.7	8.0	3.7	14.34 отъ мая до сент. 11.18
хангельскъ 64°32'	0.75	7.25	12.57	15.74	13.39	8.85	2.04	13.9 отъ мая до сент. 11.56
утскъ 62°2'	—8.75	2.75	14.62	20.50	14.50	6.74	—8.50	16.54 отъ мая до сент. 11 82

Такимъ образомъ, метеорологическое состояніе весны, лѣта и осени, во всѣхъ іхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ опредѣляетъ полярный предѣлъ возможности земледѣльческихъ поселеній. Принимая за минимумъ необходимой для хлѣбныхъ растеній ıпературы 5° или 8°, сумма теплоты отъ 1250° до 1930° или отъ 965° 1700° обусловливаетъ возможность агриколярныхъ поселеній между 62°2' и °0' с. ш. Принимая за minimum необходимой для развитія растеній темпераы 5°, полагаютъ, что въ странахъ, гдѣ дни лѣтніе очень долги, культура меня и, слѣдовательно, заведеніе поселеній, которыя бы воздѣлывали ячмень, буютъ суммы температуры:

между 59° и 60° с. ш.	1840°
подъ 62°	1780
между 64½ и 65	1460
подъ 68½	1300
» 70°	1250

Такимъ образомъ, крайніе полярные предѣлы, гдѣ возможна культура ячменя, слѣдовательно, земледѣльческая колонизація, обусловливаются:

Суммой температуры, считая отъ минимумовъ:

	5°	8°
Подъ 62°2' с. ш. въ Якутскѣ	1930°	1700
» 62°3', въ Фероэ среднимъ числомъ		
» 64°32', въ Архангельскѣ	1610	1472
» 65°9', въ Улео среднимъ числомъ		

[1]) А. Юрид., № 110: „Новгород. сѣвероном. купчія и данныя".

	5^0	8^0
Подъ $68^0 30'$, въ Еконтекисѣ (въ Лапландіи)	1305	1165
» $70^0 0'$, въ Норвегіи	1250	965 [1])

Вслѣдствіе такихъ метеорологическихъ законовъ и физико-географическихъ предѣловъ, земледѣльческія поселенія въ Россіи не распространились нигдѣ дальше 66^0 10′ с. ш. (исключая Самарова подъ 70^0 36′, около котораго, по словамъ Палласа и Георги, еще сѣяли ячмень и овесъ). Именно въ Архангельской губерніи, въ предѣлахъ Усть-Цыльмы, агрикультура и земледѣльческія поселенія оканчиваются подъ 65^0 с. ш., на границѣ Вологодской губерніи къ сѣверу подъ $64^{1/4}$ с. ш., въ Мезени на сѣверъ отъ Архангельска подъ 65^0 50′ с. ш., на Шижмѣ подъ 66^0 10′ с. ш. Такимъ образомъ, физико-географическій и климатическій предѣлъ земледѣльческой культуры и колонизаціи на сѣверѣ Великороссіи лежитъ между 65^0 50′ и $66^0$10′ с. ш. [2]). Здѣсь, слѣдовательно, сама природа полагаетъ предѣлъ земледѣльческой колонизаціи. И культурѣ, особенно невооруженной силою знаній, трудно было бороться съ климатическими и почвенными препятствіями и противодѣйствіями. Оттого, русскія поселенія здѣсь изнывали въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ и, какъ мы упоминали уже, постоянно жаловались, что мѣсто у нихъ подкаменное, студеное, подошло къ студеному океану — морю, что во все лѣто снѣги мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта побиваетъ морозомъ. «Во всемъ Поморіи,—говоритъ жизнеописатель Трифона Печенѣгскаго,—бяше великій гладъ, многіе годы овощіе и хлѣбъ побивашеся мразомъ» [3]). Вслѣдствіе неблагопріятныхъ для земледѣлія климатическихъ условій, населеніе въ сѣверномъ поморьи всегда было рѣдкое; деревни были маленькія и разбросаны на далекомъ одна отъ другой разстояніи. Не говоря уже о кольскихъ и мурманскихъ рыбацкихъ поселеніяхъ, даже южнѣе 64^0 с. ш., напримѣръ, въ лопскихъ погостахъ населенность деревень, въ XVI и XVII в., была самая малая. Такъ, въ трехъ уѣздахъ Вотской пятины — Ладожскомъ, Орѣховомъ и Корельскомъ изъ 2.710 деревень, въ 1.419 деревняхъ было только по 1 двору, а отъ 10 до 30 дворовъ только въ 58 деревняхъ, отъ 30 же до 45 дворовъ только въ 4 селахъ, и, наконецъ, только въ двухъ селахъ свыше 50 дворовъ [4]). Волость отъ волости, погостъ отъ погоста отстояли верстъ за 70, 80, за 100 и болѣе [5]). Отъ морозовъ, побивавшихъ хлѣбъ почти повсегодно, многія поселенія пустѣли, такъ что въ каждомъ

[1]) De-Candolle, „Géograph. botan.“, t. I, p. 357.

[2]) Де-Кандоль („Géorg. botan.“, t. I, p. 335) говоритъ: „En Russie, l'agriculture avance moins vers le nord; mais la population est rare dans cette partie de l'empire, et l'on n'a pas encore essayé tout ce que comporterait le climat. M. E. Meyer admettait en 1840 (Plant. Labrad. p. 132) que vers Archangel et Ust-Silma, l'agriculture atteint à peine le 65^0 degré; elle a fait des progrès depuis quelques années, et M. Trantvetter, qui a puisé à de bonnes sour ces, indique d'une manière précise la limite des cultures de céréales c'est-à dire dans ce cas, la limite de l'Orge (Pflanz. Georg. Varhältn. Europ. Russlandt, in-8^0; Heft. III, p. 28). Selon cet auteur elle est à Mesen, au nord d'Archangel, sous 65^0 50 lat., puis vers l'est, elle passe á Ishemskaja (64 degrés 1/2 environ), et vers l'Oural, elle aboutit au point de contact des deux provinces d'Archangel et de Vologda sous le 64^0 degré 1/4 de latitude. A Mesen, on sème au commencement de mai et on récolte en août. On essaie encore plus loin, car d'après Stuckenberg, il y a de l'orge à Sjemscha (66^0 10′) et à Mylo, encore plus au nord, et d'après Schrenk (Trautr. ib. p. 62) jusqu'au 66^0 degré de latitude au N. E. de Mesen. M. Trautvetter admet pourtant comme limite celle indiquée tout à l'heure. Elle oscille de 65^0 50′ à 66 degrés.

[3]) Въ рукоп. Соловец. библ. „Житіе Трифона Печенегскаго“, № 182.

[4]) Окладн. Новгород. книга въ 11 и 12 кн. „Временника“ за 1852 г.

[5]) Собран. архіер. грам. Рукоп. Соловец. подъ № 20. № 40.

погостѣ было деревень 20, 30 и болѣе пустыхъ, а часто цѣлые погосты и волости опустѣвали отъ хлѣбнаго недорода вслѣдствіе морозовъ [1]). По суровости климата, огромныя пространства оставались невоздѣланными и незаселенными, и въ тѣхъ рѣдкихъ поселеніяхъ, какія существовали, жители не воздѣлывали и почти не употребляли хлѣба [2]). Крайній недостатокъ хлѣба препятствовалъ умноженію народонаселенія и расширенію не только земледѣльческихъ, но и торгово-промышленныхъ и заводскихъ поселеній. Де-Геннинъ, въ 1717 году, ноября 7 писалъ съ петровскихъ заводовъ: «хлѣба нѣтъ и мастерамъ и мастеровымъ людямъ, которые находятся при олонецкихъ заводахъ у разныхъ дѣлъ, на прокормленіе дать нечего... И въ Олонецкомъ уѣздѣ, во всѣхъ погостахъ, хлѣбомъ съ нуждою пронимались сами». «У нашихъ лопскихъ мужиковъ, писалъ Геннинъ 17 іюля 1718 г., хлѣба ни горсти нѣтъ, кромѣ того, что питаются сосновою корою... И нынѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣбъ ростетъ весьма плохъ. Хлѣба — рожь и овесъ принимаются съ трудомъ» [3]). По такой трудности земледѣлія, особенно на крайнемъ сѣверѣ поморья, за 64^0 с. ш., вмѣсто земледѣльческихъ колоній естественно устроились преимущественно поселенія лопарскія, оленеводческія, рыболовныя и, особенно, море—промышленныя. «Море, вотъ наше поле, наша пашня», такъ говорятъ доселѣ поморцы. Отъ хлѣбнаго недороду поморцы охотно шли на олонецкіе петровскіе заводы. Іюля 20, 1715 г., де-Геннинъ писалъ: «хотя и тягостна заводская работа, однакоже, при моей бытности, многое число Олонецкаго уѣзда мужиковъ пришло жить съ иныхъ уѣздовъ» [4]). А въ XVII в. отъ хлѣбнаго недорода поморцы толпами переселялись въ хлѣбородныя земли Сибири [5]). Здѣсь, на сѣверѣ Сибири, земледѣльческая колонизація и культура еще до такой степени слаба и такъ мало изслѣдовала и покорила физико-географическую природу, что хорошо неизвѣстны даже изогеометрическіе и климатическіе предѣлы агрикультуры. По свидѣтельству Палласа и Георги, ячмень и овесъ сѣяли даже у Самарова, подъ 70^0 $36'$ с. ш. и у Сургута, подъ 61^0 $25'$, но попытки были неудачны. Безсиліе колонизаціи въ агрикультурной борьбѣ съ климатомъ показалось также въ колоніи Богословской у Урала, подъ 59^0 $45'$ с. ш. на высотѣ 822 фут. Неудача здѣсь земледѣлія побудила Купфера помѣстить эту мѣстность внѣ предѣла агрикультуры. Вѣроятно, замѣчаетъ Декандоль, предполагаютъ культуру невозможною безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ, потому что не было болѣе положительныхъ опытовъ. Народонаселеніе Сибири еще слабо, и его занятія ограничиваются слабыми попытками культуры. У Березова на Оби ячмень очень хорошо родится подъ 63^0 $55'$ с. ш. Въ центрѣ Сибири, у Якутска, по словамъ Георги, воздѣлывали ячмень на берегахъ Вилюя, подъ 64^0 с. ш. [6]). Вообще подъ 64^0 и даже подъ

---

1) Неволинъ, — „О пятин. и погост. Новгор.". прилож. VI и др.
2) „Горн. Жур." за 1826 г. № 11, стр. 143—144 и 152.
3) „Rerum moscvit.", p. 77, 79 и 80.
4) Дополн. къ А. И., т. III, № 14.
5) „Горн. Журн." 1826, № 1, стр. 103.
6) Де-Кандоль говоритъ: „Dans le nord de la Sibérie, la limite est bien peu connue, surtout la limite de ce qui serait possible si la population était moins rare et multipliait les essais. D'après Pallas et Georgi (extr. par E. Mey, plant Labrad. p. 140), on ne cultive près de Samarof (lat. 70⁰ 36', long. 65 degrés E. P.) que de l'orge et de l'avoine, et près de Surgutt (lat. 61⁰ 25', long. 70⁰ E. P.) les tentatives faites par les habitants avaient été si malheureuses qu l'on a renoncé à semer. A Bogoslovsk, établissement de mines près de l'Oural sous le 59⁰ 45', à 822 p. d'élévation (Ermad, Reise t. I. p. 410), on a l'opinion qu'il serait impossible de cultiver des céréales et même des choux et des raves. M. Kupfer place cette

62° с. ш. едва ли не предѣлъ сколько-нибудь успѣшной агрикультуры и возможности земледѣльческихъ поселеній. Линія, по которой кончается въ Сибири яровое земледѣліе и земледѣльческая колонизація, по болѣе точнымъ извѣстіямъ, идетъ при слѣдующихъ точкахъ: въ Камчаткѣ до шир. 57°, на сѣверномъ берегу Охотскаго моря не далѣе 59° 30′, по Ленѣ до широты 62, по Енисею въ волости Анциферовой почти при 60°, по Иртышу въ селѣ Ряполовскомъ въ ш. 59°, на восточномъ предгорьи Урала еще ближе послѣдней широты. Притомъ по всей линіи не видно возвышающейся постепенности въ хлѣбномъ плодородіи, отъ востока къ западу. Не видно также, чтобы съ углубленіемъ материка въ полярный кругъ плодородіе простиралось пропорціонально продолженію матерой земли. Страны, выше 62° с. ш., кажется, обречены только на рѣдкія, малолюдныя и скучныя поселенія, кочевыя, оленныя, рыбацкія, звѣроловческія и море-промышленныя. Русскіе тамъ нерѣдко умирали отъ суровости климата и бехлѣбья. Напримѣръ, въ 1759 г. въ отдаленныхъ отъ Якутска острогахъ умерло до 40 человѣкъ изъ служилыхъ командъ: они, какъ сказано въ указѣ 7 декабря 1760 г., ѣли кожи и ремни [1]). Правительству стоило значительныхъ хлопотъ поддерживать земледѣльческую колонизацію въ холодномъ, восточномъ поясѣ Сибири, не только подъ 62°, но и до 57° с. ш. Недаромъ оно заботливо освѣдомлялось объ ущербахъ, какіе претерпѣвали отъ морозовъ первыя земледѣльческія поселенія въ верховьяхъ Лены. Такъ въ 1644 г. Ленскіе воеводы наказывали служилымъ людямъ «досматривать у новопашенныхъ поселенцевъ, родился ли у нихъ хлѣбъ, и буде родился, у морозомъ тотъ хлѣбъ не побило ли, и буде побило, сколько десятинъ морозомъ побило», и проч. [2]). Чуть въ какой нибудь новоустроенной пашенной слободѣ морозъ побивалъ хлѣбъ, правительство немедленно велѣло выдавать поселянамъ хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, чтобы они не разбрелись и пашни не бросили. Такъ, въ 1678 г. Биргольскіе пашенные крестьяне били челомъ, что «де въ 186 году, о Ильинѣ дни, въ Бирюльской волости на государевыхъ десятинахъ и на крестьянской пахотѣ хлѣбъ вызябъ весь безъ остатку, а у иныхъ крестьянъ остатки небольшіе отъ морозовъ остались, а у которыхъ де крестьянъ хлѣбъ вызябъ, и имъ де нынѣ кормиться нечѣмъ». Вслѣдствіе этого, крестьянамъ велѣно было выдать хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, «чтобы ихъ одержать въ волостѣ и врознь не разбрелись бы и пашни не запустили бы [3]). Если въ вер-

localité hors de la limite; mais il parait plutôt, d'apres les expressions du voyageur Erman, que des essais convenables n'ont pas encore été faits. On croit toute culture impossible, peut-être sans en avoir des preuves positives. La population est faible, et ses occupations la détournent des essais de culture. A Beresow, sur l'Obi, 63° 55′ lat. l'orge réussit très bien (Erman, Reise I, p. 603). Dans le centre de la Sibérie, près de Jakoutsk, on cultive de l'orge sur les rives de la Wilvim, affluent de la Lena (64° lat.), selon Georgi; et près de Amginsk, sous le 61 degré, il ne manque pas de céréales de même que dans le pays qui sépare Jakoutsk du fleuve Aldan, selon le témoignage du voyageur Sarytschew (cité par E. Mey, ib). A Jakoutsk, on a même du froment d'été (Erman, Reise II, p. 253, par conséquent à plus forte raison de l'Orge. S. 335 - 336). I. Ф. Скау, въ статьѣ о географическомъ распредѣленіи хлѣбныхъ растеній говоритъ: „Обращаясь отъ Скандинавіи къ востоку, мы находимъ склоненіе линіи хлѣбныхъ растеній уже въ Европейской Россіи, сѣвернѣе она идетъ у Архангельска подъ 67°. Замѣтнѣе склоненіе этой линіи въ азіятской Россіи: у Оби сѣверная граница хлѣбовъ проходитъ подъ 67°, у Енисея подъ 58°, у Лены подъ 75° (?) широты: въ Камчаткѣ, въ южной части которой воздѣлывается весьма мало хлѣбовъ, она опускается до 51°.

[1]) „Историч. обозрѣн. Сибири" Словцова, II, стр. 323—324.
[2]) Дополн. къ А. И., т. II, № 73, стр. 178—179.
[3]) Ibid., VIII, № 34. (3) Ibid., II, № 90.

ховьяхъ Лены, или подъ 55^0, 58^0 с. ш. климатъ затруднялъ распространеніе и утвержденіе земледѣльческой колонизаціи, то на сѣверѣ, подъ 62^0 с. ш. еще труднѣе было ее водворить. Въ 1640—1643 г. ленскій воевода Головинъ отписывалъ: «а въ Якутскомъ, по сказкѣ торговыхъ и промышленныхъ служилыхъ людей *хлѣбной пашни нечаять,* земля и середи лѣта все не растаиваетъ». Въ Якутской области всего яснѣе обнаружилась трудность земледѣльческой колонизаціи, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, безъ пособія науки и искусства. Вотъ что объ этомъ писалъ Н. Щукинъ въ 1844 году: «казаки, проникнувъ въ Сибирь, нашли тамъ жителей не знающихъ земледѣлія, но питающихся мясомъ и молокомъ въ различныхъ измѣненіяхъ. Русскому хлѣбъ столько же необходимъ, сколько свѣтъ дневной. Пища побѣжденныхъ народовъ была непривычна имъ, а въ иныхъ случаяхъ и противна уставамъ церкви. Казаки должны были везти съ собою провіантъ. Сколько разъ писали они, что, плавая по Охотскому морю безъ провіанта осквернили душу свою тюленями и другими морскими звѣрями. Начальство уважило эту крайность и завело хлѣбопашество на рѣкѣ Енисеѣ. Земледѣліе, подаваясь вслѣдъ за успѣхами казаковъ отъ запада къ востоку, достигло береговъ Илима, а потомъ и Лены. Но почва якутской земли никогда не таетъ глубже аршина, и потому раннія холода лѣтомъ не благопріятствовали земледѣлію. Подъ 57^0 широты, на устьѣ р. Киренги, заложенъ городъ Киренскъ, и первые опыты земледѣлія тамъ удались, и жители Якутска оставили земледѣліе. Между тѣмъ, къ юговостоку отъ Якутска, по р. Амгѣ, впадающей въ рѣку Алданъ, основано русское селеніе. Здѣсь земледѣліе поддерживалось кое какъ. Крестьяне объякутились и привыкли къ мясной и молочной пищѣ. Мысль, что хлѣбъ не можетъ родиться въ якутской области, сдѣлалась общею и внесена въ географію и статистику. Г. Бардовскій, въ изданной въ 1837 г. географіи, говоритъ, что рожь родится только въ Енисеѣ, а далѣе къ востоку урожай ненадеженъ. На чемъ основалъ г Бардовскій столь рѣшительное опредѣленіе, нельзя постигнуть. Если въ статистикѣ г. Зябловскаго и сказано, что Иркутская губернія не удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но значительную часть его получаетъ изъ Томской губерніи, то показаніе это давно опровергнуто. Хлѣбъ родится худо только за 57^0 широты, а южная часть Иркутской губерніи не только что удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но каждый годъ до 600.000 пудовъ отпускаетъ его въ Китай и въ якутскую область. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ городѣ Олекмѣ, на берегу Лены подъ 60^0 с. ш тамошній коммисаръ Звѣревъ, не зная ни о широтѣ мѣста, ни объ улучшенномъ хозяйствѣ, посѣялъ рожь. Опытъ былъ неудаченъ. На слѣдующее лѣто онъ посѣялъ ярицу и ячмень. Первая замерзла въ колосу, второй созрѣлъ совершенно. Такимъ образомъ, изучивъ въ нѣсколько лѣтъ почву и климатъ, онъ дошелъ до того, что сталъ довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Явились подражатели. Хлѣбъ начали сѣять въ другихъ мѣстахъ. Но неудачи охладили рвеніе, а надежда на звѣриные промыслы льстила лучшими выгодами. Земледѣліе оставлено и поддерживалось кое-гдѣ въ ничтожномъ размѣрѣ. Въ 1835 г. одинъ чиновникъ въ Якутскѣ посѣялъ для опыта ярицу; хлѣбъ созрѣлъ и снятъ благополучно. Здѣсь опять явились подражатели, и земледѣліе шло съ перемѣннымъ успѣхомъ. Обыкновенно, хлѣбъ, не созрѣвши въ колосѣ, гибнулъ отъ павшихъ въ началѣ августа инеевъ. Для полнаго созрѣнія жита не доставало недѣль двухъ теплаго времени

въ концѣ лѣта. Многолѣтніе опыты научили, что весною не должно упускать ни одного теплаго дня и сѣять хлѣбъ тотчасъ, какъ скоро снѣгъ сойдетъ съ земли... Вообще, опыты земледѣлія, доселѣ производимые, доказали, что хлѣбъ въ Якутской области можетъ родиться только при благопріятныхъ случаяхъ; можетъ быть, современемъ, когда оклиматизируются сѣмена, когда дознанъ будетъ способъ полеводства, земледѣліе и станетъ въ число принадлежностей сельскаго хозяйства, но теперь оно въ страдательномъ положеніи» [1]). Первый опытъ хлѣбопашества въ якутскомъ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 году, когда сибирскій дворянинъ И. Старостинъ получилъ во владѣніе участокъ земли близь Якутска. Сначала попытки его были въ самомъ маломъ размѣрѣ, а потомъ, чтобы пріохотить другихъ, Старостинъ увеличилъ хлѣбопашество и засѣвалъ свои пашни только яровымъ хлѣбомъ. Въ 1768 г. были поселены отъ Якутска по тракту иркутскому нѣсколько семействъ поселенцевъ, и небольшая часть изъ нихъ въ 1775 г. была переведена въ Амгинскую слободу, собственно съ цѣлію водворенія тамъ хлѣбопашества. Долина р. Амги представляетъ всѣ выгодныя условія для земледѣлія; съ первыхъ лѣтъ переселенцы занялись обработываніемъ полей, но впослѣдствіи, переженившись на якуткахъ и свыкшись съ образомъ ихъ кочевой, скотоводческой жизни, бросили земледѣліе, такъ что оно вовсе тамъ прекратилось. Неудачи, причиняемыя суровымъ климатомъ, ослабляли энергію лѣнивыхъ русскихъ натуръ, не умѣющихъ раціонально и устойчиво бороться съ природою. Только назначенный въ 1800 г. въ Амгинскую слободу коммиссаръ Неоструевъ, получивъ особое предписаніе о распространеніи хлѣбопашества и преслѣдуя праздность и нерадѣніе переселенцевъ, принудилъ ихъ къ воздѣлыванію земли, и съ тѣхъ поръ, по настоящее время, разведеніе зернового хлѣба было производимо на земляхъ амгинскихъ съ постояннымъ успѣхомъ. Во всей Якутской области хлѣбопашество производится только въ двухъ округахъ: Якутскомъ и Олекминскомъ. По свѣдѣніямъ за 1835 г., всего въ области на 349 десятинахъ посѣяно было озимаго хлѣба $4^3/_8$ и яроваго $365^5/_8$; родилось перваго $26^2/_8$ и второго $2.241^4/_{64}$ четверти. При всей суровости климата [2]), растительность въ якутскомъ краѣ необыкновенно сильна, развитіе ея совершается съ удивительною быстротою. И въ послѣдніе годы, т. е. съ 1853 г., хлѣбопашество въ Якутскѣ получило значительные размѣры. Съ переселеніемъ на берега р. Маи забайкальскихъ, верхнеудинскихъ крестьянъ, отличное трудолюбіе ихъ къ воздѣлыванію земель и знаніе этого дѣла поучительно подѣйствовали и на якутовъ. Вслѣдствіе благодѣтельнаго примѣра русской земледѣльческой колоніи, въ 1853 году сдѣланы были въ Кутурусскомъ улусѣ небольшіе засѣвы; успѣхъ увѣнчалъ труды якутовъ, удачный урожай рѣшительно пріохотилъ ихъ къ разработкѣ полей. Примѣру ихъ послѣдовалъ и сосѣдній Намскій улусъ, въ которомъ весною 1854 г. засѣяно до 2.000 пудовъ ячменя, а въ 1855 г. въ Намскомъ и Бутурусскомъ улусахъ по-

---

[1]) Н. Щукинъ, „Поѣздка въ Якутскъ“, 1844 г. стр. 241—245. „Вотъ, продолжаетъ онъ, нѣсколько видовъ якутскаго земледѣлія. Въ 1840 г. купецъ Леонтьевъ имѣлъ 17 десятинъ озимаго и 35 ярового. Снялъ озимаго 137 четв., яроваго 262 четв. Купецъ Шиловъ имѣлъ 7 десятинъ озимаго и 17 десят. ярового. Снялъ перваго 21 четв., а втораго 106 четв. Почетная гражданка Колесова съ 15 десятинъ сняла 123 четв. За русскими увлеклись якуты и проч., стр. 245.

[2]) См. таблицы наблюденій г. Давыдова въ кн. Dr. A. Th. V, Middendorfs Sibirische Reise, Band I. Theil 1.

сѣвъ состоялъ изъ 4.000 пудовъ ячменя, а также сдѣланы были опыты сѣянія пшеницы и овса [1]).

Точно также климатъ затруднялъ развитіе земледѣльческихъ поселеній въ Камчаткѣ [2]). Въ восточной, приморской сторонѣ ея климатъ вовсе неблагопріятенъ для земледѣлія: холодные туманы и морскіе вѣтры мѣшаютъ развитію хлѣбныхъ растеній. Крашенинниковъ, довольно подробно описывая климатическое состояніе Камчатки, между прочимъ, говоритъ: «зима и осень составляютъ тамъ большую половину года, такъ что настоящей весны и лѣта не болѣе 4 мѣсяцевъ положить можно: ибо деревья начинаютъ тамъ распускаться въ исходѣ іюня, а иней падать въ началѣ августа мѣсяца... Лѣто (въ большерѣцкомъ вѣдомствѣ по пенжинскому морю) весьма неспокойно, мокро и холодно; а причиною тому великое исхожденіе паровъ, и около лежащія, нетающимъ снѣгомъ покрытыя горы. Часто случается, что по недѣлѣ, по двѣ и по три солнца небываетъ видно; напротивъ того не случалось во всю мою бытность, чтобъ недѣлю сряду было ведро. Нѣтъ такого яснаго по тамошнему мѣсту дня, въ который бы съ утра не видно было туману, который какъ сильный мелкій дождь до тѣхъ поръ продолжается, пока солнце близко къ полудню приближается, а отъ того ненастья, также и отъ помянутыхъ горъ, бываетъ въ приморскихъ мѣстахъ такая стужа, что безъ теплаго платья пробыть отнюдь невозможно... Объявленное лѣтнее не спокойство бываетъ причиною неплодородія земли» [3]). Напротивъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ моря, особенно около верхняго камчатскаго острога, климатъ, по наблюденію Крашенинникова и другихъ, умѣреннѣе, теплѣе, суше и благопріятствуетъ земледѣлію. Вслѣдствіе такой раздвоенности метеорологическаго состоянія Камчатки, различны были и мнѣнія о возможности земледѣльческой колонизаціи Камчатки. Одни находили климатъ Камчатки рѣшительно неблагопріятнымъ для водворенія и развитія земледѣльческихъ поселеній. И неудачные опыты агрикультуры утверждали это мнѣніе [4]). Другіе же вѣрили въ возможность земледѣльческихъ колоній и хлѣбопашества во внутренней, континентальной Камчаткѣ. Крашенинниковъ писалъ: «О состояніи Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли ея больше, или важнѣе преимущества. Что она безхлѣбное мѣсто и нескотное, что великимъ опасностямъ отъ частыхъ землетрясеній и наводненій подвержено, что большая часть времени проходитъ тамъ въ неспокойныхъ погодахъ, и что напослѣдокъ одно почти тамъ увеселеніе смотрѣть на превысокія и нетающимъ снѣгомъ покрытыя горы, или живучи при морѣ слушать шуму морскаго волненія, и глядя на разныхъ морскихъ животныхъ, примѣчать нравы ихъ и взаимную вражду и дружбу; то кажется, что

[1]) „Записки Сибирск. отдѣла Географич. общества", кн. V, 1858 г. „О началѣ и развитіи хлѣбопашества въ Якутской области"—Давыдова. II, стр. 13.

[2]) Декандоль говоритъ о камчатскомъ климатѣ и земледѣліи: „Sur la côte orientale du Kamtschatka, même sous le 53° 4′ lat., le climat est tout à fait contraire aux céréales. Da Chamisso (Linn. I, p. 2) dit qu'à Saint-Paul et Saint-Pierre, localité assez abritée des vents de mer, elles n'ont pas réussi, et que l'on a dû se borner aux pommes de terre et à quelques légumes. Il savait cependant qu'il y a des points plus favorables á la culture, dans l'intérieur de la péninsule du Kamtschatka. Steller (cité par E. Mey ib., p. 151) mentionne de l'orge cultivée près d'un couvent par des moines. Le littoral, même au midi, est battu de vents humides, qui empêchent les grains de mûrir convenablement" (Malte-Brun, „Géorg.", III, p. 397. „Géograph. botanique", t. I, p. 336).

[3]) „Опис. земли Камчатки". Спб. 1786 г., ч. стр. 160—170. См. также Лессепсово путешествіе по Камчаткѣ. 1801 г., ч. I, стр. 17—18.

[4]) См. въ „Сѣверн. Архивѣ" 1823 г., ч. VI, № 7, отд. III: „Краткое извѣстіе о Камчатскомъ земледѣліи".

она страна больше къ обитанію звѣрей, нежели людей способна. Но ежели напротивъ того взять въ разсужденіе, что тамъ здоровый воздухъ и воды, что нѣтъ неспокойства отъ лѣтняго жару и зимняго холоду, нѣтъ никакихъ опасныхъ болѣзней, какъ напримѣръ моровой язвы, горячки, лихорадки, воспы и имъ подобныхъ, нѣтъ страху отъ грома и молніи и нѣтъ опасности отъ ядовитыхъ животныхъ: то должно признаться, что она къ житію человѣческому не меньше удобна, какъ и страны всѣмъ изобильныя, которыя по большой части объявленнымъ болѣзнямъ или опасностямъ подвержены, особливо же, что нѣкоторые недостатки ея со временемъ награждены быть могутъ: а именно, оскудѣніе въ хлѣбѣ заведеніемъ пашни, чему начало давно уже положено, и отправлено туда нѣсколько семей крестьянъ съ довольнымъ числомъ лошадей, рогатаго скота и всякихъ принадлежащихъ къ пашнѣ потребностей. Около вершинъ рѣки Камчатки, особливо же около верхняго камчатскаго острога и вверхъ по р. Козыревской, по мнѣнію Стеллера, могутъ родиться яровые хлѣба и озимь столь же хорошо, какъ и въ другихъ мѣстахъ подъ такою широтою лежащихъ: для того что земля тамъ широка, снѣги падаютъ хотя глубокіе, однако сходятъ заблаговременно; сверхъ того, вешняя погода въ тѣхъ мѣстахъ гораздо суше противъ приморскихъ, и не бываетъ тамъ исхожденія паровъ великихъ. Что касается до яровыхъ хлѣбовъ, то какъ въ верхнемъ, такъ и въ старомъ нижнемъ камчатскомъ острогѣ многими опытами извѣдано, что ячмень и овесъ родятся тамъ столь изрядные, что лучшихъ желать не можно» [1]).

Съ крайнихъ сѣверо-восточныхъ границъ ячменя обратимся на югъ Россіи, въ поясъ винограда. Здѣсь климатъ благопріятствуетъ произрастанію и созрѣванію винограда: въ Буковинѣ и Могилевѣ подъ 48° с. ш., въ Кременчугѣ подъ 49°, на степяхъ Дона отъ Аксая до Черкасска, въ предѣлахъ Волги до 48°, до колоніи Сарепты, а по словамъ Палласа до Саратова и Царицына, до колоніи Верхней Добрянки, или до Дмитріевска и Камышина, т. е. почти до 50° с. ш. «Ни въ какой части земли,—говоритъ Гумбольдъ,—даже на Канарскихъ островахъ, въ Испаніи или южной Франціи, я не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ плодовъ, особенно такого прекраснаго винограда, какъ въ Астрахани, близъ Каспійскаго моря (46° 21′). При средней годовой температурѣ около 9°, тамъ средняя температура доходитъ до 21°—2°, какъ около Бордо: тогда какъ зимою не только въ Астрахани, но еще гораздо южнѣе, въ Кизлярѣ, у устья Терека (подъ широтой Авиньона и Римини) термометръ опускается до 25° и 30° мороза» [2]). Благопріятствуя такимъ образомъ разведенію винограда, южный климатъ, при этомъ, и въ самихъ жителяхъ обусловливаетъ другую химико-физіологическую потребность, именно преимущественную потребность пищи плодовой, содержащей въ себѣ гораздо больше кислорода и меньше углерода, чѣмъ содержитъ ихъ полярная, жирно-мясная пища. «Плоды,—говоритъ Либихъ,—служащіе пищею для южнаго жителя, содержатъ въ свѣжемъ состояніи не болѣе 12 процентовъ углерода, между тѣмъ какъ сало и жиръ, употребляемые жителями полярныхъ странъ, содержатъ отъ 66 до 80 процентовъ углерода». Этотъ-то химико-физіологическій законъ былъ причиною того, что русскіе люди, поселившись на сѣверѣ, въ Поморьи, подъ 60°—68° с. ш., употребляли всѣ усилія на добычу жирной пищи—

[1]) Крашенинниковъ, „Описаніе Камчатки“, 1786 г., ч. II, стр. 150—152.
[2]) „Космосъ“, II, стр. 286.

трески, палтусины, семги и тюленьяго жира и, несмотря на всю безплодную каменистость и мшистость почвы, несмотря на климатическія препятствія, все-таки бились изъ всѣхъ силъ, добывая хлѣбъ, и брались за хлѣбопашество; а поселившись на югѣ русской земли, въ тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и кукурузы, тѣ же русскіе люди явились лѣнивыми къ хлѣбопашеству и предались больше садоводству, культурѣ винограда и фруктовъ. Такимъ образомъ, виноградъ и вообще садоводство были главными или отличительными мотивами нашей колонизаціи на югѣ, начиная даже съ Дона. На Донъ виноградъ привезенъ моремъ колонистами изъ Греціи. Со времени Петра Великаго разведеніе его завлекло и заняло значительную часть донского населенія. Въ царствованіе Елисаветы Петровны, виноградарство на Дону получило еще большее развитіе, и Ведерниковская станица производила вино въ значительномъ количествѣ. Во время атаманства Платова, выписаны были изъ герцогства Нассаусскаго нѣмецкіе винодѣльцы-колонисты. Въ настоящее время почти всѣ донскіе виноградники тянутся по правому нагорному берегу Дона. Виноградъ разводится въ самыхъ сѣверныхъ придонскихъ станицахъ: въ Усть-Медвѣдицкой, Кременской, Вешенской и Казанской; онъ разведенъ даже въ Хоперскомъ округѣ. По мѣстонахожденію, главныя виноградарскія поселенія, тянущіяся отъ Нижне-Чирской станицы до самаго моря, образуютъ три группы. Первая, наименьшая, лежитъ между станицами Нижне-Чирскою и Кобылинскою. Вторая, средняя, какъ по величинѣ, такъ и по мѣстоположенію, находится между станицами Цымлянскою и Кумшацкою. Третья, наибольшая, начинается отъ Константиновской станицы и продолжается черезъ Золотовскую, Кочетовскую, Семикаракорскую, Раздорскую, Меляховскую станицы до самой Бесергеневской. Въ 1859 г. считалось во всей области 2.477 виноградныхъ садовъ, а въ 1848 г. около 5.000 садовъ [1]). Въ Астрахани разведеніе винограда стало привлекать и занимать русское населеніе особенно съ половины XVII вѣка. По свидѣтельству актовъ, всякихъ чиновъ русскіе люди, монастыри, выходцы нѣмецкіе и французскіе и разные другіе иноземцы селились въ Астрахани и «строили и заводили виноградные сады» [2]). Въ то же время, разведеніе винограда привлекало русскую колонизацію на Кубань и Терекъ. Въ 1652 г., декабря 20 дня, Алексѣй Михайловичъ писалъ астраханскимъ воеводамъ, что «по слухамъ, до него дошедшимъ, на Терекѣ ростетъ *виноградное кустье*, а потому, выбравъ русскихъ людей, бывшихъ питейнаго дѣла у нѣмецкихъ мастеровъ въ ученьи, и которымъ бы питейное дѣло было за обычай, должно послать ихъ на Терекъ для разводки винограда и для винодѣлья [3]). Въ концѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII вѣка на Терекъ и Кубань мало-по-малу бѣжали разные русскіе люди, преимущественно казаки и старообрядцы. Въ 1773 г., на лѣвомъ берегу Терека, въ собственно-русскихъ поселеніяхъ, считалось: гребенскихъ служащихъ казаковъ 500 чел., семейскихъ—450, волжскихъ—507, кромѣ гарнизонныхъ, солдатскихъ поселеній. Прочіе поселенцы были: казацкіе инвалиды, русскіе, татарскіе и армянскіе купцы. Въ Кизлярѣ была смѣсь самыхъ разноплеменныхъ поселенцевъ. Всѣ эти жители Терека, Кизляра, Моздокской линіи и т. д.,

---

[1]) „Матеріалы для географ. и статист. Россіи". „Описаніе земли войска донского", стр. 318—327.
[2]) „Дополн. къ А. И.", т. IV, № 60.
[3]) А. И., т. IV, № 63.

повидимому, должны были усердно заняться земледѣліемъ, такъ какъ земли тамошнія, по словамъ Фалька, «исполнены плодоносными, для земледѣлія весьма хорошими мѣстами, не нуждаются даже въ удобреніи, и неурожая почти никогда не бываетъ; обыкновенная жатва вознаграждала въ 10 и 15 разъ». Фалькъ проектировалъ даже для этого края спеціальную земледѣльческую колонизацію [1]). Но несмотря на то, движимые больше естественною продуктивною особенностью, самородностью мѣста, поселенцы къ земледѣлію были весьма лѣнивы, не высѣвали хлѣба даже столько, сколько нужно было для своего расхода и винокуренія. Вмѣсто того, они всѣ больше радѣли къ садоводству. «Садоводства по Тереку,—говоритъ Фалькъ,—болѣе, нежели земледѣлія. Вездѣ при станицахъ, а особливо при Моздокѣ и Кизлярѣ, видно много садовъ и огородовъ. Въ плодоносныхъ садахъ находятся кислосладкія яблоки и разныя породы грушъ, растущихъ на горахъ дико. Вишни и сливы, даже абрикосы и персики, растутъ на открытомъ воздухѣ. Во многихъ садахъ есть миндальныя деревья. Есть въ садахъ фиги, росшія на открытомъ грунтѣ. Разведеніе винограда составляетъ главную часть садоводства. Сѣяли также во множествѣ сарацынское пшено. Арбузовъ садили въ огородахъ очень много», и пр. [2]). Въ мѣстахъ нынѣшней Бессарабіи разведеніе винограда первоначально введено было генуэзцами, которые, какъ извѣстно, засадили и первые виноградники въ Крыму [3]). Изъ ханскихъ ярлыковъ, данныхъ въ XIV вѣкѣ православному духовенству на цѣлость ихъ виноградниковъ, видно, что уже въ то время населеніе бессарабской области занималось культурой винограда. Но она въ наибольшихъ размѣрахъ развилась съ распространеніемъ русской и, особенно, западноевропейской колонизаціи. Благодаря благопріятному климату и богатой производительности, Бессарабія привлекала на поселеніе разныя національности. Особенно замѣчательна колонизація славянско-европейская. Русскихъ въ Бессарабіи поселилось не менѣе 20.000. Южные уѣзды, преимущественно Аккерманскій и часть Бендерскаго, заселены особыми обществами колонистовъ: швейцарцевъ, нѣмцевъ и болгаръ. Разведеніе винограда, персиковъ и проч. завлекло ихъ сюда. Такъ возникла колонія швейцарскихъ французовъ, устроившаяся между 1820 и 1828 годами. Швейцарецъ Карлъ Тарданъ былъ первымъ «осадчикомъ» — основателемъ колоніи. Соотечественниковъ своихъ онъ звалъ въ Бессарабію письмами, убѣждая ихъ не искать счастья въ безвѣстныхъ пустыняхъ и лѣсахъ сѣверной Америки, а спѣшить на плодоносныя земли новой Россіи, гдѣ виноградныя лозы, персики, шелковица поспѣваютъ и рано, и съ большимъ успѣхомъ. Швейцарцы прибыли сперва въ 1824 г. въ числѣ только 5 семействъ. Въ 1830 г. ихъ прибыло опять 17 душъ. Теперь число ихъ возросло до 538 душъ. Имъ отведена была прекрасная земля въ Буджакѣ, на самомъ днѣстровскомъ лиманѣ, въ 5 верстахъ отъ Аккермана, урочище Шаба, гдѣ они основали колонію этого имени, весьма цвѣтущую и преуспѣвающую въ своемъ сельскомъ быту. Ихъ виноградники одни изъ лучшихъ въ Бессарабіи. Нѣмцы колонизовались въ степи Буджака частію изъ Виртембергскаго королевства, а болѣе изъ бывшаго герцогства Варшавскаго, и составляютъ особыя небольшія общества. Первое заселеніе ихъ было въ 1814 году:

---

[1]) „Собраніе путешествій академиковъ“, т. VI. „Путеш. Фалька“, стр. 71—79.
[2]) Ibid., стр. 71, 72 и слѣд.
[3]) „О винодѣліи“ академ. Кеппена. „Записки Имп. общ. сельск. хозяйства южн. Россіи“ 1843 г., № 1.

тогда перешло ихъ 1.743 семейства. Изъ бывшаго герцогства Варшавскаго ихъ перешло сначала 1.143 семейства, которыя основали въ 1814 году 7 колоній: Бородино, Тарутино, Кульмъ, Малоярославецъ, Красное, Лейпцигъ и Клястицы. Въ 1818 году—колоніи Ферштампенаузъ, Бріенъ, Парижъ и Арсисъ. Въ 1817 году—Теплицъ, гдѣ поселилось 96 семействъ, вышедшихъ изъ Германіи. Остальныя нѣмецкія колоніи основаны въ царствованіе Николая, въ періодъ времени отъ 1833 по 1842 годъ. Всѣхъ нѣмецкихъ колоній 24, съ 24.159 д. об. п. Эмиграція или колонизація болгаръ въ Бессарабію, вслѣдствіе гоненій и гнета турковъ, началась съ 1769 г. и, особенно, съ начала нынѣшняго столѣтія и продолжалась по 1835 годъ. Они поселились въ 43 колоніяхъ, раздѣленныхъ на три округа: Верхне-Буджакскій (19 колоній), Нижне-Буджакскій (19 колоній) и Измайловскій (5 колоній). Жителей въ этихъ колоніяхъ считается до 48.216 душъ обоихъ половъ. Виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ въ 1819 г. по офиціальнымъ свѣдѣніямъ было только около 1.997. Съ развитіемъ колонизаціи и культуры число виноградниковъ возросло до 25.000 [1]).

По причинѣ холоднаго климата, садоводческія поселенія въ Россіи далеко не распространились такъ, какъ хлѣбопахатныя. До XVII вѣка садоводства у насъ, внѣ Москвы, вовсе не замѣтно. Только въ Москвѣ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ былъ особый разрядъ населенія—*садовники* [2]). По словамъ Герберштейна и Гваньини, въ Россіи, за большими холодами, невозможно было найти ни одного хорошаго плода, ни вкуснаго яблока. Только съ XVII вѣка культура садовая стала распространяться по нѣкоторымъ сѣвернымъ областямъ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи,—говоритъ Олеарій,—особенно же въ Москвѣ, находится много плодовъ, ростущихъ въ садахъ, какъ-то: яблонь, грушъ, вишенъ, сливъ и смородины. Кромѣ того есть много и другихъ плодовъ. Но въ Москвѣ не ростутъ ни греческіе орѣхи, ни виноградъ. Виноградъ только нынѣ начинается выдѣлываться въ Астрахани» [3]). У русскихъ не было ни энергіи, ни культурной интеллигенціи и умѣнья распространять садоводство даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ климатъ благопріятствовалъ разведенію плодовыхъ садовъ. «Всякій можетъ видѣть, говоритъ Олеарій,—что недостатокъ нѣкоторыхъ плодовыхъ деревъ и кустарниковъ происходитъ не отъ свойства земли и воздуха, а скорѣе отъ незнанія и нерадѣнія самихъ жителей» [4]). По причинѣ этого же недостатка земледѣльческой интеллигенціи и нерадѣнья, и доселѣ садоводство плохо развито въ сѣверныхъ областяхъ Россіи. Напримѣръ, въ Костромской губерніи небольшіе фруктовые (яблочные и вишневые) сады, хотя и находятся въ Нерехтскомъ, Юрьевскомъ и отчасти въ Костромскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ, но служатъ только для прихоти своихъ владѣльцевъ, не принося имъ никакого дохода. Вообще, эта отрасль сельскаго хозяйства здѣсь случайная и временная. Плодовыя деревья, кромѣ яблони и вишни, не переносятъ здѣшняго климата, и тѣ только въ благопріятные годы, случающіеся здѣсь не часто, даютъ посредственный урожай. Только при знаніи и усиленныхъ трудахъ и издержкахъ возможно здѣсь поддержаніе

---

[1]) „Матер. для статист. и географ. Россіи". „Бессарабская область", стр. 270 — 277 и 159—169.

[2]) Собраніе госуд. грам. и догов., ч. I, № 40. Упоминаются, кромѣ того: Зворыкинъ садъ, Тереховъ садъ, Бутовъ садъ и проч.

[3]) Олеарій, въ „Архивѣ", 12, 16.

[4]) Ibid.

садовъ. Въ настоящее время, только при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ и училищахъ заведено 13 садовъ [1]). Въ такомъ жалкомъ состояніи находится садоводство во всѣхъ сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Въ прошломъ столѣтіи, ботаническіе сады въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ составляли исключительную и рѣдкую достопримѣчательность въ хозяйствѣ богатыхъ земледѣльцевъ. Таковъ, напримѣръ, былъ ботаническій садъ Демидова въ Красномъ Селѣ, въ 2 верстахъ отъ Соликамска, въ оранжереяхъ котораго родились, между прочимъ, ананасы, лимоны, апельсины, померанцы, фиги, дули, груши и различныхъ родовъ вишни и яблоки [2]).

Такимъ образомъ, земледѣльческія поселенія въ Россіи, какъ непосредственно-натуральный отпечатокъ климатическихъ условій, представляютъ двѣ характеристическія крайности: полярную границу ячменя и южный предѣлъ винограда. Эта естественная продуктивная противоположность или разность произвели довольно рѣзкія различія не только въ колонизаціи, но и въ самомъ характерѣ сѣвернаго и южнаго населенія. «Исторія произведеній земли,—говоритъ Георгъ Форстеръ,—тѣсно и глубоко связана съ судьбами человѣчества, со всѣми его чувствованіями, мыслями и дѣйствіями». И дѣйствительно, суровый полярный климатъ и обусловленная имъ исключительная и убогая вѣковая культура ячменя и рѣпы, отсутствіе не только винограда и фруктовъ, но и высшихъ видовъ хлѣбныхъ растеній не остались безъ вліянія на умственную и нравственную жизнь сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеній. «Яблоки,—говоритъ Молешоттъ,—ягоды, вишни, сливы, абрикосы, персики, дыни, огурцы и всѣ съѣдобные плоды способствуютъ растворенію бѣлковыхъ веществъ и разжижаютъ кровь. Плоды эти менѣе питательны, чѣмъ овощи, еще менѣе, чѣмъ картофель, но имѣютъ предъ послѣднимъ то преимущество, что не отягощаютъ кровь излишнимъ количествомъ жира. Разжиженная кровь быстро течетъ въ жилахъ южныхъ народовъ, обитающихъ въ тѣхъ благословенныхъ странахъ,—«гдѣ, какъ говоритъ Форстеръ,—была колыбель юнаго человѣчества, гдѣ люди, не осужденные на рабство, наслаждались правами свободныхъ существъ, гдѣ не платили они трудомъ и истощеніемъ за право жизни» [3]). Ячмень, рѣпа, капуста и другіе овощи, потреблявшіеся въ сѣверовосточной Россіи въ большихъ размѣрахъ, при наибольшемъ количествѣ жирообразовательныхъ началъ, содержатъ наименьшее количество самаго питательнаго вещества — клейковины, которой даже изъ самыхъ хлѣбовъ всѣхъ видовъ, въ холодныхъ странахъ получается меньше, чѣмъ въ теплыхъ. Такая пища, очевидно, не могла доставлять полной оживляющей питательности мускуламъ, крови и мозгу, ослабляя метаморфозъ, живой обмѣнъ веществъ въ организмѣ и, — не обильно и не вполнѣ питая всѣ части организма, — только часть веществъ въ немъ, притомъ наименѣе важныхъ, приводила въ дѣятельность, слѣдовательно, сдерживала мышленіе, силу воли, энергію, движеніе. Въ суровомъ полярномъ климатѣ, въ снѣжныхъ сугробахъ ледяной тундры, такая бѣдная пища, мало утоляющая голодъ, и суровый полярный холодъ могли только въ полуголодныхъ поселенцахъ развивать и поддерживать постоянную раздражительность, грубость,

---

[1]) „Костром. губернія", стр. 248. „Матер. для стат. и географ".
[2]) „Журналъ или дневн. Зап. Рычкова", II, 100—101.
[3]) Молешоттъ. „Ученіе о пищѣ", стр. 112.

суровость [1]). Такіе, дѣйствительно, факты и представляютъ сѣверныя земледѣльческія поселенія въ сравненіи съ южными виноградно-земледѣльческими или садоводческими поселеніями. Въ тепломъ климатѣ, на югѣ, въ полосѣ винограда и фруктовыхъ садовъ, въ низовьяхъ Волги, близъ Саратова и Астрахани, на Дону и въ Крыму, возникли и сильно распространились, напримѣръ, мистико-соціалистическія, до энтузіазма и экзальтаціи свободолюбивыя, демократичныя общины молоканъ или духоборцевъ и такъ называемыхъ людей Божіихъ. Въ странѣ винограда и фруктовъ, духоборцы и люди Божіи разселялись свободными общинами среди виноградниковъ и садовъ плодовыхъ и проповѣдывали полную свободу мыслей, совѣсти и совершенное братство. Ученіе и взаимныя общинныя отношенія духоборцевъ отличаются особенною мягкостью и гуманностью [2]). Въ сѣверномъ Поморьи, напротивъ, въ суровой странѣ «морозовъ, по вся лѣта побивающихъ хлѣбъ», у «студенаго моря», на границѣ ржи, ячменя и рѣпы, съ конца XVII в. устроились грубые, сурово-аскетическіе скиты поморскіе, выгорѣцкіе и другіе, и въ концѣ XVII в. образовали въ лѣсахъ Пудожскихъ разбойничьи банды въ борьбѣ съ православнымъ народомъ [3]). На югѣ, въ умѣренно-тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и фруктовъ, общины духоборскія, вмѣсто внѣшне-обрядоваго направленія, требуютъ духовнаго—умственнаго и нравственнаго развитія, и проповѣдуютъ терпимость. Такъ называемые люди Божіи въ духовныхъ пѣсняхъ своихъ всѣ символы заимствуютъ отъ садовъ и виноградниковъ: подъ образомъ бѣлаго винограда и виноградныхъ садовъ изображаютъ развитіе своей общины [4]). На сѣверѣ, напротивъ, тундреннымъ холодомъ и мертвенностью вѣетъ отъ раскольничьихъ поселеній. Они оледенѣли въ грубости. Напримѣръ, Усть-Сыльмскъ на р. Печорѣ, подъ $65^{0}5'$ с. ш., населенъ самыми грубыми и упрямыми раскольниками. Живя въ грубомъ невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распряхъ, не зная даже ни одной изъ 10 заповѣдей, эти полярные сектанты считаютъ себя лучше всѣхъ другихъ христіанъ и воображаютъ, что Богъ для нихъ предназначилъ свое небо, за то, что они осѣняютъ себя двуперстнымъ крестомъ, молятся передъ старинными образами, Спасителя зовутъ Ісусомъ, и проч. Когда пріѣхалъ къ нимъ въ селеніе извѣстный филологъ Кастренъ, то усть-сыльмскіе раскольники объявили его колдуномъ, отравителемъ рѣкъ и колодцевъ, и ругали и оскорбляли его во время его странствія. Слѣпая ярость ихъ дошла, наконецъ, до того, что они собирались убить его, и онъ счелъ за нужное скорѣе уѣхать

---

[1]) Парри сообщаетъ любопытное наблюденіе, какъ въ полярномъ климатѣ суровый холодъ порождалъ въ его спутникахъ грубость и раздражительность. См. опис. его плаванія въ „Сѣверн. Арх." 1826 г.

[2]) „Лѣтоп. рус. литерат." 1862, т. IV, отд. III, стр. 3—15: „Объ обществѣ духоборцевъ".

[3]) А. И., т. V, №№ 223 и 226.

[4]) Напримѣръ, они поютъ: „Заросли чистыя поля дикимъ полымемъ, заросли дороженьки въ зеленые сады. Изготовилъ батюшка живой ли намъ воды: кипарисныя древа въ саду насадилъ... Отросли вѣтви благодатныя, расплодились листья благоуханныя, *созрѣли ягоды-бѣлый виноградъ*, сталъ же по чисту полю все *зеленый садъ*", и проч. „*Ужъ ты спѣй, созрѣвай—въ саду бѣлый виноградъ*, до время до поры, до студеной до зимы". Или:

Во лугахъ, лугахъ было зеленыхъ,
На травахъ было, травахъ шелковыхъ,
На росахъ было, росахъ богатыихъ,
На богатыихъ росахъ медовыихъ,
Посаженъ тутъ былъ виноградный садъ.
И по тому саду виноградному
Ужъ ходилъ, гулялъ пребогатый гость—
Сударь сынъ Божій, сударь Духъ святой, и проч.

отъ нихъ на 100 верстъ южнѣе, въ Ижемскъ на Ижмѣ. И не одни раскольники, но и другіе поселенцы сѣвера испытывали на себѣ невыгодное вліяніе сѣвернаго климата и скудныхъ произведеній сѣверной почвы. Суровый климатъ и отсутствіе южныхъ плодовъ пріучали сѣверныхъ жителей къ грубой пищѣ, къ излишнему употребленію болѣе грубыхъ овощей и крѣпкой водки. Напримѣръ, Самуилъ Кихель въ 1586 г. писалъ о псковитянахъ: «они не разборчивы въ пищѣ и питьѣ и легче переносятъ голодъ и жажду, чѣмъ другіе народы. Народъ въ Псковѣ дикъ, суровъ, неблаговоспитанъ. У здѣшнихъ жителей нѣтъ ни яблокъ, ни сливъ, ни другихъ овощей, но они сѣютъ и употребляютъ въ большомъ количествѣ огурцы: они ихъ съѣдаютъ за обѣдомъ отъ 6 до 8 штукъ. Они пьютъ весьма крѣпкую водку, и безъ нея самый лучшій обѣдъ считается ни во что» [1]).

И не только въ такихъ огромныхъ и различныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, Великороссія, Сибирь и Новая Россія, или климатическая область ячменя и винограда, но и въ малыхъ областяхъ климатъ полагалъ рѣзкія продуктивныя и бытовыя различія между земледѣльческими поселеніями. Часто въ одномъ и томъ же уѣздѣ различный климатъ обусловливалъ различныя степени обезпеченія и благосостоянія земледѣльческихъ поселеній. Такъ, напримѣръ, Рычковъ писалъ о мѣстахъ и земляхъ Соликамскаго уѣзда: «мѣста, составляющія всѣ части Соликамскаго уѣзда, болотистыя, лѣсистыя и исполненныя множествомъ горъ, долинъ и пригорковъ, а земли суть песчаныя, иловатыя, изрѣдка и черноземныя, видимыя по большей части посреди расчищенныхъ лѣсовъ. Хлѣбъ сѣютъ тамъ четырехъ родовъ, какъ-то: рожь, ячмень, овесъ и весьма малое число пшеницы; но все сіе въ разсужденіи различнаго воздуха, объемлющаго пространную область сію, приноситъ различное плодородіе. Въ полуденныхъ частяхъ сего уѣзда родятся сѣмена въ шестеро и въ семеро; напротивъ того, въ сѣверныхъ краяхъ едва приносятъ плоды втрое противу посѣяннаго. Посему не только уѣздъ Соликамскій, но и сами землевладѣльцы не могутъ пропитаться собственнымъ своимъ хлѣбомъ» [2]). По причинѣ суроваго климата, неблагопріятствующаго земледѣлію, большая часть сѣверной половины Соликамскаго уѣзда составляетъ даже «мѣста уже никѣмъ необитаемыя» [3]). Въ Алтайскомъ округѣ, всѣ мѣста, лежащія южнѣе, у самаго Алтая, особенно около снѣжныхъ горъ или альпійскихъ бѣлковъ, по причинѣ болѣе холоднаго климата, гораздо менѣе благопріятны для земледѣльческой колонизаціи и культуры, чѣмъ болѣе отдаленныя и низменныя равнины при-алтайскія. Уже Палласъ замѣтилъ, что Барнаулъ, напримѣръ, несмотря на свое сѣверное положеніе, пользуется климатомъ болѣе умѣреннымъ и лѣтомъ болѣе теплымъ, нежели страна, лежащая южнѣе, у самаго Алтая. Въ Барнаулѣ вызрѣваютъ весьма хорошо всякіе овощи (даже артишоки), за исключеніемъ, впрочемъ, цвѣтной капусты. Арбузы дозрѣваютъ совершенно, даже на грядахъ, и довольно рано. Умѣренному климату этой страны, довольно низменной, наиболѣе способствуетъ песчаная почва и защита, представляемая окрестными лѣсами, растущими на сухой мѣстности. По причинѣ близости обильнаго снѣгами Алтая, впрочемъ и въ Барнаулѣ средняя температура очень низка, равняется $1^{0},72$; холоднѣйшій мѣсяцъ—январь, имѣетъ среднюю темпера-

---

[1]) „Чтен. Моск. обществ. истор." 1863. кн. 2, стр. 236.
[2]) Журн. или дневн. Записки, изд. 1770 г., стр. 102—103.
[3]) Ibid., стр. 122.

туру — 13⁰,28 — теплѣйшій — іюнь: средняя температура его = + 16⁰,57. По причинѣ очень теплаго лѣта, земледѣліе въ этой колоніи идетъ весьма успѣшно [1]. Съ другой стороны, вотъ поселеніе каменщиковъ—Уймонъ устроилось въ концѣ XVIII стол. при р. Коксунѣ, лѣвомъ притокѣ Катуни, подъ 51⁰ с. ш., на высотѣ 3.144 ф. надъ уровнемъ моря. Жители его пшеницу уже вовсе не сѣютъ; рожь поспѣваетъ также не каждый годъ, какъ, напримѣръ, въ 1825 году, когда она вся погибла отъ мороза, и вообще здѣсь уже трудно добывать хлѣбъ, необходимый для пропитанія. Крестьяне по необходимости должны жить только отъ своихъ стадъ и отъ продажи мѣховъ, добываемыхъ ими на охотѣ. И число ихъ не умножалось: всего было 4 двора [2]). Между тѣмъ, другая колонія каменьщиковъ, Фыкалка, тогда же устроившаяся въ Бухтарминскихъ горахъ Алтая, только однимъ градусомъ южнѣе Уймона, на высотѣ 3.951 или почти въ 4.000 фут. надъ поверхностью моря, т. е. почти на 1.000 футовъ выше Уймона, несмотря на возвышенное мѣстоположеніе, вышла цвѣтущею земледѣльческою колоніею. Здѣсь все еще преуспѣваетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевицы и яровой пшеницы; въ огородахъ же воздѣлываютъ капусту, лукъ, макъ, тыкву, огурцы. Вся причина этого агрикультурнаго различія двухъ алтайскихъ колоній—Уймона и Фыкалки—заключается въ томъ, что деревня Фыкалка, расположенная у южной подошвы высокаго Холсуна, защищена этимъ послѣднимъ, какъ стѣною, отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ и все еще довольно доступна теплымъ, даже жгучимъ, западнымъ и южнымъ вѣтрамъ киргизской степи, а потому ея лѣтняя температура, при большой абсолютной высотѣ, также гораздо выше. Такимъ образомъ, подъ 50⁰ с. ш., на такой высотѣ могутъ дозрѣвать лѣтнія растенія, которыя безъ мѣстнаго, весьма благопріятнаго отношенія въ положеніи этой колоніи, не доставляли бы никакого успѣшнаго результата для хлѣбопашества. «Эту мѣстность,—замѣчаетъ Риттеръ,—по частному преимуществу ея положенія предъ сосѣдственными полосами земли средней Азіи, можно сравнить съ особенно благопріятными по своему положенію въ средней Европѣ сѣверными частями долинъ Тейсса и Гернада, въ Кашаускомъ округѣ» [3]). Такое же вліяніе на температуру и хлѣбопашество производитъ удаленіе отъ снѣжныхъ горъ и болѣе низкое положеніе другихъ алтайскихъ колоній. Напримѣръ, когда въ Ридерскѣ, по словамъ Ледебура, хлѣбъ на поляхъ еще зеленѣлъ 4 августа, въ окружности Тарханскаго поселенія онъ уже былъ сжатъ. И благодаря этому климатическому удобству для земледѣлія, селеніе Тарханское, хотя основано не ранѣе 1823 года, однакожь уже хорошо устроено и довольно велико; крестьяне, поселившіеся въ немъ, богаты и гостепріимны, занимаются, сверхъ скотоводства и пчеловодства, не только земледѣліемъ, но и садоводствомъ [4]).

III.

Въ первой статьѣ мы бросили общій взглядъ на характеръ русской колонизаціи и разсмотрѣли вліяніе климата на движеніе и распространеніе населеній; теперь займемся другимъ великимъ факторомъ развитія колонизаціи — почвой.

---

1) К. Риттеръ, „Землевѣд. Азіи“, т. III, стр. 248.
2) Ibid., стр. 334—335.
3) Ibid., стр. 68.
4) Ibid., стр. 104.

Законы почвы, такъ же какъ и законы метеорологическіе, обусловливаютъ географическое распространеніе, агрикультурный характеръ и развитіе земледѣльческихъ поселеній. Почва, составляющая главную и самую жизненную основу всѣхъ поселеній, плодородіемъ своимъ обусловливаетъ ихъ развитіе и умноженіе, а вслѣдствіе истощенія своего доводитъ цѣлыя государства и области до опустѣнія или паденія. Во времена древняго Лаціума, когда почва Италіи была чрезвычайно плодородна, совершалась цвѣтущая этрусская колонизація Ломбардіи; на мѣстѣ нынѣшнихъ болотъ устроено было до 23 сильно населенныхъ городовъ; племена самнитскія густо населяли страны хребта Аппеннинскаго и воздѣлывали въ нихъ поля. Таково было состояніе тогда — и что же послѣ, что же теперь? Вмѣсто садовъ съ розами и роскошныхъ хлѣбныхъ полей, храмы Пестума окружены теперь пустыней, на которой растетъ тощая трава и чертополохъ. Римъ палъ отъ истощенія почвы! Исторія земледѣльческой колонизаціи въ Сѣверной Америкѣ представляетъ подобный же грустный результатъ истощенія почвы. Въ нижней палатѣ конгресса въ Вашингтонѣ, депутатъ Морель Вермонтъ статистическими данными показалъ, что въ штатахъ Коннектикутъ, Нассачусетъ, Родъ-Айландъ, Нью-Гемширъ, Мэнъ и Вермонтъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1840—1850 гг.) урожаи пшеницы уменьшились на половину, а урожаи картофеля—на одну треть; въ Теннеси, Кентуки, Георгіи и Алабамѣ и въ Нью-іоркскомъ штатѣ урожаи пшеницы также уменьшились на половину противъ прежнихъ. Въ 1850 г. средній урожай пшеницы въ Виргиніи и Сѣверной Каролинѣ составлялъ на акръ только 7 бушелей (26 четвериковъ съ десятины), а въ Алабамѣ только 5 бушелей (18 четвериковъ съ десятины). На новыхъ земляхъ въ Техасѣ и Арканзасѣ собираютъ съ акра, среднимъ числомъ, отъ 700 до 750 фунтовъ хлопка (почти 2.080 фунтовъ съ десятины), тогда какъ на старыхъ поляхъ въ Южной Каролинѣ только половину этого количества. «При переѣздахъ по странѣ, говоритъ депутатъ Алабамы Клей, часто попадаются опустѣлые дома фермеровъ, нѣкогда жилища трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ, свободныхъ людей. Они оставлены и преданы разрушенію; поля, нѣкогда плодородныя, покрыты сорною травою. Мохъ растетъ по стѣнамъ нѣкогда оживленныхъ мѣстностей, и въ рукахъ одного владѣльца соединяется теперь вся собственность, на которой нѣкогда въ довольствѣ жили до 15 бѣлыхъ семействъ. Страна, не пережившая еще своего дѣтскаго возраста, уже носитъ на челѣ своемъ признаки старости и упадка силъ; такъ, въ Алабамѣ, въ Виргиніи и въ Каролинѣ. «Повсюду, — замѣчаетъ по этому поводу Либихъ, — во всѣхъ частяхъ и странахъ свѣта внимательный взоръ открываетъ, въ состояніи почвы, дѣйствіе одного и того же могущественнаго закона природы. Тамъ, гдѣ прежде цвѣли могущественныя государства и плотное народонаселеніе почерпало изъ почвы свою пищу и богатства, теперь поля производятъ такъ мало, что обработка не окупается» [1]). Обращаясь къ русской земледѣльческой колонизаціи и культурѣ, мы и здѣсь находимъ подобные результаты истощенія почвы. Нѣкогда цвѣтущій, вольный Новгородъ Великій, какъ мы уже раскрыли въ другомъ мѣстѣ, сильно былъ подорванъ истощеніемъ своей и безъ того не очень плодородной почвы. Лѣтописныя цифры о неурожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ съ XI по XIV столѣтіе служатъ краснорѣчивыми цифрами постепеннаго упадка плодородія почвы. Цифры

[1]) Либихъ, „Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній", стр. 75—76.

хлѣбныхъ цѣнъ начинаются 3-мя гривнами за кадь, переходятъ къ 4, 5, 6, 8, 10 и доходятъ до 20, 25 или 30 и, наконецъ, до 40 гривенъ за кадь. При этой послѣдней цѣнѣ, когда почва уже была сильно истощена, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ хлѣба изъ-за моря, еще спасенъ былъ на время отъ послѣдняго паденія. Съ тѣхъ поръ, какъ почва истощилась на тощихъ поляхъ новгородскихъ, задержка со стороны Москвы низового подвоза хлѣба окончательно рушила самобытное развитіе Новгорода и его колоній, и вѣчевой колоколъ на берегахъ Волхова замолкъ печально и на вѣки. И въ позднѣйшее время, даже на новыхъ земляхъ Сибири, истощеніе почвы, въ связи съ неблагопріятными климатическими контрастами, доводило нѣкоторыя колоніи до опустошенія и запущенности. Такъ въ Семипалатинскомъ округѣ, гдѣ почва состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, и чернозема, толщиною въ 2 ф., подъ которымъ лежитъ сплошная глина, и гдѣ прохлада, господствующая на значительной высотѣ мѣста, защищаетъ почву отъ согрѣванія лучами солнца, отъ засухи, съ самаго начала колонизаціи, съ 1718 года, съ большимъ успѣхомъ сѣяли пшеницу польскую, китайскую, калмыцкую (Triticum polonicum, tricoccon, Kalmanka) и обыкновенную (Trit. vulgare), также ячмень, яровую рожь, овесъ и просо. Поля прежде давали самъ-35, а нынѣ даютъ гораздо меньше. Отъ расхищающаго хозяйства, поля истощились, и, какъ замѣчаетъ Риттеръ, «многолѣтніе неурожаи въ странѣ, гдѣ господствуютъ самые большіе климатическіе контрасты, превратили обширныя, прежде обрабатываемыя пространства, въ пустыни» [1]). Съ другой стороны, за оны почвы обусловливаютъ переселенія народныя. «Для великаго цѣлаго,—говоритъ Либихъ,—окончательно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, насильственно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣлавшихся неплодородными, въ плодородныя». Послѣ голодныхъ годовъ 1816 и 1817, когда почва въ европейскихъ государствахъ была уже сильно истощена расхищающимъ хозяйствомъ, начинаются громадныя выселенія изъ Европы. Тотъ же законъ почвы вынуждалъ многія переселенія и въ Россіи. Когда почва великорусской земли во многихъ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ въ XVII вѣкѣ уже значительно истощилась отъ расхищающаго хозяйства, тогда началось обширное и вѣковое переселеніе народа въ Сибирь, и стали колонизоваться ея обширныя, пустынныя пространства: русскіе люди тамъ искали *землицы*, или *земель хлѣбородныхъ*. На сѣверѣ великорусской земли почва и такъ была худая, каменистая, болотистая и мшистая, а къ XVII столѣтію и та истощилась, вслѣдствіе чего были частые неурожаи, особенно при тамошнемъ суровомъ климатѣ. И вотъ, сѣверные поморцы, въ XVII вѣкѣ, первые толпами устремились въ Сибирь, на новыя, непочатыя, хлѣбородныя земли. Такъ, въ указѣ 1647 года сказано, что «съ Руси, съ поморскихъ городовъ, съ Устюга великаго, отъ Соли Вычегодской, изъ Перми великой, съ Вятки, съ Кевроли, изъ Мезени и изъ другихъ русскихъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ, сошли въ Сибирь посадскіе люди и многіе пашенные крестьяне съ женами и дѣтьми отъ хлѣбнаго недороду и тамъ устроились на пашни на новыхъ земляхъ» [2]). Въ грамотѣ 1670 г. читаемъ: «пріѣзжаютъ къ

[1]) „Землевѣд. Азіи", т. III, стр. 186—187.
[2]) „Дополн. къ А. И.", т. III, № 14.

Соли Камской и на Устюгъ, и въ уѣзды изъ Тобольска, съ Тюмени, съ Верхотурья и иныхъ городовъ, изъ уѣздовъ поморскихъ городовъ бѣглые крестьяне по отцовъ своихъ и по братій, и по сродниковъ; изъ Устюжскаго и Усольскаго уѣздовъ пахатные многіе крестьяне, покиня свои деревенскіе жеребьи впустѣ, выѣхали въ уѣзды сибирскихъ городовъ и нынѣ ѣдутъ, и учинилась въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ великая пустота. Во 178 году, въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числахъ, ѣхало мимо Верхотурья изъ русскихъ разныхъ городовъ, съ Тотьмы, съ Устюга великаго, съ Ваги, съ Мезени и съ Соли Вычегодской и Яренскаго городка, съ Сысолы и съ Кайгорода, по тобольскимъ и тюменскимъ проѣзжимъ, тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2.051 человѣкъ» [1]). Вообще, истощеніе почвы во многихъ великорусскихъ областяхъ было главною причиною того характеристическаго факта русской земледѣльческой колонизаціи и исторіи, что какъ только была открыта Сибирь, такъ крестьяне массами устремились туда и садились тамъ на пашни, строились въ пашенныя слободы на свѣжихъ, хлѣбородныхъ земляхъ сибирскихъ. Акты XVII вѣка наполнены извѣстіями объ этихъ добровольныхъ и даже самовольныхъ переселеніяхъ крестьянъ въ Сибирь. И доселѣ, какъ извѣстно, каждый годъ, отъ ранней весны до поздней осени, тянутся по сибирской дорогѣ вереницы крестьянскихъ семействъ, добровольно переселяющихся изъ малоземельныхъ и худоземельныхъ мѣстъ Россіи на новыя, непочатыя, хлѣбородныя земли Сибири. И въ самой Сибири колонисты часто принуждены бывали переселяться изъ неудачновыбранныхъ, безплодныхъ мѣстъ на новыя, хлѣбородныя земли. Истощеніе почвы въ одномъ мѣстѣ немедленно передвигало культуру, а за нею и колонизацію въ другія, непочатыя мѣста. Такъ, напримѣръ, въ 1658 г. архіепископъ сибирскій Симеонъ, вслѣдствіе истощенія почвы на пашняхъ новоустроенныхъ тобольскихъ, софійскихъ слободъ, билъ челомъ о дозволеніи занять новыя земли: «въ Софѣйскихъ слободахъ,—писалъ онъ,—учинился хлѣбу недородъ, *пашенныя земли выпахалися*, да отведены были подъ пашни неугодные мѣста и небольшіе межь ограней и боровъ, пашенные мѣста худые, и софѣйскіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду обнищали и одолжали великими долги, а людей въ слободахъ прибываетъ у отцовъ дѣти и братья и племянники, и пашенныя-де земли въ Софѣйскихъ слободахъ становится мало; а есть-де по Пышмѣ рѣкѣ вверхъ по обѣ стороны пашенные земли пустыя, никто ими не владѣетъ, лежатъ впустѣ, и ту бы землю пожаловать, дать софѣйскимъ крестьянамъ на пашни и устройство» [2]). Какъ въ древней Россіи, такъ и въ Сибири переселенія съ худыхъ земель на хлѣбородныя происходили весьма часто. Такъ, въ Алтайскомъ краѣ, на нижнемъ теченіи Чарыша, при впаденіи въ него р. Березовки, на низменности, устроилась прежде деревня Арапова. Здѣсь отъ Харлова къ С. и СЗ., по словамъ Палласа [3]), разстилается одна только обнаженная степь; холмистыя высоты состоятъ уже изъ однихъ только глинистыхъ наносовъ. Степи, подверженныя сухимъ вѣтрамъ и палящимъ лучамъ солнца, давали плохіе урожаи хлѣба. И вотъ, поселяне деревни Араповой должны были переселиться потомъ ближе къ горамъ, на земли болѣе удобныя для хлѣбопашества. Многія деревни еще прежде, по той же причинѣ, получили позволеніе переселиться въ болѣе возвышенныя горныя долины, близъ

[1]) Ibid., т. VI, № 19.
[2]) Ibid., т. IV, № 55.
[3]) Pallas, Reise, th. III, p. 577.

Чагирскаго форпоста и вокругъ него, между рр. Туляпой и Иней. Въ этихъ долинахъ известковыя породы покрыты черноземомъ, а потому также, какъ и въ Харловѣ, лежащей на известковой почвѣ, земли въ нихъ довольно удобны для произрастанія хлѣбовъ. Всѣ травы растутъ въ этихъ известковыхъ горахъ, въ туманномъ и сыромъ горномъ воздухѣ, также гораздо лучше, красивѣе и роскошнѣе, нежели въ степяхъ, подверженныхъ сухимъ вѣтрамъ и палящимъ солнечнымъ лучамъ. Вотъ почему горная и степная колонизація и культура противоположны между собою такъ же, какъ—горная и степная флоры. Даже въ болѣе холодныхъ алтайскихъ долинахъ, лежащихъ еще выше, до Тигерецкаго форпоста на новой линіи, казаки собираютъ болѣе хлѣба, нежели въ жаркихъ степяхъ страны, и потому селятся тамъ охотнѣе [1]). Точно также съ Иртышской степи крестьяне переселяются въ горныя долины по р. Чарышу, въ плоскогорье Коргонское и т. п. Такъ, 1824 г. заложена была крестьянами, пришедшими съ Иртыша, деревня Чечулиха, при впаденіи рѣчки Чечулихи въ Чарышъ. Это самое крайнее русское поселеніе со стороны качующихъ калмыковъ. Окрестности деревни, расположенной очень живописно, окруженной высокими горами, по причинѣ плодородной земли хорошо воздѣланы, и населеніе въ продолженіи двухъ лѣтъ значительно увеличилось. Дер. Чечулиха лежитъ, по измѣреніямъ Ледебура, на высотѣ 2.300 ф., по измѣренію Бунге—2.314 ф. надъ уровнемъ моря. Несмотря на свое высокое положеніе, эта пустынная полоса земли отличается мѣстами превосходною для земледѣлія почвою, и потому привлекаетъ населеніе съ безплодныхъ или истощенныхъ почвъ. Глядя на чечулинскихъ переселенцевъ, и другіе крестьяне, живущіе на иртышской степи, точно также испрашиваютъ отъ времени до времени разрѣшенія губернатора строить тамъ новыя деревни и избирать новыя мѣста [2]). Такъ, законы почвы и земледѣлія, и въ малыхъ и въ большихъ размѣрахъ, двигаютъ массами народа. Почва, главнымъ образомъ, обусловливаетъ возможность и успѣхи земледѣльческой колонизаціи. Поэтому, когда началась колонизація Сибири, правительство предписывало сибирскимъ воеводамъ, а воеводы служилымъ людямъ— разыскивать, развѣдывать, измѣрять и описывать «добрыя пашенныя земли» въ Сибири, чтобъ на нихъ устроить крестьянъ. И служилые люди составляли подробныя «росписи пашенныхъ мѣстъ доброй земли», опредѣляя, гдѣ сколько десятинъ ея, и сколько можно устроить крестьянъ [3]). Хорошая плодородная почва сильно привлекала населеніе: такія мѣста быстро заселялись [4]). Какъ обильная, плодородная почва, производя богатые урожаи, способствуетъ умноженію народонаселенія, такъ худая, безплодная или истощенная почва частыми неурожаями подрываетъ въ самыхъ основахъ земледѣльческія поселенія. Въ какой области часто были неурожаи, тамъ рѣдѣло и убывало народонаселеніе. Въ сѣверныхъ областяхъ древней Россіи, по лѣтописямъ, насчитывается, среднимъ числомъ, по 8 неурожаевъ на столѣтіе, повторявшихся почти черезъ каждые 13 лѣтъ. И каждый изъ нихъ сопровождался большою убылью народонаселенія; множество народа умирало съ голоду, большая часть расходилась врознь; по выраженію новгородской волости, «разъидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чужія грады и страны

[1]) Ibid., p. 263; II, p. 28.
[2]) „Землев. Азіи", III. 293.
[3]) Такова, напримѣръ, подробная роспись пашеннымъ мѣстамъ, „добрыя земли", въ верховьяхъ Лены. „Дополн. къ А. И.", т. II, № 89, стр. 243—248.
[4]) Ibid., III. №№ 17, 167.

братьи нашей и сестеръ, а останокъ почаша мерети» [1]). Въ актахъ и писцовых книгахъ часто также упоминается, что отъ хлѣбнаго недорода цѣлыя деревни ра ходились врозь. Вообще, физическіе законы земледѣлія въ древней Россіи пр тивопоставляли сильныя препятствія развитію и распространенію земледѣльчески поселеній, особенно ощутительныя при тогдашней низкой степени культуры, п отсутствіи раціональныхъ средствъ бороться съ ними. Да и теперь еще физич скія силы, управляющія плодородіемъ почвы и вообще земледѣліемъ, до так степени преобладаютъ надъ земледѣльческой культурой, что каждый неурожай с провождается страшной смертностью и большою убылью земледѣльческаго населені Напримѣръ, съ 20-хъ до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, было 9 неурожаев именно: въ 1820, 1821, 1832, 1835, 1839, 1844, 1846, 1848, 1850 г дахъ, и вслѣдствіе ихъ было такое движеніе народонаселенія:

	Число родившихся.	Число умершихъ.	Разность чиселъ.
Въ 1820 г.	1.570.399	917.680	652.719
„ 1821 „	1.545.679	945.088	600.591
„ 1822 „	1.539.988	977.253	562.735
„ 1824 „	1.646.224	1.032.301	713.923
„ 1825 „	1.705.615	1.072.206	634.409
„ 1829 „	1.922.695	1.216.708	705.987
„ 1832 „	1.925.105	1.210.647	714.458
„ 1835 „	1.869.842	1.482.533	387.309
„ 1837 „	2.091.911	1.338.203	753.708
„ 1839 „	2.309.672	1.642.635	667.037
„ 1840 „	2.002.858	1.688.385	314.473
„ 1842 „	2.125.090	1.814.119	310.971
„ 1844 „	2.378.230	1.538.670	839,560
„ 1846 „	2.280.005	1.718.194	561.811
„ 1848 „	2.508.078	1.840.354	332,276
„ 1849 „	2.337.668	1.875.858	461.810
„ 1850 „	2.517.601	1.799.322	718.281
„ 1851 „	2.399.558	1.805.740	593.818
„ 1853 „	2.672.154	2.094.677	577.477
„ 1854 „	2.557.890	1.907.749	650.141

Изъ этихъ цифръ видно, что послѣ каждаго неурожая смертность усиливаетс страшно въ самые годы неурожая и въ слѣдующіе за ними. По отдѣльнымъ мѣс ностямъ, эта убыль населенія, вслѣдствіе неурожаевъ, еще сильнѣе. Такъ, напр мѣръ, за неурожаемъ 1839 г. въ Тульской и Рязанской губерніяхъ слѣдова огромное увеличеніе смертности въ ихъ епархіяхъ въ 1840 и 1841 годах Противъ 1836 года число умершихъ было болѣе:

	1840 г.	1841 г.
Въ Рязанской епархіи на	13%	21%
„ Тульской „ „	20%	39%

Число родившихся противъ 1839 года также уменьшилось:

	1840 г.	1841 г.
Въ Рязанской епархіи на	30%	19%
„ Тульской „ „	26%	29%

---

[1]) „Новгор. лѣт.“, стр. 46. Или: „ови ихъ измроша, а друзіи разъидошася по чужи землямъ“. Ibid., 1, 5, 43 и др. Отъ неурожая 1230 г. въ Новгородѣ похоронено было 6.530 тр повъ, не считая тѣхъ, которые зарыты были въ общей могилѣ, *безъ числа*; въ Смоленс умерло до 32.000. Въ Псковѣ, въ голодный 1422 г., трупами *пустотныхъ*, т. е. захожих бѣдняковъ наполнены были 4 скудельницы. „Псков.“, 11. 23. 24; „Новгор.“, 11. 129.

Тоже было во многихъ другихъ губерніяхъ.

Въ Псковской епархіи въ 1845 г. родилось 26.402, умерло 39.057, а 1846 г. родилось 19.453, умерло 41.040 челов., т. е. въ теченіе двухъ южайныхъ лѣтъ сряду умирало болѣе, чѣмъ рождалось [1]). Само собою разугся, что при такомъ гибельномъ дѣйствіи неурожаевъ земледѣльческія поселене могли скоро поправляться, полнѣть населеніемъ и усиливать производиность. Подрывая, такимъ образомъ, посредствомъ неурожаевъ, развитіе и разкеніе земледѣльческихъ поселеній, почва, естественно, обусловливаетъ также оту или рѣдкость поселеній. На безплодной или не хлѣбородной почвѣ посея всегда были рѣдки и малолюдны. Такъ, во всемъ сѣверномъ Поморьи еще XVI в., деревни состояли изъ 1, 2, 6, 7, 8, много 11 и 12 дворовъ, а больше — изъ 1 двора [2]). «Живутъ на рѣкѣ Волгѣ крестьяне,—сказано, наиѣръ, въ одномъ актѣ 1629 года,—а то мѣсто пришло въ пустѣ, отъ иныхъ стей поудалѣло верстъ на 70, и на 80, и больше, а мѣста пришли непроимыя зимою и лѣтомъ, дороги и проѣзду никогда не живетъ» [3]). Такъ рѣдко населеніе въ томъ краю, гдѣ колонизація началась раньше XIV столѣтія, оловецкій монастырь дѣятельно распространялъ свои поселенія. На каждый стъ на сѣверѣ приходилось обыкновенно отъ 150 до 300 и болѣе деревень, многіе десятки деревень были и писались *впустѣ* или *пустыми*: въ кажь погостѣ, среди *живущихъ* деревень, было деревень 20, 30, 40 и болѣе ыхъ. И теперь, тогда какъ въ хлѣбородныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Веность деревни съ 20.000 жителей, а въ южной Россіи—съ 2.000 и даже 7—8.000 д. [4]), въ сѣверныхъ не хлѣбородныхъ мѣстахъ Россіи, напримѣръ, Ярославской губерніи, на деревню приходится только среднимъ числомъ 13 двои 91 житель. Или, на безплодной почвѣ Архангельской губерніи, на пронствѣ 16.025.39 кв. м., пахотныя земли занимаютъ только $^1/_{1000}$ всей поности, и на 1 кв. м. приходится только 17 жителей, между тѣмъ какъ въ западныхъ и большой части среднихъ губерній, на хлѣбородныхъ почвахъ, отныя земли занимаютъ болѣе половины всей поверхности, или пропорція ихъ блется между 40 и 50%, и жителей приходится на 1 кв. м. отъ 1.400 2.700 человѣкъ. Неравенство почвъ, такъ же какъ и неодинаковость климатиихъ условій,—производило въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и неравенство омическое и бытовое Потому что, при отсутствіи раціональной культуры, при оруженности нашихъ земледѣльцевъ естественно-научными знаніями и указывави наукою механическими средствами, при полной пассивной зависимости отъ неедственныхъ дѣйствій природы,—наши земледѣльческія поселенія тамъ только ивались и были богаты, гдѣ почва и климатъ благопріятствовали ихъ развитію; ъ другихъ мѣстностяхъ, хоть бы рядомъ, коль скоро почвенныя и климатическія овія, безъ раціональной энергіи и знанія, отказывались служить агрикультурѣ,— ь и земледѣльческія поселенія коснѣли въ полуразвалинахъ и бѣдности, если ность не наводила умовъ и мыслей на другую промышленность. Такъ, разлипочвъ въ верховьяхъ и низовьяхъ Волги, преобладаніе въ верховыхъ зем-

---

1) См. цифры полнѣе въ „Статист." Кольба, I. стр. 174—175.
2) Лешковъ, „Рус. нар. и госуд.". 248, 271.
3) „Собраніе архіер. грам.", „Сборн. Соловец.". № 20, 40.
4) Koll's, Reise, II, S. 68, 72, 299.

ляхъ—песчанистой и глинистой почвы, а въ понизовыхъ волжскихъ земляхъ—черноземa, имѣло вліяніе на экономическое и бытовое различіе низовыхъ и верховыхъ земледѣльческихъ поселеній. Одно только общее было то, что зависить собственно отъ ума или отъ вѣковыхъ обычаевъ, а не отъ природы — способы пахания и посѣва, которые испоконъ вѣка почти вездѣ были одинаковы. Лепехинъ такъ писалъ объ этомъ: «Проѣзжая отъ Москвы до Арзамаса толь многія села и деревни, я нигдѣ въ хлѣбопашествѣ не замѣтилъ никакой отмѣны, но всегда одинакій способъ пахания и посѣва. Одно только различіе: песчаныя, хрящевыя и иловатыя пашни (въ верховьяхъ Волги) поистинѣ крестьянъ дѣлають тружениками; ибо гдѣ кучка навозу, тамъ и кучка хлѣба, какъ говорятъ крестьяне. Въ то время, когда низовые мужики, посѣявъ яровое, отдыхаютъ, верховые удобряютъ свою озимовую пашню навозомъ, за которымъ удобреніемъ слѣдуетъ сѣнной покосъ и жатва. Низовый крестьянинъ во всю зиму даже до яроваго посѣва бываетъ свободенъ, и отправляетъ только домашнія надобности; верховый напротивъ того удобряетъ въ великій постъ свою яровую пашню. Низовый довольствуется однимъ паханіемъ и бороненіемъ; верховый дважды сію работу отправлять принужденъ бываетъ,первый подъ паръ, а другой подъ посѣвъ [1]. До какой степени различіе почвъ, въ одной и той же области, имѣло вліяніе на промышленный и умственный складъ поселенія,—это всего яснѣе можно видѣть, напримѣръ, при общемъ взглядѣ на характеръ и промышленное направленіе земледѣльческихъ поселеній Рязанской губерніи. «Земля, — говоритъ Барановичъ, — описатель Рязанской губерніи,—есть основной элементъ естественнаго богатства. Промышленная дѣятельность населенія въ совершенной отъ нея зависимости. Такъ, гдѣ земли много, и гдѣ, при томъ, она плодородна, жители занимаются земледѣліемъ и живутъ среди своихъ семействъ, гдѣ же земля не въ состояніи прокормить живущихъ на ней, вся масса свободнаго населенія, заботясь о средствахъ существованія, ищетъ себѣ работы въ какихъ-нибудь другихъ, прибыльныхъ занятіяхъ, если они существуютъ въ краѣ; въ противномъ случаѣ жители выходятъ въ другія мѣста для заработковъ. Такимъ образомъ, въ самомъ поземельномъ богатствѣ страны кроются начала особенностей характера народнаго труда. Рязанская губернія относительно поземельнаго богатства представляетъ разнообразіе, рѣдко встрѣчаемое въ другихъ мѣстахъ. Земля ея весьма неравномѣрно распредѣлена между поселянами и притомъ необыкновенно разнообразна въ своихъ качествахъ. Въ уѣздахъ Данковскомъ, Раненбургскомъ и южныхъ частяхъ Ряжскаго и Сапожковскаго жители обильно надѣлены землей, дающей урожай даже при посредственномъ удобреніи. Гораздо бѣднѣе землей остальныя части степной стороны и уѣзды Михайловскій и Пронскій, при томъ же почва этихъ мѣстъ уже не столь производительна и не всегда вознаграждаетъ труды земледѣльца. Еще менѣе благодарна земля къ трудамъ поселянъ въ прочихъ уѣздахъ рязанской стороны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея приходится пропорціонально еще менѣе. Наконецъ, въ мещерской сторонѣ почва песчаная, боровая, отличающаяся безплодіемъ, да и въ этой дурной землѣ крестьяне терпятъ явный недостатокъ.

Общій выводъ тотъ, что чѣмъ земля лучше, тѣмъ ея болѣе, и обратно, чѣмъ хуже качество земли, тѣмъ бѣднѣе надѣлъ его. Ясно, что поземельное бо-

[1]) Лепехинъ. „Дневн. Записки“, 1795 г., ч. I. стр. 61—62.

атство, до такой степени неравномѣрно распредѣленное, должно было сильно отразиться на самомъ характерѣ промышленной дѣятельности населенія Рязанской губерніи; и дѣйствительно, едва ли найдется другая губернія, въ которой промышленная жизнь проявлялась бы въ такихъ разнообразныхъ формахъ. Въ южной части степной стороны, какъ было уже сказано, земли много и притомъ черноземной, отличающейся плодородіемъ; населеніе здѣсь сосредоточивается въ небольшомъ числѣ довольно обширныхъ селеній, и потому земляныя дачи заключаютъ въ себѣ иногда по нѣсколько тысячъ десятинъ, растянутыхъ къ тому же по причинѣ черезполосности. Здѣсь нужно много времени крестьянину, чтобы управиться съ нѣсколькими десятинами тяжелой, черноземной земли, отдаленной очень часто на большое разстояніе отъ селенія, и потому неудивительно, что земледѣліе поглощаетъ въ этихъ мѣстахъ всю дѣятельность народа. Съ ранней весны до глубокой осени крестьяне заняты обработкою земли и собираньемъ жатвы; ь остальное же время производится молотьба, разныя другія занятія по сельскому хозяйству, наконецъ, отправленіе излишка хлѣба на продажу большею астію въ отдаленныя мѣста сбыта. Такимъ бразомъ, самая южная часть губерни можетъ быть названа земледѣльческой въ полномъ смыслѣ слова; всѣ руки аняты обработкою земли, вездѣ встрѣчаются мельницы, крупорушки, маслобйни и т. п.; самые заводы въ этой мѣстности имѣютъ тѣсное отношеніе ъ земледѣлію; таковы, напримѣръ, винокуренные, свеклосахарные, крахмальые и другіе; зимой, по дорогамъ изъ Раненбурга и Данкова, тянутся непрерывно тяжелые обозы съ хлѣбомъ. Однимъ словомъ, здѣсь все житъ и дышетъ земледѣліемъ: вся дѣятельность устремлена на сельское хозяйство: ни мануфактурная промышленность, ни промыслы и ремесла не могутъ здѣсь существовать и развиваться. Сѣверная часть степной стороны и уѣзды Михайловскій и Пронскій тоже земледѣльческіе по преимуществу; но земледѣліе преобладаетъ въ этихъ мѣстахъ уже не такъ исключительно, какъ въ южной части губерніи. Земли здѣсь менѣе, дачи не такъ обширны и мѣста сбыта ближе. Слѣдствіе этого является небольшой досугъ времени, а вмѣстѣ съ нимъ и разные промыслы. Гораздо въ большихъ размѣрахъ сельскіе промыслы и ремесла въ сѣверной части рязанской стороны. Земледѣліе составляетъ все еще въ этихъ мѣстахъ главное занятіе жителей, и ему посвящается все лѣто; но такъ какъ земли здѣсь немного, дачи мелкія, а рынки подъ рукой, то жители, исполнивъ земледѣльческія занятія, имѣютъ еще много свободнаго времени, чтобы заняться на дому какими-нибудь ремеслами или отправиться на заработки въ сосѣднія мѣста Московской губерніи. Заводовъ и фабрикъ въ рязанской сторонѣ почти не существуетъ, но выгодное положеніе этой части губерніи, вблизи отъ Москвы и въ сосѣдствѣ такихъ пунктовъ, гдѣ торговля и мануфактурная жизнь имѣетъ большое развитіе, служитъ причиною, что здѣсь и, въ особенности, въ уѣздѣ Зарайскомъ, разсчеты на заработки отъ промысловъ являются уже важнымъ и непремѣннымъ условіемъ существованія жителей. За Окой, въ мещерской сторонѣ, мануфактурная и промысловая жизнь въ полномъ развитіи; здѣсь сосредоточены почти всѣ фабрики и заводы губерніи, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются самые разнообразные сельскіе промыслы и ремесла. Земледѣліемъ въ мещерской сторонѣ занимаются лишь для домашняго обихода, и вообще сельское хозяйство служитъ уже подспорьемъ другимъ занятіямъ, болѣе прибыльнымъ. Промышленность приняла здѣсь такое направленіе

не вслѣдствіе личнаго разсчета нѣсколькихъ семействъ. а вслѣдствіе общей требности всего народонаселенія. Недостатокъ земли и ея безплодіе отвлека жителей отъ земледѣлія; хлѣба, собираемаго съ полей, недостаетъ имъ для питанія, и они должны пріобрѣтать его покупкою въ хлѣбородныхъ мѣстахъ: это поневолѣ заставило ихъ снискивать себѣ другія средства для существова направило къ промысламъ... Здѣсь, при многочисленныхъ внутреннихъ фабри и заводахъ, развились не столько земледѣльческія, сколько торговыя села—, ново, Ловцы, Любичи и Бѣлоомутъ, при населеніи въ 15.000 душъ не имѣ десятины пахатной земли. Въ Егорьевскомъ, напримѣръ, уѣздѣ на каждаго кре нина не приходится и $2^1/_2$ десятинъ земли, самой легкой, песчаной и раз ванной на мелкія дачи. Не много нужно времени, чтобы управиться съ т хозяйствомъ, и потому здѣсь $^4/_5$ работающаго населенія обращается къ ра промысламъ. Такимъ образомъ, отъ самыхъ южныхъ границъ, къ которымъ легаютъ хлѣбороднѣйшіе и вполнѣ земледѣльческіе уѣзды Тамбовской и Ту губерній, и до сѣверныхъ предѣловъ, пограничныхъ съ мануфактурными М ской и Владимірской губерніями, совершается въ Рязанской губерніи съ за тольной послѣдовательностью переходъ отъ земледѣльческой промышленност мануфактурной и ремесленной. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, все болѣе и стѣсняется кругъ земледѣлія; различные промыслы и ремесла, только появляк у береговъ Прони, за Окой уже становятся господствующимъ занятіемъ жи и если степная сторона имѣетъ всѣ качества страны земледѣльческой, то мещ можетъ быть названа вполнѣ промышленною. Рязанская сторона—по мѣстно ложенію своему, по качеству почвы и характеру народнаго труда, служитъ ходною отъ земледѣльческой къ промышленной. И эта постепенность въ изм промышленнаго характера поселеній, вполнѣ сообразная съ качествами почвы, яв. результатомъ ея. Относительно почвы Рязанская губернія представляетъ за тельное разнообразіе. Отъ жирнаго, степного чернозема и до сыпучихъ песко ней встрѣчаются всякаго рода земли. Этотъ переходъ отъ чернозема къ пес вершается не вдругъ; въ измѣненіи качествъ почвы замѣтна послѣдователь Жирная, черноземная почва самыхъ южныхъ оконечностей губерніи, по мѣрѣ ближенія къ Пронѣ, перемѣшивается все болѣе и болѣе съ глиной и стан тяжелой и вязкой. За Проней уже замѣтно преобладаніе глины; слой чер становится все тоньше съ приближеніемъ къ Окѣ. такъ что мѣстами почва вращается въ чистую глину, у береговъ же рѣки перемѣшиваются съ пе Наконецъ, за Окой почва песчаная; во многихъ мѣстахъ встрѣчаются и с пески, а далѣе на сѣверъ земля боровая, покрытая болотистыми и моховыми ками» [1]).

Въ частности, различный геогностическій строй и химическій составъ в въ естественномъ ходѣ колонизаціи и культуры, обусловливаетъ различный культурный характеръ земледѣльческихъ поселеній. Напримѣръ, преобладаніе л почвы, производящей наибольшее развитіе перегноя, чернозема, въ связи с матическими условіями сѣверо-восточной континентальной полосы Россіи, было ственной причиной преимущественнаго развитія въ Россіи такихъ земледѣльче поселеній, которыя больше всѣхъ хлѣбовъ сѣютъ рожь, меньше—пшеницу, і

[1]) „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“. „Рязанская губернія“. стр. 164

катся перелога, залежи. «Перегной,—говоритъ Либихъ,—можетъ сообщить почвѣ плодородіе для хлѣбныхъ растеній, но пшеница въ чистой перегнойной почвѣ, даже на богатыхъ перегноемъ почвахъ во многихъ мѣстностяхъ Бразиліи и въ нашихъ климатахъ, растетъ дурно, стебель ея не получаетъ твердости и растеніе ложится. Это происходитъ отъ того, что твердость стебля зависитъ отъ кремне-кислаго кали, что развитіе зерна требуетъ фосфорно-кислыхъ солей, а перегной не можетъ доставить пшеницѣ этихъ веществъ, потому что не содержитъ ихъ. Точно также пшеница не растетъ хорошо и на песчаныхъ почвахъ, а равно известковая почва, если она не содержитъ значительнаго количества глины, также безплодна для этого растенія. Это зависитъ отъ того, что такія почвы не содержатъ щелочей и нѣкоторыхъ другихъ минеральныхъ веществъ, необходимыхъ для пшеницы; безъ нихъ ея развитіе останавливается, хотя бы другія вещества почва доставляла ей въ избыткѣ» [1]). На русской землѣ въ особенномъ изобиліи развивалась почва черноземная, богатая перегноемъ, такъ какъ она издревле покрыта была густыми и повсемѣстными, черными лѣсами. И теперь еще, при 85.000.000 десятинъ пахатныхъ земель, садовъ и огородовъ, — лѣсовъ 180.000.000 десятинъ; пахатныя земли занимаютъ только 17%, луга и пастбища 20%, а лѣса 36%. И въ числѣ 380 мил. десятинъ земли удобной находится до 95 милліоновъ десятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. Кромѣ лѣсовъ, луговая и степная низменность Понтокаспійская, поросшая высокими и густыми травами, также въ изобиліи развиваетъ перегной. Въ древней Россіи, во времена починочной колонизаціи и культуры, крестьяне, только что расчищая еще землю изъ-подъ лѣсовъ, «лѣсъ рубя, дворы, починки и деревни ставя на лѣсахъ и распахивая вновь пашни въ лѣсахъ пашенныхъ», неизбѣжно ступали больше всего на почву черноземную, богатую перегноемъ и, слѣдовательно, на почву ржи, а не пшеницы. «Лѣсная почва,—говоритъ Либихъ,—на которой въ продолженіе 40 или 80, или еще большаго числа лѣтъ истлѣвали листья и другіе растительные остатки, каждый годъ принимала въ себя нѣкоторое количество минеральныхъ веществъ отъ этихъ остатковъ; вещества эти были извлечены деревьями изъ слоевъ земли весьма глубоко лежащихъ и теперь они послужили для обогащенія верхней, рыхлой почвы. Выборка лѣсного сору изъ лиственныхъ лѣсовъ удаляетъ матеріалъ для постояннаго образованія углекислоты, которая, растворяясь въ водѣ и проникая вмѣстѣ съ нею на значительную глубину, можетъ способствовать вывѣтриванію и раствcovered ренію породъ, съ которыми корни деревъ находятся въ прикосновеніи. Въ густомъ лѣсу, гдѣ воздухъ обновляется рѣже, чѣмъ на равнинѣ, доставленіе углекислоты можетъ также имѣть значеніе для растительности. Наконецъ, слой лѣсного сору защищаетъ почву отъ высыханія и способствуетъ удержанію въ ней влажности, которая особенно полезна для чернолѣсья, въ которомъ на поверхности листьевъ испаряется гораздо большее количество воды, чѣмъ у хвойныхъ.

Кромѣ углекислоты, черноземныя или богатыя перегноемъ лѣсныя почвы всегда содержатъ углекислый аммоніакъ, а также всѣ щелочи и соли тѣхъ растеній, отъ гніенія и тлѣнія которыхъ образовался перегной или черноземъ» [2]). По такимъ естественнымъ условіямъ, лѣсная почва, въ древней Россіи преобладавшая, естественно, всего больше обусловливала культуру ржи, а не пшеницы, такъ какъ она

[1]) Либихъ. „Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній“, стр. 117—118.
[2]) Ibid., стр. 78—79.

всего болѣе содержала перегноя, не доставляющаго пшеницѣ кремне-кислаго кали и фосфорно-кислыхъ солей. Древне-русскіе поселенцы, конечно, научнымъ образомъ этого не понимали и не сознавали. Но вѣковой опытъ, показавшій на практикѣ наибольшій успѣхъ разведенія на черноземной почвѣ ржи, а не пшеницы, — побуждалъ всѣ починки и деревни, «ставившіяся ново или на новѣ, на лѣсѣхъ», основывать преимущественно на ржаныхъ поляхъ. И дѣйствительно, вся лѣсная агрикультура основывалась главнымъ образомъ на ржаномъ хлѣбопашествѣ, и земледѣльческія поселенія насаждались и воспитывались въ горныхъ дикихъ лѣсахъ, на ржаной пашнѣ. Даже въ имѣніяхъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ бояръ, которые больше всѣхъ потребляли пшеницу, всѣ деревни сѣяли больше всѣхъ хлѣбовъ рожь, примѣрно: maximum пшеницы 20 десятинъ, minimum ржи 33—35 десятинъ. Крестьянскія же поля почти исключительно засѣвались рожью, съ небольшимъ количествомъ овса, ячменя и, отчасти, гречи и гороха [1]). Что культура ржи, главнымъ образомъ, мотивирована распространеніемъ земледѣльческихъ поселеній, — это видно изъ исторіи земледѣльческой колонизаціи Сибири, особенно восточной. Тамъ, напримѣръ, на Ленѣ, на Илимѣ, по Иркуту и проч., всѣ пашенныя поселенія устроялись главнымъ образомъ съ цѣлью воздѣлыванія ржаного хлѣба для обезпеченія служилыхъ людей. И новоустроеннымъ пашеннымъ крестьянамъ, какъ видно изъ «ужинныхъ и умолотныхъ книгъ», выдавалась изъ казенныхъ житницъ въ ссуду на сѣмена только рожь, въ наибольшемъ количествѣ, съ небольшою прибавкою ячменя [2]). Точно также преобладаніе культуры ржи въ земледѣльческихъ поселеніяхъ древней Россіи обусловливалось и выражалось тѣмъ фактомъ, что русскіе люди всегда ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной, имъ жили, на немъ вскармливались. Онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе—хлѣбъ—значило собственно ржаной. Пшеничная мука употреблялась на просфоры да на «богородицынъ хлѣбъ», а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простого народа были лакомствомъ въ праздничные дни—отъ этого и пословица: «калачемъ не заманишь» [3]). Издревле въ русскихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ видимъ только воздѣлываніе ржи съ нѣкоторыми другими хлѣбами, за исключеніемъ пшеницы. Въ «Русской Правдѣ», изъ хлѣбныхъ растеній, упоминается только рожь да овесъ, ячмень и полба; о пшеницѣ ни слова [4]). На сѣверѣ Россіи, въ Новгородской и Псковской областяхъ, до XII вѣка, лѣтописи, отмѣчая урожаи и цѣны хлѣбовъ, говорятъ только о ржи, а о пшеницѣ ни разу не упоминаютъ. И потомъ, съ XII до XVI столѣтія, въ неурожайные и голодные годы, если иногда и продавалась въ Новгородѣ пшеница, то она была почти всегда вдвое и даже втрое дороже ржи [5]): видно, что ее мало воздѣлывали. Въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ посѣвъ ржи долженъ былъ еще увеличиться, потому что въ это время былъ большой запросъ на стрѣлецкіе и другіе хлѣбные сборы, на безпрестанный и огромный отпускъ хлѣба въ Сибирь, на винокуреніе, на отпускъ

[1]) „Временникъ“, 1850 г., кн. VII. „Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя“.
[2]) Дополн. къ А. И., т. VIII, № 51, грам. II.
[3]) Костомаровъ, „Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа“, стр. 82.
[4]) „Р. Пр.“, ст. XXII и слѣд.
[5]) Напр., въ 1498 г. „четверку ржи покупали по 9 денегъ, а пшеницы зобницу по 50“. Карамзинъ, VI, прим. 629. Въ 1230 и 1231 гг. купили ржи кадь по 20 гривенъ, а пшена по 50. Новгор., I, стр. 46 и мн. др

за границу и проч. Однимъ словомъ, культура ржи преобладала въ древней Россіи надъ воздѣлываніемъ пшеницы. И это было весьма естественно, сообразно съ большею частію почвъ сѣверо-восточной Россіи, да и съ климатомъ. Въ этихъ, большею частію, лѣсныхъ почвахъ пшеница не могла находить такого соединенія питательныхъ веществъ и такъ легко расти, какъ рожь. «Химическій анализъ показываетъ,—говоритъ Либихъ,—что почва, дающая прибыльный урожай ржи, въ слоѣ, имѣющемъ отъ 5 до 10 дюймовъ въ глубину, содержитъ въ 50, можетъ быть даже въ 100 разъ болѣе питательныхъ веществъ, нежели сколько нужно для одного урожая пшеницы. Однакожь, несмотря на такой избытокъ питательнаго матеріала, эта почва не производитъ такихъ урожаевъ пшеницы, которые были бы прибыльны въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ. Сравнивая количества фосфорной кислоты и кали, которыя извлекаются изъ почвы одного гектара (=0,915 десятины) среднимъ урожаемъ пшеницы (2.000 кгр.=122 пуда) зерна и 5.000 кгр. (=305 пуд.) соломы и среднимъ урожаемъ ржи, мы находимъ:

	Получили изъ почвы: Пшеница.	Рожь.
Фосфорной кислоты	25 до 26 кгр.	17 до 18 кгр.
Кали	52 » — »	39 » 40 »
Кремневой кислоты	160 » — »	100 » 110 »

Если гектаръ поля, достаточно плодороднаго для средняго урожая ржи, содержитъ:

Фосфорной кислоты	1.700 кгр.
Кали	3.900 »
Кремнезема	10.200 »

то гектаръ поля, которое бы дало хорошій средній урожай пшеницы, долженъ содержать:

Фосфорной кислоты	2.560 кгр.
Кали	5.200 »
Кремнезема	15.300 »

Слѣдовательно, для производства пшеницы, почва требуетъ питательныхъ веществъ больше:

Фосфорной кислоты	на 860 кгр.
Кали	» 1.300 »
Кремнезема	» 5.100 » [1]).

Такія, по всей вѣроятности, условія въ особенномъ изобиліи представляетъ почва Самарской губерніи и юго-западной Сибири. Поэтому, здѣсь земледѣльческія поселенія по преимуществу и удачно занимаются агрикультурой пшеницы. Въ юго-западной Сибири цѣлые оазы или округъ земледѣльческихъ поселеній даже, главнымъ образомъ, продовольствуется пшеничнымъ хлѣбомъ.

[1]) Либихъ, „Химія въ прилож. къ землед.“, стр. 91, 93, 97.

«Если мѣстность, — говоритъ Либихъ, — состоитъ изъ твердыхъ скалисті пластовъ, покрытыхъ нетолстымъ слоемъ почвы, на которой растетъ растительнс съ густою листвою, то просачивающаяся черезъ такой слой вода, будетъ прино мѣстностямъ, лежащимъ ниже, много минеральныхъ веществъ, служащихъ пи растеніямъ, потому что нетолстый слой, почва не можетъ задержать ихъ большомъ количествѣ. Частицы такой почвы, увлекаемой дождевыми поток уносимыя ими въ долины и низменности, образуютъ тутъ почву, степень пл родія которой можетъ быть весьма различна; она измѣняется съ ихъ химичес составомъ, отъ котораго зависитъ способность почвы извлекать тѣ вещества, кот служатъ пищею для растеній; но во всякомъ случаѣ, такая почва, образовавш изъ наносеннаго ила, будетъ насыщена тѣми минеральными, питательными растеній веществами, которыя содержались въ водѣ, изъ которой этотъ отсѣлъ» [1]. Такія условія химическаго образованія наносной почвы изъ гор породъ у насъ представляютъ, между прочимъ, всѣ прекрасныя рѣчныя долинь предгорьяхъ Алтая, и вообще вся юго-западная сибирская низменность, стелющ отъ предгорій Алтая и до конца средняго теченія громадныхъ сибирскихъ рѣ Иртыша, Оби и Енисея, а также долины гористой Забайкальской области. Б. даря такому физическому способу образованія почвъ, рѣчныя долины въ і горьяхъ Алтая представляютъ вообще прекраснѣйшія мѣста для развитія з дѣльческой колонизаціи и культуры, несмотря даже на климатическія контр Здѣсь, напримѣръ, въ Бухтарминскихъ горахъ Алтая, горныя массы, или к состоятъ главнымъ образомъ изъ грюнштейна и гранита и, въ подчиненіи из изъ зеленыхъ сланцевъ, глинистыхъ сланцевъ, грауваккъ, кварцитовъ, извест порфировъ и проч. Гигантскія рѣки, стремительно прорывающіяся сквозь уте непрерывно плещущіяся и ударяющіяся своими быстрыми волнами о скалы и ныя кряжи, постоянно отщепляютъ и откалываютъ отъ нихъ обломки и оск Морозы также растрескиваютъ снѣжныя скалы на небольшіе острые осколки, торые вслѣдствіе движенія ледниковъ, ручьевъ и горныхъ потоковъ округляютс растираются въ дресву и гравій. Рѣки и ручьи, вытекающіе изъ снѣжныхъ совъ или кряжей и ледниковъ, мутны отъ уносимыхъ ими порошковатыхъ час въ долинахъ и равнинахъ эти частицы горныхъ породъ постепенно осѣд наслояются и, при химическомъ содѣйствіи воды, кислорода и углерода, выв ваются и образуютъ такимъ образомъ пласты плодородной почвы. Ученые, щавшіе и геогностически изучавшіе Алтай въ нынѣшнемъ столѣтіи, Гумбол Энгельгардтъ, Германъ и др., указываютъ часто на это новое наслоеніе или зованіе наносной плодородной почвы въ долинахъ и равнинахъ предгорій Алт Вслѣдствіе такого геогностическаго происхожденія,—почвы въ Иртышскихъ и тарминскихъ долинахъ предгорій Алтая обусловили быстрое развитіе въ этом вомъ и долго неприступномъ краю богатыхъ земледѣльческихъ и горнозаводс поселеній. Вотъ какъ, напримѣръ, географъ Риттеръ изображаетъ русскія ко на Бухтарминской, пріалтайской долинѣ, на основаніи самыхъ точныхъ рус источниковъ: «положеніе бухтарминской колоніи - крѣпости на возвышенномъ

[1] Ibid., стр. 78.

[2] Engelgardt z. „Kenntniss des selebeschaffenheit d. kleinen Altai und. d. Soongai Kirgisensteppe“ въ Ledebour, Th. I, p. 418. Hermann, „Mineralogiche Reise n. Sibirien. A über d. Bergwesen zu Altai,“ p. 352. Гумбольдтъ, „Путешествіе по Сибири и Западному въ 1829 г.“ Риттеръ. „Землевѣд. Азіи“, т. III, стр. 44, 48 и мн. др.

› берегу Бухтармы, вблизи судоходнаго Иртыша, утесистые гранитные берега, ыя сланцевыя и известняковыя горы вокругъ, зеленыя, лѣсистыя высоты, ,ородная земледѣльческая почва, стройные стволы тополей и другихъ листвен-ь деревъ по берегамъ рѣкъ, успѣхи просвѣщенія—все это здѣсь, вблизи одно-зной степи, придаетъ особенную прелесть обширной долинѣ. При этомъ. весна шею частью пріятна и прекрасна, лѣто обыкновенно жарко и сухо, осень про-;ается до половины ноября. И вотъ, на этой плодородной земледѣльческой нѣ, несмотря на сухость лѣта, благодаря горно-наносной, влажно-осадочной ѣ, земледѣліе и земледѣльческія поселенія весьма естественно преуспѣваютъ; а никогда не удабривается, а жатва всегда доставляетъ самъ - десять. И, дствіе того, народонаселеніе постоянно увеличивается; часто рождаются близ-ı. Вблизи возвышенныя и обширныя горы, глинисто-сланцевыя и гранитныя, оянно выдѣляютъ новые слои плодоносной почвы» [1]). Еще до конца прошед-› столѣтія вся Бухтарминская долина была вполнѣ необитаема, и только начала ıяться съ 1791 года, со времени помилованія горныхъ, вольныхъ, бѣглыхъ ленцевъ-каменьщиковъ. Плодородная, горно-наносная почва магически привле-земледѣльческое населеніе, невольно наводила на мысль о хлѣбопашествѣ и › горно-хищныхъ каменьщиковъ мало-по-малу обратила, переродила въ мирныхъ едѣльцевъ. При первомъ исчисленіи оказалась на Бухтарминской долинѣ только поселенцевъ. Съ 1803 года народонаселеніе значительно прибывало, и вмѣстѣ ѣмъ распространялось земледѣліе. Въ 1809 году считалось 5 деревень соб-ıно въ Бухтарминской долинѣ да 4 въ сторонѣ отъ р. Бухтармы; но съ того ени число ихъ еще увеличилось [2]). Въ 1826 г. все народонаселеніе Бухтар-кой долины простиралось уже отъ 4 до 5.000 душъ. Деревни каменьщиковъ ı построены красиво; жители были достаточны. нарядны и гостепріимны. Лѣ-., въ страду, всѣ деревни были почти совершенно пусты; все ихъ населеніе дилось на пашняхъ. Всѣ поселяне обладали плодородными пашнями и пре-ными лугами. Во всѣхъ деревняхъ былъ отличный, пшеничный хлѣбъ: своей ı у нихъ было такъ много, что они ее продавали за хорошія цѣны въ ки-кіе пограничные пикеты. За $1^1/_2$ пуда муки, цѣною отъ 40 до 50 коп. асс., чали отъ китайцевъ 1 кусокъ дабы, т. е. 22 локтя бумажной, одноцвѣтной ріи, цѣною отъ 4 до 5 р. асс. Даже въ деревнѣ Фыколкѣ, въ которой счи-сь 10 или 12 крестьянскихъ дворовъ, устроенной у южной подошвы высокаго сунскаго хребта, окруженной горами и находящейся при горномъ потокѣ Фы-:ѣ, на высотѣ почти 4.000 ф. надъ ур. моря, — несмотря на возвышенное гоположеніе, все еще очень хорошо идетъ обработка ячменя, овса, ржи, чече-ы и яровой пшеницы. Горные потоки и ручьи постоянно наносятъ съ ближай-ъ скалистыхъ и лѣсистыхъ горъ плодоносные элементы почвы и тѣмъ увели-ıютъ земледѣльческую привлекательность для колонизаціи рѣчныхъ и горныхъ тарминскихъ долинъ [3]). Иртышъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорывается черезъ ай и въ изгибахъ своихъ, въ скалистыхъ ущельяхъ, съ шумомъ ударяется

[1]) Ibid., т. III, стр. 55 - 56.

[2]) Первыя, вверхъ по долинѣ съ З. на В., называются—Осочиха, Буйкова, Сѣнная, вишенская (Коровихи), Верхъ-бухтарминская; послѣднія, на высотахъ по южному бе-Бухтармы, называются: Малопарымская, а надъ сѣвернымъ берегомъ—Язовая, Бѣлая ыколка.

[3]) „Землевѣд. Азіи", т. III, стр. 68.

объ утесы, на мутныхъ волнахъ своихъ несетъ изъ горныхъ кряжей Алтая осколки и частицы глинистаго сланца, грюнштейна, гранита, слоистаго известняка, кварца и т. п., и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими горными источниками и ручьями, наслояетъ окрестную почву самыми плодоносными веществами и пластами. Почва, поэтому, здѣсь весьма удобна для хлѣбопашества. И тутъ на земледѣліи основались новѣйшія колоніи — Березовскій форпостъ, Александровскій редутъ, Феклистовскій редутъ, и хлѣбопашество идетъ весьма успѣшно: здѣсь произрастаетъ озимая и яровая пшеница, яровая рожь, польская пшеница (triticum polonicum), ячмень и овесъ. Значительную выгоду доставляетъ также воздѣлываніе льна [1]). Точно также плодородная, наносная почва горнаго образованія обусловила быстрое развитіе земледѣльческихъ поселеній—Тараханскаго села, Краснаго яра, Бобровки и другихъ, въ долинахъ рѣки Ульбы и Убы — правыхъ притоковъ Иртыша. Быстрое теченіе Ульбы постоянно вырываетъ и увлекаетъ весною деревья и скалы, громоздитъ изъ нихъ новыя прибрежныя плотины, наслоенія и пласты и прорываетъ и размельчаетъ старыя. Рѣчная долина отъ этого еще не вполнѣ развилась и не получила опредѣленной пластики. Когда Ледебуръ проѣзжалъ здѣсь въ августѣ, русло рѣки ушло на $1^1/2$ до 2 верстъ къ сѣверу отъ русла предыдущаго года, засыпаннаго валунами и заросшаго желтымъ макомъ (papaver croceum), подобнымъ встрѣчающемуся въ такихъ же мѣстахъ въ Савойскихъ Альпахъ papaver alpinum. Сибирскій бальзамическій тополь (popolus lavrifolia) образуетъ прибрежныя рощи. На этой-то, новообразующейся изъ горныхъ породъ почвѣ, около 1823 года, основалось село Тараханское. Благодаря хлѣбородной почвѣ, оно быстро развилось; крестьяне, живущіе въ немъ, занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, и богаты. Село хорошо выстроено и довольно велико [2]). Точно также, въ предгорьяхъ Саянскаго хребта, въ прекрасныхъ долинахъ Енисея, Абакана, Минусы, стремительный прорывъ сквозь утесовъ и скалъ и быстрый, полноводный потокъ Енисея и другихъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ постоянно наносилъ и доселѣ наноситъ съ высокихъ горъ частицы, обломки горныхъ породъ для образованія плодоносной почвы. И долины — Минусинская, Абаканская и Енисейская теперь уже значительно обстроены довольно богатыми и замѣчательными земледѣльческими поселеніями, но особенно ждутъ впереди цвѣтущей земледѣльческой колонизаціи и культуры [3]).

IV.

Въ связи съ климатомъ и почвой, дѣйствовали на распространеніе, устройство и развитіе земледѣльческихъ поселеній и многія другія физико-географическія условія. Здѣсь мы укажемъ на двѣ или три характеристическія особенности нашихъ земледѣльческихъ поселеній, развившіяся подъ вліяніемъ физическаго преобладанія пространства надъ числомъ народонаселенія и лѣсовъ надъ полями.

Громадность пространства пахатныхъ земель, лѣсовъ и неудобныхъ мѣстностей превышала землеустроительныя силы народныя, замедляла географическое

[1]) Pallas. „Reise“. Th. III, p. 89—91.
[2]) „Землевѣденіе Азіи“, т. Ш, 104.
[3]) Pallas. „Reise“. III, p. 300. „Землев. Азіи“, стр. 498—532.

распространеніе земледѣльческихъ поселеній и, обусловливая экстенсивное, агрикультурное направленіе, препятствовала внутреннему, умственному, интенсивному развитію и увеличенію земледѣльческихъ общинъ. Пространство земли постепенно, быстро и въ громадныхъ размѣрахъ увеличивалось, совершенно непропорціонально возрастанію народонаселенія. Именно, при Иванѣ III (1462 г.) было около 18.000 кв. м., при Василіи Ивановичѣ (1505 г.) — 24.000 кв. м., при Иванѣ IV (1584 г.) — 72.000 кв. м., при Алексѣѣ Михайловичѣ (1650 г.) — 237.000 кв. м., при Петрѣ I (1689 г.) — 280.000 кв. м., при Аннѣ Ивановнѣ (1730 г.) — 324.000 кв. м., при Екатеринѣ II (1775 г.) — 335.000 кв. м., при Александрѣ II (1860 г.) — 392.000 кв. м. Между тѣмъ, жителей до XVI вѣка было не болѣе 7.000.000, въ концѣ XVII вѣка — не болѣе 10 милл., въ 1722 г. — 14 милл., въ 1742 г. — 16 милл., въ 1782 г. — 27 милл., въ 1793 г. — 34 милл., въ 1803 г. — 36 милл., въ 1815 г. — 45 милл., въ 1829 г. — 50½ милл., въ 1850 г. — 65 милл. При такой непропорціональности народонаселенія съ пространствомъ земли, особенно до начала прошлаго столѣтія, естественно, должно преобладать экстенсивное развитіе и распространеніе земледѣльческихъ поселеній надъ интенсивнымъ, раціональнымъ развитіемъ ихъ. Географическій, пространственный элементъ рѣшительно подавлялъ умственное развитіе земледѣльческихъ поселеній. Во-первыхъ, огромное равнинное пространство и обиліе земель просторомъ своимъ невольно вызывало массы къ свободному, привольному разгулу по землѣ, къ постояннымъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, пріучало къ полукочевому земледѣлію, къ полукочевой, полуномадной колонизаціи. Только на обширной и равнинной землѣ, на громадныхъ пространствахъ пахотной земли могъ произойти этотъ характеристическій обычай и способъ колонизаціи — свободный переходъ крестьянъ, господствовавшій до конца XVI и даже до начала XVII вѣка. Благодаря этому переходу, распространялась земледѣльческая колонизація и культура: русская земля повсюду болѣе или менѣе обстроилась слободами, селами, сельцами, починками, сидѣньями и деревнями. Но зато земледѣльческія поселенія долго не имѣли прочной осѣдлости, носили полукочевой, полуномадный характеръ. Въ народонаселеніи развилась страсть къ разгулу, къ расходчивости, расплывчивости по широкому пространству русской земли и, наконецъ, склонность къ *броженію врознь*, къ бродяжничеству и бѣгству. Отсюда возникъ характеристическій и многочисленный классъ населенія — такъ называемые вольные *гулящіе люди*. Они потомъ составляли главный элементъ заселенія Сибири. Раздольный просторъ русской земли, украинъ и степей, вызвавшій прежде дикій, буйный разгулъ новгородскихъ *повольниковъ* и *ушкуйниковъ*, сталъ потомъ вѣковымъ и широкимъ просторомъ для буйнаго разгула и скопища станицъ казачьихъ, шаекъ разбойничьихъ и раскольничьихъ согласій. Только благодаря широкому пространству и раздолью русской земли, въ ней могла по украинамъ пріютиться и сосредоточиться сбродная колонизація казачья и раскольничья [1]). Вѣковая страсть къ разгулу, странничеству и бѣгству на раздольномъ, обширномъ пространствѣ русской земли, отразилась и въ географическомъ, и въ

[1]) Котошихинъ, XI, ч. „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ". „Лѣтоп. русск. литер.", т. IV, 1862 г., отд. III, стр. 57, 58, 59, 63. Русскій расколъ старообрядчества Щапова, кн. III. Находящіяся у насъ рукописныя извѣстія о заволжской раскольничьей колонизаціи, мы сообщимъ въ подробномъ обзорѣ русской колонизаціи. Исторія выговской пустыни, изд. Кожанчикова о поморской раскольничьей колонизаціи.

умственномъ движеніи массъ, напримѣръ—въ согласіи бѣгуновъ, или странниковъ, отрицающихъ прочную гражданскую осѣдлость и проповѣдующихъ «странство» по бѣлу свѣту, выразилась въ народныхъ пѣсняхъ о раздольныхъ степяхъ, о разгулѣ буйныхъ, добрыхъ молодцевъ по степямъ саратовскимъ и т. п. И только на огромныхъ пространствахъ Россіи, путемъ странничества, скрытія и бѣгства, могла распространиться земледѣльческая колонизація. Такъ основались раскольничьи и земледѣльческія поселенія на огромныхъ волокахъ, за лѣсами, озерами и болотами сѣвернаго Поморья, въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ Заволжья, въ лѣсахъ Стародубенскихъ, на Вяткѣ, въ юго-восточной степной Украйнѣ, по Хопру, Медвѣдицѣ, Тереку, Кубани, во многихъ мѣстахъ громадной Сибири, въ пограничныхъ горахъ Алтайскихъ и т. д. Во-вторыхъ, обширныя пространства, раздѣленныя рѣками, озерами, болотами и лѣсами, естественно обусловливали раздѣльность, раскидистость самой земледѣльческой колонизаціи, разбросанность и разрозненность поселеній. Каждая волость, колонизуясь на особой водной системѣ, на особой рѣкѣ, стремилась вслѣдствіе того быть *особно, опричь*, на томъ основаніи, что у ней *земля и вода въ раздѣлѣ* съ другими сосѣдними волостями [1]). Такимъ образомъ, по причинѣ огромнаго пространства русской земли, какъ отдѣльныя лица, крестьяне и посадскіе, такъ и цѣлыя общины, волости стремились къ простору, къ расходчивости, къ расплывчивости и, по характеристическому выраженію актовъ, постоянно *разбродились врознь*. Вся эта расходчивость, расплывчивость народонаселенія по широкому пространству земли, весь этотъ географическій, пространственный разгулъ и просторъ народныхъ силъ неизбѣжно повели къ такъ называемому *собиранію русской земли*, къ централизаціи, къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и къ крѣпостному праву надъ цѣлой половиной земледѣльческихъ поселеній — ямскихъ слободъ и селъ. Такими поселеніями колонизована была большая часть Великороссіи, по большимъ дорогамъ, и, особенно, громадныя пустыни Сибири [2]). Тамъ огромныя пространства и разстоянія невольно дали ямской, извозническій характеръ и всѣмъ прочимъ земледѣльческимъ поселеніямъ. Проѣзжая такія обширнѣйшія пустыни и степи сибирскія, какъ, напримѣръ, Бараба, при одномъ томительномъ видѣ огромныхъ равнинныхъ пространствъ, невольно чувствуешь всю географическую или пространственную естественность и необходимость ямскихъ, извозническихъ, земледѣльческихъ поселеній, какія и были устрояемы тамъ въ XVII вѣкѣ воеводами и московскимъ правительствомъ, въ XVIII столѣтіи — губернаторомъ Чичеринымъ [3]). Наконецъ, огромное пространство русской земли естественно обусловило болѣе экстенсивное развитіе и распространеніе агрикультуры и земледѣльческихъ поселеній, чѣмъ интенсивное, интеллектуальное. Такъ, экстенсивное земледѣліе господствуетъ и доселѣ въ плодоносныхъ и рѣдко населенныхъ степяхъ южной Россіи, въ сѣверо-восточныхъ малолюдныхъ и лѣсныхъ губерніяхъ, въ юго-западной Сибири и проч. [4]). При этомъ распространеніи земле-

---

[1]) Неволинъ, „О Пятинахъ и Погостахъ Новгород.", стр. 107 „Великорусскія области и смутное время", въ „Отеч. Зап.", 1861 г., № 10.

[2]) А. Ю., № 278, 294, актъ II, А. И. II, № 36, III, № 57. „Историч. обозр. Сибири" Словцова, 1838, I, 30; II, 41, 50—51.

[3]) Pallas, „Reise", Th. III, Buch II, S. 462 и слѣд. „Истор. обозр. Сибири" Словцова ч. II. Дополн. къ А. И., т. V, №№ 68, 89. А. И., II, 81, 85.

[4]) Лепехинъ („Дневн. записки путеш.", ч. I, стр. 63) говоритъ: „Вмѣсто изсушенія болотистыхъ мѣстъ употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашенъ, который

дѣльческой колонизаціи, покореніе природы выражалось только въ выжиганіи лѣсовъ подъ нови. Балуемые просторомъ и обиліемъ земли, русскіе люди постоянно перемѣняли новь на новь, старые пашни и починки на новые и т. д. Полагаясь съ полнѣйшею безпечностью на пространственное обиліе земель, не думали о результатахъ истощенія ихъ качественнаго содержанія—плодородія, и безпощадно расхищали естественную продуктивную экономію почвы. При огромности пространства, умственныя и физическія силы поселенія не экономно и не производительно тратились въ пространствѣ. Въ теченіе 9 или 10 столѣтій, русскій народъ едва могъ справиться съ пространствомъ, завладѣть имъ всѣмъ, пройти его отъ Карпатовъ и Днѣпра до Восточнаго океана. Семь или восемь столѣтій онъ напрягалъ силы на одни географическія развѣдки и открытія, на пріисканіе новыхъ землицъ, на завладѣніе огромнымъ пространствомъ, на переходы, странствованія и блужданія по немъ въ качествѣ повольниковъ, гулящихъ людей, сибирскихъ странствователей, казаковъ и служилыхъ людей,—на одну росчисть, роздѣлъ лѣсныхъ пространствъ, на распространеніе починковъ, деревень, селъ, слободъ, посадовъ, сторожевыхъ и станичныхъ линій, становъ и ямовъ, остроговъ и зимовей и проч. На это народъ русскій потратилъ много силъ и времени въ ущербъ интеллектуальному развитію и умственнымъ занятіямъ. Оттого произошелъ его умственный застой. Такъ какъ экстенсивное земледѣліе выгоднѣе на низшихъ степеняхъ культуры, а интенсивное на высшихъ [1]), то оно заманивало земледѣльческія поселенія все дальше въ непочатые лѣса и на невоздѣланныя и никѣмъ еще не занятыя земли. При огромномъ пространствѣ пахатныхъ земель и при экстенсивномъ хозяйствѣ, земледѣльческія поселенія распространялись далеко и широко, но крайне бѣдно, разбросанно и рѣдко. И все-таки, по причинѣ огромности пространства, заселеніе всей русской земли шло весьма медленно и слабо. Напримѣръ, западную Сибирь, простирающуюся на 83.067,10 кв. м., въ теченіе 150 лѣтъ, населили только 23.256 человѣкъ, отъ 5 до 50 лѣтъ, и въ томъ числѣ только до 19.000 приходится на земледѣльческія поселенія всей огромной Западной Сибири [2]). «Имѣетъ ли и нынѣ Россія,— говоритъ Мордвиновъ,—достаточное число рукъ для обработанія и приведенія въ урядство всей обширности земель ея! На главной въ Россіи дорогѣ, между двумя столичными городами, мы встрѣчаемъ селенія въ 15-ти и 20-ти, города же въ 180-ти

новиною называютъ... Такого распространенія пашни во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки: ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко выгораютъ обширныя палестины лѣса". Палласъ (Reise, III, S. 6 и 7) такъ описываетъ сибирское экстенсивное распространеніе хлѣбопашества: „Bliben die meisten Aecker, wenn man sie nur ums dritte Iahr brach löst, zehn, fünfzehn und mehr Iahre tragbar. Nimmt alsdenn die Fruchtbarkeit ab, so hat der Bauer schöne Bergflächen und Steppe genug, wo er ein neues Stück zurichten kann. Dieses pflegt gemeiniglich glich nach der Sommersaat zu geschehen, da man das wilde Feld im Aufang des Junius zuerst aufreist, die Wurzeln untiregget und mit Ausgang des Monaths nochmals überpflügt; wodurch ein neues Land (Salog), nachdem es den Iulius hindurch gelegen schon im August zur Wintersaat geschickt ist, welche nur unterregget werden darf.; oder man sät auch im nächstfolgenden Frühling Waizen darauf, in welchem Fall der neue Acker aber nochmals umzupflügen ist. Denn Winterwaizen hat man noch in ganz Sibirien nicht, ohngeachtet er im Kasanischen und an der Kama so gemein und nützlich ist. Nach der ersten Erndte lässt man einen solchen Acker (Perelog) den Winter hindurch ungepflügt ruhen und sät gleich das folgende, so wie auch im dritten Iahre irgend ein Sommergebrach liegen und besät solche Brachäcker (Pary) erst wieder in Herbst oder auch im Frühling des folgenden Iahres." etc.

[1]) W. Roscher, „Syst. d. Wolkswirth" B. II, S. 89—91. Онъ приводитъ числовой примѣръ, между прочимъ, изъ сибирскаго экстенсивнаго земледѣлія.

[2]) „Географ. Вѣстникъ", т. XXIX, отд. II: „Свѣдѣнія о числѣ жителей въ западной Сибири въ половинѣ XVIII столѣтія", стр. 207—235.

верстахъ, и сіи послѣдніе едва ли имѣютъ жителей по 10 тысячъ человѣкъ. Между селами и деревнями, по обѣимъ сторонамъ дороги, лежатъ еще пространныя болота, видны лѣсная дичь и тощіе пески и проч.» [1]). И теперь, въ Сибири, на пространствѣ 260.441,5 кв. м., на 1 кв. милю приходится только около 16 человѣкъ, въ томъ числѣ: въ Западной Сибири, на протяженіи 83.067,10 кв. м. приходится только 36 человѣкъ на 1 кв. м., а въ Восточной Сибири на пространствѣ 177.374,4 кв. м. всего только 7 человѣкъ причитается на 1 кв. м. И въ Европейской Россіи пространство большею частію еще преобладаетъ надъ численностью населенія: на 1 кв. м. приходится еще только около 646 человѣкъ, въ томъ числѣ — въ Архангельской губерніи, при 16.025,39 пространства, только 17 жителей приходится на 1 кв. м., въ Олонецкой губерніи, на пространствѣ 2.705,98 кв. м., 107 человѣкъ на 1 кв. м., въ Оренбургской губерніи, при 6.917,31 кв. м. пространства, 290 человѣкъ на 1 кв. м., въ Пермской губерніи, на протяженіи 6.050,12 кв. м., приходится только 338 человѣкъ на 1 кв. м. [2]).

Вѣковое преобладаніе лѣса надъ полемъ, хлѣбородной земли надъ нехлѣбородной было естественною причиной преобладанія деревенской земледѣльческой колонизаціи надъ торгово-промышленной, городской, лѣниваго, бѣднаго и крѣпостного населенія надъ развитіемъ энергическихъ, богатыхъ, свободныхъ и раціональныхъ промышленныхъ ассоціацій, лѣсной дикости умовъ и нравовъ надъ гражданской интеллигенціей и цивилизаціей. «Въ первобытной дичи лѣсовъ, — говоритъ Риль, —пашетъ первый поселенецъ: онъ производитъ противоположность лѣса и поля, и съ этимъ вмѣстѣ начинается выходъ земли и людей изъ состоянія первобытной, животной естественности. Только тамъ, гдѣ есть поле и лѣсъ, начинается твердая осѣдлость, и только тамъ почва образуетъ даже основу, грунтъ органическаго общественнаго состоянія. Позднѣе изъ всеобщей формы поселенія происходитъ противоположность города и земли. Отсюда происходятъ соціальныя революціи, новые толчки въ естественной жизни народовъ» [3]). На русской землѣ, до начала земледѣльческой колонизаціи и долго послѣ нея, были почти сплошные, дремучіе, непроходимые лѣса дѣвственные. Лѣсъ до XVI вѣка еще рѣшительно преобладалъ надъ полемъ и одолѣвалъ рабочія землеустроительныя силы земства. Герберштейнъ въ XVI вѣкѣ еще около самой Москвы видѣлъ кругомъ огромные пни, свидѣтельствовавшіе о только что срубленномъ лѣсѣ, а чѣмъ далѣе онъ подвигался на юго-западъ и, особенно, на сѣверо-востокъ, тѣмъ больше и больше изумлялся обилію дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, сквозь которые еще не проложены были даже пути и тропинки. Кругомъ онъ видѣлъ лѣса темные, непочатые, земли невоздѣланныя, болота непроходимыя [4]).

---

[1]) „Чтеніе общ. ист.“, 1859 г., кн. III.

[2]) Кольбъ, „Руков. къ статист.“ I, стр. 165—168.

[3]) W. H. Riehl, „Land und Leute“. Stuttg., 1861. S. 63. In der Urwildniss rodet der erste Siedler: er schafft den Gegensass von Feld und Wald und hebt damit das Verhältniss von Land und Leuten über die Linie der uranfänglichen bestialischen Naturlichkeit. Nur wo Feld und Wald ist, da ist feste Siedelung, da bildet der Boden selbst den Grund organischer Geseleschaftszustände. Später hebt sich aus der allgemeinen Form der Sidelung der Gegensass von Stadt und Land heraus. Hiermit kommt eine sociale Revolution, ein neuer Umschlag im Naturleben des volkes.

[4]) На сѣверо-западъ отъ Москвы, по словамъ Герберштейна, coetera sylvae magnae vastae que cingunt. По рѣкѣ Москвѣ на юго-востокъ также ingentes occurunt sylvae („Rerum moscovit.“, p. 65). Здѣсь и русскіе путешественники, по словамъ жизнеописанія Макарія Унженскаго и Желтоводскаго, проходили внутреннею пустынею и непроходимыми блаты, и бѣ мало отъ живущихъ ту во всѣхъ и въ пустыняхъ лѣсныхъ водились цѣлыя стада лосей

И видно, что много еще было лѣсовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, когда судебники установляли различіе между лѣсными и безлѣсными мѣстами, на основаніи разстоянія жилья отъ строевого лѣса на 10 или менѣе верстъ кругомъ. Деревня, отъ которой лѣсъ былъ хоть верстою дальше 10, признавалась уже безлѣсною, *въ полѣхъ*. Подъ лѣсами находилась почти повсемѣстно почва въ высшей степени хлѣбородная, и хлѣбородность ея тѣмъ болѣе была заманчива для земледѣлія, что лѣто въ Россіи бываетъ теплое, даже жаркое. «Какъ сильны бываютъ морозы,— говоритъ Олеарій,—такъ же велики бываютъ и жары въ лѣтнее время. Русская земля, при плодоносной, добротной почвѣ, не требующей большой обработки, чрезвычайно плодородна (исключая нѣсколькихъ миль песчаной земли, находящейся въ окрестностяхъ Москвы) и даетъ въ изобиліи рожь и пшеницу, несмотря на то, что на всемъ пространствѣ своемъ пустынна и болотиста: по большей части покрыта она кустарникомъ и лѣсомъ, въ особенности же сосновымъ и еловымъ лѣсомъ и орѣшникомъ»[1]). При такомъ преобладаніи лѣсовъ въ древней Россіи надъ полемъ, и хлѣбородной земли надъ безплодной, естественно, лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація должна была преобладать надъ колонизаціей полевой, торгово-промышленной, городской, и при томъ долго должна была имѣть характеръ *займищный* и *починочный*. Въ самомъ дѣлѣ, когда кругомъ и повсюду виднѣлись передъ глазами одни дремучіе, дикіе, непочатые лѣса и подъ ними — дѣвственная хлѣбородная почва, — о чемъ было тутъ прежде всего и естественнѣе всего думать, что дѣлать, чѣмъ жить? Невольно нужно было прежде всего съ топоромъ, косой и сохой пробиваться сквозь непроходимые, безпредѣльные лѣса, занимать удобныя мѣста въ пашенныхъ лѣсахъ, лѣсъ рубить, ронить и чистить, пашни распахивать и изъ срубленныхъ *деревьевъ* строить *деревни*, заводить на займищахъ починки. И дѣйствительно, въ этомъ состояла вся первоначальная, архитектоническая и вѣковая работа русскаго народа и вся колонизаціонная обстройка русской земли. Вcѣ, по словамъ актовъ, лѣсъ рубили, ронили, чистили, пашни распахивали и посажали, поставляли въ лѣсахъ только починки и деревни. Вездѣ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, естественно, ставились только деревни и села. Въ самыхъ лѣсистыхъ сѣверныхъ областяхъ ставилось почти за разъ починковъ по 300. Лѣсъ давалъ и мѣсто, и строевой матеріалъ, и пашню, и названіе всѣмъ первымъ поселеніямъ: отъ деревьевъ лѣсныхъ поселенія названы были *деревнями*, а поселенцы *деревенщиками*, многія деревни и села назывались *лѣсками*, *борами* и т. п. Однимъ словомъ, лѣсъ составлялъ первоначальное основаніе всего земскаго строенія. И потому, лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка, преобладала надъ полевою, городскою,

и оленей („Сборн. Соловец. библ.". № 817, л. 420—424). Даже тѣ юго-западныя отъ Москвы области, которыя издавна были путемъ и средоточіемъ колонизаціи, двигавшейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, даже область Черниговская и Новгородо-Сѣверская, по словамъ Герберштейна, vastos desertos que passim campos habet, а около Брянска—Sylvam ingentem (p. 68, 61). А на сѣверо-востокѣ Герберштейна кругомъ поражали дремучіе, непроходимые, сплошные лѣса. Напримѣръ, о пути на Бѣлоозеро онъ говоритъ: Via (per quam ex Moscovia iter Bieloiesero) propter crebras paludes et sylvas fluviis obsitas... Accedet ad hanc itineris difficultate, ut propter crebras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios, loca inculta sint, nullisque civitatibus frequentata, etc. (p. 77). Объ областяхъ Вологодской, Двинской и Вятской онъ тоже говоритъ: Regio tota palustris et sylvestris est, unde fit, ut exactam itineris ratione propter crebras paludes et fluviorum anfractus, hoc quoque in loco viatores observare non possent. Quo enim magis progrediare, hoc pluves et in viae paludes fluvii ac sylvae occurant, etc. („Rer. Moscov.", p. 79, 80).

[1]) Олеарій. „Архивъ". 1859 г., кн. III, стр. 13, 16.

торгово-промышленною колонизацією. И это было естественно. Когда всѣ умственныя и физическія силы народа устремлены были въ лѣса, на борьбу съ лѣсною природою, на самую первоначальную, починочную работу — на расчистку изъ-подъ лѣсовъ мѣстъ для поселенія и хлѣбопашества, для «сидѣнья и кормленья», — могли ли тогда развиваться гражданскія, индустріальныя способности, понятія и стремленія? И гдѣ, въ этотъ первоначальный, займищный, починочный періодъ культуры и колонизаціи могли развиваться умственныя, индустріальныя понятія, потребности и силы, откуда могло развиться разнообразіе труда и производства, въ какой сферѣ долженъ былъ вращаться живой оборотъ труда и капиталовъ, когда кругомъ синѣлись и чернѣлись лѣса темные, дремучіе, непроходимые, прерываемые только болотами, озерами и рѣками,—и въ дикой, дремучей глуши этихъ лѣсовъ тутъ-индѣ распахивались починки и деревни на «лѣсѣхъ», и тамъ-индѣ, рѣдкими и раздѣльными, черезполосными дачами виднѣлись среди лѣсовъ такъ называемыя черныя, или общинныя, и бѣлыя, или вотчинныя, волости! Въ тѣ архитектоническія, основоположительныя времена, когда русскіе люди, идя на новоселье — на сѣверо-восточныя земли и всюду встрѣчаясь только съ лѣсами дремучими и непроходимыми, и подъ лѣсами всюду находя обширныя полосы дѣвственной, непочатой хлѣбородной почвы, естественно, прежде всего должны были позаботиться о пищѣ, о хлѣбѣ насущномъ и о сѣдѣньяхъ или жилищахъ. И вотъ, они и заняты были главнымъ образомъ тѣмъ, что завоевывали у лѣсовъ хлѣбородную землю и «мѣста для дворовъ, для починковъ и деревень», распахивали пашни и ставили свои хлѣбныя деревни. И вотъ одна изъ естественныхъ причинъ, почему деревни въ Россіи, какъ и вездѣ въ лѣсистыхъ странахъ, гораздо древнѣе городовъ и ихъ устроено было несравненно больше, чѣмъ городовъ. На огромныхъ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ пространствахъ не было ни одного города: по словамъ Герберштейна, propter sylvas, loca acultu sint, nullisque civitatibus frequentata [1]). Въ XVII в. Олеарій насчитывалъ въ Россіи только 18 большихъ городовъ, а деревень нашелъ безчисленное множество. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ города особенно необходимы были, какъ военно-стратегическіе или административно-финансовые центры, ихъ было весьма мало, сравнительно съ земледѣльческими, деревенскими поселеніями. Напримѣръ, въ Вотской пятинѣ, гдѣ по причинѣ частыхъ нападеній шведовъ, а прежде чуди, города необходимы были какъ военно-стратегическіе пункты, было всего только три плохихъ города, и тѣ возникли не путемъ торговли и ремесленности, а построены были князьями, между тѣмъ, какъ деревень тамъ было до 2.710 и въ нихъ до 6.295 дворовъ. Во всей Западной Сибири, на протяженіи 83.06710 кв. м., въ половинѣ XVIII столѣтія, городскихъ жителей считалось только около 4.400, и тѣ состояли изъ разночинцевъ, занимавшихся главнымъ образомъ земледѣліемъ, между тѣмъ крестьянъ было около 19.000. Въ XVII вѣкѣ сами сельскіе жители чувствовали недостатокъ городовъ, жаловались, что села ихъ отдалѣли отъ городовъ, и имъ въ зимнюю и лѣтнюю пору для своихъ нуждъ выѣхать для торгу некуда, «отъ городовъ отдалѣли, купить и продать ничего нельзя» [2]). Да и вообще, города въ древней Россіи нельзя считать городами въ европейскомъ смыслѣ, т. е. ассоціаціями индустріальной дѣятельности, торговъ промышленнаго и ремесленнаго труда, и т. п. Они имѣли основу или правительственную—администра-

[1]) „Rer. Moscov.“, p. 77.
[2]) А. Э., т. IV, № 95.

тивную и военно-стратегическую, какъ острога, или, большею частію, тоже, какъ села—земледѣльческую. «Кто бывалъ въ отдаленныхъ нашихъ городахъ, — замѣчаетъ Лепехинъ, — тотъ знаетъ, что купецъ вмѣстѣ и пахарь» [1]). Города стали нѣсколько развиваться у насъ не раньше, какъ послѣ городового положенія Екатерины II. И тогда они, однакожь, не стояли прочно; многіе города были упразднены или сдѣлались заштатными вскорѣ послѣ основанія; а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Соликамскъ, даже чуть не бунтовски отстаивали свой первобытный, земледѣльческій, сельскій типъ. Хотя Екатерина II и создала вновь изъ селъ не одну сотню искусственныхъ городовъ, все-таки численность земледѣльческихъ поселеній преобладала надъ числомъ городовъ, и города на русской землѣ плохо развивались, потому что земледѣльческія наклонности народа преобладали надъ индустріальною интеллигенціею. «Въ Россіи, —писалъ Мордвиновъ, —18 милліоновъ мужского пола сѣютъ хлѣбъ, чтобы прокормить 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителей. Въ Англіи изъ всего народонаселенія $^1/_3$ упражняется въ сельской работѣ, когда, напротивъ, въ Россіи $^8/_{10}$ пашутъ землю, живя въ деревняхъ. Можно не обинуясь сказать, что Россія отстала отъ прочихъ народовъ въ обогащеніи потому, что предпочитала доселѣ сельскія занятія городской промышленности» [2]). И доселѣ городовъ въ Россіи еще весьма мало, и большая часть изъ нихъ еще не отрѣшилась отъ сельскаго земледѣльческаго элемента. Земледѣльческія поселенія слишкомъ преобладаютъ надъ городскими. Сельскихъ поселеній, по статистическимъ таблицамъ за 1856 г, считалось 305.439, а городовъ 678 [3]).

Преобладаніе лѣса надъ полемъ, почвъ лѣсныхъ, непочатыхъ надъ почвами расчищенными и воздѣланными обусловило также развитіе частной земледѣльческой колонизаціи и происхожденіе вотчинныхъ и потомъ крѣпостныхъ, земледѣльческихъ поселеній. Уже въ періодъ лѣсныхъ, охотничьихъ, звѣроловныхъ поселеній, когда славянскіе племена, по словамъ лѣтописи, «жили въ лѣсахъ звѣринскимъ образомъ», — лѣса, развивая звѣроподобную, хищническую и разбойничью жажду добычи, обусловливали, вмѣстѣ съ тѣмъ, неравенство развитія мышечныхъ и умственныхъ силъ дикихъ лѣсныхъ жителей въ борьбѣ съ звѣрями и въ хищническихъ набѣгахъ, а оттуда неравенство добычи, достатка, средствъ. На переходѣ изъ лѣсного звѣроловческаго состоянія къ земледѣльческой колонизаціи, когда лѣса, хлѣбородныя земли подъ лѣсами всѣхъ манили на займища и починки, на роздѣлъ, росчисть и распашку лѣсовъ, для того, чтобы быть сытымъ, богатымъ и домовитымъ, — естественно, уже съ самаго начала не всѣ имѣли одинаковыя силы и средства для того, чтобы завоевать у лѣсовъ хлѣбородныя земли. Возникшее еще въ періоды лѣсной, звѣроловческой жизни естественное неравенство наловленной и награбленной добычи родами предыдущими, старѣйшими, уже имѣло вліяніе и на наслѣдственную зажиточность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліятельность родовъ послѣдующихъ, «молодшихъ», и, слѣдовательно, на общее неравенство силъ и средствъ. Явились, такимъ образомъ, люди *лучшіе*, *старѣйшіе*, *житьи* или житѣйскіе, т. е. зажиточнѣйшіе и богатѣйшіе, и люди *меньшіе*, *худшіе, моладшіе*, т. е. бѣднѣйшіе. Богатѣйшіе иначе назывались въ старину *большими* и *сильными* Та-

[1]) „Дневн. зап.“, I, 92.

[2]) „Чтен. М. Общ. Ист.“ 1860 г., кн. I, отд. V, стр. 29—32.

[3]) Quetelet, „Sur l'homme et le developpement de ses facultés“, 1836, t. II, p. 151. Кольбъ, „Статист,“ I, 186. W. Roscher, „Syst. d. Volkswith“. I, s. 112, 113—114. II, s. 56.

кимъ образомъ, естественно, и земледѣльческая борьба съ лѣсами. по равенству силъ и средствъ, должна была быть не равная. Потому-то и владѣніе землею называлось *силою и посильемъ*, опредѣлялось и ограничивалось только мѣрою силъ, трудовъ и средствъ поселенцевъ, почему и говорилось и писалось: «куда топоръ, коса и соха ходили», или «сколько силы было», т. е. сколь далеко хватали средства и труды владѣльцевъ, займовщиковъ земель, дотолѣ простиралось и поземельное владѣніе, *посилье*; за чертою труда, за мѣрою силъ прекращалось владѣніе, займище и поселеніе. Неравенство силъ и средствъ, какія требовались для борьбы съ лѣсною природою, для завоеванія у лѣсовъ хлѣбородныхъ земель, тѣмъ больше и ощутительнѣе являлось, чѣмъ дальше и глубже забиралась колонизація и культура въ сѣверо-восточные лѣса, чѣмъ больше требовалось со стороны поселенцевъ энергіи, силъ, средствъ и рабочихъ рукъ для расчистки лѣсовъ подъ пашни и деревни. Кто имѣлъ силы и средства большія, капиталъ для найма рабочихъ рукъ, лишнія земледѣльческія орудія—топоры, косы, сохи и т. п., тѣ, естественно, больше захватывали лѣсовъ и расчищали ихъ подъ пашни и дворы или деревни. Лѣса и земли, особенно въ русскомъ климатѣ и при первобытномъ состояніи русскаго общества, представляли сырой, безплодный матеріалъ, не могущій прокормить своего владѣльца, если бы онъ не употребитъ на нихъ своего труда и капитала. Дикій лѣсъ, дикую землю, какіе первоначально были сплошь и рядомъ, прежде всего нужно было расчистить, а потомъ воздѣлать и засѣять, чтобы она дала хлѣбъ; а для воздѣланія нужны рабочій скотъ, «животина страдная» и орудія, а для засѣянія готовыя сѣмена, и, сверхъ того, нужно имѣть готовый хлѣбъ, которымъ бы кормиться, пока земля принесетъ свой плодъ, и готовую избу, дворъ или, по крайней мѣрѣ, подмогу для постройки новой избы, либо для покупки на торгу готоваго избнаго сруба и для заведенія первоначальнаго домашняго обихода. А всего того бѣдные люди, очевидно, не могли пріобрѣсти, не имѣвши скопленнаго капитала. Въ тѣ времена крайней экономической неразвитости и бѣдности [1]), при неразвитости даже кузнечнаго искусства,—тысячи бѣдныхъ людей не имѣли и не могли завести топора, косы и сохи [2]), чтобы срубить лѣсъ, расчистить и распахать пашни и срубить избу и, такимъ образомъ, самостоятельно завести починокъ или поселье въ лѣсу, на нови. И вотъ, не имѣя рѣшительно никакой возможности справиться съ лѣсомъ, для того, чтобы, распахавши пашню, добывать свой хлѣбъ насущный и обстроиться своимъ дворомъ,—бѣдняки волей неволей должны садиться на чужой землѣ, «поряжаться во крестьяне» къ богатымъ собственникамъ землевладѣльцамъ, для того, чтобы имѣть

¹) Чтобы судить, до какой степени бѣдны были многіе русскіе люди, изъ-за какихъ ничтожныхъ денегъ закабаляли свои рабочія силы па службу и работу при дворахъ зажиточныхъ и сильныхъ людей „по свой животъ“, см. дѣла о записке въ кабалу. „Акты, относ. до юрид. быта, изд. Калачевымъ, № 93, стр. 594—602.

²) Юрій Крижаничь писалъ о недостаткѣ земледѣльческихъ орудій даже въ XVII вѣкѣ. „Наши люди, якоже во многихъ иныхъ промыслѣхъ, разумомъ недалеко досягаютъ, такъ и въ земли тетанію (въ земледѣліи) многу скудость разума и лѣность за неработливость свою сказуютъ. Тежаки бо наши посудія и орудія или нѣмаютъ съ потребу, или нечисто, тупо, некорыстно, нестройно, непригодно оно имѣютъ. Державники (воеводы) уѣздны или областные намѣстники да держатъ всякое орудіе на продажу, и да продаютъ его кметамъ безъ прибыли, по указной цѣнѣ, вѣрно и по вѣсу, т. е. ножи, серпы, косы, мотыки (лопаты), заступы, рала, топоры, млаты, клещи, оскорды (скребки), скобли, треэубы, зубачи, вилы“ и проч. Далѣе Юрій Крыжаничь подробно говоритъ о томъ, какъ недостатокъ и несовершенство земледѣльческихъ орудій отнимало у нашихъ крестьянъ и время, и возможность выгодныхъ работъ, и проч. См. раздѣлъ III, стр. 150 и слѣд.

товый дворъ, избу, рабочій скотъ и даже денежную подмогу или ссуду [1]). А на омъ и основывалась земледѣльческая, вотчинная колонизація, создавшая впослѣдвіи обширныя крѣпостныя, земледѣльческія поселенія. Богатые люди, землевлаільцы-собственники, князья, бояре, дѣти боярскія, владыки, игумены, имѣя всѣ едства и силы, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, капиталы,—вдоволь заниіли огромныя лѣсныя пространства кому сколько угодно было и возможно; и бѣдіе, вольные. охочіе люди, не имѣвшіе ни топора, ни косы, ни сохи, ни кола, і двора, ни рабочаго скота, невольно шли къ нимъ на эти лѣсныя пространства, лучали орудія, деньги на заведеніе скота и проч., и устроялись на ихъ отводіхъ лѣсныхъ земляхъ или дачахъ дворами въ вотчинныя, землевладѣльческія деівни. Поряжаясь во крестьяне и получая вспомогательныя средства, бѣдные вольіе охочіе люди обязывались: 1) срубить лѣсъ, расчистить мѣсто для поселья, эставить дворъ съ городьбою и хоромами, или починить старые дворы и хоромы, кихъ у богатыхъ землевладѣльцевъ бывали настроены или наготовлены цѣлыя ревни, срубить избу, клѣть, хлѣвъ и сѣнникъ, мшанникъ, гумно, мыльню или шю; 2) расчистить изъ подъ лѣсу и распахать пашню, пожни или покосы очиітить, луга и огороды огородить и *земли впустѣ не оставлять*, т. е. должны засѣять или засадить; 3) до срока никуда на другую росчисть или землю не ходить, ни въ *княщину*, за князя, ни въ *боярщину*, за боярина, ни въ *монастырщину*, на земли монастырскія, и никуда *неотыматься*: ни въ казачево, ни въ стрѣлечество и, вообще, до срока быть *крѣпкимъ владѣльцу* и іть у него въ послушаніи. Такимъ образомъ, быстро расчищались лѣса, разратывались пашни и обстраивались села и деревни земледѣльческія, вотчинныя, мѣстныя. И когда, въ главныхъ частяхъ, кончилась починочная вырубка лѣсовъ основоположительная, архитектоническая постройка землевладѣльческихъ селъ и ревень, —тогда кончилась и *вольнымъ воля*, и богатырскому, землеустроительму крестьянству, за его вѣковую *страдомую работу*, воздано было крѣпостмъ правомъ, и грустно увѣковѣчилась пословица: *вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!*

V.

Изъ всего предыдущаго очерка видно, что естественныя силы и условія сцѣло преобладали надъ умственными усиліями, средствами и основами нашихъ млѳдѣльческихъ поселеній. Въ устройствѣ и географическомъ распространеніи ъ не видно умственной дѣятельности, знанія, а вездѣ явственно отпечатлѣлось еобладаніе физическихъ законовъ и непосредственныхъ вліяній природы русской мли. Во-первыхъ, въ дѣлѣ распространенія земледѣльческой колонизаціи и льтуры недоставало самаго главнаго—разумнаго и подробнаго землевѣдѣнія. До

[1]) См. „Порядныя во крестьянство", въ „Акт. Юр." и въ „Акт., относ. до юридич. быта": ъ много. Для образца мы здѣсь приведемъ одну: „Се азъ Иванъ Кондратьевъ сынъ ільшаковъ въ нынѣшнемъ 199 году, Декабря въ 5 день, далъ я на себя сію ссудную зась стольнику Ивану Григорьевичу Неропову, а взялъ я у него на ссуду десять рублевъ, на тѣ ссудныя деньги мнѣ Ивану завесть лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и всяй крестьянской заводъ, и съ тѣмъ крестьянскимъ заводомъ жить мнѣ Ивану, за нимъ сударемъ своимъ Ив. Григорьевичемъ во крестьянствѣ, гдѣ онъ государь мой укажетъ". проч. „Акт., относ. до юрид. быта", № 94.

Петра Великаго, когда собственно и совершалась разработка и обстройка русской земли, — народъ нашъ, по словамъ Петра, не зналъ ни земли, ни воды своей. Правительственныя описи—земляные списки, писцовыя, окладныя и другія книги, только отрывочно и крайне поверхностно измѣряли и описывали «земли орамыя, земли добрыя, середнія и худыя, лѣса пашенные и непашенные». Раціональнаго, научнаго знанія почвъ и климата русской земли не было ни у народа, ни у самаго правительства [1]). Отсюда проистекали весьма частыя ошибки въ выборѣ мѣстъ для земледѣльческихъ поселеній. Несмотря на обиліе хорошихъ, хлѣбородныхъ земель, поселенцы часто, по незнанію, селились на тощихъ земляхъ, и послѣ горько жаловались на безплодность своихъ полей. Большею частію земледѣльческая культура и колонизація шла наугадъ и на авось, безъ всякаго предварительнаго обслѣдованія и изученія почвы и климата выбираемой подъ заселеніе мѣстности. Отсюда, весьма нерѣдко случалось, что одни крестьяне выбирали и расчищали черный дикій лѣсъ, распахивали пашни, ставили починки, деревни и селились въ нихъ,—и земля выпадала на ихъ долю хорошая. А рядомъ, въ той-же области, цѣлая волость населялась на землѣ худой, безплодной. И не было точнаго знанія ея. Тогда какъ писцы находили въ этой волости много доброй земли, — сами землевладѣльцы жаловались на ея совершенную безплодность. Такъ, въ Вятской области, въ Хлыновскомъ уѣздѣ, въ Бобинскомъ стану, гдѣ было 209 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, по писцовымъ книгамъ 1629 г., было «пашни паханыя добрыя земли 48 четвертей съ четверикомъ, середней земли 464 чети, худой земли 24 чети». А землевладѣлецъ этого Бобинскаго стана въ 1670 году жаловался, что «тотъ Бобинскій станъ на Вяткѣ самый нужный,—земли боровыя, песчаныя, а не хлѣбородныя, и крестьяне кормятся отъ того, жгутъ смолу и уголья на продажу, а не отъ пашенъ» [2]). Крайней недостатокъ разумнаго плана и направленія русской земледѣльческой колонизаціи и культуры, между прочимъ, довольно наглядно обнаружился въ томъ характеристическомъ фактѣ, что вмѣсто наиболѣе обширнаго и энергическаго направленія къ югу, въ общирную полосу чернозема, въ область умѣреннаго климата, ближе къ поясу пшеницы, винограда и кукурузы, — наша земледѣльческая колонизація много вѣковъ, съ безплоднымъ и страдальческимъ напряженіемъ, устремлялась на сѣверъ, къ тундрамъ и Ледовитому морю. И мы, такимъ образомъ, не путемъ научнаго изслѣдованія, а путемъ горькой и неудачной крестьянской практики — *страдомой* работы, изъ ошибочнаго направленія и изъ напрасныхъ усилій нашихъ земледѣльческихъ поселеній узнали границы земледѣлія на сѣверѣ Россіи, напримѣръ, на р. Сосвѣ въ Першинскихъ юртахъ, въ Реполѣ при Иртышѣ, на Пелымѣ въ Атимье-паулѣ, на Кондѣ въ Шаимѣ, близъ Пузяима и по близости

---

[1]) Извѣстный писатель царствованія Алексѣя Михайловича, Юрій Крыжаничь, первый высказалъ правительству, еще только какъ pium desiderium, мысль о необходимости изслѣдованія естественно-производительныхъ силъ руской земли. Онъ писалъ: „Добро-бы было выслать углядниковъ (дозорщиковъ, наблюдателей) по всему царству; или паче державникамъ (областнымъ начальникамъ, воеводамъ) заповѣдать: да бѣху обыскавали и отвѣдовали и обличали, гдѣ ся буйно (хорошо, обильно) родитъ, либо родиться можетъ кое жито, зелье, древве или былье, якоже: ленъ, конопле, хмѣль, медъ, главатица, лукъ и иное“ („О моск. госуд.“, розд., III, стр. 44). Петръ В. предписывалъ Камеръ-Коллегіи, какъ средоточію *Земскаго Экономства*: „о состояніи, *натуръ и плодородіи* каждой провинціи увѣдомлятися, и стараться какъ-бы запустѣлыя земли заселить“. (П. С. З., № 3466).

[2]) „Дополн. къ А. Ист.“, т. IV, № 14, стр. 82.

гига, близъ устья Щугоры, при устьяхъ Ижмы и Цыльмы [1]). Незнаніе почвы климата постоянно и жестоко наказывало наши земледѣльческія колоніи за ми границами земледѣлія. Въ актахъ историческихъ часто встрѣчаются жалобы зерныхъ поселенцевъ на то, что они поселились «на украйнѣ, у студенаго оя, земля пришла каменистая, и стужа великая, и снѣги по вся лѣта мало одятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побиваетъ». Сѣверныя крестьянскія поенія, устроившіяся по указу правительства, большею частію были бѣднѣйшія. тъ, напримѣръ, челобитная крестьянъ Пустозерскаго острога, 1667 года: «бьютъ юмъ сироты, Пустозерскаго острога бѣдные осталые Пермяченка отъ разброду, хлѣбнаго голоду, сотской и всѣ крестьяне: мы бѣдные людишка бѣдны и хлѣбные и безоленные, что было оленишекъ осталыхъ отъ прежнихъ самоядцкихъ бежовъ, и тѣхъ достальныхъ самоядъ всѣхъ отгонили... Для рыбныхъ и бѣжьихъ промыслишковъ не ходимъ на море, и судовъ у насъ морскихъ, ло- і и кочей нѣтъ, что дѣлать не умѣемъ и не изъ чего, лѣсу нѣтъ, мѣсто ядряное», и проч. [2]). Или посмотрите на крестьянскія поселенія, напримѣръ, пути отъ Соликамска до Чердыни: вся страна кажется безплодною и жители дны. Во многихъ мѣстахъ деревни состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, да и большая часть изъ нихъ, а иногда и всѣ пусты: бѣдные обитатели ихъ переились въ другіе уѣзды губерніи, особенно въ Осинскій, и заняли тамъ земли. и тутъ, не умѣя выбрать хорошія земли, или посредственную почву сдѣлать статочно-хлѣбородною, переселенцы принуждены бываютъ оставлять новыя свои лища и вести полукочевую жизнь [3]). Что значитъ умъ въ борьбѣ съ приро- й на крайнемъ сѣверѣ Россіи,—показываютъ, между прочимъ, наши туруханя колоніи духоборцевъ и разныхъ другихъ ссыльныхъ поселенцевъ. Духоборцы, словамъ Кастрена, живущіе умно in dem geräumigen Tempel der Natur и личающіеся примѣрнымъ трудолюбіемъ, - - сумѣли домовито устроиться и въ суровомъ климатѣ, и на безплодной почвѣ Туруханской ледовитой тундры, за предѣлами земледѣлія, кончающагося на Енисеѣ въ дер. Вороговой въ Анцыферовой волости. Они сумѣли развести здѣсь даже сады съ хорошими корнеплодми растеніями, съ макомъ, съ астрами, съ гераніями и проч. Между тѣмъ, угіе русскіе ссыльные колонисты, кромѣ кое-какихъ плохихъ жилищъ, ничего могли завести, не умѣли, подобно духоборцамъ, успѣшно заниматься культуй и оставались безысходными страдальцами суровой сѣверной природы и своей счастной доли. Само правительство, для своихъ цѣлей заселяя пустыя мѣста, гроя крестьянъ въ села и слободы, большею частію наугадъ и ошибочно водило имъ земли на заселеніе и въ мѣстностяхъ крайне невыгодныхъ, непроводительныхъ. Такъ, напримѣръ, самаровскихъ ямскихъ охотниковъ, пашенныхъ естьянъ, «посадили подъ самаровскими горами, на дальнемъ пустомъ мѣстѣ пашенномъ» [4]). Таковы же всѣ сѣверныя поселенія, вродѣ жалкихъ деревешекъ Пустозерскихъ, Обдорскихъ, Березовскихъ, Туруханскихъ, Нижне-Колымскихъ т. п. Въ Сибири, гдѣ производилась спеціальная земледѣльческая колонизація, авительство поручало воеводамъ составлять росписи и чертежи пашеннымъ мѣ-

[1]) „Записки рус. географ. общ." 1849 г., кн. III, стр. 165—166.
[2]) „Дополн." V, № 35, стр. 172.
[3]) „Зап. Географ. Общ." 1853 г., кн. VII. „Дневн. Латкина въ Печорѣ въ 1840—1843 г.", стр. 6.
[4]) „Дополн." IV, № 96.

стамъ [1]). Но росписи эти составлялись небрежно, наугадъ, невѣрно. И въ наше время иногда весьма неудачно отводились земли для поселенія крестьянъ, напримѣръ, на Аянѣ и на Амурѣ: многіе переселенцы перемерли, а другіе назадъ возвращались, остальные бѣдствовали. Какъ русскіе крестьяне, такъ и иноплеменные колонисты, отъ незнанія сибирскихъ мѣстностей и почвъ и отъ неправильнаго указанія земель мѣстнымъ начальствомъ, часто должны были долгое время блуждать безпріютно по пустынямъ Сибири. Такъ, колоніи ссыльныхъ лютеранскаго исповѣданія испытали такія бѣдственныя странствованія по пустынямъ Минусинскаго округа. Напримѣръ, 5 семействъ изъ нихъ, со скотомъ, почти цѣлое лѣто, въ 1847 году, тянулись на отведенную имъ землю, въ 200 верстахъ ниже Минусинска, вблизи Енисея. И что-же увидѣли, когда пришли? На первыхъ порахъ эти несчастные нашли голые, скалистые берега Енисея, испытали продолжительныя бури надъ безлѣсною мѣстностью, увидали тощую и негодную степную траву, убѣдились въ недостаткѣ удобной земли и строеваго лѣса, словомъ, послѣ перваго обзора мѣстности, они пришли къ тому убѣжденію, что имъ предстоитъ лишь возможность поддержать свое жалкое существованіе единственно рыбной ловлей. Это обстоятельство вынудило путешественниковъ направиться на югъ, и опять, въ тоскѣ и неизвѣстности, блуждали они долгое время, все отыскивали землю плодородную, разбродясь только на зиму по русскимъ деревнямъ. Наконецъ, уже въ 1851 году, послѣ долгихъ, изнурительныхъ, безплодныхъ и разорительныхъ странствованій, они нашли искомую землю и поселились въ мѣстности, совершенно необитаемой, при рѣчкѣ Суэтукѣ [2]). Точно также каждое лѣто тянутся въ Сибирь безпрерывныя и длинныя вереницы горемычныхъ добровольныхъ переселенцевъ-крестьянъ,—и большая часть изъ нихъ идутъ туда на авось, безъ всякаго знанія почвъ, на которыхъ хотятъ селиться, или зная вновь искомыя и выбираемыя земли только по невѣрнымъ, обманчивымъ слухамъ и преданіямъ. Худо, что этимъ переселенцамъ не сообщаются предварительныя, подробныя и точныя свѣдѣнія о почвѣ и климатѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ можно селиться крестьянамъ, или куда они сами идутъ. На помощь имъ и вообще колонизаціи Сибири, у насъ какъ-то немыслимы ни компаніи, или общество колонизаціи, на подобіе французско-алжирскаго или англо-американскихъ, ни какіе-нибудь популярно-научные вѣстники землевѣдѣнія, которые бы распространяли въ народѣ точныя и подробныя знанія о русской и сибирской землѣ—знанія физико-географическія, климатическія, почвенныя или химическія и т. п.—Между тѣмъ, по причинѣ нераціональнаго выбора мѣстъ подъ населенія, — наши земледѣльческія колоніи часто жестоко страдали не только отъ вліяній климата и безплодья или истощенія почвъ, но и отъ другихъ мѣстныхъ физико-географическихъ вліяній. Не умѣя предотвратить разрушительныя дѣйствія природы, не зная средствъ противодѣйствовать сокрушительнымъ силамъ стихій, — наши поселенцы не всегда умѣли и устроиться разумно, предусмотрительно и прочно. Если не пожары, не бури, то весенніе разливы рѣкъ и наводненія нерѣдко разрушали или потопляли цѣлыя волости. Напримѣръ, въ 1679 году, пашенные крестьяне Чечуйской волости на Ленѣ жаловались: «въ 186 году, въ чечуйскомъ острожкѣ, судомъ божіимъ, вешнею водою, дворенка ихъ льдомъ изломало, и скотишко, и хлѣбные

[1]) Ibid., II № 89, стр. 243—248.
[2]) „Записки Сибир. Отдѣл. Геогр. Общ.“ 1864, кн. VII, смѣсь, стр. 17—18.

запасы, и всякое борошнишко потопило и насѣянныя въ поляхъ великаго государя и ихъ крестьянскій хлѣбъ и сѣнные покосы и скотинные выпуски пескомъ и иломъ насадило»[1]). Въ 1660 году енисейскій воевода писалъ: «въ нынѣшнемъ, въ 168 году, апрѣля противъ 17 числа, въ ночѣ, божіею волею, пришла вешняя большая вода изъ Тунгуски, съ Байкала озера, и изъ Енисея, и изъ стороннихъ рѣкъ, и пошелъ ледъ, и тою большею водою Енисейскій острогъ и въ посадѣ дворы поняло, и льдомъ сломило наугольную фроловскую башню, и отъ той башни, подлѣ Енисея рѣки, выломило острожной стѣны 170 саженъ, и у жилецкихъ многихъ людей избы и дворы ихъ поломало и посносило, и домы разорило; а въ енисейскомъ уѣздѣ въ деревняхъ, которыя деревни стояли и пашни были на низкихъ мѣстахъ, на лугахъ, и въ тѣхъ деревняхъ у енисейскихъ служилыхъ и посадскихъ людей и у пашенныхъ крестьянъ насѣянный хлѣбъ, рожь, что сѣяна въ прошломъ во 167 году къ нынѣшнему ко 168 году, льдомъ скопало и водою смыло и снесло, и на тѣ-жъ сносныя земли, гдѣ были сѣяны ржи, послѣ большія воды, какъ та земля обсохла, многіе крестьяне сѣяли яровой хлѣбъ гдѣ была посѣяна рожь; и тѣ енисейскіе всякіе жилецкіе люди отъ того великаго потопу обѣднѣли и въ конецъ одолжали, и домы у многихъ разнесло, и впередъ чаемъ отъ воды надъ городомъ великаго дурна»[2]). Такъ, стихіи природы, волны рѣкъ сносили съ лица земли и разрушали цѣлыя волости и города. Не умѣя предотвращать разрушительныя дѣйствія разливовъ рѣкъ, поселенцы не знали также никакихъ искусственныхъ средствъ завоевывать у природы и улучшать почвы на земляхъ неудобныхъ, напримѣръ,—болотистыхъ, кочковатыхъ, каменистыхъ и пр. И по невѣжеству своему, или умственному безсилію жаловались на безземелье, когда кругомъ было много земли подъ болотами или подъ кочками. Лепехинъ, во время путешествія своего по Россіи усмотрѣвшій вообще много умственныхъ недостатковъ въ нашихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ, между прочимъ, писалъ о всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвою и Арзамасомъ: «рѣдко найдешь деревню, гдѣ бы крестьяне почитали себя довольными пахатною землею, но вездѣ жалуются на недостатокъ оной, хотя нерѣдко передъ глазами ихъ лежатъ обширныя мѣста, годныя ко всякому плодородію. Я разумѣю болотистыя мѣста, которыя небольшимъ трудомъ изсушить можно. Они не только бы съ избыткомъ могли наградить трудъ тучною пашнею, но и много бы способствовали къ прекращенію другихъ вредностей, какія какъ сами крестьяне, такъ и скотъ въ разсужденіи здоровья чувствуютъ; не упоминая о препятствіи въ ростѣ лѣсовъ и пахатныхъ произрастеній, да и самая ржа, нерѣдко побивающая хлѣбъ и скоту непріязненная, по большой части отъ болотныхъ мѣстъ начало свое имѣетъ. На мѣсто изсушенія болотистыхъ мѣстъ, употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашенъ, который *новиною* называютъ... Такого распространенія пашенъ во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки; ибо, кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко обширныя палестины лѣса выгораютъ»[3]). Въ Сибири, въ новоустроенныхъ поселеніяхъ, на новыхъ, свѣжихъ почвахъ, чуть, по выраженію актовъ, *выпахивалась земля*, — поселенцы непремѣнно страдали отъ безхлѣбья, бѣднѣли, били челомъ царю о помощи, о хлѣбной и денежной

---

1) „Дополн.“, VIII, № 51, стр. 226.
2) Ibid., IV, № 76. Также т. VII, № 74, стр. 348; № 38, стр. 205.
3) „Дневн. Записки“, 1795 г., ч. I, стр. 62—63.

ссудѣ изъ казны, и, не зная никакихъ средствъ возстановить или усилить плодородіе почвы, не находили никакого другого исхода, кромѣ переселенія на новую землю, или полученія хлѣба изъ казенныхъ житницъ: иначе разбродились врознь. Такъ, въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ Софійскихъ слободахъ, по словамъ акта 1658 года, «учинился хлѣбу недородъ, пашенныя земли выпахались, крестьяне отъ хлѣбнаго недорода обнищали и одолжали великими долги».—и одно только средство знали они, какъ избавиться отъ истощенія почвы и хлѣбнаго недороду — занятіе и распашку новыхъ земель по р. Пышмѣ [1]. «На Ленѣ, — писалъ въ 1679 году якутскій воевода,—пахатныя земли выпахались, хлѣбъ не родится», и вслѣдствіе этого въ Якутскѣ помирали съ голоду, ѣли сосновую кору и всякую мерзость, а другіе разбродились врознь [2]. Вообще, не естественно-научными знаніями руководилась земледѣльческая колонизація и культура, а шла, по словамъ актовъ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, распространялась по непосредственному указанію природы, вполнѣ и рабски подчиняясь топографическимъ, климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. И вотъ, земледѣльческія поселенія наши закоснѣли въ умственномъ и рутинномъ рабствѣ передъ природой, передъ законами климата, почвы и, вслѣдствіе того, въ застоѣ и бѣдности [3].

Вѣковое преобладаніе въ Россіи земледѣльческой колонизаціи и культуры надъ распространеніемъ и индустріальнымъ развитіемъ городовъ не совсѣмъ выгодно было для умственнаго саморазвитія русскаго народа. Народъ нашъ, въ сравненіи съ европейскими передовыми націями, стоитъ на низшей степени гражданственности и умственнаго развитія, между прочимъ, именно отъ того, что онъ всегда былъ главнымъ образомъ земледѣльческимъ народомъ. А націи и государства чисто земледѣльческія всегда развиваются съ особенною медленностью и долго коснѣютъ на одной и той же степени умственнаго состоянія. Исключительно земледѣльческая колонизація и культура, по причинѣ существенной и пассивной зависимости своей отъ природы, гораздо болѣе, чѣмъ бытовыя и умственныя условія городовъ, благопріятствовала развитію предразсудковъ суевѣрія.

Въ Россіи, кромѣ незнанія законовъ метеорологическихъ, вообще незнаніе природы, въ теченіе первоначальной колонизаціи и культуры, породило въ земле-

---

1) „Дополн.“ IV, № 55.

2) Ibid. VIII, стр. 234.

3) Извѣстный нашъ государственный умъ, Мордвиновъ, писалъ: „Народъ просто земледѣльческій всегда бываетъ бѣденъ, и въ случаѣ неурожаевъ не имѣетъ даже способовъ избавиться отъ голода... Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь, занимаемая въ россійскомъ государствѣ 12 милліонами сихъ мужеск. и женск. пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться на долго въ дикомъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою скребутъ землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожаи даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или много 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ мякинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 милліоновъ душъ достаточнаго стяжанія отъ нихъ ожидать неможно. Нѣтъ на семъ великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго россійскаго государства и могущемъ вмѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадьбъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни рукодѣльныхъ заведеній, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія инаго, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, *ни лицъ, могущихъ просвѣщать*, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденій къ возрожденію впредь благоустройства. Какое нелѣпообразное великой части имперіи состояніе! Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 милліоновъ пахателей и пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, оставляемы будутъ безъ всякаго просвѣщенія“. („О прич. разстр. финансовъ въ Россіи“. „Чтен. моск. общ. истор.“, 1860 г., кн. 1, отд. V, стр. 31).

дѣльческихъ поселеніяхъ много всякаго рода суевѣрій [1]). При отсутствіи въ древней Россіи естественно-научнаго образованія и промышленной городской дѣятельности,— устроявшіяся въ темныхъ, дикихъ лѣсахъ земледѣльческія поселенія, во всѣхъ своихъ основахъ и отправленіяхъ, проникнуты были суевѣріями и предразсудками. Возникало ли вновь село,—происхожденіе его обставляли какимъ-нибудь чудомъ [2]). Удачный выборъ новаго мѣста для поселенія обусловливался и гарантировался не разумнымъ разсчетомъ удобствъ, а суевѣрными примѣтами и знаменіями. Когда хотѣли селиться на новое мѣсто, рубить лѣсъ и ставить дворъ, то прибѣгали къ разнымъ суевѣрнымъ обрядамъ. Между прочимъ, лечебникъ давалъ такія правила: «когда хочешь дворъ ставить на новомъ мѣстѣ, или избу, или иные которые хоромы, и ты вели испечь три хлѣба маленькіе: вынь ихъ изъ печи, и подложи одинъ хлѣбецъ подъ пазуху, а другой подъ другую, а третій положи на сердце, и вшедши на то мѣсто, гдѣ хочешь избу ставить, и ставъ на томъ мѣстѣ, спусти на землю тѣ три хлѣбца подпазушные и отъ сердца. И если всѣ три хлѣбца лягутъ къ верху коркою верхнею, то мѣсто добро: тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставь избу и всякіе хоромы; если же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставь и то мѣсто покинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ къ верху верхнею коркою, еще ставь — добро; когда же падетъ одинъ хлѣбецъ къ верху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ». Вотъ какими соображеніями руководствовались и до сихъ поръ руководствуются наши крестьяне, окруженные непроницаемой тьмой невѣжества.

Точно также народъ имѣлъ свой взглядъ на годовыя перемѣны и вліянія погоды. Въ сборникахъ, напримѣръ, распространялись такія сказанія о вліяніи праздниковъ на погоду и плодородіе: «аще будетъ рождество христово въ недѣлю, зима снѣжна и велика, а весна дождева, жатва суха, меду пооскудно, скотомъ и овцамъ пагуба; аще будетъ рождество христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождева, жатва суха, обиліе всему міру; аще будетъ прилучится рождество христово во вторникъ, то зима велика и снѣжна, жатва ведрена, очень добра, овощей и меду и пряныхъ зелей пооскуду, скотомъ и овцамъ пагуба, и женскому полу болѣзненно» и т. д. [3]). Подъ вліяніемъ такого міровоззрѣнія, земледѣльческія поселенія руководствовались разными примѣтами и мистическими понятіями при взглядѣ на природу.

Такъ, въ сборникѣ пословицъ, изданномъ Далемъ, земледѣльческій мѣсяцесловъ заключаетъ въ себѣ до 983 суевѣрныхъ примѣтъ. Кромѣ того, въ томъ же сборникѣ напечатано до 560 суевѣрныхъ примѣтъ и гаданій, относящихся собственно къ земледѣлію и погодѣ («Чтен. общ. истор.», 1862 г., кн. I, стр. 970—1029). И развитіе земледѣльческаго суевѣрія довело, такимъ образомъ, сельскія поселенія до глубокаго умственнаго рабства. — Суевѣріе до того, наконецъ, сузило сферу земледѣльческаго міросозерцанія и культуры, что, кромѣ немногихъ видовъ хлѣбовъ и нѣкоторыхъ огородныхъ овощей,—многіе изъ нашего народа не только не находили нужнымъ и не умѣли, но даже считали излишней, грѣховной затѣей — разводить какія-нибудь другія растенія.

[1]) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ историч. очеркахъ интеллектуальнаго или умственнаго развитія народонаселенія въ исторіи земледѣльческаго народнаго міросозерцанія.
[2]) „Владим. Сборн.“, стр. 67.
[3]) „Сборн. Соловец. Библ.“, № 889. „Памятн. стар. рус. лит.“ III, стр. 157—158.

Расколъ возвѣстилъ ученіе, что такія произведенія, какъ табакъ, картофель — богомерзкія, чертовы произрастенія, и съ фанатическимъ отвращеніемъ возсталъ противъ производства и употребленія этихъ растеній. Въ рукописяхъ раскольничьихъ, ходящихъ по рукамъ, встрѣчаются, напр., слѣдующія наставленія: «Аще кто изъ православныхъ дерзнетъ пить чай, отчается самаго Господа I. X. троекратно; аще кто дерзнетъ пить кофей, въ томъ человѣкѣ будетъ ковъ лукавый, не будетъ благодати Божіей. Возниче трава бѣсовская—табакъ». Картофель, по рукописямъ раскольничьимъ, выросъ изъ трупа какого-то царя, котораго народъ считалъ богомъ. «На VII вѣкъ приплодился онъ—картофель по всей землѣ и возлюбять губину—сирѣчь картофій» [1]). Въ пословицахъ, изданныхъ Далемъ, подъ словами: *изувѣрство—расколъ*, читаемъ такія раскольничьи бредни: «Чай, кофе, картофель, табакъ—прокляты на семи вселенскихъ соборахъ. Пагуба душевная и тѣлесная: чай, кофе, табакъ. Картошка проклята, чай двою проклятъ, табакъ да кофе трою. Разводить и продавать картофель еще можно, но ѣсть грѣшно. Не сытное, проклятое быліе, еже по еллински обиліе, т. е. картофель. Кто кофе пьетъ, того Богъ или громъ убьетъ. Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай. Китайская стрѣла въ Россію вошла, въ христіанскія сердца—сгубила всѣхъ до конца. Корень горести высь прозябаетъ—табакъ. Кто табакъ пьетъ, т. е. нюхаетъ да куритъ—Святаго Духа изъ себя туритъ», и т. п. [2]). Въ рукописяхъ старовѣрскихъ встрѣчаются даже цѣлыя легенды или большія повѣсти о нечистомъ происхожденіи и богопротивности картофеля и табака [3]). Вслѣдствіе такого нелѣпаго взгляда, въ XVII вѣкѣ само правительство нѣкоторое время запрещало разводить табакъ, а впослѣдствіи цѣлыя селенія готовы были бунтовать противъ разведенія картофеля. Извѣстны такъ называемые *картофельные бунты.*

VI.

Съ другой стороны, сильная зависимость земледѣльческой колонизаціи и культуры отъ климата, почвы и, вообще, отъ природы была естественной причиной умственнаго застоя земледѣльческихъ поселеній въ соціальномъ отношеніи. Какъ отъ незнанія законовъ метеорологическихъ и отъ совершеннаго отсутствія духа изслѣдованія и естествознанія сильно развилось въ земледѣльческихъ поселеніяхъ суевѣріе,—такъ отъ незнанія законовъ естественно-историческихъ и соціальныхъ, отъ совершенной неразвитости политическаго смысла сильно развилось и укоренилось невѣжество и суевѣріе соціально-экономическое. И главной причиной этого была именно умственная подавленность земледѣльческихъ поселеній, подъ гнетомъ тяготѣющихъ надъ земледѣліемъ законовъ природы. Только всестороннее естественно-научное развитіе просвѣщаетъ умственный горизонтъ общественнаго міросозерцанія и самосознанія, даетъ людямъ свѣтъ — опознаться въ сферѣ природы и жизни, осмысливаетъ и эманципируетъ отъ гнета природы бытъ и складъ общества, раскрываетъ истинныя причины общественныхъ недостатковъ, истинныя условія и средства

[1]) „Матер. для географ. и стат. Россіи". „Казанск. губ.", стр. 476.
[2]) Послов., изд. Далемъ въ „Чтен. общ. истор.", стр. 15.
[3]) „Памятн. стар. рус. лит.", вып. II, стр. 427—435. У меня есть такая же рукописная легенда о происхожденіи картофеля.

ь исправленія и, наконецъ, истинные законы общественнаго строя и развитія. зъ этого, непонятые законы природы, дѣйствующіе въ общественныхъ явленіяхъ, казываютъ общество не только деморализаціей, слабостью и пассивностью силъ щественныхъ, бѣдствіями физическими и экономическими и, наконецъ, суевѣріемъ и слѣпымъ умственнымъ рабствомъ и страхомъ передъ природой, но и глубомъ умственнымъ коснѣніемъ. Такимъ путемъ у насъ, въ древней Россіи, первначальное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ мало-по-малу обратилось въ пол-е крѣпостное рабство. — Климатическія или метеорологическія неудачи земле-лія и постепенное истощеніе почвы, при господствовавшемъ въ старину экстенвномъ, хищническомъ хозяйствѣ, безвозвратно поглощавшемъ у почвы минеральныя органическія производительныя силы, также, естественно, вели земледѣльческія селенія къ застою и лишенію гражданской свободы. Въ концѣ XVI вѣка и въ VII столѣтіи великорусская земля была заселена уже довольно плотно; массы рода, въ XVI вѣкѣ и даже въ началѣ XVII столѣтія, еще не уходили въ ибирь на новыя почвы, а наполняли и обрабатывали старыя великорусскія земли. слѣдствіе этого, почва великорусской земли естественно истощилась, особенно при гдашней, крайне нераціональной, хищнической культурѣ. А часто случавшееся , то же время раннее и внезапное наступленіе морозовъ на истощенныхъ почвахъ це болѣе учащало случаи хлѣбныхъ недородовъ, на которые въ XVII вѣкѣ естьяне постоянно жаловались. По такимъ естественнымъ причинамъ, именно лѣдствіе обѣднѣнія почвы и частыхъ неурожаевъ, крестьяне, по собственнымъ овамъ ихъ, «обнищавшіе и оскудѣвшіе до конца и должавшіе великими долги», ія собственнаго прокормленія и для уплаты долговъ и государственныхъ налоговъ вольно подвергались въ XVII вѣкѣ кабалѣ и рабству. Въ самомъ дѣлѣ, чуть стощенная почва не родила хлѣба, или морозъ побивалъ посѣвы, крестьяне толпами ѣжали въ вотчинныя и помѣщичьи слободы, села и деревни, охотно обращались ь закладчиковъ и захребетниковъ за сильныхъ людей, за богатыхъ землевла-ѣльцевъ и, такимъ образомъ, поступали въ зависимость отъ нихъ, — въ зависиость, которая послѣ окончательно, и de facto и de jure, сдѣлалась крѣпостнымъ абствомъ. Толпы сельскихъ людей, не имѣя настолько силъ или энергіи, чтобы аставить почву прокармливать себя, шли въ боярскіе и, вообще, земледѣльческіе зоры, и часто изъ-за куска хлѣба, изъ-за одного прокормленія закабалялись въ ѣчные холопы. Либихъ прекрасно раскрываетъ этотъ естественный процессъ по-абощенія и униженія земледѣльцевъ, вслѣдствіе истощенія почвы. «Наибольшая вобода и независимость,— говоритъ онъ,— составляетъ удѣлъ земледѣльца, владѣю-аго такимъ участкомъ земли, который онъ и его дѣти могутъ обработать собвенными руками, который достаточно производителенъ, чтобы дать возможность лачивать требуемые государствомъ налоги, и доставить ему съ семействомъ средва къ удовлетворительному существованію и нѣкоторой степени благосостоянія; величеніе семейства составляетъ для него благословеніе. Если, вслѣдствіе истощенія обѣднѣнія почвы, свободный земледѣлецъ исчезаетъ, то съ нимъ вмѣстѣ угасаетъ стинная гражданская доблесть и любовь къ отечеству, потому что въ земледѣльцѣ охраняются религіозныя убѣжденія и привязанность къ землѣ, на которой онъ одился, которую онъ обрабатываетъ и холитъ; болѣе другихъ онъ способенъ ѣнить дары природы, живительный лучъ солнца и плодотворный дождь; что ылъ бы онъ безъ нихъ? Его небольшой участокъ, которымъ онъ живетъ, для него

дорогъ; онъ цѣнитъ его не деньгами, онъ имѣетъ для этого болѣе вѣрный масштабъ. Но если въ своемъ невѣдѣніи онъ нарушаетъ законы природы и противодѣйствуетъ имъ, — онъ долженъ получить за то возмездіе: его трудъ и заботы, его прилежаніе къ обработкѣ своихъ полей только ускоряютъ ихъ истощеніе. Для него наступаетъ, наконецъ, тяжелое время, когда истощенная почва не даетъ ему столько, чтобы пропитать его съ семействомъ. Онъ не понимаетъ причины своего обѣднѣнія и приписываетъ разнымъ другимъ причинамъ уменьшенія урожаевъ, никогда не попадая на настоящую. Онъ надѣется, что придутъ лучшіе годы, и прибѣгаетъ, для покрытія настоятельнѣйшихъ нуждъ, къ займамъ; сборщикъ податей, наконецъ, заставляетъ его продать хлѣбъ еще на корнѣ, несжатый; послѣ нѣсколькихъ генерацій участокъ переходитъ въ руки заимодавцевъ. Изъ нѣсколькихъ небольшихъ крестьянскихъ хозяйствъ возникаетъ тогда большое хозяйство; крупный землевладѣлецъ прогоняетъ семейство земледѣльца и оставляетъ только рабочія руки» и пр. [1]). Такимъ естественно-историческимъ путемъ и у насъ изъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ и поселеній составились большія землевладѣльческія крѣпостныя имѣнія и къ концу XVII вѣка захватили въ свое крѣпостное владѣніе большую часть такъ называемыхъ *черныхъ волостей* — единственныхъ свободныхъ сельскихъ общинъ, еще уцѣлѣвшихъ въ XVII вѣкѣ. Вообще, земля дѣлала всѣхъ земскихъ людей служебными, крѣпостными государства, и земледѣльцевъ въ особенности. Когда царь Иванъ Грозный постановилъ государственнымъ закономъ, чтобы *земля изъ службы не выходила*, — земледѣльцамъ уже невозможно было быть свободными, некрѣпкими къ землѣ и землевладѣльцамъ, неслужебными и повинными государству. А потомъ, безсиліе въ борьбѣ съ природой на томъ тяжкомъ, многотрудномъ вѣковомъ пути, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, частые, внезапные и совершенные подрывы всѣхъ разсчетовъ, какіе неумолимо и неотвратимо производились физическими законами климата, истощенной почвой и неурожаями, постоянная необходимость, вслѣдствіе того, посторонней помощи, поддержки и опеки въ случаѣ неурожаевъ — вотъ окончательные мотивы къ умственному застою земледѣльческаго населенія, къ крѣпостной зависимости и подчиненію. Когда истощалась почва и были частые неурожаи, — крестьяне невольно по собственнымъ жалобамъ ихъ, «обнищали и оскудали до конца» и, вслѣдствіе того, или «задолжали великими долги» и потомъ за долги закабалялись заимодавцамъ, или «разбродились врознь», или селились въ слободы и села богатыхъ землевладѣльцевъ закладчиками и захребетниками за сильныхъ людей и потомъ становились крѣпостными ихъ. Все, такимъ образомъ, вело или прямо къ крѣпостному рабству, или, вообще, къ несвободному, зависимому положенію. А затѣмъ уже, на нихъ, обнищалыхъ и оскудѣлыхъ до конца, не имѣвшихъ никакой могуты, легко было наложить всякаго рода крѣпостное иго. И вотъ, они съ XVII вѣка погрязли въ немъ и съ тѣхъ поръ закоснѣли въ совершеннѣйшей неразвитости и неподвижности. Никакой разумно-сознательной идеей не осмыслены были азіятски-дикія движенія крѣпостныхъ массъ въ бунтѣ Стеньки Разина, въ Пугачевщинѣ. Безсмысленны, суевѣрны и ложны также и всѣ политическія ученія раскольничьихъ общинъ. Не было никакой разумно-сознательной идеи въ политическихъ движеніяхъ и эмиграціи нашихъ разныхъ сектъ. Тогда какъ, напримѣръ, пуритане, эмигранты Англіи,

[1]) „Химія въ приложеніи къ земледѣлію“, стр. 69—70.

поселились въ Новомъ Свѣтѣ, на берегахъ Новой Англіи, во имя *идеи*, во имя человѣческаго братства и основали цвѣтущія, свободныя колоніи (штаты: Коннектикутъ, Роде-Айландъ, Массачусетъ, Вермонтъ, Нью-Гемпширъ. Майнъ), создали новую, поучительную для человѣчества общественную организацію,—наши сектанты, какъ безсмысленныя стада или овцы безъ пастыря, бѣжали, гонимые однимъ страхомъ гоненій, безъ всякой разумной, ясно-сознательной идеи, на украйны Россіи, на Кавказъ, въ Сибирь, въ Турцію, въ Австрію, въ Польшу. И колоніи ихъ были или жалкимъ скопищемъ грубаго стараго суевѣрія и невѣжества, какъ, напр., Вятка, стародубскіе слободы, скиты поморскіе и нижегородскіе и проч., или сбродомъ хищниковъ и разбойниковъ, какъ, напр., поселенія алтайскихъ каменьщиковъ, или ассоціаціями мистико-спиритуалистическаго направленія, совершенно чуждыми истиннаго понятія о духовной свободѣ человѣческой, каковы, напр., общины духоборцевъ, на Молочныхъ Водахъ, и т. п.

VII.

Наконецъ, обратимъ вниманіе изслѣдователей исторіи русскаго народа на физіолого-географическія условія земледѣльческихъ поселеній. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ своего Будена (Boudin), который бы составилъ намъ подробную медицинскую географію. Мы поневолѣ должны ограничиться только общей поверхностной намѣткой нѣкоторыхъ гигіено-статистическихъ и медицинско-географическихъ вопросовъ земледѣльческой исторіи.

Мѣста жительства, города и села, — говоритъ Котле, — имѣютъ вліяніе на цифры плодовитости жителей. По 10-лѣтнимъ выводамъ бельгійскимъ, съ 1803- -1813 г., найдено, что 100 браковъ производятъ въ городахъ 484 рожденія, а въ селахъ 450. Что касается до энергіи плодовитости по отношенію къ населенію, то въ большихъ городахъ она превосходитъ силу плодовитости сельскихъ общинъ. По таблицѣ, напечатанной въ Bulletin des sciences gèographiques за апрѣль 1831 г., главные города даютъ 1 рожденіе на 22,4 жит., и такихъ городовъ до 78. Города, представляющіе крайніе предѣлы, суть: Утрехтъ, 19,0; Ливерпуль, 18,0; Опорто, 19,6... Лондонъ, 40,8; Петербургъ, 46,7. Въ Бельгіи число рожденій, относительно населенія, также въ селахъ меньше, въ городахъ—больше. Именно, въ селахъ рожденіе къ населенію относится какъ 1 къ 30,4, а въ городахъ 1 къ 29,1, въ теченіе 1825—29 г. Ясно, слѣдовательно, что въ городахъ представляется больше причинъ, дѣйствующихъ на плодородіе, чѣмъ въ деревняхъ [1]). У насъ, въ Россіи, и теперь еще большая часть городовъ не много разнятся и даже почти ничѣмъ не разнятся отъ селъ, и потому находятся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ плодородія. Въ старину же, города или посады, по плодовитости жителей еще менѣе разнились отъ селъ. Разница стала замѣчаться только съ развитіемъ въ Россіи большихъ, столичныхъ и губернскихъ городовъ. По нѣкоторымъ даннымъ, теперь и у насъ оказывается, что сельскія поселенія менѣе благопріятствуютъ плодородію, чѣмъ городскія, и особенно менѣе, чѣмъ лучшіе губернскіе города. Напримѣръ, въ Костромской гу-

---

[1]) „Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale", par. A. Quetelet (1836), t. I., p. 86—88.

берніи, въ уѣздныхъ, большею частію земледѣльческихъ поселеніяхъ, maximum рождаемости относится къ суммѣ населенія какъ 54 : 1.000, а minimum какъ 39 : 1.000. А въ поселеніяхъ городскихъ число рожденій или сила рождаемости къ суммѣ городского населенія находится въ пропорціи 69 : 1.000. Это отношеніе очевидно показываетъ, что плодородіе между сельскимъ населеніемъ слабѣе, чѣмъ между городскими жителями. Причина этого ясно заключается въ наибольшемъ довольствѣ городскихъ поселеній въ сравненіи съ сельскими [1]). Въ Виленской губерніи также ежегодное приращеніе сельскаго населенія отъ прибыли новорожденныхъ составляетъ только 1,4%, а въ городахъ, гдѣ ежегодно рождается среднимъ числомъ до 2.962 душъ об. п., ежегодное приращеніе новорожденныхъ равняется 3,8% [2]). Зато сельскія поселенія, вообще, больше благопріятствуютъ живучести, долгожизненности населенія, чѣмъ городскія. «Между мѣстными причинами, имѣющими вліяніе на смертность, —говоритъ Кетле́, —несомнѣнно вліяніе мѣста жительства въ городахъ или селахъ. Въ Бельгіи, напримѣръ, вотъ результаты послѣднихъ лѣтъ (его времени):

	Населеніе:	Среднее число смертныхъ случаевъ:	1 смертный случай на
городовъ	998.118	27.026	36,9 жителей
деревень	3.066.091	65.265	46,9 —

Ясно, что смертность городская относится къ смертности сельской почти какъ 4 къ 3» [3]). По соціально-физическимъ изслѣдованіямъ вообще оказывается, что земледѣльческія поселенія гораздо меньше подлежатъ смертности, чѣмъ мануфактурныя. «Статистики, — говоритъ Кетле, — теперь уяснили, что шансовъ для смертности гораздо болѣе въ странахъ мануфактурныхъ, чѣмъ въ агриколярныхъ, земледѣльческихъ, и больше въ окрестностяхъ и внутри большихъ городовъ, чѣмъ среди сельскихъ общинъ. Если мы взглянемъ на Англію, то найдемъ весьма ясныя различія между провинціями мануфактурными и провинціями агриколярными. Вотъ нѣкоторые результаты, которые сообщилъ относительно этого предмета M. Villermé, за годы 1813—1830 включительно:

Въ мѣстностяхъ:	Изъ 10.000 смертн. случаевъ приходится	
	Въ возрастѣ до 10 лѣтъ.	Отъ 10 до 40 лѣтъ.
Въ общинахъ земледѣльческихъ дистриктовъ	3.505	3.142
Въ общинахъ дистриктовъ, частію земледѣльческихъ, частію мануфактурныхъ . .	2.828	3.318
Въ общинахъ мануфактурныхъ дистриктовъ	4.355	3 727

Очевидно, что здѣсь всѣ преимущества на сторонѣ дистриктовъ земледѣльческихъ. Въ Нидерландахъ провинція болѣе земледѣльческая de Gueldres, и смертныхъ случаевъ въ ней только 1 на 53,7 индивидуумовъ; между тѣмъ какъ въ коммерческихъ

[1]) „Матер. для географ. и статист. Россіи". „Костромск. губ.", стр. 180.
[2]) „Виленск. губ." („Мат. для геогр. и стат. Рос."), стр. 342—343.
[3]) „Sur l'homme", par A. Quetelet, t. I, p. 147—149.

провинціяхъ Голландіи смертность относится какъ 1 къ 35. Въ Бельгіи меньше всего насчитываютъ смертныхъ случаевъ въ провинціяхъ de Luxembourg, de Namtur и de Hainaut; а эти провинціи—существенно земледѣльческія, хотя двѣ послѣднія и имѣютъ города мануфактурные... Ясный знакъ, что состояніе болѣе благопріятное человѣку есть то состояніе регулярной жизни, которое достаточно обезпечиваетъ его нужды и не ажитируетъ его страстями или иррегулярностью городской жизни. Въ земледѣльческихъ занятіяхъ человѣкъ преимущественно находитъ состояніе довольства, обезпеченности; онъ не подвергается, какъ въ странахъ мануфактурныхъ, альтернативамъ роскоши и нужды», и проч. [1]). Сообразно съ такимъ естественно-соціальнымъ принципомъ, и въ Россіи земледѣльческія поселенія заключали въ себѣ менѣе условій смертности, чѣмъ городскія. Напримѣръ, въ такихъ большихъ мануфактурныхъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, смертность неизбѣжно сильнѣе, чѣмъ въ селахъ, особенно занимающихъ здоровыя и удобныя мѣстности. Въ Виленской губерніи, въ городахъ среднимъ числомъ ежегодно умираетъ 3.295 обоего пола душъ, или изъ числа городского населенія ежегодно умираетъ 4,2%. Превышеніе умершихъ надъ родившимися равняется 0,4%, между тѣмъ какъ въ сельскихъ поселеніяхъ ежегодное приращеніе отъ перевѣса родившихся надъ умершими составляетъ 1,4%. Ежегодное уменьшеніе городскихъ жителей, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ образа и способовъ городской жизни [2]). Въ Костромской губерніи, maximum умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 36 изъ 1.000 душъ, напримѣръ, въ Костромскомъ уѣздѣ 36 на 1.000, въ Нерехтскомъ 35, въ Буйскомъ 33 и т. д., minimum умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 22 изъ 1.000 душъ, напримѣръ, въ Варнавинскомъ уѣздѣ 22, въ Солигаличскомъ 24. Въ городахъ же Костромской губерніи изъ 1.000 человѣкъ умирало въ годъ, среднимъ числомъ, 57 душъ. Смертность между городскими жителями, — замѣчаетъ г. Крживоблоцкій, — сильнѣе, чѣмъ между сельскими обывателями [3]). Въ Казанской губерніи, въ большой части сельскихъ поселеній, въ 1848 до 1858 г., смертность уменьшилась на 6%, между тѣмъ какъ въ самомъ городѣ Казани изъ 100 умирало 8, 3, 9, 5 и даже 10%.

Впрочемъ, соціально-физическій законъ наименьшей смертности въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и наибольшей въ городскихъ часто видоизмѣняется или реактируется въ своемъ дѣйствіи другими естественными условіями и законами — физико-географическими. Климатъ разныхъ странъ и областей, безспорно, имѣетъ вліяніе на рождаемость и смертность, какъ земледѣльческихъ, такъ и городскихъ поселеній. M. Benoiston de Châteauneuf, въ своихъ сочиненіяхъ «Sur l'intensité de la fécondité en Europe, au commencement du XIX siécle», говоритъ: «Если раздѣлить Европу на два климата, изъ которыхъ одинъ, начиная отъ Португаліи и кончая Pays-Bas, распространяется, такимъ образомъ, отъ 40° до 50° с. ш. и характеризуетъ югъ, между тѣмъ какъ другой, идя отъ Брюсселя до Стокгольма, отъ 50° до 67° с. ш., опредѣляетъ сѣверъ, то окажется, что въ первомъ 100 браковъ даютъ 457 рожденій, а во второмъ, то же число союзовъ производятъ только 430 рожденій. Различіе окажется еще больше, если сравнить между ними двѣ крайнія температуры. Въ Португаліи приходится 5,10 дѣтей на бракъ, а въ

[1]) Ibid., I, 216.
[2]) „Виленск. губ.“, „Матер для геогр. и стат. Россіи“, стр. 343.
[3]) „Костром. губ.“, стр. 183—184.

Швеціи только 3,62. Наконецъ, въ самой Франціи можно найти новое доказательство этого наблюденія. Плодородіе, говоритъ Moheau, умножается во Франціи съ сѣвера на югъ. Здѣсь средній терминъ рожденія 5,03 на каждогодній бракъ; а въ провинціяхъ сѣверныхъ только 4,64. Старый выводъ и теперь истина для насъ. Въ южныхъ провинціяхъ (Дофинэ, Лангедокѣ, Провансѣ) среднее число рожденій, за 5 лѣтъ (1821—25), представляетъ 4,34 на бракъ; а во Фландріи и Пикардіи оно только 4,00 [1]). У Кетле находится еще слѣдующее наблюденіе:

1 смертный случай приходится:

На сѣверѣ Европы	на 41,1	жителя.
Въ центрѣ . . .	» 40,8	»
На югѣ. . . .	» 33,7	»

Обращаясь къ Россіи, мы хотя и не находимъ подробныхъ статистическихъ фактовъ, но можемъ сдѣлать нѣкоторыя приблизительныя заключенія. Статистическія таблицы за 1856 годъ принимаютъ, напримѣръ:

	1 рожденіе.		1 смертный случай.	
Въ Сибири.	на 27,62	жителя	на 40,00	жителей.
» Кавказскомъ намѣстничествѣ .	» 26,74	»	» 36,90	
» европ. губерніяхъ и областяхъ	» 23,04	»	» 28,05	

Очень естественно, можетъ быть, что въ кавказскомъ намѣстничествѣ, съ одной стороны, жаркій климатъ долинъ, съ другой стороны—холодъ снѣжныхъ альповъ Кавказа и, особенно, болотныя міазмы, производящія тамъ гибельные изнурительные поносы болотнаго худосочія, послѣ перемежающихся лихорадокъ, — всѣ эти причины, во взаимнодѣйствіи, уменьшаютъ силу рожденій и увеличиваютъ смертность. Въ Сибири, напротивъ, слишкомъ холодный климатъ восточно-континентальный и ледовито-тундренный, въ связи съ этнологическими и народно-бытовыми условіями, уменьшая возбужденность и даже возможность излишнихъ супружескихъ сочетаній, убиваетъ или ослабляетъ энергію рождаемости; а съ другой стороны, закаляя родившихся въ привычкѣ къ суровымъ, но здоровымъ морозамъ и не обусловливая болотныхъ лихорадокъ и отравленій, болотныхъ кахексій, смертоносныхъ изнурительныхъ поносовъ и т. п. болѣзней, какія обычны въ жаркихъ и болотныхъ мѣстностяхъ Кавказа, такимъ образомъ, естественно уменьшаетъ смертность [2]). Въ европейской же Россіи, въ центральныхъ областяхъ, умѣренно холодный климатъ очень благопріятствуетъ рождаемости и уравновѣшиваетъ ее съ смертностью.—Еще въ 1819 году Каразинъ, составляя свое «статистическое обозрѣніе Слободско-Украинскихъ губерній», нашелъ, что южныя, слободско-украин-

[1]) Quetelet, I, 82 - 84. Вилерме говоритъ: les époques du ***maximum*** et du ***minimum*** des conceptions avancent dans les pays chauds, et retardent dans les pays froids, surtout l'époque du ***minimum***.

[2]) „Остяки,—говоритъ Георги,—по причинѣ суроваго воздуха не могутъ *размножиться*, однакожъ число ихъ и *не уменьшается*. („Опис. нар.“, ч. I, 67). Женщины самоѣдовъ, пишетъ онъ же, не очень плодородны, и съ 30 года перестаютъ уже рожать... Суровый поясъ ихъ страны, конечно, также причиною тому... Однакожъ онѣ и отъ обыкновенныхъ у нихъ болѣзней—горячекъ и лихорадокъ мало умираютъ, доживаютъ до 60 и до 70 лѣтъ“ (ч. III, 5); по Лепехину и до 100 лѣтъ („Дневн. записки“, IV, 276).

скія поселенія, въ 1808 и 1811 г. давали среднимъ числомъ такія отношенія къ числу жителей:

Рожденій.	Смертныхъ случаевъ.	Браковъ.
1 : 23	1 : 28	1 : 109

Въ сѣверной, Вологодской области отношенія были уже менѣе выгодны: рождался 1 на 25, умиралъ 1 изъ 30, бракъ заключался въ числѣ 113 жителей. А еще сѣверо-восточнѣе, въ Тобольской губерніи, въ то же время, заключался только 1 бракъ въ числѣ 119 жителей, слѣдовательно и рожденій было менѣе [1]).

По отношенію къ народному здоровью и правильному физіологическому развитію, весьма важное значеніе имѣютъ мѣста народнаго поселенія и ихъ физико-географическій и топографическій характеръ. Изъ ряда цифръ Кетле заключаетъ, что смертность менѣе въ умѣренныхъ климатахъ, чѣмъ на сѣверѣ и на югѣ, и что она болѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ. «Если,—говоритъ онъ далѣе,—разсматривать каждую страну въ частности, то найдутся, по мѣстностямъ, большія различія. Такъ, во Франціи департаментъ de l'Orne даетъ только 1 смертный случай на 52,4 жителя, а департаментъ du Finistére даетъ 1 смертный случай на 30,4 жителей,—различіе весьма значительное для мѣстъ столь близкихъ. Въ странѣ des Pays-Bas и за десятилѣтній періодъ, 1815—1824 г., въ провинціи Зеландіи считали 1 смертный случай на 28,5 жителей, а въ провинціи de Namur не насчитывали болѣе 1 смертнаго случая на 51,8 жителей. Надобно замѣтить, что большая смертность почти всегда идетъ въ уровень съ большимъ плодородіемъ. Такъ, напримѣръ, въ указанныхъ мѣстностяхъ:

	Жителей. На 1 рожденіе.	На 1 бракъ.	На 1 смертный случай.
Въ департаментѣ			
de l'Orne . . .	44,8	147,5	52,4
—du Finistére. .	26,0	113,9	30,4
Въ провинціи			
de Namur . . .	30,1	141,0	51,8
—de Zeland . .	21,9	113,2	28,5

Итакъ, Зеландія и департаментъ Финистерскій производятъ мало браковъ, рожденій и смертныхъ случаевъ, между тѣмъ, какъ противное представляютъ департаментъ Орнскій и провинція Намюрская. Столь большія разности произошли не отъ фальшивости счетовъ, а отъ мѣстныхъ причинъ. Въ провинціи Зеландской, напримѣръ, которая вся находится въ атмосферѣ влажной, сырой, господствуютъ горячки и другія болѣзни, которыя и обусловливаютъ наибольшую смертность, какъ мы замѣтили. Вслѣдствіе этого, населеніе, которое постоянно стремится удержаться въ уровнѣ существованія и численности, производитъ приращеніе, какое мы замѣтили въ рожденіяхъ и бракахъ [2]). Изучая вліяніе мѣстности на поверхности

---

[1]) Въ чтен. общ.

[2]) „Sur l'homme", Quetelet, t. I, 144—152. „Ce que nous observons dans ces provinces, peut se remarquer encore dans d'autres pays, où l'on voit également marcher de front une grande fécondité et une grande mortalité, et réciproquement. L'Anlgeterre et la république de Guanaxuato au Mexique, en donnent des exemples frappants: ainsi, l'on compte:

менѣе обширной и сравнивая различныя части одной и той же провинціи, находятъ довольно часто результаты слишкомъ несходные. Такъ, судя по тому, ровныя или гористыя страны, континентальныя или приморскія, числа смертныхъ случаевъ могутъ весьма значительно разниться въ нихъ. M. Bossi въ своей «Statistique du département de l'Ain», на основаніи документовъ 1802, 1803 и 1804 г., пришелъ къ такому результату:

	1 ежегодный или годовой смертный случай на жителей.	1 годовой бракъ на жителей.	1 годовое рожденіе на жителей.
Въ общинахъ или поселеніяхъ горныхъ .	38,3	175	34,8
—береговыхъ . .	26,6	145	28,8
На равнинахъ . .	24,6	135	27,5
Въ странѣ стоячихъ водъ или болотъ. . .	20,8	107	26,1

Изъ этихъ результатовъ видно, между прочимъ, какое вліяніе имѣютъ на здоровье и жизнь поселеній мѣстности поморскія или береговыя, низменныя или горныя [1]). Въ Россіи также весьма замѣтно вліяніе различныхъ мѣстностей на физіологическій бытъ поселеній, на ихъ плодородіе, здоровье и смертность. Русскимъ

états.	Habitans Pour un mariage.	Pour une naiss.	Pour un décès.
En Angleterre	134,00	25,00	58,00
Dans la république de Guanaxuato.	69,76	16,08	19,70

Ce sont, pour ainsi dire, les deux extremes limites dans l'échelle de la population, et l'on pourrait ajouter peut-être dans l'échelle de la civilisation. On peut dire qu'un pays passe à un état plus prospère, quand il donne la vie à moins de citoyens, mais qu'il les conserve mieux. Les accroissements sont entièrement à son avantage; car si la fécondité y est moindre, les hommes utiles y sont plus nombreux, et les générations ne se renouvellent pas aussi rapidement au grand détriment de la nation".

[1]) Quetelet, I, p. 157—159. „M. Willermé cite un exemple très frappant de l'influence des marais: „A Vareggio, dit ce savant, dans la principauté de Lucques, les habitans en petit nombre et dans un état déplorable de misère et de barbarie, étaient chaque année, depuis un temps immémorial, attaqués, à la même époque, par des fièvres d'accès; mais, en 1741, on construisit des écluses dont les portes mobiles permettaient l'écoulement dans la mer de l'eau des marais, et s'opposaient à ce que ceux-ci fussent de nouveau submergés par la mer, lors des flux et des tempêtes. Cette construction, qui supprima les marais d'une manière parmanente, fit aussitôt disparaître les fièvres. Bref, le canton de Varreggio est aujourd'hui un des lieux les plus salubres, les plus industrieux, les plus riches des côtes de la Toscane; et une partie des familles dont les grossiers aïeux succombaient, sans savoir s'en garantir, aux épidémies d'aria cattiva, y offrent une santé, une vigueur, longévité et un caractère moral qui jadis étaient inconnus". Des semblables épidémies régnent à des époques déterminées sur les bords de l'Escaut et produisent ce que l'on nomme dans le pays les fièvres des polders: ces fièvres viennent à la suite des grandes chaleurs et contribuent beaucoup à mettre la Zelande dans un état qui se rapproche de celui de Vareggio et des pays merécageux cités par M. Bossi. M. Willermé m'a fait remarquer un nouvel exemple de l'accroissement de mortalité, produit sous l'influence des marais. Ainsi, dans l'île d'Ely en Angleterre, et pendant la période de 1813 à 1830 inclusivement, sur 1.000 décès qui auraient eu lieu depuis la naissance jusqu'à l'âge le plus avancé, on en a compté 4.731 avant l'âge de 10 ans accomplis, tandis qu'on en a compté seulement 3.505 dans l'ensemble des autres districts agricoles de l'Angleterre. Ce serait aussi dans l'île d'Ely, 3.712 décès de 10 à 40 ans, sur 1.000 qui ont eu lieu depuis l'âge de 10 ans jusqu'à la plus grande vieillesse; et seulement 3.142 dans les autres districts agricoles, mais non marécageux comme l'île d'Ely".

и финскимъ поселенцамъ надобно имѣть много природнаго здоровья и выносливыя крѣпкія натуры, чтобы привыкнуть жить въ болотистыхъ и туманныхъ мѣстностяхъ сѣверо-поморскихъ областей. Въ нѣкоторыхъ тамошнихъ мѣстахъ, особенно невыгодно расположенныхъ, поселенія вовсе не могли существовать. Такъ, напримѣръ, Лепехинъ сообщаетъ о Спасскомъ селѣ Верхотурскаго уѣзда: «суровость мѣста отчасти разогнала, отчасти истребила жителей. Топкія мѣста и болотная рѣчка, изъ которой жители почерпаютъ воду, нанесла имъ цынготную болѣзнь, которая почти въ ихъ обществѣ сдѣлалась наслѣдственною... Остатки сихъ бѣдныхъ жителей, какъ страждущіе при распутьѣ Лазари, у всякаго проѣзжающаго требовали помощи» [1]). Точно также первые русскіе поселенцы на берегахъ Охотскаго и Ледовитаго морей, по собственнымъ жалобамъ ихъ, постоянно «цынгали» и страдали «чирьями» [1]). Въ южно-русскихъ приморскихъ областяхъ, несмотря на ихъ природное изобиліе и географическое удобство для торговли, смертность, усиливаемая вліяніемъ приморскаго климата, превышаетъ даже большую сумму рожденій, обусловливаемую здѣсь избыткомъ жизненныхъ средствъ. Еще Каразинъ въ своихъ статистическихъ соображеніяхъ, исчисливъ губерніи, начиная съ Кавказской и кончая Астраханской, замѣтилъ: «изъ отношенія содержанія рожденій къ содержанію смертности открывается истинное условіе умноженія народа, его здоровье. Сравнивъ изложенныя нами содержанія разныхъ краевъ многосоставнаго нашего отечества, мы увидимъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ изъ полуденныхъ губерній, самыя благополучныя въ семъ разумѣ суть тѣ, кои, принадлежа къ древнему сердцу Россіи, занимаютъ самое темя ея, означенное уже безсмертнымъ Ломоносовымъ: возвышенность, изъ которой текутъ въ разныя моря великолѣпныя ея рѣки. Особливо губерніи Калужская, Тульская и Рязанская заслуживаютъ вниманіе всѣхъ европейскихъ статиковъ, такъ же какъ Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская и Оренбургская, по необычайному умноженію народонаселенія. Число рождающихся превосходитъ тамъ вдвое число умирающихъ. Самый же несчастный край въ семъ разумѣ, несмотря на все природное его изобиліе и отличное положеніе для торговли, есть наслѣдіе черноморскихъ нашихъ казаковъ. Необыкновенное содержаніе рожденій слѣдствіе народнаго во всемъ избытка) не помогаетъ въ семъ краю. Ибо содержаніе смертности еще превышаетъ оное. Тамань есть наша Остъ-Индія» [2]). Въ болотистыхъ мѣстахъ жаркихъ областей, напримѣръ, въ Закавказьи и Бессарабіи, болотной міазмой или болотнымъ отравленіемъ обусловливается сильное и гибельное господство перемежающихся и послабляющихъ лихорадокъ, хроническаго язвеннаго процесса въ кишкахъ или изнурительнаго поноса болотнаго худосочія, поражающаго обыкновенно въ началѣ зимы, послѣ лютыхъ перемежающихся лихорадокъ (ileo-collite chronique, colitis follicularis, fluxus coeliacus), болотной кахексіи (cachexia paludosa) и т. п. Вслѣдствіе такихъ мѣстныхъ причинъ, еще недавно было на Кавказѣ, что почти каждый госпиталь на все число больныхъ своихъ имѣлъ отъ 25 до 30 одержимыхъ изнурительными поносами, особливо въ началѣ зимы, и большинство этихъ поносовъ происхожденіемъ своимъ обязано было болотнымъ перемежающимся лихорадкамъ, которыя здѣсь эндимическія болѣзни. И теперь еще количество такихъ больныхъ составляетъ тамъ почти 16 на 1.000 общаго числа больныхъ. Въ 1860 году въ войскахъ Закавказскаго края въ общемъ

[1]) „Дневн. записки путеш. Лепехина“, ч. III, стр. 83.
[2]) „Чтен. общ.“ 1860. „Замѣтки о Каразинѣ“, стр. 206.

выводѣ приходилось 532,2 одержимыхъ лихорадкою на 1.000 случаевъ всѣхъ заболѣваній; въ войскахъ Кубанской области— 607 лихорадочныхъ на 1.000 заболѣваній;—на 1.000 заболѣваній вообще на Кавказѣ приходится 14.4 водянокъ и 15,3 страданій кишечнаго канала, какъ исходовъ, по большей части, лихорадокъ, между тѣмъ какъ въ остальной части арміи русской—водянокъ 8,3 и страданій кишечнаго канала 4,6 на 1.000. Къ числу мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки съ ихъ исходами, относятся: въ Закавказьи — Александрополь (5,090 р. ф. надъ пов. моря), Карсъ (5,950 р. ф.). Лорійская плоская возвышенность съ урочищами Джепалъ-Оглу и Гергеры (5,230 р. ф.). Нахичевань въ долинѣ р. Аракса (2,100 р. ф.), Тифлисъ (1,350 р. ф.) и Елисаветполь (940 р. ф.)—оба въ долинѣ р. Куры; на Кавказѣ—лѣвый берегъ р. Кубани, укрѣпленія — Крымское, Абинъ и друг. [1]). Всѣ подобныя мѣстности, значитъ, не совсѣмъ здоровы для поселеній.

Точно также, нѣкоторыя плодоносныя равнины или рѣчныя долины, обильныя водами, но ограниченныя съ одной или съ обѣихъ сторонъ скалистыми горами, лежащія большею частію не выше 3.000 ф. надъ ур. моря, спеціально благопріятствуютъ развитію зоба и кретинизма. Въ такихъ между-горныхъ рѣчныхъ долинахъ не свободно циркулирующая атмосфера бываетъ обыкновенно сильно нагрѣта и чрезмѣрно влажна. Она походитъ, въ этомъ отношеніи, на воздухъ мастерскихъ или ремесленныхъ домовъ. Для растительности подобная атмосфера бываетъ чрезвычайно благопріятна, но, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ особенныхъ свойствъ, она неизбѣжно производитъ *кретинизмъ*. Сначала дѣйствіе ея обнаруживается только продолжительнымъ зобомъ. Потомъ этотъ зобъ, усиливаясь и передаваясь отъ генераціи къ генераціи и достигая извѣстной величины и расширенія, является причиной или вѣрнымъ предвѣстникомъ полнаго кретинизма. Такъ, въ Ленской долинѣ, начиная отъ Петровской деревни въ 86 верстахъ отъ Качуга и до 8-й или 9-й станціи отъ Киренска — Дубровы, Ерманъ, путешествовавшій тамъ въ 1829 году, повсюду въ деревняхъ встрѣчалъ сильно развитые и распространенные зобы, такъ что, по наблюденію Фодерé, они скоро должны были сопровождаться совершеннымъ кретинизмомъ, и развитіе послѣдняго только пріостанавливается или замедляется браками съ вновь-приходящими ссыльными и горными тунгусами, но не устраняется. Застой и сгущеніе атмосфернаго воздуха, чрезвычайно жгучее, палящее дѣйствіе солнца и сильная влажность, производимая Леной и со всѣхъ сторонъ вливающимися въ нее притоками, въ жаркія лѣта ленской страны усиливаютъ вліяніе стѣнъ долины на температуру и на развитіе мѣстной, эндемической болѣзни. Какъ въ долинѣ Maurienne Фодерé признаетъ роскошныя деревья спутниками кретинизма, такъ точно, по словамъ Ермана, между скалами Ленской долины, отъ 55 до 57° с. ш., близко къ холоднѣйшему меридіану земли, являются характеристической флорой прекрасные и разнообразные хвойные или красные лѣса, такъ же какъ при подошвѣ Mont Cenis —лавровыя и фисташковыя деревья. Особенно замѣтны и распространены зобы на Ленѣ между 1.050 и 606 париж. фут. надъ моремъ, такъ же какъ въ Европѣ высота отъ 1.100 париж. ф. надъ ур. м. представляется самою благопріятною для кретинизма, а высота 750 париж. ф. является крайнею границею

[1]) „Медицинскій отчетъ о состояніи здоровья войскъ за 1860--1863 г.", стр. 116, 125 и 129. Диссертація М. Скорова. Спб. 1863, стр. 5 и 13.

этого феномена. Также аналогичны факты, что въ Ленской долинѣ деревни, какъ, наприм., Туруцкая и Рижная, по причинѣ благопріятнаго положенія близъ нагрѣтыхъ скалъ и особеннаго обилія водъ, гораздо болѣе подвержены зобамъ, чѣмъ другія близко къ нимъ лежащія деревни, и что женщины подвергаются этому эндемическому уродству легче, чѣмъ мужчины, а взрослые иностранцы—никогда. Замѣчательно,—прибавляетъ Ерманъ, что не нужно было и двухъ полныхъ столѣтій, чтобы въ колоніяхъ Ленской долины совершенно здоровую русскую расу сдѣлать близкою къ кретинизму» [1]). Точно также развитію зоба благопріятствуютъ мѣстности по притокамъ верхней Ангары, гдѣ онъ часто достигаетъ весьма большой величины. По Иркуту, по Бѣлой, по Удѣ и, вообще, въ Илимскомъ округѣ, подходящемъ къ Ленской долинѣ, зобъ распространенъ почти повсемѣстно. По самой же Ангарѣ онъ встрѣчается очень рѣдко, а начиная съ братскаго острога и вовсе исчезаетъ [2]). И въ этомъ эндемическомъ оазисѣ, русскія земледѣльческія поселенія были одни изъ самыхъ раннихъ пріангарскихъ колоній.

Или вотъ на совершенно противоположной, сѣверо-западной сторонѣ представляются другія медицинско-географическія и народно-гигіеническія условія поселеній. Въ Ковенской, напримѣръ, губерніи климатъ, подъ вліяніемъ моря есть болѣе приморскій, чѣмъ континентальный, съ преобладающимъ числомъ дней пасмурныхъ надъ ясною погодою. Дней ясныхъ или облачныхъ тамъ, среднимъ числомъ, 128, перемѣнныхъ—50, пасмурныхъ 112, туманныхъ отъ 6 до 13, дождливыхъ отъ 46 до 61, снѣжныхъ—23; слѣдовательно, ясныхъ или облачныхъ дней вполовину менѣе числа дней перемѣнныхъ, пасмурныхъ, дождливыхъ и проч. Число вѣтровъ сухихъ относится къ числу влажныхъ, какъ 0,4 : 0,6; средняя влажность первыхъ есть 0,80, послѣднихъ 0,87; слѣдовательно, вообще, влажность въ Ковенской губерніи 0,84. Уже вслѣдствіе этого преобладанія влажности,— мѣстности Ковенской губерніи не совсѣмъ здоровы для поселеній. Но кромѣ того, въ ней много болотистыхъ, низменныхъ мѣстъ, которыя, высыхая во время сухого и жаркаго лѣта, производятъ вредныя испаренія, наприм., въ Поневежскомъ уѣздѣ, при Биржанскомъ озерѣ и, особенно, въ Шавельскомъ уѣздѣ. По причинѣ излишней влажности воздуха, частыхъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры и вреднаго вліянія испареній въ мѣстахъ болотистыхъ, низменныхъ, — упорныя и всевозможныхъ видовъ перемежающіяся лихорадки (febres intermittentes) составляютъ постоянную болѣзнь въ поселеніяхъ Ковенской губерніи и, кромѣ того, много другихъ болѣзней, обусловливаемыхъ, главнымъ образомъ, климатомъ. Вслѣдствіе этого въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ Ковенской губерніи было, въ десятилѣтней сложности:

	Рожденій.	Смертныхъ случаевъ.
Въ Ковенскомъ уѣздѣ . .	55.359 об. п.	53.227
» Вилкомірскомъ . . .	58.856 » »	57.364
» Новоалександровскомъ .	46.277 » »	32.378
» Поневежскомъ . . .	46.715 » »	38.705
» Шавельскомъ . . .	66.207 » »	59.221
» Тельшевскомъ . . .	53.194 » »	45.308
» Россіенскомъ . . .	64.290 » »	53.231

[1]) Erman, „Reise um die durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828—1830“, B. II. Abth. I, S. 207, 128—222.

[2]) Труды Сибирск. экспедиціи рус. географ. Общества“, 1864 г., стр. 73.

По абсолютнымъ числамъ больше всего умершихъ въ Шавельскомъ уѣздѣ. Причины этого чисто мѣстныя. Въ Шавельскомъ уѣздѣ вредны для жителей болотистыя, низменныя, безъ проточной воды, мѣста въ Грудзевскомъ и Шакиновскомъ приходахъ, особенно въ Грудзовской экономіи помѣщика Нарышкина и въ принадлежащихъ къ ней фольваркахъ: Вербунахъ, Медседахъ, Пауперахъ, Гавенайче, Монюше, Пиктуйше, Іодзе, Бержанахъ, Аугуце, съ принадлежащими къ нимъ деревнями. Тамъ мѣстные жители болѣютъ колтуномъ, лихорадкою, тифозною горячкою. Также болотисты и вредны для здоровья приходы: Крупевскій, Векшнянскій, Окмянскій, отчасти Радзивилишскій и Шавельскій; въ двухъ послѣднихъ лежитъ болото Тируле. Недостатокъ воды и дурное ея качество испытываются въ окрестностяхъ м. Янишекъ, Шавельскаго уѣзда, и также въ городѣ Россіэны и нѣкоторыхъ мѣстахъ этого уѣзда. Поэтому, и въ Россіенскомъ уѣздѣ смертность значительная. Въ Вилкомірскомъ уѣздѣ болотистыя пространства также обширны, именно. они занимаютъ до 239 кв. верстъ, или 24,896 десятинъ, И здѣсь смертность, послѣ Шавельскаго уѣзда, самая большая [1]). Если сравнить роды болѣзней и число умирающихъ отъ нихъ въ Казанской и Воронежской губерніяхъ, то, кромѣ этнологическаго вліянія, окажется, что Воронежская губернія топографически здоровѣе для поселеній, чѣмъ Казанская. Каждогодно, приблизительно, умираетъ въ десятилѣтней сложности:

	От перемежающихся лихорадокъ.	тифа.	чахотки. легочнаго туберкул.	холеры.	кроваваго поноса.	скорбута.	водянки.	воспаленія брюшины.	воспал. желудка и кишекъ.
Въ Казанской губерніи за 1848--58. . . .	460	631	850	107	314	110	349	2	26
— Воронежской губерніи	1	384	252	100	103	13	151	29	65

Эти цифры приблизительно даютъ знать, что по топографическимъ и атмосфернымъ условіямъ Казанская губернія менѣе благопріятна для здороваго развитія, чѣмъ Воронежская. И дѣйствительно, сѣверная половина Казанской губерніи представляетъ низменную и сырую мѣстность, за исключеніемъ Мамадышскаго уѣзда и, частію, Казанскаго, при томъ почти сплошь покрытую лѣсомъ. Въ этой мѣстности есть пункты, гдѣ цѣлые околодки имѣютъ зобъ. Большія и полноводныя рѣки — Кама, Волга и небольшія — Свіяга, Казанка, Илеть, Кокшага и многія другія, имѣющія плоскія берега, по спаденіи весеннихъ водъ, оставляютъ множество неглубокихъ стоячихъ водъ; въ нихъ разлагаются растенія и другія органическія вещества, отчего сырость и испаренія такихъ водъ вредно дѣйствуютъ на здоровье тамошнихъ жителей. Потому, въ Казанской губерніи особенно свирѣпствуютъ изнурительныя перемежающіяся лихорадки [2]). Въ Воронежской же губерніи мѣстныхъ, такъ называемыхъ эндемическихъ болѣзней совершенно нѣтъ, такъ какъ нѣтъ вредныхъ мѣстностей и другихъ причинъ и условій, способныхъ

[1]) „Ковенская губернія“. Матер. для геогр. и стат. Россіи, стр. 196—198, 210—213.
[2]) „Казан. губ.“ Ibid., стр. 132—133.

производить эти болѣзни; незначительные виды лихорадочныхъ болѣзней, которые встрѣчаются въ селеніяхъ по рр. Воронежу, Битюку и, отчасти, Хопру во время весенняго разлива водъ,—по своимъ незначительнымъ проявленіямъ и слѣдствіямъ не могутъ быть отнесены къ разряду болѣзней эндемическихъ. Болѣзни большею частію бываютъ легкія и легко вылечиваются [1]). Что же касается до того, что въ Воронежской губерніи больше желудочныхъ болѣзней, чѣмъ въ Казанской, то это, вѣроятно, зависитъ отъ того, что тамъ больше употребляютъ плодовъ и, кромѣ того, какъ лакомство и подспорье къ пищѣ, разныя растенія, наприм., Sonchus oleraceus, Tragopogon floceosus, Chaerophillum bulbosum, Amarantus paniculatus, Xanthium strumarium, Luctura scariola и др. Наконецъ, относительно собственно земледѣльческихъ поселеній надобно замѣтить, что тѣ мѣста или области,—гдѣ климатъ характеризуется большимъ непостоянствомъ и рѣзкими переходами отъ жара къ холоду, отъ сырости къ удушливой сухости и т. п., безъ медицинской реакціи или противодѣйствія противъ вредныхъ дѣйствій непостояннаго климата и нездоровыхъ мѣстностей, — обусловливаютъ, вопреки общаго закона, наибольшую смертность въ селахъ, чѣмъ въ городахъ. Такъ въ Бессарабской области приходится:

	1 родившійся на	1 умершій на	двое вступившихъ въ бракъ изъ
Въ области вообще.	24 жител.	50 жител.	100 жител.
въ томъ числѣ:			
» городахъ . .	28 »	57 »	112 »
» селеніяхъ . .	20 »	43 »	88 »

Изъ этихъ цифръ видно, что относительно смертность въ селеніяхъ превосходитъ смертность городовъ, вопреки общему закону обратнаго явленія. Тутъ причина та, что села,—въ особенности по долинамъ рѣкъ, въ мѣстахъ болотистыхъ, покрытыхъ камышомъ, какъ наприм., по теченію Днѣпра отъ Кріулянъ внизъ до Аккермана, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по р. Пруту, а также по теченію Реута, Иккеля и прочихъ рѣчекъ, столько же подвергаясь вредному вліянію воздуха, наполненнаго испареніями болотъ, и быстро смѣняющимся крайностямъ жара и холода, сухости и влажности, какъ и нѣкоторые города, наприм., Бѣльцы, Оргѣевъ и др., — далеко не имѣютъ столько медицинскихъ средствъ, чтобы бороться съ вреднымъ дѣйствіемъ климата, сколько пользуются ими города. Послѣ мѣстныхъ естественныхъ причинъ, самая главная причина большей смертности въ селеніяхъ та, что сельскіе жители почти лишены врачебной помощи, потому что во всей Бессарабіи было 33 врача, изъ нихъ на службѣ 29, въ томъ числѣ въ г. Кишиневѣ 12, въ прочихъ уѣздныхъ городахъ 17. Слѣдовательно, 1 врачъ приходится на 30.684 души. При медицинскомъ пособіи тамъ умиралъ 1 изъ 12 заболѣвавшихъ. А пользовался медицинскою помощью только 1 изъ 72 заболѣвавшихъ. Ясно, что при такой предоставленности природѣ, сельскіе жители, при невыгодныхъ для здоровья мѣстныхъ условіяхъ, должны были сильно умирать [2]). Вообще, надобно замѣтить, что въ физіологическомъ или гигіеническомъ отношеніи земледѣльческія поселенія у насъ предоставлены силамъ природы и почти вовсе не

[1]) „Воронежск. губ.“, Ibid., стр. 65—77. Ibid.
[2]) „Бессарабская область“. Ibid., стр. 198—200.

имѣютъ медицинскихъ средствъ бороться съ ними, противодѣйствовать ихъ вліянію. Въ государственныхъ сельскихъ поселеніяхъ, напримѣръ, въ 1858 году, приходился только 1 врачъ на 101.508 чел. об. п. и 1 больница на 1.010.000 чел. об. п. Вслѣдствіе этого, въ сельскихъ поселеніяхъ сильно распространено вредное колдовство, знахарство и множество суевѣрныхъ наговоровъ и заговоровъ противъ болѣзней и проч. [1]).

Таковы, въ общихъ чертахъ, естественныя и умственныя условія историко-географическаго распространенія и устройства самаго многочисленнаго русскаго народонаселенія—земледѣльческаго сословія, крестьянства.

Умственная подавленность передъ природой дѣлала народъ безсильнымъ и въ службѣ государству, въ отправленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, потому что онъ не умѣлъ открывать и извлекать изъ естественной экономіи русской земли и воды столько матеріальныхъ средствъ, чтобы и самому быть безбѣднымъ и обезпеченнымъ, и легко уплачивать государственные налоги. Вслѣдствіе этого, онъ, по словамъ царя Михаила Өеодоровича, былъ въ «скорби конечной», или, по словамъ одного лѣтописца конца XVII вѣка, «сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены». Въ жалобахъ на экономическое безсиліе состоятъ почти всѣ народныя челобитныя XVII в. На земскомъ соборѣ 1642 г. всѣ земскіе люди жаловались на то, что они «обнищали и оскудѣли до конца и разбродились врозь». Пассивное положеніе народа въ области природы русской земли, крайнее неумѣнье пользоваться сокровищами естественной экономіи такъ рѣзко обнаруживалось во всемъ умственномъ и экономическомъ быту народномъ, что образованные европейцы указывали на него, какъ на главный и характеристическій умственный недостатокъ русскаго народа. «Das Land ist,—говоритъ, напр., Петрей,—überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bauerisch, tölpisch und unhöfflich, und fang weder zu Wasser, noch zu Lande, darzu sie selbst Ursach sein. Woleen keine Zucht und Erbarkeit eernen». Петръ В. первый понялъ, что главной причиной бѣдности и безсилія русскаго народа было именно незнаніе природы или естественной экономіи русской земли и неумѣнье открывать, извлекать и примѣнять къ матеріальной культурѣ и цивилизаціи разныя естественныя данныя. «Наше россійское государство,—говорилъ Петръ въ указѣ 10 дек. 1719 г.—предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго приложанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ; сему пренебреженію главнѣйшая причина была та, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оные въ пользу государственную произвести, не разумѣли». Вслѣдствіе этого, Петръ В. первый посѣялъ на умственной почвѣ Россіи идею естествознанія. Потомъ эту идею всего болѣе распространялъ и укоренялъ въ русскомъ обществѣ Ломоносовъ. И только съ тѣхъ поръ, подъ руководствомъ такихъ образованныхъ естественниковъ—европейцевъ, какъ, напр., Делиль, Гмелинъ, Палласъ, и др.,—стали мало-по-малу образовываться и въ русскомъ обществѣ новыя, лучшія генераціи народа, съ естественно-научнымъ развитіемъ и направленіемъ; культура и цивилизація русскаго народа въ нѣкоторыхъ сферахъ стала принимать характеръ европейскій.

---

[1]) Объ этомъ подробно будетъ сказано въ историческихъ очеркахъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія, именно въ очеркѣ медицинскихъ понятій русскихъ и инородческихъ.

ціональный, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало развиваться въ меньшинствѣ этихъ новыхъ ерацій стремленіе къ разумно-свободному развитію въ сферѣ природы и общеенной жизни. Но всѣ эти зачатки естественно-научнаго интеллектуальнаго самовитія и самосознанія еще крайне слабы и ограничены, проявляются только въ шемъ, естественно-научно мыслящемъ меньшинствѣ русскаго общества, и нилько незамѣтны въ массахъ народа. Изъ 528.494 учащихся, по статистич. л. 1858 г., только около 18.000 получили, въ большей или меньшей стеи, естественно-научное образованіе. И изъ нихъ едва ли 6.000 или 7.000 ѣе или менѣе знакомы съ полнымъ курсомъ естественныхъ наукъ, да и эти а больше поглощаются службою, чѣмъ посвящаютъ себя народной индустріаль- дѣятельности. И въ самыхъ городскихъ обществахъ, наиболѣе образованныхъ читающихъ, еще слишкомъ слабы умственныя наклонности къ естествознанію. выразилось даже въ самомъ содержаніи и направленіи нашей литературы. Наімѣръ, въ пятилѣтіе 1801—1806 г. по естественнымъ наукамъ издано было ько 33 сочиненія,—между тѣмъ, какъ по одной, такъ называемой изящной слоности, кромѣ романовъ, вышло 205 сочиненій. И послѣ, въ 1828 году, даже ербургское общество, въ своей исключительно русской библіотекѣ, изъ числа .924 всѣхъ сочиненій, по естественнымъ наукамъ имѣло только 239 сочиненій, а какъ по изящной литературѣ и краснорѣчію 4.250 сочиненій. Эти факты, дставляющіе лучшій масштабъ нашего интеллектуальнаго прогресса и умственъ интересовъ, служатъ въ то же время лучшимъ мѣриломъ, насколько наши твенныя силы успѣли запастись тѣми знаніями, которыя составляютъ единствен- и самую могучую силу и главный факторъ человѣческой цивилизаціи, нально мы стремимся, путемъ естествознанія, къ свободѣ отъ старой зависимости едъ природой, насколько мы богаты и запасены естественно-научными силами и дствами къ покоренію силъ и законовъ природы потребностямъ своей матеріаль- и умственной цивилизаціи, насколько мы, по самопознанію въ сферѣ фиескихъ законовъ и исторіи и по успѣхамъ покоренія природы, ушли впередъ древней Индіи, Египта, Мексики и Китая и догнали современную Англію, нцію или сѣверную Америку—страны могучаго естество-испытательнаго разума, икихъ естественныхъ открытій, производящихъ перевороты въ движеніи цивиаціи, страны, гдѣ началась новая эпоха или новый великій періодъ общечелоеской цивилизаціи — *естественно-научный*. Меньшинство нашихъ новыхъ, лѣднихъ молодыхъ генерацій, всецѣло отдавшееся естествознанію и естествоытанію, вносящее въ общечеловѣческій умственный запасъ и въ общечеловѣчею сокровищницу цивилизаціи хоть частицу новыхъ естественныхъ знаній, новыхъ лѣдованій и открытій—вотъ вся искупительная надежда и весь залогъ молодой опейской Россіи. Только посредствомъ этого естество-испытующаго меньшинства сія, массами своими граничащая и тяготѣющая къ Азіи, связуется съ Европой ачинаетъ органически примыкать къ новому великому общеевропейскому, общеовѣческому обществу естествопознавательной цивилизаціи. Только по мѣрѣ того, ъ изъ массъ народныхъ будетъ выростать и множиться естественно-научно лящее меньшинство, и, возвращаясь въ нихъ, просвѣщать ихъ, раціонализироь ихъ бытъ и культуру, — по мѣрѣ того, массы нашего народа будутъ освождаться, посредствомъ искупительной и могуче-творческой силы естествознанія, тяготѣющаго надъ ними доселѣ владычества природы.

VIII.

Зоолого-географическія и умственныя условія поселеній въ Россіи [1]).

Экономическое и умственное развитіе народовъ много парализировалось и замедлялось, между прочимъ, нарушеніемъ въ народныхъ хозяйствахъ закона соціальнаго равновѣсія и взаимодѣйствія силъ и продуктовъ трехъ царствъ природы. Силы народныя, въ борьбѣ за существованіе и совершенствованіе, по большей части оттого были неравны, успѣхи экономическаго прогресса и развитіе человѣчества, во многихъ отношеніяхъ оттого были медленны, что между народами неравномѣрно распредѣлялись естественныя произведенія царствъ, минеральнаго, растительнаго и животнаго, не было живого обмѣна и разнообразнаго пользованія ихъ матеріалами, силами и средствами. Умственное и бытовое развитіе и направленіе народовъ оттого, большею частью, было одностороннe и неправильно, или крайне-ограниченно и нераціонально, что они первоначально устраивались и долго потомъ промышляли въ области одного какого-нибудь царства природы, именно въ одной какой-нибудь сферѣ органической экономіи природы. И самая главная въ этомъ отношеніи причина медленности, неровности и односторонности развитія народовъ та, что они, устраиваясь первоначально въ области животнаго царства природы, потомъ въ сферѣ растительнаго царства или земледѣльческой экономіи, обыкновенно позднѣе всего познавали и открывали богатства минеральнаго царства, позднѣе всего пользовались золотомъ, серебромъ, желѣзомъ, мѣдью и другими металлами для взаимнаго обмѣна жизненными продуктами и для выработки новыхъ, разнообразныхъ силъ, средствъ или орудій для дальнѣйшихъ цѣлей культуры. Одни племена и народы устраивались исключительно въ области животнаго царства природы, какъ, напримѣръ, всѣ сѣверно-сибирскія охотничьи племена или юго-восточные пастушескіе народы, и долго вовсе не знали, а большею частью и теперь не знаютъ естественной экономіи растительнаго и минеральнаго царствъ. Не пользуясь производительными силами растительнаго царства, не зная культуры хлѣбныхъ и другихъ растеній, эти племена и народы, при ограниченности охотничьяго или пастушескаго пространства питанія, при недостаткѣ или оскудѣніи мѣстной животной экономіи, терпѣли обыкновенно страшный голодъ, крайнюю нужду и оттого, большею частью, вымирали. Не пользуясь сокровищами минеральнаго царства, не зная горныхъ промысловъ и минеральныхъ богатствъ—золота, серебра, желѣза, мѣди и проч.,—они, естественно, были не только бѣдны, безденежны и безсильны въ собственныхъ звѣриныхъ промыслахъ, но и безсильны, и безоружны въ отношеніи другихъ, враждебныхъ племенъ и націй, вслѣдствіе чего легко лишались свободы и подчинялись оружію и владычеству пришлаго, завоевательнаго народа. Не даромъ звѣроловные чудскіе народы, жившіе на сѣверномъ Уралѣ, у Лукоморья, лишенные свободы, запертые въ горахъ, знаками просили у жителей Руси *желѣза, ножей, сѣкиръ* за свои мѣха, за скору, за продукты дикой животной экономіи. Не даромъ и послѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ, сибирскіе звѣро-

[1]) Эта и слѣдующія главы напечатаны въ журналѣ „Русское Слово“ за 1865 г., № 6, стр. 1—30, № 7, стр. 1—36, № 8, стр. 1—44 и № 9, стр. 1—41 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 25 іюля, 25 и 3 августа 1865 г.; № 9—безъ предварительной цензуры; редакція Н. А. Благовѣщенскаго).

ѣскіе и пастушескіе народы постоянно только и вымѣнивали у русскихъ на
и другія животныя произведенія желѣзо и оружіе, что московское прави-
тво строго запрещало. Другіе народы устраивались въ одно и то же время
бласти экономіи животнаго и растительнаго царствъ, и также долго не знали
ствъ царства минеральнаго. Оттого, будучи богаче и цивилизованнѣе племенъ
о-звѣроловныхъ и пастушескихъ, эти народы, безъ продуктовъ и средствъ
паемаго царства, тоже были безсильны и безоружны, какъ въ борьбѣ съ почвой
кими животными, по недостатку желѣзныхъ или, вообще, металлическихъ
й—земледѣльческихъ и охотничьихъ,—такъ и въ борьбѣ съ сосѣдними враж-
ми народами, по недостатку оружія. Такъ, русскій народъ, въ древнія, до-
вскія времена, преимущественно устраивался и промышлялъ въ области расти-
ой и животной экономіи природы и почти вовсе не зналъ богатыхъ сокро-
ископаемаго царства. Оттого господствовала одна земледѣльческая промыш-
сть и колонизація и вовсе не было колонизаціи и культуры горнозаводской.
о народъ. при изобиліи хлѣба, скота и, особенно, звѣриныхъ мѣховъ, долго
мѣлъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, употреблялъ, вмѣсто ихъ,
ныя шкуры, мѣха и кожи; не имѣлъ такого крѣпкаго желѣзнаго оружія,
скорѣе и легче свергнуть съ себя многовѣковое иго азіатскихъ ордъ и сразу
жить себѣ территоріальный и морской путь на западъ. Оттого онъ былъ до
степени безсиленъ въ собственной земледѣльческой культурѣ и бѣденъ даже
ыми земледѣльческими желѣзными орудіями, что московскіе цари въ XVII в.
ны были озаботиться разсылкою сохъ, сошниковъ, косулей и т. п., а Юрій
анинчь совѣтовалъ устроить по воеводствамъ казенную ссуду и продажу этихъ
й. Оттого, наконецъ, съ XVI в. и, особенно, съ XVII и начала XVIII сто-
, съ упадкомъ средневѣковыхъ экономическихъ основъ поселеній и съ созна-
необходимости радикальной экономической реформы въ Россіи,—такъ сильно
ствовалась въ московскомъ государствѣ необходимость призвать западныхъ
знатцевъ, нѣмецкихъ, голландскихъ и другихъ горнозаводчиковъ—Бишіусовъ,
еліусовъ, де-Геннинова и проч., и съ XVII в. началась повсемѣстная усердная
ѣздка *про золотую и серебряную, про мѣдную, желѣзную и свинцовую*
, *про жемчугъ и каменья*, особенно въ Сибири. Петръ Великій оконча-
о понялъ, что, послѣ отживавшихъ и упадавшихъ естественно-зоологическихъ
ъ поселеній древней Россіи, — новыхъ источниковъ и областей народнаго
устройства и обогащенія нужно искать въ минеральномъ царствѣ природы.
XVIII столѣтія началась обширная колонизація и культура въ областяхъ
й природы, въ сферѣ минеральныхъ богатствъ Урала, Алтая и другихъ
юстей европейской Россіи и Сибири, а вслѣдствіе того, началось, хотя и
енное, и, большею частью, по выраженію графа Воронцова, *не прямое*, но
ственное измѣненіе и преобразованіе экономическаго быта народнаго.

Несмотря, однакожь, на то, что русское народонаселеніе мало-по-малу рас-
ранилось и устроилось по всѣмъ сферамъ, по всѣмъ областямъ естественной
міи русской земли,—въ земско-хозяйственномъ строѣ его и доселѣ нѣтъ над-
цаго равновѣсія силъ и произведеній трехъ царствъ природы, нѣтъ живого
ктивнаго обмѣна между разнородными мѣстными группами поселеній. Еще до
поръ рѣзко выступаютъ на русской землѣ, во всей естественно-продуктивной
ско-хозяйственной индивидуальности и локализаціи, различныя группы и формы

народныхъ поселеній. Сколько физико-географическихъ и натурально-продуктивныхъ формъ и типовъ представляютъ различные естественно-производительные источники и резервуары на широкомъ пространствѣ Россіи, — столько же земско-хозяйственныхъ и экономическихъ формъ и типовъ отразилось на разнообразныхъ классахъ или разрядахъ естественно-промышленныхъ народныхъ ассоціацій. Сообразно съ этими естественными условіями ея, построились на ней всѣ земско-хозяйственныя поселенія и огромными, раздѣльными географическими оазами расположились и растянулись по всей ея широтѣ. Природа связываетъ одни изъ этихъ земско-хозяйственныхъ оазовъ, природа же и раздѣляетъ другіе изъ нихъ. И умъ народный еще слишкомъ мало устранилъ эти физическія преграды, еще слишкомъ мало сдѣлалъ для установленія между различными географическими отдѣлами или группами народныхъ поселеній живого, органическаго земско-хозяйственнаго обмѣна, взаимодѣйствія и равновѣсія.

Вотъ, напримѣръ, обширные горные оазы минеральнаго царства русской земли — наши гигантскіе хребты — Уралъ и Алтай, позднѣе всѣхъ другихъ мѣстностей открывшіеся для народной колонизаціи и культуры. Типически-обособленною группою выступаетъ и цѣльно-сомкнутою цѣпью связуется ихъ своеобразный горный строй. Лишь только поднимается путешественникъ, напримѣръ, въ эту горную область Урала, — взоръ его сейчасъ поражается повсюду рѣзко-выдающимся строеніемъ горнаго оаза, горной природы. За горами горы только и виднѣются, съ разнообразными геогностическими формаціями и горными породами, разломанными гранитами и порфирами во время поднятія Урала. Тутъ и тамъ, по бокамъ и впереди, среди сплошныхъ горныхъ массъ, титанически изрытыхъ и гигантскими грудами взброшенныхъ въ высь на огромномъ пространствѣ, великолѣпными террасами выступаютъ и рисуются, подъ синевою неба, хребты лѣсистыхъ горъ, причудливо изгибающіеся въ вершинахъ своихъ то ровнымъ криволинейно-извилистымъ протяженіемъ вдоль, то крутымъ подъемомъ и взметомъ въ высь, то легкими изгибами и склонами внизъ. А тамъ, за этими изгибистыми вершинами лѣсистыхъ горъ, словно выглядываютъ вновь, изъ-за лѣсу, надъ падями и ущельями, и величественно выдаются, еще высшимъ взлетомъ въ воздушныя пространства, конически-выпуклые пики хребтовъ, представляющіе видъ грандіозныхъ естественныхъ обсерваторій въ храмѣ природы; а за ними, въ извилистыхъ, перекрестно стелющихся лѣсистыхъ падяхъ, здѣсь и тамъ, виднѣются груды, массы безпорядочно-нагроможденныхъ громадныхъ плитъ и каменьевъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, кажущіеся издали то башнями, то зіяющими львами и т. п. И вотъ, среди этого типически-своеобразнаго горнаго оаза, гдѣ горныя породы, осадочныя и кристаллическія, то господствуютъ, то подчиняются другимъ горнымъ типамъ, то переслоиваются и на время скрываются, гдѣ между кряжами гранитными, порфировыми, магнитно-желѣзняковыми и проч. кроются и тянутся различныя металлоносныя жилы, —здѣсь, въ этомъ горно-минералогическомъ оазѣ, съ начала прошлаго столѣтія, устроились наши лучшія колоніи въ области ископаемаго царства природы — многочисленные горные заводы и горнозаводскія поселенія. Съ своеобразною топографическою типичностью выдаются они въ этихъ горахъ, напримѣръ, на Уралѣ. Путешественникъ видитъ, то тамъ, то здѣсь, дымъ въ горахъ, надъ лѣсомъ, среди лѣсовъ сосновыхъ, лиственичныхъ, осиновыхъ и липовыхъ; въ высокихъ гористыхъ мѣстахъ, уложенныхъ дикимъ камнемъ, все чаще и чаще встрѣчаетъ онъ руд-

и, слышитъ стукъ молотковъ, видитъ рудокоповъ и заводскихъ рабочихъ у никовъ, ширфовъ, штольнъ, доменъ, на плотинахъ и прудахъ и проч., и, онецъ, все чаще и чаще въѣзжаетъ въ большія, нерѣдко весьма порядочно гроенныя села, въ родѣ Билимбаевскаго завода, Верхотурскаго завода, и города, родѣ Екатеринбурга на Уралѣ или Барнаула на Алтаѣ. Навстрѣчу ему бѣгутъ нѣкоторыхъ горнозаводскихъ селахъ мальчики съ кусками магнита и т. п., а городахъ идутъ торговцы съ разными минералогическими коллекціями или издѣми. По всему видно, что путешественникъ въѣхалъ въ горный, минералогичеі оазисъ горнозаводскихъ поселеній. И стоятъ эти поселенія отдѣльнымъ горіъ округомъ, типически обособляясь отъ подлѣ-лежащихъ степныхъ или равнинъ поселеній. Географическое положеніе ихъ доселѣ составляетъ главную причину слабаго продуктивнаго обмѣна съ другими, особенно отдаленными группами эленій, причину, превышающую доселѣ умственныя силы русскаго народа въ ьбѣ съ природными географическими преградами. Возьмемъ, напримѣръ, желѣзную изводительность уральскихъ горно-заводскихъ поселеній, гдѣ находится до 46 гныхъ горныхъ заводовъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, доставляюъ почти три четверти всего количества производимаго у насъ желѣза. Рѣзко ающимся средоточіемъ или оазомъ выступаетъ этотъ горно-промышленный округъ эленій по своей желѣзной производительности въ сравненіи съ другими, все ѣе и далѣе отступающими отъ него рудниками. Вотъ, напримѣръ, процентное ошеніе производительности всѣхъ рудниковъ по каждой губерніи:

Пермская	60,3	Владимірская	1,1
Оренбургская	13,2	Вологодская	1,1
Калужская	6,7	Рязанская	0,5
Вятская	6,6	Тульская.	0,5
Нижегородская	5,8	Орловская	0,5
Олонецкая	1,7	Пензенская	0,4
Тамбовская	1,5	Костромская	0,1

При такомъ процентномъ преимуществѣ желѣзной производительности, уральгорные заводы, однакожъ, по своей географической отдаленности и обособленги, не снабжаютъ желѣзомъ всѣхъ внутреннихъ областей и вообще мало удогворяютъ народной нуждѣ въ желѣзѣ. Чѣмъ далѣе отъ Урала губерніи, тѣмъ ьшее въ нихъ количество чугуна причитается на каждаго жителя. Наприъ, въ

Пермской	17,0	Тульской.	2,1
Оренбургской	32	Рязанской	2
Владимірской	5	Пензенской	2
Тамбовской	4,5	Орловской	1,7

Такое сосредоточіе нашей желѣзной промышленности въ горномъ оазѣ Урала толь неравномѣрное распредѣленіе желѣза, составляющаго первую потребность общественной экономіи, не встрѣчается ни въ одномъ государствѣ и составляетъ тительное зло какъ для земледѣльческихъ, такъ и для всѣхъ промышленныхъ

поселеній. Вслѣдствіе этой географической обособленности уральскихъ заводовъ, вся торговля желѣзомъ сосредоточивается вблизи Урала, на нижегородской ярмаркѣ и въ рукахъ нижегородскаго купечества. Чѣмъ дальше отъ Урала, тѣмъ желѣзо дороже и тѣмъ меньше его въ народномъ употребленіи. Тогда какъ, напримѣръ, въ Пермской и Нижегородской губерніяхъ пудъ желѣза стоилъ отъ 1 р. до 1 р. 18 к.,—въ губерніяхъ Могилевской, Таврической, Волынской, Ковенской, Виленской, Подольской онъ покупался уже отъ 2 р. 16 к. до 3 р. и больше. Чѣмъ дальше отъ Урала, тѣмъ больше дерево преобладаетъ надъ желѣзомъ во всѣхъ народныхъ издѣліяхъ и постройкахъ, требующихъ для прочности желѣза. Такъ, напримѣръ, въ западныхъ губерніяхъ, при постройкѣ сельскихъ зданій, желѣзные гвозди замѣняются деревянными, и даже у помѣщиковъ, пользующихся извѣстнымъ достаткомъ, желѣзные замки на воротахъ и калиткахъ, и даже на дверяхъ ригъ и овиновъ замѣняются деревянными засовами, а петли, на которыхъ навѣшены двери, дѣлаются изъ ивовыхъ обручей. Въ большей части имперіи крестьянскія лошади не подковываются, а колеса у телѣгъ не обтягиваются желѣзомъ; оси дѣлаются изъ дерева, и изъ него же дѣлаются садовыя лопатки и лопаты для земляныхъ работъ. Есть даже мѣстности, въ которыхъ сошники у плуговъ дѣлаются деревянные, только съ желѣзнымъ наконечникомъ. Особенно инородцы чувствуютъ недостатокъ въ желѣзѣ и желѣзныхъ издѣліяхъ. Вообще, несмотря на изобиліе желѣза на Уралѣ, въ Россіи приходится на жителя только 6²/3 фунта желѣза или по 9¹/3 ф. чугуна, тогда какъ въ Англіи потребляется каждымъ жителемъ 138,4 русскихъ фунта чугуна. Такъ еще слабъ продуктивный обмѣнъ горнозаводскихъ поселеній съ другими промышленными поселеніями.

Съ Урала, изъ области минеральныхъ богатствъ, спуститесь въ огромную земледѣльческую равнину. Она тянется полосой, отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ, обширнымъ геогностическимъ оазисомъ чернозема и покрываетъ въ Европейской Россіи огромную площадь, сѣверные предѣлы которой достигаютъ на западѣ 51°, на востокѣ 57° с. ш., а южнѣе—на западѣ 47°, на востокѣ 54° с. ш. Это огромное пространство, занимающее 87 милліоновъ десятинъ, составляетъ драгоцѣнное сокровище для земледѣлія. И здѣсь устроились особенныя, совершенно отличныя отъ горно-заводскихъ колоній, обширныя земледѣльческія поселенія. Повсюду, на широкихъ равнинахъ и холмикахъ, только и чернѣются, изрѣдка пересѣкаемыя перелѣсками, черноземныя полоски пашень; на нихъ повсюду копошатся мужики и бабы, то съ сохами и боронами, то съ серпами и косами: тамъ сѣютъ и боронятъ, тутъ жнутъ и кладутъ хлѣбъ въ скирды или на возы. Въѣзжаете вы въ села,—видите прежде всего риги, гумна и овины и вокругъ нихъ зароды, клади и скирды соломы и сноповъ. Солома, большею частью, повсюду бросается въ глаза и въ самыхъ селахъ: соломой нерѣдко крыты избы и амбары, солома на сараяхъ, солома на повѣтяхъ и хлѣвахъ. На сараяхъ и подъ сараями видите старыя сохи и бороны; въ дворахъ торчатъ хлѣбовозные крюки, телѣги и т. п. Словомъ, вы попали въ села чисто-земледѣльческія, въ оазъ черноземной полосы. И здѣсь, въ этомъ черноземно-земледѣльческомъ оазѣ поселеній, доколѣ благопріятствуютъ движенію земледѣльческихъ запасовъ естественные географическіе пути—волжская система, ведущая къ 11-ти сѣвернымъ губерніямъ, нуждающимся въ хлѣбѣ, и южная система, ведущая къ портовымъ городамъ на моряхъ Каспійскомъ, Азовскомъ и Черномъ,—дотолѣ проявляется болѣе или менѣе живое гео-

›ически-земледѣльческое общеніе и обмѣнъ этихъ черноземно-хлѣбородныхъ по-
ній съ другими промышленными поселеніями. Но вотъ, въ этой же черноземной
›сѣ, въ центральной системѣ хлѣбнаго производства и движенія, напримѣръ,
части Пензенской губерніи, въ части Саратовской губерніи, удаленной отъ
ги, въ значительной части Воронежской и Курской губерній и во всей Хер-
кой, нѣтъ такого естественнаго удобства водяного сообщенія, которымъ поль-
гся губерніи, расположенныя по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ. Донъ хотя и орошаетъ
ъ этой мѣстности, но онъ протекаетъ по хлѣбороднымъ же степямъ Земли
ска Донского, изобильной запасами земледѣльческихъ произведеній. И вотъ
ъ нѣтъ живого обмѣна, живого движенія хлѣбныхъ запасовъ ни въ ту, ни
другую сторону. Весь сбытъ ржи по Дону ограничивается заготовленіемъ про-
›льствія для войскъ, расположенныхъ по восточному берегу Чернаго моря. За-
ь, болѣе значительная часть мѣстныхъ урожаевъ ржи этого края не находитъ
ого потребленія, кромѣ мѣстныхъ винокуренныхъ заводовъ. Это почти совер-
но замкнутый черноземно-хлѣбородный оазъ винокуренныхъ заводовъ. Въ этой
ирной черноземной области растительной экономіи природы народъ русскій еще
пкомъ мало проявилъ культурной интеллигенціи и энергіи, и большія полосы
ются даже еще неколонизованными.

Спустимся отсюда по пути къ Каспійскому морю. Тамъ, опять, откроется
ъдъ нами совершенно новая область природы — обширная область ихтіологиче-
і, водной экономіи природы, и мы увидимъ новый промышленный оазъ, новый
ь поселеній. Сначала дорога ведетъ насъ степью нагою, безплодною, какъ все
брежье Каспійскаго моря; безпредѣльная синева неба, сливаясь вдали съ без-
ничною, повидимому, степью, не представляетъ пытливому взору другой точки
ы, какъ развѣ только одиноко-торчащій отрогъ какой-нибудь песчаной горы,
рый своимъ фантастическимъ очеркомъ займетъ взоръ на минуту, но, наконецъ,
оянно торча предъ глазами, утомитъ до нельзя. Вокругъ солончаковая степь,
окая, раздольная, какъ недвижимое море суши, разстилается утомительно-одно-
зно. Но вотъ, наконецъ, синѣетъ и плещется о берега этой безплодной, степ-
суши самое море. Нѣтъ жизни кругомъ въ песчаной и солонцовой степи; въ
омъ только этомъ бурномъ морѣ кишитъ и животрепещется полнѣйшая, неисчер-
иая жизнь разнообразныхъ водныхъ породъ каспійскаго бассейна. И вотъ, этотъ
ественный резервуаръ животной экономіи привлекъ на безплодныя берега Каспій-
о моря и на устья впадающихъ въ него рѣкъ особую, спеціальную колониза-
—рыболовческую. Сначала устроивались одни камышевые шалаши и станы. По-
ь богатая, неистощимая рыбная экономія моря привлекала все больше и больше
олововъ; строились избушки и домишки, къ нимъ пристроивались складочныя
та, амбары, магазины, выхода, а иногда — церкви, башни, башенки и цѣлая
а строеній и, такимъ образомъ, возникала промысловая ватага за ватагой, а тамъ
— и селеніе за селеніемъ. Такъ, въ гидрографической чертѣ Каспійскаго моря,
богатѣйшей и этіологической области русской земли, образовался особый, рыбо-
ышленный оазъ поселеній съ особеннымъ, своеобразнымъ рыбацкимъ типомъ
еленія. Море Каспійское и рыболовство спеціально занимаютъ милліоны рабо-
ъ рукъ въ Астраханской губерніи и по всему Каспійскому прибрежью. Сотни
ысячи народонаселенія тамъ только и снуютъ по морю на своихъ морскихъ су-
ъ—кусовыхъ лодкахъ, реюшкахъ или подчалкахъ, салмовкахъ, свойскихъ лод-

кахъ, морскихъ расшивахъ, шхоутахъ, кусовыхъ тюленьихъ лодкахъ, каржимахъ, тумбалахъ и проч. Тысячи рыбаковъ забрасываютъ въ море и втекающія въ него рѣки разные свои снаряды — аханы, вентери, секретики, ванды, самоплавы, рѣжаки, погоняи, поѣздухи, блесны и проч., строятъ учужныя и ватажныя забойки, съ своеобычными обрядами совершаютъ свое малое, большое и презентное багренье, и проч. Такъ море обусловило своебразныя морепромышленныя рыболовныя поселенія.—Если мы заглянемъ на берега Бѣлаго и Ледовитаго морей, то и тамъ увидимъ такія же типически-оригинальныя морепромышленныя поселенія. Здѣсь, начиная отъ Печоры и Мезени, по двинскому низовью, по берегамъ Бѣлаго моря—Зимнему, Лѣтнему, Онежскому, Поморскому, Корельскому, Терскому, Кандалакскому и Мурманскому, — со временъ новгородскихъ колонизованы и тянутся сплошною поморскою сѣтью все моряцкія и рыболовскія поселенія. Море Бѣлое и Ледовитое—ихъ жизненная, естественно-хозяйственная стихія, ихъ натуральная, ихтіологическая экономія и широкое поприще ихъ моряцкой промышленной дѣятельности. «Море наше поле», — говорятъ поморы. Море развило въ поморахъ особенный, оригинальный морепромышленный типъ, особенные моряцкіе нравы и характеры, въ волнахъ своихъ взлелѣяло и въ буряхъ своихъ закалило эти мощныя, коренастыя натуры поморскія, вызвало эти типически-оригинальныя рабочія артели моряцкія и было для нихъ грозно-воспитательнымъ училищемъ смышленности и широкимъ полемъ проявленія богатырской удали. Море и морскіе звѣриные и рыбные промыслы дали особыя названія многимъ селеніямъ и географическимъ урочищамъ поморскимъ, развили между поморами особенный, оригинальный словарь, въ которомъ преобладаютъ слова и представленія о морѣ, о разныхъ физическихъ явленіяхъ моря, о морскихъ и прибрежныхъ топографическихъ особенностяхъ, о морскихъ вѣтрахъ, о морскихъ звѣряхъ и рыбахъ, о морскомъ символическомъ времясчисленіи и проч. Однимъ словомъ, моря Бѣлое и Ледовитое, съ ихъ водной животной экономіей, наложили свой типическій отпечатокъ на все сѣверное поморье и обусловили особенный, своеобразный типъ и оазисъ морепромышленныхъ рыболовческихъ поселеній.

А вотъ, тутъ же подлѣ моря, по всему берегу Ледовитаго Океана, отъ Лапландіи до Чукотской земли, тянется тундра безпредѣльная, почти вѣчно-замерзлая, угрюмая, мрачная, безплодная. Желтый мохъ и лишаи, олень и собака—вотъ типическая индивидуальность тутъ дрянной флоры и фауны. И вотъ тамъ, въ этомъ географическомъ оазѣ сѣвернаго оленя и собаки, бродятъ только *оленныя* и *собачныя* бродячія племена — лопари, самоѣды, остяки, юраки, тунгусы, юкагиры, чукчи и проч. Полярная тундра—это районъ или оазъ самой низшей, примитивной, животно-бытовой формы человѣческихъ поселеній въ предѣлахъ россійскаго материка. Посмотрите, тамъ, на сѣверѣ, по всей полярной тундрѣ, отъ Лапландіи до Берингова пролива, еще доселѣ толпы племенъ и расъ стоятъ на степени почти только что переходной отъ степени животнаго быта, еще не доведены руководительнымъ призваніемъ европейцевъ до прочной человѣческой осѣдлости. Какъ звѣрей полярнаго климата полярная природа гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто для пріисканія пищи и защиты отъ суроваго климата, научаетъ бродячей жизни, — такъ и всѣ эти бродячія племена—самоѣдовъ, юраковъ, тунгусовъ, юкагировъ, ламутовъ, чуванцевъ, чукчей и проч.,—та же полярная природа и такъ же, подобно звѣрямъ, гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ лѣсовъ къ рѣкамъ, съ рѣкъ къ береговой тундрѣ.

съ тундряного ледяного материка на море Ледовитое, тоже для добычи пищи и средствъ защиты отъ полярнаго климата. Посмотрите: тамъ, въ глубокой, угрюмой, ледяной тундрѣ, несется на лыжахъ тонконогій, беззаботно-веселый, забито-стоическій тунгусъ: во всю прыть гонится онъ по насту или по снѣгамъ и льдинамъ тундры за соболемъ, за зайцемъ или дикимъ оленемъ, чтобы наѣсться самому и накормить и одѣть дѣтей и жену. А вотъ тамъ же, юкагиръ или ламутъ тащится по ледяной пустынѣ тундры, въ темныя туманныя ночи, въ 40 градусный морозъ, тащится на своихъ собакахъ волчье-породныхъ, на берестяной партѣ, съ грузомъ звѣрины въ ровдужномъ чумѣ... Или вотъ, въ концѣ мая, обыкновенно идутъ изъ лѣсовъ въ сѣверныя тундры, къ морю, табуны оленей въ 200 и 300 головъ и перебираются сплошнымъ стадомъ черезъ верховья сухого Анюя. Вѣтвистые рога ихъ колышутся, какъ будто огромныя полосы сухого кустарника. И за ними чуванцы, ламуты, тунгусы, якуты, все бродячее народонаселеніе тундры приходитъ въ движеніе, съ голоднымъ остервенѣніемъ бросается за бродячими оленями на покольню. «И оленья охота въ водѣ,—говоритъ Врангель, — представляетъ нѣчто необыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей—болѣзненное харканье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью покольщики, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, обагренная кровью поверхность рѣки,—все вмѣстѣ составляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить». Вотъ жизнь въ тундрѣ!

Или спуститесь, наконецъ, на юго-востокъ Великороссіи и Сибири. Здѣсь, на громадномъ пространствѣ откроется передъ вами новый геологическій типъ — обширный солончаково-растительный оазъ степей. Въ рѣзкомъ контрастѣ съ хребтами: Уральскимъ, Алтайскимъ и Саянскимъ, у подножія ихъ стелются и тянутся здѣсь почти непрерывныя степи, начиная отъ Арало-Каспійской низменности до высокой степи Гоби. Съ однообразною типичностью Турана, Шамо или нагорныхъ равнинъ и долинъ центральной Азіи, тянутся здѣсь степи Заволжскія, Астраханскія и Оренбургскія, степи Киргизскія, степь Иртышская и Барабинская, возвышенныя степи, степныя долины и равнины Пріалтайскія, степи: Чуйская, Ачинская, Койбальская, Бельтирская и Сагайская, широкія степи, горныя долины и возвышенныя равнины Забайкальскія, Дауро-Монгольскія, степи и между-горныя долины Верхоленскія. Это широкій зоолого-этнографическій путь, естественно склоняющійся отъ 10.810 ф. надъ уров. моря въ плато Тибета, или отъ 5.100 ф. въ плато Монголіи, въ степи Гоби, до 1.000 ф. надъ уров. моря у оз. Зайсана и до $72^1/_2$ ф. въ низменности Арало-Каспійской. По этому пути шли, по взаимной связи и послѣдовательности, средне-азіатскія эмиграціи или переселенія и животныхъ, и народовъ. На одной юго-восточной оконечности этихъ степей распространилось изъ средней Азіи и доселѣ живетъ до 93 видовъ земныхъ млекопитающихъ животныхъ. Изъ 85 видовъ млекопитающей фауны юго-восточно-сибирскихъ степей и нагорныхъ равнинъ и долинъ до 40 видовъ свойственны исключительно Азіи, эмигрировали сюда изъ степей ея центральнаго нагорья. Изъ 57 видовъ сѣверно-манджурской фауны юго-восточной Сибири 21 видъ принадлежитъ южной и средней Азіи, 7 видовъ частью индо-китайскихъ, частью японо-китайскихъ. Изъ 30 видовъ Монголіи до 15 видовъ эмигрировали въ возвышенную степь Гоби и въ Дауро-Монголію изъ внутренней Азіи. Всѣ эти азіатскія, дикія и домашнія

породы животныхъ—джигитаи (equus hemionus), домашнія лошади (equus caballus), породы скота—bos taurus, bos grunniens, дикія и домашнія овцы и козы—aegocevos ovis ardali, aegocevos capra sibiricus, всѣ эти антилопы и сайги—antilope saiga, antilope gutturosa и проч., распространявшіеся до степей Приалтайскихъ и Арало-Каспійскихъ, — суть выходцы изъ южной и центральной нагорной Азіи, какъ раскроемъ это мы дальше подробнѣе. Степи Дауро-Монгольскія, степи и горныя долины Алтайскія представляютъ, такимъ образомъ, естественный сборный пунктъ, гдѣ типы суб-тропической фауны сходятся съ типами полярными, тоже, впрочемъ, вышедшими первоначально изъ горныхъ странъ средней Азіи. Фауна Алтая, напримѣръ, представляетъ рѣдкое соединеніе въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ полярныхъ типовъ съ суб-тропическими. Съ одной стороны, до Алтая распространяется порода сѣверныхъ оленей (cervus tarandus—до береговъ Катуни, cervus alces до рѣкъ Сугаша и Бирюксы), а съ другой, тигръ забѣгаетъ лѣтомъ изъ суб-тропическихъ широтъ до Бухтарминской долины и даже до Алтанской волости, въ сѣверной части хребта; двугорбый верблюдъ встрѣчается у калмыковъ въ юго-восточномъ Алтаѣ и даже въ степи Койбальской и достигаетъ здѣсь своего сѣвернаго предѣла. Вслѣдствіе такого естественнаго географическаго стеченія и сосредоточенія средне-азіатской млекопитающей фауны въ степяхъ и нагорьяхъ Дауро-Монгольскихъ, Забайкальскихъ, Пріалтайскихъ, Киргизскихъ и далѣе,—въ этомъ широкомъ зоолого-географическомъ оазѣ степей, естественно, развернулись и сосредоточились средне-азіатскія формы пастушескихъ, скотоводческихъ кочевій. По путямъ географическаго движенія животныхъ изъ средней Азіи въ юго-восточно-сибирскія, Пріалтайскія и Арало-Каспійскія степи, нерѣдко по тропинкамъ, проложеннымъ дикими животными, двигались сюда, одни за другими, и народы пастушескіе, воспитанные въ пастушествѣ первоначально въ степяхъ центральной нагорной Азіи, въ этой родинѣ номадіи, въ естественномъ отечествѣ наибольшей части видовъ домашнихъ животныхъ и разныхъ расъ народныхъ. Какъ всѣ эти дикія лошади или джигитаи, дикіе ослы или куланы, дикія овцы или аргали, дикіе быки или зебу и проч., сосредоточивались и паслись преимущественно въ этихъ обширныхъ областяхъ или оазахъ степной флоры, богатой кормовыми травами и въ особенности породами солонцевыхъ растеній (salsolaceae), у естественныхъ степныхъ колодцевъ и водопоевъ, водосточныхъ ямъ въ песчаныхъ рытвинахъ и оврагахъ, подъ защитой подвижныхъ песчаныхъ холмовъ отъ холодныхъ вѣтровъ и мятелей,—такъ и пастушескіе, бродяче-кочевые народы, другъ другомъ вытѣсняемые съ средне-азіатскихъ нагорій и привлекаемые этой естественной животной экономіей степей, сосредоточивались, другъ подлѣ друга, въ степяхъ, среди этой степной фауны. И какъ всѣ эти животныя—джигитаи, антилопы, сайги и проч., —движимыя физическими условіями, потребностью корма, питія и защиты отъ суровостей климата, отъ бурь и урагановъ степныхъ, періодически переселяются изъ однихъ мѣстъ степей въ другія,— такъ и пастушескіе номады, вслѣдъ за ними и подобно имъ, кочуютъ съ своими стадами по степямъ. И какой своеобразный этнографическій типъ и міръ представляетъ эта широкая и длинная географическая полоса степей, степной фауны и степныхъ кочевій! Посмотрите на всѣ эти орды въ обширныхъ, безлѣсныхъ, солончаковыхъ и песчаныхъ степяхъ Заволжскихъ и Киргизскихъ, въ широкихъ степныхъ долинахъ и равнинахъ Пріалтайскихъ и Саянскихъ, въ громадныхъ степяхъ и между-горныхъ равнинахъ

ійкальскихъ и Верхоленскихъ! Дикими, нестройными аулами, улусами и юртами, никами и лѣтниками, разбросались онѣ по необъятно-дикому простору степей, келтѣющемуся лѣтомъ, то бѣлѣющему зимой. Кругомъ, по ровной, гладкой цади желтѣющихся степей, по голымъ, безлѣснымъ и тоже степью желтѣюся холмогорамъ, повсюду, докуда только глазъ, непремѣнно прищурясь, можетъ лядѣть эту ширь и даль степную, теряющуюся въ далекой синевѣ лѣсистыхъ и неба,—повсюду бродятъ, пестрѣютъ, бѣлѣются и чернѣются тысячи табу- и стадъ средне-азіатскихъ породъ. И въ полдневный жаръ или въ ясный тъ солнца, здѣсь и тамъ, въ междугорной долинѣ и по широкой степи, при омонной трескотнѣ въ густой травѣ кобылокъ и кузнечиковъ, раздается въ й дисгармоніи привольный, разноголосый ревъ и крикъ полудикихъ степныхъ этныхъ — мычанье быковъ и коровъ, блеянье овецъ и козъ и ржаніе дикихъ ныхъ лошадей. Изрѣдка промчится мимо этихъ стадъ дико-гогочущій бурятъ калмыкъ съ длиннымъ арканомъ, чтобы поймать дикаго, быстраго степного , или протащится съ визгливымъ скрипомъ тяжелая арба и на вяло переваюющемся быкѣ проѣдетъ бурятъ, тоже гогочущій пѣсню про степь, про корову, все, что попадется на глаза; либо толпа бурятъ и оригинально-наряженныхъ токъ —этихъ степныхъ амазонокъ,—пронесется на быстрыхъ коняхъ въ шакій лѣсъ или на свадьбу въ дальніе улусы. А тамъ вдали слышенъ лай со-, похожихъ на волковъ, и виднѣются юрты и улусы: между юртами возятся тки со скотомъ, доятъ коровъ и кобылъ. И надъ улусами, подъ вечеръ, гъ дымъ столбомъ: то буряты колютъ и жарятъ барановъ и пьютъ арахи, сунъ или арсу. А вотъ здѣсь, у юртъ на дворѣ разложенъ огонь и вокругъ сидятъ и движутся степняки —и шаманы о чемъ-то шаманятъ. Взгляните на ъ этихъ разноплеменныхъ номадовъ пустыней, степей, вглядитесь въ это тиски-своеобразное строеніе и очертаніе ихъ азіатскихъ обличій, вникните въ ь отличительный складъ ихъ степныхъ уставовъ, міросозерцаній, вѣрованій и овъ, послушайте всѣ эти разнообразные языки и нарѣчія. Какой это, вблизи дной Европы, своеобразный антропологическій міръ, и какъ выразительно и ефно напечатлѣлся на немъ зоолого-географическій типъ степей!.. Послушайте, е, эти унылыя, монотонныя пѣсни и гиканье пастуховъ-номадовъ, такимъ ди- степнымъ голосомъ раздающіяся, напримѣръ, подъ вечеръ, въ дикихъ степь пустыняхъ или между-горныхъ долинахъ во время сѣнокосовъ, перегонки ъ или перекочевокъ,—пѣсни и гиканья, такъ уныло отзывающіяся въ сердцѣ льными звуками пастуховъ Туркестана, бедуиновъ Аравіи, или стономъ вонаго духа, подавленнаго и деспотизмомъ, и крайней нуждой, и природой. Поріте, напримѣръ, во время осеннихъ кочевокъ изъ лѣтниковъ въ зимняки, на эти дикообразныя вереницы тяжелыхъ арбъ или одноколокъ съ ящиками и укамн арсы и тарасуна, съ черными, задымленными котлами, деревянными бачаями, мѣшалками и вертелами, съ грязными войлоками, кожами и шубами, черными и полунагими брачатами или калмычатами; взгляните, какъ онѣ тася на вяло-переваливающихся быкахъ по пустынѣ степной, съ докучливоизительнымъ скрипомъ и визгомъ огромныхъ колесъ, съ дикимъ, монотонноіжнымъ гогоканьемъ и крикомъ кочевниковъ, сидящихъ на быкахъ и на арь... Всѣ эти живыя картины пастушескихъ кочевьевъ въ русскомъ царствѣ живо еще напоминаютъ первобытныя пастушескія поселенія востока—Ирана,

Туркестана, Гоби или Монголіи и т. п.,—и какъ далеки они отъ типа западно-европейскихъ поселеній! Геніальный географъ, Риттеръ, мастерски обрисовывая нашъ величественный и богатый Алтай, часто указываетъ въ его горномъ строеніи типы и красоты Щвейцарскихъ и Тирольскихъ Альпъ. Минусинскій, Пріалтайскій округъ, гдѣ до 28.000 пастуховъ кочуетъ и доселѣ, у насъ называютъ сибирской Италіей: Забайкальскія горныя страны сравниваютъ съ Швейцаріей и Тиролемъ. А когда въ этихъ предгорьяхъ, горахъ и долинахъ Алтайскихъ и Саянскихъ Альпъ и хребтовъ, на мѣсто дикихъ, азіатскихъ, пастушески-кочевыхъ юртъ, улусовъ и ордъ, разовьются и зацвѣтутъ такія цивилизованныя скотоводческія и земледѣльческія поселенія, какъ поселенія европейской Швейцаріи и Тироля? Когда? — Покуда и глухо не слышится отвѣта на этотъ вопросъ въ современной исторіи.

Русская колонизація, колонизація европейскаго племени, уже 200 лѣтъ идущая навстрѣчу кочевымъ народамъ Сибири по большой, такъ называемой царской дорогѣ, отъ Волги до Нерчинскихъ рудниковъ и далѣе — до Восточнаго океана,—русская колонизація и сама носитъ на себѣ глубоко-пассивный отпечатокъ топографическихъ условій мѣстностей. Мы не будемъ здѣсь заглядывать въ глубь или во внутренній бытъ этихъ поселеній по сибирскому тракту, а взглянемъ только на внѣшній топографическій строй ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ онъ намъ бросился въ глаза, при самомъ бѣгломъ и поверхностномъ обзорѣ съ тарантаса, въ мимолетный проѣздъ, въ прошломъ году, отъ Нижняго до Иркутска. Въ Нижегородской губерніи намъ довелось видѣть по дорогѣ лѣсистый Семеновскій уѣздъ — этотъ мрачный оазъ раскольничьихъ скитовъ. Кругомъ лѣсъ, и въ лѣсу, чуть не на каждой верстѣ, за сквернѣйшими мостами, среди грязей и топей, торчатъ ветхіе, обломанные старообрядческіе кресты. Изрѣдка промелькнетъ въ лѣсу починокъ или выселокъ съ двумя или тремя крестьянскими избушками. Затѣмъ опять лѣсъ, верстъ на 15 или на 20, и опять оазомъ встрѣтится въ лѣсу какое-нибудь старообрядческое селеніе, въ родѣ Язвицъ. При взглядѣ на эту глушь лѣсную, намъ невольно вспоминались въ этихъ дебряхъ семеновскихъ всѣ эти мрачныя убѣжища и скрытные пріюты раскола — лѣсные скиты и починки старообрядческіе, устроившіеся тамъ съ конца XVII вѣка. Темные люди — суевѣры! и ищутъ-то они только темной же, мрачной глуши лѣсовъ, чтобы сохранить тамъ мглу своихъ суевѣрій. И были же, вѣрно, тяжелыя и мрачныя времена гоненій и невѣжества, когда въ этихъ лѣсахъ искало убѣжища и спасенія изувѣрство и суевѣріе, когда тайкомъ пробирались туда гонимые люди, и въ глуши лѣсной, украдкой, стучалъ топоръ старовѣрскій, срубавшій эти скиты въ лѣсу. И тьма же, вѣрно, обуяла эти головы, этихъ фанатиковъ, когда они, вмѣсто того, чтобы идти къ свѣту западнаго просвѣщенія, шли въ эту дикую глушь и тьму лѣсовъ мордовскихъ и черемисскихъ, — и тамъ, большею частью, доселѣ свято блюдутъ свою неподвижную старину, со всѣми ея преданіями. Для пуританъ-колонистовъ Сѣверной Америки лѣсъ былъ областью раціональнаго проявленія культурной дѣятельности, а для великорусскихъ старовѣровъ лѣсъ былъ убѣжищемъ какой-нибудь онуфріевщины, акулиновщины, фанатическаго аскетизма, суевѣрія и изувѣрства. Но скорѣе далѣе, черезъ такіе же глухіе лѣса костромскіе, ветлужскіе, черезъ эти жалкіе городки—Варнавины, — черезъ эти скучныя, старовѣрствомъ пахнущія села, въ родѣ Уреня, и лѣсныя деревушки, въ родѣ

иной, Кудршиной, Архаровой, Малой Ларіоновки, Вязовской и проч., гдѣ почему-то нерѣдко построены слитно и соединены тайными ходами (какъ тутъ была когда-то борьба съ индійцами... тайныхъ дѣлъ розыскной канце- ... Въ лѣсахъ Вятской губерніи намъ живьемъ бросилась въ глаза другая древней Руси—крестьянская колонизація. Среди черныхъ, дикихъ лѣсовъ все еще только-что заводятся починки, напримѣръ, по р. Пижмѣ, въ Ко- ічьемъ уѣздѣ, починки — *Эманы*, *Шмели*, *Юдинскія избы* и проч. ъ нашимъ проѣздомъ, изъ Слободскаго уѣзда до 90 семействъ переселились ›анскій уѣздъ. Два крестьянина, переселенца изъ Котельничьяго уѣзда, изъ ни Кожевниковой, встрѣтились съ нами на одной станціи: едва дождавшись ›зу черезъ р. Молому, невеселые, съ котомками на плечахъ, брели они, въ ѣ апрѣля босикомъ, по грязямъ и топямъ лѣснымъ, по лужамъ, по разли- и озерамъ. — «Куда вы идете»?—спросили мы ихъ.—«Идемъ въ Котель- просить начальство: хоцемъ *садитьчя на новую землю, на поцинокъ*, юва мѣшаетъ; поставили было избенки, да злодѣй избы-те сжегъ у насъ». — же васъ заставляетъ переселяться»?—«Цо, а лѣсу да и землички мало у въ Кожевниковѣ, а тамъ возлѣ Полякова поцинка тянетчя лѣсъ лишній, пій; *въ пріѣздъ* къ тому Полякову поцинку мы и думамъ садитьчя своимъ комъ, и прозовемъ его вторымъ Поляковымъ.—А вы, ваша милость, куда изволите ›атьчя»?—«Въ Сибирь».—«Въ Сибирь-то,—замѣтили мужики,—и наши кресть- еловѣкъ съ 60, переселились куда-то въ Енисейскую губернію: письма писали, гъ сибирскія мѣста». Эти переселенцы-крестьяне живо напомнили намъ ою Русь, только-что строившуюся: какъ она жива еще и теперь въ глуши ъ восточныхъ, лѣсистыхъ провинцій! Крестьяне здѣсь остались тѣ же са- какими они были въ XVI и XVII вѣкѣ: такъ же они переселяются съ на мѣсто, ставятъ починки въ лѣсахъ и говорятъ такимъ же стереотип- языкомъ: «идемъ лѣсъ ронить, садиться на новую землю, ставить по- ь въ пріѣздѣ къ другому починку и т. п.». Разставшись съ этими пере- цами вятскими, мы скоро очутились въ новомъ лѣсномъ оазѣ. Уже на пе- ; черезъ Чепцу, въ Глазовскомъ уѣздѣ, у Усть-лекомской станціи, пере- и, крещеные вотяки, наглядно показывали намъ, что мы въѣхали въ среду въ и вотяцкаго происхожденія русскихъ крестьянъ. Физіономіи у полу- лыхъ вотяковъ уже близки къ физіономіямъ русскихъ крестьянъ: глаза щеки выпуклыя, но не у всѣхъ; у нѣкоторыхъ волосы кудрявые и черные, гихъ рыжіе и толстые, говоръ нѣсколько пѣвучій и въ концѣ словъ воз- но-протяжный, такой-же, какъ и у совершенно русскихъ вятскихъ кресть- большею частью тоже обрусѣлыхъ изъ вотяковъ. Отсюда, въ дикой глуши ›, по р. Чепцѣ, пошли больше все вотяцкія села и деревни, постепенно ающіяся въ русскія. Народонаселеніе смѣшанное, такъ какъ вотяки и рус- какъ сказывали намъ на Мосѣевской станціи, женятся другъ у друга, и э даже русскіе вступаютъ въ бракъ съ вотячками. Во многихъ селахъ и яхъ вотяки и русскіе живутъ вмѣстѣ, наприм., въ Глазовскомъ уѣздѣ—на и Мосѣевской, въ селѣ Явгурецкомъ, въ селѣ Балезино, въ большомъ тор- › селѣ Дебесахъ, съ котораго начинается Пермская губернія и главный си- й трактъ, и въ другихъ селеніяхъ: обыкновенно половина избъ русскихъ, іна—вотяцкихъ. Только въ глуши лѣсовъ живутъ одни вотяки. Вслѣдствіе

смѣшенія съ русскими, и языкъ вотяцкій наполнялся испорченными русскими словами, такими, например: гурэи—гора, нилэсъ—лѣсъ, шапко́—шапка, слалъ—соль, кибитка́—кибитка, кусъ—коса, самовъ—самоваръ, саха́ръ—сахаръ и т. п. На перевозѣ черезъ Чепцу у села Балезина перевозчики-вотяки дико, нестройно, на распѣвъ русскихъ крестьянскихъ пѣсенъ, затянули: «аей, ей, зоной тугэнэ, яламъ, яламъ пинальесъ крызало́мъ; дайте-ко, ребята, станемъ пѣсни пѣть!» Вся пѣсня только и состояла изъ этихъ звуковъ. Далѣе, вплоть до Дебесъ тянется сплошь дичь лѣсная, и въ лѣсахъ опять деревни вотяцкія. Вообще, это скучный, душно-спертый, монотонный оазъ жителей какихъ-то особенно вялыхъ, полусонливыхъ, забитыхъ. И изъ такихъ-то финскихъ креоловъ или метисовъ слагалось и слагается, нарастаетъ русское крестьянство. Въ дремучихъ и непроходимыхъ дебряхъ влачитъ эта русѣющая, окрестьянивающаяся чудь дремлющую, полудикую, мрачную жизнь, — и во всю эту глушь лѣсную, составлявшую еще нѣкогда новгородскую, хлыновскую республику, доселѣ не проникъ ни одинъ лучъ не только европейской, но и московской и, даже, вятской цивилизаціи.—Далѣе идутъ все русскія поселенія, и ужъ самыя постройки русскихъ поселенцевъ пассивно отпечатлѣли на себѣ мѣстные природные типы и пестрѣются топографическими оазами почти по всему сибирскому тракту. Такъ, на пути изъ Перми до Кунгура тянутся мѣста лѣсистыя; села, какъ, напримѣръ, Янычи, Платошино, Крылосово и другія, лежатъ въ лѣсистыхъ падяхъ или низменностяхъ, между горами. По характеру мѣста, тутъ и деревни большею частью обстроены сносно, изъ хорошаго строевого лѣса. Проѣзжаете далѣе, за Кунгуръ: дорога идетъ по холмисто-равнинной, безлѣсной, голой мѣстности: только тутъ — нидѣ растетъ по хо́лмамъ мелкій и рѣдкій березнякъ; лѣсъ строевой находится отсюда верстъ за 60. И вотъ на этомъ безлѣсномъ оазѣ деревушки вдругъ идутъ плохія: избы крыты дерномъ, соломой и сверху мелкимъ березнякомъ: плетни березовые. Таковы села на пути—Сибарское, Златоустовское и другія деревни. Затѣмъ начинается лѣсистое и гористое Пріуралье, богатое строевымъ лѣсомъ,—и села идутъ порядочно отстроенныя. Чудь переѣдете за Уралъ, — начинается обширная Западно-сибирская, Обская низменность: кругомъ виднѣются только голыя степи да березнякъ. И какъ вся эта низменность березовая, то и въ обстройкѣ всѣхъ поселеній преобладаетъ березнякъ; многія избы построены изъ березовыхъ деревьевъ, крыты всѣ избы дерномъ и мелкимъ березнякомъ; плетни — все березовые. Не даромъ и сѣверный городъ въ этой низменности получилъ названіе Березова. За Обью, тотчасъ отъ села Дубровина, начинается мѣстность лѣсистая и болѣе возвышенная: съ самаго праваго, нагорнаго берега Оби пошелъ богатый сосновый лѣсъ,—и отселѣ села построены изъ сосноваго лѣса. Только и тутъ поселенцы большею частью не умѣютъ или не хотятъ надлежащимъ образомъ пользоваться самороднымъ даромъ мѣстной природы—богатствомъ строевого лѣса; большею частью, не позаботились хорошенько отдѣлать своихъ избъ и дворовъ: у одной избы двора или крыльца нѣтъ, другая не покрыта, у третьей крыша развалилась, четвертая стоитъ бокомъ и т. п. Вообще, почти на всѣхъ русскихъ поселеніяхъ въ средней и сѣверной Сибири лежитъ мрачная печать пассивнаго состоянія людей ссыльныхъ и загнанныхъ передъ угрюмой природой дикаго сѣвера. Тамъ, гдѣ нѣтъ, напримѣръ, лѣсу и кругомъ однообразная, низменная степь, равнина,—тамъ и въ поселеніяхъ господствуетъ убійственное, печальное однообра-

зіе и построекъ, и промысловъ, и понятій, и увеселеній; тамъ жители не находятъ, чѣмъ разнообразить свою жизнь и промышленность. Они вялы, простоваты и тупы. Удушливой скукой вѣетъ отъ этихъ степныхъ, низменныхъ поселеній при-иртышскихъ, ишимскихъ и барабинскихъ: они, подчасъ, напоминаютъ степи средней Азіи. Тутъ поумнѣе люди сами жалуются, что ума въ поселенцахъ мало: оттого все худо. Въ лѣсистой и гористой странѣ, русскіе поселенцы, отъ недостатка знаній, не умѣютъ и не могутъ справиться съ лѣсами. Напримѣръ, въ прекрасной гористой и лѣсистой мѣстности, отъ р. Кана до Нижнеудинска, доселѣ не могли развиться прочныя, зажиточныя и большія поселенія. Кругомъ богатые естественные матеріалы и данныя лѣсной и горной природы,—и у поселенцевъ недостаетъ ума вполнѣ воспользоваться ими; они большею частью бѣдны. Многія деревни на половину опустѣли: стоятъ только плохія пустыя избы съ полыми окнами, или лежатъ грустныя развалины цѣлаго ряда избъ. Кругомъ въ лѣсахъ множество дичи, дикія козы выбѣгаютъ изъ лѣсовъ къ самымъ деревнямъ,—и, однакожъ, въ деревняхъ этихъ иногда нечего поѣсть...

Такъ, въ самомъ внѣшнемъ своемъ построеніи разнородны, разнообразны и часто безсвязны и нестройны поселенія русской земли. Каждый физико-географическій оазъ налагаетъ свой естественный типъ или отпечатокъ на самыя основы и постройки поселеній. Понятно, поэтому, что для ближайшаго, всесторонняго и подробнѣйшаго изученія историко-географическаго распредѣленія и земско-хозяйственнаго устройства русскаго народонаселенія нужно предварительно элементарное историческое изученіе его географическаго распредѣленія и экономическаго устройства по частямъ или по различнымъ географическимъ оазамъ, областямъ и сферамъ естественно-продуктивной экономіи природы, чтобы потомъ—въ связи съ дальнѣйшими изслѣдованіями другихъ культурно-историческихъ актовъ народной организаціи и дѣятельности,—составить общій философическій взглядъ на историческое развитіе русскаго народа. Поэтому, мы хотимъ сначала прослѣдить историко-географическое распредѣленіе и земско-хозяйственное устройство русскаго народонаселенія въ географическихъ областяхъ зоологической, растительно-земледѣльческой и минералогической экономіи природы и, вслѣдъ затѣмъ, разсмотрѣть географическое распредѣленіе и экономическій строй городскихъ или торгово-промышленныхъ поселеній, какъ результатъ и выраженіе предварительнаго географическаго распредѣленія и земско-хозяйственнаго движенія производительныхъ силъ и промышленной-дѣятельности народа въ разнообразныхъ географическихъ сферахъ продуктивныхъ силъ и источниковъ природы.—Въ настоящемъ очеркѣ мы раскроемъ географическія, экономическія и умственныя условія поселеній въ Россіи.

На самой низшей степени культуры, племена человѣческія, составляя конечный зоологическій членъ или высшій стадій животнаго царства, обыкновенно, жили еще слитно съ животнымъ міромъ, въ общей натуральной средѣ фауны. Потому естественная потребность пищи, одежды и жилища побуждала ихъ и устроиться прежде всего и почти исключительно въ области зоологической, животной экономіи природы, особенно въ сѣверныхъ, холодныхъ странахъ. Развиваясь въ борьбѣ за существованіе съ дикими животными, впервые покоряя фауну своей экономіи и культурѣ, они начинали свою исторію въ сферѣ природы и въ средѣ собственныхъ племенныхъ развѣтвленій и расъ. Тутъ, въ естественномъ процессѣ борьбы и смѣшенія племенъ, развивались или нарождались и первые зачатки ихъ отличитель-

ныхъ народностей. Тутъ, въ естественной экономіи животнаго царства, они пріобрѣтали первыя средства и силы для своего дальнѣйшаго естественно-историческаго развитія, скопляли первые натуральные капиталы и способы, какъ необходимыя предварительныя условія и средства вступленія потомъ въ другія области естественной экономіи, въ область растительнаго царства—для устройства и распространенія земледѣльческой колонизаціи и культуры, и въ область царства минеральнаго—для пріобрѣтенія золота, серебра, желѣза и проч., и для устройства и распространенія горно-заводскихъ поселеній. Потребность пищи, одежды и жилища, какъ главная потребность человѣческаго организма, побуждала людей, особенно въ сѣверныхъ, холодныхъ климатахъ, устроиваться прежде всего въ области животной экономіи природы. «Къ первымъ условіямъ поддержанія жизни,—говоритъ Либихъ,—относятся: восприниманіе пищи (утоленіе голода) и вбираніе кислорода изъ воздуха (процессъ дыханія). Взаимное дѣйствіе составныхъ частей пищи и кислорода, распространеннаго въ тѣлѣ чрезъ обращеніе крови, составляетъ начало или источникъ животной теплоты. Если бы мы употребляли одинаковое по вѣсу количество пищи какъ въ холодныхъ, такъ и въ теплыхъ странахъ, то безконечною мудростью все же такъ устроено, что пища эта весьма различна по содержанію углерода. Плоды, служащіе пищею для южнаго жителя, содержатъ въ свѣжемъ состояніи не болѣе 12 процентовъ углерода, между тѣмъ, какъ сало и жиръ, употребляемые жителемъ полярныхъ странъ, содержатъ отъ 66 до 80 процентовъ углерода... Относительно температуры тѣла, одежда наша служитъ эквивалентомъ пищи; чѣмъ теплѣе мы одѣваемся, тѣмъ больше, но до извѣстной степени, уменьшается у насъ потребность ѣды, ибо этимъ самымъ уменьшается потеря теплорода, остываніе, а слѣдовательно, и замѣна его пищею. Если бы мы ходили голые, какъ индійцы, или если бы мы на охотѣ и рыбной ловлѣ подвергались такому же холоду, какъ самоѣды, то были бы въ состояніи съѣсть полтеленка и, сверхъ того, еще дюжину сальныхъ свѣчей, какъ это намъ съ удивленіемъ разсказывали путешественники, тепло одѣвавшіеся въ тѣхъ странахъ... Для поддержанія своей температуры и для защиты отъ погоды, человѣку нужно жилище, одежда и отопленіе. Пища и питіе до нѣкоторой степени могутъ ему замѣнять одежду и отопленіе, но сами они не могутъ быть замѣняемы ни одной изъ прочихъ потребностей организма; они составляютъ безусловныя или необходимыя потребности жизни... Вездѣ, во всемъ органическомъ мірѣ, гдѣ только проявляется животная жизнь, всѣ явленія жизни мы видимъ въ зависимости отъ присутствія кровяной бѣлковины; продолженіе существованія жизни тѣсно связано съ присутствіемъ ея въ крови или въ питающей организмъ жидкости. Если мы, съ этой точки зрѣнія, будемъ разсматривать питательныя вещества, то дойдемъ до познанія закона природы, поразительнаго своею простотою. Самый обыкновенный, такъ сказать, вседневный опытъ показываетъ намъ, что изъ всѣхъ питательныхъ веществъ—мясо одарено самою большею питательною способностью. Главная составная часть мяса есть мускульное волокно или мясной фибринъ, составляющій около 70% вѣса сухого и несодержащаго жира мяса... Помощью химическаго анализа, открыта несомнѣнная причина питательной способности мяса... Въ мясномъ фибринѣ заключается одна изъ главныхъ причинъ образованія крови. Точно также въ молокѣ, въ молочномъ казеинѣ животное находитъ главную составную часть своей крови и, потому, важнѣйшее питательное средство, способствующее развитію его органовъ. Мясная пища содер-

гъ самую питательную часть растеній въ самомъ концентрированномъ состояніи... тательное вещество животнаго есть произведеніе творящей дѣятельности раній» [1]). Слѣдовательно, оно наиболѣе готовое и самое питательное средство зни.

Вслѣдствіе такихъ химико-физіологическихъ законовъ животной жизни, люди, тавляя высшій зоологическій членъ или высшій стадій животнаго царства, на вой порѣ своего экономическаго устройства, и особенно въ сѣверныхъ страхъ, по необходимости должны были, во-первыхъ, устроиваться въ сферѣ живнаго царства и жить на счетъ продуктовъ животной экономіи; потому что только отная экономія природы представляла имъ, такъ сказать, готовый естественный асъ и готовую естественную фабрику всѣхъ главныхъ жизненныхъ матеріаловъ, бходимыхъ для скорѣйшаго и удобнѣйшаго удовлетворенія первыхъ потребной жизни, т. е. потребности пищи, одежды и жилища. Какъ индійцамъ сѣвероадныхъ долинъ Америки дикій буйволъ (bos americanus) доставляетъ всѣ дства жизни, именно, мясо доставляетъ пищу, шерсть—одежду, кожа—шатры шалаши, одѣяла, лодки, сѣдла, ремни и грубую матерію для одежды, рога—ки, кости—дубины и другія орудія, нервы—тетивы и нитки, грива—веревки анаты, черепъ и копыта тоже идутъ на особыя спадобья и, наконецъ, мозгъ, нтый въ пузырь, употребляются какъ масло или сало,— такъ точно и другимъ одамъ животное хозяйство природы доставляло въ естественномъ запасѣ всѣ дства жизни: «Для осѣдлыхъ чукчей, напримѣръ,—говоритъ Врангель,—моржи гавляютъ все. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ у, и жиръ иногда служитъ еще вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища чей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. ь внутренностей и кишокъ моржовыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее тье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржовыхъ клыковъ дѣлаютъ чи особенное орудіе, употребляя его вмѣсто пешней для ломки льда и рытья ерзшей земли» [2]). «Олень, — сообщаетъ миссіонеръ Аргентовъ, — у бродячаго родца все — и пища, и одежда, и жилище, и, сверхъ того, превосходный въ яйственномъ отношеніи рабочій скотъ. Изъ оленьихъ шкуръ выдѣлываются сивые, теплые мѣха, превосходная замша, разное зимнее и лѣтнее платье и одныя палатки или легкія юрты — эти подвижные дома, очень удобные для евниковъ. Мясо и молоко оленя составляютъ питательную и вкусную пищу. овь служитъ спасительнымъ средствомъ противъ цынги, чрезвычайно питательна тлично согрѣваетъ подъ 70° с. ш. Жиръ, кромѣ употребленія въ пищу, идетъ освѣщеніе. Изъ жилъ выдѣлываютъ крѣпкія нитки. На оленѣ ѣздятъ верхомъ ъ упряжи и совершаютъ разныя хозяйственныя работы» [3]). Точно также для

---

[1]) „Письма о химіи", II, стр. 2, 6, 10—11, 37—39, 43, 158, 159. Для критическаго и ѣйшаго уразумѣнія типовъ и значенія пищи, можно указать неученымъ читателямъ, соображеній, въ сообщенномъ Сѣченовымъ „Учебникѣ физіологіи" Германна, стр. —115.

[2]) „Путешествіе Врангеля", ч. II, стр. 338. См. также его „Statistische und ethnographische hrichten über die Russisch. Besitzungen an der nordwestqüste von America. Beitrage zur ntniss des Russischen Reiches, herausgegeb. von K. E. v. Baer und v. Helmersen. Bd. I, —27.

[3]) Журн. „Акклиматизація", т. I, вып. 1, стр. 20: „Олени Заленскаго края", Pöppig's, türgeschichte des Thierreichs" 1, s. 243: „Rennthiere den arctischen Uölkern Europa's und ns theils als Zugtheils, als Lastthiere dienen, ihr Fleisch und ihre Milch für jene unent-

алеутовъ морской левъ (сивичъ, Otaria Stelleri) служитъ сокровищемъ всѣхъ жизненныхъ потребностей. Выдѣланными шкурами алеутъ обтягиваетъ малыя и большія байдары; изъ кишекъ и пищевода онъ шьетъ себѣ непромокаемую камлейку,—широкую, длинную рубашку, которую надѣваетъ сверхъ платья и которая сохраняетъ алеута отъ частыхъ дождей его туманной родины и морскихъ волнъ. Изъ плавательной перепонки дѣлаетъ алеутъ подошвы, усами украшаетъ свою шапку, а свѣжее, сушеное и соленое мясо употребляетъ въ пищу [1]).

При такомъ распредѣленіи жизненныхъ матеріаловъ въ животной экономіи природы, со стороны людей требовалось только болѣе или менѣе напряженное и ловкое движеніе за животными, движеніе болѣе или менѣе пропорціональное съ мѣрою или суммою той животно-продуктивной добычи, какую должна была доставлять имъ естественная зоологическая экономія для вознагражденія и возстановленія израсходованныхъ на это движеніе механическихъ силъ. Къ движенію ихъ побуждали и физико-химическіе акты организма, особенно въ полярной атмосферѣ. «Въ холодной и умѣренной полосахъ,—говоритъ Либихъ,—воздухъ, который безпрестанно стремится разрушать тѣло, побуждаетъ къ работѣ и напряженію для добыванія пищи, которыя въ этомъ случаѣ становятся средствомъ для противодѣйствія вліянію этого воздуха» [2]).—Къ движенію побуждали ихъ и безпрестанно движущіяся животныя, съ которыми нужно было вести борьбу за существованіе, за которыми нужно было гоняться для добычи матеріаловъ пищи, одежды и жилища. Вѣчно бродячій образъ жизни дикихъ животныхъ, необходимо, требовалъ бродячей, подвижной жизни и людей, жившихъ въ области зоолого-географической экономіи природы. «Осѣдлость не по натурѣ оленя,—замѣчаетъ Аргентовъ,—а потому-то всѣ оленные инородцы — народъ бродячій непремѣнно [3]). «Можно сказать,—говоритъ докторъ Киберъ,—что тунгусы, ламуты и юкагиры сходствуютъ съ оленями живостью и непостоянствомъ. Самъ не свой, кто долженъ съ недѣлю жить на одномъ мѣстѣ; а потому въ болѣзни они особенно скучаютъ, оставаясь въ покоѣ. Я совѣтовалъ одному ламуту, одержимому хронической болѣзнью, переѣхать на мѣсяцъ въ Нижнеколымскъ, гдѣ обѣщалъ ему доставить получше пищу, жилище и помочь излеченію, сомнѣваясь, чтобы онъ могъ выздоровѣть, пока въ своей палаткѣ подверженъ стужѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему худо, когда онъ остается три дня на одномъ мѣстѣ, а если переѣдетъ въ Нижнеколымскъ на мѣсяцъ, то вѣрно умретъ. Когда у нихъ нѣтъ оленей въ поляхъ, и они не могутъ оставить рыбнаго озера, доставляющаго имъ пищу, то все-таки переходятъ хоть на малыя разстоянія вокругъ озера, единственно для того, чтобы не оставаться на одномъ мѣстѣ. Другіе же, оставляя озера, пускаются на удачу искать оленей и иногда обманываются неизвѣстною надеждою.—«Гдѣ ты будешь жить черезъ шесть дней?» — спросилъ я однажды тунгуса. Онъ отвѣчалъ почти съ досадою: «тунгусъ этого не можетъ знать» [4]).—Такъ періодическія миграціи и переходчивость оленей по тундрамъ, мхамъ и горамъ, изъ лѣсовъ въ тундру, къ берегамъ моря и обратно, а также вѣчно бродячая подвижность звѣрей сдѣ-

behrliche Nahrungsmittel sind, Fell zur Kleidung oder zu Zeltdecken verwendet wird und kaum irgend ein Theil, selbst ohnen und Knochen nicht ungenüsst weggeworfen werden".

[1]) Гартвигъ, „Природа и человѣкъ на крайнемъ Сѣверѣ", стр. 270.

[2]) „Письма о химіи", II, стр. 10.

[3]) „Акклиматизація", I, стр. 27.

[4]) „Сибирск. Вѣст.", 1824 г., ч. I, „Дневныя записки д-ра Кибера", стр. 33—34.

лались и для тунгуса стихіей, физіологическою потребностью бродячаго образа жизни И потому поселенія ихъ до чрезвычайности подвижныя, бродячія. Тою же бродячестью, переходчивостью животныхъ и періодическими миграціями ихъ обусловливалась и кочевая, подвижная жизнь пастушескихъ номадовъ. «Въ возвышенныхъ степяхъ Дауро-Монголіи,—говоритъ Радде,—и звѣрь, и человѣкъ одинаково подчиняются закону необыкновенной однообразности террестрическихъ и атмосферныхъ особенностей южныхъ степей, и здѣсь эта однообразность, односторонность обусловливаетъ *періодическія переселенія*: потому что съ снѣжными суметами, покрывающими хребетъ пограничныхъ горъ и, въ меньшей мѣрѣ, его южныя развѣтвленія, большая часть животныхъ оставляютъ свое лѣтнее мѣстопребываніе въ независимой дикости и бѣгутъ къ уваламъ въ лѣсистые округи, въ болѣе холмистыя плоскогорья, предшествующія сѣверо-восточной оконечности возвышенной Гоби, гдѣ одни пасутся на растительномъ корму, который здѣсь легче выгребать изъ подъ нижняго снѣга, и гдѣ другіе пасутся около этихъ травоядныхъ животныхъ, слѣдуя ихъ ходу и движенію. Подобнымъ образомъ поступаетъ и все кочевое народонаселеніе горъ, благосостояніе котораго тѣсно связано съ его стадами. И тамъ, въ высокой Гоби—тамъ, въ октябрѣ, регулярное стремленіе къ сѣверу однокопытныхъ и двукопытныхъ. Табуны джигитаевъ сбѣгаются на Далай-Норъ до русской области; дзерены или зобастые антилопы, часто собираясь въ стада тысячами, добѣгаютъ почти до праваго берега Онона и почти каждую зиму попадаются на южныхъ отрогахъ Одонъ-Чолона, въ линіи распространенія лѣсолюбиваго изюбря и лѣсобоязливой антилопы. Животныя Яблоноваго хребта бѣгутъ передъ снѣгомъ, а животныхъ возвышенной степи, можетъ быть, именно снѣгъ привлекаетъ изъ внутреннихъ сухихъ мѣстъ Гоби на сѣверъ, гдѣ они находятъ, притомъ, еще нѣсколько богатый зимній кормъ.—Совершенно то же здѣсь дѣлаютъ люди. Монголы, кочующіе лѣтомъ разбросанно, зимой садятся въ низменностяхъ Кэрулэна, Кайлара и Далай-Нора; буряты кочуютъ въ долинахъ Онона и Ононъворза. Возвышенныя степи тогда еще безлюднѣе, чѣмъ лѣтомъ. Такъ, здѣсь, въ русской Дауріи, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, континентальнаго, суроваго климата, съ другой — безводнаго или худоводнаго Яблоноваго хребта, временно передвигается жизнь животная и человѣческая на относительно-маломъ пространствѣ, въ которомъ вліяніе это менѣе ощутительно, именно на линіи соприкосновенія крайней, сѣверо-восточной оконечности возвышенной Гоби съ послѣдними увалами или отрогами пограничныхъ горъ» [1]).

Смотря по различнымъ зоолого-географическимъ условіямъ мѣстностей, поселенія народныя принимали различныя экономическія формы и типы, частью преемственно смѣнявшіеся, вслѣдствіе перемѣнъ въ зоологическихъ областяхъ естественной экономіи, частью существовавшіе совмѣстно и одновременно, при совмѣстномъ существованіи и изобиліи различныхъ географическихъ сферъ животнаго хозяйства природы. Въ первоначальныя времена, люди захватывали обыкновенно дикія, невоздѣланныя области природы. Составляя естественный зоологическій членъ или стадій животнаго царства, стоя во главѣ его, люди жили тогда, по выраженію нашей начальной лѣтописи, *аки звѣри*, *звѣринскимъ образомъ*, *въ лѣсѣ*, вели со звѣрями борьбу за существованіе, жили на счетъ экономіи дикаго животнаго

[1]) Gustav Radde, „Reisen im Süden von Ost-Sibirien, in den Jahren 1855--1859“. Bd. I, s. LI. LII.

царства. Это звѣроловческія поселенія, представляющія первую ступень земско-хозяйственнаго устройства и установленія людей въ зоолого-географической области природы. Потомъ, когда терро-географическія звѣроловныя области, съ умноженіемъ звѣроловческаго населенія, ограничивались, стѣснялись, и животная экономія въ нихъ убывала и задерживалась,—поселенія звѣроловческія передвигались въ другія зоолого-географическія области естественной животной экономіи. На сѣверѣ, въ области оленя и собаки, распространились, какъ увидимъ дальше, поселенія, такъ называемыя *оленныя*, *собачныя*, *рѣчныя* и *морскія* или рыболовныя, китоловныя и т. п. Таковы, напримѣръ, всѣ поселенія сѣверо-восточно-сибирскія Въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ европейской Россіи и Сибири, въ зоолого-географической области дикой лошади—джигатая, домашней лошади (equs cabalus), рогатаго скота (bos taurus), овцы (aegoceros ovis argali) и другой млекопитающей фауны, по географическимъ путямъ естественнаго распространенія этихъ животныхъ изъ средней Азіи, распространились поселенія, такъ называемыя *степныя*, *скотныя* и *конныя* или пастушескія, скотоводческія, о которыхъ дальше будетъ сказано подробно. Далѣе, если открывалась богатая орнитологическая область естественной животной экономіи, то и въ ней устроивались особыя птицеловныя поселенія, въ родѣ нашихъ древнихъ *сокольничьихъ слободъ* и *кречатьихъ волостей*. Даже энтомологическая область животной экономіи, область естественнаго распространенія или акклиматизаціи нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ животныхъ обусловливала существованіе и распространеніе особыхъ поселеній. Напримѣръ, въ области акклиматизаціи шелковичнаго червя (Bombyx mori) устроялись особыя шелководческія поселенія. Такъ, между прочимъ, села Верхне-Ахтубинское и Средне-Ахтубинское, Астраханской губерніи, Царевскаго уѣзда, заселены были въ 1745 — 1756 г. прямо съ цѣлью разведенія шелководства. Въ менонитскихъ колоніяхъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, устроилось до 200 поселенцевъ-шелководовъ. Шелководческія поселенія распространены также въ Нухинскомъ, Шушинскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ Бакинской губерніи, въ юго-восточной части Закавказскаго края. Нѣкоторыя селенія въ этихъ уѣздахъ только и занимаются разведеніемъ тутовыхъ плантацій. А въ области распространенія дикой пчелы, въ области бортныхъ лѣсовъ, какъ увидимъ дальше, въ древней Россіи во множествѣ устроивались такъ называемыя *бортничьи села и деревни*. Наконецъ, если зоолого-географическій составъ земли заключалъ въ себѣ, въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, всѣ исчисленныя зоологическія сферы естественной экономіи, всѣ географическіе области и отдѣлы животнаго хозяйства природы,—то въ нихъ одновременно устроялись и распространялись всѣ исчисленные зоолого-экономическіе формы и разряды поселеній. Такъ было въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка.—Далѣе мы подробно прослѣдимъ самые пути и условія распространенія различныхъ поселеній и раскроемъ естественно-историческіе законы метаморфоза различныхъ зоолого-экономическихъ или животно-хозяйственныхъ основъ поселеній. Теперь же прослѣдимъ зоолого-географическое распространеніе, судьбу и естественно-историческій метаморфозъ древне-русскихъ зоолого-экономическихъ поселеній, такъ какъ въ нихъ характеристично выразились зоолого-географическія и умственныя условія земско-хозяйственнаго устройства и распредѣленія русскаго народа, и изъ нихъ многое объясняется въ теперешнемъ экономическомъ и умственномъ состояніи нашего народа.

Не скоро должно было начаться и неповоротливо двигаться высшее, интелле-

ктуальное развитіе русскаго народа, когда онъ, еще въ эпоху такъ называемаго Возрожденія наукъ на Западѣ, изобрѣтенія книгопечатанія, появленія Коперника, Бэкона и цѣлаго ряда такъ называемыхъ libres penseurs, воспитывался въ непосредственныхъ, некультивированныхъ зоологическихъ областяхъ природы, въ средѣ дикой, лѣсной фауны. Не даромъ западные европейцы еще въ XVII вѣкѣ называли русскихъ ursae septentrionales [1]). Почти до XVI вѣка, русская земля представляла дикую, лѣсистую и болотистую зоолого-географическую область. И народу, только что выступавшему на историческое поприще въ этой странѣ лѣсовъ, болотъ и звѣрей, повсюду начинавшему свою исторію, осѣдлость и промышленность *съ починковъ на лѣсѣхъ, съ роздѣли, съ росчисти лѣсовъ*, естественно, сначала предстояло еще, въ борьбѣ за существованіе съ звѣрями, обезпечить свое насущное продовольствіе и первоначальное домоустройство, и потомъ, въ этой готовой лѣсной животной экономіи, скопить первыя силы и средства для дальнѣйшаго экономическаго и умственнаго развитія. И вотъ онъ началъ и долго потомъ совершалъ свое земское строеніе, свою колонизацію и культуру въ области этого животнаго хозяйства русской земли. Было время, когда всѣ славянскія племена, вошедшія въ составъ древней Руси, устроялись и жили въ области лѣсной животной экономіи природы, вели жизнь звѣроловческую. Несторъ свидѣтельствуетъ, что «древляне *живяху звѣринскимъ образомъ*, живуще скотски, а также радимичи и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху — *живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуще все нечисто*», т. е. питаясь охотою на дикихъ звѣрей и птицъ, какія попадутся подъ руку [2]). Когда славянская колонизація подвигалась на сѣверо-востокъ, въ лѣсистыя, многоводныя и болотистыя земли финскія, тамъ было тогда еще темное, дремучее лѣсное царство звѣрей и чуть-чуть зачиналась, въ миѳическомъ мракѣ отдаленныхъ временъ, звѣроловно-пастушеская жизнь. Не даромъ, по народному эпосу, миѳическій герой русскаго земскаго строенія, Егорій Храбрый, когда сталъ впервые устроять землю, раздѣлять лѣса, земли и воды, то наѣзжалъ еще тамъ

> На лѣса на дремучіе,
> Лѣса съ лѣсами совивалися,
> Вѣтья по земли растилалися.
> Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
> На сѣрыхъ волковъ, на рыскучіихъ,
> И пасли стадо три пастыря
> Да три дѣвицы.
> На нихъ тѣла, яко еловая кора,
> Власъ на нихъ, какъ ковыль-трава.

И этотъ дикій, лѣсной первобытный типъ долго потомъ не сглаживался съ лица русской земли, и долго все земское строеніе народа имѣло непосредственно-натуральныя зоологическія основы. Долговременная неистощимость естественной зоологической экономіи русской земли и суровый климатъ ея приполярнаго, сѣверо-восточнаго и континентальнаго протяженія, особенно при тогдашней богатырски-напряженной, страдомой работѣ—расчисткѣ и разработкѣ лѣсистыхъ и болотистыхъ пространствъ сѣверо-восточныхъ, — при страшно напряженномъ колонизаціонномъ движеніи русскаго народа, необходимо обусловливали долговременное господство и

---

[1]) Коллинсъ, 10.
[2]) „Полн. Собр. Лѣт.“, I. 80.

преобладаніе въ народномъ продовольствіи и хозяйствѣ непосредственныхъ силъ и продуктовъ животной экономіи природы. И какъ по пашеннымъ путямъ и ухожаямъ, куда шелъ топоръ. шелъ плугъ, шла коса и соха, распространялись въ лѣсахъ такъ называемыя *пашенныя* и *хлѣбныя* села, деревни и починки;—такъ и по зоолого-географическимъ путямъ и ухожаямъ распространялись разнообразныя экономическія основы особаго рода поселеній. Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ вкратцѣ, какіе это были зоологическіе пути и ухожаи и какія по нимъ распространялись поселенія.

Теперь посмотримъ, какими зоологическими путями и подъ какими непосредственными условіями природы формировалось русское населеніе и гдѣ. и какъ оно ставило свои бѣдные починки, зимовыя деревни и села.

Въ древней Россіи, до XV и даже XVI вѣка, было еще много такъ называемыхъ въ актахъ *бобровыхъ гоновъ и ухожаевъ.* Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка, въ изобиліи водились бобры и рѣчныя выдры. Olaus Magnus говоритъ, что изъ Россіи удивительное множество бобровъ отправилось къ татарамъ. Плано-Карпини утверждалъ. что въ Россіи, даже во время татарскаго ига, каждый большой и малый, богатый и бѣдный имѣлъ черного бобра и черную лисицу [1]). О бобрѣ европейской Россіи сохранились даже древнѣйшія извѣстія, именно въ геродотовомъ описаніи греческаго торговаго пути къ агриппеямъ [2]). Въ странѣ гелоновъ, по этому извѣстію, въ одномъ большомъ озерѣ подлѣ болота, заросшаго мхомъ, ловили рѣчныхъ выдръ, бобровъ и другихъ звѣрей. А гелоны жили на западной сторонѣ Урала. Также земля башкирцевъ и, далѣе, земля болгаровъ. мордвы, пермяковъ и вся сѣверная Россія въ средніе вѣка была богата бобрами. И видно, что въ древнѣйшія времена въ области волжско-каспійской системы водилось много бобровъ, когда еще въ XVI в. здѣсь существовали бобровые гоны и ловли. Рѣчныя выдры (Viverra lutra) еще и въ XVIII столѣтіи водились во всей Россіи, хотя не въ большомъ количествѣ [3]). Бобры. какъ животныя общественныя, живущія и устрояющіяся при рѣкахъ и озерахъ колоніями, слѣдовательно концентрированно, во времена изобилія ихъ въ Россіи, естественно и удобно могли привлекать къ себѣ и цѣлыя звѣропромышленныя колоніи. И вотъ, почти до самаго XVI столѣтія по бобровымъ гонамъ и ухожаямъ. въ округахъ бобровыхъ ловель селились особаго рода звѣропромышленники — *бобровники* и устроялись, такъ называемыя въ актахъ *бобровыя* или *бобровничьи деревни, села и станы.* Какъ *хлѣбныя* села и деревни, такъ и *бобровничьи* устрояли, въ первыя времена, всѣ, кто имѣлъ возможность — и князья, и бояре, и монастыри, и крестьяне. У привиллегированныхъ землевладѣльцевъ были свои бобровники и бобровничьи деревни [4]). Крестьяне сами устроялись на своихъ «бобровыхъ гонахъ и ухожаяхъ старинныхъ, въ которыхъ бобровъ ловили изстари дѣды ихъ и отцы ихъ». Князья даже жаловали свои бобровыя ловли монастырямъ, съ тѣмъ, чтобы они селили при нихъ своихъ бобровниковъ. Такъ, напр., въ 1423 году, въ подмосковномъ Дмитровскомъ княжествѣ, удѣльный князь Петръ

---

1) Bergeron. „Voyages en Asie", p. 56.

2) Herod., lib. VI, p. 109.

3) Pallasii, „Zoographia Rosso-asiatica", I, 78: „per omnem Rossiam et Sibiriam ad usque Camtschatcam circa notabiliores fluvios et flumina, circa que lacus piscosos ubique; nisi in maxime borealibus satis frequens est".

4) Акты. Юрид., изд. Калачевымъ, I, № 41, грам. 1.

Дмитріевичъ далъ Троицкому Сергіеву монастырю жалованную грамоту на бобровую ловлю по р. Ворѣ, или, какъ сказано въ грамотѣ, далъ на рѣкѣ на Ворѣ омутъ Тереміеневскій бобровъ ловить, да по рѣкѣ же Ворѣ и по ихъ землямъ отъ рѣчки Талицы до Лепетни — бобры ловить, съ тѣмъ, чтобы его княжескіе бобровники тамъ бобровъ не ловили, а ловили бы монастырскіе [1]). И Сергіевъ монастырь селилъ тутъ, по р. Ворѣ и ея землѣ, своихъ бобровниковъ. Съ XVI вѣка, когда, съ распространеніемъ земледѣльческой колонизаціи и вслѣдствіе вѣковыхъ бобровыхъ гоновъ, въ большей части волжско-камскихъ областей бобры были загнаны, запуганы и выловлены, — московскіе цари обращали прежнія вольныя бобровыя ловли и бобровничьи поселенія въ свои оброчныя и давали бобровникамъ жалованныя, уставныя и судныя грамоты. Такъ, въ замосковной Воховской волости, еще во второй половинѣ XVI вѣка, существовало до 9 деревень бобровничьихъ. Въ 1561 году, марта 10, бобровники этихъ девяти деревень «бобровничей полусохи» получили особую оброчную грамоту на самостоятельное тягло и на самобытный излюбленный самосудъ: «а въ Вохонской волости съ крестьянами, — сказано въ грамотѣ, — имъ не тянуть, ни въ розметы, ни во что, ни въ которыя подати, ни котораго дѣла съ ними не дѣлать, а быть у нихъ въ судьяхъ той же полусохи бобровничьей крестьянамъ, которыхъ они сами себѣ излюбятъ всѣми крестьянами», и проч. [2]). Въ 1561 году, марта 20, крестьянамъ этого бобровничьяго поселенія дана была полная судчая грамота на право излюбленнаго выборнаго самоуправленія и самосуда, съ правомъ принимать въ свою бобровничью общину крестьянъ, приходившихъ изъ города или откуда-нибудь [3]). Еще въ половинѣ XVI вѣка, бобры въ значительномъ количествѣ водились во Владимірскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Клязьмѣ и ея притокамъ. Поэтому здѣсь по бобровымъ гонамъ, ухожаямъ и ловамъ еще до XVI вѣка застроено и заселено было бобровниками *до 24 деревень бобровыхъ и одинъ починокъ бобровничій*. Въ 1537 году, іюля 16, всѣмъ этимъ «бобровымъ деревнямъ, Ильмехотскаго стана бобровникамъ» дана была великимъ княземъ московскимъ уставная грамота, ограждавшая ихъ бобровые промыслы, бытъ и права. Между прочимъ, даны были такія свободныя права: «а по бобровымъ деревнямъ тѣмъ волостелю и тіунамъ не ѣздить, ни ночлеговъ имъ себѣ въ бобровыхъ деревняхъ не чинить, ни подводъ, ни проводниковъ имъ у бобровниковъ въ городъ Володиміръ не брать... А коли бобровники пойдутъ на бобровую ловлю съ бобровою снастью, — мытчики осовецкіе и мытчики подъ городомъ Владиміромъ съ бобровниковъ мыта не берутъ», и т. д. [4]). Такія же бобровыя или бобровничьи деревни населены были бобровниками, на ухожаяхъ и мѣстахъ бобровыхъ ловель, въ областяхъ Костромской, Вятской, Пермской, Нижегородской, Казанской, Рязанской и Воронежской.

Когда, съ распространеніемъ земледѣльческихъ поселеній, бобровъ стало меньше или даже вовсе не стало — другихъ звѣрей въ XVI и даже XVII вѣкѣ все-таки было множество, особенно на сѣверо-востокѣ, въ лѣсистыхъ областяхъ пермскихъ, вологодскихъ, двинскихъ, печорскихъ. Если въ собственной московской области, по словамъ Герберштейна, уже не было другихъ пушныхъ звѣрей, кромѣ зайцевъ,

---

[1]) А. Э., I, № 22. А. Ю., изд. Калачевымъ, I, № 41.
[2]) Ibid., № 256.
[3]) Ibid., № 257.
[4]) Ibid., № 183.

за то густые лѣса по берегамъ Волги, по его же свидѣтельству, еще въ первой половинѣ XVI в., изобиловали, кромѣ медвѣдей,—бѣлками, горностаями, куницами и пр. Вунделеръ, въ 1590 г., такъ описывалъ зоологію Московіи: «въ Московіи ловится очень много звѣрей и разныхъ породъ, и они здѣсь такъ обыкновенны, что ихъ дозволяется ловить не только каждому здѣшнему жителю, но и иноземцу. Попадаются черные и желтые соболи, разныя куницы, лисицы, волки, черные бобры, песцы бѣлые, какъ снѣгъ, мѣха которыхъ имѣютъ особенную теплоту, многоѣдъ (Vielfrass, mustela culo); также лѣсной оселъ, олень, буйволъ, медвѣдь небольшого роста, котораго безъ труда выучиваютъ разнымъ потѣхамъ, дикая лошадь, а также страшные черные буйволы (Uhrochsen), которые гораздо болѣе обыкновенныхъ быковъ и жителями называются jozzi: они имѣютъ длинную бороду, длинные рога и пренепріятный видъ, красные глаза и ужасно злы на людей. Кромѣ того, водятся здѣсь черные и бѣлые волки, весьма значительной величины, бѣлые медвѣди, которыхъ шкуры, какъ весьма теплыя, употребляются зимою; большіе и весьма вредные дикіе кабаны, бѣлаго, чернаго, пепельнаго и краснаго цвѣта лисицы, туры или зубры, лани» [1]) и проч. Въ древней Россіи особенную важность имѣли, между прочимъ, куницы (Mustela Martes и Mustela Foyna), шкуры которыхъ составляли во время Ярославской правды *куны* или деньги. И эти звѣрки водились въ древней Руси въ большомъ количествѣ. Они еще въ прошломъ столѣтіи, по словамъ Палласа, часто попадались въ лѣсистыхъ странахъ Россіи, въ умѣренномъ поясѣ, также на южномъ Уралѣ, по верхотурскому тракту и въ исетской провинціи. Новооткрытая фауна Сибири съ XVI вѣка представляла новую обширную и богатую область животной экономіи. Въ ней виды большею частью были общіе съ фауной европейско-русской, только численность разновидностей и особей каждаго вида въ сибирской фаунѣ большею частью преобладала. Такъ, напримѣръ, и въ европейской Россіи, и въ Сибири распространены были: лисицы (canis vulpes), водившіяся въ XVI вѣкѣ особенно на сѣверо-востокѣ великорусской земли, но въ несмѣтномъ количествѣ только въ Сибири [2]), зайцы (lepus variabilis), размножавшіеся значительно во всей Россіи, преимущественно же въ Сибири, гдѣ лучшіе бѣлые зайцы еще въ Палласово время водились по Хатангѣ и по сѣвернымъ притокамъ Енисея, а также на Ленѣ и далѣе, вплоть до Камчатки [3]), бѣлки (sciurus varius), наполняющія всѣ лѣсистыя области европейской Россіи и, главнымъ образомъ, лѣса и рощи Сибири, также бурундуки, летяги, хорьки, горностаи и проч. Посредствомъ этихъ и многихъ другихъ звѣрей, Сибирь имѣла естественную зоолого-географическую связь съ европейской Россіей, — особенно западная, до-енисейская ея часть. И потому звѣропромышленныя поселенія, подвинувшись, въ XVI вѣкѣ, вслѣдъ за миграціей преслѣдуемыхъ звѣрей, на край сѣверо-востока до Урала, съ конца XVI вѣка, естественно, должны были, вслѣдъ за кочевавшими и преслѣдуемыми звѣрями, перевалить въ Сибирь и здѣсь распространяться. Въ Сибирь, кромѣ множества лисицъ, бѣлокъ, горностаевъ и проч.,

[1]) Orsi grandissimi semiglianti a Tori, gli quoci Chiamapo Bisonti. Герберштейнъ говоритъ точнѣе объ этомъ животномъ: дикихъ быковъ (bisontes) литовцы на своемъ языкѣ называютъ зубрами, а нѣмцы Aorof или Urox, каковое названіе принадлежитъ собственно буйволу (Urus), имѣющему видъ совершенно воловій, между тѣмъ, какъ дикіе быки (bisontes) вовсе на нихъ не похожи: они имѣютъ гриву, шею и плечи мохнатыя; шерсть ихъ издаетъ запахъ мускуса, и проч.

[2]) Pallasii, „Zoographia Rosso-asiat“. t. I, p. 47.

[3]) Ibid., p. 146.

имущественно манили звѣропромышленниковъ соболи, а также и бобры. Порѣшіе въ европейской Россіи бобры еще во множествѣ водились въ Сибири, имущественно по Оби, Кондѣ, Сосвѣ, Касиму, Карѣ и проч. [1]). Соболи, въ ху распространенія сибирской колонизаціи, принадлежали, кажется, уже исклюельно Сибири, а въ европейской Россіи ихъ уже не было. Не только въ наѣ этой колонизаціи, т. е. въ XVI вѣкѣ, но и въ Палласово время соболей Сибири было множество; несмотря на ощутительную убыль, и теперь еще ихъ ится тамъ ежегодно до 45.000 штукъ [2]).

Вслѣдствіе таковыхъ естественныхъ условій русской земли, вслѣдствіе обиль) и широкаго распространенія звѣрей, въ періодъ всеобщаго господства въ одномъ земско-хозяйственномъ самоустройствѣ непосредственной животной экоіи природы, — естественно, большая часть народонаселенія пускалась искать дствъ жизни и даже самыхъ мѣстъ поселенія въ области этого звѣринаго цара природы. И вотъ, когда внутри русской земли мало-по-малу упадали станыя бобровничьи поселенія, еще по всему сѣверо-востоку распространены были ропромышленныя колоніи. Новгородъ Великій, происшедшій изъ починка Слаского Торга или Славно-Торга, распространившій свои владѣнія, при помощи *ольниковъ*, по всему сѣверо-восточному углу Европы, колонизовавшій изъ ихъ *пяти концовъ* пять пятинъ новгородскихъ, путемъ распространенія монтырей и церквей и *крещенія черныхъ людей* въ *хрестьянъ* или крестьянъ скихъ и обращеніе ихъ въ свою *волость* (власть), путемъ разсылки на проленныя поселенія *боярскихъ насельниковъ—рабовъ и работныхъ людей,*— згородъ Великій былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и метрополіей всѣхъ сѣверо-восточныхъ ропромышленныхъ колоній русской земли. Первые *погосты* его въ Чуди, въ ш и т. д., бывшіе сначала временными становищами гостей, вымѣнивавшихъ ьшею частью звѣриные шкуры и мѣха у финскихъ звѣроловов въ Чуди, въ ци, въ Лопи, у Югры, Еми и проч., потомъ, съ построеніемъ церквей, становшіеся постоянными поселеніями, были большею частью такіе же звѣропромышные *погосты*, какіе потомъ, въ XVII вѣкѣ, въ Сибири распространяли точно іе же *гости*—торговые и промышленные люди, — промышляя и вымѣнивая у ирскихъ инородцевъ звѣря, *садясь* на соболиные и другіе звѣриные промыслы, которые также назывались иногда *погостами*, какъ, напр., Хантайскій и Хагской погостъ на Мангазеѣ, въ Туруханскѣ [3]), или упоминаемые Палласомъ осты съ церквами въ Березовскомъ краю, въ низовьяхъ Иртыша и Оби, въ орыхъ русскіе живутъ съ остяками и къ которымъ причислены деревни креныхъ остяковъ [4]). Нѣкоторыя новгородскія колоніи сохранили такой первонаьный, звѣропромышленный характеръ до XVI вѣка, когда, вслѣдствіе уменьнія наиболѣе цѣнныхъ звѣрей, многія изъ нихъ стали уже переходить въ оловческое состояніе. Таковы, напримѣръ, были новгородскія колоніи: Вага и югъ, которыя, по словамъ Герберштейна, не имѣя и не потребляя хлѣба и аясь рыбою и звѣрями, промышляли отчасти плохихъ соболей, но особенно ицъ и другихъ звѣрей, какими еще изобиловала Сухоно-Двинская страна [5]).

[1]) Ibid., 143.
[2]) Ibid., 84.
[3]) Gmelin, „Reise durch Sibirien". Bd. III, s. 215—216.
[4]) Pallas, „Reise". Bd. III, s. 16—17.
[5]) Herberstein, „Rerum Moscov. Itin.", p. 79, 80.

Финскія поселенія тоже еще въ XVI вѣкѣ сохраняли вполнѣ первобытный, звѣроловческій образъ жизни, натуральную зоологическую экономію. О лапландцахъ Павелъ Іовій пишетъ: «не знаютъ они ни произрастеній, ни плодовъ и, вообще никакихъ даровъ природы. Стрѣльба изъ лука доставляетъ имъ всю пищу ихъ, а звѣриныя кожи всю ихъ одежду. Жилища ихъ составляютъ небольшія пещеры, наполненныя сухими листьями, и древесные пни, выдупленные огнемъ или временемъ. Лапландцы промѣниваютъ москвитянамъ на разные товары бѣлые мѣха, извѣстные у насъ подъ именемъ горностаевъ» [1]). Какъ нѣкогда Новгородъ былъ метрополіей звѣропромышленныхъ колоній среди финскихъ племенъ, такъ въ XVI вѣкѣ, звѣропромышленный Устюгъ служилъ сборнымъ торговымъ пунктомъ для финскихъ звѣроловческихъ поселеній. Туда эти звѣроловы свозили свои пушные товары. «Въ 60 миляхъ отъ Москвы,—говоритъ Павелъ Іовій,—тамъ, гдѣ рѣка Югъ впадаетъ въ Двину, лежитъ торговый городъ Устюгъ. Туда пріѣзжаютъ пермь, печора, югры, вогуличи, пинежане и другіе отдаленнѣйшіе народы и привозятъ съ собою дорогіе мѣха, какъ-то: куницъ, соболей, волковъ, оленей и черныхъ и бѣлыхъ лисицъ, которые промѣниваютъ на различные товары» [2]). И досѣлѣ многія поселенія въ губерніяхъ Вологодской, Олонецкой и Архангельской сохраняютъ отчасти старинный звѣропромышленный типъ. О значительности звѣропромышленнаго элемента въ ихъ хозяйственной основѣ свидѣтельствуютъ отчасти цифры, показывающія даже, въ нѣкоторые годы, приращеніе звѣриныхъ промысловъ. Такъ, напр., въ Олонецкой губерніи ловъ медвѣдей возросъ съ 1804—1805 г. отъ 355 до 514 штукъ, ловъ куницъ отъ 675 до 1.760, лисицъ отъ 961 до 2.897 штукъ; ловъ зайцевъ съ 1804—1812 г. увеличился съ 13.750 до 17.469, бѣлокъ (съ 1804—1810 г.) отъ 20.949 до 63.560 штукъ. Вологодское звѣроловческое населеніе ежегодно обращало торговлю въ слѣдующее количество мягкой рухляди: отъ 100 до 200 черныхъ лисицъ, отъ 1.000 до 2.000 красныхъ лисицъ, отъ 300 до 500 рысей, до 300 медвѣдей, отъ 300 до 500 россомахъ, 200—300 бобровъ, отъ 1.000 до 2.000 куницъ, отъ 500 до 600 волковъ, до 300 песцовъ, отъ 250 до 400 барсуковъ, 500—1.000 рѣчныхъ бобровъ, отъ 5.000 до 10.000 горностаевъ, отъ 500 до 1.000 русаковъ, отъ 200.000 до 700.000 бѣляковъ (зайцевъ), до 600.000 бѣлокъ [3]). Самаго драгоцѣннаго звѣря, соболя, этого золота древней Россіи, самаго главнаго и вожделѣннаго искомаго всѣхъ звѣропромышленниковъ, во всѣхъ этихъ великорусскихъ звѣропромышленныхъ областяхъ, давно уже не стало. Уже въ XVI в., собольи мѣха здѣсь, по словамъ Герберштейна, были и немногочисленны, и недоброкачественны. Соболи если не были выловлены, то перебрались въ пустынныя, лѣсистыя пространства Сибири. И ихъ оттуда уже нужно было добывать и туда за ними отправляться. «Лучшіе собольи мѣха,—говоритъ Павелъ Іовій,—доставляются изъ Перми и Печоры. Но эти народы уже не сами добываютъ ихъ, а получаютъ отъ другихъ, отдаленнѣйшихъ племенъ, живущихъ близъ океана» [4]). Слѣдовательно, въ Сибирь должны были звѣропромышленники направить свои охотничьи лыжи и тамъ основывать промышленныя колоніи. И вотъ, съ конца XVI вѣка,

---

[1]) Путеш. Павла Іовія. „Библ. иностр. писател. о Россіи", IV, стр. 28.
[2]) Ibid, стр. 30.
[3]) Baer, „Beiträge zur Kenntniss d. Russisch. Reiches". Bd. VII, s. 249—251.
[4]) „Библіог. иностр. писат. о Россіи", IV, 30—31.

емились туда толпы торговыхъ промышленныхъ людей — вологжане, устюжане, югорцы, пинежане, усть-сылемцы, усть сысольцы и т. д.,—все выходцы, прецественно изъ сѣверо-поморскихъ звѣропромышленныхъ областей—Архангель-, Вологодской и Пермской [1]). За ними пошли звѣропромышленники изъ дру- областей. Звѣроловные округи западной Сибири, принадлежавшіе прежде рамъ, вогуламъ, самоѣдамъ и остякамъ, скоро заняты были русскими колои. Сибирскіе татары, съ грустью вспоминая основаніе первыхъ русскихъ кой, тщетно жаловались на то, что русскіе звѣропромышленники вытѣснили ихъ: щъ нашъ, — говорили нѣкоторые изъ нихъ въ 1649 году, — служилъ царю анлу Федоровичу и прежнимъ государямъ, какъ и Сибирь стала, и ставилъ государевыми служилыми людьми въ Сибири 3 города — Тобольскъ, Тюмень, у; а теперь на ихъ землѣ, по Тоболу рѣкѣ, по обѣимъ сторонамъ, *ловятъ сіе русскіе люди всякій звѣрь* и орловыя гнѣзда снимаютъ» [2]). Въ нияхъ Оби и Енисея,—вездѣ появились *зимовья* и *погосты* русскихъ звѣроышленныхъ людей, несмотря на всю отталкивающую и леденящую суровость рянаго холода и мрака. Въ Мангазейскомъ зимовьѣ или въ Хатангскомъ поѣ, подъ $68^1/_2°$ с. ш., еще въ 1771 году, жило русскихъ 452 человѣка го пола [3]). Колоніи: Березовъ, Обдорскъ, Туруханскъ возникли, главнымъ зомъ, вслѣдствіе звѣропромышленности. Эти колоніи и теперь еще сохраняютъ ое звѣропромышленное значеніе. Напримѣръ, въ Березовѣ еще въ 1860 году ъ звѣря простирался на сумму до 92.000 р. Количество же добытаго звѣря авляло: соболей 1.600 шкуръ, лисицъ 3.500, песцовъ 32.500, горностаевъ 030, бѣлокъ 60.000, бурундуковъ 50.000 [4]). Въ началѣ же XVII вѣка, были еще болѣе богатые звѣропромышленные центры притяженія для русскихъ [5]). юда, съ Оби и Енисея, русскіе торговые и промышленные люди, гоняясь, главъ образомъ, за преслѣдуемымъ всѣми звѣроловами соболемъ, мало-по-малу рались на Лену. И здѣсь, по всѣмъ притокамъ Лены и Сѣвернаго и Охото морей, повсюду ставились такія же *зимовья.* Для сбора въ казну ясака—лей и для собственной наживы соболями, служилые люди повсюду строили ь называемыя ясачныя зимовья и острожки—починки будущихъ селеній и говъ. Такихъ зимовій, кромѣ острожковъ, въ одномъ тогдашнемъ Якутскомъ дѣ, до 1675 года, поставлено было болѣе 22, именно: *Чаринское зимовье* Олекмѣ, съ 11 служилыми людьми и 6 аманатами, и другое *Чаринское ть-патомское зимовье,* съ 8 служилыми людьми и 3 аманатами, въ кото-

---

1) Устюжскій лѣтописецъ говоритъ, что великій городъ Устюгъ обезлюдѣлъ оттого, большая часть его жителей ушла въ Сибирь на промыслы. „Сѣвер. Архивъ“, 1821 г., 1. Даже служилые люди, собиравшіе въ Сибири ясакъ—соболей, лисицъ и другихъ рей, были большею частью усть-цылемцы, мезенцы, устюжане, пермяки, сысольцы, пиане и т. п. Дополн. къ А. И., IV, № 5. Въ 1647 году, промышленный человѣкъ Холмокаго уѣзда Пинежскаго волока изъ Загорья, Григорій сынъ Васильевъ, сказывалъ: прошломъ-де во 153 году ходилъ онъ для своего соболинаго промыслу, съ покрученами съ 5 человѣками, да шестой свой ужинникъ, по Олекмѣ рѣкѣ, а былъ онъ на мыслу безъ выходу два года, а шелъ изъ якутскаго острогу до Олекмы полтретьи неи, а отъ Усть-Олекмы съ Лены вверхъ по той Олекмѣ шелъ до Камени двѣ недѣли“, д. „Дополн.“ III, № 26.

2) Ibid., III, № 51.

3) Georgi, II, s. 1057.

4) „Географическо-статист. словарь“, вып. 1, 244—245.

5) Pallas, „Reise“, III, s. 87—93, говоритъ подробно о ловлѣ въ Березовской области бобра, дикаго оленя и морскихъ звѣрей, и проч.

рыхъ 137 ясачныхъ тунгусовъ платили ясаку 8 сороковъ 36 соболей; *Майское зимовье*, съ 20 служилыми людьми, на р. Maѣ — *притокѣ Алдана*, впадающаго въ Лену, гдѣ, по словамъ актовъ, «по тѣмъ рѣкамъ было соболей и лисицъ всякихъ и выдръ много, и корму рыбнаго и звѣринаго много же», и гдѣ майскіе тунгусы, въ числѣ 258 человѣкъ, платили ясаку 13 сороковъ 18 соболей. *Олекминскій острожокъ*, съ 11 служилыми людьми, собиравшими ясаку съ 206 человѣкъ якутовъ и тунгусовъ, 9 сороковъ 17 соболей, лисицу черночеревую и 30 лисицъ красныхъ, и *Охотскій острожокъ* съ 44 служилыми людьми, собиравшими ясаку съ 1.172 тунгусовъ, 59 сороковъ 39 соболей и 7 пластинъ собольихъ и проч. Всего, во всѣхъ этихъ 22-хъ зимовьяхъ и острожкахъ, было аманатовъ 214 человѣкъ и служилыхъ людей около 1.083 человѣкъ, которые собирали ясаку съ 12.236 человѣкъ якутовъ, тунгусовъ и юкагировъ 461 сорокъ 12 соболей, да 49 пластинъ собольихъ съ 1 шубой, 2 лисицы бурыхъ, лисицу краснобурую, 11 лисицъ черночеревыхъ, 52 лисицы сиводущатыхъ, 6.284 лисицы красныхъ и 1 шубу лисью. Въ 1675 г., на сборъ этого ясака и на пріисканіе новыхъ ясачныхъ людей требовалось изъ Москвы еще до 1.000 служилыхъ людей [1]). Къ служилымъ людямъ иногда присоединялись партіи такъ называемыхъ *торговыхъ, промышленныхъ и всякихъ гулящихъ людей*, тоже искавшихъ счастья въ промыслахъ соболиныхъ и жившихъ въ зимовьяхъ. Но, большею частью, промышленные люди самостоятельно устрояли свои звѣроловческія *зимовья*. По всѣмъ притокамъ Лены и Сѣвернаго и Охотскаго морей ставились и эти *промышленныя зимовья*. Населеніе ихъ увеличивалось тѣмъ, что русскіе торговые и промышленные люди обыкновенно прибирали или нанимали такъ называемыхъ покрученниковъ, ужинниковъ, полуженщиковъ—артели наемныхъ звѣролововъ въ составѣ до 50 и до 60 человѣкъ, и даже еще въ XVIII столѣтіи—отъ 6 до 40 человѣкъ. Изъ зимовьевъ проводились *станы*, гдѣ также ставились избушки или шалаши, которые тоже нерѣдко были основами поселеній. Въ то же время затесами деревьевъ промышленные люди пролагали дороги въ дикихъ дебряхъ [2]). Всѣ эти ряды ясачныхъ и промышленныхъ зимовій, становъ и острожковъ, широкою сѣтью распространившіеся по всѣмъ рѣкамъ, по всѣмъ направленіямъ Сибири, вплоть до Камчатки и сѣверо-восточнаго угла Ледовитаго моря, были первые основоположительные починки сибирской колонизаціи. Соболь былъ главнымъ магнитомъ и двигателемъ ихъ. Первые колонисты, по выраженію историческихъ актовъ, *содились на соболиные промыслы*. Идя, по словамъ актовъ, *своею силою* на Охоту рѣку, *возлѣ утесъ и всяко*, рѣками и волоками, разузнали служилые и промышленные люди, по сказкамъ иноземскимъ, что тамъ «соболи по рѣкамъ есть и звѣря морского много», — и тамъ, кромѣ охотскаго острожка, появилось Горбейское зимовье и другія, и служилое населеніе прибывало *новоприборными* и *новоприбылыми людьми* [3]). Такимъ образомъ, соболь довелъ русскія колоніи до Камчатки. Благодаря ему, положено было основаніе почти всѣмъ главнымъ колоніямъ сѣверо-восточной Сибири, какъ, напримѣръ, Олекминску, Вилюйску, Верхоянску, Верхне-Колымску, Средне-Колымску, Нижне-Колымску, Ги-

[1]) „Дополн.“, VI, № 136.

[2]) Крашенинниковъ, „Опис. Камчатки“, т. I, стр. 235—260: „Витимскіе соболиные промыслы“.

[3]) „Дополн.“, III, № 87, грам. I. Ibid., VII, № 61, грам. X.

жигинску, Охотску и проч. Когда торговые и промышленные люди во всѣхъ этихъ мѣстахъ, по жалобѣ якутскихъ тунгусовъ, *соболя опромышляли и корень соболиный вывели* [1], —тогда предпріимчивые казаки пошли дальше—въ Камчатку. Здѣсь нашли они еще болѣе дорогого звѣря — камчатскаго бобра и, промышляя его, въ борьбѣ съ камчадалами, положили начало русской колонизаціи Камчатки и основали 5 остроговъ. Въ скрещеніи съ камчадалками, замѣчаетъ между прочимъ Эрманъ, здѣсь развивалось такое же чернобровое казачье поколѣніе, какъ въ Малой Россіи, черезъ прежнее скрещеніе блондиннаго русскаго племени съ смуглымъ, черноволосымъ племенемъ тюркскимъ, сложился этотъ идеалъ народной поэзіи—чернобровый типъ [2]).

Какъ соболь провелъ русскія колоніи черезъ всю Сибирь до Камчатки, такъ морской бобръ повелъ ихъ отъ Камчатки черезъ весь рядъ Алеутскихъ островъ до материка Америки, и на этомъ континентѣ—до существующей тамъ колоніи Россъ [3]). Вызванныя изобиліемъ морского бобра, промышленныя компаніи купцовъ иркутскихъ, якутскихъ, вологодскихъ, частью тобольскихъ, соликамскихъ, московскихъ, тульскихъ и курскихъ, одна за другою, преслѣдуя этого дорогого звѣря и все далѣе и далѣе проникая въ Восточный океанъ, открыли всѣ 4 группы въ длинной грядѣ Алеутскихъ острововъ. Конечнымъ результатомъ этого вѣкового звѣропромышленнаго движенія колонизаціи были звѣропромышленныя колоніи основавшейся въ 1798—99 г. сѣверо-американской компаніи, съ ея центральной или главной колоніей на Ситхѣ — Новоархангельскомъ, съ 6 отдѣлами или округами, съ 36 охотничьими постами, съ мѣховымъ ботатствомъ въ 1/2 милл. рублей. Первая колонія на Алеутскихъ островахъ, составлявшая компанію Шелехова, состояла только изъ 192 русскихъ, которые и положили основаніе Новоархангельску въ Сихтѣ. Въ 1833 г. всѣхъ жителей въ Новоархангельскѣ было уже 847. въ томъ числѣ 406 европейцевъ, 307 креоловъ и 134 алеута и колоша. Тузомное народонаселеніе сначала подверглось страшному истребленію со стороны русскихъ промышленниковъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія всѣхъ алеутовъ было до 25.000, а по Шелехову, до 50.000 душъ; но они до такой степени истреблены были русскими промышленными компаніями, что ихъ осталось только около 4.000. Одинъ Соловьевъ истребилъ, по свидѣтельству Давыдова, 3.000, а по свидѣтельству Сарычева—5.000 человѣкъ. На Уналиткѣ еще въ 1790 г. было 1.300 аборигеновъ, а въ 1804 г. едва осталось уже только 300. На островахъ Кадьякѣ, Афокнакѣ, Сахлидокѣ, Шуехѣ, Тухидокѣ и Сихтунокѣ въ 1790 г. жителей считалось до 3.000 д., а въ 1804 г. ихъ было уже только 450 [4]). Затѣмъ, когда компанія стала дружелюбнѣе съ туземными племенами, началось болѣе или менѣе мирное сближеніе и сліяніе аборигеновъ съ русскими колонистами. По причинѣ крайняго недостатка русскихъ женщинъ [5]),

---

[1]) Ibid., III. № 57.

[2]) Erman „Reise", III, s. 184.

[3]) Baer, übersicht des Jagd - Erwerbes in Sibirien, besonders im ostlichen. Beiträge zur Kenntn. d. R. Reich. VII, s. 139.

[4]) Langsdorf, Reise Bd. 11, s. 31, 52—55. Здѣсь находится и статистич. таблицы уменьшенія аборигеновъ.

[5]) Наприм., по отчету 1847 г., въ Новоархангельскѣ было русскихъ мужчинъ 306, а женщинъ только 23; въ Кадьякскомъ отдѣлѣ мужчинъ 61, а женщинъ 4; въ отдѣлахъ: Атхинскомъ, Курильскомъ и Сѣверномъ русскихъ женщинъ и вовсе не было. По отчету 1854—55 г., въ числѣ русскихъ колонистовъ было: въ Новоархангельскѣ мужчинъ 446, а

колонисты стали вступать въ бракъ съ туземными женщинами. Такимъ образомъ, стало нарождаться особое населеніе *креоловъ*. Численность ихъ, при всемъ колебаніи въ различные годы, возрастала. Такъ, наприм., въ 1833 г. креоловъ было только 991, а въ 1856 г. число ихъ возросло до 1.902 человѣкъ. «Креолы,—говоритъ Врангель,—дѣти русскихъ и аборигеновъ, составляютъ въ колоніи особое сословіе и пользуются всѣми правами русскаго мѣщанства. Многіе креолы получили образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ, изучали нѣкоторыя науки и искусства; многіе обучались въ школѣ самой колоніи и теперь въ общественномъ мнѣніи стоятъ почти наравнѣ съ русскими. Нѣкоторые изъ этихъ креоловъ дѣлаются значительными чиновниками, наприм., бухгалтерами, смотрителями пакгаузовъ, помощниками корабельныхъ комендантовъ и главными начальниками кораблей, церковно-служителями. Всѣ креолы хорошо говорятъ по русски. Умственныя способности ихъ очень хороши, и они обнаруживаютъ особенную склонность и привязанность къ механическимъ работамъ» [1]). Изъ креоловъ компанія составляетъ особыя колоніи. Такъ въ 1847 году избраны были въ Уналашкинскомъ и Атхинскомъ отдѣлахъ удобныя мѣста для поселенія престарѣлыхъ служителей компаніи съ ихъ семействами—креолами. «Разселеніе служителей компаніи съ ихъ семействами, по разнымъ отдѣламъ колоній, — сказано въ отчетѣ за 1847 годъ,—производится какъ потому, что люди эти сами просятся на житье въ тѣ отдѣлы, въ которыхъ родились ихъ жены алеутки и гдѣ, слѣдственно, дѣти ихъ находятъ свою родню, такъ и для того, главнѣйше, что только этими мѣрами компанія можетъ навсегда и повсюду обезпечить существованіе туземнаго народонаселенія изъ креоловъ; потому что коренные жители колоній, алеуты, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, рано или поздно, исчезнутъ въ чистомъ ихъ видѣ, подобно тому, какъ нынѣ уже не существуетъ большая часть американскихъ туземцевъ тѣхъ странъ, гдѣ водворялись европейцы» [2]). Русскіе колонисты, несмотря на туманность климата и заброшенность въ дальній, непривѣтный морской уголъ, повидимому, довольны были своимъ поселеніемъ. Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, думали выселить нѣкоторыхъ промышленниковъ съ Алеутскихъ острововъ, съ цѣлью уменьшить истребленіе морскихъ котиковъ, то многіе не хотѣли выселяться и говорили тогдашнему правителю торговыхъ дѣлъ компаніи: «Здѣсь мы имѣемъ все въ избыткѣ. Изъ шкуръ лисицъ и котиковъ дѣлаемъ себѣ одежду. Морскіе коты, которые замѣняютъ намъ стада, даютъ намъ богатую пищу. Въ плодахъ нѣкоторыхъ видовъ растеній (именно въ ягодахъ) недостатка мы не имѣемъ. Морскія птицы и ихъ яйца служатъ намъ лакомствомъ. Хотя острова и лишены дровъ, но мы не особенно чувствуемъ въ нихъ недостатокъ, какъ думаютъ; землянки, въ которыхъ мы живемъ, теплы сами по себѣ; а если и понадобится топливо, то нѣсколько расщепленныхъ и брошенныхъ на берегу кораблей компаніи и кости съ ворванью достаточны для того, чтобы согрѣть наши землянки и сварить пищу» [3]). И дѣйствительно, [illegible] по добычѣ колоній компаніи, при свободѣ и сбытѣ, можно было тамъ выго-

---

женщинъ 49, въ Кадьякск. отд. мужчинъ 73, а женщинъ 11, въ Сѣверн. отд. русскихъ мужчинъ 59, а женщина русская только 1: въ прочихъ отдѣлахъ русскихъ женщинъ вовсе не было. См. Отчеты.

1) Wrangel, „Über die Russ. Besitz. v. Amer.", s. 30—31. Langsdorf. Reise II, s. 9.

2) Отчетъ 1847 г., стр. 37.

3) Langsdorf, „Reise" II, s. 25.

промышлять морского звѣря. Съ 1823 по 1841 годъ изъ колоній сѣверо-американской компаніи ежегодно вывозилось: 1.161 шкура морской выдры, 16.000 морского котика, 900 шкурокъ чернобурой лисицы, 8.029 бобровыхъ, 1.070 хвостовъ морской выдры, 1.279 шкурокъ чернобрюхихъ лисицъ, 2.246 шкурокъ рыжей лисицы, 667—бѣлаго песца, 2.430 бураго песца, 243 медвѣжьихъ, 78 россомахъ. 780 рѣчной выдры, 810 американскаго соболя, 236 ондатры, 10 волчьихъ, 235 моржовыхъ бивней, 92 фунта китоваго уса и 262 ф. бобровой струи. Кромѣ того, колоніи сѣверо-американской компаніи много добываютъ китовъ, тюленей, сивучей, и проч. Но здѣсь мы уже входимъ въ область водныхъ, морскихъ звѣрей, которыя вызвали въ Россіи особаго рода поселенія.

Изобиліе водной животной экономіи на русской землѣ вызвало особаго рода поселенія—рыболовческія. При естественной готовности и неистощимости различныхъ продуктивныхъ источниковъ на русской землѣ,—еще много вѣковъ не чувствовали настоятельной необходимости—напрягать умъ и изобрѣтать индустріальныя средства жизни. Не хотѣли расчищать пашеннаго починка въ лѣсу, селиться въ хлѣбныхъ селахъ и деревняхъ или не имѣли для этого топора, косы, сохи, и «страдной животины», не хотѣли селиться въ деревняхъ бобровничьихъ, звѣропромышленныхъ, или не ставало звѣря,—шли, въ такомъ случаѣ, къ рыбной рѣкѣ, къ рыбному озеру или къ морю и тамъ устроялись на рыбной ловлѣ. Къ тому русскихъ побуждала, между прочимъ, и невыгодная для развитія дѣятельныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ привычка—ѣсть больше рыбу, чѣмъ мясо и дичь и притомъ—строго соблюдать посты, составляющіе почти половину года. «Лѣсная дичь,—говоритъ Олеарій,—находящаяся у русскихъ въ большомъ изобиліи, не цѣнится; многихъ птицъ не считаютъ за нужное ловить и употреблять въ пищу. Въ Москвѣ, по большей части, употребляютъ въ пищу соленую и, притомъ, тухлую рыбу. Мясо у русскихъ находится въ изобиліи и очень дешево, такъ какъ они, соблюдая посты, по нѣкоторымъ днямъ недѣли ѣдятъ одну только рыбу. Умѣя приготовлять изъ рыбы разныя кушанья, русскіе почти и не нуждаются въ мясѣ» [1]). Рыбнымъ же богатствомъ кругомъ изобиловали водные бассейны русской земли. Достаточно взглянуть бѣгло на теперешній запасъ рыбъ въ различныхъ водахъ Россіи, чтобы представить древнее, несравненно обильнѣйшее продуктивное содержаніе ихъ. При тогдашней малораспространенности земледѣльческихъ и промышленныхъ поселеній, при изобиліи дикихъ, дѣвственныхъ лѣсовъ по берегамъ рѣкъ и озеръ и при многоводности бассейновъ этихъ послѣднихъ,—естественно, обильнѣйшій притокъ изъ окрестныхъ почвъ питательныхъ веществъ въ водные бассейны производилъ обильнѣйшій запасъ и приплодъ рыбъ въ русскихъ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ. Западные путешественники, постоянно указывая на громадность русскихъ рѣкъ, въ то же время указывали какъ на замѣчательную производительную особенность ихъ—на изобиліе рыбы всякаго рода. «Текущія рѣки и съ стоячею водою озера,—говоритъ Олеарій,—которыхъ очень много въ Россіи, заключаютъ въ себѣ чрезвычайное изобиліе рыбы; недостатокъ ощущается только въ карпахъ, коихъ нельзя было найдти даже и въ Лифляндіи. Впрочемъ, въ Астрахани видѣли мы много карповъ величины необыкновенной; за одного карпа мы платили по шиллингу. Рыба эта ловится въ Волгѣ» [2]). Волга и теперь еще непосредственно на

[1]) Олеарій (въ „Архивѣ“, 1859, кн. III), стр. 16—17 и 48.
[2]) Ibid., стр. 18.

берегахъ своихъ болѣе или менѣе питаетъ или снабжаетъ рыбою многолюдныя массы населенія 9 прибрежныхъ губерній или до 39 городовъ, 6 посадовъ и болѣе 1.000 поселковъ. Въ старину, нѣкоторые притоки Волги особенно славились обиліемъ и вкусностью рыбы, наприм., Шексна: по словамъ Герберштейна, рыба, которая идетъ изъ Волги въ эту рѣку и въ Бѣлоозеро, становится лучше, и тѣмъ лучше и лучше все становится, чѣмъ долѣе живетъ въ озерѣ, изъ котораго вытекаетъ Шексна. Съ XVI вѣка, когда, съ покореніемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, колонизація направилась на югъ по Волгѣ, къ Каспійскому морю,— здѣсь открылся новый, самый обильнѣйшій резервуаръ рыбнаго богатства. Въ Астраханскомъ водномъ районѣ и въ настоящее время добывается рыбы и тюленей до 3.000.000 пудовъ. На одномъ «Божіемъ промыслѣ» ловится ежегодно отъ 1.000 до 1.500 бѣлугъ, отъ 20.000 до 30.000 осетровъ, отъ 150.000 до 200.000 севрюгъ и до 90.000 сомовъ. Общій вѣсъ рыбы, ловимой въ Каспійскомъ морѣ, кромѣ потребляемой на мѣстѣ, опредѣляется до 7.500.000 пудовъ. Каспійское море тѣмъ болѣе представляло неистощимое водовмѣстилище рыбъ, что, при огромномъ бассейнѣ его (35.000 миль),—въ него и въ настоящее время вносится посредствомъ притоковъ обильнѣйшее количество питательныхъ веществъ для рыбъ— въ 12 или 13 разъ больше противъ количества, вносимаго въ Бѣлое море. На сѣверѣ, въ полярно-балтійской и бѣломорской системѣ, природа, лишивши край произведеній теплаго или умѣреннаго климата, зато тоже довольно щедро разлила обширные и богатые источники водной животной экономіи. Здѣсь рыбныхъ озеръ и рѣкъ безчисленное множество. Въ одной нынѣшней Олонецкой губерніи считается до 2.000 озеръ; даже въ одномъ Петрозаводскомъ уѣздѣ болѣе 500 озеръ. Рыболовная вода здѣсь, по всему полярно-бѣломорскому поморью, рѣшительно преобладаетъ надъ хлѣбородною землею. А море—Бѣлое и Сѣверное? Это было не только рыбное, но и звѣропромышленное эльдорадо древняго Великаго Новгорода и всѣхъ его колоній. Общая масса бѣломорскаго улова, поступающаго въ торговлю сверхъ употребляемаго на мѣстѣ количества рыбы, и въ настоящее время простирается до 600.000 пудовъ. Однихъ сельдей ловится въ Сороцкой губѣ до 150.000.000 штукъ, или 300.000 пудовъ. Въ бѣломорской системѣ насчитывается въ настоящее время до 32 породъ рыбъ, употребляемыхъ въ пищу. Кромѣ рыбъ, къ Бѣлому и Сѣверному морю издавна привлекали множество промышленниковъ различные виды морскихъ звѣрей, доставляющихъ жиръ и кожи.— Вслѣдствіе такого изобилія естественной экономіи воднаго животнаго царства, по всѣмъ направленіямъ и областямъ — по рыбнымъ рѣкамъ, озерамъ и морямъ, естественно, устроялись особыя промышленныя поселенія—такъ называемыя въ актахъ *рыболовли деревни*, *рыбныя ловецкія слободы* и *поморскія звѣропромышленныя поселенія.* Во-первыхъ, въ волжско-каспійской водной системѣ, рыболовческая колонизація распространялась территоріально-гидрографическою сѣтью по всѣмъ рыбнымъ озерамъ и рѣкамъ, и особенно внизъ по Волгѣ до самаго Каспійскаго моря и до Закавказья. Такъ, уже около самой Москвы, рядомъ съ слободами хамовниковъ, кадашевцевъ ямщиковъ, были устроены *рыбныя ловецкія слободы* [1]. Въ древней области финскаго племени Мери, на берегу Переяславскаго и Плещеева озера, устроены были, по такъ называемому въ актахъ *столь-*

---

[1] А. А. Э., III, № 79.

ичему пути изъ великокняжеской *поварни*, дворцовыя рыболовческія посе-энія—переяславскія *рыболовли деревни*. Въ 1506 г., апрѣля 7, великій князь асилій Ивановичъ далъ «*старостѣ рыболовлему и всѣмъ рыболовамъ пе-еяславскимъ стольнича пути*» уставную грамоту, вслѣдствіе которой старинныя ыболовли деревни организовались въ одну дворцовую рыбную слободу [1]). Въ ставной грамотѣ, между прочимъ, сказано было: «кто имет рыбу ловити на оемъ озерѣ на Переяславскомъ и на Вексѣ неводомъ, или сѣтью, или бредни-эмъ, или иною рыбною ловлею, мой ли кто великаго князя, или митрополичь, ли боярскій, или монастырскій, — и тѣ *всѣ потянутъ въ мою поварню ве-икаго князя съ моими рыболовы* во всякіе проторы». Такимъ образомъ, всякій, го только ходилъ ловить рыбу по великокняжескому стольничему пути, забрасывая водъ въ Переяславское озеро, и пользовался его рыбою,—тотъ необходимо дол-енъ былъ причисляться къ Рыбной слободѣ, селиться въ ней и тянуть вмѣстѣ ь нею, по стольничему пути, въ княжескую поварню. Отъ Переяславскаго озера эсковская или волжско-каспійская рыболовческая колонизація шла сначала по ерхнему теченію Волги. Здѣсь основаны были рыболовли деревни и слободы по ерегамъ Волги. Такъ, въ актахъ упоминаются *дворцовыя рыбныя слободы* въ рославскомъ уѣздѣ, по Волгѣ, Шекснѣ и Мологѣ [2]). Къ этому разряду отно-ятся—*Рыбинская слобода*, преобразовавшаяся потомъ въ нынѣшній городъ Ры-инскъ, *Борисоглѣбская рыбная слобода*, близъ посада ярославскаго города оманова, и много мелкихъ *деревень рыболовныхъ* [3]). Юрьевецъ, Повольскій по-дъ, также населенъ былъ рыболовами, которые «строили на Волгѣ, для рыбной эвли, на царскій обиходъ ѣзы»[4]). Съ верхней Волги московская сѣть рыболов-ескихъ поселеній простиралась, съ одной стороны, по Шекснѣ къ Бѣлоозеру и ь Кубенскому озеру, съ другой — по р. Костромѣ въ Костромскую область до аличьскаго и Чухломскаго озеръ, и, наконецъ, третья, самая обширная вѣтвь ыболовныхъ селъ и деревень пошла внизъ по Волгѣ и ея притокамъ до Каспій-аго моря. Главными проводниками рыболовческой колонизаціи были дворцовыя юбоды и рыбные дворы и такъ называемыя владычни и монастырскія рыболовли ла и деревни. Князья бѣлозерскіе—отрасль московскаго княжескаго рода, посад-іе люди города Бѣлоозера—древней колоніи новгородской въ области финскаго емени Веси, московскій Сергіевъ монастырь и колонія его—Кирилло-Бѣлозерскій энастырь были главными распространителями рыболовныхъ деревень и слободъ по Шекснѣ и по берегамъ Бѣлоозера. Такъ возникли здѣсь *рыболовныя деревни*, юминаемыя еще въ 1453 году [5]). Съ тѣхъ поръ на Бѣлоозерѣ, *на посадѣ въ уѣздѣ* постоянно *жили рыбные ловцы* [6]). Въ самомъ городѣ Бѣлоозерѣ, этомъ, у московскихъ царей былъ *рыбный дворъ*, составлявшій въ то же время ія рыбаковъ и судный дворъ. Въ немъ жили *работники царскіе рыбные эвцы, явочные ловцы, всякихъ чиновъ рыбные промышленники, лодоч-ики и челновщики*. Ими «была чищена неводная тоня на Шекснѣ, въ которой и ловили рыбу на царя». Кромѣ того, были «государевы записные рыбные

---

1) Ibid., I, стр. 114 „Владиміp. Сборн.", стр. 14.
2) Ibid., IV, № 233.
3) Ibid., III, № 170.
4) Ibid., III, № 102.
5) „Собр. государств. грам. и договоровъ", I, № 83.
6) „Дополн.", VI, № 74, стр. 276.

ловцы бѣлозерцы, посадскіе люди, въ числѣ 30 человѣкъ, ловившіе рыбу по Шекснѣ на пространствѣ болѣе 40 верстъ и вылавливавшіе, какъ, напримѣръ, въ 1675 году, по 991 стерляди» [1]). Въ уѣздѣ Бѣлозерскомъ было много рыболовныхъ слободъ, селъ и деревень. Рыбные ловцы всѣхъ этихъ рыболовныхъ селъ, слободъ и деревень производили ловлю большею частію сообща, соединяясь по нѣскольку деревень въ договорныя артели и «*по уговору ставая на ловлю всѣ въ одинъ день*». Рыболовы сами увеличивали численный составъ своихъ общинъ или артелей. «*принимая людей со стороны въ неводъ и тагасъ*» [2]). Всѣ эти рыбныя слободы, рыболовли деревни и села должны были платить въ царскій рыбный дворъ оброкъ—опредѣленное число лучшихъ стерлядей, «смѣрянныхъ государевымъ печатнымъ орленымъ аршиномъ, съ носомъ и хвостомъ, отъ самыя остряд и идо хвостовой послѣдней развилины». Далѣе, внизъ по Волгѣ, рыболовческая колонизація распространялась особенно быстро и сильно. Здѣсь и вся-то первоначальная колонизація волжской долины состояла преимущественно и большею частію даже исключительно изъ рыболовныхъ поселеній. Всѣ первыя рыболовли деревни устроялись у самой Волги, по берегамъ, лѣпились нерѣдко по самымъ склонамъ и уступамъ или при подошвѣ прибрежныхъ горъ. Церковныя власти и монастыри, вслѣдствіе огромнаго потребленія рыбы особенно содѣйствовавшія рыболовческой колонизаціи въ древней Россіи, явились и здѣсь сначала главными проводниками рыболовныхъ поселеній, захватывая напередъ рыбныя ловли, тони и учуги по Волгѣ, до самой Астрахани и Каспійскаго моря. У московскихъ монастырей были обширныя рыбныя ловли и села по Волгѣ, въ Казанскомъ уѣздѣ, въ Самарѣ, въ Астрахани [3]). Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь еще до завоеванія Казани поселилъ своихъ людей—рыболововъ по Волгѣ «у Спасскихъ и Коноплитскихъ водъ, у озеръ западныхъ съ истоками по обѣ стороны Волги, у островов Духовскаго и Спасскаго, въ заводи Рознѣжской, при озерахъ Ярилове, Сопинскомъ, да въ Сурскомъ лугу около озера Лукаваго, при истокахъ р. Суры, на луговой сторонѣ на озеркѣ Озерскомъ большомъ, на озеркѣ Плосскомъ, при истокѣ р. Дорогучъ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ» [4]). Въ 1574 г. Казанскому Зилантьеву монастырю дано было право «крестьянъ на пусто называть изъ-за князей и дѣтей боярскихъ», съ опредѣленіемъ пошлины съ крестьянъ, соглашавшихся идти на поселеніе за Зилантьевымъ монастыремъ [5]). Частные рыбопромышленники тоже толпами плыли внизъ по Волгѣ и устроивались на рыбныхъ ловляхъ. Въ казанскихъ лѣтописяхъ, напримѣръ, замѣчается, что въ XVI вѣкѣ «Новгородцы вели съ собою болѣе 1.000 рыболовей московскихъ, ловящихъ рыбы на Волгѣ подъ горами Дѣвичьими и до Зміева камня, гдѣ возникло Зміево село (городище тожъ) въ Чистопольскомъ уѣздѣ [6]). Занявъ лучшія мѣста, отодвинувъ инородцевъ во внутрь края, поселенцы скоро охватили всю долину Волги. Селеніе быстро возникало за селеніемъ. Призывались люди, напримѣръ, сторожить рыбныя ловли,—возникало селеніе. Многія изъ поволжскихъ селъ образовались такимъ образомъ; изъ нихъ большая часть существуетъ и въ настоящее время. Напримѣръ, въ Ка-

[1]) Ibid., VI, № 128.
[2]) Ibid., VI, № 74, грам. 1 и слѣд.
[3]) Ibid., VI, № 87.
[4]) А. И., I, № 209.
[5]) Ibid., I, № 191.
[6]) „Казанск. Губ. Вѣдом.“, 1855 г., № 21.

занской губерніи, въ прибрежныхъ селеніяхъ, деревняхъ и нѣкоторыхъ городахъ по Волгѣ и Камѣ рыболовство и доселѣ сосредоточено, какъ коренной промыселъ. Далѣе, въ низовьяхъ Волги и въ Астрахани былъ большой наплывъ народонаселенія. Уже въ началѣ XVII вѣка изъ Казани въ Астрахань ходилъ «вешній большой караванъ и большой же караванъ осенній», въ которомъ собирались всякіе торговые люди и, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ рыбопромышленники изъ верховыхъ и понизовыхъ городовъ [1]). И рыболовческія поселенія въ низовьяхъ Волги, по берегамъ Каспійскаго моря и по его притокамъ, быстро умножились. Уже въ началѣ XVII вѣка, въ Астрахани жили торговые люди—рыбопромышленники казанцы, нижегородцы, ярославцы, владимірцы и изъ другихъ верховыхъ и понизовыхъ городовъ [2]). Нужда и смѣтливость русскихъ торговцевъ не замедлили открыть баснословное рыбное богатство этихъ мѣстъ, и выгоды ихъ привлекали сюда постепенно все болѣе и болѣе искателей счастья. Они стекались съ разныхъ мѣстъ русской земли и состояли преимущественно изъ людей вольныхъ гулящихъ, бѣглыхъ, преступниковъ и разнаго сброда, которымъ на родинѣ почему-нибудь не жилось [3]). Въ недавнее еще время распоряженіемъ правительства они поселены окончательно въ Астраханской губерніи и числятся нынѣ казенными или помѣщичьими крестьянами, образовавшими теперь большія села и деревни съ богатѣйшими рыбными ватагами. Самыя названія этихъ селеній: Безродная, Безымянная, Распутинская и т. п. даютъ понятіе о происхожденіи своихъ поселенцевъ. Таково преимущественное русское населеніе Астраханской губерніи, занимающееся исключительно рыбопромышленностью. Такъ же заселился рыбный притокъ Каспійскаго моря — Яикъ или Уралъ. На берега его собрались, около половины XVII вѣка, разнаго рода рыбопромышленники, вольные гулящіе и бѣглые люди, а также донскіе казаки, — и населили яицкія станицы и хутора. Такъ, напримѣръ, основанъ не ранѣе первой половины XVII вѣка Гурьевъ городокъ рыбопромышленникомъ Гурьемъ съ сыновьями, которые при устьѣ Урала сдѣлали учугъ, а для защиты отъ набѣговъ хищныхъ ногайцевъ и трухменовъ построили деревянный острогъ, почему онъ во всѣхъ актахъ XVII в. до 1708 г. назывался городкомъ на Яикѣ или Яицкимъ городкомъ. «Теперь въ немъ живетъ уже до 2.096 душъ об. пола и занимаются исключительно рыбною ловлею» [4]). Казаки разселились по всему Яику или Уралу. «Главный промыселъ и занятіе яицкихъ казаковъ, — говоритъ Палласъ, —состоитъ въ рыбной ловлѣ. Ловъ въ р. Яикѣ бываетъ 4 раза въ годъ, изъ нихъ три самые главные. Первый и самый важный ловъ въ году бываетъ въ январѣ: тогда вытаскиваютъ рыбу баграми, и потому ловъ этотъ называется *багреньемъ*. Второй или севрюжный ловъ (вешняя плавня) бываетъ въ маѣ и продолжается до іюня. Третій и не столь важный ловъ (осенняя плавня) производится въ октябрѣ: тогда ловятъ рыбу сѣтями. Въ р. Яикѣ водятся обыкновенно—осетры, бѣлуги, шипы, севрюги, стерляди, сомы, сазаны и бѣлая рыбица; а изъ небольшихъ и простыхъ рыбъ—щуки, судаки, бершики, лещи, голавли, чехонь и проч. Севрюгъ въ Яикѣ бываетъ такое огромное множество, что при Гурьевѣ можно ясно видѣть ихъ тьму въ водѣ. Всѣ казаки увѣряли, что прежде при Яицкомъ городѣ

---

[1]) А. И., III, № 154.
[2]) Ibid., № 154.
[3]) Ibid., I, № 230.
[4]) „Геогр. Слов. Семенова", I, 711—712. „Дополн.", IV, № 85.

отъ сильнаго напору рыбы дѣлались проломы въ проведенномъ черезъ рѣку учугѣ, или заколѣ, и принуждены были выставлять на берегъ пушки для разогнанья рыбы пальбою» [1]). Въ настоящее время на Яикѣ рыболовствомъ занимаются до 8.500 казаковъ [2]). Въ Астраханскомъ уѣздѣ, даже въ заливахъ Каспійскаго моря, на смежныхъ островахъ и буграхъ, не вполнѣ заливаемыхъ полою водою и представляющихъ наиболѣе удобствъ къ причалу рыболовныхъ лодокъ, съиздавна поселились разнаго званія люди, какъ изъ Астраханской, такъ и изъ разныхъ верховыхъ губерній, и живутъ цѣлыми селеніями по паспортамъ для производства рыбнаго промысла; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, по обычаю прочно-осѣдлыхъ селъ, устроены даже церкви [3]). Въ Астраханской губерніи въ 1815 году считалось до 7.000 рыбаковъ, въ 1830 г. отъ 16 до 17.000, а теперь считается до 60.000. Въ закавказской части каспійскаго бассейна также устроились обширныя рыболовческія поселенія. Здѣсь, на лѣвомъ берегу Куры, въ 14 верстахъ отъ моря, особенно замѣчательна небольшая колонія или ватага—Божій Промыселъ. О рыбномъ богатствѣ р. Куры русскіе узнали не раньше первой половины прошлаго столѣтія. Гмелинъ первый (1770—1773) подробно разсказалъ объ нихъ. Съ того времени стали уже приходить сюда нѣкоторыя русскія суда для рыбной ловли. Поселившійся въ Россіи грекъ Варвацій, въ компаніи съ двумя астраханскими купцами Теленевымъ и Чурековымъ, первый основалъ здѣсь небольшую рыболовческую колонію или ватагу, которая уже въ то время добывала па продажу до 10.000 бѣлугъ, до 80.000 осетровъ и до 200.000 севрюгъ. Потомъ еще болѣе устроилъ ватагу индѣецъ Могундасъ, взявшій ее на откупъ въ 1825 году. Послѣ разоренія въ слѣдующемъ году персами, находившись въ казенномъ управленіи съ 1829 по 1846 годъ, съ этого послѣдняго года она опять отдается на откупъ. Въ ней построено нѣсколько сотенъ строеній разнаго назначенія: жилища для служащихъ, промысловаго и рабочаго населенія, амбары и магазины для склада рыбнаго товара, орудій и запасовъ, необходимыхъ для производства лова и т. п. Въ ней есть больница для рыболововъ и аптека. Разведены даже фруктовые сады, цвѣтники, бесѣдки, павильоны и т. п. Такимъ образомъ, ватага Божій Промыселъ сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ небольшого городка и походитъ на привлекательный оазисъ въ обширной, безплодной, солончаковой степи, который весьма часто посѣщается путешественниками. Что же касается до улова рыбы, то, по мнѣнію Бэра, Божій Промыселъ есть первый въ цѣломъ мірѣ [4]). Вообще, о рыболовческихъ поселеніяхъ каспійскаго приморья скажемъ словами г. Шульца: «всѣ европейскія морскія рыболовства, въ сравненіи съ рыболовствомъ Каспійскаго моря, могутъ быть названы незначительными. Нигдѣ въ Европѣ ловъ рыбы, особенно красной, не производится въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, не составляетъ столь важной отрасли государственнаго хозяйства, не приноситъ столько существенныхъ выгодъ и правительству, и народонаселенію, какъ рыболовство Каспійскаго моря и впадающихъ въ него рѣкъ: Волги, Урала, Куры и другихъ, менѣе значительныхъ. На пространствѣ тысячи верстъ длины и 300 ширины Каспійскаго моря, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ ловится ежегодно огромное количество красной рыбы,

---

1) Pallas, „Reise", I, s. 283—290.
2) „Изслѣдов. о состояніи рыболовства въ Россіи", т. V, стр. 30—32.
3) „Матер. для статист.", изд. мин. госуд. имущ., вып. II, стр. 233
4) „Изслѣд. о состояніи рыболовства въ Россіи", т. II, стр. 100—101.

равно какъ и въ его заливахъ, бухтахъ, култукахъ и въ устьяхъ помянутыхъ рѣкъ, а также и въ самыхъ этихъ рѣкахъ, особенно частиковая рыба (лещъ, судакъ, бершъ, сазанъ, щука и другая чешуйчатая рыба). Уловъ ея можно назвать баснословнымъ, и не очевидцу онъ можетъ легко показаться изъ настоящаго описанія неимовѣрнымъ. Рыболовство занимаетъ милліоны рабочихъ рукъ въ Астраханской и, вообще, въ Приволжскихъ губерніяхъ, а равно по всему прибрежью Каспійскаго моря»[1]).

На сѣверѣ, въ полярно-балтійской и сѣверо-поморской водной системѣ рыболовческая колонизація исходила первоначально изъ Новгорода Великаго, и преимущественно сосредоточилась въ сѣверномъ поморьи, по берегамъ Бѣлаго и Сѣвернаго морей. Сначала, больше всѣхъ владыки новгородскіе и монастыри распространили свои рыболовли деревни, начиная отъ озера Ильменя, по Волхову и по всѣмъ ихъ притокамъ, служившимъ артеріями новгородской колонизаціи по всей области пятинъ. Здѣсь, напримѣръ, въ рыболовлихъ деревняхъ митропол. новгородскаго при озерѣ Ильменѣ еще во второй половинѣ XVII вѣка было «рыбныхъ ловцовъ человѣкъ по 200 и больше, и ловили они рыбу лѣтомъ и зимою всякими снастями». Туда шли многіе «рыбные ловцы приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ и назывались домовыми ловцами»[2]). При безчисленномъ почти множествѣ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ въ древней области Новгородскихъ пятинъ, —въ ней повсюду населены были рыболовли деревни владычни, монастырскія, помѣщичьи, изъ которыхъ многія потомъ сдѣлались царскими оброчными, и, наконецъ, такъ называемыя *черныя* — волостныя и дворцовыя оброчныя. Когда колонизація распространилась по области пятинъ, до половины XIV вѣка, — новгородцы преимущественно устремились въ сѣверное поморье, и здѣсь основали замѣчательныя рыболовческія и морепромышленныя колоніи. Богатые новгородскіе вотчинники — архіепископы, посадники и бояре, имѣвшіе вотчины почти во всѣхъ пятинахъ Новгородскихъ, и, наконецъ, предпріимчивые торговые и промышленные люди—первые занимали *порозжія* и покупали у кореловъ и лопарей готовыя, разработанныя, *страдомыя* рыбныя угодья или воды—рѣки, озера, ловища, тони, ѣзы, и селили у нихъ либо своихъ рабовъ, либо наймитовъ—работныхъ людей. Выгоозеро и рѣка Выгъ, лежащія на перепутьи изъ Обонѣжской пятины въ Поморье, были первоначальнымъ средоточіемъ и исходнымъ пунктомъ новгородской рыболовческой колонизаціи въ Поморьи. И всѣ эти полукочевыя поселенія, *дворы съ хоромами, дворища, избы, сельца*, упоминаемыя въ купчихъ и данныхъ грамотахъ XIV и даже XV вѣка, первоначально устроявшіяся весновальниками и зимовниками только на время ихъ промысловъ, мало-по-малу становились потомъ первыми, основоположительными починками постоянныхъ рыболовческихъ и морепромышленныхъ селеній. Охотниковъ—промышленниковъ приходило въ Поморы уже такъ много, что одни поселенцы поморья заготовляли *дворы съ хоромами*, мѣста или земли подъ села, которыя потому назывались *селищами и селами земли*, и селились въ нихъ. Дворы съ хоромами, прежде стоявшіе одиноко и разбросано, теперь, съ умноженіемъ насельниковъ и по мѣрѣ новыхъ пристроекъ, сближались и соединялись въ деревни. Многія деревни уже дѣлились на нѣсколько участковъ и имѣли порожнія избы, которыя продавались новымъ поселенцамъ. Тамъ, гдѣ дворы соеди-

---

[1]) Ibid., т. IV, стр. 1—2.
[2]) „Допол." VI, № 71.

нились въ значительныя села и деревни, тамъ рыболовы сначала ставили *часовни*, а потомъ строили и церкви. И вотъ, такимъ образомъ, устроились первоначально всѣ эти поморскія рыболовныя и морепромышленныя поселенія, которыя тянутся по всему берегу Корельскому, съ одной стороны—до Двины и далѣе, съ другой—до Колы и Лапландіи. Въ житіяхъ поморскихъ святыхъ разсказывается множество характеристическихъ легендъ о морскихъ звѣриныхъ промыслахъ жителей этихъ поморскихъ селъ. Легенды эти въ то же время показываютъ намъ, какъ древни всѣ эти наши поморскія рыболовныя и морепромышленныя поселенія и какъ давно сложился ихъ характеристическій морепромышленный типъ, сохраняющійся почти во всемъ своемъ изстаринномъ складѣ и до сихъ поръ [1] —Наконецъ, монастыри поморскіе — Соловецкій и Печенгскій, служившіе пристанищемъ для поморскихъ морепромышленниковъ, съ своей стороны, также много содѣйствовали распространенію поморской рыболовческой колонизаціи. Соловецкій монастырь съ XV в. былъ средоточіемъ и исходнымъ пунктомъ этой колонизаціи. «Есть въ морѣ океанѣ островъ Соловки,—такъ сказывали поморскіе рыболовы отшельнику Савватію, пришедшему сюда во второй четверти XV в. изъ Обонѣжской пятины, — озеръ имѣетъ тотъ островъ посреди себя много, и рыбы въ нихъ множество, по родамъ ихъ, только не морская, а которая въ морѣ, та морская. И вокругъ его ловища рыбъ, приходили ловцы, ловлю творили и отходили во свояси. Во всемъ островъ добръ и благоугоденъ къ сожительству людей, хотящихъ тамъ вселитися» [2]). И скоро потомъ поморскіе Новгородскіе вотчинники и крещеные корелы нажаловали Соловецкому монастырю множество участковъ въ водахъ по всему поморью. Скоро и самъ онъ накупилъ много рыболовныхъ угодій. Повсюду построены были при рѣкахъ и озерахъ монастырскіе дворы, а въ нихъ — поселены старцы, слуги и трудники монастырскіе «*для рыбныя ловли безъ пашни*» [3]). И доселѣ, какъ извѣстно, всѣ эти поморскія поселенія, отошедшія въ XVIII в. отъ Соловецкаго монастыря въ казну, спеціально занимаются и живутъ почти исключительно рыболовствомъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ и характеризуются оригинальнымъ производствомъ своихъ рыбныхъ звѣриныхъ промысловъ на морѣ и его притокахъ. И естественная исторія рыбъ и морскихъ звѣрей, какихъ ловятъ наши поморы—

---

[1]) Приведемъ для характеристики одинъ или два краткихъ разсказа изъ поморскихъ житій: „нѣкій юноша Анфимъ, — сказано въ житіи Зосимы и Савватія Соловецкихъ,—пріиде изъ великаго Новгорода съ купцомъ нѣкоимъ на поморье купли ради. Обитавшу же ему въ Шуѣ рѣкѣ на поморіи на брезѣ моря, приспѣ же тогда *вешнее время. Людіе же мѣста того начаша наряжатися на море и добытки весновальничьи*. Юноша той согласися съ ними идти на промыслъ. Таже поплыша на судахъ по обычаю и достигоша до мѣстъ онѣхъ, *идѣже обычай имуть звѣря ловити*. Уловиша же много добытка кождо на свою часть, *добыша звѣря много зѣло*, глаголють же *сало звѣрино* и *кожи*, и поплыша во свояси въ велицѣ гобзованіи веселящеся". Или въ житіи Иринарха Соловецкаго читаемъ: „въ лѣто 7137 весною пріѣхали единою въ Соловецкій монастырь двинской земли жители, и повѣдали повѣсть такову: ходили они въ море *на веснованье для промысла морскихъ звѣрей, кожъ и сала*, въ другихъ же судахъ по обычаю ихъ были два человѣка нарицаемые *юровщики*, то есть, въ томъ промыслѣ свѣдущіе и искусные люди; прочіи же въ ромшахъ и иные вси во всемъ имъ послушны суть. Егда же съ торасу на море судами спустишася, внезапу возвѣяли вѣтры велицы зѣло, и отъ брега ихъ со льдомъ занесло въ морскую пучину далече, и носило въ тѣхъ льдахъ много дней... Но по мнозѣ же времени, возвѣя вѣтръ съ моря зѣло крѣпокъ и понесе ихъ ко брегу и присташа въ нѣкоемъ мѣстѣ, глаголемомъ *зимняя сторона*, и обрѣтоша близъ берега на льду *множество звѣрей морскихъ*, ихъ же всѣхъ избивше ту, возвратишася во свояси *съ корыстію многою*". Иногда Поморы, по словамъ этихъ сказаній, „на льдинахъ, въ однихъ рубашкахъ и чулкахъ, били звѣрей". Изъ рукоп. Соловецкихъ, наход. въ Казанск. дух. академіи.

[2]) „Житіе Зосимы и Савватія". Рукоп. Соловец.

[3]) „О пятин. и погост. Новгород." Прилож. VI, стр. 168 и др.

эти мощные и смышленнѣйшіе потомки древнихъ новгородцевъ, и оригинальная организація ихъ рыболовныхъ и морепромышленныхъ общинъ и артелей, и способы лова, и всѣ ихъ обычаи, нравы и понятія, и географическое распредѣленіе и техническое устройство ихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ,—все это подробно описано въ двухъ большихъ томахъ изслѣдованій особой экспедиціи о состояніи рыболовства въ Россіи, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, именно въ VI и VII томахъ, а также въ сочиненіи Максимова, «Годъ на сѣверѣ». Поэтому, не распространяясь о нихъ, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о Кольской или Лапландской рыболовческой колонизаціи. До XVI в. Кольская страна была обитаема одними лопарями. На мѣстѣ города Колы пребывали одни дикіе медвѣди. Только въ началѣ XVI в. стали тамъ появляться временно-поморскіе, новгородскіе рыболовы, и тамъ—индѣ, на мѣстахъ ихъ рѣчныхъ и морскихъ промысловъ, стояли разсѣянно становища, избушки и при нихъ кое-гдѣ часовни. Нѣкоторыя изъ этихъ становищъ обращались въ постоянныя поселенія, устроялись ямами, станціями, и жители ихъ—рыболовы гоняли подводы [1]). Подобныхъ становищъ и нынѣ еще существуетъ на Мурманскомъ берегу больше 40. Мурманскіе промышленники, число которыхъ обыкновенно простирается до 3.000 человѣкъ, живутъ во все время въ этихъ становищахъ, откуда они ежедневно выѣзжаютъ на промыслы, и куда опять возвращаются. Становищами называются губы, которыя представляютъ безопасное убѣжище отъ бурь: здѣсь выстроены избы для жилья и амбары для храненія снасти, припасовъ и для соленія рыбы. Если бы не море, не рыбы и звѣри морскіе,—то край былъ бы вѣчно пустыней лапландцевъ и медвѣдей. При отсутствіи хлѣбородной почвы, при крайней скудости растительной экономіи полярной природы, при трудности скотоводства,—Ледовитое море, Бѣлое море и безчисленное множество озеръ заключали въ себѣ почти всю естественную экономію полярнаго края, и всякаго поселенца въ немъ невольно влекли къ себѣ на промыслы. И вотъ, и лопари мало-п-омалу оставляютъ оленеводство, не смогая въ борьбѣ съ волками и медвѣдями, и приселяются къ морю и къ озерамъ для рыболовства. «Что русскіе лопари, — говоритъ Кастренъ, — оставили оленеводство и почти исключительно занялись рыболовствомъ,—тому не одна причина. Прежде всего природа особенно благопріятствуетъ послѣднему. Ледовитое море и Бѣлое море — суть, дѣйствительно, золотое дно для рыболововъ. Кромѣ того, въ русской Лапландіи находится два большихъ и обильныхъ рыбою озера, Имандра и Нуотозеро, подлѣ безчисленныхъ малыхъ озеръ. Какъ же лопарямъ было не воспользоваться этими источниками пріобрѣтенія и не перемѣнить дикую горную жизнь на промыселъ, относительно, легчайшій?» [2]).

Отъ водной экономіи русской земли обратимся опять къ экономіи лѣсовъ. Богатая лѣсная природа древней Россіи, кромѣ изобилія всякаго рода звѣрей — для распространенія звѣропромышленныхъ поселеній, кромѣ изобилія свѣжей, дѣвственной и хлѣбородной почвы для *посаженья* пашенныхъ починковъ, деревень, селъ и слободъ *на лѣсѣхъ*, для распространенія земледѣльческой колонизаціи, представляла еще одну зоологическую особенность, вызвавшую новый разрядъ поселеній. Мы хотимъ сказать теперь объ изобиліи пчелъ, бортей и о распространеніи такъ называемыхъ въ актахъ *бортничьихъ* поселеній. Пчела, какъ

---

[1]) „Сборн. грам. Соловец.“, библ. № 88.

[2]) Kastren, „Nordische Reisen und Forschung“, 126.

извѣстно, принадлежитъ собственно старому свѣту, преимущественно западной его части. Какъ многія домашнія животныя, такъ и пчела, вмѣстѣ съ распространеніемъ животныхъ, народовъ и культуры проникла изъ Азіи сперва къ грекамъ, потомъ къ римлянамъ, а отъ нихъ—въ германскія и славянскія земли. Въ лѣсахъ восточной Европы пчела, вѣроятно, распространилась уже изъ западныхъ германскихъ и славянскихъ земель. — По нашимъ народнымъ преданіямъ, пчела проникла въ восточную Европу изъ «папа-римской земли», слѣдовательно, изъ Италіи или Австріи. И это весьма вѣроятно и возможно. Она могла быть занесена къ намъ, если не самими славянами съ Дуная, то въ эпоху венеціанскихъ и генуезскихъ, а быть можетъ и греческихъ колоній на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но дикія пчелы въ древней Россіи, пока кругомъ были огромные лѣса, водились въ несмѣтномъ множествѣ. Альбертъ Кампензе (1523—1524 г.) писалъ: «Московія очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякаго присмотра. Нерѣдко въ лѣсахъ попадаются цѣлые рои этихъ полезныхъ насѣкомыхъ, сражающихся между собою и преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ и передаютъ въ видѣ наслѣдства изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ» [1]). Павелъ Іовій около того же времени писалъ: «Самое важное произведеніе московской земли есть воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ плодовитыми пчелами, которыя кладутъ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревъ часто бываютъ усѣяны роями пчелъ, которыхъ вовсе не нужно собирать звуками рожка. Въ дуплахъ нерѣдко находятъ множество большихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева, то весьма часто встрѣчаются пни чрезвычайной толщины, наполненные медомъ» [2]). Вслѣдствіе такого изобилія бортныхъ лѣсовъ и пчелъ, естественно, прокладывались въ этихъ лѣсахъ такъ называемые *бортные пути и ухожаи*, и по нимъ устроялись такъ называемыя въ актахъ *бортныя* или *бортничьи села и деревни*. Пчела преимущественно распространялась въ средней, лѣсистой и болѣе умѣренной полосѣ русской земли. Къ сѣверу же, въ наиболѣе холодномъ климатѣ, она не такъ хорошо прививалась, а на крайнемъ сѣверѣ даже вовсе не прививалась [3]). И вотъ, сообразно съ такимъ географическимъ распространеніемъ пчелы, шла и эта *бортная* или *бортничья* колонизація. Она распространялась преимущественно въ лѣсистой и умѣренной полосѣ земледѣльческой колонизаціи и культуры. По словамъ актовъ, «куда ходили плугъ и соха, и топоръ, туда шла и *бортная кжень»* [4]). Въ лѣсистой Волжско-Окской и Волжско-Камской области, повсюду распространялись бортные пути и ухожаи, бортныя земли и станы, и по нимъ устроялись *бортничьи деревни* или *села съ бортью*. Около самой Москвы, по бортнымъ путямъ и ухожаямъ великихъ князей и бояръ, распространена была цѣлая вереница или сѣть такихъ бортныхъ становъ и деревень бортничьихъ, куда отовсюду *назывались* и сами

[1]) „Библіотека иностр. писат. о Россіи“, III, стр. 30—31.
[2]) Ibid., IV, стр. 39.
[3]) Baumeister's „Zoologisch. Hand-Atlas“, s. 117: „in kalten Gegenden gedeihen die Bienen nicht gut“.
[4]) А., I, № 220.

приходили вольные охочіе люди и поряжались въ бортники [1]). Московскіе князья садили бортниковъ въ своихъ селахъ [2]). Монастыри *садили бортниковъ* у своихъ жалованныхъ бортей. Такими оброчными *бортниками населены* были у князей, а также у бояръ, владыкъ и монастырей цѣлые бортные станы и бортничьи деревни. И въ отдѣльности, каждый охотникъ до пчеловодства, каждый посадскій и крестьянинъ, коль скоро находилъ порожній бортный лѣсъ, — ставилъ въ немъ дворъ, починокъ, и, такимъ образомъ, заводилъ свою бортничью деревню. Крестьяне, поряжаясь на бортное поселеніе въ земледѣльческихъ бортныхъ лѣсахъ, или кортомя у нихъ борти, бортные пути и ухожаи, сами, въ свою очередь, пускали къ себѣ новыхъ поселенцевъ, Такимъ образомъ, бортничьи деревни и села распространялись въ умѣренной—средней и южной полосѣ великорусской земли. На сѣверѣ же, за увалами онѣ были *весьма рѣдки*, и, наконецъ, въ Поморской области вовсе не распространялись, такъ какъ и пчела въ холодномъ климатѣ распространяется весьма мало и даже вовсе не водится. Въ Костромской области и въ южной части Вологодской еще были устрояемы князьями бортники, напримѣръ, по Нерехтѣ, въ лѣсахъ Обнорскихъ и Комельскихъ. Но за увалами, въ новгородскихъ колоніяхъ, весьма рѣдко встрѣчаемъ бортничьи поселенія, и то какія-нибудь отдѣльные, однодворные оброчные поселки. За Ураломъ, на сѣверѣ Сибири пчела тоже почти не распространяется. «Какая-то невидимая преграда, — замѣчаетъ Шлейденъ, — лежитъ на рубежѣ этого супротивнаго (восточнаго) движенія. Въ то время, какъ переселенная въ сѣверную Америку пчела съ неимовѣрною быстротою акклиматизировалась и распространилась тамъ по всему материку, по другую сторону восточной границы этой части свѣта, за Ураломъ, на небольшомъ клочкѣ земли всевозможными стараніями и многочисленными опытами, полученъ ничтожный результатъ надъ искусственнымъ разведеніемъ пчелы» [3]). На югѣ Сибири, въ Алтайскомъ округѣ пчела хорошо распространяется. И здѣсь, именно въ Алтайскомъ округѣ пчеловодство очень развито, и въ особенности процвѣтаетъ въ южныхъ волостяхъ, гдѣ на каждую ревизскую душу причитается, среднимъ числомъ, по 5 ульевъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ и центральныхъ приходится на душу не болѣе одного улья [4]).

---

1) „Собраніе госуд. грам. и догов“., ч. I, № 30, 80 и др.

2) А. И., I, №№ 92 и 102.

3) Шлейденъ, „Этюды“, стр. 34.

4) И. Витвицкій. „Пчеловодство въ Россіи“, въ „Библ. для Чтен.“, 1844, т. LXII и LXIII. „О пчеловодствѣ въ Енисейской губ.„. Ѳедоровскаго, и въ Харьковской, въ „Земл. Газ.“, 1853, № 72 и 101. Теперь, какъ извѣстно, пчеловодство въ Россіи въ упадкѣ. Но, все-таки, кромѣ обыкновеннаго, существуютъ еще и *бортевое* пчеловодство. Изъ мѣстъ, въ которыхъ наиболѣе развито пчеловодство, замѣчательны: Липовецкій уѣздъ Кіевской губерніи; Полтавская губернія, имѣвшая въ 1832 г. 360.000 ульевъ. Въ Харьковской губерніи лучшіе пчеловоды находятся въ уѣздахъ: Сумскомъ, Ахтырскомъ, Лебединскомъ, Харьковскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ и Волчанскомъ. Въ послѣднемъ Бекарюковъ получалъ отъ пчелы до 20.000 р. с. въ годъ. Церковники наиболѣе занимаются пчеловодствомъ. Харьковская губ. продаетъ и теперь до 7.000 пудовъ воска на 95.000 р. с. Въ Орловской губерніи — Елецъ и Сѣвскій уѣздъ, въ Калужской — Боровскій и Медынскій, въ Курской — Рыльскій, Грайворонскій, Бѣлгородскій и Путивльскій уѣзды; города, ближайшіе къ Москвѣ; Рыбинскій уѣздъ Ярославской губ. занимается также пчеловодствомъ. Въ Пермской губ. въ Оханскомъ, Осинскомъ и Красноуфимскомъ, а частью въ Кунгурскомъ, Пермскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ занимаются этимъ промысломъ башкиры, тептери и черемисы, производя бѣлый, душистый и сладкій медъ. Башкиры также занимаются бортевымъ пчеловодствомъ въ Оренбургской губерніи. Въ Саратовской губерніи—въ уѣздахъ: Камышинскомъ, а также въ Кузнецкомъ, Петровскомъ, Сердобскомъ и Балашевскомъ. Въ степяхъ въ 1848 г. пчеловодство едва не погибло; но въ 1852 г. опять возникло, а нынѣ

Изъ другихъ позвоночныхъ животныхъ или насѣкомыхъ въ древней Россіи ни одно не имѣло такого культурнаго значенія, какъ пчела. Только нѣкоторые энтомическіе продукты, какъ, наприм., «червецъ» (изъ семейства Coccina), еще имѣли отчасти небольшое значеніе въ народной торговлѣ и промышленности, но и тѣ не могли потомъ выдержать соперничества съ американскою кошенилью. Русскіе, разумѣется, вовсе не знали энтимологіи, которая, впрочемъ, тогда и на западѣ еще не получила полнаго научнаго значенія. Потому они не могли ни акклиматизировать, ни покорять культурѣ никакихъ. насѣкомыхъ, кромѣ пчелы. Дикими же пчелами лѣса естественно изобиловали; онѣ, такъ сказать, невольно манили къ себѣ своимъ сладкимъ медомъ, такъ что крестьяне, по тогдашнимъ разсказамъ, увязали иногда въ меду по самое горло, опустившись въ дупло огромнаго дерева. Притомъ, ничего не стоило, не требовало ни особеннаго ума, ни особеннаго труда и ухода заводить бортевое пчеловодство въ готовой экономіи лѣсной природы. И вотъ, покуда липовые и другіе пчеловодные лѣса не были истреблены, и дикія пчелы давали множество готоваго меду,—легко было устроиваться особеннымъ бортничьимъ поселеніямъ. Привыкши промышлять не изобрѣтательностью ума, а готовыми природными данными,—русскіе и не могли предпринять какой-либо новой энтомологической отрасли промышленности, напримѣръ, акклиматизаціи шелковичнаго червя и, вслѣдствіе того, шелководства и особыхъ шелководческихъ поселеній. Только умъ Петра Великаго, озаренный идеями западной культуры, понялъ необходимость и возможность разведенія въ Россіи шелковичнаго червя и съумѣлъ положить начало шелководству на русской землѣ. Петръ завелъ первыя тутовыя плантаціи въ верхнихъ частяхъ Ахтубы, въ Астрахани и въ Кіевѣ, и устроилъ до 7 шелковыхъ фабрикъ, на которыхъ выдѣлывалось разныхъ тканей въ годъ около 36.368 аршинъ, цѣной на 51.400 р. Потомъ уже шелководство начало мало-по-малу распространяться въ Россіи, хотя, спеціально, въ сомыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1745—1756 г. заселены были людьми гулящими, безродными села — Верхне-Ахтубинское, иначе Безродное, и Средне-Ахтубинское, въ Царевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, прямо съ цѣлію разведенія здѣсь шелководства. Въ 1772 г. былъ изданъ особый указъ, которымъ давались льготы крестьянамъ, занимавшимся шелководствомъ, а въ 1773 году въ села Безродное и Ахтубинское переселено 1.300 семействъ изъ внутреннихъ губерній. Потомъ въ 1782 г. учреждены плантаціи въ новыхъ Водолагахъ и Нактубѣ (Валкскаго уѣзда), и шелковыхъ фабрикъ до 1765 г. устроено было 46, на которыхъ рабочихъ считалось болѣе 5.000 и выработано шелковыхъ издѣлій на 580.000 р. сер. Около того же времени графъ де-Парма 1-й, въ плантаціяхъ Шниковской, Николаевской, Просянской и Михайловской, развелъ до 72.000, и въ 1801 году получилъ уже 337 фунтовъ шелка. Въ началѣ настоящаго столѣтія принятъ былъ проектъ Габлица и барона Биберштейна для южныхъ губерній, вслѣдствіе котораго учреждены были для нихъ особые спеціальные инспекторы. Новое устройство впрочемъ не подняло шелководства, которое приходило въ упадокъ до самаго учрежденія министерства государственныхъ имуществъ [1]). Съ 1800 по 1828 годъ, изъ казен-

учетверилось. За Кавказомъ особенно знамениты, какъ пчеловоды, дигорцы. Тенгборскій, „О производит. силахъ“, ч. II, вып. I, стр. 383—384.

[1]) Взглядъ на исторію шелководства въ Россіи въ „Жур. Мин. Внутр. Д.“, 1832, № 8.

ыхъ питомниковъ роздано было безденежно разнымъ жителямъ 921.862 тутовыхъ дерева и выдѣлано шелка до 9.619 пудовъ и 18 фунтовъ [1]). До сихъ поръ воспитаніе шелковичнаго червя сдѣлало всего болѣе успѣховъ въ губерніяхъ Таврической, Подольской, Херсонской, Астраханской, Екатеринославской и въ Бессарабской области. Итогъ производства шелка въ этихъ шести губерніяхъ составляетъ отъ 180 до 200 пудовъ. Эта обработка начинаетъ также болѣе распространяться въ губерніяхъ Ставропольской, Харьковской, Полтавской, Черниговской и Кіевской; но средоточіе ея находится въ губерніяхъ Закавказскихъ, гдѣ въ 1855 г. собирали около 30.000 пудовъ шелка, представлявшихъ цѣнность въ 1.800.000 р. сер. Шелководству тамъ особенно благопріятствуетъ климатъ; но оно большею частію находится въ рукахъ невѣжественныхъ татаръ, которые имъ занимаются весьма небрежно. Отъ ихъ дурной обработки коконовъ и шелка происходитъ, съ одной стороны, значительный ущербъ въ пряжѣ, отъ 20 до 25%, тогда какъ при хорошемъ приготовленіи шелка, по европейскому способу, онъ составляетъ только два—три процента; а съ другой — большая потеря времени и труда въ приготовительныхъ операціяхъ. Шелководство много терпитъ также отъ червей, объѣдающихъ тутовыя деревья. Наиболѣе спеціальныя шелководческія поселенія распространены въ Нухинскомъ, Шушинскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ Бакинской губерніи, въ юго-восточной части Закавказскаго края. Нѣкоторыя селенія этихъ уѣздовъ, нуждающіяся въ плодородныхъ земляхъ, только и занимаются разведеніемъ тутовыхъ плантацій. Въ одномъ Нухинскомъ уѣздѣ добывается до 15.000 пудовъ шелка, на сумму до 1.000.000 р. сер. Въ 10 лѣтъ съ 1850 по 1860 г. получено шелка 133.570 пудовъ, на сумму 17.452.700 р. Тамъ и заводская и ремесленная дѣятельность населенія основана, главнымъ образомъ, на шелководствѣ. Изъ всѣхъ 5 лучшихъ заводовъ 4 занимаются обдѣлкой шелка: 1 шелкомотальный, 2 завода шелковыхъ тканей въ Шемахѣ и 1 въ Шушѣ. Промышленныхъ заведеній, находящихся въ обывательскихъ домахъ для приготовленія шелковыхъ тканей 278 (на сумму 154.000 р.), шелкомотальныхъ 233 (на сумму 2.108.000 р.), тогда какъ, напримѣръ, кожевенныхъ заводовъ 94 (на сумму 16.500 р.), гончарныхъ 32 (на 2.080 р.) и проч. [2]).

Наконецъ, укажемъ еще на одинъ родъ поселеній, вызванныхъ условіями зоологической экономіи русской земли — на такъ называемыя *сокольничьи слободы, слободы кречетниковъ* и *кречатьи волости*. Эти поселенія вызваны были собственно не столько экономическими нуждами народа, сколько хозяйственно-увеселительными прихотями древнихъ князей, московскихъ царей, вельможъ и другихъ богатыхъ людей. Въ основѣ ихъ лежитъ нѣчто восточное, татарское. Какъ татарскіе ханы, по описанію Марко Поло, съ своими 10.000 сокольниковъ и кречетниковъ, съ 10.000 походныхъ охотничьихъ ставокъ или шатровъ, въ сопровожденіи тысячей народа, любили потѣшаться на своей кочевой соколиной охотѣ, —

Историч. обозр. мѣръ правительства къ поощренію и усовершенств. въ Россіи шелководства въ „Журн. М. Госуд. Имущ." 1861, № 6. Историч. обозр. шелководства въ Кіевск. губ. въ „Журн. Сельск. Хоз.", 1851. „Географическо-статистич. словарь". I, стр. 166, 430. Тенгоборскій, „О произв. силахъ", ч. II, вып. I, стр. 274.

[1]) „Сравнительная вѣдом. о состояніи шелководства", съ 1800 по 1828 г. въ „Журн. М. Внутр. Дѣлъ", кн. III, табл. № 3.

[2]) „Географическо-статист. сл.", I, 189.

такъ и московскіе цари, а прежде и всѣ удѣльные князья, а также бояре, вельможи любили соколиную и кречатью охоту [1]). Даже нѣкто «Лука, простой земледѣлецъ можайской волости Колочи, богатство много и безчисленно собравшій (посредствомъ объявленнаго имъ чудотворнаго образа), поставившій дворъ себѣ, аки нѣкій князь, храмы свѣтлы и велицы и слугъ много собравшій предстоящихъ и предтекущихъ ему, на ловы ѣздяше съ ястребы и съ соколы и съ кречеты, и псовъ много имѣяше и медвѣдей, и сими утѣшашеся» [2]). Къ тому же въ Россіи множество было соколовъ, кречетовъ и всякаго рода птицъ. «Изъ птицъ,— говоритъ Вундерлеръ,— тамъ водятся дикія утки, дикіе гуси, лебеди, большіе бѣлые пѣтухи (Uhrhüner), бѣлые вороны, большіе ястреба, особенная порода водяныхъ птицъ большой величины съ длиннымъ носомъ, весьма странно кричатъ, большіе сильные соколы изъ горъ печорскихъ, называемые здѣшними жителями кречетами: они величиною съ лебедя, бѣлые и весьма сильные. Здѣшніе жители ловятъ ихъ очень молодыми и пріучаютъ ихъ къ охотѣ, и посредствомъ ихъ ловятъ другихъ птицъ» [3]). «Въ странѣ Югровъ и Вогуличей,—говоритъ Павелъ Іовій,—на вершинахъ непроходимыхъ горъ ловятъ превосходныхъ соколовъ, между коими особенно замѣчателенъ родъ бѣлыхъ соколовъ съ пестрыми перьями, извѣстный подъ названіемъ Herodium. Тамъ же водятся іерофалки—непріятели цаплей и разныя породы перелетныхъ соколовъ, неизвѣстныя даже самымъ роскошнѣйшимъ государямъ древности, занимавшимся птицеловствомъ» [4]). Вслѣдствіе такого изобилія соколовъ, кречетовъ и другихъ птицъ, удѣльные князья, а потомъ и московскіе цари устрояли особыя *слободы сокольниковъ и кречетниковъ* и цѣлыя *волости кречатьи*, долженствовавшія, въ видѣ повинности, ловить соколовъ и кречетовъ для княжеской и царской охоты за разными птицами, для царской потѣхи и увеселенія и для добычи птицъ къ царскому столу. Эти слободы сокольниковъ и кречетниковъ были исключительно царскія, служилыя и оброчныя, и распространялись по особому, такъ называемому *сокольничему пути*. Имъ давались льготы отъ податей и повинностей и право заселять пустыя мѣста. Такъ, въ 1540 и потомъ въ 1548 г. дворцовые оброчные *сокольники* вологодскіе просили право заселять пустыя мѣста, «въ лѣсу, на дичи». И царь велѣлъ имъ «въ томъ лѣсу жить, дворы имъ себѣ ставить, лѣсъ на пашню росчищать и сѣдбища на соколовъ по мхамъ, и по болотамъ напорцы ставить, и людей призывать жить къ себѣ въ лѣсъ: а кого къ себѣ они призовутъ, въ тѣ починки и селища и на тотъ лѣсъ жить, людей неписьменныхъ и нетяглыхъ,—не надобна съ нихъ княжеская дань до тѣхъ поръ, пока они отсидятъ урочные годы» [5]). Въ Печору московскіе цари цѣлыми колоніями отправляли артели сокольниковъ. Точно также въ Вотской пятинѣ, въ Григорьевскомъ Кречневскомъ погостѣ устроены были оброчныя сокольничьи деревни, въ которыхъ сокольники имѣли право «ловити соколы себѣ, а за соколъ давати на годъ оброку пять гривенъ новгородскихъ» [6]). Въ Сибири, гдѣ водились такъ называемые тогда *сибирскіе кречеты, кречетъ сибирская дико-мыть* и другіе [7]).

---

[1]) Herberst, 87. „Библ. иностр. пис. о Россіи", 32, 131—136.
[2]) „Никонов. лѣтоп.", т. V, стр. 49.
[3]) Аделунгъ, въ „Чтен. общ.", 279—280.
[4]) „Библ. иностр. пис.", IV, 31.
[5]) „А. И.", I, №№ 295, 301.
[6]) „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ", прил. 1, стр. 11.
[7]) „Дополн.", III, № 71, грам. V и XIV.

въ Тобольскомъ уѣздѣ устроены были три особыя, такъ называемыя *кречатьи волости* ясачныхъ татаръ, которыя обязаны были «за ясакъ добывать на государей кречетовъ» [1]). Кромѣ того, «воеводы и другіе приказные люди прибирали вновь и строили въ слободахъ кречатниковъ и кречатьихъ помощниковъ изъ охотниковъ всякихъ чиновъ русскихъ людей — изъ казачьихъ и драгунскихъ дѣтей, изъ гулящихъ людей, изъ прикащиковыхъ и слободчиковыхъ дѣтей, изъ захребетныхъ татаръ, изъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, изъ литвы, изъ стрѣльцовъ, изъ рейтаровъ» и проч. Они обязаны были «помыкать и промышлять съ великимъ радѣньемъ кречетовъ и челиговъ кречатьихъ, красныхъ и подкрасныхъ, и цвѣтныхъ, и крапленыхъ, ловить по скольку Богъ дастъ и присылать къ великому государю къ Москвѣ, а сѣрыхъ по 30 кречатовъ, да по 30 челиговъ кречатьихъ на годъ» [2]). Что же касается до самаго народа, то при обиліи другихъ источниковъ естественной животной экономіи,—онъ въ древней Россіи мало цѣнилъ орнитологическое богатство русской земли, и потому не только мало основывалъ сокольничьихъ и кречатьихъ поселеній, но и мало заботился о разведеніи домашнихъ птицъ. При изобиліи лѣсныхъ дикихъ птицъ домашнее птицеводство во времена Ярославовой Правды, да и послѣ, было развито слишкомъ мало, о чемъ свидѣтельствуютъ высокія цѣны и значительныя денежныя взысканія за домашнюю птицу. Напримѣръ, въ Правдѣ голубь и кура положены въ 9 кунъ, или 2 р. 40 коп. сер. на наши деньги, а гусь, утка, лебедь въ 30 кунъ. слѣд. въ 8 р. с. [3]). «Лѣсная дичь, находящаяся у русскихъ въ большомъ изобиліи,— говоритъ Олеарій, — не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ можно покупать у крестьянъ весьма дешево. Что же касается до журавлей, лебедей, а также нѣкоторыхъ небольшихъ птицъ, какъ, напримѣръ, дроздовъ, жаворонковъ, зяблицъ и другихъ подобныхъ, то ихъ не считаютъ за нужное ловить и употреблять въ пищу». Вообще же, въ древней Россіи русскіе, однакожъ, до такой степени жили непосредственной животной экономіей природы, что въ нѣкоторыхъ, особенно богатыхъ орнитологическихъ областяхъ, они не заводили своей домашней птицы; дикія лѣсныя и степныя птицы замѣняли для нихъ куръ, утокъ и гусей. Такъ это отчасти и донынѣ въ Барабинской степи, необыкновенно богатой дикими птицами. «Дичи, — говоритъ Кузьминъ, — по болотамъ и озерамъ такое множество, что *многіе крестьяне не держатъ дворовой птицы;* и притомъ дичь такъ смирна и дешева, что ее считаютъ не стоющею зарядовъ и ловятъ разными силками, или накрываютъ шатрами вдругъ штукъ по сту».

IX.

Умственныя основы древнерусскихъ поселеній.

Изъ предыдущей статьи можно было видѣть, что поселенія *бобровничьи* и вообще звѣропромышленныя, *деревни рыболовли* и *слободы рыбныя,* бортные станы и *бортничьи деревни, слободы сокольничьи и кречатьи волости,* даже въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, представляютъ намъ типическій отпечатокъ не-

1) „Дополн.“, VI, № 134, стр. 370.
2) Ibid., № 124, грам. III.
3) Лешковъ, „Русскій народъ и государство“, 183—184.

посредственно-натуральнаго, зоолого-экономическаго устройства русскаго народа въ области дикой, непокоренной, некультированной животной экономіи природы. Видно, что непосредственная, дикая зоологическая экономія водъ, лѣсовъ, воздушныхъ сферъ въ земско-хозяйственномъ устройствѣ и географическомъ распредѣленіи народа всецѣло преобладала надъ раціонально-промышленнымъ хозяйствомъ народа. Охотничій, хищническій или, по выраженію древнихъ актовъ, *ловчій*, *ловецкій* характеръ промысловъ и поселеній преобладалъ надъ умственно-изобрѣтательнымъ, интеллектуально-промышленнымъ направленіемъ. Всѣ эти бобровничьи, рыболовли, бортничьи, сокольничьи и кречатьи поселенія, такъ же какъ и пашенныя слободы и хлѣбныя села и деревни безпощадно расхищали естественную экономію природы, не внося въ нее почти ни малѣйшей доли умственнаго труда, раціональнаго хозяйства и не изучая нисколько ея естественныхъ силъ и законовъ. Вы можете живо нарисовать въ вашемъ представленіи весь первобытно-естественный строй, всю патріархальную, полудикую простоту, натуральную непосредственность этихъ бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовлихъ, сокольничьихъ и кречатьихъ поселеній, если представите въ лѣсахъ и при рѣкахъ древней Россіи всѣ эти пути и ухожаи бортничьи, всѣ эти гоны и ухожаи бобровничьи, всѣ эти пути стольничьи, рыболовли, сокольничьи, и проч. Повсюду разъѣзжали по волостямъ и жили въ этихъ дворцовыхъ слободахъ бобровниковъ, рыболововъ, бортниковъ и сокольниковъ царскіе ловчіе и собирали произведенія животной экономіи русской земли на царскій обиходъ, въ царскую казну. Повсюду стучали топоры, дѣлались борти, сбирался готовый медъ изъ готоваго склада бортныхъ деревьевъ,—и маленькая пчелка давала жизнь цѣлымъ группамъ селъ и деревень бортничьихъ и кормила тысячи народа. Повсюду, при рѣкахъ, озерахъ и у моря садились рыболовы, захватывали воды или части ихъ въ общинное и личное владѣніе; рѣки и вообще воды повсюду дѣлились на тони, луки, ѣзы, участки; повсюду «вновь разловлялись тони, заколались притолки», на рѣкахъ и озерахъ кишѣли тысячи рыболововъ,—и рыбы обусловили существованіе цѣлаго разряда спеціальныхъ слободъ и деревень рыболовлихъ въ теченіе столѣтій, прокармливали отъ $1^1/_2$ до 10 милліоновъ жителей, въ теченіе цѣлаго полугода постовъ, а многія тысячи и круглый годъ. Повсюду, при лѣсистыхъ и пустынныхъ рѣкахъ тянулись бобровые гоны и ухожаи, по нимъ гонялись бобровники за бобрами,—и бобръ, много столѣтій, давалъ существованіе спеціальному классу поселеній,—деревнямъ бобровничьимъ, и проч. Такимъ образомъ, всѣ хозяйственныя отправленія древней Руси, всѣ сферы промышленнаго движенія состояли въ путяхъ и ухожаяхъ бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовлихъ, сокольничьихъ, кречатьихъ и т. п. Все богатство поселеній, въ кругѣ этихъ путей и ухожаевъ, состояло въ непосредственно-натуральныхъ, сырыхъ продуктахъ дикаго, некультированнаго животнаго царства природы. Дикія животныя и продукты ихъ —мясо и кожа, пушные звѣри—бобры, соболи и проч. и ихъ произведенія—мѣха, шкуры, бобровая струя и т. п., морскіе звѣри и продукты ихъ — икра, рыбій жиръ и проч., пчелы и ихъ продукты —медъ и воскъ, соколы и кречеты и добываемая ими разная дичь, —вотъ всѣ главнѣйшія статьи доходовъ, предметы богатства и торговли древней Россіи [1]). Загляните, напримѣръ, въ *торговыя книги* или *главникъ русскому товару* XVII вѣка,—въ немъ всѣ предметы за-

[1]) Допол., III, № 55. I, № 134.

граничнаго отпуска составляютъ почти исключительно продукты животные, и на первомъ планѣ стоятъ: «сало всякаго звѣря морскаго, ворваньи кожи, треска сушеная, и треска соленая, сало говяжье, воскъ и медъ, лосины, оленины, песцы, куницы, россомахи, выдры, волки, бѣлки, заячины, кошки, бобры, норки, горностаи, лисицы, медвѣжины молодыя и рослыя, ластицы, соболи, пухъ сѣрой и бѣлой, струя бобровая», и т. п. И всѣ эти предметы заграничнаго отпуска составляли продукты сырые, необработанные, «нечереженые», хотя въ тѣхъ же торговыхъ книгахъ описывается и признается необходимымъ, напримѣръ, способъ, «какъ чередити сало ворванье на нѣмецкій обычай» и замѣчено, что «вездѣ чережоное сало нечережонаго дороже купятъ» [1]). Между тѣмъ, изъ-за границы, отъ нѣмцевъ, голландцевъ и англичанъ получали уже издѣлья, требовавшія болѣе или менѣе работы индустріальнаго ума или искусства. Именно, по исчисленію тѣхъ же торговыхъ книгъ: «разные металлическіе сосуды и цѣпи—золотыя и серебряныя, разныхъ сортовъ сукна—брюкишъ сукно, лунское и англинское, новоесскіе, свиницкіе, четцкіе сукна, колтырь, утрофишъ, ламбарскіе, бранскіе или Гюльдянъ-Аделяръ, михель-схемаахтъ, боартъ» и проч., разныя пряности, разные сахары, разные медикаменты, разные часы и т. д., всего до 200 предметовъ [2]). Западные путешественники единогласно свидѣтельствуютъ, что всѣ русскіе товары состояли, главнымъ образомъ, изъ мѣховъ куньихъ, собольихъ, лисьихъ и другихъ, изъ меда и воска, изъ сала и кожъ морскихъ и сухопутныхъ звѣрей, изъ рыбы и рыбьяго жира и т. п. [3]). Хозяйство и богатство московскихъ царей было, такъ сказать, прототипомъ склада древней Россіи и полнѣйшимъ, характеристическимъ выраженіемъ или отпечаткомъ умственно-хозяйственнаго строя всѣхъ этихъ поселеній бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовлихъ, сокольничьихъ и кречатьихъ. Получая оброкъ со всѣхъ этихъ поселеній, устрояя свои дворцовыя, служилыя слободы и деревни рыболовли, бобровничьи, бортничьи, сокольничьи,—царь былъ главнымъ распорядителемъ и хозяиномъ въ естественной зоологической экономіи русской земли. Посредствомъ такого самодержавнаго хозяйничанья въ области натуральной животной продукціи русской земли, московскіе цари укрѣпили, усилили и распространили свою самодержавную власть надъ всѣми областями, надъ всѣмъ народомъ. «Владѣя обширными областями,—говоритъ Коллинсъ,—царь получаетъ большіе доходы. Онъ въ нѣкоторомъ отношеніи властелинъ собственности каждаго изъ своихъ подданныхъ. Царь главный торговецъ во всей Россіи. Торговля сибирскими соболями приноситъ большія сокровища, которыя доставляются ссыльными. Торговля астраханскою икрою, рыбнымъ клеемъ и трутомъ принадлежитъ ему исключительно... На воскъ и медъ царь вымѣниваетъ бархатъ, атласъ, камку, золотыя матеріи (парчу) и тонкое сукно, которыми награждаетъ своихъ чиновниковъ за службу» [4]). Вся естественная область, вся дикая, непокоренная фауна русской земли была обширною областью царскаго и народнаго домохозяйства и домоустройства. Естественная и этіологическая экономія водъ—область рыбъ составляла народный продовольственный магазинъ, обусловливавшій, между прочимъ, изобильное содержаніе множества монастырей, строгое соблюденіе множества постовъ и значительную

---

[1]) Временникъ, кн. VIII: торговыя книги, 2—3.
[2]) Ibid., 7—9.
[3]) Аделунгъ, „Обзоръ путеш.“ въ „Чт. общ.“, стр. 231, 236 и др.
[4]) Коллинсъ, „О состояніи Россіи“, М. 1846, стр. 18—34.

эксплуатацію производительныхъ силъ. Бортные лѣса и бортныя пчелы представляли естественный источникъ *медвяныхъ питій*, столь любимыхъ народомъ, при множествѣ церковныхъ праздниковъ, пировъ и братчинъ, и естественный магазинъ или запасъ воска, потреблявшагося въ такомъ огромномъ количествѣ на церковныя свѣчи, которыя такъ любили русскіе ставить въ церквахъ и дома передъ образами, по правиламъ Домостроя. Теро-географическая область лѣсовъ, пушныхъ звѣрей — бобровъ, соболей, лисицъ, медвѣдей и проч., была натуральнымъ магазиномъ или складомъ теплой одежды русскаго народа, откуда брались эти пышныя, роскошныя и драгоцѣнныя шубы собольи, которыми такъ чванно гордились московскіе цари и вельможи, нарочно выставляя ихъ на показъ иностраннымъ посламъ. Наконецъ, дорогіе пушные звѣри составляли даже фондъ, основу и мѣрило богатства древней Россіи, составляли ея деньги. Задолго до открытія золота и серебра и другихъ минеральныхъ богатствъ естественной экономіи русской земли, задолго до распространенія горно-заводской колонизаціи и культуры на Уралѣ, Алтаѣ и проч., — одни лѣса обогащали Россію, доставляли ей финансы, деньги въ куницахъ и соболяхъ. «У москвитянъ, — говоритъ Павелъ Іовій, — нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, а также во всей странѣ не замѣчено драгоцѣнныхъ камней; но природа, лишивъ ихъ этихъ сокровищъ, щедро вознаградила за то богатыми и рѣдкими мѣхами»[1]). Неизвѣстный сочинитель «Relatione dell Imperio di Moscovia», писавшій въ 1553 году, говоритъ: «эта страна не производитъ ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, ни желѣза, ни мѣди, ни олова, но доставляетъ въ большомъ количествѣ пушной или мѣховой товаръ»[2]). Изъ всѣхъ цѣнныхъ продуктовъ животной экономіи, — мѣха, кожи, шкуры наиболѣе удобны къ сохраненію, сбереженію и накопленію. И потому, естественно, они составляли первый капиталъ, первоначальное основное оборотное средство къ дальнѣйшему пріобрѣтенію и приращенію капитала, или другихъ жизненныхъ средствъ. Поэтому, мѣха и шкуры пушныхъ звѣрей служили и основаніемъ, и гарантіей, и выраженіемъ всякаго имущества. Поэтому, все имѣнье тогда называлось *рухлядью*: платья и низанья, ожерелья низаныя, кокошники съ яхонтами и изумрудами, опашни багреновыя, пугвицы серебряныя, вызолоченыя, лѣтники рудожелтые камчатые, вошвы шитые по бархату по черному золотомъ и серебромъ, вошвы бархатъ золотной, атласы червчетые, кисеи, нашивки турецкія, сотни рублевъ денегъ, сотни золотыхъ — все это называлось *рухлядью*[3]). Богатство русскаго человѣка, почти до самаго открытія минералогическихъ сокровищъ русской и сибирской земли и до начала горнозаводской культуры и колонизаціи, измѣрялось богатствомъ мѣховъ и кожъ, такъ что о богатомъ человѣкѣ того времени можно было говорить: у него столько-то куницъ или кунъ, столько-то бѣлокъ или векшъ и т. п.; онъ занималъ мѣха у другихъ, онъ давалъ мѣха взаймы другимъ; они были его богатствомъ и средствомъ къ богатству — основаніемъ его довольства и благосостоянія, тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи сдѣлались для него золото и серебро, и чѣмъ въ позднѣйшее время стали для него деньги[4]). Очевидно, что то была низшая степень экономи-

---

[1]) „Библ. ин. пис. о Россіи", IV, 40—41.
[2]) Аделунгъ, „Чт. общ.", стр. 129.
[3]) А. Юрид., изд. Калачевымъ, № 86, стр. 563: духовная 1690 г. Тогда говорили: „сундукъ мой съ рухлядью, и что есть въ сундукѣ всякой моей рухляди", т. е. всего имущества. Даже орудія, напримѣръ, пожарныя назывались *рухлядью: пожарная рухлядь*.
[4]) Лешковъ, „Русскій народъ и государство", 176.

ческаго и умственнаго развитія, эпоха всеобщей бѣдности, когда все имущество и богатство состояло изъ рухляди и называлось рухлядью, когда ходили кожаныя деньги, постоянно напоминавшія животныхъ, звѣрей, напримѣръ, куны, векши, бѣлки, или части ихъ мѣховъ и кожъ — мордки, рѣзаны. При всеобщей бѣдности, при отсутствіи денежныхъ капиталовъ, самое богатство царской и государственной казны состояло, главнымъ образомъ, изъ мѣховъ. Золото и серебро въ казнѣ царской тогда еще только копилось и сосредоточивалось и вовсе не было государственнымъ, дѣйствующимъ капиталомъ. Барберино говоритъ: «почти все золото и серебро, которое путемъ торговли входитъ въ Россію, сосредоточивается въ рукахъ царя, такъ какъ онъ не имѣетъ нужды никому платить» [1]). Даже для царей мѣха замѣняли золотыя и серебряныя деньги. Подарки иностраннымъ государямъ и посламъ, даже субсидіи европейскимъ дворамъ состояли изъ мѣховъ. Напримѣръ, въ 1594 г. царь Ѳедоръ Ивановичъ далъ субсидію вѣнскому двору на войну съ турками мѣхами, именно: 40.360 соболей, 519 сороковъ куницъ, 120 черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, 337.235 бѣлокъ, 3.000 черныхъ бобровъ, 1.000 волчьихъ шкуръ, 75 оленьихъ кожъ [2]). Борисъ Годуновъ въ 1601 г. подарилъ 35 лифляндцамъ, которыхъ онъ призвалъ къ себѣ на службу, 1.400 соболей. Купить ли чего нужно было, хоть самое дорогое, покупалось даже и царемъ на соболей и другую рухлядь, а не на деньги. Напримѣръ, въ 1655 г. царь Алексѣй Михайловичъ покупалъ рога единорога, считавшіеся тогдашнимъ суевѣріемъ за драгоцѣнное средство противъ тяжкихъ болѣзней, за 10.000 рублей соболями и мягкою рухлядью [3]).

И по естественному ходу и видоизмѣненію природной экономіи животнаго царства, и по естественно-историческому ходу натурально-зоологической экономіи народа — поселеній звѣроловческихъ и торгово-промышленныхъ, — въ эпоху мѣхового капитала Россіи и звѣропромышленной экономіи и колонизаціи, дорогіе пушные звѣри и мѣха естественно составляли преобладающій элементъ народнаго богатства. Въ суммѣ мѣхового капитала царской казны дорогихъ звѣрей и мѣховъ первоначально было больше, чѣмъ недорогихъ. Не даромъ, въ субсидіи вѣнскому двору въ 1594 году, напримѣръ, черныхъ лисицъ послано было только 120 штукъ, а кожъ оленьихъ только 75, тогда какъ соболей 40.360 штукъ. И Ермакъ въ сентябрѣ 1581 года пріобрѣлъ около Тобольска и послалъ въ Москву соболей 24.000, а лисьихъ шкуръ только 20. Вообще, въ первоначальный періодъ земскохозяйственнаго устройства, въ эпоху лѣсного зоолого-географическаго движенія и распространенія народа въ нетронутыхъ, дикихъ, большею частію вновь открываемыхъ областяхъ животной экономіи природы, — въ тотъ періодъ, естественно, дорогихъ пушныхъ звѣрей было больше, и звѣро-промышленники за ними гонялись всего болѣе. Въ естественной экономіи пушныхъ звѣрей и, слѣдовательно, въ естественной, пушной экономіи народа важенъ тотъ фактъ, что лучшихъ, дорогихъ звѣрей въ богатыхъ фауною зоологическихъ областяхъ природы сначала всегда бываетъ больше, и что они потомъ уже обыкновенно замѣщаются худшими, недорогими звѣрями, частію по естественнымъ отношеніямъ въ органическомъ строѣ природы, частію вслѣдствіе распространенія цивилизаціи и роскоши. По естествен-

---

[1]) Аделунгъ, „Чт. Общ.“, 152.
[2]) Карамзинъ, „И. Г. Р.“, X., прим. 309.
[3]) А. И., IV, 242.

нымъ отношеніямъ, лисица, напримѣръ, преслѣдуетъ и гонитъ зайца, соболь— бѣлку, и т. д. По ходу народной экономіи, число людей, употребляющихъ мѣха нѣсколько лучшіе, чѣмъ простыя овчины, прибываетъ быстро, слѣдовательно и запросъ увеличивается. Дорогіе пушные звѣри приносятъ охотнику большую прибыль, чѣмъ недорогіе, да ихъ въ началѣ промысловъ на данномъ охотничьемъ пространствѣ и бываетъ еще много,—и вотъ они преслѣдуются и ловятся съ особеннымъ усердіемъ и энергіею, вслѣдствіе чего, естественно, потомъ убываютъ или переселяются скорѣе другихъ, менѣе нужныхъ и цѣнныхъ, и потому вначалѣ менѣе преслѣдуемыхъ недорогихъ звѣрей. А вслѣдствіе уменьшенія дорогихъ звѣрей, остаются и умножаются недорогіе. Недорогіе звѣри или мѣха состоятъ изъ грызуновъ, для которыхъ недостатка въ травѣ и древесной растительности въ большей части России и особенно въ Сибири никогда не было, и которыхъ притомъ естественное распложеніе очень сильно. Слѣдовательно, натурально, въ періодъ первоначальнаго, звѣропромышленнаго распредѣленія русскаго населенія, — первые или ранніе звѣроловы и охотники ловили наибольшее количество дорогихъ звѣрей, и преимущественно соболей, и эти животныя, естественно, такимъ образомъ, были и преобладающимъ элементомъ народной экономіи и главными двигателями народныхъ поселеній. Тогда какъ въ новѣйшее время (около 1845 г.) со всей Сибири добывалось соболей только 45.000, — въ древней Россіи, около 1586 года, одна только небольшая часть западной Сибири доставляла казнѣ, въ видѣ ясака, до 200.000 соболей. Или тогда какъ, по Шторху, въ 1793 г. изъ всѣхъ портовъ отпущено было за границу заячьихъ мѣховъ на 266.215 р., а соболей только на 442 р., или въ 1841 г. бѣлокъ отпущено было на 1.080.347 р., зайцевъ на 39.367 р., а соболя—ни одного,—въ древней Россіи, въ 1594 году, однихъ соболей отпущено было въ Вѣну, въ видѣ субсидіи, на 28.907 руб. тогдашнихъ, а, по Кильбургеру, изъ одного архангельскаго порта отпущено было 574 сорока соболей и 18.742 собольихъ хвоста. Въ періодъ младенческаго, непосредственно натуральнаго воспитанія и земско-хозяйственнаго устройства народа въ зоолого-географическихъ областяхъ природы, — естественно, что лучшаго, наиболѣе дорогого больше было въ мѣстной животной экономіи природы, на томъ, главнымъ образомъ, и основывались, по естественной необходимости, первыя земско-хозяйственныя поселенія, и въ томъ состоялъ первоосновной фондъ ихъ экономическаго обезпеченія. Такъ и было въ Россіи до Петра Великаго. Когда народъ не умѣлъ еще открывать и добывать изъ горъ золото и серебро и былъ крайне бѣденъ, особенно въ денежномъ отношеніи, когда толпы московскихъ лазарей-нищихъ распѣвали духовные стихи и молитвы *о созданіи горъ золотыхъ*,—тогда природа, берегшая въ нѣдрахъ своихъ золото и серебро грядущимъ поколѣніямъ, щедро открывала бѣднѣйшему народонаселенію, ради его матеріальной и умственной бѣдности, самыя лучшія, дорогія сокровища своей животной экономіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ она невольно влекла его на разработку и заселеніе огромныхъ пространствъ сѣверо-восточной Европы и Азіи, на открытія географическія и, наконецъ, на открытіе новыхъ естественныхъ источниковъ благосостоянія и средствъ цивилизаціи—тогда еще сокрытыхъ богатствъ ископаемаго царства. Такимъ образомъ, наряду съ *хлѣбомъ*, который, какъ мы отчасти раскрыли уже, былъ главнымъ и могучимъ двигателемъ географическаго распространенія русскаго народа, наряду съ *солью*, которая, какъ увидимъ въ очеркѣ минералогическихъ условій поселеній,

была тоже не послѣднимъ мотивомъ и магнитомъ колонизаціи, напримѣръ, въ Соли Камской, въ Соли Тотемской, въ Соли Галичской, въ Дедюхинѣ, въ Илецкой Защитѣ, у Елтонскаго озера и проч., наряду съ *золотомъ, серебромъ, желѣзомъ, мѣдью* и другими металлами, которые, какъ увидимъ въ томъ же очеркѣ минералогическихъ условій поселеній, вызвали потомъ обширныя горнозаводскія поселенія уральскія, алтайскія, нерчинскія и другія,—однимъ словомъ, наряду съ царствами растительнымъ и минеральнымъ, и царство животное, прежде всего, съ его пушными звѣрями, рыбами, пчелами, птицами и морскими звѣрями, было также могучимъ двигателемъ и притягателемъ колонизаціи. Естественное домохозяйство животнаго царства или фауны русской земли было и земско-хозяйственнымъ домоустройствомъ, экономіей и широкою областью географическаго распространенія и земскаго устройства русскаго народа. И въ то же время, въ сущности, всѣ эти зоологическія, звѣропромышленныя основы народной экономіи и колонизаціи служатъ намъ выразительнымъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ не только всеобщей бѣдности, экономической неразвитости, но и крайней умственной ограниченности русскаго народа въ до-петровскія времена, когда не умъ и знанія, не раціональный трудъ и умственный и денежный капиталъ, а рыбы, звѣри, звѣриные мѣха и шкуры заправляли народной экономіей, географическимъ распространеніемъ и земско-хозяйственнымъ устройствомъ русскаго народа, когда,—опять повторимъ,—все имущество народа состояло въ рухляди, въ мѣхахъ и кожахъ, да въ кожаныхъ деньгахъ—звѣриныхъ шкуркахъ и мордкахъ, напоминавшихъ только звѣрей, да звѣролововъ, а не людей высшей цивилизаціи и культуры, когда русскіе были, по выраженію западныхъ европейцевъ, ursae septentrionales.

Въ тотъ періодъ зоолого-географическаго распространенія и устройства русскаго народа, почти всѣ безпощадно расхищали естественную экономію животнаго царства, но никто не зналъ и не думалъ изучать природу животнаго міра, зоологію или фауну русской земли. Понятіе о животныхъ наши предки заимствовали или изъ зооморфической и сказочной миѳологіи, или изъ библейскихъ источниковъ, или, наконецъ, изъ средневѣковыхъ *Бестіаріевъ* и *зоографовъ*, т. е. такъ называемыхъ физіологическихъ сочиненій о животныхъ, исполненныхъ самыхъ фантастическихъ суевѣрныхъ представленій. Бестіаріи, господствующіе и на западѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, очень распространены были и у насъ отъ XV до XVII в. включительно. Почерпая зоологическія свѣдѣнія изъ подобныхъ источниковъ, русскіе книжники распространяли въ сборникахъ самыя странныя понятія о животномъ царствѣ. Для нихъ оно было не предметомъ зоологической науки, а символомъ библейскихъ сказаній. Въ алфавитахъ XVI и XVII в. распространялись такія, напримѣръ, сказанія о птицахъ: «есть птица нѣкая, называемая Сродіе, зѣло сущи чадолюбива, и малѣйшія бо птицы селитву творятъ окрестъ гнѣзда ея; сія птица прообразуетъ Христа Бога нашего; той бо есть воистину человѣколюбецъ, его же есть жилище и домъ церковь, въ той бо хранятся вся заповѣди мысленнаго сродія Христа. Есть птица, называемая езгуля, злонравна сущи, народивши бо яйца, во инѣхъ птицъ гнѣзда влагаетъ, сама же своему гнѣзду не хранитель есть, но и инымъ птицамъ отроды своя подаетъ, за несытость чрева своего не хощетъ потрудитися у гнѣзда своего, но злокозненнымъ гласомъ призываетъ подружіе свое на смѣшеніе: сей птицы уподобишася жидове, пріимше яко отроды ихъ святыхъ

книгъ ученія отвергоша и предаша я языкомъ» [1]). Или же, животное царство было предметомъ суевѣрныхъ примѣтъ и гаданій: «вороноград, куроклнкъ—худо будетъ: утица крякнетъ, гусь гогочетъ, песъ воетъ, мышепискъ, мышь порты грызетъ—изгоритъ нѣчто; заяцъ перебѣжитъ дорогу—худо будетъ; заяцъ дорогу перебѣжалъ—неудача стрѣлку: волкъ, медвѣдь—добрая встрѣча; лиса, заяцъ, бѣлка и монахъ къ худу; если щука плеснетъ плескомъ (хвостомъ) передъ рыбакомъ—то ему не долго жить», и т. д. [2]). Суевѣрному и невѣжественному воображенію народному мерещились самыя чудовищныя миѳическія животныя, индрики звѣри, стратимы и черногары—птицы, черви златыя и т. п. [3]). Отдаленныя страны русской земли наполнялись чудовищными животными. Такъ, на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, лѣсистомъ, суровомъ, народная фантазія помѣщала пещеру змѣи—аспиды, змѣи крылатыя съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами: эта пестрая змѣя жила будто бы въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, не садилась на землю, а на камень, а куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить; только заклинатели—знахари могли ее заговорить. Въ пустынныхъ берегахъ низовой Волги воображали и страшились шестиглаваго дракона. Тамъ же, на низовьяхъ Волги,—разсказывали,—будто бы росло животно-растеніе—баранецъ, которое будто бы рожало ягненка съ мохнатыми ногами, безъ роговъ. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха «баранца». Коллинсъ слышалъ странныя повѣсти и басни о звѣряхъ-суркахъ и перевощикахъ. Сѣверно-поморскіе, соловецкіе писатели разсказывали о какихъ-то странныхъ миграціяхъ рыбъ изъ однихъ морей въ другія, изъ сѣвернаго, «студенаго моря» въ южныя, теплыя моря: «радуются сладкому и морскія рыбы,—говоритъ соловец. писатель XVII в. инокъ Сергій,—и больше любятъ понтійское море, потому что въ немъ стройнѣе другихъ морей рождать... Тамъ живутъ и киты великіе, называемые *лежа*: они подобны горамъ, какъ сказываютъ видѣвшіе ихъ; пребываютъ въ своихъ предѣлахъ—каждый ихъ родъ, какъ города или веси или древнія отечества—для нихъ пучины морской страны: въ нихъ они живутъ» [4]). Имѣя такія суевѣрныя и ложныя понятія о животномъ мірѣ, предки наши обставляли разными суевѣрными обрядами и предразсудками и всѣ звѣриные и рыбные промыслы. Бортники, ходя «въ лѣсъ медъ отъ древія взимати», по языческому суевѣрію, «съ высоты деревьевъ черезъ ноги въ *нави* зрѣли», т. е. имъ мерещился подземный міръ мертвецовъ [5]). У бортниковъ сочиненъ былъ особый «молитвенникъ къ пчеламъ», сохраняющійся и теперь у пчеловодовъ, читающійся на праздники Благовѣщенія, «на вербное и Свѣтлое Христово Воскресенье и на праздники Господнія», и состоящій изъ 7 молитвъ. Въ первой молитвѣ изложена нелѣпѣйшая басня о принесеніи Зосимою и Савватіемъ Соловецкимъ пчелъ изъ папо-римской земли въ Россію. Приведемъ ее для характеристики народныхъ понятій: «на морѣ океанѣ, на островѣ Курганѣ, лежитъ камень алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и спасъ-образъ съ ангелы и архангелы и Зосимъ и

---

[1]) Алф. рук. Соловец. Библ. въ каз. д. ак. № 13, л. 63 и др.

[2]) „Русск. Вѣстн.". 1842, 2, 259. Пословицы изд. Далемъ въ „Чтен.", 1049, 1051, 105

[3]) „Въ восточной части Азіи,—читали книжники грамотѣи,—въ Симоновѣ жребіи есть островъ, въ немъ же родися червь златая, да и песокъ златъ" („Сборн. Соловец. рукоп." № 861, л. 276).

[4]) „О яренск. чудотв." рукоп. Соловец. библ.

[5]) Муромская легенда, по рукоп. Соловец. библ.

Савватій соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ нарименскія горы за силою пчелиною—поймати крапчика и матку и посадить въ жезлъ свой. Подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте жезлъ свой въ правую сторону. Пошли они Зосимъ и Савватій соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Михаиломъ, по Божію велѣнью, за силою пчелиною въ папо-римскія земли, въ римскія горы, пойдоша путемъ къ западу до востоку, и дошедъ поймали крапчика и матку посадили въ жезлъ свой и пойдоша путемъ съ западу и до востока. Архангелъ Гавріилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную: «какъ востокъ имай облацы подымаются, тако бы поднималася сила пчелиная и пошла за Зосимомъ и Савватіемъ соловецкими чудотворцами силою небесною и духомъ святымъ... Идоша по надлежащимъ путямъ и тропамъ, и приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною къ тому же собору Божію, ко Престолу Господню. И рече святый отецъ Изосимъ и Савватій: приведоша къ ноѕѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи, дѣвать и сажать? Господь же, благословивъ и освятивъ ихъ духомъ своимъ святымъ, преда и Изосиму и Савватію соловецкимъ чудотворцамъ и велѣлъ пустити отъ востока и до запада во всю россійскую землю, въ темные лѣса, въ угодныя древа, православнымъ христіанамъ и мнѣ рабу Божію имяреку. Создай, Господи, милость свою, посли и надѣли мнѣ рабу Божію во дворѣ или въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами Изосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему, Господи, изъ невѣрной стороны во всю россійскую землю на канонъ и на воскъ, на ѳимьянъ и на всякую утварь церковную, на укрѣпленіе и утвержденіе до скончанія вѣка сего: такожде, Господи, утверди и у меня раба Божія имярека въ пчельникѣ во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ, пчелъ старыхъ и молодыхъ, на выстановкѣ, во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверти и получетверти. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ святымъ окурю отъ всякаго глаза мужескаго и женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ черица и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ еретика и еретницы, отъ лихаго человѣка, отъ чужихъ налетныхъ пчелъ. Какъ по повелѣнію твоему, Господи, океану-морю всѣ моря покорны, рѣки, источники и потоки текутъ денно и нощно, такъ бы, по велѣнію Божію, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси, Господи, на пчельникѣ мои пчелы отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы и отъ всякаго потопленья водянаго и отъ нечистаго духа и отъ лукаваго человѣка. Пошли и надѣли, Господи, пчеламъ моимъ со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго, сухаго и сѣраго, со всякаго плоду брать на воскъ и на канонъ... Моя пчела, раба Божія, волки, а чужая пчела овцы, и какъ волкъ овцу пожираетъ, такъ же и моя пчела, по Божію велѣнью, чужую пчелу пожираетъ и на себя не попускаетъ. Земля—зѣло, небо—ключь, аминь», и проч. [1]). Звѣроловы не менѣе были суевѣрны. Въ лѣсахъ имъ часто мерещились разные дивы и чудеса, слышались звоны чудесные и пѣнье сладкогласное. Во время звѣриныхъ промысловъ, они соблюдали разные суевѣрные обряды, которые у рыболововъ доходили до невѣроятныхъ нелѣпостей. Такъ если при ловлѣ рыбы баграми кому-нибудь попадется лягушка на багоръ, что дѣйствительно иногда и случается,—тотъ, по народному повѣрью, во всю зиму ни одной рыбы изловить не можетъ, хотя онъ

[1]) Рукоп., сообщ. однимъ казанскимъ мѣщаниномъ. У казанскихъ пчеловодовъ она доселѣ въ употребленіи.

будетъ перемѣнять и багры, и мѣста» [1]). Рыбаки большею частію и доселѣ—народъ особенно суевѣрный и невѣжественный. Наприм., галицкіе рыбаки и донынѣ еще, по старинному суевѣрному обряду, передъ началомъ лова рыбы, молятъ калачи», совершаютъ разныя гаданья, и вообще чрезвычайно суевѣрны и грубы [2]). Спеціально занимаясь рыболовствомъ, наши рыбаки не знаютъ и не стараются знать естественной исторіи рыбъ. «Каспійскіе рыбаки и болѣе образованные смотрители,—говоритъ Бэръ,—очень мало заботятся о распознаваніи рыбъ. Напримѣръ, подъ таранью разумѣютъ всѣхъ рыбъ, которыя нейдутъ въ торговлю. Относительно образа жизни рыбъ, здѣшніе рыбопромышленники, подобнымъ же образомъ, обратили вниманіе свое почти исключительно на тѣ только обстоятельства, которыя имѣютъ непосредственное вліяніе на время, мѣсто и способъ лова. Всѣ же прочія обстоятельства такъ мало интересуютъ, что, распрашивая ихъ, рѣдко можно узнать что нибудь поучительное. Такимъ образомъ утвердился здѣсь предразсудокъ или, скорѣе, противоестественное мнѣніе, что три зернышка икры сростаются вмѣстѣ для образованія молодой рыбки» [3]). Еще суевѣрнѣе и невѣжественнѣе сибирскіе морскіе звѣропромышленники, добывавшіе морского звѣря моржа: въ XVII в. они даже «по своему молились моржовымъ головамъ» [4]). Поморскіе рыболовы и звѣропромышленники, всю жизнь воспитывавшіеся подъ вліяніемъ моря, можно сказать, вскормленные моремъ, взлелѣянные на его волнахъ и часто подвергавшіеся на морѣ страшнымъ бурямъ, волненіямъ и кораблекрушеніямъ,—поморскіе рыболовы и звѣропромышленники создали особый, своеобразный міръ повѣрій и легендъ поморскихъ. Здѣсь, чувство страха и раболѣнія передъ страшными и могучими стихіями морской природы породило цѣлый міръ морскихъ чудесъ и знаменій. Бѣлое море и Ледовитый океанъ, особенно во время страшныхъ бурь и кораблекрушеній, были сценой этихъ чудесъ. Все, что Бѣлое море и Ледовитый океанъ извергали неповрежденнымъ, считалось *праведнымъ изверженіемъ* моря, чудомъ промысла. Жители одной поморской веси, именно Лудской, разъ отправились на море «на ловитву рыбъ», и, по словамъ сказанія о пертоминскихъ чудотворцахъ, «узрѣша множество врановъ парящихъ на воздусѣ и помышляху въ себѣ нѣкоему изверженію быти отъ моря праведну, и внегда приближашася, паче узрѣша чудесе достойное: враномъ окрестъ облетающимъ и воплемъ грающимъ и яко отгоняемымъ быти нѣкоею силою; приступивше ко брегу, узрѣша вскрай воды тѣлеса ничимъ не вреждаемыя отъ гадоненавистныхъ и плотоядныхъ птищевъ» [5]). Поморскимъ звѣропромышленникамъ—весновальникамъ, плававшимъ по морю и ходившимъ по льдамъ на промыслы морскихъ звѣрей, во время бушующей ярости морскихъ бурь и неукротимаго, сокрушительнаго движенія, поднятія, столкновенія ударовъ и обваловъ горъ льдяныхъ или торасовъ,—постоянно видѣлись на морѣ то старцы сѣдые, которые носились по морю, какъ герои—полубоги или геніи морскіе—укротители морей, то видѣлись церкви надъ моремъ на воздухѣ о пяти главахъ» и т. п. Чудесные старцы укрощали сердитыя, буреломныя волны моря, изводили изъ пучинъ морскихъ суда и ромши юровщиковъ и весновальниковъ.

---

1) Pallas, „Reise“, I, 434.
2) „Костром. губ. матер. для стат. и геогр.“, 275.
3) „Изслѣд. о сост. рыболов. въ Россіи“, т. II, стр. 12—13.
4) Доп., III, № 24.
5) Рукоп. Соловец. Библ. Тамъ же, въ житіи Вассіана и Іоны Пертомин. чудотворц. разсказывается чудо о Китѣ, изверженномъ изъ моря и давшемъ до 230 пудовъ жира.

.правляли ихъ плаванье по морю и походы по льдинамъ и торосамъ Ледовитаго еана въ тѣ части громадныхъ морскихъ бассейновъ, гдѣ было множество звѣрей ›рскихъ—тюленей, моржей, китовъ, бѣлугъ и проч. Сѣверно-поморскіе морепромышленники вѣровали, что святые поморскіе для того собственно и назначены и ›ославлены были на Бѣломъ морѣ, Ледовитомъ океанѣ и по всему поморскому ›ибрежью, чтобы владычествовать надъ морскими стихіями, укрощать волны и ›ри морскія, избавлять плавающихъ отъ кораблекрушенія и потопленья, споспѣшествовать ихъ морскимъ звѣринымъ промысламъ. Сказанія о чудесахъ поморнихъ святыхъ, особенно Зосимы и Савватія соловецкихъ, Іоанна и Логина яренихъ, Іоны и Вассіана пертоминскихъ, Варлаама Керецкаго, Никодима Кожеезерраго, Трифона Печенгскаго и другихъ, записанныя большею частью буквально словъ морепромышленниковъ поморскихъ, суть типическій отпечатокъ и полнѣйе выраженіе этого страннаго поморскаго вѣрованія, сохранившагося и до сихъ поръ.

При такомъ міросозерцаніи естественной животной экономіи русской земли, и такомъ узкомъ и при томъ суевѣрномъ и ложномъ взглядѣ на животный ъ, на естественныя области и сокровища животной экономіи, очевидно, не могли звиваться въ поселеніяхъ новыя и разнообразныя отрасли зоологической культуры промышленности, которыя бы имѣли предметомъ раціональную и плодотворную бричную обработку, широкое и разнообразное примѣненіе продуктовъ естественной вотной экономіи. Притомъ, населеніе, много вѣковъ воспитывавшееся на готоъ корму природы, въ глубоко-пассивномъ умственномъ рабствѣ передъ ней, разсчетливо издерживавшее готовые дары ея естественнаго животнаго хозяйства, пощадно расхищавшее ихъ и нисколько не помышлявшее о напряженіи и звитіи индустріальнаго ума, объ изысканіи новыхъ индустріальныхъ способовъ зни, не думавшее и не умѣвшее изучать природу съ этою цѣлію,—такое наленіе по необходимости должно было рано или поздно, какъ говорится, попасть просакъ и долго коснѣть въ бѣдности, матеріальной и умственной, въ безпросвѣтицѣ, или грязно-рутинной промышленности допетровской. И казенная экономическая реформа Петра Великаго, безъ могучей силы и свободы естественнознавательнаго индустріальнаго ума, не могла направить народъ на широкій и ціональный промышленный путь всенароднаго благосостоянія. Только свѣтъ индустріальной интеллигенціи и изобрѣтательности западнаго генія, глубокое естевенно-научное индустріальное образованіе и развитіе всѣхъ классовъ народа, бокое и ясное сознаніе всѣми классами своего естественнаго права на разумнободную умственную и промышленную дѣятельность въ сферѣ естественной экономіи ской земли и радикальная земско-хозяйственная реформа—стали мало-по-малу горическимъ *чаяніемъ* лучшихъ людей народа.

X.

адокъ зоологическихъ основъ древнерусскихъ поселеній и переходный кризисъ въ народной промышленности.

Такимъ образомъ, въ началѣ географическаго распространенія и земскозяйственнаго устройства, пока естественная животная экономія русской *земли воды* была богата и неистощена,—народъ легко могъ въ области ея устроиться

и жить насчетъ богатаго животнаго хозяйства матери, кормилицы своей—природы, нисколько не думая объ изученіи, исчисленіи и измѣреніи этой природной экономіи. Всѣ свободно шли въ эту дикую, некультированную область зоологическаго хозяйства земли и воды — каждый по своему пути и ухожаю: одни шли, по бобровымъ ухожаямъ и гонамъ, въ приречную область бобровъ и выдръ, — и тамъ устроялись и жили въ бобровничьихъ деревняхъ; другіе шли, по бортнымъ ухожаямъ, въ бортные лѣса—въ область естественной пчелиной производительности и экономіи,—и тамъ ставили свои бортничьи починки и деревни; третьи шли, по стольничему пути, на рыбныя рѣки, озера и къ морю, — и тамъ строили деревни и слободы рыболовли, и т. д. Благодаря этимъ промысламъ и поселеніямъ бобровничьимъ, бортничьимъ, рыболовлимъ, такъ же какъ хлѣбнымъ, соляным и проч.,—возникали торговыя поселенія—города, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Всѣ брали въ животной экономіи русской земли готовыя ея произведенія, наживались ими, обмѣнивались и торговали. Благодаря бобровничьимъ деревнямъ,—имѣли много мягкой рухляди, носили бобровыя шубы и сбывали множество бобровъ за границу. Благодаря бортничьимъ деревнямъ,—потребляли обильно медъ, торговали медомъ и воскомъ и усердно ставили въ церкви восковыя свѣчи. Благодаря рыболовлимъ деревнямъ, ѣли вдоволь рыбу въ частые и великіе посты и не въ посты, содержали множество монастырей и за границу сбывали много рыбы и рыбьяго жира, и проч. Такъ было особенно въ началѣ земскаго строенія, когда русская земля была еще столько же жилищемъ звѣрей, сколько и людей. Но вотъ проходили вѣка, и многія естественныя хранилища животной экономіи русской земли мало-по-малу издерживались, истощались. И тогда началась тяжелая перемѣна.

Во внутреннихъ областяхъ Россіи упадокъ древнихъ, непосредственно-натуральныхъ зоологическихъ основъ народной экономіи и колонизаціи сталъ обнаруживаться уже съ XVI и, особенно, въ XVII в. Здѣсь, вѣковое распространеніе земледѣльческой и городской колонизаціи и культуры, безпрерывное *посаженье починокъ и деревень на лѣсѣхъ* ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ и сѣверовостокѣ, истребляло и замѣщало *черные, дикіе лѣса*—естественную область распространенія дикихъ животныхъ—пушныхъ звѣрей и бортевыхъ пчелъ. Слѣдовательно, неизбѣжно ранѣе подрывались основы бобровничьихъ, звѣропромышленныхъ и бортничьихъ поселеній. Берега рѣкъ, озеръ здѣсь заселены были гораздо раньше, чѣмъ берега рѣкъ, озеръ и, особенно, морей южныхъ и сѣверныхъ; притомъ, и самыя рѣки и озера здѣсь давно распредѣлены были на участки, тони, ѣзы, луки и, очевидно, не могли, какъ сѣверное или Каспійское море, служить неистощимымъ и всеобщимъ, безраздѣльнымъ резервуаромъ и источникомъ рыбнаго богатства. Слѣдовательно, и рыболовческія поселенія здѣсь не могли существовать вѣчно-обезпеченно и непоколебимо. Вслѣдствіе такихъ естественно-историческихъ причинъ, средневѣковыя экономическія основы поселеній въ центральной Россіи стали ранѣе упадать. Съ ограниченіемъ или издержаніемъ прежняго избытка производительныхъ силъ животнаго царства въ центральныхъ областяхъ Россіи,—все сильнѣе и сильнѣе развивалась казенная монополія въ животной экономіи русской земли и правительственная регламентація или уставность въ области экономическихъ поселеній. При ограниченіи или оскудѣніи натуральныхъ источниковъ животной продукціи, при глубоко-пассивномъ рабствѣ народныхъ силъ передъ естественными произво-

тельными силами животной природы, московскому правительству легко было эксплуатировать народныя производительныя силы въ сферѣ естественной животной экономіи. Всѣ натуральныя угодья или статьи животнаго хозяйства, какія еще существовали на русской землѣ, московское правительство брало въ свое распорядительное владѣніе и дѣлило ихъ между народомъ за оброкъ. На занятіе извѣстнаго пространства естественной животной производительности, а также на право устройства на нихъ промышленныхъ поселеній — бортничьихъ, бобровыхъ, рыболовлихъ или сокольничьихъ, народъ уже не имѣлъ свободнаго права: нужно было испрашивать разрѣшеніе у царя. Напримѣръ, въ жалованной грамотѣ бобровникамъ Плесской волости Владимірскаго уѣзда прямо сказано: «а вы, безъ нашей царской грамоты, въ рѣкѣ Увоти, въ тѣхъ водахъ, въ твоихъ ухожаяхъ ловить бобровъ не смѣете, и намъ бы васъ, плесскихъ бобровниковъ, пожаловати, велѣть бы вамъ дати на тѣ воды, на ваши старинные ухожаи, въ которыхъ бобры ловили изстари дѣды ваши и отцы ваши, своя грамота» [1]). Царь давалъ жалованныя грамоты на бобровые гоны, на бортные ухожаи, на рыбныя ловли и сокольничьи сѣдбища [2]). Какъ на западѣ, въ періодъ феодальнаго аристократизма и потомъ абсолютной монархіи, короли издавали особенные охотничьи и рыболовческіе регламенты—jagdregal, jagdordnungen, Corpus juris venatorio-forestalis, Fischereiregal и т. п.,—такъ и у насъ въ XVI и XVII в. цари, приписывая къ своимъ дворцовымъ и оброчнымъ волостямъ деревни бобровничьи, рыболовли, бортничьи и сокольничьи или обращая ихъ въ служилыя слободы и посылая въ нихъ своихъ особенныхъ ловчихъ и прикащиковъ, давали имъ особенныя уставныя и судныя грамоты, съ обозначеніемъ количества натуральныхъ, животно-продуктивныхъ даней и оброковъ, или, вмѣсто нихъ, денежнаго оброка въ царскую казну [3]). На поселенія бобровничьи, рыболовли, бортничьи и сокольничьи налагались большею частію обременительные оброки. Напримѣръ, въ 1645 году въ переяславской рыбной слободѣ велѣно было «рыбнымъ ловцамъ ловить и привозить въ Москву на своихъ подводахъ по 33,600 сельдей въ годъ, а на пропитаніе себѣ и на снасти велѣно было ловить только по 3,450 сельдей въ годъ, и при этомъ съ 1666 года велѣно было 50 дворамъ «самыхъ знающихъ рыбныхъ ловцовъ» ловить рыбу спеціально на дворъ царскій, съ 1668 года велѣно было рыбнымъ ловцамъ той же слободы привозить въ Москву по 500 паровыхъ сельдей, а въ годъ поледныхъ большихъ по 45,000, или *сколько понадобится*» [4]). Тяжкія пени налагались и на поселенцевъ частныхъ, землевладѣльческихъ деревень рыболовлихъ, бортничьихъ и проч. Если рыболовъ дворцовой рыбной слободы или поселившійся, по договору, на рыбной тонѣ другого какого-нибудь водовладѣльца, не исполнялъ условій и обязанностей, то платилъ пеню въ пользу хозяина въ 100 рублей. Точно также, если бортникъ селился у чьей нибудь борти на оброкъ, по договору, или бралъ въ оброчное содержаніе бортное *знамя* и не исполнялъ договора, —то съ него взыскивалась пеня огромная, въ 50 р., «да за каждую борть въ случаѣ ея порчи, да за пчелы, по уложенію» [5]). Вслѣдствіе такихъ и многихъ другихъ налоговъ, пеней и повинностей, зоолого-экономическія поселенія

---

[1]) А. Юр., изд. Калачевымъ, стр. 130.
[2]) А. Э., II, № 19. А. Юр., № 41.
[3]) А. Э., I, № 22. 183. 250. 1'0I 256 и друг.
[4]) А. Э., IV, № 210.
[5]) А. Ю., 202. Лешковъ, стр. 354—355.

въ XVI и особенно въ XVII в. большею частію бѣдствовали и едва существовали. Такъ, напримѣръ, тѣ же рыболовы переяславской рыбной слободы въ 1613 году жаловались: «нынѣ они ловятъ на царскій обиходъ въ Переяславскомъ озерѣ сельди и всякую рыбу, и тѣ сельди и рыбу присылаютъ къ царю въ Москву на своихъ подводахъ: да они же ѣздятъ съ ловцами по рѣкамъ и по озерамъ и по прудамъ: да съ нихъ же берутъ переяславскимъ стрѣльцамъ рыбной слободы на 83 человѣка, на всякій мѣсяцъ, рожь и крупы, и толокно, и соль, а они покупаютъ тѣ запасы на свои деньги; да они же даютъ пушкарямъ и затинщикамъ на всякій мѣсяцъ корму по два рубля; да нынѣ правятъ съ нихъ казачьихъ кормовъ на 70 человѣкъ 12 четей съ осминою ржи, да 3 чети съ осминою овса, 3 чети крупъ и толокна, 3 полоти мяса, 3 пуда соли, и они за тѣ казачьи кормы стоятъ на правежѣ, а окупиться нечѣмъ; и, кромѣ того, взваливаютъ на нихъ разные взметы и выти, а они-де рыбной слободы людишки не пахатные, пашни подъ ними и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ» [1]. Уже вслѣдствіе однихъ такихъ истязаній и подкоповъ, зоологическія основы нашихъ поселеній оказывались ненадежными и непрочными. Но, кромѣ того, естественная животная экономія лѣсовъ и водъ не только въ центральныхъ, но и въ менѣе заселенныхъ и обработанныхъ пріуральскихъ областяхъ, вслѣдствіе неразумныхъ, расхищающихъ промысловъ, годъ отъ году, приходила къ истощенію. Такъ, въ царской граматѣ 28 авг. 1635 г., посланной въ Пермь, читаемъ: «вѣдомо учинилось, что всякихъ чиновъ люди и крестьяне, также и посадскіе люди, и дворцовые и вотчинные и чорныхъ волостей крестьяне, и охочіе всякіе люди, въ рѣкахъ и въ заполныхъ рѣчкахъ, и въ откупныхъ, и въ оброчныхъ ухожаяхъ, и во всякихъ угодьяхъ, ловятъ и бьютъ бобры и выдры капканы, и тѣми капканами во многихъ мѣстахъ бобры и выдры выбиты и выловлены, и впередъ бобровъ по ловлямъ добывать немочно». Вслѣдствіе этого правительство строго предписало — «въ посадахъ и уѣздахъ, по всѣмъ торгамъ и по малымъ торжкамъ бирючамъ прокликать не по одинъ день, чтобъ всякіе люди впередъ капканами не ловили и не побивали бобровъ и выдръ, капканы старые и новые переписать и устроить въ царскую казну, а вновь чтобъ кузнецы отнюдь не дѣлали, равно и старые не подѣлывали бы»: въ противномъ случаѣ, грозилъ кнутъ нещадный, пеня и тюрьма [2]. Точно также, вслѣдствіе замѣченной убыли рыбныхъ улововъ, рыбнымъ слободамъ и всѣмъ рыбопромышленникамъ предписывалось, чтобъ они ловили рыбу бережно, разумно, чтобъ мелкихъ рыбъ, для приплоду, не ловили на царскій обиходъ и на себя и на продажу, а ловили бы большихъ рыбъ данными отъ царя образцовыми неводами, рѣдкими, съ царскою дворцовою печатью, такъ чтобы мелкія рыбы сквозь рѣдкія невода проскользали и, оставаясь въ водѣ, распложались [3]. Несмотря на такія мѣры, однѣ зоолого-оккупаторскія основы не могли вѣчно поддерживать центральныя поселенія. И деревни бобровничьи, бортничьи, сокольничьи и большая часть рыболовныхъ стали быстро упадать или принимать другія промышленныя формы. Естественная животная экономія старинныхъ физико-зоологическихъ областей, въ которыхъ устроялись всѣ эти естествен-

---

[1] А. Э., III, № 7. Такъ же жаловались рыболовы борисоглѣбской рыбной слободы. А. Э., III, № 170.

[2] А. Э., III, № 256.

[3] А. Э., IV, № 210. А. И., I, № 230.

но-хозяйственныя поселенія, до такой степени изсякала и ограничивалась, что бобровники, бортники, рыболовы и сокольники не въ состояніи были уже платить оброкъ натуральными, животными произведеніями, а оплачивали его большею частію деньгами. Напримѣръ, бортники за борть платили ежегодно, вмѣсто 1 пуда меду, полторы гривны новгородской [1]); рыболовы, за тоню, опредѣлявшуюся однимъ неводомъ, вмѣсто третьей или шестой рыбы, часто давали деньгами полтину [2]), сокольники, за пользованіе мхомъ для ловли соколовъ, платили по полтинѣ за каждаго сокола [3]). Только кречатьи волости въ Сибири еще въ XVII в. платили за ясакъ и оброкъ кречетами [4]). Бобровникамъ или крестьянамъ бобровничьихъ волостей уже въ XVI в. предписывалось: «а коли бобровъ не добудите, и вы бъ къ нашей казнѣ на казенный дворъ къ казначеямъ привозили за бобръ карій да за два бобра ярца темнокарихъ деньгами по рублю на годъ» [5]). Деревни бобровничьи и бортничьи, не получая вполнѣ обезпеченія отъ бобровыхъ и бортныхъ ухожаевъ, уже въ XVI в. распахивали пашни и дѣлились на сохи и полусохи. Таковы, напр., были села и деревни *бобровничьей полусохи* во Владимірскомъ уѣздѣ. Въ 1540 г. вологодскіе сокольники просили позволенія поселиться на пашню въ дикомъ лѣсу, близъ кречатьихъ и сокольихъ сѣдбищъ, дворы себѣ поставить, *лѣсъ на пашню расчищать* и людей называть [6]). Въ XVII вѣкѣ, во внутреннихъ областяхъ, бобровые гоны, бортные ухожаи и даже рыбныя ловли, въ верховьяхъ Волги, уже вовсе не вызывали новыхъ, спеціальныхъ поселеній— бобровничьихъ, сокольничьихъ и даже рыболовлихъ, а становились просто хозяйственнымъ подспорьемъ пашеннымъ седамъ и деревнямъ, побочными дополнительными угодьями и промыслами. Вновь, на бортныхъ лѣсахъ, бобровыхъ гонахъ и ухожаяхъ и даже у рыбныхъ ловель ставились уже не спеціальныя бобровничьи, бортничьи, сокольничьи и рыболовли поселенія, а пашенныя села и починки. Такъ, напр., по свидѣтельству ввозной грамоты 31 марта 1643 г. «въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ нагорной половинѣ и за Волгою на луговой сторонѣ были бобровые гоны, рыбныя ловли и бортный лѣсъ,—на томъ лѣсу крестьяне расчищали лѣсъ подъ пашню и поставили починки и поселились въ тѣхъ новопоставленныхъ селахъ и новорасчисныхъ починкахъ, распахавъ въ лѣсу пашни 458 четей въ полѣ, а въ дву по томужъ; и прибыло въ той вотчинѣ, по переписнымъ и дозорнымъ книгамъ, сверхъ старыхъ писцовыхъ книгъ, 2 села, что были починки, и 3 починка, а въ нихъ пашни 458 частей, сѣна 3.300 копенъ, лѣсу чернаго раменья, опричь бортнаго, 55 десятинъ» [7]). Такимъ образомъ къ концу XVII в. мало-по-малу всѣ старинныя села и деревни бортничьи, бобровничьи, сокольничьи и большая часть рыболовлихъ совершенно исчезали и преобразовывались преимущественно въ земледѣльческія, пашенныя поселенія. Бортные лѣса рубились на хоромы и дрова, расчищались подъ пашни и сѣнокосы. Такъ, напр., въ 1674 г. дозволено было крестьянамъ селъ Сергача и Янова въ Нижегородскомъ и Арзамаскомъ уѣздахъ «въѣзжать въ мордовскіе бортные ухожаи—въ большой черной лѣсъ, и дровяной

1) Неволинъ, „О пят. и пог. новгород.“, прилож. II, 12.
2) Окладн. переп. II, прил. 206.
3) Писц. 61. Прил. 11.
4) Доп., VI, 124.
5) А. Юр., изд. Калач. 130.
6) А. И., I, №№ 295 и 301.
7) А. Ю., изд. Калач., № 28.

и хоромной лѣсъ сѣчь, и сѣнные покосы косить, а у бортниковъ и мордвы взять сказки за ихъ знаменами, чтобъ они въ споръ не вступали» [1]). Въ XVII в., во внутреннихъ областяхъ Россіи, вовсе не слышно было больше о колонизаціи бобровничьей, сокольничьей и т. п. Вмѣсто того встрѣчаемъ постоянныя извѣстія о колонизаціи земледѣльческой, пашенной, которая въ это время какъ будто замѣтно усилилась, особенно въ низовьяхъ Волги, въ восточныхъ, пріуральскихъ областяхъ и въ Сибири.

Такъ въ XVII в. колонизовались вновь все пашенныя села и деревни, а объ новыхъ поселеніяхъ бобровничьихъ, бортничьихъ, сокольничьихъ и т. п. не встрѣчаемъ ни одного извѣстія. Въ концѣ XVII вѣка исчезли и послѣдніе слѣды этихъ старинныхъ поселеній. Тамъ, гдѣ прежде только и были спеціальныя и цвѣтущія, по тому времени, поселенія бобровничьи, бортничьи, рыболовли, сокольничьи,—тамъ нынѣ и слѣда ихъ нѣтъ. Такъ, въ древней рязанской и воронежской украйнѣ, вся первоначальная колонизація состояла изъ поселеній звѣроловческихъ, бобровничьихъ, бортничьихъ и рыболовлихъ. Сначала по свидѣтельству исторіи, «люди хождаху туда прибытка ради своего, звѣрей ловити». Потомъ проложены были тамъ бортные пути и ухожаи, бобровые гоны и ухожаи, рыбныя ловли,—и по нимъ распространились почти сплошною сѣтью ряды поселеній бортниковъ, бобровниковъ, мѣховыхъ подвозниковъ, рыболововъ. Въ договорной грамотѣ московскаго князя съ рязанскимъ въ 1496 г. такъ очерчивается этотъ зоолого-экономическій составъ рязанскихъ и воронежскихъ поселеній: «во Цнѣ и въ Корбутинскомъ уѣздѣ — бортники съ оброки, и въ Пластиковѣ, и въ Бовыкинѣ, и въ Воронежѣ, и на Дону бортники и рыболовы, и ясеневскіе бортники, и пронскіе бортники, и окологородные бортники, и городскіе рыболовы, и мѣховые подвозники, ястребьи подвозники, медовые, неводчики и бобровники всѣ эти люди ловчане великаго князя московскаго, и они свои мѣста и ухожаи вѣдаютъ по старинѣ; а у рязанскаго князя —Мордва дѣленая во Цнѣ и въ Коробутинскомъ уѣздѣ, бортники, ловчане, перевитскіе бортники, рязанскіе бортники, рязанскіе рыболовы, и всѣ ловчане, и они свои мѣста и ухожаи вѣдаютъ по старинѣ [2]). Такъ въ старину весь край занятъ былъ исключительно звѣропромышленными, бобровничьими, бортничьими и рыболовными поселеніями. Нынѣ же во всей Воронежской и даже Рязанской губ. не только нѣтъ такихъ спеціальныхъ зоолого-экономическихъ разрядовъ или классовъ населенія, но даже и какъ побочныя, второстепенныя отрасли сельской промышленности, звѣроловство, пчеловодство и рыболовство находятся въ упадкѣ. Въ статистическомъ описаніи Воронежской, напр., губерніи читаемъ: «здѣшній край, значительно населенный, имѣя притомъ малое количество лѣсовъ, большею частью изрѣженныхъ и разбросанныхъ небольшими дачами, не изобилуетъ вообще звѣрями; дичью же хотя и болѣе богатъ, но и она съ каждымъ годомъ постепенно уменьшается, что, главнымъ образомъ, зависитъ отъ распространенія народонаселенія, уничтоженія лѣсовъ, осушенія болотъ и обращенія степей подъ распашку хлѣбовъ, а частію также отъ несвоевременной и неразумной охоты и истребленія, нерѣдко въ большомъ количествѣ, въ гнѣздахъ яицъ и птенцовъ. Недостатокъ звѣрей и небольшое изобиліе дичи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужъ и отсутствіе склонности жителей къ охотѣ и служатъ

---

[1]) Доп., VI, № 104.

[2]) Всеобщ. истор. свѣд. о Воронежской губ. 12, 13. Записки географ. общ., 1857 г. кн. XII, стр. 196—197.

причиною, что охотничій промыселъ весьма мало распространенъ въ губерніи. Пчеловодство въ Воронежской губерніи также, несмотря на давнее свое водвореніе въ въ этомъ краю и еще сохраняющіяся выгодныя мѣстныя условія далеко не достигло совершенства... Водами, изобилующими рыбою, Воронежская губернія хотя и богата, но рыбная ловля составляетъ самый незначительный промыселъ ея жителей: въ 1857 г. рыболовствомъ, какъ промысломъ, занималось всего около 400 человѣкъ въ уѣздахъ, прилегающихъ къ рѣкамъ Дону, Воронежу и Хопру. Количество рыбы, добываемой здѣшними промышленниками, далеко недостаточно для удовлетворенія мѣстнаго потребленія, а потому ее закупаютъ въ значительномъ количествѣ внѣ предѣловъ губерніи въ Астрахани, Таганрогѣ и другихъ пунктахъ» [1]). Всѣ поселенія Воронежской губерніи преобразовались теперь въ земледѣльческія, торгово-промышленныя и, главнымъ образомъ, въ скотоводческія. Вотъ, напр., городъ Бобровъ основанъ былъ въ концѣ XVII в. въ мѣстности, въ то время богатой бобрами, а въ уѣздѣ его еще въ XVII в. много было бобровниковъ. А теперь весь Бобровскій уѣздъ по преимуществу скотоводческій, съ 17 конскими заводами, съ большими овчарнями въ с. Садовомъ, Курлакѣ, Новой Чигловкѣ, Тулиновкѣ и др., гдѣ приходится на 100 жителей — 191 голова домашняго скота и однѣхъ овецъ 119, 3,—гдѣ такое огромное село, какъ Бутурлиновка съ 22.050 жителями занимается уже выдѣлкою кожъ, овчинъ, дѣланьемъ тулуповъ и сапоговъ. Въ память древняго изобилія бобровъ осталось только одно названіе города Боброва. Тоже совершилось въ нынѣшней Рязанской губерніи. Въ XIV в. тамъ только и упоминаются *села съ бортники и съ бортными землями и съ бобры*, да *бортники рязанскіе, бортники перевитскіе, ловчане и рязанскіе рыболовы* и т. п. А теперь пчеловодство въ Рязанской губерніи, еще существующее, какъ совершенно побочный и ничтожный промыселъ въ южныхъ уѣздахъ — въ Раненбургскомъ, въ юго-восточной части Сапожковскаго и въ южной Касимовскаго уѣзда,— находится въ жалкомъ видѣ. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ не только исчезли древніе бортные поселяне и станы, но упадаетъ самое пчеловодство, какъ промыселъ. Рыболовческія поселенія здѣсь также, если еще не упали окончательно, то мало-по-малу измѣняютъ свою старую основу. Многіе жители рыболовныхъ селъ, по незначительности уловов, оставляютъ рыболовство и занимаются другими промыслами, напр., луговодствомъ и продажей сѣна, портняжествомъ въ Москвѣ, питейною частью, судостроеніемъ, бурлачествомъ и т. п. [2]). Въ области нынѣшней Костромской губерніи до XVI в. весьма значительно распространены были деревни бобровничьи, звѣропромышленныя, рыболовли и бортничьи. А теперь ихъ тамъ почти слѣда нѣтъ. Въ статистико-географическомъ описаніи Костромской губерніи читаемъ: «пчеловодство въ прежнее время было развито въ довольно обширныхъ размѣрахъ въ Ветлужскомъ и, частію, Макарьевскомъ уѣздахъ. Но потомъ, на основаніи тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ вообще упало пчеловодство и въ другихъ мѣстахъ, т. е. отъ увеличенія народонаселенія, отъ истребленія лѣсовъ, отъ недостатка прежняго приволья для взятки меду, и въ здѣшней губерніи пчеловодство, особенно бортевое, упало... Звѣроловство и птицеловство въ прежнее время въ Костромской губерніи составляли довольно выгодный промыселъ, такъ что жители, запасавшіеся имъ, могли исключительно этимъ ремесломъ уплачивать всѣ свои

[1]) „Матер. для геогр. и стат. Россіи". Воронежская губ., стр. 230—231.
[2]) Рязанская губ., стр. 227—230, 166, 344.

повинности; въ настоящее же время, когда исчезли дремучіе лѣса, и когда крестьяне, работая цѣлую зиму въ лѣсныхъ дачахъ, а лѣтомъ на своихъ сѣнокосахъ, расчищенныхъ между лѣсомъ, сдѣлались скорѣе жителями лѣсовъ, нежели звѣря и птицы, число послѣднихъ значительно уменьшилось; вслѣдствіе чего самый промыселъ сталъ маловыгоднымъ, и потому теперь жители охотою занимаются болѣе по привычкѣ и страсти, въ свободное отъ сельскихъ работъ время. И то ловятъ медвѣдей, лосей, оленей, волковъ, лисицъ, зайцевъ, бѣлокъ, изрѣдка — куницъ, барсуковъ, горностаевъ и отчасти рысей, но уже вовсе не бобровъ и выдръ, какъ было въ XVI вѣкѣ»[1]). Точно также въ нынѣшней Московской и Владимірской губерніяхъ въ XV и, далѣе, въ XVI вѣкѣ существовало много деревень не только рыболовныхъ, но и бортничьихъ, бобровничьихъ и сокольничьихъ. А теперь ихъ тамъ и слѣда нѣтъ, и вмѣсто нихъ развиваются по преимуществу торговыя и мануфактурно-промышленныя селенія. Гдѣ теперь, напр., во Владимірскомъ уѣздѣ эти 24 бобровничьихъ деревни, которыя тамъ существовали еще въ половинѣ XVI вѣка. Теперь во всей Владимірской губерніи видимъ совершенно новыя, преобразованныя села, въ родѣ села Иванова, Большихъ Мстеръ, Дунилова, Вознесенскаго посада и проч., съ ситцебумажными, бумагопрядильными, миткалевыми и химическими фабриками и заводами, число которыхъ въ 1846 году простиралось до 341, и съ сотнями разнообразныхъ ремеслъ и промысловъ[2]). Такъ съ истребленіемъ лѣсовъ и, вслѣдствіе того, съ уменьшеніемъ дикихъ звѣрей и бортевыхъ пчелъ, съ ограниченіемъ, обмеленіемъ водныхъ бассейновъ и усиленнымъ выловомъ рыбъ изъ этихъ ограниченныхъ бассейновъ, съ уменьшеніемъ дикихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ и проч.,—падали древнія, первоначальныя зоолого-экономическія основы поселеній, и, вмѣсто нихъ, неминуемо должны были мало-по-малу изыскиваться новыя сферы и основы поселеній.

Изъ всѣхъ географическихъ областей непосредственно натуральной животной экономіи и зоолого-экономическихъ сферъ поселеній,—двѣ области были наименѣе истощимы и доселѣ еще сохраняютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, свое продуктивное, животное богатство. Это—ихтіологическая область водныхъ бассейновъ, особенно сѣверныхъ и южныхъ морей, и звѣроловная область Сибири. И въ нихъ-то еще нашли исходъ и поддержку старинныя, исключительно зоолого-экономическія основы и оккупаторская промышленность поселеній.

Изъ замѣчательныхъ изслѣдованій акад. Бэра и Данилевскаго извѣстно, какъ еще обильны рыбой наши водные бессейны, въ особенности Каспійское море. И по самому закону природы рыбъ, ихъ естественный запасъ въ водной экономіи не могъ скоро оскудѣвать и истощаться. Плодовитость рыбы, какъ извѣстно, чрезвычайно велика. Только у немногихъ изъ нихъ менѣе 1.000 икрянокъ; очень многія имѣютъ ихъ отъ 20.000 до 10.000, нѣкоторыя даже по нѣскольку сотъ тысячъ, а есть и такія породы, у которыхъ число икрянокъ считается милліонами; конечно, не всѣ эти яйца созрѣваютъ въ одинъ годъ, однако же большая часть; не всѣ также оплодотворяются, а все же, навѣрное, болѣе половины. Но если примемъ за среднее число хотя 2.000 оплодотворенныхъ яицъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, слишкомъ мало, то очевидно, что черезъ нѣсколько лѣтъ,

---

[1]) Костромская губ., стр. 272 - 276.

[2]) См., напр., Industriell Statistik der Gouvernements Wladimir—въ „Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland“, A. Erman. 1848. Bd. VI, s. 696.

всякое водохранилище и даже самое море должны бы были переполниться рыбою, если бы всѣ икрянки могли достигать совершеннаго развитія [1]). Кромѣ такой огромной плодучести рыбъ, самая медленность и слабость развитія промышленной колонизаціи и культуры русской земли благопріятствовала изобилію рыбы въ ея водахъ; потому что слабая и медленная обработка русской земли не уменьшала притока питательныхъ веществъ въ рыбныя водовмѣстилища. По такимъ естественнымъ причинамъ, когда поселенія бобровничьи, звѣропромышленныя, бортничьи и сокольничьи упадали,—рыболовческія поселенія, напротивъ, большею частію еще уцѣлѣли не только по берегамъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, но и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ областяхъ волжской системы; а съ XVI в. открылась даже новая, обширная рыболовческая колонизація по берегамъ и притокамъ Каспійскаго моря, какъ это мы уже видѣли. По тѣмъ же причинамъ, и доселѣ огромныя массы населенія въ Россіи суть исключительно рыболовческія. Напримѣръ, въ Астраханской губерніи считается до 60.000 рыболововъ, а, по словамъ Шульца, милліоны рукъ заняты каспійскимъ рыболовствомъ. На р. Уралѣ—притокѣ Каспійскаго моря, изъ 25.497 казаковъ, имѣющихъ право на участіе въ общественномъ уральскомъ рыболовствѣ, до 11.000 казаковъ и ихъ работниковъ спеціально занимаются рыбною ловлею, получая отъ нея до 1.000.000 р. сер. или около 98 р. на каждаго чистаго дохода. На прибрежьяхъ Азовскаго моря ежегодно до 13.000 человѣкъ занимаются рыболовствомъ, и устроено до 800 заводовъ [2]). На сѣверѣ, на островахъ и вокругъ озера Пейпуса въ началѣ нынѣшняго столѣтія рыбою питались до 17.000 человѣкъ [3]), а теперь рыболовческое народонаселеніе тамъ простирается до 22.000 д. об. пола. Въ Архангельской губерніи, можно сказать, все народонаселеніе (274.951 чел.) поглощено рыболовствомъ и испоконъ вѣка живетъ имъ: «море—наше поле, наша пашня»,—говорятъ поморы. Однимъ словомъ, чтобы видѣть, какъ еще обширны и важны въ народно-экономическомъ отношеніи рыболовческія поселенія въ Россіи, нужно только прочитать обширныя изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, произведенныя экспедиціей Бэра и Данилевскаго и изданныя министерствомъ государственныхъ имуществъ. Такъ, въ ихтіологической экономіи русской земли еще существуетъ изобильный резервуаръ жизненныхъ произведеній,—и въ области ея еще сохранились древнія ихтіологическія основы поселеній, сохранились и даже вновь распространились и рыболовческія поселенія. Но и эта область естественной экономіи не вѣчна и не во всѣхъ частяхъ неистощима. Рѣки и озера мелѣютъ и даже высыхаютъ, какъ, напримѣръ, обмелѣли многія устья Волги, и пересохли два рукава Урала—Нарынка и Баксай, поддерживавшіе рыбоводный водоемъ богатаго Култука. Притокъ питательныхъ для рыбъ веществъ, съ умноженіемъ и развитіемъ земледѣльческой и промышленной колонизаціи и культуры, уменьшается, какъ это Бэръ полагаетъ, напримѣръ, относительно Волги и ея притоковъ. Недостатокъ притока питательныхъ веществъ въ водовмѣстилища также уменьшаетъ приплодъ и запасъ рыбы въ нихъ, какъ это Данилевскій доказалъ относительно Бѣлаго и Ледовитаго морей. Наконецъ, рутинные способы рыболовства и усиленный, хищническій выловъ рыбы также ослабляетъ и уменьшаетъ приплодъ и

---

[1]) „Изслѣд. о сост. рыболов. въ Рос.“, т. I, стр. 25.
[2]) „Географическо-Стат. Слов.“ I, 24—25.
[3]) Storch, „Gemälde von Russland“, II, s. 183.

количество рыбы, какъ это, между прочимъ, Радде указалъ въ рыболовствѣ прибайкальскомъ. Въ силу того закона природы, открытаго Валансьеномъ и Нильсономъ, что каждая разновидность морскихъ рыбъ обитаетъ въ опредѣленномъ бассейнѣ, въ извѣстной части или мѣстности моря,—количество извѣстной разновидности можетъ быть выловлено или прогнано во время метанья икры, и, слѣдовательно, въ извѣстной части моря, промыселъ можетъ быть разоренъ. Это и опытомъ подтверждается. Нигдѣ въ свѣтѣ не было столь богатаго лова сельдей, какъ въ Швеціи, именно у береговъ Богуслена. Въ 1787 г. было поймано тамъ не менѣе 1.500.000.000 сельдей. Эти несмѣтныя стаи начали мало-по-малу уменьшаться и, наконецъ, совершенно исчезли въ этой мѣстности. Дальнѣйшія изслѣдованія о причинахъ этого бѣдствія доказали, что оно произошло отъ неразумнаго способа, которымъ производился сельдяной промыселъ. Такъ и въ нашихъ водныхъ бассейнахъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ и особенно по причинѣ неразумныхъ способовъ лова и разныхъ злоупотребленій во время метанія рыбами икры, замѣтно уменьшеніе нѣкоторыхъ породъ рыбъ, даже въ самомъ богатомъ рыбою Каспійскомъ морѣ. «Нельзя не признать,—говоритъ Бэръ,—уменьшенія иныхъ породъ рыбы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, для нѣкоторыхъ породъ даже и общаго уменьшенія на всемъ пространствѣ моря... Нельзя не признать медленнаго, повсемѣстнаго уменьшенія тѣхъ рыбъ, которыя для метанія икры должны подниматься высоко по рѣкамъ, каковы: осетры, шипы, севрюги, бѣлуги и лососи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уменьшеніе начинаетъ становиться замѣтнымъ, въ другихъ оно довольно уже сильно, въ третьихъ, наконецъ, оно идетъ столь быстро, что не можетъ не возбудить опасеній [1])». Вслѣдствіе такихъ естественныхъ условій рыбной экономіи водной природы, очевидно, и рыболовческія поселенія не вполнѣ гарантированы природой отъ экономическаго упадка. Такъ, напримѣръ, рыболовческія поселенія уральскаго казачества мало-по-малу уменьшаются. Многіе казаки оставляютъ рыболовство и переходятъ къ другимъ занятіямъ, и преимущественно къ скотопромышленности, такъ что въ 1845 г. казаковъ-рыболововъ было 8.674 человѣка, а въ 1854 г. уже только 6.882. Именно число казаковъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ рыболовствѣ, было:

Въ 1845 г.	8.674
» 1847 »	8.402
» 1848 »	7.456
» 1850 »	7.401
» 1854 »	6.882 [2]).

Вообще, въ юго-восточной Россіи рыболовство все больше и больше не составляетъ исключительной основы поселеній, и многія рыболовческія поселенія становятся частію земледѣльческими и, главнымъ образомъ, скотоводческими. И потому скотоводческія поселенія, какъ увидимъ, тамъ преобладаютъ. Напримѣръ, въ Астраханской губ., при одномъ изъ самыхъ рыболовныхъ бассейновъ — Каспійскомъ морѣ, рыболовческаго населенія считается, какъ мы сказали, до 60.000 человѣкъ, а скотоводческаго до 400.000. Въ волжской водной системѣ, съ развитіемъ земле-

[1]) „Изсл. о сост. рыболов." т. II, стр. 165, 167.
[2]) Ibid., т. V, стр. 32.

дѣльческой колонизаціи и культуры, а также фабрично-промышленныхъ поселеній и, вслѣдствіе того, съ ослабленіемъ или уменьшеніемъ притока жизненныхъ элементовъ въ ихтіологическіе источники экономіи — водохранилища, также мало-по-малу упадаютъ рыболовческія поселенія. Напримѣръ, въ Рязанской губерніи, рыболовческія поселенія, по незначительности рыбнаго улова, оставляютъ рыболовство, обращаются въ торговопромышленныя поселенія, и многіе рыболовы занимаются уже, вмѣсто рыболовства, луговодствомъ и сѣноторговлей, портняжествомъ, питейною частью, судостроеніемъ, лоцманствомъ и бурлачествомъ [1]). Ихтіологическія изслѣдованія Бэра положительно и ясно раскрыли намъ естественно-историческій законъ развитія и упадка рыболовческихъ поселеній и показали естественную зависимость ихъ судебъ отъ успѣховъ развитія земледѣльческой и промышленной колонизаціи и культуры. «Экономія природы относительно водныхъ бассейновъ,— говоритъ Бэръ,—вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ: на твердой землѣ происходитъ ежегодно новый растительный покровъ. Къ образованію его служатъ, конечно, отчасти содержащіеся въ почвѣ органическіе остатки прежнихъ поколѣній и минеральныя частицы, чрезвычайно медленно выдѣляющіяся изъ камней, но еще въ гораздо большей мѣрѣ вода и части атмосферы. Значительное количество веществъ, составляющихъ этотъ растительный покровъ, превращается ежегодно черезъ посредство травоядныхъ животныхъ различныхъ классовъ въ животное вещество, а черезъ посредство хищныхъ переходитъ и въ разныя другія животныя. Остатокъ ежегодно образующагося растительнаго вещества, испражненія животныхъ и самые трупы ихъ, поскольку они не пожираются другими животными, частію обращаются въ пользу самой почвы, частію же сносятся рѣками или весенними разливами и дождями въ разные водоемы и, большею частію, достигаютъ моря. Къ тому же еще въ атмосферу возвращается улетучиваніемъ гораздо болѣе изъ органическихъ веществъ, остающихся на твердой землѣ, нежели изъ тѣхъ, которыя попадаютъ въ воду. Эти послѣднія, мало-по-малу разлагаясь, питаютъ разныхъ мелкихъ животныхъ, которыми, въ свою очередь, питаются рыбы. Рыбы же столь плодовиты, что сколько ни поѣдаютъ ихъ другія животныя, и ни вылавливаетъ человѣкъ, ихъ все же столько подростаетъ, по крайней мѣрѣ говоря вообще, сколько можетъ пропитываться. Однимъ словомъ: водные бассейны суть поля, которыя удобряются вслѣдствіе того простого закона, что вода повинуется силѣ притяженія, и которыя, вслѣдствіе плодучести рыбъ, доставляютъ количество сѣмянъ, не только соотвѣтствующее количеству этого удобренія, но даже и излишнее. Человѣку остается лишь жать. Этимъ, кажется намъ, разрѣшили мы вопросъ, почему въ малообработанныхъ странахъ больше рыбы, чѣмъ въ болѣе воздѣланныхъ. Земледѣліе отнимаетъ у всеобщаго хозяйства природы сколь возможно болѣе остатковъ органической жизни, употребляя ихъ на удобреніе своихъ полей и на кормъ своему скоту, для того, чтобы первыя давали ему хлѣбъ, а второй мясо и молоко. Но, сверхъ того, оно еще превращаетъ дикія мѣстности въ поля и вырубаетъ лѣса. Тамъ, гдѣ прежде рѣки ежегодно уносили съ собою массы деревьевъ, которыя, весьма медленно сгнивая, доставляли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ органическія вещества растворяющей силѣ воды,—тамъ протекаетъ теперь рѣка, которая, можетъ быть, даже ежегодно расчищается. Какъ же можетъ, послѣ этого,

[1]) „Рязан. губ.“ „Матер. для геогр. и стат.“ 226—230, 166, 344.

озеро, въ которое впадаетъ эта рѣка, производить такое же количество органической жизни, какъ прежде, особенно, если еще человѣкъ ежегодно употребляетъ на себя значительную долю произведеній этого озера—рыбъ. Собираютъ плоды, а не вознаграждаютъ убыли удобреніемъ. Если же за всѣмъ тѣмъ органическая жизнь не прекращается въ озерѣ, то это показываетъ только, какое множество органическаго вещества доставляютъ ему дожди и тающіе снѣга, несмотря на всю алчность человѣка. Но тамъ, гдѣ земледѣліе производится уже издревле, какъ, напримѣръ, въ Италіи, гдѣ каждое утро собираютъ съ дорогъ испражненія ословъ и лошаковъ, тамъ приводитъ насъ въ удивленіе скудость органической жизни въ рѣкахъ и озерахъ, несмотря на благопріятную для органической жизни теплоту климата. Но не однимъ только земледѣліемъ ограничивается органическая жизнь въ водѣ; и прочія отрасли промышленности содѣйствуютъ тому же. Мельничныя плотины преграждаютъ притокъ воды сверху и бываютъ причиною того, что большая часть органическихъ веществъ превращается въ мельничныхъ прудахъ въ илъ. Разнаго рода фабрики и заводы оказываютъ подобное же дѣйствіе, сообщая водѣ еще минеральныя вещества, которыя перестаютъ быть вредными только тогда, когда распредѣляются по обширнымъ водоемамъ. Сверхъ того, плотины эти препятствуютъ разнымъ породамъ рыбъ достигать до назначенныхъ имъ природою мѣстъ метанія икры. Если справедливо, какъ это утверждаютъ, что большія породы осетровъ въ Волгѣ значительно убываютъ, то я склоненъ полагать, что настоящая причина этого заключается въ увеличеніи промышленности въ странахъ, орошаемыхъ притоками Волги. Такимъ образомъ, виною уменьшенія въ количествѣ рыбы не всегда бываетъ усиленное рыболовство. При практическомъ примѣненіи этихъ замѣчаній, необходимо, однако, принимать во вниманіе различную величину и глубину водныхъ бассейновъ, а также и самые способы рыбной ловли. Чѣмъ меньше водоемъ, тѣмъ сильнѣе на него дѣйствіе рыболовства... Балтійское море, хотя и въ связи съ океаномъ, но составляетъ собою столь замкнутый бассейнъ, что оно занимаетъ какъ бы средину между большими озерами и океаномъ. Поэтому, не только возможно, но вѣроятно и даже необходимо, что возрастающая въ окрестныхъ странахъ культура, обращеніе лѣсовъ и пустырей въ поле, вытѣсненіе дикихъ животныхъ домашними, употребленіе морскихъ водорослей на удобреніе полей и т. д. мало-по-малу уменьшили количество питательныхъ веществъ въ балтійскомъ бассейнѣ. И дѣйствительно, историки единогласно утверждаютъ, что древнѣйшія извѣстія указываютъ на несравненно большее изобиліе въ рыбѣ за нѣсколько столѣтій тому назадъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тогда добывали рыбу съ гораздо меньшими усиліями» [1]). Такимъ образомъ, значитъ, какъ земледѣльческія поселенія, вслѣдствіе изобилія питательныхъ веществъ или удобренія въ почвѣ, и при раціональныхъ способахъ хлѣбопашества, развиваются и распространяются, а вслѣдствіе истощенія и неудобренія или безумнаго расхищенія почвы, падаютъ, такъ, въ связи съ ними, и рыболовческія поселенія, при изобильномъ притокѣ въ водные бассейны питательныхъ веществъ изъ почвы и при раціональныхъ способахъ рыбныхъ промысловъ, распространяются и процвѣтаютъ, а вслѣдствіе недостатка питательнаго, органическаго удобренія водныхъ бассейновъ и неразумныхъ способовъ рыболовства, упа-

[1]) „Изслѣд. о состоян. рыболовства въ Россіи“. Т. I, стр. 27—29.

даютъ. И паденіе ихъ тѣмъ неизбѣжнѣе, чѣмъ плотнѣе распространяется въ окрестностяхъ водныхъ. рыболовныхъ бассейновъ земледѣльческая колонизація и культура. Такъ, съ распространеніемъ промышленно-земледѣльческихъ селъ и фабрично-заводскихъ городовъ, пали древнія рыболовческія поселенія во внутреннихъ, приволжскихъ областяхъ, напримѣръ, въ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Владимірской, Костромской, Рязанской, Казанской, Воронежской и др. Вслѣдствіе тѣхъ же ихтіологическихъ законовъ бывало и такъ, что убыль извѣстныхъ породъ рыбы неминуемо влекла за собою паденіе рыболовческихъ поселеній, такъ что жители ихъ принуждены были искать въ другихъ мѣстахъ и промысловъ и поселеній. Такъ, напримѣръ, въ новѣйшее время приходили въ упадокъ рыболовческія поселенія около Чудскаго озера, когда нѣкоторыя породы рыбъ стали очень рѣдки, какъ, напримѣръ, лещи, а другія почти и совсѣмъ исчезли, какъ, напримѣръ, сиицы и шерешперы. «Доказательствомъ этого,—говоритъ Бэръ,—я считаю слѣдующія обстоятельства: 1) еще въ прошломъ столѣтіи число крестьянъ и мѣщанъ, приходившихъ на Чудское озеро, чтобы поселиться тамъ съ цѣлію производить въ немъ рыболовство, непрестанно возрастало. Въ особенности стремились русскіе рыбаки къ лифляндскому берегу, который заселенъ поэтому нынѣ большею частью русскими. Но, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, это стремленіе значительно ослабѣло; теперь же переселенія эти, можно сказать, совершенно прекратились. 2) Съ другой стороны, возрастаетъ число тѣхъ, которые изъ прибрежныхъ селеній Чудскаго озера ищутъ себѣ работы и промысловъ на сторонѣ; съ западнаго берега идутъ они въ Лифляндію, чтобы внутри страны заниматься рыболовствомъ, копаньемъ рвовъ и т. п.; съ восточнаго же отправляются въ С.-Петербургъ. 3) Въ рыболовныхъ деревняхъ около Чудскаго озера, еще лѣтъ за 20 тому назадъ, строились очень хорошіе каменные одно-этажные и даже двухъ-этажные дома, чего теперь уже не бываетъ» [1]).

Другая зоолого-географическая область—обширная и мало разработанная звѣриная экономія Сибири, гдѣ находили еще себѣ время и отчасти доселѣ находятъ исходъ и поддержку старыя, непосредственно натуральныя хозяйственныя основы поселеній, тоже, и еще болѣе, не была неистощима, неизмѣнчива, и не сулила на вѣчные вѣки экономическаго благосостоянія и прогресса. Великорусскіе торговые и промышленные люди, а также царскіе служилые люди, воспитанные въ традиціяхъ старыхъ «бобровниковъ», вскормленные въ хозяйствѣ старыхъ великорусскихъ «бобровничьихъ деревень», съ жадностью устремились въ Сибирь главнымъ образомъ за соболями и бобрами. Соболь и бобръ, составлявшіе финансовое основаніе и богатство московскаго государства, были для нихъ и золотомъ и магнитомъ. Когда въ метрополіи пали бобровничьи поселенія,—торговые, промышленные и служилые люди стали въ Сибири основывать новыя соболиныя и бобровничьи колоніи, въ видѣ промышленныхъ ясачныхъ зимовей, остроговъ и городовъ. Но, по закону природы, въ естественной, зоологической исторіи Сибири, такъ же, какъ и въ древней Россіи, хотя медленно, но совершалась существенная перемѣна. Частію вслѣдствіе естественныхъ отношеній, частію вслѣдствіе умноженія звѣролововъ и ихъ безумно-преслѣдовательныхъ и запугивающихъ звѣрей промысловъ, частію, наконецъ, вслѣдствіе истребленія многихъ лѣсовъ и распространенія земледѣльческой колони-

---

[1]) Ibid., 4.

заціи, дорогіе лѣсные звѣри убывали и замѣщались дешевыми грызунами. Вмѣсто соболя, этого золота, капитала и мѣрила богатства древней Россіи, умножались какіе-нибудь зайцы, не имѣвшіе тогда почти никакой цѣны и малый запросъ. Худое предзнаменованіе было для экономіи и судебъ древней Россіи, когда заяцъ сталъ умножаться, вмѣсто соболя, на переходѣ отъ древней къ новой Россіи, на пути распространенія звѣроловныхъ и земледѣльческихъ колоній. Между тѣмъ это было естественно. Заяцъ лучше распространяется тамъ, гдѣ нѣтъ сплошного лѣса, но гдѣ есть вблизи поля и пашни, или гдѣ смѣняются поля и кустарники. И для лисицы такія мѣста также благопріятны, приманчивы, такъ какъ въ нихъ распространяются зайцы. Когда недостатокъ сплошного, густого лѣса выгоняетъ соболя, тогда свободно умножается болѣе непреслѣдуемая имъ бѣлка и приноситъ въ годъ болѣе 40 дѣтенышей, распложаясь въ 10 лѣтъ отъ одной пары на 9-ю или 3.486, 784, 401 пару [1]. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ соболь убывалъ,—умножались недорогіе звѣри—зайцы, лисицы, бѣлки и другіе. Эта медленная зоологическая перемѣна производила радикальный переворотъ и въ экономическомъ, земско-хозяйственномъ строѣ не только сибирскихъ колоній, но и самой метрополіи—московской Россіи, такъ какъ не зайцы, а соболи и бобры составляли изстаринную основу ея финансово-мѣховой-экономіи. Изстаринный, ветхій, такъ сказать, мѣховой складъ экономіи древней Россіи, ея первобытный, вѣковой земскій строй, на почвѣ исключительно звѣриной, на казнѣ бобровой и соболиной, естественно рушился, такъ какъ постепенно рушились всѣ ея древніе станы и деревни бобровничьи. И на мѣсто древнихъ бродячихъ, *ухожайныхъ*, зоолого-экономическихъ поселеній, по неизбѣжному ходу и взаимодѣйствію естественной исторіи русской земли и земства, необходимо должны были мало-по-малу воздвигаться, въ области экономіи природы, новыя, наиболѣе прочныя и производительныя основы поселеній и культуры, напримѣръ, минералогическія или горнозаводскія и другія. И вотъ какъ совершался этотъ естественно-историческій переворотъ—процессъ разрушенія старой мѣховой, звѣропромышленной экономіи, а съ нею и самого земскаго строенья древней Россіи. Въ ясакѣ и перестановкѣ предметовъ, количествъ и цѣнностей пушного товара выразилось прежде всего начало радикальной перемѣны въ экономіи древней и новой Россіи. Съ постепенною убылью соболей и съ постепеннымъ затрудненіемъ и упадкомъ соболиныхъ промысловъ, на что рано и часто стали жаловаться служилымъ людямъ инородческіе звѣроловы,—безпощадно взыскиваемый сборъ ясака быстро упадалъ. Сначала, пока соболи въ Сибири еще не были слишкомъ преслѣдуемы и запугиваемы, ясачные инородцы щедро платили ясакъ одними соболями, рѣдко съ самой незначительной придачей недорогихъ звѣрей. Ермакъ уже въ сентябрѣ 1581 года, около одного Тобольска, собралъ и прислалъ въ Москву 2.400 соболей, а лисьихъ шкуръ только 20. Остяки на Сосвѣ добровольно согласились ежегодно платить по 280 лучшихъ соболей [2]). Другіе остяки платили по 11 соболей съ каждаго стрѣлка [3]). Но уже въ 1608 году, въ Пелымѣ, эта плата уменьшилась на 7 соболей, да и это количество уплачивалось не сполна. Миллеръ считалъ особенно богатымъ ясачнымъ сборомъ въ 1598 году 2.700 соболей, а въ

[1]) Baer, „Uebersicht des Jagd-Erwerbes in Sibirien, besonders in östlichen“—въ „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“, Bd. VII, s 193—195.

[2]) Карамзинъ, IX, прим. 13, Fischer „Sibirisch. Gesch.“, B. d. 1, s. 252.

[3]) „Samml. Russ. Gesch.“ Bd. VI, s. 501.

1609 году уже менѣе—2.679 соболей [1]). Вогулы, въ числѣ 555 взрослыхъ мужчинъ, прежде сполна платили 6.897 соболей, а спустя нѣсколько времени уже не могли доплачивать 3.012 соболей. Въ 1649 году ясачные тунгусы жаловались въ особой челобитной: «многіе де торговые и промышленные люди изъ якутскаго острога приходили къ нимъ на ихъ жировья, и звѣрь соболя опромышляли и лисицъ выбили, и гдѣ они прежь сего промышливали на стороннихъ рѣкахъ, и торговые-де и промышленные люди своими промыслами, зимою съ самаго первозимья и до весны сѣкутъ кулемникъ, и тѣми кулемниками, съ той же статьи, что и бобры ловятъ капканами и *корень соболиный вывели*... Въ прошлыхъ годахъ, до пріѣзду прежнихъ воеводъ, на ужину добывали такими кулемами въ зиму сорока 3 и по 4 и по 5 и по 6 и по полусеми сорока на человѣка, а нынѣ на тѣ рѣки промышленные люди ходить перестали, потому что соболи опромышляли, а которые при нихъ и ходили на тѣ рѣки, и они всего на ужину добывали соболей по 15 и по 20, потому что соболь весь въ якутскомъ уѣздѣ на ближнихъ рѣкахъ, въ которые ясачныя зимовья на годовую службу служилые люди посылаются, торговые и промышленные люди своими промыслами, кулемами опромышляли» [2]). Вообще, промыселъ соболей, а съ ними и ясакъ и пушное богатство древней Россіи такъ быстро упадали, что ко времени Палласа (по крайней мѣрѣ, въ Красноярскѣ) положено было ясаку уже только отъ 1 до 2 соболей, да и тѣ большею частію замѣнялись другими шкурами, даже оленьими, или же деньгами [3]). За незаплаченнаго соболя брали 1 рубль. Во время путешествія Фалька, многія инородческія волости платили ясакъ или соболями, или большею частію деньгами. Напр., у Чулымскихъ татаръ, въ Курсуковой волости 213 д. м. п. должны были платить или 226 соболей, или же деньгами 113 р., въ Мелецкой волости 100 д.—250 соболей или 175 р. и т. д. [4]) Еще ранѣе Крашенинниковъ писалъ: «Когда сибирское государство подъ россійскую державу приведено еще не было, но состояло подъ владѣніемъ невѣрныхъ народовъ: тогда по всей Сибири соболей было множество, особливо по Ленѣ рѣкѣ въ бору, который начинается отъ устья рѣки Олекмы и продолжается внизъ по р. Ленѣ до рѣчки Агари верстъ на 30. Съ начала покоренія Сибири соболиная ловля была столь богатая, что оное мѣсто богатымъ наволокомъ прозвано. Но нынѣ не токмо тамъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ есть россійскія поселенія, нѣтъ никакого соболинаго промысла: для того, что соболи близь жилья не водятся, но въ пустыхъ лѣсахъ и по высокимъ горамъ въ отдаленіи» [5]). Въ то время какъ соболь такимъ образомъ убывалъ,—умножались дешевые пушные звѣри, и возраставшая убыль и цѣнность соболя замѣнялась количественною прибылью дешевыхъ звѣрей. Это можно видѣть изъ сравненія слѣдующихъ цифръ. Въ 1594 году Федоръ Іоанновичъ, въ видѣ субсидіи, отправилъ въ Австрію:

40.360 соболей или 1.009 сороковъ цѣною . . .	на	28.207	р.
519 куницъ	»	5.190	»

[1]) Ibid., VII, s. 25—27.

[2]) Доп., III, № 57. Баргузин. тунгусы „ясакъ не могли упромыслить, потому что соболя де нѣтъ". Доп., VII, № 32. Охотскіе тунгусы сами покупали соболей на оленей и холоповъ. Доп., VII, № 61, Грам. III.

[3]) Pallas, „Reise", III, s. 4.

[4]) Falk's „Reise", III, Abth. VI, s. 554—556.

[5]) „Опис. Камчатки", т. I, ч. II, стр. 234—235.

120	черныхъ и чернобурыхъ лисицъ . . .	»	565	р.
337.235	бѣлокъ.	»	6.744	»
3.000	черныхъ бобровъ.	»	2.708½	»
1.000	волчьихъ шкуръ.	»	530	»
75	оленьихъ шкуръ	»	75	»

Въ 1793 году, по статистическимъ даннымъ Шторха, изъ всѣхъ гаваней. исключая каспійской, отпущено было за границу мѣховъ и шкуръ.

Сѣрыхъ зайцевъ.	на	266.215	р.
Бѣлыхъ зайцевъ.	»	31.725	»
Бѣлокъ.	»	26.712	»
Медвѣжинъ	»	18.013	»
Мерлушекъ	»	14.864	»
Горностаевъ и песцовъ. . .	»	13.309	»
Лисицъ и куницъ	»	8.543	»
Волчьихъ шкуръ	»	3.325	»
Соболей	»	442	»
Всѣхъ вообще мѣховъ . . .	»	396.337	»

Отсюда видно, что заячьи мѣха превышаютъ $^2/_3$ всей суммы, всѣ прочія мѣха составляютъ, слѣдовательно, только $^1/_3$. И соболь между ними составляетъ уже самую ничтожную часть, только $^1/_{900}$ всей суммы [1]). Заяцъ, такимъ образомъ, замѣстившій соболя въ географическомъ распредѣленіи сибирской фауны, замѣстилъ его и въ народной промышленности и въ торговлѣ сталъ на первомъ мѣстѣ. Въ 1673 году, по свидѣтельству Кильбургера, отпущено было за границу черезъ Архангельскъ и Остзейскую границу только 43 заячьихъ шкуры, а въ 1749 году ихъ вывезено было уже 347.989 штукъ. Соболь, стоявшій на первомъ планѣ въ древней Россіи, составлявшій мѣрило и основаніе ея богатства, ея основной и оборотный капиталъ, соболь въ новой Россіи сошелъ на послѣднее мѣсто. Тогда какъ въ древней Россіи, въ 1673 году соболей отпущено было за границу 23.200 и собольихъ хвостовъ 18.742, въ 1840 г. ихъ вывезено было только 30, а въ 1841 году—ни одного. Вотъ, напр., вывозъ изъ с.-петербургскаго порта:

Виды шкуръ.	1838.	1839.	1840.	1841.
Бѣличьихъ шкуръ. . .	378.060	2.010.266	674.506	1.080.347
— хвостовъ . .	1.796.012	1.856.849	2.330.950	1.955.345
Зайцевъ сѣрыхъ . . .	44.650	91.819	128.610	39.367
— бѣлыхъ . . .	8.900	—	6.000	27.120
Горностаевъ.	45.320	56.680	18.193	65.130
Кошачьихъ мѣховъ . .	411	1.164	1.246	—
Барсуковъ	154	1.961	1.679	541
Соболей.	710	53	30	—

---

[1]) Storch, „Supplem." s. 43. Baer, s. 133, 146–147.

Такъ соболь, составлявшій первый и преобладающій элементъ экономіи и богатства древней Россіи, теперь, въ сферѣ новой экономіи Россіи, почти совершенно потерялъ свое значеніе въ народномъ богатствѣ. И вообще, съ паденіемъ старой, звѣропромышленной системы народнаго хозяйства, не только соболь, но и всѣ дорогіе пушные звѣри, обусловливавшіе прежде существованіе и распространеніе обширныхъ бобровничьихъ и звѣроловныхъ поселеній, все болѣе и болѣе уступаютъ преимущество даже самымъ грубымъ продуктамъ поселеній земледѣльческихъ и скотоводческихъ. Теперь даже какая-нибудь щетина—самый грубѣйшій волосъ, какой производятъ земледѣльческія и скотоводческія поселенія, кромѣ внутренняго потребленія, доставляетъ въ народную экономію изъ-за границы гораздо большее количество денегъ или товаровъ, чѣмъ соболь, даже болѣе, чѣмъ всѣ дорогіе мѣха и шкуры, взятые вмѣстѣ, и, можетъ быть, даже столь же много, какъ всѣ вмѣстѣ охотничьи звѣри. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ выручки въ «Видахъ торговли»:

Въ годы.	За щетину.	За зайцевъ.	За другіе пушные товары.
1838 . . .	6.151.214	602.096	5.309.869 р.
1839 . . .	5.972.461	1.357.921	5.832.727 »
1840 . . .	1.226.414	425.914	1.197.722 »

Вообще доходъ отъ всѣхъ пушныхъ товаровъ въ 1840 г. былъ на 200.000 р. с. менѣе дохода отъ щетины. Точно также, звѣриные мѣха и въ народномъ потребленіи уступаютъ мѣсто продуктамъ земледѣльческихъ, скотоводческихъ, или мануфактурно-промышленныхъ поселеній, наприм., льнянымъ тканямъ, полотнамъ, или овчинамъ и т. п. Тогда какъ нынѣ русское народонаселеніе, сельское и городское, потребляетъ, по меньшей мѣрѣ, до 13.700.000 овчинъ на сумму 16.000.000 р. с., а полотенъ, по исчисленію Тенгоборскаго, до 715.000.000 аршинъ, на сумму до 63.000.000 р. с., или сукна до 239.621.000 фунтовъ на сумму 45.347.000 р. с.,—бѣличьихъ мѣховъ, по исчисленію Бэра, всего на все потребляется въ Россіи только отъ 8 до 10.000.000 штукъ, на сумму не болѣе какъ отъ 800.000 до 1.000.000 р. с. Такъ, въ новой экономіи народа, несмотря на всю ея неразвитость и рутинность, продукты поселеній земледѣльческихъ, скотоводческихъ и особенно, мануфактурно-промышленныхъ мало-по-малу вытѣсняютъ и замѣщаютъ продукты старыхъ, древне-русскихъ бобровничьихъ, звѣропромышленныхъ поселеній, такъ же какъ ленъ, тонкорунная овца, шелковичный червь и другіе проводники земледѣльческой, скотоводческой и мануфактурно-промышленной колонизаціи и культуры замѣщаютъ и вытѣсняютъ соболя, бобра и другихъ дикихъ, охотничьихъ звѣрей. Наконецъ, капиталъ, который приводилъ въ движеніе поселенія звѣропромышленныя, въ отношеніи капитала, движимаго индустріальными, промышленными поселеніями, такъ все больше и больше дѣлался незначительнымъ, что его недостаточно было уже на удовлетвореніе даже одной новой индустріальной потребности. Напримѣръ, въ 1768 г., по словамъ Гюльденштедта, весь доходъ отъ пушныхъ товаровъ простирался только до 450.000 р., тогда какъ русское государство тогда же платило за границу за одно индиго до 494.000 руб. Въ 1840 г. зайцевъ и другихъ пушныхъ звѣрей продано было не болѣе какъ на 2.124.720 р. сер.,—а за индиго заплачено было 3.245.500 р. серебромъ [1]).

[1]) Baer. s. 203.

Вслѣдствіе такой естественно-исторической эксплуатаціи, старыя, исключительно звѣропромышленныя основы поселеній неизбѣжно мало-по-малу рушились и въ самомъ царствѣ пушныхъ звѣрей—въ Сибири, все больше и больше замѣщались поселеніями земледѣльческими, скотоводческими, торговыми, мануфактурно-промышленными, горнозаводскими и другими. Съ какой быстротой и энергіей основывались въ XVII в. звѣропромышленныя и ясачныя зимовья, съ такой же быстротой они потомъ упадали. Гдѣ, напримѣръ, теперь эти десятки русскихъ звѣропромышленныхъ зимовей и поселеній по берегамъ Ледовитаго моря, при устьяхъ Енисея, по Хатангѣ, Таймуру и Пясидѣ? Большею частію всѣ исчезли. Прежде, по словамъ Гмелина, русскіе, по изобилію звѣриныхъ промысловъ, ни на какой сѣверной рѣкѣ не селились въ такомъ множествѣ, какъ по Енисею. «Отъ Мангазеи,—говоритъ онъ,—до моря, даже по берегамъ моря до Пясиды и до Хатанги, и вдоль по Хатангѣ устроены были все русскія поселенія, изъ которыхъ одни были временныя, а другія прочно-осѣдлыя, и заселены были многими семействами. Въ Хатангскомъ погостѣ, подъ 68½ с. ш., былъ даже приходъ съ церковью [1]). Теперь же число русскихъ поселенцевъ на нижнемъ Енисеѣ самое ничтожное, а на берегахъ Ледовитаго моря они и вовсе исчезли. Даже еще за 70 лѣтъ назадъ число русскихъ въ этихъ арктическихъ странахъ было гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. Георги говоритъ, что въ Хатангскомъ погостѣ въ 1771 г. жило 452 русскихъ об. п. Теперь же, по словамъ одного извѣстія, «Russen giebt es dort nicht und nur drei Höfe ansässiger iakuten» [2]). Ни въ Якутскомъ краю, ни въ Приморской области, ни въ Пріалтайскомъ, ни въ Забайкальскомъ краю, словомъ ни въ западной, ни въ восточной Сибири, нигдѣ теперь уже нѣтъ спеціальныхъ русскихъ звѣропромышленныхъ и ясачныхъ зимовей XVII вѣка, а вездѣ мало-по-малу распространяются обыкновенныя села и деревни, преимущественно скотоводческія и земледѣльческія, да города, въ родѣ Иркутска, Нерчинска, Якутска, Олекминска, Вилюйска, Верхне-Колымска и т. п. Вновь приходящіе изъ Россіи колонисты, каждый годъ переселяющіеся крестьяне уже не садятся на соболиные промыслы, а на пашни. Вмѣсто звѣропромышленныхъ зимовей и поселеній, теперь и на сѣверѣ Сибири начинаютъ распространяться поселенія скотоводческія, на югѣ же давно уже распространяются колоніи и селенія земледѣльческія и скотоводческія. На сѣверѣ, наприм., въ березовскомъ краю звѣроловство далеко уже не окупаетъ и не покрываетъ всѣхъ нуждъ жителей: ловъ звѣря простирается только на сумму до 92.000 р., тогда какъ, взамѣнъ того, въ округъ ежегодно требуется и ввозится товаровъ на 110.000 р., и болѣе половины этой суммы составляетъ стоимость ввозимаго хлѣба [3]). При существованіи здѣсь такого ввоза и, слѣдовательно, торговыхъ транспортовъ, содержаніе лошадей представлялось прежде всего выгоднымъ для перевозки купеческихъ кладей. Поэтому, звѣропромышленныя поселенія въ этомъ краю становятся мало-по-малу скотоводческими. Скотъ, не удержавшійся здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи, во время Палласова путешествія, въ настоящее время уже хорошо акклиматизированъ. Въ березовскомъ краю, въ 1860 г. лошадей считалось 1.470, рогатаго

---

1) Gmelin's, „Reise durch Sibirien", Bd. III, s. 215—216.

2) „Neueste Nachrichten über die nordlichste Gegend von Sibirien zwischen en Flüssen Pjassida und Chatanga", Beitr. z. Ken. q. k. k. s. 287—280. 292.

3) „Георг. Словарь", I, 244 –245.

скота 850, овецъ 70, свиней 54. Венгерскій путешественникъ Регули, полагая здѣсь границы скотоводства, говоритъ: «Разведеніе лошадей, не болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, стало распространяться между остяками отъ Самарова, на устьѣ Иртыша, внизъ по теченію р. Оби, и простирается въ настоящее время (въ 1847 г.) уже до деревни Кушеватской, слѣдовательно болѣе чѣмъ на 600 верстъ отъ Самарова. Прежде всѣ торговыя сношенія Березова съ Самаровымъ производились на собакахъ, и еще недавно перевозка товаровъ представляла купцамъ значительныя затрудненія; но во время пребыванія моего въ Березовѣ (въ 1845 г.), многіе остяки, побуждаемые желаніемъ прибыли, уже стекались въ городъ для перевозки купеческихъ товаровъ въ Самаровъ. Вмѣстѣ съ лошадьми разводится также и рогатый скотъ, именно коровы», и проч. [1]). Въ Енисейской губерніи также скотоводческія поселенія мало-по-малу вытѣсняли и вытѣсняютъ звѣроловческія. Въ южныхъ, пріалтайскихъ степяхъ и равнинахъ, по верхнему Енисею и его притокамъ, преобладаютъ обширныя скотоводческія поселенія качинцевъ, кайбаловъ, бельтировъ и русскихъ. На сѣверѣ, полярною границею распространенія крупнаго рогатаго скота и лошади, а съ ними и скотоводческихъ починковъ, можно считать $68^1/_2$ с. ш. Въ Якутской области, въ то время, какъ многія племена, въ родѣ омоковъ, шелаговъ, анюиловъ и другихъ, съ упадкомъ звѣроловства и вслѣдствіе крайней бѣдности вымирали отъ повальныхъ болѣзней,— якуты пережили этотъ тяжелый зоолого-экономическій кризисъ и нашли спасеніе въ скотоводческихъ поселеніяхъ. «Своимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ,—говоритъ Врангель,—они водворили скотоводство и коневодство въ странѣ, по качествамъ климата и почвы, казавшейся къ тому совершенно неспособной» [2]). Не оставляя звѣроловства, какъ весьма выгоднаго подспорья въ жизни, они, главнымъ образомъ, суть проводники на крайнемъ сѣверо-востокѣ скотоводческихъ поселеній. «Они,—говоритъ Врангель,—народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство ихъ заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ имъ почти все нужное для пропитанія и содержанія» [3]). «Повсюду здѣсь у якутовъ,—говоритъ Ерманъ, богатое скотоводство. Подъ 62° с. ш., якуты гораздо больше заботятся о разведеніи и содержаніи рогатаго скота, чѣмъ всѣ другіе пастушескіе народы. Невольно чувствуешь удивленіе, когда здѣсь на глубокихъ снѣгахъ и при суровѣйшихъ морозахъ видишь цвѣтущее скотоводство» [4]). Вездѣ, гдѣ только климатъ поумѣреннѣе—въ долинахъ, защищенныхъ холмами и рощами отъ суроваго вліянія полярныхъ вѣтровъ, въ родѣ наслѣговъ или лѣтовій средне-колымскихъ, въ олбутахъ или равнинахъ, высыхающихъ лѣтомъ изъ-подъ озеръ и весеннихъ разливовъ, въ родѣ долины Міоре, лѣтовья Сыгли—Этарга и мн. др., въ гористыхъ странахъ, въ родѣ долинъ Верхоянскихъ,—вездѣ въ такихъ мѣстахъ, по свидѣтельству Врангеля, водворены богатые скотоводческіе наслѣги якутовъ и пасутся многочисленныя стада рогатаго скота и конскіе табуны [5]). Въ юго-восточной Сибири еще замѣтнѣе совершается это естественно-историческое преобразованіе звѣроловческихъ поселеній въ скотоводческія и земледѣльческія. Бродячіе тунгусы, напримѣръ, самый звѣропромышленный народъ, до

---

1) Письмо Регули. „Зап. р. геогр. Общ.", 1849 г., кн. III, стр. 166.
2) Врангель, II, стр. 67—68.
3) Ibid., I, 183.
4) Erman, „Reise", II, s. 244—245.
5) Врангель, I, 182, II, 64, 353 и др.

страсти преданный охотѣ, считающій первымъ догматомъ своей вѣры и жизни — не сидѣть на одномъ мѣстѣ, бродить и бродить по лѣсамъ, на лыжахъ,—и эти тунгусы переходятъ къ осѣдлости не только скотоводческой, но и земледѣльческой. Къ этому ведетъ ихъ именно истощеніе звѣриныхъ промысловъ. Въ нерчинскомъ краю, нынѣшніе старики тунгусы съ горестнымъ чувствомъ и почти со слезами вспоминаютъ и говорятъ, что земля, лѣса и самые люди уже не тѣ, что были прежде; что Нерча лѣтъ за 50 обильна была звѣремъ крупнымъ и мелкимъ, бѣлка считалась ни почемъ, а соболь водился въ такомъ множествѣ, что составлялъ единственный предметъ торговли, а нынѣ и бѣлка едва-едва попадается; вершина Нерчи, Яблонный хребетъ и та часть горъ, которая идетъ къ Олекминскимъ притокамъ, была, по словамъ стариковъ—тунгусовъ, въ особенности обильна соболями и всякимъ звѣремъ; тунгусы стекались сюда толпами и круглый годъ били звѣря; а теперь едва попадаются мелкіе звѣрки [1]). И вотъ, вслѣдствіе этого-то оскудѣнія пушныхъ звѣрей, многіе тунгусы стали приниматься за скотоводство и земледѣліе, переселяться изъ лѣсныхъ кочевьевъ въ прочныя, осѣдлыя селенія, на подобіе русскихъ. Къ нимъ постоянно присоединялись бродячіе тунгусы, которыхъ тоже побуждало не собственное убѣжденіе въ выгодахъ осѣдлости, но прогрессивное уменьшеніе звѣринаго промысла. Такъ, между прочимъ, возникло по рѣкѣ Нерчѣ нѣсколько новыхъ инородческихъ селеній. И селенія эти представляютъ путешественнику радостную картину. Вотъ, напримѣръ, на крутомъ, но невысокомъ лѣвомъ берегу рѣчки Зюльзы, впадающей въ Нерчу, въ широкой долинѣ, которая уступомъ сажень въ шесть, возвышается надъ южною низменностью, въ виду на востокѣ высокаго лѣсистаго хребта, устроилась такимъ образомъ слобода Зюльзинская. Она заселена вновь ясачными тунгусами. «Самый видъ деревни,—сообщаетъ бывшій тамъ г. Усольцевъ, выказываетъ опрятность и зажиточность крестьянъ. Дома большею частію новые, красивой постройки. Въ каждомъ домѣ, отъ бѣднаго до богатаго, видна чистота и опрятность. Каждый домъ раздѣляется на двѣ половины: въ одной обширная изба, какъ рабочая и кухня; въ другой—двѣ или одна чистыя комнаты—всегда чисто выбѣлены или оклеены бумагой. Кругомъ комнатъ идутъ прибитые къ стѣнѣ узкія деревянныя скамьи, у богатыхъ же нерѣдко стулья и деревянныя софы собственной работы. Въ стѣнномъ шкапчикѣ, въ переднемъ углу, установлены чайныя чашки, чайники и столовая посуда; на полу разостланы шитые изъ звѣриныхъ шкуръ коврики (кумеланцы), а на стѣнахъ нерѣдко развѣшиваются лубочныя картинки» [2]). Точно также, лѣтъ за 80 передъ этимъ, тунгусъ Боягиръ, съ большимъ семействомъ кочевавшій по долинѣ, названной по его имени Боягировой, перешелъ вверхъ по Нерчѣ и основалъ село Кыкыръ. Къ нему приселились другія тунгусскія семейства,—и ясачное земледѣльческое село стало теперь и людно, и весьма зажиточно, и дѣятельно: жители съ успѣхомъ сѣютъ ярицу, ячмень, овесъ, пшеницу, коноплю, гречиху, а въ огородахъ садятъ—рѣдьку, капусту, морковь, рѣпу, лукъ, огурцы и, въ большомъ изобиліи, картофель. Село еще тѣмъ достойно замѣчанія, что мало сообщается съ русскими, по причинѣ пьянства послѣднихъ. «Мы,— говорятъ кыкыры—осѣдлые тунгусы,—въ Руси бываемъ рѣдко, да оно и лучше

[1]) „Географ. Вѣст.“ т. XX, отд. II, стр. 69—70 и др.
[2]) Ibid., 69—70.

тамъ, мы слышимъ, завели притчу вина» [1]). Такъ точно, и многія другія звѣроловческія поселенія, съ уменьшеніемъ звѣрей, мало-по-малу преобразовываются въ поселенія прочно-осѣдлыя, земледѣльческія.

XI.

Упадокъ непосредственно-натуральныхъ экономическихъ основъ поселеній, въ силу естественно-историческихъ условій, велъ къ перестройкѣ, къ преобразованію экономическихъ началъ старыхъ поселеній и къ развитію новыхъ формъ земско-хозяйственнаго распредѣленія народа, какъ въ европейской Россіи, такъ и въ Сибири. Не безболѣзненно и не безъ гибельной траты народныхъ силъ совершался этотъ медленный, тяжелый, естественно-историческій метаморфозъ поселеній, выходъ ихъ изъ непосредственно-натуральной области животной экономіи природы и переходъ въ новыя сферы хозяйства — въ область скотоводческой и земледѣльческой колонизаціи и экономіи, въ область индустріальнаго, мануфактурно-промышленнаго и фабрично-заводского труда и капитала, въ область экономіи минеральнаго царства природы и проч.

Когда кругомъ чернѣлись въ древней Россіи дремучіе, дикіе лѣса, полные звѣрей и дикихъ пчелъ, когда берега рыбныхъ рѣкъ и озеръ еще не заняты были плотнымъ населеніемъ, а рѣки и озера не распредѣлены на тони, ѣзы, участки, и запасъ рыбы въ нихъ не былъ истощенъ, когда, вдобавокъ, кругомъ много было еще земли хлѣбородной, незанятой, непочатой, и почва была неистощена, — тогда легко и свободно можно было существовать и устрояться въ деревняхъ бобровничьихъ, рыболовлихъ, бортничьихъ и даже царскихъ-сокольничьихъ. Во всѣхъ этихъ сферахъ богатой, неиздержанной экономіи животнаго царства воды и земли всѣ находили и работу, и пропитаніе, и *рухлядь*, и *животы* или имущество, и всѣ нужные матеріалы для домоустройства. Зоологическая экономія природы вскармливала и воспитывала всѣхъ въ непосредственно-натуральномъ хозяйствѣ поселеній звѣропромышленныхъ, бобровничьихъ, рыболовлихъ, бортничьихъ. Балуемые ея почти даровымъ обезпеченіемъ, прокормленіемъ и воспитаніемъ, земледѣльцы, звѣропромышленники, бобровники, рыболовы и бортники безпощадно расхищали готовую, природную экономію животнаго царства, не познавали и не изыскивали никакихъ другихъ источниковъ и сферъ хозяйства, даже не хотѣли ничего узнавать и перенимать отъ западныхъ европейцевъ, учиться ихъ ремесламъ и промысламъ. Между тѣмъ деревни хлѣбныя, бобровничьи, бортничьи и рыболовли, все болѣе и болѣе распространяясь, все болѣе и болѣе издерживали и расхищали естественную, продуктивную экономію почвы, водъ и лѣсовъ, все болѣе и болѣе искореняли самые лѣса — область звѣрей и бортовыхъ пчелъ, заселяли густо всѣ берега рыболовныхъ рѣкъ и озеръ, — и природная продукція почвы, звѣрей, пчелъ и рыбъ все болѣе и болѣе ограничивалась, издерживалась, или на расхватъ занималась. И вотъ, когда истощенная, издержанная и занятая, естественная экономія животнаго царства русской земли, а отчасти и почвы, не стала достаточно поддерживать старыя поселенія — бортничьи, бобровничьи, сокольничьи,

---

[1]) Ibid. 78—79.

рыболовческія и даже хлѣбныя, и не давала, по прежнему, простора для устройства и распространенія новыхъ подобныхъ поселеній: когда насчетъ ея прежняго изобилія и щедрости народонаселеніе умножилось отъ $1^1/_2$ до 8 или 10 милліоновъ,— тогда народъ сталъ, наконецъ, чувствовать жестокое наказаніе природы за незнаніе и несоблюденіе законовъ числа, мѣры и вѣса въ ея экономіи, за нарушеніе закона равновѣсія и взаимодѣйствія между экономіей природы и экономіей народнаго организма. Народъ былъ воспитанъ и, такъ сказать, избалованъ въ первобытной, непосредственно-натуральной школѣ и экономіи бортничества, бобровничества или звѣроловства, рыболовства и патріархальнаго хлѣбопашества; а внѣ этихъ сферъ не зналъ никакихъ другихъ отраслей промышленнаго труда и производства; привыкъ переходить по деревнямъ пашеннымъ, бортничьимъ, бобровничьимъ, рыболовлимъ и, подобно бродячимъ племенамъ охотничьимъ, привыкъ бродить по лѣсамъ, по путямъ и ухожаямъ бортнымъ, по гонамъ бобровымъ, по путямъ стольничьимъ и сокольничьимъ и т. д. И вотъ, когда, съ уменьшеніемъ лѣсовъ, звѣрей и дикихъ пчелъ, бобровли, звѣропромышленные и бортничьи промыслы и деревни, одни за другими, упадали; когда рыболовческія деревни внутри великорусской земли, съ умноженіемъ рыболововъ, передѣлили всѣ рыбныя воды на участки и, монополизировавшись жалованными граматами, все-таки жаловались на свою нищету и *брели врознь*; когда, наконецъ, хлѣбныя деревни отъ морозовъ, часто побивавшихъ хлѣбъ, и отъ истощенія почвы тоже часто опустѣвали и также разбродились врозь,—тогда тысячи потомковъ древнихъ бобровниковъ, бортниковъ, сокольниковъ, рыболововъ и хлѣбопашцевъ стали бродить по русской землѣ «межи дворъ» и «по міру», шли въ холопы кабальные, въ захребетники и въ закладчики за сильныхъ и богатыхъ людей, не находили никакого свободнаго и разумнаго труда, не знали никакого промысла, и долго имъ не было мѣста и дѣла въ государствѣ. Явились тысячи такъ называемыхъ *гулящихъ людей*, какихъ произвело московское государство въ XVII в. въ видѣ какого-то особаго сословія, явились и прибавились другія тысячи безхозяйственныхъ, бездомовныхъ, безсемейныхъ людей, такъ называемые *бобыли*—родъ новаго бродячаго и празднаго сословія. Явился третій классъ людей, такъ называемыхъ *закладчиковъ, захребетниковъ и кабальныхъ людей*. Явились тысячи лишнихъ, бродячихъ монаховъ, бѣглыхъ поповъ, церковниковъ и церковническихъ дѣтей, по выраженію Петра Великаго, *забобоновъ*, не хотѣвшихъ трудиться. А сколько появилось бѣглыхъ, воровъ, и разбойниковъ! Акты XVII в. исполнены извѣстіями объ нихъ. А сколько праздношатающихся нищихъ стало! Однихъ московскихъ нищихъ бродило по міру, по словамъ англичанина Флетчера, *несчетное множество*: въ концѣ XVII в. ихъ насчитывается до 1.000 [1]). Въ офиціальныхъ описяхъ городскихъ ремеслъ и промысловъ бродячее нищенство числится какъ особое ремесло, подъ рубрикой: «кормится по міру христовымъ именемъ» [2]). Какая это была регрессивная, гибельная эксплуатація людей, и какая была трата рабочихъ, производительныхъ силъ и времени для успѣховъ культуры и цивилизаціи!... Тутъ поневолѣ могла развиться и развилась сильная правительственная опека надъ народною дѣятельностью и промышленностью. Не даромъ Олеарій пришелъ къ такому грустному заключе-

[1]) „П. Т. Р.“, т. X, 283. „Царств. Ѳед. Алексѣевича“ Берха. Спб. 1835, 1, 86.

[2]) „Поимянная опись, кто чѣмъ промышлялъ въ москов. мѣщ. слоб.“ (1677 г.). „Чт. Общ. И.“, 1860, кн. II, Смѣсь 1—20.

: «Русскихъ,—говоритъ онъ,—при ихъ природной суровости и грубости нравовъ, бходимо держать въ жестокомъ рабствѣ: такъ на работу ихъ должно сгонять ками и плетьми, что, впрочемъ, сносятъ они весьма терпѣливо; подобныя мѣры ласуются съ степенью ихъ нравственнаго развитія, да они и привыкли къ ъ» [1]). По глубокому невѣжеству и крайней неразвитости, русскіе, лишаясь станыхъ промысловъ, сами не изобрѣтали и не находили новыхъ, лучшихъ реъ и промысловъ. Какъ въ эпоху свободнаго, вѣчевого, *особно-областного* скаго самоустройства, народъ привыкъ во всемъ слѣпо полагаться на произвоельныя силы и дары природы и ждать всего свыше, привыкъ рабски подчиься непосредственнымъ указаніямъ природы и пассивно воспитываться подъ ея осредственно-натуральной, продуктивной опекой, нисколько не орудуя своимъ ъ въ физической экономіи, не познавая и не комбинируя раціонально и разноазно ея естественныхъ силъ и данныхъ, не дознавая и не производя никаъ раціональныхъ, разумно-свободныхъ способовъ промышленности; такъ въ эпоху *диненно-областного*, централизаціоннаго, государственнаго строя, онъ въ омъ своемъ земско-хозяйственномъ и промышленномъ обезпеченіи или продоьствіи рабски и пассивно подчинялся опекѣ и заботамъ правительства, воспиался подъ его непосредственнымъ руководствомъ, беззаботно дожидался его іціативы, предписаній и указовъ относительно собственнаго хозяйственнаго ройства, самъ не додумываясь ни до какой, самой необходимой, самостоятель- инціативы въ собственныхъ своихъ экономическихъ интересахъ и потребтяхъ. Объ этомъ ясно и доказательно свидѣтельствуетъ Юрій Крыжаничъ, бще безпристрастно изобразившій умственные недостатки русскаго народа: «Гося здѣ обличить, говоритъ онъ, яко до сихъ поръ тяжко бяше на Руси завоъ ремества... Первое: ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно и что выдумають, аще имъ не покажется. Второе: ибо у насъ нѣтъ никакоъ книгъ о промыслахъ, якоже суть въ иныхъ народѣхъ. Третіе: ибо наше цство есть лѣниво и непромысельно, и сами себѣ не хотятъ добра учинить, е не будутъ нѣкою силою принуждены: Четвертое: ибо здѣсь есть совершенно овладство, и повелѣніемъ царскимъ можетъ по всей землѣ всякая поправа учиься гдѣ что будетъ полезно и потребно въ обычай завесть, а въ иныхъ земъ то не было бы зможно» [2]). И дѣйствительно, когда природа отказала во гихъ изъ прежнихъ промысловъ въ ея готовой зоологической экономіи, и когда вилось множество людей безпромышленныхъ, нищихъ и гулящихъ,—царь Алей Михайловичъ нашелъ нужнымъ жаловать ихъ работой. — «Онъ теперь выоилъ, говоритъ Коллинсъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы для обработыванія ьки и льна красивые и обширные домы, *которые будутъ доставлять рапу всѣмъ бѣднымъ въ государствѣ*. На это онъ назначилъ также нѣсколько ь порожней земли. Царица будетъ завѣдывать женщинами въ этомъ заведеніи, своихъ пользъ и выгодъ. Такимъ образомъ царь совершенствуетъ мануфакы своего государства, кормитъ работниковъ за такія ничтожныя издержки, за ія мы кормимъ своихъ собакъ [3]).

Очевидно, народу нужны были новые промыслы, когда старинные его про-

[1]) Олеарій (въ „Архивѣ“, 1859, кн. III, стр. 40).
[2]) „Рус. госуд. въ пол. XVII в.“ Юрія Крыжанича ч. 1, стр. 39—42.
[3]) Коллинсъ, 34—35.

мыслы—звѣропромышленные, бобровничьи, бортничьи, сокольничьи и другіе упадали. И благо, что былъ еще исходъ промышленнымъ силамъ. Юговосточныя степи представляли новое, широкое поле животной экономіи для распространенія скотоводческой колонизаціи и промышленности, гдѣ и устроились, какъ увидимъ дальше, многочисленныя новыя русскія поселенія. Сибирь открыла исходъ многимъ тысячамъ гулящихъ людей и новое обширное поприще для распространенія не только земледѣльческихъ и скотоводческихъ, но и звѣропромышленныхъ и рыболовческихъ поселеній. Открытіе и разработка новой области экономіи природы, богатствъ минеральнаго царства, дало мѣсто для распространенія новой горнозаводской колонизаціи и культуры. Тамъ нашли исходъ многіе бѣдные люди, празные бродяги и бѣглые. Одинъ изъ такихъ бѣглыхъ, Демидовъ, былъ основателемъ первыхъ горнозаводскихъ промысловъ и колоній. Въ то же время Петръ Великій училъ народъ новымъ европейскимъ ремесламъ и промысламъ, фабричнымъ и заводскимъ. Мало-по-малу здѣсь, на фабрикахъ и заводахъ, нашли себѣ работу многіе бѣдные люди, и около нихъ стали группироваться новыя промышленныя поселенія, фабрично-заводскія и мануфактурно-промышленныя. Мало-по-малу старинныя зоолого-экономическія поселенія преобразовывались съ XVIII в. въ торговыя и мануфактурно-промышленныя селенія, подобно селамъ Иванову, Дунилову, и многимъ другимъ, и вновь возникали поселенія, совершенно съ новымъ промышленнымъ типомъ, въ родѣ Вознесенскаго Посада Владим. губ. и т. п.

Но все-таки большая часть народа и теперь еще находится въ трудномъ, переходномъ состояніи отъ непосредственно-натуральнаго хозяйства древней Россіи, отъ экономіи природы—къ болѣе или менѣе разумной экономіи труда и капитала. Безъ свѣта и помощи науки, безъ знаній, народъ нашъ, во первыхъ, самъ собою не могъ ни поддержать и развить шире зоологическія основы своего хозяйственнаго благоустройства, ни дать имъ новое направленіе и устройство. На западѣ, съ развитіемъ зоологической науки, разумъ скоро указалъ и освѣтилъ новыя сферы для народнаго хозяйства. Бюффонъ, Нелисъ, Ласепедъ и Бернарденъ де-Сентъ-Пьеръ, а также знаменитый скотоводъ Бакуель (Bakewell † 1795), сельско-хозяйственный писатель А. Юнгъ (Young † 1820), Маршаллъ, Мидлетонъ, Диксонъ, Синклэръ и проч. первые указывали, новые, раціональные способы хозяйства въ области зоологической экономіи природы. Пастуху Добантону цивилизація и наука обязана первымъ раціональнымъ приложеніемъ зоологіи къ практическому сельскому хозяйству; имъ показана впервые возможность акклиматизаціи въ XVIII в. надъ тонкорунными испанскими овцами и предложенъ списокъ животныхъ, не только звѣрей, но и рыбъ и птицъ, которыхъ порабощеніе, акклиматизація и искусственное разведеніе могутъ принести большую пользу въ хозяйствѣ, составить капитальное богатство для народовъ. Раухъ, Нешато, Кювье и Исидоръ Жоффруа-Сентъ-Илеръ продолжали развивать идеи практическаго приложенія зоологіи къ народному хозяйству. И вслѣдствіе того на западѣ зоологическія основы народной экономіи, несмотря на всю экстенсивную, территоріальную ограниченность, получили широкое интенсивное развитіе, особенно въ Англіи. У насъ же вовсе не было такого умственнаго движенія въ области зоологической экономіи природы. Нашъ народъ вовсе не зналъ зоологіи, и потому не умѣлъ ни поддержать, ни осмыслить старыхъ зоологическихъ основъ хозяйства, ни создать новыхъ. Оскудѣвала, напримѣръ, въ извѣстномъ водномъ бассейнѣ рыба, вслѣдствіе неразумныхъ способовъ

лова,—наши рыболовы и не догадывались ни о способахъ поддержанія рыболовныхъ водохранилищъ, ни о возможности искусственнаго разведенія рыбъ, какимъ на западѣ наука обязана, наприм., трудамъ Реми, Милье, отчасти Коста и др. [1]). Изводились дорогіе звѣри—бобры, соболи и множество другихъ,—наши звѣроловы не только не умѣли, но и не подумали попытаться приручить, акклиматизировать и искусственно разводить этихъ животныхъ. Истреблялись лѣса и упадало дикое, бортевое пчеловодство,—и наши бортники, пчеловоды оказались неспособными къ раціональному пчеловодству; вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ, оно повсюду упадало и упадаетъ. Вслѣдствіе отсутствія самостоятельныхъ, естественно-научныхъ опоръ и руководствъ, при совершенномъ незнаніи зоологическихъ наукъ и ихъ примѣненій,—народъ нашъ, естественно, и въ животной экономіи своей долженъ былъ подвергнуться умственному рабству передъ инниціативой правительства, долженъ былъ нуждаться въ ней на каждомъ шагу. Такъ Петръ Великій долженъ былъ начать въ Россіи разведеніе шелководства; департаментъ сельскаго хозяйства долженъ былъ открыть во многихъ мѣстахъ конторы для распространенія шелковичнаго червя и усовершенствованныхъ механическихъ шелкомотальныхъ снарядовъ и проч. Пчеловодство также взялось поддерживать правительство, воспитывая пчеловодовъ подъ собственной опекой на многихъ хуторахъ и въ школѣ, основанной для этого въ 1828 г. покойнымъ Прокоповичемъ въ Черниговской губерніи, печатая наставленія о пчеловодствѣ въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ» и въ «Земледѣльческой Газетѣ», подъ покровительствомъ департамента сельскаго хозяйства, и т. п. На рыболовство также должно было обратить вниманіе министерство государственныхъ имуществъ, изслѣдовать его особой экспедиціей, начертать новый рыболовный уставъ, съ цѣлью улучшить способы лова, устранить въ нихъ злоупотребленія и невѣжественные пріемы и предотвратить уменьшеніе уловоъ. Между тѣмъ самъ народъ, отъ стараго отставая, новаго ничего не можетъ ввести въ своемъ зоологическомъ хозяйствѣ, потому что нисколько не знаетъ раціональной основы его—науки зоологіи. На Западѣ, напримѣръ, въ наше время уже начаты работы, которыя показываютъ, что онѣ могутъ повести къ важнымъ результатамъ, что даже сотни тысячъ насѣкомыхъ будутъ со временемъ существовать не для того только, чтобы составлять болѣе или менѣе красивыя коллекціи въ кабинетахъ естествоиспытателей, но принесутъ существенную пользу. Доказательствомъ тому служитъ шелковичный червь. Тамъ теперь и ученые и практики обратили вниманіе не на одного обыкновеннаго шелковичнаго червя (Bombyx mori), но и на другіе виды червей, питающихся уже не шелковицей, но болѣе сподручнымъ въ европейскомъ хозяйствѣ дубомъ. Акклиматизація новыхъ породъ и видовъ млекопитающихъ и птицъ на западѣ дѣлаетъ также большіе и быстрые успѣхи. Но у насъ, въ народномъ хозяйствѣ, все это еще или немыслимо, или pium desiderium московскаго комитета акклиматизаціи. Во-вторыхъ, вышедши изъ непосредственной области животной экономіи природы, изъ кочевого, бродячаго движенія въ сферѣ зоолого-географической, народъ нашъ, и внѣ зоологической экономіи природы, въ

[1]) Первый въ Россіи заводъ для искусственнаго распложенія рыбъ (г. Врасскаго), дѣйствующій и въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ, устроенъ при оз. Вельѣ, Новгород. губ., на границѣ Валдайск. и Демянскаго уѣздовъ, на сѣверо-запад. берегу его, въ дер. Никольскѣ. („Геогр. слов.“ I, 418).

новыхъ индустріальныхъ сферахъ, большею частью и теперь еще не нашелъ и не узналъ новыхъ раціональныхъ промысловъ, не опознался разумно-сознательно и вполнѣ въ новой промышленной сферѣ труда и капитала, давно уже освѣщенной западнымъ индустріальнымъ геніемъ. Старыя привычки къ броженію въ немъ коренятся. Какъ въ древней Россіи бортникъ, бобровникъ или звѣроловъ бродилъ по бобровымъ гонамъ, по бортнымъ путямъ и ухожаямъ, или древне-русскій крестьянинъ велъ такую же полукочевую жизнь,— такъ теперь еще большая часть нашихъ ремесленниковъ ведутъ бродячую жизнь, занимаются бродячими промыслами. Не развиты еще въ народѣ вполнѣ-раціональные и разнообразные осѣдлые промыслы, а потомъ нѣтъ еще въ нашемъ рабочемъ населеніи промышленно-ремесленной осѣдлости. Сколько теперь еще промысловъ такъ называемыхъ *бродячихъ*, *отхожихъ*, *ходячихъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, къ бродячимъ мастерствамъ относятся даже, напримѣръ, занятія: печное, каменныхъ работъ, плотничное, красильное, портное, сапожное, такъ называемыя, *ходячія кузницы* и мн. др. Напримѣръ, въ Ярославской губерніи домашнихъ осѣдлыхъ промысловъ фабричныхъ только 10 видовъ, а отлучныхъ 33 вида, заводскихъ мастеровыхъ домашнихъ 5, а отлучныхъ 40 видовъ; или число домашнихъ, осѣдлыхъ промышленниковъ составляетъ $^{1}/_{11}$ часть, а число отлучныхъ, бродячихъ въ $2^{1}/_{2}$ раза больше числа домашнихъ. Вотъ таблица для наглядности:

	Число видовъ промысловъ.	Число промышленниковъ: наличныхъ.		годовыхъ.	
		отлучныхъ.	домашнихъ.	отлучныхъ.	домашнихъ.
	69	2193,5	8144,5	1123,76	4046,90
	280	20724,5	6017	14555,07	3360,98
	110	5222	619,5	3626,81	356,97
Итого	459	28,140	14,781	1,930,564	776,485 [1]).

Воспитанный въ вѣковой сферѣ непосредственно-натуральной экономіи и промышленности, въ однѣхъ деревняхъ бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовлихъ, пастушескихъ и хлѣбныхъ, и не зная другихъ формъ поселеній, основанныхъ не на одной естественной экономіи животной природы, а на индустріальной интеллигенціи и образованности, привыкши къ безпечному расхищенію произведеній или даровъ природной экономіи и, такимъ образомъ, доведши себя до крайней бѣдности и необходимости влачить потомъ жизнь гулящихъ людей, захребетниковъ, наемныхъ и кабальныхъ работниковъ, услужниковъ и т. п.,— народъ не развилъ въ себѣ индустріальнаго смысла, умѣнья, знаній, промышленной самостоятельности, самонаходчивости, не зналъ новыхъ промысловъ, не могъ вдругъ устроиться въ новыхъ, фабрично-заводскихъ и мануфактурно-промышленныхъ поселеніяхъ и поневолѣ пускался на самые жалкіе, бродячіе промыслы, въ родѣ суздальскихъ ходебщиковъ, рязанскихъ бердовщиковъ, шерстобитовъ, бурлаковъ и еще хуже. Сколько еще теперь промысловъ такъ называемыхъ *безъискусственныхъ!* Напримѣръ, въ Тверской губерніи изъ числа 6.961 услужнаго занятія, самыхъ безъискусственныхъ промысловъ до 5.421, и въ томъ числѣ однихъ пастуховъ до 3.470.

[1]) „Матер. для Статист. Россіи“, изд. Минист. Госуд. Им. вып. II, стр. 203.

Владимірской губерніи, въ области мануфактурно-промышленной и фабрично-одской, гдѣ скотоводство никогда не процвѣтало, тоже до 3.000 бродячихъ туховъ, ходящихъ въ сосѣднія губерніи пасти скотъ. Есть цѣлыя селенія, въ ѣ села Аграфенина пустынь Рязанскаго уѣзда, гдѣ всѣ промышленники—дячіе пастухи и *подпаски*; въ Ярославской губерніи, въ этой, можно ска-ь. русской мануфактурно-промышленной Англіи въ миніатюрѣ, изъ числа про-шленниковъ, услужниковъ, требующихъ искусства и навыка, только 13 видовъ, эзъискусственныхъ 24. Число несамостоятельныхъ промышленниковъ, не умѣвшихъ ѣмъ жить, какъ только личнымъ услуженіемъ и незатѣйливой черной работой, обладаетъ надъ 7 разрядами изъ 9 главныхъ разрядовъ промысловъ, господ-ующихъ въ Ярославской губ. Именно, на 100 годовыхъ промышленниковъ по ерніи причитается:

Владѣльцевъ заведеній.	5,97
Торговцевъ	8,45
Подрядчиковъ	1,25
Извозчиковъ.	5,67
Фабричныхъ.	7,10
Заводскихъ мастеровыхъ	2,57
Услужниковъ	25,03
Чернорабочихъ	9,59

Не говоримъ уже, сколько образовалось, при глубокомъ невѣжествѣ народа, мысловъ самыхъ странныхъ, пустыхъ, суевѣрныхъ или служащихъ суевѣрію, юлезныхъ и даже вредныхъ. Только въ странѣ кнутовъ, батоговъ и кула-ь, могло, напримѣръ, цѣлое мѣстечко Боцьки, въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненi губерніи, прославиться производствомъ *нагаекъ* и *кнутовъ*, извѣстныхъ лкольниковъ подъ названіемъ *боцьковскихъ увѣщателей* [1])...

Въ Сибири особенно въ сѣверныхъ зоолого-географическихъ областяхъ гничьихъ поселеній, кажется, еще бѣдственнѣе и болѣзненнѣе совершался и ершается естественно-историческій упадокъ и метаморфозъ зоолого-экономиче-къ поселеній. Чѣмъ болѣе недорогіе звѣри вытѣсняли дорогихъ и умножались сто нихъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе частныхъ звѣролововъ вѣропромышленныхъ поселеній, и тѣмъ возможнѣе и быстрѣе было развитіе бенныхъ сборныхъ мѣхоторговыхъ центровъ или конторъ и ярмарокъ, въ родѣ горъ сѣверо-американской компаніи, ярмарокъ ирбитской и нижегородской, азиновъ московскихъ и петербургскихъ. Соболи и бобры убывали и получали большую и большую цѣнность, а недорогіе звѣри—грызуны, вмѣсто нихъ, ожались и дешевѣли. Между тѣмъ звѣропромышленникъ, какой-нибудь, тун-, корякъ или другой бродячій инородецъ, только изъ-за соболя и бобра, нымъ образомъ, и познакомился съ новыми потребностями—съ чаемъ и саха-ь, хлѣбомъ и табакомъ, съ котлами, ножами, ружьями и т. п., и только на ъ могъ больше выторговать или вымѣнять этихъ вещей; а то долженъ былъ ать, быть можетъ, впятеро или вдесятеро больше недорогихъ звѣрей. Слѣдо-льно, онъ долженъ былъ усилить энергію своихъ звѣро-промышленныхъ стран-

[1]) „Географ. Слов." I, 311.

ствованій и, по причинѣ запуганности и убыли соболей, обходить огромныя. лѣсныя и пустынныя пространства, чтобы хоть сколько-нибудь наловить ихъ, и все это, въ концѣ концовъ, для того, чтобы за муку, за водку, за табакъ или за чай и сахаръ, за котелъ и ножъ, за какую-нибудь простую матерію сложить. посредствомъ мелкихъ торговцевъ-барышниковъ, весь сборъ своего тяжелаго, бродячаго труда въ общую сумму мѣховой торговли, въ главные центры ея, напримѣръ, въ контору сѣверо-американской компаніи, въ магазины Москвы и Петербурга, или на ярмарку нижегородскую и т. п. Такимъ образомъ, убыль дорогихъ звѣрей гораздо ощутительнѣе дѣлалась для частныхъ звѣропромышленниковъ и мѣхоторговцевъ, чѣмъ для общей сложности мѣховой торговли; слѣдовательно, насколько подрывала существованіе, развитіе и распространеніе звѣропромышленныхъ поселеній, особенно бродячихъ инородцевъ, настолько же способствовала развитію мѣхопромышленныхъ или мѣхоторговыхъ центровъ. «Безъ сомнѣнія, говоритъ Бэръ, теперь отдѣльному охотнику и торговцу гораздо труднѣе съ наименьшимъ трудомъ напромыслить и скопить такое количество мѣховъ, какъ это возможно было прежде съ гораздо меньшимъ трудомъ, частью потому, что число и дѣятельность охотниковъ умножались и усиливались, такъ какъ инородцы и русскіе, живущіе въ звѣропромышленныхъ округахъ, все болѣе и болѣе предъявляютъ запросы на произведенія цивилизаціи, которыя они могутъ пріобрѣтать только на промѣнъ мѣховъ; частью потому, что лицъ, принимающихъ участіе въ мѣховой торговлѣ, становилось все болѣе и болѣе, чѣмъ прежде» [1]). Вслѣдствіе такого естественно-историческаго измѣненія условій, что въ древней Россіи вело къ распространенію звѣропромышленной колонизаціи и поддерживало инородческія охотничьи поселенія, то въ новой Россіи вело или прямо къ упадку и ограниченію звѣроловческихъ поселеній, или къ преобразованію ихъ въ рыболовческія, скотоводческія, земледѣльческія, или, наконецъ, къ развитію особаго, мѣхоторговаго купечества въ городахъ. И тамъ, гдѣ въ XVII в. русскіе служилые, торговые и промышленные люди наживались соболями, и возникало зимовье за зимовьемъ, острогъ за острогомъ, городъ за городомъ, тамъ теперь большею частью царство голода и бѣдности. Съ тѣхъ поръ, какъ дичь тамъ исчезала и скрывалась въ лѣсахъ, по мѣрѣ разселенія въ сѣверо-восточныхъ пустыняхъ инородческихъ племенъ и русскихъ,—съ тѣхъ поръ всѣ поселенія находятся тамъ въ какомъ-то бѣдственно-переходномъ, хаотическомъ броженіи. Голодные жители словно мечутся отъ одной области животной экономіи природы къ другой. Когда звѣроловная область животной экономіи оскудѣвала или почему-нибудь отказывалась прокармливать жителей, они избирали другую зоологическую область естественной экономіи и въ ней устраивались или промышляли. Такимъ образомъ происходила естественно-историческая спеціализація въ зоолого-географическомъ распредѣленіи и зоолого-экономическихъ типахъ поселеній. На переходѣ отъ охотничьяго, звѣроловнаго быта крайняя бѣдность обыкновенно побуждала сѣверныя, звѣроловческія поселенія передвигаться чаще всего на берега рѣкъ или моря и обращаться изъ бродячихъ или кочевыхъ въ осѣдлыя, рыболовческія. Такъ поступили зашиверскіе якуты, когда охота стала для нихъ невыгоднымъ средствомъ жизни. «Охота,—говоритъ Врангель,—составляетъ у нихъ побочный промыселъ. Бѣ-

[1]) Baer, „Uebers. d. Jagd- Erwerbes in Sibir", s. 118.

нѣйшіе якуты, не имѣющіе ни рогатаго скота, ни лошадей, живутъ осѣдло на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того *рѣчными»* [1]). Чукчи, аборигены страны, вслѣдствіе такихъ же естественно-историческихъ причинъ, также уже давно подраздѣлились въ зоологическихъ областяхъ мѣстной экономіи природы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ поселеніяхъ. Одни чукчи, не довольствуясь охотою за пушными звѣрями и дикими оленями, издавна приручили оленей и стали вести кочевую жизнь. Это такъ называемые *оленные* или *кочевые* чукчи. Другіе, лишившись оленей отъ болѣзней и хищныхъ звѣрей, и не довольствуясь скуднымъ звѣроловствомъ, съ голоду кинулись на ловлю рыбы, китовъ, моржей, тюленей и поселились на берега моря. Это такъ называемые *сидячіе* или *осѣдлые* чукчи. «Эта малая часть чукчей,—говоритъ Сарычевъ,—состоитъ изъ бѣдныхъ людей, лишившихся какимъ-либо случаемъ своихъ оленей, и потому принужденныхъ поселиться въ неперемѣнныхъ поселеніяхъ, близъ моря, искать пропитанія отъ него. Зимою живутъ они въ земляныхъ юртахъ, а лѣтомъ въ шалашахъ. Море доставляетъ имъ пищу въ изобиліи. Они заготовляютъ не только для себя, но и для оленныхъ чукочь рыбу и изъ морскихъ звѣрей жиръ, шьютъ также кишечные камлеи и лѣтнюю обувь; за то въ замѣну получаютъ отъ оленныхъ чукчей на платье и на зимнюю обувь оленьи кожи, также табакъ и другіе русскіе товары» [2]). Земноводныя животныя—моржи, тюлени и киты являются чаще въ краяхъ, лежащихъ далѣе на востокъ, — потому и береговыя поселенія сидячихъ чукчей, по мѣрѣ приближенія къ Берингову проливу, являются многочисленнѣе. Дружественный, зоолого-продуктивный обмѣнъ оленныхъ и сидячихъ чукчей еще поддерживаетъ ихъ поселенія. «Оба племени,—говоритъ Врангель,—живутъ въ хорошемъ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые, сидячіе чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржевые ремни, жиръ, а взамѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовыя платья» [3]). Точно также тунгусы, вслѣдствіе упадка звѣриныхъ промысловъ, не зная и не находя никакого другого исхода изъ зоолого-географической области естественной экономіи, сосредоточивались или въ степяхъ — въ зоологической области рогатаго скота и лошади, или на берегахъ рѣкъ—въ зоологической области рыбъ, или въ полярныхъ, мшистыхъ тундрахъ, лѣсахъ и горахъ — въ зоологической области оленя и полярной собаки. И, такимъ образомъ, поселенія ихъ были или такъ называемыя *степныя, скотныя и конныя*, или такъ называемыя—*лѣсныя, оленныя и собачныя* [4]). Такъ крайняя бѣдность, безысходность, безпомощность, безъ знанія наиболѣе производительныхъ промысловъ, внѣ всякой возможности найти ихъ, безъ правильныхъ общественныхъ поселеній, — такая безысходная бѣдность заставляла звѣролововъ бросать охотничью сферу тяжелой, бродячей, звѣропромышленной траты силъ и переходить отъ одной области животной экономіи къ другой, искать средствъ къ жизни то въ рѣкѣ рыбной, то въ тундрѣ и горахъ, гдѣ водились дикіе олени, то въ степи, гдѣ можно было кормиться отъ стадъ. Въ то время, какъ одни, сошедши съ скользкой колеи бродячаго, звѣроловческаго пропитанія, ищутъ послѣдней поддержки жизни въ зоологической эко-

[1]) Врангель, I, 214.
[2]) Сарычевъ, „Путеш. по сѣверо-вост. части Сибири въ 1785 по 1793 г.", изд. 1802 г., ч. II, стр. 105.
[3]) Врангель, II, 336.
[4]) Georgi, „Bemerkung. einer Reise", Bd. I, s. 249 250.

номіи рѣкъ, оленныхъ тундръ и проч., другіе безраздѣльно кидаются во всѣ сферы животной экономіи, какія представляетъ полярная природа. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи вымерли и вымираютъ многія охотничьи поселенія въ Сибири. И ни откуда не было и нѣтъ для нихъ освѣщающаго луча новой промышленности, наиболѣе производительной; ни откуда не было для нихъ оживляющаго свѣта новыхъ жизненныхъ сферъ экономіи и промышленнаго общежитія. «Просвѣщеніе, — говоритъ Либихъ, — есть экономія силъ». А у нихъ, у этихъ бѣдныхъ и безпомощныхъ рабовъ животной экономіи природы, вся бродячая жизнь есть трата силъ въ борьбѣ за существованіе, до вымиранія. И откуда, гдѣ, когда и какимъ образомъ имъ было узнать или создать новыя промышленныя сферы, когда окружающая полярная среда обусловливала только холодъ, голодъ и движеніе, и когда вся жизнь ихъ была пассивнымъ отправленіемъ или круговращеніемъ холода, голода и движенія? Самыя русскія, колымскія поселенія тамъ едва прозябаютъ. Первые колонисты, звѣропромышленные казаки, предки нынѣшнихъ колымчанъ, обогащались тамъ соболями. А когда потомковъ ихъ соболи уже не только не обогащали, но и не обезпечивали хлѣбомъ насущнымъ, куда было имъ дѣваться, чѣмъ жить? И вотъ они живутъ и перебиваются кое-какъ въ областяхъ животной экономіи полярной природы, годъ за годомъ, сообразно съ годовымъ круговращеніемъ. Придетъ весна—они селятся при рѣкахъ, въ области экономіи рыбъ, которыми и питаются; лѣтомъ—они промышляютъ въ области экономіи птицъ и дикихъ оленей; осенью — опять въ сферѣ ихтіологической, рыболовной, — и такъ вѣчно вращаются промыслы, движутся люди и поселенія ихъ. Они испытываютъ ужасы отъ опасности умереть голодною смертію. «Когда мы пріѣхали въ Плотбище, — говоритъ Врангель,—все собранное тамъ народонаселеніе находилось въ мучительномъ ожиданіи и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ, разнесся слухъ, что первые многочисленные табуны оленьи показались въ долинѣ, къ сѣверу отъ Анюэ. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу... Трудно себѣ представить, до какой степени достигаетъ голодъ среди здѣшнихъ народовъ, существованіе которыхъ зависитъ единственно отъ случая. Часто съ половины лѣта люди питаются уже древесною корою и шкурами, до того служившими имъ постелью и одеждою. Случайно пойманный или убитый олень дѣлится поровну между членами цѣлаго рода и съѣдается въ полномъ смыслѣ слова, съ *костями и шкурою*. Все, даже внутренности и толченые рога и кости употребляется въ пищу, потому что надобно чѣмъ-нибудь наполнить терзаемый голодомъ желудокъ. Впродолженіе нашего здѣсь пребыванія приходъ оленей былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ. Наконецъ, 12 сентября, на правомъ берегу рѣки, противъ Лабазнаго, показались отрада и спасеніе туземцевъ,—безчисленный табунъ оленей покрылъ всѣ прибрежныя возвышенія. Вѣтвистые рога ихъ колыхались, какъ будто огромныя полосы сухого кустарника. Все пришло въ движеніе. Со всѣхъ сторонъ устремились якуты, чуванцы, ламуты и тунгусы, пѣшкомъ и въ лодкахъ, въ надеждѣ счастливою охотою положить предѣлъ своимъ бѣдствіямъ. Радостное ожиданіе оживило всѣ лица, и все предсказывало обильный промыселъ. Но къ ужасу всѣхъ, внезапно раздалось горестное, роковое извѣстіе: «*олень поштнулся!*» Дѣйствительно, мы увидѣли, что весь табунъ, вѣроятно

устрашенный множествомъ охотниковъ, отошелъ отъ берега и скрылся въ горахъ. Отчаяніе заступило мѣсто радостныхъ надеждъ. Сердце раздиралось при видѣ народа, внезапно лишеннаго всѣхъ средствъ поддерживать свое бѣдственное существованіе. Ужасна была картина всеобщаго унынія и отчаянія; женщины и дѣти стонали громко, ломая руки; другіе бросались на землю и съ воплями взрывали снѣгъ и землю, какъ будто приготовляя себѣ могилу. Старшины и отцы семействъ стояли молча, неподвижно, устремивши безжизненные взоры на тѣ возвышенія, за которыми исчезла ихъ надежда... Шесть тунгусскихъ семействъ, умирая съ голода, оставили степи и, напрягая послѣднія силы, пришли въ Походскъ, въ надеждѣ найти здѣсь какую-нибудь помощь и спасеніе отъ голодной смерти. Но здѣшніе жители сами были не въ лучшемъ положеніи. Истощивъ свой скудный запасъ, они питались самыми отвратительными предметами. Только близкое наступленіе весны и надежда на удачный ловъ рыбы поддерживали еще ихъ ослабѣвшія силы. Всеобщее уныніе и отчаяніе были ужасны» [1]). Не находя пропитанія и выгоды отъ ловли пушныхъ звѣрей, претерпѣвши неудачу и въ оленеводствѣ, голодные инородцы гонялись за дикими оленями и съ ними погребали себя въ тундрахъ.— «25 сентября, — говоритъ Врангель, — мы замѣтили на лѣвомъ берегу Яны небольшой шалашъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей и покрытый листьями, повидимому, необитаемый и неспособный служить жилищемъ для человѣка. Къ нашему великому удивленію оказалось, что здѣсь постоянно проводитъ зиму и лѣто престарѣлый тунгусъ, съ своею дочерью и двумя собаками. Онъ занимается оленьей охотой. Надобно себѣ представить необозримую, безлюдную пустыню и его полупрозрачное жилище, чтобы получить понятіе объ образѣ жизни сихъ отшельниковъ. Особенно ужасно положеніе бѣдной дѣвушки, когда отецъ ея на лыжахъ уходитъ въ лѣсъ, и часто нѣсколько дней гоняется безуспѣшно за оленями, а она остается одна, почти не имѣя одежды, чтобы согрѣться отъ ужаснаго холода, терпя часто недостатокъ въ пищѣ и проживая въ жалкомъ шалашѣ, который даже и лѣтомъ не доставляетъ достаточной защиты отъ дождя и непогоды. Отецъ ея принадлежитъ къ тѣмъ, которые какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ лишились своихъ оленей, и принужденные отдѣлиться отъ своихъ земляковъ, удаляются въ ледяныя пустыни, гдѣ, борясь съ безчисленными недостатками, опасностями и холодомъ, снискиваютъ себѣ скудное пропитаніе» [2]).

XII.

Научный обзоръ животной экономіи русской земли.

Когда, такимъ образомъ, послѣ вѣкового безсознательнаго и безразсчетнаго пользованія произведеніями животной экономіи природы, послѣ упадка старыхъ экономическихъ основъ поселеній, народъ и въ Европейской Россіи и въ Сибири находился въ тяжеломъ, переходномъ состояніи отъ древнихъ формъ поселеній къ новымъ, искалъ новыхъ промышленныхъ областей, тогда, наконецъ, почувствовалась необходимость произвести, такъ сказать, всеобщую, повсемѣстную, естественно-

---

1) Врангель, II. 88, 105—106. 179.
2) Ibid., I. 105

научную ревизію во всѣхъ областяхъ зоологической экономіи русской земли. И въ то же время сознана была необходимость отыскать, при свѣтѣ естествознанія, и указать народу въ обширной и разнообразной области естественной экономіи новыя сферы, новые исходы для его промышленныхъ силъ. Въ древней Россіи совершалось безсознательное, безразсчетливое распредѣленіе массъ народныхъ. Массы, на пути своего экономическаго распредѣленія и устройства, слѣпо подчинялись непосредственно-натуральнымъ, зоолого-географическимъ условіямъ земли и водъ, пассивно руководствовались однимъ инстинктивнымъ исканіемъ матеріаловъ для пищи, одежды и жилищъ и хозяйничали въ различныхъ областяхъ животной экономіи, такъ сказать, хищнически. Нужно было новое, разумно-сознательное, экономическое распредѣленіе народа въ области экономіи природы. Послѣ дикихъ, полуномадныхъ и хищническихъ странствованій народа по широкому, земско хозяйственному пространству русской земли нужны были раціональныя, естественно-научныя путешествія, долженствовавшія пролить свѣтъ на всю натуральную экономію русской земли и на все земско-хозяйственное устройство русскихъ поселеній. И вотъ, со времени Петра Великаго, который первый посѣялъ великую идею естественно-научнаго самопознанія Россіи, началось изученіе русской земли. Какъ старыя, непосредственно-натуральныя основы земскаго строенія Россіи, всѣхъ поселеній звѣроловческихъ, или бобровничьихъ, бортничьихъ, сокольничьихъ и т. п., обусловливались восточнымъ началомъ преобладанія природы надъ умомъ народнымъ, восточнымъ звѣроловческимъ и пастушескимъ складомъ ума; какъ въ пользованіи произведеніями природы господствовало восточное номадное хищничество, — такъ новыя раціональныя и прочныя основы земско-хозяйственнаго устройства Россіи долженъ былъ указать и создать естествоиспытующій разумъ Запада. Въ московской, до-петровской Россіи, въ странѣ бобровниковъ, звѣролововъ, бортниковъ, рыболововъ и т. п., до домостроителей Сильвестровъ и Никитъ-Пустосвятовъ, вовсе не было своихъ естествоиспытателей, а были только волхвы да вѣдуны и вѣдуньи и естествознанія боялись, какъ ереси. Нужно было съ Запада призвать естествоиспытателей и просвѣтителей Россіи. И вотъ, въ теченіе всего XVIII столѣтія, призываются, одинъ за другимъ, такіе ученые натуралисты, какъ напримѣръ, Мессершмидтъ, Делиль, Стеллеръ, Эйлеръ, Гмелинъ, Фалькъ, Палласъ и многіе другіе. И потомъ уже, подъ руководствомъ ихъ, мало-по-малу возникаютъ свои естество-наблюдатели и географы, въ родѣ Татищева, Ломоносова, Лепехина, Зуева и пр. Натуралисты, одинъ за другимъ, объѣзжаютъ всю русскую землю, отъ Кавказа до Монголіи, Камчатки, Чукотской земли и далѣе, изучаютъ экономію царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго, открываютъ въ нихъ новые, естественные источники для благосостоянія народнаго, указываютъ въ ихъ экономіи новыя сферы для земско-хозяйственнаго устройства, для исхода и дѣятельности промышленныхъ силъ народныхъ, раскрываютъ зоолого-экономическія, минералогическія и земледѣльческія условія и основы разныхъ поселеній — звѣроловческихъ, рыболовныхъ, земледѣльческихъ, горно-заводскихъ, фабрично-заводскихъ и проч.; словомъ, проливаютъ естественно-научный свѣтъ на всю естественную экономію и на всѣ естественныя основы земско-хозяйственнаго устройства русскаго народонаселенія. Подробнѣе вся эта естественно-научная дѣятельность и значеніе ея будутъ изложены въ очеркахъ интеллектуальнаго развитія русскаго народонаселенія. Здѣсь же мы ограни-

чимся общимъ обозрѣніемъ главныхъ наблюденій и сочиненій нашихъ натуралистовъ-путешественниковъ, насколько позволяютъ намъ скудныя средства.

Уже древніе западные путешественники, напр., Герберштейнъ, Вунделеръ, Петрей, Олеарій, Мейербергъ и другіе оставили намъ въ своихъ путевыхъ описаніяхъ болѣе или менѣе подробныя перечни животныхъ, какія въ то время водились въ Россіи. Потомъ, въ нѣкоторыхъ древнихъ реляціяхъ путешествій [1]) находятся замѣтки о нѣкоторыхъ животныхъ Сибири, и въ особенности о тѣхъ, которыя представляютъ интересъ экономическій или техническій, какъ, напр., о лисицахъ, соболяхъ, бобрахъ, о многихъ породахъ рыбъ и проч., или же о тѣхъ, которыя наиболѣе замѣчательны по своимъ формамъ, по своей статурѣ, какъ, напр., джигитэи и т. п. Но строго-научное объясненіе фауны русско-сибирской началось только съ той эпохи, когда естествоиспытатели спеціалисты стали нарочно путешествовать за тѣмъ, чтобы болѣе или менѣе подробно, глубоко и основательно изучать животныхъ на самомъ ихъ мѣстѣ, и ревностно сообщали всѣ свои наблюденія во время ученыхъ путешествій, собирая коллекціи зоологическихъ предметовъ, какъ матеріалы для разработки научной зоологіи.

Даніель Готтлибъ Мессершмидтъ, прибывшій въ Петербургъ въ 1716 году, былъ первый ученый натуралистъ, котораго дѣятельность была направлена къ естественно-научному и, въ частности, зоологическому изученію русской земли [2]). Тогда имѣла еще особенный интересъ новооткрытая, зоологическая экономія Сибири. Потому Мессершмидтъ и посланъ былъ туда Петромъ Великимъ [3]). Во время семилѣтняго путешествія своего по Сибири, преимущественно по Забайкалью до Далай-Нора, по нижней Тунгускѣ, по сѣверному Енисею и по низовьямъ Оби, трудолюбиво собиралъ животныхъ, описывалъ, препарировалъ ихъ и набивалъ чучелы. Такъ между прочимъ, охотничая вмѣстѣ съ тунгусами, онъ поймалъ, описалъ и препарировалъ джигитэя (Dtschigitei, equus hemionus) тарбагановъ, Antilope gutturosa, дикихъ барановъ и друг. Зоологическія записки Мессершмидта многочисленны и разнобразны. Одна Mantissa ornithologica или ornitologicon sibiricum его состоитъ изъ 18 убористо исписанныхъ томовъ. Эти замѣчательныя зоографическія и анатомическія работы, къ сожалѣнію, никогда непубликованныя, по словамъ Брандта, составляютъ первые элементы болѣе точнаго познанія сибирской фауны и послужили Палласу весьма полезнымъ матеріаломъ для составленія его зоографіи. Съ другой стороны, его многочисленныя, зоологическія коллекціи послужили первымъ и богатымъ вкладомъ и основаніемъ музея естественной исторіи, устроеннаго геніемъ Петра Великаго. Кромѣ того, Мессершмидтъ первый набросалъ очерки зоолого-экономическаго быта сибирскихъ поселеній, напримѣръ, рус-

---

[1]) Какъ, напр., въ Миллеровыхъ „Sammlungen Russischer Geschichte", у Витзена—въ его „Nord en Ost Tartarye" и у многихъ другихъ.

[2]) Мессершмидтъ родился въ 1685 г., сент. 16, учился въ Галлѣ и былъ уже въ 1706 г. докторомъ. Онъ обладалъ обширною ученостью: кромѣ естественныхъ наукъ, зналъ восточные языки, и со всею энергіею и трудолюбіемъ предался наукамъ. Если онъ весь день путешествовалъ и собиралъ свѣдѣнія, то до поздней ночи и часто до утра журналировалъ, и потомъ спалъ нѣсколько часовъ. По прибытии въ Петербургъ, въ 1716 г., онъ назначенъ былъ въ Медицинскую Коллегію, въ которой тогда президентомъ былъ извѣстный архіатеръ Блументростъ.

[3]) Инструкція ему дана была обширная: 1) землеописаніе: 2) естественная исторія и, въ частности, зоологія; 3) медицина, медицинскіе матеріалы, эпидимическія болѣзни и проч., 4) описаніе сибирскихъ племенъ и проч. Всѣ *натураліи*, какъ тогда говорили, онъ долженъ былъ собирать и присылать въ Петербургъ. Все это онъ предпринялъ безъ достаточныхъ пособій, только съ 500 р. годового оклада. Nachricht, s. 98—99.

скихъ зимовей и тунгузскихъ юртъ по Нижней Тунгускѣ, въ Забайкальѣ. Вообще, этотъ замѣчательный натуралистъ, сдѣлавшiй, по своему времени и по скуднымъ средствамъ, очень многое не только для зоологiи русско-сибирской, но и для минералогiи, ботаники, физическаго землеописанiя, этнографiи и проч., къ сожалѣнiю, претерпѣвшiй, по возвращенiи изъ путешествiя, арестъ и разныя несчастiя (между прочимъ, семейное), забытый всѣми, по иницiативѣ своей достойно занимаетъ почетное мѣсто въ исторiи естествознанiя и просвѣщенiя въ Россiи [1]).

Спустя немного лѣтъ послѣ возвращенiя Мессершмидта, зоологiя русской земли, и въ особенности Сибири, получила обширное развитiе вслѣдствiе цѣлаго ряда ученыхъ путешествiй натуралистовъ, совершенныхъ подъ руководствомъ академiи наукъ въ обширныхъ размѣрахъ по разнымъ областямъ, и продолжавшихся до конца XVIII столѣтiя. Естественно-научные анналы этихъ путешествiй, прогрессъ зоологiи, знаменующiй эту эпоху, дѣлаютъ незабвенными имена натуралистовъ, которые, движимые единственно любовiю къ естествознанiю, смѣло пускались въ странствованiя и часто въ теченiе многихъ лѣтъ, среди тысячи преградъ и лишенiй, претерпѣвали влiянiя негостепрiимнаго неба Сибири. Такъ, послѣ Мессершмидта, во время второй камчатской экспедицiи, *Георгъ Гмелинъ, Стеллеръ* и *Крашенинниковъ* описывали дальнѣйшiя зоологическiя области сѣверовосточныхъ владѣнiй Россiи и сообщили много новыхъ зоологическихъ знанiй. *Гмелинъ*, путешествовавшiй въ 1733—41 г., въ мемуарахъ св. ихъ описалъ большое число млекопитающихъ Сибири и въ частности: ovis argali, moschus moschiferus, mustela zibellina, bos grunniens, tomias striatus, antilope saiga, antilope gutturosa, dipus jaculus, lepus tolai и canis lagopus [2]). *Стеллеръ*, путешествовавшiй въ 1738—1746 г. и претерпѣвшiй страшныя несправедливости, притѣсненiя и страдальческую смерть, позорящую русскихъ, открылъ нѣкоторыхъ новыхъ, до него вовсе неизвѣстныхъ животныхъ, которыя и названы были по его имени—Rytina Stelleri и Otaria Stelleri. И наука только по описанiю Стеллера, да по остаткамъ череповъ, и знаетъ морскую корову (Rytina Stelleri), такъ какъ хищные морепромышленники, по открытiи этой животной породы, столь энергично напустились на нее, что въ какiе-нибудь 27 лѣтъ истребили всю генерацiю.— «Стеллеръ, говоритъ Крашенинниковъ, видѣлъ около Америки новаго и необыкновеннаго морского звѣря, котораго описываетъ слѣдующимъ образомъ: длиною звѣрь этотъ около двухъ аршинъ, голова у него, какъ у собаки, уши вострыя и стоячiя. На нижней и верхней губахъ по сторонамъ долгiе волосы, будто бороды, глаза большiе, станъ его кругловатый и продолговатый, къ головѣ толще, а къ хвосту гораздо меньше. Шерсть по всему тѣлу густа, на спинѣ сѣра, а на брюхѣ рыжебѣловата, но въ водѣ помянутый звѣрь кажется весь, какъ корова, рыжiй. Хвостовой плескъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ верхняя длиннѣе. Между тѣмъ Стеллеръ весьма удивлялся, что не могъ примѣтить у него ни лапъ, ни ластовъ, какъ у другихъ морскихъ животныхъ. Стеллеръ считалъ его морскою обезьяною. Плавая около судна ихъ, онъ больше двухъ часовъ смотрѣлъ то на

[1]) Палласомъ и потомъ Брандтомъ возстановлена была память его естественно-научныхъ заслугъ. См. Брандта—„Versuch einer Kurzen Uebersicht der Vortschritte welche die Kenntniss der thierischen Korper den Schriften der Kais. Akademie du Saint—Petersb. Verdankt —въ „Собр. акт. имп. акад наукъ“. Спб. 1832. Pallas, Beiträge, v. III, p. 97.

[2]) „Novi commentarii Petropolitani“, t. IV и V. Путешествiе его изд. въ Геттингенѣ, въ 1751 г.

того, то на другого, какъ бы съ удивленіемъ. Иногда подходилъ къ нимъ столь близко, что его можно было шестомъ достать... Изъ воды поднимался онъ до третьей части своего тѣла и стоялъ какъ человѣкъ прямо, не перемѣняя нѣсколько минутъ такого положенія. Посмотрѣвъ на нихъ пристально около получаса, бросался какъ стрѣла подъ судно ихъ и по другую сторону выныривалъ, но вскорѣ, поднырнувъ опять подъ судно, оказывался снова на прежнемъ мѣстѣ, и это продолжалъ онъ до 30 разъ», и проч. [1]). Этихъ и многихъ другихъ животныхъ Стеллеръ описалъ въ трехъ превосходныхъ мемуарахъ. Въ одномъ [2]), замѣчательнымъ образомъ описаны многія морскія млекопитающія, и именно: Rytina, Otaria leonina и ursina и Enydris marina [3]); въ другомъ мемуарѣ [4]) Стеллеръ описалъ яйца и гнѣзда многихъ птицъ; и въ третьемъ—естественную исторію рыбъ — ichtyologia Kamtchatka [5]). Крашенинниковъ, путешествовавшій въ 1738—43 годахъ по Камчаткѣ, въ своемъ «Описаніи земли Камчатки» сообщилъ довольно подробныя свѣдѣнія «о звѣряхъ земныхъ и морскихъ, о рыбахъ, о птицахъ, о насѣкомыхъ и гадахъ», включивъ въ свое описаніе и зоологическія наблюденія и открытія Стеллера, съ которымъ вмѣстѣ онъ объѣзжалъ и изучалъ Камчатку до 1741 года. Именно изъ такъ названныхъ имъ земныхъ звѣрей онъ описалъ свойства камчатскихъ лисицъ — до 7 разновидностей, соболей, песцовъ, зайцевъ, горностаевъ, ластицъ, россомахъ, медвѣдей, оленей и дикихъ каменныхъ барановъ, 3 разновидности мышей и собакъ. Говоря объ этихъ животныхъ Крашенинниковъ обратилъ особенное вниманіе на промыслы ихъ камчадалами, а также на ихъ географическое распредѣленіе и миграціи. Онъ указалъ на временную убыль звѣрей, вслѣдствіе ихъ біологическихъ причинъ и, вообще, естественныхъ отношеній, на что послѣ указывали и такіе натуралисты, какъ Бэръ. Водныхъ звѣрей Крашенинниковъ дѣлилъ на 3 группы: къ первой—относилъ тѣхъ, которые живутъ только въ прѣсной водѣ, т. е. въ рѣкахъ, какъ напр., выдра; къ другой—тѣхъ, которые живутъ и въ рѣкахъ и въ морѣ, какъ тюлени; къ третьей—тѣхъ, которые не заходятъ въ рѣки, какъ морскіе бобры, коты, сивучи и др. Изъ водныхъ или морскихъ животныхъ, Крашенинниковъ особенно подробно описалъ сивучей, «гривистыхъ животныхъ, подобныхъ по складу тюленямъ, величиною съ моржей, вѣсящихъ отъ 35 до 40 пудовъ, водящихся наиболѣе около каменныхъ горъ или утесовъ въ океанѣ» и проч. Съ такою же біологическою и анатомо-физіологическою подробностью описалъ онъ морскихъ котовъ, морскихъ бобровъ и морскихъ коровъ, на которыхъ Крашенинниковъ смотрѣлъ, какъ на нѣкоторый средственный членъ, посредствомъ котораго родъ морскихъ звѣрей можно соеди-

---

[1]) „Опис. Комч“, II, 295—296.

[2]) „Novi Comnentar. Petropolitani“, t. II, p. 289.

[3]) Pöppig, „Naturgesch. d. Thier.“, I, 286—287. Шкуры Otaria Stelleri—морскихъ львовъ—служатъ для камчадаловъ превосходною зимнею одеждою, и самъ Стеллеръ ими защищался отъ суроваго климата.

[4]) „Novi Comment. Petropol.“, t. III, p. 403.

[5]) Ibid., t. IV, p. 411. См. Stellers „Beschreibung von Kamtschatka“. Leipzig 1774. Pallas, „Neue nordische Beitrage“, v. I, p. 127 и v. II, p. 7. —У Гартвига—о Стеллерѣ. Стеллеръ, какъ видно, въ высшей степени любознательно наблюдалъ и подробно изучалъ морскихъ животныхъ. Крашенинниковъ объ немъ говоритъ: „Господинъ Стеллеръ жилъ между стадами сивучей на высокомъ мѣстѣ 6 дней, примѣчая изъ шалаша своего нравы ихъ: животные лежали вокругъ него смотрѣли на огонь и на всѣ его дѣйствія, и отъ него уже не бѣгали, хотя ему и ходить между ними случалось, брать изъ стада щенятъ ихъ и убивать для описанія: они спокойно ходили и дрались за мѣста и за своихъ самокъ: одинъ за самку 3 дня сряду бился“, и проч. „Опис. Камч.“, II, 273—274, 279—80.

нить съ рыбами[1]). Въ главѣ о рыбахъ, Крашенинниковъ описалъ китовъ, мокоя или акула (Canis carcharias, Krasch.) камбалу, вахню (onos s. Asinus antiquorum), хахалчу (Obolarius aculeatus Stell.), терпука (Doccoqvanos Stell.), разныя породы красной рыбы, лососей, сельдей, кету, горбушу, мыкызы, кунжу, рамжу, миноги, корюху, окатъ, налимовъ морскихъ, треску и проч.,—всего до 25 породъ рыбъ. Описывая рыбъ, Крашенинниковъ, согласно съ новѣйшими ихтіологами—Валансьеномъ и Нильсономъ, замѣчаетъ о топографическомъ распредѣленіи и локализаціи рыбъ въ водахъ: «Два замѣчательныя обстоятельства примѣчены: 1, что рыба, которая, напр., родится въ Большой рѣкѣ (въ Камч.), то и въ морѣ живетъ противъ устья ея, питаясь водою и веществами, носимыми по морю; по наступленіи времени нейдетъ ни въ какую рѣку, кромѣ той, въ которой родилась, чему служитъ доказательствомъ: а) то, что въ которой рѣкѣ какая рыба плодится, въ той ежегодно бываетъ она въ равномъ множествѣ; b) въ Большой рѣкѣ водятся чавычи, а въ озерной, которая течетъ изъ Курильскаго озера, никогда не бываетъ ихъ, хотя дно и устье ея такого же состоянія. Въ Брюшкиной, Компановой—и до самой Ичи промышляется семга, а въ другихъ рѣкахъ нигдѣ ея не примѣчено... Каждый родъ особо идетъ по рѣкамъ въ опредѣленное время» и проч. Такихъ ихтіологическихъ фактовъ и замѣчаній Крашенинниковъ высказываетъ не мало. Точно также разсматриваетъ онъ птицъ, указывая на законы жизни, миграцій и взаимныхъ отношеній и раздѣляя ихъ на морскихъ, рѣчныхъ или прѣсноводныхъ, болотныхъ, лѣсныхъ и полевыхъ. Вообще, въ своемъ біологическомъ описаніи разныхъ животныхъ Крашенинниковъ даетъ не мало фактовъ для изученія животной борьбы за существованіе, полового подбора, естественнаго подбора и географическаго распредѣленія, а также представляетъ хорошіе матеріалы для изученія экономическихъ основъ звѣропромышленныхъ и рыболовческихъ поселеній[2]).

Въ такомъ же родѣ продолжали изучать, по отдѣльнымъ областямъ, фауну и ея географическое распредѣленіе: *Лаксманъ, Фалькъ* (1768—1773), изучавшій преимущественно южную и юго-восточную, степную и пріалтайскую фауну и ея географическое распространеніе, описавшій до 69 видовъ млекопитающихъ животныхъ, этнографическій и экономическій бытъ пріалтайскихъ звѣроловческихъ и пастушескихъ народовъ; *Георги* (1770—1774), описавшій преимущественно забайкальскую фауну; *Зуевъ*, студентомъ путешествовавшій съ Палласомъ, и *Меркъ*.

Между тѣмъ какъ собирались по разнымъ географическимъ областямъ такія элементарныя зоологическія свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ накоплялись зоологическія коллекціи,—въ Петербургѣ возникалъ, на основаніи ихъ, зоологическій и сравнительно-анатомическій музеумъ, какъ всеобщее училище зоологіи или наглядное руководство къ изученію фауны русской земли. Польза собранія зоологическихъ предметовъ была сознана Петромъ Великимъ, хотя въ его время еще совершенно иначе смотрѣли на эти предметы, именно, какъ только на странныя и диковинныя рѣдкости, аномальныя или искусственно-изуродованныя формы, такъ что зоологическія собранія служили больше предметомъ забавныхъ, потѣшныхъ разговоровъ, чѣмъ изученія; или, особенно-замѣчательные и удивительные предметы зоологиче-

[1]) „Опис. Камч.", II, 290.
[2]) Ibid., стр. 210—350.

ихъ собраній разсматриваемы были, какъ чудеса. Петръ Великій уже во время рваго своего пребыванія въ Голландіи (1698) купилъ значительное число ицъ, рыбъ и насѣкомыхъ, которыя сначала хранились, вмѣстѣ съ уродами и атомическими препаратами, въ московской аптекѣ, подъ вѣдѣніемъ архіатера эескина. Потомъ эти зоологическія коллекціи перевезены были въ Петербургъ и ачительно пополнены въ 1716 г. пріобрѣтеніемъ собранія амстердамскаго аптеря и знатока природы Зебы (Zeba) и покупкой коллекціи датскаго натуралиста эттвальда, а въ слѣдующемъ году—покупкой большого натуральнаго кабинета лландскаго анатома Рюиша (Ruysch). Въ этомъ послѣднемъ собраніи находись не только многочисленные и замѣчательные анатомическіе препараты, именно, юславленные въ то время наливные препараты, сдѣланные самимъ Рюишемъ, не лько богатѣйшее тогда собраніе человѣческихъ зародышей (до 110), вмѣстѣ съ мѣчательнымъ гербаріемъ, но также многія тысячи зоологическихъ предметовъ ъ различныхъ животныхъ классовъ. Въ 1727 году собраніе натуралій архіатера рескина, который, какъ видно, очень интересовался зоологическими предметами, единено было съ императорскимъ собраніемъ, которое въ 1735 году академія укъ увеличила еще 30 штуками. До 1728 года всѣ названныя зоологическія бранія составляли нѣчто въ родѣ придворнаго кабинета натуралій. Въ этомъ ду они перешли во владѣніе академіи наукъ и получили научное значеніе. Къ нцу 1729 года тогдашняя медицинская коллегія сообщила въ новый зоологичеій музеумъ академіи богатое собраніе естественныхъ произведеній, которыя соалъ въ Сибири трудолюбивый Мессершмидтъ. Въ 1741 году этотъ новый муумъ получилъ зоологическія пріобрѣтенія отъ путешествій Гмелина по Сибири Стеллера по Сибири и Камчаткѣ, вмѣстѣ съ собраніемъ птицъ изъ окрестноой Петербурга. Изданный въ 1842 году, подъ заглавіемъ Museum petropolinum, pars I, составленный частію Стеллеромъ, частію Гмелинымъ, каталогъ гдашнихъ зоологическихъ собраній академіи насчитывалъ уже въ музеумѣ 2 млекопитающихъ, 755 птицъ, 900 амфибій, 470 рыбъ, 218 раковъ и угихъ морскихъ животныхъ и нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ. Съ этого времени, словамъ Брандта, наступилъ второй періодъ зоологическаго музеума, характезующійся тѣмъ, что находившіеся въ немъ зоологическіе предметы уже не разатривались болѣе людьми науки, какъ курьезы, но съ 1742 года на нихъ али смотрѣть, какъ на важный, научный матеріалъ, и часто пользовались ими я учебныхъ работъ: они послужили на первый разъ матеріаломъ для многочиенныхъ классическихъ работъ Палласа [1]).

Вступленіе П. С. Палласа въ петербургскую академію наукъ въ 1766 году означаетъ новый, блестящій періодъ зоологіи Россіи и Сибири; это былъ, ворвыхъ, періодъ новыхъ, наиболѣе обширныхъ и наиболѣе ученыхъ естествознавательныхъ комиссій или экспедицій и путешествій по всѣмъ частямъ русой земли; во-вторыхъ—періодъ строго-научной разработки зоологіи изъ богатѣйихъ матеріаловъ, добытыхъ путешествіями натуралистовъ, и публикацій обширыхъ классическихъ произведеній по естественной исторіи и, особенно, по зоологіи. алласъ является корифеемъ во главѣ этого новаго умственнаго движенія, во авѣ всѣхъ его предшественниковъ въ Россіи и, въ то же время, начинателемъ

[1]) Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, t. VII, N. IV.)as zoologishe und vergleichend—anatomische Museum", s. 11—12.

новаго періода естествознанія и, въ частности зоологіи, въ Россіи. Объ историческомъ значеніи всѣхъ этихъ естественнонаблюдательныхъ путешествій и, въ частности, трудовъ Палласа мы подробнѣе скажемъ въ очеркахъ умственнаго или интеллектуальнаго движенія въ Россіи, а здѣсь только охарактеризуемъ, въ общихъ чертахъ, зоологическія работы и заслуги знаменитаго натуралиста. Палласъ совершилъ свое замѣчательное путешествіе по Россіи и Сибири въ 1768—1774 г.г. Онъ объѣхалъ всю юго-восточную Россію и Сибирь до Монголіи и Китая, посылая, кромѣ того, по сторонамъ бывшихъ съ нимъ студентовъ для естественно-историческихъ наблюденій въ побочныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, Соколова - для изученія уральскаго рыболовства, Зуева —для изученія фауны Обдорскаго и Березовскаго края. Во время путешествія своего, Палласъ сдѣлалъ много новыхъ зоологическихъ открытій, изслѣдовалъ на мѣстахъ географическое распространеніе множества видовъ животныхъ, приложивъ свои зоологическіе реестры, а иногда и рисунки въ видѣ прибавленій къ описанію своего путешествія. По возвращеніи изъ путешествія, Палласъ принялся за свой классическій трудъ, начатый имъ еще въ Германіи, подъ заглавіемъ «Spicilegia Zoologica», и долженствовавшій обнять всѣхъ животныхъ Россіи. Между тѣмъ какъ онъ анализировалъ, изучалъ и сводилъ въ одно цѣлое свои зоологическія наблюденія и матеріалы, а также «Ornithologicon» Мессершмидта, «Ichtyologia» Стеллера, «Systema Naturae» Гмелина и другихъ,— академикъ Георги издалъ въ 1800 году, на основаніи «Systema Naturae» Гмелина, описаніе естественной исторіи всѣхъ животныхъ, который представляютъ какую-нибудь важность экономическую или техническую [1]). Въ теченіе этого времени Палласъ доканчивалъ обработку обширныхъ матеріаловъ, которые должны были служить базисомъ его полнаго описанія животныхъ Россіи. Наконецъ, въ 1814 году, вышла его знаменитая «Zoographia Rossoasiatica», которую начали печатать съ 1807 года. Въ изложеніи своей зоографіи Палласъ слѣдовалъ естественному методу, открытому Бернардомъ Жюссье въ 1759 году въ его «Ordines naturales», и окончательно установленному Антономъ Лораномъ Жюссье въ его «Genera plantarum secundum ordines naturales disposita». Описывая животныхъ, говоритъ Брандъ, Палласъ мастерски характеризовалъ ихъ и не ограничивался однимъ изученіемъ ихъ анатомическаго строенія или внѣшней структуры, ихъ географическаго распредѣленія и нравовъ, но часто анализировалъ и внутреннюю ихъ организацію или физіологію. Въ настоящемъ очеркѣ для насъ въ зоографіи Палласа важно, во-первыхъ, то, что онъ показалъ и экономическое значеніе животныхъ, особенно для народовъ сибирскихъ, описавши въ то же время въ своемъ «Путешествіи» зоолого-экономическій бытъ поселеній звѣроловческихъ, рыболовческихъ и скотоводческихъ; во-вторыхъ, то, что онъ точно изобразилъ тогдашнее и, большею частію, до нынѣ существующее географическое распространеніе и распредѣленіе животныхъ, обративши вниманіе, въ частности, и на ихъ миграціи. Принимаясь одинаково изучать и описывать животныхъ полезныхъ и безполезныхъ для культуры, Палласъ оговаривается, что этимъ онъ нисколько не отрицаетъ огромной пользы зоологіи и, вообще, естествознанія для экономіи, медицины, техническихъ искусствъ и проч., что это само-собою ясно и несомнѣнно

[1]) Полное заглавіе сочин. Георги: „Geographisch physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches". Königsberg, 1800. Зоологич. описанія въ III и VI т. сочиненія.

и уже доказано Линнеемъ. Въ своей зоографіи онъ весьма много говоритъ объ экономическомъ значеніи разныхъ млекопитающихъ животныхъ у разныхъ русскихъ племенъ и народовъ. А въ «Путешествіи» своемъ онъ даже подробно изобразилъ экономическія условія разныхъ поселеній — охотничьихъ, пастушескихъ и скотоводческихъ, напримѣръ, калмыковъ, башкирцевъ, рыболовческія поселенія уральскія или яицкія, остяцкія на Оби, скотоводческій бытъ киргизъ-кайсаковъ, качинцевъ, бельтировъ, койбаловъ, забайкальскаго населенія и проч. Что касается до географическаго распространенія животныхъ, обусловившаго географическое движеніе и распредѣленіе поселеній звѣроловческихъ, рыболовныхъ и пастушескихъ или скотоводческихъ, то Палласъ подробно начерталъ его и въ общемъ обзорѣ млекопитающихъ и, въ особенности, при описаніи каждаго вида. «Россійская имперія, говоритъ Палласъ, хотя во внутреннихъ странахъ, преимущественно къ востоку, большею частію еще пустынна и мало населена, однакожъ меньше обладаетъ рѣдкими видами земныхъ млекопитающихъ животныхъ или такъ называемыхъ Quadrupedes, четвероногихъ, чѣмъ обыкновенно говорятъ. Такъ, напримѣръ, Польша и сопредѣльная съ нею Литва долго имѣла болѣе стадъ волковъ, чѣмъ какая-либо пустыня Россіи или Сибири; и поля сибирскія хотя болѣе пустынны, однако питаютъ меньшее количество видовъ, только въ большихъ стадахъ, чѣмъ самая Россія. Но чѣмъ умѣреннѣе вся страна, тѣмъ больше разнообразія въ животныхъ. Альпы, образующіе южный предѣлъ Сибири, уральскій югъ, отдѣляющій Сибирь отъ Россіи, и Кавказъ весьма изобилуютъ большими звѣрями. Арктическія же тундры, кромѣ сѣверныхъ оленей, по первоначальному происхожденію тоже, вѣроятно, альпійскихъ, едва ли какую крупную добычу доставляютъ охотникамъ... Число видовъ изъ класса млекопитающихъ, доселѣ изученныхъ въ предѣлахъ россійской имперіи, причисляя сюда и домашнихъ, которыя, однакожъ, большею частію у насъ находятся еще въ звѣрскомъ состояніи, немного свыше 150. Изъ этого числа новыхъ видовъ, у насъ впервые замѣченныхъ и принадлежащихъ въ частности русской фаунѣ — больше 50».

Не вдаваясь въ подробности географическаго распредѣленія каждаго животнаго вида въ отдѣльности, со всею отчетливостью начертаннаго Палласомъ, замѣтимъ вообще, что заслуги его для зоологіи обширны и разнообразны. Возьмемъ ли, напримѣръ, классификацію и опредѣленіе видовъ послѣ Линнея,— Палласъ, относительно ихъ, стоитъ наряду съ первѣйшими натуралистами XVIII столѣтія — съ Жюссье, Адансономъ, Фабриціемъ и Мюллеромъ. Относительно строенія и отправленій животныхъ, мы видимъ Палласа наравнѣ съ Добантономъ, Галлеромъ, Камперомъ, Гунтеромъ, Ліонне, Спаланцани. Относительно наблюденія нравовъ животныхъ, Палласъ выступаетъ вмѣстѣ съ Бонне, Реомюромъ, Бюффономъ. По зоологической, а также ботанической географіи опять является Палласъ наравнѣ съ Бюффономъ и Линнеемъ. По антропологіи — видимъ талантливымъ этнологомъ и этнографомъ Палласа, наряду съ Бюффономъ и Блюменбахомъ. Наконецъ, относительно палеонтологіи, нельзя не указать на изслѣдованія Палласа надъ остатками сѣверной Европы. «Палласъ, говоритъ Исидоръ-Жоффруа Сентъ-Илеръ, принесъ такъ много пользы наукѣ своими путешествіями, а еще болѣе своими превосходными трудами надъ животно-растеніями и наливочными, изслѣдованіями по анатоміи животныхъ, вообще зоологіи, антропологіи, палеонтологіи и даже самой геологіи, тотъ Палласъ, труды котораго столь разнообразны и такъ совершенны,

несмотря на число ихъ, что нѣкоторые естествоиспытатели пытались даже провозгласить его, несмотря на Линнея и Бюффона, величайшимъ естествоиспытателемъ XVIII столѣтія» [1]). Бленвиль даже преувеличенно видитъ въ Палласѣ основателя «не только положительной геологіи», но даже «палеонтологической анатоміи, классификаціи зоологической... и антропологіи» [2]). Такъ обширны и крупны были естественно-научныя и, въ частности, зоологическія заслуги знаменитаго Палласа, у насъ достойно оцѣненныя Брандтомъ [3]).

Знаменитая «Zoographia Rosso-asiatica» Палласа служила потомъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ зоологическихъ путешествій и работъ. Надобно замѣтить, что Палласъ, предпринявши великій трудъ—изобразить внѣшнее и внутреннее строеніе, образъ жизни и распространеніе всего животнаго міра русской земли, успѣлъ описать только позвоночныхъ животныхъ, но не разработалъ зоологіи безпозвоночныхъ и о многихъ порядкахъ и классахъ оставилъ только отдѣльныя, отрывочныя замѣтки. Поэтому, дальнѣйшія зоологическія изысканія направлены были съ особенною спеціальностью на животныхъ безпозвоночныхъ. Между тѣмъ, и зоологическія экскурсіи, и экспедиціи продолжались по прежнему. Изъ дальнѣйшихъ путешествій укажемъ: на путешествіе Адамса въ сѣверную Сибирь, въ 1805 и 1806 г., на путешествіе Таубера, Гельма и Мора, которые отправлены были въ 1808 г. въ киргизскія и сибирскія степи московскимъ обществомъ натуралистовъ; на путешествіе Лангсдорфа и Телезія съ Крузенштерномъ въ 1803—1806 г., изслѣдовавшихъ, между прочимъ, фауну камчатскую, на путешествіе и зоологическія наблюденія Мертенса во время кругосвѣтнаго путешествія Литке, на экспедицію къ ледовитому морю Врангеля и Анжу (1821—1826), и пр. [4]). Особенно много способствовали изученію фауны русской земли, различныхъ разновидностей видовъ и географическаго распредѣленія животныхъ, новѣйшія учено-натуральныя путешествія. Сюда относятся слѣдующія экспедиціи: путешествіе академика *Бэра* въ Лапландію, къ Бѣлому морю и въ Новую Землю, а позднѣе—на нижнюю Волгу и Каспійское море; путешествіе академика *Миддендорфа* въ Таймурскую землю, восточную Сибирь, на Охотское море и въ Амурскую область; путешествіе *Рупрехта* на полуостровъ Канинъ и на Кавказъ; путешествіе акад. *Леоп. Шренка*, вокругъ земли, въ Амурскую область и на Сахалинъ; путешествіе академиковъ *Брандта* и *Радде* въ Бессарабію, Херсонскую и Таврическую губерніи; путешествіе *Ратке* въ Тавриду; путешествіе *Нордмана* въ Закавказье; путешествіе *Ал. Шренка* и *Карелина* въ киргизскую степь и на Чую; путешествіе *Лемана* на Уралъ, въ киргизскія степи и Бухарію; путешествіе *Коленати* (Kolenati) въ кавказскія провинціи; путешествіе *Сѣверцова* въ киргизскія степи и Уральскую область; путешествіе *Гофмана* и *Брандта* на сѣверный Уралъ; путешествіе *Радде*, *Маака* и *Максимовича* въ восточную Сибирь и въ Амурскую область; путешествіе *Даниловскаго* съ препаратомъ Никитинымъ въ губернію Архангельскую, на берега

1) „Общая Біографія", I, 84.

2) Beainville, „Histoire des sciences de l'organisation". 1845. l. c. t. II.

3) Брандтъ заключаетъ о „Zoographia" Палласа: „Его лебединая пѣснь подарила Россіи трудъ, который въ эту эпоху не имѣетъ себѣ равнаго ни въ одной странѣ Европы, потому что нигдѣ не было фауны млекопитающихъ, обработанной такимъ образомъ и представляющей такую важность относительно географическаго распредѣленія животныхъ" („Considération sur les animaux vertèbres de la Sybérie occidentale", p. 423).

4) Ibid., p. 423—424 и слѣд.

Ледовитаго моря и Норвегіи; путешествіе консерватора *Гебеля* на Каспійское море, и, наконецъ, 10-ти лѣтнее путешествіе консерватора зоологическаго музеума *Вознесенскаго* вокругъ земли, по берегамъ Охотскаго моря, по Камчаткѣ, по русско-американскимъ колоніямъ и въ Калифорнію. Вслѣдствіе такихъ путешествій, фауна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественная зоологическая экономія русскаго народонаселенія все болѣе и болѣе уяснялась въ различныхъ областяхъ и мѣстностяхъ русской земли. Такъ, напримѣръ, фауну Лапландіи, Новой земли и Таймура раскрыли Бэръ и Миддендорфъ, фауну малой Россіи изслѣдовалъ проф. Криницкій. Зоологію Чернаго моря и его береговыхъ странъ разработывалъ проф. Нордманъ и изложилъ подъ заглавіемъ «Faune pontique», гдѣ наиболѣе совершенно разсмотрѣны тѣ млекопитающія, которыхъ Нордманъ видѣлъ самъ, и особенно птицы и рыбы. Въ то же время Эйхвальдъ, вслѣдствіе своего путешествія, составилъ «Fauna caspio-caucasica» [1]). Фауну Волынскаго края, всѣхъ животныхъ классовъ, ревностно разрабатывалъ казанскій проф. Еверсманъ. Систематическую обработку зоологіи этого края онъ представилъ въ естественной исторіи Оренбургскаго края [2]). Ихтіологія русская (породы рыбъ Каспійскаго моря и его притоковъ, Балтійскаго моря, Чудскаго озера, Пейпуса, Бѣлаго моря и проч.), а также рыболовство съ особенною научною отчетливостью изслѣдованы были акад. Бэромъ и Данилевскимъ. Въ новѣйшее время (1855—1859), Густавъ Радде, въ двухъ большихъ томахъ своего громаднаго, капитальнаго труда, великолѣпно описалъ фауну юго-восточной Сибири [3]). Въ этой фаунѣ онъ изучилъ до 102 видовъ млекопитающихъ животныхъ и въ высшей степени отчетливо и статистически-ясно раскрылъ численныя отношенія, условія и границы ихъ распространенія и распредѣленія, указывая главнымъ образомъ на условія и особенности террестрическія, климатическія и ботаническія, и въ то же время художественно обрисовывая различныя природныя формы и типы юго-восточной Сибири. «Южно-сибирская, млекопитающая фауна, въ тѣсномъ смыслѣ, — говоритъ онъ вкратцѣ, — распространяется, съ большою однообразностью и, можно сказать, бѣдностью формъ, по всей лѣсистой, центральной части южной Сибири, по большей части до 50° с. ш., и на югъ повсюду переступаетъ этотъ предѣлъ тамъ, гдѣ, съ значительнымъ повышеніемъ горъ или всего плато, обусловливаетъ это суровый климатъ. Она состоитъ частію еще изъ самыхъ сѣверныхъ видовъ стараго свѣта, частію изъ такихъ, которые находятся столько же въ Европѣ, какъ и въ Азіи въ умѣренномъ климатѣ, и обладаетъ только немногими формами, которыя исключительно ей свойственны настолько же, насколько и животному міру западно-сибирскихъ горъ; нѣтъ ни одного такого вида, который бы исключительно принадлежалъ ей одной. Эта фауна находится въ восточномъ Саянѣ, также въ южныхъ, параллельно идущихъ горахъ Тангу, столько же, съ неизмѣнною чистотою и мономорфіею, на всемъ южномъ Яблоновомъ хребтѣ и въ цѣпи Кэнтэя, такъ же какъ, наконецъ, слѣдуя по направленію Яблоноваго и Станового хребта, распредѣляется не только по сѣверной сторонѣ его, но также, вблизи раздѣлительныхъ возвышенностей, по южнымъ склонамъ и оживляетъ ту часть Хингана, которая, пересѣкаясь Аргуньею и Шилкою, склоняется въ русской области. Только тигръ,

---

[1]) Beitr. IX. I. s. 146.

[2]) „Naturgeschichte der Orenburg--Begend." Beitr. XI, I. s. 147—184.

[3]) „Reisen im süden von Ost-Sibirien in den Iahren 1855—1859 incl.", von Gustav Radde. Bd. I: Säugethiere; Band II: Die Festlands-ornis des südöstlichen Sibiriens.

единственный южный видъ животныхъ въ этой фаунѣ, какъ забѣжчикъ, временно переступаетъ за южную разграничительную черту ея распространенія; другихъ же формъ млекопитающихъ животныхъ, которыя принадлежатъ южной или восточнымъ островамъ умѣренной Азіи, здѣсь совершенно недостаетъ, и уже впервые съ 49° с. ш. выступаютъ эти животныя, сначала очень разъединенныя, изолированныя, потомъ южнѣе —въ быстро возрастающей массѣ. Даже на прибрежныхъ горахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ устья Амура, и въ Камчаткѣ члены этой млекопитающей фауны образуютъ почти единственныя составныя части всего млекопитающаго животнаго міра, и здѣсь между ними находятся только немногіе, отдѣльные виды американскіе» [1]). Тотъ же Радде великолѣпно раскрылъ гипсометрическія, террестрическія, климатическія и ботаническія условія и взаимодѣйственную физико-географическую связь распространенія въ юго-восточной Сибири и млекопитающей фауны, и народовъ—пастушескихъ и звѣроловческихъ.

Такимъ образомъ, благодаря общимъ усиліямъ нашихъ натуралистовъ, къ трудамъ которыхъ общество относилось съ позорнымъ равнодушіемъ, изученіе русской земли ясно раскрывало содержаніе животной экономіи въ Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляло степень возможности существованія и развитія въ ней зоолого-экономическихъ основъ поселеній, осязательно показывало всю недостаточность, неразвитость умственныхъ, раціональныхъ основъ въ экономическомъ бытѣ и строѣ русскаго народонаселенія и открывало много новыхъ экономическихъ или техническихъ данныхъ и основъ для развитія промышленныхъ поселеній. Во-первыхъ, зоологическое изученіе русской земли ясно показало, между прочимъ, всю шаткость, непрочность и отсталость первобытныхъ основъ звѣропромышленныхъ поселеній въ Россіи. Бэръ, на основаніи естественной исторіи пушныхъ звѣрей, великолѣпно раскрылъ естественно-историческое значеніе звѣропромышленныхъ поселеній, какія и доселѣ еще существуютъ въ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ и, особенно, въ восточной Сибири. Сохраненіе первобытнаго, непосредственно-натуральнаго элемента въ народной экономіи, въ основѣ тысячи народныхъ поселеній, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ, есть грубое, анахроническое продолженіе первобытнаго, звѣроловческаго состоянія людей, есть остатокъ и наслѣдіе отъ всеобщей бѣдности древней Россіи, находившей лишь богатство въ соболиной казнѣ и характеризовавшейся своими бобровничьими, сокольничьими и т. п. деревнями, и, наконецъ, есть свидѣтельство низкой степени культуры тамъ, гдѣ еще сохраняется этотъ терологическій элементъ народной промышленности. — Теперь охота и пушная торговля, говоритъ Бэръ, имѣютъ еще относительно очень высокую важность не столько для національной экономіи всего государства, сколько для тѣхъ областей, въ которыхъ земледѣліе слабо или даже вовсе не распространено. Только задолго до нашего времени, лѣтъ за 200 и болѣе, охота и пушная торговля, безъ сомнѣнія, имѣли гораздо большую, чѣмъ теперь, важность и для цѣлаго государства, по причинѣ всеобщей бѣдности земли. Слѣдовательно, теперь уже старый взглядъ, старый предразсудокъ — утверждать всеобщую важность обѣихъ—и охоты, и пушной торговли. Послѣ тѣхъ временъ, обѣ онѣ становятся все менѣе и менѣе важными не только потому, что сами собою упадаютъ, но и потому, что національное богатство приращается понемногу» [2]). При всемъ томъ,

[1]) Radde, Bd. I, s. 305—306.
[2]) Beiträge, Bd. VII, s. 204.

продолжающееся существованіе спеціальныхъ звѣропромышленныхъ поселеній въ Россіи, и при томъ еще довольно многочисленныхъ, сохраненіе первобытнаго терологическаго элемента въ народной экономіи, составляющаго основу и жизненную силу многихъ поселеній, — все-таки, повторяемъ, свидѣтельствуетъ еще о низкой степени цивилизаціи въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, не высоко, значитъ, еще интеллектуально-экономическое развитіе русскаго народа, когда онъ не встрѣчаетъ соперничества со стороны европейскихъ націй только въ тѣхъ сферахъ промышленности, изъ которыхъ европейцы давно уже вышли, какъ изъ дикаго первобытнаго состоянія, — въ тѣхъ промышленныхъ сферахъ, гдѣ сама природа производитъ и даетъ человѣку свои естественные продукты, такъ сказать, даромъ, безъ всякаго особеннаго умственнаго труда со стороны человѣка, какъ бы на бѣдность его умственнаго развитія и матеріальнаго состоянія, — гдѣ человѣка обогащаетъ не творчество и изобрѣтательность, не агрономическая, технологическая и индустріальная дѣятельность, а лѣса, тундры, тайги, горы, степи, міръ дикихъ звѣрей и, вообще, дикія, пустынныя пространства непокоренной гражданственностью природы. А таково еще, во многихъ отношеніяхъ и во многихъ мѣстностяхъ, промышленное состояніе Россіи. Въ звѣропромышленной отрасли внѣшней торговли, Россія, по изобилію и разнообразію добываемыхъ въ ней дорогихъ и дешевыхъ мѣховыхъ товаровъ, не встрѣчаетъ соперничества со стороны европейскихъ государствъ, гдѣ звѣриная ловля давно уже вытѣснена изъ круга народныхъ промысловъ новыми индустріальными занятіями и производствами. Въ Европѣ и европейской Азіи только еще одна Россія сохраняетъ, въ значительной долѣ, такъ сказать, первобытный, охотничій, звѣропромышленный характеръ, по множеству въ ней охотничьихъ, звѣроловческихъ племенъ и русскихъ звѣропромышленниковъ. Съ 1841 по 1846 г. средній отпускъ русскихъ пушныхъ товаровъ составлялъ сумму на 2.682.630 р. сер. Вывозъ изъ Россіи мягкой рухляди на лейпцигскія ярмарки и въ разныя европейскія государства давалъ слѣдующія среднія суммы въ годъ: 1829—33 г. 500.675 р., въ 1834—38 г. 710.784 р., въ 1839—43 г. 707.373 р., въ 1844—46 г. 1.004.289 р. сер., слѣдовательно постоянно возрасталъ. Между тѣмъ, какъ вывозъ въ Европу продуктовъ обработанныхъ, требующихъ знанія, постоянно упадалъ, какъ это блистательно доказано статистическими изслѣдованіями Небольсина и Тэрнера. Наконецъ, и самый характеръ пушной промышленности и торговли свидѣтельствуетъ о слабомъ проявленіи интеллектуальныхъ началъ въ звѣропромышленно-торговыхъ промыслахъ и поселеніяхъ или классахъ народа. Они не заключаютъ въ себѣ и не требуютъ никакихъ научныхъ началъ. Всякая отрасль промышленности, напримѣръ земледѣліе, скотоводство, фабрично-заводское производство, на высшей степени цивилизаціи, при раціональномъ развитіи, становится наукой или результатомъ науки, ея осуществленіемъ, приложеніемъ на практикѣ, также какъ вся жизнь цивилизованныхъ людей и націй, на высшей степени развитія, сливаясь съ наукой соціальной, становится выраженіемъ или осуществленіемъ идей научнаго знанія. Пушная же промышленность и торговля не можетъ имѣть научныхъ основъ, научнаго развитія и, слѣдовательно, прогресса. Производство мѣховой промышленности, замѣчаетъ Бэръ, не есть наука, которую бы можно было изучать посредствомъ абстрактныхъ принциповъ, а скорѣе просто искусство, которое пріобрѣтается и развивается только отъ долговременнаго навыка [1]).

[1]) Beiträge, VII, 205.

Во-вторыхъ, зоологическое изслѣдованіе русской земли съ типическою ясностью показало намъ, въ предѣлахъ историческаго развитія Россіи, еще полнѣйшее, такъ сказать, первобытное владычество физическаго міра надъ огромными массами народонаселенія и, слѣдовательно, крайнюю отсталость нашу отъ той могучей цивилизаціи, которая все болѣе и болѣе дѣлаетъ человѣка хозяиномъ и господиномъ окружающей его природы. Взгляните на картины экономическаго быта и строя Россіи, съ живья начертанныя натуралистами-путешественниками. Что это еще за бытъ и развитіе! Палласъ, Фалькъ и, особенно, Лепехинъ, въ путешествіяхъ своихъ, повсюду на русской землѣ описывали пассивно-рабскій бытъ народа въ разныхъ сферахъ естественной экономіи. Лепехинъ, почти на каждомъ шагу своего путешествія, отъ Москвы до саратовскихъ колоній, видѣлъ умственную слѣпоту и неподвижность народа въ сферѣ окружающихъ его разнообразныхъ данныхъ естественной экономіи и производительности русской земли и съ глубокимъ сокрушеніемъ указывалъ то на рутину земледѣлія и неумѣнье пользоваться почвой, особенно болотной, то на вопіющее нелѣпое пользованіе и злоупотребленіе такими естественными произведеніями, какъ лѣса, то на неумѣнье пользоваться разными полезными видами дикой растительности, напримѣръ, изъ породы Salsolaceae, то на невѣжество, суевѣріе и вредные обычаи въ скотоводствѣ, особенно въ случаѣ болѣзни скота, то на отсутствіе знаній и искусства въ обработкѣ животныхъ продуктовъ и т. п. Это еще въ центрѣ историческаго развитія Россіи, вблизи столицъ. А тамъ, далѣе, на востокѣ, что видѣли естествоиспытатели-путешественники? Вотъ, напр., въ звѣроловныхъ и пастушескихъ поселеніяхъ, не выходящихъ изъ среды мѣстнаго животнаго міра, натуралисты со всею ясностью раскрыли намъ чисто первобытное рабство людей передъ природою, именно: совершенно одинаковую съ животными, пассивную зависимость ихъ отъ мѣстныхъ, географическихъ условій, совершенную тождественность и, такъ сказать, слитность ихъ жизни съ общею жизнью фауны, въ общей экономіи животнаго міра. Люди тамъ одинаково съ фауной подчиняются террестрическимъ, климатическимъ и другимъ физическимъ условіямъ, одинаково съ ними ведутъ борьбу за существованіе, одинаково съ ними передвигаются съ мѣста на мѣсто. Радде, такъ прекрасно изслѣдовавшій юго-восточно-сибирскую фауну и ея физико-географическое распредѣленіе, между прочимъ, такимъ образомъ обрисовываетъ эту общую зоолого-географическую связь тамошней фауны и тамошнихъ звѣроловческихъ и пастушескихъ поселеній: «Повсюду здѣсь органическая жизнь обширныхъ горныхъ странъ является совершенно однообразною и бѣдною, сама по себѣ и для себя самой. Начиная съ высокихъ горныхъ вершинъ, на которыхъ тутъ и тамъ, въ ущельяхъ и разсѣлинахъ, во весь годъ не сходятъ слѣды снѣга, до возвышенныхъ равнинъ байкальскихъ, приблизительно отъ 6.000—1.300 англ. фут. надъ моремъ, весь растительный міръ видоизмѣняется только 4 типами... Въ неменьшей степени и въ животномъ царствѣ повсюду здѣсь замѣтно необыкновенное однообразіе. Ни одно животное возвышенныхъ степей Монголіи не переступаетъ угрюмыхъ лѣсовъ байкальскихъ возвышенностей и Яблоноваго хребта; такъ же какъ едва ли найдется тамъ одинъ представитель южныхъ растительныхъ видовъ средняго теченія Амура, — точно также нѣтъ на сѣверныхъ склонахъ Становаго и Яблоноваго хребта ни одного представителя типическихъ животныхъ видовъ Амура. Наконецъ, и самой жизни человѣка и развитію его культуры въ этихъ пространствахъ открыто самое узкое поприще, какое только могутъ обусловливать столь

бѣдныя, однообразныя природныя условія. Повсюду здѣсь мы видимъ тунгусовъ, господствующихъ въ ихъ просторной, бродячей разбросанности, разрозненныхъ на малыя, слабыя племена, осѣдающихъ здѣсь и тамъ на берегахъ обильныхъ рыбою дикихъ рѣкъ, потомъ опять соединяющихся зимой, по окончаніи охоты за пушными звѣрями, на нѣсколько дней въ отдѣльныхъ, далеко раскинутыхъ пунктахъ. Вмѣсто лошади выступаетъ здѣсь въ непроходимыхъ, бѣдныхъ растительностью болотахъ и мхахъ горныхъ олень. И какъ эта первобытная природа остается, въ пространствѣ временъ, неизмѣнною многія тысячи лѣтъ, и только здѣсь и тамъ, въ предѣлахъ ея области, точитъ зубъ уничтоженія, въѣдаясь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ глубже въ золотоносные пески, — такъ и люди, для которыхъ эта природа стала отечествомъ, вездѣ, гдѣ только незначительно было или даже вовсе не было столкновенія съ вторгшимся изъ Европы народонаселеніемъ, представляютъ неизмѣнныхъ, неиспорченныхъ, простодушныхъ охотничьихъ народцевъ, —робкихъ и боязливыхъ тамъ, гдѣ другая народность вступала къ нимъ непривѣтнымъ, неуживчивымъ образомъ,—смѣлыхъ и бодрыхъ, свѣжихъ и веселыхъ тамъ, гдѣ они оставались неприкосновенными и цѣлыми въ своихъ кочевьяхъ... Точно также, необыкновенная однообразность террестрическихъ и атмосферическихъ особенностей возвышенныхъ южныхъ степей естественно обусловливаетъ такое же однообразіе въ органической природѣ. Какъ въ болотныхъ, горныхъ странахъ Яблоноваго и Станового хребта, гдѣ влажность находится въ избыткѣ, тундряные лишаи и мхи стелются въ сосѣдствѣ съ вакциніями, Rododendron и Betula представляютъ на нихъ низкіе кустарники, и потомъ черемуха темной ширмой своей вершины похищаетъ у почвы каждый лучъ солнца: такъ въ возвышенныхъ степяхъ Монголіи мы видимъ природу, впадающую въ другую крайность однообразія, и здѣсь, какъ и тамъ, звѣрь и человѣкъ одинаково подчиняются закону этого однообразія, и здѣсь такъ же, какъ и тамъ, эта однообразность обусловливаетъ періодическія переселенія. Съ снѣжными сугробами, покрывающими хребетъ раздѣлительныхъ горъ и, въ меньшей мѣрѣ, его южныя развѣтвленія, большая часть животныхъ оставляютъ свое лѣтнее мѣстопребываніе въ независимой дикости и бѣгутъ къ уваламъ, въ лѣсные округи, въ болѣе холмистыя плоскогорія, предшествующія сѣверо-восточной оконечности возвышенной Гоби, гдѣ одни пасутся на растительномъ корму, который здѣсь легче выгребать изъ-подъ нижняго снѣга, и гдѣ другія пасутся около этихъ травоядныхъ животныхъ, слѣдуя ихъ ходу и движенію. Подобнымъ образомъ поступаетъ и все номадизирующее народонаселеніе горъ, благосостояніе котораго тѣсно связано съ его стадами. И тамъ, въ высокой Гоби, тамъ въ октябрѣ —регулярное стремленіе на сѣверъ однокопытныхъ и двукопытныхъ. Табуны джигитэевъ сбѣгаются на Далай-Норъ до русской области, *дзерены* (Antilope gutturosa), часто собираясь въ стада тысячами, добѣгаютъ почти до праваго берега Онона и почти каждую зиму попадаются на южныхъ отрогахъ Одонъ-Чолона, въ линіи распространенія лѣсолюбивой козули, или изюбря, и лѣсобоязливой антилопы. Животныя Яблоноваго хребта бѣгутъ передъ снѣгомъ, а животныхъ возвышенной степи, можетъ быть, именно снѣгъ привлекаетъ изъ внутреннихъ, еще сухихъ мѣстъ Гоби на сѣверъ, гдѣ они находятъ притомъ еще нѣсколько богатый зимній кормъ. Совершенно то же здѣсь дѣлаютъ люди. Монголы, кочующіе лѣтомъ разбросанно, зимой садятся въ низменностяхъ Кэрулэна, Кайлара и Далай-Нора, буряты живутъ на долинахъ Онона и Оноръ-Борза. Возвышенныя степи тогда еще безлюднѣе,

чѣмъ лѣтомъ. Такъ здѣсь, въ русской Дауріи, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, континентальнаго, суроваго климата, съ другой — безводнаго или худоводнаго Яблоноваго хребта, временно передвигается жизнь животныхъ и человѣческая, на относительно маломъ пространствѣ, въ которомъ вліяніе это менѣе ощутительно [1]. Вотъ какія поселенія, вотъ какую жизнь, и животную и человѣческую вмѣстѣ, нашли наши натуралисты въ крайнихъ географическихъ предѣлахъ широкой русской земли. Но есть ли это еще глубокая Азія въ предѣлахъ русскаго государства, русской цивилизаціи? И когда проникнетъ туда лучъ просвѣтительнаго европеизма? Русская колонизація и культура покуда не даетъ утѣшительнаго отвѣта. Она не внесла туда новой жизни, обновительныхъ и будящихъ началъ европейской промышленности, не показала европейскаго господства разума надъ стихіями и условіями природы. Русскіе, по словамъ Радде, единственно по неразумности, по неумѣнію и грубости, не успѣли или не смогли сдѣлать ничего раціональнаго и плодотворнаго даже въ самой благопріятной сферѣ мѣстной зоологической экономіи природы, несмотря на то, что зоолого-географическія изслѣдованія Радде и, въ особенности, его зоологическія изысканія о такихъ видахъ животныхъ, какъ Aegoceros (ovis) Argali, Bos taurus, Equus Caballus, показываютъ всю возможность цвѣтущаго развитія тамъ скота и скотоводческихъ поселеній. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Раскрывая умственно-пассивное положеніе различныхъ народныхъ поселеній въ области зоологической экономіи природы, изслѣдованія натуралистовъ въ то же время объяснили намъ законы развитія и упадка зоолого-экономическихъ основъ поселеній и указали раціональныя мѣры къ поддержанію ихъ въ тѣхъ естественныхъ областяхъ животной экономіи, гдѣ сама природа даетъ къ тому возможность. Такъ, напримѣръ, обширныя ихтіологическія изслѣдованія Бэра и Данилевскаго о состояніи рыболовства въ Россіи, указавши много раціональныхъ мѣръ къ улучшенію способовъ промышленности рыболовческихъ поселеній, возбудили, между прочимъ, мысль о привлеченіи западной рыболовческой колонизаціи на берега Каспійскаго моря и Лапландіи для руководства или наученія русскихъ западно-европейскому раціональному производству рыболовства. Какъ для улучшенія южныхъ скотоводческихъ поселеній устроены были на южно-русскихъ степяхъ западныя скотоводческія колоніи, напримѣръ, въ Бессарабіи, или какъ для наученія русскихъ земледѣльческихъ поселеній западно-европейскимъ способамъ земледѣлія устроены были въ тѣхъ же южныхъ и юго-восточныхъ областяхъ нѣмецкія колоніи,—такъ точно, для развитія или руководства русскихъ рыболовческихъ поселеній, для показанія имъ лучшихъ западныхъ способовъ рыболовства, а также для наученія ихъ приготовленію и фабрикаціи рыбныхъ продуктовъ, Бэръ и Данилевскій предлагали устроить на берегу Каспійскаго моря и въ Лапландіи западныя рыболовныя колоніи. Бэръ, излагая свои «Предложенія мѣръ» для улучшенія рыболовства и рыболовческихъ поселеній въ каспійскомъ бассейнѣ, въ 4-мъ пунктѣ говоритъ: «Сюда принадлежитъ неоднократно дѣланное предложеніе выписать въ Астрахань голландцевъ, не только съ тѣмъ, чтобы научали русскихъ хорошему соленью тамошнихъ сельдей, но чтобы они и сами его производили. А какъ голландцы превосходятъ всѣ народы аккуратностью и чистотою, то я полагалъ и теперь полагаю, что примѣръ ихъ долженъ благодѣтельно подѣйствовать въ Астрахани» и т. д.

---

[1] Radde, „Reise", Bd. I, s. XLIX, LI и LII.

Поэтому Бэръ предлагалъ отвести голландской рыболовной колоніи мѣсто въ предѣлахъ казенныхъ, откупныхъ водъ и предоставить имъ, кромѣ соленія сельдей, право самимъ продавать ихъ въ Саратовѣ, Казани, Нижнемъ Новгородѣ и Москвѣ [1]). Точно также Данилевскій, по поводу записки русскаго генеральнаго консула въ Христіаніи о вызовѣ норвежца Іордана и о заселеніи мурманскаго берега, на основаніи своего естестественно-историческаго изслѣдованія лапландскаго берега, рѣшилъ вопросъ въ пользу смѣшанной норвежско-русской колонизаціи Лапландіи. Тогда предполагалась обширная колонизація мурманскаго берега или Лапландіи изъ Архангельской, Олонецкой и другихъ губерній. Данилевскій нашелъ ее неудобною. Вмѣсто того онъ предложилъ основать особаго рода колоніи, нѣчто въ родѣ образцовыхъ фермъ. Вотъ его слова: «Если по всѣмъ обстоятельствамъ, основаннымъ на изученіи мѣстныхъ условій, я долженъ сказать, что заселеніе мурманскаго берега представляетъ весьма мало шансовъ на успѣхъ, то я полагаю, что и колонизація Мотовской губы, если она должна служить началомъ и ядромъ будущаго общаго заселенія всего лапландскаго берега, и съ этой точки зрѣнія будетъ направляема и устроиваема, поведетъ правительство лишь къ безполезнымъ хлопотамъ и издержкамъ. Но, по моему мнѣнію, есть другая точка зрѣнія на заведеніе одного или нѣсколькихъ небольшихъ поселеній на мурманскомъ берегу въ удобныхъ для этого мѣстахъ, при которой они не преминутъ принести существенную пользу развитію нашей рыбной промышленности. Поселенія эти должны быть тѣмъ же для рыболовства, чѣмъ служатъ образцовыя фермы для земледѣлія, чтобы прочіе ловцы, приходящіе съ поморья, могли здѣсь видѣть на дѣлѣ новыя отрасли рыбной промышленности, у насъ только начинающія входить въ употребленіе, именно ловъ акулы, а также и ловъ сайды, и не введенные у насъ еще способы лова, какъ напримѣръ, ручною удочкою на поддѣвъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть весьма полезенъ. Здѣсь также могли бы наши перенять устройство норвежскихъ рыболовныхъ судовъ—ёлъ, которыя лучше держатся въ морѣ при погодѣ, чѣмъ наши шняки, и, слѣдовательно, могутъ дальше отъѣзжать отъ береговъ. Чтобы эти поселенія соотвѣтствовали такой цѣли, надо, чтобы они состояли изъ русскихъ и норвежскихъ промышленниковъ... Льготы, заключающіяся въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ полагалось допустить колонизацію Мотовской губы, думаю я, будутъ вполнѣ достаточны для привлеченія къ переселенію... Что касается до мѣстности этихъ поселеній, то очевидно, что при выборѣ ихъ должны имѣть въ виду, чтобы тутъ были: проточная вода, достаточное пространство воды, могущей служить пастбищемъ для скота, безопасное становище для судовъ и проч... Если не самыя Волоковыя губы, то вообще западный берегъ Рыбачьяго полуострова и принадлежащая намъ часть Варангскаго залива составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ самую выгодную мѣстность для предполагаемыхъ колоній» и проч. Для заведенія перваго поселенія, Данилевскій предлагалъ пригласить норвежскаго промышленника Суля, уже показавшаго опытъ наученія нѣкоторыхъ поморскихъ рыболововъ лучшимъ пріемамъ рыболовства [2]).

Да и нужно ли распространяться, сколько могучихъ силъ развитія представляютъ вообще однѣ зоологическія науки, опыты и изслѣдованія для практическаго приложенія въ народномъ хозяйствѣ, особенно въ области животной экономіи

[1]) „Изслѣдов. о сост. рыболов. въ Россіи“, II, стр. 185—186.
[2]) Ibid., т. VI, стр. 240—247.

народа. Зоологическія изслѣдованія и знанія, даже и у насъ, въ книгахъ и въ ученомъ меньшинствѣ, далеко опередили зоолого-экономическій бытъ народа. Тамъ, наверху общества и науки, Бэры, Брандты, Радде,—а тутъ—въ темныхъ массахъ кочующіе калмыки, башкиры, буряты, киргизы, самоѣды, тунгусы и проч., да русскіе мужики съ ихъ клячами, съ ихъ жалкою, выродившеюся породою скота, да съ змѣями огненными и разными миѳическими вѣщими животными въ головѣ. Зоологическое хозяйство русскаго народа находится теперь въ томъ переходномъ состояніи, когда наверху, въ наукѣ и въ сознаніи натуралистическаго меньшинства уже значительно выработались и созрѣли новыя, научныя зоологическія идеи и основы животной экономіи, а внизу, на практикѣ, въ жизни доживаетъ еще свой вѣкъ старая рутина средневѣковаго животнаго хозяйства: разладъ между наукою и жизнію, между природою и человѣкомъ. Остается слѣдовательно, одного только—всѣмъ сердцемъ и всѣмъ существомъ желать, чтобы естественно-научныя и, въ частности, зоологическія знанія Палласовъ, Бэровъ, Радде и другихъ, посредствомъ новаго, естественно-научнаго развитого меньшинства переходили въ массы, распространялись не только въ болѣе или менѣе образованной, читающей публикѣ, но и главнымъ образомъ въ промышленныхъ классахъ простонародья, чтобы изъ книгъ эти идеи переходили въ народное сознаніе, въ сознаніе всей промышленной массы народа, и чтобы, наконецъ, изъ массъ народныхъ выходили свои Добантоны, Реми, Милье, Бакуели, Юнги, Уатты и проч., чтобы даже полудикіе пастухи-буряты, киргизы, башкирцы становились пастухами Добантонами, или пастухами хоть сколько-нибудь похожими на пастуховъ Швейцаріи и Тироля, а русскіе мужики дѣлались, въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ, въ скотоводствѣ—Сомервилями, Себрайтами, Спенсерами, Бакуелями, Коллинзами и т. д. Но.. Pia desideria!.., Далекая будущность!..

Этнографическая организація русскаго народонаселенія [1]).

Посвящено памяти Банзарова.

Едва ли есть въ Европѣ государство, гдѣ бы не было большаго или меньшаго смѣшенія племенъ и расъ [2]). Но можно положительно сказать, что во всей Европѣ не найдется другое государство, которое бы заключало въ себѣ столько самыхъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ, какъ Россія [3]). Взгляните только на этнографическую карту Россіи. Какое множество и какая пестрота красокъ, означающихъ разныя племена и расы!

А вѣдь эти этнографическія краски означаютъ жизнь, означаютъ кровь, которая безпрерывно приливала въ обширную и открытую равнину русскую со всѣхъ сторонъ, и преимущественно съ Востока, и сливалась и доселѣ еще сливается въ одинъ организмъ развивающагося русскаго народа, образуя его новыя ткани, новые нервы, словомъ—все его новое наростаніе, нарожденіе. Вѣдь эти этнографическія краски живо, наглядно рисуютъ на нашей географической картѣ всю нашу народную исторію, все наше земское и физіологическое строеніе и развитіе, всѣ заслуги, всю степень нашего цивилизующаго вліянія на восточные племена и народы, всю нашу правду и вину. Эти этнографическія черты объясняютъ намъ происхожденіе нашихъ областныхъ нарѣчій, областныхъ народныхъ обычаевъ и особенностей, физіологически объясняютъ нашу областную разрозненность, нашу негибкость ко всякой инициативѣ и нововведеніямъ, наши народные типы и характеры, нашу

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Библіотека для Чтенія“ за 1864 г., № 1, стр. 1—42 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки 6 февраля 1864 г.; редакція П. Д. Боборыкина).

[2]) Мы сошлемся здѣсь на слова Фогта: „Wo ist der Fleck deutscher Erde zu finden,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, - wo nicht eine Mischung der verschie—densten Rassen und Stämme stattgefunden hätte oder doch stattgefunden haben könnte?.. Wie hier mit den Deutschen, so verhält es sich aber, wenn man genauer zuschaut mit jedem Volke, das uberhaupt auf der Erde existirt. Uberall führen uns theils Traditionen, theils geschichtlich festgestellte Thatsachen, theils physische Eigenthümlichkeiten, theils Funde aus vorgeschichtlicher Zeit auf mehr oder minder ausgebreitete Mischungen hin, welche entweder die Reinheit des ursprünzglichen Stammes beeinträchtigen, oder aber sogar zur Bildung eines ganz neuen Stammes Veranlassung gaben“. („Vorlesungen über den Menschen“, 1, s. 26, также 108).

[3]) См. этнографич. карту Россіи Кеппена; также статистику Кольба, I, стр. 179—182. Берггаузъ считаетъ 95 однихъ, болѣе или менѣе туземныхъ племенъ, кромѣ чуждыхъ составныхъ частей народонаселенія, принадлежащихъ къ разнымъ европейскимъ и азіатскимъ народамъ. Послѣднихъ онъ насчитываетъ 16, а всего 111 (сто одиннадцать) племенныхъ различій.

разрозненность понятій и стремленій, —и заключаютъ въ себѣ загадку, тайну нашего вѣкового славянофильскаго спора о народности.

Намъ отрадно вѣрить, что въ борьбѣ природы, въ борьбѣ всякой жизни за существованіе и совершенствованіе только сильное, здоровое и разумное переживаетъ и умножается, а все слабое, больное и несмышленое вымираетъ, исчезаетъ [1]). Но намъ отрадно также и то знать, что современный европейскій человѣкъ, улучшая посредствомъ искусства и культуры породы растеній и животныхъ, созналъ въ то же время и необходимость гуманнаго улучшенія быта негровъ, сознал, что развитію въ человѣчествѣ всего совершеннѣйшаго, сильнаго, здороваго и умнаго нужно содѣйствовать не убивающимъ насиліемъ, а живящею свободою и просвѣщеніемъ. Если это такъ, — то будемъ же гуманны и научно-внимательны и къ нашимъ низшимъ братіямъ—инородческимъ племенамъ. И они ждутъ облегченія своей борьбы съ климатомъ, съ голодомъ, съ разными насиліями высшаго племени, ждутъ просвѣщенія и совершенствованія, ждутъ гуманнаго споспѣшествованія, содѣйствія естественному процессу нарожденія и воспитанія новыхъ, лучшихъ генерацій и сліянія ихъ съ высшимъ, болѣе развитымъ племенемъ славянорусскимъ... Посмотрите например: вотъ, тамъ, на ледовитой тундрѣ бѣдный, горемычный самоѣдъ, нагонявшись за оленями, въ борьбѣ съ трескучими морозами полярнаго климата, сидитъ уныло у огонька въ своей вѣжѣ, окруженный нагимъ молодымъ поколѣніемъ. Загляните въ его сердце: горемъ, ледовитымъ горемъ ноетъ оно, хотя и безотчетнымъ, невыражаемымъ, —и никто не видитъ, никто не слышитъ, не знаетъ этого убійственно-спокойнаго чувства гнета, и рѣдко кто-нибудь хоть разъ въ жизни подумаетъ о немъ съ горько-думнымъ, горько-слезнымъ участіемъ. И ужели имъ рѣшительно никакъ не можетъ помочь нашъ XIX вѣкъ, задавшій вопросъ: негры—люди ли?.. Посмотрите: тамъ, далѣе, въ полярной тундрѣ Чукочъ съ богатырскимъ напряженіемъ мышцъ расточаетъ силу, движимый дикимъ инстинктомъ голода, прибытка, торговли, странствуетъ, во время несноснѣйшихъ бурь полярнаго климата, по льдинамъ полярнаго моря, готовымъ обрушиться на него горами и сокрушить его ничтожное бытіе, странствуетъ отъ устьевъ Лены до береговъ Америки, чтобы наловить звѣрей и продать ихъ за муку, за табакъ, за водку... Посмотрите, съ какой гигантской силой, изощренностью и ловкостью бьетъ онъ моржей. Какая мощь и напряженность грубыхъ, дикихъ мышечныхъ силъ! И за какую ничтожную сумму пользы такая трата силъ! «Просвѣщеніе, —сказалъ Либихъ, —есть экономія силы». Коснется ли когда-нибудь лучъ просвѣщенія этихъ дикихъ и жалкихъ расточителей силы? И можетъ ли быть ихъ сила употреблена когда-нибудь на иную, лучшую дѣятельность? Да коснется ли когда-нибудь ихъ съ живымъ участіемъ самая мысль то наша!.. Или, вотъ мчится между горъ, по широкой долинѣ, между огромныхъ стадъ, мчится бурятъ на своемъ лихомъ конѣ во всю прыть: дикость ли, дурь ли бѣситъ его, или арахи опился онъ?.. А когда подумаешь, что этотъ бурятъ отличный кузнецъ, отличный работникъ, хорошій скотоводъ, что онъ далъ намъ Банзарова, когда

[1]) Мы позволимъ себѣ выписать здѣсь слѣдующія заключительныя слова Дарвина изъ третьей главы (Der Kampf um's Daseyn) его великаго сочиненія о происхожденіи видовъ: „Wenn wir über diesen Kampf um's Daseyn nachdenken, so mögen wir unsselbs trösten mit dem vollen Glauben, dass der Krieg der Natur nicht ununterbrochen ist, dass keine Furcht gefühlt wird, dass der Tod im Allgemeinen schnell ist, und dass es der Kräftigere, Gesundere und Geschicktere ist, welcher überlebt und sich vermehrt." s. 91.

подумаешь, что дѣти этого бурята отлично учатся въ гимназіяхъ и даже въ университетѣ,—какъ грустно станетъ на душѣ, что люди эти еще остаются въ дикости. И сколько еще болѣе грустныхъ явленій представляетъ намъ мрачная, дикая, своеобразная жизнь разныхъ нашихъ племенъ и народовъ! Всѣ они ждутъ отъ насъ помощи къ развитію и лучшему проявленію силъ на пользу общенародную. Не крестиками миссіонеровъ, не табакомъ и водкой русскихъ торгашей мы должны располагать, привлекать ихъ къ себѣ, къ своей расѣ, не хитростью и обманомъ, а русскимъ хлѣбомъ и солью, дешевымъ, добросовѣстно-продаваемымъ товаромъ, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человѣчнымъ обращеніемъ съ ними, и т. п.

И грустно, что у насъ не только общество, но и наука еще не обратила должнаго, человѣчнаго вниманія на всѣ эти многоразличныя инородческія племена Россіи, кровь которыхъ—въ насъ и въ чадахъ нашихъ. Мы сказали: и наука... Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ у насъ, напримѣръ, Брока, гдѣ Велькеры, Вагнеры, гдѣ Вирховъ, и т. п., которые бы создали намъ сравнительную этнографическую анатомію. А безъ этого разработка русской исторіи и настоящее знаніе нашего народонаселенія, суммы его силъ и качествъ способностей — невозможны. У насъ и многокнижныя русскія исторіи только въ первой главѣ обыкновенно выскажутъ нѣсколько словъ о русскихъ племенахъ и народахъ или просто перечислятъ только ихъ также, какъ только въ первой главѣ скажутъ нѣсколько словъ о русской географіи, или географическомъ вліяніи на исторію,—какъ будто племена и народы вдругъ исчезаютъ потомъ безслѣдно съ лица русской земли, не оказавъ никакого вліянія на русскій народъ, на русскую исторію, и какъ будто географія не сопутствуетъ потомъ исторіи на каждомъ шагу, въ каждой области... Гдѣ же *земля и люди*? Ужели провалились куда-нибудь, а осталось одно государство?.. Грустно, что у насъ какой-нибудь семинаристъ-невѣжа, смутно сознавая все особенное удобство и всю необходимость естественно-историческаго изученія русской народной жизни, чувствуетъ въ себѣ непреодолимое желаніе знать русскую исторію, какъ естественную исторію народа,—и не находитъ въ себѣ силъ, ни подготовки изучить ее въ такомъ направленіи. А люди знающіе, имѣющіе для того и силы, и подготовку, молчатъ. Грустно, что у насъ историкъ большею частію не знаетъ фактовъ историческихъ. Гумбольдтъ, великій географъ Риттеръ, Кетле и Либихъ первые освѣтили лучемъ естественной истины, естественныхъ законовъ истины и законы исторіи,—и тамъ явился Бокль. А у насъ кто освѣтитъ нашу исторію? И будемъ мы въ потемкахъ бродить по архивамъ,—и корпѣть на варяго-руссахъ, и т. п.

Несмотря на все свое безсиліе, мы рѣшились однакожъ напечатать очеркъ этнографическаго развитія русскаго народонаселенія. Очеркъ этотъ составляетъ отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати особаго сочиненія. Сознаемъ, что онъ необработанъ. Множества источниковъ не было подъ руками. Однакожъ, обстоятельства побудили напечатать его, какъ есть, въ надеждѣ исправить и дополнить его при изданіи цѣлаго сочиненія, гдѣ очеркъ этотъ составитъ вторую главу.

1. Двумъ европейскимъ народамъ выпало на долю обширное поприще для колоніальнаго самораспространенія—англо-саксонскому и славяно-русскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ же двумъ націямъ выпала на жребій великая задача новой физіолого-этнографической организаціи народонаселеній. Могучее, передовое племя англо-саксонское, по своему береговому, приморскому положенію, овладѣвъ океаномъ, преимущественно проводитъ океаническую, островную колонизацію, а вслѣдъ за ней—и новое физіологическое образованіе племенъ. Молодое славяно-русское племя, сильное своимъ выгоднымъ, континентальнымъ положеніемъ, завладѣвши огромною частью европейскаго и азіатскаго материка, проводитъ по преимуществу материковую, континентальную колонизацію и этимъ путемъ совершаетъ новую континентальную, физіолого-этнографическую организацію сѣверовосточныхъ народностей. Такимъ образомъ, двумя могущественными племенами стараго свѣта подготовляется, можно сказать, организація большой части новаго, будущаго человѣчества. «Въ наше время,—скажемъ словами Катрфажа,—когда благодаря могущественному приложенію паровъ, смѣшеніе племенъ съ каждымъ днемъ идетъ быстрѣе и быстрѣе впередъ, невозможно не задавать себѣ вопроса: что сдѣлается съ родомъ человѣческимъ (съ тѣмъ *видомъ* существъ, который мы означаемъ словомъ *человѣкъ*), когда самыя различныя, самыя крайнія его племена смѣшаютъ свою кровь, когда цѣлые материки будутъ заняты смѣшаннымъ потомствомъ нынѣшнихъ народонаселеній! Не теряясь въ темной, таинственной дали отдаленной будущности, мы скажемъ только вмѣстѣ съ тѣмъ же естествоиспытателемъ, что, безъ сомнѣнія, племена будущія будутъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ выше насъ, какъ мы въ другихъ отношеніяхъ стоимъ выше племенъ ассирійскаго, греческаго и римскаго [1]). Уже въ прошломъ столѣтіи просвѣщенно-мыслящіе русскіе люди, знавшіе хорошо этнографическій составъ русскаго народонаселенія, пророчественно предвидѣли исполинскій ростъ русскаго народа, посредствомъ органическаго прирощенія къ нему разныхъ инородческихъ племенъ широкой русской земли. Просвѣщенный издатель замѣчательнаго сочиненія Георги—«*Описанія народовъ*, обитающихъ въ русскомъ государствѣ», Глазуновъ, весьма умно и фактически-выводно замѣтилъ: «Народы, обитающіе въ сѣверныхъ и восточныхъ самыхъ крайнихъ оконечностяхъ и пустыняхъ, неудобныхъ къ введенному въ Европѣ образу жизни, какъ ловцы или пастыри скитающіеся, хотя и остаются еще при своемъ образѣ жизни, но учинились уже довольно извѣстными, а особливо при настоящемъ новоустроенномъ состояніи государства россійскаго. Живущіе же въ сосѣдствѣ съ исповѣдующими христіанскую вѣру и въ умѣренныхъ странахъ, весьма знатно удалились отъ древнихъ своихъ нравовъ, посредствомъ единаго подражанія. Пріемлющіе христіанскую вѣру пріемлютъ и главное россійское нарѣчіе, обряды жизни, одѣяніе и нравы и хотя не вдругъ и не въ первомъ колѣнѣ учиняются и хорошими гражданами, но, конечно, перестаютъ быть тѣмъ, что были. Нѣкоторые остатки народовъ знатныхъ отъ времени до времени смѣшиваются воедино, тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе толпы оныхъ, такъ что, до измертвія еще остатковъ, сродняются съ главнѣйшими племенами. Единообразность учрежденія государства весьма премудро допомогаетъ сему и исполинскими шагами приближаетъ грубыхъ народовъ нашихъ къ единой метѣ всеобщаго Россіи просвѣщенія, соеди-

[1]) „Естественная исторія человѣка", вып. 2, стр. 297—298.

ія чуднаго во едино тѣло и едину душу, и, такъ сказать, сплавленія во юлина, неколебимаго сотнями вѣковъ» [1]).

Мы взяли на себя задачу — указать, на первый разъ, только на общій орико-географическій ходъ и на факты этнографическаго развитія русскаго на-;онаселенія. Намъ въ высшей степени хотѣлось бы раскрыть самые законы и ›цессъ физіологическаго развитія русскаго народонаселенія. Но чувствуя все е безсиліе въ области естествознанія, мы не беремся за это многотрудное ю, требуя его отъ естественниковъ-физіологовъ и анатомовъ. При всемъ этомъ, шаемся однакоже предварительно высказать нѣсколько общихъ принциповъ, іствовавшихъ и дѣйствующихъ въ процессѣ этнографической организаціи нашего ›госоставнаго народонаселенія. Рѣшаемся высказать ихъ хоть для того только, ›бы вызвать какого-нибудь естественника на разработку физіологической исторіи :скаго народа.

Уже самое физико-географическое или геогностическое соотношеніе восточной іи и Европы обусловливало въ Россіи особенно обширное и непрерывное смѣ-ніе племенъ и народовъ. Во-первыхъ, изображенное Гумбольдтомъ и Ритте-мъ обширное и теллурически-многозначительное, восточное и сѣверо-западное юненіе земли, идущее отъ центральной нагорной Азіи въ сѣверно-сибирскую и зерно-европейскую низменность, до Ледовитаго моря, склоненіе, постепенно по-жающееся у Пекина до 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ срединѣ степи би отъ 5.000 до 2.400 футовъ, у Байкала до 1.200 футовъ, у озера Зай-іа и истоковъ Иртыша до 1.000 футовъ, около Тобольска до 100 футовъ, и, переходѣ черезъ южный континентъ Сибири, нисходящее въ низменностяхъ ілокаспійскаго бассейна до 72½ футовъ надъ уровнемъ моря [2]), —это великое ›графическое нисхожденіе или склоненіе образовало естественный путь, по ко-›ому разные народы центральной нагорной Азіи, другъ друга сдвигая, стѣсняя высочайшихъ горъ азіатскаго нагорья въ долины и степи, а отсюда другъ ›га заставляя переходить черезъ дальнѣйшія, болѣе низкія горы въ дальнѣйшія зеро-восточныя и сѣверо-западныя низменности, — такимъ путемъ мало-по-малу цвинули въ Россію и Сибирь, другъ за другомъ, цѣлыя орды разныхъ пле-іъ и народовъ [3]). Этимъ склоненіемъ образовался тотъ великій историко-геогра-іескій путь, который Риттеръ называетъ *великой проходной дорогой наро-ъ изъ міровой проходной страны центральной нагорной Азіи.* Риттеръ ›робно описалъ намъ міровое положеніе западныхъ входовъ большой впадины зъ Ганьсу, изъ Шэнь-си къ Хами, подробно изобразилъ проходную страну адныхъ входовъ въ Си-юй, или западныя страны, и самые проходы: Юй-мынь ı-men) и Янь-Гуянь (Yang-koan), Ша-чжеу, ворота Юй, Су-чжеу, Гань-чжеу, іъ-чжеу, посольскую и караванную дорогу, пути, шедшіе изъ центральной на-ной Азіи въ Сибирь и черезъ понто-каспійскія ворота, и проч. [4]). Вотъ по

[1]) „Описаніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ русскомъ государствѣ“, Георги. Преди-віе, стр. VIII—IX, изд. 1799.

[2]) „Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Georgaphie“, von Carl Ritter. Berlin, 5, s. 220—221. Срав его же „Allgemeine Erdkunde“. Berlin, 1862, s. 139—145 и далѣе.

[3]) При взаимныхъ вытѣсненіяхъ, переселеніяхъ и колонизаціи, народы обыкновенно горъ сходятъ и углубляются въ низменности. „In den Niederungen der Erde, говоритъ теръ, sind die Völker häufig erst viel später eingewandert und angesiedelt, nachdem Tiefländer mit der Zeit trocken geworden“, ib., s. 193.

[4]) „Землевѣдѣніе Азіи“, т. I, стр. 549—630.

этимъ-то проходнымъ путямъ цѣлыя столѣтія шли племена и народы изъ Азіи въ Европу черезъ русскую землю, и чаще, и больше всего осѣдались на перекрестномъ пути своемъ, на русской землѣ, на низменностяхъ понто-каспійскихъ и сибирскихъ. По этому пути пришли въ нынѣшнюю Россію и Сибирь четыре главныя расы: славянская, финская, тюркская и монгольская. Такимъ образомъ, какъ же не быть обширному и многоразличному скрещиванію и смѣшенію разныхъ племенъ и народовъ на такомъ открытомъ и широкомъ перекрестно-проходномъ пути. Когда закончилось такъ называемое великое переселеніе народовъ изъ міровой проходной страны нагорной Азіи, по міровой проходной дорогѣ народовъ, и когда началась въ Европѣ борьба народовъ за существованіе, за землю, за господство, за право на будущую культуру и цивилизацію, — тогда началось и обратное, сѣверо-восточное движеніе славянскаго племени, пришедшаго въ Европу въ связи съ индо-германскими племенами, или вслѣдъ за ними. Во время этой великой борьбы, не усидѣть было имъ на Дунаѣ, на самомъ средоточномъ концѣ азіатско-европейской проходной дороги народовъ. И вотъ они двинулись на сѣверо-востокъ, на *землю великую и обильную*, искать новой, прочной осѣдлости и средствъ жизни. И началась великая славянская колонизація сѣверо-востока Европы и Азіи. На пути этой колонизаціи, славянскія племена столкнулись сначала съ *чудью*, съ племенами чуждой, не индоевропейской, а особой финской группы, переходной отъ расы кавказской, или индо-германской къ расѣ тюрко-монгольской, и, послѣ легкой борьбы, завладѣли ихъ землею и водою, и самою чудью. Затѣмъ, послѣ обровъ, аваровъ, печенѣговъ, половцевъ и проч., пришло къ нимъ навстрѣчу сильное племя монголо-татарское и только, послѣ долгой и жестокой борьбы за племенное существованіе и господство, за землю и воду и проч., было побѣждено славяно-русскимъ племенемъ. Столько было условій для самой обширной и безпрерывной метисаціи, скрещиванія, смѣшенія племенъ и народовъ на русской землѣ, на великомъ перекрестномъ пути! И вотъ, этнографическая и колонизаціонная исторія наша представляетъ именно эту безпрерывную метисацію, безпрерывное смѣшеніе племенъ— славянскаго, финскаго, тюрко-татарскаго и монгольскаго, съ преобладаніемъ славянскаго и монголо-татарскаго элементовъ и съ господствующимъ перевѣсомъ славяно-русскаго вліянія, подкрѣпленнаго греко-восточными и нѣмецкими началами.

II. Законы образованія видовъ или расъ царства животнаго, во многихъ отношеніяхъ, тождественны съ законами образованія племенъ и расъ человѣческихъ. Если, говоритъ Дарвинъ, границы страны открыты и страна обширна, то въ нее вторгаются новыя формы, и взаимное отношеніе частей стараго населенія существенно нарушается. На обширной и открытой равнинѣ не только больше возможности для образованія важныхъ, существенныхъ измѣненій или отмѣнностей (Abänderungen) по причинѣ наибольшаго числа индивидуумовъ, но и жизненныя условія распредѣляются равномѣрнѣе. И если какіе-нибудь изъ этихъ видовъ или формъ измѣняются, улучшаются, то всѣ прочіе, въ соотвѣтственной степени, должны или улучшаться, или исчезать, или уходить куда-нибудь въ другое, благопріятное имъ мѣсто. Равнымъ образомъ каждая новая форма, коль скоро прочно улучшилась, является способною распространяться дальше по открытой и цѣльно-замкнутой равнинѣ, и на этомъ пути вступать въ соперничество и соискательство со

огими другими формами. И борьба можетъ быть жестокая [1]). Мы нахо-мъ, что этотъ законъ царства животнаго, законъ природы, въ нѣкоторой сте-ни, проявился и во взаимной организаціи разныхъ племенъ на обширной и льшею частію открытой равнинѣ русской земли. Водворились на ней разные емена и народы: славянскіе, финскіе и тюрко-татарскіе. На всей равнинѣ, съ большими мѣстными исключеніями, были почти всѣ средства жизни равныя. И тъ началась между племенами вѣковая, иногда жестокая борьба за существо-ніе, за господство племенной крови, за землю и воду, за средства существо-нія. Въ слабыхъ финскихъ племенахъ, чахнувшихъ въ болотныхъ низменностяхъ лѣсахъ, произошла физіологическая перемѣна къ худшему: по мѣрѣ того, какъ авянское племя крѣпло и росло на счетъ продуктовъ финской земли и воды, же на счетъ финской крови,—по мѣрѣ того малорослое, слабосильное финское емя, загнанное въ болотныя низменности и полярныя тундры, слабѣло, и потому устояло въ борьбѣ за существованіе—или вымирало, или сливалось съ славяно-ескими генераціями. Въ долговременной и жестокой борьбѣ за существованіе двинулись только двѣ сильныя расы: славяно-русская и монголо-татарская, или рко-татарская. И обѣ въ этой борьбѣ стремились къ физіологическому, націо-льному самосохраненію, саморазвитію и самораспространенію. Какъ славянское емя, окрѣпшее еще въ семьѣ индо-германской—въ Азіи и на Дунаѣ, могуще-зенно претворяло въ свою плоть и кровь, въ свои областныя массы племена нскія и отчасти тюрко-монгольскія, такъ и сильное татарское племя, укрѣпившее, учшившее свою породу во времена политическаго могущества, еще и прежде, въ зіи, развило, посредствомъ смѣшенія съ финскими и тюрко-монгольскими эле-нтами, нѣсколько новыхъ племенъ, какъ увидимъ дальше. Славяно-русское племя, процессѣ физіологическаго видоизмѣненія чуждыхъ племенъ и въ распростра-ніи своей народности, одержало, наконецъ, перевѣсъ, хотя и неполный, и надъ тарскимъ племенемъ. Три главныхъ, существенныхъ *измѣненія* (Abänderungen) звились въ этомъ племени и, благодаря имъ, славяно-русская раса, въ резуль-тѣ, вышла торжествующею. Первое измѣненіе — это физіологическое развитіе авянскихъ племенъ изъ отдѣльныхъ родовъ, путемъ естественнаго распложенія борьбы за существованіе, за родовую самобытность [2]), и естественное распло-ніе, *нарожденіе* племенныхъ *родовъ* или родовыхъ группъ въ одинъ, славян-

[1]) Подлинныя слова Дарвина: „Hat Gegend offene Grenzen, so werden gewiss neue rmen einwandern und das Verhältniss eines Theiles der alten Bewohner zu einander ernst-h stören... Auf einer grossen und offenen Flache wird nicht nur die Aussicht auf vortheil-fte Abänderungen wegen der grösseren Anzahl von Jndividuen einer Art günstiger, es rden auch die Lebens-Bedingungen wegen der grossen Anzahl schon vorhandener Arten endlich zusammengesetzter seyn: und wenn einige von diesen zahlreichen Arten verändert er verbessert werden, so müssen auch andere in entsprechendem Grade verbessert werden er untergehen. Eben so wird jede neue Form, sobald sie sich stark verbessert hat, fähig yn, sich über die offene und zusammenhängende Fläche auszubreiten, und wird hiedurch Mitbewerbung mit vielen andern treten. Es werden hiemit mehr neu zu besetzende Stellen, tstehen, und die Mitbewerbung um deren Ausfüllung wird viel heftiger als auf einem klei-n und agschlossenen Gebiete werden... Auf grossen Flächen die Abänderungen im Allge-inen rascher erfolgt sind und, was noch wichtiger ist, die auf den grossen Flächen ent-ndenen neuen Formen, welche bereits den Sieg über viele Mitbewerber davon getragen, che sind, die sich am weitesten verbreiten und die Zahlreichsten neuen Varietäten und ten liefern, mithin den wesentlichsten Antheil an den geschichtlichen Veränderungen der ganischen Welt nehmen". Charles Darwin, „Ueber die Entstehung der Arten", etc. 1, s. 94,) - 121.

[2]) „Вѣста родъ на родъ" - по лѣтописи.

скій *народъ*, распространеніе народа путемъ колонизаціи, *по землѣ и по водѣ*, по *великой и обильной землѣ русской*, и образованіе *земства*. Разбродясь изъ племенного быта, путемъ колонизаціи, и устрояя новыя общины — города и села,—славянская раса уже въ XII и XIII столѣтіяхъ не представляла больше племенного дѣленія — полянъ, древлянъ, кривичей и т. п., а представляла новую организацію, совокупность *земель*, напримѣръ, землю Кіевскую, землю Московскую, землю Ростовскую, землю Новгородскую, землю Вятскую, землю Двинскую, *всю землю русскую*. Лѣтописи говорятъ уже не о племенахъ, а о *земляхъ* и о *всей землѣ русской*, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ народъ. Второе существенное измѣненіе въ славянской расѣ было то, что она уже значительно смѣшалась съ финскими племенами, колонизуя ихъ земли, распространяя свои начала и воспринимая въ себя финскіе контингенты. Уже не стало чудскихъ *племенъ* — веси, мери, муромы, чуди заволоцкой и т. п., а развились и организовались, путемъ колонизаціи и метисаціи, смѣшанныя общины — пермячи, вятчане, важане, устюжане, вологжане, ростовцы, костромичи и проч. Въ этихъ общинахъ, какъ увидимъ далѣе, сливались въ одно органическое цѣлое и элементы славянской расы, и элементы финскаго племени, съ преобладаніемъ славяно-русскаго вліянія. Организація велико-русскаго народа уже далеко не представляла того единства и той чистоты славянскаго типа, какія свойственны были славянамъ дунайскимъ и даже днѣпровскимъ. Типъ его замѣтно оразноображивался финскимъ обличіемъ. И языкъ становился не тотъ же, не болгарскій, напримѣръ: «idioma proprium habent», —замѣтилъ Герберштейнъ о славяно-русскихъ сѣверо-восточныхъ колоніяхъ. Вслѣдствіе воспринятія въ свой физіолого-этнографическій составъ обрусѣлыхъ финновъ,—умножилось славяно-русское народонаселеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возросла и его сила, расширилась его колонизація, а съ нею увеличились и естественные источники жизненныхъ средствъ для крѣпкаго и здороваго физіологическаго саморазвитія и самораспространенія. Въ славяно-русскомъ народѣ, или земствѣ, явилось чувство своего физіологическаго преобладанія. Въ смутное время, когда разныя націи угрожали порабощеніемъ русской народности, велико-русскіе люди энергично заговорили о своемъ *прироженьи*, о своей народности. Вмѣстѣ съ чувствомъ своей народной цѣльности и самовыдержанности, — развилось въ славяно-русскомъ племени и сознаніе собственности и единства, нераздѣльности земли, занятой его колонизаціей. Ставши, такимъ образомъ, хозяиномъ земли великой и обильной, славяно-русскій народъ легко воспреобладалъ надъ всѣми инородческими племенами.—Третье, самое важное измѣненіе въ славяно-русскомъ народѣ представляетъ воспринятіе въ народный организмъ новыхъ, чуждыхъ контингентовъ,— кромѣ финскихъ и монголо-татарскихъ. Именно воспринятіе византійскихъ или греко-восточныхъ, нѣмецкихъ и вообще западно-европейскихъ, воспринятіе западнаго мозгового или интеллектуальнаго вліянія—науки, открытій, искусствъ, и проч. Византійскій или греко-восточный элементъ выразился въ православіи или въ церковной обрядности, догматикѣ и іерархіи. Въ старину, распространившись между славяно-русскими и финскими племенами, путемъ церковной и, преимущественно, монастырской колонизаціи, онъ много помогъ славяно-русскому народу воспреобладать надъ финскими племенами и довести ихъ или до исчезновенія, или до обрусѣнія. Впослѣдствіи, когда славяно-русская народность, значительно видоизмѣнившись подъ вліяніемъ финскихъ контингентовъ, выразила оппозицію или реакцію противъ византійскаго

іерархизма и нѣмецкаго элемента,—византійскій или греко-восточный элементъ потерпѣлъ значительное измѣненіе, подъ вліяніемъ племенныхъ, славяно-русскихъ и инородческихъ началъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ сектахъ безпоповщинскихъ, въ сектѣ такъ называемыхъ людей божіихъ, и т. п. Нѣмецкій элементъ, начавшій вторгаться въ славяно-русскую народную организацію еще въ древней Россіи, усилившійся со времени Петра I и Екатерины II, въ видѣ государственныхъ нѣмецкихъ учрежденій, въ лицѣ нѣмецкихъ выходцевъ и ихъ генерацій, въ видѣ нѣмецкихъ колоній, во вліяніи нѣмцевъ на народное воспитаніе и проч.,—этотъ нѣмецкій элементъ долгое время былъ нетерпимъ славяно-русскою національностью, возбуждалъ въ ней реакцію и оппозицію, но успѣлъ, наконецъ, глубоко внѣдриться не только въ государственный строй Россіи, но и въ самую организацію славяно-русскаго народа, въ физіологическое развитіе, воспитаніе и направленіе многихъ русскихъ генерацій. Несравненно выше и благопріятнѣе для развитія славяно-русской народности было обще-европейское интеллектуальное вліяніе. Петръ Великій воззвалъ русскій народъ къ органическому союзу съ наиболѣе развитыми и образованнѣйшими племенами и расами европейскими для того, чтобы развиваться вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ вліяніемъ. Ломоносовъ, просвѣтившись въ Западной Европѣ, воззвалъ народъ русскій отъ древняго суевѣрія и невѣжества къ самой могучей силѣ новаго народо-образованія—къ естественнымъ наукамъ и открытіямъ западнаго народнаго разума. Съ тѣхъ поръ мощная мысль и наука Запада, хотя медленно и въ ограниченной мѣрѣ, но все-же мало-по-малу возбуждаетъ и развиваетъ мозги юныхъ народныхъ поколѣній, отъ старыхъ отцовъ нарождаетъ и воспитываетъ новыхъ дѣтей, создаетъ новыхъ людей. Слишкомъ мало еще ихъ, но они уже есть. Наше молодое, научно-мыслящее, просвѣщенное меньшинство составляетъ зародышъ, зачатокъ новаго будущаго народнаго поколѣнія, новой народной организаціи, которая должна наростать изъ народа и представлять какъ можно больше, чаще и все лучше и лучше не только новыхъ Ломоносовыхъ, Радищевыхъ, Бѣлинскихъ, но и новыхъ Кастреновъ, Банзаровыхъ и т. п.

Благодаря всѣмъ этимъ существеннымъ, естественно-историческимъ измѣненіямъ, славяно-русское племя играло главную, преобладающую роль въ этнографическомъ развитіи и физіографическомъ строеніи русскаго народонаселенія. Роль эту оно выполняетъ еще и теперь и долго будетъ выполнять впередъ. Многія инородныя свойства, принятыя имъ отъ другихъ націй, напр., отъ греческой и нѣмецкой, и неблагопріятныя или ненужныя, и даже вредныя для его правильнаго, физіологическаго и интеллектуальнаго развитія, современемъ должны исчезнуть. А всѣ здоровыя, лучшія, всецѣло жизненныя свойства, какъ, напримѣръ, западно-европейское, научное мозговое развитіе, — такія свойства должны развиваться, крѣпнуть, умножаться и совершенствоваться, созидая, по выраженію Бецкаго, *новую породу отцовъ и матерей*, новую породу людей.

III. Укажемъ еще на одну естественно-историческую причину, почему именно славяно-русское племя, а не другое какое-нибудь должно было устойчиво воспреобладать и широко распространиться на сѣверо-востокѣ Европы и Азіи. Изъ естественной исторіи человѣка извѣстно, что давность, древность породъ или племенъ человѣческихъ служитъ важной причиной ихъ большей окрѣплости, слѣдовательно, большей устойчивости и неизмѣняемости [1]). А славянское племя, уже

[1]) „Естественная исторія человѣка“, Катрфажа. II. стр. 186—187.

съ незапамятныхъ временъ, организовалось въ особую породу или отрасль, въ особую расу великой семьи индо-европейскихъ племенъ. Исторія, чуть только начинаетъ припоминать отдаленное прошедшее, уже за 150 лѣтъ до Р. Х. находитъ славянское племя, вмѣстѣ съ великой индо-германской расой, въ міровой проходной странѣ центральной нагорной Азіи, на сѣверномъ склонѣ хребта Нань-Шань и на берегахъ Булангира (Bouloungbir Polonkir), вблизи мѣста великаго восточнаго потока, гдѣ, слѣдовательно, находились въ то время еще одно возлѣ другого три совершенно различныя народныя племена, пока послѣдующія столкновенія не раздробили ихъ въ самыя отдаленныя страны и потомъ снова не свели уже въ Европѣ. Здѣсь, а вскорѣ потомъ на Илійской долинѣ, славянскій элементъ сначала былъ смѣшанъ съ посредствующимъ членомъ индо-германскаго племени — *юэ-чжинами* (Yuetschi впослѣдствіи, въ древней Согдіанѣ Indo-Scytae, Getae древнихъ) и съ *усунями* (Ousiun, Suiones). Аб. Ремюза и К. Риттеръ приписываютъ этой индо-германской народной группѣ, въ которой находилось и славянское племя, довольно обширную распространенность и высокое значеніе въ ряду народовъ центральной Азіи. Тамъ уже они совершенно обособились, отдѣлились отъ тюркскихъ племенъ и значительно окрѣпли для послѣдующей борьбы съ ними. «Тогда, въ древнѣйшія геродотовскія времена, говоритъ Риттеръ, тюркскія племена обитали къ востоку отъ этого ряда индо-германскихъ народныхъ элементовъ и еще не распространялись далѣе къ западу, за верхнее теченіе Окса и Яксарта. Напротивъ же, сродные между собою народы индо-германскаго происхожденія, т. е. говорящіе языками, которыхъ корни большею частію встрѣчаются въ санскритскомъ, персидскомъ, германскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ, занимали всѣ страны отъ индѣйскаго Поропамиза къ Оксу до Енисея и Байкала и оттуда къ Каспійскому морю и къ сѣверу отъ Кавказа, гдѣ они безспорно примыкали къ готамъ, обитавшимъ съ незапамятныхъ временъ на Волгѣ и Танаисѣ» [1]). Въ этой-то великой народной группѣ, на пограничной для народовъ и природы полосѣ, въ общей борьбѣ за племенное существованіе, развивалось и крѣпло и славянское племя. Послѣ общей, союзной индо-германо-славянской борьбы съ *хунъ-ну* или *хуннами* восточнаго тюркскаго племени, послѣ перваго большого раскола Юэджи, часть которыхъ переселилась въ древнюю Согдіану и Бактрію (Indoscytae, Getae древнихъ), съ усунями, переселившимися на сѣверо-западъ, на берега Или и оз. Балхаша, славянское племя, организовавшись и достаточно окрѣпши въ союзѣ съ прочими индо-германскими народами, все больше и больше умножаясь въ числѣ родовъ и родовыхъ развѣтвленій и потому разселяясь особо отъ другихъ отраслей усуней, мало-по-малу естественно обособлялось отъ прочихъ индо-германскихъ племенъ въ особое самородное племя. И движимое вмѣстѣ съ прочими индо-европейскими народами съ нагорій и долинъ центральной Азіи, по великой міровой проходной дорогѣ народовъ, все больше и больше напиравшимъ нагорнымъ натискомъ и тѣснотой народовъ на Илійской долинѣ, у стѣнъ Небеснаго хребта, у западныхъ проходовъ, славянское племя мало-по-малу передвинулось на сѣверо-западъ, на Дунай, вслѣдъ за прочими индо-европейскими народами. Здѣсь оно уже представляло особую, самобытную группу родовъ, уже далеко и всецѣло обособившуюся отъ индо-германскихъ племенъ. И тутъ много способствовало его окрѣплости и силѣ то обстоя-

[1]) К. Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи", т. II, 131. Сличи. т. I, стр. 557—558.

тельство, что оно окружено было все же не звѣрски-дикими номадами, но въ высшей степени смышленными, даровитыми племенами германскими, нравами которыхъ увлекался даже великій историкъ Тацитъ. Съ другой стороны, съ юго-запада и съ юго-востока славянское племя окружали опять тоже не грубыя, одичалыя азіятскія орды, а самые цивилизованные, самые культивированные народы древняго міра—греки и римляне. Такое вѣковое сосѣдство не могло не оказать хоть малой доли благотворнаго, народообразовательнаго вліянія на юную организацію славянскаго племени. Такимъ образомъ, въ первые вѣка по Р. X., оно въ довольно благопріятной этнографической обстановкѣ или средѣ, довольно свободно развивалось и крѣпло. Вмѣстѣ съ здоровымъ физіологическимъ развитіемъ, въ славянскомъ племени развивался и здоровый, хотя еще и грубый, неразвитый мозгъ, простой природный здравый смыслъ. А за нимъ естественно слѣдовало и богатое лингвистическое развитіе. Вмѣсто первоначальной исключительной природоподражательности звуковъ, вмѣсто суевѣрно-миѳологической эпичности слова, въ языкѣ славянскомъ стала развиваться и сила интеллектуальнаго, логическаго отвлеченія и обобщенія, способность, гибкость, находчивость языка для передачи уже и отвлеченныхъ понятій, какъ, напримѣръ, соуштіе, естьство, собьство и т. п. [1]). Такимъ образомъ, славянскій языкъ начиналъ принимать ту могучую силу, которая послѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такъ могущественно уничтожала разные инородческіе языки и нарѣчія, претворяя, преобразуя ихъ въ славяно-русскій языкъ, внося изъ нихъ только небольшую часть словъ и формъ въ сумму областныхъ русскихъ нарѣчій, областного великорусскаго словаря. Наконецъ, когда славянское племя перешло съ Дуная на русскую землю, *великую и обильную*, здѣсь оно нашло условія самыя благопріятныя для своего дальнѣйшаго физіологическаго самоукрѣпленія, распложенія и распространенія. Отсутствіе на широкой и открытой равнинѣ русской болѣе развитыхъ и сильныхъ соперниковъ—чуждыхъ племенъ и народовъ, болотная слабость и чахлость большой части финскихъ племенъ, скоро-преходящее исчезновеніе вновь нахлынывавшихъ азіятскихъ ордъ, погибавшихъ, по словамъ лѣтописи, яко обри, отсутствіе на европейско-русской равнинѣ высокихъ горъ и хребтовъ съ хищными и воинственными горными жителями, горъ, всегда на долгое время задерживающихъ движеніе и распространеніе народовъ, самая удобная, широкая, всесторонняя водная или гидрографическая система путей распространенія, не внезапное напорное изгнаніе или массивное вытѣсненіе славянскихъ племенъ какимъ-нибудь аттиловскимъ или чингисханскимъ нашествіемъ изъ теплыхъ странъ Дуная и Днѣпра въ холодныя тундры полярнаго поморья,—вытѣсненіе, всегда убійственное для здоровья и жизненности племенъ и народовъ, какъ можно видѣть, напримѣръ, на тундровыхъ самоѣдахъ,—а постепенное, свободное колонизаціонное самораспространеніе славянскихъ племенъ, вслѣдствіе естественнаго распложенія и размноженія ихъ [2]), и многія другія жизненныя условія—вотъ для насъ и объясненіе, почему славянскому племени принадлежитъ преимущество обширнаго колонизаціоннаго самораспространенія, а также иниціатива и преобладающая роль въ великомъ, всемірно-историческомъ дѣлѣ сѣверо-восточнаго народообразованія.

[1]) „Опис. Рум. муз.“ N. CCCLXI, стр. 503.

[2]) Естественные законы и условія распространенія славяно-русскаго народа будутъ подробнѣе разсмотрѣны въ другой главѣ нашего изслѣдованія, въ главѣ о колонизаціи или физико-географическомъ распредѣленіи народонаселенія. А самый ходъ распростра-

IV. Историко-географическое сближеніе славянской расы съ разными другими племенами и народами, на сѣверо-востокѣ Европы и Азіи, его колонизація, разселеніе среди нихъ, тѣмъ неизбѣжнѣе влекли къ скрещиванію, къ метисаціи, что это законъ природы, а, слѣдовательно, и исторіи. Какъ въ царствѣ животномъ часто бываетъ неизбѣжно, и даже отъ времени до времени необходимо скрещиваніе индивидуумовъ разныхъ породъ или племенъ, и скрещиваніе это придаетъ потомству силу и плодовитость [1]), такъ и въ царствѣ народовъ. Исторія русской сѣверо-восточной колонизаціи представляетъ намъ многоразличные и замѣчательные факты скрещиванія, метисаціи различныхъ племенъ. Исторія нашего этнографическаго народообразованія показываетъ, что не только славяно-русское племя, посредствомъ скрещиванія, смѣшенія съ финскими, тюркскими и монгольскими племенами, произвело нѣсколько областныхъ народныхъ разностей (Varietäten), но и племя татарское, также путемъ скрещиванія съ финскими племенами, породило нѣсколько новыхъ племенъ, въ родѣ тептярей, койбаловъ и т. п. Все это мы увидимъ дальше. А теперь замѣтимъ только, что во многихъ мѣстностяхъ скрещиваніе было неизбѣжно во всѣхъ отношеніяхъ. Напримѣръ, когда начала колонизоваться Сибирь, въ XVII столѣтіи и въ началѣ XVIII, русскіе колонисты-казаки и служилые люди приходили туда большею частію безъ женщинъ, и, по необходимости, должны были смѣшиваться съ женщинами туземными, инородческими—съ татарками, остячками, вогулянками и проч. И выходило отсюда уже не великорусское, а новое, замѣтно-отличительное населеніе Сибири. Степановъ въ своемъ описаніи Енисейской губерніи справедливо замѣтилъ: «сибирскіе казаки давно уже не донскіе. Къ побѣдамъ они пришли безъ женъ; татарки, дочери выходцевъ, или промышленниковъ, дѣлались родоначальницами новаго поколѣнія» [2]). Московское духовенство вопіяло противъ этого историко-физіологическаго процесса смѣшенія племенъ, не зная его естественно-исторической неизбѣжности. «Вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири,—писалъ московскій патріархъ Филаретъ къ сибирскому архіепископу Кипріану въ 1622 году,—что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаи, но по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе де русскіе люди... съ татарскими и съ остяцками и съ вогулицкими поганскими жонами смѣшаются и скверная дѣютъ; а иные живутъ съ татарками некрещенными, и дѣютъ съ ними противность», и проч. [3]). Также вопіяли противъ скрещиванія разноплеменныхъ индивидуумовъ въ Сибири и послѣ пастыри россійской церкви, но казаки и русскіе переселенцы, ихъ дѣти и внуки, уже происшедшіе отъ остячекъ, вогулокъ, татарокъ и проч., все-таки неудержимо увлекались молодыми остячками, татарками и т. д. и порождали отъ нихъ новое населеніе Сибири [4]).

ненія его будетъ изложенъ въ приложеніи къ этому изслѣдованію въ исторіи колонизаціи или земскаго устроенія великорусскаго и сибирскаго народонаселенія.

[1]) Дарвинъ, напримѣръ, говоритъ: „Habe ich eine grosse Masse von Thatsachen gesammelt, welche übereinstimmend mit der fast allgemeinen Ueberzeugung der Viehzüchter beweisen, dass bei Thieren wie bei Pflanzen eine Kreutzung zwischen Thieren verschiedener Varietäten, oder zwischen solchen verschiedener Stamme einer Varietät der Nachkommenschaft Stärke und Fruchtbarkeit erleiht, während andrerseits enge Inzucht Kraft und Fruchtbarkeit vermindert“. Darvin. „Ueber die Entstehung. der. Arten„, th. I, s 110—111.

[2]) Опис. Енис. губ., ч. II, стр. 98.

[3]) Собраніе государств. грам., ч. III, № 60.

[4]) О различіи великорусскаго и сибирскаго народонаселенія будетъ рѣчь особая.

V. Ростъ, сила, здоровье, характеръ и другія физическія свойства смѣшивающихся племенъ имѣютъ, какъ всякій знаетъ, большое вліяніе на организацію происходящаго отъ ихъ скрещиванія новаго поколѣнія или народонаселенія. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ статистическихъ числовыхъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить всѣ физіологическіе признаки, свойства и особенности всѣхъ населявшихъ и населяющихъ Россію и Сибирь племенъ и расъ [1]). У насъ нѣтъ подъ руками даже рекрутскихъ списковъ. А отсюда можно было бы сдѣлать нѣкоторыя любопытныя заключенія. Возьмемъ, напримѣръ, юго-восточный, казанскій и симбирскій край, гдѣ, какъ всякій знаетъ, особенно сгущены и перемѣшаны разныя племена. Здѣсь генетическія племенныя свойства, при всѣхъ другихъ условіяхъ, играютъ едва-ли не важнѣйшую роль въ физіологическомъ и бытовомъ строеніи народа. Между сухощавымъ, небольшого роста, блѣднымъ и апатичнымъ чувашениномъ и мордвиномъ разница бросается въ глаза: послѣдній высокъ ростомъ, плотный, широкоплечій, мускулистый; лицо его такое плотное, здоровое, какъ и весь станъ, имѣетъ здоровый цвѣтъ; руки и грудь широкія, мускулистыя, обличаютъ силу. И вотъ, смѣшивается этотъ мордвинъ съ русскою женщиною, женится на ней, или русскій женится на мордвинкѣ, и поколѣніе выходитъ здоровое, сильное, рослое. Такое смѣшеніе совершалось и совершается доселѣ особенно въ симбирскомъ и нижегородскомъ краю. Смѣшивается, съ другой стороны, чувашенинъ или черемисинъ съ русскою особью, русѣетъ, обращается въ русскаго мужичка,—и вы видите въ казанскомъ краю, напримѣръ, въ какой-нибудь деревушкѣ изъ четырехъ Кавалей и т. п., видите вы мужиковъ малорослыхъ, съ рѣдкой бородкой, сухощавыхъ, блѣдныхъ, апатичныхъ, мало смышленыхъ, слышите ихъ исковерканный русскій разговоръ, и проч.,—это обрусѣлая порода чувашская. И такъ какъ въ составъ казанскаго народонаселенія вошло много чувашъ и черемисъ, а рядомъ съ Казанскою губерніею въ составъ симбирскаго населенія вошло много мордвиновъ, то понятна разница, напримѣръ, уже одного роста того и другого населенія. Симбирское населеніе, въ составъ котораго входило рослое, сильное племя мордовское, выше ростомъ населенія казанскаго, гдѣ между крестьянами много обрусѣлыхъ малорослыхъ чувашъ. Такъ, напримѣръ, 11-й рекрутскій очередный наборъ даетъ слѣдующія показанія о величинѣ роста казанскаго и симбирскаго населенія:

			Принято въ рекруты:	или изъ 1.000 челов.
Въ 2 арш.	3—4	вер.	2.047	304
Отъ	4—5	»	2.381	353
»	5—6	»	1.327	197
»	6—7	»	665	98
»	7—8	»	241	36
»	8—9	»	61	9
»	9—10	»	4	
свыше	10	»	1	
			6.727	

---

[1]) Гдѣ у насъ нашъ Кетле?..

Сравнивая по росту рекрутъ Казанской губерніи, взятыхъ въ 1854 году, съ рекрутами Симбирской губерніи, изъ 100 человѣкъ получимъ:

	Казанская.	Симбирская.
Отъ 3—4 вершк.	30,4	29,4
» 4—5 »	35,4	26,7
» 5—6 »	19,7	23,8
» 6—7 »	9,9	13.6
» 7—8 »	3,6	5,3
» 8—9 »	0,90	0,92
» 9—10 »	0,6	0,23
свыше 10 »	0,01	0,01

Изъ этой таблицы видимъ, что молодое поколѣніе Казанской губерніи, набираемое въ рекруты, значительно ниже такого же поколѣнія симбирскаго. Преобладающая пропорція въ Казанской губерніи—малорослые 3—5 вершковъ; затѣмъ всѣ оттѣнки роста, начиная съ 5 вершковъ и выше, постоянно преобладають въ Симбирской губерніи. Средній ростъ этой губерніи въ ноябрѣ 1854 г. 2 арш. 4,92 верш., между тѣмъ какъ въ Казанской губерніи 2 арш. 3,74 верш. [1]).

VI. Скрещиваніе играетъ великую роль въ природѣ, когда индивидуумы одного вида или одной разности сохраняютъ въ чистотѣ и однообразности свой характеръ [2]). Молодое, младенчествующее племя, скрещивающееся и нарождающееся само въ себѣ, само изъ себя, безъ всякаго чуждаго племеннаго вліянія, при здоровомъ образѣ жизни и промышленныхъ занятіяхъ, выходитъ живуче и умираетъ гораздо меньше, а наращается больше, чѣмъ сосѣднее, даже болѣе культивированное населеніе, ведущее нездоровый образъ жизни и занятій. Взгляните, напримѣръ, на этнографической картѣ, въ пермское Пріуралье, на небольшое племя пермяковъ, которыхъ теперь считается небольше 50.000 д., и сравните его смертность и приращеніе съ приростомъ и смертностью сосѣдняго русскаго населенія, особенно ремесленнаго и заводскаго.

Изъ самыхъ точныхъ статистическихъ данныхъ, изъ цифръ движенія народонаселенія въ Соликамскомъ уѣздѣ, гдѣ живутъ пермяки, видимъ, что это племя вымираетъ гораздо меньше, чѣмъ сосѣдніе русскіе поселенцы въ соляныхъ промыслахъ, на заводахъ, въ городахъ, въ селахъ помѣщичьихъ и государственныхъ. Даже въ три года, въ 1841, 1843 и 1850 годахъ, когда смертность въ этомъ краю была особенно велика, сравнительное отношеніе умершихъ къ числу жителей, по мѣстностямъ, даетъ слѣдующія цифры:

	Отношеніе умершихъ къ числу жителей.			Изъ 1,000 человѣкъ умирало.			Разность между полами на 1,000.
а) въ соляныхъ промыслахъ	1:17,2.	1:23,5.	1:20,2.	58	42	50	16
б) въ заводахъ	1:17,8.	1:22,9.	1:20,3.	56	44	49	13
в) въ селахъ помѣщичьихъ	1:21,8.	1:25,1.	1:23,5.	45	40	42	5

[1]) „Матеріалы для географ. и стат. Россіи". Казанская губ., стр. 206—207.

[2]) Дарвинъ: „Kreutzung spielt in der Natur insoferne eine grosse Rolle, als sie die Individuen einer Art oder einer Varietät rein und einformig in ihrem Charakter erhält". I. s. 118.

	Отношеніе умершихъ къ числу жителей.			Изъ 1.000 человѣкъ умирало.			Разность между полами на 1.000.
ъ селахъ государствен.	1:22,8.	1:24,8.	1:23,9.	44	40	42	4
ъ городахъ	1:21,6.	1:27,1.	1:24,2.	46	37	41	9
ежду *пермяками* . . .	1:30.	1:31,2.	1:30,6.	33	32	32	1

Изъ этой таблицы видимъ, что ежегодно среднимъ числомъ умираетъ болѣе о въ соляныхъ промыслахъ и заводахъ, гдѣ образъ занятій или работы въ ицахъ, кузницахъ, рудникахъ, плавильняхъ, при паровыхъ машинахъ, въ номъ и спертомъ воздухѣ, около огня и жару, въ чаду и дыму, быстрые ходы изъ тепла въ холодъ, нечистоплотность, соединенная съ этими работами, ны и убійственны для здоровья мѣстнаго рабочаго населенія. Между тѣмъ, яковъ всего меньше умираетъ, именно: 1 изъ 30, или 32 челов. изъ 1.000, а какъ въ соляныхъ промыслахъ и заводахъ 1 изъ 20 или 49 и 50 изъ 00. Особенныя причины этого явленія мы не находимъ возможности объяснить,— ѣ предположимъ, что свѣжія силы младенчествующаго народа, вышедшаго состоянія дикости и начавшаго жить новою, здоровою земледѣльческою жизнью, ючаютъ въ себѣ больше жизненныхъ началъ. И приращеніе или нарожденіе яцкаго племени больше, чѣмъ приростъ русскаго населенія. Сравнительныя ры показываютъ слѣдующее:

	муж.	жен.	всего
) Въ соляныхъ промыслахъ	0,81%	1,15%	1%
въ первое пятилѣтіе (1841—1845) . .	0,54	1,12	0,86
во второе пятилѣтіе (1846—1850) . .	1,06	1,18	1,17
) въ заводахъ	1,06	1,29	1,18
въ первое пятилѣтіе	1,05	1,30	1,17
во второе пятилѣтіе	1,08	1,27	1,18
) въ городѣ	1,21	1,34	1,28
въ первое пятилѣтіе	1,15	1,41	1,29
во второе пятилѣтіе	1,27	1,27	1,27
) въ селахъ помѣщичьихъ	1,67	1,16	1,40
въ первое пятилѣтіе	1,73	1,38	1,55
во второе пятилѣтіе	1,62	0,94	1,26
) въ селахъ государственныхъ	2,05	1,62	1,82
въ первое пятилѣтіе	2,07	1,79	1,92
во второе пятилѣтіе	2,03	1,45	1,73
) между *пермяками*	2,19	1,65	1,90
въ первое пятилѣтіе	2,33	1,66	1,98
во второе пятилѣтіе	2,06	1,63	1,83

Ясно, что увеличивается народонаселеніе относительно больше между перми (1,90%), тогда какъ въ селахъ (1,82%), въ городѣ (1,28%), въ дахъ (1,18%) и въ соляныхъ промыслахъ (1%) процентъ нарощенія меньше. ду пермяками хотя относительное плодородіе меньше (родится 10 человѣкъ 193 наличныхъ), но и смертность зато меньше, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ

(умираетъ 10 изъ 306 наличныхъ), оттого относительное приращеніе народонаселенія выше (1,90%) [1]).

Точно также живуче и устойчиво татарское племя. Какъ увидимъ дальше, татары русѣютъ меньше всѣхъ другихъ инородцевъ. Недаромъ, по народному эпосу, и самый могучій богатырь русскій, представитель славянорусской народной силы, не смогъ сломить крѣпкую натуру татарина: «а и крѣпокъ, собака, не изломится, а и жиловатъ, собака, не изорвется».

VII. Во взаимномъ отношеніи и развитіи народонаселеній чрезвычайно важное значеніе имѣетъ различное анатомическое и физіологическое строеніе расъ или племенъ. Въ частности, чрезвычайно важно знать формы череповъ, строеніе и развитіе головного мозга у различныхъ племенъ, чтобы опредѣлить, почему одно племя, обладая наибольшими интеллектуальными или умственными способностями, брало перевѣсъ надъ другими племенами въ цивилизаціи и культурѣ, порабощало ихъ и мало-по-малу обращало въ свою народность. Такъ изслѣдованія формы и вмѣстимости черепа у различныхъ расъ, при всей неполнотѣ и недостаточности, многое объясняютъ въ организаціи національностей. Длинный рядъ разнообразныхъ черепныхъ формъ, представляемыхъ въ области одной извѣстной націи, служитъ доказательствомъ и мѣркой ея смѣшанности; малочисленность же формъ указываетъ на чистоту племени. Такъ, по изслѣдованіямъ Брока надъ черепами, вырытыми имъ въ старыхъ и новыхъ французскихъ кладбищахъ, въ рядахъ череповъ долихоцефальныхъ , или длинноголовыхъ, мезоцефальныхъ, или среднеголовыхъ и брахицефальныхъ, или короткоголовыхъ, можно ясно прослѣдить смѣшанность парижскаго народонаселенія, съ самаго начала существованія города. По нимъ можно распознать не только однообразное распространеніе той смѣшанности по всѣмъ слоямъ, какъ въ рабочихъ классахъ, такъ и въ высшихъ сословіяхъ, но и различные національные контингенты, входившіе въ составъ парижскаго населенія—кельтскіе и римскіе, германскіе и славянскіе. Далѣе, изслѣдованіе вмѣстимости черепа у различныхъ расъ объясняетъ намъ, почему, по какому закону одна національность пріобрѣтала рѣшительный перевѣсъ надъ другой, порабощала и цивилизовала ее, и оказывала обширные способности и успѣхи въ колонизаціи и культурѣ, тогда какъ другое племя неспособно было даже отстоять своей племенной независимости. Такъ, напримѣръ, по этимъ изслѣдованіямъ, намъ становится понятнымъ, почему англичане, съ объемомъ или вмѣстимостью своего черепа въ 1572,95 кубическихъ центиметра, должны были воспреобладать надъ какими-нибудь австралійцами, у которыхъ черепъ имѣетъ вмѣстимость только въ 1228,27 кубическихъ центиметра, или надъ полинезцами и готтентотами, у которыхъ вмѣстимость черепа 1230 кубич. центиметровъ. Понятно также, почему англо-саксо-американцы, обладая вмѣстимостью черепа въ 1474,65 кубич. центиметровъ, какъ ни подчинились физико-этнографической средѣ американской, а все-таки преобладаютъ надъ какими-нибудь дикими индѣйцами, у которыхъ объемъ черепа 1376,71 кубич. центиметровъ. Понятно, почему англичане, имѣя вмѣстимость черепа въ 1461,53 - 1517 куб. центим., германцы съ 1534,127 куб. центим. черепной вмѣстимости, стали въ главѣ цивилизаціи и культуры человѣчества, стали великими учителями, просвѣтителями и руководителями для всѣхъ другихъ

[1]) „Вѣстникъ русскаго географическаго общества“ за 1855 г., кн. V, ст. II., „О движеніи народонаселенія по Соликамскому уѣзду за 1841 - 1850 г.“.

племенъ, напримѣръ, для кавказцевъ, у которыхъ черепъ имѣетъ емкость въ 1427 куб. центим., не говоря уже о такихъ племенахъ, какъ австралійцы, полинезцы, готтентоты, перуанцы, океаническіе негры, малайцы, дикіе индѣйцы, эскимосы, китайцы, у которыхъ вмѣстимость черепа представляетъ только отъ 1228,27 до 1410 куб. центиметровъ. Понятно, почему эти три европейскія націи играютъ преобладающую дѣятельную роль въ новой организаціи и цивилизаціи различныхъ племенъ и расъ человѣчества. Наконецъ, тѣ же изслѣдованія Брока приводятъ къ замѣчательному выводу, что при вліяніи цивилизаціи вмѣстимость черепа расы мало-по-малу увеличивается. Такъ черепъ парижскаго населенія въ теченіе столѣтій очевиднымъ образомъ увеличился относительно своей вмѣстимости. Если сравнить черепа XII столѣтія, принадлежавшіе даже высшимъ, образованнымъ классамъ и имѣвшіе вмѣстимость въ 1425,98 кубич. центиметровъ, съ черепами XIX столѣтія, имѣющими вмѣстимость 1461,59 кубич. центиметровъ, и особенно съ черепами парижанъ, взятыми изъ Morgue, дома, гдѣ выставляются мертвые, и имѣющими вмѣстимость даже до 1517 кубич. центиметровъ, то очевиднымъ образомъ оказывается, что черепа XIX столѣтія имѣютъ большую вмѣстимость, чѣмъ черепа образованныхъ людей XII столѣтія. Это обстоятельство въ настоящемъ случаѣ для насъ важно въ томъ отношеніи, что показываетъ возможность и естественность прогрессивнаго, генеративно-возрастающаго мозгового или умственнаго преобладанія одного племени надъ другимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдовательно, должно прогрессивно итти, въ теченіе вѣковъ, и физіолого-этнографическое видоизмѣняющее дѣйствіе одной націи на другое племя. Исторія это такъ и показываетъ. Наконецъ, въ изслѣдованіяхъ Брока, замѣчателенъ и тотъ фактъ, что черепа бѣдныхъ классовъ или низшихъ расъ не развиваются и находятся почти на одномъ и томъ же уровнѣ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, пока бытъ этихъ классовъ и племенъ не улучшается и не даются имъ способы образованія. Такъ, черепа съ парижскаго кладбища des Innocents, гдѣ хоронились преимущественно бѣдные классы и люди разныхъ расъ, съ XII до XVIII столѣтія имѣли одну и ту же вмѣстимость 1409,81 куб. центиметровъ. А черепа бѣдныхъ парижанъ XIX столѣтія имѣли вмѣстимость только въ 1403,14 куб. центиметра, тогда какъ черепа богатыхъ парижанъ XII столѣтія заключали вмѣстимость въ 1425,98 кубич. центиметровъ, а зажиточные и образованные парижане XIX столѣтія, похороненные въ частныхъ склепахъ, имѣли вмѣстимость черепа и до 1484,23 кубич. центиметра [1]). Этимъ фактомъ объясняется также и слабое физіологико-интеллектуальное развитіе всѣхъ вообще бѣдныхъ племенъ, заброшенныхъ историческою судьбою въ полярныя, безплодныя области холода и голода. У этихъ бѣдныхъ племенъ, какъ, напримѣръ, у самоѣдовъ, обскихъ остяковъ и т. п., вся структура или конфигурація черепа, даже заживо, очевиднѣйшимъ образомъ показываетъ крайнюю бѣдность, тупоумность, неразвитость мозга.

Къ сожалѣнію, у насъ по части анатоміи расъ и племенъ почти ничего не сдѣлано. Между тѣмъ у насъ-то именно, послѣ англичанъ, и сѣверо-американцевъ и должна бы разработываться сравнительная этнографическая анатомія. Потому что, какъ мы сказали уже, ни одна страна въ Европѣ не имѣетъ такого этнографическаго разнообразія, какъ Россія; въ ней до 111-ти племенныхъ различій. А

[1]) Karl Vogt. „Vorlesungen über den Menchen“ s. 104—109.

сколько въ ней могилъ чудскихъ или финскихъ, татарскихъ, монгольскихъ, калмыцкихъ, древнерусскихъ и проч. Какой богатый и разнообразный матеріалъ для нашего Брока! Достаточно прочитать описаніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи — Георги, или путешествія въ одну Сибирь Гмелина, Миллера, Палласа, Георги, Лепехина, Мейера, Сиверса и проч., — чтобы видѣть, какое множество и разнообразіе череповъ представляютъ анатому-физіологу или анатому-этнографу одни курганы и могилы юго-восточные, сибирскіе, алтайскіе, не говоря о разсѣянныхъ повсюду въ европейской Россіи. Тутъ можно анатомически наглядно и въ высшей степени поучительно прослѣдить и разнообразіе расъ или племенъ, разнообразіе, густоту и, такъ сказать, палеозоическую, мезозоическую и неозоическую преемственность, генеративность или генеалогію нашихъ этнографическихъ наслоеній, различныя степени смѣшанности русскаго народонаселенія въ разныхъ областяхъ, различныя степени мозгового развитія разныхъ областныхъ массъ, народностей и сословій, и проч. и проч. Не имѣя теперь русскихъ анатомико-этнографическихъ изслѣдованій, мы поневолѣ должны ограничиться самыми скудными данными западно-европейской анатомической науки, данными, прямо даже неподходящими къ нашему изслѣдованію.

Ретціусъ въ Стокгольмѣ, на основаніи изслѣдованій шведскихъ и славянскихъ череповъ, составилъ особую классификацію народовъ, раздѣляя ихъ на длинноголовыхъ (долихоцефальныхъ) и короткоголовыхъ (брахицефальныхъ). По его изслѣдованіямъ, приблизительно, оказывается, что у шведовъ наибольшая длина череповъ относится къ наибольшей ширинѣ, какъ 1000:773, т. е. почти какъ 9:7; у славянъ же какъ 1000:888, т. е. почти какъ 8:7. По Велькеру и Брока, длинноголовыми называются тѣ племена, у которыхъ поперечный поперечникъ черепа, относительно продольнаго поперечника, который принимають всегда за 100, среднимъ числомъ ниже 72; короткоголовыми—у которыхъ онъ превышаетъ 81, среднеголовыми, у которыхъ онъ колеблется между 74 и 81. По таблицѣ или классификаціи Велькера, у насъ такія племена, какъ лапландцы, башкиры и тюркскія племена, относятся къ группѣ самыхъ короткоголовыхъ, наравнѣ съ маккасарами, мадурезами, турками и проч. Настоящихъ длинноголовыхъ племенъ у насъ нѣтъ, исключая развѣ небольшого числа сѣверо-американскихъ эскимосовъ. Русскихъ причисляютъ къ среднеголовымъ, располагая ихъ въ числѣ первыхъ среднеголовыхъ племенъ, ближайшихъ къ короткоголовымъ. Именно, въ таблицѣ Вагнера, національности, принадлежащія къ среднеголовымъ, располагаются въ нижеслѣдующемъ порядкѣ, начиная съ самыхъ короткоголовыхъ и переходя къ болѣе и болѣе длинноголовымъ: нѣмцы, *русскіе*, сумматранцы, *калмыки*, яванцы, французы, *казаки* (?), евреи, цыгане, моллукезы, индѣйцы, китайцы, финны, древніе греки и римляне, бразиліанцы, голландцы. «Можно пожалуй думать,—замѣчаетъ Фогтъ, что условіе способности къ цивилизаціи заключается въ срединѣ между двумя крайностями, въ извѣстной степени среднеголовости, заключеніе, въ высшей степени благопріятное для французовъ, потому что они находятся въ срединѣ ряда среднеголовыхъ» [1]),

Очевидно, что принять вполнѣ такую классификацію нельзя. Она не точна въ отношеніи къ русскимъ племенамъ. Напримѣръ, едва ли справедливо, что

[1]) Ibid.

казаки всецѣло принадлежатъ къ среднеголовымъ, и что у нихъ колебанія мѣры головы такъ же незначительны, какъ, напримѣръ, у лапландцевъ и др. Казаки, да и вообще русскіе—самое смѣшанное племя, и представляютъ различные типы, различныя степени короткоголовости, длинноголовости и среднеголовости. Поэтому, изъ классификаціи Велькера мы не можемъ сдѣлать никакихъ точныхъ выводовъ относительно и физіологическаго строенія русскаго народонаселенія.

Обращаясь къ синоптической таблицѣ человѣческихъ племенъ И. Жоффруа Сентъ-Илера,—мы находимъ здѣсь два существенно важныхъ для насъ порядка классификаціи. Именно, согласно съ этой классификаціей, въ нашей исторіи выступаютъ два изъ числа главныхъ типовъ: *кавказскій* и *монгольскій*. Въ славянской отрасли кавказскаго типа, которую И. Жоффруа-Сентъ-Илеръ относитъ къ короткоголовымъ (brachycéphale), преобладаетъ *развитіе верхнихъ частей головы*: лба, черепа, головного мозга; лицо прямое, овальное (или orthognatae); волосы гладкіе; носъ болѣе или менѣе выдающійся; кожа иногда бѣлая, иногда смуглая, но никогда желтая или мѣдноцвѣтная; борода густая [1]). *Монгольскій типъ*, къ которому должно отнести и татаръ или монголо-татаръ, представляетъ преобладающее развитіе *среднихъ частей головы* (верхней части лица); лицо болѣе или менѣе широкое, съ болѣе или менѣе выдавшимися скулами (Erygnate); волосы гладкіе, носъ нѣсколько сплюснутый; глаза съ осями (axes) весьма косвенными; кожа смуглая. Изъ этой анатомо-физіологической характеристики можно отчасти объяснить себѣ, почему племя славянское, обладающее наибольшимъ развитіемъ верхнихъ частей головы—лба, черепа, головного мозга, должно было воспреобладать и воспреобладало, надъ племенами монголо-татарскими, у которыхъ менѣе развиты были верхнія части и болѣе среднія. Понятно, почему не монголо-татарское, а славяно-русское племя является главнымъ, преобладающимъ факторомъ въ русской исторіи, почему его колонизація и культура, его типъ и языкъ, его учрежденія и обычаи, его понятія и вѣрованія, его костюмировка мало-помалу проникали и проникаютъ къ монголо-татарскимъ племенамъ, и хотя медленно и незамѣтно, но видоизмѣняютъ ихъ генераціи въ плоть и кровь славяно-русской народности. Съ другой стороны, изъ физіологическаго строенія славянскаго племени и монголо-татарской расы, понятно, почему однакожь всегда было не сильно, даже слабо, интеллектуальное вліяніе славяно-русской народности на монголо-татар-

[1]) Эдвардсъ такъ описываетъ физіологическое строеніе славянскаго типа: „Видъ головы, со стороны лица, имѣетъ фигуру четвероугольную, оттого длина ея нѣсколько больше ширины, лобъ довольно сжатъ, а челюсти въ равномъ положеніи. Носъ не длиннѣе пространства между его концомъ и бородой и отъ начала до конца почти прямой, то-есть безъ замѣтной кривизны, иначе былъ бы немного согнутъ, а на верхушкѣ нѣсколько выдавался; нижняя часть его пошире, конецъ шарообразенъ. Глаза немного впали, но совершенно въ прямомъ положеніи другъ противъ друга; особенное отличіе ихъ состоитъ въ томъ, что они далеко меньше размѣра головы. Брови не такъ часты и близко подходятъ къ глазамъ, особенно во внутреннемъ углу, откуда иногда выходятъ нѣсколько въ косвенномъ направленіи. Ротъ не выдается, губы не толсты, впрочемъ несравненно ближе къ носу, чѣмъ къ верхушкѣ бороды. Къ этимъ отличительнымъ признакамъ присоедините еще одну особенность, довольно общую, именно рѣдкую бороду, кромѣ усовъ“. Физіологическое строеніе финскаго племени значительно малоразвитѣе славянскаго. Это племя большею частію малорослое и слабосильное. Уже древніе писатели замѣтили, что финны имѣютъ желтый цвѣтъ лица, желтые или рыжіе, иногда свѣтлорусые волосы, носъ сплюснутый, широкій, глаза большею частію узкіе, ротъ широкій. Новѣйшіе писатели, напримѣръ Георги, къ этимъ чертамъ прибавляютъ высунутость нижней части лица и большее или меньшее склоненіе назадъ верхнихъ частей головы. При такомъ анатомическомъ или физіолого-этнографическомъ развитіи понятно, почему славянское племя стало, по культурѣ, выше финскихъ племенъ.

скую. Мозгъ русскихъ развитъ немного больше татарскаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже меньше. Посмотрите на черепъ и большой выпуклый лобъ высокаго, статнаго, красиваго и мускулистаго казанскаго татарина и сравните его съ черепомъ, лбомъ и всей статурой рядомъ живущаго русскаго мужичка, обрусѣлаго изъ чувашъ,—вы увидите рѣзкую интеллектуальную и, вообще, физіологическую разницу между ними.

VIII. Кромѣ мозгового или интеллектуальнаго развитія вообще, едва ли не самую главную роль играетъ въ физіологическомъ видоизмѣненіи и развитіи расъ или племенъ организація женщины. Достовѣрный естественно-историческій фактъ, что женщина не только воспроизводитъ, нарождаетъ вновь поколѣнія своей расы или своего племени, со всѣми ихъ типическими признаками, но и въ формахъ своихъ, въ организаціи своей дольше сохраняетъ племенныя физіологическія особенности, чѣмъ мужчина. Въ физіологическомъ отношеніи племенная воспроизводительность женщины часто проявляетъ даже реакцію противъ уничтоженія ея рода племени: послѣ эпидеміи, напримѣръ, усиливается рождаемость. Въ нравственномъ отношеніи женщина также всегда является хранительницей своихъ племенныхъ понятій, преданій, обычаевъ и вѣрованій; она даже тѣмъ упорнѣе сохраняетъ ихъ, чѣмъ энергичнѣе вводятся новыя ученія, понятія, обычаи или вѣрованія. Этотъ фактъ имѣетъ физіологическое основаніе. «По Велькеру,—говоритъ Карлъ Фогтъ,—женскій черепъ, какъ въ горизонтальной окружности, такъ и по величинѣ внутренней полости, меньше мужского, и это вполнѣ согласно съ меньшимъ вѣсомъ мозга у женщинъ [1]). На основаніи Велькеровыхъ измѣреній, женскій черепъ относится слѣдующимъ образомъ къ мужскому (принимая послѣдній во всѣхъ случаяхъ = 100): окружность = 96,6; вмѣстимость = 89,7; вѣсъ мозга = 89, 9. Формы женской головы мягче, закругленнѣе; личная часть, именно челюсти и черепное основаніе, развиты меньше, и послѣднее сильно съужено въ заднемъ своемъ отдѣлѣ. Притомъ, основаніе черепа болѣе вытянуто, сѣдельный уголъ прямѣе и обнаруживается замѣчательное стремленіе къ косозубости и длинноголовости. Вообще, можно сказать, что типъ женскаго черепа во многихъ отношеніяхъ подходитъ къ типу дѣтскаго, еще болѣе къ типу черепа низшихъ расъ, а съ этимъ обстоятельствомъ повидимому находится въ связи то замѣчательное явленіе, что разстояніе половъ, относительно образованія черепной полости, увеличивается съ совершенствомъ расы, такъ что европеецъ гораздо болѣе превосходитъ европеянку, чѣмъ негръ негритянку. Велькеръ подтверждаетъ этотъ выводъ *Гушке* своими сравнительными измѣреніями череповъ нѣмцевъ и негровъ, но чтобы онъ могъ получить общее значеніе, нужны гораздо обширнѣйшія изслѣдованія. Если бы этотъ выводъ дѣйствительно подтвердился, то его можно было бы считать интереснымъ указателемъ развитія расъ при посредствѣ цивилизаціи и условій жизни. Давно уже было замѣчено, что у народовъ, идущихъ впередъ по пути цивилизаціи, мужчина опережаетъ женщину, и что, напротивъ того, у народовъ, которые нисходятъ обратно съ высшей степени культуры, женщина находится впереди мужчины. Какъ въ нравственномъ мірѣ женщина—хранительница

[1]) Минимумъ вѣса мозга для бѣлой расы, для среднеевропейскихъ народовъ составляетъ *килограммъ* (2 фунта) для мужчинъ и 900 граммовъ для женщинъ, или, по д-ру Бойду, вѣсъ мозга у взрослыхъ мужчинъ колеблется между 1366 и 1285 граммами, у взрослыхъ женщинъ—между 1231 и 1127 граммовъ, такъ что даже высшій вѣсъ женскаго мозга не достигаетъ самаго низшаго вѣса мужского. Vogt, „Über den Menschen“, I, 97 и слѣд.

рыхъ привычекъ и обычаевъ, народныхъ и семейныхъ преданій, сагъ и ре-ій, такъ и въ матеріальной области она является хранительницею первобыт-ъ формъ, которыя чрезвычайно медленно уступаютъ вліяніямъ цивилизаціи и ѣняющагося образа жизни. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что че произвести революцію въ государствѣ и уничтожить его правительство, чѣмъ ѣнить устройство очага на кухнѣ, хотя это устройство, перешедшее изъ не-амятныхъ временъ, недостаточно и безсмысленно до послѣдней возможности. добнымъ же образомъ женщина сохраняетъ въ образованіи своей головы ука-ія на прежнее состояніе, изъ котораго выработалась раса или племя, или въ орое они опустились. Отсюда объясняется отчасти фактъ, что различіе половъ ъ больше, чѣмъ больше развилась цивилизація. Къ этому присоединяется еще обстоятельство, что оба пола тѣмъ болѣе сходны въ своихъ занятіяхъ и при-ніи жизни, чѣмъ ниже культурное состояніе народа. У австралійскихъ негровъ, мсновъ и другихъ подобныхъ низшихъ народовъ, бродящихъ безъ жилищъ по имъ мѣстамъ, женщина переноситъ всѣ труды и тягости мужчины, кромѣ спе-льной заботы о дѣтяхъ, она занимается, подобно мужчинамъ, охотой и рыбной лей. Кругъ идей и занятій, въ которыхъ движутся оба пола, совершенно одинъ отъ же. Напротивъ, чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ совершеннѣе раздѣленіе да и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ мірѣ. Дѣйствительно, если каждый анъ вслѣдствіе дѣятельности крѣпнетъ и получаетъ большій размѣръ и вѣсъ, и мозгъ долженъ развиваться тѣмъ больше, чѣмъ болѣе занятія мужчины ащаются къ высшимъ [1]) сферамъ пониманія (intelligenz)».

Изъ всего сказаннаго нами становится понятнымъ то замѣчательное явленіе русской этнографической исторіи, что какъ славяно-русскія женщины, упорнѣе чинъ сохраняя общеславянскія преданія, суевѣрія и обычаи, передавая ихъ рода въ родъ въ видѣ заговоровъ, наговоровъ, заклятій, повѣрій, примѣтъ, ловицъ и проч., нерѣдко выходя замужъ за крещеныхъ инородцевъ, сообщали свои славяно-русскія привычки и суевѣрія, такъ точно и женщины различ-ъ инородческихъ племенъ всегда и вездѣ, по всѣмъ областямъ, куда только никла русская колонизація и народность, гораздо упорнѣе мужчинъ сохраняли и генетическія, племенныя формы, свой племенной языкъ, свои племенные гюмы, свою племенную пищу и способъ ея приготовленія, свои племенныя за-ія, и проч. Напримѣръ, лопарь, корелъ, самоѣдъ, татаринъ, чувашъ, остякъ, ličъ, бурятъ и проч. говорятъ хорошо по-русски, любятъ крестоваться или житься съ русскими, крещены и забыли многія старыя суевѣрія, научились гому новому, новымъ понятіямъ, новымъ ремесламъ и промысламъ, давно стали ваться по-русски,—а жены ихъ—лопарки, корелки, самоѣдки, татарки, остячки, ятки и проч. все еще не знаютъ русскаго языка и говорятъ по своему, дичатся скихъ, одѣваются въ свои старые племенные костюмы, хотя и крестятся, но рно сохраняютъ старыя повѣрья, суевѣрія и обычаи, и въ большей суммѣ, ъ мужчины, и передаютъ ихъ дѣтямъ изъ рода въ родъ. Казанскіе татары— дскіе всѣ хорошо знаютъ по-русски, но татарка, знающая нашъ языкъ, боль-і рѣдкость. Чувашки еще больше обособляются отъ русскихъ. Одна мать, у орой сына хотѣли отдать въ школу, объявила, что скорѣе удавитъ его, чѣмъ

[1]) Vogt, „Über d. Menschen“, s. 88-89.

пустить учиться. Бурять вы постоянно увидите въ русскихъ деревняхъ и въ Иркутскѣ: они тутъ торгуютъ, живутъ въ наймахъ, заводятъ своихъ нукуровъ (друзей); а бурятокъ рѣдко увидите въ русскомъ домѣ, еще рѣже услышите. чтобъ онѣ говорили по-русски. Такимъ образомъ консерватизмъ женскій, строго охраняя всѣ племенныя формы и свойства, естественно былъ замедляющей реакціей противъ образованія новыхъ племенъ, противъ скорѣйшаго слiянія инородческихъ племенъ съ русскимъ народомъ.

IX. Съ другой стороны, въ высшей степени грустное, жалкое положеніе женщины у разныхъ инородческихъ племенъ и у самого русскаго народа. непропорціональность, несоразмѣрность ея работъ и хлопотъ съ организаціей, гнетъ. рабство и побои, переносимые ею не рѣдко всю жизнь,—вотъ еще одна изъ важнѣйшихъ причинъ слабаго физіологическаго развитія и приращенія инородческаго и русскаго народонаселенія. Здѣсь же заключается причина и вырожденія, вымиранія многихъ инородческихъ племенъ, или невольнаго слiянія ихъ послѣднихъ поколѣній съ русскими генераціями, путемъ браковъ съ русскими женщинами. Не будемъ приводить всѣхъ многочисленныхъ грустныхъ свидѣтельствъ объ угнетенности женщины у инородческихъ племенъ. Укажемъ на два на три факта. «Женскій полъ, говоритъ Георги, по самоѣдскому разсужденію, не чистъ; почему и поступаютъ они съ нимъ презрительно, а отчасти и безчеловѣчно. Жены претерпѣваютъ жестокость эту больше, нежели дочери, почему и упорство ихъ при выдаваніи замужъ не всегда бываетъ притворное. Пока жены родятъ еще дѣтей. до тѣхъ поръ все еще могутъ надѣяться на пощаду, которая съ приращеніемъ ихъ старости вовсе пропадаетъ. Онѣ отнюдь не смѣютъ вмѣстѣ ѣсть съ своими мужьями, но питаются только тѣмъ, что послѣ нихъ останется. Въ юртѣ онѣ должны всегда сидѣть на своей сторонѣ и никогда не ходить около огня; да сверхъ того, мѣста, на которыхъ онѣ сидѣли въ юртѣ или въ саняхъ, и вещи, которыя онѣ употребляли, также какъ и самихъ себя, онѣ должны окуривать—надъ подожженнымъ оленьимъ волосомъ», и проч. При такой гнетущей уничиженности. самоѣдскія женщины не очень плодородны, хотя родить дѣтей начинаютъ очень рано, и матерями иныя бываютъ у нихъ на двѣнадцатомъ и на тринадцатомъ году. «Это самое состояніе женскаго пола,—замѣчаетъ далѣе Георги,—и суровый поясъ ихъ страны, конечно, причиною и тому, что они малорослы и худо размножаются: ибо ничто другое приращенію ихъ не препятствуетъ» [1]). У многихъ татарскихъ племенъ, женскій полъ, по словамъ того же Георги, тоже живетъ въ гнету, вѣчно сидя за работой, не выходя изъ избъ и юртъ, и оттого ростъ ихъ безпорядоченъ. и всѣ онѣ какъ будто копченыя [2]). У остяковъ, какъ и у самоѣдовъ, женщина—полная рабыня въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Остякъ, по словамъ Палласа. смотритъ на женщину почти какъ только на необходимое домашнее животное и обременяетъ ее всѣми трудными работами. И браки ихъ потому мало плодоносны [3]). Неудивительно, послѣ этого, что у нѣкоторыхъ племенъ женщины, при дурныхъ жизненныхъ условіяхъ, вымираютъ сильно, а съ ними вмѣстѣ вымираютъ и самыя

[1]) Георги, „Описаніе народовъ въ Россіи“. Ч. III, стр. 10—11.
[2]) Ib., стр 146.
[3]) Pallas, Reise, th. III, s. 53: der rohe Ostiak seine Weiber nicht viel besser als nothvendige Hausthiere betrachtet, und ihnen vor alle schwere Arbeit kaum ein gutes Wort gönnt. Jhre Ehen sind auch nicht sonderlich fruchtbar... Man findet wenig Väter, die mehr als drei. höchstens vier Kinder haben. s. 53.

емена. Например, сравнивая въ этомъ отношеніи смѣшанное казанское населеніе, по племенамъ, находимъ, что на 100 душъ умершихъ мужескаго пола при-)дится женскаго:

У чувашъ	103,6
» черемисъ горныхъ	101,09
» » луговыхъ	101,1
» вотяковъ	109,1
» мордвы	92,6
» крещеныхъ татаръ	99,2
» татаръ по всей Казанской губерніи .	99,7
» русскихъ:	
» казенныхъ	97,9
» помѣщичьихъ	97,1

Такимъ образомъ, по поламъ, смертность преобладаетъ въ женскомъ полѣ ıдъ мужескимъ у чувашъ, черемисъ и вотяковъ, т. е. у народовъ или вымиıющихъ, или сливающихся съ славяно-русскимъ населеніемъ, у народовъ наиенѣе развитыхъ, живущихъ бѣдно и неудобно. Причина такого явленія зависітъ, по всей вѣроятности, отъ того, что женщина у этихъ народовъ не польıется естественнымъ своимъ преимуществомъ — своею слабѣйшею организаціею: ıа работаетъ непропорціонально своимъ силамъ. Чувашка не только исполняетъ ѣ мужскія полевыя работы, но и вообще дѣлаетъ иногда больше чувашенина.

X. Вообще, всѣ подобныя жизненныя условія — положеніе женщины, здоровое ли нездоровое мѣсто жительства извѣстнаго племени, возвышенное и сухое или изменное и сырое, лѣсное и болотное, бѣдность или зажиточность племени и т. п., сѣ такія жизненныя условія имѣютъ существенное вліяніе на живучесть или вынраемость племенъ. Племя, которое всѣхъ несчастнѣе въ этомъ отношеніи, вымиаетъ неминуемо и скоро, если не сливается съ болѣе здоровою и мощною массою ародонаселенія. Представляемъ здѣсь нѣкоторыя данныя о развитіи и движеніи ародонаселенія, по племенамъ, изъ статистики того же казанскаго края, гдѣ наиольшая смѣшанность населенія. (См. таблицы на слѣд стр.).

Разсматривая эти числовые факты о естественномъ движеніи народонаселенія о племенамъ, видимъ:

1) У луговыхъ черемисовъ число рожденій во второй половинѣ означеннаго еріода уменьшилось на 5%, тогда какъ у другихъ племенъ увеличилось. Между сѣми народностями, относительно увеличенія рожденій, первое мѣсто занимаютъ усскіе и притомъ казенные крестьяне, а потомъ уже помѣщичьи. Разница между ими простирается до 2,2%. Затѣмъ, въ нисходящей степени слѣдуютъ чуваши, ıордва, горные черемисы, вотяки и крещеные татары. Большая несоразмѣрность ождаемости по племенамъ Казанской губерніи едва ли отъ другого чего зависитъ, акъ не отъ жизненныхъ условій — отъ большаго или меньшаго матеріальнаго благосостоянія, отъ положенія женщинъ и т. п.

2) Смертность усилилась во всѣхъ инородческихъ племенахъ и наиболѣе сего между луговыми черемисами, кромѣ русскихъ и отчасти чувашъ и мордвы. Уменьшеніе рождаемости и значительное увеличеніе смертности между луговыми

РОДИЛОСЬ СЪ 1848 -1858 ГОДЪ:

	1 ПЯТИЛѢТІЕ.			2 ПЯТИЛѢТІЕ.				Въ послѣдн. пятилѣтіе родилось болѣе или менѣе въ %
	Муж.	Жен.	Итого.	Муж.	Жен.	Итого.	Разность.	
У чувашъ (Ядринскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ.	15,216	14,582	2,979	16,337	15,240	31,577	1,779	+ 5,9
Горныхъ черемисъ (Козмодемьянскаго уѣзда).	2,374	2,317	4,691	2,493	2,435	4,928	237	+ 5,05
Луговыхъ черемисъ Царево - Кокшайскаго уѣзда.	4,550	4,441	8,991	4,448	4,103	8,551	440	— 4,9
Вотяковъ (Мамадышскаго уѣзда).	566	579	1,145	587	610	1,197	52	+ 4,[illegible]
Мордвы (Чистопольскаго уѣзда).	1,099	1,053	2,152	1,205	1,057	2,262	110	— 5,1
Крещеныхъ татаръ (Мамадышскаго уѣзда).	1,287	1,207	2,494	1,250	1,158	2,408	86	— 5,[illegible]
Русскихъ (Чистопольскаго уѣзда) казенныхъ.	6,009	5,811	11,820	6,570	6,392	12,962	1,142	+ 9,6
Помѣщичьихъ. . . .	3,903	3,484	7,387	3,877	4,061	7,938	551	+ 7,4
Вообще по губерніи .	—	—	240,481	—	—	252,024	11,543	+ 4,8

УМЕРЛО 1848—1858 ГОДЪ.

	1-е ПЯТИЛѢТІЕ.			2-е ПЯТИЛѢТІЕ.			Разность.	Въ послѣдн. пятилѣтіе умерло бол. или мен. %	БРАКИ			Въ 2-е пяти[illegible]
	Муж.	Жен.	Итого.	Муж.	Жен.	Итого.			1-е пятилѣт.	2-е пятилѣт.	Разность.	
У чувашъ .	12,594	13,003	25,597	10,986	11,337	22,323	—3,274	— 12,7	7,957	7,625	[illegible]	
У горныхъ черемисъ . .	1,678	1,676	3,354	1,820	1,860	3,680	526	+ 97	1,262	1,186	- 76	
У луговыхъ.	2,949	2,984	5,933	3,454	3,500	6,954	960	+ 16,2	1,936	1,754	- 182	
У вотяковъ.	400	422	822	387	437	824	2	+ 0,02	274	232	— 42	
У мордвы .	843	859	1,702	739	724	1,463	- 279	— 14	476	519	43	
У крещеныхъ татаръ .	738	720	1,458	783	784	1,567	109	+ 7,4	573	526	47	
У русскихъ казенныхъ. .	4,891	4,852	9,743	4,488	4,338	8,826	917	— 9,4	2,544	2,599	55	
У помѣщичьихъ. . . .	3,178	3,167	6,345	3,065	2,898	5,963	- 382	— 6,0	1,519	1,410	109	

БРАКИ.

	На сто душъ муж. пола родилось женскаго.	На одинъ бракъ родилось.			На сто душъ родившихся приходится умершихъ.	На сто душъ умершихъ мужескаго пола приходится женскаго.
		Муж.	Жен.	Обоего пола.		
У чувашъ.	94,5	2,02	1,91	3,93	77,91	103,6
„ Черемисъ горныхъ.	95,5	1,98	1,90	3,88	73,9	101,[illegible]
„ Луговыхъ.	96,0	2,44	2,32	4,78	73,4	101,1
„ Вотяковъ	103,1	2,08	2,15	4,93	70,3	109,1
„ Мордвы.	91,5	2,31	2,12	4,43	71,2	92,6
„ Крещеныхъ татаръ	93,2	2,27	2,11	4,38	61,8	99,2
„ Татаръ по всей губерніи	93,7	2,0	1,8	3,8	64,7	96,7
„ Русскихъ: казенныхъ	97,0	2,4	2,3	4,7	74,9	97,9
„ Помѣщичьихъ	92,4	2,7	2,5	5,2	80,03	97,1

черемисами ясно говорятъ о его постепенномъ исчезновеніи, что и должно быть, такъ какъ этотъ народъ стоитъ на одной изъ самыхъ низшихъ степеней развитія, не имѣетъ даже прочной и здоровой осѣдлости, а ведетъ въ своихъ низменныхъ и сырыхъ лѣсахъ преимущественно охотничью жизнь.

3) Въ отношеніи плодородія, браки самые производительные у русскихъ и притомъ помѣщичьихъ, а уже потомъ у казенныхъ крестьянъ и луговыхъ черемисъ. Затѣмъ, у вотяковъ, мордвы и татаръ производительность колеблется около общей средней цифры по всей губерніи (4,8); а у горныхъ черемисъ и чувашъ значительно менѣе. Послѣдній фактъ замѣченъ всѣми, видящими близко быть этого народа. Чувашская дѣвушка хорошая работница, поэтому ее изъ дому не отдаютъ никогда ранѣе 25-ти лѣтъ. Мужчина, напротивъ, старается жениться какъ можно скорѣе по той же причинѣ, т. е., чтобы имѣть у себя въ домѣ лишнія рабочія руки. Мужъ всегда почти моложе жены 5—7 лѣтами и болѣе. Позднее вступленіе въ бракъ, несоразмѣрность лѣтъ съ мужчиною и, наконецъ, труды, конечно, должны имѣть вліяніе на плодородіе чувашскихъ женщинъ. А все это, естественно, имѣетъ вліяніе и на общую жизненность племени.

4) Относительная смертность, по племенамъ, наибольшая у чувашъ, наименьшая у татаръ. По поламъ, какъ мы сказали уже, она преобладаетъ въ женскомъ полѣ надъ мужскимъ у чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы, т. е. у народовъ неразвитыхъ, живущихъ бѣдно и неудобно. Очевидно, что эта двойная смертность у чувашъ, и общая, обоихъ половъ, и въ частности, наибольшая женская, при недостаткѣ рождаемости, служитъ признакомъ изживаемости этого племени, или необходимости скорѣйшаго сліянія его съ другимъ, наиболѣе нарождающимся и живучимъ племенемъ.

XI. Нельзя не обратить вниманія и на государственное и общественное положеніе инородческихъ племенъ. Надо сознаться, что вообще грустно оно было, потому что вело инородческія племена больше къ вымиранію, чѣмъ къ правильному соціально-физіологическому саморазвитію и органическому сліянію съ славяно-русскимъ народомъ. Не будемъ разсказывать про тѣ варварскія, тиранническія жестокости, какія терпѣли, напримѣръ, въ XVII в. якуты отъ русскихъ воеводъ. Не будемъ разсказывать, какъ поступали въ XVIII в. военныя команды съ новокрещенными казанскими инородцами, или въ Сибири—съ остяками и татарами. Скажемъ только, что сама императрица Екатерина II, побывавши въ Казани, замѣтила, что «законы наши истребили народу безчисленнаго». Въ самомъ дѣлѣ, вѣрно, сильно трепеталась жизнь и сила и въ младенчествующихъ, мощныхъ племенахъ инородческихъ, вѣрно, и они инстинктивно чувствовали жажду свободнаго, естественнаго саморазвитія, когда вынуждены были не разъ возставать и вести ожесточенную борьбу за существованіе. Вспомнимъ возстаніе инородцевъ въ смутное время, во время бунта Стеньки Разина, въ пугачевщину. Вспомнимъ борьбу за существованіе, за племенную независимость киргизовъ, алтайскихъ горныхъ калмыковъ, бурятъ. Вспомнимъ ужасные башкирскіе бунты и замыслы во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтій. Вспомнимъ политическій характеръ и образъ мыслей казанскихъ татаръ, обнаружившійся еще и недавно, въ крымскую войну. Вспомнимъ бунтъ камчадальскій, и проч. А не лежитъ ли на насъ, на нашей исторіи еще одно мрачное пятно—истребленіе многихъ инородческихъ племенъ, вслѣдствіе нашей помѣхи ихъ свободному, здоровому естественному

саморазвитію? Скажемъ, для безпристрастія, словами западнаго ученаго, основанными на самыхъ точныхъ русскихъ источникахъ: «Прослѣдивъ завоеванія русскихъ отъ Урала до Восточнаго океана, — говоритъ Гартвигъ, — спросимъ: какъ измѣнился жребій туземцевъ, и должны ли они благословлять пришествіе новыхъ владѣтелей, или же проклинать тотъ день, когда казакъ впервые произнесъ здѣсь слово *ясакъ*. Къ сожалѣнію, исторія представляетъ печальное доказательство, что завоеватели Сибири, не уступая въ смѣлости и твердости спутникамъ Кортеца и Пизарро, не уступали имъ и въ ненасытимомъ корыстолюбіи и въ безчеловѣчной жестокости. Подъ ихъ тяжелымъ игомъ исчезли цѣлые народы, какъ шелаги, анюилы, омоки, нѣкогда сильные и многочисленные, а теперь извѣстные лишь по имени; отъ другихъ народовъ, какъ отъ вогуловъ, юкагировъ, коряковъ и ительменовъ, остаются лишь слабые остатки: повсюду отлетѣло прежнее счастіе. Исторія порабощенія ительменовъ, переданная Стеллеромъ въ описаніи Камчатки, даетъ намъ любопытный очеркъ, какъ обыкновенно поступаютъ завоеватели съ туземцами, и этотъ примѣръ можетъ служить общимъ правиломъ въ подобныхъ случаяхъ... Въ теченіе какихъ-нибудь сорока лѣтъ, число камчадаловъ уменьшилось до 12-й или 15-й части, и здѣсь можно было приложить страшное слово Тацита, сказанное имъ о римлянахъ—Solitudinem faciunt, pacem appellant — дѣлаютъ пустыню и называютъ это миромъ. Въ прежнее время сѣверные кочевники свободно кочевали по всей тундрѣ, со стадами одомашненныхъ сѣверныхъ оленей, а послѣ покоренія Сибири на кочевниковъ наложена подать и для ихъ кочевья назначены опредѣленные, не слишкомъ обширные округи. Слѣдствіемъ этого было то, что сѣверные олени начали мало-по-малу вымирать, ибо повальныя болѣзни легче могли распространяться между ними, а прежніе обладатели многочисленныхъ стадъ принуждены были перемѣнить свою кочевую жизнь на жизнь рыбака; переходъ, при которомъ, конечно, очень многіе погибли. Но было бы несправедливо упрекать правительство въ томъ, что оно не обращало вниманія на вымираніе туземныхъ инородцевъ... Если и въ европейской Россіи, бывало, крѣпостные нерѣдко терпѣли несправедливости, потому что «до Бога высоко, а до царя далеко», если и здѣсь чиновники и исполнители законовъ не всегда пользовались хорошей славой, то можно себѣ вообразить, что по ту сторону Урала дѣла шли еще хуже, и что въ этихъ отдаленныхъ странахъ слабый туземецъ былъ предоставленъ полнѣйшему произволу, грабежу казаковъ и звѣропромышленниковъ. Не могло помѣшать правительство, чтобы подъ различными предлогами ясакъ не учетверился, не удесятерился, чтобы, кромѣ того, туземцы не привозили изъ-за 4—500 верстъ въ острогъ рыбу, ягоды, кедровые орѣхи, сало и множество другихъ предметовъ, доставляемыхъ этой страной, и все это въ пользу сборщика податей, а что оставитъ послѣдній, то возьметъ казакъ. Ничего правительство не могло сдѣлать противъ долговъ. Казаки, получивъ отъ купцовъ товары, разъѣзжали съ ними по Сибири. Иные туземцы брали добровольно, другихъ же принуждали брать товаръ за безбожную цѣну: такъ, напримѣръ, за картузъ табаку —лисья шкурка, за ножъ—два соболя. Если долгъ не уплачивался въ срокъ, то цѣна удвоивалась такъ, что если въ скоромъ времени по прошествіи срока и уплатится первоначальный долгъ, то оставалась въ долгу такая же сумма. Ежегодно производилось такое удвоеніе долга, такъ что пара соболей возрастаетъ иногда до 10, 12 и еще болѣе, и несчастный

должникъ нерѣдко въ теченіи всей жизни уплачиваетъ за какой-нибудь ножикъ... Казакъ за долгъ бралъ жену, дочь или сына въ неволю. Если при этомъ вспомнимъ, что большинство сибирскихъ казаковъ состояло изъ бѣглыхъ мошенниковъ, то можемъ себѣ представить, какъ такіе властители гнетутъ бѣднаго сибиряка. «Когда казакъ, говоритъ Стеллеръ, приближается къ юртѣ, и собаки лаемъ возвѣщаютъ приходъ чужеземца, то все населеніе приходитъ въ волненіе отъ страха. Одни метутъ юрту, другіе прячутъ лучшую утварь, дѣвицы скрываются гдѣ-нибудь, а мужчины бѣгутъ на встрѣчу казаку. Лишь только послѣдній сойдетъ съ саней, какъ раздаются угрозы и приказанія: «накормить собакъ! убрать сани»! Войдя въ юрту, онъ садится на почетное мѣсто, а камчадалы снимаютъ съ него сапоги и чулки, развѣшиваютъ платье и заботливо чинятъ, гдѣ худо, чтобы не подвергнуться брани или ударамъ. Затѣмъ, казакъ приказываетъ: принеси то, свари это и т. д., камчадалы молча исполняютъ все и не смѣютъ сказать слова, пока ихъ не спросятъ. Лучшее отдаютъ они казаку, а сами по угламъ ѣдятъ икру съ ивовой корой. Если казакъ недоволенъ, то вскакиваетъ, ругается измѣнниками и мошенниками и берется за палку»... [1]).

Какъ же могло культивироваться и развиваться новое, лучшее, здоровое народонаселеніе изъ этихъ мощныхъ, но забитыхъ племенъ инородческихъ, при такомъ варварскомъ распространеніи славяно-русской колонизаціи и народности!

XII. Наконецъ, обратимъ вниманіе и на внѣшнюю среду, такъ же могущественно обусловливающую этнографическую организацію новыхъ народонаселеній.

Физико-географическая и этнографическая среда имѣетъ сильное вліяніе на физіологическое видоизмѣненіе племенъ, на ихъ взаимную организацію. Это такой законъ природы, который многозначительно проявился на французскихъ и особенно англо-саксонскихъ колоніяхъ, и который съ фактической научностью раскрытъ Жофруа Сентъ-Илеромъ, Будэномъ, Винтерботтомъ и другими, и даже полигенистами, старавшимися отрицать дѣйствіе среды, напримѣръ, Ноксомъ. Видоизмѣняющее вліяніе среды на организмъ такъ многозначительно, что даже англо-саксонская раса, эта самая здоровая, крѣпкая, могучая раса, и она въ своихъ океаническихъ колоніяхъ, въ физической средѣ Австраліи и Америки испытываетъ и и уже потерпѣла рѣзко-бросающееся въ глаза наблюдателей физіологическое видоизмѣненіе. Въ Австраліи, напримѣръ, признаки, свойственные племени англичанъ, начинаютъ измѣняться съ перваго поколѣнія. Вотъ что писалъ объ этомъ Кунингамъ (Cuningham) въ 1862 году: «*Куренки* (curreneys) или австралійскіе креолы становятся высоки и тонки (grands et sveltes), какъ американцы, и вообще ихъ можно замѣтить только по ихъ свѣтлымъ волосамъ и глазамъ, характеризующимъ саксонское племя; но, даже въ юношескомъ возрастѣ, они отличаются уже *блѣдно-жолтымъ* цвѣтомъ. Впрочемъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ ихъ легко различаешь отъ тѣхъ англичанъ, которые родились въ Англіи. Румянецъ на щекахъ несвойственъ климату Австраліи точно также, какъ и климату Америки, гдѣ свѣжій цвѣтъ лица тоже непремѣнно вызываетъ вопросъ, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго: скажите, пожалуйста, вы, вѣрно, уроженецъ Англіи». Медики, анатомы строго-научно доказали это физіологическое видоизмѣненіе англо-саксонскаго племени, подъ вліяніемъ среды. Такъ медики доставили Прунеръ-Бею слѣдующія под-

---

[1]) Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ, стр. 149—152.

робности: «англо-саксо-американецъ уже со вторaго поколѣнія представляетъ черты типа индѣйца, которыя приближаютъ его къ ленниленапамъ, къ ирокезамъ, къ шерокезамъ. Позже, въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, система железокъ уже достигаетъ minimum своего нормальнаго развитія, кожа дѣлается сухою, какъ у животныхъ (du cuir); она теряетъ живость оттѣнковъ въ лицѣ и краску на щекахъ: у мужчинъ онѣ смѣняются какимъ-то зеленоватымъ цвѣтомъ, а у женщинъ непріятной блѣдностью; черепъ уменьшается и становится круглымъ или остроконечнымъ къ верху; голова покрывается гладкими лоснящимися и темными волосами; шея удлиняется. Замѣчаютъ также большое развитіе и скуловыхъ костей; височныя впадины глубоки, челюсти массивны, глаза у нихъ представляются запавшими въ очень глубокихъ и довольно близкихъ одна къ другой полостяхъ; зрачекъ (Iris) темный, взглядъ острый и дикій. Длина продольныхъ костей увеличивается главнымъ образомъ въ верхнихъ оконечностяхъ, такъ что во Франціи и Англіи фабрикуются для Америки особыя перчатки съ особенно длинными пальцами. Полости этихъ продольныхъ костей очень съужены: ногти легко принимаютъ продолговатую и остроконечную форму. Тазъ женщины мало разнится отъ таза мужчины».

Точно также Эдвардсъ, Смитъ, Карпентеръ и даже Ноксъ, для своей теоріи полигенизма старавшійся уменьшить вліяніе среды на развитіе племенъ, — всѣ эти наблюдатели указываютъ разительные факты, въ доказательство физіологическаго видоизмѣненія англо-саксонскаго племени подъ вліяніемъ сѣверо-американской среды. Г. Дезоръ (Desor), въ одной статьѣ о климатѣ сѣверной Америки подтвердилъ всѣ эти факты и, сверхъ того, указалъ на новыя физіологическія особенности въ типѣ *янковъ*, развившіяся подъ вліяніемъ среды. Что же касается до общаго вывода изъ этихъ измѣненій англійскаго типа, то одинъ писатель (Брассеръ, Brasseur), извѣстный своимъ умомъ и обширными свѣдѣніями, который долго живя въ Америкѣ, тщательно изучалъ ее, слѣдующимъ образомъ выражаетъ этотъ выводъ: «Небольшого числа лѣтъ было достаточно, чтобы установилось уже значительное и весьма замѣтное различіе между новѣйшими американцами и англичанами, отъ которыхъ первые произошли... Мы желали бы обратиться къ внимательному путешественнику, проѣхавшему Соединенные Штаты, и спросить его мнѣнія о нѣкоторыхъ семействахъ въ Нью-Іоркѣ и въ Пенсильваніи, о семействахъ, сохранившихъ въ теченіи одного или двухъ столѣтій чистую англійскую кровь, и о населеніяхъ, которыя съ весьма давнихъ временъ поселились въ Кентуки и по берегамъ Миссисипи. Не замѣтилъ ли онъ, подобно намъ, значительнаго видоизмѣненія не только въ чертахъ, но и въ характерѣ ихъ! Не говоря о европейской цивилизаціи, которая равно сопровождала обѣ сказанныя группы, у однихъ изъ этихъ американцевъ уже находимъ, вмѣстѣ съ лицевымъ угломъ, гордость и хитрость ирокеза, у другихъ же, вмѣстѣ съ наружнымъ видомъ, всю жесткость, всю вольность и независимость иллинойца и шерокеза. И сами англо-американцы говорили Брассеру: и по чертамъ, и по характеру мы стали здѣсь гуронцами» [1]). А путешественникъ Элизе Реклю (Reclus), въ виду совершающагося, подъ вліяніемъ климата, физіологическаго

[1]) Brasseur, Histoire des Nations civilisées du Mèxique et d'Amerique centrale durant les siècles antérieurs à Christoph Colomb. Катрф. 197.

видоизмѣненія американскихъ колонистовъ, выразилъ даже такъ: «если бы другія вліянія не уравновѣшивали дѣйствій климата, то много что по прошествіи извѣстнаго числа вѣковъ, всѣ американцы получили бы цвѣтъ первоначальныхъ туземцевъ, все равно выѣхали-ль предки ихъ въ Америку изъ Ирландіи, изъ Франціи, или изъ Конго». Такъ могущественно дѣйствуетъ среда, видоизмѣняя физіологическое строеніе племенъ и національностей.

Обращаясь къ русскимъ колоніямъ на сѣверовостокѣ, мы находимъ такія же физіолого-этнографическія метаморфозы и видоизмѣненія подъ вліяніемъ климата и вообще физической, а также и этнографической среды, только въ немного меньшихъ размѣрахъ. Заглянемъ, напримѣръ, въ непроглядную и солнцемъ мало освѣщаемую, безплодную, суровую тундру сѣверо-западной Сибири. Здѣсь еще въ XVII вѣкѣ началась русская колонизація. Первые поселенцы не выносили суровой полярной стужи ледовитой тундры и замерзали. Но это не остановило предпріимчивыхъ, здоровыхъ русскихъ людей. Попривыкши напередъ къ холоду въ болѣе южныхъ низменностяхъ Сибири, они мало-по-малу стали сначала временно ходить въ обскую тундру для мѣны съ остяками и для обмана этихъ бѣдныхъ, простосердечныхъ дѣтей природы, устрояли тутъ хижины и магазины. Наконецъ, освоившись съ климатомъ, подружившись съ остяками, многіе и совсѣмъ поселились въ тундрѣ, основали такимъ образомъ Обдорскъ и вокругъ него нѣсколько деревень. Число ихъ умножилось ссыльными русскими, поляками, а также выходцами—татарами, киргизами, калмыками, которыхъ, впрочемъ, было немного. Повидимому, на новой землѣ, среди свѣжихъ, младенчествующихъ народовъ, подъ вліяніемъ торговли и промышленности, русская жизнь и народность должна была не только сама развиваться, но и культивировать, цивилизовать остяковъ и самоѣдовъ, или превращать ихъ въ свою плоть и кровь. Что же однако вышло?

Суровая, полярная среда тундры и Ледовитаго океана оледенила, оцѣпенила и крѣпкую, здоровую, предпріимчивую натуру сибиряковъ—единокровныхъ младшихъ братьевъ древнихъ новгородцевъ. Суровая, безплодная, безжизненная тундра, производящая только голодъ и холодъ, разслабила, деморализировала, оцѣпенила организмъ русскаго населенія. Живя вмѣстѣ съ остяками и самоѣдами подъ одними и тѣми же физическими условіями, одинаково перенося голодъ и холодъ, русскіе мало-по-малу сдѣлались совершенными остяками и самоѣдами. Многіе изъ русскихъ, смѣшиваясь съ женщинами самоѣдовъ и остяковъ, питаясь какъ и они, одной рыбой, усвояли привычки и признаки самоѣдской породы: слабость тѣлосложенія, малорослость, особенное развитіе и выпуклость челюстей, углубленность височной кости, узкость глазъ и проч. Съ тѣмъ вмѣстѣ, естественно, страдалъ и мозгъ ихъ: онъ не развивался, а слабѣлъ, тупѣлъ, такъ какъ кругомъ ничего не было развивающаго, питающаго, вызывающаго къ дѣятельности, а все было подавляющее, оцѣпеняющее, съуживающее, потемняющее. Суровый холодъ и частый голодъ развивалъ въ нихъ дикую раздражительность и грубость. И вотъ они дичали до такой степени, что, по словамъ Кастрена и Гартвига, на самомъ дѣлѣ большинство русскихъ жителей, по пословицѣ: въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, *приняли образъ жизни туземцевъ-остяковъ* (Гартвигъ, 140). Кастренъ такъ обрисовываетъ этихъ русскихъ колонистовъ обдорской тундры. «Они заброшены судьбой на холоднѣйшіе берега Ледовитаго моря, и духъ ихъ окованъ узами, которыя также крѣпки, какъ этотъ

ледъ, который оцѣпеняетъ сердце природы въ ихъ теперешнемъ отечествѣ. Оковы эти —грубость, невѣжество и дикость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, съ хорошими инстинктами, съ невинными чувствами и добросердечностью; но при этихъ прекрасныхъ, добрыхъ и благородныхъ чертахъ, къ несчастію, встрѣтилъ я у этихъ же людей природы такъ много достойнаго отвращенія, такъ много звѣрской грубости, что наконецъ я ихъ менѣе люблю, чѣмъ соболѣзненно оплакиваю... Русская колонизація началась здѣсь (въ обской тундрѣ) спустя назадъ столѣтіе; большая же часть колонистовъ утвердилась здѣсь въ послѣднія тридцать лѣтъ. Къ усиленію слабаго населенія служитъ причисленіе ссыльныхъ. Между ними я видѣлъ поляка, калмыка и киргиза. Много тутъ также торгующихъ татаръ и зырянъ. Коренные жители страны остяки и самоѣды... Въ Обдорскѣ не нашелъ я ни одной книги, кромѣ сибирскаго регламента, ни одной ежедневной газеты; кромѣ тѣхъ, какія дамы въ потемкахъ сочиняютъ, никакого собранія естественныхъ предметовъ и древностей, хотя для всего этого тамъ могли бы быть значительныя собранія. Изъ числа христіанъ я не могъ найти тамъ ни одного индивидуума, который былъ бы занятъ инымъ интересомъ, чѣмъ тотъ—какъ-бы получить безчеловѣчный процентъ. Другаго ничего нельзя и ждать отъ людей, которые чужды утѣхъ и наслажденій цивилизованной жизни, и у которыхъ одно только на умѣ—какъ-бы хитростью и обманомъ притянуть къ себѣ трудомъ и потомъ пріобрѣтенное имущество простодушнаго и довѣрчиваго туземца. Такіе поступки, правда, осчастливливаютъ ихъ, но, вслѣдствіе этого, большая часть изъ этихъ искателей счастія стали нравственно портиться, погружаться въ звѣрскую грубость, которая мнѣ представляется гораздо отвратительнѣе, чѣмъ грубость дикарей. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Обдорскъ и вошелъ въ жилище одного, изъ Тобольска переселившагося сюда мѣщанина, я нашелъ всю его семью сидящею на полу и пожирающею сырую рыбу, которую самъ отецъ дома разрѣзывалъ на части. Образованнѣйшій житель города хвастался тѣмъ, что въ теченіи цѣлаго полгода ѣлъ одно сырое мясо. Проживающій тамъ полякъ-поваръ, игравшій прежде блестящую роль въ петербургскихъ кухняхъ, жаловался, что его искусство мало приноситъ пользы въ Обдорскѣ, такъ какъ люди здѣсь живутъ *по-самоѣдски*, à la Samoiède. Ежедневная одежда у жителей таже самая, что и у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ схожи съ самоѣдами и въ томъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленныя оленьи стада. Есть въ числѣ древностей города фамилія Ch..., которая въ березовскомъ краю должна быть довольно распространена. Ихъ праотецъ, во время войны Петра великаго съ королемъ шведскимъ, измѣнилъ царю и бѣжалъ въ этотъ отдаленный уголокъ свѣта, чтобы здѣсь избавиться отъ напасти. Сочлены, сродники этой фамиліи не хотѣли имѣть со мною никакого сообщенія. Встрѣтилъ я ихъ на улицѣ, въ разстояніи на выстрѣлъ, такъ они побѣжали отъ меня и затворились. Съ такимъ же страхомъ и непріязненностью принимала меня и большая часть прочихъ жителей города, которымъ я казался опаснѣйшимъ пройдохой въ коммерческихъ сдѣлкахъ» [1]). Такъ одичала полярная, сибирская тундра не однихъ самоѣдовъ и остяковъ, но и болѣе или менѣе развитыхъ русскихъ людей, и совершенно сдѣлала ихъ самоѣдами и остяками.

[1]) Alexander Kastren's Reiseerinnerungen 1838—1844, s. 278—281.

Если мы взглянемъ на русскую колонію въ якутской области, то увидимъ тамъ еще болѣе удивительный примѣръ физіологическаго превращенія русской народности. Вездѣ, гдѣ климатъ былъ сносенъ для русскаго поселенца, гдѣ почва давала мѣсто его сохѣ, среди каждаго финскаго, тюрко-татарскаго и монгольскаго племени,—славянорусская національность показывала замѣчательную устойчивость, физіологическую самосохранность и самобытность. Правда, почти вездѣ она усвояла много чуждыхъ, иноплеменныхъ свойствъ, напримѣръ, цвѣтъ кожи, нѣкоторыя черты физіономій, нравы, обычаи и проч. Но при этомъ она все-таки была главнымъ, преобладающимъ дѣятелемъ полной физіологической наслѣдственности, метисаціи, видоизмѣненія племенъ. Она вездѣ сохраняла свой языкъ, претерпѣвая несущественныя вліянія иноплеменныхъ языковъ на вокализацію и словарь областныхъ нарѣчій. Она не только не приняла, не усвоила ничей иноплеменный языкъ, но напротивъ повсюду пропагандировала свой собственный. Но вотъ поселились русскіе подъ 62^0 с. ш., въ сѣверо-восточной Сибири. Борьба съ суровымъ климатомъ, съ $35—42^0$ мороза въ длинную зиму, отсутствіе пашни—самой главной жизненной силы и кормилицы древне-русскаго человѣка, долговременное отсутствіе и потомъ слабое развитіе своего скотоводства, мѣстная необходимость, естественная вынужденность питаться почти одной рыбой, однимъ словомъ, страданія отъ голода и холода въ непривѣтной, суровой полярной странѣ, въ суровѣйшемъ полярномъ климатѣ—все это сильно должно было измѣнять, разслаблять русскихъ колонистовъ въ отдаленной якутской области. Убыли или расходу силъ организма, какой причиняетъ обильнѣйшій въ полярномъ воздухѣ кислородъ, и необходимѣйшія тамъ напряженныя движенія, не соотвѣтствовала прибыль, не соотвѣтствовалъ приходъ не только отъ почвы, которая вовсе ничего, кромѣ дикихъ кореньевъ, не приносила, но и вообще отъ окружающей якутской физико-географической среды. Сумма расхода, потеря силъ на добычу, на охоту, на движеніе, на запросъ холода и голода, превышала сумму прихода, прибыли возстановленія силъ, сумму пользы отъ охоты и добычи. И вотъ, подъ вліяніемъ такого физическаго рабства и физіологическаго дефицита, резаклиматизировавшіеся русскіе колонисты, естественно, органически слабѣли, изнемогали въ борьбѣ съ суровой, непроизводительной дикой средой, и, вслѣдствіе этой резаклиматизаціи, этого разслабленія, легко подчинялись вліянію якутской народности, давно уже акклиматизировавшейся въ этой странѣ. Подчиненіе мѣстнымъ этнографическимъ условіямъ, потеря своихъ собственныхъ національныхъ особенностей находится въ прямой зависимости и въ правильной пропорціи со степенью подчиненія физико-географическимъ условіямъ мѣстностей, какъ разложеніе тканей правильно-пропорціонально со степенью напряженія. Умъ непросвѣщенныхъ русскихъ колонистовъ Якутска, не снабженный силой, свѣтомъ и помощью науки, естествознанія, не указывалъ имъ никакихъ лучшихъ способовъ для предотвращенія излишняго вліянія суроваго климата, убивающей, оледеняющей среды, кромѣ тѣхъ, какія и якутамъ внушилъ климатъ, указала и дала полярная природа. Имъ, слѣдовательно, и въ голову не приходило, да не было и побужденія, интереса—заводить въ чужой-дальней сторонѣ старые порядки и обычаи своей родины, вовсе несхожей съ якутской областью. Это, пожалуй, было и опасно, а главное, почти невозможно: кругомъ неотразимо дѣйствовала новая физико-географическая и физіолого-этнографическая среда. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не

ходятъ. Съ волками жить—приходится по волчьи и выть. А съ якутами, съ народомъ вовсе не глупымъ, напротивъ весьма смышленнымъ, искуснымъ въ кузнечномъ дѣлѣ, умѣющимъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ заниматься коневодствомъ и скотоводствомъ—съ такимъ народомъ русскіе люди, въ которыхъ кипѣла кровь старыхъ новгородскихъ гостей, людей всюду уживавшихся, могли уже довольно легко ужиться съ большимъ удовольствіемъ не только въ дружбѣ и крестованьи, побратимствѣ, но и въ сватовствѣ и сродствѣ. И вотъ они, вдали отъ сердца ихъ родной земли—Москвы, замкнулись въ домашній кругъ, во всю обыденную сферу якутовъ, одѣлись въ ихъ одежду, стали ѣсть тоже, что и они ѣли, поженились на якуткахъ,—и стали русскими якутами. А что это фактъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ образованнѣйшіе путешественники-наблюдатели. Врангель пишетъ о Якутскѣ: «О воспитаніи дѣтей здѣсь заботятся мало: ребенка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой-либо якуткѣ, которая, вскормивъ посильно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько объякученнаго, родителямъ: дома онъ подростаетъ, и научившись нѣсколько грамотѣ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бываютъ крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества объясняется, съ перваго взгляда страннымъ кажущееся явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую французскій въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцевъ мѣхами, въ именины своей жены. Общество состояло изъ областнаго начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе» [1]).

Гартвигъ, основываясь на Миддендорфѣ и другихъ путешественникахъ, говоритъ слѣдующее: «Якуты представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но напротивъ втянувшаго его въ свою сферу. Такъ въ Якутскѣ или городѣ *якутовъ* (этимъ именемъ называютъ себя не безъ нѣкоторой національной гордости всѣ тамошніе уроженцы) несравненно болѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники—якуты, всѣ няньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ. Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ якутскую область, онъ встрѣчалъ русскихъ только по происхожденію; даже трудно было въ земледѣльческой, первоначально русской колоніи Амгинской, найти проводника, говорящаго по-русски. Точно также удивляло Миддендорфа, что въ пустынѣ, между Якутскомъ и Охотскомъ, не только тунгусы и ихъ жены говорили чисто по-якутски, но и въ самой прислугѣ путешественника находился тунгусъ, непонимавшій другого языка, кромѣ якутскаго. Ни одинъ русскій не задумается вступить въ бракъ съ якуткою. Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которыя быстро

[1]) Врангель. Путеш. по сѣверн. берег. Сибири и по Ледов. морю. Спб. 1841. стр. 70—171.

перенимають у русскихъ, и при этомъ, какъ кочевники, немногаго требующіе, якуты производятъ мирныя завоеванія такого рода. Своими склонностями, хитрой ловкостью и безстыдствомъ якуты, особенно городскіе, напоминали Миддендорфу жидовъ. Народъ, который такимъ образомъ умѣетъ господствовать, не смотря на чужое владычество, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе бы ни были недостатки этого народа, нельзя ему отказать въ народности» [1]).

Дальше слѣдуетъ фактическій очеркъ историко-этнографической организаціи русскаго народонаселенія по областямъ...

---

[1]) (Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ, Гартвига, стр. 189).

Даже дѣти якутскаго православнаго духовенства рѣзко отмѣчены отъ дѣтей чисто русскаго духовенства. Намъ довелось жить и учиться въ иркутской семинаріи вмѣстѣ съ ними и сравнить ихъ съ иркутскими, нерчинскими и енисейскими воспитанниками той же семинаріи. И лица ихъ, и структура весьма замѣтно отличаются отъ лицъ и всей конфигураціи не только енисейскихъ воспитанниковъ, которые вообще отличались красивымъ (ярославскимъ и т. п.) строеніемъ, но и отъ нерчинскихъ воспитанниковъ, между которыми часто были происхожденцы бурятскаго племени, и потому многіе изъ нихъ имѣли обличье бурятское. Такое же обличье имѣлъ и мой товарищъ по казанской духовной академіи, теперь священникъ якутскій. Между собою якутскіе семинаристы говорили по-якутски, по-русски говорили плохо.

Историко-этнографическая организація русскаго народонаселенія [1]).

Этнологическое развитіе сибирскаго населенія [2]).

Безспорно, что главный факторъ въ исторіи человѣческаго развитія есть разумъ, обращенный къ изученію природы, творящій открытія въ области естествознанія и въ сферѣ умственной и матеріальной цивилизаціи. На востокѣ, въ монархіяхъ восточныхъ не было этого естествоиспытующаго разума, а господствовало одно суевѣрно-боязливое воображеніе и чувство слѣпого удивленія и раболѣпнаго страха передъ всѣмъ непонятнымъ и обаятельно-страшнымъ въ природѣ:—и тамъ, въ восточныхъ монархіяхъ и номадіяхъ, не было развитія, а остались, окаменѣли тысячелѣтнимъ памятникомъ и, такъ сказать, образцомъ застоя и невѣжества—Китай, Монголія, Туркестанъ и т. п. На Западѣ, въ новыхъ государствахъ, могущественно и разнообразно проявился этотъ естествопознательный геній, и здѣсь видимъ широкое и богатое творчествомъ, открытіями и будущностью развитіе, видимъ Англію, Италію, Францію и проч., видимъ міровые перевороты, изобрѣтенія и улучшенія въ области соціально-экономическаго міроустройства, совершающіяся на основаніи естествознанія. «Отъ одного великаго генія, Ньютона,—говоритъ Либихъ,—распространилось болѣе свѣта, чѣмъ отъ цѣлаго тысячелѣтія передъ нимъ. Правильный взглядъ на движеніе небесныхъ тѣлъ, на паденіе тѣла былъ началомъ множества другихъ открытій; мореплаваніе, торговля, промышленность, наконецъ, всякій индивидуальный человѣкъ извлекаетъ и *будетъ извлекать* духовныя и матеріальныя выгоды изъ его открытій до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать родъ человѣческій. Не принимая въ соображеніе исторію физики, невозможно составить себѣ понятіе о томъ огромномъ вліяніи, которое имѣло естествознаніе на развитіе духа... Со времени открытія одного *кислорода*, въ образованномъ мірѣ совершился переворотъ въ нравахъ и привычкахъ. Знаніе состава атмосферы, твердой земной коры, воды, вліянія ихъ на жизнь растеній и животныхъ связано съ

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Русское Слово" за 1865 г., № 1, стр. 1—38. № 2, стр. 81—107 и № 3, стр. 166—217 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 22 февраля, 27 марта и 24 апрѣля 1865 г.; редакція Н. А. Благовѣщенскаго).

[2]) Начало этихъ очерковъ было помѣщено въ первой кн. „Библіот. для Чтенія" за 1864 г. За предлагаемою статьею, послѣ нѣсколькихъ очерковъ историко-географическаго распредѣленія, будетъ сообщенъ очеркъ историко-этнографической организаціи великорусскаго народа.

этимъ открытіемъ. Выгодная дѣятельность многочисленныхъ фабрикъ и разнообразныхъ ремеслъ, полученіе металловъ — тоже въ тѣсной связи съ нимъ. Можно сказать, что матеріальное благосостояніе государствъ улучшилось съ этого времени преимущественно потому, что достояніе каждаго отдѣльнаго лица увеличилось вслѣдствіе этого открытія... Уже практически выразилась потребность новѣйшаго времени въ основаніи школъ, гдѣ естественныя науки, какъ предметы преподаванія, занимаютъ первое мѣсто; изъ нихъ-то разовьется мощное поколѣніе, съ болѣе сильнымъ умомъ и духомъ, способное и воспріимчивое для всего того, что дѣйствительно велико и можетъ принести плоды. Въ средѣ этого поколѣнія разовьется богатство и сила обществъ, и когда человѣкъ, облегченный отъ бремени своего существованія, не будетъ уже болѣе подавленъ трудностями нести и отстранять земныя работы, только тогда умъ его, сдѣлавшись болѣе чистымъ, можетъ обратиться къ болѣе и болѣе возвышенному»[1]). Равномѣрная оцѣнка всѣхъ отраслей математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ,—говоритъ Гумбольдтъ,—сдѣлалась особенною потребностью настоящаго времени, въ которомъ матеріальныя богатства и возрастающее благоденствіе народовъ основаны на искусномъ и раціональномъ употребленіи произведеній и силъ природы. Самый поверхностный взглядъ на настоящее состояніе Европы показываетъ, что вслѣдъ за какою нибудь неровной всемірной борьбой или за продолжительнымъ общественнымъ застоемъ, необходимо должна произойдти частная убыль и, наконецъ, уничтоженіе національнаго богатства; ибо въ судьбѣ государствъ такъ же, какъ и въ природѣ, по глубокомысленному выраженію Гете, «въ движеніи и дѣланіи не можетъ быть никакой остановки, и проклятіе лежитъ на всякой неподвижности». Только по мѣрѣ познаванія природы, мы можемъ господствовать надъ ея силами и подчинять ихъ управленію нашего творческаго генія. «Могущество человѣческихъ обществъ, сказалъ Бэконъ, есть разумъ, есть народный смыслъ. Общество возвышается и падаетъ вмѣстѣ съ народнымъ смысломъ. Знаніе и ученіе суть наслажденія и права человѣчества; они суть части народнаго богатства и нерѣдко замѣна благъ, слишкомъ скудно распредѣленныхъ природой. Народы, непринимающіе дѣятельнаго участія въ промышленномъ движеніи, въ искусномъ выборѣ и разработкѣ естественныхъ матеріаловъ, въ удачныхъ приложеніяхъ механики и технологической химіи, у которыхъ уваженіе къ подобной дѣятельности не проникаетъ всѣ классы общества, тѣ народы неизбѣжно должны утратить свое благоденствіе». Такъ могущественно движетъ исторіей и цивилизаціей народовъ законъ естественноиспытующаго разума. И дѣйствительно, что представляетъ исторія тамъ, гдѣ, наоборотъ, природа господствуетъ надъ силами человѣка? Тамъ только возможно развитіе рабства умственнаго и общественнаго. Нѣтъ сомнѣнія, Египетъ, и Индія не испытали бы глубоко-пассивнаго подчиненія деспотизму жреческихъ кастъ, безвыходнаго застоя умственныхъ, соціальныхъ и политическихъ силъ, еслибъ этимъ народамъ удалось открыть себѣ путь къ знанію окружающей ихъ природы. Эмансипація человѣка вездѣ и всегда начиналась внѣшней его независимостью отъ физическихъ силъ. Этотъ великій міровой законъ остается неизмѣннымъ для исторіи всего человѣчества.

Но при этомъ невольно рождается вопросъ: отчего же не всѣ племена и

---

[1]) Письма о Химіи, т. I, стр. 3, 5 и 23.

народы одинаково способны къ этому естественно-научному развитію цивилизаціи? Отчего не всѣ племена и народы одинаково одарены естествоиспытующими способностями, а одни стоятъ выше въ этомъ отношеніи и сдѣлали больше открытій, другіе ниже и не сдѣлали не только никакихъ міровыхъ открытій, но даже не обнаружили попытки къ какому нибудь умственному движенію, какъ, напр., Турція и Испанія? Отчего у однихъ племенъ и народовъ реальная дѣятельность начинается раньше, у другихъ — позднѣе, а многіе впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ остаются въ безсознательномъ, космическомъ состояніи? Для отвѣта на эти вопросы современная наука еще не готова; ей нужно напередъ изслѣдовать физіологическое развитіе и этнографическую организацію выступающихъ на поприще исторіи народовъ; нужно раскрыть, путемъ естественно-историческаго изученія: кто они, эти выступающіе на историческое поприще народы, какой они породы — чистой или смѣшанной, — изъ какихъ этнографическихъ элементовъ они развились, сложились, способны ли они, по самому своему физіологическому складу и строенію, къ развитію цивилизаціи, и въ какой мѣрѣ способны, и т. п. Такія науки, какъ этнологія и антропологія, не даромъ задумываются надъ историческими способностями націй различнаго этнологическаго склада. Напримѣръ, еще сомнительнымъ или нерѣшеннымъ вопросомъ остается, всѣ ли племена одинаково способны къ прогрессу и усовершенствованію своихъ соціальныхъ отношеній? Въ то время, какъ, напримѣръ, Катрфажъ, Руфцъ, Прюнеръ-Бей полагаютъ, что каждое племя способно къ усовершенствованію, что даже австралійцамъ доступна цивилизація, — Перье, О'Роргъ, Жоржъ Пушэ отчаяваются въ будущности этихъ племенъ. Между тѣмъ какъ Перье, допуская, что племена одного типа, одного корня могутъ смѣшиваться безъ дурныхъ послѣдствій для своего развитія, полагаетъ, что отдаленныя смѣшенія народовъ даютъ дурныя результаты, порождаютъ неспособныя или мало способныя націи, и что, при равенствѣ другихъ условій, чистыя расы выше смѣшанныхъ, — нѣкоторые изъ новыхъ естествоиспытателей утверждаютъ, что всякое смѣшеніе породы влечетъ за собою физическій и умственный упадокъ. Буденъ, согласно съ Перье, признаетъ нѣкоторыхъ метисовъ ниже въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. А Катрфажъ, напротивъ, не отрицая этихъ фактовъ, полагаетъ, что во многихъ случаяхъ смѣшеніе оживляетъ расы, дополняетъ ихъ инстинкты, развиваетъ ихъ способности и иногда даже порождаетъ способности, чуждыя двумъ первоначальнымъ расамъ. Такимъ образомъ, вопросъ о способности народовъ къ умственнымъ и соціальнымъ успѣхамъ, съ физіологической точки зрѣнія, дѣлается вопросомъ величайшей важности для историческаго изслѣдователя.

Вотъ почему, прежде чѣмъ мы приступимъ къ очеркамъ собственно-интеллектуальнаго развитія русскаго народонаселенія и потомъ естественныхъ и умственныхъ условій его внутренняго и внѣшняго развитія, непосредственно послѣ очерковъ историко-географическаго распредѣленія русскаго народонаселенія печатаемъ очерки его историко-этнографическаго склада и развитія, какое совершалось и совершается на пути его географическаго распространенія и смѣшенія съ разными племенами и народами. Считаемъ нужнымъ также предупредить нашихъ читателей, что далеко неоконченные еще очерки историко-географическаго распредѣленія русскаго народонаселенія мы помѣщаемъ въ первой части нашего труда, а очерки историко-этнографической организаціи — во второй, потому во-первыхъ, что умно-

ли не умное избраніе мѣстъ поселенія и первоначальное обзаведеніе домохозяйствомъ считаемъ первымъ актомъ, какъ въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлаго народа, и во-вторыхъ, потому, что историко-этнологическая организація русскаго народонаселенія шла уже вслѣдъ за его географическимъ распространеніемъ, вслѣдствіе или по слѣдамъ его колонизаціи среди разныхъ племенъ. Наконецъ, предварительное разсмотрѣніе историко-этнографической организаціи русскаго народа для насъ важно не только для объясненія его умственнаго, интеллектуальнаго развитія въ реальномъ и экономическомъ отношеніяхъ и проч., но и для уразумѣнія его историческаго значенія въ семьѣ европейскихъ націй, въ отношеніяхъ обще-европейскихъ, международныхъ.

Западно-европейскія націи, представляющія высшую породу человѣчества, давно уже совершили первоначальное развитіе своей національной организаціи, путемъ естественнаго, племенного подбора. Теперь они начинаютъ уже совершать высшій, интеллектуальный процессъ, путемъ разумно-сознательнаго, интеллектуальнаго совершенствованія и соединенія національностей въ одно европейское, всенародное братство. На западѣ теперь идетъ борьба не просто за племенное существованіе, но за разумно-свободное и равноправное существованіе человѣчества. Естествоиспытующій разумъ, составляющій главную, могучую силу высшаго совершенствованія человѣчества, творящій чудеса въ мірѣ мысли и матеріальной жизни,—вотъ теперь высшее и отличительное преимущество западно-европейской породы. Великая идея Гумбольдта о Космосѣ и о самосознаніи въ немъ «гражданина вселенной»—человѣка, «о вліяніи, которое оказываютъ на него земныя силы и, обратно, о вліяніи, какое онъ самъ имѣетъ на нихъ, великая идея географа Риттера объ организмѣ земли и объ органическомъ взаимодѣйствіи земной природы и человѣчества, идея Либиха о разумномъ языкѣ явленій,—посредствомъ котораго естествоиспытатель, такъ сказать, разговариваетъ съ веществомъ природы и разузнаетъ его тайны, силы и законы, примѣняя ихъ къ цѣлямъ цивилизаціи, великое ученіе Дарвина о происхожденіи и совершенствованіи видовъ и расъ путемъ естественнаго подбора и примѣненіе этого ученія Ляйелемъ къ геологической исторіи племенъ человѣческихъ, Шлейхеромъ—къ языкознанію, изслѣдованія Гексли и Фогта о человѣкѣ и мѣстѣ его въ природѣ и т. д.,—вотъ многознаменательные факты умственныхъ порывовъ и стремленій европейской породы къ глубокому и ясному пониманію тѣхъ всемірныхъ цѣлей, къ которымъ, рано или поздно, должно придти человѣчество. Благодаря этимъ порывамъ и стремленіямъ, сближеніе народовъ между собою, ихъ великое и плодотворное братство дѣлается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе осязательнымъ фактомъ. Различіе между племенами все уменьшается, каждый день сглаживаетъ какой-нибудь выдающійся уголъ, служившій особымъ признакомъ нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ и проч. Теперь можно сказать, что англичанинъ живетъ въ Великобританіи, итальянецъ на Аппенинскомъ полуостровѣ, французъ во Франціи, образованный же человѣкъ во всей Европѣ... Со всѣхъ сторонъ стараются разрушить границы земель. Ученые сходятся на конгрессы и отказываются отъ національной исключительности. Промышленность открываетъ всемірныя выставки для обмѣна обще-европейскихъ идей и произведеній индустріальнаго генія. Телеграфы и сѣти желѣзныхъ дорогъ уничтожаютъ пространства и разстоянія между отдѣльными людьми и цѣлыми націями. Соображая все это, невольно вспоминаешь восторженныя

слова Виктора Гюго: «великіе народы сольются въ братскомъ поцѣлуѣ, и одинъ дастъ другому то, чего у того нѣтъ...» Такова послѣдняя, крайняя цѣль общежитія, таково назначеніе человѣка, вложенное въ него природой.

Между тѣмъ, какъ западно-европейскія націи давно уже окончили первоначальный, естественно-историческій процессъ племенной организаціи, и теперь, путемъ интеллектуальнаго совершенствованія, стремятся къ братской,—общечеловѣческой, соціальной организаціи,—русское народонаселеніе еще переживаетъ непосредственно-натуральный процессъ національнаго образованія, нарожденія, наростанія въ націю или народъ. Еще не сложился и не опредѣлился во всей цѣльности и опредѣленности его національно-физіологическій типъ. Еще слишкомъ явственно и грубо выступаютъ въ этнографическомъ составѣ русскаго народа разнообразные разноплеменные контингенты, не организовавшіеся въ одно цѣльное, стройное тѣло. Такое недоразвитіе русскаго народа весьма ясно проявлялось во всей его прошлой исторіи и проявляется въ его современной общественной жизни. Какъ нѣтъ въ русскомъ народѣ единства физіологическаго типа, такъ еще не развилось въ немъ сознаніе своего національнаго единства и достоинства. Это сказалось въ его исторіи. Въ смутное время, напримѣръ, хотя и заговорили земскіе люди о своемъ *прироженьи*, но въ то же время вполнѣ высказались и разноплеменные элементы, разныя отдѣльныя племена и народности, входившія въ его составъ, напр., Литва, татары, чуваши, черемисы, башкиры и проч. Точно такъ же произошелъ этнологическій расколъ въ русскомъ народонаселеніи въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтѣ Пугачевскомъ. А исторія сибирскаго народонаселенія въ XVII и XVIII столѣтіи вся есть ничто иное, какъ исторія борьбы племенъ, племенныхъ отношеній, племенного смѣшенія и проч. Такъ какъ русская національная организація еще не сложилась окончательно и не развилась до національнаго сознанія, то въ исторіи его всегда являлась на первомъ планѣ чисто-внѣшняя, географическая, поземельная или земская связь, а не внутренняя, народная, органическая. Русская исторія есть больше исторія земства или, по выраженію актовъ,—*земли* и *земскаго строенія*, чѣмъ исторія соціальноорганизованной націи. Въ русскомъ народѣ давно развилась и всегда грубо проявлялась восточная, племенная нетерпимость и антагонизмъ къ чуждымъ національностямъ, на что постоянно указывали писатели, начиная съ Петрея, Олеарія до Ермана и другихъ. Не говоримъ уже о томъ, напримѣръ, что у насъ малороссъ назвалъ великорусса съ какимъ-то зло-ироническимъ антагонизмомъ «москалемъ», а этотъ послѣдній его, въ свою очередь, «хохломъ»; или сибирякъ, русскій же по происхожденію, по вѣрѣ, по всему, тоже съ какою-то внутреннею непріязненностью называетъ русскаго переселенца «россейскимъ», а поселенца ссыльнаго «*варнакомъ*». Мало того, что у насъ жители одной губерніи смотрятъ на жителей другой губерніи, какъ на «чужестранцевъ», и называютъ ихъ «чужестранцами», но еще обзываютъ одни другихъ разными бранными или ироническими присловьями, которыя для развитаго и просвѣщеннаго національнаго чувства должны бы быть оскорбительны. Эта дикость русской національности составляетъ не послѣднюю причину многихъ уродливостей въ нашемъ общественномъ складѣ и развитіи, напримѣръ, недостатка у насъ общественнаго мнѣнія, невозможности общественной иниціативы, странности народныхъ симпатій и антипатій, понятій, обычаевъ и нравовъ, и проч. Славянофильство напрасно идеализируетъ единство и цѣльность русской народности, русскаго духа

Русскій міръ, русская національность —это еще, во многихъ отношеніяхъ, discordia semina rerum.

Кромѣ того, этнографическая неорганизованность русской національности видна изъ того, что въ составѣ ея еще слишкомъ рѣзко выступаютъ наружу разноплеменные элементы. Финство, въ разныхъ видахъ, татарщина, монгольство, нѣметчина и проч., въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ степеняхъ, типично разнообразятъ физіологическій складъ, этнологическую организацію русскаго народа, а вслѣдствіе того и его умственный, и нравственный характеръ. Такіе наблюдательные путешественники, какъ напримѣръ, Георги, Палласъ, Лепехинъ, Кастренъ, Ерманъ и многіе другіе, живо обрисовали намъ всю пестроту и разносоставность физіологическаго строенія русскаго народонаселенія. Не говоримъ уже о Сибири; напримѣръ, на сѣверѣ самой Великороссіи, они видѣли сплошное смѣшеніе новгородскаго славянства съ чудствомъ; на югѣ—смѣсь русскаго элемента съ татарщиной и проч. Подъ вліяніемъ восточной крови, и характеръ восточный воспитывался въ большой части массы русскаго народа. Напримѣръ, умственная и нравственная татаризація Москвы и московскаго княжества до того была несомнѣнна и очевидна для всѣхъ, что самъ народъ выразилъ это съ простодушной ироніей въ своихъ историческихъ пѣсняхъ...

Въ одной старинной пѣснѣ про свадьбу Грознаго поется:

Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
На той Супавѣ *татарскіе.*
Есть у ней много приданаго,
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ татаровей,
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.

«Умирающая царица—справедливо замѣчаетъ по поводу этой пѣсни г. Буслаевъ,—завѣщаетъ Ивану Васильевичу взять себѣ вторую жену лучше на Москвѣ, но *все же изъ породы татарской*, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что *Москва до того отатарилась*, что Иванъ Васильевичъ не побрезгаетъ татарской родней. Изучившимъ московскую старину хорошо извѣстно, какъ вѣрна и метка эта простодушная иронія народной пѣсни, и какъ глубоко понимаетъ народъ тѣ темныя стороны своей исторіи, которыя напрасно стараются прикрыть чтители древней Руси своими дѣтскими идилліями»[1]). Дѣйствительно, если не съ квасно-патріотической или славянофильской точки зрѣнія, а безпристрастно изучать умственный складъ и нравы русскаго народа, хоть по примѣру «Очерковъ жизни и нравовъ великорусскаго народа»—г. Костомарова,—то всякій убѣдится, что въ русской крови, въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ складѣ русскаго народа проглядываетъ не малая доля восточныхъ элементовъ—татарскихъ, финскихъ, монгольскихъ, и въ массахъ, особенно сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ, эта доля умственнаго и бытового орієнтализма даже всецѣло преобладаетъ надъ зачатками европейской жизни. Послѣдней въ массахъ даже вовсе незамѣтно. Восточная лѣнь, вялость, сонливость, неподвижность, восточный умственный покой и застой, преобладаніе восточнаго суевѣрнаго страха передъ явленіями природы—

1) Лѣтоп. рус. лит. 1859, кн. II, стр. 92.

вотъ тѣ признаки, по которымъ мы узнаемъ историческій складъ русскаго народонаселенія. —На этотъ разъ мы обратимъ вниманіе на этнологическое развитіе сибирскаго населенія.

Физіологическое развитіе, областное видоизмѣненіе и національное наростаніе славяно-русскаго народа въ Сибири, путемъ естественнаго, племенного подбора, представляетъ намъ живой примѣръ общаго антропологическаго образованія и видоизмѣненія расъ и націй. Въ западной Европѣ, еще во времена доисторическаго, каменнаго періода, племена длинноголоваго типа (dolichocephale), одержавъ перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе и совершенствованіе, смѣшались съ племенами типа короткоголоваго (brachycephale) и породили смѣшанныя расы среднеголоваго или прямоголоваго склада (mesocephale). Только такіе остатки изъ этихъ первобытныхъ племенъ, какъ, напримѣръ, баски, хорошо защищенные Пиринейскими горами, сохранили еще свою національность, свои нравы и свой языкъ. Теперь этнологи, анатомы и геологи европейскіе, какъ, напр., Шмерлингъ, Велькеръ, Брока, Гексли, Ляйель и многіе другіе, копаясь въ глубинахъ пещеръ, въ родѣ Енгиса и Неандерталя, или роясь въ могилахъ, въ родѣ парижскихъ des Innocents, Morgue и т. п., отыскиваютъ черепа расъ, предшествовавшихъ нынѣшней смѣшанной породѣ европейской и, на основаніи краніологическихъ изысканій, стремятся разъяснить естественно-историческую послѣдовательность и географическій ходъ смѣшенія и видоизмѣненія первоначальныхъ европейскихъ расъ или племенъ въ нынѣшнія европейскія націи, углубляясь въ отдаленную древность каменнаго періода и озерныхъ жилищъ, и кончая временами позднѣйшаго, историческаго смѣшенія, напримѣръ, высокорослыхъ кимвровъ или галловъ и малорослыхъ кельтовъ и т. п. Въ Сибири можно наблюдать процессъ смѣшенія племенъ и не доискиваясь череповъ изъ временъ допотопной фауны, остатки которой находятся во множествѣ въ низкихъ мѣстахъ Сибири, на берегахъ Иртыша или Тобола и въ другихъ мѣстностяхъ [1]), не углубляясь во времена каменнаго періода или во времена чудскихъ копей [2]). Въ Сибири и теперь еще совершается живое смѣшеніе между расами короткоголовою и среднеголовою. Въ силу естественнаго подбора, этнологическая ткань русской національной жизни непрерывно снуется, наростаетъ и слагается, невидимо, незамѣтно для насъ, по всѣмъ областямъ, по всѣмъ захолустьямъ широкой русской земли. Организмъ народный постоянно совершаетъ свой національно-физіологическій ростъ и метаморфозъ, и, воспринимая въ свой составъ разнообразные племенные элементы, одни, какъ отжившіе, негодные, подвергаетъ разрушенію, вымиранію, другіе претворяетъ въ свою плоть и кровь. На это-то національно-физіологическое наростаніе русскаго народа, на счетъ сибирскихъ инородческихъ племенъ, мы обратимъ вниманіе въ настоящей статьѣ.

I.

Въ низменностяхъ земли, говоритъ К. Риттеръ, гдѣ народы большею частью поселились гораздо позднѣе, уже послѣ того, какъ совершенно высохли эти низмен-

---

[1]) Гумбольдтъ, Путешествіе по Сибири въ 1828 г., стр. 16 и 70.

[2]) Эйхвальдъ, О чудскихъ копяхъ. Труды восточ. отдѣл. археологич. общ., ч. III. стр. 1—104.

ности, обыкновенно совершались смѣшенія народовъ древняго и новѣйшаго происхожденія [1]). Сибирская низменность — одна изъ самыхъ обширныхъ низменностей, какія извѣстны на земномъ шарѣ. По меньшей мѣрѣ, она простирается отъ Урала до Енисея на 102.000 кв. миль. До гипсометрическихъ наблюденій Миддендорфа, ее считали еще больше, именно въ 196.300 кв. м., причисляя къ ней и болѣе возвышенную землю, простирающуюся на сѣверо-востокъ отъ Енисея до земли чукчей. Если присоединить къ сибирской низменности еще центральную бухарскую или туранскую (48.000 кв. м.) и другія отдѣльно-лежащія низменности (60.000 кв. м.), то эта огромная азіятско-сибирская низменность будетъ составлять 210.000 кв. м. (высокая страна, въ обширномъ значеніи слова, занимаетъ 440.000 кв. м.), стало быть, вдвое большее пространство, чѣмъ вся Европа. И вотъ, въ эту-то обширную сибирскую низменность, въ теченіи всѣхъ древнихъ и позднѣйшихъ вѣковъ, почти безпрерывными, послѣдовательными гуннскими потоками стекались, вытѣсняя другъ друга съ нагорныхъ странъ возвышенной центральной Азіи различные народы и племена. И между ними, вслѣдствіе хаотическаго стеченія и борьбы племенъ, по антропологическому закону всеобщаго народо-образовательнаго тяготѣнія, взаимнаго притяженія и отталкиванія разноплеменныхъ элементовъ, — совершались разнообразные этнологическіе метаморфозы, разнообразныя комбинаціи, смѣшенія, видоизмѣненія и перерожденія племенъ. Такова была преемственная смѣна и метисація народовъ: 1) Чуди, уцѣлѣвшей только въ немногихъ остаткахъ югро-финской группы и въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ племенахъ [2]); 2) Усуней — отрасли индо-германскаго корня, смѣшавшейся въ Сибири съ киргизами и отчасти съ финнами, монголами и манджурами [3]) и

[1]) Karl Ritter, Allgemeine Erdkunde, s. 193.

[2]) Древнѣйшая колонизація Сибири была *чудская*. (Эйхвальда, О чудскихъ копяхъ. Труды восточн. отд. ч. III, стр. 1—104). Судя по преимущественной горной сосредоточенности чудскихъ копей, должно думать, что чудь населяла горы и предгорья Алтая и Урала еще въ тѣ отдаленныя времена, когда низменность сибирская еще не обсохла совершенно. Всѣ обширныя низменности — сибирская и европейско-русская — окончательно образовались уже послѣ уральскихъ и алтайскихъ возвышенностей, или вслѣдствіе болѣе или менѣе быстраго поднятія Алтая и Урала. Онѣ и теперь еще почти повсюду обнаруживаютъ явные слѣды своего делювіальнаго и молассоваго, подводнаго образованія, и доселѣ еще окончательно не освободились отъ водъ. (См. Палеонтологію Россія, Эйхвальда, 1850). Обиліе водъ на сибирской низменности и высыханіе ея, наприм. въ барабинской степи, и въ наше время еще замѣчается (Гумбольдта, Путешествіе по Сибири, о „Замѣчательной странѣ озеръ въ Сибири и о высыханіи барабинской степи“, стр. 31—32). Поэтому чудь, по изслѣдованіямъ Муральта, Эйхвальда и Кастрена, первоначально, быть можетъ еще во времена каменнаго періода, населяла высокія предгорья и горы Алтая, вершины Алатау, скалисто-горныя верховья Иртыша и Оби, гдѣ выдѣлывала изъ камня молотки, клинки, трубы, долота и другія орудія. (Муральта, въ Зап. археол. общ., Kastren's Reiseberichte und Briefe an den Jahren 1843—1849, s. 57—58. Эйхвальда, о чудск. копяхъ). Миллеръ, знаменитый историкъ Сибири и финскихъ племенъ, приписываетъ важное культурно-историческое значеніе финскимъ племенамъ: „das mehrere durch ihre Kriegsthäten und ihre mercantile Thätigkeit weltberühmte Völker zu diesem Stamm gehören... Gerade die finnischen Völker haben den grossten Impuls zu den Völkerbewegungen gegeben, welche man in Europa unter dem Namen der grossen Völkerwanderung zusammen zu fassen pflegt (Müller, der Ugrische Volkstamm, th 1. s. 5).

[3]) По изслѣдованіямъ Ремюза, Клапрота и Риттера, часть усуней, имѣвшихъ въ мирное, счастливое время своего пребыванія во второмъ азіятскомъ отечествѣ—на Или, до 120.000 семействъ и 630.000 человѣкъ, до 188.000 войска и своихъ князей—Кюнъ-ми или Кюнъ-мо (Kün-ig), послѣ раздѣленія своихъ княжескихъ владѣній, въ началѣ IV столѣтія по Р. Х., бѣжала въ *Киргизскую степь къ Иртышу*. „Эти Усуни, говоритъ Риттеръ, по свидѣтельству А. Ремюза (Ab. Remusat Rem. S. Pextens, p. 96), пріобрѣтаютъ высокій интересъ для этнографіи Азіи тѣмъ, что они принадлежали къ ряду народовъ центральной Азіи, очень различныхъ, судя по китайскимъ описаніямъ, отъ остальныхъ по своей расѣ. Въ этомъ ряду народовъ изъ расы голубоглазыхъ и русоволосыхъ блондиновъ (Klaprot,

3) племенъ монгольскихъ, турко-татарскихъ и манджурскихъ. Оставшіеся отъ этихъ народовъ на очереди исторіи племена сибирской низменности всѣ болѣе или менѣе сродны между собою, образуютъ развѣтвившуюся группу одного отдаленнаго корня или происхожденія. Кастренъ, внимательно изучавшій вопросъ о сродствѣ этихъ сибирскихъ племенъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «такъ какъ сродство финскаго племени съ самоѣдскимъ доказано, и такъ какъ финны очевидно сродны также съ турками и татарами, то естественно ближайшія данныя языкознанія, при помощи самоѣдскаго языка, должны указать посредствующее сродство между финнами и тунгусами. Отъ тунгусовъ, далѣе, открытъ путь къ манджурамъ, и къ монголамъ ведутъ насъ такимъ образомъ всѣ пути, потому что какъ турки, такъ и самоѣды, тунгусы и манджуры являются сродными съ ними [1]). Вслѣдствіе такого сродства всѣхъ сибирскихъ племенъ, тѣмъ возможнѣе и легче было между ними смѣшеніе, и тѣмъ ожесточеннѣе была между ними борьба, такъ какъ, по общему зоологическому закону, борьба между близкими разновидностями одного вида, такъ же какъ и между видами одного рода, всегда бываетъ самая упорная и часто быстро разрѣшается. Безсознательно, невѣдомо для самихъ племенъ дѣйствовалъ и въ этой хаотической племенной борьбѣ всемірный антропологическій законъ народообразовательнаго подбора, стремясь организовать изъ наиболѣе умныхъ, сильныхъ и побѣдоносныхъ племенъ новыя историческія національности, а слабѣйшія изъ нихъ доводя до истребленія или вымиранія. «И саги, и исторія, говоритъ Кастренъ, согласно свидѣтельствуютъ, что задолго до Ермака дикія племена Сибири вели кровавыя войны между собою. На тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ послѣ Ермакъ одержалъ лучшія свои побѣды, часто лежали рядомъ остяки и вогулы, вмѣстѣ съ ихъ самоѣдскими и татарскими сосѣдями. Было всеобщее безмирье въ землѣ — bellum omnium contra omnes [2]). И въ этой борьбѣ племенъ за существованіе, какъ въ борьбѣ разновидностей и видовъ царства животнаго, одну изъ существен-

---

Peuples de race blond. въ Tabl. histor. de l'Asie, p. 161—186), по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, были между прочимъ: 1) Динь-Линь, на сѣверъ отъ Усуней, при западной оконечности Байкала; 2) Кянь-Куань или Хакасъ, впослѣдствіи киргизы на Енисеѣ. Тогда, въ древнѣйшія, геродотовскія времена, тюркскіе народы обитали къ В. отъ этого ряда и еще не распространялись далѣе къ З., за верхнее теченіе Окса и Яксарта. Напротивъ же, сродные между собою народы индо-германскаго происхожденія, т. е. говорящіе языками, которыхъ корни большею частью встрѣчаются въ санкритскомъ, персидскомъ, германскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ, занимали всѣ страны отъ индѣйскаго Паропамиза къ Оксу до *Енисея и Байкала* и оттуда къ Каспійскому морю... Самая восточная изъ этихъ народныхъ вѣтвей проникла отъ западныхъ оконечностей Байкала на западъ отъ изгиба Хуанъ-хэ, подъ именемъ Усунь, до Китая. Эмиграціи ихъ повторялись нѣсколько разъ въ очень отдаленныя одна отъ другой эпохи, что объясняетъ, по крайней мѣрѣ гипотетически, различіе, примѣчаемое въ націяхъ и нарѣчіяхъ многоразвѣтвленной индо-германской группы... Можетъ быть, изъ большого количества индо-германскихъ корней, встрѣчающихся въ тюркскихъ и монгольскихъ языкахъ, можно было бы заключить, что индо-германскія племена, подобно Усунямъ, въ древнѣйшія времена были распространены гораздо далѣе къ сѣверу и востоку между народами восточной Азіи. Манджурскій языкъ, по изслѣдованіямъ Клапрота, въ самыхъ грамматическихъ формахъ сходствуетъ съ нѣмецкимъ. Между манджурскими племенами береговъ Сунгари и Уссури попадаются даже и донынѣ блондины съ голубыми глазами, не встрѣчающіеся ни между какими другими народами восточной Азіи. Эмиграція этихъ народовъ къ сѣверу становится вѣроятною и потому, что и тамъ попадаются племена съ тѣми же характеристическими признаками, обитавшія до новѣйшаго времени на верхнемъ Иртышѣ, Оби, Енисеѣ и близъ Байкала. Впослѣдствіи они болѣе или менѣе смѣшались съ тюркскими племенами, откуда и произошло смѣшанное племя киргизъ (Кянь-кюнъ, Хака-цзы), между которыми нерѣдко встрѣчаются голубые или зеленые глаза и красные волосы". (К. Риттера, Землевѣденіе Азіи, т. II, стр. 130—133).

[1]) Kastren's, Reiseberichte und Briefe an den Jahren 1843—1849, s. 160—164.

[2]) Ibid., 101—102.

ныхъ ролей игралъ половой подборъ. Пѣсни самоѣдовъ, остяковъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ вспоминаютъ о герояхъ, которые воевали единственно изъ-за того, чтобы пріобрѣсти руку и сердце молодой женщины. На вопросъ Кастрена, самоѣдскій пѣвецъ, воспѣвавшій женщину, какъ цѣль всѣхъ благороднѣйшихъ предпріятій, отвѣчалъ: «со временъ отцовъ нашихъ, мы свято держимся обычая, чтобъ женщинъ брать не изъ своего собственнаго, но изъ другого, чуждаго, неродственнаго племени» [1]). Эта борьба племенъ за существованіе и за женщинъ вызывалась великимъ закономъ природы — инстинктивнымъ стремленіемъ каждаго племени къ преобладающему физіологическому и бытовому развитію и распространенію на счетъ другихъ племенъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія преимущества надъ ними, и къ организаціи новой, самобытной національности. И вотъ, въ этой-то борьбѣ племенъ, въ сибирской низменности, неминуемо происходило смѣшеніе народовъ и развитіе новыхъ племенныхъ разновидностей. И всего болѣе смѣшеніе это совершалось въ низменности при-алтайской, въ ея предгорныхъ степяхъ и равнинахъ. По общему органическому закону перевѣса наиболѣе сильныхъ и развитыхъ видовъ или разновидностей, и здѣсь, въ средѣ боровшихся и смѣшавшихся племенъ, выступило во главѣ народообразованія одно наиболѣе сильное племя. До прихода и распространенія славяно-русскаго племени, замѣтный перевѣсъ одерживало въ этой борьбѣ племя татарское, благодаря своему физіологическому и умственному преимуществу и наибольшей, исторически-развившейся національной устойчивости и побѣдоносности [2]). Какъ въ царствѣ животномъ и растительномъ виды многочисленные одерживаютъ верхъ надъ видами малочисленными, такъ въ этнографической средѣ сибирской многочисленнѣйшее, въ сравненіи съ другими состязавшимися народностями, племя татарское одержало верхъ не только надъ многими малолюдными финскими племенами, но и надъ значительною частью монгольскаго племени, и такимъ образомъ, до появленіи русскаго народа, приняло на себя главную роль видоизмѣняющаго, народообразовательнаго дѣятеля въ сферѣ сибирской племенной метисаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію Кастрена, роль антропофагическую. При смѣшеніи съ монголами, кровь татарская преобладала, удержавъ только немного признаковъ монгольства. Георги говоритъ: «хотя Чингисъ, основатель татарскаго царства, былъ природный монголъ, ходилъ въ первые свои походы съ монголами, да и послѣ при войскѣ своемъ всегда имѣлъ монголовъ, но они со временемъ, между великимъ множествомъ татаръ, мало по малу перевелись, и языкъ ихъ пришелъ въ забвеніе. Нѣкоторыя поколѣнія татарскія по наружности кажутся какъ-будто они монгольскіе народы, какъ напр. кузнецкіе татары, якуты и нѣкоторые другіе; но это произошло только отъ смѣшенія во время войны; ибо побѣдители обыкновенно брали себѣ женъ изъ числа побѣжденныхъ или имѣли съ женами ихъ полюбовное обращеніе» [3]).

Въ смѣшеніи съ монгольскимъ племенемъ, именно съ калмыками, татарское племя образовало нѣсколько новыхъ разновидностей. Таковы, напримѣръ, телеуты, верхотомскіе татары, чулымскіе татары и другіе. Телеуты или бѣлые калмыки, въ XVII вѣкѣ сохранявшіе еще чистый монгольскій типъ, уже къ концу прош-

[1]) Ibid., 174.
[2]) Слич., наприм., по описанію Георги, физіологическое строеніе сибирскихъ татаръ (ч. II, стр. 9, 24 и др.) и финскихъ племенъ ч. I, стр. 67; ч. III, стр. 5 и мн. др.
[3]) Георги. Опис. народовъ, ч. II, стр. 2.

лаго столѣтія стали почти совершенными татарами. Удержавъ только нѣкоторые калмыцкіе признаки и усвоивъ татарскій языкъ и татарскую народность, они образовали среднюю, смѣшанную форму, съ преобладающимъ, впрочемъ, отпечаткомъ татарскаго типа. Георги, поэтому, замѣчаетъ: «съ виду телеуты совсѣмъ походятъ на татаръ, но притомъ нарочито подобны они и калмыкамъ» [1]). Верхотомскіе татары, по словамъ Георги, такъ же, какъ телеуты и абинцы, походятъ на выродковъ калмыцкихъ и татарскихъ; значитъ, представляютъ помѣсную разновидность татаръ. Чумскіе татары, какъ таже монголо-татарская смѣсь, или помѣсная разновидность татарская, по свидѣтельству Георги, также съ виду походятъ и на татаръ, и на монголовъ, и особливо уподобляются бурятамъ (ibid). Точно также татарское племя, по выраженію Кастрена, татаризировало нѣсколько поколѣній финскаго племени, остяковъ и самоѣдовъ, и такимъ образомъ произвело новыя татарскія разновидности. Такъ произошли отатарившіеся изъ самоѣдовъ и остяковъ койбалы, бельтиры, моторы, караганы, сойоты и другія финско-татарскія разновидности. И какъ быстро совершалась эта татаризація финскихъ племенъ: койбалы, напримѣръ, еще въ прошломъ столѣтіи представляли всѣ признаки самоѣдскаго племени, съ малозамѣтною примѣсью татарскаго элемента, а спустя 50 или 70 лѣтъ, они уже совсѣмъ отатарились. Поэтому, Палласъ, Спаскій и Клапротъ признавали койбаловъ за самоѣдовъ, а Степановъ, не сообразивши прошлаго, рѣзко напалъ на всѣхъ этихъ писателей и положительно призналъ койбаловъ природными татарами [2]). Наконецъ, Кастренъ рѣшилъ вопросъ, раскрывши, что первоначально нѣкоторые койбальскіе роды были самоѣдскаго племени, а другіе—остяцкаго, и что теперь всѣ «они совершенно татаризированы» [3]); оттого и стали совершенною татарскою разновидностью. Но самую рѣзкую разновидность татарскаго племени представляютъ якуты. Они произошли отъ татаръ въ смѣшеніи съ бурятами и отчасти тунгусами. Татарское происхожденіе ихъ признается почти всѣми этнографами и путешественниками и подтверждается ихъ преданіями, физическимъ типомъ и языкомъ. Наконецъ, не говоримъ уже о томъ, какъ и теперь еще татарское вліяніе во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Березовскомъ краю, преобладаетъ надъ русскимъ вліяніемъ въ языкѣ и нравахъ необрусѣвшихъ еще остяковъ и самоѣдовъ [4]).

Въ XV и XVI в. турко-татарское владычество въ Сибири особенно усилилось и стремилось, при помощи пропаганды ислама, воспреобладать надъ всѣми народами Сибири и окончательно татаризировать или отуретчить ихъ. Около 1555 года, западно-сибирскій, искерскій ханъ Кучумъ, происходившій въ 11 родѣ или колѣнѣ отъ Чингисъ-Хана, на основѣ ислама, корана, утвердилъ сибирское царство. Такимъ образомъ Сибири угрожала роль новой азіатской турецко-татарской имперіи или порты [5]). Но это было невозможно. Сибирь географически тяготѣетъ къ Европѣ, а не къ Азіи. Ея естественная географическая отдаленность и оторванность отъ древняго исходнаго пункта азіатской цивилизаціи—отъ южнаго азіатскаго міра и географическая, сѣверно-поморская и южно-низменная связь съ

[1]) Георги Опис. народ., ч. II, стр. 135.
[2]) Енисейск. губерн. ч. II, стр. 50.
[3]) Jetzt volkommen tatarisirt sind., Kastren's, Reiseberichte und Briefe s. 322.
[4]) Kastren's, Reiseberichte s. 241. 121. Абрамова, Опис. Березовск. края въ Записк. географ. общ. 1857 г. кн. XII, стр. 331.
[5]) Миллера, Сибирская исторія, стр. 30—46. Фишера. Сиб. ист., стр. 95—98.

еро-восточной и юго-восточной Европой, ея вдвойнѣ невыгодное полярное оженіе подъ возвышенною, въ номадіи коснѣющею центральною Азіею, продуктивная природа, требующая интеллектуальной культуры европейской, вышающая умственныя силы азіатскихъ народовъ и требующая участія евроскаго ума, недостаточность ея собственныхъ, мѣстныхъ средствъ и естествен:ъ импульсовъ для возбужденія и поддержки народной цивилизаціи — вотъ тѣ вныя естественныя причины, почему Сибирь должна тяготѣть, въ дѣлѣ цивилизаціи и культуры, къ Европѣ, а не къ Азіи. И вотъ, въ силу этого географиааго и экономическаго тяготѣнія къ Европѣ, Сибирь магически привлекла къ ѣ славяно-русское народонаселеніе изъ сѣверной Европы.

Съ приходомъ славяно-русскаго племени и распространеніемъ его колониза. внесенъ былъ въ среду сибирскихъ племенъ новый народообразовательный ментъ. Славяно-русскій народъ, благодаря огнестрѣльному оружію, мускульноническому превосходству и умственно-гражданскому преимуществу своихъ переыхъ колоній—казаковъ, служащихъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, благаря своимъ богатырямъ, своимъ Кортесамъ и Пизарро—Хабаровымъ, Поярковъ и т. п., — повсюду одержалъ верхъ надъ безоружными, слабосильными и розненными племенами Сибири, не только надъ болотно-чахлыми финскими племами, но и надъ этимъ могучимъ, антропофагическимъ племенемъ татаръ [1]). ъ главныя, естественно-историческія причины, обусловившія перевѣсъ русской іональности въ средѣ сибирскаго этнологическаго народообразованія.

По общему закону природы, виды, далеко распространенные, обильные осои, *уже восторжествовавшіе надъ многими соискателями въ собствен. обширной родинѣ,* всегда имѣютъ наиболѣе шансовъ на захватъ новыхъ тъ, при распространеніи въ другихъ странахъ. На новыхъ своихъ жилищахъ подвергаются новымъ условіямъ и часто дальнѣйшему видоизмѣненію и соршенствованію; слѣдовательно являются еще болѣе побѣдоносными и производятъ ппы видоизмѣненныхъ потомковъ (Дарвинъ). Этотъ же законъ природы обуслоъ преимущество славяно-русскаго племени въ новой области его распростране. въ Сибири. Русское племя, путемъ своей тысячелѣтней колонизаціи отъ Карповъ до Урала, отъ Астрахани до Колы, уже на своей родинѣ, въ европейй Россіи, успѣло распространиться шире всѣхъ сосѣднихъ племенъ — тюркоарскихъ, финскихъ и монголо-татарскихъ. Оно уже въ Россіи одержало фиіогическій перевѣсъ надъ многими племенами, частью побѣдило и истребило, гію, путемъ смѣшенія, претворило въ свою плоть и кровь, въ свою народность гія финскія племена, напримѣръ, чудь заволоцкую, мерю, весь, мурому, мещеру, дву, зырянъ, пермяковъ, кореловъ, лопарей, а также многихъ татаръ и даже

---

[1]) Не даромъ почти у всѣхъ сибирскихъ племенъ составились разныя легенды о ходѣ и распространеніи славяно-русскихъ племенъ. Кучуму грезились страшныя предцательныя видѣнія; напр. ему мерещилось русское племя подъ образомъ небольшого, могучаго звѣря, пришедшаго съ р. Тоболя, который преодолѣлъ пришедшаго съ Иртыша ьшого звѣря, т. е. татарскую силу сибирскаго царства. (Миллера, Сибир. истор. 39 и 42).

Въ легендахъ минусинскихъ татаръ Ермакъ представляется колдуномъ, который валъ всѣхъ молніей и громомъ (т. е. огнестрѣльнымъ оружіемъ, котораго не знали ирскія племена), а самъ не боялся ни стрѣлъ, ни мечей. (Записки К...на, въ Атенеѣ 8 г. ч. II, стр. 267). Такъ же общая многимъ инородцамъ легенда о бѣломъ березникѣ, ъ предвѣстникѣ порабощенія ихъ бѣлымъ племенемъ.

нѣмцевъ [1]). Посредствомъ этого историко-физiологическаго процесса смѣшенiя и неизбѣжнаго, вслѣдствiе того, этнографическаго видоизмѣненiя, оно уже въ Россiи, особенно по украйнамъ или пограничнымъ областямъ, образовало нѣсколько областныхъ разностей, нацiональныхъ разновидностей, напримѣръ, корело-лопарско-новгородскую разновидность своеобразнаго сѣверно-поморскаго типа — въ Архангельской губернiи, зыряно-русскую и пермецко-русскую разновидность—въ Пермской и Вологодской губернiи, вотяцко-новгородскую разновидность въ Вятской губернiи и т. п.

Вслѣдствiе этого вѣкового состязанiя и восторжествованiя надъ многими соискателями въ собственной обширной роднинѣ, русское племя естественно окрѣпло въ силахъ оразнообразилось въ нацiональной организацiи, въ смѣшанномъ составѣ своей народности, прiобрѣло и развило въ себѣ физiологическую силу устойчивости и способность видоизмѣнять, претворять въ свою нацiональность всякiя иноплеменныя народности, развило и усилило въ себѣ способность этнологическаго народообразованiя, нацiонально-физiологическаго саморазвитiя на счетъ чуждыхъ, разноплеменныхъ контингентовъ, путемъ метисацiи и естественнаго, народообразовательнаго подбора. Ерманъ, путешествовавшiй по Россiи въ 1828 г., выставляетъ, какъ характеристическую особенность русскаго народа, его способность ассимилировать въ свою плоть и кровь все чуженародное, доводить другiя нацiональности до обрусѣнiя. Онъ сравниваетъ эту русскую нацiональную силу съ рѣкой, поглощающей въ себя ручьи безъ измѣненiя собственнаго имени, и съ крѣпкимъ, живучимъ организмомъ, который никакая, даже самая разнороднѣйшая пища не можетъ преобразовать или измѣнить совершенно. И вотъ, въ силу этой-то физiологической способности нацiональной устойчивости и ассимиляцiи, русское племя смогло одержать преимущество въ борьбѣ за существованiе съ разными зауральскими племенами, смогло широко распространиться въ новой области метисацiи и стало главнымъ организующимъ факторомъ въ историко-физiологическомъ процессѣ новаго народообразованiя, новаго, дальнѣйшаго наростанiя, нарожденiя русскаго народа изъ разноплеменныхъ тканей сибирскихъ народностей. А захватывая новыя мѣста, при распространенiи въ новыхъ этнологическихъ областяхъ Сибири, ища землицъ, понимая языки, — русское племя, естественно, еще болѣе изощрялось и крѣпло въ своихъ физическихъ и умственныхъ ассимилирующихъ силахъ, въ ловкой и бойкой борьбѣ съ разными племенами, въ развѣдкѣ и открытiи сибирскихъ земель, въ постоянныхъ богатырскихъ походахъ и подвигахъ по рѣкамъ, по тундрамъ, по тайгамъ, по горамъ сибирскимъ, въ постоянныхъ промыслахъ и торгахъ, и, наконецъ, все больше и больше подкрѣплялось восприятiемъ и ассимиляцiей въ свой нацiонально-физiологическiй составъ непрерывныхъ притоковъ свѣжей крови туземныхъ природныхъ племенъ. Вслѣдствiе этого, въ немъ развивались двѣ новыя особенности или два новыя преимущества — особенный туземный промышленный тактъ и способность туземнаго языкознанiя [2]), и въ то же время усилива-

[1]) Объ этомъ будетъ подробно сказано въ историко-этнологической организацiи великорусскаго народа.

[2]) Объ особенномъ, отличительномъ промышленномъ типѣ сибиряковъ, наслѣдственно передававшемся, и объ ихъ талантѣ изученiя туземныхъ языковъ находимъ характеристическiя свидѣтельства у того же Эрмана: Reise, B. I, S. 466—467; B. II, s. 70, 170 и особ. 226.

способность національной ассимиляціи. Въ силу подобныхъ преимуществъ :обенностей, своеобразно-видоизмѣняющая сила славяно-русскаго племени болѣе преобладала въ физіологическомъ процессѣ смѣшенія съ сибир-и племенами и производила своеобразныя туземныя поколѣнія сибиряковъ, измѣненныхъ потомковъ отдаленнаго славянства и великорусскаго народа. ;е такъ, напримѣръ, характеризуетъ это возрастающее преобладаніе и ра-страненіе европейско-сибирскаго населенія и типа въ юго-восточной Сибири: ;сь, на югѣ, игравшемъ нѣкогда могущественную роль въ судьбахъ сосѣднихъ довъ, досталась въ удѣлъ монгольскому племени большею частью только гру-ь неосѣдлыхъ номадовъ или невѣжество ламаитскаго духовенства, вмѣстѣ съ рымъ оно коснѣетъ безнадежно въ совершеннѣйшемъ равнодушіи ко всякому нѣйшему шагу. Выше, уже на самой границѣ или въ округѣ горнаго края, распространенію скота часто очень препятствуетъ суровость климата, живутъ малыхъ группахъ запоздалые, рѣдкіе остатки охотничьихъ племенъ, происхо-іе которыхъ трудно объяснить, и которые на восточномъ концѣ Саянскаго ;та становятся все рѣже и, наконецъ, на горахъ сибирскихъ, лежащихъ во-нѣе, смѣняются далеко-распространеннымъ племенемъ тунгузскимъ. Съ этимъ ымъ народомъ, который, въ отдаленныхъ поколѣніяхъ, все болѣе и болѣе при-кается къ вымиранію, граничитъ на сѣверѣ; на возвышенномъ плоскогоріи о-монгольское племя, которое, будучи стѣснено въ скотоводствѣ препятствіями о-лѣсистыхъ горъ, занимается имъ въ незначительныхъ, относительно, размѣ-ь, и потому все больше и больше вынуждается обращаться частью къ охотѣ, ью, побуждаемое европейско-сибирскимъ населеніемъ, къ агрикультурѣ, и вслѣд-; этого, въ однихъ мѣстахъ болѣе, въ другихъ менѣе, но все мало-по-малу чиваетъ, смываетъ съ себя монгольство и нарождаетъ помѣсное потомство, ономія котораго еще напоминаетъ о монголахъ, а между тѣмъ по образу и и по занятіямъ, оно уже сливается съ *сибиряками*. Наконецъ, этотъ *типъ іряковъ*, сложившійся силою судьбы изъ восточно-европейскихъ элементовъ въ рой, нестройной формѣ, распространился уже теперь широкою нитью по глав-большой дорогѣ, вплоть до Тихаго океана. Изъ несчастныхъ дѣлаются они гливыми. Въ потомкахъ преступниковъ, ссыльныхъ и осужденныхъ смѣшались ерлись всѣ прежнія, часто очень рѣзкія личныя различія. Сынъ уже не не-на себѣ вины, такъ жестоко тяготѣвшей надъ его отцомъ, надъ его матерью; е отечество представляетъ имъ новые источники пріобрѣтенія... Отъ этого рнаго узла, переведенное изъ Россіи европейское населеніе Сибири развѣт-тся по сторонамъ на крѣпкія, отдѣльныя нити, слѣдуя большею частью по нію рѣкъ и теряясь въ полярномъ кругѣ, въ странѣ самоѣдскаго племени [1]).

Другая естественная причина преобладанія русскаго племени: «Организмы, щіе на низшей степени развитія, — говоритъ Дарвинъ, — болѣе измѣнчивы, чѣмъ низмы выше развитые». — «А низшія племена человѣка, — говоритъ Ляйель. — ставляютъ размѣры, которые во многихъ отношеніяхъ занимаютъ промежуточ-степени между высшею или европейскою породою и обезьянами» [2]). Точно

---

[1]) Gustav Radde, Reisen in Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855 -1859. B. I. LIV.

[2]) Такъ, напр., продолжаетъ Ляйель, — ростъ негра нѣсколько меньше, нежели евро-да, и черепъ, какъ извѣстно, относительно костей лица, меньше. Изъ конечностей,

также племена съ выдавшимися впередъ челюстями имѣютъ физіономію болѣе приближающуюся къ звѣрямъ, вообще находятся на низшей степени физическаго, умственнаго и гражданскаго развитія, и потому не играютъ никакой дѣятельной роли въ совершенствованіи человѣчества. Напротивъ, племена, имѣющія челюсти короткія, не выдающіяся впередъ, а подобранныя подъ лобъ, имѣютъ и физіологическій, и умственный, и гражданскій перевѣсъ, играютъ самую дѣятельную роль въ умственномъ развитіи человѣчества. Вмѣстимость черепа также у низшихъ племенъ гораздо меньше, чѣмъ у европейцевъ, и представляетъ постепенности отъ 1228,27 кубич. сантиметровъ у австралійцевъ, до 1572,94 кубич. сантиметровъ у англичанъ [1]). По развитію физической силы, также низшія племена стоятъ ниже. Напримѣръ, по динамометрическимъ изслѣдованіямъ, forcerénale вандименовца, новоголландца, французскаго матроса и англійскаго колониста въ Австраліи содержится какъ 50, 51, 58, 69, 71 [2]). Обращаясь къ сибирскимъ племенамъ, мы тоже видимъ и у нихъ или недоразвитіе, несовершенство организаціи, или неизощреніе однихъ органовъ и неправильное употребленіе и развитіе другихъ [3]).

верхнія относительно длиннѣе, и въ обѣихъ, какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ, существуетъ не столь замѣтное преобладаніе въ величинѣ ближайшихъ къ тѣлу частей надъ отдаленными... Стопа у негра на одну восьмую, а кисть руки на одну двѣнадцатую длиннѣе, нежели у европейца. Изгибъ стопы, правильное строеніе которой очень важно для легкости и удобства ходьбы, болѣе низокъ у негра, нежели у европейца... Вслѣдствіе этого сама стопа становится болѣе плоскою и длинною, подходя въ этомъ отношеніи къ стопѣ обезьяны, тогда какъ между послѣднею и стопою европейца существуетъ рѣзкое различіе въ этомъ отношеніи. (О древн. человѣка, стр. 85).

1) См. Tabelle des Schädelinbultes bei verschiedenen Rassen—у Фогта. Vorlesungen über die Menschen I, s. 104—105.

2) Péron. Voyage de découvertes aux terres Australes 1, p. 472. W. Roscher, Syst. d. Volkswirthsch. 1, 68.

3) Не говоря о черепахъ, укажемъ, напримѣръ, на маленькіе узкіе глаза у гиперборейскихъ племенъ, обитающихъ по берегамъ Ледовитаго моря, и особенно у монгольскаго и манджуро-тунгузскаго племени. Можно, кажется, полагать, что несовершенная форма маленькихъ, щелевидныхъ, узкихъ глазъ, съ вѣками нѣсколько срощенныхъ, у всѣхъ подобныхъ племенъ есть неугасшее еще и неусовершенствовавшееся наслѣдіе отъ древнѣйшихъ жителей пещеръ, передаваемое поголовственно и генеративно поддерживаемое жизненными условіями узкоглазыхъ племенъ. Ибо во-первыхъ, извѣстно, что органъ зрѣнія прошелъ нѣсколько стадій развитія до совершеннѣйшей формы, напримѣръ, глаза европейца. Это прекрасно раскрыто Дарвиномъ (über die Entsteh. der Arten s. 213—222). Во-вторыхъ, по открытіямъ Турналя и Кристаля, по изысканіямъ Шмерлинга и вообще по новѣйшимъ геологическимъ и палеонтологическимъ изслѣдованіямъ извѣстно, что люди нѣкогда жили въ пещерахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ черепа человѣческіе, найденные, напримѣръ, въ пещерахъ бельгійскихъ, въ Енгисовой, близъ Льежа, въ Неандертальской, въ Бриксгамской и во многихъ другихъ. „Пещеры, говоритъ Ляйель,—служили человѣку мѣстомъ жилища... Мрачныя пещеры и подземные тонели могли служить мѣстомъ убѣжища цѣлому ряду поколѣній людей" (О древности человѣка, стр. 56, 88). Древняя чудь тоже жила нѣкогда въ пещерахъ. (Эйхвальда, о Чудскихъ копяхъ,—Труды вост. отд. III, стр 104). „Тамо живущія человѣцы,— говоритъ нашъ жизнеописатель Трифона печенегскаго и Зосимы и Савватія соловецкихъ, ижора, чудь, лопь, вдалѣе-жъ каане и мурмане и иніи многія языцы первѣе быша яко звѣріе нѣкіи, живущіе въ пещеряхъ и разселинахъ каменныхъ и земныхъ, неимуще храма". (Сборн. Солов. Библ. № 175). Нѣкоторые сибирскіе народы, наприм., телеуты, юрако-чукотскія племена, а также восточные островитяне тоже жили или въ каменныхъ разсѣлинахъ, или земляныхъ землянкахъ". (Георги, Опис. народовъ, II, 158, III, 60, 75, 87). Въ такихъ мрачныхъ пещерахъ и подземныхъ тонеляхъ органы зрѣнія у людей, естественно, должны были быть недоразвитыми, вслѣдствіе малаго употребленія и изощренія или вслѣдствіе постояннаго особеннаго напряженія и настроенія, неизбѣжно обусловливаемаго пещернымъ образомъ жизни, пещерными, подземными условіями свѣта и воздуха, принять форму щелевидную, съуженную, прищуренную, съ вѣками болѣе или менѣе срощенными, и въ такомъ видѣ, по закону медленнаго видоизмѣненія и совершенствованія органовъ, передаться потомъ нынѣшнимъ племенамъ, имѣющимъ узкіе, недоразвитые, щелевидные глаза съ нѣсколько срощенными вѣками. Ибо законъ употребленія или неупотребленія органовъ точно такую же форму и степень развитія глазъ обусловливаетъ и у всѣхъ пещерныхъ животныхъ, наприм., у роющаго грызуна южной Америки,

Георги довольно подробно описалъ намъ это несовершенство физіологическаго развитія и структуры разныхъ сибирскихъ племенъ. Напримѣръ, о самоѣдахъ онъ говоритъ: «и роста они самаго небольшого, и рѣдко бываютъ ниже 4-хъ и выше 5 футовъ; ноги и шея у нихъ короткія, лицо и носъ особенно плоскіе; нижняя часть лица слишкомъ замѣтно выдалась впередъ; глаза маленькіе, волосъ, кромѣ головы, нигдѣ нѣтъ; у мужчинъ на бородѣ видѣнъ одинъ только пухъ; они малорослы и худо размножаются» [1]. Объ остякахъ Георги замѣчаетъ: «рѣдко кто изъ нихъ бываетъ средняго роста; лицо особенно плоское и желтоватое; души тупыя и унылыя, и потому они боязливы; женщины съ самыхъ первыхъ родовъ

Тукотуко (Chenomys), ведущаго жизнь подземную, у совершенно слѣпыхъ животныхъ, обитающихъ въ пещерахъ Стиріи и Кентуки у пещерныхъ крысъ и проч., и точно также представляются различныя стадіи въ строеніи глаза у совершенно слѣпыхъ животныхъ, смотря по полу-тьмѣ или полной тьмѣ пещеръ и норъ подземныхъ. Законъ этотъ великолѣпно раскрытъ и доказанъ Дарвиномъ (Ueber die Entsteh. der Arten, s. 163 и слѣд. См. также Schmarda, Die geographische Vebreitung der Thier 1, s. 12). Унаслѣдованная нынѣшними племенами, наприм., монгольскими, гиперборейскими, тунгузскими и др., отъ древнѣйшихъ пещерныхъ племенъ, какъ неугасшій, незаглохшій еще остатокъ древней организаціи,—маленькая, щелевидная, съуженная форма глазъ, съ нѣсколько срощенными вѣками, поддерживается у этихъ новѣйшихъ племенъ неправильнымъ изощреніемъ или злоупотребленіемъ органовъ зрѣнія, наприм., мракомъ и вѣчнымъ дымомъ юртъ, ослѣпительною бѣлизною снѣжныхъ или ярко-желтѣющихъ степей и т. п. Наприм., Георги говоритъ о киргизахъ: „глаза у нихъ малые, можетъ быть и оттого единственно, что они болѣе сжимаютъ вѣки по причинѣ желтѣющихъ степей и ослѣпительнаго снѣгу“. (Опис. народ., ч. II, стр. 423). Какъ у пещерныхъ крысъ и подземныхъ грызуновъ глаза страдаютъ воспаленіемъ, такъ и у русскихъ сибирскихъ племенъ (Палласъ, Георги, Врангель, Ерманъ—единогласны). Точно также неправильное употребленіе или изощреніе другихъ органовъ, наприм., ногъ, обусловливаетъ неправильное ихъ развитіе. „Ноги у всѣхъ калмыковъ,—говоритъ Георги,—въ колѣняхъ выгибисты не по природѣ, но отъ сидѣнья въ присядку и отъ всегдашней верховой ѣзды (Опис. народ. ч. I, стр. 9). Лангансъ тоже замѣчаетъ о бурятахъ: „мальчиковъ они съ малолѣтства пріучаютъ ѣздить на лошадяхъ верхомъ; оттого и отъ короткихъ стременъ у сѣделъ рѣдкій бурятъ имѣетъ прямыя ноги“ (Сибир. Вѣст. 1824, ч. I, стр. 6) У монголовъ, а также у якутовъ и др. вообще, вслѣдствіе преобладающаго изощренія или употребленія челюстей, скуловыхъ мускуловъ (musc. zygomaticus), вслѣдствіе малаго изощренія органа мысли—мозга, наиболѣе развиты и выдаются впередъ среднія части лица, скуловые мускулы, а лобъ неразвитъ и покатъ назадъ (Eurygnathes). Разительное доказательство важнаго значенія закона употребленія, или неупотребленія, или образа употребленія органовъ въ организаціи сибир. племенъ представляетъ Радде въ характеристикѣ физіологическаго строенія забайкал. бурятъ и тунгусовъ (Вѣст. геогр. общ. 1857 г. кн. XXI, стр. 137—146). Не говоря о климатѣ, мѣстахъ жительства и проч., вообще разныя жизненныя условія оказывали и оказываютъ также вліяніе на организаціи инородческихъ племенъ. Напр., цвѣтъ тѣла зависитъ отчасти и отъ образа жизни. Якуты,—замѣчаетъ, напр., д-ръ Киберъ,—при рожденіи бываютъ тѣломъ бѣлы, но съ лѣтами отъ неопрятности дѣлаются смуглыми. (Сибир. Вѣст. 1824 г., ч. II, стр. 133). Пища тоже имѣетъ существеннѣйшее вліяніе. Возьмемъ, напр., соль. По изслѣдованіямъ Буссенго, Либиха, де-Сэва и др., употребленіе соли дѣлаетъ волоса и шерсть мягкими, тонкими, гладкими, возбуждаетъ въ животныхъ игривость и веселость, увеличиваетъ плодовитость мужского и воспріимчивость женскаго пола и удвоиваетъ питаніе зародыша, способствуетъ росту; напротивъ, неупотребленіе соли дѣлаетъ волоса взъерошенными, жесткими, перепутанными и безъ лоска, а кожу мѣстами голую и вовсе безъ шерсти; темпераментъ животныхъ дѣлаетъ холоднымъ, походку вялою, препятствуетъ росту. (Либиха, Письма о химіи II, стр 102—109). Почти всѣ сибирскія племена, какъ извѣстно, и донынѣ еще вовсе не употребляютъ соли, даже чувствуютъ къ ней отвращеніе, какъ наприм., чукчи, по свидѣт. д-ра Кибера, или употребляютъ ее весьма мало и рѣдко. (См. у Георги въ Опис. народ.). И вотъ не вслѣдствіе ли этого, между прочимъ, факта, всѣ сибирскія племена представляютъ именно всѣ тѣ физіологическія свойства, которыя, по наблюденіямъ Буссенго, Либиха и Сэва, замѣчались и на животныхъ, неупотреблявшихъ соли. Именно, у многихъ сибирскихъ племенъ почти вовсе нѣтъ волосъ на тѣлѣ, исключая немногихъ мѣстъ; волосы большею частію жесткіе, взъерошенные, борода рѣдка, высыпаетъ поздно, да и то у многихъ вовсе не бываетъ, волосы косматые, жосткіе, безъ лоска; темпераментъ большею частію холодный, флегматическій, „души унылыя, тупыя“—по выраженію Георги: ростъ у всѣхъ малый, низкій; плодовитость слабая—3, 4 дитяти. (Георги 1, 26. Врангель, II, 114 и друг.).

[1]) Опис. народовъ, ч. III, стр. 5.

становятся морщинистыми и безобразными; когда остяки не бывают на промыслахъ, то бывают нездоровы»[1]. По словамъ Палласа, остяки большею частью средняго и малаго роста, слабосильны, худощавы, съ особенно слабыми костями, трусливы или робки, простодушны и глуповаты[2]. О калмыкахъ Георги пишетъ: «рѣдко бываютъ выше средняго роста, по большей части сухощавы; лицо у нихъ столь плоское, что калмыцкій черепъ отъ всякаго другого удобно распознать можно; глаза узкіе, и углы у нихъ болѣе плоски, нежели у европейцевъ; губы толсты, носъ приплюснутъ и малъ; уши оттопырились и весьма велики; ноги у всѣхъ въ колѣняхъ выгибисты»[3]. О бурятахъ, Георги, между прочимъ, замѣчаетъ: «тѣло ихъ весьма мало имѣетъ крѣпости и силы. Одинъ русскій человѣкъ равнаго росту вѣсомъ всегда тяжелѣе бурята и, какъ шутя, такъ и на самомъ дѣлѣ, многихъ изъ нихъ можетъ преодолѣть»[4]. Сѣверныя сибирскія племена, хотя и крѣпкаго тѣлосложенія, но вся ихъ структура полууродлива, не вполнѣ развита. Врангель такъ характеризуетъ физическое строеніе племенъ сѣверовосточной Сибири: «подобно всѣмъ обитателямъ полярныхъ сѣверныхъ странъ, они не высокаго роста, но широкоплечи и крѣпкаго тѣлосложенія. Голова ихъ противъ туловища слишкомъ велика; руки и ноги слишкомъ коротки; лицо плоско и широко; большія щоки съуживаютъ ротъ и даютъ ему слишкомъ круглую форму... Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза лишены огня и выраженія. Суровость климата, голодъ и недостатки, кажется, препятствуютъ здѣсь совершенному развитію физической природы человѣка, и такое же вліяніе оказываетъ климатъ и на умственныя силы сѣверныхъ сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло и чувства если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены».— Сравнимъ теперь съ этимъ описаніемъ физіологическій типъ славяно-русскаго племени. Еще древніе западные путешественники единогласно отзывались о высокорослой, стройной и крѣпкой конструкціи русскаго народа. Напримѣръ, Петрей писалъ: «русскіе всѣ вообще люди рослые, сильные, дюжіе, тучные»[5]. Олеарій писалъ: «у русскихъ всѣ мужчины вообще высокаго роста, полны и крѣпкаго сложенія; цвѣтомъ кожи сходны съ прочими европейцами... Женщины русскія вообще средняго роста, стройны, нѣжнаго тѣлосложенія, красивы... Русскіе —народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ, и жаръ»[6]. По совершенству физическаго развитія и склада, славяно-русское племя существенно относится къ типу европейской породы и почти ничѣмъ отъ нея не отличается. Такъ, Причардъ относительно физико-этнографическаго характера славяно-русскаго племени замѣтилъ: «что если оно имѣетъ въ этомъ отношеніи какія-либо особенности, такъ эти особенности не должны быть рѣзки, и потому не легко могутъ быть и замѣчены»[7]. Въ частности, сибирское русское народонаселеніе, на взглядъ европейцевъ, выдавалось крѣпостью и развитостью своей организаціи. Напримѣръ, Шаппъ писалъ: «сибиряки рослы, плотны и статны...

[1] Ibid. ч. I, стр. 67, 71.
[2] Pallas. Reise III, s. 39.
[3] Опис. нар., ч. I, стр. 9.
[4] Ibid. Стр. 26. См. его же Bemerkungen einer Reise im russisch. Reich. in Jahre 1772 B. 1, s. 298.
[5] Historien und Bericht von dem Grossfürstenthums Moskow. s. 583, 593.
[6] Путеш. Олеарія, въ архивѣ 1859 г. IX, стр. 20, 21 и др.
[7] Histoire naturelle de l'homme. Paris, 1843, t. 1, p. 267.

нщины красивы, бѣлотѣлы, съ пріятною физіономіей, съ черными глазами» [1]) проч. Ганстенъ замѣтилъ: «сибиряки извѣстны въ Россіи за самый красивый родъ и пользуются желѣзнымъ здоровьемъ» [2]). Однимъ словомъ, физическое роеніе славяно-русскаго племени и въ Россіи, и въ Сибири значительно выше совершеннѣе, чѣмъ складъ сибирскихъ инородческихъ племенъ. И вотъ, въ силу ой физіологической крѣпости и наибольшаго совершенства, русское племя, естевенно, устойчиво уцѣлѣло среди всѣхъ слаботѣлыхъ, физически недоразвитыхъ бирскихъ племенъ. Оно въ существенныхъ чертахъ своихъ осталось неизънно. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ и физическая, и этнографическая среда ла крайне неблагопріятна для національнаго и физическаго развитія русаго племени, даже и тамъ его природа сохранила свои физіологическія рты. Взгляните хоть на природнаго русскаго въ Якутскѣ и сравните его съ иродным якутомъ. «Якуты, — замѣчаетъ Н. Щукинъ, — всѣ средняго роста; ускій крестьянинъ между ними кажется исполиномъ, особливо если ростъ его льше обыкновеннаго. Вы сравниваете русскаго съ якутомъ и не удивляетесь, о горсть казаковъ обращала въ бѣгство тысячи азіатцевъ. И монголъ, и якутъ, тунгусъ называютъ русскаго лѣшимъ. Не мудрено, что съ густыми волосами и родою, которой азіатцы не имѣютъ, съ оружіемъ, наносящимъ смерть въ отдаиіи и невидимо, русскій показался имъ духомъ «въ лѣсахъ обитающимъ» [3]). рангель замѣчаетъ о физической устойчивости русскихъ колонистовъ въ низовой сти Колымы: «хотя обитающіе здѣсь собственно русскіе, черезъ смѣшеніе съ кагирами и аніюйскими якутами, заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, образѣ изни и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкимъ оимъ сложеніемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣломъ бѣлѣе и у многихъ свѣтлоусые волосы, чего не встрѣчается у природныхъ жителей. Русскія женщины, не отря на трудныя работы, ими исправляемыя, и неопрятность, съ какою живутъ, чертами лица болѣе пріятными и правильными, нежели у настоящихъ юкагикъ, тунгусокъ и якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ почесться красавицами... ежду здѣшними русскими видны еще нѣкоторая веселость и наслажденье жизнью, у природныхъ жителей этого, къ сожалѣнію, незамѣтно, исключая тѣхъ, которые ращались въ обществѣ русскихъ, но и тѣ не умѣютъ вполнѣ изъявлять своей селости. Однакожъ, такое и многія другія, свойственныя русскому характеру, еимущества цѣнятся ими, и когда они хотятъ описать искуснаго, проворнаго и астливаго промышленника, то говорятъ: «онъ настоящій русскій»! Дѣти здѣшіхъ русскихъ, несмотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и льчики показываютъ особенное остроуміе и переимчивость» [4]). Такъ мало изѣнчива наиболѣе развитая и наиболѣе окрѣпшая русская національная органиція. Между тѣмъ, менѣе развитыя сибирскія и инородческія племена, не болѣе къ въ два столѣтія, большею частью существенно измѣнились и измѣняются, къ это мы увидимъ дальше; многія утратили почти всѣ признаки своей коренной родности и сдѣлались совершенно русскимъ населеніемъ. Вслѣдствіе своей низшей ганизаціи, инородческія племена Сибири подвергались не только физіологической

[1]) Истор. обозрѣніе Сибири, Словцова, II, 84.
[2]) Reise in Sibirien, 1828—1830.
[3]) Поѣздка въ Якутскъ, стр. 230.
[4]) Врангель, Поляр. экспед. I, 237—239.

вообще, но и мозговой, умственной измѣнчивости. Вѣковая физическая и умственная борьба за существованіе съ русскимъ племенемъ повела нѣкоторыя сибирскія племена къ выгоднымъ измѣненіямъ, къ нѣкоторой степени усовершенствованіямъ. Это въ силу того естественнаго закона, что если какія нибудь низшія породы пріобрѣтаютъ способность противиться вторженіямъ въ свою область другихъ, пришедшихъ породъ, то они съ успѣхомъ видоизмѣняются [1]). Такъ, якутское племя, вслѣдствіе первоначальной мускулярно-физической борьбы съ русскимъ племенемъ, и потомъ вслѣдствіе интеллектуально-мозгового соперничества,—измѣнилось къ лучшему, даже пріобрѣло умственный перевѣсъ надъ русскими въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Ленѣ, въ якутскомъ краю. Русскіе, прежде обманывавшіе якутовъ, какъ простаковъ, теперь съ уваженіемъ, даже съ умственнымъ раболѣпіемъ относятся къ ихъ умственнымъ успѣхамъ. Далѣе, самая организація нѣкоторыхъ инородцевъ замѣтно измѣняется, вслѣдствіе усвоенія русскаго образа жизни. Напримѣръ, буряты или тунгусы, живущіе смежно съ русскими селами и занимающіеся земледѣліемъ, принимаютъ обликъ менѣе дикій, степной, грубый, чѣмъ буряты, живущіе въ глуши дикихъ степей и занимающіеся исключительно охотою и пастушествомъ. У инородцевъ, живущихъ въ городахъ или селахъ въ работникахъ у русскихъ, также замѣтно нѣкоторое легкое измѣненіе въ чертахъ лица, въ движеніяхъ, въ голосѣ и проч. Дѣти бурятскія, учащіяся въ русскихъ школахъ или живущія въ услуженіи у русскихъ, тоже мало по малу пріобрѣтаютъ нѣкоторое отличіе отъ дѣтей степныхъ, улусныхъ. Это происходитъ въ силу того естественнаго закона, что если дѣти ведутъ образъ жизни нѣсколько иной, чѣмъ ихъ родители, то, по началу естественнаго подбора, дѣятельныя дѣти, сами себѣ пріобрѣтающія пропитаніе, будутъ нѣсколько разниться въ самомъ строеніи отъ своихъ родителей [2]). Если, такимъ образомъ, физически-недоразвитыя сибирскія племена замѣтно измѣняются отъ простого сближенія и сожительства съ выше-организованнымъ русскимъ племенемъ, то, вслѣдствіе скрещенія, ихъ низшая организація, естественно, должна была еще болѣе измѣняться и уступать ассимилирующему вліянію выше-развитой корпораціи русскаго племени. Это мы дальше и увидимъ.

Далѣе, малоплодовитость сибирскихъ племенъ, ихъ слабая физіологическая способность къ размноженію, естественно, также не могла соперничать съ наиболѣе сильною плодовитостью и размножаемостью русскаго народа, и должна была поневолѣ уступить силѣ потомственнаго самовоспроизведенія и наростанія русской народности. Покореніе сибирскихъ инородческихъ племенъ русскому владычеству, лишеніе ихъ свободы и простора въ предѣлахъ охоты и пастушества,—словомъ, измѣненіе ихъ жизненныхъ условій регрессивно, упадочно подѣйствовало на ихъ воспроизводительную энергію. «Главнѣйшая причина измѣнчивости живыхъ существъ,—говоритъ Дарвинъ,—заключается въ томъ замѣчательномъ дѣйствіи, которое производитъ прирученіе и лишеніе свободы на отправленія половой системы; потому что именно эта система гораздо болѣе, чѣмъ всякая другая часть организма, зависитъ отъ измѣненія жизненныхъ условій. Нѣтъ ничего легче, какъ приручить животное, но какъ трудно заставить ихъ обильно плодиться въ неволѣ, даже въ тѣхъ

---

[1]) Darwin, s. 96.

[2]) Ibid., 481. Точно также каждый органъ измѣняется, вслѣдствіе употребленія или неупотребленія, особенно вслѣдствіе новаго направленія его дѣятельности.

гочисленныхъ случаяхъ, когда бываетъ сближеніе между самцомъ и самкою. лько животныхъ вовсе не плодится въ неволѣ, какъ бы долго не держали въ плѣну, даже самомъ просторномъ, и хотя бы это было въ самой родинѣ [1]). По этому закону природы, порабощеніе сибирскихъ племенъ и іеніе ихъ прежней свободы не только прямо уменьшило въ нихъ энергію пло-одія, но и существенно измѣнило дѣйствіе ихъ производительной системы, ібило ихъ организацію, парализировало ихъ физіологическій ростъ, и многія мена довело даже до вымиранія [2]). Вслѣдствіе этой общей физіологической ализаціи, естественно, также уменьшалась плодовитость и увеличивалась измѣн-ость организаціи порабощенныхъ племенъ. Притомъ, и независимо отъ порабощенія ишенія свободы, уже природная низшая степень физіологическаго развитія и организа-сибирскихъ племенъ, въ силу общаго естественно-экономическаго закона, обусловли-гъ у нихъ низшую степень воспроизводительной энергіи и плодородія. «У дикихъ менъ, —скажемъ словами В. Ромера, —которыя упражняютъ естественныя силы ько на охотничьемъ поприщѣ, уже вслѣдствіе тѣснаго пространства питанія, народо-еленіе должно быть рѣдкое. Главныя причины, препятствующія возрастанію насе-ія, суть: тяжкое обремененіе женщинъ и дурное обращеніе съ ними, причемъ ти невозможно бываетъ одновременное воспитаніе многихъ малыхъ дѣтей; не-кновенно продолжительное кормленіе дѣтей грудью; сильно распространенная нравственность плодоистребленія; безчисленныя смертоубійства, особенно въ рости и въ болѣзняхъ; вѣчныя войны охотничьихъ племенъ изъ-за охотничьихъ уговъ или границъ. Кромѣ того, охотничьи племена еще чаще истребляются ѣдствіе голодовъ и эпидемическихъ болѣзней —неизбѣжныхъ слѣдствій постоян-ъ и рѣзкихъ переходовъ отъ довольства къ крайней нуждѣ. Племена нома-ъ, при ихъ всеобщемъ рыцарствѣ, лучше держатъ женъ, такъ что онѣ могли бы ь плодовитыми бдзъ особеннаго труда. Но обыкновенная, общая нужда въ ественныхъ пастбищахъ никогда не позволяетъ имъ возрастать съ наибольшею енсивностью... Перекочевки и переселенія номадовъ дѣлаютъ ихъ браки мало-дородными. Большая часть дикихъ народовъ живетъ очень невоздержно, раз-тно: этотъ порокъ всегда ограничиваетъ естественное народоумноженіе. Прежде-менные браки также у многихъ истощаютъ источникъ плодородія. Многожен-о тоже служитъ препятствіемъ для умноженія народа. Абстрактная физіологія, ıвда, показываетъ, что мужчина, даже безъ ущерба для здоровья, можетъ изводить дѣтей гораздо больше, чѣмъ можетъ родить ихъ женщина. Но въ йствительности, одновременное сожительство со многими женами легко ведетъ неумѣренности и раннему истощенію. Турецкіе мужья часто съ 30 лѣтъ лаются импотентными. У людей, имѣвшихъ до 18 женъ и 60 наложницъ, иходилось только по 1 дитяти на каждую, тогда какъ при моногаміи, отъ одной ны часто рождаетъ дѣтей 20—25 [3]). Всѣ эти препятствія плодородія и умно-

[1]) Darwin, über die Entsteh. d. Arten, s. 18, 66.

[2]) Многіе инородцы теперь съ грустью вспоминаютъ, что предки ихъ, до покоренія ескому владычеству, были и рослѣе, и сильнѣе, и плодовитѣе. Средне-колымскій якутъ, лѣтній старикъ, съ горькимъ сокрушеніемъ жаловался Врангелю на безсиліе и недолго-чность нынѣшняго поколѣнія якутовъ. Въ Якутскѣ Врангель тоже слышалъ горькія лобы старожиловъ, что нынѣшнее поколѣніе якутовъ измѣнилось (Полярн. Путеш. 72—11, 67). Буряты тоже говорятъ, что нынѣшнее поколѣніе ихъ стало мельче и слабѣе, проч.

[3]) W. Roscher, System der Volkswirthschaft. B. 1, s. 496.

женія народонаселенія болѣе или менѣе имѣли и имѣютъ мѣсто и въ естественной жизни нашихъ сибирскихъ племенъ [1]). Поэтому и они далеко меньше плодовиты, чѣмъ русское земледѣльческое и торгово-промышленное населеніе европейскаго зауралья и Сибири. Напримѣръ, объ остякахъ Палласъ писалъ: «браки ихъ неплодовиты: мало найдется отцовъ, у которыхъ было бы болѣе 3, много 4 дѣтей. Причина этого, можетъ быть, заключается въ томъ, что дѣти у нихъ умираютъ въ раннемъ возрастѣ, вслѣдствіе грубаго содержанія и дурной пищи, и вслѣдствіе того, что матери ихъ сами себя истощаютъ тѣмъ, что кормятъ дѣтей грудью часто до 5 лѣтъ» [2]).

Георги говоритъ о самоѣдахъ: «самоѣды роста самаго малаго, а жены ихъ еще ниже; груди у нихъ маленькія и плоскія, дѣтей начинаютъ они рожать очень рано: нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ матерями на 12 и на 13 году; но онѣ не очень плодородны, и съ 30 года перестаютъ уже рожать. Такое состояніе женщинъ и суровый климатъ ихъ страны составляютъ, конечно, причину и того, что они и малорослы, и худо размножаются, потому что ничто другое не препятствуетъ ихъ приращенію. Браки ихъ уничтожаются легко и скоро. «Женскій полъ, по самоѣдскому разсужденію, нечистъ; почему и поступаютъ съ нимъ презрительно и безчеловѣчно [3]). О тунгусахъ и о другихъ сибирскихъ племенахъ можно сказать то же самое. Сравнимъ теперь съ плодородіемъ ихъ плодовитость русскаго племени. Здѣсь, правда, нужно напередъ сказать ту грустную истину, что многовѣковое неблагопріятное экономическое положеніе русскаго народа, его крѣпостное состояніе и, по словамъ адм. Мордвинова, «грязный бытъ, недостатки хорошей пищи, одежды, воздуха въ жилищахъ, качество воды по отдаленнымъ отъ рѣкъ селеніямъ, отсутствіе по деревнямъ и селамъ больницъ, сильное распространеніе сифилиса и оспы составляли и составляютъ сильныя препятствія умноженію русскаго народа. Печальный и тотъ фактъ, что въ Россіи едва только 36 процентовъ всѣхъ новорожденныхъ переживаютъ 20 лѣтъ, тогда какъ въ Англіи, напримѣръ, 55 процентовъ. При всемъ томъ плодовитость и размножаемость русскаго племени, въ сравненіи съ сибирскими племенами, далеко выше. Тогда какъ средней пропорціей рождаемости у сибирскихъ инородцевъ должно полагать никакъ не болѣе 1 на 30 и болѣе жителей; въ Россіи принимаютъ за эту пропорцію 1 на 21—23 жит. Между тѣмъ, какъ инородческіе браки въ Сибири даютъ только 3—4 дѣтей, браки русскихъ крестьянъ,— по словамъ Гакстгаузена, —приносятъ обыкновенно 10—12 дѣтей. Въ Сибири,—по словамъ Палласа,—русскіе жители обыкновенно производятъ многихъ дѣтей. Весьма многія русскія женщины рождаютъ 20—25 дѣтей. И естественная прибыль русскаго народа больше, чѣмъ инородческихъ племенъ; это видно уже изъ одного умноженія его отъ одной ревизіи до другой. Напримѣръ, съ 1722 по 1742 г. онъ умножился съ 14 мил. до 16; съ 1742 г. по 1762 г.—отъ 16 мил. до 19; съ 1762 г. по 1782 г. —съ 19 мил. до $27^1/_2$; съ 1782 г. по 1793 г.—съ $27^1/_2$ мил. до 34; съ 1793 г. по 1803 г.—съ 34 мил. до 36; съ 1803 г. по 1806 г.—отъ 36 мил. до 41; съ 1806 г. по 1811 г.—отъ 41 мил. до 42 мил.; съ 1811 г. по 1815 г.—съ 42 мил. до 45 мил.; съ 1815 г. по

[1]) См. въ Описаніи народовъ—Георги, въ „путешествіи Врангеля“ и др.
[2]) Pallas, Reise, III, s. 47.
[3]) Георги, Опис. нар., ч. III, ст. 5 и 10.

22 г.—отъ 45 мил. до 49 мил.; съ 1822 г. по 1829 г.—до 50½ мил.; 1832 г. —до 58 мил.; въ 1851 году—до 65 мил. и т. д. Среднимъ про- птомъ естественной прибыли принимаютъ 1% въ годъ или меньшій 0,88%. юродческія племена Сибири, какъ увидимъ дальше, напротивъ, большею частью ъ отъ году уменьшаются. Исчезаютъ цѣлыя племена, подобно шелагамъ, омо- къ, асанамъ, моторамъ и проч. Русское же населеніе Сибири отъ одного на- кденія ежегодно даетъ значительныя цифры прибыли. Напримѣръ, въ Иркут- й губерніи въ годъ прибываетъ отъ нарожденія по 1576 дѣтей обоего пола, Забайкальской области по 3332 дѣтей обоего пола [1]). При такой преобла- ющей физіологической способности къ воспроизводительности и размножаемости, ское племя, естественно, должно было воспреобладать надъ малоплодовитыми родческими племенами, погибающими какъ отъ голода и эксплуатаціи побѣди- ей, такъ и отъ плохо развитой организаціи своей породы.

По общему органическому закону, чѣмъ разнообразнѣе по строенію, образу ни и нравамъ потомки какого-либо вида, тѣмъ способнѣе они захватить многія азнообразныя мѣста въ природномъ строѣ, слѣдовательно, тѣмъ способнѣе къ множенію, распространенію и воспреобладанію надъ другими жителями. Выгоды нообразія между жителями одной и той же мѣстности въ сущности тѣ же, какъ ыгоды физіологическаго раздѣленія труда между органами одного и того же юго тѣла. Чѣмъ болѣе приспособлены жители къ разнымъ образамъ жизни, ъ разнообразнѣе ихъ нравы и привычки, тѣмъ болѣе возможности для ихъ обладающаго развитія въ средѣ малоразноображенныхъ жителей. Группа жи- ныхъ съ малоразноображенною организаціею едва-ли можетъ выдержать состя- іе съ другою группою, представляющею разнообразіе болѣе значительное [2]). тъ общій законъ органической природы проявился, нѣкоторымъ образомъ, и въ аническомъ строѣ русскаго народонаселенія. Извѣстно, что охотничьи и пасту- кія племена, вообще, имѣютъ организацію болѣе или менѣе однообразную. дивидуальности между ними развиваются чрезвычайно мало, хотя часто повто- мая поговорка: «кто знаетъ одного индѣйца, тотъ знаетъ всѣхъ ихъ», тре- тъ нѣкотораго ограниченія. Гумбольдтъ замѣчаетъ, что между охотничьими менами физіономическія отличія представляютъ развѣ только цѣлыя племена и ы. Самыя татуировки вызваны, какъ полагаютъ нѣкоторые, тою потребностью, бы, при большомъ сходствѣ, напримѣръ индѣйцевъ, можно было имъ различать гъ друга въ союзѣ или на войнѣ [3]). По замѣчанію Вайца, различіе между ами некультурныхъ племенъ, по тѣлесному строенію и одеждѣ, гораздо менѣе ѣтно, чѣмъ въ культурномъ мірѣ [4]). При физическомъ однообразіи, между пле- ами некультурными господствуетъ и однообразіе общественно-бытовое. У охот- ьихъ племенъ почти нѣтъ никакого раздѣленія труда, и потому нѣтъ никакихъ цественныхъ знаній или состояній. Почти такое же физіологическое и экономи- кое однообразіе замѣчаемъ и между нашими сибирскими племенами. Почти всѣ ивидуумы каждаго племени сложены совершенно одинаково, по одному племен- у типу, и похожи одинъ на другого. Напримѣръ, по одному калмыку можно

---

1) Изъ рукоп. сибирск. отд. географ. общ.
2) Darwin, s. 130.
3) Spix и Martins III, s. 1279.
4) Waitz, Anthropologie der Natur Völker 1, s. 76.

судить о физіономіи и складѣ почти всѣхъ калмыковъ; по одному природному якуту или тунгусу—о всѣхъ якутахъ и тунгусахъ чистой, несмѣшанной породы и т. п. Какъ одинъ бурятъ занимается скотоводствомъ, такъ же точно занимаются имъ и всѣ кочующіе буряты.

Однообразны ихъ степи, однообразны большею частью и стада, наприм., овцы больше все бѣлыя, такъ же однообразны ихъ физіономіи, костюмы, юрты. улусы и проч. Какъ одинъ бродячій тунгусъ охотничаетъ, такъ и всѣ прочіе бродячіе тунгусы охотничаютъ, и нѣтъ никакого у нихъ раздѣленія занятій. Какъ однообразны ихъ тонкія ноги, сплюснутые носы, узкіе глаза и все обличье, такъ однообразны ихъ лыжи, охотничьи орудія, костюмы и проч. Олень да береза—вотъ все для всѣхъ оленьихъ и бродячихъ тунгусовъ. Физическое сложеніе и экономическое устройство до того сходны, однообразны у большей части сибирскихъ племенъ, что Георги, въ своемъ описаніи наружнаго вида, образа жизни и нравовъ разныхъ сибирскихъ племенъ, обыкновенно по физіономіи и образу жизни одного племени даетъ судить о наружномъ видѣ и бытовомъ устройствѣ 4-хъ, 5-ти и болѣе другихъ сходныхъ между собою племенъ. Напримѣръ, описавши строеніе, складъ и образъ жизни телеутовъ, онъ приравниваетъ къ нимъ. по совершенному сходству во всемъ этомъ, кистимскихъ и тулибертскихъ татаръ, абинцевъ и верхотомскихъ татаръ, замѣчая: «въ разсужденіи вида, душевныхъ качествъ, внутренняго устройства, языка, нравовъ и обрядовъ во всемъ сходны и сообразны съ телеутами» [1]). По портрету татаръ туралинскихъ, онъ даетъ судить о складѣ, строеніи и образѣ жизни татаръ тобольскихъ, томскихъ, обскихъ и др. Въ бирюсахъ, саянахъ или сагайскихъ татарахъ и бельтирахъ онъ видитъ совершенное сходство съ татарами сибирскими, и по виду, и по языку, и по образу жизни. По изображенію наружнаго вида, склада и образа жизни койбаловъ, Георги даетъ судить о видѣ, складѣ и образѣ жизни камачинцевъ, моторовъ и сойетовъ. замѣчая вообще: «по виду, языку, одѣянію и проч. они совершенно подобны койбаламъ; почему на нихъ и ссылаюсь». Такое однообразіе и въ складѣ, и въ бытѣ племенъ особенно угрюмо и печально царствуетъ на сѣверѣ дикомъ, полярномъ. «Монотонія, — говоритъ геніальный географъ, — въ атмосферныхъ явленіяхъ, въ мірѣ животномъ и растительномъ, монотонія и въ человѣческомъ мірѣ составляетъ характеръ полярнаго міра... Повсюду однообразныя явленія и въ отношеніи природы, и въ отношеніи народовъ» [2]). Славяно-русское племя уже не представляетъ такого однообразія типа, состояній и быта, какъ сѣверо-восточныя сибирскія племена. Даже въ самыхъ физіономіяхъ русскаго народа нѣтъ единства типа. Коренной малороссъ, напримѣръ, замѣтно разнится отъ настоящаго, природнаго великорусса. Рослый, бородастый, свѣтлорусый москвичъ, ярославецъ, нижегородецъ, и по физіономіи, и по структурѣ, непохожъ точь-въ-точь на малорослаго, рѣдкобородаго, рыжеволосаго и часто подслѣповатаго вычегодца, печорца, ижемца—обрусѣлаго зырянина. Не даромъ для жителей центральной Россіи установлена общая меньшая рекрутская мѣра въ 2 арш. 3 верш., а для жителей уѣздовъ мезенскаго, пинежскаго, кемскаго, устьянскаго и яренскаго въ 2 арш. 2½ вершка. Не даромъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ средній ростъ жителей разнится. напримѣръ, въ Казанской — около 2 арш. 3 верш., а въ Симбирской — 2 арш.

---

[1]) Опис. нар. ч. II, стр. 134, 163 и слѣд.
[2]) K. Ritter, Allgemeine Erdkunde s. 65.

верш. [1]) Даже въ одной губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, русскіе жители часто редставляютъ не одинаковую физическую структуру, не одинъ ростъ, не однобразныя физіономіи, какъ, наприм., въ Рязанской губерніи, въ рязанской сторонѣ, ь прибрежныхъ Окѣ селеніяхъ, и въ степной сторонѣ или въ Сапожковскомъ ѣздѣ [2]). Ужъ самая историко-этнографическая организація русскаго народа обуюовливала его разнообразный физическій и умственно-бытовой складъ.

«Мы знаемъ,—скажемъ словами Надеждина,—что на безмѣрномъ пространгвѣ нынѣшней Россіи русскій человѣкъ сложился въ свой нынѣшній видъ въ остояниомъ соприкосновеніи, подъ непрерывнымъ вліяніемъ различныхъ чуженародностей. Извѣстно, что востокъ и сѣверъ нынѣшней Россіи издревле заселены ыли сплошной Чудью, которая потому, быть можетъ, и названа такъ русскими, то была для нихъ совершенно «чужою». Съ этою, однакожъ, Чудью, среди оторой онъ помнитъ себя новымъ, слабымъ пришельцемъ сѣверо-восточной Руси, бще и дружно заложилъ основанія той государственной цѣльности и жизненности, іепосредственнымъ дѣйствіемъ которой выработался первенствующій нынѣ оттѣнокъ »усской народности: оттѣнокъ такъ называемый *великороссійскій* — собственно іичто иное, какъ плодъ проникновенія грубаго чувства образовательною стихіею »усскою. Затѣмъ, въ странномъ домовищѣ русскаго человѣка, на югѣ и западѣ ıынѣшней Россіи,—сколько самому ему довелось вытерпѣть приливовъ и наплызовъ, отсѣдъ которыхъ не могъ не остаться на его природной физіономіи. Оттого зъ нынѣшнемъ юго-западномъ обликѣ народности русской, особенно въ томъ оттѣнкѣ эго, который принадлежитъ казачеству, многое отзывается чистою Азіею, изобличаетъ въ себѣ происхожденіе кавказское или, еще далѣе,—подъ-алтайское. Присовокупите къ тому еще менѣе матеріальное, но не менѣе могущественное вліяніе цивилизацій, прибывавшихъ на Русь въ разныя времена, съ разныхъ, болѣе или менѣе дальнихъ сторонъ — греческо-византійской изъ-за Дуная, латино-польской изъ-за Вислы, нѣмецко-варяжской изъ-за моря [3]). «При такомъ разносоставномъ и разнообразномъ этнографическомъ складѣ, славяно-русское племя, сравнительно съ сибирскими племенами номадовъ и пастуховъ, уже успѣло значительно оразнообразить и свою соціально экономическую организацію, хотя, разумѣется, далеко не въ такой мѣрѣ, какъ европейскіе народы. Русскій народъ уже вышелъ давно ізъ однообразнаго состоянія охотничьяго и пастушескаго быта, позналъ болѣе или іенѣе раздѣленіе труда, хотя, къ сожалѣнію, не всегда раціональное и правильное, оздалъ не только села, но и города, не только фабрики и заводы, но и униерситеты, и другія научно-дѣятельныя общества. Онъ уже не состоитъ изъ однихъ хотниковъ или пастуховъ, но содержитъ въ своемъ обществѣ и земледѣльцевъ фабрикантовъ и заводчиковъ, и купцовъ, и ремесленниковъ, и ученыхъ, хотя сѣ эти классы дѣятельнаго общества далеко не такъ развиты, многочисленны, азнообразны и производительны, какъ въ западной Европѣ. — Какъ ни отсталъ усскій народъ отъ западно-европейскихъ націй и отъ молодого сѣверо-американкаго народа, по своему соціально-экономическому оразноображенію, по соціальному аздѣленію и развитію труда, но все же его общественный индустріальный складъ

---

[1]) Казанск. губ. Матер. для географ. и статистики Россіи, стр. 103.

[2]) Рязанская губ. Матер. для географ. и статист. Россіи, стр. 133.

[3]) Надеждина, объ этнограф. изученіи народности русской. Записки русск. геогр. общ. 1849 г., кн. I и II, стр. 164—165.

не такъ однообразенъ, какъ въ улусахъ и ордахъ; все же въ немъ приходится до 88% земледѣльцевъ, до $^3/_4$% торговаго сословія и до $6^1/_3$% мѣщанъ и цеховыхъ, занимающихся разными ремеслами. Хотя въ соціально-экономической организаціи русскаго народа не распадается одна отрасль промышленности на 102 вѣтви или около, какъ напримѣръ, въ Англіи одно часовое мастерство подраздѣляется на столько вѣтвей, хотя далеко отсталъ онъ и отъ французской націи, которая въ одномъ Парижѣ имѣетъ до 325 отраслей промышленнаго труда, съ подраздѣленіемъ каждой индустріальной отрасли на десятки вѣтвей, напримѣръ—однихъ химическихъ работъ на 33 вѣтви, книгопечатныхъ на 27, металлическихъ и механическихъ на 33, по отдѣлкѣ благородныхъ металловъ и ювелирству—на 35, и т. п., все же русская соціально-экономическая организація стоитъ выше того уровня, на которомъ находятся охотничьи и пастушескія сибирскія племена. И вотъ, благодаря этому разнообразію своего физическаго типа, склада и земско-хозяйственнаго строенія, благодаря своей способности жить, промышлять и дѣйствовать не на однихъ степяхъ и тундрахъ, не въ однихъ охотничьихъ лѣсахъ, а повсюду, во всякомъ климатѣ русской земли, въ селахъ и городахъ, на пашняхъ, фабрикахъ и заводахъ и проч., — славяно-русское племя одержало верхъ въ состязаніи съ одностороннимъ, однообразнымъ некультивированнымъ міромъ охотниковъ и пастуховъ. Вступивши въ эту среду этнографическаго однообразія и монотоніи, съ могучей силой и способностью къ борьбѣ мускулистыхъ, коренастыхъ поморскихъ новгородцевъ, закаливщихся, окрѣпшихъ,—съ Ледовитымъ моремъ и съ тундрянымъ полярнымъ климатомъ, вступивши съ воинскими, боевыми способностями и съ воинственною храбростью, бойкостью и закаленностью донскихъ и запорожскихъ казаковъ, съ предпріимчивостью, неустрашимостью и умомъ «старыхъ опытовщиковъ», въ родѣ Хабаровыхъ. Поярковыхъ и другихъ служилыхъ людей, съ эгоистическою смышленостью, хитростью и смѣтливостью приволжскихъ великоруссовъ, съ хитростью и пошлостью московскихъ дьяковъ, подьячихъ и приказныхъ, съ особеннымъ промышленнымъ тактомъ торговыхъ и промышленныхъ людей, съ земледѣльческимъ навыкомъ пашенныхъ крестьянъ, съ искусствомъ или промышленною искательностью горнозаводчиковъ, въ родѣ Демидовыхъ, съ мастерствомъ кузнецовъ, оружейниковъ и проч.,—русское племя, естественно, уже въ силу такого разнообразія своихъ передовыхъ бойцовъ, вслѣдствіе разнообразія своихъ физическихъ и умственныхъ силъ и средствъ, имѣло всѣ шансы на физико-этнологическое преобладаніе въ средѣ сибирскихъ инородцевъ. Дальнѣйшее оразноображеніе его организаціи въ Сибири, посредствомъ смѣшенія съ инородцами, распространеніе и умноженіе разныхъ отраслей европейской культуры и цивилизаціи, устройство и развитіе такихъ, болѣе или менѣе европейскихъ городовъ, хоть въ родѣ Омска, Томска, Иркутска, — все это еще болѣе усиливало русское племя относительно туземныхъ охотничьихъ и пастушескихъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало и его физіологическое преобладаніе между ними.

Вслѣдствіе такихъ преимуществъ, русское племя необходимо должно было воспреобладать надъ всѣми сибирскими племенами, распространиться въ ущербъ имъ, вытѣснить ихъ или довести до вымиранія. А племена сибирскія, по причинѣ собственнаго безсилія и маложизненности, должны были или вполнѣ подчиниться вліянію русскаго племени, усвоить всѣ его національно-физіологическіе признаки,

обусловливающіе жизненность народа, или оттѣсниться въ удаленные, объединенные горы и тундры и тамъ переживать медленный процессъ вымиранія. Какъ ни грустно это явленіе, но оно неизбѣжно по всеобщему органическому закону природы. «По мѣрѣ того,—говоритъ Дарвинъ,—какъ размножается всякая форма избранная, пользующаяся какими-либо преимуществами, должны уменьшаться въ количествѣ формы менѣе приспособленныя къ жизненнымъ условіямъ... Теорія естественнаго подбора основана на убѣжденіи, что всякая новая разновидность, а затѣмъ и всякій новый видъ слагается и сохраняется въ силу какого-либо преимущества надъ формами, съ которыми онъ приходитъ въ состязаніе; а изъ этого почти неминуемо слѣдуетъ вымираніе формъ, пользующихся меньшими преимуществами. Многимъ формамъ приходится уступить свои мѣста. И эти послѣднія, по большей части, будутъ формы сродныя, наслѣдственно страдающія какимъ-либо относительнымъ несовершенствомъ. Немногіе представители вытѣсненной группы часто могутъ сохраниться надолго, если они приспособлены къ совершенно особому образу жизни или имѣютъ удаленное, объединенное мѣсто жительства, въ которомъ они могли избѣгнуть энергическаго соисканія... Сверхъ того, когда чрезъ внезапное вторженіе или необыкновенно быстрое размноженіе многіе виды новой группы овладѣвали новою областью, они должны столь же быстро истребить многихъ изъ прежнихъ ея жителей, и формы, такимъ образомъ вытѣсненныя, по большей части окажутся формами сродными, страдающими какимъ-либо общимъ несовершенствомъ». Въ силу этого закона природы, и на землѣ сибирской совершался и совершается непрерывный антропологическій метаморфозъ, съ печальнымъ исходомъ вымиранія многихъ племенъ. Русское племя, покоряя Сибирь и распространяя свою колонизацію, истребило множество родовъ туземныхъ племенъ—вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, калмыковъ, бурятъ, тунгусовъ, якутовъ, юраковъ, юкагировъ, коряковъ, ламутовъ, чуванцевъ, ительменовъ и проч. Не вопіетъ противъ русскаго племени та кровь сибирскихъ народовъ, которая пролита, истреблена въ борьбѣ за существованіе, въ силу естественнаго, постепеннаго вымиранія слабѣйшихъ, низшихъ племенъ въ состязаніи съ высшимъ и сильнѣйшимъ племенемъ. Но противъ него вопіетъ передъ исторіей человѣчества та кровь, которая могла бы влиться, путемъ естественнаго подбора и скрещенія, въ его собственныя жилы и пріобщить такимъ образомъ новыя ткани, новые нервы, новое наростаніе его организму, и которая, однакожъ, совершенно невинно пролита, уничтожена безъ слѣда единственно безчеловѣчнымъ насиліемъ русскаго пришлаго племени. Вопіетъ эта кровь потому, что у людей есть высшій руководитель въ борьбѣ за существованіе, кромѣ чисто-животнаго инстинкта и грубой физической силы, есть высшій, чѣмъ у животныхъ, разумъ, обязанный только человѣчно понимать истинныя человѣческія отношенія племенъ, раціонально улучшать, облагораживать ихъ, а не вмѣшиваться въ право и законъ природы—постепеннаго приближенія естественно-отживающихъ племенъ къ вымиранію. Какъ бы, однакожъ, ни было это грустно, но, тѣмъ не менѣе, русскимъ оружіемъ и насиліемъ истреблено въ Сибири множество инородцевъ. Независимо отъ этого, они, и вслѣдствіе естественныхъ законовъ, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе перемѣны жизненныхъ условій, по причинѣ ограниченія русскими земледѣльческими колоніями и русскими узаконеніями ихъ свободнаго, географическаго и экономическаго простора, по причинѣ эпидемическихъ болѣзней и т. п.,—неминуемо вымирали прежде и вымираютъ теперь. Гдѣ, напримѣръ, шелаги, омоки, анюилы

и многія другія племена сѣверо-восточной Сибири? Всѣ давно исчезли. И осталось только на сѣверѣ преданіе, будто «на берегахъ Колымы было прежде огней у омоковъ болѣе, нежели звѣздъ на этомъ небѣ».—«До покоренія русскими,—говоритъ Врангель,—народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Многія племена, какъ-то: шелаги, анюилы, омоки и другія, названія которыхъ сохранились въ преданіяхъ, нынѣ совершенно погибли. Однакожъ и въ наше время, на весьма небольшихъ пространствахъ, живетъ въ Сибири по восьми и по десяти различныхъ народовъ, всѣ отличаясь одинъ отъ другого языкомъ, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ, и такое обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что нѣкоторые изъ этихъ такъ называемыхъ *народовъ*, состоятъ только изъ нѣсколькихъ семействъ, но, тѣмъ не менѣе, сохранили свою народную отличительность. Вѣроятно, различныя поколѣнія, здѣсь разсѣянныя, суть остатки первобытныхъ многочисленныхъ обитателей или отдѣльныя семейства, случаемъ отторгнутыя отъ своихъ соотечественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что покореніе Сибири заставило кочующіе народы, привыкшіе къ независимости, подвинуться далѣе на востокъ, а эти переселенія, также и кровопролитныя междоусобныя войны, опустошительныя болѣзни и, наконецъ, сліяніе различныхъ племенъ между собою и съ русскими постепенно истребили первобытныхъ жителей страны. Такъ, между прочимъ, омоки, по преданію многочисленный и богатый народъ, совершенно погибли» [1]). Точно также вымерли, уже въ теченіи XVIII столѣтія, асаны, котты, хайдыны и многія другія племена [2]). Въ позднѣйшее время можно даже хронологически слѣдить за самымъ процессомъ постепеннаго вымиранія нѣкоторыхъ племенъ. Такъ, аринцевъ уже въ 1735 г., во время путешествія по Сибири Миллера и старшаго Гмелина, было только 9 семействъ, и изъ нихъ одинъ только старикъ могъ еще говорить аринцскимъ языкомъ; а когда эти путешественники возвращались назадъ въ 1740 г.,—не было уже въ живыхъ и этого старика [3]). «И слѣдовательно,—замѣчаетъ Георги,—купно съ жизнью его пресѣклась и живность аринцскаго языка» [4]). Въ 1847 г. аринцевъ было уже только 60 человѣкъ [5]). О котовцахъ и асанахъ Георги замѣчаетъ: «какъ котовцы въ 1628 г. Россіи покорились, то колѣно ихъ было слабое, какъ и аринцевъ и асанъ; нынѣ же они еще безсильнѣе. Асанъ нынѣ (въ 1772 г.) осталось уже не больше, какъ 10 или 12 семей. Миллеръ и старшій Гмелинъ въ бытность свою тамъ въ 1735 и 1740 году, нашли только 2-хъ или 3-хъ человѣкъ, которые могли говорить асанскимъ языкомъ; нынѣ же онъ, конечно, уже и вовсе перевелся [6]). Моторовъ за 50 лѣтъ было не болѣе 30 семействъ. Нынѣ повальныя горячки оставили ихъ не болѣе 9 семействъ [7]). Въ киренскомъ округѣ число тунгусовъ отъ 7 до 8 ревизіи уменьшилось съ 825 до 200 душъ, тогда какъ число русскихъ крестьянъ, въ этотъ же періодъ времени, увеличилось до 1.996 душъ мужского пола. Нѣкоторыя племена, стѣсненныя сначала татарами, потомъ русской колонизаціей, удалились въ полярную тундряную низменность, какъ, на-

[1]) Путешеств. Врангеля II. стр. 80—81.
[2]) Kastren's, Reiseber. und Briefe, s. 510; Вѣстн. геогр. общ. т. XX, отд. II. стр. 121.
[3]) Sammlung Russisch. Gesch. B. VI, s. 155 и 158.
[4]) Опис. народ., ч. III, стр. 25—28.
[5]) Kastren's Reiseberichte, s. 344.
[6]) Опис. народ., ч. IV, стр. 25—28.
[7]) Степановъ, Енисейская губ. II, стр. 50.

примѣръ, самоѣды и остяки, или въ горы алтайскія и саянскія, какъ, напримѣръ, горные калмыки, сойеты и другія горныя племена, и тамъ медленно переживаютъ частью процессъ постепеннаго вымиранія, частью процессъ обрусѣнія. Наконецъ, многія племена, оставшіяся въ сосѣдствѣ съ русскими колоніями, постепенно сливаются съ русскою національностью, все больше и больше русѣютъ и, вмѣстѣ съ обрусѣніемъ усвояя земледѣліе и осѣдлый сельскій бытъ, обращаются въ русскихъ крестьянъ. И это единственный исходъ, спасающій сибирскія племена отъ совершеннаго истребленія ихъ среди преобладающаго надъ ними пришлаго населенія. Какъ часто ни тяжелъ этотъ исходъ, но все же онъ лучше того всепожирающаго антагонизма, который русскій народъ внесъ въ обильный сибирскій край.

II.

Физіологическое преобладаніе славяно-русскаго племени надъ всѣми сибирскими племенами многоразлично выражалось и выражается въ метисаціи, въ скрещеніи его съ этими племенами. Скрещеніе это было неизбѣжно, въ силу общаго физіологическаго закона. «Если область обширна, говоритъ Дарвинъ, то отдѣльные округи ея будутъ, по большей части представлять разныя жизненныя условія; и тогда, при видоизмѣненіи и усовершенствованіи вида естественнымъ подборомъ, на границахъ или въ предѣлахъ каждаго округа будетъ происходить скрещеніе между индивидуумами различныхъ разновидностей или разностей. И дѣйствіе скрещенія, въ этомъ случаѣ, едва ли будетъ взвѣшено естественнымъ подборомъ, стремящимся видоизмѣнить всѣ особи каждаго округа, сообразно господствующимъ въ немъ условіямъ; ибо въ непрерывной области жизненныя условія одной полосы большею частью незамѣтно переходятъ въ условія другой полосы. Въ Сибири, съ самаго начала русской колонизаціи и до позднѣйшаго времени, смѣшеніе и скрещеніе племенъ совершалось въ широкихъ размѣрахъ и различными путями. Одни пути вели прямо къ физіологическому слiянію и смѣшенію инородческихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ, посредствомъ метисаціи, скрещенія. Другими путями племена, посредствомъ различныхъ условій сосѣдства и сближенія, обобщались съ русскими колонистами, усвояли ихъ языкъ, образъ жизни и занятій, нравы и обычаи, и такимъ образомъ, путемъ постепеннаго внѣшняго обрусѣнія, подготовлялись къ совершенному физіологическому объединенію и слiянію съ русскимъ народомъ, вслѣдствіе постепеннаго отрѣшенія отъ своихъ племенныхъ особенностей путемъ послѣдовательнаго, морально-физическаго и внѣшне-бытового видоизмѣненія въ русскую народность.—Укажемъ теперь на непосредственные способы и физіологическіе результаты скрещенія.

Во-первыхъ, похищеніе или взятіе въ плѣнъ инородческихъ женщинъ, въ видѣ ясыря, и сожительство съ ними естественно вело къ смѣшенію, къ скрещенію племенъ и къ нарожденію новаго, европейско-сибирскаго поколѣнія русскаго народа. Русскіе казаки, служилые, торговые, промышленные и всякіе гулящіе люди въ Сибирь приходили обыкновенно безъ женъ. И потому они вынуждены были постоянно похищать и уводить въ плѣнъ женщинъ и дѣвицъ разныхъ сибирскихъ племенъ;—иногда покупали ихъ. Такая метисація русскихъ съ инородческими женщинами шла одновременно и по слѣдамъ русской колонизаціи, и въ

разныхъ мѣстахъ Сибири принимала мѣстный этнографическій характеръ. Такъ, въ западной Сибири русскіе казаки и служилые люди смѣшивались съ туземными инородческими женщинами — вогулицкими, остяцкими, самоѣдскими, татарскими, киргизскими, калмыцкими и другими. Духовенство московское неоднократно вопіяло противъ такого смѣшенія русской крови съ иноплеменною. «Вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири, писалъ патріархъ Филаретъ сибирскому архіепископу Кипріану въ 1622 году,—что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаи, но по своимъ скернымъ похотемъ; многіе де русскіе люди *съ татарскими и съ остяцкими, и съ вогулицкими поганскими женами смѣшаются*, и скверная дѣютъ; а иные *живутъ съ татарскими, некрещеными*, какъ есть съ своими жопами, и дѣютъ съ ними противность» [1]). Точно такъ же, митропол. Филофей, отъ 7 сентября 1725 г., извѣщалъ губернскую канцелярію, что «казаки, за ясакомъ посылаемые, берутъ вмѣсто подводчиковъ *красиволицыхъ жонъ и дѣвицъ остяцкихъ, и другихъ инородокъ*, и насилуютъ, на что жаловаться не смѣютъ застращиваемые родители».—Русскіе поселенцы Березова покупали молодыхъ остячекъ по 20 копѣекъ [2]). Почти безпрерывныя возстанія и набѣги калмыковъ, татаръ, остяковъ, киргизовъ и другихъ инородческихъ племенъ западной Сибири на русскія колоніи и были не только естественной опозиціей противъ русской колонизаціи, но также постоянной племенной реакціей противъ русскаго племени, противъ метисаціи и смѣшенія крови. Это была борьба племенъ за существованіе или, говоря этнологическимъ языкомъ того времени,—борьба *костей* инородческихъ противъ *кости* и крови русской. И не послѣднюю роль, въ этихъ племенныхъ состязаніяхъ, играли половой подборъ и борьба за женщинъ. Русскіе казаки и служилые люди постоянно выводили съ поля битвъ, изъ погромленныхъ улусовъ, сотни инородческихъ женщинъ и дѣвицъ, а инородческія племена нерѣдко бились изъ-за того только, чтобы возвратить своихъ полоненныхъ жонъ и дочерей и, въ свою очередь, увести въ плѣнъ русскихъ женщинъ и дѣвицъ. Русскіе, однакожъ, уже въ силу одного физіологическаго преимущества и наисильнѣйшей боевой вооруженности, постоянно одерживали верхъ въ битвахъ съ разными племенами, и постоянно уводили въ плѣнъ ихъ женщинъ и дѣвицъ. Такъ, во время набѣговъ калмыковъ и киргизовъ на кузнецкій и томскій уѣзды, въ 1673—1674 г., русскіе служилые люди и казаки уводили у нихъ въ плѣнъ женщинъ по 100 и болѣе [3]). Въ 1674 г. томскіе служилые люди взяли въ полонъ у «черныхъ калмыковъ» жонъ вмѣстѣ съ дѣтьми —больше 400 головъ [4]). Также много было похищено калмыцкихъ женщинъ во время набѣговъ калмыковъ на тюменскій уѣздъ, въ 1667—1668 годахъ [5]). Равнымъ образомъ набирали женщинъ въ плѣнъ у вогуловъ, татаръ, остяковъ и самоѣдовъ. Тоже самое дѣлали русскіе казаки и служилые люди въ восточной Сибири. Въ Дауріи, Хабаровъ съ служилыми людьми взялъ

[1]) Собран. государств. грамотъ, ч. III, № 60.

[2]) Словцовъ, Истор. обозр. Сибири, II, стр. 91. Абрамова, описан. березовск. края въ Записк. геогр. общ. 1857, кн. XII, стр. 348—349. За дѣвицъ инородческихъ платили отъ 2 р. до 50 к. мѣдью.

[3]) Дополн. къ акт. истор. т. VI, № 93, стр. 322 и др.

[4]) Дополн. т. VI, стр. 322.

[5]) Дополн. т. V, № 49.

у тамошнихъ тунгузскихъ племенъ «бабья поголовно, старыхъ и молодыхъ и дѣвокъ,—243 человѣка» [1]). Часто служилые и приказные люди насильственно смѣшивались съ инородческими женщинами. Напримѣръ, въ 1676 году, тунгусы жаловались на нерчинскаго приказнаго человѣка, Павла Шульгина: «у брацкаго человѣка Абахая Шуленьги сидитъ въ нерчинскомъ сынъ въ аманатахъ, съ женою Гулинкаемъ, и онъ, Павелъ, ту аманатскую жену, а его Абахаеву сноху своимъ насильствомъ емлетъ къ себѣ на постелю сильно, по многое время, и въ банѣ съ нею парится» [2]). Въ Якутскѣ, на Колымѣ, Анадырѣ, Охотѣ и по другимъ рѣкамъ и зимовьямъ, русскіе служилые люди и первые поселенцы еще болѣе нуждались въ женщинахъ, и потому еще болѣе насильно захватывали якутскихъ, тунгузскихъ, юкагирскихъ и другихъ инородческихъ женщинъ. Такъ, въ 1645 г., на якутскаго воеводу и дьяка жаловались, что «по ихъ велѣнью, служилые люди бабъ у якутовъ емлютъ сильно» [3]). Въ 1679 году, ясачные якуты жаловались на воеводу Андрея Барнешлева: «будучи онъ на воеводствѣ, нималъ насильствомъ у нихъ дочерей и дѣвокъ и отъ живыхъ мужей жонъ нималъ себѣ въ холопство и крестилъ, и нималъ себѣ во дворъ казачьихъ дѣтей въ холопство же, и за тѣхъ казачьихъ дѣтей ихъ якутскихъ взятыхъ дочерей силою замужъ выдавалъ, а иныхъ отсылалъ въ Енисейскъ» [4]). Въ наказѣ якутскому воеводѣ Приклонскому, въ 1680 г., повторена была жалоба на дѣтей боярскихъ, что «они у ясачныхъ людей жонъ и дѣтей, и у многихъ жилецкихъ людей работницъ и племянницъ, и дочерей крестныхъ, своими примѣтами угрожая, брали себѣ и отсылали въ иркутскій острогъ» [5]). Въ охотскомъ острогѣ казаки держали у себя «ясырь» некрещеныхъ бабъ тунгузскихъ, а другіе имѣли при себѣ наемныхъ кортомленныхъ тунгузскихъ дѣвокъ» [6]). Тамъ казаки покупали и продавали тунгузскихъ дѣвицъ за 7 соболей и 10 лисицъ красныхъ съ 4 пластинками собольими» [7]). И въ плѣнъ тоже часто брали тунгусокъ, какъ, напримѣръ, въ 1652 г. взяли до 17 бабъ у тунгусовъ алганскаго рода» [8]). Въ 1681 г. «взято было на бою 20 дѣвокъ и 10 бабъ съ десятью ребятами мужского пола» [9]). Въ то же время, дѣти боярскіе, въ родѣ Юрія Крыжановскаго и Петра Ярыжкина, и всякихъ чиновъ служилые люди, будучи въ походахъ на Индигиркѣ и Охотѣ, «имали себѣ у иноземцевъ, тунгусовъ и юкагировъ женъ и дочерей для блуднаго дѣла» [10]). На Колвымѣ, русскіе казаки и служилые люди, по жалобѣ юкагировъ, «брали въ войско, за ясакъ, жонъ, дочерей, сестеръ и племянницъ юкагирскихъ и ламутскихъ, и тѣхъ жонокъ изъ войска продавали промышленнымъ людямъ на соболей» [11]). Какъ видно изъ актовъ, русскіе люди постоянно брали въ плѣнъ, покупали, подговаривали и вывозили въ города, остроги и зимовья бабъ и дѣвицъ ясашныхъ людей—якутскихъ, юкагир-

---

[1]) Дополн. III, № 102.
[2]) Дополн. т. VII, № 75, стр. 372.
[3]) Дополн. III, № 5, стр. 37.
[4]) Дополн. т. VIII, № 56.
[5]) Дополн. т. VIII, № 69, стр. 265.
[6]) Дополн. т. VII, № 61, грам. IV, стр. 276.
[7]) Дополн. VII, стр. 286.
[8]) Дополн. III, № 92.
[9]) Дополн. VII, стр. 301.
[10]) Дополн. VII, № 61, стр. 303.
[11]) Дополн. IV, № 144, стр. 383.

скихъ, ламутскихъ и другихъ инородческихъ женщинъ [1]). Вообще, смѣшеніе русскихъ съ инородцами было повсемѣстное въ Сибири. Вслѣдствіе такого постояннаго набора въ составъ первоначальнаго, малочисленнаго русскаго населенія Сибири женщинъ туземныхъ, инородческихъ, вслѣдствіе постояннаго смѣшенія съ ними первыхъ русскихъ поселенцевъ —казаковъ, служилыхъ, приказныхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей— вождей и пролагателей сибирской колонизаціи въ Сибири, — естественно, въ началѣ должно было народиться смѣшанное поколѣніе изъ незаконнорожденныхъ дѣтей —помѣсей русскихъ людей съ инородческими женщинами. Эти проводники и пролагатели путей колонизаціи были, такимъ образомъ, вмѣстѣ и первыми проводниками, распространителями метисаціи, смѣшенія племенъ, первыми орудіями русскаго физіолого-этнографическаго процесса народонарожденія.

Церковные браки русскихъ людей съ крещеными инородческими женщинами и дѣвицами, и наоборотъ, браки крещеныхъ инородцевъ на русскихъ также составляли и составляютъ прямое средство метисаціи, смѣшенія племенъ. Московское правительство XVII вѣка, желая мирнымъ образомъ сблизить и слить сибирскихъ инородцевъ съ русскими служилыми людьми, издало нѣсколько особыхъ постановленій о церковныхъ бракахъ русскихъ служилыхъ людей съ крещеными инородческими женщинами. Такъ, еще въ 1645 г., царь Михаилъ Федоровичъ, по случаю производившагося тогда постыднаго торга сибирскими инородцами — татарами, остяками, бурятами, ихъ женами и дочерями, и другими племенами,—издалъ грамоту о пресѣченіи этого торга, и въ ней предписывалъ: *крещеныхъ дѣвокъ и женъ татарскихъ, остяцкихъ и другихъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, за кого пригоже»*. Это предписаніе повторено было и въ слѣдующихъ годахъ, въ 1646 и 1647. Алексѣй Михайловичъ, въ свою очередь, подтвердилъ всѣ эти указы въ грамотѣ енисейскому воеводѣ, 18 окт. 1649 г., съ тѣмъ внушительнымъ присовокупленіемъ, «чтобы впредь изъ ясыря, съ Байкала озера, съ Лены и изъ другихъ немирныхъ землицъ, изъ брацкихъ людей и изъ другихъ—*крещеныхъ женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей и за пашенныхъ крестьянъ замужъ»* [2]). Въ наказѣ якутскому воеводѣ Лодыженскому, въ 1651 году, съ цѣлью, «чтобъ сибирская ленская земля пространялась, а не пустѣла», тоже предписывалось: «буде кто изъ женскаго пола, жонки или дѣвки ясачныхъ людей,—похотятъ креститься, и тѣхъ жонокъ и дѣвокъ

[1]) Дополн. IV, стр. 78; т. VII, № 23, стр. 140 и др. Почти въ то же время, какъ въ Сѣверной Америкѣ начался торгъ неграми, - русскіе въ Сибири, въ первой половинѣ XVII вѣка, начали было тоже постыдный торгъ сибирскими инородцами и ихъ женщинами. Наприм., въ грамотѣ 1649 года окт. 18 енис. воеводѣ читаемъ: „Енисейскіе служилые люди привозятъ въ енисейскій острогъ съ Байкала озера брацкихъ людей полоняниковъ, мужской полъ и женской, и въ енисейскомъ острогѣ тѣхъ полоняниковъ продаютъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, а торговые и промышленные люди купятъ тѣхъ полоняниковъ и, записавъ въ таможнѣ, вывозятъ на Русь, а въ съѣзжей избѣ купленыхъ людей никого не объявляютъ“. (Дополн. III, № 62). Еще раньше, грамотой царя Михаила Федоровича въ 155 г. предписано было „на заставахъ смотрѣть и беречь накрѣпко, какъ изъ сибирскихъ городовъ воеводы и дьяки, и письменныя головы, и ихъ братья, и дѣти, и племянники, и люди, и дѣти боярскіе и сибирскіе служилые и торговые, и всякихъ чиновъ люди поѣдутъ къ Руси, къ Москвѣ или въ иные которые города, и повезутъ съ собою сибирскихъ татаръ и остяковъ, и ихъ жонъ и дѣтей, и тѣхъ всякихъ чиновъ людей осматривать и обыскивать всякими мѣрами накрѣпко, и у кого объявится ясырь, татарове и остяки, и ихъ жоны, и дѣти, робята и дѣвки, - и имъ тотъ ясырь, которые взяты будутъ на Верхотурьѣ и на Березовѣ, на Собской и на Обдорской заставахъ,—отсылать въ Тобольскъ, а съ Ижемской заставы отсылать черезъ Пустоозеро въ енисейскій острогъ, и проч. (ibid).

[2]) Дополн. къ акт. истор. т. III, № 62.

велѣть крестить и выдавать замужъ за новокрещеновъ же и за русскихъ служилыхъ людей» [1]). Въ 1659 г., съ тою же цѣлью, чтобъ сибирская земля пространялась, а не пустѣла, тоже велѣно было илинскому воеводѣ — «полонянокъ женскаго пола, жонокъ и дѣвокъ крестить, если захотятъ, и выдавать замужъ за новокрещеновъ же и за русскихъ служилыхъ людей, а къ себѣ во дворъ отнюдь не брать воеводѣ, и никакимъ людямъ такихъ жонокъ и дѣвокъ не держать» [2]). Въ 1664 году, въ наказѣ тобольскому воеводѣ Голицыну было то же предписано, что и прежнимъ тобольскимъ воеводамъ предписывалось: «крещеныхъ жонокъ и дѣвокъ татарскихъ, калмыцкихъ, остяцкихъ и другихъ выдавать замужъ за служилыхъ людей» [3]). Однимъ словомъ, постановленіе это о выдачѣ крещеныхъ инородческихъ женщинъ и дѣвицъ за русскихъ служилыхъ людей было общимъ правиломъ и повторялось въ каждомъ наказѣ всѣмъ вообще сибирскимъ воеводамъ. Оно и необходимо было тогда, и неизбѣжно исполнялось во всей Сибири. Русскимъ казакамъ, служилымъ, приказнымъ, торговымъ, промышленнымъ, пашеннымъ и всякимъ гулящимъ людямъ, приходившимъ въ Сибирь безъ кола и двора, иначе и негдѣ было брать жонъ, кромѣ туземныхъ инородческихъ женщинъ и дѣвицъ. Ихъ же сотнями и даже тысячами тогда наплывало и присылалось въ Сибирь. Напримѣръ, въ одинъ Якутскъ требовалось до 1000 служилыхъ людей, и на лицо ихъ было въ 1670 г. до 670 человѣкъ; по 22 ясачнымъ зимовьямъ якутскаго уѣзда разсылалось около 660 человѣкъ. Всѣ они были безъ женъ. Гдѣ же было имъ брать женъ, кромѣ окрестныхъ инородческихъ ордъ и улусовъ? Оставалось брать ихъ у окрестныхъ якутовъ, тунгусовъ и юкагировъ якутскаго уѣзда, и изъ среды 12,236 душъ однихъ тогдашнихъ ясашныхъ якутскаго края можно было выбирать женъ [4]). Въ Камчаткѣ русскіе казаки также женились на камчадалкахъ. Крашенинниковъ сообщаетъ такое свѣдѣніе объ этомъ: «изъ острожковъ, покоренныхъ силою, брали они довольное число въ полонъ женскаго полу и малолѣтнихъ, которыхъ раздѣляя по себѣ, владѣли ими, какъ холопами. Для присмотру за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей, большею частью, и женивались. А которые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они, по прибытіи священника, дочерей ихъ за себя возьмутъ. Такимъ образомъ, случалось, что у казака крестины невѣсты (камчадалки), свадьба, молитва и крестины дѣтей отправлялись вмѣстѣ; ибо во всѣхъ острогахъ былъ одинъ священникъ, который жилъ въ нижнемъ острогѣ, и въ другіе пріѣзжалъ черезъ годъ или черезъ два года; между тѣмъ, многіе женились на камчадальскихъ дочеряхъ, дѣтей рождали, которыхъ дьячку должно было крестить, а священнику, пріѣхавъ, родителей вѣнчать и матерей крестить» [5]).

Вообще,—по справедливому замѣчанію Н. Щукина,—русскіе, выходцы изъ Вологодской и другихъ сѣверныхъ губерній, поселившись въ Сибири, женились на туземкахъ и образовали первое поколѣніе сибиряковъ [6]). «Уже съ XVII в., и особенно съ половины XVIII столѣтія, не только русскіе брали крещеныхъ ино-

[1]) Дополн. III, № 83, стр. 310—311.
[2]) Доп. IV, стр. 165.
[3]) Доп. IV, № 138, стр. 360.
[4]) Доп. VI, № 136, стр. 408.
[5]) Описан. Камчатки, т. II, ч. III, стр. 244.
[6]) Поѣздка въ Якутскъ, стр. 237.

родческихъ женъ, но и сами инородцы стали жениться на русскихъ дѣвицахъ и женщинахъ. Нерѣдко князья сибирскихъ племенъ женились на русскихъ и поступали въ составъ русскаго дворянства. Напримѣръ, въ 1603 г., сынъ кандинскаго остяцкаго князя Игичея, Михаилъ, крестившись въ Москвѣ, женился на русской дѣвицѣ изъ знатной фамиліи и сдѣланъ былъ стольникомъ»[1]. «Вогуличи,—говоритъ Лепехинъ,—съ 1722 года, въ которомъ крещены, стали отмѣнны и свободно берутъ за себя русскихъ дѣвокъ, отчего рѣдкихъ—по крайней мѣрѣ, по рѣкѣ Тавдѣ,—можно видѣть, у которыхъ тѣлосложеніе, прежней ихъ природѣ соотвѣтствующее, осталося»[2]. «Въ Тобольскѣ киргизы женились на русскихъ, а русскіе, и въ томъ числѣ нѣкоторые знатные ссыльные, женились на остячкахъ, какъ въ Тобольскѣ, такъ и въ Березовѣ»[3]. Въ Тюмени, Тарѣ и вообще въ западной Сибири очень часты были взаимные браки русскихъ и татаръ. Въ Томскомъ краю весьма обычны были обоюдные браки у русскихъ съ татарами, киргизами и калмыками, отчего тамъ русское народонаселеніе представляло,—по свидѣтельству Татищева,—разные росты и обличья, и было «смѣшанной природы—калмыцкой, татарской и киргизской»[4]. Однимъ словомъ, во всѣхъ краяхъ Сибири, были болѣе или менѣе обычны и часты взаимные браки между инородцами и русскими. И въ наше время такіе браки очень обыкновенны, особенно въ инородческихъ округахъ Сибири. Напримѣръ, въ Якутскѣ русскіе весьма часто женятся на якуткахъ, а якуты—на русскихъ женщинахъ. Въ 1775 году поселены были въ 180 верстахъ отъ Якутска, по р. Амгѣ, крестьяне, переведенные сюда съ иркутскаго тракта; они всѣ переженились на якуткахъ и сами объякутились[5]. Эрманъ, путешествовавшій по Сибири въ 1829 году, замѣчаетъ: «одна молодая якутка въ Нюнсѣ съ самымъ наивнымъ увѣреніемъ отвѣчала мнѣ, когда я похвалилъ ея домохозяйство: что теперь ужъ всѣ русскіе мыслятъ такъ же, какъ и я, потому что никто уже изъ нихъ болѣе не гнушается якутскаго брака»[6]. Средне-колымскіе якуты также нерѣдко женятся на русскихъ. Такъ, между прочимъ, на русской былъ женатъ и отъ нея научился хорошо читать и писать по-русски тотъ почтенный, 82-лѣтній средне-колымскій якутъ—крестникъ лейтенанта Лаптева,—который такъ занялъ Врангеля своими интересными разсказами объ якутахъ[7]. Нерѣдко и тунгуски выходятъ замужъ за русскихъ, а русскіе женятся на тунгускахъ. Браки русскихъ ленскихъ поселенцевъ съ горными тунгусами, въ киренскомъ округѣ, признаются даже полезными: они,—по свидѣтельству Эрмана,—избавляютъ дѣтей отъ зобовъ, которые такъ безобразятъ русское населеніе ленской долины[8]. Наконецъ, въ такъ называемыхъ ясачныхъ и осѣдло-инородческихъ поселеніяхъ сплошь и рядомъ бываетъ, что крещеные инородцы женятся на русскихъ крестьянскихъ дѣвушкахъ и вдовахъ, а сосѣдніе крестьяне берутъ знатныхъ дѣвушекъ и женщинъ. Женясь на русскихъ дѣвицахъ и женщинахъ, они обыкновенно примыкаютъ къ русскимъ селамъ и деревнямъ, или селятся особыми деревнями. Многіе, вступая въ бракъ съ русскими и нарождая съ ними

---

1) Абрамовъ. Опис. Берез. края зап. геогр. общ. 1857 г., кн. XII, стр. 337.
2) Дневн. записки путешеств., ч. III, стр. 28.
3) Erman, Reise I. s. 458, 591.
4) Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 571.
5) Щукинъ. Поѣздка въ Якутскъ.
6) Erman, Reise II. s. 228.
7) Путеш. Врангеля II. стр. 66.
8) Erman, Reise B. II, s. 219.

тей, отдѣльными семьями селятся въ самыхъ русскихъ селахъ и деревняхъ, еди русскихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точной цифры всѣхъ ашныхъ и осѣдлыхъ инородцевъ въ Сибири, но знаемъ, что ихъ много (около 603.436 дѣтей обоего пола), и число ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и лѣе умножается. Напримѣръ, по якутскому тракту, въ 60—130 верстахъ отъ ркутска, въ ихъ деревняхъ: Усть-Ордынской, Ользоновской и Баендаевской, съ 816 г. до 90 душъ осѣдлыхъ инородцевъ произошло отъ бурятъ, женившихся на сскихъ крестьянскихъ дочеряхъ. Многіе буряты и теперь, крестясь, женятся на сскихъ крестьянскихъ дочеряхъ и селятся въ ясашныхъ или осѣдло-инородче-ихъ селеніяхъ, либо въ русскихъ слободахъ, селахъ и деревняхъ. Въ Ользо-хъ мы видѣли 5 или 6 такихъ природныхъ бурятъ, вновь женившихся на черяхъ русскихъ крестьянъ [1]). Точно также, по московскому тракту, на Ти-цкой станціи, гдѣ числится до 100 крещеныхъ осѣдлыхъ бурятъ, по Ангарѣ— Бажарскомъ селѣ, около Залари—въ Коновальскомъ селеніи и во многихъ угихъ все живутъ буряты, женатые на русскихъ или на ясашныхъ перваго, орого и дальнѣйшихъ поколѣній [2]). Въ киренскомъ округѣ, ясашные тунгусы, ивущіе въ 3-хъ деревняхъ, въ числѣ около 120 душъ, большею частью же-лись на русскихъ. Вообще, число такихъ уже обрусѣвшихъ или русѣющихъ ашныхъ инородцевъ, женящихся большею частью на русскихъ, постоянно при-ивается. Напримѣръ, отъ 5 до 7 ревизіи или отъ 1786 до 1816 года число ъ увеличилось въ Тобольской губерніи 1.504 душами, а въ Иркутской—30.534 шъ больше противъ числа 5-й ревизіи [3]).

Послѣ такихъ многочисленныхъ фактовъ скрещенія русскаго племени съ зными сибирскими племенами, очевидно, что въ Сибири должно было нарож-ться особое, смѣшанное поколѣніе людей. Какого же рода это поколѣніе? Что о представляетъ собой—новое-ли племя людей, или просто областную разно-дность, индивидуальность, варіететъ славяно-русскаго племени? И по какимъ конамъ, въ какой послѣдовательности совершается его видоизмѣненіе вслѣдствіе тисаціи?—При настоящемъ недостаткѣ нашихъ этнологическихъ изслѣдованій и блюденій, трудно отвѣтить вполнѣ удовлетворительно на всѣ эти вопросы. Но е-таки можно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Скрещеніе, какъ извѣстно изъ естественной исторіи, не всегда производитъ выя породы, но всегда сопровождается болѣе или менѣе значительными видо-мѣненіями ихъ. «Возможность производить новыя породы черезъ скрещиваніе— воритъ Дарвинъ,—заключена въ очень тѣсныя границы. Но нѣтъ сомнѣнія, что рода можетъ быть видоизмѣнена при содѣйствіи скрещиванія» [4]). По этому кону природы, посредствомъ скрещенія славяно-русскаго племени съ разными ородческими племенами Сибири, конечно, не могла образоваться и не образова-сь новая порода или новая нація, совершенно средняя, напримѣръ, между лико-русскою національностью и инородческими племенами Сибири. Но все же,

---

[1]) Свѣдѣнія эти получены во время нынѣшняго моего проѣзда черезъ эти деревни. селѣ Ангѣ (по ленскому тракту, въ Иркутской губ., въ манзурской волости), окружен-мъ бурятами, рядомъ съ домомъ моей матери недавно поселился ясашный, женился русской крестьянской дочери и прижилъ дѣтей, на видъ брацковатыхъ, смуглыхъ, съ кими глазами, съ приплюснутыми носами.

[2]) Сообщено Болдоновымъ.

[3]) „Сибир. Вѣстн." 1820 г., ч. XII, стр. 101.

[4]) Darwin, s. 30.

путемъ такого скрещенія, развивалась и развивается довольно замѣтная областная разновидность великорусскаго народа, съ особеннымъ, смѣшаннымъ, европейско-сибирскимъ или великорусско-инородческимъ типомъ. И въ своей роднѣ—на русской землѣ,—народъ русскій не отличается единствомъ типа, совершенною чистотою крови, по причинѣ вѣкового смѣшенія съ финскою, татарскою, нѣмецкою и другою иноплеменною кровью. Въ Сибири же—еще болѣе. Тамъ, въ Европейской Россіи, его видоизмѣняли другіе иноплеменные контингенты, отличающіеся отъ этнографическихъ стихій Сибири, и потому областное историко-физіологическое видоизмѣненіе и оразноображеніе великорусской, малорусской и бѣлорусской народности шло въ другомъ, отличительномъ направленіи, сообразно съ мѣстными этнологическими вліяніями. Здѣсь, въ Сибири, скрещеніе совершалось большею частью въ совершенно новой и особенной этнографической средѣ; и потому здѣсь видоизмѣненіе славяно-русской народности было еще рѣзче, разнообразнѣе и отличительнѣе. Кровь славяно-русскаго племени, чрезъ смѣшеніе съ кровью сибирскихъ племенъ, еще болѣе помутилась, утратила не только древне-славянскую, но и европейско-русскую чистоту, и течетъ въ жилахъ природныхъ русско-сибирскихъ поколѣній мутными, смѣшанными потоками, представляя разнообразные мѣстные этнографическіе оттѣнки. Лишь только переваливаетъ наблюдательный путешественникъ черезъ Уралъ и потомъ проѣзжаетъ черезъ всю западную Сибирь, — его на первый разъ поражаетъ въ физіономіяхъ русско-сибирскаго народонаселенія замѣтный отпечатокъ югро-финскаго и татаро-калмыцкаго обличія. Напримѣръ, о березовскихъ и тобольскихъ русскихъ жителяхъ Эрманъ говоритъ: «Здѣсь, въ теченіи двухъ столѣтій, кровь многихъ замѣчательныхъ и даровитыхъ мужей русской земли преимущественно смѣшивалась съ кровью туземцевъ, потому что цвѣты придворной знати и дворяне погребены подъ снѣгомъ березовскимъ, и здѣшніе духовные, купцы и казаки часть своего потомственнаго наслѣдія получили, какъ внуки, отъ европейскихъ гражданъ и воиновъ, а другую долю, со стороны матерней, отъ племени и языка остяцкаго»[1]). Въ населеніи города Тары, Эрманъ замѣтилъ рѣзко бросающійся въ глаза отливъ калмыцкой крови[2]). Въ Тюмени мы сами замѣчали въ русскихъ жителяхъ оттѣнки типа татарскаго и калмыцкаго. Въ этомъ городѣ и теперь еще насчитывается до 20 домовъ или семействъ татарскаго отродья, въ поколѣніи 10 или около того, именно: родъ Пѣшковыхъ, Мешеновыхъ, Костыгиныхъ, Исаковыхъ, Чуплековыхъ, Заводовскихъ и другихъ. А верстъ за 15 отъ Тюмени крестьяне— отродье вогуличей[3]). Вогулы, вслѣдствіе скрещенія съ русскими, вошли въ составъ русскаго народонаселенія и образовали совершенно русскихъ государственныхъ крестьянъ, съ особеннымъ, вогульско-русскимъ обличьемъ. Венгерскій путешественникъ Регули, поэтому, выключилъ ихъ изъ этнографической части своей карты. «Ясашные Вогулы, говоритъ онъ, мною исключены изъ этнографической карты, потому что они усвоили образъ жизни чисто-русскій, говорятъ всегда по русски, и о томъ, что они составляли нѣкогда одинъ народъ съ вогулами, въ нихъ осталось одно только темное воспоминаніе. Равнымъ образомъ, исключены изъ моей карты обрусѣвшіе вогулы, живущіе при рѣкахъ Тавдѣ и Пелымѣ, изъ которыхъ часть (въ яланской волости) перестала и въ администра-

---

1) Erman. Reise I, s. 591.
2) Ibid. B. II, s. 15, 74.
3) Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

отношеніи называться вогулами, и въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣ-
шенно сравнена съ русскими государственными крестьянами» и т. д. [1])
ι обрусѣнія вогуловъ было, по свидѣтельству Лепехина, брачное скреще-
съ русскими [2]). Входя, такимъ образомъ, путемъ скрещенія, въ составъ
населенія, инородцы югро-финскаго племени, естественно, видоизмѣняли
бразили или сообразно оттѣняли его физическій видъ и характеръ. Точно
таро-калмыцкая кровь сообщала европейско-русскому населенію Сибири
івъ, свои оттѣнки. Напримѣръ, о русскихъ жителяхъ томскаго уѣзда,
ь, въ 1739 г., писалъ, на основаніи точныхъ наблюденій многихъ лицъ:
о—большихъ ростомъ, а больше среднихъ, есть и малые, плечи ши-
зольно въ лицо *смуглыхъ калмыковатыхъ*, носы велики, островаты,
олсты, глаза, волосы и брови черные, и *довольно отъ природы смѣ-*
калмыцкой, татарской и киргизской [3]). О калмыцкомъ происхож-
огихъ стародавнихъ крестьянскихъ родовъ въ западно-сибирскихъ рус-
ревняхъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, самыя названія нѣкоторыхъ
въ родѣ деревень *Калмыковой*, въ 23-хъ верстахъ отъ Тюкалы, села
ово близъ Каинска и т. п. Въ Тюкалинскѣ на станціи, совершенно
ı калмычка, мать почтосодержателя, женатаго на русской, сказывала
о въ Омскѣ и въ омскомъ уѣздѣ много подобныхъ сыну ея происхож-
отъ калмыковъ [4]). Казаки западной Сибири большею частью — отродье
Степановъ въ описаніи Енисейской губерніи справедливо замѣтилъ: «Си-
:азаки давно уже не донскіе. Къ побѣдамъ они пришли безъ жонъ. Та-
ѣлались родоначальницами новаго поколѣнія. Въ нынѣшнихъ казачкахъ
гыскать чернобровыхъ, быстроглазыхъ обитательницъ Дона» [5]). Около
ска есть цѣлая деревня, въ которой физіономіи крестьянъ сохраняютъ
рскій отпечатокъ, потому что крестьяне эти суть ни что иное, какъ
е качинскіе татары [6]). Дальше мы приведемъ болѣе такихъ фактовъ.
ı замѣтимъ вообще, что въ сѣверо-западной Сибири преимущественно гос-
ъ югро-финскій оттѣнокъ въ физіономіи и организаціи русскаго населе-
ı юго-западной и юго-восточной части западной Сибири — отпечатокъ
лмыцкій и отчасти киргизскій. Проѣзжаетъ путешественникъ далѣе, за
въ Иркутскую губернію: ему тотчасъ бросается въ глаза все больше и
ыдающееся господство монголо-бурятскаго оттѣнка въ русскихъ физіоно-
У женщинъ иркутскихъ гражданъ и казаковъ, говоритъ Ерманъ, удиви-
ıмѣтны двѣ совершенно различныя физіономіи: тогда какъ въ нѣкоторыхъ
хъ семействахъ въ чистотѣ сохраняется русское происхожденіе или от-
ı другихъ привходитъ родство съ бурятами. Въ первомъ случаѣ, жен-
іѣютъ замѣчательно бѣлую кожу, такъ же, какъ полныя, нѣжныя и уже
ости склонныя къ тучности формы. Въ другихъ семействахъ видны, на-
тонкія, сухощавыя, мускулезныя формы и темно-коричневый или темно-
ѣтъ лица. Подобное мы замѣтили въ обществѣ города Тары, на боль-

---

ьма Регули акад. Кеппену. Записки геогр. общ. 1849 г. кн. III, ст. 162 - 163.
вн. зап. Лепехина III, стр. 28.
нщевъ и его время, Н. Попова, стр. 571.
моихъ путевыхъ замѣтокъ.
с. Енис. губ., ч. II, стр. 98.
tren's, Reiseberichte und Briefe, s. 202—203.

шомъ собраніи у почетнаго купца Филимонова, гдѣ осталось сомнительнымъ, принадлежитъ ли первенство или отличительная особенность красоты дочерямъ Филимонова, которыя достойно представляли бѣлорусое, русское обличіе блондиновъ, или нѣкоторымъ другимъ дамамъ, которыхъ смуглыя физіономіи брюнетовъ должно приписать сродству съ калмыками» [1]). Дѣйствительно, въ самомъ Иркутскѣ и его окрестностяхъ, изъ 10 природныхъ, туземныхъ простонародныхъ жителей—4 и даже 5 навѣрное имѣютъ бурятское обличіе, брацковатую физіономію. Но особенно типично и выразительно выступаетъ этотъ брацковатый, монголо-бурятскій обликъ въ забайкальскомъ русскомъ народонаселеніи. Онъ господствуетъ тамъ не только въ казачествѣ, крестьянствѣ, купечествѣ и мѣщанствѣ, но и въ туземномъ духовенствѣ. Нерчинскіе духовные воспитанники въ иркутской семинаріи большею частью рѣзко отличались своими брацковатыми, бурятскими чертами лицъ отъ воспитанниковъ енисейскихъ. Въ Забайкальи монголо-бурятскій типъ напечатлѣвается даже на томъ русскомъ населеніи, которое образуется изъ обрусѣлыхъ тунгусовъ. Г. Усольцевъ такъ обрисовываетъ этотъ особенный монголо-тунгуско-русскій обликъ жителей Зюльзы и другихъ селеній по долинѣ рѣки Нерчи: «Чорные, жесткіе волосы, большею частью узкіе и нѣсколько вкось расположенные, темно-каріе глаза; смуглый цвѣтъ лица; носъ приплюснутый немного въ переносьѣ; едва замѣтно выдавшіяся скулы выказываютъ монгольское происхожденіе. Но высокій ростъ, стройный станъ, плотное сложеніе, мужество и сила, которые такъ рѣдко бываютъ въ тунгусахъ, въ особенности въ бродячихъ, говорятъ о смѣшеніи ихъ съ русскими. Въ женщинахъ эта смѣсь соединяетъ особенную красоту» [2]). Но чтобы окончательно убѣдиться, какую рѣзко-отмѣнную, оригинальную разновидность, какую своеобразную, мѣстную этнографическую индивидуальность производитъ скрещеніе въ средѣ монголо-бурятской,—нужно только посѣтить хоть одно селеніе такъ называемыхъ ясашныхъ или осѣдлыхъ инородцевъ. Здѣсь явно образуются какія-то новыя поколѣнія или отрасли русскаго народа на почвѣ монголо-бурятской—ни чисто русскія, ни чисто бурятскія, ужъ вовсе ни чисто-славянскія. Въ физіономіи, въ характерѣ и даже въ нравахъ ихъ элементъ русскій и элементъ бурятскій соединяются въ своеобразный, оригинальный этнографическій образъ. Очевидно, что эти новыя русско-сибирскія или бурятско-русскія поколѣнія обрусѣлыхъ ясашныхъ и осѣдлыхъ, инородцевъ-крестьянъ представляютъ ни что иное, какъ новую, образующуюся индивидуальность, новый мѣстный этнографическій варіететъ или новую разновидность славяно-русскаго племени. Но заглянемъ далѣе, въ глубь восточной Сибири. Здѣсь, начиная съ Олекмы, передъ глазами путешественника выступаетъ опять совершенно новый этнологическій образъ, и рельефно рисуется въ русскомъ населеніи новый обликъ—якутскій. Въ Якутскѣ и во всемъ его округѣ русскіе почти совершенно объякутились и образовали новую, своеобразную, якутско-русскую разновидность русской націи. Врангель, Миддендорфъ, Эрманъ, Щукинъ, протоіер. Хитровъ единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ превращеніи русской народности въ якутскую. «Якуты—скажемъ здѣсь словами Гартвига,—представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ, народа, не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но напротивъ, втя-

[1]) Erman, Reise B. II, 74.
[2]) Вѣстн. географ. общ. т. XX, от. II, стр. 107.

нувшаго его въ свою сферу. Такъ, въ Якутскѣ или городѣ якутовъ (этимъ именемъ называютъ себя, не безъ нѣкоторой національной гордости, всѣ тамошніе уроженцы) несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники —якуты, всѣ няньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ. Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ якутскую область, онъ встрѣтилъ русскихъ только по происхожденію; даже трудно было въ земледѣльческой, первоначально русской колоніи Амгинской найдти проводника, говорящаго по русски... Ни одинъ русскій не задумается вступить въ бракъ съ якуткою. Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которыя быстро перенимаютъ у русскихъ, и при этомъ, какъ кочевники, не много требующіе, якуты производятъ мирныя завоеванія подобнаго рода. Народъ, который такимъ образомъ умѣетъ господствовать, не смотря на чуждое владычество, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе бы ни были недостатки этого народа, нельзя ему отказать въ народности»[1]). Объякутившіеся русскіе всѣ говорятъ по якутски; а если иногда и употребляютъ русскій языкъ, то это какое-то совершенно особенное нарѣчіе: въ Россіи его не поняли бы; русскіе слова здѣсь получаютъ совершенно новое, мѣстное значеніе. Русскіе крестьяне, поселенные около Якутска, совсѣмъ разучились говорить по русски и ничѣмъ не отличаются отъ якутовъ. Простой народъ одѣвается совершенно по якутски, кушанья приготовляетъ по якутски и даже забылъ любимое національное питье—русскій квасъ. И не только образъ жизни, языкъ, обычаи и понятія, но и самыя физіономіи русскихъ въ якутскихъ краѣ, большею частью, усвоили всѣ признаки якутской народности. Дѣти якутскаго духовенства, учившіяся въ наше время въ иркутской семинаріи, всегда рѣзко отличались отъ красивыхъ, стройныхъ, рослыхъ, свѣтлорусыхъ енисейскихъ духовныхъ воспитанниковъ той же семинаріи—не только неправильнымъ, исковерканнымъ выговоромъ русскихъ словъ, странной вокализаціей говора и своими безпрестанными якутскими разговорами между собою, но и своими физіономіями, своимъ довольно широкимъ ртомъ и большими губами, нѣсколько отвислыми щеками, иногда почти совершенно круглыми глазами, а иногда крайне-узкими, съ нѣсколько срощенными вѣками, большими, круглыми головами, большею частью малорослою, коренастою, нѣсколько массивною корпораціею и проч.

Такимъ образомъ, европейско-сибирскій типъ русскаго народа, на протяженіи отъ Урала до Тихаго океана, многозначительно и характеристично оразнообразживается—въ западной Сибири угро-финскими и татаро-калмыцкими признаками, въ юго-восточной Сибири—монголо-бурятскими чертами, въ якутской области—главнымъ образомъ якутскими. Ерманъ замѣтилъ: «бѣлый цвѣтъ кожи въ восточной Сибири отмѣченъ особеннымъ, здѣсь впервые образовавшимся и еще необъясненнымъ словомъ: *маганый*». Дѣйствительно, рѣзкія физіономическія видоизмѣненія или различія до того составляютъ существенную, отличительную, типическую особенность историко-этнологическаго склада сибирскаго народонаселенія, что и самъ народъ невольно отмѣтилъ и охарактеризовалъ ихъ по своему. Употребляемыя въ Сибири слова: *маганъ* и *карымъ* характеристично выражаютъ смѣшеніе и даже борьбу типовъ въ сибирскомъ народонаселеніи. Карымъ означаетъ физіономію калмыцкую: у ка-

[1]) Гартвигъ, Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ, стр. 189—190.

рыма—лицо овальное, скуластое, плоское, смуглое, лобъ небольшой, глаза узкіе, чорные, носъ небольшой и плоскій, волосы жесткіе и чорные. Всѣ инородцы восточной Сибири—болѣе или менѣе карымы. Карымъ господствуетъ между монголами и якутами. *Карымоватый*—человѣкъ съ физіономіею полу-русскою, полу-монгольскою. *Карымская харя*—бранное слово, которымъ укоряютъ имѣющихъ монгольскую физіономію [1]). *Маганъ* или *маганый* значитъ бѣлорусый; *маганиха*—женщина или дѣвушка, происшедшая отъ бѣлорусыхъ родителей или выходящая замужъ за бѣлорусаго мужчину [2]). Вмѣстѣ взятыя слова *карымъ* и *маганъ* явно выражаютъ историко-этнографическое раздвоеніе или племенную двойственность типовъ смѣшаннаго сибирскаго народонаселенія и, такъ сказать, типическія цвѣта или отличія двухъ борющихся породъ—европейско-русской, бѣлой расы, и азіатско-монгольской, смуглой. Вѣроятно, еще въ пору первоначальной племенной борьбы и метисаціи въ Сибири, бѣлорусые поселенцы, русскіе, сохранявшіе еще во всей чистотѣ свои чисто-русскія физіономіи, понятія, нравы и обычаи, по чувству національнаго антагонизма и своей кровной народности, а также по сознанію превосходства бѣлой европейской расы, бранно или насмѣшливо называли всѣхъ сибирскихъ метисовъ—происхожденцевъ отъ калмычекъ, татарокъ, бурятокъ и проч.,—укорительными словами: карымъ, карымоватый, карымская харя. А эти послѣдніе, въ отвѣтъ, ихъ называли, съ своей племенной физіономической точки зрѣнія,—маганами, т. е. бѣлоголовыми, бѣлорусыми и т. п.; своихъ инородческихъ женщинъ или брацковатыхъ, калмыковатыхъ, смуглыхъ ясашныхъ дочерей, выходившихъ за бѣлорусыхъ русскихъ мужчинъ, называли маганихами [3]). Какъ бы то ни было, впрочемъ, но то безспорно, что скрещеніе европейско-русскаго племени съ сибирскими инородческими племенами произвело много значительныхъ типическихъ особенностей и отличій отъ чистаго великорусскаго или малорусскаго племени. Отличія эти были не только физіолого-этнографическія, но и лингвистическія, умственныя, нравственныя и бытовыя. Мы укажемъ на нихъ дальше, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о физіологическихъ законахъ потомственнаго видоизмѣненія смѣшанныхъ поколѣній при содѣйствіи скрещенія.

Законы, управляющіе разнообразными метаморфозами и результатами смѣшенія племенъ, безъ сомнѣнія, суть общіе физіологическіе законы наслѣдственности. Въ генеративно-физіологическомъ начертаніи образа потомства много значитъ наслѣдственная устойчивость породы или расы. Эту потомственно-возрастающую энергію племени или породы можно-назвать закономъ генеративно-прогрессивнаго перевѣса крови или закономъ наслѣдственнаго возрастанія и перевѣса ассимилирующей силы расы или племени. Если одна порода или раса, давно и прочно установившаяся въ своей организаціи и физіологической устойчивости, часто и всегда съ успѣхомъ или съ выгодой подвергается скрещеніямъ съ другими, отличающимися отъ нея породами или расами, и, при скрещеніяхъ этихъ, постоянно одерживаетъ надъ ними верхъ, т. е. никогда не уступаетъ ихъ физіологическому вліянію и

---

[1]) Географ. и этнограф. терминологіи восточ. Азіи. Н. Щукина. Вѣстн. географ. общ. 1856 г. ч. XVII, отд. II, стр. 279.

[2]) Степановъ, Енис. губерн. ч. II, стр. 100. Erman, Reise B. II, г. 74. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточн. Сибири слова маганъ и маганиха употребляютъ въ шутливомъ тонѣ о дѣтяхъ, происшедшихъ отъ бѣлорусыхъ родителей или имѣющихъ бѣлорусыя лица.

[3]) Въ Минусинскомъ краю русскіе и теперь еще въ насмѣшку называютъ инородцевъ *черногривыми* и *лопатками*. (Атеней. 1858 г., ч. II. Записки К—на, стр. 268).

а, напротивъ, постоянно передаетъ имъ свой типъ и характеръ,—и этотъ логическій перевѣсъ ея ассимилирующей силы не только продолжается ь цѣлый рядъ генерацій и вѣковъ или тысячелѣтій, но даже становится, съ емъ поколѣній, все сильнѣе и сильнѣе, все болѣе и болѣе возрастаетъ и вается,—то нѣтъ сомнѣнія, что такая порода или раса пріобрѣтаетъ осою физіологическую способность къ постоянному перевѣсу своей крови въ змѣненіи и ассимиляціи другихъ племенъ. Порода или раса, никогда, такъ гь, неупражнявшаяся, неизощрявшаяся въ ассимиляціи других породъ или нъ, по этому закону, естественно, всегда должна уступать физіологическому и вліянію той расы, которая, напротивъ того, постоянно и генеративно раза въ себѣ эту физіологическую силу. Во всемъ органическомъ мірѣ замѣ- этотъ законъ типическаго перевѣса породъ. Въ растительномъ мірѣ отноьно помѣсей принимаютъ существованіе такъ называемыхъ *типическихъ* въ, т. е. такихъ видовъ, которыхъ характеръ всегда преобладаетъ въ помѣ- независимо отъ того, взята-ли отъ другихъ видовъ пыль, или сами они отворены пылью другого растенія. Катрфажъ замѣчаетъ о помѣсяхъ или цкахъ въ царствахъ растительномъ и животномъ: «если скрещиваются двѣ ы, то, чтобы въ продуктѣ выразилась только одна изъ нихъ, нужно, чтобы я признаки безъ исключенія владѣли большей стойкостью въ сравненіи съ аками соперничествующей породы... Стойкость или нестойкость признаковъ или матери обнаруживается въ ихъ нисходящихъ потомкахъ» [1]). Вмѣстѣ съ тивно-возрастающей силой перевѣса крови, возрастаетъ, такъ сказать, и сила ачальнаго тяготѣнія или стремленіе возвратиться къ первопородному, родоьному типу и устоять въ немъ. По этому закону, однократное скрещеніе различныхъ породъ или племенъ— безсильно совершенно парализировать и ожить ассимилирующую силу, устойчивость и самовоспроизводительность преающей, типической породы по причинѣ двойственнаго, потомственно-возраго перевѣса ея: во-первыхъ, по причинѣ наслѣдственнаго возрастанія и ченія силы ассимиляціи или перевѣса породной крови, во-вторыхъ, вслѣдствіе дственнаго возрастанія и передачи силы атавизма—стремленія къ родонаому прототипу. «Въ расѣ,—говоритъ Дарвинъ,—скрещенной хоть разъ съ о, отличающеюся отъ нея расою, стремленіе къ возврату, зависящее отъ скрещенія, естественно, должно уменьшаться, потому что съ каждымъ покоіѣ утрачивается доля чужой крови; но когда не было скрещиванія съ чужою ою и въ обоихъ родителяхъ есть стремленіе возвращаться къ какому-нибудь аку, утратившемуся въ одномъ изъ предыдущихъ поколѣній, тогда это стрем- напротивъ того, можетъ, не ослабляясь, передаваться неограниченному ряду ѣній» [2]). По всѣмъ этимъ законамъ славяно-русская раса, при смѣшеніи скрещеніи, должна была большею частью совершенно преобладать надъ сибирскими племенами и, если не въ первыхъ, то въ слѣдующихъ поіяхъ, преимущественно и характеристично воспроизводить свой коренной, но-русскій типъ или развивать новыя областныя этнографическія разностн его; потому что славяно-русская національность, во-первыхъ, вслѣдствіе ой, тысячелѣтней метисаціи съ финскими и другими племенами, вслѣдствіе

[1]) Естеств. истор. челов., вып. II, стр. 120, 222.
[2]) Darvin, über die Entstch. Arten., s. 36.

постояннаго физіологическаго преимущества и перевѣса въ этомъ смѣшеніи, та сказать, путемъ естественнаго, народообразовательнаго подбора, постепенно ув слѣдовала, развила, изощрила въ себѣ физіологическую силу потомственнаго п ревѣса крови почти во всѣхъ случаяхъ смѣшенія съ другими племенами. Во-вт рыхъ, если славяно-русская раса, посредствомъ скрещенія съ инородческими пл менами, и пріобрѣтала ихъ физіологическіе признаки, то признаки эти больш частью или скоро сглаживались, смывались, съ умноженіемъ поколѣній, или, нарушая существенности ея природы, придавали только разнообразіе ея собств ному физіологическому типу, образуя его областныя индивидуальности или разно потому что стремленіе къ природному, національному типу славяно-русской ра какъ давно наслѣдованное, неослабно передавалось въ ней неограниченному р поколѣній и вслѣдствіе того, постоянно поддерживалось и увеличивалось, а пот одерживало перевѣсъ надъ стремленіемъ къ типу инородческому; а это, напроти какъ недавно и одновременно унаслѣдованное, съ каждымъ поколѣніемъ долж было уменьшаться, потому что съ каждымъ поколѣніемъ утрачивалась доля чуж крови. Скрещеніе русскихъ людей съ инородческими женщинами большею час бываетъ однократное: дѣти и внуки, происходящіе отъ этого скрещенія, больш частью теряются уже въ многочисленности русскаго народа, поглощаются русск обществомъ и вступаютъ въ браки съ русскими. Слѣдовательно, не только од кратно унаслѣдованныя инородческія черты или признаки могутъ легко сгла: ваться, стираться или видоизмѣняться, но и самое стремленіе къ прадѣдовск инородческому типу, какъ недавно-наслѣдственное и генеративно-неукрѣпивше мало-по-малу можетъ совсѣмъ угаснуть, по крайней мѣрѣ, въ поколѣніяхъ 12—: По всѣмъ этимъ причинамъ, русская раса или нація, при всѣхъ скрещеніяхъ инородческими племенами, почти всегда, въ результатѣ, одерживала физіологи скій перевѣсъ, хотя отъ этихъ скрещеній и происходило разнообразно видоиз ненное потомство, получавшее мѣстные этнографическіе оттѣнки. Въ сущности, скрещенія и смѣшенія съ инородческими племенами не возникали и не ра вивались какія-нибудь новыя инородческія племена, а нарождался, нароста и развѣтвлялся одинъ русскій народъ, изъ одного корня, пуская только нов областныя этнографическія отрасли съ особенными оттѣнками, новыя области разновидности своего типа и характера. Поэтому, хотя большею частью и же щина, обладающая болѣе слабою организаціею, чѣмъ мужчина, являлась, стороны русскаго племени, родоначальницею новаго поколѣнія, въ смѣшені например, съ бурятомъ или другимъ какимъ-либо инородцемъ,—все-таки дос точно было и ея небольшой доли крови, ея воспроизводительной силы, чтобы з ронить и возжечь въ новорожденномъ смѣшанномъ потомствѣ неугасающую иск новой этнологической жизни; достаточно было и ея крови, ея полового воздѣйст чтобы возбудить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ непрерывный, послѣдователь метаморфозъ видоизмѣненія и претворенія инородческой породы въ русскую на нальность.

Въ первыхъ поколѣніяхъ, измѣнчивость дѣтей, происходящихъ отъ смѣше инородцевъ съ русскими женщинами, и обратно, русскихъ мужчинъ съ инород скими женщинами, бываетъ обыкновенно очень слабая и колеблется между пр знаками отца и матери. Изъ физіологической ботаники извѣстно, что помѣсь дв видовъ есть форма средняя между обоими, но болѣе приближающаяся, смотря

породамъ, то къ растенію, отъ котораго взята пыль, то къ растенію, плодникъ котораго былъ оплодотворенъ. Точно также въ царствѣ животномъ, по выводу Проспера Люка, «всякое скрещиваніе должно давать продуктъ смѣшанный» [1]). «Мы знаемъ,—говоритъ Катрфажъ,—что оба пола стремятся воспроизвесть себя въ своемъ потомкѣ, каждый со всѣми своими признаками. Свойства же эти могутъ быть болѣе или менѣе сходны, и тогда сынъ вполнѣ воспроизведетъ, даже, можетъ быть, усилитъ ихъ. Они могутъ быть болѣе или менѣе противоположны, тогда между двумя противодѣйствующими вліяніями произойдетъ борьба, которая можетъ повести или ко взаимному уничтоженію (neutralisation), или къ среднему, т. е. смѣшанному результату, или же къ болѣе или менѣе значительному преобладанію одного изъ двухъ свойствъ, стремящихся воспроизвести себя. Наконецъ, свойства родителей, не исключая себя взаимно, могутъ быть различны. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, соотвѣтственно имъ, и свойства у сына будутъ представлять собою то же, что равнодѣйствующая составная сила въ механикѣ, т. е. въ дѣйствительности сынъ будетъ имѣть новый характеръ, какого не было ни у отца его, ни у матери, точно такъ же, какъ зеленый цвѣтъ, происшедшій отъ смѣси желтаго и синяго, есть цвѣтъ различный, происшедшій однакожъ отъ того и другого... Сходство сына съ отцомъ и матерью различныхъ породъ, или видовъ можетъ зависѣть отъ двухъ весьма различныхъ причинъ. Признаки, свойственные въ отдѣльности каждому изъ родителей, могутъ или *совмѣститься* безъ всякаго значительнаго измѣненія, или же они могутъ, такъ сказать, взаимно проникнуться, *слиться* одни съ другими до такой степени, что сообщатъ продукту признаки средніе» [2]). Эти же результаты мы видимъ и въ помѣсяхъ русскаго племени съ сибирскими инородческими племенами. Обыкновенно продукты первыхъ скрещеній бываютъ смѣшанные, въ которыхъ свойства разноплеменныхъ родителей совмѣщаются безъ всякаго значительнаго измѣненія или сливаются одни съ другими въ новую, среднюю форму. Между дѣтьми природныхъ бурятъ и природныхъ русскихъ женщинъ чаще всего замѣчаемъ продукты средніе, смѣшанные, особенно, если родители равносильны между собою по физической крѣпости, по типичности племенныхъ признаковъ, и если физіологическое строеніе ихъ наиболѣе сходно въ общемъ планѣ конфигураціи. Въ случаѣ преимущественной типичности, характерности и выразительности своепородныхъ признаковъ иноплеменнаго индивидуума—отца, признаки эти замѣтнѣе отливаются въ смѣшанной или средней формѣ продукта, чѣмъ признаки матери. Если, напримѣръ, физіологическій складъ бурята, по особенно-характерному и типическому сочетанію признаковъ монгольскаго типа, по здоровью, крѣпости и породности, преобладаетъ надъ структурой и крѣпостью организаціи русской женщины, то въ дѣтяхъ, особенно въ первыхъ, замѣтно преобладающее вліяніе родителя, и наиболѣе отпечатлѣвается бурятскій типъ. Такая, впрочемъ, однократная или временная физіологическая неустойчивость и уступка со стороны русской женщины воспроизводительному вліянію бурятъ чаще бываетъ въ средѣ, гдѣ преобладаетъ бурятскій элементъ, напримѣръ, въ ясашныхъ или осѣдло-инородческихъ поселеніяхъ, среди бурятскихъ улусовъ. Она, по всей вѣроятности, происходитъ тутъ уже вслѣдствіе пораженія женской воспроизводительной системы, подъ вліяніемъ измѣненія внѣшнихъ жизненныхъ условій, по причинѣ чрезвы-

---

[1]) Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle.
[2]) Естеств. истор. человѣка, вып. II, стр. 159, 219 и 222.

чайной чувствительности этой половой системы къ внѣшнимъ условіямъ [1]). Этимъ же закономъ можно объяснять и обратное явленіе, когда буряты попадаютъ въ новую жизненную среду и женятся на русскихъ женщинахъ: тутъ они, въ воспроизводительности своего природнаго типа въ дѣтяхъ, скорѣе уступаютъ видоизмѣняющему вліянію русской женщины, хотя все-таки не съ перваго же разу и не всецѣло. Иногда воспроизводительныя племенныя силы отца, матери и дѣдовъ какъ бы борются между собою въ физіологическомъ характеризованіи дѣтей, такъ что въ однихъ дѣтяхъ преобладаютъ признаки инородческаго отца и дѣда, въ другихъ—свойства русской матери и бабки. Это особенно выражается въ цвѣтности дѣтскихъ физіономій и подтверждается аналогическими фактами метисаціи негровъ съ европейцами, или бѣлыхъ съ чорными. Лауренцъ (Lawrence), Уайтъ (White), Парсонъ (Parsons), Пришаръ и Просперъ Люка—въ своихъ сочиненіяхъ представляютъ множество примѣровъ смѣшанныхъ браковъ, отъ которыхъ произошли дѣти частью свѣтлаго, частью темнаго цвѣта, вполнѣ и во всемъ сходныя съ настоящими бѣлыми или съ настоящими неграми. Иногда изъ двухъ близнецовъ, безспорно происходящихъ отъ одного и того же отца, одинъ имѣетъ цвѣтъ и волосы негра, другой же отличается и цвѣтомъ, и волосами бѣлаго. Въ одномъ случаѣ, отецъ былъ негръ, а мать—бѣлая; въ другомъ случаѣ—отецъ принадлежитъ къ бѣлому племени, а мать, выдававшая себя за мулатку, имѣла всѣ признаки чистокровной негритянки. Въ обоихъ семействахъ было по трое дѣтей; въ томъ и въ другомъ семействѣ сначала, т. е. въ первыхъ дѣтяхъ, весьма рѣзко преобладала чорная кровь, потомъ она потеряла отчасти свое вліяніе и, наконецъ, въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ, повидимому, вліяніе ея совершенно изгладилось, почти исчезло: первыя дѣти были чорныя, послѣднія—бѣлыя или свѣтлорусыя [2]). Это же самое замѣчаемъ мы въ фактахъ смѣшенія русскаго племени съ бурятами. Такъ, напримѣръ, въ Ользеновскомъ селеніи осѣдлыхъ инородцевъ—обрусѣлыхъ бурятъ (въ иркутскомъ уѣздѣ, верхоленскомъ вѣдомствѣ), дѣти осѣдлыхъ инородцевъ—братьевъ Серебрянниковыхъ и женъ ихъ—русскихъ крестьянскихъ и ясащныхъ дочерей,—составляющіе уже второе поколѣніе,—лицомъ частью смуглые, брацковатые, широкоскулые, узлоглазые, черноволосые, частью русые, почти совсѣмъ обрусѣлые [3]). Наконецъ, нѣкоторыя дѣти, происходящія отъ скрещенія разноплеменныхъ половъ, получаютъ совершенно новый типъ, несвойственный прямо ни племени отца—инородца, ни племени матери—русской. Такъ, изъ числа 4-хъ ользеновскихъ братьевъ Серебрянниковыхъ, одинъ представляетъ какой-то новый типъ, новое очертаніе лица, прямо непринадлежащее ни бурятамъ, ни русскимъ. Это довольно красивый брюнетъ, съ смугловатымъ, но почти совершенно правильнымъ лицомъ, не евригнатъ вполнѣ, какъ чистый бурятъ или монголъ, но ортогнатъ, какъ русскій, только съ едва-замѣтною

---

1) Darwin, s. 158.

2) Катрфажъ, стр. 249—250.

3) Представляемые здѣсь и далѣе факты о русско-бурятскихъ генераціяхъ собраны нами во время проѣзда нынѣшнимъ лѣтомъ черезъ осѣдло-инородческія селенія—Устворынское, Ольденовское и Баендаевское. Писарь ользеновской станціи—происхожденецъ изъ тутошнихъ бурятъ, во второмъ поколѣніи,—сообщилъ намъ краткую роспись ользеновскихъ бурятско-русскихъ поколѣній и обѣщался еще сообщить. Къ сожалѣнію, роспись эта далеко не полна. Мы надѣемся сдѣлать болѣе точныя наблюденія и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ сибирскихъ метисахъ или, какъ сами они говорятъ, *выродкахъ*—объ осѣдло-инородческихъ, бурятско-русскихъ поколѣніяхъ.

выпуклостью среднихъ лицевыхъ или скуловыхъ костей, съ большими чорными глазами, съ правильнымъ строеніемъ лба, стройной, довольно высокой структуры,— и, въ то же время, совершенно отличный отъ русскаго, славянскаго типа.

О ходѣ измѣнчивости въ послѣдующихъ поколѣніяхъ можно сказать то же самое, что извѣстно въ этомъ отношеніи изъ естественной исторіи о помѣсяхъ и ублюдкахъ. По изслѣдованіямъ Гертнера и Дарвина, извѣстно, что измѣнчивость эта представляетъ постепенности. Иногда уже въ первомъ поколѣніи помѣси породъ или разновидностей обнаруживаютъ измѣненія, и очень значительныя, особенно, если эти породы или разновидности долго подвергались культурѣ; но очень часто бываетъ также, что они долго сохраняютъ свои первоначальные признаки. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ измѣнчивость сильнѣе, и особенно въ помѣсяхъ. «Въ этой большей измѣнчивости помѣсей, замѣчаетъ Дарвинъ, ничего нѣтъ страннаго, ибо родичи помѣсей суть разновидности, и разновидности домашнія (надъ естественными разновидностями произведено лишь очень мало опытовъ); изъ этого слѣдуетъ, что въ большей части случаевъ они недавно подвергались уклоненіямъ, а потому и надобно было ожидать, что ихъ уклончивость будетъ унаслѣдована и усилитъ ту, которая вытекаетъ изъ самаго акта скрещенія... Обыкновенная измѣнчивость зависитъ отъ чрезвычайной чувствительности половой системы къ внѣшнимъ условіямъ жизни, часто поражающимъ ее безсиліемъ или неспособностью совершать свое нормальное отправленіе—произведеніе потомства, подобнаго своимъ родичамъ» [1]). Изъ фактовъ русской инородческой метисаціи, мы знаемъ, что измѣнчивость послѣдующихъ поколѣній нѣсколько ослабляется и замедляется въ такомъ только случаѣ, если метисація происходитъ въ очень ограниченныхъ и замкнутыхъ, объединенныхъ этнографическихъ предѣлахъ, въ сферѣ немногихъ смѣшанныхъ семействъ, и если кругомъ преобладаетъ среда инородческая. Такъ, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ селеніи Ользеновскомъ многіе осѣдло-инородческіе крестьяне, происшедшіе отъ туземныхъ бурятъ, большею частью еще типично сохраняютъ бурятскій характеръ, бурятское обличье не только во второмъ, но и въ третьемъ поколѣніи, потому что не только дѣти, но и внуки тутошнихъ осѣдлыхъ инородческихъ крестьянъ бурятскаго происхожденія большею частью вступаютъ въ браки съ тутошними же ясашными лицами, тоже происшедшими отъ бурятскаго рода большею частью въ первомъ, во второмъ и много—въ третьемъ поколѣніи, и потому еще, что не только въ самомъ селеніи Ользеновскомъ господствуетъ полу-бурятскій или брацковатый типъ и даже бурятскій языкъ, но и въ окрестностяхъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ ихъ чисто-бурятскіе улусы. Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ дѣти, внуки или правнуки, происшедшіе изъ бурятскаго племени въ первомъ, второмъ и третьемъ поколѣніи, женятся на ясашныхъ дочеряхъ, т. е. тоже происшедшихъ отъ бурятъ въ первомъ поколѣніи.—бурятскій типъ наиболѣе сохраняется до третьяго и даже до четвертаго поколѣнія. Такъ, изъ 9 семействъ Ользеновскаго селенія, въ тѣхъ 6 семействахъ, гдѣ отцы, составляющіе иногда первое, но большею частью второе уже поколѣніе, женятся на ясашныхъ дочеряхъ, представляющихъ большею частью первое поколѣніе.—въ этихъ 6 семействахъ всѣ дѣти, считающіяся уже большею частью въ третьемъ поколѣніи, еще очень походятъ на бурятъ—всѣ смуглые, брацковатые, тогда какъ въ остальныхъ 3 семействахъ,

[1]) Darwin, s. 302–303.

гдѣ жены большею частью—крестьянскія дочери, дѣти большею частью русыя. Весьма вѣроятно также, что рѣзкое измѣненіе образа жизни или состоянія инородца, внезапная перемѣна половыхъ отношеній, напримѣръ, переходъ отъ нѣсколькихъ инородческихъ женъ къ одной русской, оказывая нѣкоторое вліяніе на чрезвычайно-чувствительную ко всѣмъ такимъ перемѣнамъ половую систему, также въ нѣкоторой долѣ, обусловливаютъ наибольшую измѣнчивость поколѣній. Такъ, одинъ ользоновскій бурятъ, воспріемникъ иркутскаго архіепископа Михаила, испыталъ значительныя перемѣны въ образѣ жизни и въ нравственномъ состояніи, и послѣ 2-хъ бурятскихъ женъ, женился на третьей—на русской крестьянской дочери,—и дѣти у него вышли, подъ преобладающимъ вліяніемъ русской матери, съ обличьемъ болѣе русскимъ, лицомъ бѣлые. Иногда воздѣйствіе крови русской женщины и врожденный или данный ею уже разъ толчокъ къ измѣнчивости нисходящихъ потомковъ бываютъ такъ сильны, что уже въ первомъ и особенно во второмъ поколѣніи дѣти, особенно по цвѣту лица, бываютъ почти совершенно русскіе—бѣлые, какъ замѣчаемъ это въ 3-хъ или 4-хъ семействахъ Ользеновскаго селенія. Стремленіе къ измѣнчивости, начавшееся уже вслѣдствіе самаго перваго скрещенія, иногда прогрессивно возрастаетъ уже въ концѣ нарожденія перваго поколѣнія, — особенно проявляется на дѣтяхъ послѣдне-рожденныхъ. Просперъ Люка сообщаетъ такой фактъ о двухъ семействахъ: въ обоихъ семействахъ, имѣвшихъ по трое дѣтей, въ первыхъ дѣтяхъ весьма рѣзко преобладала кровь чернаго родителя негрской породы; во-вторыхъ дѣтяхъ вліяніе этой крови было уже слабѣе, и, наконецъ, въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ оно почти совершенно изгладилось и воспреобладала кровь бѣлыхъ родителей. Вотъ таблица этихъ поколѣній:

Отецъ черный, мать бѣлая.	Отецъ бѣлый, мать черная.
1) По цвѣту кожи чистокровной негритенокъ.	1) Мулатъ, похожій на негра.
2) Настоящій мулатъ.	2) Мулатъ, болѣе брюнетъ, чѣмъ черный.
3) Сынъ бѣлый съ пріятными чертами лица, съ свѣтлорусыми, весьма кудрявыми волосами.	3) Дочь бѣлая, пріятной наружности, съ замѣчательнымъ умомъ [1]).

Различіе людей по цвѣту,—замѣчаетъ Дитерици,—при смѣшеніи людей различныхъ цвѣтовъ, во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ мало-по-малу вовсе исчезаетъ [2]). Такъ это, большею частью, бываетъ и съ сибирскими инородцами. Мы часто видали дѣвушекъ бурятскаго происхожденія отъ русскихъ браковъ, которыя уже во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ были удивительно бѣлолицыя, съ самой нѣжной кожей, и только сохраняли узкость глазъ и небольшую выпуклость среднихъ частей лица. Болѣе же полное, почти совершенное или приблизительно-окончательное физіологическое измѣненіе происходитъ, кажется, большею частью въ 5—6 поколѣніяхъ. Такъ, въ С. Америкѣ эта постепенная измѣнчивость поколѣній представляетъ такую градацію:

[1]) Катрфажъ, стр. 250.
[2]) О народонасел. земного шара. Журн. доктора А. Петермана—Mittheil. Вѣстн. геогр. общ. 1859 г., № 8, отд. III, стр. 65.

Дѣти европейца	и	негритянки	называются	мулатами.
»	»	» мулатки	»	терцеронами.
»	»	» терцеронки	»	квертеронами.
»	»	» квартеронки	»	квинтеронами.

Квинтероны, въ этой потомственной градаціи, становятся почти уже совершенно бѣлыми [1]). Большая часть сибирскихъ инородцевъ совершенно русѣютъ обыкновенно въ 5 и 6 поколѣніяхъ. Такъ, это мы знаемъ о бурятахъ. Въ 6, а иногда уже въ 5 поколѣніи, у нихъ уже и лицо, и все строеніе становится совершенно русскимъ, появляется даже большая русская борода.

Когда уже совсѣмъ совершится процессъ обрусѣнія инородческихъ семействъ, то, чрезъ нѣсколько поколѣній, обыкновенно бываетъ извѣстное возвращеніе къ прадѣдовскому типу. «Появленіе вновь признаковъ, говоритъ Дарвинъ, утраченныхъ въ продолженіи многихъ, быть можетъ, сотенъ поколѣній, безъ сомнѣнія, — фактъ очень удивительный. Но когда порода была смѣшана, хоть бы только разъ, съ другою породою, потомство ея подчасъ обнаруживаетъ склонность возвращаться къ признакамъ чуждой породы въ продолженіи многихъ поколѣній, — по мнѣнію иныхъ, въ продолженіи 12 или даже 20 поколѣній. Послѣ двѣнадцати поколѣній, доля крови каждаго отдѣльнаго предка составляетъ лишь $\frac{1}{2048}$, и однако же, какъ мы видимъ, эта малая доля чуждой крови считается достаточною, чтобы обусловливать возвращеніе. Въ породѣ, неподвергавшейся смѣшенію, но въ которой оба родителя утратили какой-либо признакъ, свойственный ихъ предкамъ, стремленіе возвращаться къ утраченнымъ признакамъ — будь оно сильно или слабо, — можетъ передаваться неопредѣленному числу поколѣній» [2]). Въ смѣшанномъ народонаселеніи Сибири мы постоянно видимъ эти явленія атавизма или возвращенія въ 7, 8, 9 и 10 поколѣніяхъ. Оттого это народонаселеніе въ городахъ и особенно въ селахъ представляетъ самые пестрые, разнообразные физіономіи и типы. Въ Иркутской, напримѣръ, губерніи нерѣдко попадаются чисто-бурятскія или брацковатыя физіономіи, рядомъ съ чисто-русскими, въ такихъ семействахъ, члены которыхъ уже не помнятъ своихъ бурятскихъ прадѣдовъ или прародичей. Обыкновенно возвращеніе къ прадѣдовскимъ, бурятскимъ и другимъ инородческимъ типамъ проявляется не во всѣхъ членахъ семействъ, а только въ нѣкоторыхъ, и преимущественно въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ. Возвращеніе это, въ случаѣ, напримѣръ, бурятскаго прототипа, обнаруживается особенно въ болѣе или менѣе срощенныхъ вѣкахъ, узкихъ глазахъ, широкихъ и нѣсколько выдающихся скулахъ, въ черныхъ волосахъ, въ смугломъ цвѣтѣ лица. Наконецъ, частое возвращеніе къ прадѣдовскимъ инородческимъ типамъ, въ связи съ неизгладившимися еще чертами инородческаго наслѣдія или происхожденія, въ связи съ проистекающими отсюда иногда новыми видоизмѣненіями или уклоненіями народнаго образа, — придаетъ смѣшанному сибирскому народонаселенію много своеобразной, своенародной, оригинальной типичности, и обусловливаетъ его характеристическое отличіе отъ малорусскаго, напримѣръ, племени. Все это вмѣстѣ придаетъ европейско-сибирскому населенію какое-то оригинальное и, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже красивое разнообразіе

---

[1]) Всеобщее землеописе. Спб. 1863 г., вып. XI, стр. 664.
[2]) Darwin, s. 187.

типа. Не даромъ Шапъ, Ганстенъ и другіе европейскіе путешественники указывали на красоту сибирскаго типа. И тутъ, кажется, оправдывается слѣдующая мысль Дарвина: «хотя изъ возвращенія къ нѣкоторымъ изъ признаковъ древняго родича и аналогическихъ уклоненій не могутъ возникнуть новыя и важныя видоизмѣненія, но эти видоизмѣненія будутъ содѣйствовать стройному и изящному разнообразію природы».

III.

Доселѣ мы говорили о смѣшеніи инородческихъ племенъ съ русскимъ народомъ посредствомъ скрещенія,—это непосредственный, прямой способъ физіологическаго сліянія племенъ. Кромѣ этого есть еще много второстепенныхъ, посредствующихъ способовъ, также многозначительно содѣйствовавшихъ метисаціи племенъ или подготовлявшихъ, обусловливавшихъ ее. Всѣ эти побочныя, второстепенныя, вспомогательныя условія сліянія племенъ заключаются, главнымъ образомъ, въ физико-этнографической средѣ.

Сюда относится, во-первыхъ, взаимное приселеніе, сосѣдство и сожительство племенъ. Часто одного вліянія среды и сосѣдства достаточно, чтобы началась измѣнчивость племени, подготовка его къ физіологическому сліянію и объединенію съ другимъ племенемъ. Фактовъ на это много. Ляйль послѣ многихъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ вмѣстѣ съ медиками, живущими въ невольническихъ штатахъ, согласно свидѣтельству всѣхъ, кто только обращалъ должное вниманіе на этотъ предметъ, нашелъ, что, при отсутствіи всякой смѣси породъ, у негровъ, находящихся въ близкомъ соприкосновеніи съ бѣлыми, черепъ и вообще тѣло съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе приближается къ европейскому типу по своему виду, по конфигураціи. Мало того, что въ этихъ странахъ измѣняются формы негра, но перемѣняется даже составъ его тѣла. Прунеръ-Бей, подтверждая наблюденіе, которое уже и прежде было извѣстно, но только подвергалось разнымъ возраженіямъ, говоритъ, что въ Африкѣ кровь негра и темнѣе, и гуще, чѣмъ кровь европейца; а докторъ Визинье (Visinier), въ теченіи многихъ лѣтъ занимавшійся медициною въ Луизіанѣ, удостовѣряетъ, что въ этой странѣ кровь негра, напротивъ, замѣтно жиже и блѣднѣе. Разумѣется, и умственная сторона не изъята отъ подобнаго видоизмѣненія. Г. Лисбоа прямо говоритъ, что въ Бразиліи, вопреки всѣмъ предосторожностямъ, направленнымъ къ тому, чтобы держать негровъ въ невѣжествѣ,—негръ-креолъ, уже съ первыхъ поколѣній, является по умственнымъ способностямъ выше, чѣмъ первоначальные его родичи. Наконецъ, уважаемый нашъ сотрудникъ Реклю (Reclus), собственными наблюденіями подтверждая все предыдущее, выражается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ, въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Revue des deux Mondes»: «даже въ физическомъ отношеніи негры постоянно стремятся приблизиться къ своимъ господамъ-владѣльцамъ. У негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ уже не тотъ типъ, какъ у негровъ въ Африкѣ. У нихъ рѣдко видишь кожу чернаго цвѣта, хотя почти всѣ ихъ предки были куплены на Гвинейскомъ берегу; у нихъ нѣтъ столь выдающихся скулъ, столь толстыхъ губъ, такого приплюснутаго носа, такихъ курчавыхъ, на подобіе шерсти, волосъ, такой скотской физіономіи, такого остраго

лицевого угла, какъ у ихъ собратій въ Старомъ Свѣтѣ. Въ теченіе полутораста лѣтъ они, въ отношеніи наружности, по крайней мѣрѣ, на четверть сократили разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ бѣлыхъ». Точно также, подъ вліяніемъ одной новой этнографической среды, подъ вліяніемъ вѣкового сосѣдства съ русскими, сибирскіе инородцы весьма замѣтно измѣняются и мало по малу приближаются къ обрусѣнію. Вслѣдствіе сосѣдства, всего удобнѣе и чаще должно было случаться самое скрещеніе между племенами и, такимъ образомъ, видоизмѣняющее дѣйствіе среды усиливалось черезъ это [1]). Общимъ результатомъ было то, что многія племена, одно за другимъ, довольно быстро русѣли и русѣютъ. Это замѣчали всѣ путешественники по Сибири, начиная отъ Гмелина, Палласа, Георги, Фалька и до Кастрена, Миддендорфа, Врангеля, Ермана и многихъ другихъ. Прежде всего русскіе въ Сибири поселились въ сосѣдствѣ съ угро-финскими племенами—вогуличами и остяками. И вотъ, эти племена отъ долговременнаго сосѣдства съ русскими мало по малу многое перенимали отъ нихъ, и отъ внѣшняго подражанія незамѣтно переходили къ внутреннему усвоенію многихъ привычекъ и признаковъ русской народности. «Сосѣдство и обращеніе съ русскими,—говоритъ Лепехинъ,—ввели у вогуличей, при бракахъ на русскихъ дѣвицахъ и измѣненіи ихъ вида,—и русскую одежду, и мужчины отъ одежды русскихъ крестьянъ никакой отмѣны не имѣютъ» [2]). Поэтому венгерскій путешественникъ Регули, какъ мы уже сказали, выключилъ большую часть ихъ изъ этнографической части своей карты, такъ какъ они уже совсѣмъ обрусѣли и многіе въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія совершенно слиты и сравнены съ русскими государственными крестьянами [3]). Объ остякахъ Кастренъ пишетъ: «окруженные русскими и татарами, они, начиная съ языка, утратили все собственное и національное. Татарское вліяніе относительно слабѣе и незначительнѣе; напротивъ, русское вліяніе оказалось въ религіи, въ нравахъ и обычаяхъ, во всемъ образѣ представленій и чувствованій народа. Все различіе состоитъ только въ различной степени культуры русской и остяцкой. Совершенно какъ русскіе, остяки строятъ свои юрты или чумы, только хуже. Болѣе южные остяки на Иртышѣ занимаются также земледѣліемъ» [4]). Въ жалкой деревушкѣ нижней Лумпокольской остяки живутъ вмѣстѣ съ русскими: юрты ихъ, построенныя по русскому образцу, стоятъ рядомъ съ русскими избами. Вслѣдствіе этого остяки, по выраженію Кастрена, руссицированы [5]). О вліяніи русскаго гос-

---

[1]) Вслѣдствіе русской колонизаціи, географическое сліяніе или сближеніе инородческихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ стало неизбѣжнымъ. Оно началось съ XVII вѣка. Дополн. къ акт. Истор. т. VII, № 23; русское торговое общеніе съ вогуличами въ Верхотур. уѣздѣ въ 1676—1682 г. Дополн. VII, № 74, стр. 345 (приселеніе бурятъ къ Тункинскому острогу въ 1676 г.). Дополн. VII, № 62: якуты съ русскими сближаются въ куплѣ и продажѣ. Дополн. IV, № 39; въ Тобольскѣ татарскія юрты. Дополн. IV, стр. 155; наказъ илимскому воеводѣ о наполненіи русскихъ городовъ и волостей инородческими юртами (тоже и другимъ сибирскимъ воеводамъ). Дополн. IV, № 84: о наборѣ татарскихъ и черемисскихъ семей въ китайскій острогъ въ Верхотур. уѣздѣ. Дополн. IV, № 95: татарскія юрты въ Тюмени и около. Дополн. IV, № 111, стр. 265. Дополн. IV, № 133, грам. 111 (1663 - 1664): о прикочевкѣ подъ Нерчинскъ ясачныхъ тунгусовъ. Дополн. VI, № 93, стр. 314 (выѣзжіе семейные калмыки въ русскихъ деревняхъ). Дополн. VI, стр. 318: выѣзжіе калмыки. Доп. VI, стр. 329; якуты въ русскомъ острогѣ. Дополн. VI, № 114: русскіе илимскіе поселенцы среди инородцевъ по верхоленской сторонѣ Ангары - 1674 г. Дополн. VI, стр. 118: приселеніе баунтовскихъ тунгусовъ къ острогу яровинскому, и проч.

[2]) Лепехина, Днevн. Записки, ч. III, стр. 18.

[3]) Записки геогр. общ. 1849 г., кн. III, стр. 159—165.

[4]) Kastren's, Reiseberichte und Briefe aus den jahr 1845—49 s. 50.

[5]) Ibid., 114.

подства на иртышскихъ остяковъ Кастренъ пишетъ: «такъ какъ русское господство впервые утвердилось на Иртышѣ и отсюда мало по малу распространилось на востокъ и западъ, то естественно, что иртышскіе остяки лучше могли усвоить плоды русскаго образованія, чѣмъ прочія родственныя имъ племена. Они уже давно крещены и очень усердно соблюдаютъ религіозные обряды греческой церкви. О христіанскомъ ученіи они не имѣютъ никакого яснаго понятія, но безусловно вѣруютъ въ его истинность и, большею частью, уже забыли свой религіозно-языческій культъ. Только, съ возрастаніемъ цивилизаціи, иртышскіе остяки начинаютъ оставлять свои природныя добродѣтели—справедливость и честность; и въ прочихъ областяхъ, около городовъ и большихъ деревень, —лжи, обмана и плутовства между остяками замѣчается уже болѣе, чѣмъ у колонистовъ. Пьянство есть общій порокъ у остяковъ, и лѣность составляетъ главное препятствіе ихъ благосостоянію. Если взглянуть на внѣшнюю цивилизацію, то иртышскіе остяки имѣютъ рѣшительное преимущество передъ прочими своими братьями. Они живутъ въ порядочныхъ, на русскій образецъ построенныхъ домахъ, занимаются скотоводствомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и земледѣліемъ, торговлею и другою промышленностью цивилизованной жизни. Охота считается уже только побочнымъ промысломъ, а рыболовствомъ занимаются лишь тогда, когда мало другихъ средствъ къ пропитанію. Что касается, наконецъ, до управленія, то иртышскіе остяки, съ уничтоженіемъ ихъ племеннаго дѣленія, забыли также свои старые статуты и судятся теперь уже по русскому судопроизводству» [1]).

Даже якуты, отличающіеся удивительною устойчивостью своей національности въ своемъ главномъ отечествѣ, въ Якутскомъ краю, —здѣсь, на берегахъ Енисея, въ Туруханскомъ краю, отъ сосѣдства съ русскими, сильно русѣютъ. Такъ, осѣлые якуты, живущіе въ деревнѣ Шорохиной, на правой сторонѣ Енисея, въ 30 верстахъ отъ Туруханска, вмѣстѣ съ русскими, утративъ совершенно не только свой народный языкъ и характеръ, но и самый наружный типъ и усвоивъ всѣ обычаи русскихъ, съ которыми почти вполнѣ слились, сами уже желаютъ уничтоженія у себя особаго инородческаго управленія и обращенія въ совершенныхъ русскихъ крестьянъ, какими они въ дѣйствительности уже и стали. На пути отъ Нарыма до Томска, Кастренъ встрѣчалъ обрусѣлыхъ татаръ: «большая часть сѣверныхъ татаръ, замѣчаетъ онъ, приняли христіанство, и уже ни по правамъ, ни по наружному виду не отличаются замѣтно отъ русскихъ».—«Они уже стали теперь образованными и живутъ, какъ мы», говорилъ Кастрену русскій кучеръ, похваляя татаръ. Точно также, и отъ устья Чулыма, и по Оби до Амборскихъ юртъ татары почти совершенно обрусѣли. «Природные жители мѣстности, говоритъ Кастренъ, состоятъ изъ татаръ, которые не только приняли христіанскую религію, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнили также и свой материнскій языкъ на русскій». Далѣе, и самоѣды отъ сосѣдства съ русскими тоже постепенно русѣютъ. «Обскіе самоѣды (томскіе, живущіе на самой Оби), пишетъ Кастренъ, уже всѣ приняли образъ жизни русскихъ крестьянъ и отличаются отъ нихъ только своими грубыми понятіями, своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, а также —лѣностью, безпечностью и совершеннымъ равнодушіемъ къ своему интеллектуальному и экономическому совершенствованію. Они живутъ въ домахъ, построенныхъ и располо-

---

[1]) Kastren's, Reiseberichte. s. 122—124.

ыхъ, какъ русскіе, только меньшихъ размѣровъ... Главный промыселъ у нихъ, и у туземныхъ русскихъ,—рыболовство. Какъ русскіе, занимаются они также водствомъ, изъ нужды поступаютъ въ услуженіе къ русскимъ крестьянамъ и ںмъ. Между ними есть искусные кузнецы, плотники, столяры и другіе ремнники. Вообще безспорно, что русская культура въ Томской губерніи пустила глубокіе корни между туземными природными племенами, чѣмъ въ сосѣдокругѣ Тобольскомъ. Вслѣдствіе ихъ преобладающей цивилизаціи, томскіе и, хотя и не всѣ, но начинаютъ уже строиться и жить такъ же, какъ и іе. Годъ отъ году возрастающее уменьшеніе дикихъ оленей и успѣхи цивиціи побуждаютъ, какъ остяковъ, такъ и самоѣдовъ, перемѣнять свои оленьи на русскую одежду. Русское вліяніе оказывается, какъ въ одеждѣ и жили, такъ и въ прочей экономіи лѣсныхъ самоѣдовъ. Особенно заслуживаетъ занія, что на рѣкахъ Кети, Паробели, Чоѣ и Чулымѣ жители начинаютъ уже ать лошадей,—а на Чулымѣ и коровъ. Употребленіе соли и хлѣба, которое, собеннымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, болѣе или менѣе всеобще у лѣс- самоѣдовъ, также должно приписать вліянію русской цивилизаціи» [1]). Въ ейской губерніи, отъ сосѣдства съ русскими, также мало-по-малу обрусѣли е качинскіе татары, койбалы, котты и проч. Городъ Красноярскъ имѣлъ іе даже на обрусѣніе татаръ —самаго неуступчиваго племени. «Около Красска, говоритъ Кастренъ, находится деревня ясачныхъ. Ясачные эти не знаютъ кого другого языка, кромѣ русскаго, но, тѣмъ не менѣе, выдаютъ себя за иковъ качинскихъ татаръ, которые, по словамъ одного старика, прежде жили транѣ Качи, но по приходѣ русскихъ откочевали въ ихъ теперешнія, далеко зе лежащія жилища. Этотъ же старикъ сказывалъ, что отецъ его былъ еще ощенным татариномъ. Число качинцевъ у Красноярска состоитъ только изъ м. д., которыя всѣ причислены къ качинской управѣ. Съ 1833 года, они ıтъ уже обыкновенныя крестьянскія государственныя подати. Въ образѣ жизни нисколько не разнятся отъ русскихъ крестьянъ; только физіономія ихъ еще няетъ татарскій отпечатокъ» [2]). Въ Иркутской губерніи буряты все больше льше подвергаются русскому вліянію. Свой кочевой, пастушескій образъ жизни перемѣняютъ на русскій осѣдло-земледѣльческій бытъ; свои юрты и свои коы —на русскіе дома и на русскую одежду, усвояютъ русскій языкъ, а около тска и вблизи большихъ русскихъ селъ утрачиваютъ даже рѣзкія черты или клости своего монголо-бурятскаго обличья. Подражаніе русскимъ нравамъ и аямъ—и въ томъ числѣ даже дурнымъ,—напримѣръ, картежничеству, у мнобурятъ доходитъ до страсти. Приверженность молодого бурятскаго поколѣнія усскимъ нравамъ и обычаямъ уже до того усиливается и распространяется, возбуждаетъ оппозицію и антагонизмъ со стороны шамановъ и стариковъ [3]).

[1]) Kastren's, s. 165.
[2]) Kastren's, s. 202 203.
[3]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Болдоновымъ, природнымъ бурятомъ, кончившимъ ь въ иркутской семинаріи, теперешнимъ бурятскимъ учителемъ при Балаганской ѣ, старики бурятскіе говорятъ въ укоръ молодому поколѣнію: „вы—молодые, у васъ ынѣ пошло по новому—русскому обычаю... Нынѣ вы все шляетесь по русскимъ горои деревнямъ и, нахватавшись тамъ всего русскаго, презираете все старое, бурятское, ъ стариковъ". Молодые, по словамъ Болдонова, отвѣчаютъ имъ: „старые бурятобычаи теперь негодны; да вы, старики, нигдѣ не бывали, ничего не видали и не е: вы уже, съ вашими старыми бурятскими обычаями, отжили свой вѣкъ" и проч. а эти намъ сообщены были по бурятски.

Далѣе, тунгусы по ленскому тракту, отъ сосѣдства съ русскими поселенцами, отъ близкаго знакомства съ русскими звѣропромышленниками, также иногда болѣе или менѣе русѣютъ. Въ ближайшихъ къ Орленгѣ деревняхъ, по ленской долинѣ, по словамъ Эрмана, знакомство русскихъ съ ихъ сосѣдями, тунгусами, стало уже очень интимнымъ [1]). Отъ обращенія съ русскими тунгусы значительно навострились и образовались, стали, какъ говорятъ тамошніе русскіе, «хитрые и образованные». На станціи Псковской Эрманъ нашелъ общество, смѣшанное изъ тунгусовъ и русскихъ. Нѣкоторые тунгусы довольно хорошо говорили по русски. Даже якуты, особенно неподатливые на совершенное обрусѣніе, отъ сосѣдства съ русскими, болѣе или менѣе русѣли цѣлыми семействами. Въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ самомъ городѣ Якутскѣ находилось много якутскихъ юртъ, среди русскихъ домовъ. Но въ послѣдніе 30 лѣтъ, замѣчаетъ Врангель, «уже исчезли всѣ якутскія юрты, видѣнныя въ городѣ еще въ 1793 г. капитаномъ Биллингсомъ между обывательскими домами». Въ Нохторскихъ юртахъ якутскіе мужчины, по словамъ Эрмана, бѣгло говорили по русски и даже гордились знаніемъ этого языка. Наконецъ, среди ледяныхъ тундръ сѣверо-восточной Сибири, на берегахъ Колымы и Ангоевъ, не осталось безслѣднымъ русское сосѣдство съ туземными племенами. «Отъ безпрерывныхъ сношеній съ русскими,—говоритъ Врангель, — покоренные народы переняли у нихъ образъ жизни, одежду, устройство хижинъ и, наконецъ, замѣнили оленей собаками. Языкъ побѣдителей также постепенно получалъ преимущество и дѣлался общимъ. По крайней мѣрѣ, почти всѣ туземцы понимаютъ теперь нашъ языкъ и говорятъ по русски».

Вліяніе физико-этнологической среды на результаты смѣшенія племенъ нѣсколько видоизмѣняется и разнообразится различными мѣстными условіями— географическими, этнографическими и статистическими. Во-первыхъ, наибольшая приспособленность племени къ мѣстнымъ условіямъ внѣшней природы и наибольшая его численность даютъ ему перевѣсъ въ средѣ или въ борьбѣ и мирномъ сожительствѣ съ другими племенами, наименѣе приспособленными къ физической средѣ и, сравнительно, слишкомъ малочисленными [2]) Русскіе колонисты Сибири вездѣ, гдѣ болѣе или менѣе легко приспособлялись къ внѣшнимъ жизненнымъ условіямъ и преобладали численностью,—легко пріобрѣтали національно-физіологическій перевѣсъ и господство надъ туземными племенами. Но гдѣ они водворялись самыми малолюдными поселеніями среди многочисленнѣйшаго племени, давно приспособившагося къ климату и всѣмъ физико-географическимъ условіямъ мѣстной природы, гдѣ они, по малочисленности своихъ промышленныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ, въ пріисканіи средствъ къ жизни и приспособленіи къ внѣшнимъ физическимъ условіямъ не могли соперничать съ туземнымъ племенемъ, давно научившимся или навыкшимъ пользоваться мѣстными естественными данными и жить сообразно съ ними,- тамъ русскіе колонисты невольно становились въ зависимость отъ туземнаго господствующаго племени, часто нуждаясь въ немъ, и, такимъ образомъ, неизбѣжно уступали его преобладающему вліянію. Такъ случилось, напримѣръ, въ Якутской области, въ Жиганскѣ, въ Обдорскѣ. Какъ только подъѣзжаетъ путешественникъ къ Якутску, такъ замѣчаетъ наибольшую приспособленность къ туземной физической средѣ наиболѣе многочисленнаго якут-

1) Erman, Reise B. II, s. 216.
2) Darwin

скаго племени, чѣмъ малочисленнаго русскаго населенія. «Чѣмъ далѣе на сѣверъ подавались мы,—пишетъ Врангель,—тѣмъ пустыннѣе во всякомъ отношеніи становились берега Лены; у Олекмы примѣтны еще послѣдніе слѣды садовничества и земледѣлія, но далѣе они исчезаютъ совершенно; жители достаютъ себѣ пропитаніе исключительно однимъ скотоводствомъ и рыбною ловлею. Кромѣ станковъ, весьма рѣдко гдѣ попадаются небольшія селенія, да и тѣ, съ ихъ обывателями, находятся въ бѣдственномъ состояніи. Пріѣзжавшіе къ намъ со станковъ гребцы были покрыты рубищами жалкаго вида, удручены недостаткомъ и нуждою, что замѣтно особенно на русскихъ крестьянахъ, которые встрѣчаются до станка Улаханы, находящагося верстахъ въ 50-ти отъ Якутска; оттуда далѣе на сѣверъ все народонаселеніе состоитъ изъ однихъ только якутовъ, которые, *какъ природные туземцы, свыклись съ суровымъ климатомъ, проистекающими отъ него недостатками и средствами пособить себѣ гораздо болѣе, нежели чужеземные переселенцы, а оттого и подвержены нуждѣ менѣе русскихъ*» [1]). Тоже замѣчаетъ Ерманъ [2]). Вслѣдствіе такой наибольшей и давней приспособленности къ мѣстной средѣ и по причинѣ преобладающей численности, якутское племя, естественно, и воспреобладало надъ русскимъ населеніемъ Якутскаго края. Начиная съ Кантинской станціи,—по словамъ Ермана,—русское населеніе вездѣ смѣшано съ якутами, и якутскій элементъ повсюду преобладаетъ, господствуетъ надъ русскимъ. По наибольшему практическому знакомству съ мѣстными источниками промышленности и благосостоянія, якуты лучше русскихъ занимаются рыболовствомъ, звѣроловствомъ, скотоводствомъ, большею частью богаче русскихъ. И вслѣдствіе этого, русскіе, особенно бѣдные, поневолѣ должны были раболѣпно относиться къ богатѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ якутамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ якутской національности. Не даромъ даже якутки съ нѣкоторою племенною гордостью говорятъ, что «теперь русскіе такъ же мыслятъ, какъ и они, и уже не гнушаются болѣе браковъ съ якутами».—«Дѣйствительно,—прибавляетъ по этому случаю Ерманъ,—зависть и ненависть завоевателей къ богатымъ азіятцамъ обратилась теперь въ уваженіе, въ почтеніе. Якуты теперь и умственно соперничаютъ съ русскими, часто перехитряютъ ихъ и возбуждаютъ въ русскихъ удивленіе своими умственными успѣхами. Якутъ споритъ съ русскимъ о преимуществѣ и древности своего города Якутска, гордится имъ. Онъ, съ чувствомъ достоинства своей націи, говоритъ даже передъ западнымъ путешественникомъ о «городѣ якутовъ», о цѣлости и устойчивости своего національнаго устройства и т. п. Послѣ всего этого, нѣтъ ничего неестественнаго, страннаго, что это, гордое своею народностью, племя одержало физіологическое преобладаніе надъ русскою національностью. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ взаимныхъ браковъ, русскіе приняли отъ якутовъ ихъ физіологическій типъ. Няньки якутскія, вскармливая своею грудью русскихъ дѣтей и отъ чрева матерей имѣя на нихъ полное вліяніе, вмѣстѣ съ молокомъ своимъ передавали имъ свои якутскія чувствованія, привычки, понятія, суевѣрія и свой якутскій языкъ. Поэтому русскіе всѣ говорятъ по-якутски, начиная отъ Олекмы и до Колымы [3]). Еще далеко не доѣзжая до самаго Якутска, путешественникъ повсюду въ русскихъ селахъ слышитъ большею частью только

[1]) Врангеля, Полярн. путеш. I, стр. 165.
[2]) Erman, Reise II, s. 227.
[3]) Врангель, I, стр. 170. Поѣздка въ Якутскъ Н. Щукина, стр. 135, 228—229.

якутскій языкъ, встрѣчаетъ физіономіи, уже немного отличающіяся отъ якутскихъ и значительно уклонившіяся отъ чисто-русскаго типа. Русскіе между якутами,— по свидѣтельству Ермана,—не только оставили свой русскій языкъ, но и всѣ русскіе христіанскіе нравы и обычаи. Напримѣръ, они, по якутски, весь великій постъ ѣдятъ скоромное. Женщины русскія, глядя на якутокъ, сдѣлались такими же страстными охотницами до табакокуренія, какъ и эти послѣднія [1]). Многое переняли русскіе отъ якутовъ въ. пищѣ, одеждѣ и жилищахъ [2]). Цѣлыя слободы русскихъ крестьянъ въ Якутскомъ краю объякутились. Въ 180 верстахъ отъ Якутска къ юго-востоку, на р. Амгѣ, лежитъ Амгинская слобода, въ которой поселены русскіе крестьяне; но крестьяне эти не умѣютъ говорить по-русски, всѣ говорятъ по-якутски и ничѣмъ не отличаются отъ якутовъ: они поженились на якуткахъ, объякутились сами и народили дѣтей якутовъ, привыкли, какъ настоящіе якуты, къ мясной и молочной пищѣ, по-якутски одѣваются и проч. [3]). Точно также русскіе, заброшенные движеніемъ русской колонизаціи въ Жиганскіе улусы, въ среду тунгусовъ и якутовъ, поневолѣ должны были тамъ объякутиться, потому что ихъ всего тамъ не больше 200 человѣкъ обоего пола, тогда какъ якутовъ — 2,184 д. Поэтому, — сообщаетъ протоіерей Хитровъ, — «по физіономіи, образу жизни, языку и нравамъ, здѣшнихъ русскихъ, такъ же какъ и тунгусовъ, которыхъ числомъ не болѣе 446 душъ, слѣдуетъ причислить къ якутамъ,—такъ во всемъ слились они съ этими послѣдними» [4]). Въ низовой части Колымы «русскіе,—по словамъ Врангеля,—чрезъ смѣшеніе съ юкагирами и янюйскими якутами, также заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, въ жилищахъ, въ образѣ жизни и даже въ чертахъ лица» [5]). Точно также въ Обдорскѣ, въ суровой полярной тундрѣ, типъ и бытъ самоѣдовъ и остяковъ, обусловленный самою полярною природою, вслѣдствіе неотразимаго вліянія физико-этнографической среды, совершенно воспреобладалъ надъ ничтожною горстью русскихъ поселенцевъ: они живутъ,— по словамъ Кастрена,—по остяцки и самоѣдски, à la samojède, такъ же стали ѣсть сырую рыбу, обзавелись оленями, заговорили языкомъ остяцкимъ или самоѣдскимъ [6]) и проч. Всѣ подобныя измѣненія русско-сибирской народности въ чуждой физико-этнографической средѣ происходятъ, въ сущности, въ силу того общаго естественнаго факта или закона, по которому «разновидности одного вида, когда онѣ распространяются въ область другихъ видовъ, въ нѣкоторой степени пріобрѣтаютъ признаки послѣднихъ» [7]).

«Когда двѣ или болѣе разновидностей, говоритъ Дарвинъ, возникали на разныхъ точкахъ вполнѣ сплошной области, среднія разновидности должны были, по всей вѣроятности, возникать въ промежуточныхъ полосахъ, но онѣ должны были, по большей части, прожить недолго, ибо эти среднія разновидности, по извѣстнымъ намъ законамъ распредѣленія замѣняющихъ другъ друга видовъ и рѣзкихъ разновидностей, существуютъ на промежуточныхъ полосахъ въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ формы, ими связуемыя. По одной этой причинѣ, среднія разно-

---

1) Ibid. s, 242.
2) Поѣздка въ Якутскъ — Н. Щукина, стр. 229, 242.
3) Reise, Erman. II, 233.
4) Записки Сибирск. отдѣл. географ. общ. 1856 г. кн. I, стр. 66.
5) Врангель, Полярн. путеш. I, стр. 237.
6) Kastren's, Reiseerinnerungen 1838—1844, s. 278—281.
7) Darwin, s. 159.

)сти должны быть подвержены опасности случайнаго истребленія; а во время ɔсса дальнѣйшаго видоизмѣненія, черезъ естественный подборъ, онѣ почти янно должны быть побѣждены и вытѣснены связующими ихъ формами; ибо формы, существуя въ большемъ количествѣ особей, будутъ въ цѣломъ предıять болѣе уклоненій, пріобрѣтать болѣе преимуществъ» [1]). Этотъ естественный ъ осуществился, какъ кажется, въ судьбѣ приалтайскихъ самоѣдскихъ пле—койбаловъ, бельтировъ, сагайцевъ, ассановъ, коттовъ, аринцевъ, моторовъ огихъ другихъ. Отставши отъ полярной вѣтви самоѣдскаго племени, во время ɔеленія или вытѣсненія его монгольскими и татарскими племенами съ юга ѣверъ—въ полярныя тундры, эти разрозненные остатки или члены самоѣдсемьи сосредоточились въ предгорьяхъ и степяхъ приалтайскихъ—въ степи ıльской, сагайской, бельтирской и проч. Тутъ они, стѣсненные, съ одной сто, татарами съ сѣверо-запада, съ другой — горными калмыками съ юга, гороны Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, естественно, очутились въ промежуой между ними полосѣ. Съ распространеніемъ русской колонизаціи, возникли ıія поселенія Томской и Енисейской губерніи и стѣснили ихъ еще болѣе со ь сторонъ. И вотъ они сначала подверглись вліянію татаръ и калмыковъ; цствіе этого, всѣ эти промежуточныя разновидности самоѣдскаго племени, по женію Кастрена, быстро и совершенно татаризировались. Съ другой стороны, ненные со всѣхъ сторонъ русскими, они подверглись также ихъ вліянію и) переняли русскаго. Такъ, койбалы, составлявшіе нѣкогда чистую разновид, или вѣтвь самоѣдскаго племени [2]), стѣснившись въ промежуточной полосѣ іеньшемъ количествѣ, между татарами и русскими, сначала подверглись татарг вліянію, потомъ—русскому и, такимъ образомъ, мало по малу поглотились вляющей силой этихъ двухъ народностей [3]). Телеуты или бѣлые калмыки, дясь между татаръ и русскихъ, по свидѣтельству Георги, частью отатаризились, частью усвоили русскіе нравы и обычаи [4]). Точно также моторы, асаны, цы и другія племена, находясь въ той же промежуточной полосѣ и въ меньчислѣ, частью подъ гнетомъ ихъ истребились и вымерли, частью поглощены окружающими и наиболѣе многочисленными народностями—татарскою, калıою и русскою. Котты, жившіе въ послѣднее время по р. Удѣ и Ангарѣ, въ ежуточной области между русскими и бурятами, частью обурятились, частью сѣли. Русскіе, какъ многочисленнѣйшее племя въ средѣ этихъ инородцевъ, по малу и тѣхъ, и другихъ подчиняютъ своему вліянію. Теперь, какъ котты, и буряты въ Нижнеудинскомъ округѣ—на половину русскіе, на половину олы. Обрусѣлые котты находятся въ деревняхъ по Ангарѣ, въ Барнаулѣ и іскѣ, около Канска [5]).

Физико-этнографическая среда смѣшенія племенъ, безспорно, имѣетъ вліяніе физіологическій и патологическій типъ смѣшаннаго народонаселенія. Вліяніе логическихъ развѣтвленій на различіе въ ростѣ ясно доказано фактами станки. Прекрасные труды Будена, помѣщенные въ его медицинской географіи

[1]) Darwin, über die Entstehung der Arten, s. 204.
[2]) Pallas, Reise III, s. 373. Fischer Sibir. Gesch. I, 139 и 170.
[3]) Kastren's, Reiseberichte und Briefe, s. 322—323. Геогр. опис. народ. Ч. III, стр. 13, акже о койбалахъ въ записк. сибир. отдѣл геогр. общ. 1863. кн. VI, стр. 109—117.
[4]) Георги, Опис. народ. ч. II, стр. 135—160.
[5]) Kastren's, Reiseberichte, s. 387.

(Géographie medicale), внесли въ этнографію этотъ совершенно новый элементъ антропологическихъ наблюденій, у насъ, къ сожалѣнію, еще не вызвавшій никакихъ изслѣдованій. Во Франціи живописныя карты, различнымъ образомъ оттѣненныя, изображающія распредѣленіе изъятій (изъ рекрутской повинности) по недостатку роста въ различныхъ департаментахъ, такъ сказать, наглядно представили Галлію временъ Цезаря. Систашъ (Sistach), занимаясь періодомъ болѣе новымъ, составилъ новую карту этнологическихъ различій роста во французскомъ народонаселеніи. У насъ, къ сожалѣнію, еще ничего подобнаго не сдѣлано. Между тѣмъ, мѣстныя статистическія излѣдованія роста русскаго народонаселенія много пролили бы свѣта на его этнологическій составъ, этнографическое распредѣленіе и физіологическій типъ. Не даромъ низшая рекрутская мѣра роста русскаго населенія Вологодской и отчасти Архангельской губерніи, происшедшаго большею частью изъ обрусѣлыхъ зырянъ и отчасти самоѣдовъ, составляетъ только 2 арш. $2^{1}/_{2}$ верш., тогда какъ у жителей другихъ губерній, гдѣ преобладаетъ наиболѣе чистый славяно-русскій элементъ,—2 арш. 3 и 4 верш. Не даромъ средній ростъ казанскаго народонаселенія, представляющаго большой процентъ смѣшенія съ чувашами и черемисами, не больше 2 арш. 3,74. верш.; а въ сибирскомъ народонаселеніи, гдѣ происходила наибольшая смѣсь русскаго населенія съ рослымъ племенемъ мордовскимъ, средній ростъ представляетъ 3 арш. 4,92 верш. Также точно и въ Сибири этнологическое вліяніе должно было отразиться на ростѣ смѣшаннаго народонаселенія. Напримѣръ, въ Обдорскомъ и Березовскомъ краю, гдѣ рослые русскіе люди смѣшивались съ малорослыми самоѣдами и остяками, самый высокій ростъ представляетъ только 5,6 фут. [1]). Словцовъ замѣчаетъ о сибирскомъ народонаселеніи: «прежніе путешественники, со включеніемъ аббата Шаппа, свидѣтельствовали о плотности, великорослости сибиряковъ, въ чемъ была увѣрена и гвардія императорская; нынѣ же этотъ мужественный размѣръ сталъ очень рѣдокъ въ Сибири, особенно въ классѣ простонародномъ. Какъ же должно быть изъясняемо такое измѣненіе жителя? вліяніемъ климата или перемѣною нравовъ? Если вліяніемъ климата, по подобію сосенъ и лиственицъ, то, при возможномъ улучшеніи его, надлежало бы организму сибиряка мужаться болѣе и болѣе, потому что укороченность человѣческаго размѣра и толстая пластика прилична только климату полярному. Стало быть, прежнее крупное высокое поколѣніе людей безпрекословно свидѣтельствовало о нравственной чистотѣ родителей и предковъ, какъ настоящее о происхожденіи отъ невоздержныхъ, болѣзненныхъ родителей, происшедшихъ отъ поселыциковъ или ихъ пріятелей. Добродушный сибирякъ иногда впадаетъ въ недостойную связь съ преступнымъ пришельцомъ» [2]). Мы думаемъ, что не одни эти причины, а вѣроятно и этнологическое вліяніе оказало тутъ свое дѣйствіе. Кромѣ суроваго климата [3]) и разстлѣнности или болѣзненности ссыльныхъ отцовъ,— и малорослость, слабость, вообще физическая недоразвитость сибирскихъ инородческихъ племенъ, наприм., самоѣдовъ, остяковъ и проч., при смѣшеніи съ русскимъ племенемъ, также оказали свою долю вліянія на физическое развитіе послѣдняго, тѣмъ болѣе, что многіе сибирскіе крестьяне, мѣщане и даже купцы

[1]) Erman, Reise B. 1, s. 696.
[2]) Словцова, Историч. обозр. Сибири, кн. II, стр. 3.
[3]) Климатъ, безспорно, имѣетъ вліяніе на ростъ; см. у Кетлѐ Sur l'homme, I. I. II. p. 23.

ничто иное, какъ обрусѣлые малорослые самоѣды, остяки, вогулы, калмыки . п. Что русская организація и структура протерпѣвала въ Сибири значиныя измѣненія, подъ вліяніемъ племенной метисаціи,—это, кажется, безспорно. римѣръ, по берегамъ рѣкъ большого и малаго Анюя живетъ уже почти соъ русское народонаселеніе, по образу быта, одежды, устройства, по языку и исповѣданію. Но все это народонаселеніе росту малаго, приземистаго и носитъ всѣ знаки полярно-народнаго типа. Причина этого этнологическаго явленія, очевидно, ючается въ томъ, что народонаселеніе обоихъ Анюевъ есть ничто иное, какъ сѣлыя или слившіяся съ русскими колонистами туземныя племена—чуванцы, ла и проч. Эти-то племена, по причинѣ мѣстнаго преобладанія своего типа и своей чиности, при сліяніи съ русскимъ населеніемъ, передали ему или на своихъ обрусѣь натурахъ сохранили свой первоначальный физіологическій типъ. Врангель такъ совываетъ этотъ типъ: «не смотря на сближеніе и почти совершенное сліяніе съ ими, туземцы сохранили, однакожъ, нѣчто отличительное въ образованіи лица, пнемъ видѣ, пріемахъ и вообще въ образѣ жизни. Подобно всѣмъ обитатеь полярныхъ сѣверныхъ странъ, они невысокаго роста, но широкоплечи и крѣптѣлосложенія. Голова ихъ, противъ туловища, слишкомъ велика; руки и ноги комъ коротки; лицо плоско и широко; большія щеки съуживаютъ ротъ и даютъ слишкомъ круглую форму. Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза ены огня и выраженія» [1]). На берегахъ малаго Анюя живетъ также нѣько семействъ, которыя имѣютъ всѣ признаки русской народности, русскихъ овъ и обычаевъ, говорятъ по русски и держатся русской вѣры. Они имѣютъ олговатое обличье, бѣлый цвѣтъ лица, почти черные глаза и волосы, росту няго;—какого же племени эти люди? Это—или обрусѣлые юкагиры, или руспосредствомъ браковъ и смѣшенія принявшіе черты юкагировъ. «Въ очеркѣ ,—говоритъ Врангель,—юкагиры почти совершенно сходны съ здѣшними руси, или здѣшніе русскіе, можетъ быть, похожи на юкагировъ. Темные, почти ые глаза и волосы, продолговатое, довольно правильное лицо и удивитель—особенно у женщинъ,—бѣлизна тѣла составляютъ отличительныя черты тѣхъ ругихъ. Вообще они стройны и средняго роста... Лишась своего единственнаго тства—домашнихъ оленей, немногіе мало-анюйскія семейства юкагировъ прицены были отказаться отъ кочевой жизни, поселились здѣсь, приняли хриіскую вѣру и постоянно утрачиваютъ свою народность, нравы и обычаи. Гоствующій языкъ у нихъ нынѣ—русскій [2]). Этнологическія вліянія проявляются е и на мѣстныхъ патологическихъ различіяхъ народонаселенія. Такъ, напр., олько наглядныхъ картъ, составленныхъ Буденомъ, показали намъ, что расдѣленіе грыжи, близорукости и испорченности зубовъ зависитъ, главнымъ обра, отъ племени (во Франціи). Во всѣхъ этихъ различныхъ отношеніяхъ, какъ ъ отношеніи роста, существуетъ самая поразительная противоположность, намѣръ, между населеніемъ Бретани и населеніемъ Нормандіи; и Бертильонъ долъ статистическими данными, что эти два населенія, столь противоположныя своему происхожденію, занимаютъ два крайнія положенія въ лѣстницѣ смерти во Франціи. «Такъ какъ у каждаго племени,—говоритъ Брока,—есть своя низація, свой физіологическій типъ, точно также есть у него и свой типъ па-

[1]) Врангель, Полярн. путеш. II, стр. 113—114.
[2]) Ibid. II, стр. 83—84.

тологическій, выражающійся въ его преобладающихъ болѣзняхъ, въ его сопротивленіи нѣкоторымъ болѣзненнымъ вліяніямъ, иногда даже въ исключительной способности подвергаться такимъ страданіямъ, которыя не имѣютъ никакой силы надъ другими расами. Такимъ образомъ, *тонга*, этотъ достойный любопытства нарывъ, который не щадитъ почти ни одного изъ туземцевъ новой Каледоніи, который, какъ у насъ оспа, почти никогда не бываетъ два раза у одного и того же человѣка,—не развивается у бѣлыхъ, живущихъ на этомъ островѣ. Негры, столь склонные къ чахоткѣ, даже въ ихъ собственной странѣ, гораздо менѣе бѣлыхъ подвергаются воспаленію печени, кровавому поносу и перемежающимся лихорадкамъ. Болѣзни сердца и артерій, столь общія между англичанами въ Англіи, чрезвычайно рѣдко встрѣчаются у индусовъ; а ракъ, который такъ свирѣпствуетъ у насъ, почти неизвѣстенъ въ новой Зеландіи, въ южной Африкѣ и у индѣйцевъ Канады», и проч. [1]). Если бы у насъ медики подобнымъ образомъ изслѣдывали болѣзни у разныхъ племенъ, въ разныхъ краяхъ Россіи, и собирали матеріалы для сравнительной этнологической патологіи, то, безъ сомнѣнія, оказались бы многія эндемическія и племенныя болѣзни и разныя энто-патологическія явленія, имѣющія, конечно, вліяніе и на результаты метисаціи племенъ. Такъ, напримѣръ, въ Нижнеколымскомъ округѣ господствуетъ нѣсколько болѣзней, которыя,—по словамъ доктора Кибера,—«имѣетъ здѣсь ходъ совсѣмъ отличный отъ замѣченнаго въ Европѣ и въ другихъ странахъ». Такова именно странная болѣзнь, называемая *мирякъ*, родъ сыпи и болячекъ на лицѣ, рукахъ и ногахъ, чаще всего случающаяся съ женщинами и сопровождающаяся обыкновенно сильнѣйшими истерическими припадками [2]). Другая ужасная болѣзнь, которую докторъ Киберъ назвалъ elephantiasis, представляющая, по его наблюденіямъ, родъ коросты или проказы арабской, отъ которой на больномъ кожа морщится, какъ на слонѣ (elephans), съ нѣкоторыми отмѣнами, зависящими,—по словамъ доктора Кибера,—отъ климата и свойства жителей,—тоже свирѣпствуетъ только между сѣверо-восточно-сибирскими полярными племенами [3]). Точно также,—по общему мнѣнію верхоянскихъ жителей,—свирѣпствующее у нихъ повѣтріе, обнаруживающееся сильнымъ стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стрѣляніемъ въ ушахъ, и обусловливаемое тамошними рѣзкими климатическими переходами отъ тумановъ къ морозамъ, господствуетъ только въ окрестностяхъ Верхоянска и гибельна только для коренныхъ, туземныхъ и постоянныхъ жителей верхоянскихъ, а не для пріѣзжихъ [4]). По свидѣтельству Ермана, въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи, между остяками, въ юртахъ кевашинскихъ, сосновскихъ, кондинскихъ и другихъ господствуетъ эндемическая болѣзнь—сильное гноетеченіе и воспаленіе глазъ, тогда какъ между русскими этой болѣзни не замѣчается, а если и бываетъ, то рѣдко [5]). Между бурятами, по особеннымъ условіямъ ихъ пищи (сырой говядины и т. п.) и скотоводства, несравненно чаще, чѣмъ между русскими, встрѣчаются страданія отъ внутреннихъ паразитовъ, особенно отъ ленточныхъ глистовъ, такъ какъ у бурятъ и домашній скотъ—лошади, собаки и особенно овцы, тоже страдаютъ ленточными глистами, гидатидами или серозными пузырями въ печени, большею частью весною.

[1]) Рѣчь Брока о соврем. движ. въ антропологіи. Загран. Вѣстн Т. I, 207.
[2]) Врангель, 1230.
[3]) Дневн. Записки доктора Кибера. „Сибир. Вѣстн.", 1824 г., ч. I. стр. 3—6
[4]) Врангель, Полярн. путеш. II, стр. 354.
[5]) Erman, Reise B. I. 566, 568, 573.

за недостаткомъ пищи, отъ червей cysticerci въ мозгу (по бурятки *хашаръ*), или паразита многоголовика cysticercus polycephalus и проч. [1]).—Укажемъ здѣсь еще на одно странное патологическое явленіе, свойственное тоже только нѣкоторымъ сѣверо-поморскимъ и сѣверо-восточнымъ племенамъ, и совершенно чуждое русскимъ, особенно въ средней и южной Россіи и Сибири. Георги пишетъ о самоѣдахъ: «многіе, особливо изъ женщинъ, чрезвычайно пугливы. Когда такіе люди испугаются или нечаянно увидятъ нѣчто странное и такъ далѣе, то бываютъ, такъ какъ и лопарскія женщины, внѣ себя и приходятъ паки въ чувство не скоро и при великой слабости. Иные не могутъ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму или стуку, и оттого становятся бѣшены. Сіе свойственно имъ обще съ остяками, тунгусами, якутами и всѣми, въ ближайшихъ къ сѣверу мѣстахъ живущими, народами; почему и надобно искать тому причины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ страшилищахъ, которыми пугаютъ ихъ съ самаго младенчества» [2]).

Всѣ подобныя эндемическія и племенныя болѣзни и страданія, кромѣ общаго патологическаго значенія, имѣютъ еще для насъ важность по отношенію къ метисаціи или смѣшенію сибирскихъ племенъ съ русскимъ народомъ. Онѣ нерѣдко обусловливаютъ особенный патологическій и вообще интеллектуально-физическій характеръ смѣшаннаго населенія. Такъ, напримѣръ, чѣмъ объяснить то странное явленіе русской народной жизни, что именно только въ сѣверныхъ областяхъ, въ странѣ лопарей, самоѣдовъ, зырянъ, остяковъ, якутовъ и проч., среди русскаго населенія изстари являлись особаго рода кликуши, имеряки, трясовицы, бѣсноватыя женщины и проч.,—люди, страдавшіе нервными и истерическими припадками? Мы думаемъ, что русскіе сѣверные поселенцы наслѣдовали это предрасположеніе къ нервно-истерическимъ припадкамъ отъ туземныхъ племенъ, черезъ смѣшеніе съ ними; или его сохранили и внесли въ русское населеніе обрусѣлые лопари, зыряне, самоѣды, остяки, якуты и другіе сѣверные инородцы, вошедшіе въ составъ тамошняго русскаго населенія. Или вотъ другой болѣе положительный фактъ. Неблагопріятная физико-этнографическая среда ленской долины, начиная отъ Петровской деревни, въ 86 верстахъ отъ Качуга, по всему Киренскому округу, вплоть до Витима, естественно, не могла обусловливать вполнѣ здоровое физіологическое развитіе туземнаго смѣшаннаго народонаселенія. Съ одной стороны, здѣсь физическая среда обусловливаетъ сильное развитіе и распространеніе зоба и кретинизма, съ другой—кругомъ живутъ тунгусы слабаго физическаго сложенія, составляющіе какъ бы исключеніе изъ общей массы здороваго и умнаго тунгузскаго племени. Ерманъ, путешествовавшій по ленской долинѣ въ 1829 г. и наблюдавшій тамъ въ русскихъ деревняхъ зобы и кретинизмъ, говоритъ: «зобъ и кретинизмъ обыкновенно развиваются въ плодоносныхъ равнинахъ и рѣчныхъ долинахъ, обильныхъ водами, но, въ то же время, съ одной или съ обѣихъ сторонъ

[1]) Доктора Кашина. О пищѣ и бытѣ бурятъ.

[2]) Георги, Опис. народ. Ч. III, стр. 5—6. Н Щукинъ пишетъ: „между жителями Якутской области есть такъ называемые имеряки. Мнѣ сказывали, что слово это происходить отъ якутскаго—имерехъ, что значитъ: вздрагивагь, бѣсноваться... Если подлѣ имеряка крикнуть, онъ начинаетъ драться, кидаться на всѣ стороны, иногда дѣлаетъ то, что передъ нимъ дѣлаютъ, кривляется, повторяетъ ваши слова и проч. Въ Колымѣ и Зашиверскѣ есть другой родъ бѣснующихся—это наши кликуши. Если одна изъ нихъ закричитъ, то и прочія тоже дѣлаютъ. Недугъ этотъ, если можно такъ назвать его, существуетъ между женщинами“. (Поѣздка въ Якутскъ, стр 236).

стѣсненныхъ скалистыми горами, лежащихъ, большею частью, не выше 3.000 ф. высоты. Въ такихъ междугорныхъ рѣчныхъ долинахъ несвободно циркулирующая атмосфера бываетъ обыкновенно аномально нагрѣта и необыкновенно влажна. Для растительности подобная атмосфера бываетъ весьма благопріятна, но неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ своихъ свойствъ она неизбѣжно производитъ кретинизмъ. Сначала дѣйствіе ея обнаруживается только продолжительнымъ зобомъ. Потомъ этотъ зобъ, усиливаясь и передаваясь отъ генераціи къ генераціи и достигая извѣстной величины и расширенія, является причиной или вѣрнымъ предвѣстникомъ полнаго кретенизма, уродующаго черепъ и сопровождающагося страданіями мозга и нервовъ. Ленская долина, отъ Петровской станціи до Дубровской, представляетъ именно всѣ подобныя благопріятныя физическія условія для развитія зоба и кретинизма. Застой и сгущеніе атмосфернаго воздуха, чрезвычайно сильное дѣйствіе солнца и большая влажность, производимая Леной и со всѣхъ сторонъ вливающимися въ нее притоками—явленія, о которыхъ здѣсь можно судить даже зимой по мѣстнымъ скопленіямъ облаковъ, сопровождающимся снѣжными сугробами въ отдѣльныхъ изгибахъ долины, а также анормальнымъ преломленіемъ свѣта,—всѣ эти причины въ жаркія лѣта ленской страны усиливаютъ развитіе мѣстной эндемической болѣзни. Какъ въ долинѣ Mauviènne Фодерè признаетъ роскошныя деревья спутниками кретинизма, такъ точно,—по словамъ Ермана,—между скалами ленской долины, отъ 55° до 57° с. ш., близко къ холоднѣйшему меридіану земли, являются характеристическими чертами прекрасные и разнообразные хвойные или красные лѣса, такъ же какъ при подошвѣ Mont Cenis—лавровыя и фисташковыя деревья (Pistacia). Особенно замѣтны и распространены зобы на Ленѣ между 1050 и 606 пар. фут. надъ моремъ, такъ же какъ въ Европѣ высота отъ 1000 пар. фут. надъ уровнемъ моря представляется самою благопріятною для кретинизма, а высота 750 пар. фут. является крайнею границею этого феномена. Также аналогичны факты, что въ ленской долинѣ деревни, какъ, напримѣръ, Туруцкая и Рижная, по причинѣ благопріятнаго положенія близъ нагрѣтыхъ скалъ и особеннаго обилія водъ, гораздо болѣе подвержены зобамъ, чѣмъ другія, близко къ нимъ лежащія деревни, и что женщины подвергаются этому эндемическому уродству легче, чѣмъ мужчины; но взрослые пришельцы—иностранцы никогда не страдаютъ имъ. «Достойно вниманія,—прибавляетъ Ерманъ,—что не нужно было и двухъ полныхъ столѣтій, чтобы совершенно здоровую русскую расу сдѣлать очень близкою къ кретинизму» [1]). При такой физико-эндемической средѣ, уродующей здоровое русское населеніе, не менѣе невыгодна была для здороваго физіологическаго сложенія и развитія народонаселенія и этнографическая среда ленской долины. По всей ленской долинѣ Киренскаго округа, гдѣ русское народонаселеніе уродовалъ зобъ и кретинизмъ, недоставало обновительнаго, оживительнаго племеннаго элемента для физическаго и умственнаго улучшенія туземнаго населенія. На долю слабаго, изуродованнаго русскаго народонаселенія Киренскаго округа выпалъ жребій смѣшиваться съ такимъ же слабымъ племенемъ туземныхъ тунгусовъ. Тунгусы Киренскаго округа несравненно слабѣе по тѣлосложенію, чѣмъ тунгусы, живущіе далѣе, начиная съ Витима. «Мы, — пишетъ Н. Щукинъ,— видѣли тунгусовъ въ Киренскомъ округѣ: тѣ были худы, тощи, слабы, а витим-

[1]) Erman, Reise B. II, c. 218–222.

скіе отличались большею рослостью, плотностью и мускулистыми членами» [1]. И вдобавокъ ко всѣмъ этимъ невыгодамъ физико-этнографической среды, все ленское, киренское русское населеніе, по крайней скудости средствъ къ жизни, много ослабляло свое физическое и умственное развитіе крайне дурнымъ содержаніемъ, худою, малопитательною пищею. «У здѣшняго крестьянина,—замѣчаетъ Щукинъ,—цѣлое лѣто постъ, говядина и дичь бываетъ только осенью и зимою. Обыкновенная пища—бурдукъ и овощи. Бурдукъ есть мука, разваренная въ кипяткѣ, родъ клейстера или свиного корма, а потому ленскихъ жителей называютъ бурдушниками [2]. И вотъ, при такихъ во всѣхъ отношеніяхъ невыгодныхъ условіяхъ племенной метисаціи, при этомъ двойственномъ и обоюдномъ несовершенствѣ племенныхъ контингентовъ смѣшенія,—удивительно ли, что все народонаселеніе ленской долины Киренскаго округа стоитъ на низшей степени физическаго и умственнаго развитія? Уродуемые кретинизмомъ, получающіе большой процентъ наростанія на счетъ туземныхъ слабыхъ, тощихъ осѣдлыхъ тунгусовъ, смѣшанные жители Киренскаго округа, естественно,—мелки, вялы и особенно глуповаты. Изъ этой смѣси произошло поколѣніе оригинальное и по наружному виду, и по внутреннимъ достоинствамъ. «Вообще,—замѣчаетъ далѣе Щукинъ,—о нравственности киренскихъ жителей можно отозваться съ похвалою, но о душевныхъ способностяхъ и наружномъ видѣ можно сказать развѣ то, что съ нѣкотораго только времени появились довольно статные молодые люди, а престрашные зобы остались только у стариковъ въ орленгской волости. Народъ мелкій, вялый, лѣнивый и безпечный. Въ отвѣтахъ всегда неопредѣленность. Напримѣръ, если спросишь у крестьянина: какъ тебя зовутъ? онъ не будетъ отвѣчать утвердительно, а сперва скажетъ: ась?—Какъ тебя зовутъ?—Кого?—Тебя.—Меня?—Да!—Меня зовутъ Иваномъ.—Это замѣчаніе относится только до волостей орленгской, макаровской и подкаменской. Въ витимской же волости, по Ангарѣ и Илиму, народъ бойкій и говоритъ языкомъ, отзывающимся Москвой. Начиная съ Витима, жители уже не тѣ, но бойки, расторопны и говорятъ нарѣчіемъ близкимъ къ московскому. Витимъ дѣлитъ жителей Лены на двѣ половины, по душевнымъ способностямъ. Вверху простота и вялость; внизу—хитрость и расторопность. Вѣроятно, это различіе заключается въ породѣ человѣка, особливо на однообразныхъ берегахъ Лены» [3]. Дѣйствительно, дальше, начиная съ Витима, русское племя смѣшивалось уже съ другимъ, здоровымъ, мощнымъ и устойчиво-крѣпкимъ племенемъ якутскимъ,—и вотъ населеніе вышло крѣпче и сильнѣе тѣлосложеніемъ, бойче, расторопнѣе и развитѣе умственно. Между станціями Жербою и Умаханомъ кончается Киренскій округъ кретинизма и слабыхъ русѣющихъ тунгусовъ, и начинается Якутская область.—Съ другой стороны, и сами русскіе, посредствомъ сближенія и смѣшенія съ разными сибирскими племенами, привили къ нимъ нѣкоторыя ужасныя прилипчивыя болѣзни, напримѣръ, оспу и особенно сифилисъ. Миллеръ, въ статьѣ «О воспѣ и прививаніи оной», помѣщенной въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», свидѣтельствуетъ: «ни одинъ изъ природныхъ въ Сибири народовъ не зналъ воспы, пока россіяне къ нимъ не внесли. Да и послѣ вступленія туда россіянъ прошло немалое время прежде, какъ она начала у тамошнихъ природныхъ народовъ оказываться. А

---

[1] Поѣздка въ Якутскъ, стр. 148.
[2] Ibid., стр. 111. См. также Erman, Reise B. II, s. 213.
[3] Поѣздка въ Якутскъ, стр. 33—45, 48—49, 51, 69—70, 101, 102.

когда сіе учинилось, тому можно указать время и годъ. Помалу она стала далѣе и далѣе распространяться, токмо весьма тихо; а до Камчатки она не дошла еще и понынѣ (по 1755 годъ)» [1]). Сифилисъ, вмѣстѣ съ русской колонизаціей и метисаціей, къ несчастью, проникъ болѣе или менѣе почти ко всѣмъ сибирскимъ инородцамъ—остякамъ, самоѣдамъ, приалтайскимъ племенамъ, бурятамъ, якутамъ и проч., и производитъ между ними страшныя опустошенія [2]). Не напрасно поэтому нѣкоторыя сибирскія племена всѣ болѣзни, появившіяся у нихъ съ приходомъ русскихъ, приписываютъ вліянію русскихъ. Такъ напримѣръ, туруханскіе инородцы, говоритъ г. Костровъ, убѣждены—и не безъ основанія,—что всѣ вообще болѣзни переходятъ къ нимъ отъ русскихъ, до появленія которыхъ они, по мѣстнымъ преданіямъ, не знали никакой прилипчивой болѣзни. А потому, во время какой-либо эпидеміи, они прекращаютъ всякія сношенія съ русскими, бѣгутъ въ самыя отдаленныя мѣста, и никакая мѣстная власть не имѣетъ на нихъ въ то время вліянія. Русскаго, командированнаго начальствомъ въ подобное время къ юртамъ ихъ, они останавливаютъ на ружейный выстрѣлъ, съ предвареніемъ, что дальнѣйшее приближеніе будетъ стоить ему жизни» [3]).

Таково было разнообразное вліяніе среды въ сферѣ сибирской метисаціи племенъ. Кромѣ сосѣдства или среды, также нѣсколько способствовало сближенію и сліянію инородческихъ племенъ съ русскими—принятіе ими русской вѣры и вступленіе въ русскую службу. Единство распространяемой повсюду господствующей вѣры и единство государственнаго устройства, такъ сказать, механически и невольно объединяютъ всѣ племена и народы въ одно цѣлое съ русскимъ народомъ. Издатель «Описанія народовъ»—сочиненія Георги, справедливо замѣчаетъ: «пріемлющіе христіанскую вѣру, пріемлютъ и главное россійское нарѣчіе, обряды жизни, одѣяніе и нравы, и хотя не вдругъ и не въ первомъ колѣнѣ учиняются и хорошими гражданами, но, конечно, перестаютъ быть тѣмъ, что были. Единообразность учрежденія государства весьма премудро допомогаетъ сему и исполинскими шагами приближаетъ грубыхъ народовъ къ единой метѣ всеобщаго просвѣщенія Россіи, соединенія чудеснаго во едино тѣло и во едину душу, и, такъ сказать, сплавленія во исполина, непоколебимаго сотнями вѣковъ» [4]). Посредствомъ крещенія, инородцы издавна стали сближаться и объединяться съ русскими [5]). Крещеніе давало инородцамъ право жениться на русскихъ женщинахъ и производить новое русское поколѣніе. Московское правительство въ XVII вѣкѣ, какъ мы видѣли, постоянно предписывало крестить сибирскихъ инородцевъ, и женщинъ ихъ выдавать замужъ за русскихъ. Лепехинъ говоритъ о вогуличахъ: «вогуличи съ 1722 года, въ которомъ они просвѣщены крещеніемъ, совсѣмъ стали отмѣнны, и право христіанства сдѣлало ихъ свободными—брать за себя русскихъ дѣвокъ, отчего рѣдкихъ, по крайней мѣрѣ, по рѣкѣ Тавдѣ, можно ви-

[1]) „Ежемѣсячныя сочиненія“, къ пользѣ и увеселенію служащія. Январь, 1755 г. стр. 38.

[2]) См. Опис. Народ. Георги, Путеш. Палласа. Также въ „Современникѣ“, за 1863 г. кн. 2: отъ Тобольска до Березова.

[3]) Зап. Сибир. отд. 1858 г., кн. IV, стр. 96.

[4]) Введен. къ Опис. Народ. Георги, стр. 8—9.

[5]) Наприм., изъ Калмыковъ алтайскихъ новокрещены въ XVII вѣкѣ.—Дополн. VII. № 72, Грам. III. Юкагиры-новокрещены и толмачи.—Доп IV. стр. 45. Братскіе въ XVII в. крестились въ селенгинскомъ, нерчинскомъ, баргузинскомъ, иркутскомъ и илимскомъ острогахъ.—Доп. VIII, стр. 312. 1861 г. Актъ о построеніи монастыря въ Селенгинскѣ для обращенія бурятъ. Доп. VIII, № 99 и проч.

дѣть, у которыхъ осталось «прежнее соотвѣтствующее ихъ природѣ тѣлосложеніе» [1]). Православіе до такой степени было враждебно каждой народности, до такой степени подрывало цѣлость, сохранность и самобытность ея и вело къ слiянію, къ объединенію съ русскою національностью, что, не безъ основанія, разныя племена долго и упорно противились пропагандѣ русской вѣры, боялись и боятся ея, какъ символа и средства уничтоженія своей народности. Смотря на свою природную вѣру, какъ на символъ и необходимое условіе не только своей народности, но и своего матеріальнаго быта и благосостоянія, они, естественно, въ русской вѣрѣ видѣли подрывъ ихъ благосостоянія, а съ нимъ—и народности.

«У самоѣдовъ, говоритъ Кастренъ, выраженія: «быть христіаниномъ» и «быть русскимъ»—равнозначительны. Остяки хотя большею частью уже крещены, но не хотятъ ничего больше знать о христіанствѣ, такъ какъ они, подобно самоѣдамъ, боятся того, что нельзя быть никому истиннымъ христіаниномъ, не сдѣлавшись въ то же время совершеннымъ русскимъ» [2]). Чукотскій шаманъ Тнѣпо, на проповѣдь миссіонера Аргентова, отвѣчалъ: «Вы—люди русскіе, Богъ далъ вамъ и вѣру русскую, и лошадей; потому у васъ и вѣра русская, и ѣздите вы на лошадяхъ, а самъ Богъ на небѣ. Мы люди чукчи, Богъ далъ намъ и вѣру чукотскую, и оленей; потому у насъ и вѣра чукотская, и ѣздимъ мы на оленяхъ, а самъ Богъ на небѣ. И такъ вы, русскіе, вѣруйте по русски и оставайтесь съ вашими лошадями; а мы, чукчи, будемъ вѣровать по чукотски и останемся съ нашими оленями. Богъ же, присматривающій за всѣми народами и за всѣми вѣрами, будетъ глядѣть съ неба и видѣть—по русски ли живутъ русскіе, по чукотски ли чукчи». Другой чукочь, Ульвѣкъ, отвѣчалъ миссіонеру: «Я молодъ былъ, русскіе предлагали мнѣ свое знакомство, ласкае дружбой; сопротивляться было нельзя, и я крестился. Теперь я гляжу на былое иными глазами, стариковскими. Что принесло намъ крещеніе? Испыталъ я на себѣ, видѣлъ и надъ другими, что, крестившись, люди бѣднѣютъ: стада у нихъ умаляются, олени пропадаютъ, переводятся, да и самые люди переводятся и пропадаютъ иногда неладно, съ тѣхъ поръ, какъ начали креститься. Стариковъ почти вовсе не стало. Многіе умерли не по людски. Въ старину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало, всѣ наши умирали по нашему. Нѣтъ, я не позволяю никому креститься, и самъ хочу умереть по человѣчески». Молодой человѣкъ, съ косою, съ чорными кудрями по плечамъ, съ правильными чертами лица и съ чорными, какъ смоль, глазами, задумчиво стоялъ, опершись о́ треногъ шатра, когда Ульвѣкъ говорилъ эти рѣчи. Это былъ шаманъ. Когда Ульвѣкъ кончилъ, онъ оборотясь къ своимъ, выразительно произнесъ: «не надобно!» а къ миссіонеру: «не хотимъ!» и вышелъ вонъ. Сынъ Ульвѣка, Танптанъ, говорилъ: «мы живы оленями, и безъ нихъ нельзя намъ быть живыми въ здѣшнемъ краѣ. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищетѣ не расположены и не хотимъ креститься» [3]). Но, съ другой стороны, нужда въ русскихъ людяхъ, не смотря на весь религіозно-племенный антагонизмъ, на все желаніе не креститься, побуждала и такихъ свободолюбивыхъ, гордыхъ своею народностью и непреклонныхъ инородцевъ, какъ чукчи,—объединяться съ русскими посредствомъ при-

[1]) Дневн. Зап. путеш. ч. III, стр. 28.
[2]) Kastren's, Reiseb. und Briefe Sibir. s. 81.
[3]) Зап. сибир. отд. 1858 г., кн. IV, стр. 46—49.

нятія ихъ вѣры. Тотъ же упорный Ульвѣкъ говорилъ: «мы любимъ независимость и волю, и просторный свой край. Холодъ, снѣга, и льды—наша стихія, и все наше намъ хорошо. Но какъ обойтиться безъ табаку и желѣза,—мы не умѣемъ, а то и другое къ намъ идетъ отъ русскихъ. Отъ русскихъ же иногда пользуемся мы и водочкой... Я часто твержу моимъ дѣтямъ: держитесь русскихъ поближе, безъ нихъ намъ не прожить» [1]). Такое чувство нужды въ русскихъ и матеріальной зависимости отъ нихъ, да часто недобросовѣстныя и принудительныя мѣры и дѣйствія миссіонеровъ побуждали и побуждаютъ многихъ инородцевъ, волей-неволей, хотя большею частью совершенно лицемѣрно и наружно, принимать русскую вѣру. Крещеные или такъ называемые ясачные инородцы, женясь на русскихъ, селились или въ русскихъ деревняхъ и городахъ, или особо, въ отдѣльныхъ деревняхъ, подъ названіемъ осѣдлыхъ инородцевъ. Такихъ деревень, гдѣ живутъ одни давно крещеные и новокрещеные осѣдлые инородцы, теперь въ Сибири уже много, и онѣ мало по-малу умножаются. Инородцы эти все болѣе и болѣе русѣютъ, а многіе уже совсѣмъ обрусѣли. Только наружное принятіе русской вѣры нисколько не приноситъ пользы ихъ уму, не просвѣщаетъ ихъ дѣйствительно, существенно. Для дѣйствительнаго предотвращенія инородцевъ отъ суевѣрія русскаго народа, необходимы миссіи учительскія, научно-просвѣтительныя и, главнымъ образомъ, миссіи естественно-образовательныя, такъ какъ все религіозное міросозерцаніе всѣхъ сибирскихъ племенъ и народовъ всецѣло обращено къ природѣ, основано на незнаніи, рабскомъ страхѣ и религіи природы. Служба также представляла инородцамъ возможность усвоять много русскаго. Уже въ XVII вѣкѣ много было въ Сибири служилыхъ инородцевъ. Московское правительство постоянно предписывало сибирскимъ воеводамъ: «а будетъ кто изъ ясачныхъ людей похочетъ креститься своею волею, и тѣхъ людей велѣть крестить, а крестя, мужескій полъ устроивать въ государеву службу и верстать ихъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью пригодится въ выбылыя служилыхъ русскихъ людей мѣста, и выдавать за нихъ замужъ инородческихъ же крещеныхъ женокъ и дѣвокъ» [2]). Какъ въ XVII вѣкѣ было много казаковъ изъ сибирскихъ инородцевъ, такъ и теперь они есть. Такъ, наприм., буряты забайкальскіе составляли въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія 4 казачьихъ полка или отряда, до 600 человѣкъ каждый, а тунгусы—5-й отрядъ въ 500 человѣкъ [3]). Въ Иркутскѣ постоянно встрѣчаются на улицахъ казаки-буряты. Такая служба инородцевъ въ городахъ, сожительство съ русскими казаками и солдатами, вообще постоянное обращеніе съ русскими не могутъ оставаться безъ всякаго вліянія на ихъ племенной характеръ. Они невольно болѣе или менѣе усвояютъ понятія, языкъ и даже отчасти наружный видъ русскихъ казаковъ и солдатъ. Только служба, съ ея казарменнымъ содержаніемъ и тяжелой дисциплиной, весьма часто доводила и доводитъ инородцевъ вольныхъ, природныхъ степняковъ, до деморализаціи и до вымиранія. Такъ было въ древней Россіи, напр., съ служилыми татарами и мордвой [4]). Такъ было и въ новое время, въ Сибири, съ бурятами.

---

[1]) Ibid. стр. 50.
[2]) Дополн. III, № 83, стр. 310—311, № 62 и мн. др.
[3]) Erman, Reise, II, s. 107.
[4]) Дополн. Т. VI, № 37.

Торговыя сношенія и особенно ярмарки также отчасти служили способами лиженія сибирскихъ инородцевъ съ русскими [1]). Нѣкоторыя племена сибирскія, инственно только посредствомъ торговли и ярмарокъ, постепенно сближаются съ сскими. Такъ, г. Матюшкинъ пишетъ о чукчахъ: «русскіе довольствовались окореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ чукми. Наконецъ, торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя русскимъ, кчи многочисленными вооруженными толпами выступали только на границы оего отечества, но мало-по-малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миробіи своего побѣдителя, сдѣлались довѣрчивѣе, и нынѣ, какъ мы видѣли, придятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ въ русскія владѣнія ія выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ усскими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы къ. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, подобно юкагирамъ, чуванцамъ, корякамъ другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, чукчи постепенно окорятся и совершенно сольются съ русскими» [2]). Ярмарки, при развитіи иственнаго и нравственнаго вліянія русскихъ, тѣмъ удобнѣе могутъ споспѣшевовать сближенію сибирскихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ, что онѣ сильно ривлекаютъ иновѣрцевъ изъ ихъ трудно-доступныхъ, объединенныхъ жилищъ — зъ тайги, изъ тундръ и т. п. Напримѣръ, какіе-нибудь нелюдимые камасинцы, ь высшей степени недовѣрчивые и мнительные, весьма охотно оставляли тайгу любили съ женами съѣзжаться на ярмарку въ Аджѣ, около 6 декабря [3]). На бдорскую ярмарку въ 1854 г. собралось инородцевъ изъ сѣверной тундры до .738 человѣкъ обоего пола, въ томъ числѣ самоѣдовъ 1.857 и остяковъ 2.881. усскіе до того сливались съ инородцами, что ихъ почти вовсе незамѣтно было а ярмаркѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ они, т. е. промышленники, носятъ инородчекую одежду, и съ остяками и самоѣдами говорятъ на ихъ языкѣ [4]). Подобныя рмарки и вообще торгово-промышленныя сношенія тѣмъ легче и успѣшнѣе могли ы вести сибирскихъ инородцевъ къ совершенному слiянію съ русскими, если бы усское купечество и вообще русское племя не злоупотребляло ихъ простосердечэю довѣрчивостью. Довѣрчивость многихъ инородцевъ къ русскимъ иногда доходитъ до поразительныхъ проявленій искренности, честности и добросовѣстности. о русскіе, къ сожалѣнію, воздаютъ на это довѣріе, по большей части, грубымъ бманомъ, хитростью, мошенничествомъ, насиліемъ и явнымъ грабежомъ, когда, апримѣръ, простодушныхъ дѣтей природы спаиваютъ водкой, за какой-нибудь рянной ножикъ дерутъ съ нихъ соболей 10, за картузъ табаку — нѣсколько орогихъ лисьихъ шкуръ, беззаконными долгами закабаляютъ инородцевъ за собою т. п.

Наконецъ, самое важнѣйшее вспомогательное средство народообразованія оставляютъ школы, образованіе. Просвѣщеніе хотя и не передѣлываютъ существенно физіологическихъ особенностей разноплеменныхъ поколѣній, но можетъ лубоко преобразовывать умственную и нравственную природу ихъ, а хорошее,

---

[1]) Ярмарки въ Сибири стали возникать уже въ XVII в. Напр. на Илимѣ Усть-Кутская ярмарка около 1656 г. Доп. IV, № 24. На торгъ въ Тобольскъ съѣзжались калмыки, апр. въ 1664 г. Доп. IV. № 138, стр. 360.

[2]) Врангель. Полярн. путеш. I, 342—343.

[3]) А. Мартоса, Письма о восточн. Сибири. М. 1827, стр. 6 и

[4]) Тобольск. губерн. вѣдом. 1854 г. № 76.

всесторонне-физіологическое воспитаніе, какъ извѣстно, можетъ даже облагораживать и совершенствовать самую организацію или физическую структуру—пластику тѣла. Поэтому, самое лучшее средство развитія въ необразованныхъ племенахъ высшихъ началъ человѣчности и физическаго совершенствованія суть хорошія училища общечеловѣческаго образованія, хорошее воспитаніе. Какъ учреждаемыя теперь въ Европѣ международныя школы могутъ служить самымъ могущественнымъ и самымъ разумнымъ средствомъ объединенія всѣхъ образованныхъ націй въ одно просвѣщенно-развитое и общечеловѣческое братство, не во имя грубой. деспотически-соединительной силы, а во имя разума, во имя общечеловѣческой идеи, истины, науки, во имя общечеловѣческаго знанія и просвѣщенія, такъ и междуплеменныя школы могутъ служить самымъ разумнымъ и дѣйствительнымъ способомъ сближенія и соединенія многоразличныхъ племенъ въ одну общечеловѣчески-развитую и наиболѣе хорошо организованную національность. Къ сожалѣнію, въ Сибири и до сихъ поръ нѣтъ хорошихъ между-племенныхъ школъ. Если иногда и устроялись по мѣстамъ кое-какія школы, то онѣ не развивали и не распространяли предварительно въ молодыхъ инородческихъ поколѣніяхъ общечеловѣческихъ началъ просвѣщенія, нисколько не затрогивали и не развивали въ нихъ живыхъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей общечеловѣческаго, братскаго соединенія племенъ, нисколько не затрогивали и не развивали въ нихъ тѣхъ живыхъ общечеловѣческихъ умственныхъ симпатій и влеченій. которыя необходимо обусловливаютъ общечеловѣческое развитіе и братскій союзъ племенъ. Школы эти только прямо и, большею частію, грубо подрывали коренныя, естественныя основы племенныхъ народностей. Поэтому, многіе сибирскіе инородцы смотрѣли на учреждавшіяся для ихъ дѣтей русскія школы не какъ на средство необходимаго, общечеловѣческаго умственнаго объединенія съ русскою народностью, а какъ на прямое орудіе совершеннаго, радикальнаго искорененія ихъ народности, притомъ въ самыхъ зародышахъ или сѣменахъ ея—въ молодыхъ поколѣніяхъ. «Страхъ остяковъ къ образованію и цивилизаціи,—говоритъ Кастренъ,—исходитъ изъ того глубоко-вкорененнаго убѣжденія, что всякое извнѣ-пріобрѣтенное просвѣщеніе можетъ подорвать ихъ національность и сдѣлать ихъ русскими. Поэтому, когда устроены были школы въ Вахѣ, Юганѣ, въ верхнемъ Лумпокольскомъ селеніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ,—остяки весьма недовольны были и сильно протестовали противъ школъ, какъ противъ подрыва ихъ народности. «Я,—прибавляетъ Кастренъ,—хотѣлъ было убѣдить бѣдныхъ людей, что школы учреждаются для ихъ собственнаго блага, но остяки не хотѣли и слушать такихъ рѣчей, а только увѣряли, что они, такъ же какъ отцы ихъ, вѣрно служатъ царю и безъ умѣнья читать и писать. Думая, что чрезвычайное ожесточеніе, какое вызвано было у простодушныхъ остяковъ устройствомъ школъ, можетъ быть, имѣло болѣе глубокое основаніе, чѣмъ простая любовь къ старому, доброму времени, я заставилъ своего толмача спросить одного старѣйшаго остяка и услышалъ отъ него такую жалобу: 1) они боятся, что всякій. научившійся читать книги и писать, не захочетъ оставаться при дикомъ образѣ жизни отцовъ, и, слѣдовательно, школа будетъ отнимать опору ихъ старости; 2) знаютъ они изъ прежнихъ примѣровъ, что остяки, которые воспользовались русскимъ образованіемъ, дѣлались не апостолами, а врагами своего народа.

ко предавались разврату, безпечности и безнравственной жизни» [1]). Эта а остяковъ, выражая грустное свидѣтельство о негодности или неудовлетво-ьности русскихъ училищъ, служитъ въ то же время яснымъ доказатель-ь, что русскія школы, при лучшемъ устройствѣ, дѣйствительно, могли бы гавлять одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ умственнаго и нравственно-ого преобразованія или возрожденія инородческихъ поколѣній въ образован-русскія генераціи. При всей, однако же, анти-національности существую-для сибирскихъ племенъ русскихъ школъ, буряты, напримѣръ, весьма о отдаютъ въ нихъ своихъ дѣтей. Въ 1818 году учреждена была ерхнеудинскѣ русская школа вмѣстѣ для бурятъ и для русскихъ, въ ой дѣти бурятскихъ начальниковъ или тайшей учились русскому языку, скія купеческія дѣти изучали бурятскій и монгольскій діалекты. По словамъ лдонова, буряты начинаютъ сознавать важность и даже необходимость рус-грамоты въ сношеніяхъ съ русскими [2]). Въ школахъ при степныхъ думахъ нской, идинской, аларской, усть-ордынской дѣти ихъ учатся русскому языку, тъ русскія книги и вообще получаютъ элементарное русское образованіе. Но но въ городскихъ русскихъ училищахъ, въ семинаріяхъ, гимназіяхъ и уни-гетахъ буряты, подъ вліяніемъ русскаго образованія, значительно видоизмѣ-я. Въ лицѣ покойнаго Банзарова, этой замѣчательной личности, въ лицѣ лдонова, бурятскаго учителя при балаганской думѣ, кончившаго курсъ въ ской семинаріи, въ лицѣ г. Пирожкова, бурятскаго учителя при иденской кончившаго курсъ въ петербургскомъ университетѣ, въ лицѣ иркутскаго нника Доржеева и другихъ, мы видимъ замѣчательные примѣры обрусѣнія ь путемъ русскаго образованія. Банзаровъ, благодаря русскому университет-просвѣщенію, сдѣлался даже, по справедливымъ словамъ г. Савельева, не замѣчательныхъ русскимъ ученымъ, но и «вполнѣ европейцемъ по обра-ію и идеямъ». Замѣчательная личность Банзарова служитъ намъ положи-ымъ и отраднымъ доказательствомъ того, что наши сибирскія племена, по-вомъ даже нашего гимназическаго и университетскаго образованія, можно по-но возводить на степень приблизительно-европейской цивилизаціи и значи-уподоблять европейцамъ; что стоитъ только принять общія раціональныя и вительныя мѣры для повсемѣстнаго разумнаго, естествопознавательнаго обра-ія дѣтей инородческихъ, чтобы изъ нихъ зародилось новое европейское по-іе; что не миссіонерства и т. п., а единственно общечеловѣческое и, глав-образомъ, естественно-научное просвѣщеніе молодыхъ инородческихъ поко-можетъ ихъ сдѣлать новыми, европейскими поколѣніями. Равнымъ образомъ, цѣ этого замѣчательнаго воспитанника русскаго университета—Банзарова, и ой жаждѣ знаній, какую мы замѣчаемъ въ людяхъ, подобныхъ г. Болдо-мы видимъ новое, такъ сказать, этнографическое доказательство той, уже высказанной мысли, что университетъ въ Сибири необходимъ не только для русскаго населенія, для возбужденія, развитія и усиленія въ немъ умствен-

---

1) Kastren's Reiseberichte und Briefe, s. 18. 115—116.

2) По словамъ г. Болдонова, буряты говорятъ: „надобно намъ выучить своихъ дѣтей й грамотѣ, по крайней мѣрѣ, онѣ умѣли бы читать и писать и могли бы записы-для памяти. Нынѣ трудно безграмотному; народъ сталъ хитрый, нѣтъ прежней про-а то, не зная грамотѣ, можно обманываться на каждомъ шагу. Нынѣ все пошли го реестры, подписки и условія".

ныхъ импульсовъ и силъ въ борьбѣ съ сибирской природой, но и для умственнаго развитія, усовершенствованія и возвышенія природныхъ сибирскихъ племенъ, для возбужденія и вызова ихъ, спящихъ и тщетно тратящихся, но не бѣдныхъ,— здоровыхъ и свѣжихъ умственныхъ силъ къ полезной и производительной общественной дѣятельности; для облагороженія ихъ общественной жизни и просвѣтлѣнія ихъ міросозерцанія свѣтомъ естественныхъ знаній и высшей цивилизаціи, для удовлетворенія ихъ живыхъ умственныхъ порывовъ и способностей къ просвѣщенію. Разныя сибирскія племена, смышленыя, способныя, какъ, напримѣръ, тунгусы, якуты, буряты, татары, чукчи и проч., коснѣютъ въ грубомъ невѣжествѣ единственно по нашей винѣ, потому что мы, русскіе, призванные исторіей и поставленные самой географіей въ непосредственное, жизненно-бытовое и, такъ сказать, воспитательное отношеніе къ нимъ, для того, чтобы возвести ихъ, путемъ общечеловѣческаго интеллектуальнаго развитія, на степень высшихъ народностей,— больше развратили, испортили и забили ихъ, чѣмъ просвѣтили, и начинаемъ умственное и нравственное преобразованіе ихъ народностей вовсе не съ того, съ чего слѣдовало бы начать,— начинаемъ съ распространенія суевѣрія, хитрости, обмана, пьянства и болѣзней, а не съ распространенія естествознанія и средствъ просвѣщенія.

Какъ ни жалки, напримѣръ, на видъ самоѣды, но они, по словамъ г. Абрамова, «умны, разсудительны». Обучавшіеся въ березовскомъ училищѣ, въ 1844 по 1849 годъ, самоѣдскія дѣти показали необыкновенныя способности въ ученьи, особенно въ ариѳметикѣ, рисованіи и чистописаніи [1]). Великій, священный долгъ содѣйствовать умственными и матеріальными средствами образованію молодыхъ инородческихъ поколѣній лежитъ особенно на высшихъ и богатыхъ классахъ русскаго народа. Какъ грустно, однакожъ, что у насъ именно эти-то богатыя сословія русской націи всего болѣе равнодушны, холодны къ подобному великому дѣлу. Новый печальный примѣръ этого соціально-преступнаго индифферентизма къ умственнымъ, народо-образовательнымъ интересамъ и обязанностямъ — особенно со стороны купечества,— между прочимъ,— проявился недавно при учрежденіи въ Иркутскѣ общества грамотности... А относительно воспитанія инородческихъ поколѣній, у насъ въ цѣлое полустолѣтіе и болѣе, на пространствѣ 260.441 кв. м., изъ числа 70 милл. жителей, едва въ одной личности проблеснетъ одна какая нибудь человѣчная мысль относительно инородческихъ поколѣній, и потомъ заглохнетъ безъ отклика опять на полстолѣтіе и болѣе. Такъ, напримѣръ, въ 1805 г. бывшій томскій гражданскій губернаторъ Хвостовъ, нашедши въ Туруханскѣ у разныхъ людей 5 мальчиковъ изъ тунгусовъ и остяковъ, отданныхъ на вскормленіе безъ возврата бѣднымъ родителямъ, тяготившимся воспитаніемъ ихъ, по случаю худыхъ промысловъ звѣря и рыбы, рѣшился взять ихъ на свое содержаніе и постоянно воспитывать на свой счетъ 5 ясачныхъ сиротъ, и ходатайствовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ о приказаніи губернскому начальству постоянно отыскивать и отдавать ему на воспитаніе подобныхъ несчастныхъ сиротъ изъ ясачныхъ Туруханскаго края [2]). Грустно, что подобныя мысли не находятъ сочувствія и не возникаютъ въ нашемъ купечествѣ, отяжелѣвшемъ большею частью до безсмыслія въ грубыхъ наслажденіяхъ своимъ богатствомъ.

---

[1]) Опис. Берез. края, стр. 355.
[2]) Записки Сибир. отд. 1858 г., кн. IV, стр. 130—131.

IV.

Въ заключеніе, взглянемъ на умственное, нравственное и лингвистическое развитіе сибирскаго народонаселенія, какое обусловливается его многосоставнымъ этнологическимъ складомъ.

Умственный и нравственный типъ сибирскаго народонаселенія представляетъ такую же пестроту свойствъ, какъ и его физіологическій типъ, такіе же разнообразные оттѣнки, какъ разнообразны этнографическіе контингенты, вошедшіе въ его составъ. По всему видно, что и этотъ умственный и моральный типъ его такъ же еще не обозначился ясно, не сложился въ одно опредѣленное цѣлое, какъ не сложился еще въ одинъ цѣльный образъ и его физіологическій типъ. Поэтому и взгляды различныхъ путешественниковъ и писателей на умственный и нравственный характеръ сибирскаго народонаселенія также различны, — еще не установились и не получили строгой опредѣленности и типической характеристичности.

Уралъ, образующій гидрографическій и вообще географическій раздѣлъ Европы и Азіи, составляетъ также и этнографическій раздѣлъ между великорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ. Лишь только спуститься съ него, сейчасъ начинается замѣтно другой потокъ народной жизни. Врангель такъ выражаетъ свое впечатлѣніе: «Коль скоро перешагнете за Уральскій хребетъ или, по тамошнему, за каменный поясъ, слѣдовательно, вступите въ Сибирь собственно, васъ поражаютъ самымъ неожиданнымъ образомъ рѣдкое добродушіе и привѣтливость обитателей сей страны, которую все еще представляютъ себѣ столь многіе—особенно иностранцы,—ужасною, холодною пустынею, наполненною злодѣями и преступниками. Вмѣсто того, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь—именно въ южной части,—роскошную растительность, хорошо воздѣланныя поля, отличныя почтовыя дороги, большія, хорошо устроенныя деревни и совершенную безопасность, какую едва ли можно найдти въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы.—Вездѣ принимали насъ съ радушнымъ гостепріимствомъ и безкорыстіемъ, и, безъ малѣйшей задержки, тотчасъ отправляли далѣе. При перемѣнѣ лошадей—случалось ли то днемъ или ночью,—вещи наши лежали на большой дорогѣ безъ всякаго присмотра, и часто, при малѣйшемъ изъявленіи на счетъ того опасенія, намъ отвѣчали простосердечно: «не бось, тутъ ничего не украдутъ» [1]). Всѣ эти нравственныя черты значительно идеализированы и преувеличены Врангелемъ. Это простодушіе и гостепріимство сибирскихъ жителей свидѣтельствуютъ о преобладаніи въ сибирскомъ народонаселеніи непосредственно-натуральной простосердечности и естественности нравовъ надъ искусственностью, холодно-разсудочною разсчитанностью и образованною формальностью жизни. Въ такой, по культурѣ совершенно новой, дѣвственной странѣ, какъ Сибирь, въ области первобытной, дикой простоты и естественности, русское племя, въ своихъ туземныхъ, въ Сибири нарожденныхъ поколѣніяхъ, естественно, уже вслѣдствіе новой географической локализаціи и этнографической среды, усвояло много новыхъ, туземныхъ нравственныхъ и умственныхъ свойствъ. Не зная новой земли и ея природы, оно даже находило выгоднымъ усвоять понятія и обычаи природныхъ сибирскихъ племенъ, какъ внушенныя мѣстными опытами и мѣстной

[1]) Полярн. Пут. I, стр. 150—151.

природой [1]). Среди дикой, первобытной простоты и естественности, вдали отъ образованнаго міра, оно, естественно, подъ воспитательнымъ вліяніемъ дикой природы и дикихъ племенъ, нисходило на степень патріархальной простоты, натуральности, непосредственности и даже дикости. Оттого нѣтъ еще въ немъ разумно-сознательной жизни, а просто непосредственная, естественная инстинктивность мотивируетъ его поступками, отношеніями, жизнью. Не было и нѣтъ умственной борьбы, умственнаго соперничества и состязанія, обусловливаемыхъ высоко-образованнымъ и плотно-сложеннымъ обществомъ,—неразвивалась и не развивается, вслѣдствіе того, и умственная изощренность, изворотливость, холодно-разсудочная разсчетливость и разсчитанность въ общественныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, вокругъ, изъ всѣхъ улусовъ. аймаковъ, чумовъ и юртъ, постоянно вѣяло дикою, первобытно-патріархальною простотою, естественностью и дикостью. Во всѣхъ концахъ Сибири и отовсюду, путемъ постояннаго смѣшенія и скрещенія, приливалъ въ физіологическій, умственный и нравственный составъ русскаго племени потокъ разноплеменной инородческой крови, со всѣми ея непосредственно-натуральными свойствами первобытной, дикой естественности и простоты. И вотъ, такія первобытныя, безсознательно-инстинктивныя нравственныя качества, какъ необыкновенное простодушіе, гостепріимство и т. п., свойственныя и всѣмъ природнымъ племенамъ Сибири, стоящимъ на низшей степени умственнаго и нравственнаго состоянія, - подъ вліяніемъ мѣстнаго природнаго воспитанія и этнологическаго смѣшенія, развились и въ русскомъ народонаселеніи Сибири. Вездѣ, гдѣ русскіе смѣшивались съ инородческими племенами, они усвояли себѣ тѣ же умственныя и нравственныя черты, какія воспитывались и въ туземныхъ племенахъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ физико-географическихъ и этнографическихъ условій. Такъ, наприм., русскіе въ Жиганскомъ улусѣ, совершенно слившись съ якутами и тунгусами, приняли и нравственный характеръ этихъ племенъ—флегматическій темпераментъ, патріархальную простоту нравовъ, гостепріимство [2]). Въ Киренскомъ округѣ, при неблагопріятныхъ физическихъ условіяхъ ленской долины, смѣшались русскіе – запорожцы, курскіе, воронежскіе и малороссійскіе поселенцы,—съ туземными слабыми, тощими, мелкими, вялыми, простодушными тунгусами; да кромѣ того, до 112 д. осѣдлыхъ тунгусовъ обрусѣли и вошли въ составъ этого русскаго населенія. И вотъ, весь этотъ смѣшанный и перерожденный изъ тунгусовъ русскій народъ вышелъ мелокъ, вялъ, простъ до невѣроятности, даже глупъ [3]).

Вся умственная жизнь коренныхъ сибирскихъ племенъ, въ борьбѣ съ природой, состоитъ въ постоянномъ и рабски-пассивномъ сообразованіи умственныхъ и физическихъ силъ съ климатическими перемѣнами года, съ условіями естественныхъ источниковъ промысловъ. Такъ точно и русское народонаселеніе, воспитываясь въ однихъ съ инородцами физико-географическихъ условіяхъ и смѣшиваясь съ инородческими племенами, естественно, усвояло ихъ туземно-природное, такъ сказать, годичное умственное настроеніе, годовой умственный складъ. И какъ естественныя, климатическія условія годовой природной экономіи однообразно, монотонно смѣняются каждый годъ, вѣчно по однимъ и тѣмъ же физико-космическимъ законамъ,—такъ же монотонно, однообразно смѣняется и годовой умственный циклъ

[1]) Erman, Reise II. s. 171—172.
[2]) Зап. сибир. отд. 1856 г. кн. I, стр. 66—67.
[3]) Щукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, 85—148.

міросозерцанія русскаго народонаселенія, вполнѣ сообразно съ годичнымъ міросозерцаніемъ и умственнымъ настроеніемъ коренныхъ сибирскихъ племенъ. Напримѣръ, какъ юкагиры, анюйскіе якуты, чуванцы, ламуты, тунгусы, такъ и смѣшавшіеся съ ними русскіе поселенцы низовой части Колымы совершенно одинаково мыслятъ весь круглый годъ, испытываютъ одинаковое напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ. «Съ каждымъ временемъ года, говоритъ Врангель, перемѣняются занятія колымскихъ жителей, которымъ недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не дозволяютъ думать ни о чемъ иномъ, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ смышленость, вся дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропускать благопріятнаго времени для каждаго промысла, и когда изсякнетъ одинъ источникъ пропитанія, тотчасъ пользоваться другимъ, гдѣ только онъ откроется. За промысломъ рыбы въ большихъ рѣкахъ слѣдуетъ ловля въ рѣчкахъ; потомъ идетъ крупная морская рыба, за нею сельди и, наконецъ, рыба, которую ловятъ сѣтями подъ льдомъ. Та же преемственность въ ловлѣ птицъ, та же годичная обычность въ ловлѣ дикихъ оленей,—и всѣ умственныя и физическія силы направлены къ одной цѣли—къ годовому обезпеченію матеріальной жизни въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ [1]). Умственный, міросозерцательный циклъ русскихъ жителей Западной Сибири такъ же однообразно, самоѣдско-остяцки смѣняется зимой, лѣтомъ, осенью и весною. Какъ туземно-природное годовое міросозерцаніе остяковъ вращается около годовыхъ перемѣнъ Оби и сокращенно выражается въ двухъ словахъ: «Обь—нашъ богъ»!—такъ и окрестные русскіе, смѣшавшіеся съ остяками или происшедшіе изъ обрусѣлыхъ остяковъ, тотъ же самый умственный кругъ помысловъ, стремленій, надеждъ и потребностей циркулируютъ около одного годичнопродуктивнаго центра—Оби, и сущность своего годового міросозерцанія выражаютъ только немного переиначенными словами: «Обь—наша мать»! Совершенное, сугробно-тундряное, ничѣмъ невозмутимое умственное затишье и спокойствіе, нарушаемое только временнымъ и убійственно-однообразнымъ напряженіемъ умственныхъ и физическихъ силъ для изысканія и запаса средствъ годового обезпеченія,—вотъ умственный характеръ и русскихъ, и аборигеновъ въ Сибири, особенно сѣверной. Лишь только угрюмый Борей напомнитъ унылымъ свистомъ осеннихъ вѣтровъ о наступленіи длинной гиперборейской зимы и, словно мулла древне-сибирскаго татарскаго царства, монотонно, уныло звучавшій съ минаретовъ тобольскихъ, возвѣститъ про обычное наступленіе восточно-татарскаго или полярно-гиперборейскаго умственнаго покоя,—такъ все погружается въ эту мертвяно-тундряную умственную спячку.

Ерманъ такъ характеризуетъ этотъ умственный складъ жителей тобольскихъ: «здѣсь быстро укореняется, утверждается убѣжденіе въ строгой естественности и климатически-обусловленной неизбѣжности жизненныхъ отношеній, такъ что при каждомъ знакомствѣ съ новымъ кругомъ жителей Тобольска остается одно, особенно успокаивающее, усыпляющее и мирно, невозмутимо настраивающее впечатлѣніе. Именно теперь, при наступленіи зимы, въ первый разъ въ Россіи мы чувствуемъ въ Тобольскѣ склонность къ спокойному состоянію. Любопытно видѣть, какъ здѣсь повсюду такъ цѣлесообразно пригнаны, закончены всѣ приготовленія

[1]) Полярн. путеш. Врангеля I, стр. 244—255.

къ предстоящей борьбѣ съ элементами, съ стихіями, какъ, окруженный богатыми запасами, между твердо-упертыми стѣнами своего тепло-натопленнаго дома, каждый ужъ напередъ увѣренъ въ побѣдѣ, и ничего не остается больше ожидать, какъ только того, когда снѣгъ еще рѣзче и явственнѣе отдѣлитъ отъ окружающаго внѣшняго міра уже обозначившіяся границы его тѣсной отчизны, и врывающіяся въ его надежный больверкъ зимнія бури могутъ доставлять ему мирное удовольствіе поразительнаго контраста. Здѣсь впервые у русскаго народа замѣчается со всею очевидностью особенное соединеніе полнѣйшаго, безчувственнаго равнодушія и страха къ труду съ регестральнымъ устремленіемъ всѣхъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ къ удовлетворенію первыхъ потребностей. Остроуміе и энергію таланта обнаруживаютъ только въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе возвратиться къ вожделѣннѣйшему и вѣрному покою, и поэтому въ высшей степени заботятся и помышляютъ объ одномъ годѣ. О постоянномъ совершенствованіи физическаго и умственнаго состоянія индивидуумовъ—мало рѣчи, потому что въ каждый отдѣлъ новаго періода люди эти опять заняты тою же заботою, какъ это было въ ближайшій предшествующій періодъ, и поэтому въ нихъ возбуждается и развивается отнюдь не болѣе, какъ одно и то же старое, напередъ разсчитанное проявленіе силъ. Такъ, все вниманіе жителей тобольскихъ и всѣ силы ихъ обращены тогда главнѣйшимъ образомъ на пищу и теплоту, и неудивительно поэтому, что, сообщая извѣстія о городѣ, часто по необходимости приходится говорить о средствахъ жизни и о матеріяхъ для одежды» [1]). Въ Россіи хоть близость западныхъ цивилизованныхъ сосѣдей, хоть неотразимое навѣваніе западнаго вліянія ослабляетъ нѣсколько гнетущее восточное настроеніе духа русскаго народа. Тамъ мануфактурная промышленность, фабрики и заводы, литература и университеты хоть сколько-нибудь разнообразятъ умственное движеніе и направленіе мыслящихъ силъ, и паръ, неумолчнымъ шумомъ пароходовъ, будя промышленный духъ приволжскаго населенія, могущественно влечетъ и вялыя мужицкія умственныя и физическія силы на заработки въ Петербургъ, Москву, Казань и проч. А здѣсь, въ отдаленной сѣверной Сибири, еще всѣ умственныя силы направлены на борьбу съ суровыми стихіями полярнаго климата за годовое существованіе и пропитаніе, и длинная, всемертвящая зима Обдорска, Березова, Туруханска, Нижне-Колымска гонитъ людей въ тепло-закупоренныя хижины на долговременный физическій и умственный покой, оцѣпеняетъ на открытой тундрѣ и въ глухихъ, мрачныхъ и смрадныхъ юртахъ и домахъ, въ крѣпкой неподвижности закупориваетъ и умственныя, и физическія силы. «Суровость климата,—говоритъ Врангель,—голодъ и недостатки, кажется, препятствуютъ здѣсь совершенному развитію физической природы человѣка, и такое вліяніе оказываетъ климатъ и на умственныя силы сѣверныхъ сибиряковъ; кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ, сердце ихъ бьется вяло и чувства если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены. Незнакомые съ наслажденіями жизни, располагающими обитателей другихъ, болѣе счастливыхъ земель къ радости и печали, къ любви и ненависти, народы полярныхъ странъ живутъ или, лучше сказать, прозябаютъ въ убивающемъ однообразіи, безпрерывной борьбѣ съ недостатками, голодомъ и стужею, и, незамѣтно переходя отъ юношества къ старости, безъ всякаго сожалѣнія оста-

[1]) Erman, Reise B. I, s. 458—459.

вляютъ потомъ жизнь, представляющую имъ одни лишенія, безъ радостей и безъ наслажденій» [1]).

Такой умственный и нравственный застой отразился во всѣхъ проявленіяхъ сибирскаго народа. Проѣзжайте вы по этой безпредѣльной низменной равнинѣ сибирской, особенно по скучной, однообразной, озерно-березниковой равнинѣ тобольской или степи барабинской,—томительнѣйшую тоску навѣваетъ на васъ эта словно пустынная жизнь, эта мертвенная монотонность молчаливой, неслышной, сугробной жизни, невыражающейся живыми и шумными потоками раздольной, разнообразной пѣсни волжско-русской. Всюду неумолчная, вездѣ раздающаяся пѣсня русская—тутъ какъ будто прерывается, замолкаетъ и забывается въ шумѣ борьбы и смѣшенія разныхъ племенъ. Русскимъ, происшедшимъ отъ татарокъ, вогулокъ, остячекъ и проч.—она какъ будто ужъ и не по сердцу; они забыли пѣсни праматери своей—земли русской, а новыхъ еще не сложили, не спѣли, такъ какъ и смѣшанныя племена еще не слились и, такъ сказать, не спѣлись между собою. Другимъ русскимъ сибирякамъ, обрусѣвшимъ изъ инородцевъ, пѣсня русская еще болѣе не по сердцу, а своя унылая, монотонная, безсодержательная, давно забылась. А затѣмъ, можетъ ли пѣться веселая русская пѣсня безъ горя и тоски, спокойно и весело этимъ, такъ называемымъ въ Сибири, *несчастнымъ* или ихъ дѣтямъ, когда не своей волей они пришли въ Сибирь? «Природный сибирякъ,—говоритъ Кастренъ,—пользуется у русскихъ хорошею славою по своей простотѣ нравовъ, по своему гостепріимству и по добродушію: все это отчасти справедливо. Но что касается до выраженія сибирскимъ народомъ радостей, напримѣръ, пѣсней, танцевъ, общественныхъ или семейныхъ празднествъ, то все это принадлежитъ къ чрезвычайнымъ рѣдкостямъ, по крайней мѣрѣ, въ Тобольской губерніи. Кто привыкъ видѣть, какъ въ Россіи потокъ жизни шумитъ по всѣмъ краямъ, тотъ не будетъ чувствовать себя въ сибирской тишинѣ вполнѣ довольнымъ. Это не та тишина, которая питается во внутреннемъ, мирномъ, безмятежномъ существѣ души, но мать ея—холодъ, равнодушіе и ожесточенность. И мыслимо-ли что другое, какъ не ожесточеніе въ этой странѣ, въ которой большая часть народонаселенія состоитъ изъ злодѣевъ или ихъ потомковъ»? Да,—прибавимъ мы,—и мыслима-ли пѣсня веселая, радостная по этимъ деревушкамъ и селамъ, что тянутся и лѣпятся по одной только горемычно-безпредѣльной и тяжко-карательной дорогѣ въ каторгу, гдѣ каждонедѣльно проходитъ, въ цѣпяхъ, съ мозолями на ногахъ, до 190 человѣкъ злосчастныхъ каторжниковъ и ссыльныхъ, а въ годъ до 10.000? Тутъ возможна только эта изрѣдка раздающаяся унылая пѣсня, грустно-монотонная, слезоточивая. Намъ довелось слышать эти пѣсни въ Западной Сибири. Заунывно-протяжный, монотонно-унылый стонъ ихъ отзывается какою-то глубокою, гнетущею, унылою скорбью и грустью. Это словно будто не пѣсня, а погребальное, похоронное оплакиванье партій каторжныхъ и слезоплачевное, монотонно-рыдательное причитаніе надъ гробами Мертваго дома [2]). Или это будто уныло-протяжный, монотонно-восточный отголосокъ пѣсни татарской о давно-прошедшей сибирской татарщинѣ.

---

[1]) Полярн. пут. II, 114.

[2]) Когда мы проѣзжали по Западной Сибири (на Святой прошлаго года), около Тюмени шла огромная партія и жители придорожныхъ селъ, особенно молодыя женщины, большими кучами собирались верстъ за 5 навстрѣчу партіи и, сидя при дорогѣ, пѣли свои грустныя пѣсни.

Отъ сближенія и смѣшенія русскаго народа съ сибирскими племенами, въ умственной и нравственной организаціи его развились или усилились многія дурныя, восточныя свойства. Такъ, не мало въ немъ татарскаго и монгольскаго. Восточная лѣнь, флегматизмъ, любовь къ покою, умственный квіетизмъ, страсть къ роскоши и щегольству—это уже не только русское національное наслѣдіе, а значительный прибавокъ монголо-татарской крови. Умственная малодѣятельность и усыпленность сибиряковъ обусловливается не только климатическими и экономическими причинами, но отчасти и этнологическимъ вліяніемъ. Въ Западной Сибири она очень легко могла быть унаслѣдована, путемъ смѣшенія, отъ восточной породы туземныхъ татаръ, остяковъ и другихъ тамошнихъ племенъ, которымъ, можно сказать, прирождены эти свойства. Финны, къ которымъ принадлежатъ смѣшивавшіеся съ русскими вогулы, остяки и проч., —по словамъ Кастрена,—любятъ покой—это ихъ стихія [1]). Татары—не менѣе того. Многіе западно-сибирскіе казаки произошли отъ татарокъ, и въ нихъ отразилась умственная и нравственная дремота татарскаго племени. «Остается въ нихъ еще,—пишетъ Степановъ,—какое-то усыпленіе—остатокъ продолжительной душевной болѣзни. Они боятся и даже не хотятъ думать; бездѣйственность имъ наслажденіе. Они, кажется, потеряли вовсе духъ воинственный. Они робки и недовѣрчивы» [2]). Въ умственной и нравственной жизни иркутскаго населенія, особенно купечества, мѣщанства, духовенства и большей части чиновничества и военнаго сословія замѣчается то же стремленіе къ умственному квіетизму, покою, то же маломысліе и даже совершенное безсмысліе, то же полнѣйшее отсутствіе или крайняя ограниченность умственныхъ интересовъ и преобладаніе надъ ними потребностей чувственно-животныхъ, грубо-матеріальныхъ, та же восточная лѣнь, нѣга и спячка, тотъ же умственный и нравственный застой, та же восточная страсть къ роскоши и щегольству. Георги замѣтилъ у иркутскихъ жителей китаизмъ въ нравахъ, въ убранствѣ домовъ и въ разныхъ обычаяхъ. По словамъ Ермана, въ иркутскихъ природныхъ сибирякахъ много монголизма и китаизма. Въ Забайкальи,—какъ мы уже замѣтили,—простой народъ, во многихъ отношеніяхъ, находитъ даже выгоднымъ усвоять бурятскіе обычаи. Обрусѣлые ясашные, осѣдлые инородцы изъ бурятъ, тунгусовъ, остяковъ и проч., образуя новыя русскія деревни, дѣлаясь совершенными русскими крестьянами, привносятъ въ умственный и нравственный складъ сибирскаго крестьянства много бурятскаго, тунгузскаго, остяцкаго и т. д., напримѣръ, привычку къ безпечной, нечистой и грязной жизни, свои языческія суевѣрія и т. п. и передаютъ эти недостатки изъ рода въ родъ.

Объ умственной жизни якутскихъ жителей Щукинъ замѣчаетъ: «кончившіе курсъ ученья и поступившіе на службу и къ гражданскимъ обязанностямъ отличаются отъ неученыхъ только умѣньемъ называть науки. Всегдашній разговоръ о тяжбахъ и разсчетахъ заставляетъ покидать науки и слѣдовать общему стремленію. Дарованія здѣсь мѣряются знаніемъ указовъ и умѣньемъ употреблять ихъ,—по большей части, не кстати. Чтеніемъ книгъ почти не занимаются. Хотя нѣкоторые и получаютъ московскія газеты, но въ нихъ читаютъ только одни законы, и, встрѣтясь другъ съ другомъ спрашиваютъ: «нѣтъ-ли новаго указа въ зако-

[1]) См. прекрасную характеристику у Кастрена—Reiseerinnerungen s. 133. Friede ist ihm sein Alles, и проч.

[2]) Опис. Енис. губ., ч. II, стр. 98.

нахъ? Воспитаніе дѣвицъ ограничивается однимъ умѣньемъ читать и писать. Въ собраніяхъ каждый сидитъ чинно на своемъ стулѣ, не вставая съ мѣста: ходить по комнатѣ считается неприличнымъ, говорить женщинѣ съ мужчиною—преступленіемъ. Здѣсь разсуждаютъ: о чемъ, кромѣ худого, можетъ говорить мужчина дѣвицѣ? и проч. [1]).

Дурною особенностью сибиряковъ признаютъ страсть къ расточительности и роскоши, и она, по всей вѣроятности, наслѣдована отчасти отъ восточныхъ предковъ и сосѣдей, особенно татаръ. Кастренъ говоритъ: «что особенно отличаетъ сибиряка отъ природнаго русскаго,—это его чрезмѣрная слабость къ роскоши и жуированью жизнью. Онъ не любитъ, какъ русскій, копить свои капиталы, но, по пословицѣ, охотно направляетъ свой ротъ въ мѣшокъ съ лакомой пищей. Сибирякъ извѣстенъ своимъ талантомъ—жить не по своимъ доходамъ. Въ городахъ часто блестящій экипажъ составляетъ все его движимое и недвижимое имущество, а въ селахъ нерѣдко можно слышать поговорку, что имѣнье сибиряковъ состоитъ въ самоварѣ» [2]). Вообще умственный и нравственный образъ сибирскихъ племенъ, во многихъ мѣстахъ, сильно отразился на умственномъ и моральномъ характерѣ русскаго сибирскаго населенія; много нехорошаго произошло въ немъ отъ смѣси, путемъ обоюднаго, взаимнаго вліянія. Напримѣръ, русскіе казаки, служилые, торговые и промышленные люди, особенно воеводы, дьяки, подьячіе и вообще приказные люди, наконецъ, разныя губернскія власти, въ родѣ Якобіевъ, Трескиныхъ, Коховъ и т. п., своимъ безчеловѣчнымъ деспотизмомъ, самоуправствомъ, самодурствомъ, придирчивостью, нападками, гоненіями и проч. сильно запугали, застращали и забили бѣдныхъ инородцевъ, показали имъ свои отталкивающія, отвратительныя свойства и примѣры, и такимъ образомъ, въ этихъ, отъ природы открытыхъ, простосердечныхъ, довѣрчивыхъ людяхъ развили скрытность, хитрость, притворство, ложь, обманъ и т. п. «Къ несчастью,—говоритъ Врангель,—напр., объ юкагирахъ,—отъ сообщенія съ русскими, на которыхъ смотрятъ они, какъ на своихъ поработителей, между юкагирами вкоренилось притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону» [3]). Н. Щукинъ замѣчаетъ: «якуты, при врожденной способности къ воровству и мошенничеству, отъ обращенія съ русскими, чрезвычайно усовершенствовались во всѣхъ тонкостяхъ великой науки плутовства» [4]). Это же должно сказать объ остякахъ, самоѣдахъ, тунгусахъ, бурятахъ, и вообще о всѣхъ сибирскихъ инородцахъ. И русѣя, входя въ составъ русскаго народа, племена эти вносятъ съ собою въ русскую народность всѣ эти дурныя свойства, развившіяся подъ вліяніемъ русскихъ же дурныхъ людей и нравовъ. Общее невѣжество усиливаетъ ихъ. Наконецъ, характеристическій недостатокъ сибиряковъ—духъ ябедничества и сутяжничества, въ которомъ давно ихъ упрекаютъ, развился именно, съ одной стороны, вслѣдствіе дурного вліянія русскаго приказнаго духа, подьячества, чиновничества, съ другой—вслѣдствіе столкновенія и борьбы русскихъ и инородческихъ правъ, интересовъ и понятій, а также вслѣдствіе естественно-свободолюбиваго, самоуправнаго характера природныхъ ино-

---

1) Поѣздка въ Якутскъ, стр. 233--234.
2) Kastren's. Reiseberichte, s. 158.
3) Полярн. путеш. II, стр 85.
4) Поѣздка въ Якутскъ, стр. 247.

родческихъ сибиряковъ, требовавшаго протеста за каждую дѣйствительную или мнимую обиду и несправедливость [1]). Только развитіе просвѣщенія и разумное устройство земскаго самоуправленія и гласнаго судопроизводства можетъ уничтожить эти свойства сибиряковъ и замѣнить ихъ разумнымъ гражданскимъ сознаніемъ права и высшимъ интеллектуально-юридическимъ смысломъ.

Взглянемъ еще съ другой стороны на сибиряковъ. Кастренъ замѣчаетъ въ своихъ путевыхъ извѣстіяхъ: «То правда, что въ Сибири крестьяне сами брѣются свой табакъ курятъ, охотно ходятъ въ сюртукахъ, краснорѣчивыми устами говорятъ (?), мало вѣрятъ въ духовъ и привидѣнія, осмѣиваютъ всякія секты и всякихъ сектантовъ, и т. п. За то русскій имѣетъ болѣе благородное чувство, чистый и открытый характеръ (?), и далеко высшій, лучшій смыслъ. Въ Россіи уже не рѣдкость, что крестьянинъ читаетъ и пишетъ, а въ Сибири есть даже купцы, которые едва ли умѣютъ подписывать свое имя. По своимъ преобладающимъ знаніямъ, ссыльные въ Сибири пользуются даже извѣстнымъ уваженіемъ за ихъ такъ называемое мастерство, и они сами считаютъ себя людьми далеко лучшаго, высшаго роду, чѣмъ природные сибиряки (?)» [2]). Въ этихъ словахъ Кастрена умственныя и нравственныя достоинства природныхъ русскихъ, конечно, преувеличены, но о сибирякахъ — много правды. Дѣйствительно, едва ли не единственную отрадную черту сибиряковъ составляетъ то, что они, большею частью, не такъ суевѣрны и предразсудочны, какъ великорусскій народъ, особенно простой, мало вѣрятъ въ духовъ и привидѣнія, не имѣютъ слѣпого, фанатическаго пристрастія и привязанности къ церковной буквѣ и обрядамъ, не выдумываютъ никакихъ сектъ и расколовъ, а напротивъ, смѣются надъ ними и пр. Это умственное достоинство и преимущество сибиряковъ передъ великорусскимъ народомъ доказывается ихъ прошлой исторіей. Тогда какъ умственная жизнь великорусскаго народа въ XVII и даже XVIII вѣкѣ исполнена, омрачена тьмой суевѣрій, предразсудковъ, расколовъ, ознаменовалась драматическими проявленіями изувѣрства и фанатизма, возникновеніемъ сотни сектъ и толковъ, бунтами религіозными, раскольничьими [3]), въ Сибири русскіе казаки, служилые, торговые и промышленные люди всѣ свои умственныя силы употребляли на географическія, минералогическія, зоологическія и этнографическія развѣдки и открытія, изощряли ихъ въ борьбѣ съ климатомъ и природой сибирской, въ ловкостяхъ промышленныхъ и всецѣло поглощены были самыми практическими, матеріальными стремленіями и занятіями. У нихъ, слѣдовательно, больше изощрялся природный здравый смыслъ, разсудокъ, и некогда было подвергаться разнымъ фантасмагоріямъ празднаго и суевѣрнаго воображенія [4]). Съ первыхъ поколѣній, сибиряки стали даже холодны къ церкви, къ богослуженію; богослуженію предпочитали они игры и сходбища веселыя, такъ что вызвали даже строгіе царскіе указы противъ такого анти-религіознаго направленія [5]). Тогда какъ въ Великороссіи въ одно XVII столѣтіе до того усилился духъ пустынножительства, противообщественнаго аскетизма и отшельничества, что

[1]) Записки Кузьмина. Атеней (1858 г.). Ч. II. Подробное объясненіе развитія въ сибирякахъ ябедничества и сутяжничества: см. у Н. Щукина—Поѣздка въ Якутскъ, стр. 236—241.
[2]) Reiseberícht, s. 157—158.
[3]) См., напримѣръ, Русскій расколъ старообрядства, стр. 138—162.
[4]) См. отписки служилыхъ людей въ Дополн. къ акт. историч. Т. II—VIII.
[5]) А. И. IV, № 35. А. А. Э. III, № 264.

въ одно это столѣтіе возникло до 220 монастырей и пустыней,—въ Сибири много-что развѣ два-три монастыря основалось, и тѣ отчасти съ цѣлью миссіонерскою. Бродяжничество монаховъ и монахинь, ханжей, косматыхъ юродивыхъ и сумасбродныхъ женщинъ-пророчицъ въ Сибири было невидно и неслышно. О религіозныхъ предметахъ сибирскіе мужики почти никогда не толкуютъ; развѣ рѣдко когда, при случаѣ, придетъ имъ на мысль что нибудь, относящееся до религіи, и то тогда только, когда столкнуться они съ какимъ-нибудь ученымъ грамотѣемъ. Въ нихъ нѣтъ такихъ фанатическихъ экстацій и увлеченій, чтобы, въ порывѣ своихъ сомнѣній, начать распространять свое ученіе, создать свой толкъ, какъ это чрезвычайно обычно было въ Россіи. Тамъ «что мужикъ—то вѣра, что баба—то толкъ». Здѣсь, въ Сибири, и мужики, и бабы равно апатичны къ сектантству, равно осмѣиваютъ всякихъ сектантовъ и не любятъ всякихъ «*законниковъ*» — нравоучителей. Религіозно-обрядовый индифферентизмъ сибиряковъ виденъ также изъ того, что они вообще плохо соблюдаютъ посты. Даже въ простонародьи, сплошь и рядомъ, ѣдятъ скоромное въ постные дни. И нисколько неудивительна, а напротивъ, весьма естественна эта холодность большей части сибирскаго народа къ церковнымъ обрядамъ. Большая часть его суть обрусѣлые инородцы—татары, остяки, буряты, якуты и т. п. По физіономіи, по образу жизни, по языку, они и дѣти ихъ стали совершенными русскими, но по религіи большею частью—ни то, ни се, т. е. ни православные, ни чистые языческіе инородцы. Ерманъ замѣчаетъ не только объ якутахъ обрусѣлыхъ, но и о самихъ объякутившихся русскихъ, живущихъ по якутскому тракту на Ленѣ: «они между якутами забыли и оставили не только христіанскій, т. е. русскій языкъ, но и всѣ христіанскіе нравы и обычаи. Именно, они теперь безъ всякаго страха ѣдятъ скоромное во весь великій постъ». Обрусѣлые ясашные и осѣдлые инородцы, давно крестившіеся и сдѣлавшіеся уже совсѣмъ русскими крестьянами, живутъ, можно сказать, безъ всякой религіи. Изъ всѣхъ подобныхъ фактовъ можно заключить, что сибиряки вообще болѣе склонны къ натурализму, къ индифферентизму, и скептицизму, тогда какъ великорусскіе, особенно старообрядческіе жители болѣе склонны къ легковѣрію, супранатурализму, старовѣрству и мистицизму. По словамъ Ермана, самая рѣчь сибиряковъ выражаетъ отчасти характеръ скептицизма. Въ Россіи все старообрядческое народонаселеніе догматически убѣждено, напримѣръ, что кто пьетъ чай и кофе, куритъ табакъ, брѣетъ бороду, сѣетъ и ѣстъ картофель, тотъ еретикъ и т. п.—и большая часть старовѣровъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ не станутъ и слушать, что картофель, чай и табакъ — полезныя естественныя произведенія, и т. п. Въ Сибири все это—чаепійство, и табакокуреніе, и бритье бородъ, и разведеніе картофеля,—привилось сразу, безпрекословно и даже съ особеннымъ усердіемъ. Въ то время, какъ въ Россіи, во многихъ губерніяхъ, крестьяне чуть не бунтовали противъ картофеля,— въ Сибири не только крестьянскія бабы усердно ухаживали за нимъ въ огородахъ и на пашняхъ, но даже буряты засѣвали его цѣлыми десятинами изъ усердія къ указамъ правительства, изъ-за кафтановъ и медалей. Между тѣмъ, какъ въ Великороссіи старовѣрская партія возстала противъ «бѣсовской табаки», царь Алексѣй Михайловичъ издалъ запрещеніе разводить табакъ, и особенно запрещено было въ Сибири сѣять и распространять табакъ, — въ Сибири, не смотря на всѣ запретительные наказы, табакъ сильно и быстро распространился.—Въ Россіи все старовѣрское народонаселеніе признаетъ

догматомъ вѣры, что кто, напримѣръ, представляетъ землю шаромъ, тотъ еретикъ. Въ Сибири всякій смышленый крестьянинъ смѣло выслушаетъ и повѣритъ всему, что ясно, вразумительно и основательно растолкуютъ ему изъ области естественныхъ наукъ, и даже сами любопытствуютъ, спрашиваютъ о разныхъ естественныхъ предметахъ. По словамъ г. Болдонова, даже буряты съ неотступною любознательностью слушали и расспрашивали его, когда онъ объяснялъ имъ что-то изъ исторіи міроздания.—Живя среди дикой, грандіозной природы сибирской, происходя нерѣдко изъ бурятъ, тунгусовъ и другихъ природныхъ сибирскихъ племенъ, воспитывающихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, вѣрующихъ въ силы и явленія природы, покланяющихся горамъ, лѣсамъ, рѣкамъ и проч., природные сибиряки, напримѣръ, обрусѣлые ясачные, осѣдлые инородцы, дѣти и внуки ихъ, гораздо безпредразсудочнѣе и ближе къ природѣ, къ естествознанію, чѣмъ какіе нибудь фанатически-предупрежденные великорусскіе старообрядческіе люди, гораздо болѣе склонны и близки къ натурализму, хотя непосредственному, совершенно безсознательному, болѣе склонны къ простому, естественному мышленію и міросозерцанію, чѣмъ къ мистико-супранатуралистическимъ грезамъ и бреднямъ. Изъ нихъ, при научномъ воспитаніи и образованіи, скорѣе могутъ выходить сибирско-русскіе Банзаровы, индифферентисты, чѣмъ кіевско-великорусскіе Аскоченскіе, староверскіе поповцы.—Умъ природнаго сибиряка свѣтлѣе, острѣе, прямѣе и рѣзче во взглядахъ и пониманіи, смѣлѣе и откровеннѣе, точнѣе и рѣшительнѣе въ мысляхъ и сужденіяхъ, безпредразсудочнѣе въ нововведеніяхъ, чѣмъ умъ природнаго великорусскаго старообрядческаго простолюдина. Въ этомъ отношеніи г. Кузминъ, намъ кажется, справедливо замѣтилъ о минусинскихъ крестьянахъ: «Сравнительно, минусинскій крестьянинъ умнѣе великороссійскаго: онъ ловокъ, смѣлъ... Когда Петръ I объявилъ незаслуженное гоненіе клоку волосъ, растущему ниже рта, и когда въ Россіи многіе бояре сходили отъ этого съ ума,—смышленные сибиряки всѣ выбрились безпрекословно, удивляясь тому, что царь напрасно безпокоится» [1]). Та только бѣда, то только горе, что нѣтъ средствъ для умственнаго развитія сибиряковъ. Умъ ихъ крайне неразвитъ. Оттого, у нихъ часто замѣчается—особенно въ глуши селъ,—чрезвычайная бѣдность слова: многіе крестьяне, когда хотятъ развить или выразить какую-нибудь мысль, сильно затрудняются въ подборѣ и сочетаніи словъ, и не могутъ высказать свою мысль рѣчью неотрывочною, полною, цѣльною, плавною, ясною и отчетливою. Сибиряки—простаки, единственно по отсутствію образованія, знаній, по разбросанности въ маленькихъ обществахъ, въ глуши, по лѣсамъ, тайгамъ и тундрамъ, по небывалости, по сосѣдству не съ образованными европейцами, а съ первобытными, дикими ордами Азіи.—Приведемъ, въ дополненіе, сравнительную характеристику г. Степанова: «крестьяне европейской Россіи, говоритъ онъ, странствуютъ по отдаленнѣйшимъ концамъ имперіи, работаютъ въ большихъ губернскихъ городахъ, въ портахъ, въ обѣихъ столицахъ; они извозничаютъ даже въ чужіе края. Большая часть крестьянъ европейской Россіи подвергнуты опытамъ труднымъ, въ которыхъ воля ихъ встрѣчаетъ всегдашнія препятствія. Они видятъ и переносятъ многое, они бываютъ свидѣтелями происшествій великихъ. Кругъ свѣдѣній европейскихъ крестьянъ несравненно обширнѣе въ сравненіи съ сибирскими, и самыя дѣйствія

[1]) Записки Кузмина. Атеней, ч. II, стр. 334.

ихъ должны бы быть образованнѣе, судя по той ломкѣ и обработкѣ воли, которыя производятся въ школѣ дворянскаго управленія, но вся обширность ихъ свѣдѣній не заключаетъ въ себѣ никакой пользы; ибо неправильное понятіе о большомъ количествѣ предметовъ, которые имъ встрѣчались, составляютъ до того чудовищную смѣсь въ умѣ ихъ, что они даже затрудняются передавать свои идеи словами. Всѣ поступки ихъ сиротливы и дерзки. Сибирякъ Енисейской губерніи не бывалъ далѣе Иркутска и Томска. Онъ мало видѣлъ свѣтъ. Но все то, что онъ видѣлъ, постигъ съ точностью, ясно, чисто и безъ запинокъ можетъ передавать другому, что знаетъ. Онъ—свѣтелъ умомъ и смѣлъ въ объясненіяхъ. Онъ слишкомъ увѣренъ самъ, что имѣетъ хорошія умственныя способности; но въ томъ-то и заключается вся погрѣшность; ибо, не вѣдая свойства истиннаго ума, полагаетъ, что онъ состоитъ въ проискахъ, лукавствѣ и плутовствѣ» [1]).

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о лингвистическомъ смѣшеніи въ Сибири. Какъ, по своему физіологическому развитію, славяно-русскій народъ, вслѣдствіе воспринятія и претворенія въ свою плоть и кровь разнообразныхъ племенныхъ контингентовъ, подъ вліяніемъ различной примѣси чужой крови, въ теченіи своего историко-географическаго распространенія и этнографическаго развитія, мало по малу разнообразился и видоизмѣнялся на разнообразныя, довольно замѣтныя областныя отмѣнности или разновидности,—такъ и по языку своему, вслѣдствіе лингвистическаго сближенія, обобщенія и слiянія съ разноязычными племенами, онъ тоже весьма замѣтно разнообразился, образуя различныя новыя нарѣчія. Это областное оразноображеніе его лингвистической организаціи или распаденіе его языка на разныя областныя нарѣчія обусловливалось общимъ естественнымъ закономъ лингвистическаго подбора и расхожденія язычныхъ признаковъ. Авг. Шлейхеръ, прекрасно примѣнившій теорію Дарвина къ языкознанію, въ общихъ чертахъ такъ раскрываетъ этотъ естественный законъ лингвистическаго раздробленія и развитія: «Въ языкахъ или нарѣчіяхъ, говоритъ онъ, немного разнящихся между собою, мы видимъ недавнія еще дѣленія одного общаго имъ, основного языка; чѣмъ отличнѣе другъ отъ друга языки одного племени, тѣмъ ранѣе полагаемъ мы ихъ выдѣленіе изъ общаго, основного языка, приписывая ихъ различіе болѣе продолжительному особому развитію... Различія, обозначаемыя словами—языкъ, нарѣчіе, поднарѣчіе, говоръ, образовались постепенно и переходятъ одно въ другое... Мы и въ историческое время видимъ, какъ одни роды и виды языковъ постепенно уничтожаются, а другіе расширяются на ихъ счетъ. Въ примѣръ того, напомню только о расширеніи индо-европейскаго племени и о вымираніи американскихъ языковъ... Въ настоящій періодъ жизни человѣчества, въ борьбѣ за существованіе остаются побѣдителемъ преимущественно языки индо-европейскаго племени; они находятся въ постепенномъ расширеніи и уже овладѣли, мѣстами, множествомъ другихъ языковъ» [2]). По этому закону, и славяно-русскій языкъ, какъ языкъ индо-европейской семьи или группы, вслѣдствіе географическаго распространенія и расширенія своего среди разныхъ—финскихъ, тюрко-татарскихъ и манджуро-монгольскихъ языковъ, почти вездѣ являлся между ними побѣдителемъ. Но въ то же время, вслѣдствіе измѣненія лингвистической

---

[1]) Опис. Енис. губерн., ч. II, стр. 101

[2]) Письмо Шлейхера. Заграничн. Вѣстн. 1864 г. т. II, стр. 254, 256, 261, 263. Его же см. Die Deutsche Sprache. 1860, стр. 43 и 44.

среды, вслѣдствіе усвоенія многихъ мѣстныхъ разноязычныхъ элементовъ—финскихъ, татарскихъ, монгольскихъ и т. д., путемъ естественнаго лингвистическаго или язычнаго подбора, онъ, естественно, видоизмѣнялся и видоизмѣняется на многія областныя нарѣчія, распавшись уже предварительно на три главныя нарѣчія—малорусское, бѣлорусское и великорусское. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе распространенія славяно-русской новгородской колонизаціи по Двинѣ, Печорѣ, по сѣверному поморью и приуралью, среди зырянъ, самоѣдовъ и лопарей, — древне-славянскій новгородскій языкъ, постепенно видоизмѣняясь подъ вліяніемъ мѣстныхъ топографическихъ впечатлѣній, накопленіемъ новыхъ комбинацій, выраженій и формъ, и воспринявши въ свой органическій составъ и строй множество словъ зырянскихъ, самоѣдскихъ и лопарскихъ,—такимъ образомъ, естественно, организовалъ особое, типическое архангельское нарѣчіе. Его пѣвучая, протяжная на концѣ звучность, его говоръ на распѣвъ есть наслѣдіе язычной вокализаціи древней заволоцкой чуди—предковъ нынѣшнихъ архангельскихъ зырянъ, такъ же какъ совершенно подобная, возвышенно-протяжная на концѣ вокализація вятчанъ есть прямое наслѣдіе изъ говора туземныхъ вотяковъ. Другой лингвистическій контингентъ, обусловившій обильное развитіе въ архангельскомъ говорѣ провинціализмовъ и возведеніе его на степень отличительнаго областнаго нарѣчія, принадлежитъ также къ остаткамъ языка первобытной чуди. Эти лингвистическіе остатки, вкравшись мало по малу въ языкъ русскихъ переселенцевъ, сохранились въ немъ, между тѣмъ, какъ самый народъ, у котораго они были заимствованы, обрусѣвши или истребившись, исчезъ изъ страны, нѣкогда имъ занимаемой, передавъ архангельской вѣтви русскаго языка и оставивъ въ ней единственную память въ названіяхъ множества урочищъ, топографическихъ типовъ и формъ. Таковы, напримѣръ, названія множества рѣкъ въ Архангельской губерніи, кончающіяся на *га*, *уга*, *ига*, *ега*: Волонга, Паденга, Палуга. Еще замѣтнѣе видоизмѣнился и оразнообразился русскій языкъ въ архангельскомъ нарѣчіи черезъ усвоеніе множества словъ изъ нынѣ существующихъ языковъ постепенно русѣющихъ сосѣдственныхъ народовъ—самоѣдовъ и зырянъ, лопарей и финновъ, и въ особенности изъ языка самоѣдовъ. Такъ, Кольскій уѣздъ преимущественно заимствовалъ лопарскія, Онежскій — финскія выраженія, южный Мезенскій и Шенкурскій уѣзды усвоили много зырянскихъ словъ; сѣверный Мезенскій уѣздъ изобилуетъ самоѣдскими словами. Самымъ нечистымъ нарѣчіемъ говорятъ русскіе сосѣди зырянъ, по средней Печорѣ; за то и зырянскій языкъ здѣсь такъ сильно смѣшался съ русскимъ, что со временемъ, по всей вѣроятности, исчезнетъ вмѣстѣ съ финскою народностью, какъ исчезъ безвѣстно на Двинѣ, въ силу того закона, что народъ, занимающій высшую степень образованія, и языкъ, достигшій высшей и наиболѣе разнообразной организаціи, выразительности и наибольшаго расширенія, легко уничтожаютъ національность и языкъ менѣе развитаго народа. Такимъ образомъ, путемъ лингвистическаго подбора и смѣшенія, развилась особая организація и образовался особый словарь архангельскаго нарѣчія, въ которомъ на 300 провинціализмовъ приходится едва ли не на половину смѣшанныхъ выраженій и до 50 чисто финскихъ словъ [1]). Организовавшись такимъ образомъ и въ то же время сохранивъ ко-

[1]) Шренка—областныя выраженія русскаго языка въ Арханг. губ. Записки геогр. общ. 1850, кн. IV, стр. 121—167. Здѣсь напечатано собраніе словъ, вошедшихъ въ составъ арханг. нарѣчія изъ туземныхъ языковъ—зырянскаго, самоѣдскаго, лопарскаго и финскаго.

ренныя основы древне-славянскаго новгородскаго языка,—сѣверное поморское нарѣчіе, путемъ преобладавшей архангельской и вологодской колонизаціи Сибири [1]),—распространилось и по большей части сибирскихъ колоній, и во многихъ мѣстахъ сообщило сибирскому языку свою преобладающую, господствующую вокализацію и структуру. «Слушая рѣчь архангельскаго простолюдина, говоритъ Шренкъ, вы тотчасъ схватите ея разительное отличіе отъ языка московскаго—рѣзкимъ выговоромъ гласнаго звука *о*... Самыя древнія изъ областныхъ выраженій архангельскаго языка суть сохранившіеся въ немъ остатки языка русскаго въ томъ видѣ, какъ говорили имъ за нѣсколько столѣтій въ Великомъ Новгородѣ и отчасти въ другихъ странахъ Россіи; эти слова, въ свое время, бывшія общимъ достояніемъ русскаго народа, но которыя въ сердцѣ Россіи, вышедъ мало по малу изъ употребленія, живутъ теперь только въ глуши лѣсовъ архангельскихъ и отдаленныхъ дебряхъ Сибири, гдѣ извлекаетъ ихъ изъ забвенія любопытный путешественникъ... Между сибирскими провинціализмами много встрѣчается общеупотребительныхъ и въ Архангельской губерніи, но неслышныхъ нигдѣ въ прочихъ краяхъ Россіи» [2]).

Въ Сибири, русскій, преимущественно сѣверо-поморскій, архангельскій языкъ, распространившись вмѣстѣ съ колонизаціей и метисаціей, хотя и сохранилъ общую природу русскаго языка, но въ то же время видоизмѣнился, подъ вліяніемъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ и физико-географическихъ отпечатковъ, на новыя разнообразныя нарѣчія, воспринявъ въ себя различныя лингвистическія контингенты изъ языковъ туземныхъ сибирскихъ племенъ. Русскіе въ Сибири уже въ XVII вѣкѣ стали изучать языки сибирскихъ инородцевъ, а эти—русскій языкъ. Нѣкоторые русскіе казаки и служилые, а также торговые и промышленные люди уже тогда знали по-якутски, по-тунгузски, по-калмыцки, по-бурятски и по-монгольски. Точно также инородцы уже съ XVII в. стали усвоять русскій языкъ» [3]). Такимъ образомъ, съ одной стороны, сами русскіе, смѣшиваясь съ инородческими племенами и невольно освоясь съ ихъ мѣстными представленіями и обычаями, усвояли, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ слова, выраженія и названія. Съ другой стороны, инородцы, смѣшиваясь съ русскими, русѣя и усвояя русскій языкъ, невольно вносили въ составъ его много своихъ словъ. Особенно привносились и воспринимались въ составъ русскаго языка такія инородческія слова, которыя выработаны были инородцами подъ вліяніемъ мѣстныхъ физическихъ и бытовыхъ условій, которыя выражаютъ особенности мѣстной инородческой культуры и жизни, отличительныя свойства или принадлежности ихъ жилищъ, одежды, вообще зоолого-экономическаго быта и т. п. Такъ, изъ языка охотничьихъ, звѣроловныхъ племенъ переходили и переходятъ въ составъ русскаго языка преимущественно слова и зоологическаго значенія и примѣненія, т. е. касающіяся звѣрей, охоты, звѣриныхъ продуктовъ, ихъ культуры и примѣненія, лѣсовъ, звѣроловныхъ орудій и т. п. Отъ племенъ приpѣчныхъ, рыболовческихъ усвоялись разныя слова гидрографическаго ихтіологическаго содержанія и значенія. Отъ племенъ оленеводческихъ—слова, касающіяся оленей, оленеводства, мховъ, тундры

[1]) Устюжскій лѣтоп. „Сѣверн. Архивъ". 1822 г. ч. II, № 7, стр. 323: о колонизаціи Сибири изъ сѣверныхъ поморскихъ областей. См. также Доп. къ А. И. т. III, № 14; Доп. VI; № 19.

[2]) Вѣстн. геогр. общ. 1850, кн. IV, стр. 123.

[3]) Доп. VII, № 61, стр. 294, т. V, стр. 52, т. VI, стр. 300—301. Доп. III, № 98. Толмачи были изъ инородцевъ.

и проч. Такъ, напримѣръ, въ Березовскомъ краю, вслѣдствіе смѣшенія русскаго и въ частности сѣверо-поморскаго населенія съ остяками, въ составъ мѣстнаго русскаго нарѣчія вошло множество словъ остяцкихъ. Изъ 78 словъ русскихъ, тамъ приходится до 28 словъ чисто остяцкихъ, которыя существенно вошли въ составъ русской рѣчи. Таковы, напримѣръ, остяцкія слова: 1) *алыкъ*—часть оленьей и собачьей упряжи,—ремень изъ оленьей, медвѣжьей или волчьей шкуры; 2) *важанъ*—рыболовная сѣть на подобіе мѣшка, до 14 саженъ длины; 3) *варъ*—перегородка устья рѣки или сора изъ тонкихъ кольевъ; 4) *вотлипъ*—тонкія и длинныя волокна мерзлой ивы (талины, salix anegaria), на подобіе мочала, употребляемыя инородцами и русскими для чищенія металлической посуды и на другія потребности; 5) *гимга*—конусообразная морда, вышиною отъ 3 до 4 аршинъ, для ловли рыбы; 6) *калыданить*—промышлять рыбу *калыданомъ*—особаго рода рыболовною сѣтью, и т. д. Всѣ эти слова преимущественно характеризуютъ особенности оленеводческаго и рыболовческаго быта, страну тундры и мелкаго березника, выражаютъ разныя топографическія особенности или урочища рыболовныхъ рѣкъ, особенно касаются рыбъ во всякомъ ихъ видѣ, рыболовныхъ снастей, рыбной пищи, а также—оленей, оленьей упряжи, разнаго употребленія и примѣненія оленьихъ кожъ, характеризуютъ страну березника въ разныхъ примѣненіяхъ бересты къ жилищамъ, къ разнымъ домашнимъ принадлежностямъ и т. п. Въ юговосточной Сибири, гдѣ русское населеніе смѣшивалось, главнымъ образомъ, съ пастушескимъ, скотоводческимъ племенемъ монголо-бурятскимъ,—русскій языкъ преимущественно наполнялся и наполняется словами бурятскими. Въ Забайкальской области бурятскій языкъ даже почти господствуетъ надъ русскимъ. По словамъ Ермана, по Ангарѣ и въ Забайкальи монгольскій языкъ сдѣлался живымъ языкомъ [1]). «Едва ли есть другая страна, замѣчаетъ, между прочимъ, Ерманъ, наиболѣе свойственная или способная къ монгольскому и буддійскому образованію, какъ Иркутская губернія. Здѣсь почти каждый русскій казакъ имѣетъ обычай изучать бурятскій языкъ, потому что этотъ діалектъ столько же употребителенъ между ними, какъ и матерній языкъ». Вслѣдствіе этого, преобладающее лексическое нарощеніе и главные провинціализмы забайкальскаго русскаго нарѣчія всѣ произошли изъ монголо-бурятскаго языка. Изъ этого источника оно преимущественно наполнилось терминологіей зоолого-географической, словами, относящимися къ разнымъ родамъ, признакамъ и возрастамъ скота, къ обычаямъ скотоводства, къ разнымъ продуктамъ скотоводческимъ, къ пастбищамъ, къ пастбищнымъ, степнымъ и горнымъ урочищамъ и т. п. Вслѣдствіе такого нарощенія, изъ 150 провинціализмовъ забайкальскаго нарѣчія насчитывается до 76 или даже до 90 монгольскихъ словъ, вошедшихъ существенно, органически въ составъ русскаго говора [2]).

[1]) Reise, II, s. 70: das Mongolische ist schon hier eine lebende Sprache geworden.

[2]) Такъ какъ въ печати нигдѣ нѣтъ образчиковъ этого оригинальнаго, смѣшаннаго русско-бурятскаго нарѣчія, то, въ видѣ матеріала для словаря областныхъ нарѣчій, мы приведемъ здѣсь нѣсколько монголо-бурятскихъ словъ, употребляемыхъ въ Забайкальской области, въ Нерчинскомъ округѣ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ обрусѣлыхъ тунгузскихъ словъ: 1. *Лема* (монгольское) ладно, годится. 2. *Ana*, *апэкэй* (монг.)—междометіе удивленія. 3. *Адали* (монг.) подобно, сходно. 4. *Араки* (монг.) молочное вино, а отсюда - *араковать* -гулять, пьянствовать. 5. *Арца* (монг.) остатки отъ гонки молочнаго вина. 6. *Арсунъ* (монг.) сушеный творогъ. 7. *Азямъ* (монг.) халатъ въ родѣ кафтана. 8. *Арбанайка* (монг.) 1/8 кирпичнаго чаю. 9. *Аргалъ* (монг.) сухой скотскій пометъ, употребляемый для топлива и дымленія шкуръ. 10. *Бачча* (монг.) свертокъ чая байховаго до 1/4 фунта. 11. *Бальчи* (монг.) китайская полушелковица. 12. *Баречинъ* (монг.) лекарь. 13. *Боегонъ* (монг.) выблюдокъ, незаконнорожденный. 14. *Больджоръ* (тунгуз.) съѣздъ. со-

Уничтожая и претворяя въ свой органическій составъ языки большей части сибирскихъ племенъ, и самъ видоизмѣняясь, вслѣдствіе того, въ характеристическія нарѣчія,—русскій языкъ, однакожъ, не вездѣ одерживалъ полный перевѣсъ и потому не вездѣ господствуетъ надъ инородческими языками. Такъ, въ Якутскомъ краю, какъ національность русская не устояла противъ народности якутской, такъ и языкъ русскій уступилъ господство языку якутовъ. Или,—по выраженію Ермана,—русскій талантъ языкознанія здѣсь блистательно обнаружился въ обращеніи съ якутами. «Начиная съ Песковской станціи по якутскому тракту, крестьяне въ своихъ интимныхъ и частныхъ отношеніяхъ, на ряду съ матернимъ языкомъ,

---

браніе, сходка. 15. *Воровчанъ* (монг.) годовалый теленокъ. 16. *Бортогонъ* (монг.) чай, имѣющій одинаковую доброту съ кирпичнымъ, только несжатый въ кирпичи, а продаваемый въ камышевыхъ цибикахъ. 17. *Быркелъ* (монг.) деревянный колпакъ для гонки молочнаго вина. 18. *Буда* (монг.) китайская крупа изъ проса, *цаганъ буда*—рисъ, сарацинское пшено. 19. *Бурма* (монг.) сѣмена кислицы или конскаго щавеля, употребляемыя, какъ чай. 20. *Бургасникъ* (монг.) снопы изъ тальника, употребляемые вмѣсто дровъ. 21. *Бутанъ* (монг.) холмикъ среди степи съ тарбаганьими норами; поговорка: „*экой ты бутанъ*". 22. *Гайно*—логовище звѣря. 23. *Ганза* (монг. и тунгуз.) мѣдная трубка. 24. *Гунанъ* (монг.) трехгодовалый быкъ. 25. *Гуранъ* (монг.) самецъ дикой козы. 26. *Гуджиръ* (монг.) степная горькая глауберова соль, употребляемая для приправы въ кирпичный чай, состоящая большею частью изъ воднаго сѣрно-кислаго натра. 27. *Гутулы* (монг.) теплая обувь изъ козьихъ шкуръ, съ длинными голяшками. 28. *Даганъ* (монг.) жеребенокъ по 3-му году. 29. *Даганъ* (монг.) кумирни. 30. *Дарханъ* (монг.) кузнецъ. 31. *Дымбэй* (монг.) даромъ, напрасно, тщетно. 32. *Джиргаджигатъ* (монг.) наслаждаться. 33. *Духа* (монг.) ольховая кора, употребляемая для крашенья. 34. *Дунунъ* (монг.) четырехлѣтній быкъ. 35. *Жумбура* (монг.) еврашекъ, степной звѣрекъ. 36. *Зудыръ* (монг.) грязь, непріятность; *зудырный*—грязный непріятный. 37. *Иргэнъ* (монг.) кладеный баранъ. 38. *Инджиганъ* (монг.) дѣтенышъ дикой козы, козленокъ. 39. *Кавардакъ* (монг.) жаркое изъ печени и сердца барана, мелко искрошенныхъ, винегретъ. 40. *Каптурга* (монг.) кисетъ для табаку. 41. *Качирикъ* (монг.) двугодовалый теленокъ. 42. *Кизгины* (монг.) поводья на конской уздѣ. 43. *Кондолой* (монг.) задняя часть хребта у лошади. 44. *Кулусунъ* (монг.) озерный камышъ, употребляемый для топлива. 45. *Кукуя* (монг.) шкура шеи дикой козы, употребл. на ремни и конскую сбрую или на подошвы обуви. 46. *Курма* тунгузская одежда до колѣнъ. 47. *Курегашикъ* (монг.) молодой барашекъ отъ 1 до 6 недѣль. 48. *Курэнъ* (монг.) затвердѣніе железъ. 49. *Кутучинъ* (монг.) проводникъ, провожатый. 50. *Курсунъ* (монг.) лепешка изъ творога или изъ толченыхъ ягодъ. 51. *Кырсенъ* (монг.) мысъ груди барана, снимаемый съ кожею и потомъ жареный на вертелѣ или рожнѣ и живомъ огнѣ,—лакомое кушанье бурятъ. 52. *Кылыгэй* (монг.) косноязычный, худоязычный, картавый. 53. *Малахай* (монг.) шапка. 54. *Манейка* (монг.) ожерелье изъ стеклянныхъ шариковъ или корольковъ, вымѣниваемыхъ у китайцевъ. 55. *Моржанъ* (монг.) кораллъ. 56. *Манчиръ* (монг.) степной лукъ. 57. *Мунга* (монг.) деньги, звонкая монета. 58. *Мургусунъ* (монг.) пискарь. 59. *Мэгдэнъ* (монг.) суеты, хлопоты. 60. *Олгонджа* пугливый, робкій. 61. *Омороча* (тунгузс.) легкая берестяная лодка, употребляемая орочонами. 62. *Орогда* (тунгузс.) шапка изъ головной шкуры дикой козы съ ушами, а иногда и съ рожками, употребляемая для приманки козъ и другихъ звѣрей. 63. *Панты*—рога изюбря. 64. *Сундула* (монг.) вдвоемъ ѣхать верхомъ. 65. *Сыксурга* (монг.) перерослая мерлушка, шкура полугодового барашка. 66. *Тамаръ* (монг.) стрѣла съ колбой. 67. *Тарбаганъ* (монг.) сурокъ. 68. *Тамаминъ* (монг.) баранья похлебка. 69. *Таракинъ* (монг.) головной мозгъ. 70. *Таганъ* (монг.) желѣзный треножникъ надъ котломъ. 71. *Таракъ* (монг.) квашеное вареное молоко. 72. *Тарасунъ* (монг.) молочное вино изъ кобыльяго молока. 73. *Таторъ* (монг.) задняя подпруга у сѣдла. 74. *Толой* (монг.) сѣрый заяцъ, особенной породы, непеременяющій цвѣта шерсти. 75. *Тулугунъ* (монг.) двугодовалый барашекъ. 76. *Тулунъ* (монг.) кожаный мѣшокъ, сшитый изъ всей шкуры теленка или небольшого звѣря. 77. *Тымэнъ* (монг.) верблюдъ. 78. *Тырликъ* (монг.) тулупъ, крытый матеріей монгольскаго покроя. 79. *Ургуй* (монг.) прострѣлъ, растеніе. 80. *Ушканъ* (монг.) заяцъ. 81. *Урма* (монг.) сметана. 82. *Ункунъ* (монг.) злой духъ. 83. *Урганъ* (монг.) запасъ на зиму полевыхъ мышей изъ хлѣба, кореньевъ, луковицъ. *Урганачить*—разорять мышей. 84. *Узурусъ* (монг.) шкура полугодового барана. 85. *Ургудукъ* (монг.) измученная, сухая скотина, заваливающаяся и поднимаемая. 86. *Хилзаный* (монг.) плѣшивый, лысый. 87. *Хамунъ* (монг.) чесотка, зудъ. 88. *Харамчать* (монг.) завидовать. 89. *Цумуга* мозговая кость, или кость съ мозгомъ. 90. *Челдонъ* (монг.) ссыльно-каторжный. 91. *Черпель* (монг.) годовалый жеребенокъ. 92. *Чумбуръ* (монг.) поводъ у узды. 93. *Шекша* (монг.) вареная кровь. 94. *Шиля* (монг.) уха, кушанье. 95. *Шинтуръ* (монг.) дурной запахъ, зловоніе.—Заимств. изъ рукописнаго сборника словъ и выраженій, употребляемыхъ въ Забайкальской области въ Нерчинскомъ округѣ, составл. свящ. Боголюбскимъ. Рукопись Сибир. отд. Геор. Общ.

употребляютъ другой, якутскій: всѣ говорятъ между собою по-якутски. Русскіе въ Якутскѣ, вмѣстѣ съ воспитаніемъ, вмѣстѣ съ молокомъ матерей и нянекъ-якутокъ, сроднялись съ якутскимъ языкомъ. «О воспитаніи дѣтей,—говоритъ Врангель,—заботятся здѣсь мало; ребенка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой-либо якуткѣ, которая, вскормивъ посильно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника,—конечно, уже нѣсколько объякученнаго,—родителямъ; дома онъ доростаетъ и, научившись нѣсколько грамотѣ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бываютъ крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества объясняется съ перваго взгляда страннымъ кажущееся явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую французскій въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцевъ мѣхами въ имянины своей жены. Общество состояло изъ областнаго начальника, почтеннѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе» [1]). Н. Щукинъ пишетъ: «Олекминскъ—это первый, такъ сказать, якутскій городъ, гдѣ на улицахъ и въ домахъ русскій языкъ замѣняется якутскимъ. Въ Якутскѣ старушки нерѣдко толкуютъ между собою по-якутски. Этотъ языкъ господствуетъ здѣсь между всѣми классами, какъ у насъ въ столицахъ французскій. Нѣтъ ни одного жителя, который бы не зналъ по-якутски. Да и неудивительно: въ домѣ нянька, кухарка, кучеръ—всѣ якуты. Дитя, съ появленія чувства слуха, поражается звуками якутскаго языка, поступая въ исправленіе обязанностей гражданина, имѣетъ дѣло, по большей части съ якутами. Здѣшній житель, отъ обращенія съ ними, нечувствительно перенимаетъ всѣ ихъ обычаи, и лучше говоритъ на якутскомъ языкѣ, нежели на отечественномъ. Житель Якутска въ разговорѣ съ жителемъ Россіи понимаютъ другъ друга не совершенно; надобно прибѣгать къ объясненіямъ и повтореніямъ. Кромѣ словъ мѣстныхъ, настоящія русскія употребляются здѣсь не въ обыкновенномъ значеніи. Напримѣръ, здѣсь дрова называютъ саженями, муку—провіантомъ, капусту—щами. Здѣсь говорятъ: я былъ на берегу и покупалъ сажени. Много-ли у васъ посажено щей? А ходя по Гостиному двору, спрашиваютъ: крупичатый провіантъ есть? Сверхъ этого, во многихъ примѣтно сильное заиканье» [2]). Такъ видоизмѣняется славяно-русскій языкъ и, въ теченіи столѣтій, мало-по-малу образуются новыя областныя нарѣчія, все далѣе и далѣе уклоняющіяся отъ древне-славянскаго языка, все болѣе и болѣе наполняющіяся новыми, разноплеменными лингвистическими контингентами. И національность русская постоянно организуется, наростаетъ, тчется новыми этнологическими тканями, распадаясь на областные варіететы, различія, и языкъ русскій постоянно творится, видоизмѣняется, разнообразится, распадаясь на областныя нарѣчія и говоры.

---

[1]) Полярн. путеш. I, стр. 170—171.
[2]) Поѣздка въ Якутскъ, стр. 135, 228—229.

Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи [1]).

I.

Умственное развитіе русскаго народа до настоящаго времени представляетъ двѣ главныя фазы. Первая фаза, или первый физико-этнологическій періодъ, характеризующійся вслѣдствіе смѣшенія славяно-русскаго племени съ разнообразными восточными племенами, представляетъ тысячелѣтнее физико-этнологическое развитіе, непосредственно-натуральнаго, умственнаго склада русскаго народа, подъ непосредственнымъ вліяніемъ физическихъ и этнологическихъ условій. Этотъ этническій періодъ нарожденія изъ разнообразныхъ племенъ одной націи есть, такимъ образомъ, вмѣстѣ и этническій періодъ нарожденія и склада изъ разноплеменныхъ умственныхъ типовъ и міросозерцаній одного смѣшаннаго умственнаго типа и міросозерцанія. Какъ въ дѣтскій возрастъ, такъ и въ этотъ физико-этническій періодъ рожденія и дѣтскаго воспитанія націй, умственная жизнь русскаго народа слагалась и воспитывалась исключительно подъ непосредственнымъ вліяніемъ физическихъ условій, и въ умственной сферѣ его прежде всего воспитывались и особенною познавательною дѣятельностью проявлялись органы внѣшнихъ чувствъ, память и другія низшія познавательныя способности. А высшая, теоретическая мыслительность, научное и философское мышленіе еще вовсе было неразвито. Отсюда этотъ первобытный физико-этническій періодъ умственнаго развитія русскаго народа отличался упорной и продолжительной борьбой съ непосредственными силами природы; какъ у другихъ историческихъ народовъ, такъ и у насъ, онъ продолжался особенно долго и характеризуется умственнымъ застоемъ. Безъ возрождающаго генія передовыхъ націй народъ нашъ, своими собственными умственными силами, не могъ бы выйти изъ этого застоя.—Вторая фаза или второй, научно-раціональный, европейскій періодъ умственнаго развитія русскаго народа представляетъ зачатокъ или зародышъ и постепенное развитіе и наростаніе новаго европейскаго интеллектуальнаго типа, подъ возбудительнымъ вліяніемъ генія Петра Великаго и руководящаго интеллектуальнаго импульса передовыхъ, западно-евро-

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Дѣло“ за 1867 г., № 2, стр. 109—128 и № 3, 85—100 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 28 ноября 1866 г. и 12 января 1867 г.; редакція Г. Е. Благосвѣтлова.

пейскихъ націй. Въ этотъ періодъ, подъ вліяніемъ толчка, даннаго геніемъ Петра и потомъ, вслѣдствіе постояннаго просвѣтительнаго вліянія передовыхъ европейскихъ націй, изъ массы народной зарождается, выдѣляется и наростаетъ, какъ зародышъ новаго умственнаго типа и поколѣнія, мыслящее меньшинство, и генеративно-послѣдовательно ростетъ и множится изъ народа, черезъ послѣдовательный рядъ трехъ или четырехъ послѣ-петровскихъ поколѣній, такъ сказать, въ новую, европейскую, научно-раціонально-развитую умственную отрасль или породу, составляющую передовую генерацію въ умственной исторіи Россіи. Въ меньшинствѣ этомъ зачинаются проблески зрѣющей, самобытной мысли и стремленіе къ интеллектуальному саморазвитію внѣ узкихъ рамъ этнологическихъ или національныхъ, на широкой и самой плодотворной почвѣ общечеловѣческаго мышленія, разума и науки. Такимъ образомъ, и въ умственной исторіи русскаго народа, также какъ и въ умственномъ развитіи другихъ историческихъ народовъ, проявилось дѣйствіе трехъ главныхъ дѣятелей: во-первыхъ, непосредственное дѣйствіе физическихъ и этнологическихъ условій; во-вторыхъ, умственно-преобразовательный или обновительный и просвѣтительный импульсъ генія, какъ эмбріологическій зачатокъ новыхъ умственныхъ силъ и качествъ, какъ сила, производящая новыя выгодныя измѣненія и направленія въ умственной природѣ и исторіи народовъ,—и, наконецъ, умственно-руководительный импульсъ или интеллектуальное воздѣйствіе и вліяніе передовыхъ народовъ.—Въ настоящей статьѣ мы изложимъ только общій взглядъ на развитіе новаго, европейскаго умственнаго типа въ Россіи или новаго европейски-мыслящаго меньшинства, подъ вліяніемъ толчка, даннаго геніемъ Петра Великаго и руководящимъ просвѣтительнымъ импульсомъ и вліяніемъ европейской интеллигенціи и мысли, бросивъ предварительно бѣглый взглядъ на предъидущее, физико-этнологическое, непосредственно-натуральное развитіе и направленіе русскаго народнаго умственнаго склада.

До Петра Великаго мы видимъ въ Россіи всю медленность, застойчивость, неподвижность первобытнаго, естественнаго умственнаго саморазвитія народнаго, подъ непосредственнымъ вліяніемъ особенныхъ мѣстныхъ физико-географическихъ и этнологическихъ условій, въ тысячелѣтней уединенности и замкнутости отъ передовыхъ западно-европейскихъ націй. Главными дѣятелями въ умственномъ развитіи этого періода были не высшіе мыслительныя силы, не разумъ или мышленіе, а органы чувствъ и память зрительная, осязательная, слуховая и проч. Физическая жизнь и мускулярная дѣятельность рѣшительно преобладали надъ жизнью умственнаго и дѣятельнаго органа, мысли. Такая характеристическая особенность нашей умственной исторіи зависѣла главнымъ образомъ отъ физико-географическихъ и этнологическихъ особенностей среды умственнаго воспитанія русскаго народа. Среда эта обусловливала полнѣйшее преобладаніе физико-этнологическаго и мускулярнаго развитія, склада и воспитанія народнаго организма надъ развитіемъ умственнымъ. На западѣ вскорѣ послѣ установленія племенныхъ броженій, произведенныхъ такъ называемымъ великимъ переселеніемъ народовъ, вмѣстѣ съ физіологическимъ смѣшеніемъ крови индо-германскихъ племенъ, началось, такъ сказать, и смѣшеніе умственное, смѣшеніе народныхъ умственныхъ типовъ, понятій, міросозерцаній. У насъ же, вслѣдствіе вѣкового колонизаціоннаго самораспространенія и самоустройства славяно-русскаго племени по суровому и дикому, пустынно-лѣсистому и невоздѣланному сѣверо-востоку Европы и Азіи, при вѣковомъ смѣшеніи его съ пас-

ными, малоспособными восточными племенами, шла борьба чисто физическая, кулярная, физико-этнологическая. Или, выражаясь тогдашнимъ, древнерусскимъ комъ, шла борьба изъ-за *земли* и *кости*, за *землю русскую* и *за прикенье русское*, борьба *съ черными дикими лѣсами* и *съ черными дикими сменами* и *ордами*. Вслѣдствіе этого, естественно, больше слагался и закагя физико-этнологическій и мускулярный типъ народа, чѣмъ развивались его гвенныя способности или высшая теоретическая интеллигенція.

Во-первыхъ, вѣковая колонизація огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣ-)-востока, естественно, обусловливала больше физическое, и въ частности, въ рѣ познавательныхъ способностей, сенсуальное или чувственное, чѣмъ интеллекльное развитіе русскаго народа. На пути этой колонизаціи, всѣ физико-геофическія условія сѣверо-восточнаго континента вызывали только на постоянную порную мускулярную борьбу и работу для обезпеченія физической жизни, да самыя бѣглыя и поверхностныя примѣты и наблюденія или, по выраженію)въ, *дозоры* встрѣчавшихся на пути переселеній большею частію однообраз-ъ предметовъ и явленій, а не на высшую, научно-теоретическую умственную тельность, требующую предварительнаго удовлетворенія матеріальной жизни и тельности не однихъ внѣшнихъ чувствъ, но и развитаго мышленія. Первоньная многовѣковая заключенность, замкнутость славяно-русскаго племени около :квы, Новгорода и Пскова, Вологды, Вятки и Архангельска, въ сѣверномъ юрьи и т. д., въ приполярномъ, сѣверо-восточномъ континентальномъ углу, въ)вомъ сѣверномъ климатѣ, крайняя сѣверо-восточная континентальная отдален-ь его отъ западнаго моря, отъ Гольфстрема и его благотворнѣйшаго метеороіческаго вліянія на бытъ и культуру западной Европы, вѣчное сосѣдство съ удикимъ востокомъ, съ дикими восточными степными и лѣсными ордами и фи-)-географическая вынужденность двигаться, на пути колонизаціи, только въ глубь эро-восточнаго континента, въ область самыхъ неблагопріятныхъ физическихъ)вій, отсутствіе такого выгоднаго расчлененія, очертанія и значенія береговъ,)е представляетъ западно-европейскій материкъ,—всѣ эти причины, естественно, ›ма невыгодно для интеллектуальнаго развитія съуживали умственный горизонтъ :каго народа, много столѣтій отдаляли его не только отъ всѣхъ благопріятныхъ интеллектуальнаго прогресса физико-географическихъ условій запада, но и отъ свѣтительнаго интеллектуальнаго вліянія передовыхъ западно-европейскихъ націй. овая сѣверная природа, съ суровымъ климатомъ, съ неоткрытыми, непочатыми, эздѣланными и раскинутыми на огромныхъ пространствахъ источниками естеːнной экономіи, повсюду требовавшая усиленнаго физическаго труда до изнемоія, превозмогала не только умственныя силы народа, но и подавляла его фиэскую жизнь. Физическія, а вслѣдствіе того и экономическія бѣдствія, о коыхъ столь часто повѣствуютъ наши древнія сѣверныя лѣтописи, очевидно, дѣй-)вали самымъ неблагопріятнымъ образомъ на умственную жизнь народа. Почти всему сѣверо-восточно-континентальному протяженію, по всѣмъ изгибамъ и коаніямъ изотермической линіи русской земли, частые неурожаи отъ морозовъ и ухъ и, вслѣдствіе того, частые голода, болѣзни, бѣдность и страданія подав-и и даже убивали не только умственную, но и физическую жизнь. А сильные, келые, удушливые лѣтніе жары и страшные морозы въ долгія зимы одинаково юждали умственную апатію, вялость, сонливость, неподвижность. Послѣ корот-

каго лѣта, еще вызывавшаго народъ къ движенію и работѣ, къ колонизаціонному самоустройству и земледѣльческому самообезпеченію, длинныя зимы большею частію опять оледѣняли и погружали въ сонъ рабочія и умственныя силы народа на самую большую часть года, и, при сильныхъ запросахъ желудочныхъ и термоорганическихъ, не давали времени и досуга проявляться потребностямъ умственнымъ, запросамъ мысли. Не напрасно народъ русскій попрекали за эту зимнюю спячку и умственную лѣность! Вообще же, подъ вліяніемъ суровыхъ физическихъ и климатическихъ условій сѣвера и грубой физической жизни,—въ народѣ русскомъ только закалялась грубая чувствительность, но нисколько не развивалась утонченная мысль, воспитывались болѣе одни грубыя внѣшнія чувства, чѣмъ умъ, мышленіе. Не даромъ западные путешественники съ особенной ироніей отзывались объ этой грубости чувствъ русскихъ [1]). Не даромъ, и послѣ, въ XVIII вѣкѣ, когда поднятъ былъ вопросъ о просвѣщеніи и воспитаніи русскаго народа, профессора—педагоги обращали особенное вниманіе на воспитаніе чувствъ въ Россіи и утверждали, что въ Россіи на нихъ особенно нужно дѣйствовать воспитаніемъ, потому что у народовъ сѣвера груба чувствительность [2]). И вотъ, при такихъ условіяхъ возможно ли было энергическое интеллектуальное развитіе, когда весь народъ, можно сказать, страдальчески занятъ былъ страдомой работой земскаго строенья или колонизаціи, первоначальнымъ самообезпеченіемъ и самообзаведеніемъ, роздѣлью и росчистью лѣсовъ, распашкою насущныхъ пашенъ и поставленьемъ дворовъ, починковъ и деревень среди лѣсовъ. Тутъ, во-первыхъ, самыя географическія пространственныя условія починочной колонизаціи исключали всякую возможность сосредоточеннаго умственнаго развитія. Не одно столѣтіе нужно было только на то, чтобы пройдти огромныя, пустынныя, лѣсистыя и болотистыя пространства отъ Карпатовъ до Урала и далѣе черезъ всю Сибирь, занять ихъ мирнымъ трудомъ, или съ оружіемъ завоевать у разныхъ восточныхъ народовъ, потомъ очистить ихъ изъ-подъ лѣсовъ, обработать, обстроить и заселить, или, по выраженію актовъ, сдѣлать роздѣль и росчисть лѣсовъ, распахать пашни, поставить дворы, починки и деревни на лѣсѣхъ, провести пути и ухожаи бортничьи, бобровничьи, рыболовли и проч., наконецъ, населить посады, построить и заселить города и т. д. При такомъ постоянно-бродячемъ, колонизаціонномъ движеніи и разсѣяніи по огромнымъ пространствамъ сѣверо-восточной Европы и Азіи, и при этой постоянной мускулярной работѣ земскаго строенья среди роздѣли и росчисти черныхъ дикихъ лѣсовъ и посаженья починковъ и деревень на лѣсѣхъ, вѣчно только съ топоромъ, косой и сохой въ рукахъ, русскому народу, естественно, и некогда было вовсе заниматься отвлеченнымъ, научнымъ мышленіемъ, кабинетною умственною дѣятельностію. При всеобщемъ земскомъ строеньи, при повсемѣстной починочной разработкѣ и обстройкѣ земли, некогда было заниматься разработкой наукъ. Даже монастыри, и тѣ заняты были обширнѣйшей колонизаціей, посаженьемъ и поставленьемъ починковъ и деревень на лѣсѣхъ. И потому при всеобщей работѣ чисто-мускулярной, механической, не было работы головной, умственной. И вслѣдствіе того, въ народѣ русскомъ вовсе не развивалась и не могла развиваться умственная самососредоточенность,—это существенное условіе для работы мысли, а тѣмъ болѣе не развивалось какое-нибудь отвлеченное, германское

---

[1]) Коллинзъ 10—11.

[2]) Шевыревъ, Исторія московск. универс. стр. 159.

философское глубокомысліе; философію у насъ даже не любили, отрицали. Напротивъ, вслѣдствіе этой безпрерывной колонизаціонной расходчивости, расплывчивости пространственной, географической—въ русскомъ народѣ, скорѣе развивалась умственная разсѣянность, легкомысленность, или, по справедливому замѣчанію историка Соловьева, какая-то недоумочность. А при чисто-мускулярной, механической работѣ съ топоромъ, косой и сохой, въ лѣсахъ, скорѣе развивалась сила мускулярная, а не умственная. Правда, на пути колонизаціи, народъ русскій проходилъ и видѣлъ множество предметовъ и явленій, но онъ ни во что не всматривался внимательнымъ, умственнымъ глазомъ, ничего не изучалъ, не изслѣдовалъ, не анализировалъ силою научно-развитого мышленія,—потому что вовсе не было этого мышленія, и даже ни надъ чѣмъ не задумывался внимательно. И потому видѣлъ и запомнилъ только отдѣльные предметы и явленія, безъ всякаго уразумѣнія ихъ сущности, значенія, причинъ, взаимной связи и т. п. И такимъ образомъ, при бѣгломъ и поверхностномъ взглядѣ на встрѣчавшіеся на пути колонизаціи, предметы и явленія, естественно, онъ составлялъ объ нихъ понятія самыя ограниченныя и поверхностныя. Вслѣдствіе всего этого, въ колонизаціонной борьбѣ съ огромнымъ пустыннымъ пространствомъ и суровой сѣверной природой, народъ русскій не только не развивался, но часто тупѣлъ и изнемогалъ умственно. Потому что разсѣявшись по огромному пространству и не въ силахъ будучи уладиться на немъ и устроиться собственными силами, управиться съ великою и обильною землею собственнымъ умомъ,—безъ свѣта и помощи науки, онъ. на каждомъ шагу колонизаціи, при открытіи каждой новой географической области, или новой области естественной экономіи, обнаруживалъ только свою умственную импотенцію и безсиліе. Далѣе вслѣдствіе этого безпрестаннаго *броженья врознь*, о которомъ постоянно свидѣтельствуютъ историческіе акты, вслѣдствіе колонизаціонной расходчивости и географической, пространственной разрозненности и разсѣянности народонаселенія по чернымъ дикимъ лѣсамъ и между-болотнымъ оазамъ въ однодворныхъ сѣдѣньяхъ, починкахъ и деревняхъ и при стремленіи, вслѣдствіе того, каждой волости, даже каждой деревни, во всѣхъ земскихъ дѣлахъ быть *особно, опроче*,—естественно, въ народѣ не могло быть живого, постояннаго, ближайшаго и тѣснѣйшаго умственнаго общенія, а потому, не могло быть и живого, взаимнаго или общественнаго умственнаго развитія, общенія и обмѣна идей, знаній, опытовъ. Да притомъ, сплошная дичь пустынныхъ черныхъ и дикихъ лѣсовъ, естественно, и не могла давать умамъ никакихъ новыхъ идей и знаній, а скорѣе притупляла ихъ; и много столѣтій она требовала только механической работы съ топоромъ, косой и сохой, да поставленія починковъ на лѣсѣхъ, а не научныхъ изслѣдованій и не разсадка училищъ и университетовъ. Не даромъ западные европейцы русскихъ, какъ полудикихъ обитателей среди черныхъ дикихъ лѣсовъ и среди медвѣдей, называли ursae septentrionales. Затѣмъ, постоянно встрѣчая на пути колонизаціи, на широкой и однообразной равнинѣ южно-русской и великорусской и низменности сибирской, почти все одинаковые или однообразные предметы и явленія, одни и тѣже природныя формы и типы,—умы народные, естественно. ни чѣмъ особенно не вызывались и не пріучались къ сравненію между собою предметовъ и явленій, и потому ничѣмъ не побуждались къ особенной дѣятельности мышленія, а слѣдовательно—и къ развитію мысли: ибо только сравнительный методъ познанія изощряетъ и развиваетъ мышленіе и даетъ плодотворные выводы

и знанія. Пространственная равнинность и однообразіе русской земли невольно воспитывали, такъ сказать, равнинность умственную, однообразіе низкаго умственнаго уровня во всѣхъ массахъ народа; и онъ наблюдалъ и познавалъ одними внѣшними чувствами и одну внѣшнюю, наглядную и осязаемую сторону однихъ и тѣхъ же предметовъ и явленій. и потому составлялъ о нихъ представленія и понятія самыя однообразныя, поверхностныя и чувственно-образныя. Притомъ. сжатая и однообразная дѣятельность народа—повсемѣстно одна и та же работа земскаго строенья, роздѣль и росчисть лѣсовъ, посаженье и поставленье починковъ на лѣсѣхъ, всеобщее и однообразное промышленное броженье по путямъ и ухожаямъ бортничьимъ, бобровничьимъ, рыболовнымъ и пашеннымъ, всенародное занятіе хлѣбопашествомъ и отсутствіе разнообразной ремесленности и обширныхъ торговыхъ сообщеній—вся эта узкость и однообразность сферъ и родовъ занятій. очевидно, также порождала крайнее умственное однообразіе и отсутствіе живого оборота и обмѣна знаній въ народѣ. У всѣхъ были одни и тѣже самыя безъискусственныя занятія, не требовавшія никакихъ особенныхъ знаній. или обходившіяся и безъ нихъ, и потому у всѣхъ были одни и тѣ же мысли, понятія и знанія, и нечѣмъ было мѣняться другъ съ другомъ. Наконецъ, при постоянномъ наблюденіи или *дозорѣ* на пути колонизаціи такихъ только физическихъ предметовъ, какъ, напримѣръ, черные дикіе лѣса, рѣки, озера, пни да колоды и т. п.,— въ умственномъ запасѣ всего народа, естественно, преобладали самыя скудныя и самыя простыя, поверхностныя, элементарно-конкретныя знанія, данныя непосредственно органами чувствъ. При господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ познающимъ разумомъ. вмѣсто идей и теорій чистаго разума, вмѣсто научнаго философскаго мышленія, развился по преимуществу грубый физическій, непосредственно-чувственный реализмъ, или непосредственно-натуральный, элементарно-конкретный эмпиризмъ. Развивались, въ сферѣ внѣшнихъ чувствъ, одни элементарно-конкретныя представленія и знанія о предметахъ и явленіяхъ природы, въ ихъ непосредственной чувственной видимости и осязаемости, въ непосредственныхъ. данныхъ природою, условіяхъ. Природу, за темными, дремучими лѣсами и водами. народъ познавалъ, на пути колонизаціоннаго географическаго распространенія, только въ тѣхъ предѣлахъ, «куда ходилъ топоръ. ходилъ плугъ, ходила коса и соха», или на водахъ—«идѣже обычай имѣли приставати», слѣдовательно. въ предѣлахъ непосредственно-чувственной видимости, наглядности и осязаемости. При неразвитости теоретическаго мышленія и при господствующей познавательной воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ, умъ народный обогащался только непосредственно-чувственными, предметными явленіями, но неспособенъ былъ развивать никакихъ сложныхъ обобщеній, отвлеченныхъ понятій. теорій. идей. На пути колонизаціи. на пути *дозоровъ* земель, на пути займищъ и раздѣла лѣсовъ, гдѣ, по характеристическому выраженію актовъ. былъ только *назнаменанъ топоръ*,—ему шли на умъ только такія непосредственно-чувственныя примѣты, какъ межи и межевые знаки—троевиловастые дубы, пни, березы, ямы да овраги и т. п. Полнымъ выраженіемъ такого чувственно-эмпирическаго мышленія служатъ, напримѣръ, межевыя записи. А въ нихъ вотъ какія примѣты и представленія сообщалъ уму органъ зрѣнія: «отъ Осиновскія пустыни Баева,—читаемъ, напримѣръ, въ межевой записи 1631 года,—въ оврагѣ стоитъ дубъ, отъ земли голенастъ, въ верху суковатъ, а на немъ грань; а отъ того дуба на столбъ дубовой, а на немъ

двѣ грани, а у столба двѣ ямы, а столбъ стоитъ противъ горѣлаго пня, на которомъ были старые грани; а отъ того столба долинною водотечью внизъ на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани; а отъ того столба внизъ же вражкомъ суходоломъ на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани, а столбъ стоитъ на водотечи; а отъ того столба прямо къ болоту на березовой пень, а на немъ двѣ грани старые; а отъ того пня въ болото жъ на иву, вверху суковата, безъ верху, покляпа на всходъ, а на ней двѣ грани; а отъ тое ивы черезъ болото на березу кудревату, а отъ тое березы въ путь тѣмъ же вражкомъ суходоломъ водотечью на березу, отъ земли голенаста, вверхъ кудревата, поклепа на полдень; а отъ того столба черезъ болото къ полю на березу, отъ земли голенаста, виловата, а отъ того столба къ черному лѣсу на дубъ, отъ земли голенастъ, съ дѣлью, вверхъ кудреватъ; а отъ того столба береза стоитъ у ивова куста, а на немъ новые грани по обѣ стороны, а по сказкѣ старо-жильцовъ была-де въ ивовомъ кустѣ осина, а на ней были старые грани, и ту-де осину вырубилъ деревни Юрьевки крестьянинъ Борко». Точно также, географію и природу русской земли не умѣли иначе описывать, какъ только по самымъ виднымъ и осязательнымъ физико-географическимъ признакамъ—по рѣкамъ, волокамъ, озерамъ, лѣсамъ и т. п. урочищамъ, и въ непосредственно данной природою послѣдовательности въ непосредственно-видимомъ и осязаемомъ порядкѣ, напримѣръ,—по топографическому расположенію и порядку рѣкъ, по мѣрѣ того, какъ плыли отъ одной рѣки до другой и видѣли, гдѣ какая рѣка и послѣ какой пала въ другую рѣку и т. п. Кромѣ устьевъ рѣкъ, волоковъ и т. п., ничего другого не видѣли, не замѣчали. О высшихъ теоретическихъ соображеніяхъ, выводахъ и заключеніяхъ не догадывались и не мыслили. И всѣ эти топографическія или географическія описанія, какъ опыты первоначальнаго познанія земли, вызывавшіеся исключительно практическими цѣлями, производившіеся ощупью, были ничто иное, какъ только чувственно-наглядныя копіи или чертежи каждаго шага по волокамъ, или каждаго плаванія отъ устья одной рѣки до устья другой, съ обозначеніемъ самыхъ дней пути. Такъ составлена была о древней Россіи «Книга Большаго Чертежу», такъ составлялись чертежи и росписи земель и рѣкъ сибирскихъ.

При такой элементарно-конкретной, непосредственно-натуральной, чувственно-предметной наблюдательности, могла ли развиваться способность раціональнаго естествоиспытанія, соединяющая съ раціональнымъ опытомъ и наблюденіемъ глубокое теоретическое мышленіе? Очевидно нѣтъ. Въ головахъ русскихъ еще вовсе не было предварительнаго, готоваго, научнаго запаса понятій, идей и знаній, пріобрѣтаемыхъ теперь съ дѣтства, вмѣстѣ съ воспитаніемъ, потому и невозможно было мышленіе отвлеченное, теоретическое, мышленіе безъ непосредственнаго созерцанія предметовъ, a priori. Напротивъ, еще необходимо было только собирать, копить посредствомъ чувствъ самый первоначальный, элементарный запасъ отдѣльно-предметныхъ или конкретныхъ представленій и понятій. Это былъ дѣтскій періодъ умственнаго развитія, періодъ воспитанія и преобладающей, и даже исключительной познавательной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и памяти. Какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и въ этомъ періодѣ народнаго развитія весь послѣдовательный процессъ или механизмъ умственнаго развитія шелъ, во-первыхъ, путемъ однихъ только ощущеній. Затѣмъ, всѣ акты первоначальнаго познаванія или мышленія совершались: а) путемъ ассоціаціи разнообразныхъ ощущеній и представленій, по-

лученныхъ отдѣльно изъ всѣхъ сферъ чувствъ, или посредствомъ совершенно непроизвольнаго заучиванія послѣдовательнаго ряда явленій во всѣхъ сферахъ чувствъ: б) путемъ анализа конкретныхъ впечатлѣній и ощущеній или разложенія сложныхъ представленій, напримѣръ зрительно-осязательно-слуховыхъ, на составные элементы: в) путемъ дизассосіаціи или анализа, разобщенія соединенныхъ, осложненныхъ конкретныхъ ощущеній и представленій. И наконецъ, весь этотъ аггрегатъ конкретныхъ представленій и знаній такимъ образомъ копился медленно и сохранялся въ памяти—зрительной, слуховой, осязательной и проч., въ качествѣ скрытыхъ слѣдовъ предметныхъ впечатлѣній или конкретныхъ и ассоціированныхъ представленій. Такимъ образомъ, подобно дѣтскому развитію познавательныхъ способностей, органы чувствъ были главными и, даже, единственными факторами въ развитіи умственныхъ представленій и языка нашихъ предковъ. Возьмемъ, напримѣръ, органы зрѣнія и слуха. Мозгъ древне-русскаго человѣка, совершенно какъ у ребенка, былъ такъ устроенъ, что, напримѣръ, цвѣтъ чѣмъ ярче, тѣмъ больше на него дѣйствовалъ, звукъ чѣмъ громче, тѣмъ сильнѣе его поражалъ. Отсюда, напримѣръ, солнце и громъ, по рѣзко-впечатлительному дѣйствію на органы зрѣнія и слуха, при совершенной неразвитости и слабости разсудочнаго анализа и понимания, при невольномъ возбужденіи чувства радости или оживленія при видѣ яркаго весенняго солнца и чувства страха при слышаніи грома,—солнце и громъ такимъ образомъ рѣзко отмѣтились въ его первобытномъ, непосредственно-чувственномъ міросозерцаніи. Одинъ органъ зрѣнія былъ важнѣйшимъ факторомъ въ созданіи первобытнаго міросозерцанія. Напримѣръ, отъ одного впечатлѣнія, произведеннаго на органъ зрѣнія *яркимъ* весеннимъ солнцемъ и, вслѣдствіе того, отъ одного представленія и слова *ярь*, путемъ аналогіи, родился цѣлый рядъ такихъ, напримѣръ, представленій и словъ: *ярь*—яркое, солнечное, весеннее, свѣтлое время, весна и весенній посѣвъ, *ярое*—все свѣтлое, все весеннее, все красивое, все веселое, все живое, *ярило*—божество солнца, весны, свѣта, жизни, *яръ*—рѣзко бросающійся въ глаза, крутой, красный утесъ на берегу рѣки, и т. п. Всякое внезапное, необыкновенное впечатлѣніе, поражавшее органъ зрѣнія, естественно порождало чувство страха. Видѣлъ древній предокъ нашъ, напримѣръ, внезапное затмѣніе солнца,—и тотчасъ, безъ всякаго размышленія, путемъ непосредственнаго впечатлѣнія на всѣ чувствующія органы тѣла, приходилъ въ страхъ и ужасъ: «погибе,—говоритъ лѣтописецъ,—погибе все солнце: о великъ страхъ!» [1]). Точно также, видъ необычайной звѣзды, поражая зрѣніе, производилъ чувство страха и тревожнаго движенія: «явися,—говорили,—звѣзда образомъ страннымъ, отъ видѣнія сея звѣзды страхъ объя вся человѣки и ужасть» [2]). Составивши путемъ непосредственныхъ ощущеній понятія о широтѣ, высотѣ и глубинѣ,—народъ придалъ имъ въ своемъ эпосѣ особенную многознаменательность [3]). Вообще естественная, физіологическая связь органа зрѣнія со свѣтомъ, исходящимъ отъ солнца, путемъ послѣдовательнаго ряда ощущеній и чувственныхъ ассоціацій, породила въ народномъ міросозерцаніи тьму разнообразныхъ миѳологическихъ комбинацій—

---

[1]) Ипат. Лѣт., стр. 202.
[2]) Густын. Лѣт., стр. 344—345.
[3]) Такъ что древне-русскія народныя стихотворенія обыкновенно начинались такимъ припѣвомъ: „высота ли, высота поднебесная, глубота ли, глубота Океанъ море, широко раздолье по всей землѣ“.

представленій и примѣтъ о солнцѣ, свѣтѣ и глазѣ [1]). Точно также копился элементарный матеріалъ для всей первоначальной умственной жизни, путемъ совершенно непроизвольнаго заучиванія явленій въ сферѣ слуха, осязанія, обонянія, вкуса и всѣхъ органическихъ ощущеній. Осложнялся и увеличивался онъ посредствомъ ассоціаціи или самаго разнообразнаго сочетанія между собою данныхъ внѣшними чувствами впечатлѣній или ощущеній, путемъ анализа конкретныхъ представленій на составные элементы, наконецъ—путемъ анализа составныхъ конкретныхъ представленій или дизассосіаціи, разобщенія осложненныхъ конкретныхъ ощущеній. Такимъ образомъ явилась тьма болѣе или менѣе полныхъ представленій о предметахъ элементарныхъ, конкретныхъ знаній о вещахъ въ ихъ простѣйшихъ, непосредственно данныхъ природою условіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ слагался чувственно-образный языкъ и развивалось чувственно-фантастическое міросозерцаніе въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ. Воспроизводящая ощущеніе способность,—память—зрительная, слуховая, осязательная, — по физіологическимъ законамъ сохраняла весь этотъ элементарно-конкретный чувственно-эмпирическій запасъ и матеріалъ первоначальныхъ представленій и знаній. Слухъ увеличивалъ этотъ запасъ, такъ какъ извѣстно, что у большинства людей, вслѣдствіе условій воспитанія чувствъ, слуховыя ощущенія несравненно сильнѣе зрительныхъ. Отсюда проистекало это извѣковѣчное разсказываніе старины молодымъ поколѣніямъ— «молодымъ молодцамъ для памяти, на послушанье и на переиманье». И непосредственно-чувственный характеръ всей первоначальной умственной жизни, вслѣдствіе первобытно-познавательнаго господства чувствъ, рѣшительно преобладалъ въ умственной дѣятельности и языкѣ народа. Все, что на русской землѣ, на пути колонизаціоннаго, географическаго распространенія и самоустройства русскаго народа, особенно рѣзко и постоянно дѣйствовало на его чувства, больше всего бросалось въ глаза,—все то особенно рѣзко выразилось и въ умственномъ складѣ его, въ областныхъ нарѣчіяхъ, въ пословицахъ, въ примѣтахъ, въ присловьяхъ и проч. Такъ, въ областномъ нарѣчіи сѣверно-поморскаго населенія съ особенною чувственно-образною изобразительностью и въ особенномъ изобиліи выработаны слова, относящіяся къ физической географіи и феноменологіи моря, къ перемѣнамъ и направленіямъ морскихъ вѣтровъ, къ приливамъ и отливамъ морскимъ и т. п., и, съ другой стороны, вслѣдствіе постояннаго созерцанія моря, отъ него заимствованы образы для выраженія совершенно другого рода предметовъ, напр., времясчисленія и проч. Напротивъ, въ областныхъ нарѣчіяхъ центральныхъ великорусскихъ областей, гдѣ преобладаютъ поля и лѣса, съ особенною подробностію выработаны слова, относящіяся къ топографіи лѣсовъ, почвы и т. п.; и отъ разныхъ полевыхъ и лѣсныхъ предметовъ, напримѣръ, отъ деревьевъ, птицъ и проч., заимствованы образы и даже слова для выраженія различныхъ, даже отвлеченныхъ понятій, напримѣръ—*грунтъ*—толкъ, умъ, *дерева*—дикій, необразованный человѣкъ, *желна*—ядовитый на словахъ человѣкъ и т. п. [2]).

---

[1]) См. въ Архивѣ Калачева, к. II, полов. 1, ст. г. Аѳанасьева: „миѳическая связь понятій: свѣта, зрѣнія, огня, металла, оружія и жолчи“. Наприм., отъ свѣта и зрѣнія слова: зрѣть, озоръ, зоркій и зоръ—свѣтъ, зоря, зарница—отдаленная молнія, зорница—утренняя звѣзда, видѣть и видѣло—свѣтъ, дивиться—смотрѣть (*дів.* санскр. свѣтъ), мѣсяцъ смотритъ, солнце глядитъ и проч., стр. 1—18.

[2]) См. Словарь областныхъ великорусскихъ нарѣчій. Спб. 1852 г. и Дополн. къ нему. 1858 г.

Вѣковое преобладаніе познавательной дѣятельности органовъ чувствъ, а также памяти и другихъ низшихъ познавательныхъ способностей, отмѣтилось многими невыгодными послѣдствіями въ умственной жизни русскаго народа.

Во-первыхъ, вслѣдствіе преобладающей познавательной дѣятельности органовъ чувствъ,—въ умѣ русскихъ не развивалась высшая способность обобщенія идей и понятій, немыслимы были никакія научныя теоріи. Для того, чтобы народъ могъ выступить на широкій путь научнаго интеллектуальнаго развитія,—слишкомъ мало непосредственно-натуральной поверхностной наблюдательности однихъ органовъ чувствъ и одного простого случайнаго, непосредственно-натуральнаго опыта. Необходимо еще развитіе теоретической, умозрительной способности. «Исторія естественныхъ открытій,—говоритъ Фирортъ,—всего лучше доказываетъ намъ, какъ мало чувственны бываютъ зрѣніе, слухъ и ощущеніе естествоиспытателя. Тысячу разъ проходятъ вещи передъ глазами ученыхъ, пока, наконецъ, они найдутъ своего открывателя, который часто пользовался тѣми же вспомогательными средствами, какъ и его предшественники. Отъ чего же не сдѣлали этого открытія раньше? Отвѣтъ весьма простъ: они не смотрѣли своимъ *умственнымъ глазомъ*. [1]) «Я *размышлялъ* безпрестанно»—такъ объяснялъ и доказывалъ великій Ньютонъ значеніе мышленія въ такихъ великихъ міровыхъ открытіяхъ, какъ его геніальное открытіе закона всеобщаго тяготѣнія, отвѣчая на вопросъ: какъ дошелъ онъ до своего великаго открытія [2]). И послѣ Шеллинга, воцарявшаго въ естествовѣдѣніи, или въ своей «Философіи природы» одно чистое мышленіе, по которому «размышлять о природѣ, значитъ ее создавать» (über die Natur philosophiren heisst die Natur schaffen), и послѣ Кювье, сначала съ энтузіазмомъ стоявшаго за права и участіе мышленія въ естествознаніи, а потомъ почти исключительно за органы чувствъ, за одни факты, за опытъ и наблюденіе,—Лапласъ, знаменитый преемникъ Ньютона, творецъ «Небесной Механики», и Сентъ-Илеръ, знаменитый творецъ «Философіи анатоміи», окончательно установили и доказали всю необходимость участія мышленія въ естествознаніи. Только чрезъ *мышленіе*, говоритъ Лапласъ, чрезъ сравненіе фактовъ между собою, чрезъ стремленіе улавливать ихъ соотношеніе и посредствомъ нихъ восходить до явленій все болѣе и болѣе общихъ, человѣкъ дошелъ, наконецъ, до познанія законовъ, управляющихъ *явленіями* и проявляющихся въ нихъ самымъ разнообразнымъ образомъ [3]). Этьенъ Сентъ-Илеръ тоже утверждалъ: «чувства, наблюденіе, анализъ, неизбѣжны, но исключительно ихъ однихъ недостаточно: *мышленіе*, синтезъ, имѣютъ также свои права. Будемъ пользоваться органами внѣшнихъ чувствъ для наблюденія по возможности совершеннаго; но воспользуемся также вслѣдъ за наблюденіями и тѣми самыми благороднѣйшими способностями нашими, которыя присущи намъ, каковы *мышленіе* и сравнительный методъ изслѣдованія» [4]). Но кромѣ этого «умственнаго глаза» умозрительной силы мышленія, на помощь органамъ чувствъ, въ дѣлѣ наблюденія природы, необходимы еще такія раціонально-искусственныя средства, какъ естественно-научный опытъ, какъ микроскопы, телескопы и т. д. Если

[1]) Загран. Вѣстн., т. IV, стр. 320: Рѣчь Фирорта о единствѣ наукъ.
[2]) Араго. Біографіи астрон., т. III, стр. 60.
[3]) Общая Біологія, кн. 2, стр. 302.
[4]) Ibid. II, стр. 298—299. См. также главу: О значеніи мышленія въ естествознаніи.

въ наше время чувства приносятъ громадную услугу наукѣ, напримѣръ, химику, изслѣдующему тѣла, сгорающія въ солнечной атмосферѣ, то приносятъ эту услугу только при помощи такихъ искусственныхъ, новооткрытыхъ средствъ, какъ, напримѣръ, въ этомъ случаѣ спектральный анализъ. Если физикъ, наблюдая за колебаніемъ маятника, выводитъ вращательное движеніе земли вокругъ своей оси, то это уже блистательная побѣда не чувствъ, а эксперимента, который, не смотря на то, что этотъ вопросъ не подлежитъ непосредственному познаванію нашихъ чувствъ, вводитъ его въ область опыта. Такимъ образомъ, для того, чтобы выступить на прямой путь интеллектуальнаго развитія, необходимо, во-первыхъ, при органахъ чувствъ, при внѣшнемъ органѣ зрѣнія и наблюденія, сильное развитіе «умственнаго глаза»—мышленія, во-вторыхъ, необходимо вооруженіе органовъ чувствъ раціонально-искусственными экспериментальными средствами—микроскопами, телескопами и проч. Въ умственномъ развитіи западныхъ націй, благодаря предварительному, чисто умозрительному, теоретическому развитію мышленія, въ борьбѣ философскихъ идей, благодаря рано высказанной руководительной идеѣ Novum Organum Бэкона и Discours sur la Methode Декарта и, наконецъ, изобрѣтенію разнообразнѣйшихъ искусственныхъ средствъ опыта и наблюденія,—давно уже параллельно и дружно участвуютъ въ естествопознавательной интеллектуальной дѣятельности и органы чувствъ, и этотъ «умственный глазъ»—мышленіе, и эти помощники органовъ чувствъ и мышленія—искусственныя средства опыта и наблюденія. И вотъ, мощная мысль западная давно уже дружными усиліями геніевъ идетъ впередъ на пути своего естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія. У насъ же, до временъ Ломоносова и открытія университетовъ, ничего этого не было. При исключительной или преобладающей наблюдательной дѣятельности органовъ чувствъ и особенно органа зрѣнія, вовсе не развитъ былъ и не развивался «умственный глазъ»—мышленіе, не знали никакихъ раціонально искусственныхъ экспериментальныхъ средствъ для познавательной дѣятельности органовъ чувствъ, не знали естественно-научнаго опыта и наблюденія. Такимъ образомъ, до Петра Великаго и даже до основанія университетовъ, у насъ вовсе не было научнаго интеллектуальнаго развитія. Вслѣдствіе неразвитости теоретической силы и обобщенія, при преобладающемъ наблюдательномъ значеніи органовъ чувствъ, господствовалъ одинъ грубый, непосредственно натуральный чувственный эмпиризмъ, нисколько не основанный на мышленіи, синтезѣ и сравнительномъ методѣ познаванія. И потому невозможны были никакія научныя теоріи и обобщенія. Это подтверждаютъ даже такіе наши историки, которые слишкомъ идеализируютъ умственное состояніе древней Россіи. «Какая это была наука въ древней Россіи? говоритъ г. Лешковъ: сельское хозяйство, начала, образующіяся въ мастерскихъ, и правила вытекающія изъ познанія торговыхъ оборотовъ. Это науки опытныя, составляющіяся изъ опытовъ или извлекаемыя изъ опытовъ... Чего же не было? *Общаго всесторонняго обобщенія*, которое бы создавало изъ тѣхъ или другихъ данныхъ систему русскаго сельскаго хозяйства, русской технологіи, русской торговли. Не находимъ теоріи,—но такая теорія, сообщая изучающему болѣе, чѣмъ сколько можетъ онъ провѣрить своимъ опытомъ и примѣнить къ дѣлу, такая теорія требуетъ для своей дѣятельности много образованія, которое не у всѣхъ предполагается даже въ наше время» [1]). И дѣйствительно, сѣя, напримѣръ хлѣбъ, по словамъ актовъ, «для

[1]) Рус. народъ и государство, стр. 403—410.

опыту, въ присутствіи братіи дѣлая опытъ, сколько изъ сотенной копны выйдетъ зерна изъ добраго, средняго и плохаго хлѣба,»—предки наши умѣли только составлять «посѣвные, ужинные и умолотные списки,» но не могли и помыслить ни о физіологіи хлѣбныхъ растеній, ни о земледѣльческой химіи, ни о теоріи раціональной агрономіи. Постоянно имѣя передъ глазами небо и землю, мѣсяцъ и звѣзды, и не слыша ничего объ астрономическихъ открытіяхъ геніальныхъ современниковъ своихъ—Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона,—русскіе умы не могли составить никакого космическаго или астрономическаго обобщенія. До научнаго обобщенія идеи космоса, мірозданія, дѣтскій славянскій умъ, разумѣется, никакъ не могъ возвыситься силою теоретическаго мышленія, и для выраженія ея долженъ былъ прибѣгнуть къ самому ограниченному чувственно-конкретному представленію, соразмѣрному съ кругозоромъ зрѣнія. Космосъ онъ представлялъ конкретно—собраніемъ населенія или заселеннымъ пространствомъ, и назвалъ его вселенной или міромъ, общиной? «Переводчикамъ Св. писанія,—говоритъ г. Буслаевъ.—нужно было выразить всеобъемлющій смыслъ греческаго слова κόσμος (вселенная, mundus). Славянское слово *міръ*, запечатлѣнное извѣстнымъ юридическимъ смысломъ, казалось переводчикамъ слишкомъ ограниченнымъ и тѣснымъ сравнительно съ необъятнымъ значеніемъ греческаго κόσμος. Надобно было слово *міръ* какъ-нибудь расширить, распространить; и они, согласно съ свойствомъ языка, произвели эту любопытную операцію, прибавивъ къ этому рѣченію мѣстоименіе *весь*, которое въ древности означало и всякій. Потому-то во всѣхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ греческое κόσμος переводится не просто міръ, но *весь міръ*, т. е. всякій міръ, всѣ міры» [1]). Такимъ образомъ, при неразвитости логической способности обобщенія и при господствѣ простой, поверхностной, конкретной наблюдательности органовъ чувствъ, не развивался и самый языкъ. Въ немъ не было словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій теоретическихъ, умозрительныхъ идей. Леклеркъ справедливо говоритъ въ своей древней и новѣйшей исторіи Россіи: «*почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей, не подпадающихъ чувствамъ, недостаетъ въ русскомъ языкѣ рѣченій*» [2]). Дѣйствительно, достаточно просмотрѣть словарь областныхъ нарѣчій, чтобы убѣдиться въ этой грубой, непосредственно-натуральной вещественности, чувственной образности словъ русскаго народнаго языка. Общія и отвлеченныя понятія въ немъ выражаются, напримѣръ, такъ: *грунтъ*—толкъ, умъ: «съ грунту сбился», говорятъ (псков., новорж., опоч., остров., порх.); *втемлять*—внушать, вразумлять, убѣждать (арханг., каз.); *загалиться*—засмотрѣться: *загибъ*—недостатокъ нравственный (псков., тверск., осташ.); *мозговать*—мыслить, работать головой, расчитывать что-либо, соображать; *жевать*—причинять боль въ тѣлѣ, ломъ въ костяхъ (твер., осташ.), а также ругаться, браниться, и мн. друг. словъ. Понятія о природѣ и человѣкѣ, выразившіяся въ языкѣ и пословицахъ, самыя чувственно-образныя и неопредѣленныя. Звѣздное небо, съ его многосложной системой и мудрымъ механизмомъ, не постигаемое простымъ умомъ, невыразимое языкомъ народнымъ со всею научною точностію, было предметомъ загадокъ, созерцалось сквозь земные образы и предметы, непосредственно подлежащіе чувствамъ. Въ пословицахъ оно представляется то подъ образомъ поля сіянскаго или колы-

[1]) Очерки Р. Слов. I. 106.
[2]) См. у Болтина: Замѣч. на Леклерка II, стр. 29.

банскаго, полнаго скота астраханскаго, тараканскаго, карачайскаго и т. п., то подъ образомъ дуба—стародуба съ птицей—веретенницей. Млечный путь названъ былъ *мышиными тропками*, большая Медвѣдица—*лосемъ*, созвѣздіе плеяды—*кучками*, югъ—*лѣтомъ*, сѣверъ—*зимою*. О температурѣ говорилось напримѣръ: *лѣтняя*, т. е. теплая, *лѣтняя* вода—вода, имѣющая теплоту, такъ какъ бы нагрѣта была въ лѣтній день солнцемъ. Въ примѣръ понятій о времясчисленіи можно указать на слова: *трава*—въ значеніи года, лѣта; говорятъ: «быкъ по пятой травѣ»; *льдина*—осеннее время, *долягова*—до вечера, *до встани*—раннимъ утромъ, и т. п. Однимъ словомъ, просматривая словарь областныхъ нарѣчій, можно сплошь и рядомъ видѣть еще болѣе выразительные примѣры непосредственно-натуральной конкретности и чувственной образности русскаго народнаго языка [1]). Или достаточно посмотрѣть въ Сборникѣ пословицъ, составленномъ Далемъ, всѣ пословицы, подъ словами: вселенная, небо, стихіи, погода, мѣсяцесловъ, человѣкъ, животное, примѣты и проч.,—чтобы окончательно убѣдиться, какъ чувственно, образно, поверхностно и конкретно это непосредственное міросозерцаніе нашего простого народа, выразившееся въ его языкѣ и пословицахъ.

Наконецъ, память—этотъ нервный резервуаръ, сохраняющій въ скрытомъ состояніи въ нервныхъ аппаратахъ всѣ данные органами чувствъ звуки, образы, слѣды и вообще всякія ощущенія и память зрительная, осязательная, слуховая и проч., какъ тоже низшая познавательная способность, не обусловливала высшаго, научнаго интеллектуальнаго развитія, а только сохраняла и упрочивала тотъ скудный запасъ умственныхъ представленій и ощущеній, какія вырабатывались органами чувствъ. Въ силу того, что у большинства людей, вслѣдствіе условій воспитанія ихъ чувствъ, слуховыя ощущенія несравненно сильнѣе зрительныхъ,—дѣятельность слуха находилась въ особенно тѣсной связи съ дѣятельностію памяти, увеличивала въ ней запасъ скрытыхъ слѣдовъ, звуковъ и образовъ. Отъ этого преобладанія памяти и слуха происходило то, что изъ рода въ родъ, испоконъ вѣка, отцы и дѣды разсказывали дѣтямъ и внукамъ одни и тѣже сказанія, миѳы, сказки; передавали однѣ и тѣ же пословицы и примѣты. Отсюда проистекало это, можно сказать, всемогущее господство въ умственной жизни русскаго народа старины, стараго сказанія, пословицъ и примѣтъ. Всякое сказаніе и преданіе разсказывалось для того, чтобы молодыя поколѣнія его запомнили и затвердили, съ тѣмъ, чтобы передать своимъ потомкамъ [2]). Древнѣйшій космогоническій стихъ о Голубиной книгѣ, составляющій и доселѣ догматъ у духоборцевъ, кончался словами: «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ людямъ для памяти». Многія же сказанія кончались стихомъ:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы добрымъ людямъ на *послушанье*
Молодымъ молодцамъ на *перениманье*.

Вслѣдствіе такихъ условій умственнаго развитія, при преобладающемъ воспитаніи низшихъ познавательныхъ способностей чувствъ, воображенія и памяти, естественно, въ русскомъ народѣ не развивались съ такою генеративною послѣдо-

[1]) Послов. изд. Далемъ. Опытъ областн. Великорус. Словаря. Спб. 1852 г. и Дополн. къ нему 1858 г.

[2]) Буслаевъ, Очеркъ II. 18, 44, 111.

вательностію, и наслѣдственностію, какъ на западѣ, высшія мыслящія и познавательныя способности. До какой же степени не развиты были и не развивались высшія умственныя способности русскаго народа,—можно судить и потому, что до Петра Великаго русскіе умѣли считать только по пальцамъ, да на счетахъ. Людей, знавшихъ ариѳметику, было весьма мало, и тѣ стали появляться только съ XVII вѣка, и считались необыкновенными, остроумнѣйшими головами, одаренными блестящими способностями [1]).

Такимъ образомъ, прежде всего первоначальное всецѣлое зачатіе русскаго народа физико-географическимъ или земскимъ самораспредѣленіемъ и самоустройствомъ и починочнымъ физико-экономическимъ самообзаведеніемъ и самообезпеченіемъ, дѣлало невозможнымъ развитіе высшихъ умственныхъ, мыслительныхъ способностей, а обусловливало только первоначальное физико-географическое воспитаніе и дѣтское, первобытное проявленіе нисшихъ познавательныхъ способностей— чувствъ, памяти и воображенія. Вслѣдствіе этого до Петра Великаго въ Россіи не было никакого высшаго интеллектуальнаго развитія, не было и зачатковъ научной, теоретической мысли.

II.

Въ первой статьѣ мы старались показать, что долговременная и страдная борьба русскаго народа съ окружающей его лѣсной, болотной, обширной и малонаселенной мѣстностію,—препятствовала его умственному развитію. Теперь мы можемъ указать на другую существенную причину слишкомъ долговременной умственной неразвитости и застоя древней Россіи. Причина эта заключается въ восточно-этнологическомъ складѣ восточнаго умственнаго типа русскаго народа. «Чѣмъ болѣе наблюдатель вникаетъ въ свойства россіянъ,—говоритъ, наприм., Стурдза,— тѣмъ болѣе убѣждается въ томъ, что характеръ русскій, въ первобытной своей чистотѣ, есть сочетаніе азіатскаго генія съ европейскимъ. Азія завѣщала славяноруссамъ сродную ей нравственную безпечность, недовѣріе къ своимъ силамъ и какую-то безмятежную преданность судьбѣ, одушевленную христіанствомъ, но съ примѣсью восточнаго равнодушія» и проч. [2]). И вотъ это-то умственное спокойствіе, какъ увидимъ дальше, въ теченіи долгаго времени представляло другое, сильное и упорное противодѣйствіе умственному пробужденію Россіи и развитію въ ней новаго, европейскаго интеллектуальнаго типа.

Развитіе восточнаго умственнаго склада или типа русскаго народа естественно обусловливалось тысячелѣтней метисаціей или смѣшеніемъ славяно-русскаго племени съ разными восточными, азіатскими племенами, на пути его сѣверо-восточной колонизаціи. Вслѣдствіе первоначальной, болѣе или менѣе продолжительной и упорной борьбы славяно-русскаго племени съ восточными племенами финскими, татарскими и монгольскими, за національно-физіологическое господство и преобладаніе, — въ немъ прежде всего развивались восточныя воинственныя способности и занятія, въ ущербъ интеллектуальнымъ, и преобладали надъ умствен-

[1]) Пекарскаго матеріалы 1,269.

[2]) Воспом. о жизни гр. Каподистріи—соч. Стурдзы. Чтен. Моск. общ. ист. 1854 г. кн. 2, отд. II, стр. 17.

ною дѣятельностью. Русскій ученый начала XVIII вѣка, Максимовичъ справедливо писалъ: «Нѣсть дивно, что русскіе не прилежали ученіемъ письменъ, ибо народъ россійскій, яко во бранехъ и ко бранемъ рожденный, между оружіемъ далечайшіе государства своего распространилъ предѣлы, оружіемъ самодержавія своего укрѣпилъ силу и достигъ воинской немерцающей славы, паче о бранехъ, неже о книгахъ, паче о обученіи воинскомъ, неже обученіи школьномъ тщаніе имѣяше [1]). Поэтому, древне-русская жизнь скорѣе выработывала физическій типъ богатыря Ермака, или смѣшанный физико-этнологическій типъ сибирскихъ богатырей—служилыхъ людей и казаковъ—Хабаровыхъ, Поярковыхъ и т. п., храбро боровшихся съ разными сибирскими племенами и смѣшивавшихся съ ихъ женщинами, но не знала вовсе такихъ высокихъ умственныхъ типовъ, современныхъ Ермаку, Хабарову и проч., какъ геній Колумба, Декарта, Бэкона, Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона, Гарвея и др.

Даже мирному интеллектуальному сближенію и вліянію съ передовыми западно-европейскими націями предшествовали, со стороны русскаго народа, вѣковыя, азіатскія войны, и повели къ тому, что военныя знанія и занятія, составлявшія азбуку и въ первоначальномъ европейскомъ обученіи русскаго народа, долго потомъ были предметомъ особенной, спеціальной государственной науки. Вообще, вслѣдствіе вѣковой борьбы русскаго народа съ разными племенами и народами, военныя занятія и знанія образовали такую существенную стихію въ его исторической жизни, что въ самой умственной реформѣ, произведенной Петромъ Великимъ, составляли почти господствующій элементъ. Тогда какъ, напримѣръ, по естественнымъ наукамъ при Петрѣ I издано было не болѣе 10 или 15 книгъ,—по военной части ихъ напечатано было больше 30, въ родѣ «Артикула воинскаго, генералитета или табели о полевой арміи, устава воинскаго, книги о экзерциціи, церемоніяхъ и должностяхъ воинскихъ людей, архитектуры воинской, разнаго рода военныхъ реляцій, вѣдомостей, журналовъ и объявленій о баталіяхъ и викторіяхъ» и т. д. Далѣе, послѣ покоренія разныхъ восточныхъ племенъ, вѣковое физіологическое и умственно-бытовое смѣшеніе славянскаго племени съ этими восточными племенами—финскими, татарскими и монгольскими, обусловливая главнымъ образомъ физико-этнологическое развитіе русской національности, слагая его національно-физіологическій типъ, путемъ естественнаго подбора, неизбѣжно привносило и въ умственный складъ его много восточныхъ умственныхъ качествъ или признаковъ. Характеристическая особенность русской исторіи та, что въ ней слишкомъ много столѣтій ушло на образованіе національнаго склада и ростъ русскаго народнаго организма, въ ущербъ развитію его внутреннихъ интеллектуальныхъ силъ. Смѣшеніе славяно-русской крови съ кровью разныхъ восточныхъ племенъ, составляя одинъ изъ господствующихъ фактовъ въ естественной исторіи русскаго народа, совершенно исключало развитіе и общеніе идей, знаній, наукъ, и даже много вѣковъ препятствовало интеллектуальному сближенію и сліянію съ передовыми, западно-европейскими націями. Что издавна смѣшеніе славянскихъ племенъ съ восточными народами составляло господствующій фактъ русской народной исторіи,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ученый м. Евгеній доказывалъ его, уже въ самомъ зародышѣ славяно-русской исторіи и народности,

[1]) Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Вел., стр. 193.

разноплеменною смѣшанностью славянскихъ именъ: «однимъ изъ существенныхъ признаковъ,—говоритъ онъ,—народовъ не смѣшавшихся съ другими, считаются личныя имена, заимствованныя изъ природнаго языка. Когда славянскія племена начали смѣшиваться съ другими народами, то у нихъ появились чужія имена. Нѣсколько именъ имѣли даже знатные люди» [1]). Впослѣдствіи, не только въ простонародьи, но и въ княжескомъ и боярскомъ поколѣніи были цѣлые роды половецкіе, татарскіе и другіе, о которыхъ русскіе говорили: «вѣдь это родъ татарскій, кость не наша», или «чудь бѣлоглазая» и т. п. [2]). Древняя пѣсня народная изображаетъ Москву до того отатарившеюся, что представляетъ самого царя Ивана Васильевича Грознаго женящимся на татаркѣ московской [3]). Древніе *смерды* были большею частью финскіе инородцы, которые, когда крещены были, стали называться *хрестьянами* или крестьянами, и такимъ образомъ мало-по-малу обрусѣли. Потому-то одна старинная пословица, отмѣтившая древнее воспоминаніе о смердахъ-некрестяхъ, выражается объ нихъ, какъ о людяхъ не знающихъ Бога: «гдѣ смердъ думалъ, тутъ Богъ не былъ» [4]). Древніе *бобыли*, также должно быть, большею частью были плодъ смѣшенія племенъ, такъ же какъ и нынѣ бобылями называются смѣшанныя племена въ Пермской и Оренбургской губерніи, и такъ какъ нынѣ многіе инородческіе выродки или креолы, напримѣръ, въ Сибири, по состоянію, совершенно подобны древне-русскимъ бобылямъ, такъ же бездомовны, безхозяйственны и живутъ по русскимъ дворамъ. Далѣе, повсюду въ Великороссіи сохранилась память, остались свидѣтельства о сліяніи многихъ азіатскихъ племенъ съ русскою народностью въ самыхъ народныхъ прозвищахъ или родовыхъ фамиліяхъ, напримѣръ, въ прозваніи князей *Каратаевыхъ* и коломенскихъ купцовъ *Каратаевыхъ* отъ мордовскаго или финскаго племени—*Каратаи*, или въ прозваніи *Калмыковыхъ* и *Татариновыхъ* на-Дону—отъ предковъ ихъ калмыковъ и татаръ и т. п., а также въ названіи городовъ, напримѣръ, *Арзамаса* (въ Нижегор. губ.) отъ имени *Эрзя*, *Мокшана* (въ Пенз. губ.) отъ мордовскаго племени *Мокша*, Галича *Мерьскаго* (въ Костром. губ.) отъ финскаго племени *Меря* и т. п. Коренные городскіе и сельскіе жители, особенно населяющіе великорусскій сѣверо-востокъ и юго-востокъ, большею частью суть обрусѣлые изъ разныхъ чудскихъ или финскихъ племенъ и отчасти изъ татаръ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ внимательные этнографы, натуралисты и путешественники, изучавшіе наше великорусское народонаселеніе. Кастренъ замѣчаетъ относительно сѣверно-поморскихъ финскихъ племенъ: «что русскіе, поселившіеся по берегамъ Бѣлаго моря, приняли на себя народность финскую, а не искоренили ее, — это доказывается и нечистотою русскаго языка архангелогородцевъ, и финскимъ обличьемъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпою» [5]). Потомъ, на пути въ Сибирь, онъ часто замѣчаетъ, что, напримѣръ, чуваши, вотяки, остяки и разные сибирскіе инородцы большею частью уже совершенно или значительно обрусѣли, а остальные постепенно русѣютъ [6]). Лепехинъ также свидѣтельствуетъ: «жители пустозерской волости, по объявленію ихъ, происходятъ изъ Чуди и изъ новго-

1) „Вѣстникъ Европы“, 1813 г. Ч. 70, № 13, стр. 16.
2) „Лѣтоп. литер. и древн. слав.“, 1859. Кн. 2. стр. 92—113.
3) Буслаевъ, „Памятн. рус. лит.“, II. 162.
4) Ibid. I, 88.
5) Reiseerinnerungen 135 - 153 и мн. др.
6) Reiseberichte und Briefe s. 59, 114, 117, 121 и др.

родцевъ, поселившихся при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Зыряне по р. Вымѣ и Вычегдѣ, чрезъ долгое обращеніе и принятіе христіанской вѣры, присовокуплены къ россійскому народу. Вогуличи съ 1722 года, когда они крещены, стали совсѣмъ отмѣнны, и принятіе христіанства сдѣлало ихъ свободными брать за себя русскихъ дѣвокъ, отчего рѣдкихъ по р. Тавдѣ можно видѣть, у которыхъ тѣло прежней ихъ природѣ осталось соотвѣтственнымъ» [1]). Латкинъ, долго изучавшій вологодскій край, такъ же замѣчаетъ: «Здѣсь только названіе рѣкъ и селеній зырянскія и напоминаютъ зырянъ, а живутъ теперь все русскіе, обрусѣвшіе зыряне. Многіе зыряне, крестившись, смѣшались съ русскими и забыли свой языкъ» [2]). О жителяхъ Костромской губерніи г. Крживолоцкій замѣчаетъ: «время не смогло совершенно измѣнить одного наружнаго вида и, дѣйствительно, типъ финскаго племени сохранился еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ восточныхъ уѣздахъ, въ которыхъ жители малорослы, уродливы, лѣнивы и невѣжественны» [3]). О жителяхъ Рязанской губерніи г. Барановичъ говоритъ: «къ сѣверу, къ границамъ Владимірской губерніи, въ жителяхъ мещерской стороны, замѣтны признаки ихъ финскаго происхожденія, которыхъ не въ состояніи изгладить скудная природа этого края. Народъ въ этихъ мѣстахъ мелокъ, слабъ и неразвитъ. Здѣсь мещеря болѣе всего сохранила первобытный типъ свой» [4]). О донскихъ казакахъ Георги писалъ: «они доставали себѣ женъ или по добровольному согласію, или по обыкновенію татаръ, увозомъ отъ своихъ сосѣдей — казаковъ и татаръ, смѣшались съ послѣдними и составили одно общество. Большая часть донскихъ казаковъ во всемъ сходны съ россіянами, имѣютъ видъ смѣшанный съ русскимъ и татарскимъ, безъ сомнѣнія, отъ матерей или праматерей татарокъ» [5]). Г. Котельниковъ, въ исторической запискѣ своей о верхней Курмоярской станицѣ, на основаніи собственныхъ наблюденій и сказаній старожиловъ, тоже замѣчаетъ: «Внедшія въ донской казачій родъ нѣкоторыя калмыцкія, татарскія, греческія и турецкія племена, чрезъ смѣшеніе, измѣнились совсѣмъ въ русскій родъ» [6]). А чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ больше восточнаго племеннаго элемента въ русской крови. О жителяхъ западной Сибири, гдѣ, по словамъ историческихъ актовъ, казаки еще въ первой половинѣ XVII столѣтія смѣшивались съ женщинами татарскими, остяцкими и вогулицкими, Татищевъ замѣчаетъ: довольно въ лицо смуглыхъ, калмыковатыхъ, и довольно отъ природы смѣшанной—калмыцкой, татарской, и киргизской [7]). На сѣверѣ Сибири, внизъ по Енисею, нынѣшнимъ лѣтомъ мы сами имѣли случай наблюдать эту смѣшанность русскаго населенія съ остяцкимъ и отчасти тунгузскимъ, и видѣли не только нѣсколько мѣстныхъ креоловъ или метисовъ, но и нѣсколько смѣшанныхъ браковъ и семействъ. Въ добавокъ, сами русскіе, туруханскіе жители, прямо называя себя *смѣшаннымъ народомъ*, или *смѣшицей*, а также и остяки — единогласно свидѣтельствовали о сильной метисаціи по Енисею, особенно на низу и за Тундрой, разсказывали даже родословныя цѣлыхъ родовъ смѣшанныхъ на Тазу, по низовымъ и за-тундренскимъ зи-

[1]) Путеш. Лепехина изд. 1785, ч. III, стр. 28, ч. IV (изд. 1805 г.), стр. 277, 397.

[2]) Дневникъ Латкина, 1840 и 1843 г. Зап. Геогр. Общ. 1853, кн. VII, стр. 9, 36, 48, 97, 103 и мн. др.

[3]) Костром. губ. 168.

[4]) Рязанск. губ 132—134.

[5]) Описан. народн., 1799, ч. IV, стр. 200 - 201.

[6]) Чт. м. общ. кн. I, от. V, стр. 4.

[7]) Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 571.

мовьямъ. На Тазу былъ примѣръ, что даже одинъ священникъ женатъ былъ на крещеной остячкѣ, и священническія дочери выходили за остяковъ. О жителяхъ юго-восточной Сибири довольно сказать то, что замѣтилъ Палласъ: «большая часть жителей селенгинскаго округа,—говоритъ онъ,—такъ же какъ и всей Даріи, обнаруживаютъ ясные слѣды сильнаго смѣшенія съ монгольскою кровью. Зажиточные русскіе крестьяне, равно какъ и горожане, давно уже имѣютъ обычай вступать въ бракъ съ бурятскими или монгольскими дѣвицами, кровь которыхъ, по ихъ мнѣнію, горячѣе, и отцы этихъ дѣвушекъ, изъ-за временныхъ выгодъ, сами охотно крестятъ ихъ, чтобы выдать потомъ замужъ за русскихъ. Есть примѣры въ Селенгинскѣ, что богатые буряты сами добровольно крестились и вступали потомъ въ бракъ съ русскими дѣвицами. Вслѣдствіе такихъ взаимныхъ браковъ происходитъ родъ мулатовъ, которые имѣютъ нѣчто монгольское въ физіономіи и черные или темные волоса, но вообще правильныя и даже красивыя черты лица, и слывутъ подъ названіемъ карымовъ. За то бурятскій образъ жизни, такъ же какъ монгольскій, вслѣдствіе такого смѣшенія, беретъ въ простонародьи перевѣсъ» [1]). Вообще, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ составѣ русской національности много контингентовъ восточныхъ. И вотъ въ этихъ-то свойствахъ русской народности заключается другая существенная причина умственной косности, медленности и вялости умственнаго развитія русскаго народа. Еще въ самомъ началѣ колонизаціи русской земли, на самомъ переходномъ, кочевомъ пути азіатскихъ ордъ, на югѣ Россіи, славянскія племена много заимствовали изъ умственной жизни восточныхъ народовъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 года, въ статьѣ «о сходствѣ между русскими и восточными обыкновеніями», справедливо замѣчено: «въ Россіи много старинныхъ обычаевъ, которые заимствованы у восточныхъ народовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранены старообрядцами. Славяне еще до основанія россійскаго государства обитали въ сосѣдствѣ съ восточными народами, въ южной части нынѣшней Россіи, и тогда же приняли отъ своихъ сосѣдей нѣкоторые восточные обычаи» [2]). Потомъ, когда славянская колонизація подвинулась на великорусскій сѣверо-востокъ,—она столкнулась здѣсь съ довольно сильнымъ умственнымъ вліяніемъ монголо-татарскихъ и финскихъ народовъ. Не безъ основанія, поэтому, въ Relation 1706 года, причина отсталости и невѣжества Московіи, такъ долго препятствовавшей подчиниться интеллектуальному вліянію передовыхъ, западно-европейскихъ націй, указана, между прочимъ, именно въ вѣковомъ сосѣдствѣ русскихъ съ татарами [3]). Не даромъ также, въ русской литературѣ давно уже высказывается мысль о существованіи въ русской народности восточныхъ татарскихъ умственныхъ качествъ или признаковъ. Такъ напримѣръ, Рихтеръ въ изслѣдованіи о вліяніи монголо-татаръ на Россію», довелъ эту мысль даже до крайности. «Монголы,—говоритъ онъ,—не вводили къ намъ своихъ законовъ, обычаевъ и языка, но русскіе сами многое отъ нихъ заимствовали, что доказываютъ: а) затворническая жизнь и верховая ѣзда женщинъ; б) одежда, вооруженіе, конскіе уборы, воинскій порядокъ; в) ночные караулы и рогатки, наказаніе кнутомъ, плетьми и посаженіемъ на колъ, правежъ, пытка, тарханныя грамоты; г) постройка зданій; д) употребленіе татарской монеты, мѣры и счета

[1]) Pallas, Reise III, s. 275.
[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1828 г. № 4, стр. 240.
[3]) Пекарскій стр. 135—136.

ика Строгановъ—изъ татаръ); е) введеніе въ нашъ языкъ словъ татарскаго осточнаго происхожденія и страсть къ сказаніямъ восточнаго склада; ж) изеніе народныхъ нравовъ» [1]). Конечно, не всѣ исчисленныя здѣсь свойства заовованы именно у татарскаго народа, но основная мысль о восточныхъ ингретахъ въ умственномъ складѣ русской народности не подлежитъ никакому сонію. На пути сѣверо-восточной колонизаціи, среди разныхъ восточныхъ плеь — финскихъ, татарскихъ и монгольскихъ, — народъ русскій, вслѣдствіе ологическаго и сожительнаго смѣшенія, унаслѣдовалъ отъ нихъ много умстыхъ качествъ или недостатковъ. Такія недаровитыя и неразвитыя племена, , напримѣръ, чудь, меря, весь, мурома, лопь, или лопари, корелы, зыряне, ѣды, пермяки, вотяки, чуваши, черемисы, мещеря, калмыки, вогулы, остяки, и ., — русѣя и входя въ составъ русской народности, очевидно, не могли приіть съ собой большихъ умственныхъ способностей, блестящаго умственнаго итія. Напротивъ отъ нихъ большая часть великорусскаго и сибирскаго насея, особенно сельскаго, унаслѣдовала слабыя умственныя способности. Повсюду тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ и теперь еще замѣтна смѣшанность населенія, или гдѣ утъ крестьяне обрусѣлые изъ финскаго и вообще инородческаго племени, на, и доселѣ отличается особенною умственною неразвитостью, неподвижностью, стью и апатіей, какъ, напримѣръ, въ восточныхъ уѣздахъ Костромской гуіи, въ мещерской сторонѣ Рязанской губерніи, къ сѣверу, къ границамъ Владрской губерніи, въ черемисскихъ и чувашскихъ мѣстностяхъ Казанской гуіи и вообще во многихъ захолустьяхъ юговосточныхъ губерній, среди разсброда и смѣшенія финскихъ и татарскихъ племенъ, а также во многихъ ахъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ губерній, по Вычегдѣ, Выми и нѣкоторымъ имъ рѣкамъ Вологодской губерніи и, наконецъ, въ ясашныхъ поселеніяхъ ри, гдѣ живутъ, напримѣръ, обрусѣлые остяки, буряты, якуты, и проч. давно уже ценые и женившіеся на русскихъ женщинахъ, или уже ихъ дѣти и внуки—настоящіе кіе крестьяне, выродившіеся изъ инородцевъ. Явными слѣдами или признаками ской умственной неразвитости и малоспособности, азіятскаго умственнаго склада, лѣдованнаго русскимъ народомъ, вслѣдствіе смѣшенія и сосѣдства, отъ разныхъ очныхъ племенъ, отзываются всѣ такія умственныя свойства и недостатки, какъ имѣръ: эта недодумчивость и, такъ сказать, прозябающая, вялая жизнь день ень, столь общая въ древней Россіи и теперь одинаково свойственная нѣкомъ вымирающимъ чахлымъ азіятскимъ племенамъ въ Россіи и Сибири и мно- русскимъ захолустнымъ жителямъ; или оказавшіяся въ первой половинѣ II вѣка въ эпоху введенія европейскихъ наукъ въ Россіи, эта особенная сть русскаго ума къ пониманію западной науки, и, вообще низшая степень ллигенціи русскаго народа въ сравненіи съ интеллигенціей европейцевъ; а е, часто встрѣчающаяся въ провинціальной массѣ русскаго народа такая же няя умственная тупость, какая замѣчается и у неразвитыхъ инородцевъ, наѣръ, у черемисъ, вотяковъ, остяковъ и проч., выражающаяся, напримѣръ, въ ршенномъ неумѣніи считать въ умѣ легко и скоро, безъ помощи пальцевъ, жей и счетовъ, или въ неумѣніи различить правое и лѣвое, въ крайне ограниомъ распознаваніи и плохомъ различеніи цвѣтовъ и т. п.; восточное неже-

[1]) „Отеч. Зап." 182? г., ч. XXII, № 62, стр. 333.

ланіе или неспособность принимать новое, изобрѣтать лучшее; восточная хитрость и слѣпая покорность судьбѣ; далѣе такія черты, какъ, напримѣръ, взглядъ на женщину, калымъ въ Сибири и т. п.,—всѣ эти черты свойственны и умственному складу всѣхъ азіятскихъ народовъ Россіи и Сибири; далѣе — сходство въ міросозерцаніи русскомъ и инородческомъ, напримѣръ, въ понятіяхъ о нѣкоторыхъ звѣздахъ, о небѣ, о вѣтрахъ, о четырехъ сторонахъ земли, о происхожденіи мошекъ и насѣкомыхъ, въ примѣтахъ о разныхъ птицахъ и звѣряхъ, въ суевѣрьяхъ о духахъ лѣсныхъ, водяныхъ и пр.; невыработанность или отсутствіе во многихъ областныхъ нарѣчіяхъ славяно-русскихъ словъ для выраженія многихъ понятій и предметовъ и, при совершенномъ отсутствіи словъ европейскихъ, особенное изобиліе во многихъ областныхъ нарѣчіяхъ словъ, заимствованныхъ изъ разныхъ инородческихъ языковъ, какъ, напримѣръ, въ нарѣчіяхъ архангельскомъ, вологодскомъ, березовскомъ, туруханскомъ, забайкальскомъ, и др., и даже во многихъ мѣстахъ предпочтительное употребленіе русскими инородческихъ языковъ, напримѣръ, на низу Енисея и за Тундрой, въ туруханскомъ краю, въ забайкальи и въ якутской области; азіятскій вкусъ въ нарядахъ; предпочтеніе встарину чудскихъ волхвовъ и доселѣ знахарей и знахарокъ нѣмецкимъ и вообще европейскимъ докторамъ; жадность большой части русскаго народа къ крѣпкимъ напиткамъ, совершенно тождественная съ подобною жадностью дикихъ сибирскихъ азіятцевъ; одинаковая склонность къ дракамъ въ пьянствѣ, сходный обычай бороться и бѣгать въ запуски; и вообще — легкая наклонность и особенная способность сродняться со многими понятіями и обычаями тѣхъ азіятцевъ, съ которыми русскіе живутъ въ сосѣдствѣ и смѣшиваются браками, и особенное равнодушіе къ понятіямъ и обычаямъ живущихъ въ Россіи европейцевъ, напримѣръ, нѣмецкихъ колонистовъ и т. п. При всѣхъ этихъ качествахъ, русскій народъ заимствовалъ отъ азіятскихъ племенъ много мрачныхъ умственныхъ недостатковъ. Такъ, напримѣръ, онъ наслѣдовалъ много суевѣрій отъ чудскихъ, финскихъ арбуевъ и кудесниковъ. Русскіе, по свидѣтельству Стоглава, держались такихъ суевѣрій, «якоже и арбуи въ Чуди» [1]). Въ древней Россіи не только простонародье, но и царь Ив. Васильевичъ Грозный и нѣкоторые священнослужители, напримѣръ, сѣверно-поморскіе дьяконы, вѣрили въ чудскихъ волхвовъ. По мнѣнію Кастрена отъ финновъ русскіе заимствовали представленіе о водяныхъ духахъ [2]). Въ Туруханскомъ краю мы сами замѣчали въ понятіяхъ русскихъ много остяцкихъ и отчасти тунгузскихъ суевѣрій. Такъ, напримѣръ, гадательныя повѣрья о гагарѣ, о кукушкѣ, о куропаткахъ и тетеревахъ, о медвѣдѣ, о рыбѣ, о лягушкахъ, объ огнѣ, а также представленія о нѣкоторыхъ звѣздахъ, о вѣтрахъ, о горахъ по нижней Тунгускѣ, въ родѣ Стрѣльной и Цапаниной Сопки и т. п., общи и русскимъ туземцамъ, остякамъ, и отчасти тунгусамъ. Не говоримъ уже о томъ, что русскіе, вмѣстѣ съ усвоеніемъ въ домашнемъ быту многихъ инородческихъ вещей и издѣлій, и вслѣдствіе одинаковыхъ съ инородцами промысловъ, заимствовали отъ нихъ много ихъ житейскихъ, практическихъ, промышленныхъ понятій, примѣтъ, словъ и названій, въ родѣ калыма, одындръ, потакуевъ, хорей, кычей и т. п. А на низу Енисея

[1]) Стоглавъ, 2 вопросъ въ гл. 5.

[2]) Kastren's Nordische Reisen und Forschungen s. 85: es verdient bemerkt zu werden, dass wetehinen so wohl begrifflich als etymologisch dem wasserkobold entspricht, welches die Russen Vodennoi nennen. Vermuthlich ist die Vorstellung von diesem Wesen von den Finnen des slavische Mythologio entleht worden.

русскіе ужъ до того подчинялись умственному вліянію мѣстныхъ инородцевъ, что даже наравнѣ съ ними предавались шаманству. Въ 1863 году, на Носовскомъ станѣ, было даже ужасное слѣдственное дѣло по поводу русскаго шаманства: крестьянинъ — шаманъ Ив. Простакишинъ шаманилъ вмѣстѣ съ юракомъ, и въ шаманскомъ изступленіи они приговорили живою загрести въ землю восьмилѣтнюю дѣвицу. Бурятскому шаманству также вѣрятъ нѣкоторые русскіе: одинъ ленскій пономарь съ полной вѣрой разсказывалъ о предсказаніи бурятскаго шамана относительно его дѣтей. Нѣкоторыя секты въ Россіи, напримѣръ, такъ называемые «люди божіи и хлысты», распространившіеся сначала въ чудской странѣ, среди финновъ, потомъ въ области волжской финской группы, среди обрусѣлой Мордвы и Черемисъ, также отзываются финскимъ кудесническимъ или шаманскимъ духомъ. Не даромъ родоначальника скопцовъ, появившагося въ средѣ чухонъ, называли *«великимъ волхвомъ»*. И въ обрядахъ, кругахъ, страдахъ и прорицаніяхъ хлыстовъ и скопцовъ много сходнаго съ обрядами и шаманствомъ древней Чуди, Мордвы и самоѣдскихъ племенъ. Наконецъ, вѣковое этнологическое развитіе русской народности въ сѣверо-восточной замкнутой средѣ полудикихъ восточныхъ племенъ и народовъ, неизбѣжное физіологическое унаслѣдованіе, вслѣдствіе смѣшенія, восточной племенной исключительности и нетерпимости — развило въ русскомъ народѣ непріязненное чувство къ передовымъ, западно-европейскимъ народамъ и крайнюю нетерпимость къ ихъ умственнымъ интересамъ и просвѣтительному вліянію. Такъ до Петра Великаго мы не встрѣчаемъ русскихъ путешественниковъ, которые бы посѣщали западную Европу для удовлетворенія своей любознательности. «Благоразумные читатели, — писалъ по этому случаю Кошихинъ, — чтучи сего не удивляйтеся: понеже для наученія и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того — узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычай, начали бъ свою отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» [1]). Вслѣдствіе такого отчужденія отъ запада, и по восточному происхожденію и складу большой части народонаселенія, Россія всегда отличалась, въ умственномъ отношеніи, обычною восточною косностью и застоемъ, долгое время даже отставала отъ Турціи. Мордовцевъ въ статьѣ о русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка справедливо говоритъ: «что ни говори о преимуществахъ до-петровской Руси предъ варварскимъ востокомъ, что ни говори о ея гуманныхъ началахъ, все-таки въ отношеніи педагогическомъ она уступала даже той странѣ, которую давно превышала въ другихъ отношеніяхъ. Хоть бы взять въ примѣръ состояніе тогдашнихъ школъ въ Турціи, — даже Турціи мы должны отдать преимущество, когда вопросъ касается того, какія мѣры принимали мы тогда для образованія молодого поколѣнія» [2]).

Наконецъ, тысячелѣтнее смѣшеніе славяно-русской расы съ разными восточными племенами — финскими, татарскими и монгольскими и неизбѣжно происходившее вслѣдствіе того сліяніе и видоизмѣненіе физіологическихъ типовъ, очевидно, не могло не отпечатлѣться, путемъ наслѣдственности, и на анатомическомъ строеніи

[1]) Петрей писалъ: das Volk grob, bäwrisch, tölpisch und unhofflich. Dazu sie selbst Ursach sei... wollen keine Zucht und Erbarkeit lernen, reisen nirgend hin, bleiben allzeit in ihren Lande. Chron. Moscow. p. 311.

[2]) Чтен. Общ. 1861, кн. IV, стр. 80—81.

череповъ русскаго народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на его умственныхъ способностяхъ и свойствахъ. Этнографическое или анатомическое разнообразіе череповъ въ разносоставномъ русскомъ народонаселеніи, по провинціямъ, нерѣдко само собою бросается въ глаза. На сѣверѣ, по свидѣтельству Кастрена, подъ русскою шляпою часто попадается финское обличье, финское очертаніе черепа. Въ вологодскомъ краю господствуетъ зырянскій типъ черепа. Въ Казанской губерніи можно нерѣдко видѣть русскихъ крестьянъ, обрусѣлыхъ, изъ чувашъ и черемисъ. Въ Иркутской губерніи вы часто встрѣтите русскихъ сибиряковъ съ бурятскимъ очертаніемъ череповъ, съ рѣзкимъ обозначеніемъ узкаго, немного подавшагося назадъ лба, при выпукло-выдающихся челюстныхъ костяхъ. Да и вообще, черепъ или лобъ русскихъ, частію вслѣдствіе естественнаго насилія мало-развитого анатомическаго типа восточныхъ инородцевъ, частію вслѣдствіе крайняго недостатка или даже полнаго отсутствія напряженной умственной работы, развивался чрезвычайно туго. Англійскій врачъ Коллинсъ свидѣтельствуетъ о русскомъ народѣ: *«они любятъ низкіе лбы* и продолговатые (слѣд. узкіе) глаза» [1]). И дѣйствительно, на рукописныхъ миніатюрахъ русскихъ живописцевъ XV, XVI и XVII вѣка мы видимъ на изображеніяхъ народной толпы лбы большею частію низкіе или узкіе, нерѣдко, повидимому, съ финскимъ или вообще инородческимъ обличьемъ. Таковы, напримѣръ, лбы у каменьщиковъ на миніатюрѣ хронографа XVII вѣка, находящагося въ публичной библіотекѣ, снятой въ очеркахъ русской народной словесности г. Буслаевымъ. Таковы же большею частію лбы у лицъ въ миніатюрахъ XVI вѣка, находящихся въ царственной книгѣ и снятыхъ тамъ же у г. Буслаева [2]). Вѣроятно, въ рисункахъ отразились преобладающія, всего болѣе бросающіяся въ глаза очертанія лбовъ, именно — любимые низкіе лбы. И эта странная любовь русскихъ къ низкимъ лбамъ сама по себѣ служитъ преемственнымъ или наслѣдственнымъ выраженіемъ и, такъ сказать, невольнымъ традиціоннымъ воспоминаніемъ того низкаго умственнаго развитія и анатомическаго уровня череповъ, какое нѣкогда дѣйствительно свойственно было прародичамъ или древнимъ предкамъ русскаго народа. Что дѣйствительно черепа у древнихъ нашихъ предковъ, вообще, не могли быть высоко развиты, а скорѣе представляли низкую степень развитія, — это со временемъ навѣрное можетъ подтвердиться тщательными историко-краніологическими изслѣдованіями, подобными изслѣдованіямъ Брока. Сравнивая даже поверхностнымъ взглядомъ 5 череповъ монаховъ XVII вѣка, найденныхъ нами при устьѣ нижней Тунгуски, въ подмытомъ теперь весенними разливами этой рѣки обвалившемся древнемъ кладбищѣ туруханскаго троицкаго монастыря, въ бывшей оградѣ древней монастырской церкви, сгорѣвшей въ 1726 году, — сравнивая эти черепа монаховъ XVII вѣка съ 5 же черепами даже нынѣшнихъ тамошнихъ же туруханскихъ азіятцевъ-остяковъ, — мы замѣчаемъ въ нихъ почти совершенно одинаковую степень развитія, одинаковый размѣръ, одинаково низкій и покатый назадъ лобъ, одинаковое развитіе надбровныхъ дугъ, одинаковую толщину черепныхъ костей и проч. [3]). Точнѣйшія, строго-научныя историко-краніологическія

[1]) Коллинсъ, 21.

[2]) Буслаевъ, Очерки II, 309—312, и рисунки, особенно рисун. 4, 8—13.

[3]) Само собою разумѣется, что для наиболѣе точныхъ историческихъ выводовъ нужно точнѣйшее, строго-научное измѣреніе и сравненіе какъ можно наибольшаго числа древнихъ череповъ. Поэтому, весьма важно было бы у насъ въ Россіи, подобно Броку, изслѣдовать и измѣрить, во-первыхъ, какъ можно наибольшее число славяно-русскихъ череповъ изъ

изслѣдованія наибольшаго числа древне-русскихъ череповъ, конечно, дадутъ наиболѣе точные и подробные результаты въ этомъ отношеніи и, по всей вѣроятности, подобно изслѣдованіямъ Причарда и Брока, подтвердятъ ту мысль, что черепа нашихъ древнихъ предковъ были вообще мало развиты и представляли большею частію смѣшанный полуазіатскій типъ и разнообразные областные и племенные варіететы, и, наконецъ, быть можетъ, въ теченіе всего допетровскаго періода, вслѣдствіе умственнаго застоя, сохраняли почти одинъ и тотъ же низкій анатомическій уровень череповъ тѣхъ азіятскихъ племенъ, съ которыми славяно-русскому племени приходилось смѣшиваться.

Такимъ образомъ, какъ вслѣдствіе первоначальнаго физико-географическаго самопознанія, самораспредѣленія и самоустройства русскаго народа *на новь*, въ черныхъ дикихъ лѣсахъ обширной земли, вслѣдствіе тысячелѣтняго исключительнаго занятія его *дозоромъ* и *устроеньемъ* земли, — въ немъ воспитывались и развивались однѣ низшія познавательныя способности—чувства и память, а высшая умственная способность — научная и философская мыслительность вовсе не развивалась; такъ, вслѣдствіе почти тысячелѣтняго, физіолого-этническаго нарожденія и склада русской народности, вслѣдствіе смѣшенія славянскихъ племенъ съ разными восточными азіятскими народами, въ русскомъ народѣ воспитывался и развивался восточный умственный складъ, характеризующійся умственною неподвижностью и неспособностью къ энергическому интеллектуальному движенію, къ новымъ интеллектуальнымъ открытіямъ, изобрѣтеніямъ и идеямъ. И вотъ, покончивши, въ основныхъ частяхъ, почти тысячелѣтнюю работу земскаго строенья, сложившись и окрѣпши въ своемъ восточномъ національно-физіологическомъ и умственномъ складѣ, народъ русскій, какъ богатырь Илья Муромецъ, спалъ крѣп-

---

древнихъ и новыхъ кладбищъ, напримѣръ—кіевскихъ, московскихъ, рязанскихъ, новгородскихъ, казанскихъ и др., и сравнить ихъ относительное развитіе и вмѣстимость; во-вторыхъ, изслѣдовать путемъ раскопокъ древнихъ и новыхъ, сельскихъ и городскихъ кладбищъ въ разныхъ великорусскихъ мѣстностяхъ, особенно около московскихъ, владимірскихъ, бѣлозерскихъ, нижегородскихъ, новгородскихъ, псковскихъ, поморскихъ и проч.,— изслѣдовать такимъ образомъ строеніе и вмѣстимость череповъ, какъ древнихъ боярскихъ родовъ, такъ и древнихъ смердовъ - крестьянъ и посадскихъ, а также, для сравненія, вмѣстимость череповъ и новѣйшаго или современнаго крестьянства, мѣщанства, вообще простонародья, и равно образованныхъ классовъ или потомственнаго дворянства, и всѣ ихъ сравнить между собою; въ-третьихъ, изслѣдовать, по этнографическимъ областямъ, и сравнить между собою и съ русскими черепами тѣхъ же мѣстностей древніе и новые черепа инородческіе, какъ по великорусскимъ, такъ и по сибирскимъ могиламъ и курганамъ. Не только въ курганахъ, но и въ оградахъ и кладбищахъ древнѣйшихъ церквей монастырей несомнѣнно можно находить много древнихъ череповъ. Такъ, намъ удалось нынѣшнимъ лѣтомъ вырыть 5 череповъ монаховъ XVII вѣка туруханскаго троицкаго монастыря, въ монастырскомъ селѣ (въ 30 верстахъ отъ Туруханска), на правомъ берегу нижней Тунгуски, теперь сильно подмытомъ этою рѣкою, гдѣ прежде была вторая деревенская церковь туруханскаго троицкаго монастыря, сгорѣвшая въ 1726 году, и гдѣ была церковная ограда, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ и кладбищемъ. Обгорѣлые остатки церкви чуть-чуть замѣтны въ подмытомъ и обваливающемся берегу. Гроба также обвалились и надлавили одинъ другой, вслѣдствіе чего нѣкоторые черепа по швамъ разломаны. Въ Туруханскомъ же краю намъ удалось найти еще 9 череповъ: 5 остяцкихъ, 1 тунгузскій и 3 неизвѣстно чьи. Изъ нихъ особенно замѣчательны и совершенно цѣлы три: черепъ тунгуса (Тымгауля) панкагирской орды, изъ шаманскаго рода, вырытый въ монастырскомъ селѣ, при самомъ устьѣ нижней Тунгуски на правомъ берегу: тунгусъ былъ захожій, вожакъ, и тутъ умеръ, назадъ тому лѣтъ 20; черепъ нижнеибатскаго остяка, вырытый въ 3-хъ верстахъ отъ Туруханска, при устьѣ Турухана, вымытый, вмѣстѣ съ гробомъ, на такъ называемомъ „подборномъ берегу", водами протоковъ Шара и Турухана; а другой черепъ остяка же, найденный при устьѣ средней или подкаменной Тунгуски, въ деревнѣ того же названія, въ подмытомъ берегу, гдѣ нѣкогда русскіе крестьяне хоронили, вмѣстѣ съ русскими, и остяковъ, такъ какъ послѣдніе, убѣгая отъ своихъ мертвецовъ, обыкновенно нанимали русскихъ хоронить ихъ.

кимъ и долгимъ умственнымъ сномъ, среди финновъ, татаръ и монголовъ, въ суровомъ и дикомъ сѣверо-восточномъ углу Европы и Азіи. Кто могъ пробудить его? Кто могъ зародить въ его чувственно-образномъ умонастроеніи зачатокъ мыслительности и самосознанія? Кто могъ возродить, пересоздать его восточный умственный складъ въ новый, европейскій интеллектуальный типъ? Кругомъ его были только такіе же, умственно-спавшіе и, кажется, на вѣкъ уснувшіе восточные азіятскіе народы —финны, татары и монголы. Внутри — была та же умственная Азія, нетерпимость всего новаго и освѣжающаго. Предки наши систематически отрицали всякое европейское умственное нововведеніе, отрицали учрежденіе европейскихъ университетовъ, введеніе европейскихъ наукъ, призывъ европейскихъ учителей народа; поборники раскола старообрядства, во имя памяти старины, съ своими Аввакумами и Пустосвятами, торжественно споря на московской площади о бородѣ, о сложеніи перстовъ, о сугубой аллилуіа, о хожденіи по-солонь и проч., тоже возставали противъ всякаго европейскаго *новшества*, противъ европейскихъ наукъ, противъ европейскихъ учителей; —словомъ, весь восточный умственный складъ народа, при совершенномъ неразвитіи мыслительности, недвижимый, неуправляемый никакою раціональною мыслью, былъ противъ умственнаго пробужденія или возрожденія, противъ западнаго, европейскаго интеллектуальнаго развитія и противъ европейской научной мыслительности. Такимъ образомъ, самъ народъ русскій, своими собственными умственными силами, очевидно, никакъ не могъ встать отъ тысячелѣтняго умственнаго сна, и ни Грозные, ни Годуновы, ни Никоны и Ордыны-Нащокины, ни Юріи Крыжаничи —никто не могъ возродить, пересоздать этотъ восточный умственный складъ русскаго народа, установившійся, закоснѣвшій вѣками. Необходимъ былъ особенный, необыкновенный переворотъ или толчекъ въ его умственной природѣ и жизни, для того, чтобы дать ему новый умственный импульсъ, новое направленіе, зародить, воспитать и развить въ немъ зародышъ новыхъ умственныхъ качествъ—высшихъ интеллектуальныхъ способностей, однимъ словомъ, переродить восточный умственный складъ русскаго народа въ новый, европейскій интеллектуальный типъ и положить въ немъ зачатокъ европейской, научной мыслительности. Необходимъ былъ, слѣдовательно, совокупный интеллектуальный импульсъ или толчекъ двухъ великихъ, общечеловѣческихъ дѣятелей умственнаго пробужденія и возрожденія народовъ: во-первыхъ, импульсъ генія, способнаго зародить зачатокъ новаго интеллектуальнаго типа, и во-вторыхъ, импульсъ передовыхъ, наиболѣе развитыхъ націй съ особенно даровитымъ и прогрессивнымъ умственнымъ складомъ и съ особенно развитою и могучею мыслительностью. И вотъ, рождается геній—Петръ Великій и западно-европейскіе народы, привѣтствуя его у себя, какъ перваго своего великаго восточнаго ученика, посылаютъ къ русскому народу своихъ учителей, раскрываютъ свѣтъ ученія Коперника, Галилея, Ньютона и т. д., открываютъ для русскаго народа свои академіи, университеты, библіотеки, музеумы, лабораторіи и проч. Дальше мы прослѣдимъ постепенный зародышъ и развитіе въ Россіи, подъ вліяніемъ генія Петра Великаго и западной мысли и науки, новаго, европейскаго интеллектуальнаго типа въ Россіи, и тѣ препятствія или противодѣйствія, какія его развитію оказывалъ старый умственный складъ русскаго народа...

;торическія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи [1]).

Чтобы понять историческій ходъ, направленіе и современныя потребности :ственнаго развитія русскаго народа и, въ частности, его интеллектуально-раз- гого меньшинства, нужно прежде всего обратить вниманіе на многія историче- я условія умственной жизни и дѣятельности въ Россіи, какъ физическія, такъ не физическія. Въ ряду настоящихъ очерковъ мы и займемся указаніемъ этихъ 'орическихъ условій, насколько позволяютъ находящіяся подъ руками средства. ı разсмотримъ: 1) историческую роль, въ умственной жизни русскаго народа, :леннаго преобладанія темнаго рабочаго класса надъ образованнымъ меньшин- омъ; 2) вліяніе на интеллектуальное развитіе въ Россіи преобладающаго сель- го, земледѣльческаго населенія надъ населеніемъ городскимъ, мануфактурно-)мышленнымъ; 3) экономическія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи; значеніе пространства русской земли и путей сообщенія въ распространеніи)собовъ интеллектуальнаго развитія; 5) интеллектуальное значеніе вѣкового :утствія заграничныхъ путешествій и географическихъ открытій, подобныхъ ɪаническимъ открытіямъ Запада; 6) вліяніе государственныхъ началъ—центра- ıаціи, системы опеки, регламентаціи и крѣпостного права на умственное раз- :іе русскаго общества; 7) вліяніе различныхъ патологическихъ явленій нервной :ры русскаго народа на характеръ, движеніе и направленіе его умственной зни и дѣятельности, или краткій очеркъ физіологіи русской народной мысли и, :онецъ, 8) значеніе въ интеллектуальномъ развитіи русскаго народа вѣковой :твенной эксплоатаціи или исключенія женщины изъ сферы общественной и :твенной жизни и дѣятельности. Безъ анализа и объясненія всѣхъ этихъ исто- ıескихъ явленій, вносившихъ ту или другую долю своего медленнаго, но по- янно дѣйствовавшаго вліянія въ умственную жизнь народа, непонятнымъ дѣ- :тся современное состояніе нашего интеллектуальнаго развитія. Ни его застой, его безсиліе необъяснимы для насъ, безъ разъясненія тѣхъ причинъ, которыя ɪерживали или отвлекали русскую мысль отъ ея правильной и энергической ɔоты; цѣлые вѣка она коснѣла въ неподвижности, скованная страхомъ подъ яніемъ суевѣрія, и суевѣріемъ—подъ вліяніемъ борьбы съ окружающимъ міромъ страха за существованіе человѣка.

[1]) Напечатано въ журналѣ „Дѣло" за 1868, № 1, стр. 179—216, № 3, стр. 1—33, № 4, . 1—35, (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 22 января, марта и 17 апрѣля 1868 г. редакція Н. Шульгина).

I.

Вліяніе имѣло на интеллектуальное развитіе и умонастроеніе русскаго народа, во-первыхъ, то обстоятельство, что дикая, невоздѣланная природа европейской Россіи и Сибири, холодный климатъ и вообще физическія особенности русской земли издревле обусловили въ русской исторіи долговременное, исключительное развитіе рабочаго народа и отсутствіе мыслящаго класса. Суровый климатъ и первоначальная совершенная пустынность, невоздѣланность русской земли, съ сплошными черными, дикими лѣсами, мхами и болотами», въ связи съ скудной производительностью природы, съ самаго начала требовали отъ населенія больше механической работы для обезпеченія животной жизни, чѣмъ дѣятельности умственной. Всѣ западные путешественники, посѣщавшіе Россію въ XVI и даже XVII вѣкѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что климатъ русской земли чрезвычайно холоденъ, а земля почти сплошь требовала населенія и обработки, потому что на огромныхъ пространствахъ была пустынна и не воздѣлана (vasta et inculta)[1]. «Русская земля,—говоритъ Олеарій,—почти на всемъ пространствѣ своемъ пустынна, болотиста и покрыта дремучими лѣсами. Множество прекрасной, плодоносной земли остается безъ обработки. Климатъ—суровый. Зимой въ Россіи стоятъ такіе сильные морозы, что отъ нихъ едва можно укрыться. У русскихъ не считается за рѣдкость, если кто-нибудь изъ нихъ отморозитъ себѣ носъ, уши, руки или ноги. Бываютъ столь жестокія зимы, что на площади въ Москвѣ, передъ Кремлемъ, земля трескалась на 20 саженъ въ длину и на 1/4 аршина въ ширину. Въ 1634 году никто изъ насъ не осмѣливался пройти по улицѣ и 30-ти шаговъ съ открытымъ лицомъ, изъ опасенія отморозить себѣ носъ и уши. Вполнѣ справедливы слова тѣхъ писателей, которые говорили, что капля воды или слюны, выплюнутая изо рта, замерзаетъ, прежде чѣмъ успѣетъ упасть на землю. Какъ сильны бываютъ морозы зимою, такъ же велики бываютъ и жары въ лѣтнее время: будучи днемъ несносны для путешественника, они порождаютъ безчисленное множество комаровъ, надоѣдающихъ до крайности и днемъ и ночью»[2]. Зима,— по словамъ Коллинса,—продолжалась 5 мѣсяцевъ. Переходы отъ теплой погоды къ морозамъ были такъ рѣзки, и морозы, внезапно наступавшіе тотчасъ послѣ оттепелей, были столь сильны, что, напримѣръ, въ 1660 г. вологодскій архіепископъ Маркеллъ, въ челобитной царю Алексѣю Михайловичу, писалъ: «въ ны-

[1]) Не говоря о древней Россіи, о многочисленныхъ свидѣтельствахъ древне-русскихъ жизнеописательныхъ сказаній о сѣверо-восточныхъ пустыняхъ русской земли, о столь же многочисленныхъ извѣстіяхъ иностранныхъ путешественниковъ, которыхъ было въ Россіи до конца XVII вѣка, около 274,—даже въ XVIII вѣкѣ руская земля европейцамъ представлялась почти пустынною и не воздѣланною. Наприм. Манштейнъ, говоря о пространствѣ Россіи, замѣчаетъ: „Однако, еще много не достаетъ для того, чтобы это обширное государство относительно обработки почвы и заселенности могло стать наравнѣ со многими другими странами Европы. Тамъ пролегаютъ обширныя пустынныя пространства на 20, 30 и даже до 50 нѣмецкихъ миль, гдѣ не встрѣтишь ни одной живой души, несмотря на то, что эти степи лежатъ между очень благопріятными широтами и имѣютъ самую загадочную почву, какой только можно желать... Другія мѣста хотя и снабжены всѣмъ необходимымъ для человѣческой жизни, однако остаются совершенно безлюдными по недостатку жителей, а между тѣмъ это государство можетъ совершенно удобно прокормить *втрое болѣе людей, сравнительно съ числомъ жителей его населяющихъ*.

[2]) Voyages de s. Ad. Olearius, traduits par de Wicquefort. Amsterdam 1727. Отрывокъ въ „Архивѣ" Калачова, 1859 г., кн. 3, отд. III, стр. 11—13.

ѣшнемъ, въ 168 году, ноября въ 3 день, палъ снѣгъ и погода была теплая, противъ 4 числа, въ ночи, былъ морозъ великъ, и муро великаго чудотворца Николы въ соборной церкви замерзло и скляницу морозомъ испортило» [1]). Въ пслѣ самыхъ обыкновенныхъ причинъ смертности, особенно между крестьянами, ыло замерзаніе: по выраженію актовъ, *«съ студени умирали»*, и «многіе по ѣсомъ позябли» [2]). Въ сѣверо-восточныхъ областяхъ жаловались на такой хо-одъ, что и лѣтомъ нельзя было обойтись безъ отопленія жилищъ. Напримѣръ, ъ 1649 г. бѣлозерцы, посадскіе люди, били челомъ царю: «на Бѣлоозерѣ, въ ородѣ и на посадѣ, въ лѣтнее время, во все лѣто не даютъ имъ, посадскимъ юдямъ, избъ и бань топить ни одного дня на недѣлѣ, и отъ того многіе люди *тъ стужи* расходятся отъ своихъ домовъ и живутъ по волостямъ и по еревнямъ, потому что пришло *мѣсто ихъ въ зимней сторонѣ*, подлѣ зера, и отъ озера приходятъ сиверы и вѣтры по многія времена, и бываетъ *тужа въ лѣтнее время великая, и отъ той стужи мало и людей* стается въ городѣ и на посадѣ» [3]). При такихъ климатическихъ условіяхъ и ри невоздѣланности русской земли, очевидно, весь народъ долженъ былъ исклю-ительно заниматься обезпеченіемъ физической силы. Если въ жаркихъ странахъ, о выраженію одного писателя: «Солнце работаетъ больше за человѣка и ослаб-яетъ рабочую силу самихъ людей», — то въ такихъ холодныхъ странахъ, какъ усская и сибирская земля, гдѣ солнце мало работаетъ за людей, — естественно, юди сами всегда должны были больше работать и укрѣпляться больше въ физи-еской силѣ, чѣмъ въ интеллектуальной. «Въ холодной полосѣ, — говоритъ Ли-ихъ, — воздухъ, который безпрестанно стремится разрушать тѣло, побуждаетъ *къ аботѣ и напряженію*, которыя въ этомъ случаѣ становятся средствами для ротиводѣйствія вліянію этого воздуха» [4]). И дѣйствительно, народъ русскій, обуждаемый холоднымъ воздухомъ, всецѣло занятъ былъ напряженной, *страд-ой* [5]) работой земскаго строенья для физическаго самообезпеченія. До XVI вѣка,

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. Истор. 1859 г., кн. 3, отд. V, стр 102.

[2]) А. И., т. II, №№ 77 и 86 и 137. Физическая лѣтопись Сибири въ особенности полнена случаями замерзанія. Не говоря о множествѣ замерзшихъ казаковъ и служилыхъ одей въ XVII в., и вообще о тогдашнихъ жестокихъ страданіяхъ отъ холода служилыхъ, рговыхъ и промышленныхъ людей, о чемъ часто драматично разсказываютъ ихъ тписки".— даже въ настоящее время въ Иркутской, напримѣръ, губерніи, въ памятной нижкѣ на 1865 г., означено 9 замерзшихъ. А исчислимы-ли случаи замерзанія и вообще естокія страданія отъ суроваго климата въ такихъ, напримѣръ, сѣверныхъ украйнахъ, акъ туруханскій край? Подробныя свѣдѣнія объ этомъ читатели найдутъ въ моей, отданной печать, книгѣ: „Народная жизнь на Сѣверѣ Енисея" или „Очерки Туруханскаго Края".

[3]) А. А. Э., т. IV, № 38. Не имѣя мѣста и возможности раскрывать здѣсь вліяніе лимата на физическую жизнь русскаго народа, мы приведемъ только одинъ фактъ, по-азывающій, какъ климатъ русской земли былъ губителенъ для многочисленнаго вновь арождавшагося поколѣнія въ Россіи. Въ „Исторіи воспитательныхъ домовъ въ Петер-ргѣ и Москвѣ", напримѣръ, читаемъ: „одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ, усу-бляющихъ вредное вліяніе пріема младенцевъ въ московскій воспитательный домъ и еревоза ихъ въ деревни для дальнѣйшаго вскормленія и воспитанія, заключается въ усскомъ *климатѣ*, противъ суровости котораго въ настоящемъ случаѣ безсильны всякія ѣры правительства. Это обстоятельство чрезвычайно важно, и ему (по изслѣдованію меди-овъ) въ особенности приписана была чрезвычайная смертность, преобладавшая въ рус-кихъ воспитательныхъ домахъ въ началѣ ихъ учрежденія. Въ С.-Петербургѣ, напримѣръ, ринято было съ 1770 до 1798 г. 28.436 младенцевъ, изъ коихъ умерло 24,272. Множествоѣтей замерзло (Истор. воспит. домовъ. Чтен. Общ. Истор. 1860 г, кн. 2, отд. V. стр. 143 и 149).

[4]) Письма о химіи, II, стр. 11—13.

[5]) Въ старину говорили: „*страдомая* земля, *страдомыя деревни*, *страдомый* лѣсъ, и одей — крестьянъ называли *страдомыми* или *страдными* людьми. О работѣ земледѣльче-кой говорили: „нивы *страдати* на гобзованіе хлѣбное". Пам. стар. р. литер., IV, стр. 76.

а на крайнемъ сѣверовостокѣ и юговостокѣ и въ XVII, и даже XVIII столѣтіи, почти весь народъ занятъ былъ, по выраженію актовъ, «росчистью и роздѣлы лѣсовъ, распашкой пашенъ, посаженьемъ и поставленьемъ починковъ и деревень на лѣсѣхъ». По словамъ актовъ, вездѣ, въ черныхъ дикихъ лѣсахъ и въ полѣхъ, куда ходилъ топоръ, ходила коса и соха и бортная кжень, или гдѣ топоры ея сѣкли, лѣсъ ронили и чистили, дворы ставили, починки и деревни посажали на лѣсѣхъ, и людей называли, сельца и деревни наряжали и жильцовъ садили, погосты полнили, города рубили, и въ нихъ людей набирали, на посады садили; писцы давали земли на льготу, землевладѣльцы ослобожали слободы заводить на льготѣ, слободчики строили слободы и людей собирали; крестьяне и всякихъ чиновъ люди и сами лѣсъ рубили и чистили, пашни распахивали, дворы ставили и садились на новѣ, на новоросчисныхъ земляхъ, или занимали новыя, никѣмъ не занятыя мѣста, и отовсюду слали къ князьямъ и царямъ челобитныя о дозволеніи лѣсъ ронить, пашни распахивать и дворы ставить»[1]). Такимъ образомъ, по свидѣтельству тѣхъ же актовъ, «гдѣ были лѣса, селились крестьяне, и тѣ лѣса на свои хоромы и на всякое строенье высѣкали, и гдѣ были лѣса — стали поля и устроены пашни»[2]). Едва расчищена была изъ-подъ лѣсовъ и обстроена велико-русская земля, — какъ открыта и завоевана была новая громадная земля Сибирская. Тамъ понадобились новые милліоны рабочихъ людей,—и тысячи служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей устремились туда: по словамъ одной грамоты 1670 года, «изъ многихъ уѣздовъ многіе пахотные крестьяне, покиня свои деревенскіе жеребьи впустѣ, поѣхали сибирскихъ городовъ въ уѣзды и нынѣ ѣдутъ, и учинилась во многихъ уѣздахъ великая пустота; во 178 г., въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ, ѣхало мимо Верхотурья изъ русскихъ розныхъ городовъ, съ Тотьмы, съ Устюга великаго, съ Ваги, съ Мезени, и отъ Соли-Вычегодской, и съ Яренскаго городка съ Сысолы, и съ Кай городка, по тобольскимъ и по тюменскимъ проѣзжимъ, тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2.051 человѣкъ»[3]). И тамъ, въ безпредѣльныхъ лѣсахъ сибирскихъ, застучалъ топоръ рабочій, пошла коса и соха, и стала совершаться работа богатырская: Хабаровы, Поярковы, служилые, торговые и промышленные люди, по собственнымъ словамъ ихъ, *своею силою* дошли до Восточнаго океана, извѣдали всѣ украйны Сибири до Мангазеи и Ледовитаго моря, до Амура и Дауріи, до земли Чукчей, Камчатки и Сѣверной Америки. И началось опять строенье слободъ, рубленье и поставленье городовъ и остроговъ, водвореніе пашенныхъ крестьянъ, распространеніе земледѣлія отъ Урала до Лены и Киреньги, и, сверхъ того, по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ зимы и лѣта, ставились особыя *зимовья* и *лѣтовья*. Одно плаванье служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей по сибирскимъ рѣкамъ, одно безстрашное и неутомимое отшельническое странствованіе ихъ по дремучимъ, непроторнымъ, непроѣзжимъ и глухимъ дикимъ тайгамъ сибирскимъ, *для поиманья языковъ*, для развѣдыванья и покоренья немирныхъ землицъ и народовъ», по эпически-

[1]) Богатый матеріалъ для исторіи древне-русской колонизаціи представляютъ Акты изд. Археогр. Коммисіей и Дополненія къ нимъ, Лѣтописи, Жизнеописанія древне-русскихъ основателей сѣверовосточныхъ монастырей и пустыней, писцовыя книги, мѣстные изданные акты и проч. Часть своихъ изслѣдованій о древне-русской колонизаціи и культурѣ, начатыхъ въ Казани, я намѣренъ современемъ издать.

[2]) А. А. Э. IV, № 34.

[3]) Дополн. къ Акт. истор., г. IV, № 19.

разсказамъ казачьихъ, служилыхъ и воеводскихъ отписокъ, составляло страшную народную работу, исполненную драматической борьбы съ суровымъ климатомъ, съ суровой природой и со всевозможными препятствіями окружающаго міра. А тутъ еще цѣлое столѣтіе и болѣе нужно было выдерживать имъ на своихъ плечахъ почти непрерывную борьбу съ немирными и дикими народами Сибири, —и это тоже была богатырская работа, какъ служилыхъ, такъ и торговыхъ и промышленныхъ людей. И въ то-же время они неутомимо развѣдывали руды—мѣдную, серебряную и золотую, добывали слюду, сѣяли хлѣбъ для опытовъ на Ленѣ и въ дальнихъ сѣверныхъ широтахъ, дознавали и собирали ревень и лекарственныя травы и коренья, составляли сибирскіе травники, составляли чертежи сибирскихъ земель и проч. Словомъ, повсюду у народа работы было множество. И вообще, почти вплоть до Петра Великаго, то былъ періодъ всеобщаго, созидательнаго земскаго строенья, починочной обработки, росчисти и роздѣли земли изъ-подъ лѣсовъ и колонизаціонной обстройки ея займищами, починками, сѣдѣньями, деревнями, сельцами, селами, слободами, погостами и городами. И потому, естественно, тогда главнымъ образомъ развивался и выработывался земско-устроительный, рабочій народъ. А классу интеллектуальному, умственно-образовательному вовсе и некогда было развиваться. Потому что не только народъ, но и князья, бояре и даже монастыри, для которыхъ всего возможнѣе была умственная дѣятельность, тоже заняты были главнымъ образомъ колонизаціей и земскимъ устроеньемъ, особенно до XVI вѣка. Князья и бояре руками народа ставили на своихъ земляхъ и лѣсахъ дворы и деревни, и въ нихъ «отовсюду называли людей». Игумены тоже руками народа дѣлали росчисти, роздѣли и «посажали починки и деревни на лѣсѣхъ». Вообще, физико-экономическія условія русской земли были таковы, что даже иноки въ древней Россіи преданы были житейскимъ, земскимъ работамъ, а вовсе не занимались разработкой научныхъ знаній, классической литературой — и т. п., какъ занимались ими средневѣковые монахи западной Европы. Западные монахи преданы были ученымъ работамъ, диспутамъ, даже трудились надъ открытіями путемъ положительнаго знанія, и наполняли монастырскія библіотеки тысячами классическихъ книгъ — произведеніями Аристотеля, Платона, Горація, Виргилія и т. п. Русскіе же срадневѣковые иноки разработывали не науки — физическія или классическія, а поля: по словамъ одного жизнеописателя, «овіи землю копающе, овіи лѣсъ сѣкуще, иніи же нивы чистяху» [1]). Монахи русскіе,—говоритъ Коллинсъ,—не такъ строго слѣдуютъ своему званію, какъ римско-католическіе: они торгуютъ солодомъ, хмѣлемъ, разнаго рода хлѣбомъ, лошадьми, рогатымъ скотомъ и всѣмъ, что приноситъ имъ выгоды» [2]). Въ XVI в. князь-инокъ Вассіанъ, разсуждая «о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами», требовалъ даже усиленія иноческой матеріальной работы, требовалъ, чтобы монахи, отрекшись отъ пользованія крестьянскими работами, такъ же жили своими трудами, какъ и міряне: «особные инокомъ отъ мірянъ промышляти улусы, чтобы имъ быть сытыми своими трудами праведными, а не пропитываться волостями съ крестьянами, ниже питатися мірскими трудами, слезами и воздыханіями» [3]). Поэтому и Петръ Великій, особенно нуждавшійся

[1]) Повѣсть объ Антоніи Сійскомъ.
[2]) Коллинсъ, 9.
[3]) Соч. о неприличіи владѣть монастырямъ вотчинами. Чтен. Общ., 1859, кн. 3, отд. III. стр. 9—20.

въ рабочихъ рукахъ, говорилъ въ одномъ указѣ, что излишнее распространеніе въ Россіи монашества вовсе даже *не по климату*, что сѣверный климатъ всегда требовалъ и требуетъ какъ можно больше рабочихъ людей, а не праздныхъ забобоновъ», какъ онъ выражался [1]). Потому же, и само духовенство въ древней Россіи принуждено было заботиться о развитіи въ народѣ трудового, рабочаго умонастроенія, о поощреніи его къ труду, къ работамъ. Въ древнихъ рукописяхъ мы нерѣдко находили обличительныя поученія противъ тѣхъ, кто отъ работъ мірскихъ уклонялся въ монастыри и, кромѣ того, особыя «поученія лѣнивымъ, иже не дѣлаютъ, и похвалы дѣлателямъ». Въ этихъ поученіяхъ духовные учители, указывая на то, что «былье само не производитъ жита, а лѣсъ овощей», и противопоставляя похвальный образецъ рабочаго земледѣльца лѣнивому, нерабочему, высказывали такія, наприм., наставленія: «земледѣлецъ, сонъ отрясъ, идетъ на воздѣлыванье земли, въ зной и зиму плоды трудовъ своихъ собираетъ; всякой, дѣлаяй землю, насытится хлѣба, ибо стогъ возвыситъ и гумно; трудолюбиваго руки обогатятъ. Но работникъ же пьяница не можетъ быть богатъ, лѣность бо злымъ мать есть. Если и богатъ будешь, а лѣнивъ, то оскудѣешь. Если бы Богъ пекся о лѣнивыхъ, то повелѣлъ бы былью жито ростити, а лѣсу овощь всякій. Всякой лѣнивый облечется въ скудныя и раздранныя портища. Работные же люди всяко тружаются, дѣлаютъ своими руками: иные скоты и кони пасутъ, иные сѣно сѣкутъ и агнцы кормятъ, иные по морю плавающе, гостьбы (торговлю) дѣлаютъ, иные рукодѣльницы. И жены, утвердите локти своя на дѣла и руцѣ свои на веретено [2]). И какъ было не требовать въ древней Россіи всенародной, усиленной работы, когда сама природа всѣми грозными силами своими требовала работы. Тѣмъ болѣе народъ долженъ былъ почти исключительно работать для обезпеченія животной жизни, что климатъ и другія физическія условія народной работы часто подрывали всѣ его жизненные расчеты, все его хозяйственное обезпеченіе, и вообще требовали огромнаго расхода рабочихъ силъ. Во многихъ областяхъ, особенно въ сѣверовосточныхъ, крестьяне постоянно жаловались, что «мѣсто у нихъ пришло подкаменное, студеное, кругомъ мхи и болота, и хлѣбъ не родится, побиваетъ морозъ по вся годы» [3]), или—что «земля ихъ пришла подсѣверная, близь моря, прилегли тамъ многія озера и щерья, и зыбучія, непроходимыя болота, и что всѣмъ въ ихъ краю скудно» [4]). Такія физическія условія народной работы, при отсутствіи раціональныхъ средствъ для преодолѣнія ихъ, часто обусловливали огромную трату рабочихъ силъ и требовали много рабочихъ людей для исполненія тѣхъ или другихъ работъ. Такъ, наприм., въ отправленіи самой важной до Петра Вел. судоходной торговли архангельской, рѣки требовали лишней траты рабочихъ силъ, далеко непропорціональной съ общею численностью мѣстнаго рабочаго населенія. «Когда лодки идутъ изъ Холмогоръ,—говоритъ наприм. одинъ западный путешественникъ (Jean Sauvage 1586 г.),—то нужно бываетъ, по крайней мѣрѣ, 100 человѣкъ, чтобы ихъ тащить и вести противъ воды; а иногда требуется и до 200, въ случаѣ прибавки воды отъ дождей и другихъ причинъ, идти про-

1) П. С. З. т. VII, № 4450, указъ данный св. Синоду въ 1724 г.
2) Рукоп. Солов. библ., находящ. въ Казан. дух. академіи, подъ заглавіемъ „Измарагдъ" № 270.
3) А. А. Э. III, № 263, стр. 435
4) А. И. V, № 138.

тивъ теченія до Вологды, а отъ Холмогоръ до Вологды 200 льеъ [1]). Климатъ часто производилъ повсемѣстные неурожаи и, вслѣдствіе того, голодъ,—и опять нужно было напрягать рабочія силы, чтобы находить средства спасенія отъ голодной смерти. До XVII вѣка въ лѣтописяхъ насчитывается до 7-ми неурожаевъ, происшедшихъ вслѣдствіе однихъ необыкновенныхъ засухъ [2]). Несвоевременныхъ морозовъ, производившихъ неурожаи, до конца XVI в. въ лѣтописяхъ упоминается до 13-ти. А въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областяхъ, по общимъ и постояннымъ жалобамъ крестьянъ, «хлѣбъ и по вся годы побивало морозомъ». Лѣтомъ, если не засухи, то, наоборотъ, необыкновенные проливные дожди часто губили урожаи, такъ что нерѣдко крестьяне «ржей вовсе не сѣяли», а въ поляхъ отъ проливныхъ дождей хлѣба много погнивало, а траву водой заливало и отнимало: къ тому же, прибавляетъ лѣтопись, иногда во «все лѣто непогожее были бури великія, и хоромы рвало, и деревья изъ коренья, и дожди шли великіе, отъ чего и хлѣбу былъ недородъ» [3]). О градобитіяхъ, посѣщавшихъ древнюю Россію, можно судить по тѣмъ, какія были и въ наше время [4]).

Вообще, климатъ русской земли часто подрывалъ земледѣльческія работы и расчеты народа неурожаями. Однихъ отмѣченныхъ лѣтописями и другими записями неурожаевъ было въ XII и XIII столѣтіяхъ по 8, въ XIV до 7, въ XV до 16, въ XVI до 11, въ XVII до 12, въ XVIII до 34, а въ первой половинѣ XIX столѣтія до 39 [5]). Вслѣдствіе неурожаевъ и голода были часты. До XVI столѣтія въ лѣтописяхъ упоминается до 39 голодовъ, такъ что на каждое столѣтіе приходится по 8 голодовъ, и повторяются они почти чрезъ каждыя 13 лѣтъ [6]). При такихъ физико-экономическихъ условіяхъ до умственной ли работы было народу? Онъ часто подвергался страшному горю, весь занятъ былъ спасеніемъ и поддержаніемъ физической жизни и гибъ отъ голодовъ тысячами. Лѣтописцы такими, напримѣръ, чертами описываютъ состояніе народа во время неурожаевъ и голодовъ: „побилъ морозъ обилье по волости, и въ Новгородѣ было зло большое: кадь ржи купили по 10 гривенъ (около 15 серебр. рублей или четверть около 4 р. сер.), а овса по 3 гривны, а рѣпы возъ по 2 гривны; ѣли люди сосновую кору, листъ липовъ и мохъ. О горе тогда, братья, было! Дѣтей своихъ отдавали въ кабалу, и поставили скудѣльницу и наметали полную умершими съ голода. О горе было! По торгу трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы, псы не могли изъѣдать людей, а останокъ народа разошелся, и такъ разошлась волость наша и городъ нашъ» [7]). При такой борьбѣ съ голодомъ, при

[1]) Древн. путешеств. иностранцевъ по Россіи въ Чтен. Общ. 231.

[2]) Новгород. I, 13. Засухи или „сухмени" были такія сильныя, что, по словамъ лѣтописей, „ведро бяше вельми, яко изгараше земля во многихъ областяхъ и мнози борове изгарахуся сами и болота, и дымове сильны бяху".

[3]) Историч. и статист. обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи: Труды русск. географическ. Общ., кн. III, стр. 474—476.

[4]) Наприм. въ 1843 г., начиная съ мая по августъ, было 326 градобитій въ 250 уѣздахъ разныхъ губерній; въ 1844 г. 215 градобитій уничтожили посѣвы, всходы и самую солому хлѣбовъ на пространствѣ 181,035 десятинъ; въ 1845 г. градобитіе въ 34 губерніяхъ истребило всѣ злаки и растенія на пространствѣ 118,222 десятинъ; въ 1851 г. въ 16 губерніяхъ градобитія обратили въ безплодную пустыню пространство въ 40,000 десятинъ, засѣянныхъ хлѣбомъ и проч. Историч. Обозр. неурож. 476.

[5]) Обозр. неурож 494.

[6]) Лешкова, русскій народъ и государство, стр. 473—485.

[7]) Новгор. II, 128 и I, 33. Во время другихъ голодовъ было еще хуже. Наприм. въ 1230 и 1231 годахъ, говоритъ лѣтописецъ, морозъ избилъ обилье по волости нашей, и от-

такомъ горѣ, очевидно, народу было вовсе не до умственной дѣятельности. Онъ долженъ былъ главнымъ образомъ заниматься обезпеченіемъ физической жизни, и потому по преимуществу быть рабочимъ народомъ. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ устремлять всѣ свои наличныя рабочія силы на насущную, промышленную работу, что неурожаи и другія физическія бѣдствія часто губили тысячи народа, слѣдовательно сильно уменьшали численность рабочихъ рукъ. По одному недостатку рабочихъ рукъ, въ лѣтописяхъ насчитываютъ до 6 неурожаевъ [1]). Отъ голода, вслѣдствіе неурожаевъ, пустѣли цѣлые края, какъ отъ заразы. Далѣе, моровыя повѣтрія опустошали цѣлые посады и волости: «съ лихого повѣтрія, съ мору, — какъ сказано въ актахъ, — многія деревни и починки и займища запустѣли и лѣсомъ поросли» [2]). Отъ морового повѣтрія въ 1654 году въ приволжскихъ городахъ умерло 9,732 человѣка, а въ живыхъ осталось только 4.709 человѣкъ [3]). Интеллектуальная неразвитость народа и отсутствіе раціональныхъ средствъ физическаго самосохраненія были главными причинами умственнаго безсилія народа въ борьбѣ съ гибельными дѣйствіями климата и природы. Тогда какъ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда съ развитіемъ интеллектуальнаго класса въ Россіи, больше было раціональныхъ способовъ физическаго самосохраненія народа, въ моровое повѣтріе 1771- 1772 г. во всей Костромской губерніи умерло не больше 300 человѣкъ,—въ XVII вѣкѣ, въ 1654 году, въ одномъ городѣ Костромѣ отъ моровой язвы умерло 3,461 человѣкъ, не считая еще женскаго пола и младенцевъ [4]). Пожары губили тысячи народа. Напримѣръ, въ пожарѣ 1547 г. въ Москвѣ сгорѣло народу болѣе 2,000 человѣкъ; въ Новгородѣ въ пожарѣ въ 1508 г. сгорѣло 3,315 человѣкъ [5]). И какъ часто посѣщали народъ всѣ эти физическія бѣдствія,—можно судить даже по неполнымъ лѣтописнымъ отмѣткамъ. Вспомнимъ, что до XVI вѣка, по свидѣтельству лѣтописей, неурожаи посѣщали русскую землю по 8 разъ въ столѣтіе, слѣдовательно, черезъ каждыя 13 лѣтъ, моровыя повѣтрія по 6 разъ если не болѣе, слѣдовательно, черезъ каждыя 17 лѣтъ, да, наконецъ, пожары, являвшіеся по 7 разъ во 100 лѣтъ, черезъ каждыя 14 лѣтъ: отсюда выходитъ, что одни физическія бѣдствія на Руси составляли сумму 20 событій въ столѣтіе, и возобновлялись черезъ каждыя 5 лѣтъ, то одно, то другое [6]). Къ этимъ физическимъ бѣдствіямъ присоединялись еще постоянныя и многоразличныя тягости государственныя, политическія — раззорительныя войны, опустошительные набѣги крымцовъ и другихъ

толѣ горе стало больше: почали купить хлѣбъ ржи кадь по 30 гривенъ, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривенъ, и разошелся городъ нашъ и волость наша, а остальной народъ началъ умирать. И кто не прослезится, видя, какъ мертвецы лежали по улицамъ, и псы ѣли младенцевъ. Иные — простую чадь — живыхъ людей рѣзали и ѣли, а иные брали мертвые трупы и мясо ихъ ѣли, а другіе ѣли конину, псину, кошекъ, иные — мохъ, сосну, кору липову и проч. (Новг. I, 46).

[1]) Историческое и статистич. обозрѣніе неурожаевъ, въ Трудахъ Географ. Общ. кн. III, стр. 477.

[2]) О моров. повѣтріи въ Костром. сторонѣ въ 1654 и 1771—1772 г. Чтен. общ. ист. 1859, кн. 3, отд. V, 81—87. Въ частности, въ городѣ Юрьевѣ, въ моровое повѣтріе 1654 года умерло 1148 челов., а въ живыхъ осталось только 409, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ умерло 3.627 чел., а уцѣлѣло только 938, въ Угличѣ умерло 319, осталось 376, въ Костромѣ изъ 5,356 жителей въ живыхъ уцѣлѣло только 1.895 челов., 1,276 дворовъ стояли пустыми, съ жителями осталось только 1,122 двора.

[3]) А. А. Э. II, № 220, стр. 374.

[4]) Чтен. Общ. истор. 1859, кн. 3, отд. V, стр. 81—87.

[5]) Новгор. II, 147. Лешковъ, 527—541.

[6]) Лешковъ, 451—452.

› и народовъ, вопіющее неправосудіе, тяжкіе налоги и повинности, притѣс-я приказныхъ людей, развитіе крѣпостного права и помѣщичьяго деспотизма ь работой народной, для остального населенія уходъ большой части народа въ ірь и т. п. Всѣ эти обстоятельства, очевидно, отнимали у народа всякую ожность заниматься умственною дѣятельностью, и побуждали его заботиться ь только о физическомъ самосохраненіи и самообезпеченіи. Чѣмъ больше было оятельствъ раззорительныхъ, тѣмъ больше народъ долженъ былъ работать, ы «въ конецъ не раззориться». Такимъ образомъ, у народа много было своей ты. А тутъ еще, чѣмъ дальше, тѣмъ больше открывалось ему работы посто-ей. Послѣ вѣковой колонизаціонной работы народа, когда въ основныхъ ча-ъ окончена была колонизаціонная обстройка и обработка русской земли, и одный переходъ поселенцевъ сталъ не нуженъ, и особенно послѣ открытія іри, когда туда устремилась большая часть народа, и московское правительство емлевладѣльцы испугались, что слишкомъ много рабочаго народа устремилось Сибирь,—признана была необходимою сдержка рабочаго народа, совершилось рѣпленіе его сначала къ землѣ, потомъ къ землевладѣльцамъ,—и отсюда зошла новая, тяжелая работа для народа—крѣпостная. Уже въ XVII вѣкѣ тьяне не только должны были производить всѣ полевыя работы помѣщиковъ отчинниковъ, обстраивать и починивать ихъ разныя хозяйственныя заведенія, ть на нихъ всякое посилье, «работать всякую черную работу», но еще должны і приходить изъ вотчинъ и помѣстій въ загородные дворы своихъ владѣльцевъ і ремесленныхъ дѣлъ» на нихъ и т. п. [1]). Въ XVIII вѣкѣ, съ окончатель-ь развитіемъ крѣпостного права и съ развитіемъ роскоши и расточительности щиковъ, крѣпостная работа крестьянъ стала еще тяжелѣе. «Многіе помѣщики,—ритъ, напримѣръ, П. И. Рычковъ въ своемъ Наказѣ для деревенскихъ упра-лей—были такіе строгіе, что своимъ крестьянамъ не давали ни одного дня тать на себя, напротивъ заставляли ихъ безъ изъятія отправлять господскія ты повседневно» [2]). Далѣе, кромѣ помѣщичьихъ работъ, на народъ постоянно агалось еще бремя разныхъ казенныхъ работъ, или, по выраженію актовъ, кія накладныя дѣла». На народъ возложено было, напримѣръ, «городовое »—строенье городовъ и остроговъ, строенье казенныхъ слободъ и проч. Въ ности, въ степныхъ украйнахъ рабочій народъ обремененъ былъ такъ назы-ымъ «валовымъ и засѣчнымъ дѣломъ» [3]). Постоянно велѣно было высылать ымовныхъ людей и дѣловцевъ изъ ближнихъ селъ и деревень съ 3-хъ дво-, а съ дальнихъ съ 5 дворовъ по человѣку, съ топорами, съ заступами, съ тами, съ кирками, съ лошадьми и телѣгами и проч. Работниковъ на это лое дѣло требовалось много. Напримѣръ, по росписи 1678 года, однихъ къ въ 10 городахъ, находившихся въ вѣдомствѣ пушкарскаго стола рейтар-о приказа, было длиною на 532 верстахъ, съ 32 воротами на нихъ: все это сдѣлано «дѣловцами» крестьянами. Въ нихъ работниковъ было:

---

[1]) А. А. Э., IV, № 36. См. подробн. въ соч. Бѣляева „Крестьяне на Руси“, стр. 249 и мн. др.
[2]) Мулловъ. Заботы объ улучш. быта крестьянъ въ XVIII в. Казань, 1859, стр. 50.
[3]) А. И. III, № 268.

2,905 человѣкъ подымовныхъ людей
833 сторожа
30 человѣкъ засѣчныхъ головъ [1]).

Кромѣ того, въ XVII в. постоянно требовались въ Москву разные рабочіе и мастеровые люди «для разныхъ государовыхъ дѣлъ». Такъ, въ 1646 г. отовсюду вызывались каменщики и кирпичники «для церковнаго, дворцоваго и городового дѣла» [2]): въ 1657 г. изо всей Россіи вызывались кузнецы «для кузнечныхъ скорыхъ дѣлъ» [3]), далѣе, точно также вызывались въ Москву въ 1655 г. мастера мушкетные, станочные, замочные, заварщики, портные, скорняки [4]). Сверхъ того, много рабочихъ людей требовалось въ другіе города на казенныя же работы. Напримѣръ, въ Архангельскъ, на постройку каменнаго гостиннаго двора въ 1671—1674 г. требовалось 116 каменщиковъ, но прислано было изъ городовъ только 97 каменщиковъ, да работныхъ людей къ тому каменному дѣлу «наймовали по 200, по 300 и по 400 человѣкъ на день» [5]). Запросъ на такихъ рабочихъ людей, какъ, напримѣръ, каменщики, былъ столь большой, что по городамъ ихъ было недостаточно. Напримѣръ, бѣлозерцы, посадскіе люди, въ 1649 г. писали въ челобитной своей: «а каменщики и кирпичники, по царскому указу, ежегодь сходятъ къ Москвѣ, къ каменному и кирпичному дѣлу, и печей у нихъ класть некому» [6]). Вслѣдствіе такого запроса на работу, жители селъ и особенно городовъ поневолѣ должны были учиться не наукамъ, а прежде всего промысламъ и ремесламъ, напримѣръ, «ученью каменнаго дѣла», «учебу серебрянаго дѣла» и т. п. Въ Архангельскѣ въ 1671—1674 г. выбраны были *«въ ученье каменному дѣлу»* 100 человѣкъ охотниковъ, да сверхъ того вольныхъ гулящихъ людей записалось 9 человѣкъ [7]). Другіе отдавали дѣтей своихъ *«въ учебъ»* посадскимъ серебреникамъ, лѣтъ на 8, съ платой 20 руб. за учебъ [8]). Третьи отдавали своихъ дѣтей иноземнымъ мастерамъ—учиться, напримѣръ, *«первому ученью*, какъ дѣлать *указные часики»* [9]). О нѣкоторыхъ въ древнихъ памятникахъ говорится: «вданъ бысть *учитися земледѣльству»* [10]). Въ то же время потребность казенныхъ работъ такъ возростала и усложнялась, что устраивались различныя спеціальныя рабочія и мастерскія слободы, напримѣръ, слободы колесныя, слободы хамовниковъ, кадашевцевъ, скорняковъ и разныхъ другихъ ремесленниковъ и, кромѣ того, слободы рыбныя ловецкія, ямскія и т. п. И на мастеровыхъ, рабочихъ жителей этихъ слободъ тоже возлагалось множество работы. Такъ, напр., въ 1677 г. мастера «колесной слободы» мусецкаго погоста въ шелонской пятинѣ въ челобитной своей говорили: «всѣхъ ихъ въ колесной слободѣ по переписнымъ книгамъ 67 дворовъ, а по указу государя дѣлаютъ они пушечныя колеса, и станочныя доски, и волоки, и оси, и пыжи, и оглобли, и то сдѣлавъ привозятъ въ великій Новго-

1) Дополн. VIII, № 30. VII, № 37. Недаромъ народъ уклонялся отъ этихъ работъ. А. А. Э., III, № 269.
2) А. А. Э. IV. № 4.
3) А. Э. IV, 62, № № 85.
4) Ibid., №№ 85, 102 и 142.
5) Дополн. VI, № 21.
6) А. А. Э. IV, № 38.
7) Доп. VI, стр 122—123.
8) А. Юр. № 203.
9) А. И. I, №№ 242, 244.
10) Повѣсть объ Антоніи сійскомъ.

родъ собою; а въ прошлыхъ годахъ дѣлали они такіе же припасы къ Москвѣ и въ Кязань, и въ Астрахань, и въ Псковъ, и нынѣ, по указу царскому, дѣлаютъ туда же, и отвозятъ тѣ припасы на ямскихъ подводахъ, опричь того, что они дѣлаютъ такіе же припасы въ великій Новгородъ; да сверхъ того, наложено на нихъ работы въ великій Новгородъ, на пушечный дворъ, на годъ: по 100 саней, по 100 дровень, по 100 же телѣгъ, по 200 слишкомъ корытъ, по 200 же начевъ, по 200 лопатъ, по 200 веревокъ, а въ веревкѣ по 13 саженъ, по 200 малыхъ топорищъ, по 20 ушатовъ, по 20 ведеръ, по 200 связковъ лыкъ, да сверхъ того, въ годъ дѣлали 1000 топорищъ къ бердышамъ, да 1000 ратовищъ къ протазанамъ, 1500 ложъ къ мушкетамъ, по 200 веселъ, по 200 водолейныхъ плицъ, и еще сверхъ всего того, были на нихъ другія накладныя дѣла, и отъ того накладнаго дѣла они обѣдняли» [1]). Уже въ подобныхъ государственныхъ работахъ, какія требовались отъ народа въ XVII вѣкѣ, предуготовлялась для народа новая работа. Послѣ починочной, устроительной колонизаціонной обстройки русской земли въ московское государство, — началась громадная государственно-преобразовательная работа Петра Великаго, перестройка византійско-восточнаго, полутатарскаго московскаго государства въ европейскую имперію, съ европейской столицей, съ европейскимъ флотомъ, съ европейскими крѣпостями, съ европейскими фабриками и проч. И тутъ тысячи народа потребовались на работу. И ему уже совершенно недосугъ было принять участіе въ начатой въ то же время Петромъ Великимъ умственной работѣ — въ усвоеніи европейскихъ наукъ и открытій. Вспомнимъ, сколько требовали рабочаго народа одни громадныя постройки при Петрѣ I: для постройки Петербурга приходили ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, 40,000 работниковъ, изъ коихъ многіе погибали отъ трудовъ и болѣзней [2]). Для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ также вызывались тысячи рабочаго народа изъ разныхъ отдаленныхъ губерній: напримѣръ, указомъ 16 января 1712 г. требовались 3000 работниковъ для строенія фортиціи и жилья» [3]). Въ 1714 г. требовались въ Петербургъ и на островъ Котлинъ «къ городовымъ дѣламъ» 34.000 работниковъ. Изъ одной С.-Петербургской губерніи вытребовано было въ Петербургъ «къ городовому строенью на кирпичное дѣло» 6805 рабочихъ [4]). Часто издалека и далеко сзывались рабочіе. Напр., въ Азовъ требовалось каменщиковъ: изъ Архангелогородской губерніи 38, изъ Московской—90, изъ С.-Петербургской—65, изъ Казанской—42, изъ Симбирской—19 [5]). Далѣе множество рабочихъ требовалось на 200 или около того казенныхъ фабрикъ и заводовъ. Тысячи рабочихъ нужны были на срубку, приготовленіе и доставку корабельныхъ лѣсовъ, часто издалека, по водѣ, съ тяжкими муками и большою тратою рабочихъ силъ и времени на меляхъ. Тысячи рабочаго народа требовались на работы по устройству флота — 32 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ военныхъ судовъ, не считая галернаго флота. Работы при корабельной гавани разложены были на губерніи и дѣлились по губерніямъ, напримѣръ, была особая *сибирская работа*, особая *московская работа*, *нижегородская работа*, *казанская работа*, *архангелогородская работа* и проч., и гово-

1) Дополн. VII, № 35, стр. 198.
2) П. С., 38., т. IV, № 2488.
3) П. С. З. № 2467 л. 12: № 2479.
4) П. С. З. V, № 2744.
5) П. С. З. IV, стр. 701.

рилось: *губерніями сдѣлано* [1]). Въ 1719 г. вышелъ указъ о начатіи прорытія ладожскаго канала на 104 версты, и собраны были работники со всего государства, даже съ своимъ провіантомъ и съ своими орудіями [2]). Однимъ словомъ Петръ Великій потребовалъ отъ русскаго народа такой громадной работы, что рабочій народъ по необходимости долженъ былъ отстать отъ его умственно-образовательной реформы, которая почти вовсе и не касалась массы народной. «Вся Россія представлялась тогда, — говоритъ одинъ иностранецъ, — какъ бы однимъ заводомъ: повсюду извлекались изъ нѣдръ земли сокрытыя дотолѣ сокровища; повсюду слышны были стуки молотовъ и сѣкиръ, ковавшихъ мечи, якори и всякія орудія, и сооружались корабли военные и всякаго рода морскія и рѣчныя суда; повсюду лились пушки, мортиры, бомбы, ядра, повсюду ткались сукна, всякаго рода полотна, и при всѣхъ такихъ работахъ видѣнъ былъ самъ Петръ, какъ мастеръ и указатель". И самъ великій мастеръ этого великаго «Завода» Реформы отпечатлѣлъ на себѣ типъ рабочаго народа, самъ Петръ Великій былъ рабочій— плелъ лапти. И народъ въ этомъ великомъ заводѣ реформы былъ только чернорабочимъ, а не былъ и не имѣлъ вовсе досуга быть ученикомъ великаго училища реформы — Запада. Въ то время, когда досужіе люди — бояре, князья, вообще дворяне, а также дьяки, подъячіе, ученики школъ навигаторскихъ, цифирныхъ, греко-латинскихъ десятками отправлялись «въ науку за море»—изучать математику, физику и другія науки, въ то время рабочій народъ тысячами, милліонами отвлекался отъ петровскаго ученья, отъ познанія нововводимыхъ западныхъ наукъ, отвлекался на черныя, строительныя работы государственной реформы. Такимъ образомъ, по неволѣ, онъ отчужденъ былъ отъ участія въ умственныхъ, интеллектуальныхъ благахъ реформы Петра Великаго, поневолѣ отвлеченъ былъ отъ интеллектуальной работы; отъ математико-навигацкихъ школъ оторванъ былъ на работы галерныя, на работы корабельной гавани и проч., — и по неволѣ отсталъ отъ зарождавшагося тогда, по волѣ Петра Великаго, нашего образованнаго меньшинства, и что еще хуже того—въ большомъ числѣ отпалъ, отшатнулся отъ интеллектуальнаго меньшинства въ расколъ. Къ тому же, работы на народъ возложено было такъ много, что онъ роптал уже на чрезмѣрную обременительность ея [3]). Изъ среды народа подброшено было подметное письмо Петру Великому, въ которомъ высказанъ былъ такой ропотъ: «уже де тому 15 лѣтъ, а и по нынѣ себѣ невидимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ или другой; какъ нарочно мучатъ насъ, кругомъ обводятъ Москву, что чрезъ Москву ближе было итьтить въ Питербурхъ, нежели черезъ Псковъ; уже де пришолъ изъ компаніи, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день и ночь упокою намъ нѣтъ... Уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходимъ по морю, чего неслыхано въ свѣтѣ, а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и съ холоду помираютъ. А государство свое все разорилъ, что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы... Какъ такъ, что уже 15 лѣтъ, и отдыху нѣтъ! Вѣдь мы не постриглись въ монастырь, вѣдь мы не ангелы! Что говорятъ: «умная голова, умная голова! Коли умная голова, могъ бы такую человѣческую нужду разсудить, какъ такъ

[1]) П. С. З. № 2380.

[2]) Матеріалы для истор. морскаго дѣла: Чтен. Общ. истор.

[3]) И послѣ Петра I не прекращались казенныя работы; наприм., въ 1754 г. требовалось къ строеньямъ въ Петербургѣ, Петергофѣ и Стрѣльнѣ до 5,000 рабочихъ. См. вѣдомость работъ въ Чтен. Общ. истор. 1860 г. кн. 3, отд. V, стр. 61.

долго служить. Только полюбился Питербурхъ! Уже де въ Питербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей напрасною смертію человѣкъ больше милліону. А ужъ намъ Котлинъ адъ злой!.. Несносна служба, работа великая, и не видимъ домовъ, и боимся житья Котлина острова и Питербурха» [1]). Вслѣдствіе такого отягощенія работой, тысячи народа стали уклоняться отъ тягостей работы и убѣгать въ лѣса, въ скиты и въ монастыри раскольничьи. Въ 1710 г. іеромон. Симеонъ Кохановскій говорилъ въ одномъ словѣ: «мнозіи съ цѣлыми домами, женами и дѣтьми, оставивше честное гражданское сожительство, бѣгутъ изъ градовъ въ пустыни и тамъ скотское и звѣрское житіе проводятъ. Другіе бѣгаютъ отъ тяжкихъ трудовъ, ищутъ себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и монастыряхъ» [2]). Не менѣе страдалъ и потому бѣжалъ рабочій народъ и отъ работы вотчинниковъ, отъ работы монастырской и т. п. «Въ 1706 году,—сказано въ одномъ донесеніи,—въ генварѣ и февралѣ, въ шуйскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ покровскаго женскаго монастыря села Ярлыкова въ разныхъ числахъ, въ ночахъ, крестьяне съ женами и дѣтьми 26 семей со всѣми своими животы бѣжали не знамо куда» [3]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, и безъ того малолюдный рабочій народъ еще болѣе убывалъ, и слѣдовательно еще болѣе чувствовалась нужда въ рабочихъ рукахъ, какъ въ XVII, такъ и въ XVIII столѣтіяхъ. Въ 1681 г. въ 108 городахъ и и уѣздахъ посадскихъ и уѣздныхъ жителей всего было только 90,212 дворовъ, съ окладомъ на нихъ во 122,231 рубля; въ 18 дворцовыхъ городахъ и слободахъ было только 11,992 двора, съ окладомъ въ 15,353 рубля [4]). Въ городахъ, напр., въ Муромѣ 626 дворовъ стояли пусты и даже были не достроены, а жилыхъ дворовъ было 111 [5]). Цѣлыя села исчезали, оставляя послѣ себя названіе пустыхъ селищъ [6]). Какъ быстро заселялись и прибывали новыя деревни, такъ же быстро и опустѣвали и убывали [7]). Много убывало рабочаго народа и вслѣдствіе увеличивавшихся солдатскихъ наборовъ. Въ XVII в. часто набирали даточныхъ людей съ 25, 20 и даже 10 дворовъ по человѣку. Въ теченіе 12 или 13 лѣтъ (1659—1671 г.) было 3 набора, и изъ однихъ помѣщичьихъ и вотчинныхъ селъ взято было до 51,191 человѣка въ войско [8]), которое уже до Петра Великаго отнимало отъ земскихъ работъ до 100,000 человѣкъ и потомъ постоянно увеличивалось въ численности. Такъ, напр., въ 1712 г. оно простиралось до 108,000, въ 1725 г. до 196,000, въ 1785 г. 360,000 и т. д. Вообще, убыль и недостаточность рабочаго народа съ XVII в. была такъ ощутительна, что потомъ невольно однимъ изъ самыхъ первыхъ и важныхъ вопросовъ и задачъ государства, стала забота объ умноженіи рабочаго народа. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Коллинсъ писалъ: «Государство русское малолюдно. Семь лѣтъ тому назадъ погибло отъ чумы, 7 или 8 тысячъ человѣкъ, а три года тому

[1]) Чтен. Общ. истор. 1860 г., кн. 2, отд. V, стр. 27—30.

[2]) Пекарскаго, наука и литер. при Петрѣ Великомъ I, стр. 492.

[3]) Соловьева, Истор. Росс. т. XV, стр. 239.

[4]) А. А. Э. IV, № 250.

[5]) А. Ю. 257.

[6]) Доп. I, 279. Акт. ворон. края, 54. О пятинахъ и погостяхъ Новгород. Неволина

[7]) Наприм. въ Вятскомъ уѣздѣ въ одномъ станѣ въ 1628 г. было 44 деревни и 23 починка, въ которыхъ „живущихъ дворовъ было 100, а людей въ нихъ 106"; въ 1645 г. тамъ оказалось 103 деревни, дворовъ живущихъ 209 и людей въ нихъ 1.056 человѣкъ, а въ 1657 г., черезъ какіе-нибудь 12 лѣтъ, тамъ опять стало только 53 деревни и 44 починка, живущихъ дворовъ 133. Доп. IV, 76.

[8]) Доп. VIII, № 40.

назадъ крымцы увели съ границъ 400,000 человѣкъ въ вѣчный плѣнъ. Сверхъ того еще 300,000 человѣкъ погибло въ различныхъ войнахъ. Лучшая часть земли опустошена, остальная же не обработана за недостаткомъ людей. На пространствѣ 500 верстъ (проѣзжая вверхъ по рѣкѣ) вы увидите 10 женщинъ и дѣтей на 1 мужчину [1]). Послѣ смерти Петра Великаго, дефицитъ въ рабочемъ народѣ оказался еще болѣе. Дошло до того, что цѣлыя села и деревни исчезали съ лица земли, огромныя мѣстности обезлюдѣли. Отъ неурожая и голода, отъ тяжкихъ налоговъ и работъ, отъ жестокаго правежа недоимокъ, народъ цѣлыми сотнями, цѣлыми тысячами бѣжалъ въ Сибирь, на Уралъ, къ казакамъ, къ башкирцамъ, бѣжалъ въ Турцію, Австрію и Польшу. Въ продолженіи 17 лѣтъ, съ 1719 по 1736 годъ, убыло 2,100,469 душъ; изъ нихъ умерло, большею частію отъ неурожая и голода, почти 1,558,000, въ рекруты взято было около 202,000, да бѣжало, приблизительно, до 442,000: «а понеже уповательно и больше того оной убыли имѣется», —какъ сознавался самъ Сенатъ въ докладѣ 17 сентября 1742 года [2]). Отъ одного мучительства Биронова, какъ полагаетъ Болтинъ, бѣжало за границу не менѣе 250,000 душъ мужского пола. При такой убыли рабочаго народа, тамъ, гдѣ на пространствѣ 500 верстъ приходился только 1 рабочій мужчина на 10 женщинъ и дѣтей, и гдѣ въ продолженіи 17 лѣтъ убывало больше 2,100,000 душъ, —тамъ, очевидно, первымъ долгомъ нужно было заботиться о физическомъ сохраненіи и умноженіи народа, а не объ интеллектуальномъ развитіи его. Такъ дѣйствительно и было. Съ конца XVII в. и до начала XIX столѣтія въ Россіи не умолкалъ вопросъ и часто высказывалась забота объ умноженіи рабочаго народа. Въ до петровскія времена, и самъ народъ объ этомъ отчасти заботился. «Русскіе, — замѣчаетъ Коллинсъ, — очень поощряютъ браки отчасти для того, чтобы населить свои земли» [3]). Юрій Крыжаничь, этотъ замѣчательный публицистъ и политико-экономъ московскаго государства XVII вѣка, въ своемъ большомъ сочиненіи о Россіи, въ главѣ «о людности или умноженіи людей» —такъ писалъ объ этомъ предметѣ: «тамъ люди плодятся и умножаются, гдѣ имѣютъ пищу и одежду и все остальное, что годно къ человѣческому житью, и миръ и добро — уряженное владаніе. На столько всегда умножаются люди, на сколько ихъ земля можетъ понесть и прокормить... Русь же есть рѣдко обселена, и не такъ людна, какъ бы могло быть; а это по такимъ причинамъ: 1) крымцы безпрестанными наѣздами землю пустошатъ; 2) причины нелюдности есть и жестокое владѣніе, въ коемъ держатся жители сего государства; 3) третья причина нелюдности есть скудость каменія, изъ коего бы дѣлалось прочное домостроеніе, а деревянное строеніе и не такъ долго терпитъ и отъ частыхъ пожаровъ погибаетъ; 4) причина нелюдности есть и многое высылапье людей на посады въ Сибирь и на Украйну... Ремеслами множится земля и наполняются грады: если бы всѣ товары, которые мы отъ нѣмцевъ покупаемъ, русскіе дома дѣлали сами, многими тысячами людей больше жило бы на русской землѣ, нежели ихъ нынѣ живетъ, и города ихъ были бы населеннѣе, многолюднѣе, и все царство сильнѣе было бы» [4]). Потомъ поддерживали вопросъ объ умноженіи народа Ломоносовъ, профессора

1) Коллинсъ, 13.
2) П. С. З. т. XI, № 8619.
3) Коллинсъ, 33
4) О московск. госуд XVII в. раздѣлъ 49: „объ людности или объ умноженіи людей“, стр 87—98, и раздѣлъ 2, стр. 40.

сковскаго университета — Керштенсъ, Зыбелинъ и Рихтеръ, сама императрица атерина въ наказѣ, гр. А. Р. Воронцовъ и адм. Мордвиновъ. Профессора сковскаго университета раскрывали физическія условія умноженія народа. Такъ, пр., проф. Керштенсъ въ 1769 г. говорилъ публичную рѣчь, содержащую Наставленія и правила врачебныя для деревенскихъ жителей, служащія къ умноенію недовольнаго числа людей въ Россіи». Проф. Зыбелинъ въ 1780 г. говолъ рѣчь «о способѣ, какъ предупредить можно немаловажную между прочимъ ичину медленнаго умноженія народа, состоящую въ неприличной пищи, даваемой аденцамъ въ первые мѣсяцы ихъ жизни». Въ 1797 г. проф. Рихтеръ говорилъ мѣчательную рѣчь «о врачебныхъ пособіяхъ, служащихъ къ приращенію многодства въ обществѣ [1]). Въ 1801 г. гр. А. Р. Воронцовъ въ своихъ «Примѣчаніяхъ о Россіи» писалъ: «въ Россіи ничто такъ не нужно, какъ умноженіе одей, по пространности земель весьма недостаточное» [2]). Мордвиновъ въ своемъ зсужденіи «о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи», въ главѣ «о народоноженіи», говоритъ: «у насъ изъ каждой семьи едва одна мужского пола душа стигать можетъ зрѣлаго возраста, вступать въ бракъ и составлять тягло: естевенно ли, чтобы безъ особаго стеченія вмѣстѣ многихъ причинъ, губящихъ бятъ еще въ младенчествѣ ихъ, могло приходить въ возрастъ менѣе и 1 сына ъ числа родящихся дѣтей отъ каждаго мужчины, способнаго производить оныхъ. ь числу сихъ причинъ, конечно, относить должно и качества пищи и одежды, здухъ въ жилищахъ народа нашего, и качество воды по отдаленнымъ отъ рѣкъ ченіямъ, и неимѣніе нигдѣ почти, не только по деревнямъ и селамъ, но и по родамъ нашимъ больницъ и проч.» Поэтому Мордвиновъ, считая умноженіе бочаго народа однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ и условій народнаго богатва, предлагаетъ дальше мѣры къ умноженію народа, какъ. напр., улучшеніе родной пищи и питья, улучшеніе жилищъ рабочаго народа, устройство больницъ, спространеніе оспопрививанія и проч. [3]). Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ суромъ климатомъ, съ суровой природой русской земли и съ разными историколитическими тягостями, по необходимости приходилось заботиться объ умноженіи бочаго, промышленнаго народа, а не интеллектуальнаго класса. И дѣйствительно, ть благопріятствовали физическія и политическія обстоятельства, рабочій народъ ножался гораздо болѣе, чѣмъ интеллектуальный классъ, умножался иногда даже несмотря на всѣ физическія и не физическія препятствія. Такъ, напримѣръ, и Петрѣ Великомъ въ переписныя книги записано было одного податного бочаго народа до 6.000.000 душъ мужского пола, тогда какъ дворянства, по енмуществу предназначавшагося быть интеллектуальнымъ классомъ, насчитано ло только до 500.000 душъ. По переписи 1744 и 1745 г. податного рабого народа умножилось до 7.000.000 душъ мужского пола, слѣдовательно, прибился цѣлый милліонъ, тогда какъ класса, имѣвшаго наиболѣе средствъ, досуга всякой возможности къ интеллектуальнымъ занятіямъ — именно дворянства, — считано было столько же, сколько и при Петрѣ, до 500.000 душъ обоего пола всякаго возраста. Требовалась больше всего механическая, мускулярная, промышленная работа, а не умственный трудъ, — и потому не только въ селахъ, но

[1]) Шевыревъ, Истор. москов. университ. 154, 199, 244, 299.
[2]) Чтен. общ. истор. 1859, кн. I, отд. V, стр. 101.
[3]) Ibid., 1860, кн. I, отд. V, стр. 50—51.

и въ городахъ больше умножался рабочій классъ, а не интеллектуальный [1]). Тогда какъ интеллектуальный классъ въ XVIII вѣкѣ, какъ увидимъ дальше, умножался весьма мало и медленно, даже въ столицахъ, — ремесленный и промышленный классъ, даже въ ограниченныхъ предѣлахъ тогдашнихъ рутинныхъ промышленныхъ понятій и знаній, умножался быстро и въ большомъ числѣ, особенно въ столицахъ и съ развитіемъ роскоши дворянства. Извѣстный русскій историкъ, статистикъ и публицистъ XVIII вѣка, кн. Щербатовъ, по случаю повсемѣстнаго голода въ Россіи въ 1787 году писалъ: «крѣпость народная, чинящая россіянъ весьма удобными къ дѣтородію, не взирая на войны и язвы, весьма умножила народъ, такъ что въ 50 лѣтъ оный въ полтора прибылъ. По мѣрѣ размноженія сластолюбія, при умножилися и всѣ мастерства, рукодѣлья и промыслы, и самыя нужныя государственныя строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ, представляя великое обильство для промысловъ, отвлекли и отъ земледѣлія многія тысячи человѣкъ. Если мы возьмемъ въ примѣръ одну Москву, и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, коль число ихъ пріумножилось. Двадцати лѣтъ тому не прошло, весь каретный рядъ вмѣщался за петровскими воротами по земляной городъ, по большой улицѣ; а нынѣ, не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь бѣлаго города и въ заворотъ, по обѣ стороны по земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не считая, сколько нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ, въ разныхъ мѣстахъ, кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весьма рѣдки, нынѣ же почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичу до 5 милліоновъ дѣлалось, нынѣ дѣлается до 10 милліоновъ; строенія были рѣдки, и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строилось, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строенія не производились. Всѣ такіе промыслы требуютъ людей, какъ-то: кирпичниковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, столяровъ» и проч. И вотъ они, по словамъ Щербатова, размножались [2]).

Такимъ образомъ, климатъ и вообще природа русской земли, а потомъ и государственныя требованія, изстари обусловливали главнымъ образомъ развитіе и умноженіе рабочаго, промышленнаго народа, а не интеллектуальнаго класса. Слѣдствіемъ этого вѣкового, исторически-развивавшагося преобладанія рабочаго народа и отсутствія интеллектуальнаго класса было: 1) вѣковое преобладаніе рабочей, мускулярной силы надъ силой умственной; 2) самоотчужденіе рабочаго народа отъ интеллектуальныхъ потребностей и интересовъ, во имя рабочихъ, промышленныхъ интересовъ и потребностей, вслѣдствіе постояннаго гнета бѣдности и борьбы за матеріальное существованіе; 3) развитіе крѣпостного права и раскола, отодвигув-

[1]) Вездѣ, гдѣ народъ находилъ просторъ для своей работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ средства жизни,—онъ быстро умножался. Напр., въ Москвѣ, въ 50 лѣтъ, въ XVII вѣкѣ вновь заселились цѣлыя слободы разныхъ торговыхъ, ремесленныхъ и промышленныхъ людей, какія прежде (въ XVI в.) не бывали (А. А. Э. VI, №№ 32 и 47). Въ Нижнемъ Новгородѣ, въ одной Благовѣщенской слободѣ, въ нѣсколько лѣтъ, умножилось торговыхъ и ремесленныхъ людей, сверхъ писцовыхъ книгъ, больше 600 человѣкъ (ibid. IV, № 32). Въ одной новгородской колесной слободѣ, гдѣ жители занимались весьма выгоднымъ колеснымъ и столярнымъ промысломъ, въ теченіи 140 лѣтъ, путемъ одного нарожденія, прибыло до 27 дворовъ (Доп. VII, № 36). А въ другихъ селахъ въ теченіе 60 лѣтъ прибыло до 150 дворовъ, душъ до 600 (Доп. VI, № 71). По вятскимъ переписнымъ книгамъ 1678 г., въ Вяткѣ и въ пригородахъ, на посадахъ и уѣздахъ написано было 13.134 двора, и въ томъ числѣ передъ прежними переписными книгами прибыло 2.079 дворовъ (Доп. VIII, стр. 108, также Доп. VI, № 14).

[2]) Чтен. Общ. истор. 1860, кн. 1, отд. II, стр. 83.

шаго еще дальше невѣжественную массу отъ умственнаго развитія, надолго лишило рабочій людъ всякой возможности къ самообразованію и даже убило всякое стремленіе къ нему; 4) невольное развитіе въ рабочемъ народѣ, вслѣдствіе вѣковой страдной физической работы, натурально-реалистическаго умонастроенія; 5) вѣковое преобладаніе внѣшнихъ и чувственныхъ познавательныхъ способностей народа надъ высшею, теоретическою мыслительностью, надъ силою разума, —преобладаніе памяти зрительной, слуховой, осязательной, и, вслѣдствіе того, особенная умственная способность рабочаго народа къ сенсуальной воспріимчивости, къ легкому и быстрому схватыванію и усвоенью наглядныхъ образцовъ; при неразвитости самостоятельной умственной изобрѣтательности, особенная наклонность къ механическимъ, химико-физическимъ и т. п. занятіямъ, выразившаяся въ появленіи многихъ такъ называемыхъ самородковъ или самоучекъ-механиковъ, химиковъ, техниковъ и т. п.; 6) полнѣйшее физіологическое и интеллектуальное подчиненіе рабочихъ силъ народа непосредственнымъ физическимъ условіямъ работы, какія представляла природа русской земли и, вслѣдствіе того, вѣковая умственная закоснѣлость его въ наслѣдственной рутинѣ старыхъ промышленныхъ понятій и привычекъ, обусловленныхъ мѣстными физическими особенностями.

Къ тому же, и самый климатъ русской земли обусловливалъ преимущественное развитіе физической, мускулярной силы, требуя усиленнаго мускулярнаго напряженія и работы. И дѣйствительно, въ Россіи, какъ странѣ сѣверной и холодной, физическая, мускулярная сила народа съ особеннымъ успѣхомъ укрѣплялась [1]) и всегда преобладала надъ силой интеллектуальной. Потому-то у насъ не являлись геніи—силачи науки, мысли и открытій,—Коперники, Кеплеры, Ньютоны, Декарты, Бэконы и т. п. Вмѣсто силачей интеллигенціи, разума, — у насъ во множествѣ являлись силачи мускуловъ, силачи-богатыри, Ильи-Муромцы, Добрыни Никитичи, Алеши Поповичи и т. п., силачи--покорители земель и народовъ —Ермаки Тимофѣевичи, Поярковы, Хабаровы и проч., силачи-бунтовщики, демагоги—Стеньки Разины, Булавины, Пугачевы и проч. У насъ не было умственной борьбы, борьбы мыслей и теорій, не было этой безпрерывно-поочередной, вѣковой борьбы западной, напримѣръ, борьбы мистики и схоластики, борьбы номиналистовъ и реалистовъ, имѣвшей, какъ говоритъ Гумбольдъ, «существенное вліяніе на окончательное утвержденіе опытныхъ наукъ, эмпирическаго знанія» [2]); не было борьбы такъ называемыхъ гуманистовъ—Рейхлиновъ, Эразмовъ роттердамскихъ и такъ называемыхъ обскурантовъ, не было борьбы, какъ выражался Гизо, de la révolution intellectuele, qui forme une école des libres penseurs, борьбы, которая породила, по выраженію того же Гизо, grande tentative d'affranchissement de la pensée humaine; не было борьбы ученій Коперника и Тихо-Браге, нептунистовъ и вулканистовъ, флогистонистовъ и оксигенистовъ и т. п. А была у насъ только вѣковая чисто-физическая, мускулярная борьба - - борьба междоусобно-княжеская, или удѣльно-вѣчевая, борьба Москвы, Пскова и Новгорода, борьба съ печенѣгами, половцами, татарами, крымцами и другими азіятскими ордами, борьба съ нѣмцами и польскими и литовскими людьми, да былъ длинный рядъ бунтовъ народныхъ—стрѣлецко-раскольничьихъ, разинскихъ, булавинскихъ, пугачевщины, бунтовъ крестьянскихъ, фабрично-

---

¹) Въ Сибири могучіе служилые люди говорили, доходя до Восточнаго океана: „а шли мы и дни и ночи *своею силою* волокомъ, а индѣ водою". Доп. III, № 87.

²) Космосъ, ч. II, стр. 254.

заводскихъ и проч. Достаточно прочитать первые 5 или 6 томовъ «Исторіи Россіи» Соловьева, чтобы убѣдиться въ постоянномъ преобладаніи въ нашей исторіи физической борьбы, внутренней и внѣшней, и въ отсутствіи борьбы интеллектуальной. Мускулярное упражненіе юношества въ кулачныхъ бояхъ преобладало надъ интеллектуальнымъ развитіемъ молодыхъ поколѣній; кулачное право въ расправѣ и судѣ преобладало надъ юридическимъ разсужденьемъ, надъ судомъ разсудка. О развитіи органа интеллектуальной силы русскіе и не думали, тогда какъ о развитіи мускулярной, физической силы заботились. «Русскіе,—говоритъ англійскій медикъ-анатомъ Коллинсъ,—любятъ низкіе лбы и узкіе глаза; а для укрѣпленія физической силы нарочно перепоясываются ниже пупа, потому что поясъ, по ихъ мнѣнію, придаетъ силы» [1]. Холодный климатъ, вѣковая борьба съ суровой физической средой рабочей жизни, постоянная, вѣчная необходимость работать *изъ-за корма* и работать много «накладныхъ» работъ, не на себя, и, вдобавокъ, разныя историческія тягости рабочей жизни, - все это невольно развивало въ народѣ раздражительность, озлобленность, нравственное ожесточеніе, вспыльчивость,—черты, господствующія въ народномъ характерѣ [2]. И вотъ онъ изливалъ эту раздражительность и нравственную ожесточенность свою на всемъ окружающемъ —и на людяхъ, и на животныхъ, въ обращеніи начальниковъ съ подчиненными, мужей съ женами, отцовъ съ дѣтьми, учителей съ учениками и т. п. Отцы, напримѣръ, учили, вразумляли своихъ дѣтей силой, и отъ ученья этого нерѣдко изъ силы выбивались: при одинаковой силѣ, ожесточенности и упорствѣ дѣтей, у отцовъ нерѣдко мочи не хватало битьемъ научить ихъ. Напримѣръ, въ 1685 г. одинъ непашенный крестьянинъ Шуйскаго посада (Гришка Хорошевъ) «подалъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на сына своего Ивашку явочную челобитную въ томъ, что онъ, Ивашко, не сталъ его, отца своего, Гришки, ни въ чемъ слушать, сталъ-де чинить по своей волѣ, училъ пить и бражничать, и отходя-де отъ него, Гришки, многія ночи ночуетъ въ людяхъ, невѣдомо гдѣ, а ему-де, Гришкѣ, ево, сына своего, Ивашка, *бить и учить мочи не стало* [3]). Вслѣдствіе преобладанія физической, мускулярной силы надъ силою интеллектуальною, мыслительною, - чуть не хватало въ древней Россіи умственныхъ силъ, напримѣръ, даже самыхъ поверхностныхъ и ограниченныхъ раціональныхъ доводовъ и убѣжденій,—а ихъ не хватало весьма часто,—предки наши, въ такихъ случаяхъ, тотчасъ всякій разъ прибѣгали къ физической силѣ, къ «*биться въ полѣ*». При неразвитости разума, интеллектуальной способности убѣжденія, тяжущіеся, напримѣръ, часто не могли доказать на судѣ свою истину или свое право, напримѣръ, на ту или другую землю, не могли доказать не только разумными, логическими доводами, но и показаніями органовъ зрѣнія, слуха, осязанія и памятью «старожильцевъ—добрыхъ памятуховъ» и свидѣтельствомъ «послуховъ»,—и вотъ шли «*въ поле биться*», говоря обыкновенно судьѣ: «дай намъ, господине, божью правду, *да лѣземъ въ поле биться*» [4]). Во время извѣстнаго всенароднаго

[1]) Коллинсъ, 20—21.

[2]) Что между прочимъ холодный климатъ возбуждаетъ раздражительность,—это замѣчательно испыталъ, напримѣръ, знаменитый Парри въ своемъ экипажѣ, во время полярной экспедиціи. См. отрывокъ изъ его путешествія въ „Сѣверн. Архивѣ".

[3]) Акты посада Шуи въ XVII в. Чтен. Общ. истор. 1860, кн. 3, отд. V, стр. 25—26, актъ 28.

[4]) См. въ Акт. Юрид. „правыя грамоты".

спора московскихъ посадскихъ, стрѣльцовъ и чернослободцевъ, въ 1682 году. на лобномъ мѣстѣ, о старыхъ книгахъ и о старой вѣрѣ,—народъ, вызывавшій церковныхъ учителей собственно на словесный споръ и освидѣтельствованіе, или сличеніе старыхъ и новыхъ книгъ, думалъ, однакожъ, доказать правоту древле-церковнаго ученія не умственными доводами, а чисто физической силой—*заушеніями* и побоями. «Заутра въ субботу,—говоритъ очевидецъ и описатель событія Сава Романовъ,—выслалъ патріархъ попа Саву, иже ученъ бѣ школьному ученію, той нача учити народъ по книгѣ Кирилла Транквилліона: народи убо, не терпяще сего, *побиша его довольно*. Въ то же время посланъ былъ другой попъ, и, ставъ противъ угла Грановитой палаты, сталъ читать обличительныя тетради на ученье Никиты пустосвята,—и нѣцыи отъ стрѣльцовъ тетради хотяху прервати и учителя *заушити*» [1]). Отъ подобнаго обычая доказательствъ произошли народныя пословицы: «не все горломъ, ино и руками; языкомъ играй, а руками не разсуждай; давно оплеухъ не ѣдалъ,—такъ уши заложило, не понимаешь» и т. п. Какъ самый рабочій народъ въ древней Россіи вразумляли на путь послушанія, на казенную работу и т. п. «битьемъ нещаднымъ по вся дни съ утра до ночи плетьми и батожьемъ», и онъ, по своимъ крѣпкимъ нервамъ, закаленнымъ притомъ и сурово-физической средой, и суровой страдомой работой, привыкъ переносить всѣ эти педагогическія *заушенія*, такъ и дѣти его учились въ такой же школѣ физической силы. Въ школахъ главнымъ умственно-образовательнымъ средствомъ для интеллектуальнаго развитія и для возбужденія умственныхъ способностей дѣтей признавалась не сила убѣжденія и слова, не вразумительность, ясность и убѣдительность толкованія преподаваемыхъ знаній, или истинъ, не интеллектуальное воздѣйствіе на юные умы дѣтей, а физическая сила и механическія средства — *учителевъ ремень плетный, жезлъ, плеть, лоза, школьный козелъ и розга черемховая, березовая* и т. п. Въ азбуковникахъ XVII в. высказывались такіе взгляды на умственно-образовательное значеніе главнаго педагогическаго орудія физической силы—*розги:*

Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ.

И что говорить много о XVII вѣкѣ. Даже въ началѣ XIX столѣтія, нѣкоторые «учители гимназій любили чрезвычайно хвастаться силою, были предпріимчивы на руку»...

Кромѣ того, вѣковое преобладаніе рабочаго народа надъ интеллектуальнымъ классомъ, породило въ народѣ преобладаніе рабочаго и промышленнаго умонастроенія надъ высшими интеллектуальными интересами и потребностями, и въ тоже время, какъ увидимъ дальше, сопровождалось отчужденіемъ рабочаго народа отъ участія въ высшемъ интеллектуальномъ развитіи. Вслѣдствіе вѣкового исключительнаго развитія рабочаго, промышленнаго умонастроенія, развившагося вслѣдствіе исключительной заботы объ обезпеченіи физической, животной жизни,—потребности животной и рабочей жизни преобладали надъ потребностями умственными, промыслы «кормовые» преобладали надъ мастерствами и занятіями интеллектуальными. Напримѣръ, въ Москвѣ, въ мѣщанской слободѣ въ 1677 году, ученьемъ дѣтей въ школѣ занимался и кормился одинъ посадскій человѣкъ,—между тѣмъ

[1]) Три челобитныя. С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 109—115.

какъ разными харчевыми или пищевыми припасами, кромѣ муки, промышляли и кормились до 154 человѣкъ. Запросы животной жизни или запросы желудочные требовали «*животовъ*» или «*корма, чѣмъ сыты быть*», требовали удовлетворенія «*сыти*», и поэтому вызывали народъ на промыслы, на работу, заставляли его быть *сытчиками* или *полусытчиками* и, такимъ образомъ, невольно отвлекали его отъ всякихъ умственныхъ занятій. Хотѣлъ, напримѣръ, древне-русскій грамотникъ заняться умственной работой, составить изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ бытейскихъ или историческихъ писаній поучительный энциклопедическій сборникъ для себя и для поученія другихъ,—но его отвлекала отъ этого умственнаго занятія потребность животной жизни, требовавшая занятія *рукодѣліемъ*, *еже стяжати, чѣмъ животъ кормити*. Такъ, одинъ грамотникъ XVII вѣка говоритъ: «желающіе нѣчто разумѣти, мы во многи и долговременны труды внидохомъ, еже избрати отъ многихъ лѣтъ писанныхъ бытейскихъ книгъ нужнѣйшее и добрѣйшее и совокупити во едино; занеже тѣ всѣ книги о единомъ пишутъ, во всѣхъ многая рознь, тотъ то оставилъ, а инъ иное, все количество тѣхъ книгъ не удобно стяжати; и сего ради помышляхъ сіе дѣло начати, *но возбраняемъ есмь отъ рукодѣлья, еже стяжати, чѣмъ животъ кормити*»[1]. Ремесленность и хозяйственность отвлекала народъ отъ умственныхъ занятій, такъ что многіе предки наши, не имѣя вовсе времени для чтенія книгъ, обремененные домашнимъ хозяйствомъ и промыслами, и особенно постоянной постройкой дворовъ и избъ своихъ и землевладѣльческихъ,—чтеніе книгъ считали обязанностью одного монашества, а своимъ дѣломъ считали одно домоустройство и ремесло. Даже смутнаго пониманія связи между знаніемъ и механическимъ трудомъ не проглядывало въ рабочемъ классѣ, задавленномъ обыденными нуждами и заботами объ удовлетвореніи своего желудка. Въ одномъ древне-русскомъ поученіи сказано: «мірянъ глаголютъ, яко жену имамъ, или дѣти, или *домъ строю*, или *ремесло имамъ*, *не наше есть дѣло, но черническое, еже книги чести*»[2]. Учительство въ древней Россіи считалось промысломъ, мастерствомъ, ремесломъ, и потому учители назывались *мастерами* и *работничишками*. Они промышляли и *кормились тѣмъ*, что ученики «приношаху имъ брашна и питія отъ домовъ своихъ». Въ переписномъ спискѣ 1677 года, кто чѣмъ въ Москвѣ промышлялъ и кормился въ XVII вѣкѣ, учитель ставится на одну доску съ мясниками, сапожниками, [illegible] и всякими другими ремесленниками, учительство считается кормовымъ промысломъ[3]. Въ азбуковникахъ XVII вѣка находятся характеристическія въ этомъ отношеніи письма древне-русскихъ учителей—*работничишковъ*. Въ одномъ изъ нихъ говорится, напримѣръ: «государю такому-то (имя рекъ) бьетъ челомъ и [illegible] твой такой-то учитель: помяни благоутробіе свое и мнѣ, [illegible]. Господа ради и благ[illegible] цвѣтущія отрасли благонасажденныя [illegible] и любезнѣйшаго сына, и преслаткаго ради ученія, [illegible] цвѣтущія ради [illegible] твоей науки, пожалуй мнѣ, *работничишку твоему* [illegible] на пропитаніе». Одинъ учитель [illegible]

[1] [illegible] Казанск. дух. акад. № 564, л. 10 и 11.
[2] [illegible] въ древн. Россіи. „Правосл. Собес.“ 1858 [illegible]
[3] [illegible]

Прикажи, государь, намъ отъ классорастенныхъ плодовъ запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоя трапезы говядъ и тинолюбящія свиніи преподати,
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ, иже обрѣтаются въ домѣхъ
вашихъ преславныхъ.
Отъ млекъ сгущеннаго и отъ сѣменъ изгнетеннаго масла,
Возъодари и высокорасленнымъ огорченнаго пива добрѣйшаго,
Пчелодѣльнаго меда сладчайшаго и проч. [1]).

Потребности рабочія, промышленныя до такой степени преобладали надъ ремленіями умственными, что даже люди самые книжные, «философы дорочные»—учители народные и священники оставляли всю философію и самое ященство, и принимались за промышленныя занятія, «за гостебное житіе» или рговые промыслы и т. п. Такъ, въ повѣсти о Евфросинѣ псковскомъ читаемъ: ылъ нѣкто священникъ, Іовъ Столпъ по прозванію, жилъ въ Псковѣ, той священникъ буй образомъ смотряшеся и смысломъ мняйся имѣти разумъ и мудръ ло, извыче много повѣствовати отъ писанія и много протолкуя силу книжную, бяху вси людіе прихождахъ къ нему и вопрошаху его о всякомъ писаніи незрѣшенномъ, купно же и о законныхъ вещахъ; онъ же убо протолкуя и скаваше имъ вся поряду, о чемъ кто вопрошаше его, да того ради отъ всѣхъ стенъ бысть и знаемъ всѣми, и слывяше отъ нихъ достроченъ философъ. По мъ же, абіе ничтоже разсудивъ и умысливъ, яко философъ, *возлюби гостебное итіе*—торговый промыселъ, и остави священство» [2]). И въ XVII вѣкѣ, когда, идеѣ и указу Петра Великаго, энергически устраивались школы навигацкія, фирныя, хирургическія и проч., и неутомимо переводились европейскія книги я народнаго чтенія и просвѣщенія,—запросы животной жизни, запросы желучные подавляли въ рабочей массѣ всякіе интеллектуальные запросы. Поэтому е первые ученики Петра Великаго и Запада стали приходить къ тому убѣжнію, что ни «породные» дворяне, ни простой или, какъ тогда выражались, одлый народъ», «подлые люди» неспособны къ интеллектуальнымъ занятіямъ, рвые—по барской спѣси и презрѣнію къ труду, а простой народъ потому, что необходимости весь поглощенъ былъ заботой объ обезпеченіи запросовъ желудка. къ К. Н. Зотовъ, переводчикъ разныхъ книгъ и морякъ, въ 1715 г. писалъ тру Великому изъ за границы: «не худо бы было выбрать двухъ или трехъ ловѣкъ лучшихъ латинщиковъ изъ средней статьи людей, то есть не изъ подныхъ, ниже изъ подлыхъ, для того, что вездѣ породные презираютъ труды, тя по препорціи ихъ породъ и имѣнія должны бы также быть и въ наукѣ мѣнны передъ другими; а подлый *не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое полнить»* [3]). Григ. Скорнякову-Писареву поручено было Петромъ Великимъ вѣдыванье цифирными школами во Псковѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и логдѣ,—и въ 1720 г. онъ доносилъ, что въ цифирной школѣ въ Москвѣ) учениковъ, а въ провинціяхъ ихъ мало, потому что родители, нуждаясь въ омыслахъ, отбирали дѣтей своихъ изъ школъ для необходимыхъ домашнихъ ботъ и помощи въ промыслахъ. Въ то же время посадскіе люди вошли въ натъ съ просьбою, *что дѣти ихъ занимаются торговлею и иные*

[1]) О школьныхъ книгахъ XVII в. Чтен. Общ. Ист. 1862 г., кн. 4, отд. I, стр. 25.

[2]) Памятн. стар. русск. литерат., вып. IV, стр. 81—82. Тамъ же разсказывается и о угихъ подобныхъ книжныхъ людяхъ, оставившихъ книжное ученіе ради житейскихъ омысловъ.

[3]) Пекарскаго, Наука и Литер. при Петрѣ Великомъ, I. 157.

находятся въ дальнихъ мѣстахъ, а ихъ принуждаютъ поступать *школы*, и чрезъ то, отнимая отъ промысловъ, лишаютъ ихъ способовъ проп танія. Сенатъ уволилъ дѣтей посадскихъ отъ обязательнаго ученья въ цифирны школахъ [1]). Вѣковое преобладаніе промышленнагс умонастроенія до того укорени въ народѣ промышленно-пріобрѣтательныя наклонности и предпочтеніе умственны занятіямъ промышленнаго стяжанія богатствъ, что и богатые люди, имѣвшіе пол обезпеченіе въ средствахъ жизни и самообразованія, уже не чувствовали потр ности знаній и развитія. Въ предисловіи къ одному букварю, изданному въ 17 и 1708 годахъ, выражена такая жалоба: «горе нынѣшнимъ временамъ развр щеннымъ, въ няже обрѣтаются мнози, иже *уповающе на свое богатство*, снисканіи сокровища мудрости не радятъ ничтоже; и еже есть паче тысящь зла и сребра дражайше,—сіе у буіихъ, тмою невѣжества помраченныхъ, есть въ пр зрѣніи, а у нѣкоторыхъ въ поруганіи и ненависти, а другіе хотя и хвалят говоря: ученіе свѣтъ, а неученіе—тьма; но исполняютъ мѣру отецъ своихъ, хв лимаго ученія удаляются» [2]). И послѣ, когда устроены были университеты, гим назіи и народныя училища, насущная потребность обезпеченія физической жизн и промышленныхъ потребностей сильно отвлекали рабочіе классы отъ ученья. Р дители изъ рабочаго народа спѣшили отбирать своихъ дѣтей изъ училищъ, что скорѣе имѣть подмогу въ промыслахъ и въ пріобрѣтеніи пропитанія. Когда университеты возложено было устройство училищъ въ ихъ учебныхъ округахъ, посланы были визитаторы изъ профессоровъ университетскихъ для собранія св дѣній о состояніи училищъ, о ихъ мѣстныхъ условіяхъ и нуждахъ. Почти от всюду были печальныя донесенія. Напримѣръ, изъ Перми доносили: «бѣдные матери сиротъ отнимаютъ часто безвременно дѣтей своихъ отъ ученья, съ тѣм чтобы *снискать себѣ пособіе въ хозяйствѣ, а иногда и самое проп таніе*». Директоры гимназій, жалуясь на малое число учениковъ, доносили, ч непросвѣщенные родители, отдавъ дѣтей своихъ въ училища, желаютъ, чтобы их научили только писать и читать по-русски, послѣ чего оставляютъ ихъ при се *для пособія въ производимой ими промышленности*» [3]). А многіе, другой стороны, только съ тою цѣлію и отдавали дѣтей своихъ въ училищ чтобы впослѣдствіи въ знаніяхъ ихъ найти средства жизни. Профессоръ моско скаго университета Барсовъ въ 1750 г. въ одной рѣчи своей замѣчалъ: бѣдш люди ищутъ чрезъ науки средствъ жизни: объ нихъ, какъ о покойныхъ, надоб говорить хорошо, или ничего говорить не слѣдуетъ» [4]). И въ настоящее вре вопросъ о хлѣбѣ насущномъ въ рабочемъ народѣ преобладаетъ надъ потребн стями интеллектуальными. Напримѣръ, черниговскіе крестьяне въ 1864 г. о ученья отговаривались тѣмъ, что оно «*хлѣбомъ не годуе*» [5]). Михалевичъ статистико-географическомъ описаніи Воронежской губерніи, говоря о народном образованіи, замѣчаетъ: «къ сожалѣнію, по настоящее время крестьяне вообщ а въ особенности великороссіяне неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ школы, говор

---

1) П. С. З., VI, №№ 3705 и 3575. Пекарскій, I, 125.

2) Пекарскій, I, 177.

3) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи—ст. г. Сухомлинова. Журн. Ми Нар. Просв., 1665 г., окт., стр. 126—127.

4) Ист. Московск. университета г. Шевырева, стр. 67.

5) Училища и народн. образ. въ Черниг. губ. Журн. Мин. Народн. Просв., 1864 ч. CXXI. отд. III, стр. 75.

ученьемъ не прокормишься» [1]). И пусть бы въ наше время, только бѣдные крестьяне и ремесленники такъ открещивались отъ ученья, во имя кормовыхъ работъ и промысловъ. А то и богачи, купцы русскіе, богатые фабриканты и заводчики сплошь и рядомъ умствуютъ такъ: «къ чему наука, знанія, онѣ съума сводятъ, а надо наживать деньги, богатство».—и выше и полезнѣе своихъ торговыхъ и промышленныхъ занятій, хотя бы то самыхъ рутинныхъ и невѣжественныхъ, ничего не признаютъ, не хотятъ знать никакихъ высокихъ научныхъ работъ и открытій, хотя благами ихъ иногда и пользуются дармоѣднымъ образомъ, за деньги (напримѣръ, знаніями механиковъ, математиковъ, химиковъ и т. п.). Между тѣмъ, какъ если бы эти богачи, русскіе купцы-милліонщики, богатые фабриканты и заводчики всѣ сознали высокую важность умственныхъ, научныхъ работъ и, сложившись на дѣло распространенія въ народѣ научныхъ знаній, на матеріальное, экономическое обезпеченіе научныхъ занятій и изысканій, составили Общество матеріальнаго споспѣшествованія научнымъ работамъ и изысканіямъ и образованію бѣдныхъ классовъ,—то скоро разрѣшился бы въ Россіи громадноважный вопросъ объ интеллектуальномъ развитіи массы рабочаго народа. Еслибъ эти люди понимали свои дѣйствительные интересы, то они старались бы всѣми силами поднять уровень умственнаго образованія массы, потому что это образованіе было столько же полезно имъ, сколько и обогащающему ихъ рабочему классу. Тогда произошелъ бы огромный выигрышъ въ умственномъ прогрессѣ Россіи; рабочая, промышленная практика скоро примирилась бы и вступила въ тѣснѣйшій союзъ съ научною теоріей и знаніемъ, работа и мысль, трудъ и знаніе, индустрія и интеллигенція составили бы одно органическое цѣлое, пошли бы дружно, рука объ руку въ дальнѣйшей исторіи русскаго народа, другъ другу споспѣшествуя и содѣйствуя. Къ сожалѣнію, не то было у насъ, не то видимъ и теперь. Вѣковое умственное отчужденіе рабочаго народа отъ интеллектуальныхъ интересовъ и потребностей и вообще вѣковое преобладаніе рабочаго класса при отсутствіи класса интеллектуальнаго,—со времени Петра Великаго, когда, подъ вліяніемъ европейской науки, началъ въ Россіи развиваться, хотя въ слабыхъ зачаткахъ, и классъ интеллектуальный,—произвело печальное разъединеніе, раздѣленіе и даже умственный антагонизмъ между классами рабочимъ и образованнымъ. Съ появленіемъ табели о рангахъ и съ развитіемъ крѣпостного права, въ силу котораго дворянство брало на себя роль россійской интеллигенціи, а масса народа представлялась одною механическою, рабочею силою,—возникло даже, какъ увидимъ дальше, отрицаніе правъ рабочаго класса на высшее умственное развитіе.

II.

Между тѣмъ какъ рабочій народъ, отвлеченный и обремененный вѣковою страдомою работою, не имѣлъ возможности, досуга и средствъ быть умственноразвитымъ классомъ и, во имя насущныхъ работъ и промысловъ, частія самъ отчуждался, а частію, какъ увидимъ далѣе, и отдаляемъ былъ отъ интеллектуальнаго развитія,—наше высшее сословіе, какимъ было въ древней Россіи боярство,—

[1]) Матер. для стат. и геогр. Россіи. Воронеж. губ., стр. 298.

сословіе, свободное отъ работы, обезпеченное вотчинами, помѣстьями и даровою работою народа, имѣвшее, слѣдовательно, досугъ и средства къ интеллектуальной дѣятельности,—это сословіе было также погружено въ глубокое невѣжество и равнодушіе къ образованію. Дворянство, особенно высшее, сослужило въ Россіи свою службу въ дѣлахъ государственнаго управленія: въ древней Россіи—въ приказахъ и воеводствахъ, со времени Петра великаго—въ сенатѣ, въ коллегіяхъ, въ министерствахъ, въ государственномъ совѣтѣ, должности начальниковъ губерній и попечителей учебныхъ округовъ, на поприщѣ военномъ и проч. Были между ними государственные люди замѣчательнаго ума и не безъ политическаго такта. Нѣкоторые вельможи Петровскаго времени, особенно такіе «мужи», какъ выражался Татищевъ, «изъ подлости происшедшіе», какъ князь Меньшиковъ, графъ Ягужинскій и т. п., многіе знаменитые вельможи екатерининскаго времени и, въ частности, такія лица, какъ графъ Шуваловъ, кн. Щербатовъ, Бецкій, адм. Мордвиновъ, Сперанскій, графъ Румянцевъ и др., занимаютъ весьма почетное мѣсто въ умственной исторіи Россіи. Но при всемъ томъ, наше дворянство никогда не было представителемъ интеллектуальныхъ интересовъ своей страны, оно не разработывало наукъ и не распространяло въ народѣ научныхъ знаній, не составляло передовыхъ дѣятелей въ литературѣ и т. п. Тѣмъ болѣе до-петровское боярство не представляло передового, интеллектуальнаго класса. До Петра великаго, за небольшими и рѣдкими исключеніями, уровень умственнаго развитія во всемъ народѣ былъ ровный. Что знали и какого міросозерцанія держались бояре, то же знали и такъ же мыслили и разсуждали крестьяне. Изъ 142 болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей древней Россіи, съ XI до конца XVII вѣка, только 4 или 5 писателей были изъ бояръ или князей: прочіе всѣ были изъ духовнаго чина и вообще изъ низшихъ чиновъ людей. И писатели княжескаго рода въ умственномъ отношеніи не только ничѣмъ не отличались, не обоособлялись и не отдалялись отъ простыхъ рабочихъ людей, но еще иногда заимствовали отъ нихъ матеріалъ, пользовались ихъ знаніями для своихъ писаній. Такъ, наприм., сочинитель повѣсти о выпускомъ образѣ Богородицы, принадлежавшій къ роду князей Звѣнигородскихъ, говоритъ: «азъ слышахъ сіе отъ нѣкоего богобоязливаго и благоговѣйнаго мужа, именемъ Феодора *Корчемника*, и писанію предахъ, да никако безъ памяти пребудетъ» [1]). Притомъ, достаточно прочитать нѣсколько крестьянскихъ челобитныхъ и помѣщичьихъ писемъ XVII вѣка, чтобы видѣть, была ли какая разница въ умственномъ развитіи крестьянъ и бояръ-помѣщиковъ: почти ровно не было никакой, а напротивъ даже смыслъ крестьянъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, едва ли былъ не выше и не развитѣе смысла бояръ. Напримѣръ, напечатанныя въ Чтен. Московск. Общ. Исторіи во второй книгѣ за 1859 годъ (отд. V, стр. 42—54) крестьянскія челобитныя къ помѣщикамъ отличаются рельефнымъ, яснымъ выраженіемъ здраваго смысла, практической логикой и разсудительностью, фактическою содержательностью, ясно, мѣтко и изобразительно рисуютъ экономическій бытъ тогдашнихъ помѣщичьихъ деревень, выражаютъ вѣрное пониманіе крестьянами причинъ своей бѣдности, указываютъ лучшее средство къ улучшенію своего экономическаго быта въ свободной работѣ на себя, безъ всякихъ помѣщичьихъ и приказно-чиновничьихъ притѣсненій, въ борьбѣ съ крайнею бѣдностью высказываютъ

[1]) Лѣтоп. рус. литер. т. IV, отд. III, стр. 27.

потребность грамотности, ученья, и все это высказывают такимъ чистымъ, выразительнымъ языкомъ, который представляетъ рѣдкій образецъ тогдашняго русскаго разговорнаго языка. Напротивъ, тутъ же помѣщенныя письма боярскія скудны не только содержаніемъ, но и смысломъ, состоятъ только изъ патріархально-генеалогическихъ величаній родственниковъ, изъ церковно-славянскихъ благожеланій здравія, да изъ извѣстій, кто у кого «обѣдалъ трожды», изъ выраженія особенной заботы «о собакахъ ловчихъ, борзыхъ, гончихъ и ищейныхъ», и т. п.;—и вобще бояре-помѣщики сами сознаются въ своихъ письмахъ такимъ, напр., образомъ: «въ грамоткѣ ты, Петрунюшка, пишешь глухо, мы разсудку положить не умѣемъ». Помѣщенныя даже челобитныя помѣщичьи ничѣмъ не отличаются отъ челобитныхъ крестьянскихъ—ни смысломъ, ни языкомъ. Вслѣдствіе умственной неразвитости, по отсутствію интеллектуальныхъ потребностей и интересовъ, бояре-помѣщики, пріобрѣтая крестьянскими руками богатства, расточали ихъ большею частію непроизводительно, не на развитіе интеллектуальныхъ способностей, не на умственныя потребности и занятія, не на развитіе и распространеніе научныхъ знаній, а на удовлетвореніе или своей роскоши и нѣги, или своихъ религіозныхъ желаній. Училищъ въ древней Россіи бояре не думали основывать, а только усердно основывали монастыри и не жалѣли для нихъ вкладовъ [1]. Часто одинъ бояринъ или князь въ монастыри жертвовалъ такія суммы, на которыя можно бы было основать университетъ. Наприм. въ 1660—1701 г. князь Борятинскій пожертвовалъ въ Даниловъ монастырь до 20,399 рублей [2]; а 20,000 такая сумма, какую послѣ искали, наприм., на основаніе университета въ Батуринѣ. Другіе бояре, насладившись въ мірской жизни плодами работъ крестьянскихъ, наприм. работами 57 помѣстныхъ дворовъ, приносившихъ доходу, при оброчныхъ деньгахъ, одного хлѣба до 2,500 четвертей въ годъ, кромѣ разныхъ другихъ произведеній и мѣстныхъ крестьянскихъ издѣлій—холста, сукна, овчинъ, хмѣлю, льна и проч., удовольствовавшись всѣми этими заработками и приношеніями крестьянъ,—поступали подъ конецъ жизни въ монастыри, оставляя все имущество на такое же производительное пользованіе своимъ внукамъ [3]. Вообще, боярство московское не представляло и не могло представлять собою высшую интеллигенцію народа. Во-первыхъ, самая умственная природа и организація большой части боярства неспособна была къ возрожденію въ европейскій интеллектуальный типъ, несклонна была къ могучей умственной работѣ за всѣ классы народа. Умственный складъ большой части боярства былъ восточно-азіятскій. Изъ родословной книги русскаго боярства, составленной въ концѣ XVII вѣка, видимъ, что тогда въ составѣ великокняжескаго дворянства было 133 княжескихъ и боярскихъ рода, происшедшихъ отъ выходцевъ изъ разныхъ татарскихъ ордъ—изъ крымской, ногайской, синей, золотой, большой, касуйской и другихъ, которыя съ своей стороны также представляли самую сложную амальгаму азіятскихъ племенъ—монгольскихъ, тюркскихъ, финскихъ и др.; кромѣ того 78 родовъ княжескихъ и боярскихъ записаны происшедшими отъ Литвы—племени тоже недалекаго и вялаго въ интеллектуальномъ отношеніи; наконецъ, 24 рода показаны выѣхавшими изъ полу-отуречившейся

[1]) См. напр. въ Чтен. Общ. Ист. 1863 г. кн. I: описи разныхъ монастырей, основанныхъ князьями и боярами.

[2]) Чтен. Общ. Ист. 1859 кн. 2, отд. V, стр. 37.

[3]) Ibid. стр. 40.

Греціи, изъ самой Турціи, Персіи, Грузіи, съ Кавказа и др. восточно-тур владѣній [1]). А сколько, кромѣ того, поступило въ составъ боярства изъ ства и кровно смѣшалось съ нимъ родовъ половецкихъ и печенѣжскихъ, мурзъ татарскихъ, князцовъ мордовскихъ и т. п. Хотя много было въ боярства и европейскихъ генерацій или родовъ, но они почти всѣ давно шались и пришли въ полное физіологическое родство съ восточно-азіятскими При такомъ физіологическомъ составѣ большей части боярства, удивитель что оно, и по самому восточно-азіятскому умственному складу, не только до Петра великаго не оказало самостоятельной инициативы къ интеллектуа возрожденію Россіи, не стало, безъ указовъ царскихъ, само собою во главѣ веннаго движенія въ Россіи, не вводило и не разработывало наукъ, но Петрѣ великомъ лѣнью и огурствомъ уклонялось отъ европейскаго обра и отправку на Западъ, «за-море въ науку» считало для себя *первымъ несчасті* Вельможи восточно-азіятскаго происхожденія, кровь которыхъ еще не усп родиться подъ вліяніемъ европейской крови, были наиболѣе враждебны скимъ понятіямъ, какія утверждалъ въ Россіи Петръ великій. Такъ, нап князь Александръ Михайловичъ Черкасскій, внукъ азіятскаго Князя У Мурзы (въ православ. Як. Куденетовича), по свидѣтельству англійскаго ре Рондо 1730 г.), былъ противъ западныхъ нововведеній: «всѣ его свѣд замѣчаетъ Рондо, «ограничиваются Россіею, иностранныя дѣла ему сов чужды, и онъ противникъ чужеземныхъ обычаевъ и послѣднихъ нововвед Россіи [3]). Точно также кн. Мих. Алегуковичъ Черкасскій, такого же азі происхожденія, до такой степени извѣстенъ былъ даже простому народ преданностью восточно-азіятской старинѣ до-петровской Руси, что извѣстный раскола, Талицкій, совѣтовалъ раскольникамъ выбрать этого князя во главу лецко-раскольничьяго возстанія противъ преобразователя Россіи [4]). И многіе бояре петровскаго времени съ азіятскою враждебностью смотрѣли на пейскій образъ мыслей, водворявшійся со времени Петра великаго. Испанс солъ, герцогъ де-Лирія говорилъ, напр., о князѣ Д. М. Голицынѣ (1665—1 «онъ былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, которые, вмѣсто всякой системы, т одно: для чего намъ всѣ новые обычаи? развѣ не можемъ мы жить, какъ наши отцы, такъ, чтобы иностранцы не предписывали намъ новыхъ зак О графѣ Г. И. Головкинѣ (1660—1734) де-Лирія замѣчаетъ: «имѣлъ ность къ старинымъ правамъ»; о князѣ М. М. Голицынѣ: «не терпѣлъ ино цевъ»; о князѣ И. Ю. Трубецкомъ (1667—1750), замѣчательномъ, как слѣднемъ русскомъ бояринѣ, пережившемъ боярство цѣлымъ полустолѣтіемъ вѣжда, какихъ можно встрѣчать не много [5]). Вслѣдствіе преобладанія въ б части дворянства восточно-азіятскаго умонастроенія надъ европейской цивил ціей, оно большею частію въ восточной роскоши и нѣгѣ расточало и каж

[1]) [illegible]

[2]) [illegible] 1712 [illegible] послѣднихъ числахъ [illegible] навигацкой науки: [illegible] Пекарскій. I. 141—142.

[3]) «Характеры [illegible] русскихъ [illegible] по запискамъ Рондо [illegible]

[4]) Соловьевъ. Исторія Р[illegible] XV, стр. 13[illegible].

[5]) Характ[illegible] русск[illegible] въ Чт[illegible]

не только умственныя силы, но и самыя матеріальныя средства. «На мирномъ полуазіятскомъ быту предковъ нашихъ—дворянъ, отразились преобразованія Петра великаго,—писалъ дворянинъ А. А. Кононовъ въ 1849 г.—и внѣшность взяла верхъ надъ сущностью преобразованій. Многоэтажные напудренные парики замѣнили скромную прическу въ скобку нашихъ предковъ, бархатные кафтаны, богатые кушаки, переходящіе отъ отца къ сыну, замѣнились французскими одеждами и наконецъ смѣшными фраками. Явились мода и роскошь. И гдѣ теперь эти славные, блистательные вельможи екатерининскаго времени, съ ихъ блескомъ и великолѣпіемъ? Ужели они не оставили потомства? Я встрѣчаю тѣ же имена на визитныхъ карточкахъ, но тщетно ищу этого, почти баснословнаго великолѣпія предковъ. Зданія, принадлежавшія цѣлые вѣка родамъ извѣстнымъ, принадлежатъ теперь или казнѣ, или богатымъ купцамъ, или счастливымъ спекуляторамъ. Ужели нѣтъ тому причины? Есть, и она одна—одна, губительница всѣхъ государствъ—*роскошь*. Большія милости, изліянныя правительствомъ, разнаго рода льготы послужили еще болѣе къ усиленію роскоши. Вслѣдствіе роскоши, большая часть имѣній дворянъ нашихъ заложена. доходы не только не увеличиваются въ общности, но скудѣютъ непрерывно; между тѣмъ требованія условій общественныхъ безпрерывно возрастаютъ; воспитаніе дѣтей становится день ото дня затруднительнѣе и вмѣстѣ необходимѣе; словомъ, тотъ помѣщикъ, который, повѣряя свои счеты въ концѣ года, не только не сдѣлалъ пріобрѣтенія, но избѣжалъ новыхъ долговъ, можетъ почитать себя счастливымъ. Но большая часть изъ нихъ въ итогѣ долговъ своихъ видитъ прибавленіе, также какъ уменьшеніе доходовъ противъ годовъ минувшихъ. Чѣмъ все это должно кончиться? Отвѣтъ ясенъ: разореніемъ дворянства» [1]). Расточая и изживая такимъ образомъ въ роскоши и нѣгѣ свои умственныя силы и матеріальныя средства даже до разоренья, дворянство, очевидно, не имѣло ни времени, ни интереса заниматься развитіемъ просвѣщенія, разработкой наукъ, хотя бы практическихъ или соціально-экономическихъ. Во времена роскоши, парики и т. п. замѣняли для большей части дворянъ книги, и вся образованность ихъ была чисто салонная, модная, форменная, и ограничивалась только французскимъ разговоромъ. Новиковъ въ предисловіи къ «Живописцу» 1775 года говоритъ: «люди, разумы свои знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи, какъ-то: пудрою, помадою и проч.» [2]). Далѣе, вслѣдствіе вѣковой отрѣшенности отъ народной школы промышленной работы, и самая интеллектуальная воспріимчивость большей части бояръ къ европейскимъ наукамъ была нисколько не болѣе развита, чѣмъ развита она была въ людяхъ рабочаго класса. Въ неразвитости своей и сами бояре сознавались, когда Петръ Великій заставилъ изучать науки за-моремъ. Напримѣръ, князь Мих. Голицынъ, посланный изъ навигацкой школы учиться за-море, въ 1711 году писалъ въ своемъ письмѣ изъ-за границы: «о житіѣ моемъ извѣщаю; житіе мнѣ пришло самое бѣдственное, наука опредѣлена самая премудрая, хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того не знамо учиться языка, не знамо науки. Видимъ то, которые наша братья пріѣхали для обученія къ той наукѣ, и тѣ въ

[1]) Записка о ходѣ дѣла въ Смоленской губ., по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ А. А. Кононова Чтен. Общ. 1862 г., кн. 3, отд. V, стр. 217—258.
[2]) Живописецъ, 1772—1773, изд. 7, стр. XII.

три года ни единъ человѣкъ ни половины окончать не можетъ. А про меня сами можете знать. что кромѣ природнаго никакого языка не могу знать. ı лѣта уже мои ушли отъ науки. И я въ себѣ весьма вижу. что сего положен дѣла (науки) не управить, и отъ того пришолъ въ великую печаль и сомн и не знаю, какъ и быть» [1]). На пониманіе солдатскаго артикула и объясн танцевъ у обучавшихся за границей дворянскихъ дѣтей хватало знанія язык а на математику не хватало. И. Неплюевъ писалъ о своемъ собственномъ уч и объ ученьи своихъ товарищей въ Венеціи и въ Испаніи въ морской акад «учились солдатскому артикулу, на шпагахъ биться. танцовать, а къ матема приходили. только безъ дѣла сидѣли. понеже учиться невозможно, для того. языку мы не знали» [2]). И удивительно ли. что бояре эти возвращались из границы безъ всякой привычки къ умственному труду, не развивали въ себѣ привязанности къ научнымъ занятіямъ. «Посланные за границу дворяне, —пи Бецкій, по возвращеніи имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслуг не могли въ наукахъ упражняться». Вмѣсто того, чтобы по возвращеніи из границы заняться дальнѣйшимъ научнымъ самообразованіемъ и образованіемъ св крестьянъ, дворяне-навигаторы, выучившіеся за границей, поддерживали всѣ ста до-петровскіе обряды. Довольно вспомнить, напримѣръ, любопытное сказаніе, силъ въ деревнѣ бывшій за моремъ навигаторъ - Головинъ [3]). Мало того: деразвитости интеллектуальной, весьма многіе бояре русскіе и суевѣріями св жолго ничѣмъ не отличались отъ простого рабочаго народа. Если даже двор вицы Параскевы, по словамъ Татищева, «отъ набожности былъ госпиталь на довъ, юродовъ и ханжей, которыхъ почитали за святыхъ и пророковъ», —то рказать о боярахъ и боярскихъ дворахъ. Тотъ же Татищевъ говоритъ: «я не ве давно. отъ одного знатнаго но неразсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышавши довольно вѣрили Изъ памятныхъ записокъ Храповицкаго видимъ, что и во времена Екатерин были между знатными лицами такія, которыя вѣрили въ вѣтры, въ узелки

---

[1]) Пекарскій. Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, 143.

[2]) Ibid., I, 444.

[3]) У Головина было заведено, чтобы ежедневно являлись къ нему съ докладомъ деревенскія власти, которыхъ, по особой командѣ, впускала и выпроваживала горни Каждый разъ этотъ импровизированный церемоніймейстеръ произносилъ въ дверяхъ наты господина такую рѣчь довѣреннымъ вассаламъ: „Входите, смотрите, тихо, сми бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барин шему, къ государю, кланяйтесь низко его боярской милости и помните жъ смотри крѣпко!“ Затѣмъ начинались донесенія дворецкаго, ключника, выборнаго и старосты. возможно, замѣчаетъ г. Пекарскій, —“читать все это серьезно, особенно если вспомн что рапорты произносились съ величайшею важностью, чинно и невозмутимо. Для обра вотъ докладъ выборнаго: „во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску мѣли. Ночныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ госпо пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не садились и на чердакѣ не возле Староста свой рапортъ оканчивалъ такъ: „во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Бо все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ гр не слыхали и небеснаго явленія не видали. Котъ Ванька и баба Зажигалка въ Ртищ проживаютъ и, о приказу вашему боярскому, невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о пр пленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ и проч.“. Авторъ родословной Головиныхъ ясняетъ, что Котъ Ванька сосланъ былъ въ дер. Ртищеву за то, что съѣлъ однажды приготовленную для господскаго стола, а баба Зажигалка — за то, что по неосторож ея произошелъ пожаръ. Пекарскаго, I. 142—143.

[4]) Сводъ лѣтописей, т. I, къ XII гл. примѣч 50.

древніе народные «наузы» и т. п. По поводу этого, императрица Екатерина, узнавъ о подобномъ суевѣріи адмирала Чичагова, замѣтила: «есть люди, которые колдовство съ набожностью мѣшаютъ: mais il faut profiter des opinions populaires. По свидѣтельству Лопухина, нѣкоторыя знатныя дамы въ его время спрашивали, рыба ли визига и можно ли ее ѣсть въ постъ? [1]). Не мало было дворянъ, которые отрицали медицину и вѣрили въ простонародные суевѣрные лечебники и травники. Лепехинъ въ 1768 году встрѣтилъ одного такого чиновнаго дворянина въ г. Арзамасѣ, гдѣ былъ въ то время и ученый врачъ, и вотъ что объ немъ говорилъ: «по утру 4 августа, весьма рано посѣтилъ насъ одинъ изъ чиновныхъ отставныхъ офицеровъ, о котораго чинѣ и имени благопристойность упомянуть не дозволяетъ. Онъ былъ человѣкъ пожилой и словоохотливъ. Разсказывая многія свои странныя похожденія, которыя намъ, какъ всякій легко понять можетъ, не весьма были пріятны, довелъ рѣчь до нашихъ врачей, при которой, если бы кто имѣлъ охоту, совершенно бы могъ научиться злословію. Сколько онъ унижалъ наше трудами и порядочнымъ ученьемъ пріобрѣтенное искусство врачеванія, столь много выхвалялъ покойной бабушки своей лечебникъ и неудобопонятную его пользу. Оказывая желаніе быть соучастникомъ его премудрости, безъ дальняго прошенія, Брамарбазъ обѣщалъ намъ открыть сокровенная своего наслѣдственнаго лечебника: и такъ пошли мы съ нимъ за городъ по алаторской дорогѣ. Первою встрѣчею намъ была плакунъ-трава (Lythrum salicaria), которую нашъ Иппократъ, пошептавъ не знаю что, сорвалъ и остановясь говорилъ: «плакуномъ ее называютъ для того, что она заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ. Она одна въ состояніи выгнать домовыхъ дѣдушекъ, кикиморъ и проч., и открыть приступъ къ заклятому кладу, который нечистые стерегутъ духи, что послѣднее собственнымъ своимъ утверждалъ примѣромъ. Отъ чертей дошло до ворожей. Колюка (Carlino vulgaris), въ великомъ множествѣ по пригоркамъ растущая, подала къ тому поводъ. «Траву сію, — продолжалъ онъ, — должно знать всякому военному и проѣзжающему человѣку: дымомъ ея, когда окуришь ружье, то никакой колдунъ его заговорить не можетъ» и т. д. Подобнымъ образомъ «арзамазскій архіатеръ-дворянинъ объяснялъ Лепехину до 30 растеній, и многое въ его ученіи о травахъ было не только суевѣрно, но и вредно для здоровья и жизни тѣхъ людей, которые руководились его знахарскими совѣтами [2]). Далѣе, вѣковая исключительно военная служба дворянъ, за которую имъ и жаловались деревни и земли, «чтобы земля изъ службы не выходила», также испоконъ вѣка воспитывала въ боярствѣ и дворянствѣ не интеллектуальныя силы и стремленія, а главнымъ образомъ физическія военныя силы и наклонности. Слѣдовательно, эта вѣковая военно-служилая школа образовывала изъ дворянства не умственно-развитое, а физически-выправленное сословіе. Дальше мы увидимъ, что и дворянскій кадетскій корпусъ въ XVIII в. воспитывалъ вовсе не передовой, интеллектуальный классъ, а спеціально военный, что сознавали Бецкій и сама Екатерина II. Оттого и военныя наклонности, въ XVIII вѣкѣ и послѣ, въ дворянствѣ преобладали надъ умственными наклонностями. Множество было дворянъ, которые даже, во имя военной силы, отрицали науки. Напримѣръ, въ «Живописцѣ» Новикова «худовоспитанникъ» говоритъ: «науки никакой не могутъ мнѣ принести пользы: я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офи-

[1]) Записки Лопухина въ Чтен. Общ. Истор.
[2]) Дневныя записки 1795 г., стр. 72 -78.

церскій чинъ. Науки сдѣлаютъ-ли меня смѣлѣе? прибавятъ-ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ-ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ: такъ онѣ для меня и негодятся. Моя наука вся въ томъ состоитъ, чтобъ умѣть кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ. Науки да книги умягчаютъ сердце; а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ. И такъ пусть учатся и читаютъ книги люди праздные; а я храбростью одною найду себѣ счастіе... Худовоспитанникъ пріѣзжаетъ потомъ въ другую непріятельскую землю, а именно въ свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь съ крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакой жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады; и если бы можно ему было съ крестьянами своими поступать въ силу военнаго устава, то не отказался бы онъ ихъ *аркибузировать*. Тамъ отнятіемъ непріятельскихъ земель служилъ онъ отечеству, а здѣсь отнятіемъ оныхъ у маломощныхъ своихъ сосѣдей — дѣлается преступникомъ законовъ отечества. Правильно говорилъ худовоспитанникъ, что науки для него безполезны; не нужны онѣ ему были въ военной службѣ, а въ отставкѣ и совсѣмъ не годятся [1]). И когда учреждались университеты казанскій и харьковскій,— дворяне требовали, чтобы въ нихъ преимущественно преподавались военныя науки. Образованнѣйшіе изъ дворянъ казанскаго учебнаго округа заявляли: «учрежденіе университетовъ должно наиболѣе клониться къ просвѣщенію юношей дворянскаго состовія, занимающаго важнѣйшія должности въ государствѣ; въ университетѣ необходимо преподаваніе наукъ воинскихъ». Харьковскіе дворяне тоже желали, чтобы въ университетахъ преподавались военныя науки, и дѣти ихъ выходили бы съ званіемъ офицера. «Сообразуясь съ настроеніемъ мѣстнаго дворянства, одинъ изъ профессоровъ, при открытіи харьковскаго университета, говорилъ рѣчь, начинающуюся словами: *честь и слава благороднымъ военнымъ занятіямъ*, и доказывающую, что изученіе *военныхъ наукъ* въ высшей степени полезно для общества, подаетъ войнѣ новую цѣну, возвышая и облагораживая какъ цѣль веденія войны, такъ и слѣдствія одержанныхъ побѣдъ» [2]). Въ проектѣ университета, представленномъ въ Харьковѣ полному дворянскому собранію 29 августа 1802 г., предполагался особый факультетъ подъ названіемъ «*отдѣленія военныхъ познаній*» [3]). Но самое главное то, что московское боярство, испоконъ вѣка обезпечиваемое и обогащаемое крестьянскими работами, привыкши къ восточно-азіятской лѣни, нѣгѣ и бездѣятельности, не привыкло ни къ какому труду, а тѣмъ болѣе къ умственному. Поэтому оно неспособно было сдѣлаться дѣятельнымъ, научно-рабочимъ, труженическимъ интеллектуальнымъ классомъ. Привыкши къ лѣни и нѣгѣ, дворяне, по выраженію указовъ Петра Великаго, «лѣнью и огурствомъ» уклонялись не только отъ ученья, но даже и отъ службы, за которую они пользовались помѣстьями и рабочими силами народа. «Колико послано указовъ, говоритъ крестьянинъ Посошковъ,—во всѣ городы о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ, но дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали... Въ Устрицкомъ стану

[1]) Живописецъ 1772—1773, стр. 16—17.

[2]) Это въ 1805 г. Que l'on doit se preparer par l'etude des sciences au maniement des armes et allier la philosophie à l'art des combats. I. N. Belin de Ballu. Журн. Мин. Нар. Просв., 1865 г. N. X., стр. 65, 161.

[3]) Ibid.

есть дворянинъ Өедоръ Мокѣевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой не бывалъ: и какія посылки жестокія по немъ не бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юродство и въ озерѣ по бородѣ поступитъ. И за такимъ его пронырствомъ иные и съ дороги отпущали; а егда изъ глазъ и посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой пріѣхавъ яко левъ рыкаетъ. И еще никаковой службы государю не оказалъ, а сосѣди всѣ его боятся. Дѣтей у него 4 сына выращены, а меньшему есть лѣтъ 17, а по 719 годъ никто и въ службу выслать не могъ. И не сей токмо Пустошкинъ, но и многое множество дворянъ такъ вѣки свои проживаютъ: дома сосѣдямъ своимъ страшны яко львы, а на службѣ хуже козы, на службу не ѣдутъ, а сами дома по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжаютъ и сосѣдей раззоряютъ» [1]). Способны-ли были такіе дворяне къ серьезному умственному труду, когда они уклонялись даже отъ своей вѣковой обязанности—отъ службы, за которую и получали земли и деревни? Могли-ли эти дворяне считаться передовымъ интеллектуальнымъ классомъ? Они даже презирали умственный трудъ, считая его дѣломъ холопскимъ, дѣломъ «подлаго народа». Не даромъ К. Н. Зотовъ въ 1715 г. писалъ изъ-за границы Петру Великому: «не худо бы было выбрать лучшихъ латинщиковъ, но не изъ породныхъ, для того, что вездѣ породные презираютъ труды, хотя по препорціи ихъ породъ и имѣній должны бы быть и въ наукѣ отмѣнны передъ другими» [2]). «Въ навигацкую школу,—пишетъ г. Веселаго,—велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ, дьячихъ и подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ, отъ 12 до 17 лѣтъ; но какъ въ эти лѣта изъ домовъ боярскихъ являлось малое число, то стали принимать и 20-лѣтнихъ. Но изъ многихъ званыхъ было мало избранныхъ. Не говоря уже о грубости прочихъ сословій, русскій баричъ петровскаго времени, 17 или 18 лѣтъ, считался неразумнымъ младенцемъ, и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти нерѣдко повиновалось все окружающее, и ему, съ самыхъ пеленокъ, подобострастныя нянюшки и дядьки вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому... Нѣкоторые изъ этихъ юношей, еще бывши у себя въ деревнѣ, хаживали на медвѣдя, и естественно кулачный бой считали однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени, другіе серьезно придерживались чарочки; и только сосѣди академіи знали, что заборы и замки мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч. [3]). Не пріобрѣтая такимъ образомъ, навыка къ умственному труду ни въ жизни, ни въ школѣ,—бояре, очевидно, несклонны или вовсе непривычны были къ усидчивой, труженической интеллектуальной работѣ, къ разработкѣ научныхъ знаній, и потому не могли считаться передовымъ образованнымъ классомъ. Въ «Трутнѣ» (1760—1770), въ «рецептѣ для его превосходительства Недоума» сказано: «вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитая оныя безчестными для своей благородной головы; по его мнѣнію, всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учась; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоющія вниманія дворянскаго; гербовники и патенты, едва, едва

[1]) Посошковъ, стр. 89—90.
[2]) Пекарскій I. 157.
[3]) Очеркъ Истор. Морск. Корп., стр. 8, 10—55. Пекарскаго I, 123, 142—143.

отъ пыли и моли спасшіеся, суть единственныя книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ». И не только въ прошломъ столѣтіи, но и въ началѣ нынѣшняго вѣка,—большинство дворянъ,—по выраженію попечителя харьковскаго университета графа Северина-Потоцкаго, «недолюбливало наукъ», и нерадѣло не только о собственной умственной дѣятельности, но и объ интеллектуальномъ развитіи своихъ дѣтей. «Стараясь узнать образъ мыслей здѣшнихъ дворянъ о воспитаніи своихъ дѣтей,—писалъ попечитель харьковскаго университета въ 1806 г.,—я нахожу, что общее ихъ мнѣніе по этому предмету далеко отстоитъ отъ истинной цѣли. Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ, или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, они и не думаютъ о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершать ихъ знанія; они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше четырнадцатилѣтняго возраста посѣщать гимназіи... Поэтому, если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента, и цѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію» [1]). Тотъ же Потоцкій въ рѣчи, при открытіи харьковскаго университета, долженъ былъ доказывать передъ дворянствомъ, что отсутствіе или остановка умственной дѣятельности невозможны въ разсужденіи наукъ, искусствъ, мореходства, ремеслъ, торговой промышленности, земледѣлія, однимъ словомъ—всего того, что обезпечиваетъ за народомъ если не превосходство, то, по крайней мѣрѣ, равенство его со всѣми просвѣщенными народами. Посылая эту рѣчь свою министру, Потоцкій пишетъ, что говорилъ ее по просьбѣ профессоровъ и сообразуясь съ настроеніемъ мѣстныхъ дворянъ: «а съ ними,—замѣчаетъ онъ,—нужно быть крайне осторожными, чтобы не отвратить ихъ отъ наукъ, которыхъ они и безъ того *недолюбливаютъ*» [2]). При такомъ «недолюбливаньи наукъ» и умственнаго труда, дворяне-помѣщики, привыкшіе не къ самостоятельной работѣ, а только къ опекѣ надъ трудомъ народнымъ и къ пользованію народными работами, очевидно, не могли быть работниками въ сферѣ научной интеллектуальной дѣятельности, и, слѣдовательно, не представляли научно-дѣлового, труженическаго интеллектуальнаго класса. Къ интеллектуальному труженичеству, къ разработкѣ и распространенію научныхъ знаній должны были оказаться болѣе способными люди, закаленные въ трудовой, рабочей жизни, вполнѣ привыкшіе къ умственной работѣ, всецѣло преданные ей,—неизбалованные беззаботными развлеченіями, праздностью, нѣгой и лѣнью, почестями, балами, пиршествами, роскошью и т. п. И дѣйствительно, не бояринъ, первый, и не сынъ боярскій, а крестьянинъ Посошковъ написалъ первое въ Россіи политико-экономическое сочиненіе «о скудости и богатствѣ». Не бояринъ, и не сынъ боярскій, а сынъ крестьянскій—Ломоносовъ, первый принялся за самостоятельныя работы и открытія по естественнымъ наукамъ—физикѣ и химіи. Не бояринъ, первый, и не сынъ боярина, а мѣщанинъ Кулибинъ выступилъ съ первыми русскими изобрѣтеніями по части механики. Самые знаменитые въ исторіи русскаго просвѣщенія дворяне или вельможи не были сами

[1]) Матер. для истор. образ. въ Россіи. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1865 г., окт. стр. 67.

[2]) G. S. Pototsky: de nova per imperium Rossicum constitutione scholarum, undeque oriundo fructu. Ж. М. Н. Пр. 1865 г., X, 114—169.

тружениками, работниками науки и литературы, а являлись только или меценатами, покровителями наукъ и ученыхъ, какъ графъ Шуваловъ, или основателями, составителями музеевъ и библіотекъ, какъ, напр., графы Румянцевъ и Толстой. Работниками же науки и литературы были уже не дворяне-помѣщики, не вельможи, а Ломоносовы, Востоковы, Калайдовичи, Бередниковы, вообще большею частью дѣти низшихъ темныхъ классовъ народа.

Когда, такимъ образомъ, по выраженію книжнаго переводчика и моряка петровскаго времени Зотова, «ни породные бояре не были, по препорціи ихъ породъ и имѣнія, отмѣнными въ наукѣ предъ другими», слѣдовательно не представляли настоящаго, научно-рабочаго интеллектуальнаго класса въ Россіи, ни «подлые», т. е. рабочіе классы не имѣли досуга и возможности заботиться объ интеллектуальномъ саморазвитіи и умственной дѣятельности, а должны были думать главнымъ образомъ о кормовыхъ промыслахъ и работахъ, слѣдовательно, еще болѣе не представляли интеллектуальнаго класса,—то естественно вытекала необходимость образованія въ Россіи особаго, средняго класса, который бы былъ по преимуществу рабочимъ, умственно-развитымъ классомъ. Уже при Петрѣ Великомъ, Зотовъ чувствовалъ эту необходимость средняго интеллектуальнаго класса, или, какъ онъ выражался, лучшихъ ученыхъ *средней статьи* людей —не изъ породныхъ, ниже изъ подлыхъ» [1]). При Екатеринѣ II, Бецкій еще живѣе чувствовалъ и яснѣе сознавалъ недостатокъ въ Россіи третьяго или средняго состоянія настоящаго дѣлового, интеллектуальнаго класса. «Съ давняго уже времени, говорилъ онъ, имѣетъ Россія академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ не доставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Изъ посланныхъ еще при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, *дворяне*, съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться. Другіе, изъ *простого народа* къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ чего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ *третьимъ степенемъ* или *среднимъ* называется, Россія до сего времени и произвести не могла... При такомъ недостаткѣ смѣло утверждать можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго степени людей въ государствѣ ожидать- всуе себя и ласкать» [2]).

И дѣйствительно, въ Россіи не только «рѣдки были отличные таланты», какъ говорилъ извѣстный нашъ математикъ Осиповскій, но и посредственный умственно-рабочій классъ съ трудомъ развивался, несмотря на многочисленность наличныхъ силъ народонаселенія. Самъ народъ, какъ мы видѣли, не могъ начать своей умственной дѣятельности: потому что онъ, во-первыхъ, весь занятъ былъ безпрерывной страдной работой изъ-за насущнаго куска хлѣба; а, во-вторыхъ,

[1]) Пекарскій, Наука и литер., I, 157.
[2]) Генеральн. Учрежд. о воспит. об. пол. юношества, стр. 3—10.

вслѣдствіе вѣкового колонизаціоннаго движенія и суровой борьбы съ окружавшими его физическими препятствіями, вслѣдствіе торгово-промышленныхъ отношеній, онъ устремленъ былъ больше на востокъ, чѣмъ на западъ, и потому не имѣлъ возможности постепенно сблизиться съ передовыми націями западными, и заимствовать отъ нихъ средства интеллектуальнаго саморазвитія. Напротивъ, московское правительство, не отвлеченное, не занятое мускульною работою народа, съ XVI вѣка историческими обстоятельствами и дипломатическими сношеніями вынуждено было сближаться съ Европой и узнавать ея интеллектуальныя средства и силы, дававшія умственное превосходство западнымъ націямъ. Европейцы и, въ частности, нѣмцы и поляки возбудили въ правительствѣ потребность умственной дѣятельности, умственнаго образованія, потребность наукъ, училищъ и книгъ. Около правительства, около двора московскихъ царей XVII в., расширялся первоначально умственный кругозоръ и всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые имѣли случай сближаться съ иностранцами. «Съ тѣхъ поръ, какъ царь московскій былъ въ Польшѣ,—говоритъ Коллинсъ,—видѣлъ тамошній образъ жизни и сталъ подражать польскому королю, кругъ его понятій расширился... И тѣ, которые расширили понятія свои разговорами съ иностранцами, были образованнѣе, а также и тѣ, которые видѣли польскій бытъ, потому что поляки образованнѣе русскихъ, такъ какъ у нихъ есть средства просвѣщать умы свои науками» [1]). Вслѣдствіе этого, московскіе цари мало-по-малу стали заботиться о возбужденіи умственной дѣятельности и въ Россіи, стали приказывать переводить иностранныя книги. Посламъ русскимъ при европейскихъ дворахъ они заказывали пріобрѣтать такія книги. Такъ, напр., въ 1653 г. князь Репнинъ-Оболенскій, будучи посломъ въ Польшѣ, по государеву указу, купилъ тамъ 7 книгъ свѣтскаго содержанія, всего на 25 злотыхъ» [2]). Вслѣдствіе учрежденія посольскаго приказа и выписки европейскихъ книгъ царями, народнымъ грамотникамъ, хотя весьма немногимъ, мало-по-малу представлялась возможность и давались правительствомъ средства заниматься такими европейскими книгами, какія народу были недоступны. Такимъ образомъ, въ XVII в. сталъ зарождаться умственно-рабочій классъ, хотя самый неразвитый и несовершенный, состоявшій первоначально изъ труженниковъ—переводчиковъ европейскихъ книгъ—космографій, географій, ариѳметикъ и геометрій, астрономій, лечебниковъ, исторій и т. п. Кошихинъ говоритъ, что въ его время при посольскомъ приказѣ, гдѣ нужно было знаніе европейскихъ языковъ, для переводовъ было около 50 переводчиковъ и 70 толмачей. Большая часть изъ этихъ переводчиковъ были обрусѣвшіе иностранцы, и преимущественно обрусѣвшіе нѣмцы, какъ видно изъ именъ ихъ, каковы, напр., Касперъ Ивановъ, Юшка Вичентовъ, Лукашъ сынъ Магнусовъ, Анца Андреевъ, Вестерманъ, Романъ Болдвинъ, Романъ Бекманъ, Иванъ Гельмсъ и мн. др. [3]). Такимъ образомъ, въ зародышѣ рабочаго интеллектуальнаго класса въ Россіи былъ западно-европейскій элементъ, и преимущественно нѣмецкій. Но были между ними и русскіе переводчики. Къ числу ихъ принадлежалъ и Кошихинъ. Начали появляться между русскими и другіе любители знанія и умственнаго труда. Олеарій, въ своемъ описаніи Россіи, сохранилъ извѣстіе объ одномъ русскомъ замѣчательномъ по тому времени математикѣ Романчиковѣ, который, отличаясь хорошими

[1]) Коллинсъ, 20, 28.
[2]) Лѣтоп. рус. литер. III, кн. 5, отд. III, стр. 34.
[3]) Пекарскій I, 267.

дарованіями, наперекоръ обычаямъ своихъ соотечественниковъ, чувствовалъ особую склонность къ умственнымъ занятіямъ, особенно любилъ математику и, чтобы пріобрѣсти познаніе въ ней, искалъ случая познакомиться съ голштинскими послами; во время путешествія съ ними изъ Москвы въ Персію, онъ въ 5 мѣсяцевъ научился отъ нихъ говорить по-латыни, и узнавъ отъ нихъ употребленіе астролябіи, тотчасъ же заказалъ часовщику голштинскаго посольства сдѣлать ему подобный инструментъ, и когда заказъ былъ исполненъ, Романчиковъ, въ каждомъ попадавшемся на дорогѣ городѣ или селеніи, снималъ высоту домовъ и занимался математическими выкладками. Къ сожалѣнію, не вытерпѣвъ царскаго недовольства его дѣйствіями въ Персіи, Романчиковъ отравился [1]). Появленіе такихъ любителей и тружениковъ знанія тотчасъ обнаружилось въ довольно обширной, по тогдашнему времени, переводческой дѣятельности, какой до XVII в. въ Россіи вовсе не было. Но и эти первые шаги къ просвѣщенію были робки и невѣрны, потому что недремлющая старая рутина, вооруженная подозрительнымъ суевѣріемъ и ревнивой ненавистью ко всему новому и свободному, всѣми своими темными силами противодѣйствовала всходу этихъ слабыхъ весеннихъ ростковъ нашего образованія. Только немногіе народные грамотники, удостоенные быть переводчиками въ Посольскомъ приказѣ, или получившіе отъ царя подлинники европейскихъ книгъ и средства для ихъ переводовъ, или вращавшіеся около царскаго двора и переводчиковъ посольскаго приказа и т. п., —только такіе грамотники и могли изучать элементарныя начала европейской образованности. А масса народныхъ грамотниковъ по прежнему коснѣла въ непроглядномъ невѣжествѣ; потому что переведенныя книги, въ родѣ космографій, астрономій и энциклопедическихъ лечебниковъ, не распространялись между народомъ, а печатались большею частію только для царя и царевичей. Какъ только переведены были какія-либо новыя книги, такъ, по словамъ актовъ, «взнесены были въ Верхъ, а другія указалъ царь держать въ посольскомъ приказѣ». Такъ въ дѣлѣ 1672 — 1675 гг. о разныхъ книгахъ, именно: о «государственной большой книгѣ всѣхъ окрестныхъ государствъ», о «Хрисмологіонѣ», «о книгѣ описанія россійскаго государства и всѣхъ окрестныхъ государствъ», «о седьми свободныхъ ученіяхъ» и другихъ, сказано: «книги тѣ взнесены къ великому государю въ Верхъ, а прочимъ книгамъ указалъ великій государь быть въ посольскомъ приказѣ». А «о книгѣ описанія всѣхъ россійскихъ князей и царей и всѣхъ иностранныхъ государей —французскаго, англійскаго, гишпанскаго, датскаго, свѣйскаго, флоренскаго, венецѣйскаго и проч., съ которыми россійское государство было въ ссылкѣ», замѣчено: «и какъ та книга взнесена была къ великому государю въ Верхъ, и онъ указалъ той книгѣ быть въ посольскомъ приказѣ, а себѣ великому государю и сыну своему Ѳеодору Алексѣевичу указалъ сдѣлать двѣ книги таковыя жъ». Такимъ образомъ, и тѣ новыя, умственно-преобразовательныя идеи, какія начинали зарождаться въ XVII вѣкѣ подъ вліяніемъ политическихъ географій, космографій, астрономій и другихъ подобныхъ европейскихъ книгъ, —и эти зачаточныя идеи зарождались и скрывались только «въ Верху», да въ посольскомъ приказѣ. Подъ вліяніемъ ихъ развивался только, къ концу XVII столѣтія, умъ царевичей, въ родѣ Петра, да немногихъ переводчиковъ посольскаго приказа, а масса нисколько не подготовлялась къ пріему и

[1]) Пекарскій, 267.

усвоенію этихъ идей: масса пробавлялась своимъ изстариннымъ доморощеннымъ міросозерцаніемъ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей, занесенныхъ къ намъ съ Запада этими переводными книгами, подготовлялся и воспитывался въ юномъ Петрѣ тотъ преобразовательный умъ, который объявилъ открытую и неутомимую войну старой и упорной рутинѣ. И вотъ, когда вдругъ занавѣсъ отъ древней къ новой Россіи открылся «съ Верху»,—народъ не могъ опознаться въ свѣтѣ новыхъ понятій и реформъ, не понялъ ихъ, ошеломленъ былъ ими,—и отпалъ, отшатнулся отъ новыхъ книгъ и идей—къ старымъ книгамъ и понятіямъ, или, если не отшатнулся отъ нихъ въ расколъ, то рѣзко отдѣлился, обособился отъ этого зародившагося «на Верху» и въ посольскомъ приказѣ новаго, умственно-рабочаго меньшинства, какое тогда совершеннымъ особнякомъ представляли люди, подобные Ордыну-Нащокину, Матвѣеву, Кошихину, Юрію Крыжаничу, Романчикову, царевичу Петру и лучшимъ переводчикамъ посольскаго приказа. Съ тѣхъ поръ рабочій народъ пошелъ путемъ своей умственной жизни, а интеллектуальный классъ сталъ развиваться своимъ путемъ. При Петрѣ Великомъ народъ уже не могъ понимать тогдашняго книжнаго языка, который онъ съ трудомъ понималъ уже и въ XVII вѣкѣ: «иностраннымъ языкомъ нарицаху тогдашнія писанія»[1]. Между тѣмъ и интеллектуальный классъ, даже при Петрѣ Великомъ, несмотря на двойной умственно-возбудительный импульсъ—и со стороны генія Петра I, и со стороны интеллектуальнаго вліянія Запада,—тоже, обособленный, вдали отъ народа, развивался туго и медленно. И въ это время дѣятелями умственнаго нашего развитія были главнымъ образомъ переводчики европейскихъ книгъ, переводчики «государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ»[2]). Переводчики эти частію были русскіе, обучавшіеся уже большею частію за-границей, частію иноземцы, кои, однакожъ,—по словамъ Петра,—или здѣсь родились, «или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ какъ природный знали»[3]). Чтобы образовать способныхъ переводчиковъ, Петръ десятками посылалъ молодыхъ русскихъ людей за-границу учиться языкамъ и наукамъ. Всѣхъ извѣстныхъ русскихъ переводчиковъ, учившихся за-границей, при Петрѣ Великомъ было не менѣе 60, кромѣ того до 5 переводчиковъ были изъ шведовъ[4]). А всѣхъ, учившихся за-границей по волѣ Петра, извѣстно болѣе 150 лицъ. За-границей, кромѣ языковъ и другихъ наукъ, они изучали,—по словамъ Петра,—необходимыя для правильныхъ переводовъ художества, — «математическое, хотя нѣкоторые только до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ-цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя»[5]). И не вдаваясь здѣсь въ библіографическія подробности, замѣтимъ, что переводческая дѣятельность петровскаго времени была уже настолько выше переводческой дѣятельности XVII в., насколько эта послѣдняя была выше книжной дѣятельности XVI вѣка. Въ началѣ XVIII в., сверхъ многихъ сочиненій по части механики, архитектуры, артиллеріи, исторіи и проч., переведено было до одиннадцати книгъ по отдѣлу одной математики, астрономіи и географіи[6]), тогда какъ въ XVII вѣкѣ, кромѣ ариѳметикъ, космо-

[1]) Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 632.
[2]) Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ Вел., I, 225.
[3]) П. С. З., VII, № 4438.
[4]) Пекарскій, Наука при Петрѣ I, 220—242.
[5]) П. С. З., XII, № 4438.
[6]) Пекарскій. „Наука и литер. при Петрѣ“, т. II. Таковы, напримѣръ, слѣдующія книги, изданныя при Петрѣ, по описанію г. Пекарскаго: № 14 уготованіе и толкованіе

графій и т. п., спеціальныхъ сочиненій по математическимъ и естественнымъ наукамъ еще не было переводимо. Притомъ, при разсмотрѣніи рукописей петровской литературы, не безъ удивленія замѣчаешь внезапное появленіе переводовъ такихъ произведеній, которыя въ Европѣ XVII столѣтія были предвозвѣстниками послѣдовавшихъ потомъ преобразованій и въ наукѣ, и въ жизни. Если разсматривать въ совокупности рукописные переводы подобныхъ сочиненій, то нетрудно убѣдиться, что они дѣлались съ цѣлію познакомиться съ тѣми результатами, которыхъ достигли науки на Западѣ. Такъ, сверхъ извлеченій изъ 12 Ньютоновыхъ книгъ, космотеороса (Κοςμοθέωρος) Гюйгенса и другихъ сочиненій по части астрономіи, механики, географіи, архитектуры, сельскаго хозяйства и проч.,—переведены были между прочимъ: философія естественнаго права—Пуффендорфа, de jure belli ac pacis libri III—Гуго Гроція, геологическое сочиненіе Бурнета — «теорія земли» (Telluris theoria) и проч. [1]). Но несмотря на всю эту дѣйствительно-труженическую дѣятельность умственно-рабочаго меньшинства при Петрѣ Великомъ, —интеллигенція его все-таки далеко была не развита до самостоятельной научной работы, и численность его была еще крайне-ограниченная. Всѣхъ лучшихъ, передовыхъ и дѣятельныхъ тружениковъ знанія при Петрѣ было не болѣе 30—40 человѣкъ. «Знакомство русскихъ съ европейскими науками изъ первыхъ рукъ, — говоритъ г. Пекарскій, началось при Петрѣ и чрезъ посредство русскихъ учившихся за-границей; но краткость времени, новость дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣній сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали обнаруживаться только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII вѣка лица, успѣвшія побывать за-границей и узнать наскоро кое-что, употреблялись по большей части для переводовъ разныхъ сочиненій, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Но ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ неизвѣстенъ самостоятельнымъ какимъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки» [2]). До какой степени еще слаба, незрѣла была интеллигенція и рабочая сила юной русской мысли, въ лицѣ петровскихъ переводчиковъ, можно отчасти судить и по тому факту, что, напримѣръ, одинъ добросовѣстный переводчикъ, Волковъ, человѣкъ очень способный, не могъ одолѣть и перевести порученнаго ему для перевода сочиненія Le jardinage de Quintiny — о садоводствѣ и вообще о сельскомъ хозяйствѣ, не могъ понять многихъ техническихъ выраженій, вовсе неизвѣстныхъ на русскомъ языкѣ: отчаяніе овладѣло имъ и онъ, перерѣзавъ артерію, прекратилъ такимъ образомъ жизнь [3]). Вообще,

ясное образнаго повертанія круговъ небесныхъ—астрономія, съ картой или глобусомъ небеснымъ: №№ 63 и 328 таблицы логариѳмовъ, и синусовъ, и тангенсовъ и секансовъ въ употребленіе и знаніе математико-навигацкимъ ученикамъ (1703 и 1716 г.); № 132—геометрія 1708 г.; № 153 - избраннѣйшее начало въ математическихъ искусствахъ 1709 г. №№ 182, 317 и 324—географія или земнаго круга описаніе 1710 и 1716 г.; №№ 342 и 572—книги мірозрѣнія или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ 1717 и 1723 г.; № 390 географія генеральная—небесный и земноводный круги купно Бернгарда Варенія 1718 г.; № 410—земноводнаго круга краткое описаніе Гибнера, 1719 г.; № 543 таблицы склоненія солнца по амстердам. меридіану 1723; тригонометрія плоская и сферическая Фарварсона. 1730 г.; наука статическая или механика 1722 г.

[1]) Пекарскій, I, 255.

[2]) Ibid., I, 5.

[3]) По этому случаю Веберъ, замѣчаетъ Пекарскій, - глубокомысленно разсуждаетъ, что Волковъ отъ того посягнулъ на жизнь, что не владѣлъ въ достаточной степени стоическимъ хладнокровіемъ. Само собою разумѣется, что легко такъ разсуждать посланнику, занятому пирами и визитами, а бѣдный русскій переводчикъ рѣшился лучше умереть, нежели не исполнить приказанія. Пекар., I, 226.

до основанія университетовъ, не смотря на энергическія мѣры Петра Великаго, самыя учебныя заведенія были крайне недостаточны для развитія дѣлового, серьезнаго и интеллектуальнаго класса въ Россіи. Дѣльныхъ, мыслящихъ людей изъ нихъ выходило мало, а больше выходили полуученые невѣжды, верхогляды и т. п. Манштейнъ, въ запискахъ своихъ, такимъ образомъ описывалъ состояніе и вліяніе нашихъ учебныхъ заведеній въ періодъ времени съ 1727 по 1744 г.: «Когда Петръ I вступилъ на престолъ, нашелъ весь свой народъ непросвѣщеннымъ, и только священники и лучшіе изъ дворянъ съ трудомъ писать умѣли. Чтобы просвѣтить своихъ подданныхъ, Петръ поручилъ рязанскому архіепископу Стефану Яворскому учредить училища въ московскихъ монастыряхъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ. Вызваны были изъ Кіева и Чернигова преподаватели ученія и начали обучать юношество; но, какъ можно себѣ представить, не съ большими плодами. Потомъ Петръ I поручилъ Ѳеофану Прокоповичу учредить въ Россіи хорошія училища и академіи. Прокоповичъ началъ обучать многихъ молодыхъ людей въ заведенномъ при собственномъ своемъ домѣ училищѣ, и когда они оказали нѣкоторые успѣхи, послалъ ихъ въ чужестранные университеты для пріобрѣтенія новыхъ познаній, и чтобы сдѣлать ихъ способными, по возвращеніи, быть преподавателями наукъ или учителями въ училищахъ и академіяхъ, учреждаемыхъ уже въ Россіи. Но и Прокоповичъ посредственно только успѣлъ въ этомъ дѣлѣ; ибо большая часть отправленныхъ въ иностранныя государства образованныхъ учениковъ тамъ остались, а возвратившіеся въ Россію не пріобрѣли нужныхъ талантовъ для употребленія къ наставленію другихъ; такимъ образомъ дѣло осталось по прежнему. Петръ I, для образованія русскаго дворянства, сначала считалъ достаточнымъ посылать его въ путешествіе, а по возвращеніи своемъ изъ великаго своего путешествія послалъ всѣхъ молодыхъ людей изъ первыхъ домовъ своего государства во Францію, въ Англію, въ Италію и въ Германію, для наученія тамошнимъ обращеніямъ и познаніямъ; однако, какъ большая часть изъ нихъ были весьма худо воспитаны, то и возвратились не только необразованными въ обращеніи и безъ знанія наукъ, но еще больше смѣшными и порочными, нежели туда поѣхали. Это подало государю мысль, что надобно начать съ хорошаго воспитанія прежде посылки въ путешествіе. Поэтому онъ поручилъ ливонскому пастору Глюку устроить воспитательное училище. Но все это учрежденіе было столь смѣшно, и успѣхъ отъ ученья столь худъ, что Петръ I скоро уничтожилъ и это училище, и предоставилъ новое воспитаніе дѣтей самимъ родителямъ. Въ то время въ Россіи находилось множество шведскихъ военныхъ чиновниковъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Полтавою; эти военнослужители, будучи весьма хорошо воспитаны, и не имѣя пропитанія, обязывались у знатныхъ господъ и богатыхъ людей обучать ихъ дѣтей; и отъ этого произошли гораздо лучшіе успѣхи, нежели отъ всѣхъ училищъ, заведенныхъ учеными невѣждами. Наконецъ, по идеѣ Петра великаго, въ Россіи учреждена была академія наукъ. Но и донынѣ Россія не можетъ еще хвалиться ни малѣйшею существенною пользою и отъ этого великаго учрежденія. Весь плодъ, какой эта Академія принесла въ 28 лѣтъ, состоитъ только въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь, или мѣсяцесловъ по петербургскому полуденнику, что могутъ читать на своемъ языкѣ вѣдомости, и что нѣсколько нѣмецкихъ пріобщинковъ Академіи сдѣлались нарочито искусными въ математикѣ и философіи, чтобы заслужить жалованье отъ 600 до 800 рублей. Что касается до русскихъ, то

между ними еще очень мало находится такихъ ученыхъ, которые бы могли занимать профессорскія званія. Наконецъ, эта академія совсѣмъ еще не на такой ногѣ, чтобъ россійская имперія когда-либо могла ласкаться великою отъ нея пользою. Ибо преподаваемыя въ ней науки нимало не касаются русскаго языка, нравственнаго ученія, гражданскаго права, народной исторіи и практической математики— единственныхъ наукъ полезныхъ для Россіи, или особенно нужныхъ ей. Но самое главное упражненіе состоитъ въ алгебрѣ, въ трудныхъ математическихъ задачахъ, въ критикѣ древностей и языковъ нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, или въ анатомическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ человѣка и животныхъ, въ чемъ наиболѣе трудятся. А какъ русскіе всѣ эти науки считаютъ пустыми и весьма безполезными, то и неудивительно, что они не имѣютъ никакого желанія обучать имъ своихъ дѣтей,—хотя и всѣ уроки преподаются безвозмездно. И это до того доходитъ, что Академія весьма часто больше имѣетъ учителей, нежели учениковъ и принуждена бываетъ брать молодыхъ людей изъ Москвы, и, опредѣляя жалованье или содержаніе, побуждать ихъ къ ученью, чтобы преподавателямъ наукъ имѣть наличныхъ слушателей—въ преподаваніи уроковъ. Изъ всѣхъ этихъ примѣчаній можно вывести заключеніе, что многія хорошія училища, заведенныя въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, въ коихъ обучаютъ обыкновеннымъ наукамъ, для Россіи были бы гораздо лучше и полезнѣе, нежели Академія наукъ, которая ежегодно стоитъ ей большихъ суммъ денегъ, и не производитъ никакого плода» [1]). Прибавимъ къ этому, что и въ высшемъ дворянскомъ училищѣ—въ с.-петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ,—изъ передоваго сословія—дворянства тоже не развивался и не выходилъ вполнѣ развитой, просвѣщенно-мыслящій и научно-рабочій интеллектуальный классъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Бецкаго, и вся цѣль учрежденія этого училища состояла въ томъ, чтобы только приготовлять для арміи исправныхъ офицеровъ. Поэтому и въ дворянскомъ кадетскомъ корпусѣ воспитанники не получали высшаго научнаго развитія, а учились больше военной дисциплинѣ, теологіи, танцамъ и т. п., и притомъ число ихъ было небольшое, всего только 247 учениковъ. Эта капля въ морѣ незамѣтно изчезала въ общей массѣ невѣжества, которое еще до сихъ поръ считалось спасительнымъ средствомъ противъ «злоплодящихъ» нововведеній.

Наконецъ, и въ университетскій періодъ, какъ степень развитія, такъ и численность воспитанниковъ возрастала далеко непропорціонально съ умноженіемъ народонаселенія и съ общею суммою умственныхъ силъ народныхъ. Въ слѣдующей статьѣ мы займемся подробною характеристикою интеллектуальнаго класса въ этотъ университетскій періодъ: а здѣсь укажемъ только на непропорціональность численнаго возрастанія его съ числомъ народонаселенія, или на численную незначительность его въ сравненіи съ численностью рабочаго народа. Для этого достаточно будетъ и немногихъ цифръ. Въ 1762 г. графъ Шуваловъ давалъ такой отчетъ о числѣ и степени умственнаго развитія поколѣнія, образовавшагося въ московскомъ университетѣ съ 1755 года: «всего полезнѣйше университету, писалъ онъ,— что съ начала онаго вышло учениковъ 1.800, изъ которыхъ токмо 300 разночинцевъ, прочіе же всѣ дворяне, и великая часть съ хорошими о успѣхахъ въ ученіи аттестатами, въ томъ числѣ довольно студентовъ было, изъ которыхъ и

[1]) Mannstein, Nachrichten von Russland 1727,—1744 s. 544—551.

нынѣ 9 человѣкъ въ кадетскомъ корпусѣ достойными учителями въ математикѣ, въ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, также и обрѣтающіеся въ чужихъ краяхъ студенты обнадеживаютъ своимъ знаніемъ и прилежностію быть полезными своему отечеству, къ тому же еще недавно заведенная въ Казани гимназія довольный плодъ начинаетъ оказывать, и въ университетѣ довольно своихъ учителей» [1]). Но вспомнимъ при этомъ и слѣдующій отзывъ фонъ-Визина—ученика московскаго университета: «Остается мнѣ теперь сказать,—говоритъ онъ въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи», объ образѣ нашего университетскаго ученія: но самая справедливость велитъ мнѣ признаться, что нынѣшній университетъ не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Арифметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу. Латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо. Учитель латинскаго языка пятью пуговицами кафтана обозначалъ условно съ учениками пять латинскихъ склоненій, а четырьмя пуговицами на камзолѣ 4 спряженія. Ученики должны были отвѣчать на его вопросы: какого склоненія имя? Какого спряженія глаголъ? смотря потому, за какую пуговицу онъ хваталъ пальцами. Ученики не знали еще самыхъ простыхъ истинъ науки. Напримѣръ, на вопросъ: куда Волга впадаетъ? одинъ ученикъ отвѣчалъ: въ Черное море, другой: въ Бѣлое, фонъ-Визинъ простодушно отвѣчалъ: не знаю» [2]). Изъ этого, быть можетъ, отчасти комически-преувеличеннаго отзыва, видно, однакожъ, какъ еще не развитъ былъ тотъ классъ ученыхъ, который представлялъ тогда высшую интеллигенцію общества, и какъ въ студентахъ московскаго университета умственная потребность вещественной, чувственно-образной наглядности еще преобладала надъ силою логической сообразительности. Вообще, какъ видно изъ исторіи московскаго университета, написанной г. Шевыревымъ, и университетскій персоналъ въ XVIII столѣтіи еще далеко не представлялъ серьезнаго интеллектуальнаго класса: какъ ученики, такъ и учителя еще большею частію характеризовались слабою умственною дѣятельностью и неутѣшительными умственными чертами [3]). Но все-таки, къ концу XVIII в. московскій университетъ видимо измѣнялся къ лучшему и былъ первымъ. Въ то же время, и внѣ университетскаго интеллектуальнаго класса, являются замѣчательными представителями юной русской мысли такіе дѣятели знанія, какъ Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Лепехинъ, Рычковъ, Озерецковскій, Полѣновъ, Румовскій, Осиповскій и другіе. Но, къ сожалѣнію, и число такихъ мыслящихъ людей и тружениковъ науки умножалось не слишкомъ большими прогрессивными числами. Такъ, напримѣръ, съ 1762 по 1771 годъ изъ московскаго университета вышло только 24 полезныхъ дѣятеля на поприщѣ науки и гражданскаго просвѣщенія, и изъ нихъ только 3 человѣка извѣстны ученою дѣятельностью. Съ 1771 по 1778 годъ университетъ образовалъ только 11 человѣкъ, впослѣдствіи болѣе или менѣе извѣстныхъ своею умственною дѣятельностію. Съ 1779 по 1797 годъ, изъ всѣхъ воспитанниковъ московскаго университета, оправдали свое университетское ученіе полезною умственною дѣятельностью только до 45 человѣкъ.

[1]) Оправд. Шувалова на обвиненіе Ададурова: Чт. Общ. 1859, кн. I, отд. V, стр. 75.
[2]) Сочин. фонъ-Визина, изд. 1852 г. „Чистосердечное признаніе", стр. 511—527.
[3]) Истор. Московскаго университета, стр. 60—65 и др.

а съ 1797 по 1812 годъ до 50. Съ 1813 по 1826 годъ въ московскомъ университетѣ получили образованіе 4.625 человѣкъ, но въ различной степени интеллектуальнаго развитія; да въ гимназіяхъ при университетѣ въ 1787 году было 1.010 воспитанниковъ, а въ началѣ XIX столѣтія до 3.300. Съ 1836 по 1854 годъ московскій университетъ произвелъ докторовъ 114, магистровъ 58, кандидатовъ 881, дѣйствительныхъ студентовъ 1.670, лекарей 1.442; число всѣхъ, получившихъ ученое образованіе въ университетѣ, за 29 лѣтъ, простиралось за 4.000 [1]). Въ кіевскомъ университетѣ, умственная дѣятельность и численность молодыхъ людей, добросовѣстно занимавшихся науками, въ первый періодъ существованія университета (1834—1839), возрастала въ такой послѣдовательности:

		Въ высшій курсъ.			Въ тѣхъ же курсахъ.		
Въ $18^{35}/_{36}$	переведено	45	студентовъ.	Съ отличіемъ	9	Осталось	5
» $18^{36}/_{37}$	»	93	»	»	23	»	20
» $18^{37}/_{38}$	»	171	»	»	51	»	52
» $18^{38}/_{39}$	»	184	»	»	60	»	32
» $18^{39}/_{40}$	»	102	»	»	22	»	8 [2]).

Въ первый выпускъ 1837—1838 г. кіевскій университетъ выпустилъ 16 студентовъ со степенью кандидата, въ томъ числѣ: въ первомъ, историко-филологическомъ отдѣленіи философскаго факультета 4 кандидата, во второмъ — естественно-математическомъ отдѣленіи филос. факульт. 2 кандидата, въ юридическ. факультетѣ 10; съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ 12, въ томъ числѣ: по историко-филологическому отдѣленію 2, по физико-математическому 1, по юридическому факультету 9. Второй выпускъ состоялъ изъ 19 кандидатовъ, въ томъ числѣ изъ историко-филологическаго отдѣленія вышло 5 кандидатовъ, изъ физико-математическаго 9. Ненаучныя, посторонпія стремленія студентовъ, сопровождавшіяся въ 1839 году закрытіемъ университета, помѣшали возрастанію числа молодыхъ людей, добросовѣстно изучавшихъ науки. Что касается до представителей высшей интеллигенціи, занимавшихся разработкой науки, то въ Россіи еще такъ мало было людей основательно-ученыхъ, что въ кіевскомъ университетѣ, въ первый періодъ его существованія (1834—1839), трудно было набрать профессоровъ съ высшими учеными степенями, и они набирались отовсюду и изъ людей безъ всякой ученой степени. Притомъ, не мало было профессоровъ, получившихъ ограниченное научное образованіе, и не въ университетахъ, а въ другихъ, низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и, наконецъ, старое, даже дряхлое поколѣніе сначала преобладало надъ поколѣніемъ молодымъ, полнымъ свѣжихъ интеллектуальныхъ силъ и наиболѣе способнымъ къ научнымъ работамъ.

«Застой въ учебной и ученой дѣятельности университета, — замѣчаетъ Шульгинъ, — выразился апатіей и упадкомъ научныхъ стремленій. Въ университетѣ учили и учились не науки, а службы ради. Къ концу этого періода «Wissenschaftliche Tendenz» дѣлается нерѣдко предметомъ насмѣшки въ устахъ слу-

[1]) Шевыревъ, Исторія Моск. универс., стр. 169, 208, 575.
[2]) Шульгинъ, Исторія Университ. св. Владиміра, стр. 194.

шателей, а иногда преподавателей» [1]). Въ частности, многіе профессора, представители высшей интеллигенціи общества, были оригинальными типами умственной недоразвитости и чудачества, почти нисколько не знали преподаваемыхъ ими наукъ и отличались странными умственными и нравственными чертами. Таковы, напримѣръ, были: профессоръ физики и физической географіи Абламовичъ, по словамъ Шульгина, болтунъ съ извозчиками, невѣжда въ своей наукѣ, сильный тѣломъ и слабый умомъ; профессоръ химіи Зѣновичъ — средневѣковой алхимикъ-чародѣй, извѣстный своей странной химической теоріей, въ которой, между прочимъ, *душу* признавалъ шестымъ химическимъ началомъ и проч.; профессоръ зоологіи Андржеевскій, почти нисколько не знавшій зоологіи и вообще не получившій правильнаго ученаго образованія въ естественныхъ наукахъ; профессоръ сельскаго хозяйства Мерцъ, диктовавшій лекціи по какой-либо русской книгѣ, по складамъ и съ удивительными, равномѣрными и монотонными удареніями и прерывавшій лекціи, послѣ классного звонка, на половинѣ слова, напримѣръ, лекцію «о горохѣ» оканчивавшій звукомъ *гор*, а слѣдующую начинавшій глубокимъ вздохомъ *охъ!* или профессоръ классической филологіи Якубовичъ, полагавшій верхомъ умственнаго развитія 12-лѣтнихъ дѣтей знаніе наизусть двухъ книгъ Энеиды; профессоръ русской исторіи Домбровскій, памятный только перечисленіемъ днѣпровскихъ пороговъ и громкимъ, торжественнымъ и размѣреннымъ произношеніемъ фразъ изъ книги Устрялова и т. п. [2]).

Въ послѣднее время, когда потребность основательнаго научнаго образованія и въ обществѣ стала чувствоваться живѣе, и притомъ отмѣнено прежнее ограниченіе числа студентовъ къ университетахъ, — и численность университетски-образованнаго поколѣнія стала увеличиваться быстрѣе Въ теченіе 10 лѣтъ съ 1853 по 1862 годъ получили высшее научное образованіе во всѣхъ университетахъ:

---

1) Ibid, стр. 162.

2) Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1863 г., ч. CXVIII, отд. II, стр. 174—177. Вообще, и по всѣмъ приблизительнымъ къ истинѣ соображеніямъ, не великою оказывается и въ настоящее время численность нашего интеллектуальнаго класса, напримѣръ, въ 1858 году, изъ 65.500.000 жителей, и изъ 528.494 всѣхъ учащихся въ высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — только около 5.630 человѣкъ получили образованіе въ университетахъ и другихъ высшихъ неспеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если даже отнести къ интеллектуальному классу всѣхъ, получающихъ образованіе не только въ университетахъ, въ медико-хирургической академіи, въ корпусахъ, но и въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ фельдшерскія школы, школа топографовъ, аудиторіатское училище, артиллерійскія школы, — то и тогда будетъ общее число интеллектуальнаго класса всего только до 15.428 человѣкъ. Что значитъ въ массѣ 65.500.000 народа не только эта горсть университетски-развитыхъ людей 5.286 человѣкъ, и притомъ стоящихъ на различномъ, нерѣдко весьма сомнительномъ уровнѣ интеллектуальнаго развитія, но и всѣ эти 15.428 образованныхъ и полуобразованныхъ человѣкъ (Кольбъ, 258 259) Множество у насъ такихъ городовъ, гдѣ при 15 или 20.000 жителей, людей съ высшимъ образованіемъ не болѣе 400 человѣкъ, а во многихъ городахъ, какъ, напримѣръ, во всѣхъ 6 городахъ Вологодской губерніи, даже не болѣе 170 человѣкъ. Что значатъ 170 человѣкъ, принадлежащихъ къ интеллектуальному классу, въ массѣ 951.593 жителей, какъ, напримѣръ, въ Вологодской губерніи. Наконецъ, что значатъ даже въ средѣ самого такъ называемаго образованнаго городского общества, имѣющаго претензію считаться интеллигенціей общества, что значатъ и тутъ эти найденные Шелгуновымъ 14% научно-мыслящаго интеллектуальнаго класса, характеризующагося высшимъ образованіемъ, при 86% класса вовсе не интеллектуальнаго, даже большею частію совершенно невѣжественнаго, хотя и считающагося въ провинціальныхъ городахъ образованнымъ классомъ, или провинціальнымъ умственнымъ представительствомъ.

	Всего окончив. курсъ.	ВСЕГО. кандидатовъ.	дѣйствител. студентовъ.	Процентное отношеніе. кандидатовъ.	студентовъ.
1853	220	112	108	51	49
1854	274	175	99	64	36
1855	328	191	137	58	42
1856	357	201	156	56	44
1857	318	174	144	55	45
1858	336	204	132	61	39
1859	307	182	125	59	41
1860	411	305	106	74	26
1861	508	313	195	62	38
1862	621	424	197	68	32
Итого.	3.680	2.281	1.399	62	38

Но и въ этомъ, университетски-образованномъ классѣ съ большимъ ли успѣхомъ развилась та могучая рабочая сила критической и, въ частности, естествоиспытательной мысли, которая съ неистощимой энергіей и съ быстрыми успѣхами самостоятельно разрабатываетъ и разрѣшаетъ самые трудные научные вопросы, вырабатываетъ могучую литературу, характеризуется неистощимымъ творчествомъ и великими міровыми открытіями въ области науки и жизни, и создаетъ даже новыя вещи и новыя науки? Къ сожалѣнію, въ нашей умственной исторіи давно слышится жалоба на крайній недостатокъ такой творческой, могучей силы мышленія въ нашемъ интеллектуальномъ классѣ. Давно слышится жалоба, что въ Россіи вообще мало было научныхъ и литературныхъ талантовъ. Еще Карамзинъ задавался вопросомъ: «отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ!» И при всей ограниченности своихъ требованій отъ таланта, Карамзинъ не удовлетворялся скуднымъ числомъ русскихъ талантовъ въ свое время и дивился ихъ рѣдкости. Онъ требовалъ отъ писателя только дарованія, логическаго ума, историческихъ свѣдѣній, тонкаго вкуса и знанія свѣта. Но и такихъ писателей насчитывалъ мало въ русской литературѣ. «Хорошихъ писателей у насъ такъ мало,—писалъ онъ,—что въ произведеніяхъ нечего искать даже образцовъ языка. Ученые большею частію изъ средняго состоянія и не имѣютъ случая узнать даже свѣтъ». «Въ Россіи, — прибавляетъ Карамзинъ, — тогда будетъ больше хорошихъ писателей, когда между свѣтскими людьми будетъ больше ученыхъ» [1]). Извѣстный профессоръ математики Осиповскій тоже жаловался на малочисленность и рѣдкость развитыхъ талантовъ даже въ университетскомъ молодомъ поколѣніи: «отличные таланты, — замѣчалъ онъ,—рѣдки, а пролазовъ было множество» [2]).

III.

Изъ того, что сказано нами въ предъидущихъ статьяхъ, мы видѣли, что интеллектуальный классъ, высшій по умственному развитію и научно-рабочій, развивался съ крайнимъ трудомъ и медленно. «Ученое состояніе,—говорилъ Ка-

¹) „Вѣстникъ Европы", 1802 г., ч. 4, № 14.
²) Матер. для истор. образов. въ Россіи: Журн. Мин. Нар. Просв. 1862, окт., стр. 153.

рамзинъ въ 1803 году,—донынѣ имѣло малыя выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствій» [1]). Вотъ въ этомъ ограниченіи сферы умственной дѣятельности, въ стѣсненіи юной русской мысли, и потомъ въ крайней матеріальной необезпеченности умственнаго труда заключалась первая причина медленнаго и слабаго развитія въ Россіи высшаго интеллектуальнаго класса. Дальше мы подробно раскроемъ какъ эту, такъ и другія причины, задержавшія у насъ развитіе научно-мыслящаго и научно-рабочаго класса. Здѣсь же обратимъ вниманіе на одну изъ самыхъ важныхъ, по нашему мнѣнію, причинъ. Именно, вслѣдствіе численнаго преобладанія рабочаго народа,—устраненіе его отъ европейскаго просвѣщенія, во время реформы Петра I, затрудненіе для крѣпостного и податного класса доступа къ высшему, университетскому образованію было не маловажной причиной слишкомъ медленнаго и малочисленнаго наростанія умственно-дѣятельнаго класса въ Россіи. Вслѣдствіе этого затрудненъ былъ приливъ въ составъ интеллектуальнаго меньшинства свѣжихъ народныхъ умственныхъ силъ, и масса рабочаго народа не столько сообщала ему новыя интеллектуальныя силы и численное приращеніе, сколько стала представлять даже, во многихъ отношеніяхъ, тормазъ для его развитія. Надобно напередъ замѣтить здѣсь, что, съ введеніемъ табели о рангахъ, съ развитіемъ крѣпостного права и съ возвышеніемъ и рѣзкимъ обособленіемъ отъ народа высшаго сословія — дворянства и вельможества, говоря вообще, для людей — низшихъ, не знатныхъ состояній слишкомъ труденъ былъ доступъ къ высшему интеллектуальному развитію. Самая униженность и угнетенность низшихъ классовъ, особенно рѣзко проявившаяся въ XVIII вѣкѣ, съ развитіемъ помѣщичьяго барства, сильно подавляла и забивала многія интеллектуальныя силы и дарованія, не давая имъ никакого свободнаго хода и проявленія. Уже при Петрѣ Великомъ, ставившемъ въ дѣлѣ науки на одну доску и бояръ, и простолюдиновъ, или, какъ тогда выражались, и «породныхъ и подлыхъ людей», «знатные, въ родѣ барона Шафирова, непріязненно смотрѣли на темныхъ тружениковъ знанія — «ярославцевъ, симбирянииновъ» и т. п., укоряли ихъ, напримѣръ, тѣмъ, что они происходили отъ площадныхъ писарей или скорняковъ, что отцы ихъ были крестьяне и пріучали дѣтей пахать пашню и т. п. [2]). Въ московскомъ университетѣ ученики-дворяне издѣвались надъ профессорами, происходившими изъ простого званія, напримѣръ, подставляли имъ ноги [3]). Безъ протекціи вельможей, и дарованіямъ не было ходу: для Ломоносовыхъ нужны были Шуваловы. Даже корифеи русской литературы XVIII вѣка, Третьяковскіе, Сумароковы и т. д. должны были рабалѣпствовать передъ вельможами, быть ихъ покорными слугами и холопами. Имъ, какъ напримѣръ, Сумарокову, вельможи, въ родѣ графа Салтыкова, приказывали потѣшать себя своими литературными трудами и талантами. Такъ, напримѣръ, въ 1770 г. 15 февраля сама императрица Екатерина II съ упрекомъ писала Сумарокову, нехотѣвшему холопствовать своимъ талантомъ передъ фельдмаршаломъ графомъ П. С. Салтыковымъ: «фельдмаршалъ желалъ видѣть трагедію вашу. Пристойно было въ томъ удовольствовать перваго въ Москвѣ начальника. Если же графъ Салтыковъ заблагоразсудилъ приказать играть, то уже надлежало безъ отговорокъ исполнить его волю. Вы болѣе другихъ, чаю, знаете, сколь много

[1]) Исторія моск. универс. стр. 326
[2]) Пекарскій, I, 210.
[3]) Исторія моск. универс. стр. 62

почтенія достойны заслуженные, славою и сѣдиной покрытые мужи, и для того совѣтую вамъ впередъ не входить въ подобные споры, чрезъ что сохраните спокойство духа для сочиненія, и мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленія страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ» [1]). Сумароковъ, надобно сказать, былъ еще самъ своего рода аристократъ, вельможа тогдашней литературы, удостоившійся чести переписываться съ Екатериной II. А что сказать о самыхъ неизвѣстныхъ, по происхожденію, молодыхъ людяхъ, жаждавшихъ умственнаго труда, мучившихся, такъ сказать, отъ гнета или отъ избытка таланта, неимѣвшаго исхода и простора. Тѣмъ болѣе — что сказать о ничтожныхъ муравьяхъ тогдашняго литературнаго муравейника. Это были буквально несчастные паріи, зависѣвшіе не только отъ какого-нибудь мецената, но и отъ всякаго чиновнаго невѣжды, стоявшаго неизмѣримо выше писателя. Тотъ же Сумароковъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, 24 января 1773 г. писалъ: «нынѣ изъ учениковъ въ Спасской академіи имущій склонность къ стихотворству болѣе 4-хъ мѣсяцевъ неотступно проситъ меня, дабы взятъ онъ былъ ко мнѣ ради переписки, чтобъ ему чрезъ то научиться, а онъ къ тому и способности много имѣетъ. А потому, что онъ изъ поповичей и человѣкъ свободный, могу я его взять и безъ указу, да и начальники ево за нево стоять не могутъ и не хотятъ, а сверхъ того, мнѣ и они какъ и всѣ знатнѣйшія духовныя (персоны) крайніе пріятели; но потребно сему человѣку жалованье, ибо бѣдность рождаетъ подлость, а поэзія подлости и крайнихъ недостатковъ не терпитъ“ [2]). Если даже людямъ, желавшимъ учиться посредствомъ переписки сочиненій тогдашнихъ извѣстныхъ писателей, трудно было безъ протекціи найти даже и такую умственную работу, то что сказать о трудности доступа къ высшему образованію. Съ XVIII столѣтія, т. е. съ той самой поры, какъ только введены были въ Россію европейскія науки, вслѣдствіе ревизскаго росписанія и раздѣленія сословій, въ силу табели о рангахъ, вслѣдствіе усиленія рабовладѣльческаго и землевладѣльческаго дворянства, простой, рабочій народъ, заваленный одной черной работой, да налогами и повинностями на потребности государственныхъ реформъ, замкнутый въ темную и безвыходную сферу труда, почти вовсе не участвовалъ въ высшемъ интеллектуальномъ развитіи. Вслѣдствіе этого, естественно закрытъ былъ неизсякаемый источникъ, откуда интеллектуальный классъ могъ бы получать, путемъ университетскаго образованія, постоянный притокъ новыхъ, свѣжихъ и здоровыхъ силъ, и такимъ образомъ быстро рости, крѣпнуть, постоянно обновляться и совершенствоваться. Уже при Петрѣ Великомъ, какъ мы видѣли, масса населенія обречена была на одну черновую, строительную работу государственной реформы, а къ высшему, европейскому образованію призваны были, большею частію, только вельможи, да дьяки и подъячіе. А потомъ, когда основался московскій университетъ и за нимъ—другіе,—рабочій, податной и особенно крѣпостной людъ почти положительно устранялся отъ университетскаго образованія. Въ утвержденномъ проэктѣ объ учрежденіи московскаго университета было положительно постановлено, «что крѣпостныхъ людей нельзя принимать ни въ университетъ, ни въ гимназію, потому что науки почитаются благородными занятіями и не терпятъ принужденія; для различія дворянъ отъ

---

[1]) Чтен. Общ. Истор. 1860 г., кн. 2. отд. V. стр. 238.
[2]) Лѣтоп. русс. литер., кн. 6, отд. III. стр. 70.

разночинцевъ предписано учиться имъ въ разныхъ гимназіяхъ» [1]). Въ проектѣ къ учрежденію Батуринскаго университета въ 1760 г. высказанъ былъ такой же господствовавшій въ то время дворянскій взглядъ: «Понеже науки по справедливости между благороднѣйшими упражненіями считаются и не терпятъ никакого принужденія, того ради какъ въ семинарію при университетѣ, такъ и въ университетъ, не принимать никакихъ крѣпостныхъ людей, развѣ онъ вольнымъ отъ своего владѣльца учиненъ будетъ и снабдѣнъ письмомъ, за помѣщиковою рукою и свидѣтелей, при печатѣхъ, отпускнымъ вѣчно» [2]). Въ докладѣ объ учрежденіи казанской гимназіи, представленномъ мѣстными властями (1797 г.) также положено было: «дѣти дворянъ и разночинцевъ должны различаться по форменной одеждѣ: у дворянъ воротникъ и обшлаги бѣлые, у разночинцевъ—темнозеленые, въ классахъ сидѣть дворянамъ за особливымъ отъ разночинцевъ столомъ; обѣдъ и ужинъ, а также и постели, имѣть въ особливыхъ комнатахъ, наблюдая, сколько возможно, пристойности, въ отличіе ихъ благороднаго происхожденія» [3]). Въ казанской губерніи дворяне и чиновники даже не хотѣли отдавать своихъ дѣтей въ народныя училища, не желая, чтобы дѣти ихъ въ училищахъ смѣшивались съ дѣтьми разночинцевъ и крѣпостныхъ людей [4]). Такой умственный антагонизмъ дворянства къ простому народу, неизбѣжно сопровождавшійся умственной эксплоатаціей низшихъ, рабочихъ классовъ, господствовалъ и до позднѣйшаго времени. Еще въ 1839 году князь Н. А. Долгоруковъ, проэктируя въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ объ учрежденіи въ Вильнѣ кадетскаго корпуса или лицея и въ Гроднѣ и Бѣлостокѣ- также лицея или благородныхъ пансіоновъ,—писалъ: «знатнѣйшее и богатѣйшее дворянство никогда не рѣшится, по общему предразсудку дворянъ въ Россіи, отдавать дѣтей своихъ въ низшія школы, гимназіи или уѣздныя училища, куда стекаются ученики всякаго происхожденія» [5]). Точно также трудно было и людямъ податного состоянія поступать въ университеты, потому что они, во все время своего ученія, должны были платить подати, отрываясь въ то же время отъ работъ, какъ единственнаго источника ихъ существованія. Въ студенческомъ уставѣ московскаго университета 1779—1796 г., въ числѣ трехъ главныхъ, непремѣнныхъ условій для доступа къ слушанію университетскихъ лекцій, требовалось представленіе достовѣрнаго свидѣтельства въ правѣ на законную свободу и исключеніе изъ подушнаго оклада [6]). Указомъ 10 ноября 1811 года, студентовъ, поступающихъ изъ податного состоянія, повелѣно было исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ университетѣ. Причина постановленія выражена первыми словами указа: «учрежденіемъ въ имперіи нашей университетовъ желали мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ: но однимъ вступленіемъ въ университеты мы не имѣли въ намѣреніи освободить состоянія, въ окладъ положенныя, отъ общей имъ повинности: ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству

[1]) Матер. для истор. народн. образ. Ж. М. Н. Пр., 1865 г., окт. стр. 57.

[2]) Проэктъ къ учрежд. университета въ Батуринѣ въ Чтен. Общ. Ист. 1863 г. стр. 75.

[3]) Ж. М. Н Пр., 1865 г., окт., 57.

[4]) Ibid., стр 127.

[5]) Чтен. моск. общ. истор., 1863 г., кн. 2, стр. 181.

[6]) Истор. моск. универс. 268.

члена, образованнаго по намѣренію нашему» [1]). Наконецъ, нѣкоторые и вообще требовали ограниченія самой сферы умственнаго образованія простого народа. Такъ напримѣръ, нѣкто В. М. въ своемъ проэктѣ объ уменьшеніи нищихъ въ Россіи, писанномъ въ 1844 году, говоря объ образованіи низшихъ слоевъ народа, замѣчаетъ: *«главное, чтобы образованіе ихъ не превышало ихъ состоянія,* иначе произойдетъ не польза, а вредъ: для распространенія свѣдѣній, которыя *ни въ какомъ случаѣ не должны превышать состоянія простого народа,* можно издавать какое-либо чтеніе: оно при содѣйствіи правительства и дворянства русскаго проникнетъ и напитаетъ и весь нисшій слой народа» [2]). Вслѣдствіе такого отчужденія крѣпостного и податного молодого поколѣнія отъ высшаго университетскаго образованія,—дворяне въ университетахъ преобладали надъ всѣми другими сословіями, и особенно надъ крѣпостнымъ и податнымъ. Такъ наприм., въ кіевскомъ университетѣ, по происхожденію, студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Дворянъ.	Оберъ-офицерскихъ дѣтей.	Духовнаго званія.	Гражданъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Казаковъ.
1834	51	6	3	1	-	1	-
1835	92	7	7	1	4	2	-
1836	173	6	8	2	4	6	1
1837	235	-	7	3	6	5	2
1838	235	--	7	3	8	5	2
1839	94	—	15	3	5	4	1

Таблица эта показываетъ, что почти все населеніе университета состояло изъ дворянъ (потомственныхъ и личныхъ); всѣ прочія состоянія, кромѣ духовнаго, почти незамѣтны въ составѣ студентовъ. Среднее отношеніе между студентами изъ податныхъ и студентами не платящихъ податей состояній, равняется за всѣ шесть лѣтъ 1 : 13⅓; самое неблагопріятное въ первый годъ — 1 : 30, слушателей изъ крѣпостного состоянія вовсе не было [3]). Точно также преподаватели наукъ въ университетахъ, по происхожденію, болѣе всего принадлежали къ дворянамъ и духовному званію; изъ податного и особенно крѣпостного состоянія профессоровъ почти вовсе не было. Только въ кіевскомъ университетѣ въ 1838 и 1839 г. были два профессора изъ податного состоянія. Это видно изъ слѣдующей таблицы преподавателей кіевскаго университета:

По происхожденію.	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Дворянъ	16	18	19	19	19	12
Духовнаго званія	2	5	8	10	10	12
Гражданъ.	—	—	—	1	1	1
Мѣщанъ	—	—	—	—	1	1 [4])

[1]) Истор. моск. универс., 401.

[2]) Чтен. общ. истор. 1860 г., кн. 3, отд. V, стр. 208. Подъ чертой къ выписаннымъ словамъ проэкта о нищихъ сдѣлано такое примѣчаніе В. Д.: „можно (распространить народное чтеніе), но не отъ правительства. Это у насъ не поведетъ ни къ чему. Это можно сдѣлать только чрезъ Вас. Вас. Лонгинова, въ Москвѣ, у котораго народныя книжки отпускаются пудами, или мѣряются узлами и кушаками, а потомъ мѣняются на свиные пузыри и щетину".

[3]) Истор. университ. св. Владиміра, стр. 180.

[4]) Истор. универс. св. Влад., стр. 205.

Изъ этого видно, что средніе и низшіе классы населенія принимали само ничтожное участіе въ интеллектуальномъ развитіи въ Россіи: и это вѣковое отчужденіе главныхъ коренныхъ силъ народа отъ образованія сопровождалось неизбѣжнымъ застоемъ умственнаго движенія во всемъ организмѣ страны. А потому, и классъ интеллектуальный не могъ быстро наростать, и въ немъ всегда было недостаточное число наличныхъ умственно-дѣятельныхъ силъ. Никто не можетъ отрицать той истины, что молодое рабочее поколѣніе — податное и крѣпостное, воспитанное и закаленное въ трудѣ, привычное и склонное къ устойчивой, напряженной работѣ, способно вносить и въ среду умственной дѣятельности энергію рабочей силы и труда, способно ломоносовски работать для науки. Эта истина доказывается даже тѣмъ фактомъ народной исторіи, что, несмотря на всѣ гнетущія обстоятельства историческія, соціально-юридическія, экономическія и т. п., — изъ массы молодыхъ поколѣній податного и крѣпостного народа всегда являлись такъ называемые *самородки* или самоучки — механики, химики, физики, техники, астрономы — безпомощные труженики знанія и своеобразныхъ самостоятельныхъ изобрѣтѣній — Кулибины, Власовы, Соболевы, Сухановы, Чистяковы, Гребенщиковы и мн. др., о которыхъ мы подробнѣе скажемъ дальше. Только безъ помощи университетовъ и академій, эти люди терялись въ массѣ народа и гибли непроизводительно въ нуждѣ и горѣ и въ борьбѣ съ тяжелой долей крѣпостного и податного состоянія. За нихъ на обществѣ лежитъ грѣхъ убійства полезнѣйшихъ талантовъ. Если бы подобные самородки или самоучки изъ молодого поколѣнія податного и крѣпостного класса получали высшее университетское или академическое образованіе, — изъ нихъ, безъ сомнѣнія, выходили бы замѣчательные дѣятели науки, замѣчательные изобрѣтатели, и наше интеллектуальное развитіе шло бы нѣсколькими вѣками впереди. Появленіе народныхъ самоучекъ-механиковъ, химиковъ, физиковъ, техниковъ и т. п. служитъ въ то же время живымъ доказательствомъ, что и въ молодыхъ поколѣніяхъ рабочаго, податного и крѣпостного народа проявляется природный запросъ на высшее, научное развитіе. Хотя и невольная, неизбѣжная, но важная, радикальная ошибка или односторонность умственно-преобразовательной реформы Петра Великаго состояла въ томъ, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на интеллектуальное возрожденіе и развитіе массы, не заставилъ все молодое поколѣніе во всѣхъ сословіяхъ одинаково учиться западнымъ наукамъ, не ввелъ и не узаконилъ въ Россіи однажды навсегда систему всенароднаго, всесословнаго, высшаго научнаго образованія: ломка понятій и борьба была бы уже за одно, и въ дворянствѣ Петръ не меньше встрѣтилъ оппозиціи. А между тѣмъ результаты были бы другіе, громадно-благотворные. Къ сожалѣнію, громадныя потребности государственныхъ работъ заставили Петра отвлечь народъ отъ европейскаго ученья. Но если Петръ Великій упустилъ изъ виду великую идею народнаго высшаго развитія, то этой идеѣ не давали заглохнуть въ нашей умственной исторіи прямые послѣдователи и продолжатели развитія основной умственно-преобразовательной идеи Петра Великаго. Безпристрастные здравомыслящіе люди давно стали сознавать недостатокъ въ суммѣ интеллектуальныхъ силъ и умственнаго прогресса Россіи, проистекающій отъ того предразсудочнаго и несправедливаго обособленія рабочаго и интеллектуальнаго класса въ Россіи, какое громко заявлено было дворянствомъ во время учрежденія университетовъ и гимназій. Они требовали равноправнаго участія въ высшемъ научномъ образованіи какъ податного, такъ и крѣпостного молодого поко-

лѣнія. Ломоносовъ—первый, происшедшій изъ крестьянства, замѣчательный русскій естествоиспытатель, первый, послѣ Петра Великаго, проповѣдникъ естествознанія, реформаторъ народнаго міросозерцанія, Ломоносовъ, своимъ примѣромъ доказавшій способность и необходимость допущенія къ высшему научному образованію молодого, рабочаго, податного и крѣпостного поколѣнія,—первый защищалъ права русскаго крестьянства и мѣщанства на высшее образованіе: «во всѣхъ европейскихъ государствахъ, — писалъ онъ, — дозволено въ академіяхъ обучаться всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ людей, хотя тамъ и великое множество ученыхъ людей. А у насъ, въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи сей источникъ просвѣщенія и знаній запертъ: положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ (академическій) принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина, а лучше выписывать» [1]). И самъ Ломоносовъ, открывая въ академіи наукъ свои лекціи по физикѣ, съ производствомъ опытовъ, призывалъ всѣхъ равно слушать свои лекціи и смотрѣть на физическіе опыты. Онъ ревностно заботился о распространеніи физическихъ, химическихъ и астрономическихъ знаній во всѣхъ сословіяхъ народа, и въ словѣ о явленіи Венеры на солнцѣ въ началѣ 1744 года положительно требовалъ, чтобы физическія и астрономическія явленія объясняемы были, во-первыхъ, простому народу, во-вторыхъ—образованнымъ классамъ, людямъ, читающимъ книги [2]). Мысли Ломоносова раздѣляли потомъ и многіе другіе мыслящіе люди. По плану университета, выработанному училищною комиссіею въ прошломъ столѣтіи, въ университетъ допускались люди всѣхъ званій и состояній: «несвободные люди,—сказано тамъ,—также должны имѣть право быть въ университетѣ: симъ науки и ученье нимало не будутъ уничтожены, такъ какъ цари и князья не унижаются тѣмъ, что несвободные люди бываютъ вмѣстѣ съ ними въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе. Науки называются свободными для того, что всякому предоставлена свобода пріобрѣтать ихъ, а не для того, чтобы сіе право предоставлено было только людямъ свободнымъ. Исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низшаго состоянія пріобрѣтали себѣ науками безсмертную славу. Въ отечествѣ нашемъ стяжавшій оную Ломоносовъ служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ [3]). Были и благомыслящіе помѣщики, которые желали просвѣщенія простого народа. Напр., въ «послѣднемъ распоряженіи одного помѣщика своимъ имѣніемъ» (въ 1810 г.) находимъ такую задачу: «тому, кто удаляясь отъ образцовъ иноземныхъ, а постигнувъ истинный характеръ нужды и пользы нашего простого народа, учредитъ заведеніе «Институтъ», которое бы по опыту десяти лѣтъ по крайней мѣрѣ, хотя бы то въ самомъ маломъ кругѣ, сдѣлало наиболѣе вліянія на образованіе простого народа, образованіе притомъ наиболѣе соотвѣтствующее пользамъ нашего отечества, а сіе заведеніе дѣлалося бы образцомъ подражанія для другихъ, въ другихъ мѣстахъ имперіи — тому назначаю 15,000 рублей» [4]). Адм. Мордвиновъ также желалъ и правительству внушалъ идею, «чтобы въ разныхъ мѣстахъ завести общества, могущія споспѣшествовать распространенію въ народѣ знаній по

---

[1]) Сочин. Ломоносова 1847 г., т. I, стр. 775.
[2]) Сочин. Ломоносова 1803 г., ч. III, стр. 242—244.
[3]) Матер. для истор. народ. образов. Ж. М. Н. Просв. 1865 г., октябрь, стр. 58.
[4]) Чтен. общ. истор. 175.

части сельскаго хозяйства, съ обращеніемъ вниманія на сельскія орудія, зерна и домашнихъ животныхъ, по каждому роду оныхъ; чтобы усилить повсемѣстное распространеніе просвѣщенія размноженіемъ числа училищъ, заведеніемъ народныхъ книгохранилищъ, преподаваніемъ публичныхъ лекцій земледѣлія, механики, физики, химіи, минералогіи и металлургіи, яко наукъ, способствующихъ существенному просвѣщенію» [1]). Въ наше время вопросъ о серьезномъ научномъ просвѣщеніи всѣхъ сословій, день ото дня становится капитальнымъ, краеугольнымъ вопросомъ времени. Люди интеллектуальнаго класса, которымъ предстоитъ необходимость тѣснаго сближенія съ рабочимъ и производительнымъ народомъ, которые, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, неизбѣжно должны опереться не на сословныя привиллегіи, а на общее равноправное участіе въ образованіи всѣхъ классовъ, какъ только спустятся въ среду рабочаго народа, сейчасъ видятъ передъ собой первый вопросъ о необходимости основательнаго, серьознаго научно-интеллектуальнаго развитія молодыхъ рабочихъ поколѣній, или, какъ выражается самъ народъ, рабочаго молодяжника народнаго. И первый, насущный интересъ и вопросъ самого интеллектуальнаго класса состоитъ въ томъ, чтобы увеличить, усилить притокъ къ себѣ новыхъ, свѣжихъ, рабочихъ интеллектуальныхъ силъ изъ молодыхъ поколѣній массы, чтобы имѣть въ составѣ своемъ больше новыхъ Ломоносовыхъ. Земскія собранія не могутъ прочно существовать и развиваться безъ рѣшенія этого живо-трепещущаго вопроса о научно-интеллектуальномъ развитіи и образованіи молодыхъ поколѣній земства. И не даромъ они, почти въ каждую сессію, при каждомъ земскомъ вопросѣ, всякій разъ невольно и неизбѣжно наталкиваются на этотъ первый, существенный вопросъ нашего времени. Не даромъ въ наше время уже составлено было и нѣсколько проэктовъ и уставовъ Обществъ распространенія образованія въ простомъ народѣ. Таковъ наприм. находящійся у насъ подъ руками «проэктъ устава Пермскаго Общества распространенія грамотности и реальныхъ знаній», въ которомъ предполагалось преимущественное распространеніе реальныхъ знаній въ простомъ народѣ, учрежденіе для народа реальныхъ школъ, устройство учебныхъ фермъ, составленіе при школахъ библіотекъ для народнаго чтенія и содѣйствія устройству такихъ же частныхъ библіотекъ, учрежденіе особаго депо для продажи дѣльныхъ учебниковъ и руководствъ, для пріобрѣтенія и склада усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и разныхъ снарядовъ, полезныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и ремеслахъ» и проч. Таковъ же проэктъ устава Рязанскаго Общества распространенія грамотности и образованія въ народѣ, напечатанный въ журн. Мин. Народ. просвѣщ. за 1862 годъ. Въ этомъ проэктѣ, въ программѣ для сельскихъ училищъ, «объ умственномъ образованіи крестьянскихъ дѣтей», между прочимъ, сказано: «до изданія манифеста 19 февраля 1861 года, говоря о народныхъ школахъ, слишкомъ рѣдко считали нужнымъ сказать что-либо о необходимости развитія умственныхъ способностей въ крестьянскихъ дѣтяхъ. На основаніи тогдашнихъ отношеній помѣщичьихъ крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ, къ чиновникамъ, многіе, не шутя, полагали, что низшему классу нужно только безмолвное повиновеніе, безпрекословное исполненіе приказаній лицъ, надъ нимъ поставленныхъ; а думать, разсуждать, соображать за него обязаны были помѣщики, управляющіе, чиновники и проч. Но послѣ 19 февраля 1861 г. держаться этихъ

[1]) Мнѣніе адм. Мордвинова объ управл. государств. казначейств. въ Чтен. общ. истор., 84.

мыслей даже смѣшно. Каждый изъ крестьянъ можетъ быть волостнымъ старшиною, добросовѣстнымъ писаремъ своей волости и проч. А для того, чтобы управлять цѣлою волостью, которая часто заключаетъ въ себѣ до 4,000 лицъ обоего пола, быть судьею ихъ, вести правильный порядокъ въ дѣлахъ, касающихся всей волости, для всего этого, право, не менѣе нужно ума, какъ и для управленія городомъ съ 3.000—5.000 жителей. Скажутъ: «для занятія сельскихъ должностей нужно не много людей: зачѣмъ же и теперь всѣмъ крестьянамъ быть умными?» Затѣмъ, чтобы умѣть выбрать изъ среды своей умныхъ для себя начальниковъ. Извѣстно, что избиратели всѣхъ сословій большею частію избираютъ тѣхъ, которые, по русской пословицѣ, приходятся имъ по плечу; глупымъ, необразованнымъ, тупоумнымъ рѣдко понравится умный начальникъ. Кромѣ того, независимо отъ этихъ, такъ сказать, сословныхъ обстоятельствъ, крестьяне, получивши гражданскія права, должны вмѣстѣ съ тѣмъ получать и образованіе, необходимое для всякаго человѣка. Наконецъ, такъ какъ матери на домашнее воспитаніе дѣтей имѣютъ больше, вліянія, нежели отцы, особенно въ крестьянскомъ быту, гдѣ глава семейства въ цѣлый годъ часто проводитъ въ своемъ дому только нѣсколько недѣль: то необходимо обратить особенное вниманіе на умственное образованіе женскаго пола въ сельскомъ народонаселеніи. Такимъ образомъ развитіе умственныхъ способностей сдѣлалось необходимымъ для всѣхъ вообще крестьянъ и крестьянокъ: отъ этого зависитъ будущность государства, благосостояніе всѣхъ сословій, *все — все зависитъ*. Чему же должно учить деревенскихъ жителей? Тому же, въ чемъ полагаютъ общечеловѣческую образованность. Именно надобно стараться, чтобы и деревенскіе жители, своимъ собственнымъ умомъ здраво размышляли о тѣхъ предметахъ, которые входятъ въ кругъ ихъ дѣятельности, чтобы умѣли правильно говорить и писать на отечественномъ языкѣ, чтобы имѣли тѣ даже научныя свѣдѣнія, которыя должны быть болѣе или менѣе извѣстны всякому и наконецъ, чтобы и въ нихъ была пробуждена и развита любознательность, которая заставляетъ человѣка расширять свои познанія и по выходѣ изъ школы и проч. Дальше въ проектѣ этомъ предлагаются весьма разумные способы развитія въ простонародныхъ дѣтяхъ умственныхъ способностей и весьма раціональный обзоръ тѣхъ знаній, которыя слѣдуетъ сообщать въ народныхъ училищахъ, какъ наприм.: 1) познанія о животныхъ и растеніяхъ, преимущественно въ приложеніи къ сельскому быту; 2) познанія о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, съ опроверженіемъ народныхъ предразсудковъ; 3) познанія о земномъ шарѣ вообще, а также о русскомъ царствѣ; 4) ариѳметика, преимущественно съ упражненіемъ въ умственномъ вычисленіи и т. д. [1]). Да, пора понять, что оставленіе огромной массы молодыхъ поколѣній рабочаго народа безъ науки, безъ силы и жизни, безъ которой иногда не только умственно и нравственно, но и физически вымираютъ цѣлыя общества и государства,—лишеніе дѣтей, лишеніе цѣлыхъ поколѣній рабочаго народа науки—это варварство, умственное человѣкоубійство, общественная аномалія, историческій анахронизмъ. Надобно даже, и пора желать, пора видѣть, чтобы, наконецъ, и учеными, писателями и литераторами были не одни нынѣшніе, такъ сказать, цеховые или записные ученые, литераторы и сочинители, а и всѣ научно-развитые рабочіе

---

[1]) Журн. М. Н. Просвѣщ., ч. CXVIII, отд. VI, стр. 9—10.

люди—крестьяне, фабриканты, заводчики, ремесленники, купцы и проч. [1]). Надобно, чтобы наука и литература были дѣломъ всенародной мысли, общею всенародною умственною жизнью и дѣятельностью, выработывались общею мыслью всего рабочаго народа, почерпали матеріалъ, силы и выводы изъ лабораторіи народнаго рабочаго опыта и труда. Надобно, чтобы фабрики и заводы были въ то же время мастерскими теоретическаго образованія; поля, пашни, огороды, сады, скотные дворы и проч. были училищами раціональной агрономіи, земледѣльческой химіи и механики, ботаники, зоологіи, раціональнаго скотоводства и проч. Надобно, чтобы и крестьяне, фабричные и заводскіе рабочіе, каждый въ сферѣ своихъ работъ, были физиками, математиками, химиками, технологами, механиками и проч., разработывали и научные вопросы, открывали и новыя теоріи и изобрѣтенія, и писали научныя статьи и изслѣдованія и т. п. Тогда только наука и жизнь, знаніе и трудъ, практика и теорія пойдутъ рука объ руку. И наука не будетъ тогда отвлеченностью отъ жизни, а будетъ живою, руководящею силою, разумомъ все-народной мысли и работы; совокупными интеллектуальными силами научно-рабочихъ поколѣній наука станетъ быстро обогащаться новыми истинами, новыми открытіями и изобрѣтеніями. И научно-рабочій, интеллектуальный классъ не будетъ кастовымъ, цеховымъ, отрѣшеннымъ отъ народа меньшинствомъ, а будетъ всенародной интеллигенціей, всестороннимъ, цѣльнымъ интеллектуальнымъ классомъ, думающей и работающей головой общественнаго организма. И, наконецъ, литература тоже не будетъ отрѣшеннымъ отъ народа писательствомъ, а будетъ дѣломъ всенародной мысли, органомъ народнаго мышленія, знанія, опыта и труда, будетъ живымъ ключемъ народной мысли и жизни. Но все это теперь еще pia desideria. Да и всѣ проекты о народномъ образованіи безъ осуществленія не значатъ ничего. Поэтому, надобно трубить и трубить, твердить и твердить въ литературѣ о возбужденіи иниціативы и дѣятельной энергіи общества къ осуществленію этихъ проектовъ. Улыбку и сомнѣніе встрѣтимъ мы во многихъ, но все-таки не можемъ не высказать снова высказанной уже нами отчасти мысли. Намъ кажется, представителямъ рабочаго народа и народной промышленной работы — богатымъ фабрикантамъ, заводчикамъ, купцамъ, землевладѣльцамъ и вообще промышленникамъ-капиталистамъ, въ соединеніи съ людьми научно-рабочаго, интеллектуальнаго класса, предстоитъ высокое призваніе и даже обязанность взять на себя иниціативу или матеріальное обезпеченіе и устройство научнаго, умственнаго развитія и просвѣщенія молодыхъ поколѣній рабочаго народа, составить, напримѣръ, общество матеріальнаго содѣйствія народному ученью и, въ частности, высшему научному образованію народныхъ талантовъ—такъ называемыхъ самородковъ. Пора нашимъ богачамъ, капиталистамъ-фабрикантамъ, землевладѣльцамъ, купцамъ и вообще промышленникамъ,—пора имъ понять, что высшая разумно-человѣческая цѣль промышленной работы, послѣ удовлетворенія необходимыхъ и благоразумныхъ потребностей матеріальнаго благосостоянія, есть интеллектуальное совершенствованіе рабочаго, промышленнаго народа, осмысленная и поставленная въ лучшія условія его жизнь. Пора имъ понять это, и искать своихъ прямыхъ выгодъ не въ эксплуатаціи и невѣжествѣ низшихъ классовъ, а въ умственномъ всестороннемъ ихъ развитіи. Пора имъ сознать, что и самыя операціи ихъ промышленныхъ работъ требуютъ научныхъ знаній, открытій, изобрѣтеній; а возможность всѣхъ этихъ могучихъ

[1]) Эти и дальнѣйшія мысли не будутъ казаться странными, если читатель прочтетъ слѣдующія страницы нашего историческаго изложенія.

средствъ и условій индустріальнаго прогресса заключается въ развитіи творческихъ силъ народныхъ талантовъ, въ научномъ развитіи и просвѣщеніи народнаго ума. Наконецъ, всѣмъ надобно сказать, что скорѣйшее увеличеніе въ составѣ университетски-образующагося класса поколѣнія рабочаго, молодяжника народнаго, дѣтей рабочаго народа необходимо и въ интересахъ самаго дѣла всенароднаго, земскаго просвѣщенія. Доселѣ въ университетскомъ образованномъ нашемъ классѣ, какъ мы видѣли, преобладало дворянское поколѣніе, такъ что, напр., изъ 1.800 воспитанниковъ, вышедшихъ изъ московскаго университета въ 1755—1762 г. было 1.500 дворянъ и только 300 разночинцевъ, въ кіевскомъ университетѣ процентное отношеніе между студентами изъ податныхъ и студентами не платящихъ податей состояній было самое неблагопріятное какъ 1:30, или въ 1837 и 1838 гг. дворянъ было 235, тогда какъ дѣтей податного, рабочаго класса было только 7, а крѣпостныхъ и вовсе не было. Домашнее дворянское воспитаніе до того вкореняло въ дѣтяхъ дворянъ чувство своего сословнаго достоинства, происхожденія и привиллегированнаго положенія, что во всѣхъ университетахъ между студентами до позднѣйшаго времени господствовало почти враждебное, взаимно-непріязненное, смѣшное и вредное дѣленіе на студентовъ-*аристократовъ* и студентовъ-*демократовъ*, изъ которыхъ первые поставляли существенное отличіе своей природы въ покроѣ платья, головной прическѣ и ломаныхъ французскихъ фразахъ и всегда относились свысока къ товарищамъ изъ низшихъ рядовъ, а вторые, нарочно изъ противодѣйствія, старались отличаться грубостью и цинизмомъ въ обращеніи [1]). Слѣдовательно, и по выходѣ изъ университета, въ наибольшей части интеллектуальнаго класса, состоявшаго изъ дворянства, такой дворянскій взглядъ и даже внутренній, кровный антагонизмъ къ низшимъ рабочимъ классамъ преобладалъ, да и до нынѣ еще очень и очень проглядываетъ. И, быть можетъ, въ этомъ-то и заключается одна изъ причинъ, почему интеллектуальный классъ нашъ всегда былъ какъ-то почти равнодушенъ къ вопросу объ образованіи простого, рабочаго народа, мало и рѣдко задавался этимъ вопросомъ, а прежде, во время учрежденія университетовъ и гимназій, образованный дворянскій классъ настаивалъ даже, какъ мы видѣли, на устраненіи отъ университетскаго образованія людей податного и особенно крѣпостного состояній. Не сынъ дворянскій, а сынъ крестьянскій—Ломоносовъ первый сталъ защищать право крестьянства и мѣщанства на высшее университетское образованіе, а мѣщанинъ Кольцовъ первый въ пѣсняхъ своихъ внесъ въ литературу нашу грустное, элегическое напоминанье о грусти-тоскѣ молодцевъ крестьянскихъ, мучившихся отъ избытка и безпросторья, отъ сдержанности кипучей энергіи и на волю порывавшихся силъ. Слѣдовательно, въ настоящее время, вопросъ о высшемъ научномъ образованіи, о высшемъ интеллектуальномъ развитіи всѣхъ молодыхъ поколѣній, всего молодяжника простого, рабочаго народа тогда только будетъ живо и горячо разрѣшаться, когда въ интеллектуальномъ классѣ будетъ больше умственно-рабочихъ и научно-мыслящихъ людей изъ простого, рабочаго народа. Въ дворянскомъ сословіи, хотя бы то и въ людяхъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, далеко не бьется такъ живо пульсъ крови народной, далеко не горяча такъ симпатія къ простому, рабочему народу, далеко не сродно такъ чутье и пониманіе интересовъ и потребностей рабочаго народа, — какъ все

[1]) Истор. универс. св. Владиміра, стр. 201.

это присуще, кровно и сродно сердцу Ломоносовыхъ и вообще научно-рабочихъ выходцевъ изъ простого народа, научно-рабочихъ представителей низшаго рабочаго класса. Кто изъ воспитанниковъ университетовъ или академій произошелъ изъ низшихъ, рабочихъ классовъ народа,—тотъ чувствуетъ еще это въ себѣ.

Обратимся опять къ самому рабочему народу, и посмотримъ, развивались ли въ немъ умственныя способности во время вѣкового исключительнаго занятія промышленной работой, и потомъ—какія способности въ немъ развивались по преимуществу. Какъ ни отдаляемъ былъ рабочій народъ отъ высшаго интеллектуальнаго саморазвитія, во имя своихъ насущныхъ интересовъ и потребностей, всетаки эта вѣковая работа не убивала въ немъ природныхъ способностей къ высшему научно-интеллектуальному развитію. Если же онъ отказывался отъ труда умственнаго самообразованія, во имя своихъ промышленныхъ работъ, то надо и ту правду сказать, что и самая система образованія, какая предлагалась рабочему народу, не сообразовалась ни съ его матеріальными средствами, ни съ его умонастроеніемъ, и не соотвѣтствовала его дѣйствительнымъ умственнымъ потребностямъ. Послѣ вѣковой борьбы русскаго народа за право существованія, за насущный кусокъ хлѣба, въ рабочемъ классѣ было убито всякое стремленіе къ умственному развитію, къ интеллектуальной работѣ, и потому необходимо было возбудить въ немъ эти заглохшія умственныя силы и направить ихъ къ дѣятельности. А этого ничего не дѣлалось для народа. Напротивъ, въ самую эпоху умственно-образовательной реформы Петра I, онъ еще болѣе обремененъ былъ работой, а во-вторыхъ, и въ самыхъ народныхъ школахъ, которыя потомъ кое-гдѣ и кое-какъ устраивались, въ школахъ казенныхъ и барщинныхъ, большею частію приказно-схоластическихъ, отвлеченныхъ отъ живыхъ вопросовъ жизни, деспотически-регламентарныхъ, много было отталкивающаго отъ умственнаго труда, который притомъ оказывался, по выходѣ изъ школы, безплоднымъ и безполезнымъ. Между тѣмъ, въ силу самой исторической логики, вслѣдствіе вѣкового преобладающаго развитія и умноженія въ Россіи рабочаго народа, и возложенной на него всей тяжести экономическаго труда, отъ котораго зависѣла матеріальная жизнь, сила и судьба всей Россіи,—необходимо слѣдовало, чтобы признанная со времени Петра великаго необходимой для истиннаго прогресса Россіи интеллектуальная дѣятельность принадлежала всему народу. Это тѣмъ болѣе необходимо было, что народъ русскій и въ умственномъ отношеніи не даромъ былъ по преимуществу народъ рабочій, не даромъ онъ цѣлые вѣка занимался исключительно промысломъ и развѣдываніемъ своей обширной земли. Эта неустанная и напряженная работа развивала въ немъ энергію и умъ. Несмотря на большую примѣсь многихъ невыгодныхъ восточно-азіятскихъ умственныхъ качествъ въ интеллектуальномъ складѣ русскаго народа, — вѣковая работа — эта практическая школа ученья и знанія, по сознанію даже западно-европейскихъ писателей, выработывала въ нашемъ простомъ, рабочемъ народѣ весьма счастливый складъ умственныхъ способностей. Во-первыхъ, вѣковое упражненіе народа въ промышленной работѣ развивало въ немъ практическій, дѣловой умъ. Какъ ни бѣденъ былъ вообще русскій народъ, при отсутствіи научнаго, физико-экономическаго образованія, но все-таки низшій классъ въ Россіи, благодаря постоянной борьбѣ съ дикой и неподатливой природой, - борьбѣ, которая не дала совершенно заглохнуть его умственнымъ способностямъ, сумѣлъ поставить себя въ матеріальномъ положеніи, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ, нисколько не ниже, а даже выше многихъ европейскихъ низшихъ

классовъ. Юрій Крыжаничъ, какъ видно, весьма хорошо знавшій тогдашнее экономическое состояніе низшихъ классовъ западной Европы, и нисколько не любившій льстить русскому народу, напротивъ, рѣзко порицавшій его умственную отсталость отъ европейскихъ народовъ,— Юрій Крыжаничъ такъ писалъ объ экономическомъ превосходствѣ низшихъ классовъ въ Россіи по сравненію съ низшими классами въ Европѣ: «и то на память возьмемъ, хотя въ богатыхъ земляхъ достаточные люди угоднѣе и обильнѣе живутъ, нежели на Руси; при всемъ томъ, однакожъ, крестьяне и бѣдные граждане, которые кормятся ремесломъ и рукодѣльемъ, на Руси гораздо лучше и угоднѣе живутъ, нежели въ другихъ пребогатыхъ земляхъ. Ибо тамъ земля во многихъ мѣстахъ занята виноградами, разными овощами, красильными веществами, рудами и другими подобными вещами. А земледѣльцы тамошніе и рабочіе люди, которые занимаются около тѣхъ вещей, а хлѣба не сѣютъ, вообще круто бѣдно, нужно живутъ. Во весь годъ ничего другого, кромѣ чистой воды, не пьютъ; вино, какое работою добудутъ изъ виноградовъ, все продадутъ, а хлѣба ѣдятъ весьма скудно, а объ квасѣ и слуху не знаютъ. А нѣкоторые ѣдятъ хлѣбъ изъ костапьевъ, изъ сырка и турецкой пшеницы и изъ иныхъ подобныхъ произведеній, каковой хлѣбъ сподобнѣе къ землѣ, нежели къ настоящему хлѣбу. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большія державы состоятъ изъ однихъ горъ и каменья, и хлѣба не производятъ, и люди ѣдятъ прехудой хлѣбъ и то по малу, какъ у нѣмцевъ швейцарская, тирольская, зальцбургская и иныя земли. А на Руси, по Божіей милости, всѣ люди, какъ самые богатые, такъ и самые бѣдные, ѣдятъ хлѣбъ ржаной, и рыбу, и мясо, и тѣ, кто не имѣетъ пива, пьютъ, по крайней мѣрѣ, квасъ. Поэтому, житье крестьянъ и бѣдныхъ рабочихъ людей на Руси гораздо лучше, чѣмъ во многихъ мѣстахъ греческой, испанской и другихъ подобныхъ земель, въ которыхъ въ иныхъ мѣстахъ мясо, а въ другихъ рыба чрезмѣрно дорога, а дрова на вѣсъ покупаются, и люди, живучи въ тѣхъ теплыхъ земляхъ, въ зимнее время больше терпятъ морозу, нежели терпятъ его русскіе жители. Ибо тамъ безъ печей и безъ огня спятъ въ студеныхъ домахъ, а здѣсь живутъ въ топленыхъ избахъ» [1]). И дѣйствительно, вѣковое практическое упражненіе и преобладаніе въ народѣ промысловыхъ инстинктовъ развило въ немъ особенный практическій умъ, умѣнье наживаться, среди не совсѣмъ благопріятной физической и политической среды, даже при отсутствіи раціональныхъ экономическихъ началъ. Какъ быстро умѣлъ нашъ народъ наживаться или достаточно обезпечивать себя посредствомъ работы, можно судить по тому, напримѣръ, факту, что въ началѣ XVII вѣка, въ смутное время, послѣ бывшаго неурожая и голода, послѣ опустошительной моровой язвы, междоусобій и грабежей польскихъ и литовскихъ людей, онъ пришелъ въ крайнее разореніе и обѣднѣніе [2]), а въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, лѣтъ въ 20 послѣ смутнаго времени, онъ уже снова поправился, или, по выраженію актовъ, «во всѣхъ своихъ животахъ наполнился гораздо». Такъ, въ статейномъ спискѣ земскаго собора 1634 года сказано объ экономическомъ состояніи русскаго народа вскорѣ послѣ смутнаго времени: «Коли было въ прошлыхъ годахъ Московское государство отъ польскихъ людей въ великомъ разореньи, а послѣ того разоренья денегъ въ казнѣ нисколько не было,

1) Раздѣлъ 10—объ народномъ счастьи нашемъ, стр. 86—87.

2) См. окружн. грам. 1619 г. А. А. Э. III. № 105. Множество челобитныхъ о тогдашнемъ разореніи. Напримѣръ. А. А. Э. III, № 14, 22 и 75. IV, № 69.

и ратнымъ людямъ для избавы христіанской со всей земли Московскаго государства были денежные поборы — съ пожитковъ и промысловъ пятая деньга, и въ то время денежной казны передъ нынѣшнимъ собрано было многимъ больше, а люди были передъ нынѣшнимъ во всѣхъ своихъ животахъ и промыслахъ нынѣшняго гораздо труднѣе; а нынѣ, по милости Божіей, Московское государство въ тишинѣ и въ покоѣ было многое время, *и передъ прежнимъ во всѣхъ своихъ животахъ люди пополнилися гораздо»* [1]). Что мѣшало русскому народу быть всегда богатымъ или вполнѣ зажиточнымъ во всѣхъ своихъ животахъ и промыслахъ,—это мы дальше увидимъ, когда будемъ говорить объ экономическихъ условіяхъ его интеллектуальнаго развитія. Здѣсь же хотимъ сказать только то, что вслѣдствіе вѣкового исключительнаго упражненія въ промышленной работѣ, народъ нашъ не лишенъ былъ природныхъ пріобрѣтательныхъ умственныхъ способностей, непосредственно натуральнаго, практическаго ума. Олеарій, сказавши о научной образованности русскаго народа, дальше замѣчаетъ объ его умственныхъ способностяхъ: «что касается до умственнаго развитія русскихъ и его направленія, то они съ удивительною смѣтливостью соединяютъ необыкновенную хитрость... Смѣтливость и хитрость русскихъ особенно проявляется въ торговлѣ, въ которой они очень хорошо понимаютъ, какъ что повыгоднѣе купить и продать. Потому для веденія торговыхъ дѣлъ требуется у нихъ большого ума и благоразумія; безъ этихъ способностей лучше не приниматься за нихъ... Купцы и ремесленники наживаютъ деньги для пропитанія единственно своими работами. Ремесленники обыкновенно добываютъ себѣ пропитаніе и чарку водки трудами рукъ своихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кормятъ свои семейства. Всѣ они вообще прилежны, вѣрны и скоро перенимаютъ все, что ни увидятъ у нѣмецкихъ ремесленниковъ: въ нѣсколько лѣтъ они переняли отъ нихъ много такого, чего раньше совсѣмъ не знали и не слыхали» [2]). Въ первой половинѣ XVIII вѣка Манштейнъ утверждалъ даже, что въ простомъ русскомъ народѣ онъ всегда находилъ болѣе разума и разсудка, нежели въ прочихъ европейскихъ низшихъ классахъ, и вообще лестно отзывался о природныхъ дарованіяхъ русскаго народа: «Въ заключеніе своихъ записокъ,—говоритъ онъ,—присовокуплю я нѣсколько мыслей о природныхъ дарованіяхъ русскаго народа вообще. Многіе писатели прежде говорили, будто русскіе до царствованія Петра I погружены были въ крайнее безсмысліе, и будто не различались почти отъ безсловесныхъ скотовъ. Но это совершенная ложь и удобно можно доказать противное тому. Желающіе знать объ этомъ безъ предубѣжденія и имѣть самое справедливое понятіе, могутъ прочитать только исторію XVII столѣтія, когда честолюбіе Годунова и хитрости поляковъ раздѣлили русскій народъ на разныя стороны и довели Русское государство почти до самаго паденія. Шведы овладѣли Новгородомъ, а поляки—Москвою, столицею имперіи. Но несмотря на такія несчастія, русскіе съумѣли ловкими, умными своими дѣйствіями избавиться отъ силы двухъ столь страшныхъ непріятелей, каковы были тогда шведы и поляки. Менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ, возвратили они всѣ отнятыя у нихъ въ смутное время области, безъ всякаго содѣйствія, не имѣя тогда никакого министра, ни военачальника изъ иностранцевъ, который бы управлялъ государственными или военными дѣлами. Разсуждая объ этихъ происшествіяхъ, безспорно, должно со-

[1]) А. А. Э. III, № 242, стр. 368—369.
[2]) Олеарій. Арх. 1859. Кн. III, стр. 27—28, 53.

гласиться, что предпріятія такой важности никогда не могли быть ни разсчитанно обдуманы, ни приведены въ исполненіе людьми совершенно неразвитыми. Вообще, русскіе не имѣютъ недостатка въ разсудкѣ (Verstand). Старанія Петра I объ образованіи своего народа никогда не простирались до мѣщанства или до крестьянства; однако, если спросить о чемъ-нибудь кого-либо изъ людей этого состоянія, то почти всегда можно найти въ нихъ здравый разсудокъ и всю необходимую способность сужденія. Обо всѣхъ вещахъ, не касающихся его предразсудковъ, вкорененныхъ въ него съ дѣтства, простой русскій народъ судитъ здраво. Онъ отвѣчаетъ съ умомъ и обладаетъ большою способностью къ пониманію всего, что ему представляютъ; выдумываетъ и изобрѣтаетъ весьма удобные способы къ осуществленію своихъ предпріятій, и съ большою способностью и остроуміемъ пользуется лучшими случаями для достиженія своихъ цѣлей. Вообще, можно утвердительно сказать, что русскіе крестьяне или мѣщане всегда больше обнаруживаютъ ума и разсудка, чѣмъ можно найти эти способности вообще въ людяхъ этого состоянія въ прочихъ европейскихъ земляхъ. Но какъ безъ знанія русскаго языка нельзя дѣлать никакихъ розысканій въ этомъ родѣ, и какъ иностранцы не хотятъ принять труда учиться ему, то отъ этого и произошли смѣшныя сказки о русскомъ народѣ, который, съ своей стороны, также весьма много питаетъ грубаго презрѣнія къ самимъ иностранцамъ и ко всему, что имѣетъ видъ чужестранный. Присовокупимъ къ этому еще и то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія образъ поведенія и нравы русскаго народа совершенно различались отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ, и что онъ вовсе не зналъ никакихъ правилъ благопристойности» [1]).

Далѣе, народъ русскій не даромъ былъ по преимуществу рабочимъ народомъ. Вѣковая мускульная работа его, вслѣдствіе самой физической среды и естественной реальности, обусловливала натурально-практическій, естественно-реальный умственный складъ народа, воспитывала и развивала въ немъ, такъ сказать, натуральное умонастроеніе, естественно вела и предназначала его къ реальному, естественно-научному умственному развитію. Таково самое физическое, реальное значеніе всей его вѣковой работы Если естественныя науки демократичны, какъ утверждаютъ европейскіе мыслители, то, съ другой стороны, мы можемъ положительно сказать, что стремленія народа рабочаго—естественно-научны. Таковы особенно работы крестьянскія, ремесленныя, мануфактурныя, фабрично-заводскія, работы, неизбѣжно сопряженныя съ развитіемъ реальнаго, точнаго и положительнаго взгляда на значеніе, свойства и силы естественныхъ дѣятелей природы. Таковы особенно всѣ работы земледѣльческія, физико-механическія, химическія, техническія, работы на фабрикахъ и заводахъ, обработывающихъ продукты минеральные, растительные и животные, работы на заводахъ химическихъ, механическихъ или машинныхъ и т. п., работы архитектурныя или строительныя, столярныя, слесарныя, кузнечныя и т. п., при которыхъ также неизбѣжно невольное, инстинктивное ознакомленіе съ общими свойствами тѣлъ и силами физическими. Словомъ, работа и естествознаніе, разные виды работъ и разныя отрасли естественныхъ наукъ суть неразрывныя человѣческія занятія, самыя ближайшія другъ къ другу сферы человѣческой дѣятельности. Поэтому, вѣковое, физически и исторически обусловленное преимущественное развитіе и преобладаніе въ Россіи рабочаго народа есть, по

[1]) Mannstein, Histor., polit. und militär. Nachrichten von Russland 1727- 1744. Leipzig. 1771, s. 582—584.

нашему мнѣнію, прямой естественно-историческій путь къ естественно-интеллектуа: ному развитію русскаго народа. На слѣдующихъ страницахъ, когда мы буд говорить объ историческомъ значеніи преимущественнаго развитія въ простомъ ; бочемъ народѣ познавательной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ,— мы подроб разовьемъ и докажемъ эту мысль. Здѣсь же скажемъ только, что и въ древ Россіи, какъ ни мало была развита интеллигенція народа, работа все же в его къ кое-какимъ знаніямъ, а именно къ знаніямъ физико-эмпирическимъ, ес ственнымъ, реальнымъ. Такъ вѣковая колонизаціонная дѣятельность, землеустр тельная работа народа, на пути его физико-географическаго самораспростране привела къ неизбѣжной разработкѣ географическихъ знаній и, наконецъ, къ « ставленію «книги большаго чертежа» и «чертежа сибирской земли» [1]). Колоні и воздѣлывая землю преимущественно по берегамъ рѣкъ, рабочій народъ невол присматривался и къ геологическимъ дѣйствіямъ рѣкъ, къ постепеннымъ измѣ ніямъ материка русской земли, и имѣлъ понятіе о паносныхъ и «промывных формаціяхъ и измѣненіяхъ почвы, о вновь образующихся, подъ вліяніемъ р ныхъ наносовъ, материкахъ или почвахъ, называя ихъ *«наволоками, при дами, новоприсадными и новоприсыпными песками и землями, чт присадило рѣкою вновь* и т. п. [2]). Въ частности, служилые, торговые промышленные рабочіе люди, неутомимо работая въ борьбѣ съ сибирс природой, прежде натуралиста Миддендорфа, открыли и разузнали такія по зительныя явленія сибирской природы, какъ горящія или огнедышащія го (Feuerbrennende Berge), напримѣръ, на рѣкѣ Хатангѣ, на Таймырѣ и т. п., брали въ нихъ сѣру и нашатырь [3]). Простые рабочіе—посадскіе и промышлен люди открывали и познавали металлическія руды, слюду, жемчугъ, хрусталь, сѣ драгоцѣнные минералы и проч., самоучкой производили опыты обработки мет ловъ, и при этомъ невольно, хоть поверхностно, да знакомились съ физическ свойствами тѣлъ и т. п. [4]). Эти непосредственно-рабочіе опыты минералогическ изысканій и открытій русскихъ промышленниковъ продолжались и до позднѣйш времени. Напримѣръ, въ 1792 г. колыванскій купецъ Верхотуровъ въ проше на высочайшее имя писалъ: «по собственной моей склонности и расположен употребляя довольныя старанія и прилежаніе, имѣлъ счастіе въ предмѣстіи Кол ванской губерніи Красноярскаго уѣзда по теченію рѣки Бѣлаго Іюса, въ 1 верстахъ отъ р. Енисея, изобрѣсть мѣсто, гдѣ по признакамъ и на первый слу небольшой шурфами разработкѣ открыты мною металлическія руды, которыя свойству и виду надежно имѣютъ хорошее содержаніе мѣди, по примѣчанію моему заключаются и простираніе имѣютъ между каменныхъ породъ жилою проч. [5]). Точно также простой кузнецъ Демидовъ, сбѣжавшій изъ вѣдомства пу карскаго приказа, явился первымъ основателемъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заво на Уралѣ, и такимъ образомъ самоучкой, путемъ промысловаго металлическ производства, вырабатывалъ свои металлургическія знанія и распространялъ к

[1]) О географич. свѣдѣніяхъ въ древн. Россіи: Записк. географич. общ. кн. V стр. 1-264.

[2]) Ак. относ. до юрид. б. I, № 65. А. И. I, № 248.

[3]) Beiträg. zur Kenntn. d. Russ. Reich Bd. XI, s. 516—517. Сборн. указовъ мангазе канцеляріи 1720—1729.

[4]) Дополн. V, №№ 9, 10 и 25. Доп. VI, №№ 24, 96 и 135. Доп. VII, №№ 10, 43 и и мн. др.

[5]) Дѣло красноярскаго губерн. архива 1792 г., № 68.

между рабочими [1]). Далѣе, торговая предпріимчивость и дѣятельность русскихъ рабочихъ людей также вела къ пріобрѣтенію кое-какихъ реальныхъ знаній, къ расширенію физико-географическаго кругозора. Такъ, напримѣръ, около 1470 г. одинъ тверской купецъ, Афанасій Никитинъ, вмѣстѣ съ другими 6 москвичами и 5 тверичами, по торговымъ дѣламъ былъ въ Индіи, почти за тридцать лѣтъ до прибытія туда знаменитаго португальца Васко-де-Гамы, и во время торговаго путешествія своего пріобрѣлъ и распространилъ въ древней Руси, хотя краткія, поверхностныя, но все-таки по тогдашнему времени весьма любопытныя физико-географическія познанія, напримѣръ, о естественной производительности Индіи, о растеніяхъ, животныхъ и, въ частности, объ обезьянахъ и «черныхъ людяхъ», о жаркомъ климатѣ Индіи и другихъ центрально-азіятскихъ земель, о минералогическихъ и растительныхъ произведеніяхъ, неизвѣстныхъ и неслыханныхъ тогда на Руси и проч. [2]). Простые, торговые и промышленные русскіе люди и казаки, въ родѣ Стадухина, Булдакова, Дежнева, якутскихъ купцовъ Шалаурова и Ляхова, купца-промышленника Шелехова, мѣщанина Санникова и множества другихъ, съ неимовѣрными богатырскими подвигами, страданіями и самоотверженіемъ, путемъ неутомимо-энергическаго и неустрашимо-богатырскаго рабоче-промышленнаго мореплаванія, ознаменовались замѣчательными географическими открытіями на Ледовитомъ океанѣ и Беринговомъ проливѣ до Америки, первые проложили дорогу ученымъ географическимъ экспедиціямъ Беринга, Стеллера, Прончищева, Овцына, Ласиніуса, Лаптева, Геденштрома, Биллингса, Кука и Врангеля. Въ частности, напримѣръ, Дежневъ за 80 лѣтъ до Беринга, по словамъ Врангеля, первый прошелъ чрезъ Беринговъ проливъ; «самоучки — географы», какъ выражается тоже Врангель, въ родѣ якутскаго купца Шалаурова, обезсмертившаго себя «рѣдкимъ примѣромъ предпріимчивости и самоотверженія», — первые намѣтили географическія карты сѣверо-восточныхъ береговъ и острововъ Ледовитаго океана, производили даже магнитныя наблюденія и проч. И какъ знаменитый натуралистъ Палласъ оцѣнилъ и издалъ, какъ важное для науки географическое пріобрѣтеніе, описаніе путешествія Шелехова изъ Охотска въ Америку и путевой дневникъ казака И. Кобелева [3]), — такъ и знаменитый полярный путешественникъ Врангель воздалъ всю должную цѣну географическимъ открытіямъ всѣхъ самоучекъ-географовъ — мѣщанъ, купцовъ и казаковъ [4]). Точно также работы полевыя, земледѣльческія,

[1]) Mannstein. Nachricht. von Russland. 541.

[2]) Зап. Географ. Общ. 1852 г., кн. VI, стр. 214—222.

[3]) Schelechof's, Reise von Otchotsk nach Amerika 1783—1787: Neue Nordisch. Beiträg. Pallas Bd. VI, s. 167—249. Тамъ же. Bd. IV, s. 105—111: Tagebuch des kosakes Iwan Kobelef. См. также Neue Nord. Beitr. Bd. IV, s. 112—162, и Bd. I, s. 231—313.

[4]) Путешествіе Врангеля ч. I, стр. 1—147; историч. обозр. путеш. по Ледовитому океану. Желательно было бы даже, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ писателей, мастеръ составлять книги или статьи для простонароднаго чтенія и для дѣтей, воспользовавшись богатымъ матеріаломъ исторіографа Миллера, Палласа, Врангеля и др., живописно, теплосердечно описалъ богатырскіе подвиги и открытія всѣхъ нашихъ знаменитыхъ простонародныхъ полярныхъ мореплавателей, въ родѣ Дежнева, Булдакова съ товарищами, Шалаурова, Ляхова и множества другихъ, съ присовокупленіемъ (по описаніямъ Врангеля и др.) живописной, — иллюстрированной — естественной исторіи или физической географіи Ледовитаго моря, его торасовъ, морскихъ животныхъ, мамонтовъ и ихъ геологической эпохи и проч., а также съ присовокупленіемъ живописной (съ рисунками) этнографіи или описанія береговыхъ жителей — Чукчей, Юкагировъ, Коряковъ, Якутовъ, Камчадаловъ, Колошъ, Креоловъ и проч. Если для дѣтей и простонародныхъ молодыхъ грамотниковъ полезны разсказы о Ломоносовѣ, Кулибинѣ, Кольцовѣ и т. п., — то не менѣе полезны будутъ эти разсказы о простонародныхъ полярныхъ богатыряхъ — мореплавателяхъ: они дѣйство-

вращавшіяся всегда въ сферѣ растительнаго царства природы, повели къ зачаткамъ ботаническихъ знаній, къ познанію характеристическихъ признаковъ и полезныхъ свойствъ растеній, къ познанію многихъ съѣдобныхъ дикихъ растеній, къ составленію травниковъ. Въ XVII в. «знающіе люди» изучали флору Сибирскую, испытывали свойства сибирскихъ растеній, изучали ихъ географическое распространеніе, описывали ихъ и составляли травники [1]). «Важность рукописей, извѣстныхъ въ нашемъ народѣ подъ именемъ травниковъ, — замѣчаетъ Калачевъ, — признается самими медиками» [2]). Сюда же должно отнести добытыя народомъ свѣдѣнія о многихъ лекарственныхъ и съѣдобныхъ дикихъ растеніяхъ, которыхъ, наприм., въ Воронежской губерніи Тарачковъ, преподаватель естественныхъ наукъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, описалъ до 65 [3]). Простой, рабочій народъ нашъ разузналъ и отыскалъ въ природѣ множество съѣдобныхъ дикихъ растеній, и эти простонародныя свѣдѣнія такъ важны, что даже знаменитый натуралистъ Миддендорфъ сначала пользовался ими при изученіи и описаніи питательныхъ растеній на крайнемъ сѣверѣ Сибири, какъ, наприм., при описаніи мясистыхъ корневищъ и т. п. [4]). Практическое, промышленное усвоеніе зоологическихъ знаній также предшествовало теоретической разработкѣ зоологіи. Рабочіе люди, звѣропромышленники и рыбопромышленники задолго напередъ до зоологическихъ изслѣдованій и работъ Палласа, Лепехина, Озерецковскаго и другихъ, выработали элементарныя знанія по части русской зоологіи. Архангельскіе, поморскіе промышленники въ этомъ отношеніи стоятъ во главѣ практической разработки зоологическихъ знаній. Знаніями ихъ пользовался даже и академикъ Лепехинъ. Таковъ, наприм., «Опытъ естественно-историческій о морскихъ звѣряхъ и рыбахъ, промышляемыхъ архангело-городской губерніи жителями въ Бѣломъ морѣ, Сѣверномъ и Ледовитомъ океанѣ, съ описаніемъ образа тѣхъ промысловъ» — опытъ, составленный (въ 1772 г.) архангелогородскимъ купцомъ А. Фоминымъ, на основаніи свѣдѣній промышленниковъ. Это — опытъ сѣверно-морской фауны или зоологіи. Авторъ, купецъ, въ предисловіи скромно говоритъ о своемъ трудѣ и объ источникахъ, изъ какихъ онъ почерпалъ зоологическія свѣдѣнія: «сіе описаніе хотя къ моему дѣлу и не весьма принадлежитъ, но оно показываетъ безсмѣтность твореній, въ одной части океана обитающихъ. Изъ упоминаемыхъ здѣсь морскихъ жителей нѣкоторые подлежатъ къ настоящему описанію, по поводу ихъ промысловъ, производимыхъ Архангелогородской губерніи жителями въ Бѣломъ морѣ, въ Сѣверномъ и Ледовитомъ океанѣ, около Шпицбергена, Новой земли и лежащихъ между ними мѣстахъ. Весьма бы приличествовало здѣсь изобразить естественную исторію ихъ въ совершенномъ видѣ, которая бы достойна была любопытства для большой части моихъ соотечественниковъ. Но честь сочиненія такого естествословія предоставлена мужамъ ученымъ, познаніе сіе расширяющимъ. Чтожь до меня пра-

вали бы возбудительно на развитіе умственной энергіи дѣтей, особенно простонародныхъ, а присоединенныя при нихъ живописныя естественно-историческія и этнографическія описанія и картины полезны были бы и для познавательныхъ способностей дѣтей. — эти былины, или этотъ драматическій эпосъ народнаго рабочаго богатырства, предпріимчивости, ума, открытій, самоотверженія и проч. былъ бы даже гораздо поучительнѣе всякихъ разсказовъ о Робинзонахъ и т. п.

[1]) Доп. VI, №№ 117 и 127; VII, № 70. См. „Травникъ Сибирскій XVII в. въ Доп. VI, стр. 361—364.

[2]) Травникъ, издан. Калачевымъ въ Арх. 1858 г. кн. I, отд. V, стр. 76—83.

[3]) Воронеж. губ. стр. 82—86.

[4]) Миддендорфа. Путешествіе по Сибири, ч. I, отд. IV, стр. 666—669.

надлежитъ, то долженъ признаться, что я не приготовленъ шествовать ученою дорогою. Слѣдовательно, не будучи въ состояніи разсматривать физическимъ окомъ принадлежащихъ къ моему описанію животныхъ, довольствовался я разсказываньями въ многократныхъ пріемахъ самихъ промышленниковъ. Надлежало раздроблять ихъ сказанія, изъ смѣшанныхъ понятій проистекающія, приводить въ отдѣленныя идеи и сдѣлать ихъ ясными. Сіе было мнѣ нетрудно. Начитавшись Понтопиддана, Лудовика, Андерсена Цоргдрагера, Кранца, также сокращеній изъ системы славнаго Линнея въ натуральномъ Гибнера словарѣ и проч., могъ я спокойно отличить въ разсказахъ промышленниковъ дѣльное отъ несбыточнаго. Съ сими вспоможеніями отваживаюсь приступить къ описанію промышляемыхъ здѣсь звѣрей и рыбъ». Несмотря на это скромное сознаніе автора-купца о своемъ трудѣ, —«Опытъ» его все-таки представляетъ добытое трудами и опытами промышленниковъ естественно-научное, зоологическое описаніе, такъ что академикъ Лепехинъ нашелъ достойнымъ или необходимымъ цѣликомъ напечатать его въ своемъ путешествіи, какъ весьма дѣльный научно-зоологическій матеріалъ. Авторъ этого «опыта», какъ видно изъ предисловія его, вообще проникнутъ былъ глубокою любовію къ природѣ или, какъ онъ выражается, къ естеству, и имѣлъ ясное сознаніе необходимости естествознанія или, по его выраженію, естествословія [1]). Въ сибири простые промышленные и служилые люди открывали драгоцѣнные для геологіи ископаемые остатки мамонтовъ и носороговъ, находили разныя зоологическія рѣдкости, открывали и, прежде ученыхъ зоологовъ, наглядно узнавали новые, рѣдкіе виды или разновидности животныхъ. Такъ, наприм., въ 1767 году, по свидѣтельству одного документа 2 янв. 1768 года, «въ камчатскую большерѣцкую канцелярію присланы были при рапортѣ отъ посланнаго за ясашнымъ сборомъ казачьяго сотника Ивана Чернаго найденныя имъ на первомъ Курильскомъ острову выкидныя изъ моря, куріознаго роду: одна рыба о двухъ ногахъ съ хвостомъ, и при томъ два ея яйца, изъ коихъ зарождается такая рыба, да птица чайка бѣлая, коя хожденіе имѣетъ ногами, способствуя крыльями, и во время плода оборону имѣетъ хвостомъ и на людей мечется, а гнѣздо она свиваетъ близъ моря на берегу, изъ которыхъ-де куріозныхъ вещей яйца тамъ оказались зародошки, но по растаяніи оныхъ сдѣлались ни на что негодными, затѣмъ-де къ посылкѣ въ иркутскую губернскую канцелярію и оставлены, а рыба, по высушеніи, для пересылки въ ту губернскую канцелярію, отправлена въ Охотскъ съ казакомъ нижняго острогу Ефимомъ Сысоевымъ». Вслѣдствіе этого извѣстія, иркутскою губернскою канцеляріею, по высочайшему указу, посланъ былъ 2 янв. 1768 г. приказъ въ камчатскую большерѣцкую канцелярію, которымъ «велѣно и означенную птицу чайку, если она въ отмѣнной куріозности находится, то съ описаніемъ всего того, отправить сюда, при случившейся оказіи, при рапортѣ незабытно» [2]). Далѣе, простые химическіе опыты, работы и производства крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ невольно вели ихъ къ нѣкоторымъ научнымъ химическимъ выводамъ и знаніямъ. Такъ около 1700 г. архангельскій купецъ, самоучка, химикъ или техникъ А. Ф., на основаніи крестьянскихъ и вообще простонародныхъ, непосредственно-рабо-

---

[1]) Лепехина, путешествіе въ 1772 г. Спб. 1805 г. ч. IV, стр. 305—370. Точно также въ 1787 г. архангелогорскій *мѣщанинъ* Петръ Звягинъ сообщилъ академику Лепехину „извѣстіе о рыболовствѣ бѣломорскихъ сельдей“, ibid. стр. 425.

[2]) Иркутск. губерн. Вѣдом. г. № 1 іюля.

чихъ химическихъ выводовъ и свѣдѣній, составилъ „Описаніе о производимыхъ въ архангелогородской губерніи промыслахъ, о промыслѣ терпентинномъ, о куреніи смольномъ и дегтярномъ, также о терпентинномъ маслѣ и пѣкѣ» — сочиненіе, также напечатанное въ путешестіи Лепехина. Авторъ, купецъ, какъ видно, практически, мало-по-малу выработалъ кое-какія химическія знанія, и самъ, въ компаніи съ другими купцами, производилъ опыты производства разныхъ другихъ химическихъ продуктовъ, наприм. масла изъ бересты и пр. Сообщая простыя, рабоче-опытные крестьянскіе и вообще простонародные химическіе опыты и знанія, авторъ-купецъ въ заключеніе съ скромнымъ сознаніемъ, говоритъ: «поелику сіи описанія изъ крестьянскихъ и простонароднымъ извѣстій составлены, также примѣчанія и опыты основаны на понятіяхъ, въ книжномъ чтеніи почерпнутыхъ, и по причинѣ упущеннаго времени при моемъ воспитаніи ни малѣйшимъ наставленіемъ въ системы неприведенныхъ, то и не могутъ они заслуживать вниманія господъ ученыхъ, кромѣ тѣхъ, кои, упражняясь въ химіи, возжелаютъ взять изъ нихъ поводъ къ опытамъ, могущимъ привесть ихъ въ совершенство. Но мое намѣреніе было и есть служить ими моей собратіи россійскому купечеству, для возбужденія и поощренія, чтобъ и они не упускали изъ виду возможныхъ неученымъ людямъ разсужденій, на общихъ о естествѣ понятіяхъ основанныхъ. Оныя, рождая и производя общія физическія положенія, во многихъ случаяхъ могутъ подать руководство извлекать изъ безчисленныхъ россійскихъ продуктовъ новыя отрасли торговли, въ собственную каждаго и въ общую отечества нашего пользу» [1]). И до позднѣйшаго времени, практическія работы простонародныхъ рабочихъ на химическихъ заводахъ, въ производствѣ химическихъ продуктовъ и красильныхъ веществъ, невольно вводили ихъ въ область науки химіи. Образовался даже изъ простонародныхъ рабочихъ цѣлый классъ особыхъ эмпириковъ-химиковъ, такъ называемыхъ мелкихъ заводчиковъ «кустарниковъ». «Учредилось,—говоритъ Тенгоборскій,—очень много мелкихъ химическихъ заводовъ, подъ управленіемъ эмпириковъ, вышедшихъ изъ низшаго класса народонаселенія и обладавшихъ нѣкоторыми поверхностными химическими свѣдѣніями, собранными на удачу въ лабораторіяхъ, на которыхъ люди эти были простыми работниками» [2]). Конечно, безъ раціональнаго руководства науки, безъ систематическаго изученія раціональной химіи, простыя, непосредственно-опытныя химическія знанія этихъ простонародныхъ рабочихъ эмпириковъ были крайне недостаточны и поверхностны,—но все-таки и они доказываютъ ту истину, что всякая работа, занимающаяся физическими пред-

[1]) Путешест. Лепехина ч. IV, стр. 432-457. Изъ химико-промышленнаго описанія купца А. Ф. видимъ, между прочимъ, какъ русскіе, поморскіе промышленники склонны были къ усвоенію тѣхъ европейскихъ практическихъ знаній, необходимость которыхъ существенно вытекала и изъ ихъ работъ и промысловъ, изъ „ихъ опытами пріобрѣтеннаго искусства“. Наприм. онъ говоритъ о терпентинномъ промыслѣ: „сей промыселъ введенъ въ Россіи съ 1780 года: англичане, имѣвшіе тогда затрудненіе въ полученіи бостонскаго терпентина, подали къ тому причину, приславъ одного купца именемъ Жорже Бойсъ изъ Гуда, участника фабрики, на которой дѣлаются металлическіе лакированные товары. Онъ, когда нашелъ здѣсь желаемое, возбудилъ вступить съ собою и своими англійскими товарищами въ общество нѣкоторыхъ здѣсь торгующихъ купцовъ, въ числѣ коихъ былъ и описатель сего, который имѣетъ честь хвалиться тѣмъ, что соучаствовалъ въ пріобрѣтеніи для своего отечества новой торговой отрасли. Сей опытъ начатъ въ Вельскомъ округѣ вологодскаго намѣстничества, а нынѣ распространился уже по Шенкурскому уѣзду Архангельской губерніи. Теперь и мужики научились производить терпентинъ, увидя, что работу эту могутъ исправлять“. Ibid. 458.

[2]) Тенгоборскій. О производит. силахъ Россіи, ч. II, Отд. 2, стр. 397.

метами и неизбѣжно соприкосновенная съ непосредственной работой и проявленіемъ физическихъ силъ, близко граничитъ съ тѣми или другими физическими науками, сама собою невольно ведетъ къ нимъ, что, въ частности, работа химическая необходимо ведетъ въ область науки — химіи. Если же работа сама собою непосредственно не сообщала рабочему народу прямыхъ и точныхъ реальныхъ знаній, не вводила прямо и вполнѣ въ область естествознанія, то она иногда невольно наводила его на сознаніе необходимости этихъ естественныхъ, химико-физическихъ, ботаническихъ и другихъ знаній, невольно возбуждала, развивала и обусловливала потребность естествознанія, хоть въ ограниченной мѣрѣ примѣненія къ промышленнымъ работамъ. Такимъ образомъ, крестьяне сами собою приходили къ сознанію важности ботаническихъ знаній и, въ частности, медицинской ботаники. Лепехинъ говоритъ: «крестьяне, увидя насъ по полямъ собирающихъ травы, бранили себя, что они не стараются о знаніи полезныхъ растеній, и жаловались, что имъ не отъ кого употребленію ихъ научиться» [1]). Вообще же, такъ какъ каждая работа, возведенная въ индуктивно-теоретическую систему раціональнаго рабочаго опыта и знанія, въ логическое всестороннее отвлеченіе и обобщеніе раціональныхъ началъ механическихъ или техническихъ пріемовъ, способовъ и процессовъ работы, становится наукой, то, естественно, каждая работа необходимо предполагаетъ свойственную, сродную, подходящую къ ней науку или даже цѣлую совокупность наукъ. Поэтому, даже въ древней Россіи, если, съ одной стороны, вслѣдствіе преобладанія познавательной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и неразвитости научно-теоретическаго мышленія, рабочему народу и неизвѣстны, чужды были научныя обобщенія и теоріи,—то все-таки ему не были чужды элементарно-эмпирическіе, непосредственно-опытные, практически-реальные выводы и знанія. Въ своей вѣковой работѣ народъ невольно выработывалъ свой *учебъ*, свои практическія науки или *ученья*, хотя и недалекія, но все-же возвышавшія его надъ умственнымъ уровнемъ хоть сосѣдственныхъ азіятскихъ народовъ финскихъ, монгольскихъ и тюрко-татарскихъ. «Какая это была наука? говоритъ г. Лешковъ: сельское хозяйство, начала, образующіяся въ мастерскихъ, правила, вытекающія изъ познанія торговыхъ оборотовъ. Это науки опытныя, составляющіяся изъ опытовъ, или извлеченныя изъ опытовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ каждой мѣстности познаніе земли, вліянія воздуха или атмосферы, постоянно было присуще всему населенію мѣстности, или сельской общинѣ: такъ наприм. удобреніе полей, въ Важенскомъ округѣ въ XVIII в. мхомъ, доказываетъ, что жители знали свойство почвы, требовавшей торфянаго удобренія, и знали свойство сосѣдняго торфа, который могъ усилить производительность ихъ почвы. Не всякій торфъ для всякой почвы. Равно какъ познаніе извѣстныхъ пріемовъ, обращеніе съ матеріалами, составленіе красокъ, употребленіе орудій, или познаніе нуждъ по разнымъ мѣстностямъ для образованія торговыхъ оборотовъ,—все это было присуще всѣмъ промышленнымъ классамъ. Чего-же не было? Общаго, теоретическаго обобщенія, которое бы построяло изъ тѣхъ или другихъ данныхъ систему русскаго сельскаго хозяйства, русской технологіи, русской торговли. Этого не было,—но такая теорія требуетъ, для своей дѣятельности, много образованія, которое не у всѣхъ предполагается даже въ наше время» [2]). На заводахъ, наприм., поташныхъ,

[1]) Путеш. Лепех. Спб. 1795 г. Ч. I, стр. 101.
[2]) Лешковъ, 409—410.

смоляныхъ, кирпичныхъ и желѣзныхъ, какіе уже устраивались въ XVII в., рабочій народъ, при руководствѣ иностранцевъ, невольно выработывалъ кое-какія элементарныя техническія или химико-физическія понятія [1]). При аптекахъ, какія тоже заводились уже въ XVII вѣкѣ, и при которыхъ находились иноземные, европейскіе «доктора, аптекари, алхимисты и лекаря», были даже между рабочими особые русскіе ученики, которые изучали тамъ тогдашнюю медицину и медицинскую химію и ботанику [2]). При аптекахъ же, какъ видно изъ актовъ, были особые огороды, гдѣ разводились лекарственныя растенія, и при нихъ такъ называемые въ актахъ «огородные работники» невольно пріобрѣтали кое-какія медицинско-ботаническія знанія [3]). Далѣе, въ странѣ, гдѣ солнце мало работаетъ за людей, и въ то же время является главнымъ условіемъ земледѣльческихъ работъ, гдѣ важна продолжительность рабочаго дня и лѣтней солнечной теплоты,—въ такой странѣ естественно желать опытныхъ отмѣтокъ постепенной убыли и прибыли дней и постепеннаго измѣненія въ положеніи земли относительно солнца. И вотъ, въ одной древней рукописи мы находимъ такія практическія мѣсяцесловныя отмѣтки годового астрономическаго или геліоцентрическаго цикла дней. Далѣе, торговые счеты и неизбѣжность, необходимость торговаго счетоводства и разныхъ измѣреній, исчисленій и взвѣшиваній въ различныхъ мастерствахъ, какимъ русскіе уже начинали въ XVII в. учиться у нѣмцевъ,—требовали изученія ариѳметики. И въ XVII в., не даромъ, въ переводѣ русскомъ уже появлялись ариѳметики, подъ заглавіемъ: «книга глаголемая ариѳметика или цифирная счетная мудрость». «По той мудрости,—говорится въ этихъ ариѳметикахъ,—гости по государствамъ торгуютъ и во всякихъ товарахъ и торгахъ силу знаютъ и во всякихъ вѣсахъ, и въ мѣрахъ, и въ земскомъ верстаніи». Содержаніе этихъ руководствъ было самое разнообразное; оно заключало въ себѣ не только ариѳметику, но и геометрію, астрономію и товаровѣдѣніе. Изъ этихъ ариѳметикъ видно также, что и русскія, практическія торговопромышленныя знанія имѣли отчасти вліяніе на составъ этихъ ариѳметикъ. Наконецъ, промышленныя и ремесленныя работы вели къ зачаткамъ кое-какихъ промышленно-ремесленныхъ *учебовъ* или *ученій*. Были наприм. *учебъ* серебряному дѣлу, *ученье каменному дѣлу, ученье земледѣльству, ученье* часовому дѣлу и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти зачаточныя знанія, пріобрѣтаемыя долговременнымъ и труднымъ опытомъ, путями случайными и окольными, были крайне отрывочны и бѣдны, но все же они пролагали хоть какую-нибудь тропинку къ дальнѣйшему умственному прогрессу. Народъ шелъ ощупью изъ непроглядной тьмы къ свѣту, окруженный со всѣхъ сторонъ бѣдностію, тяжелыми налогами и всевозможными препятствіями, при убійственномъ равнодушіи къ его интеллектуальному развитію барства, при эксплуатаціи его предразсудковъ и темныхъ суевѣрій,—наконецъ, при его постоянной и напряженной мускульной борьбѣ съ физическими преградами. Сообразивъ все это, удивляешься не тому, какъ онъ медленно развивался, а тому, какъ онъ еще могъ кое-какъ развиваться. Цѣлые вѣка и сотни поколѣній терпѣливаго, выносливаго и энергическаго народа были потрачены исключительно на обезпеченіе своего матеріальнаго существованія, къ которому онъ стремился

[1]) Доп. VI, №№ 3, 5, 18, 78 и 104; т. V, №№ 9, 77 и 85.
[2]) Доп. VIII, № 1; т. VI, №№ 50, 53, 94 и 111.
[3]) Доп. VIII, стр. 22–23.

безъ знанія, безъ руководства и даже безъ всякаго предчувствія великихъ результатовъ научнаго образованія. И все-таки въ этомъ темномъ, забитомъ и загнанномъ народѣ нашлось столько энергіи и ума, чтобы открыть себѣ выходъ къ свѣту и прогрессу. Въ то же время мы видѣли ясно, какого направленія держался народъ въ развитіи своихъ умственныхъ способностей. Онъ всегда былъ и навсегда останется реалистомъ по преимуществу. Естествознаніе и положительная наука для него были первыми руководителями на первыхъ его шагахъ къ образованію. И кто хочетъ навязать ему схоластическія, классическія, эстетическія и тому подобныя мертвыя знанія, тотъ, значитъ, не понимаетъ ни его исторіи, ни его настоящихъ нуждъ и потребностей.

IV.

Изъ предыдущихъ нашихъ статей читатель могъ видѣть, что въ умственномъ развитіи русскаго народа главную историческую роль играло численное преобладаніе рабочаго класса надъ интеллектуальнымъ и непосредственно-натуральное развитіе надъ теоритическимъ. Взвѣсимъ силу самыхъ фактовъ, подтверждающихъ наше мнѣніе.

Вѣковая физическая работа народа въ непосредственной сферѣ природы, вслѣдствіе естественной реальности и физическаго значенія своего, не только естественно вела и ведетъ рабочій народъ къ реально-умственному развитію, но и развивала и развиваетъ въ немъ преимущественно такіе интеллектуальные органы, которые являются существенными рабочими силами въ опытномъ естествознаніи. Эта вѣковая работа преимущественно развивала въ народѣ органы внѣшнихъ чувствъ, въ особенности реально-познавательную дѣятельность зрѣнія, слуха и осязанія и память зрительную, слуховую и осязательную. Вслѣдствіе этого рабочій народъ, путемъ своей вѣковой физической работы—колонизаціонной, земско-строительной и естественно-промышленной, копилъ отдѣльныя, элементарно-конкретныя впечатлѣнія, представленія и знанія, какія выработывались и пріобрѣтались чувствами изъ непосредственно-натуральныхъ наблюденій. И этотъ первоначальный, элементарно-конкретный матеріалъ непосредственно-эмпирическаго міросозерцанія выразился въ реальномъ или природо-изобразительномъ содержаніи и составѣ народнаго языка и особенно словаря великорусскихъ областныхъ нарѣчій, въ цѣломъ кодексѣ народныхъ физическихъ примѣтъ, большею частію суевѣрныхъ, но частію и разумныхъ, въ своеобразныхъ сенсуально-эмпирическихъ представленіяхъ и понятіяхъ народной физики, метеорологіи, астрономіи, ботаники, зоологіи, географіи и проч., и, наконецъ, частію въ немногихъ простонародныхъ описаніяхъ—зоологическихъ, географическихъ и т. п.

Вслѣдствіе этого исключительнаго воспитанія и умственнаго развитія народа въ практической школѣ природы, вслѣдствіе постоянной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, теоретическому мышленію были отведены самыя тѣсныя границы. Сенсуальная логика народной мысли была преобладающимъ элементомъ въ нашемъ умственномъ міросозерцаніи. Какъ физическія, мускулярныя силы народа природа вызвала на работу земскаго строенья, на физико-географическое, колонизаціонное движеніе и разработку русской земли изъ подъ черныхъ дикихъ лѣсовъ, такъ и

эти интеллектуально-рабочія силы народа—внѣшнія чувства и сенсуальную память—природа вызывала на такую-же умственно-рабочую дѣятельность. на непосредственно-чувственное познаніе всѣхъ встрѣчавшихся на пути колонизаціи и земскаго строенія физико-топографическихъ. зоологическихъ и другихъ реальныхъ подробностей и особенностей, на познаніе чувствами и памятью всѣхъ путей и ухожаевъ колонизаціи, всѣхъ межевыхъ знаковъ, куда ходилъ топоръ, ходила коса и соха. вообще—на выработку непосредственно-натуральнаго опыта и наблюденія въ сферѣ природы, копили первоначальныя, элементарно-предметныя. непосредственно-реальныя впечатлѣнія и рождавшіяся изъ нихъ представленія и понятія. а память сохраняла ихъ; зрѣніе, слухъ, осязаніе и память зрительная, слуховая и осязательная были такимъ образомъ главными умственно-рабочими факторами этой примитивно-познавательной дѣятельности народа и его эмпирическаго мышленія. При господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ мыслящимъ и познающимъ разумомъ, вмѣсто идей и теорій чистаго разума, вмѣсто научно-философскаго мышленія, развивался по преимуществу грубый физическій эмпиризмъ. Природу, за темными, дремучими лѣсами и водами, народъ познавалъ, на пути своего колонизаціоннаго распространенія. только въ тѣхъ предѣлахъ, «куда ходилъ топоръ, ходилъ плугъ, ходила коса или бортная кжень», или на водахъ—«идѣже обычай имѣли приставати»,—слѣдовательно, въ предѣлахъ чувственной видимости, наглядности и осязаемости. При неразвитости теоретическаго мышленія и господствѣ познавательной воспріимчивости чувствъ, умъ народный обогащался только непосредственно-чувственными. предметными впечатлѣніями, но неспособенъ былъ развивать никакихъ сложныхъ обобщеній, отвлеченныхъ понятій, теорій, идеи. На пути вѣковой сѣверо-восточной колонизаціи, на пути непосредственно-очныхъ *досмотровъ* и *дозоровъ* земель и лѣсовъ, гдѣ, по характеристическому выраженію актовъ, былъ только *назнаменанъ топоръ*,—ему бросались въ глаза и шли на умъ только такія непосредственно-чувственныя физическія примѣты, какъ межи и межевые знаки—троевиловистые дубы, пни, березы суковатыя, «ямы, да овраги» и т. п. Полнымъ выраженіемъ такого чувственно-эмпирическаго мышленія и проявленія зрѣнія. слуха и памяти зрительной, слуховой и осязательной служатъ, между прочимъ, такъ называемыя, въ актахъ юридическихъ, межевыя записи. *дозорныя книги. досмотрѣнныя записки*. А въ нихъ вотъ какія. напримѣръ, примѣты и представленія сообщали уму органы зрѣнія и осязанія и память зрительная, слуховая и осязательная: «Отъ осиновскія пустыни Баева,— читаемъ напримѣръ. въ межевой записи 1631 года,—въ оврагѣ стоитъ дубъ, отъ земли голенастъ, къ верху суковатъ, а на немъ грань; а отъ того дуба на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани, а у столба двѣ ямы, а столбъ стоитъ противъ горѣлаго пня, на которомъ были старыя грани; а отъ того столба долиною водотечью внизъ на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани; а отъ того столба внизъ же вражкомъ суходоломъ на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани, а столбъ стоитъ на водотечи; а отъ того столба прямо къ болоту на березовой пень, а на немъ двѣ грани старыя; а отъ того пня въ болото жъ на иву, вверху суковата, безъ верху, покляпа на всходъ, а на ней двѣ грани; а отъ тоя ивы черезъ болото на березу кудревату, а отъ тое березы въ путь тѣмъ же вражкомъ суходоломъ водотечью на березу, отъ земли голенаста, вверхъ кудревата, поклепа на полдень; а отъ того столба черезъ болото къ полю на березу, отъ земли голенаста, виловата, а

отъ того столба къ черному лѣсу на дубъ, отъ земли голенастъ, съ дѣлью, вверхъ кудреватъ; а отъ того столба береза стоитъ у ивова куста, а на немъ новыя грани по обѣ стороны, а по сказкѣ старожильцовъ, была-де въ ивовомъ кустѣ осина, а на ней были старыя грани, и ту-де осину вырубилъ деревни Юрьевки крестьянинъ Борко». Точно такъ же географію, и вообще природу русской земли не умѣли иначе описывать, какъ только по самымъ виднымъ и осязательнымъ физико-географическимъ признакамъ—по рѣкамъ, волокамъ, озерамъ, лѣсамъ и т. п. урочищамъ:—по мѣрѣ того, какъ плыли, такъ сказать, ощупью отъ устья одной рѣки до устья другой, и видѣли, гдѣ какая рѣка и послѣ какой пала въ другую рѣку и т. д. Кромѣ устьевъ рѣкъ, луковъ или прилукъ, волоковъ и т. п. ничего другого не видѣли и не замѣчали. О высшихъ теоретическихъ соображеніяхъ и выводахъ не догадывались и не мыслили. И всѣ эти топографическія или географическія описанія, какъ опыты первоначальнаго, непосредственно-чувственнаго познанія земли, вызывавшіяся исключительно практическими, рабоче-промышленными и колонизаціонными цѣлями, производившіяся ощупью или, по выраженію актовъ, *дозорами* и *досмотрами*, и по *слухамъ* или *поиманью языковъ*, напримѣръ въ Сибири,—были ничто иное, какъ только чувственно-наглядныя копіи или чертежи каждаго шага по волокамъ, каждаго пути и ухожая, или каждаго плаванья отъ устья одной рѣки до устья другой, съ обозначеніемъ иногда самыхъ дней пути и проч. Такъ составлены были, въ концѣ XVII вѣка: «Книга большаго чертежа», въ 1667 г. «Чертежъ сибирской земли» «Чертежная книга Ремезова—боярскаго сына Тобольскаго города» [1]). Также составлялись и всѣ мѣстные чертежи и росписи сибирскихъ земель и рѣкъ, а также всѣ *дозорныя и писцовыя книги, досмотрѣнныя записки* и т. п. Органъ зрѣнія былъ главнымъ органомъ народнаго міросозерцанія. И здѣсь, въ сферѣ зрѣнія, что при работахъ и промыслахъ народныхъ наиболѣе доступно было непосредственному зрѣнію и зрительному наблюденію народа, то онъ и познавалъ лучше, подробнѣе и точнѣе. Непосредственно-натуральныя, зрительныя наблюденія промышленныхъ людей, въ наиболѣе подлежащей чувствамъ сферѣ природы, напр. зоологической, растительной, топографической и т. п., по реально-эмпирической точности и фактичности своей, иногда возвышались даже до степени естественно-научнаго достоинства [2]). Таковъ напр., напечатанный въ путешествіи академика Лепехина естественно-историческій опытъ описанія морскихъ рыбъ и звѣрей—архангелогородскаго купца Фомина. При господствѣ познавательной наблюдательности органа зрѣнія и вообще внѣшнихъ чувствъ, простонародные писатели, самоучки-натуралисты, въ родѣ Фомина, описывая природу, больше обращали вниманіе на такія явленія, которыя преимущественно дѣйствуютъ на чувства и, въ частности, на органъ зрѣнія и слуха, и самую мѣру естествознанія опредѣляли пространственнымъ кругозоромъ или, по выраженію Фомина, *театромъ* органа зрѣнія. Тотъ же Фоминъ, о своихъ соотечественникахъ, поморскихъ промышленникахъ,—замѣчаетъ, что мыслительныя способности ихъ не развиты настолько, чтобы анализировать идеи; и что они однимъ органомъ зрѣнія перенимаютъ то или другое;

[1]) Книга большаго чертежа, изд. 1838 г. Времен. 1849 г. Ч. III: списокъ съ чертежа сибирской земли.

[2]) Болѣе подробныя доказательства этого читатель найдетъ въ дальнѣйшей главѣ о физико-географическихъ и этнологическихъ условіяхъ интеллектуальнаго развитія русскаго народа.

«открываюсь беззазорно,—говоритъ онъ,—что *понятія ихъ не приважены* еще ни малымъ просвѣщеніемъ *къ отдѣленію идей*, и что они *одними глазами пріобрѣтаютъ переимчивость* [1]). И взглядъ самого самоучки-натуралиста Фомина не превышалъ непосредственной сферы чувствъ, и характеризуется чувственно-образнымъ воззрѣніемъ. Напримѣръ, во введеніи къ своему зоологическому опыту, онъ такъ очерчиваетъ естественно-историческій кругозоръ, насколько онъ могъ его обнимать: «Нѣтъ еще толь изобилующаго понятіями разума, ниже толь изощреннаго, ученіемъ и опытами пера, которыя бы могли познать и описать всѣхъ, подверженныхъ человѣческимъ *чувствамъ* животныхъ. Если не могли еще быть *обозрѣны* всѣ наземныя *и воздушныя удобновидимыя* животныя, *закрываемыя* то пустотою пространныхъ степей, то непроницаемостью отдаленныхъ лѣсовъ, то дикостью населяющихъ поверхность земли народовъ; такъ что же скажемъ о насѣкомыхъ, *малозримыхъ* и почти *невидимыхъ* тварехъ, стройными тѣлами одаренныхъ... Море, занимающее двѣ трети поверхности земного шара и населенное безчисленными родами животныхъ, болѣе всего не допускаетъ *испытливыхъ очесъ* къ открытію своей бездны, наполненной удивительною оныхъ недовѣдомостію... Возьмемъ въ примѣръ сей необъятности безчисленнаго множества морскихъ животныхъ слѣдующее начертаніе, которое разсказываютъ *очевидцы* и дополняютъ описатели. Походъ сельдей представляетъ человѣческому *взору* огромное, величественное и *преузорочное зрѣлище*, лицами тмочисленныхъ разнородныхъ животныхъ дѣйствующаго Естества. *Зрители*, съ высочайшихъ корабельныхъ мачтъ, не могутъ, *вооруженнымъ оптическими пособьями окомъ*, достигнуть предѣловъ сребровиднымъ сельдянымъ блескомъ покрытой поверхности моря». Наглядно, реально-изобразительно описавши дальше послѣдовательный ходъ сельдей и массы различныхъ морскихъ животныхъ, какъ онѣ представлялись непосредственно-чувственному созерцанію, Фоминъ, и за тѣмъ, также преимущественно непосредственно-чувственнымъ представленіемъ, схватываетъ и обрисовываетъ такія впечатлѣнія морской природы, которыя болѣе всего дѣйствовали на зрѣніе и слухъ. «При такомъ смятеніи водной стихіи,—продолжаетъ онъ,—увеличиваютъ представленіе сего *зрѣлища*, со стороны атмосферы, тучи морскихъ птицъ, весь сельдяной походъ покрывающихъ. Онѣ, плавая по воздуху и на водѣ, или ходя по густотѣ сихъ рыбъ, безпрестанно ихъ пожираютъ, и между тѣмъ, *разногласнымъ своимъ крикомъ, провозглашаютъ* торжественность сего похода. Сверхъ сего множества *видимыхъ въ воздухѣ птицъ*, сгущается оный водяными столпами, кои киты, изъ отдушинъ своихъ безпрестанно выприскиваютъ до знатной высоты, дѣлаютъ сей воздухъ, по причинѣ раздробленія сихъ огромныхъ водометовъ и преломленія въ нихъ солнечныхъ лучей, *радужно-блестящимъ* и дымящимся, а совокупно отъ *усильнаго шипѣнія* и обратнаго сихъ водоизверженій на поверхность моря паденія *буйно-шумящимъ*. *Стенаніе китовъ*, нестерпимымъ терзаніемъ отъ ихъ мучителей имъ причиняемое, подобное подземному томному, но *весьма слышному реву*, также *звуки* ударенія хвостовъ о поверхность моря, сими животными отъ остервенѣнія производимые, представляютъ *сіи шумы страшными* и воздухъ въ колебаніе приводящими. Сей величественный сельдяной походъ, каковымъ его вообразить возможно, представляетъ напротивъ того страшный

[1]) Путешеств. Лепехина Спб. Изд. 1805 г. Ч. IV, стр. 362.

театръ поглощенія, пожренія и мученія, на которомъ несмѣтнымъ множествомъ и болѣе всѣхъ сельди истребляются» и проч. [1]). Далѣе Фоминъ, подъ руководствомъ Линнея и другихъ *натуралистовъ*, весьма обстоятельно изображаетъ анатомическое строеніе морскихъ рыбъ и звѣрей, и опять настолько, насколько дали ему, для этого фактическаго матеріала, наглядно-опытныя наблюденія и свѣдѣнія поморскихъ промышленниковъ. Такъ, въ сферѣ непосредственно-зрительнаго наблюденія, въ той области природы, гдѣ было наиболѣе доступа естественному зрѣнію, и простые рабочіе промышленные люди могли вырабатывать простымъ, невооруженнымъ органомъ зрѣнія довольно подробныя и весьма точныя естественно-научныя знанія. Но какъ только что нибудь превышало естественную силу зрѣнія, выходило за предѣлы зрительнаго кругозора,—все то было уже неприступно для умосозерцанія народнаго, покрыто было для него совершеннымъ мракомъ неизвѣстности, и потому крайне скудно выразилось въ самомъ языкѣ народномъ. Такъ, звѣздное небо неизмѣримо превышало кругозоръ народнаго зрѣнія; потому-то изъ 20,374,000 звѣздъ на цѣломъ небѣ, исчисленныхъ телескопическимъ зрѣніемъ Струве, изъ 18 милліоновъ звѣздъ, видимыхъ въ 40-футовый зеркальный телескопъ въ одномъ только Млечномъ пути,—видимыхъ простыми глазами звѣздъ, на цѣломъ небѣ, насчитываютъ отъ 500—580 [2]). Но и изъ этого числа видимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ глазъ русскаго народа усмотрѣлъ и обозначилъ *въ своемъ убогомъ* звѣздномъ каталогѣ только звѣздъ 5 или 6, и то безъ всякой астрономической точности и опредѣленности, даже не различая не только кучъ или группъ звѣздныхъ отъ составляющихъ ихъ звѣздъ, но и такъ называемыхъ двойныхъ звѣздъ, или же принимая цѣлую группу звѣздъ за одну звѣзду. Въ частности, въ группѣ Плеядъ, представляющей, между прочимъ, доказательство того, что и для русскаго народа, такъ же какъ для древнихъ грековъ и римлянъ, звѣзды, причисляемыя астрономами къ 7-й величинѣ, оставались невидимыми для простого глаза средней силы зрѣнія,—въ этой группѣ Плеядъ 6 звѣздъ древними народами видимы были простымъ глазомъ безъ труда, и въ томъ числѣ три звѣзды 5-й величины [3]). Но глазъ русскаго народа не подмѣтилъ и не обозначилъ и этихъ видимыхъ простымъ глазомъ отдѣльныхъ звѣздъ изъ многочисленной группы Плеядъ, состоящей изъ 9 извѣстныхъ звѣздъ отъ 3-й до 8-й величины и многихъ весьма малыхъ телескопическихъ звѣздъ: онъ всѣ ихъ изстари назвалъ и доселѣ называетъ однимъ неопредѣленнымъ словомъ: въ одномъ мѣстѣ — *кучками* или *стожаромъ*, въ другомъ — *утичьимъ гнѣздомъ*, въ третьемъ — *ключами петровыми*, да составилъ о созвѣздіи плеядъ примѣту: «коли звѣздисто и стожаръ (плеяды), иди на медвѣдей» [4]). «Тамъ, говоритъ Гумбольдъ, гдѣ степи, травяные луга или песчаныя пустыни представляютъ обширный горизонтъ, перемѣняющійся съ временами года, или съ потребностями пастушеской жизни и земледѣлія, восхожденіе и захожденіе созвѣздій становится предметомъ старательнаго наблюденія и мало по малу даже символическаго соединенія понятій. *Созерцательная*, неизмѣряющая астрономія начинаетъ тогда болѣе развиваться [5]). Такъ было у арабовъ въ пустынѣ. Но

[1]) Путеш. Лепехина, ч. IV, стр. 204—308.

[2]) Космосъ Гумбольдта, ч. III, стр. 125, 133.

[3]) Именно, древними видимы были безъ труда простымъ глазомъ: одна звѣзда 3-й величины Альціона, двѣ звѣзды 4-й величины—Электра и Атласъ и три звѣзды 5-й величины—Меропа, Маіа и Тайгета. Космосъ, III, 55.

[4]) Сборникъ примѣтъ и пословицъ рус. народа—Даля.

[5]) Космосъ, ч. III, стр. 135.

народъ русскій, не смотря на ярко-звѣздное сѣверное небо, раскинувшееся надъ широкой равниной русской земли, не смотря на воспѣваемыя имъ въ пѣсняхъ степи камышинскія, астраханскія, царицынскія, новороссійскія и т. п., не смотря, наконецъ, на равнинный просторъ такихъ открытыхъ степей, какъ степь киргизская, барабинская или колыванская и т. п. народъ русскій, работая въ древнія времена больше всего въ черныхъ дикихъ лѣсахъ, не имѣлъ досуга и привычки заглядываться на небо, какъ арабы, имѣвшіе даже обыкновеніе въ созерцаніи отдаленныхъ звѣздъ испытывать зрѣніе. Въ пустыняхъ полярныхъ, въ тундрахъ, наприм., туруханскихъ, гдѣ русскіе поселенцы или путешественники нерѣдко подвергаются галлюцинаціямъ такъ называемой «снѣжной слѣпоты» или галлюцинаціи пустыни»,—только тамъ русскіе пользуются или руководствуются звѣздами, какъ путеуказателями въ тундряныхъ пустыняхъ, примѣчая, напримѣръ, такъ называемую ими неподвижную *колъ-звѣзду* и т. п. Да отъ пастушескихъ временъ или отъ пастушескихъ народовъ, народъ русскій наслѣдовалъ безсмысленное чувственно-образное представленіе звѣзднаго неба подъ образомъ «поля колыбанскаго, карагайскаго или сіянскаго, полнаго скота астраханскаго, монастырскаго или ивановскаго» и т. п. [1]). За то появленіе на небесномъ сводѣ, невиданныхъ прежде, новыхъ звѣздъ и кометъ всегда сильно дѣйствовало на зрѣніе народное, и въ старину всякій разъ обыкновенно записывалось въ лѣтописяхъ и хронографахъ. Въ особенности внезапное появленіе сильно мерцающихъ звѣздъ 1-й величины всегда возбуждало въ предкахъ нашихъ изумленіе, какъ необычайное, знаменательное событіе, совершающееся въ міровыхъ пространствахъ. Это изумленіе тѣмъ сильнѣе было, что новыя и необычайныя звѣзды являлись не часто. Въ 5 съ половиною столѣтій, съ эпохи окончанія Альфонсовыхъ таблицъ, столь важной въ исторіи астрономіи, до временъ Вильяма Гершеля, отъ 1252 до 1800 года, насчитываютъ около 63 кометъ, а новыхъ звѣздъ только 9 [2]). На Западѣ, при высокомъ развитіи естество-испытательнаго разума и математико-астрономическаго міросозерцанія, такое міровое событіе, какъ появленіе новой звѣзды, возбуждало не страхъ суевѣрный, а смѣлый пытливый духъ изслѣдованія, возбуждало энергическіе европейскіе умы къ новымъ обширнымъ астрономическимъ наблюденіямъ и соображеніямъ. Такъ, появленіе новой звѣзды въ 1572—1573 году, въ столь блистательную для астрономіи эпоху, въ вѣкъ Кеплера, де-Браге и Галилея, возбудило, по словамъ Гумбольдта, важнѣйшіе вопросы астрономіи. Тогда болѣе и болѣе начали признавать важность звѣздныхъ каталоговъ для удостовѣренія въ дѣйствительной новости вспыхнувшей звѣзды; начались изслѣдованія о періодичности, (т. е. новомъ появленіи въ теченіе многихъ столѣтій: даже де-Браге создалъ смѣлую теорію процессовъ образованія и происхожденія звѣздъ изъ мірового тумана, которая много имѣетъ сходства съ теоріею великаго Вильяма Гер-

---

[1]) Таковы, наприм., въ сборникѣ Даля символическія изображенія небеснаго свода: велико поле колыбанское, много на немъ скота астраханскаго, одинъ пастухъ, какъ ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Широко поле карагайское, на немъ скота тараканскаго, одинъ пастухъ, ровно ягодка (тоже). Поле поливанское, много скота ивановскаго, одинъ пастырь и два яхонта (небо звѣзды, Богъ, луна съ солнцемъ). Есть поле сіянское, въ немъ много скота монастырскаго, одинъ пастухъ, словно ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Сборн. послов. Даля, подъ словомъ *вселенная*, въ Чтен. общ. истор. стр. 1060.

[2]) Въ XIII столѣтіи, въ теченіе 61 года, были видимы 3 новыя звѣзды, въ концѣ XVI и въ нач. XVII столѣтія, въ періодъ Тихо-де-Браге и Кеплера, 6 звѣздъ въ 37 л. Космосъ III, 197.

шеля [1]). У насъ же подобныя необычайныя для глаза явленія на звѣздномъ небѣ не только не возбуждали зрѣніе къ возможному для него точнѣйшему и подробнѣйшему разсматриванію звѣзднаго неба, но, при совершенной неразвитости теоретической, раціональной умозрительности или силы мышленія, и при естественной, органической узкости зрѣнія, порождали еще разные чувственные обманы и суевѣрныя гаданья [2]). Неясное зрѣніе (vue indistincte, по выраженію Араго), имѣющее многостороннія органическія причины, зависящія отъ сферической аберраціи глаза, отъ диффракціи при краяхъ зрачка или при рѣсницахъ и отъ раздражительности нервовъ, распространяющейся болѣе или менѣе значительно отъ возбужденнаго пункта сѣтчатой оболочки, -неясное зрѣніе еще болѣе увеличивало чувственный обманъ и ложныя воззрѣнія на новыя звѣзды. Отсюда проистекало въ древней Россіи частое видѣніе *звѣздъ съ хвостомъ* или *звѣздныхъ хвостовъ*. Лѣтописцы и хронографы часто повѣствуютъ о явленіи звѣздъ хвостатыхъ или съ хвостомъ, или аки копіе и т. п. [3]). И доселѣ простой народъ вѣритъ въ звѣзды съ хвостомъ, какъ въ предзнаменованія. Родоначальникъ скопческой секты Селивановъ говорилъ о себѣ: «когда народится сынъ Божій и приметъ крещеніе чистоты, въ то время явится *звѣзда съ хвостомъ*... И когда онъ облекся въ чистоту сына Божія, то дѣйствительно тогда же явилась на небѣ *звѣзда съ хвостомъ*, міръ тому не мало дивился» [4]). Наконецъ, полагаясь на одно зрѣніе, при неразвитости умственной, логической способности различенія, народъ въ своемъ міросозерцаніи и представленіи, астрономическія явленія смѣшивалъ съ метеорологическими или атмосферными, и потому даже одинаково называлъ и тѣ и другія, заимствуя образы отъ непосредственныхъ субъективныхъ ощущеній и впечатлѣній органа зрѣнія [5]). Точно также созерцаніе метеоровъ, при умозрительной неразвитости народа, не возбуждало въ немъ никакихъ научныхъ вопросовъ и соображеній, а только производило въ зрѣніи народа оптическій чувственный обманъ, субъективныя и галлюцинаціонныя представленія и фантазмы органа зрѣнія, и, путемъ рефлексовъ, общее органическое ощущеніе страха, удивленія и т. п. Знакомыя, непосредственно-передглазныя впечатлѣнія, зрѣніе народное переносило и въ сферу непонятныхъ для ума народнаго, необычайныхъ метеорическихъ явленій: въ нихъ народъ видѣлъ, наприм., человѣческія очи, голову, руки и т. п., и описывались они наглядно, глазомѣрно и чувственно-образными сравненіями, заимствованными отъ давно знакомыхъ чувствамъ предметовъ. Вотъ, напримѣръ, описаніе метеора, появившагося въ бѣлозерскомъ уѣздѣ въ XVII вѣкѣ: «1662 года ноября въ 22 день было тихо, и небо все чисто, и морозъ лютый. Въ селѣ Новой Ерги и

[1]) Космосъ III, 186.

[2]) Астрономію, превышавшую чувственный кругозоръ народа, предки наши относили даже къ отреченнымъ и еретическимъ или волшебнымъ книгамъ: „а се мудрованія, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ бѣсамъ въ пагубу: первая книга Мартолой, рекше острологъ, вторая *остраномія*... еще книги суть еретическія *Звѣздочтецъ*" (Сборн. Солов. библ. № 860, л. 28). Олеарій говоритъ: „*острономію* русскіе считаютъ волшебною наукою" (Архивъ 25). Астрономія вообще превышала естественный кругозоръ зрѣнія, и потому въ древней Россіи поучали: „высочайшаго себѣ- *небеснаго измѣренія* не ищи" (Сборн. Сол. библ. № 925, л. 66—68, также л. 25—26). „*Звѣздочтецъ* и *планетникъ* и любяй геометрію" причислялись къ еретикамъ. (Ibid. № 25—26).

[3]) См. полн. собр. лѣтоп. хроногр. Солов. библ. № 864.

[4]) Посланіе Селиванова въ Чтен. общ. истор. стр. 89.

[5]) Наприм., въ языкѣ народномъ выражаются смѣшанно и отъ одного корня происходятъ слова: *зарница* — планета Венера (нижег., оренб.), *зарянница* утренняя или вечерняя звѣзда (псков., твер., осташ.) и *зарница*—отдаленная молнія и т. п.

въ деревняхъ, по захожденіи солнца, явилось на небѣ многимъ людямъ страшное знаменіе, о какомъ никогда не слыхивали. Отъ солнечнаго запада явилась будто звѣзда великая и, какъ молнія, быстро покатилась по небу, раздвоивъ его и протянулась по небу, какъ змѣй, голова въ огнѣ и хоботъ: такъ стояла съ полчаса. И былъ оттуда свѣтъ необычайный, и въ томъ свѣтѣ, вверху, прямо въ темя человѣку, показалась будто голова, и очи, и руки, и перси, и ноги разогнуты, точно человѣкъ, и весь огненный. И потомъ облакъ сталъ мутенъ, и небо затворилось; а по дворамъ, и по хоромамъ, и по полямъ на землю палъ огонь, будто кужли горѣли: люди отъ огня бѣгали, а онъ, будто гоняясь за ними, по землѣ катался, а никого не жогъ, и потомъ поднялся въ тотъ же облакъ. Тогда въ облакѣ стало шумѣть, и пошелъ дымъ, и загремѣло, какъ громъ, или какъ великій и страшный голосъ, и долго гремѣло, такъ что земля и хоромы тряслись, и люди отъ ужаса падали. А всякій скотъ къ тому огню сбѣгался въ груду, и рты свои съ кормомъ зажимая и смотря на тотъ огонь, подымая за нимъ свои головы кверху, рычали каждый своимъ голосомъ. Потомъ съ великою яростію пало на землю малое и великое каменье горячее, а иное въ жару рвало, а людей Богъ помиловалъ, и скота не било, пало на порожнія мѣста, и снѣгъ около таялъ, а которое большое каменье пало, и то уходило въ мерзлую землю» [1]).

Вслѣдствіе вѣкового господства непосредственно-натуральной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, реальная изобразительность составляетъ характеристическую, преобладающую черту въ самой организаціи народнаго языка [2]). Особенно словарь великорусскихъ областныхъ нарѣчій характеризуется въ высшей степени реальнымъ содержаніемъ и составомъ, природо-подражательною и чувственно-образною тропичностью, изобразительностью и, если можно такъ выразиться, веществословностью. Органы внѣшнихъ чувствъ являются главными факторами этого реальнаго склада народнаго слова. Прежде всего, они непосредственно сами по себѣ, по своимъ индивидуальнымъ, субъективнымъ ощущеніямъ, породили цѣлый циклъ чувственно-образныхъ народныхъ понятій и словъ. Такъ, наприм., одинъ органъ зрѣнія, даже непосредственно самъ по себѣ, создалъ множество своеобразныхъ представленій и выраженій. Возбуждало, напримѣръ, солнце зрительную способность глаза, дѣятельность органа зрѣнія, — и вотъ отъ субъективнаго дѣйствія и ощущенія солнечнаго свѣта родилось, наприм., представленіе древне-русскихъ грамотниковъ и азбуковниковъ, что и самыя *очи человѣческія создались отъ солнца* — суть, такъ сказать, отсвѣтъ или изображеніе солнца. Зрѣніе созерцало различныя ком-

[1]) А. И. IV, 330—332.

[2]) Здѣсь мы утрудимъ читателя, опуская многія подробности, всетаки довольно подробнымъ разсмотрѣніемъ реализмовъ народнаго языка. Языкъ, по сознанію не только такихъ знаменитыхъ современныхъ филологовъ, какъ Максъ Мюллеръ, признающій языкознаніе естественной наукой, но и такихъ знаменитыхъ натуралистовъ, какъ Ляйелль, Джонъ Гершель, Брока и многіе другіе, представляетъ самое лучшее выраженіе естественнаго народнаго умонастроенія и интеллектуальнаго развитія. Ляйелль въ своей книгѣ „О древности человѣка“ заимствуетъ доказательства изъ исторіи народныхъ языковъ и посвящаетъ имъ даже почти цѣлую главу. Знаменитый астрономъ Джонъ Гершель, участвовавшій въ редакціи „Руководства къ ученымъ изысканіямъ для моряковъ и путешественниковъ“, къ главѣ объ этнографіи присовокупилъ отъ себя довольно подробную программу лингвистическаго изученія различнаго видоизмѣненія и произношенія звуковъ въ языкахъ разныхъ народовъ. (См. Руководство къ ученымъ изысканіямъ для моряковъ и путешественниковъ. Спб. 1861 г.). См. также мнѣніе Брока объ отношеніи лингвистики къ антропологіи въ „Извѣстіяхъ антропологическаго отдѣленія общества любителей естествознанія“ т. I, стр. 23—28. Для нашей цѣли достаточно, однакоже, самаго краткаго разсмотрѣнія народнаго словаря.

бинаціи свѣта въ природѣ, на небѣ,—и вотъ, отъ одного корня слова «*зрѣніе*» произошла цѣлая группа народныхъ названій различныхъ физическихъ формъ, комбинацій и проявленій свѣта. «Отъ того,— замѣчаетъ Афанасьевъ,— стихія свѣта и глаза, какъ орудіе зрѣнія, въ первоначальномъ народномъ языкѣ обозначались тождественными названіями, какъ, наприм., видно изъ словъ: *зрѣть*, *взоръ*, *зоркій* и *зоръ*—свѣтъ, *зоря*, *зарница*—отдаленная молнія, *зорница*—утренняя звѣзда, предвѣстница зари, глаголъ *зорить*—прочищать, прояснять, просвѣтлять и т. п. [1]). Такимъ же образомъ произошли понятія и слова топографическія, пространственныя, напримѣръ: *озористый*—огромный, пространный, *глядень*—высокое мѣсто, гора, съ которой можно далеко видѣть и многое оглядѣть, *вызирку*—глазомѣрно, или оглядывая и измѣряя пространство зрѣніемъ и т. п. Множество словъ въ народномъ языкѣ произошло отъ впечатлѣнія на глазъ свѣта или тьмы и отъ дѣйствія различныхъ комбинацій свѣта и цвѣтовъ на зрѣніе. Точно также впечатлѣнія или ощущенія другихъ органовъ чувствъ также сами по себѣ породили особый разрядъ народныхъ физическихъ понятій, представленій и выраженій. Такъ, наприм., отъ дѣйствія звука на слухъ и вообще отъ впечатлѣній или ощущеній слуха произошли слѣдующія слова: *слухъ*—вѣсть, молва, *послухъ*—свидѣтель и слушатель, *глухо*—неясно, невразумительно, *ботъ*—стукъ, *тень-тень* и *гой-гой*—колоколъ, *рыкъ* (тверск.)—мычанье, въ значеніи мѣры разстоянія, наприм. говорятъ: «далеко ли отсюда? на коровій рыкъ, или на 3 коровьихъ рыка»; *каркунъ*—воронъ; *погудало*—смычекъ; *озыкъ*—окрикъ, сглаживанье или оговоръ; *вортчье*—заговариванье, *тептунъ*—колдунъ (новг.), *шумиха*—волостная изба, въ которой обыкновенно, при сходкахъ, безъ шума не обходится и т. п. Отъ чувства обонянія: *душный*—пахучій дурно или хорошо, *душки* и *душица*—растеніе Origanum Vulgare (псков. опочк.), *душки*—растеніе базилика (Ocymum basilicum), *душмянка*—растеніе кошечья мята (Nepeta cataria арханг.) и проч. Отъ чувства вкуса: *медвянка* и *медвяница*—полевая трава съ желтыми цвѣтками, у которыхъ запахъ и вкусъ медовый, и въ которыхъ въ особенности собирается пчелами лучшій медъ (псков., твер., осташ.), *сладкоѣжка*—растеніе кашка; *кислица*—1) щавель (вологод., костром., новгор., пермск., псков., томск.), 2) красная смородина (иркут., камч., перм., уф.), 3) сѣрая кислая капуста (яросл.); *сладимый*—пріятный, благорастворенный и т. п. Отъ осязанія: *разщупывать*—различать то, что представляется разсудкомъ, *расчупать*—понять, *сяжокъ*—тонкое осязаніе, ощупь, *свербигузъ*—гарлупа (primula veris, орл.), *жегало*—крапива (твер., кашин.) и проч. Далѣе, вслѣдствіе преобладанія непосредственно-реальной познавательной дѣятельности или воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ, надъ отвлеченно-теоретическою мыслительностью,—все, что превышало сферу внѣшнихъ чувствъ, все то и въ языкѣ народномъ нашло самое ограниченное мѣсто и выраженіе. Въ немъ не развивались слова для обозначенія понятій отвлеченныхъ, теоретическихъ, умозрительныхъ. Леклеркъ поэтому справедливо замѣтилъ въ своей древней и новѣйшей исторіи Россіи: «*почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей, неподпадающихъ чувствамъ, недостаетъ въ русскомъ языкѣ рѣченій*» [2]). Такъ,

[1]) Мифическая связь понятій: свѣта, зрѣнія, огня, металла и проч.— статья г. Афанасьева въ Архивѣ Калачева кн. 2 отд. V, стр. 3—15.

[2]) См. у Болтина замѣч. на Леклерка, II, стр. 29.

языкъ народный крайне бѣденъ отвлеченными, математическими и физическими понятіями и словами, да и эти немногія свои понятія онъ выражаетъ грубыми реально-метонимическими образами, заимствуя ихъ изъ непосредственно рабочей реально-познавательной сферы чувствъ. Таковы, наприм., понятія и слова: *клинъ*—острый уголъ (кур., орлов.), *варгатный*—квадратный (казан., тетюш.), *колесо*—круговоротное движеніе, *жировать*—выводить тѣло изъ равновѣсія (тверск., осташк.): *временить*—измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: «*острова временятъ*»—говорятъ архангельцы, то есть, измѣняютъ видъ свой отъ дѣйствія рефракціи; *времениться*—на морѣ изъ дальняго разстоянія показываться вблизи (арханг.) [1], *мельшить*—казаться туманнымъ, неяснымъ, представляться вдали какъ бы дрожащимъ отъ дѣйствія рефракціи (арханг.) и т. п. При господствѣ реально-познавательной способности внѣшнихъ чувствъ надъ мышленіемъ, народъ особенно не могъ выработать отвлеченныхъ, математическихъ понятій о пространствѣ и времени, и выражалъ ихъ реально-предметно, метонимически. Онъ оріентировался или—лучше—обозрѣвался и опознавался въ пространствѣ по солнцу,—и отсюда первое дѣленіе пространства, по отношенію къ солнцу, на лѣвое или сѣверное и правое или южное, и о солнцѣ говорили встарину: «солнце деснуетъ». Дальнѣйшія измѣренія пространства выражались не отвлеченными, математическими или геометрическими единицами, а тоже наглядно-предметно, непосредственно-чувственными образами, но преобладающимъ въ томъ или другомъ пространствѣ видимымъ и осязаемымъ предметамъ или урочищамъ. Напримѣръ, въ Сибири и въ Камчаткѣ казаки говорили, плывя по рѣкамъ: «столько-то *песковъ* проѣхали или осталось до острожка»; ѣдучи по зимней дорогѣ, говорили: «до острожка еще осталось *тундрочка, березникъ, хребтикъ, сопочка, падь, да рѣчка* [2]. Въ туруханскомъ краѣ, гдѣ на однообразныхъ берегахъ Енисея, на такъ называемой «каменной сторонѣ», постоянно торчатъ и выпукло выдаются передъ глазами такъ называемыя *корги*—большія груды или кучи камней-валуновъ, частію обрушенныя отъ размытыхъ Енисеемъ скалъ, частію нанесенныя въ огромныхъ льдинахъ,—въ туруханскомъ краѣ, на Енисеѣ, измѣряютъ пространство этими *коргами*: говорятъ, напримѣръ: «4 *корги* проѣхали или проплыли, еще осталось 3 *корги*». Таковы же пространственно-измѣрительныя понятія и слова, заимствованныя отъ непосредственно реальныхъ или предметныхъ чувственныхъ впечатлѣній: *рыкъ* (тверск.)—слышимое мычанье, въ значеніи мѣры разстоянія: «далеко ли отсюда?—на коровій рыкъ или на три коровьихъ рыка»; *стрѣленіе лука*—глазомѣрная мѣра разстоянія по выстрѣлу изъ лука. Въ старину говорили, напримѣръ: «бысть разстояніемъ новое жилище отъ перваго жилища, яко бы единою или дважды *возможно есть стрѣлити стрѣлою* вверхъ по рѣкѣ (Хозюгѣ)» и проч. [3]). Еще труднѣе было языку, безъ посредства чувствъ, безъ помощи чувственно-образной реальности и предметности, дойти до отвлеченнаго понятія о времени и до раздѣленія времени на извѣстное число математи-

[1]) Когда плывутъ по морю въ виду земли, и въ это время случится туманъ, то берегъ кажется какъ бы близъ судна, иногда весь, иногда частями изъ-тумана: „смотри-ка земля-то завременилась! кажись, земля-то временится!“ (арханг.).

[2]) Москвит. 1843, № 3.

[3]) Сборн. Солов. библ. № 182, повѣсть о Никодимѣ Кожеезерскомъ. Или: *лукъ*—мѣра земли, содержащая 252 сажени долины и 64 сажени поперечника (ирк.); *гоны*—1) мѣра пространства съ полверсты или съ версту (костр., кинеш.), 2) мѣра пространства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 7 до 10, а въ другихъ отъ 30 до 40 саженъ (вятск.) и проч.

скихъ единицъ. Эту общую форму воззрѣнія чувства народныя наполняютъ разными реальными образами—разными предметами, дѣйствіями и событіями; и языкъ, охватывая только наглядныя представленія реально-изобразительнымъ, чувственно-образнымъ описаніемъ предмета, дѣйствія или событія, или только называя физическія явленія и предметы или людскія, рабочія дѣйствія, характеризующія то или другое время,—такимъ образомъ давалъ знать объ общемъ отвлеченномъ понятіи, о времени. Смотря по мѣсту жительства, или по образу рабочей жизни, вообще, смотря по физической или рабочей сферѣ непосредственно-чувственной наблюдательности, рабочій народъ опредѣлялъ время различно. Напримѣръ: 1) *трава* (камч.)—въ значеніи года: «по которой травѣ, или который годъ? быкъ по пятой травѣ; теленокъ—*однотравокъ* (арханг.)—теленокъ по второму году, пережившій одно лѣто или одну траву; 2) *вода* (арханг.)—продолженіе времени около 12 часовъ или промежутокъ времени между каждыми двумя полными приливами или отливами: сутки поморцы раздѣляютъ на двѣ воды, и замѣчая притомъ состояніе моря во время разсказываемаго событія, тѣмъ самымъ озрачаютъ время; напримѣръ: «мы выѣхали на оленяхъ на палой водѣ, пріѣхали къ мѣсту на другой сухой»,—значитъ поѣздка продолжалась около 15 часовъ; 3) *упряжки* (новгор., твер.)—треть лѣтняго дня,—слово, употребляемое крестьянами, которые раздѣляютъ лѣтомъ работы свои на 3, а иногда и на 2 пріема: пахаціе до отдыха, когда лошадь надобно выпрячь, называется «упряжкою», 4) *выть*— охота ѣсть, отсюда время отъ ѣды до ѣды (арханг.), отъ «выти до выти»; 5) *пряжа* (псков.)—мѣра времени, опредѣляемая женщинами по пряжѣ. Точно также въ высшей степени реально, наглядно изображаетъ языкъ рабочаго народа всѣ какъ малые, такъ и большіе періоды времени, начиная отъ минуты и даже мгновенія до цѣлой части года, и реальные образы для выраженія ихъ заимствуетъ частію отъ актовъ и явленій физіологическихъ, частію отъ явленій физическихъ, частію отъ процессовъ растительности, частію отъ событій и работъ земледѣльческихъ, вообще отъ такихъ предметовъ, событій и явленій, какія всего больше дѣйствовали на чувства рабочаго народа. Таковы, наприм., слѣдующія слова: *духовинка*—небольшое продолженіе времени: давно ли пришелъ? есть *духовинка*, съ духовинку, или съ *душокъ* (псков., опочк.); въ *кочета*—въ пѣтухи—въ полночь; въ *свинъ голосъ*—весьма рано; *до вставани* (волог.)—раннимъ утромъ; *до лягова*—до вечера (владимір.). Народныя названія годовщинъ и дней заимствованы непосредственно-натуральною наблюдательностью чувствъ изъ жизни птицъ, отъ хозяйственныхъ растеній, домашнихъ животныхъ и т. п. Таковы наприм., наименованія годовщинъ и дней: *грачевники, соловьиный день* (22 мая), *капустницы*, *луковъ день*—8 сентября (икут.). *кривые огурцы* 13 іюня—день поздняго посѣва огурцовъ (пск., твер., осташ.); *одна лошадь*, *одна корова*, *три овцы или двѣ свиньи*—день пастушескій (орлов., малоорханг.). Названія мѣсяцевъ и другихъ большихъ періодовъ или частей года заимствованы преимущественно отъ процессовъ полевой и лѣсной растительности, а также отъ другихъ физическихъ явленій и работъ народныхъ. Таковы, наприм., названія: *колосница*, *колосовица* и *колосьба*—время колошенья ржи (псков., твер., осташ., кур., обоян.); *косовица*—время покоса и уборки сѣна (тамб., борисоглѣб.); *льдина* (арханг.)—осеннее время замерзанія рѣкъ; «у насъ у перевощиковъ служба отъ радоницы до льдины»; въ туруханскомъ краѣ говорятъ: «*отъ льда до льда*» нанялся въ работники, т. е.

отъ вскрытія до замерзанія Енисея. Вообще, изъ области природы внѣшнія чувства рабочаго народа въ необыкновенномъ изобиліи заимствовали образы для выраженія различныхъ понятій, особенно отвлеченныхъ. Въ этомъ отношеніи, Словарь областныхъ великорусскихъ нарѣчій отличается особенно обильною и изобразительною реальностью. Реализмъ народнаго міровоззрѣнія простирается до того, что самыя психологическія понятія у него получили реальное значеніе. Таковы, наприм., слова: *духовенъ* (псков.)—болѣнъ, *душевередно* (сибир.)—смертельно, опасно: наприм., о звѣряхъ говорятъ: «попалъ, да не душевередно»; *малодушный*—сухощавый (псков., поворж., пеох.); *бездушный*—имѣющій мало тепла: «дрова эти вовсе бездушны»; *грубый*—крутой, обрывистый, высокій, наприм., берегъ и т. п. Съ другой стороны, психическіе акты и нравственныя понятія народъ выражаетъ словами самыми реальными, предметными. Напримѣръ: *грунтъ*—толкъ: «съ грунту сбился», т. е. съ толку (псков.); *ровытъ*—разсудокъ, отъ слова выть—порція, часть, наприм., пищи; *грудно*—мило, сердечно: *мозговать*—думать, соображать; *достремиться*—додуматься, догадаться, *достремливый*—смышленый, сообразительный; *разщупать*—понять; *отскокъ*—неустойка въ словѣ или увѣреніи; *береза*—знакъ согласія (псков., новорж.); *болотный*—глупый, безмысленный; *загибъ*—недостатокъ нравственный, какая нибудь худая черта (псков., осташ., твер.) и т. п. Постоянно вращаясь въ сферѣ физическихъ предметовъ природы, рабочій народъ словно будто не умѣлъ и не умѣетъ иначе говорить и выражаться, какъ наглядно, предметно, реально. Онъ говоритъ, такъ сказать, самыми вещами, предметами, или реальнымъ, вещественнымъ языкомъ самой природы, насколько только могъ уловить и выразить его въ своемъ преставленіи и словѣ. Почти изъ всѣхъ сферъ природы, непосредственно подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, у него заимствованы образы для выраженія различныхъ его понятій и представленій. Точно также множество словъ заимствовано отъ звѣрей и птицъ, отъ почвы, отъ воды, отъ разныхъ природныхъ формъ и типовъ или отъ разныхъ физико-географическихъ урочищъ—отъ горъ, моря, лѣсовъ, степей и т. п., а также отъ метеорологическихъ явленій, напр., вѣтровъ. Земледѣльческія работы народа обусловили въ народномъ словарѣ особенное изобиліе словъ, относящихся къ метеорологическимъ явленіямъ, съ подробнымъ обозначеніемъ разнообразныхъ дѣйствій тепла, оттепели, мороза и изморози и проч., проявляющихся, наприм., въ воздухѣ, въ водѣ, въ парахъ, въ почвѣ и т. п. А въ сѣверномъ поморьи мореходные промыслы обусловили особенное развитіе словъ, относящихся, въ частности, къ морской метеорологіи. Вообще, словъ о погодѣ, о различныхъ метеорологическихъ перемѣнахъ и явленіяхъ въ разныя времена года, особенно о дождѣ, о разныхъ жизненныхъ физическихъ дѣйствіяхъ мороза и т. п. въ словарѣ великорусскихъ областныхъ нарѣчій почти безчисленное множество: одно понятіе, наприм., о дождѣ или о дождливой погодѣ выражается на разные лады цѣлыми десятками словъ [1]). Наконецъ, вслѣдствіе непосредственно-чувственнаго физическаго міросо-

[1]) Въ частности особенно изобиленъ словарь народный реально-техническими словами, относящимися къ разнымъ работамъ народнымъ. Таковы, наприм., слова, относящіяся къ смолокуренію въ Арханг. губ., въ шенкурскомъ уѣздѣ: *Щанъ*—такъ называется въ шенкурск. уѣздѣ, котораго жители особенно занимаются смолокуреніемъ, засѣчка вакосъ топоромъ въ сосновое дерево, для добыванія смолы (Шренка, въ Географ. Вѣстн. 157. Лепех. Путеш. IV, 435); *засочка*, засачиванье дерева, когда съ сосноваго дерева соскабливается кора съ цѣлью, чтобы изъ обнаженнаго ствола *высачивались* на поверхность смо-

зерцанія и физико-географическаго, колонизаціоннаго распространенія народа, реально-познавательная дѣятельность его внѣшнихъ чувствъ съ особенною подробностью и реальною изобразительностью выработала физико-топографическія представленія и слова. Реальность, наглядность и тутъ господствуетъ въ высшей степени. Устроившись и укоренившись, путемъ колонизаціоннаго самораспространенія, въ различныхъ мѣстностяхъ, рабочій народъ пришелъ въ такое физіологическое соотвѣтствіе съ различными мѣстными физико-топографическими условіями, съ разными мѣстными природными формами и типами, что и всѣ областныя нарѣчія его суть живой, типическій отпечатокъ мѣстныхъ, областныхъ природныхъ формъ и типовъ, или мѣстныхъ физико-географическикъ особенностей. Такъ наприм., въ сѣверномъ поморьи, въ области моря, сѣверной тундры, сѣвернаго оленя, лопарей, самоѣдовъ и зырянъ,—и русскіе жители, потомки древнихъ новгородцевъ, пришедши въ физіологическое соотвѣтствіе со всѣми этими физико-географическими условіями поморья, съ особенною подробностью вырабатывали слова, относящіяся къ морю, къ морской феноменологіи и метеорологіи, къ гидрографической топографіи моря, къ топографіи тундры, къ оленямъ и оленеводству и т. п. Въ поморскомъ, архангельскомъ нарѣчіи, можно сказать, преобладаютъ типическія мѣстныя слова, выражающія: 1) метеорологію моря и особенно различныя явленія и направленія морскихъ вѣтровъ; 2) феноменологію моря, какъ, наприм., различныя явленія морскихъ приливовъ и отливовъ, различныя движенія, формы и направленія морскихъ льдовъ или торосовъ, различныя свѣтовыя или оптическія явленія на морѣ, въ родѣ дѣйствій рефракціи и т. п., 3) топографію и орографію моря и морскихъ береговъ — различныя топографическія формы и особенности островковъ, береговыхъ и морскихъ скалъ, заливовъ, коргъ, лайдъ, шаровъ, курей и проч.; 4) топографію тундры и поморскихъ рѣкъ и ихъ береговъ; 5) естественную исторію сѣверныхъ оленей и оленеводство; 6) особенности сѣверо-поморскаго климата и т. п. Таковы, наприм., слова: *отдорная погода*—буря на морѣ, отгоняющая (отдирающая) судно отъ берега; *морянка*—вѣтеръ съ моря; *глубникъ*—сѣверозападный вѣтеръ; *шелоникъ*— югозападный вѣтеръ; *межникъ*—всякій вѣтеръ, лежащій между 8-ю главными направленіями; *повѣтерь*, *повѣтерня*—попутный вѣтеръ; *противна*- противный вѣтеръ; *новодь*- попутное теченіе рѣки или моря; *заводь* загражденное скалою или выдавшимся мысомъ мѣсто у берега, гдѣ вода не имѣетъ теченія; *мятуха*—мелкій ледъ; *ропакъ*—льдина небольшого объема; *стамуха*—или *ставуха*—большая льдина омелѣвшаяся и потому неподвижная между вокругъ несущимися льдинами; *несякъ*—омелѣвшая во время морскаго отлива большая льдина, которую приливы заносятъ взгроможденными одна на другую льдинами меньшаго размѣра, образуя такимъ образомъ мало по малу цѣлую гору льдовъ, нерѣдко гибельную для промышленныхъ лодокъ; *голомя*—открытое море; *настрикъ*—мореходный терминъ архангелогородцевъ, находящійся въ ихъ изстаринныхъ «мореходныхъ книгахъ»: «судно идетъ настрикъ»; *взводень*—высокая сильная волна; *меженная вода*— всякая по временамъ измѣняющаяся водная поверхность на средней ея высотѣ; *маниха*

листыя вещества его (ibid.); *майданъ*—яма, выкапываемая въ землѣ для смолокуренія; *пѣкъ*—смола или родъ канифоли, получаемая черезъ перегонку сосновой смолы; летучія частицы этой послѣдней удаляются въ видѣ паровъ, а остающееся стекаетъ изъ мѣднаго котла въ бочки и называется *пѣкъ*. Такъ изъ скипидара выгоняется скипидарное масло, а остающееся смолистое вещество есть *канифоль* (ibid).

и *большица* —«въ устьяхъ Двины,—какъ говоритъ знаменитый изслѣдователь водъ нашего сѣвернаго океана, Литке,—и далѣе отъ оныхъ къ морю, до Зимнихъ горъ съ одной и до Унской губы съ другой стороны, періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія: три часа послѣ начала прилива останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на $1^1/_2$ или на 2 дюйма, причемъ иногда замѣчается вглубь направленное теченіе; такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*; послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: «идетъ *большица*», которая въ 2 или $2^1/_2$ часа, или ровно черезъ 6 часовъ по начатіи прилива, приводитъ полный приливъ» и проч. [1]). Далѣе, въ поморскомъ нарѣчіи съ такою же подробностью и реальною изобразительностью выработаны слова, относящіяся къ морской и береговой топографіи, такъ что одинъ физическій типъ или одна природная форма, наприм., гора, имѣетъ въ языкѣ поморцевъ до 7 выраженій. И тутъ поморцы не ограничились реально-познавательною наблюдательностью собственныхъ чувствъ, но еще заимствовали множество такихъ же чувственно-образныхъ, физико-топографическихъ словъ финскихъ, лопарскихъ и особенно самоѣдскихъ и зырянскихъ. Таковы, наприм., слова: *корга*—подводная скала, отъ финскаго прилагательнаго korgia, означающаго скалистую высоту, возвышающуюся надъ морскимъ дномъ, какъ наприм., на островѣ Гохландѣ Louna korgia, Pohia—korgi и т. д.; *пахта*—скала, возвышающаяся надъ поверхностью моря: такъ въ Кольской губѣ: Абрамова пахта, Пиногорева пахта и др.,—взято отъ лопарскаго *пахькъ*, означающаго гору; *луда*—скала въ морѣ, низкій скалистый берегъ и скалистое дно,—происходитъ отъ финскаго слова *луото*—островъ, скала морская и мель; *сальма*—самоѣдское слово, означающее приливъ морской; *лахта*—незначительный, неглубоко врѣзанный въ землю заливъ моря—отъ финскаго слова lachti, означающаго заливъ морской; *лайда*—прибрежная равнина, понимаемая весеннимъ полноводьемъ, или высокими приливами морскими,—происходитъ отъ финскаго *лайто*—отмѣлый, низменный; *щелья*—высокій обрывъ берега, скалистый или земляной; *угоръ*—высокій берегъ моря; *поливуха*—низкая скала въ морѣ, которая покрывается, *поливается* прилизомъ, а отливомъ, снова обнажается; *стамикъ*—высокая скала, возвышающаяся крутымъ обрывомъ надъ моремъ и мн. др. Вообще, физико-топографическій словарь поморскій, относящійся особенно къ морю, а также къ топографіи тундры, такъ изобиленъ мѣстными реально-изобразительными топографическими словами, что мы затрудняемся обременять читателя дальнѣйшими выписками и затрудняемся даже въ выборѣ самыхъ словъ: такое ихъ множество [2]). Какъ въ поморьи непосредственно-натуральная, реально-познавательная дѣятельность или наблюдательность внѣшнихъ чувствъ мѣстныхъ жителей преимущественно выработала слова, изображающія гидрографическую топографію и феноменологію моря, такъ въ континентальныхъ лѣсныхъ и земледѣльческихъ полосахъ внѣшнія чувства рабочаго народа съ особенною, даже мелочною подробностью и реальною типичностью выработали выраженія, относящіяся къ топографіи почвы, горъ, холмовъ, лѣсовъ, долинъ, овраговъ и т. п. Тутъ подмѣчена и выражена каждая форма или особенность холмика, ямины, оврага, каждое наружное или осязательное

[1]) См. Литке, путеш. къ Новой Землѣ.
[2]) См. Богатый словарь архангельскаго нарѣчія въ Запискахъ географ. общ. 1850, кн. IV, стр. 121—162: областныя выраженія русскаго языка въ Арханг. губерніи.

физическое свойство или состояніе пахотной земли, каждый видъ или каждая чѣмъ нибудь выдающаяся фигура кочки, ямины, извилины въ долинѣ и проч.

Такъ выразилась въ языкѣ рабочаго народа вѣковая реально-познавательная дѣятельность его органовъ чувствъ. Если языкъ есть естественно-реальное, логически-соотвѣтственное выраженіе мысли, думы, умонастроенія, то по языку нашего рабочаго народа можно положительно заключить, что мысль, дума его по преимуществу имѣетъ естественное реальное настроеніе. Все природное, непосредственно-натуральное умонастроеніе его, въ самомъ реально-звуковомъ выраженіи своемъ, въ языкѣ, въ словарѣ, такъ сказать, естественно стремится, естественно наклонно къ реализму. Если же въ народѣ нашемъ развилась и проявлялась также наклонность къ мистицизму или идеализму, то причиной тому были другія, независѣвшія отъ него историческія условія, о которыхъ мы и будемъ говорить дальше. Здѣсь же скажемъ только то, что непосредственно-чувственныя или сенсуально-эмпирическія наблюденія рабочаго народа, въ сферѣ природы, особенно наблюденія физико-топографическія, выразившіяся въ его реально-изобразительномъ языкѣ, нерѣдко до такой степени реально-точны и подробны, что признаются важными даже для науки. Такъ г. Шренкъ въ статьѣ своей «Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи» говоритъ: «быть можетъ, нѣкоторые сдѣлаютъ мнѣ вопросъ, въ какой связи находятся провинціализмы русскаго языка, предметъ розысканій чисто-лингвистическихъ, съ занятіями Географическаго общества? На этотъ вопросъ я отвѣчу, во-первыхъ, что языкъ есть живой отголосокъ думы человѣка; въ языкѣ познается, какъ онъ *мыслитъ и понимаетъ*; къ познанію же человѣка, составляющему одну изъ ближайшихъ цѣлей нашихъ, относится конечно и познаніе его образа мыслей, ибо безъ мысли человѣкъ не есть человѣкъ. Во-вторыхъ, была уже рѣчь въ нашемъ (Географ.) обществѣ о составленіи русскаго географическо-терминологическаго лексикона, въ которомъ должны заключаться и особенное вниманіе заслуживать областныя географическія выраженія всѣхъ странъ Россіи, ихъ объясненіе и производство... Изданіе подобнаго сборника безъ всякаго сомнѣнія будетъ весьма полезно, и не для однихъ русскихъ, а и для иностранцевъ, занимающихся географическимъ, или даже историческимъ изслѣдованіемъ какого-либо отдѣльнаго края Россіи... Такой словарь не только поведетъ къ тому, что въ карты могутъ быть правильнѣе вносимы названія урочищъ, нерѣдко до невѣроятности искаженныя; но и болѣе того: въ странѣ, обитаемой чуждымъ народомъ, названія отдѣльныхъ урочищъ, пестрѣющія на картѣ, составляютъ нынѣ мертвое скопище буквъ часто варварскаго звука, не имѣющее для насъ ни малѣйшаго значенія, не возбуждающее никакой мысли; если же мы будемъ понимать знаменованіе географическихъ терминовъ народа той страны, то карта передъ взоромъ нашимъ оживится, и понятныя названія породятъ въ умѣ идеи, которыя поведутъ къ розысканіямъ. Не только чисто русскія но даже и инородческія, географическія названія нерѣдко заключаютъ въ себѣ весьма важныя для науки, непосредственнымъ народнымъ опытомъ и наблюденіемъ дознанныя идеи. Возьмемъ одинъ примѣръ изъ архангельскаго поморскаго сѣвера. Здѣсь, въ отдаленныхъ кочевьяхъ Больше-земельскихъ самоѣдовъ, протекаетъ довольно значительная, въ сравненіи съ другими, рѣка, которую самоѣды назовутъ вамъ *хаіодъпыдыраяга*. Что подумаете вы при этомъ варварскомъ названіи? Ничего, рѣшительно ничего, кромѣ того, что подивитесь длинному слову и полудикимъ

его звукамъ, которые едва будете въ состоянiи удержать въ памяти; и посмотрите, какъ оно нанесено на карты: *хампура*, *хайпудара*, *хайпудырка* и т. д., которое изъ этихъ названiй правильно? Для этого розысканiя вы открываете географическiй лексиконъ и находите: *яга* на самоѣдскомъ языкѣ «рѣка», *пыдыра*—«лѣсъ», теперь вы знаете, по крайней мѣрѣ, что имѣете дѣло *съ рѣкой, по которой ростетъ лѣсъ*, и, быть можетъ, подивитесь, что *лѣса въ той сторонѣ тундры поднимаются столь высоко на сѣверъ, до 68-го градуса широты*, между тѣмъ, какъ обыкновенная граница ихъ на всемъ пространствѣ Архангельскихъ тундръ лежитъ на цѣлый градусъ широты ниже. Вотъ однимъ названiемъ порожденная въ васъ *мысль*, которая завлекаетъ повести розысканiе далѣе. Остальная часть самоѣдскаго названiя рѣки — слово *хаiодъ* означаетъ «*хребетъ святого, неприкосновеннаго лѣса*» и показываетъ, что Шомоховскiя горы на полуостровѣ Канинѣ подъ $67^1/_4$ градус. широты не суть крайнiй къ сѣверу оазисъ лѣсовъ. Такимъ образомъ, географическiй лексиконъ (народный) доставилъ вамъ не только средство исправить названiе мѣстности, но и побудилъ васъ къ изслѣдованiямъ, которыя довели до любопытнаго результата: означенiя *вѣроятной* сѣверной границы лѣсовъ въ этой части архангельской тундры, которое позднѣйшему путешественнику по этой странѣ останется только утвердить» [1]).

Наконецъ, и въ народной литературѣ, и во всей исторической земской жизни русскаго народа выразилось вѣковое господство познавательной дѣятельности низшихъ, интеллектуально-рабочихъ способностей —органовъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной. Какъ въ жизни, въ исторiи, въ дѣлѣ колонизацiи и культуры русской земли, преимущественно и даже исключительно дѣйствовалъ и работалъ народъ рабочiй,—такъ и въ литературѣ и вообще во всемъ выраженiи умственной жизни народа, преимущественно дѣйствовали и работали способности умственно-рабочiя, сенсуальныя. Въ особенности зрѣнiе, слухъ и память, зрительная и слуховая, и въ литературѣ преобладали надъ разумомъ и мыслью и признавались главными, единственными интеллектуальными источниками и проводниками знанiя. Древне-русскiе писатели, согласно съ общимъ чувственно-образнымъ умонастроенiемъ народа, обыкновенно весь матерiалъ для своихъ писанiй почерпали исключительно изъ непосредственныхъ впечатлѣнiй слуха, зрѣнiя, и памяти, слуховой и зрительной, безъ всякаго разсудочнаго, критическаго анализа этого матерiала. Память, слухъ и зрѣнiе они признавали единственными источниками сообщаемыхъ ими свѣдѣнiй и заботились о томъ только, чтобы свѣдѣнiями, полученными слухомъ и зрѣнiемъ, доставить какъ можно больше пищи памяти и слуху, и, вслѣдствiе этого, сами невольно сознавались, что «*разумъ* ихъ былъ *скуденъ и худъ*», и что способность теоретическаго мышленiя у нихъ нисколько не была развита. Такъ, наприм., сочинитель повѣсти о Стефанѣ Пермскомъ начинаетъ свое творенiе такимъ сознанiемъ: «житiе доброе *слышати* или и преписати *памяти ради*—отъ сего приносится успѣхъ не худъ и польза не мала *послушателямъ* и сказателямъ. Ибо *видѣнiе* есть вѣрнѣйшее *слышанiя*. Но увѣритъ же много и *слухъ слышащихъ*, если воистину будетъ глаголемое. Если же не написано будетъ *памяти ради*—то изыдетъ изъ *памяти*, и впредь и слѣдующимъ родамъ *забвенно* будетъ. А если безъ писанiя *забываемо* бываетъ, то не полезно

[1]) Записки Географ. Общ. 1850, кн. IV, стр. 122—124.

въ-забыть положити видѣнное и слышанное. А когда же язъ не достигъ въ ту мѣру, не пришелъ въ то прясло, дабы невидимо на разумныхъ скрижаляхъ писати, то на *чувственныхъ* хартіяхъ изволилъ писати [1]). Иное *слухомъ слышахъ*, иное и *своима очима видѣхъ*, а прочее вопрошахъ отъ старыхъ мужъ (слѣд., при помощи слуха и памяти слуховой). Но молю вы, простите меня, язъ бо есьмъ *умомъ* грубъ и словомъ невѣжа, и *худъ имѣя разумъ* и промыслъ предоуменъ, ибо не бывалъ я въ Аѳинахъ отъ юности, и не учился у философовъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не слыхалъ, ни философіи, ни хитрорѣчія не навыкъ, и спроста—*весь недоумѣнія наполнихся*» [2]). Изъ этихъ словъ очевидно, какъ у древне-русскихъ писателей познавательная способность и дѣятельность внѣшнихъ чувствъ и, въ частности, зрѣнія, слуха и памяти слуховой почти всецѣло преобладала надъ развитіемъ разума и совершенно чужда была высшей, философско-теоретической мыслительности. Въ частности, органъ зрѣнія служилъ и считался господствующимъ надъ разумомъ и даже надъ всѣми другими внѣшними чувствами, и самымъ достовѣрнымъ органомъ познанія истины, главнымъ доказательствомъ и критеріумомъ всякой достовѣрности и очевидности. «*Видѣніе* есть достовѣрнѣйшее *слышанія*», — говорили старинные наши писатели. Отсюда произошли и народныя пословицы: «паче, слуха видѣніе; не вѣрь ушамъ, вѣрь очамъ; не вѣрь рѣчамъ, вѣрь своимъ глазамъ» и т. п. [3]). Въ старину, чтобы удостовѣриться въ справедливости какого-нибудь свидѣтельства, обыкновенно употребляли усиленныя выраженія: «въ видѣніи *очи вѣсть видѣлъ я*», или «*дозрили и досмотрѣли*» [4]). Когда кто-нибудь хотѣлъ имѣть о чемъ-либо болѣе точное, ясное и подробное познаніе, то въ такомъ случаѣ, по словамъ одного древняго памятника, *паче слуха видѣніемъ хотяше вмѣстити* [5]). Безъ непосредственнаго созерцанія предметовъ не могли ихъ и описать, выразить на словахъ съ надлежащею отчетливостью. Вещественная наглядность была существеннымъ условіемъ познанія и мышленія, такъ что, по словамъ одного стариннаго русскаго писателя, „предметы и зданія не гласомъ, но *вещьми* говорили и внушали разныя мысли и представленія». По преобладанію непосредственно-вещественной, конкретно-предметной воспріимчивости органа зрѣнія надъ чисто-умозрительною, разсудочною выработкою понятій и представленій, по заочнымъ, отвлеченнымъ описаніямъ не могли понимать описываемыхъ предметовъ, безъ непосредственнаго созерцанія ихъ не могли и описать ихъ ясно, изобразительно. Напримѣръ, говоря о зданіяхъ «хитрыхъ художниковъ», не могли не только выразить письменно плана или «*замышленія* зданія», но и описать его внѣшнихъ формъ или частей, и для этого признавали необходимымъ только непосредственное созерцаніе зданія. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти о Евфиміи Новгородскомъ, о палатѣ каменной въ Новгородѣ, созданной «замышленіемъ хитраго художника» (Федора), сказано: «палаты пречюдны, но убо сія писаніемъ сказати не мощно, аще не самъ

[1]) Въ старину, однакожъ, различали сердечные *и разумные*, или *умные*, *мысленные очи*, т. е. мысль, умосозерцательную теоретическую способность мышленія, и *тѣлесные* или *чувственные очи*. Памятн. стар. р. литер. IV, 104 и др.

[2]) Памят. стар. рус. литер. вып. IV, стр. 119—120.

[3]) Сборн. русск. пословицъ—Даля, подъ словомъ: „человѣкъ". Таковы же пословицы: „свой глазъ—алмазъ, смотрокъ; глазъ не видитъ,—и ухо не слышитъ; не видишь,—и не говоришь; по-за-очью—что ночью" и т. п.

[4]) Сборн. Солов. библіот. № 182. Акты, относ. къ юридич. быту т. 1, *досмотры*.

[5]) Памят. стар. рус. литерат. IV, 77.

искусъ научитъ, *еже своима очима видѣвши»* [1]. *Слышанное видѣть*—считалось какимъ-то высшимъ благожеланіемъ, высшею, искомою умственною потребностью. Напримѣръ, у донскихъ казаковъ однимъ поздравительнымъ благожеланіемъ было, между прочимъ, присловье: «опредѣли, Господи, *слышанное видѣть*» [2]. Видѣніе или зрѣніе отождествлялось, представлялось однозначительнымъ съ уразумѣніемъ или познаніемъ; или логическій актъ познанія представлялся подъ образомъ чисто органическаго, чувственнаго акта *видѣнія*, напримѣръ, жизнеописанія составляли или «писали въ вѣчныя памяти на *увидѣніе* послѣдующимъ родамъ, т. е. на узнаніе» [3]. Зрѣніе замѣняло интеллектъ въ ученьи: грамотѣ учились «*навыкая зрѣніемъ*» [4]. Умственная способность представленія: пониманія и изученія книгъ отождествлялась съ зрѣніемъ. Напримѣръ, говорили: «окромѣ буквы, часослова и псалтири ничтоже учихъ, и то не совершенно, граматикіи же ниже слышахъ, како ея навыкаютъ, а *зря* ея, ино иноязычна ми *зрится*, а философіи *ниже очима видѣхъ»* [5]. Вслѣдствіе преобладанія познавательной дѣятельности органа зрѣнія надъ теоретическою мыслительностью, уклоненіе отъ *зрительнаго* ученія и познанія къ отвлеченно-умозрительному, философскому мудрствованію, считалось предосудительнымъ и укоризненнымъ. Такъ напримѣръ, въ старинныхъ надписяхъ на письмахъ, «другу гордому и спесивому» писалась такая укорительная надпись: «*любозрительнаго* ученія уклонителю и неначальнымъ своимъ ученіемъ философствующему и мудрствующему, другу моему» (имя рекъ) и проч. Отвлеченныя идеи, теоріи, понимались, какъ *зрительныя* представленія, такъ что слово «*теоретическій*» переводили словомъ «*зрительный*», говорили, напримѣръ, «новый способъ ариѳметики *ѳеорики или зрительныя*» [6]. Вслѣдствіе господства познавательной дѣятельности зрѣнія,—и писатели древне-русскіе, чтобы подѣйствовать на русскую мысль, возбудить въ читателяхъ умственное самосознаніе или убѣжденія,—возбуждали въ нихъ зрительное вниманіе. Обращая вниманіе читателя на какіе-нибудь важные факты или вопросы, не говорили: вникни мыслью, вдумайся, сообрази, знай и т. п., а говорили: *зри*. По рабочему умонастроенію народа, зрѣніе иногда отождествлялось даже съ пріобрѣтательною смышленностью, съ промышленнымъ умомъ и находчивостью. Напримѣръ, говорилось: «работникъ отъ труда *узрѣвъ* ястъ», вмѣсто: «трудомъ пріобрѣтши» [7]. При неразвитости теоретической интеллигенціи и мыслительности и при преобладаніи непосредственно-предметной, реально-познавательной воспріимчивости органа зрѣнія, народъ русскій самъ своимъ чисто теоретическимъ мышленіемъ ничего не могъ выдумать, а ему необходимо было *видѣть наглядные образцы*, чтобы научиться дѣлать что-нибудь новое. «Разумы наши,—говоритъ Юрій Крыжаничъ,—суть тупы и медлительны, *ничего не можемъ сами лѣпо и мудро выдумать*. И тако ко всякому мудрому дѣлу должны имѣть *наглядный узоръ, видъ и образецъ* отъ иныхъ народовъ» [8]. Какъ въ физическомъ міросозерцаніи, такъ и въ сферѣ

---

1) Пам. IV, 20.

2) О курмоярск. стан. въ Чтеніи общ. истор. 1863 г. кн. 3, отд. V, стр. 15.

3) Памят. стар. р. литер. VI, 31.

4) О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.—статья г. Мордовцова въ Чтен. общ. ист. 1861 г. кн. 4, отд. I, стр. 53.

5) Опис. рукоп. Румянц. Муз. № 411, л. 39—40. Ученыя записки II отд. академіи наукъ кн. I, стр. 257.

6) Пекарскаго, наука и литерат. при Петрѣ I, т. I, стр. 272.

7) Измарагдъ рукоп. Солов. библіот.

8) О московск. государствѣ XVII в. раздѣлъ II, стр. 33.

земскаго строенья рабочаго народа, органъ зрѣнія былъ главнымъ познавательнымъ органомъ и установителемъ многихъ земскихъ понятій—топографическихъ, юридическихъ и т. п. Въ сферѣ земскаго строенья, въ области топографіи, геодезіи и геогнозіи, всѣ познавательные акты ограничивались дознаніями посредствомъ органа зрѣнія и назывались *дозорами* и *досмотрами*. На основаніи этихъ непосредственно-зрительныхъ дознаній составлялись такъ называемыя *«дозорныя книги»* или *«дозоры»* и *«досмотрѣнныя записки»* или *«досмотры»*. При господствѣ непосредственно-натуральной познавательной дѣятельности органа зрѣнія,—общимъ, всенароднымъ зрѣніемъ *дозирали* и *досматривали* разныя физическія явленія на русской землѣ, но по неразвитости мышленія и логической силы индукціи и обобщенія, никакихъ раціонально-теоретическихъ, научныхъ идей и понятій не могли выводить изъ этихъ безпрерывныхъ и повсемѣстныхъ досмотровъ и дозоровъ. Такъ, наприм., громадныя рѣки русской земли замѣтно для всѣхъ совершали свою геологическую работу, постепенно и разнообразно измѣняя топографическое и геогностическое строеніе береговъ и окрестныхъ земель. Это геологическое дѣйствіе рѣкъ, то разрушительное, то новообразовательное, неизбѣжно оказывало вліяніе на территоріальныя или поземельныя отношенія жителей, на ихъ хозяйство и проч. [1]). И вотъ, по свидѣтельству актовъ, цѣлыми волостями, съ понятыми, «большимъ повальнымъ обыскомъ *дозирали* и *досматривали* тѣ новоприсадныя мѣста или пески, что присадило вновь рѣкою послѣ писцовъ къ старымъ землямъ». На досмотрѣ, при сборѣ народа, составлялись *«досмотрѣнныя записки»*, въ которыхъ досмотрщики подробно и наглядно, какъ представлялъ органъ зрѣнія, описывали «мѣру и досмотръ новоприсадныхъ мѣстъ». Никого эти «новоприсадныя» образованія или измѣненія земли не наводили ни на какія геологическія размышленія и изслѣдованія, на разработку геологическихъ знаній, или на изслѣдованіе геологіи всей русской земли, подобно тому, какъ въ Италіи вулканическія изверженія и земляныя раскопки въ Веронѣ (въ нач. XVI в.) навели мыслителей, подобныхъ Леонардо да Винчи и Фракасторо, на иниціативу обширныхъ геологическихъ изслѣдованій. Точно также при отсутствіи медиковъ, вмѣсто медицинскаго свидѣтельства, служилъ такой же повальный досмотръ или осмотръ [2]). Потому же практическихъ, сельско-хозяйственныхъ естествоиспытателей или изслѣдователей физической производительности русской земли называли *углядниками*. Юрій Крыжаничъ писалъ: «добро бы было послать *углядниковъ* по всему царству, да бѣху обыскивали, испытывали и раскрывали, гдѣ изобильно родится или родиться можетъ какое жито, зелье, деревья, или былье, какъ-то: ленъ, конопля, хмѣль, медъ, главатица, лукъ, и другое, или гдѣ изобильно плодятся овцы, кони, волы, свиньи, рыбы» и проч. [3]). Однимъ изъ высшихъ качествъ учителей и управителей народныхъ признавалась *смотрѣливость*: отъ нихъ требовали, чтобы они были *смотрѣливы* [4]). О хорошемъ приказчикѣ или

[1]) См. напр. актъ „о присадной и отмойной землѣ“. А. И. I, 248.

[2]) Наприм., въ 1677 г. одинъ новгородецъ Григорій Пустошкинъ въ челобитной своей докладывалъ, что онъ „отъ литовскихъ людей на бою раненъ изъ пушки дробовымъ жеребьемъ въ лѣвую щеку, кость и зубы коренные нижніе выломаны, и языкъ перерванъ, и отъ тѣхъ ранъ онъ болѣнъ и увѣченъ, глухъ и нѣмъ, и находитъ на него оморокъ, и въ умѣ забывается“. И вся діагностика его болѣзни ограничивалась тѣмъ, что воевода и многіе окольные люди осматривали наружныя раны и поврежденія больного, и этимъ наружнымъ досмотромъ правительство довольствовалось. А. Юр. № 55, стр. 305.

[3]) О моск. госуд. разд. 3, стр. 44.

[4]) Ак. отн. къ юрид. б. I, № 47.

вотчиннникѣ говорили: «*тихима очима* на своя владомая *смотряя*». Такіе акты практическаго разума и мышленія, какъ обсужденіе, разумѣніе и т. п. назывались «*разсмотрѣньемъ, осмотрѣньемъ*». Точно также называлась административная умственная прозорливость и сообразительность. Воеводамъ дальнихъ областей обыкновенно наказывалось распоряжаться, смотря по тамошнему мѣсту и по своему *высмотру* и *разсмотрѣнью*» [1]. Глазъ былъ, такъ сказать, особеннымъ служилымъ органомъ въ московскомъ государствѣ, особенно на сторожевыхъ линіяхъ по украйнамъ. По украйнамъ, «у засѣкъ, по свидѣтельству актовъ, въ *дозорѣ* были засѣчные *дозорщики*, и воеводы посылались на засѣки для *дозору*, чтобы противъ прежнихъ *дозорныхъ книгъ* ихъ *дозрить* и описать вся поименно» [2]. Въ городахъ, въ кремляхъ, на башняхъ возвышались караульныя *смотрильни*, такъ же какъ надъ свѣтлицами и теремами — теремныя *смотрильни*. Наконецъ, и въ сферѣ нравственно-юридическихъ вопросовъ, зрѣніе считалось вполнѣ достаточнымъ и достовѣрнымъ критеріумомъ той или другой юридической истины. На судѣ, при клятвахъ и присягахъ, *зрѣніе на образъ* считалось высшимъ, несомнѣннымъ доказательствомъ правоты. Даже при всеобщихъ религіозныхъ земскихъ «обыскахъ», наприм., о новоявленныхъ мощахъ и чудесахъ, ссылались на свои «*видѣнія очи — вѣсть*» [3]. Вообще, при господствѣ чувства зрѣнія надъ разумомъ, народъ, безъ всякой критики, безъ всякаго размышленія, полагался на свое зрѣніе, на-обумъ, не разсуждая судилъ по своему о томъ, что какъ видѣлъ. «Мужикъ простой — *что видитъ*, то и бредитъ», — такъ съ похвалой говорилъ въ 1705 г. въ Астрахани одинъ ярославскій гость первой статьи, Яковъ Носовъ — извѣстный заводчикъ астраханскаго бунта. Вслѣдствіе неразвитости разума и господства органа зрѣнія надъ мышленіемъ, субъективныя ощущенія и галлюцинаціи зрѣнія породили въ народѣ тьму особыхъ зрительныхъ суевѣрныхъ умопредставленій. Отсюда произошла, наприм., вѣра въ *окомигъ*, въ *сглаживанье* [4]. Къ числу отреченныхъ книгъ относился сборникъ суевѣрныхъ зрительныхъ примѣтъ, подъ заглавіемъ: *окомигъ* [5]. Въ сборникѣ народныхъ пословицъ, составленномъ Далемъ, находимъ много такихъ зрительныхъ примѣтъ народа: «*черный глазъ* — опасный: бойся чернаго, да *каряго глаза*; *лѣвый глазъ* къ слезамъ свербитъ, а *правый* — на любаго человѣка смотрѣть; *недобрый глазъ* наглядѣлъ на насъ; человѣкъ *изглаженъ* или *сглаженъ*, *призорами испорченъ*; *глазъ* нечистъ, не хорошъ, черенъ; кто нечаянно *завидитъ свѣтъ* въ своемъ домѣ — жди счастья; до утренней зори *не гляди въ окно*» и т. п. Вообще объ органѣ зрѣнія, какъ главномъ познавательномъ органѣ и источникѣ народнаго міросозерцанія, у народа нашего сохранилось множество примѣтъ и пословицъ [6].

Точно также органъ *слуха* былъ господствующимъ органомъ и критеріемъ несомнѣннаго познанія, вѣры и убѣжденія. «Увѣритъ же много и *слухъ слыша-*

[1] Доп. III, № 4. Доп. VIII, № 69 и мн. др.

[2] Доп. VIII, стр. 89—90, 93.

[3] Сборн. соловец. библіот. № 128.

[4] Въ Румянцевскомъ Сборникѣ 1754 г. упоминаются наприм. такія зрительныя суевѣрія: „*зори смотрять, очи* свербятъ — плакать будетъ; на руки даютъ *смотрѣть* волхву“ и т. п.

[5] Русскій расколъ. Казань, 1859 г. стр. 449.

[6] Сборникъ пословицъ русскаго народа - Даля въ Чтен. Общ. истор. подъ словами: *суевѣрія—примѣты* и *человѣкъ*.

щихъ»,—говорили древне-русскіе грамотники и писатели, сплошь и рядомъ основывавшіеся на одномъ свидѣтельствѣ слуха въ писаніяхъ. Способность слуха также смѣшивать, отождествлялась съ умственною способностью вниманія, представленія, сообразительности и пониманія. Напримѣръ, говорили: «такую вещь сдѣлалъ еси, ея же и *слухъ* нашъ не вмѣститъ», т. е. и умъ не пойметъ, не сообразитъ, не представитъ [1]). Или, одинъ повѣствователь, боясь обременить вниманіе и мысль читателей слишкомъ подробною и длинною повѣстью, заключаетъ свое сказаніе: «оставимъ большія сказанія, вѣмъ бо, грубыхъ *ушеса* долгими бесѣдами отягчеваются» [2]). Какъ чуткость слуха представлялась синонимичною съ ясностью, понятностью мысли или слова, такъ, наоборотъ, *глухота* представлялась однозначительною съ непонятностью, неясностью изложенія или сообщенія мыслей. Такъ, одинъ. помѣщикъ XVII вѣка, въ семейномъ письмѣ своемъ, пишетъ: «въ грамоткѣ ты, Петрунюшка, пишешь *глухо*, мы разсудку положить не умѣемъ» [3]). Дѣятельность слуха признавалась также равнозначительною и отождествлялась или смѣшивалась съ дѣятельностью умственнаго самоуглубленія и мышленія. Напримѣръ, писали: «*неслушай себя*—будетъ добро; аще же станешь *помышлять*—будетъ погибель». *Послушать* слова ученія—значило воспринять умственное назиданіе. И родители и учители духовные особенно возбуждали дѣятельность слуха къ усвоенію своихъ назиданій и словесъ. Первые напримѣръ, говорили дѣтямъ: «милое ты наше чадо, *послушай* ученія родительскаго, ты *послушай* пословицы добрыя... еще не давай *очамъ воли*». Вслѣдствіе особенныхъ условій воспитанія чувства слуха, предки наши всего больше воспитывались, умственно развивались и обогащались знаніемъ старой и современой жизни посредствомъ чувства слуха. Всякая старина разсказывалась молодымъ людямъ на *послушанье*. Многіе сказанія поэтому кончались стихомъ: «то старина — то и дѣянье, какъ бы добрымъ людямъ *на послушанье*» [4]). Учители духовные тоже постоянно внушали: «приклоните, *послуси* или *слушателіе*, *слухя* ваши со вниманіемъ». Какъ на юридическомъ языкѣ нашихъ предковъ судебные свидѣтели назывались *послухами* [5]), такъ и на церковно-славянскомъ языкѣ слушатели всякаго книжнаго ученья назывались тоже *послухами* [6]). Вслѣдствіе такого воспитанія и воспитательнаго значенія органа слуха, однимъ изъ высшихъ умственныхъ качествъ признавалась пассивная слуховая переимчивость, послушанье старины, старыхъ сказаній и суевѣрій, и *послушаніе* родителямъ, властямъ, помѣщикамъ и т. п. Противъ *ослушниковъ* давались особыя царскія грамоты, такъ называемыя *послушныя* [7]). Чтобы сильнѣе выразить важность познавательной дѣятельности органа слуха и достовѣрность слухового свѣдѣнія или свидѣтельства, употребляли усиленныя выраженія, напр.: «вси *со ушію слушали*, *услышали слухъ*, или *вонушали во уши* всѣмъ людямъ тяжкія словеса» [8]). Самые важные вопросы жизни и даже вѣры рѣшались народнымъ слухомъ. При всеобщихъ зем-

[1]) Пам. стар. р. литер. IV, 141.
[2]) Пам. IV, 51.
[3]) Чтен. Общ. Истор. 1859 г. кн. 2, отд. V: помѣщичьи письма, стр. 49.
[4]) Буслаева, Очерки литерат. II, 18, 41, III.
[5]) Въ „правыхъ грамотахъ“ постоянно говорится: „а се на то *послуси*“, или: „у грамоты были *послухи*“ и т. п. См. А. Юр. I и А. отн. къ Юр. б. I: „правыя грамоты“.
[6]) Пам. IV, 2: „разумни вси душеполезнаго житія *послуси*“ и проч.
[7]) А. Юр. б. I, № 58: *послушныя* грамоты, стр. 417—440.
[8]) Пом. IV, 82.

скихъ розыскахъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и убѣдительныхъ доводовъ были такія рѣчи земскихъ людей и послуховъ: *слышали* мы отъ старыхъ людей, — *слышали* мы отъ отцовъ своихъ». Когда на площади московской, въ 1682 году, рѣшался всенародный споръ о старыхъ книгахъ, и читали во всеуслышаніе челобитную «на двадесяти столбцахъ писаныхъ», — тогда, по словамъ очевидца и описателя событія Савы Романова, «посадскіе люди, стрѣльцы, чернослободцы, народи вси *со ушіи* ту прилежно *слушаху*». Всенароднымъ *вислушаньемъ со ушіи* и освидѣтельствованіемъ старыхъ книгъ хотѣли рѣшить спорный вопросъ. Когда же это оказалось недостаточнымъ, при отсутствіи раціональной убѣдительности,—прибѣгли къ самому ощутительному дѣйствію на органъ слуха: *къ заушенію* — «хотяху *заушити*» школьныхъ учителей-поповъ, и была на площади *молва и голка велія*—шумъ и крикъ [1]). Органъ слуха, также какъ и органъ зрѣнія, былъ важнымъ служилымъ органомъ въ дѣлахъ правительства. Онъ замѣнялъ нынѣшнія газеты и телеграфы. Само правительство руководилось *слуховыми вѣдомостями*, и посылало для провѣдыванья «всякихъ подлинныхъ вѣстей» особыхъ «посыльщиковъ», чтобы они «пересмотря провѣдали накрѣпко про то или другое нужное дѣло или событіе, и по вѣрному и подлинному свидѣтельству и провѣдыванью взяли самую прямую *вѣдомость*, смотря по тамошнему и по своему разсмотрѣнью» [2]). Трудность корреспонденціи, особенно до учрежденія внутренней почты, появившейся не ранѣе 1687 года, отсутствіе печатной публичности, всенародныхъ вѣдомостей — курантовъ или газетъ, разрозненность, разбросанность поселеній на громадныхъ, черезполосныхъ пространствахъ, неустройство путей сообщенія, пустынность и баснословная, миѳологическая мрачность и загадочность многихъ мѣстъ, особенно въ захолустьяхъ, по украйнамъ, за черными дикими лѣсами и т. п.,—все это благопріятствовало особенному значенію дѣятельности слуха, молвы. Такъ, одинъ крестьянинъ въ челобитной своему помѣщику, между прочимъ, пишетъ: «а про разбой свой я *не слыхалъ*, только я *отъ слуху слышалъ*, перехватили-де на Синбирскомъ; а у меня здѣсь мѣсто скудно (глухо), а путь дальній, *провѣдать допряма некѣмъ*» [3]). Правительство, основываясь на слухахъ, особенно въ дѣлахъ сторожевой службы по украйнамъ, различало «большія вѣсти или слухи и малыя вѣсти или слухи». *Вѣдомостями* назывались непосредственно слуховыя вѣсти и извѣстія. Стрѣльцы на московской площади и передъ грановитою палатою говорили, напримѣръ: «сверху (изъ царскихъ палатъ) *вѣдомость* пришла, царица трикраты посылала *вѣдомость* — словесныя *объявленія* [4]). Или на низу Волги говорили: «слышали на Царицынѣ про воровскихъ казаковъ, что взбунтовались, а *вѣдомости* никакой царицынскіе жители *не сказали*, гдѣ, въ какихъ мѣстахъ тѣ воровскіе казаки, объ томъ вѣдомости никакой не слыхали, и сами не видали» [5]). И надобно сказать, что слухъ много способствовалъ географическому и этнографическому разслѣдыванью русской земли, и особенно Сибири. Слухомъ земля полнилась, и языкъ довелъ славяно-русское племя отъ Кіева до Амура и Восточнаго океана. Открытіе, дознаніе и покореніе

[1]) Три челобитныя справщика Савватія, Саввы Романова и проч. Спб. 1862, стр. 77 115.

[2]) Доп. VII, № 50, № 72, стр. 343.

[3]) Крестьянскія челобитныя въ Чтен. общ. ист. 1859 кн. 2 отд. V, 46.

[4]) 3 челобитн. III.

[5]) Доп. VII № 48.

глухихъ сѣверо-восточныхъ украйнъ великорусскихъ и земель и народовъ сибирскихъ, и особенно географическія и этнографическія развѣдки и открытія въ отдаленныхъ и глухихъ украйнахъ Сибири, совершались главнымъ образомъ и даже исключительно на основаніи слуха, на основаніи такъ называемаго въ актахъ *поиманья языковъ*, на основаніи слуховъ и распросовъ инородческихъ, особенно аманатскихъ. По слухамъ же разузнавали и открывали въ Сибири разныя минеральныя богатства — слюду, желѣзную, мѣдную, серебряную, и золотую руду, а также лекарственныя травы и коренья и многое другое [1]). Точному, научному изслѣдованію и познанію русской и сибирской земли предшествовали познанія слуховыя. Книгѣ Чертежа сибирской земли, а также изслѣдованіямъ Мессершмидтовъ, Палласовъ и Георги предшествовали слуховыя дознанія и отписки Поярковыхъ, Хабаровыхъ и проч. Точно также и во внутреннихъ гражданскихъ или земскихъ дѣлахъ слухъ во многихъ отношеніяхъ замѣнялъ мыслительную, умственную самодѣятельность. Способъ распространенія извѣстій или свѣдѣній, способъ познанія, былъ не интеллектуальный, умственно самодѣятельный, печатный и т. п., а слуховой. При крайней малораспространенности въ народѣ грамотности, при отсутствіи печатныхъ органовъ публичности или гласности, — органъ слуха замѣнялъ все въ этомъ отношеніи: смыслъ царскихъ указовъ усвояли не собственнымъ чтеніемъ и изученіемъ, а слухомъ: «биричи» обыкновенно «по многи дни *кликали* по улицамъ и по торгамъ, во всѣхъ волостяхъ и деревняхъ, трубя во всеуслышаніе о томъ или другомъ царскомъ указѣ, и если кто не слыхалъ или не исполнялъ указа, тотъ назывался *ослушнымъ*» [2]). Счетныя книги, наприм., по таможенному, питейному и другимъ сборамъ, также обыкновенно всенароднымъ слухомъ провѣрялись и закрѣплялись: ихъ велѣно было «вычесть всякихъ чиновъ людямъ *вслухъ* не по одно время» [3]). По областямъ разсылалась особые *трубники* для громогласнаго объявленія вслухъ всему народу, наприм., царскаго «осуда» воеводамъ, въ случаѣ ихъ ослушанья или неисправности [4]). Какъ въ сферѣ наблюдательности зрѣнія необходимы были «смотрильни», —такъ въ сферѣ слуховыхъ общественныхъ или земскихъ сношеній и оповѣщеній необходимы были *вѣчевые* и *вѣстовые* или *сполошные колокола, бои* и *боевые часы* [5]). Русскіе особенно любили слушать звонъ большихъ «*доброслушныхъ* камбановъ, еже есть колоколовъ», такъ что чрезмѣрную склонность къ слушанью церковнаго колокольнаго звона въ XVI в. обличало даже само духовенство. Вообще, слухъ имѣлъ такое полновѣсное значеніе, что служилъ часто безконтрольнымъ доказательствомъ, наприм., на судѣ свидѣтельство слуховое принималось безъ всякаго разсужденія и критики. На судахъ много дѣлъ рѣшалось по одному, «*рожслушанью*», по *язычной молвѣ, поклепнымъ искамъ*, по сказкѣ послуховъ. Слухъ не малую службу сослужилъ и въ политическомъ отношеніи, когда господствовало роковое, страшное *слово и дѣло*. Отсюда произошло *наушничество*, ябедничество. Въ XVI или XVII в. образовалась пословица народная: «Богъ любитъ праведниковъ, а царь любитъ ябедниковъ». Съ другой стороны, при неразвитости разума и мышленія, слухъ народный былъ особенно наклоненъ и вос-

---

1) См. дополн. къ А. Ист. т. I—VIII.
2) Наприм., А. Юрид. б. I, 423 и мн. др.
3) Доп. VII, 317.
4) Доп. VIII, № 45.
5) Костомаровъ, очеркъ нрав. великор. нар. 16.

пріимчивъ ко всякимъ баснословнымъ и суевѣрнымъ слухамъ, мифамъ и сказкамъ. «Въ небылицѣ русскихъ увѣрить легко, —замѣчаетъ Коллинсъ,—но трудно убѣдить ихъ въ истинномъ и вѣроятномъ». Ложные слухи производили бунты, создавали самозванщину, создавали мифическія страны и явленія. Разнесся, напримѣръ, въ 1705 г. слухъ, и пошла молва по торгамъ, внизъ по Волгѣ, будто запрещено будетъ играть свадьбы 7 лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать замужъ за нѣмцевъ,—и въ Астрахани 29 іюля въ воскресенье сыграно было 100 свадебъ, чтобы потомъ не выдавать своихъ дѣвицъ за нѣмцевъ, а ночью вспыхнулъ большой извѣстный астраханскій бунтъ [1]). Разнесся слухъ, что Петръ III явился въ Заволжьи,—и разыгралась пугачевщина, и явился не одинъ самозванецъ Петръ III. Обыкновенно отдаленныя страны русской земли слухъ народный наполнялъ разными мифическими существами и сценами чудесныхъ событій. Такъ, слухъ народный разгласилъ молву, будто на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, лѣсистомъ, суровомъ, въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, живетъ въ пещерѣ змѣя-аспида, змѣя крылатая съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами,—и про змѣю эту ходили разные баснословные и страшные слухи. Пустынные берега широкой Волги слухъ народный также оглашалъ разными чудесными, мифическими баснями. Ходилъ слухъ, что выше Саратова есть гора Змієва, гдѣ обитаетъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія. Ходилъ слухъ, будто въ низовьяхъ Волги растетъ животно-растеніе «баранецъ», приносящее плодъ, похожій на ягненка, съ мохнатыми ногами, и проч. и проч. [2]). Наконецъ, при господствѣ органа слуха надъ разумомъ и мышленіемъ, галлюцинаціи слуха народнаго были источникомъ многихъ суевѣрій. Отсюда проистекали, наприм., такъ называемые святочные *подслухи* или *подслушиванья*. Въ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года записаны, наприм., такіе древніе «подслухи»: «на ростанехъ слушаютъ, громъ слушаютъ и валяются, пса слушаютъ, слушаютъ, какъ кошка мяукаетъ, или гусь кокочетъ, утка крякаетъ», и т. п. Къ отреченнымъ книгамъ относились сборники слуховыхъ галлюцинаціонныхъ примѣтъ и суевѣрій: «*ухозвонъ*, *стѣнотрескъ*, *вранограй*, *трава шумитъ*, съ древу листъ шумитъ» и проч, [3]). При «подслухахъ» всякія слуховыя галлюцинаціи принимались и доселѣ принимаются за истину. Даль въ своемъ сборникѣ народныхъ примѣтъ и пословицъ, приводитъ, наприм., такіе *подслухи*: «*слушаютъ* дѣтки на гумнѣ: если дружный стукотокъ—итти за-мужъ въ большую семью, одинъ молотитъ—за одинокаго; *слушаютъ* подъ окнами, и по разговору заключаютъ о замужествѣ и о судьбѣ своей: *подслушиваютъ* у церковныхъ дверей ночью: если слышатъ колокольчикъ — замужество, *глухой стукъ*—могила. И твердо, несомнѣнно вѣрятъ въ эти подслухи: и что скажутъ *подслухи*, того и жди»,—говоритъ одна народная пословица. Самый органъ слуха, по различнымъ субъективнымъ ощущеніямъ его, такъ называемымъ въ физіологіи «звучнымъ слѣдамъ», слуховымъ галлюцинаціямъ, шумамъ въ народномъ слуховомъ проходѣ или въ барабанной полости, треску отъ сокращенія мышцы, натягивающей барабанъ и т. п.,—самый органъ слуха, такимъ образомъ, служилъ источникомъ множества суевѣрныхъ примѣтъ и понятій въ народномъ міросозерцаніи. Напримѣръ, у Даля читаемъ: «что-

[1]) Соловьевъ. Истор. Россіи XV. стр. 143.
[2]) Костомаровъ. Очеркъ пр. вел. нар. 184.
[3]) Буслаевъ. Очерки литер. 482—486.

то у меня въ *ушахъ звенитъ*—кто-то поминаетъ; въ правомъ *ухѣ звенитъ*—къ добрымъ вѣстямъ или добрый поминъ, въ лѣвомъ ухѣ звонъ—худой поминъ, у кого *ухо горитъ*, про того говорятъ: правое ухо—правду, лѣвое—ложь; *уши чешутся*—къ вѣстямъ; уши свербятъ—по новорожденномъ у знакомыхъ людей; *уши слышатъ гулъ* въ трубѣ—душа покойника пришла» и проч. [1]).

Наконецъ память—этотъ нервный резервуаръ, сохраняющій въ скрытомъ состояніи въ нервныхъ аппаратахъ всѣ данные органами чувствъ звуки, образы, слѣды и вообще всякія ощущенія, память зрительная, слуховая и осязательная, какъ тоже низшая познавательная способность, не обусловливала высшаго, научно-мысленнаго интеллектуальнаго развитія. Она только сохраняла и упрочивала тотъ скудный запасъ умственныхъ представленій и ощущеній, какой вырабатывался органами чувствъ. Въ силу того, что у большинства людей, вслѣдствіе условій воспитанія ихъ чувствъ, слуховыя ощущенія несравненно сильнѣе зрительныхъ,—дѣятельность слуха находилась въ особенно-тѣсной связи съ дѣятельностью памяти, увеличивая въ ней запасъ скрытыхъ слѣдовъ, звуковъ и образовъ. Отъ этого преобладанія памяти и слуха происходило то, что изъ рода въ родъ, испоконъ вѣка, отцы и дѣды разсказывали дѣтямъ и внукамъ одни и тѣ же старыя сказанія, мифы и сказки, передавали одни и тѣже изстаринныя, рутинныя промышленныя понятія и обычаи. Отсюда проистекало это, можно сказать, всемогущее господство въ умственной жизни русскаго народа старины, стараго преданья, старыхъ суевѣрій, сказаній, пословицъ и примѣтъ. Всякое старое сказанье и преданье, всякая «старина и старое дѣянье» разсказывались «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ людямъ *для памяти*» [2]). При господствѣ памяти надъ разумомъ,—память замѣняла разумѣніе, знаніе, такъ что вмѣсто: «знаю или не знаю» говорили: «помню или не помню». Высшимъ умственнымъ дарованіемъ или талантомъ считалась хорошая память, или, какъ выражаются народные, старообрядческіе писатели, «*память важная, добрая, твердая*» и, въ особенности, память старины. Такъ, извѣстный библіографъ или историкъ старообрядческій, Павелъ Любопытный, составившій «библіотеку старовѣрческой церкви» или библіографію 936 сочиненій 43 старообрядческихъ писателей и «историческій словарь старовѣрческой церкви» (1828 г.) съ характеристикой авторскихъ достоинствъ 86 писателей,—о большей части старовѣрческихъ писателей отзывается такъ: «*памяти важной, памяти твердой, памяти хорошей, памяти рѣдкой, великій любитель* благочестивыхъ предметовъ *древности* и оныхъ рѣдкій снискатель,» или: «*рѣдкій снискатель* и *отличный любитель и собиратель* священныхъ предметовъ *древности и предковъ своихъ преданій, соборовъ, мышленій и твореній*, рѣдкій и отличный собиратель священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ догматовъ и церковныхъ ихъ мышленій

---

[1]) Сборн. пословицъ въ Чтен. общ. истор. И какъ вообще сильна была въ народѣ дѣятельность органа слуха—можно судить по многочисленнымъ народнымъ пословицамъ и примѣтамъ, относящимся къ слуху, каковы наприм.: „слухомъ земля полнится; пусти уши въ люди, всего наслушаешься; чужихъ слуховъ не оберешься; скажешь съ уха на ухо, узнаютъ съ угла на уголъ“; „слишишь колоколъ льютъ“;—говорится о всѣхъ несбыточныхъ, выдуманныхъ слухахъ, потому что къ отливкѣ колокола, по суевѣрью, пускаютъ какой-нибудь ложный слухъ, небылицу, колоколъ отливаютъ, такъ вѣсти распускаютъ (суевѣріе); стояли люди подъ колоколами, т. е слышали; въ Москвѣ къ заутренѣ звонили, а на Вологдѣ звонъ слышали и т. п. Въ простонародьи, особенно въ Сибири, преобладаніе слуха надъ разумомъ создало страсть къ *сплетничеству*.

[2]) Буслаевъ, Очерки лит. II, 18. 44. III.

и обычаевъ» и т. п. [1]). Встарину различныя книги писали не для развитія мысли, не для расширенія знаній, а *памяти дѣля* или *памяти ради* [2]). Память замѣняла даже и самыя книги, а тѣмъ болѣе географическія карты и т. п. Напримѣръ Лепехинъ замѣчаетъ о поморскихъ промышленникахъ-мореходахъ: «вмѣсто меркаторской карты служитъ имъ собственная ихъ *память* и сохраняемыя ихъ воображеніемъ виды морскихъ береговъ, приморскихъ горъ и мысовъ» [3]). Какимъ высшимъ умственнымъ качествомъ считалась хорошая память, такъ, наоборотъ, самымъ важнымъ умственнымъ недостаткомъ считался *забвенный умъ* [4]). И доселѣ народъ считаетъ память высшимъ дарованіемъ. Напр., въ пословицахъ своихъ онъ говоритъ: «пошли тебѣ Богъ *твердую память*: когда сядешь ѣсть, закрывай книгу, чтобы не заѣсть *память*: на себѣ шить не надо,— память пришьешь» и т. п. Вслѣдствіе преобладанія памяти надъ разумомъ, народъ русскій искони вѣка мыслилъ и жилъ «по старинѣ и пошлинѣ» или такъ, какъ «пошло изъ старины». Память старины была верховнымъ критеріумомъ и извѣковѣчнымъ хранилищемъ всѣхъ умственныхъ и экономическихъ понятій и убѣжденій. Она замѣняла всякія раціональныя, научныя основы земскихъ вопросовъ и дѣлъ. Напр., въ дѣлѣ земскаго строенья, не раціональное, геометрическое измѣреніе и межеванье земель, не геодезисты и математики-землемѣры, а такъ называемыя въ актахъ «старые добрые *памятухи*», по свидѣтельству юридическихъ актовъ, рѣшали споры о землѣ, о межахъ, о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли и т. п. Въ случаѣ споровъ о землѣ, о межахъ, *памятухи-старожильцы*, на основаніи своей старческой памяти, рѣшали дѣло. Судья обыкновенно спрашивалъ ихъ на судѣ: «какая та земля изъ старины, чья та земля»? И вотъ *памятухи-старожильцы* выступали на сцену и отвѣчали старчески-диктаторски: одинъ памятухъ говорилъ: «язъ, господине, *помню* за 70 лѣтъ, чья то земля», и разсказывалъ—чья; другой памятухъ вторилъ: «мнѣ, господине, девяносто (90) лѣтъ, и *я помню*, какая та земля изъ старины»; а третій памятухъ сознавался: «а язъ, господине, тѣхъ мѣстъ *и не помню*» и т. д. Не разумъ, а память управляла всѣми народными понятіями и дѣлами—административными, юридическими, семейными, техническими и торгово промышленными. Въ приказахъ дѣла назывались *памятями*, напр. *памяти* большого приказа, *памяти* хлѣбнаго стола, *памяти* ямского стола. Для памяти писались и *памятями* назывались и разныя воеводскія и вообще оффиціальныя сношенія, увѣдомленія, наказы, отписки, предписанія и т. п. *Памятями* назывались грамоты или акты о раздѣлѣ, промѣнѣ, передѣлѣ и измѣреніи земель. Точно также *памятями* назывались и разныя описанія дозоровъ и досмотровъ. Такъ какъ отцы и дѣды развивали въ дѣтяхъ и внукахъ исключительно память старины и оставляли имъ «духовныя памяти въ вѣчный поминокъ своей души», то само собою разумѣется, что семейныя понятія особенно проникнуты были памятью старины. Поэтому и всякое семейное письмо, наприм. отца къ сыну, называлось также *памятью* или *памяткой*. Наконецъ, такъ какъ и всѣ техническія и промыш-

[1]) Чтен. Общ. Истор. 1864 кн. 3. отд. II. стр. 1—177.

[2]) Напр. одинъ списатель книгъ говоритъ: „азъ рабъ Божій недостойный, худый списахъ *памяти дѣля* царю нашему и людемъ о скончаніи евангелія". Дополн. свѣд. къ ист. Мстисл. Еванг. Чт. Общ. 1859 кн. 3, стр. 181. См. также Памят. Стар. Рус. Лит. IV. стр.

[3]) Путеш. Лепехина IV, 123—192.

[4]) Буслаевъ II, 564.

ленныя понятія нашихъ предковъ шли, путемъ памяти и преданья, изъ старины и усвоялись главнымъ образомъ памятью, то и всѣ техническія письменныя правила или руководства также назывались *памятьми*. Напримѣръ: «*память*, какъ составлять разныя краски для иконописи и живописи» и т. д. [1]). Наконецъ, *памятью* называлось и статистическое или торгово-промышленное описаніе. Напримѣръ: «*память* нѣмецкимъ всякимъ товарамъ и ефимкамъ и золотымъ, и сукнамъ и жемчугамъ и всякой рухляди, и почему на Москвѣ и почему на мурманскомъ и въ нѣмцахъ купятъ и продаютъ» [2]), При таковомъ значеніи памяти народной, и въ московскомъ государствѣ господствующею, руководительною интеллектуальною силою была память, и именно память старины, а не разумъ. Не даромъ и сами московскіе цари любили поддерживать въ себѣ память старины, питая ее памятью столѣтнихъ стариковъ. Англійскій врачъ Коллинсъ, прожившій въ Россіи 10 лѣтъ, говоритъ: «царь содержитъ во дворцѣ стариковъ, имѣющихъ по 100 лѣтъ отъ роду, и очень любитъ слушать ихъ разсказы о старинѣ». Эта любовь московскихъ царей къ старинѣ и память старины была главною причиною вѣковой прочности и неподвижности старинныхъ основъ и обычаевъ московскаго государства, а также— экономическаго и умственнаго малосилія его. Управляясь не разумомъ, а памятью старины, старинными понятіями и обычаями, да поверхностными дозорами, досмотрами и слуховыми вѣдомостями, московское государство неизбѣжно было интеллектуально малосильно и, вслѣдствіе того, бѣдно матеріальными средствами для самостоятельнаго интеллектуальнаго и экономическаго развитія. При этомъ замѣчаніи, намъ невольно припоминаются слѣдующія слова Либиха: «если», говоритъ онъ, сравнивая государство съ организмомъ,—«если движеніями и силами государственнаго организма управляютъ, вмѣсто предусмотрительности и обдуманности, старинныя привычки въ противорѣчіи съ законами природы, то сами собою проявляются слабость и недостатокъ, а вмѣстѣ съ ними бѣдность и нужда» [3]). Такъ точно и было въ московскомъ государствѣ. Какъ въ государственномъ, такъ и во всемъ домашнемъ быту русскаго народа память старины была главнымъ вождемъ жизни. «Всему тому есть обычай испоконъ вѣка»,—говоритъ «Вождь по жизни»,—«да и дѣло то не писаное, а улажено старыми людьми недаромъ, и должно вершиться безъ всякой порухи, чтобы не было на смѣхъ и позоръ» [4]). Наконецъ, и въ сферѣ работы, вслѣдствіе вѣкового преобладанія памяти надъ разумомъ, надъ теоретической интеллигенціей,—народъ всегда помнилъ, и доселѣ твердо помнитъ старыя рутинныя промышленныя понятія и пріемы, завѣщанные по наслѣдству старою памятью, «отчиной и дѣдиной», передаваемые «по старинѣ и пошлинѣ», сохраняемые и заучиваемые по старой памяти изъ рода въ родъ. Такъ, отцовская и дѣдовская память изъ рода въ родъ передавала и доселѣ передаетъ и сохраняетъ во многихъ провинціяхъ самыя изстаринныя ремесла и промыслы, во всей ихъ извѣковѣчной, первобытной стереотипности. Еще въ прошломъ столѣтіи извѣстный русскій историкъ Болтинъ, опровергая замѣчаніе Леклерка, что въ Россіи почти нѣтъ своихъ русскихъ мастеровъ и ремесленниковъ, писалъ: «причиною тому, что въ Россіи многіе провинціи *искони* упражняются въ одномъ промыслѣ,

[1]) Сборн. солов. библіот. № 925 № 82—86.
[2]) Цекарскій I, 265. Доп. VII, № 35.
[3]) Письма о химіи II, 162.
[4]) Буслаевъ. II, 509.

частію *привычка съ малолѣтства къ промыслу или ремеслу, которымъ отцы и дѣды кормились»* [1]). Въ частности, напримѣръ, жители села Дунилова (1,500 д. об. п.), Владимірск. губ. шуйскаго уѣзда, еще въ XVII вѣкѣ занимались скорняжествомъ и въ отдаленныя времена извѣстны были своей торговлей мѣхами и шкурами не только въ Россіи, но и въ Польшѣ и въ Бѣлоруссіи, и до нынѣ они занимаются также преимущественно скорняжничествомъ, и торговля шкурками у нихъ тоже до сихъ поръ не упала: они ежегодно выдѣлываютъ до 70,000 шкуръ на 150,000 р. [2]). Во Владимірской же губерніи, во многихъ селахъ, жители еще въ XII вѣкѣ были каменщики и кирпичники, и въ XIX столѣтіи они остаются, по старой памяти, каменщиками и кирпичниками: изъ нихъ однихъ каменьщиковъ въ настоящее время считается до 10,000 [3]). Такимъ образомъ старина и неподвижность мысли изъ вѣка въ вѣкъ держали русскаго человѣка на одномъ уровнѣ экономическаго труда и величайшей бѣдности. Прошли цѣлыя столѣтія, вымерли сотни поколѣній, а народъ, жившій одними внѣшними впечатлѣніями, въ тѣсной сферѣ чисто-внѣшняго опыта, не двинулся впередъ ни на одинъ шагъ, и въ XIX вѣкѣ также бѣденъ и малосмысленъ, какъ былъ бѣденъ и малосмысленъ въ XII-мъ.

V.

Въ предъидущей статьѣ мы доказали, что вслѣдствіе вѣкового преобладанія физической работы народа надъ дѣятельностью интеллектуальной, познавательная дѣятельность низшихъ способностей—внѣшнихъ чувствъ и памяти—господствовала надъ логическою, раціональною силою высшаго, теоретическаго интеллекта, надъ силою чистаго разума или мышленія. Въ слѣдующей главѣ мы подробно разсмотримъ весьма важныя и ощутительныя послѣдствія этого вѣкового господства чувствъ надъ разумомъ и вѣкового отсутствія въ умственной исторіи русскаго народа предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія мыслительныхъ способностей народа и раціонально-мыслящаго класса. Тамъ же раскроемъ, въ частности, и причины этого многозначительнаго факта. А здѣсь скажемъ еще, во-первыхъ, о вліяніи на умственныя направленія народа патологическихъ проявленій внѣшнихъ чувствъ, и во-вторыхъ—объ отношеніи непосредственно-натуральнаго, народнаго сенсуализма къ естественно-научному реализму.

Во времена вѣкового господства внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, при отсутствіи всеобщей, теоретической самодѣятельности мышленія и при распространеніи и укорененіи въ народѣ византійскаго супранатуральнаго умонастроенія и міросозерцанія,—въ народѣ русскомъ не только не развивалось раціональное мышленіе, раціональное разъясненіе вещей или явленій физическаго и нравственнаго міра, но развивалось и господствовало сенсуально-галлюцинаціонное умонастроеніе и міросозерцаніе. При отсутствіи раціональной, разсудочной мыслительности, субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ были неизсякаемымъ источникомъ не только всякаго волшебства и чародѣйства, но и всякихъ мистическихъ

1) Замѣч. на ист. Леклерка.
2) Географич. Словарь Семенова II, 144.
3) Геогр. Слов. I, 484

видѣній, ощущеній и суевѣрныхъ представленій. Ненормальность, ложность такого патологическаго, сенсуально-галлюцинаціоннаго умонастроенія невѣжественнаго народа признавали и нѣкоторые лучшіе духовные учители древней Россіи. Патологическія проявленія органовъ внѣшнихъ чувствъ, и въ особенности галлюцинаціи зрѣнія и слуха въ древней Россіи были такъ часты и многими столь безразсудно выдавались за сверхъестественныя обаянія и видѣнія, что благоразумные духовные учители, какъ, наприм., Кириллъ Бѣлозерскій, поучали распознавать и различать эти патологическія и субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ и, въ частности, зрѣнія, «яко *смотрительныя*, а не обдержанныя». Въ сборникѣ рукописей Кирилла Бѣлозерскаго съ этою цѣлью выписано, наприм., объясненіе «о суетныхъ откровеніяхъ и бѣсовскихъ мечтаньяхъ и знаменьяхъ и чудотвореніяхъ сатанинскихъ», и замѣчено: «таковыхъ бо и паки подобныхъ бываемыхъ, яко юродство, и прочіе подобные *образы*, еже нѣцыи отъ отецъ сдѣяша, нынѣ возбраниша та отцы, яко *смотрительныя*, а не обдержанная, да не бываютъ» [1]). Темный народъ, усвоивъ мистическія идеи восточно-византійскаго міросозерцанія, ими старался объяснять все, что въ сферѣ реальнаго міра превышало естественныя границы или реально-познавательную сферу чувствъ. Патологическія проявленія нервной системы, субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ онъ принималъ за «чудесныя видѣнія», за боговдохновенныя ощущенія, за сверхъ-естественныя явленія и представленія. При сильномъ развитіи въ древней Россіи пустынножительства, особенно часто страдали такъ называемыми «галлюцинаціями пустыни» [2]). Въ пустыняхъ видѣли разныя «*чюдныя видѣнія*», наприм., «женъ въ багряной ризѣ одѣянныхъ, неизрѣченнымъ свѣтомъ сіяющихъ, на сосновой колодѣ сидящихъ въ пустынѣ» [3]). Въ галлюцинаціяхъ зрѣнія, въ пустынѣ видѣли необычайныя физическія и сверхъестественныя явленія и слышали чудесные голоса: «нѣкогда видѣхъ,—говоритъ одинъ пустынножитель,—язъ грѣшный умными очима облакъ теменъ, и начатъ быти красенъ, и спаде, и начатъ гремѣти, и обхожаше около то мѣсто, попаляя и очищая островъ. Нѣкогда видѣхъ знаменіе стоящу ми на полѣ чистѣмъ и видѣхъ показующе ми нѣкто незнаемъ перстомъ на небо: зри,—и видѣхъ чрезъ небо свѣтлу лучу свѣтовидну, яко радугу, и мало помедливъ паки глаголаше: воззри на небо,—и видѣхъ образъ Христа Бога нашего и Пречистую Богородицу и св. пророка Ивана. Мнѣ же чудящему о семъ, и паки рече: зри на небо, и видѣхъ нерукотворенный образъ великъ зѣло, во все небо» и проч. [4]). Въ лѣсахъ видѣли «демоновъ лѣсныхъ» и слышали ихъ «колоколецъ». Галлюцинаціямъ слуха придавали такое же сверхъестественное значеніе, какъ и галлюцинаціямъ зрѣнія. Въ лѣсахъ часто слышали звонъ колокольный и пѣніе сладкогласное, тогда какъ ни колоколовъ, ни пѣвцовъ не видали. «Человѣкъ нѣкто именемъ Селиша, старь сый, Изборскаго града, повѣда сицеву вѣсть,—читаемъ въ одной древней повѣсти:—нѣкогда ми рече, ходящу съ отцемъ моимъ на ловы звѣрины въ пустыню, бѣ та пустыня велика и лѣсъ прилежаше въ томъ мѣстѣ, и лучися намъ пріити на край горы, и слышахомъ гласы прекрасны поющихъ и благочинны, *гласы бо слышахомъ, а*

---

[1]) Обозр. рукопис. Кирилла Бѣлозер. Чтен. Общ. 1862 кн. 2, отд. V, стр. 49.
[2]) См. у Будена въ „Медицинск. Географіи“ о „Галлюцинаціи пустыни“.
[3]) Сборн. Солов. библ. № 857, л. 97—98.
[4]) Сборн. Солов. библ. № 925, л. 148, 152.

поющихъ же не видѣхомъ» [1]). Точно также мистически объяснялись и галлюцинаціи или субъективныя ощущенія обонянія. Напримѣръ, въ одной древней повѣсти сказано: «изобрѣтше мѣсто, Вежища зовомо, лѣсъ точію имуще и болота и ино ничтоже, и якоже пріидоши до мѣста того, *слышаху благоуханіе нѣкое въ мѣстѣ томъ и помыслиша не просту быти вещь»* [2]). Показаніямъ чувствъ, хотя бы то галлюцинаціоннымъ, приписывалась достовѣрность свидѣтельства, особенно если они подтверждались аналогическими свидѣтельствами византійскихъ источниковъ или лѣтописей. Органы чувствъ признавались достовѣрными свидѣтелями даже въ дѣлахъ сверхъчувственныхъ или сверхъестественныхъ. Напримѣръ, въ 1624 году, въ сѣверномъ Поморьѣ, въ двинской области, по указамъ царя Михаила Федоровича, московскаго патріарха Филарета и новгородскаго митрополита Макарія, производился всеобщій земскій розыскъ о принесенныхъ на морской берегъ мощахъ яренгскихъ чудотворцевъ Іоанна и Логгина. Допрашивали всѣхъ мѣстныхъ земскихъ людей, и всѣ единогласно свидѣтельствовали, полагаясь только на память, слухъ и зрѣніе. Одни говорили: «*слышали* мы отъ отцовъ своихъ, *слышали* отъ старыхъ людей, что мощи чудотворцевъ Ивана и Логгина принесены съ моря, Иванъ чудотворецъ взятъ съ Сярты рѣки, а Логгинъ взятъ съ морскаго сосноваго берега, а лѣтъ мы *не упомнимъ*, въ которое время принесены, а про чудеса отъ многихъ людей *слышимъ*: то наши рѣчи». Другіе говорили: «сколь давно яренгскіе чудотворцы Иванъ и Логгинъ проявились, и откуду ихъ мощи съ морскаго берегу въ Яренгу принесены, — *памятуховъ* у насъ тому нѣтъ; а про чудеса, сколь давно отъ нихъ учала проща и чудеса быть, и они отъ старыхъ людей *слышали*, что лѣтъ съ 60 и больше чудеса и проща учали быть: то наши рѣчи». Третьи, полагаясь на свое *зрѣніе*, свидѣтельствовали: «*въ привидѣніи очи вѣсть видѣли мы* ихъ явленіе, видѣли Ивана чудотворца, изъ часовни смотритъ онъ государь чудотворецъ Иванъ сквозь окончину, и не единожды видѣли, а видѣніе то видѣли во 122 (1614 году)». Наконецъ, старики, столѣтніе, *старые памятухи*, полагаясь исключительно на свою память, свидѣтельствовали, что они помнили лѣтъ за 70 и 80, какъ начали быть проща и чудеса» [3]). Такъ какъ византійское ученіе не имѣло своей задачей (что увидимъ дальше) — развивать въ народѣ раціональное мышленіе, — то темный народъ всяко перетолковывалъ его по своему и выводилъ изъ него всякія своеобразныя понятія. Внѣшне-обрядовое, чувственно-образное восточно-византійское міросозерцаніе, въ этомъ отношеніи, особенно гармонировало съ восточнымъ чувственно-образнымъ умонастроеніемъ русскаго народа. При господствѣ чувствъ надъ разумомъ, самое созерцаніе церковно-обрядовой внѣшности, иконъ и т. п., въ противность ученію православной церкви, возбуждало въ грубомъ и суевѣрномъ народѣ разныя суевѣрныя и ложныя представленія. Наприм., народъ видѣлъ въ церквахъ писавшійся по византійскимъ иконописнымъ подлинникамъ «образъ огненнаго восхожденія св. пророка Иліи», о которомъ въ иконописныхъ подлинникахъ замѣчено: «образъ огненнаго восхожденія св. пророка Иліи—чудотворный, на праздникъ его огонь схо-

[1]) Повѣсть о Печерск. монастырѣ въ Псковской землѣ. Сборн. Солов. Библ. № 857, л. 120—121.
[2]) Памятн. Стар. Рус. Литер. IV, 17.
[3]) Сборн. Солов. библ. № 182.

дилъ съ небеси, и окрестъ образа пламень видимъ былъ человѣкамъ». Въ тоже время народъ слышалъ въ церквахъ пѣснь: «Илія возгремѣвый на огненной колесницѣ», и слышалъ поученіе, въ которомъ пророкъ Илія назывался «огненоснымъ и тученоснымъ облакомъ, небопарнымъ орломъ, огненоснымъ пророкомъ, шествующимъ на огненныхъ коняхъ» и т. п. [1]). И вотъ, не понявши всего этого восточно-тропическаго изображенія или оборота рѣчи, темный народъ составилъ представленіе, что Илья пророкъ производитъ громъ и молнію, разъѣзжая по небу на огненной колесницѣ, не смотря на то, что церковные учители, подобно Кириллу Бѣлозерскому, не раздѣляли подобнаго представленія народа, а знали ученіе о громѣ Галена. Точно также, подъ вліяніемъ византійскихъ иконописныхъ подлинниковъ, въ народѣ развилась и укоренилась религіозная санкція бороды и древней одежды. Народъ постоянно созерцалъ, наприм., такія древнія священныя изображенія, писавшіяся съ строгимъ соблюденіемъ правилъ византійскихъ иконописныхъ лицевыхъ подлинниковъ: «Авксентій русъ, какъ Козьма, борода не велика, риза верхняя багоръ, средняя празелень, исподняя вохра; великій князь муромскій Константинъ — надсѣдъ, кудреватъ, брада поуже Власіевы, и подолѣ, на двое, шапка на главѣ, шуба на немъ багоръ, омахи куньи»; или: благовѣрный князь Михаилъ тверской — брада по Власіеву, шапка на главѣ, шуба на немъ лазорь, исподъ багоръ, отворотъ куней» и т. п. Иконописныя лицевые подлинники, подробно описывая такимъ образомъ волосы, и особенно бороду и одежду какъ восточныхъ, такъ и русскихъ святыхъ, въ тоже время строго предписывали соблюдать эти изображенія бороды и одежды [2]). Кромѣ того, народъ постоянно созерцалъ на иконѣ страшнаго суда сонмы праведниковъ—«*вси имущи брады*», и слышалъ такое поученіе, повторявшееся и въ подлинникахъ: «взирайте часто на икону страшнаго втораго Христова пришествія, и видите праведныя—*вси имущи брады*, на шуей же стоящіи бесермени, и еретики, люторы и поляки, и иные подобные—*брадобритвенники*, точію имущи едины усы, яко имутъ кошки и псы» и проч. [3]). И вотъ постоянно созерцая такіе лики святыхъ съ брадами, въ древнихъ и священныхъ образцахъ одѣянья, и слыша строгую заповѣдь—во всемъ подражать имъ,—народъ до того усвоилъ эту религіозную санкцію бороды и древней одежды, что послѣ поднялъ изъ-за этого расколъ и бунты. Вообще, вслѣдствіе вѣкового преобладанія внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, отъ смѣшенія византійскаго и народнаго чувственно-образнаго міросозерцанія, въ народѣ до того развилось и укоренилось чувственно-образное умонастроеніе, что въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи онъ хотѣлъ видѣть даже самого Христа, Саваофа, Богородицу и всѣ таинственныя церковныя изображенія въ непосредственно-чувственной наглядности и осязаемости, въ живыхъ лицахъ и образахъ. Напримѣръ, когда расколъ, раздробившись на сотни разноголосныхъ толковъ, растерялся и не зналъ, чему и какъ вѣровать и поклоняться, — многіе суевѣры, «собираясь на одно мѣсто», стали молиться: «Господи, Господи, явися намъ, Господи, *въ крестѣ или въ образѣ, чтобъ было чему молитися или вѣровати*». И вотъ, пользуясь чувственно-образнымъ умонастроеніемъ суевѣрной толпы,

---

[1]) Сборн. Солов. библ. № 804, л. 219—223. Буслаева II, 377.

[2]) Буслаевъ, Истор. Очер. Рус. народ. Словесн. и Искусства II. 345, 347, 351, 352, 424 и др.

[3]) Буслаевъ II, 235.

явились самозванцы-саваофы и христы, и возникла секта людей божіихъ и скопцовъ, которая стала созерцать Саваофа, Христа и Богородицу въ живыхъ лицахъ простыхъ мужиковъ и бабъ, и все невидимое, сверхчувственное стала воплощать въ видимыя, осязательныя, чувственныя формы, или, какъ сектанты сами выражаются, *показывать въ натурѣ*. Такъ, люди Божіи говорятъ, что образецъ кругового радѣнья взятъ ими съ какого-то древняго лицевого, нагляднаго изображенія, на которомъ представлены стоящіе въ кругу ангелы и посреди ихъ Христосъ съ овцой въ рукахъ; по краямъ картины изображены евангелисты и апостолы съ разными музыкальными инструментами; надпись на картинѣ: «ликовствованіе». Люди божіи говорятъ, что «какъ на небеси ангелы, такожде и человѣцы да творятъ на земли, и что *все оное изображеніе должно показать въ натурѣ*». И они показываютъ его въ натурѣ, въ своихъ *ликованьяхъ* и радѣньяхъ, во время которыхъ экзальтируются до галлюцинаціонныхъ видѣній разныхъ образовъ и явленій и до галлюцинаціонныхъ слышаній разныхъ сверхъестественныхъ голосовъ, на основаніи которыхъ пророки и пророчицы, въ галлюцинаціонномъ экстазѣ, пророчествуютъ до умоизступленія.

Развитіе такого сенсуально-галлюцинаціоннаго и сверхчувственнаго умонастроенія народа при господствѣ чувствъ надъ разумомъ, было особенно вредно для народнаго умственнаго развитія и направленія при тѣхъ патологическихъ особенностяхъ и явленіяхъ народнаго умонастроенія, которыя столь обычны были въ древней Россіи и также неизбѣжно отзывались на умственной жизни русскаго народа, неизбѣжно парализировали и ослабляли его интеллектуальныя силы. Замѣчено, что сѣверныя, холодныя страны вообще способствуютъ развитію нервныхъ страданій. Такъ, въ 1841—1842 г. въ сельскихъ мѣстностяхъ центральной Швеціи замѣчена была болѣзнь, обнаруживающаяся въ корчахъ, спазмахъ и въ экстазѣ. Одержимые ею воображали и разсказывали, что они будто бы видѣли разныя божественныя, сверхъестественныя явленія, получали свыше разныя откровенія, и чувствовали экстатическій, болѣзненный позывъ къ проповѣдничеству и пророчеству. Не даромъ и вообще на сѣверѣ Европы больше являлось такихъ людей, какъ Сведенборгъ и т. п. Точно также въ Россіи и Сибири всѣ сѣверные народы отличаются особенною, болѣзненною нервно-сенсуальною раздражительностью. Георги, наприм., говоритъ о самоѣдахъ и другихъ сѣверныхъ племенахъ: «многіе, а особливо изъ женщинъ, чрезвычайно пугливы. Когда такіе люди испугаются, или нечаянно увидятъ нѣчто страшное, и такъ далѣе, то бываютъ такъ, какъ и лопарскія женщины, внѣ себя, и приходятъ опять въ чувство не скоро и при большой слабости. Иные не могутъ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму и стуку, и отъ того становятся бѣшены. Это свойственно имъ обще съ остяками, тунгусами, якутами и всѣми въ ближайшихъ къ сѣверу мѣстахъ живущими народами; почему и надобно искать тому причины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ страшилищахъ, которыми пугаютъ ихъ съ самаго младенчества» [1]). Точно также и въ народѣ русскомъ, особенно въ сѣверно-поморскихъ областяхъ, искони замѣчалось особенное развитіе нѣкоторыхъ нервныхъ страданій и припадковъ. Послѣ эпидемическихъ и столь свойственныхъ нашему климату геморроидальныхъ болѣзней, — въ древней Россіи

---

[1]) См. Георги, описан. народовъ. Спб. 1799 г. ч. III, стр. 5—6.

весьма обыкновенны были болѣзни нервныя, припадки эпилептическіе, каталептическіе и истерическіе [1]). Болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ напримѣръ: камчугъ, френьчугъ, бѣснованіе, головная болѣзнь, разслабленіе, забытье ума, болѣзнь умомъ, лишеніе ума, трясеніе, икота и проч. Особенно много было въ древней Россіи *«бѣсноватыхъ* и *больныхъ умомъ»*. Наприм., по одному сказанію, изъ 92 болѣзненныхъ случаевъ, было 13 человѣкъ бѣсноватыхъ, 22 «больныхъ умомъ», тогда какъ прочими болѣзнями страдали только отъ 1 до 6 человѣкъ. По другому сказанію, изъ 20 разныхъ больныхъ, 4 человѣка были «больны умомъ» или «смятены умомъ», «въ забытіи и разслабленіи ума», тогда какъ на другія болѣзни приходится только по 1 человѣку [2]). Или изъ 17 больныхъ, упоминаемыхъ въ повѣсти объ Евфросинѣ псковскомъ, 4 человѣка были сумасшедшіе. Припадки сумасшествія были страшные [3]). Весьма часты были припадки эпилепсіи, особенно между женщинами. А если вѣрны наблюденія и выводъ Эскироля, что изъ 339 эпилептическихъ женщинъ 289 были умалишенныя, т. е. $^4/_5$, то не удивительно, что при сильномъ проявленіи въ древней Россіи припадковъ эпилептическихъ, особенно между женщинами, такъ часты были и разныя проявленія сумасшествія. Особенно часто являлись болѣзненно-экзальтированныя дѣвицы и женщины. Страдая разстройствомъ нервовъ и галлюцинаціями чувствъ, онѣ ходили по улицамъ городовъ и разсказывали про разныя видѣнія. Наприм., въ лѣто 1499-е ходила дѣвица въ Ростовѣ изъ-за озера именемъ Гликерія, и сказывала, что явился ей Илья пророкъ да св. мученица Параскева пятница, и потомъ восхищена бысть невидимою силою и мнящися быти ей на небеси, и видѣла пречистую Богородицу, и по двою дни паки явилась ей и говорила, чтобы люди молилися Богу, а матерно бы не бранились и страшными бы клятвами не клялися, церкви бы украшали и милостыню бы творили невозбранно [4]). Въ XVI вѣкѣ сумасшедшихъ или галлюцинирующихъ пророковъ и особенно пророчицъ являлось такое множество, что стоглавый соборъ просилъ царя, чтобы онъ велѣлъ жителямъ гонять ихъ отъ себя. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ приходили въ экстазъ и экзальтировались до галлюцинаній и предсказывали будущее, возвѣщая народу разныя заповѣди, въ родѣ слѣдующихъ:

---

[1]) Костомарова, 191.

[2]) Повѣсть о Прокопіѣ Устюжскомъ. Сборн. солов. библіот. № 826.

[3]) Кстати считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что для исторіи народныхъ понятій, особенно медицинскихъ, не лишнее было бы собрать изъ древнихъ источниковъ всѣ свѣдѣнія о народныхъ болѣзняхъ, а также и о способахъ ихъ леченья. Относительно болѣзней немаловажный источникъ свѣдѣній представляютъ древнія народныя сказанія и повѣсти о чудесахъ русскихъ святыхъ, сопровождающія обыкновенно жизнеописанія каждаго русскаго святого. Здѣсь упоминаются, напримѣръ, такого рода болѣзни: болѣнъ умомъ или боля умомъ, смятенъ умомъ, одержимъ лихою болѣзнію щепотою, имѣя у правы руки три персты въ длинь отъ роженья, очная болѣзнь, слѣпота очная, дѣвица больна главою и очима лѣто едино, падучая болѣзнь, огненная болѣзнь, огница, студеная болѣзнь, ползая на колѣняхъ 12 лѣтъ, 12 лѣтъ глуха жена, забытіе ума, безъ очей полтора года, разслабленіе, росла утроба, имѣлъ сухую руку, ноги скорчены, больна бѣ сердечною болѣзнію, болѣнъ бѣ гортанью и языкъ отнялся, зубная болѣзнь (часто), болѣзнь огневая и ума изступленіе 9 недѣль; небреженіемъ своимъ въ постъ рождества христова за недѣлю до праздника пихъ вино и отъ сего весьма изнемогъ тяжцѣ очною болѣзнію и всею главою, врачевахся отъ нѣкоего человѣка быліемъ и ничтоже успѣ, но наипаче въ горшая впадохъ, потече изъ гортани моея кровь, не уставная, яко вода во всю нощь ону: азъ же призывахъ убо и иныхъ врачевъ, но и отъ тѣхъ также ни единыя пользы обрѣтахъ. (Сборн Сол. библ. № 182).

[4]) Лѣтописецъ вкратцѣ русск. земли рукоп. проф. В. Н. Григоровича № 36—37.

«бабы не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: святые апостолы и святая пятница намъ являлись и не велѣли». Въ 1641 году, въ сѣверномъ поморьи, вдругъ въ нѣсколькихъ волостяхъ, многія женщины помѣшались на мысли «о богомерзкомъ табакѣ»; имъ стали мерещиться галлюцинаціонныя видѣнія Спаса, Богородицы и «Каменія огненнаго, спадающаго съ неба», и въ галлюцинаціяхъ слуха имъ слышался голосъ свыше, повелѣвавшій «росписы росписывать и разсылать по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы православные христіане отнюдь табаки не пили, а будетъ станутъ пить табаку, за ихъ непослушанье будетъ на землю каменія много испущено» [1]). Очень часто въ разныхъ мѣстахъ появлялись бѣснующіяся и кликуши. Особенно много ихъ было на поморскомъ сѣверѣ: въ бѣшенствѣ онѣ, по словамъ одного сказанія, «поревахуся въ огонь и въ воду, ихъ связывали, затворяли въ особыхъ храминахъ, у которыхъ двери извну заклепывали», и онѣ все-таки вырывались оттуда; когда вели ихъ въ церкви на молебны, онѣ на молебнахъ боролись съ державшими ихъ людьми, пять человѣкъ едва сдерживали одну изъ нихъ; во время чтенія евангелія «начнутъ усты своими нелѣпая глаголати и дивьячитися къ окружающимъ ихъ, какъ невозможно сказати; и начнутъ трепетати и на плечи держащихъ вскакати и невозможно плевати въ людей» [2]). При вѣковомъ господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ и мышленіемъ, и при сильномъ укорененіи и своеобразномъ пониманіи народомъ восточно-византійскаго, чувственно-образнаго и сверхчувственнаго міросозерцанія,—особенно рѣзко и часто выдавались патологическія явленія въ нервной сферѣ чувствъ—галлюцинаціи зрѣнія, слуха, осязанія и обонянія, и всегда обыкновенно съ оттѣнкомъ мистическаго направленія. Вслѣдствіе галлюцинацій зрѣнія и слуха, подъ вліяніемъ супранатуральнаго міросозерцанія,—видѣли, какъ мы сказали уже, всякія сверхчувственныя видѣнія, слышали всякіе сверхчувственные голоса. Разсказами объ этихъ галлюцинаціонныхъ видѣніяхъ и слышаніяхъ наполнены древне-русскія легенды о чудесахъ, особенно легенды сѣверно-поморскія. Особенно часто бывали, какъ мы видѣли, «галлюцинаціи пустыни», случавшіяся особенно въ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ пустыняхъ. Вотъ идетъ, наприм., въ пустынѣ сѣверно-поморской отшельникъ, простолюдинъ, почерпнуть воды въ рѣкѣ Хозюгѣ,—и вдругъ видитъ «на берегу лежитъ женщина въ червленной ризѣ, аки мертва», и думаетъ, откуда бы она могла явиться сюда, ни откуда нѣтъ дороги въ пустыню,—а оказывается въ дѣйствительности, что то колода,—«дерево гнило». Въ той же пустынѣ, пастухъ видитъ «аки древо слонящееся нѣкое»—страшнаго человѣка, слышитъ «колоколецъ» и видитъ «демона лѣснаго», борющагося съ Никодимомъ Кожеезерскимъ [3]). Въ 1594 году одинъ поморскій крестьянинъ съ Подвинья, изъ мѣстечка Ковецъ-Горье, разсказывалъ про себя: «во время страдное, шолъ я въ лугъ на пожню сѣно косить, и пришелъ къ озерку, и отъ солнечнаго зноя хотѣлъ купатися, и влѣзъ купатися въ озерко, и былъ въ изступленіи ума, и началъ бѣгать по лугамъ и по лѣсу, и нѣкоторые отъ сосѣдъ нашихъ видѣли и поймали меня, связали и привели домой, и стеклись родители и ближніе мои, и не было отъ меня

1) Сборн. солов. библ. № 925 л. 35—45.

2) Сборн. Сол. библ. № 182. Вообще о бѣснующихся женщинахъ ходили изустныя и письменныя повѣсти самыя мрачныя и самыя фантастическія. Особенно замѣчательна повѣсть о Соломоніи священнической дочери. См. пам. стар. рус. литер. 1, 150—167.

3) Сборн. № 182.

отвѣта къ нимъ, такъ они то сказали мнѣ послѣди,—и я *увидѣлъ около себя человѣка какъ древіе велико слонящееся*, и посреди ихъ увидѣлъ страшнаго нѣкоего и не лѣпаго образомъ, грозящаго на меня и хотѣвшаго меня поглотить, и внезапно пришелъ свѣтъ и освѣтилъ меня, и явился мнѣ человѣкъ свѣтозарный взоромъ и доброзрачный лицомъ, и саномъ украшенный, съ черной бородой, и сказалъ мнѣ: Яковъ, не бойся мрачнаго и темнообразнаго демона! И послѣ того видѣнья пришелъ я въ умъ, и родители мои и бывшіе тутъ люди спрашивали меня, съ кѣмъ я говорилъ, и я сказалъ имъ бывшее, что *видѣлъ и слышалъ*» [1]). Галлюцинаціи зрѣнія и слуха особенно часты и сильны были въ болѣзняхъ. Наприм., одна поморская женщина изъ Ненокоцкаго усолья говорила: «была я въ Лямецкомъ погостѣ въ 99 (1591) году въ черномъ недугѣ три года, и *въ привидѣніи очи вѣсть* пришелъ ко мнѣ человѣкъ незнаемъ и далъ мнѣ просфору съѣсти, и сказалъ; «завѣчайся итти въ яренгу!» [2]). Изъ того же Ненокоцкаго усолья одинъ крестьянинъ говорилъ: «лежалъ я въ болѣзни огневой и *ума изступился* во 128 (1620) году на девять недѣль, и лежачи *въ вѣдѣніи видѣлъ я:* въ вечеру при огнѣ пришолъ ко мнѣ человѣкъ незнакомый и говорилъ мнѣ: для чего ты лежишь, а не молишься» и проч. Вообще, больные въ *изступленіи ума, видѣли* разныхъ «необыкновенныхъ и незнаемыхъ» людей и слышали отъ нихъ разныя «завѣчанія», клонившіяся большею частію къ ихъ выздоровленію. При чрезмѣрномъ распространеніи болѣзни пьянства,—весьма часто сходили съ ума вслѣдствіе припадковъ alcogolismus chronicus или delirium tremens. Наприм., изъ 17 больныхъ, упоминаемыхъ въ повѣсти о чудесахъ Ефросина псковскаго, 4 человѣка были больны сумасшествіемъ, и двое изъ нихъ сошли съ ума отъ пьянства. Наприм., объ одномъ сумасшедшемъ сказано: «Случися ему пьянственнымъ недугомъ объяту бывшу безъ воздержанія, и вниде въ него нечистый духъ, уму ему изступившу, и не подобныя глаголющу не токмо человѣкамъ, но и Богу и святымъ: не онъ бо глаголюще, но живый въ немъ бѣсъ глаголаше». О другомъ сумасшедшемъ замѣчено: «нача пити, и ума изступилъ, и нача бѣсноватися и нелепѣ глаголы странны глаголаше». Вообще, подобными патологическими фактами преисполнены древне-русскія повѣсти о чудесахъ и видѣніяхъ [3]). Иногда въ селахъ и на посадахъ являлось вдругъ по нѣсколько человѣкъ, страдавшихъ нервнымъ разстройствомъ и галлюцинаціями. Предки наши не могли понимать различныхъ психіатрическихъ и патологическихъ явленій нервной системы, и объявляли ихъ порчей, называли неопредѣленно «различными всякими совѣстьми» и т. п. Наприм., въ одной челобитной XVII в. (1665 или 1671 года) читаемъ: «бьютъ челомъ и являютъ сироты твои, государевы, Шуи посаду земскій староста, и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто: волею Божіею и за умноженіе грѣховъ ради нашихъ, въ Шуѣ на посадѣ объявляются грѣшные люди, порченые мужеска и женска полу, различными всякими совѣстьми мучимы бываютъ, иные на свадьбахъ, а иные невѣдомою статьею, и мучатся многое время, и отъ чего какія вражія совѣсти чинятся, и того намъ, сиротамъ, невѣдомо» [4]).

При столь частыхъ въ древней Россіи нервныхъ болѣзняхъ и вообще пато-

---

[1]) Сборн. сол. библ. № 172.
[2]) Ibid.
[3]) Пам. стар. р. лит. IV, 106—117.
[4]) Акты Шуи. Чтен. Общ. Ист. 1860 кн. 3 отд. V, стр. 21, актъ 17.

логическихъ проявленіяхъ народнаго умонастроенія,—могло ли быть вполнѣ здорово интеллектуальное развитіе русскаго народа. Не даромъ умственная исторія его исполнена самыми патологическими проявленіями и галлюцинаціями органовъ чувствъ, воображенія и мысли, самыми мрачными умственными заблужденіями, которыя сильно задерживали и доселѣ задерживаютъ интеллектуальное развитіе русскаго народа, парализируя и разстраивая его умственныя силы. Чтобы объяснить многія мрачныя явленія въ умственной жизни русскаго народа, какъ, наприм., необыкновенное развитіе галлюцинацій волшебства и кудесничества, а также нѣкоторыя сумасбродныя секты раскола, равно какъ экзальтированныя проявленія масонства и т. п., намъ кажется, надобно обратить вниманіе на физіологію и патологію умственной исторіи русскаго народа. Можно положительно сказать, что многія, самыя мрачныя умственныя направленія и заблужденія нашего народа, особенно простонародья, имѣютъ источники свои въ нервномъ патологизмѣ, ведутъ начало свое отъ галлюцинаторовъ и сумасшедшихъ, являвшихся въ видѣ волхвовъ, чародѣевъ и кудесниковъ, въ видѣ расколоучителей и т. п. Темный народъ, не понимая истинныхъ причинъ этихъ болѣзненныхъ явленій человѣческаго организма, принималъ ихъ за необыкновенныхъ, боговдохновенныхъ людей, за пророковъ и учителей, даже за христовъ, саваофовъ и богородицъ,—и такимъ образомъ галлюцинаціи ихъ и сумасшедшія заблужденія и бредни распространялись и укоренялись въ непонимающемъ и суевѣрномъ народѣ, какъ новыя ученія, какъ истина, вдохновенная свыше. Вотъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ, въ эпоху сильнаго нервно-экзальтированнаго возбужденія и напряженія раскольничьяго умонастроенія въ народѣ, возникла, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія особенно свирѣпствовала секта самосожигальщиковъ и морельщиковъ. Фанатическая горячность и экзальтація расколоученія и потомъ страхъ жестокихъ гоненій разстраивали нервы расколоучителей-энтузіастовъ,—и они, въ умственномъ разстройствѣ и сумасшествіи, дошли до сумазбродной идеи самосожженія и самоумерщвленія. Сѣверный, холодный климатъ, кажется, еще болѣе способствовалъ развитію такого нервнаго разстройства. Въ западной Сибири, въ тобольскомъ уѣздѣ, нѣкоторыя монахини, послѣдовательницы секты самосожигальщиковъ, бились о землю, тряслись и экзальтировались до галлюцинаціональнаго видѣнія отверстыхъ небесъ и т. п.: «въ тобольскомъ уѣздѣ,—читаемъ въ актахъ,—въ пустыни у старца Данила, проповѣдывавшаго самосожигательство, наученіемъ сатанинскимъ старицы и дѣвки бились о землю, и говорили онѣ въ то время какъ бились, что видѣли пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустынѣ постригались». Слыша о такихъ галлюцинаціонныхъ видѣньяхъ въ пустынѣ старца Данилы, народъ тысячами сходился въ пустыню, и потомъ тысячами подвергался самосожженію [1]). Вообще, секта самосожигальщиковъ и морельщиковъ, въ своемъ умственномъ изступленіи, множество народа сводила съ ума, не только сумазброднымъ ученіемъ, но и всякимъ обманомъ чувствъ, колдовствомъ, всякими волшебными порошками, ягодами и т. п.,—и потомъ тысячами его сожигала. Одинъ, нѣкто Андрей, поморянинъ,—говоритъ Димитрій Ростовскій,—сожегъ людей болѣе 3.000; другой вологодскій старецъ, сожегъ болѣе 2.000, третій сожегъ болѣе 1.900 человѣкъ; сожигателей устран-

[1]) Дополн. къ А. И. VIII, л. 50.

вали по лѣсамъ особыя большія хоромы, сажали туда по 200 и по 300 человѣкъ, обкладывали домъ соломой, хворостомъ, берестой, смолой, сѣрой, селитрой, и сожигали. Кромѣ того, по словамъ Димитрія Ростовскаго, была особая секта самосожигальщиковъ, которые сами, собираясь въ большія хоромины, поджигали ихъ и сгорали. Очевидно, что подобныя заблужденія и самоубійства совершались въ припадкѣ сумасшествія. Точно также, и вслѣдствіе такого же умственнаго, нервно-мозгового разстройства, такъ называемые «Морельщики» измыслили сумазбродное ученіе о самоубійствѣ и самоумерщвленіи плоти голодомъ, потопленіемъ, удавленіемъ и т. п., и не одну тысячу простыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, поморили голодомъ въ затворахъ, въ подземельныхъ ямахъ и пещерахъ, утопили въ водахъ, задушили въ петляхъ и т. п. Изъ какого источника проистекали всѣ эти дикія мрачныя заблужденія? Очевидно, это были слѣдствія органическаго разстройства мозга или нервной системы, сумасшествія. Димитрій Ростовскій, говоря о современныхъ ему сожигальщикахъ, самосожженцахъ и морельщикахъ, о нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо замѣчаетъ: «*абіе сотворися внѣ ума, и измѣнися лицемъ и очима*, и вси тому внезапному измѣненію удивишася и ужасни быша». Самосожигальщики и морельщики,—говоритъ онъ,—вкусивши ягодъ волшебныхъ, напримѣръ, порошка изъ высушеннаго и истолченнаго сердца младенческаго и т. п., *абіе желаютъ себѣ смерти*, аки бы за Христа, или сожещися, или утопитися въ водѣ или удавитися, *аки изступящіи отъ ума* [1]). Точно также чисто патологическое умонастроеніе, сумасшествіе, создало нелѣпую секту скопцовъ. Основатель ея, Селивановъ, безспорно психіатрическая личность. Онъ страдалъ умственнымъ разстройствомъ или сумасшествіемъ. Не даромъ, по возвращеніи изъ ссылки изъ Иркутска въ Петербургъ въ 1797 году, онъ до 8 марта 1808 года, содержался въ сумасшедшемъ домѣ [2]). И достаточно прочитать его безсвязно-сумазбродное «Посланіе къ скопцамъ», чтобы убѣдиться въ разстройствѣ его ума [3]). Да и всѣ экстатическія, экзальтированныя видѣнья, пляски, сумазбродныя, изступленно-восторженныя пророчества и забалтыванья съ пѣнящейся во рту слюной, умоизступленныя и бѣшеныя самобичеванья, конвульсивныя трясенья и разныя сверхчувственныя видѣнья и слышанья скопческихъ пророковъ и пророчицъ суть ничто иное, какъ проявленіе патологическаго умонастроенія, галлюцинацій внѣшнихъ чувствъ и въ особенности—зрѣнія и слуха, и вообще разстройства нервной системы [4]). Наконецъ, вспомнимъ печальный патологическій фактъ или переломъ въ исторіи русской мысли, совершившійся въ концѣ XVIII столѣтія. Вслѣдствіе вѣкового господства чувствъ надъ разумомъ и вѣкового отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго, историческаго развитія теоретической мыслительности, — юная русская мысль, по своей неразвитости и малосилію, не могла, такъ сказать, переварить и здравымъ разсудкомъ ассимилировать, усвоить себѣ великихъ критическихъ идей философіи и естествознанія XVIII вѣка. И вотъ, старая мономанія чувственнаго созерцанія

[1]) Розыскъ изд. 1753 г. ч. III, гл. X, XIV и вообще см. главы VII—XIX.

[2]) См. статью г. Крыжина о скопцахъ Симбир. губер. въ Запискахъ Географическ. Общ. по отдѣлу этнографіи 1867 г. т. I, стр. 492.

[3]) Посланіе Селиванова въ Чтен. Общ. Истор.

[4]) Подробности см. въ ст. г. Крыжина и въ Запискахъ о скопцахъ свящ. Георгіевскаго въ Записк. Географ. Общ. по отд. этнограф. 1867 г. т. I, стр. 485—539. Также—въ Правосл. Собес. 1858 г. „объ обществѣ людей Божіихъ и скопцовъ“.

природы и патологическое, сенсуально-галлюцинаціонное умонастроеніе во многихъ членахъ Новиковскаго масонскаго общества повторилились со всѣми своими припадками и пароксизмами, только въ видоизмѣненной формѣ, развившейся подъ вліяніемъ мистико-идеалистическаго умственнаго патологизма тогдашнихъ духовидцевъ, спиритистовъ, иллюминатовъ, мартинистовъ и т. п. Вѣковое, допетровское господство непосредственно натуральнаго сенсуализма, господства чувствъ надъ разумомъ и теоретическимъ мышленіемъ сказалось и въ этомъ патологическомъ умонастроеніи мистиковъ-масоновъ. Напримѣръ, Невзоровъ, не смотря на то, что изучалъ медицинскія науки за границей, потомъ проповѣдывалъ какую-то мистическую, нравственную медицину, защищая достаточность поверхностной естествопознавательной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія, и отрицалъ высшую, основательную экспериментальную разработку положительныхъ, естественныхъ наукъ, подробныя и тщательныя изслѣдованія, опыты и наблюденія въ области естествознанія, особенно отрицалъ высшія, наиболѣе сложныя изслѣдованія и опыты физико-химическіе, вѣря въ какую-то Парацельсову или мистико-спиритуалистическую алхимію и химическую псалтирь. «Въ публичныхъ школахъ и университетахъ,—писалъ Невзоровъ,—натуру болѣе гораздо стараются знать, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Прежде всего знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость, что въ такомъ случаѣ неоспоримое правило и законъ, Богомъ установленный, есть тотъ, чтобы познать себя, исправить себя въ духѣ и очистить отъ страстей; иначе плавая въ морѣ таинствъ, мы будемъ слѣпы! Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства его творенія, — для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди *безъ всего смотрѣть*, какъ сѣмя брошенное въ землю, гніетъ, возрождается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій бѣдный съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и *смотри*, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смылъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и пропитаніи: поди ко всякому насѣкомому и *смотри*, какъ оно родится въ яйцѣ, дѣлается червякомъ и проч. Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности и грубую чувственность, изъ злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея» [1]). Издавая журналъ «Другъ юношества» (1810 г.), Невзоровъ въ «Предисловіи къ разговору Натуры, Меркурія и алхимиста» изложилъ свой мистическій взглядъ на всеобщую медицину и химію. Медицина и химія, по его понятію, это ничто иное, какъ аллегорія морали. Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи, — говоритъ онъ, — то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и усовершенствованія человѣческаго духа» [2]). Такой странный мистическій взглядъ на естественныя науки и особенно на химію, еще рельефнѣе высказанный другими мистиками-масонами, былъ вреденъ особенно тѣмъ, что преподавался съ университетскихъ каѳедръ даже еще въ 30-тыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, какъ напримѣръ, кіевскимъ профессоромъ химіи Зѣновичемъ, что увидимъ далѣе. При господствѣ

[1]) Галаховъ, Исторія рус. литературы ч. I.
[2]) Ibid.

вствъ надъ разумомъ и по слабосилію мышленія, многіе русскіе умы, не смогши владать съ великими, міровыми идеями и теоріями Ньютона, Лапласа, Лавуазье, анта и т. д., вдругъ отшатнулись отъ естественно-научнаго раціонализма и фисофскихъ идей XVIII вѣка, пошатнулись въ самомъ умонастроеніи и образѣ ислей,—и погрузились въ самый мрачный, въ самый странный, психіатрическій иритуализмъ и мистицизмъ. «Вначалѣ,—говоритъ Лопухинъ,—я больше старался вердить себя въ вольнодумствѣ и охотно читалъ Вольтеровы насмѣшки надъ лигіей, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчальный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ ня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу Systeme de la Nature, съ восхиеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ устава нары (Code de la Nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ перевомъ, но напечатать его было нельзя. Я расположился разсѣевать его въ рукосяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ чувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели егъ я и красивую мою тетрадку и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока написалъ въ очищеніе себя разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми выми писателями и проч. Сіе происходило года за два до вступленія моего въ щество (мартинистовъ, масоновъ). Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту чтенію духовныхъ книгъ, была извѣстная «о заблужденіяхъ и истинѣ» . Мартена) и Арндта «о истинномъ христіанствѣ» [1]). Такой же переломъ мысли вершился и во многихъ другихъ. Мистическое и болѣзненное умонастроеніе ихъ шло, наконецъ, какъ извѣстно, до странныхъ заблужденій. Они стали изучать chimie philosophique Лавуазье, а «химическую псалтырь» Парацельса, Бэма и Сведенборга вмѣсто Галилея, Ньютона и Лапласа. Вмѣсто изученія положиьной, естественно-научной медицины и химіи, они, какъ напримѣръ Невзовъ, учившійся медицинѣ за границей, предлагали какую-то свою всеобщую авственную медицину и химію и герметическія науки». Въ умственномъ патогизмѣ или разстройствѣ, они вдругъ, по галлюцинаціонному вдохновенію и экьтаціи, измышляли свои мистическія науки. «Вдругъ за обѣдомъ, — писалъ пухинъ,— пришла мнѣ мысль о «духовномъ рыцарѣ». Отобѣдавши, тотчасъ шолъ я прогуляться, въ прогулкѣ составился весь планъ, и я скорыми шагами ротился домой, принялся писать, почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ 6, кончилъ сіе сочиненіе. Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные икты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія ловѣка и начала самопознанія и глубокой морали» [2]). Этотъ патологическій ктъ или переломъ въ исторіи юной русской мысли печаленъ особенно тѣмъ, о онъ совершился въ умонастроеніи почти самыхъ лучшихъ друзей и пропагандистовъ народнаго просвѣщенія, каковы были, напримѣръ Новиковъ и все его дружеское общество». Онъ совратилъ, такимъ образомъ, съ пути прямого и ороваго интеллектуальнаго развитія и движенія въ Россіи самыхъ лучшихъ, редовыхъ его двигателей и руководителей, или многихъ изъ нихъ. А это печьное обстоятельство отозвалось, въ свою очередь, и на общемъ интеллектуальномъ звитіи и направленіи русскаго общества. Многіе, какъ увидимъ далѣе, стали думать

[1]) Записки Лопухина въ Чтен. Общ. Истор. 1860 г. кн. 2, стр. 14—15.
[2]) Ibid, 30.

и утверждать, что разумъ, естествознаніе и философія опасны и даже вредны для русскихъ умовъ. Отсюда развилась эта іезуитски-мистическая реакція, фанатическими ревнителями которой явились потомъ Руничи, Магницкіе и т. п. Что же было источникомъ и причиною этого умственнаго уклоненія и заблужденія передовыхъ возбудителей интеллектуальной дѣятельности въ Россіи? По нашему мнѣнію, патологическое настроеніе мозга или разстройство умственныхъ способностей было тутъ едва ли не самой главной причиной. Недаромъ многіе изъ новиковскаго общества дѣйствительно были люди съ разстроеннымъ, поврежденнымъ умомъ. Тотъ же Лопухинъ оставилъ намъ такое свидѣтельство: «въ вечеру 3 декабря 1796 года государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ сенатѣ генералъ-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ *повредившихся въ умѣ*. О повредившихся въ умѣ приказалъ государь усугубить попеченіе къ возможному излеченію, для освобожденія также по выздоровленіи, а между тѣмъ, сколько можно, ихъ покоить» [1]). Наконецъ, замѣтимъ, что вообще психіатричность, особенно передовыхъ мыслящихъ людей, въ разныхъ видахъ и размѣрахъ, столь неизбѣжная въ нашемъ обществѣ, при нашихъ соціально-политическихъ и экономическихъ условіяхъ,—психіатричность эта, вообще, не можетъ, кажется намъ, не отражаться въ цѣломъ, на нашей умственной жизни, на движеніи и проявленіи нашего интеллектуальнаго развитія. Явись, напримѣръ, въ тяжелыя времена, нѣсколько кающихся Радищевыхъ, съ ядомъ въ рукахъ или въ коверкающемъ мозгъ страхѣ полиціи отказывающихся отъ своихъ идей, которыя они дотолѣ развивали и возвѣщали, явись нѣсколько патологическихъ Гоголей съ перепиской съ друзьями и т. п.,—вотъ вамъ и въ умственномъ движеніи общества, въ развитіи идей нѣсколько попятныхъ шаговъ или, по крайней мѣрѣ, остановокъ: ибо, во-первыхъ, съ паденіемъ или умственнымъ разстройствомъ подобныхъ талантовъ, возвѣщанныя ими вначалѣ истинныя, прогрессивныя идеи не развиваются ими дальше, слѣдовательно, задерживаются, лишаясь наиболѣе могучихъ интеллектуальныхъ силъ для своего развитія, а во-вторыхъ—противоположныя, реактивныя, или болѣзненныя и покаянныя идеи подобныхъ патологическихъ талантовъ, при общей слабости русскихъ мозговъ, при незрѣлости и несамостоятельности юной русской мысли, на большинство русскаго общества могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ убѣдительно, воспитательно. Въ суммѣ же или въ цѣломъ такія, повидимому, ничтожныя, индивидуальныя остановки или уклоненія въ направленіи и движеніи мысли что-нибудь да составляютъ. Одна пружина повредится въ машинѣ или въ колесѣ цѣлаго движенія,—можетъ быть парализовано, вслѣдствіе того, или замедлено, или же ложно направлено и цѣлое движеніе. Въ русскомъ обществѣ, въ которомъ еще далеко не развита самостоятельная критическая мыслительность, подобное подчиненіе умовъ интеллектуально-патологическимъ уклоненіямъ передовыхъ мыслителей, очень возможно и дѣйствительно бывало. Такъ, послѣ интеллектуально-патологической реакціи новиковскаго общества,—многіе изъ прежнихъ поклонниковъ разума и философіи, многіе изъ такъ называвшихся «вольтерьянцевъ» стали по образу мыслей Жозефами де-Местрами, Руничами и Магницкими, какъ увидимъ дальше, дико завопили противъ «лжеименнаго разума» и накликали гоненія на юную рус-

[1]) Ibid., стр. 61.

скую мысль. Точно также, какая-нибудь одна «Переписка съ друзьями» Гоголя, — плодъ патологическаго умонастроенія этого знаменитаго писателя подъ конецъ его жизни,—одна эта «переписка» много умовъ поколебала утвердила и воспитала въ мистицизмѣ. Многіе юноши съ увлеченіемъ назидались этой книгой. Многіе съ какимъ-то экзальтированнымъ восторгомъ указывали на нее, какъ на торжественную и побѣдоносную защиту идеализма и мистицизма, высказанную такимъ полновѣстнымъ авторитетомъ русской мысли, какъ авторъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Такимъ образомъ, при вѣковомъ господствѣ чувствъ надъ разумомъ и при распространеніи мистическаго міросозерцанія, вслѣдствіе смѣшенія сенсуализма съ мистицизмомъ,—развивалось сенсуально-галлюцинаціонное умонастроеніе и сильно препятствовало здоровому, реалистическому, умственному развитію народа. Но если патологическій, галлюцинаціонный сенсуализмъ и мѣшалъ развитію здороваго, реальнаго умонастроенія,—то, съ другой стороны, все-таки въ сферѣ физическаго, реальнаго рабочаго опыта и наблюденія народнаго, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, развивался и здоровый, реалистическій сенсуализмъ. И этотъ сенсуализмъ, эта здоровая умственно-рабочая дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, на нашъ взглядъ, составляетъ характеристическій фактъ и знаменательный признакъ въ судьбахъ умственной исторіи русскаго рабочаго народа. Въ вѣковомъ историческомъ преобладаніи и господствѣ реально-познавательной дѣятельности чувствъ народа рукой самой природы и исторіи начертана и, такъ сказать, въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рабочаго народа напечатлѣна великая идея, и положенъ естественно-историческій завѣтъ и историко-физіологическій залогъ реальнаго, естественно-научнаго просвѣщенія будущихъ поколѣній. Мало того: въ самомъ направленіи и характерѣ реально-познавательной воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ нашего рабочаго народа указанъ, можно сказать, и самый путь, по которому масса должна быть вводима въ область естествознанія, и по которому должна подходить къ народу съ ученіемъ естественныхъ наукъ будущая пропаганда народнаго естественно-научнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе вѣкового преимущественнаго развитія непосредственно-чувственной воспріимчивости, наблюдательности и примѣтливости,—въ народѣ русскомъ развилась особенная умственная потребность чувственной ощутительности, наглядности и осязательности всякихъ превышающихъ его интеллигенцію идей или изобрѣтеній. По причинѣ особеннаго, преобладающаго развитія реально познавательной воспріимчивости чувствъ и памяти,—онъ развилъ въ себѣ особенную умственную способность легко высматривать и быстро перенимать всякое новое промышленное изобрѣтеніе или мастерство, какое только могъ видѣть и разсматривать своими глазами. Но по неразвитости собственной силы мышленія, изобрѣтательной интеллигенціи, самъ онъ, собственнымъ умомъ, своей головой не могъ ничего новаго измыслить или изобрѣсти. Юрій Крыжаничъ, сравнивая въ этомъ отношеніи русскихъ съ западными европейцами, замѣчалъ: «разумы наши суть тупы и косны — не остроумны, и мы не сильны быстротою и ловкостью ума. Всѣ имепитые народы превосходятъ насъ разумомъ. Ничего не можемъ мы сами искусно и мудро удумать, измыслить. *И такъ ко всякому мудрому дѣлу мы должны брать у другихъ народовъ обличье и узоръ, наглядный видъ и образецъ...* Ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и сами неудобно что нибудь выдумають,

если имъ не покажутъ» [1]). Вообще, по преобладанію въ интеллектѣ русскаго рабочаго народа непосредственно-чувственной, наглядной воспріимчивости, — ему нужны были наглядные европейскіе образцы. Когда онъ ихъ собственными глазами видѣлъ и разсматривалъ,—тогда уже легко и быстро и самъ научался по нимъ дѣлать ту или другую вещь. «Всѣ вообще русскіе ремесленники, — говоритъ Олеарій, — скоро перенимаютъ все то, что *увидятъ* у нѣмецкихъ ремесленниковъ: такъ, въ нѣсколько лѣтъ они переняли отъ нихъ много такого, чего раньше совсѣмъ не знали и о чемъ вовсе не слыхали. Не могу надивиться я въ особенности золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые въ состояніи дѣлать теперь серебряную и золотую посуду съ такимъ же совершенствомъ, какъ и нѣмцы. По этой самой причинѣ, *если кто либо изъ нѣмцевъ желаетъ удержать въ секретѣ свое знаніе въ какой-либо отрасли промышленности, то не допускаетъ къ себѣ ни одного русскаго, опасаясь, чтобы онъ не перенялъ у него искусства.* Такимъ образомъ поступалъ сначала знаменитый литейщикъ Іоаннъ Фалькъ (Hans Falk), такъ требовалъ онъ, *чтобъ русскіе ремесленники уходили отъ него прочь*, когда онъ приступалъ къ отлитію и отдѣлкѣ пушекъ и другихъ особенно замѣчательныхъ вещей. Теперь русскіе сами въ состояніи отливать пушки и колокола; такъ, въ прошедшемъ году ученики помянутаго Фалька вылили въ Кремлѣ большой колоколъ, который вѣсилъ, какъ сказывали мнѣ нѣмцы, живущіе въ Москвѣ, и сами русскіе — 7,700 пудовъ, т. е. 308,000 фунтовъ или 208 центнеровъ» [2]). Самъ рабочій народъ нашъ объ себѣ составилъ пословицу: «русскій что *увидитъ*, то и сдѣлаетъ» [3]). Вслѣдствіе этого понятно, почему въ древней Россіи, пока глазамъ русскихъ ремесленниковъ не представлялись наглядные образцы европейскихъ искусствъ или изобрѣтеній,—среди ихъ вовсе не являлись даже и тѣ такъ называемые самородки или самоучки-изобрѣтатели, какіе стали появляться съ XVIII столѣтія. Западные путешественники, до Петра Великаго, считали единственнымъ, для нихъ удивительнымъ русскимъ изобрѣтеніемъ, лыжи, да и то это было вовсе не русское изобрѣтеніе, а извѣковѣчное орудіе всѣхъ азіятскихъ, сибирскихъ звѣролововъ. Съ XVIII же вѣка, со времени призванія интеллектуально-развитыхъ европейцевъ-мастеровъ и ученыхъ, со времени основанія въ столицахъ и по провинціямъ разныхъ фабрикъ и заводовъ, со времени распространенія европейскихъ ремеслъ и искусствъ, европейскаго машиннаго производства и проч.,—рабочій народъ болѣе или менѣе повсюду могъ видѣть и видѣлъ наглядные образцы, оперативные пріемы и практическія приложенія европейскихъ реальныхъ искусствъ, знаній и производствъ. И вотъ, изстари-развитая въ немъ, вслѣдствіе вѣкового, почти исключительнаго, непосредственно-реальнаго воспитанія и развитія реально-познавательной наблюдательности и пріемлемости внѣшнихъ чувствъ и памяти, особенная умственная воспріимчивость къ нагляднымъ и осязательнымъ видамъ, образцамъ или реальнымъ приложеніямъ раціональныхъ знаній и производствъ, особенная зрительная, слуховая и осязательная воспріимчивость и смѣтливость, —вотъ эта исторически-развившаяся, преобладающая интеллектуальная способность русскаго народа съ XVIII столѣтія стала все болѣе и болѣе проявляться и нравиться рабочему народу. По мѣрѣ того, какъ все больше

[1]) О москов. государ. XVII в., Разд. 3, стр. 42 и разд. 11, стр. 33.
[2]) Олеарій. Архивъ г. Калачева 1859 г., кн III, стр. 53.
[3]) Сборн. пословицъ р. народа -Даля: *Русь.*

и больше распространялись по Россіи наглядные образцы европейской индустріальной изобрѣтательности, устраивались фабрики и заводы, распространялось машинное производство, и въ то же время мало по малу и изъ учебныхъ заведеній разносились по Россіи хотя крупицами европейскія реальныя знанія, по мѣрѣ того, какъ Европа показала русскому народу уже много наглядныхъ видовъ и образцовъ своей могучей интеллектуальной изобрѣтательности, и рабочій народъ могъ уже видѣть, и дома, и отчасти за-границей, европейскія машины, химическіе снаряды, лабораторіи и т. п., — по мѣрѣ того все чаще и чаще стали являться и русскіе самоучки-механики, техники, химики и т. п. Послѣ того, какъ и дѣти рабочаго народа, по великой идеѣ Петра Великаго, хоть изрѣдка да стали имѣть возможность учиться естественнымъ наукамъ за границей,—видѣть тамъ физическіе и химическіе опыты и вообще видѣть образцы, пріемы, методы и наглядные примѣры естественно-научныхъ работъ,—послѣ того возможно стало появленіе естествоиспытателей, натуралистовъ и изъ среды рабочаго народа. Вспомнимъ знаменитаго сына холмогорскаго крестьянина-рыбака [1]): за границей онъ выслушалъ курсъ наукъ, увидѣлъ, разсмотрѣлъ и изучилъ наглядно, практически методы или способы химическихъ работъ и физическихъ опытовъ. И вотъ явился въ Россіи первымъ замѣчательнымъ химикомъ и физикомъ. Возбужденная образцами европейской науки и мысли, —мысль Ломоносова потомъ проявилась уже со всею самостоятельною творческою мощью. Потомъ онъ уже и самъ выработалъ нѣсколько новыхъ физико-химическихъ теорій или идей. Такъ, напримѣръ, онъ первый объяснилъ, раньше даже Франклина, явленія воздушнаго электричества и грома [2]). За долго до развитія идеи единства физическихъ силъ, высказанной потомъ ясно Дэви и Берцелліусомъ, Мелони, Карно, наиболѣе развитой затѣмъ Грове, Фарадэемъ, Майеромъ, Кольдингомъ, Джоулемъ, Томсономъ, Клазіусомъ, Либихомъ и, наконецъ, Тиндаллемъ и Гельмгольцомъ, идея эта совершенно самостоятельно выработывалось уже и Ломоносовымъ въ его системѣ «физической химіи». Напримѣръ, въ словѣ «о происхожденіи свѣта» онъ положительно отрицалъ всѣ прежнія теоріи «теплотворныхъ и всякихъ чудотворныхъ матерій» (какъ онъ выражался), какія придуманы были для объясненія разнообразныхъ явленій свѣта, теплоты, движенія, электричества и проч., и положительно признавалъ, по собственнымъ словамъ его, разныя формы движенія нечувствительныхъ (молекулярныхъ) частицъ, самыя тѣла составляющихъ, какъ причины теплоты, свѣта и проч. [3]). И послѣ Ломоносова, немало было въ средѣ простыхъ рабочихъ людей

[1]) См. подробности о родѣ Ломоносова, между прочимъ, въ Путеш. Лепехина, IV, стр. 298—305. Здѣсь помѣщены и ревизскія сказки о родѣ Ломоносова. Наприм., въ одной изъ нихъ, именно „во второй ревизіи 744 года“ въ сказкѣ показаны деревни Мишанинской, по генеральному свидѣтельству 722 года, 11 дворовъ, въ тѣхъ дворахъ муж. пола душъ:

	Лѣта.	Выбылой графы.
Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ	73	Умре 727 г. марта 30 дня.
Сынъ его Иванъ	20	Умре 720 г. декабря 7 . ня.
Внукъ его же Никита Федоровъ	18	Умре 726 г. декабря 8 дня.
Василій Федоровъ сынъ Ломоносовъ	38	Потонулъ въ морѣ 741 г.
Сынъ его *Михайло*	7	*Бѣжалъ* 732 года.

[2]) Слово о явленіяхъ воздушнаго электричества. Полн. Собр. Сочин. Ломоносова. Спб. 1803 г., ч. III.

[3]) Собран. сочинен. Ломоносова изд. 1803 г., ч. III, стр. 160—163 и друг. „Доказано мною въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи“,—говоритъ напр. Ломоносовъ,—„что теплота происходитъ отъ коловратнаго движенія нечувствительныхъ частицъ (молеку-

порывовъ и наклонностей къ естественно-научному реализму, къ реальнымъ изобрѣтеніямъ, вслѣдствіе невольнаго воздѣйствія разныхъ наглядныхъ видовъ и образцовъ европейскихъ научныхъ приложеній и изобрѣтеній на эту исторически-развившуюся особенную зрительно-слуховую интеллектуальную чуткость и воспріимчивость русскихъ народныхъ умовъ. Вспомнимъ, напримѣръ, самоучку-натуралиста, зоолога, химика и технолога—архангелогородскаго купца Фомина, доставившаго въ своихъ сочиненіяхъ о морскихъ рыбахъ и звѣряхъ и о терпентинномъ промыслѣ весьма цѣнный въ свое время научный матеріалъ, сообщенный въ «Путешествіи» академика Лепехина [1]). Вспомнимъ, далѣе механическую изобрѣтательность Кулибина--сына небогатаго нижегородскаго посадскаго или мѣщанина, торговавшаго мукой [2]); физическія и химическія открытія русскаго химика Власова--сына крѣпостного крестьянина Ярославской губерніи, который, явившись въ Петербургъ для работъ по найму, сталъ заниматься здѣсь физикой и химіей, потомъ поступилъ къ одному фабриканту, гдѣ сдѣлалъ многія открытія и наконецъ занимался въ лабораторіи медико-хирургической академіи [3]); механическія изобрѣтенія ярославскаго господскаго человѣка—механика Калашникова [4]); техническія усовершенствованія въ кожевенномъ производствѣ петербургскаго мѣщанина Кукина, который для изученія кожевенныхъ операцій осматривалъ заводы въ Петербургѣ, Казани и даже Иркутскѣ, и, оставшись недоволенъ отдѣлкою кожъ русскими мастерами, послѣ долгихъ и разныхъ опытовъ самъ усовершенствовалъ русское кожевенное производство, описавъ секретъ своего усовершенствованія въ пяти книгахъ [5]); механическія изобрѣтенія—машины молотильная, вѣяльная и др. костромича--господскаго человѣка Соболева, учившагося ранѣе столярному мастерству и рисованью чертежей [6]); замѣчательныя мраморныя и каменныя работы простонароднаго русскаго каменьщика-ваятеля--сына вологодскаго крестьянина, Суханова, который, перепробовавши много занятій, побывавши на Бѣломъ морѣ и Шпитцбергенѣ за звѣриными промыслами, гдѣ одинъ-на-одинъ боролся съ медвѣ-

ловъ), самыя тѣла составляющихъ. Теплотворная матерія принята произвольно... Всѣ затрудненія или, лучше сказать, невозможности уничтожатся, когда положимъ, что теплота состоитъ въ коловратномъ движеніи нечувствительныхъ частицъ, тѣла составляющихъ. Не нужно будетъ странное и непонятное перехожденіе какой-либо теплотворной матеріи изъ тѣла въ тѣло, которое не только не можетъ быть утверждено доказательствами, но и ясно не толковано. Коловратное движеніе частицъ на изъясненіе и доказательство всѣхъ свойствъ теплоты достаточно. Для большаго въ немъ увѣренія отсылаю охотниковъ къ разсужденію моему о причинахъ теплоты и стужи и къ отвѣтамъ на критическія противъ оной разсужденія". Точно также Ломоносовъ объяснялъ силу или явленіе свѣта особенной формой „зыблящагося" частичнаго или молекулярнаго движенія.

1) Путеш. Лепех. IV, 305—370 и 432—457. Самъ Фоминъ разсказываетъ, какъ въ 1870 г. поморскіе промышленники, и въ томъ числѣ „мужики" и самъ Фоминъ, научились производству терпентиннаго промысла *по наглядному указанію и примѣру* одной англійской компаніи. Ibid., стр. 438.

2) См. жизнь механика Кулибина и его изобрѣтенія въ „Отеч. Записк." 1819 г. ч. 2. стр. 225. Также извѣстіе о Кулибинѣ въ Чт. Общ. Ист.

3) Отеч. Зап. 1818 г. ч. I, стр. 59. Здѣсь сообщенъ біографическій очеркъ и подробный разсказъ о физическихъ и химическихъ открытіяхъ Власова. Во 2-й части Отеч. Запис. (1819 г.) напечатаны: 1) лекція Власова объ электричествѣ или новый практическій способъ дѣлать простые и вѣрные громовые отводы на домахъ (стр. 146); 2) въ статьѣ „Прогулка на Васильевск. островъ"—извѣстіе объ изобрѣтенной Власовымъ краскѣ и новомъ способѣ, имъ придуманномъ, красить крыши, 3) извѣстіе объ опытахъ несгораемости Власова (стр. 317).

4) Отеч. Зап. 1818 г. ч. I, стр. 123.

5) Отеч. Зап. 1, стр. 220.

6) Отеч. Зап. ч. I, 1818 г., а также 1822 г. ч. X, № 26, стр. 379, и 1827 года, ч. XXX, № 68, стр. 500, гдѣ помѣщено извѣстіе о новыхъ изобрѣтеніяхъ механика Соболева.

домъ, послуживши въ работникахъ у судовъ при дедюхинской пристани, потрудившись на якорномъ заводѣ, наконецъ, участвуя въ построеніи михайловскаго дворца, изощрился въ мраморныхъ и каменныхъ работахъ и сдѣлался извѣстнымъ въ С.-Петербургѣ каменьщикомъ-ваятеломъ [1]). Напомнимъ также: физико-механическія изобрѣтенія—физическіе инструменты, хронометръ и строительное искусство провинціальнаго оптика, механика и архитектора—костромскаго купца Красильникова [2]); изобрѣтенія гранильщика Шубина, механика и живописца на мѣди Казаманова и Немилова—изобрѣтателя шлюза для уничтоженія вреда отъ мелей и пороговъ на судоходныхъ рѣкахъ и составителя проекта постояннаго на Невѣ моста [3]); изобрѣтенія московскаго купца Гребенщикова, занимавшагося устройствомъ водопроводовъ, органовъ, пивоварень, и изобрѣвшаго цилиндръ для печатанья ситцевъ и выбойки [4]). Занятія самоучкой физикою, химіею, механикою и астрономіею курскаго мясника—астронома Семенова [5]); изобрѣтенія пермскаго механика изъ крестьянъ Чистякова, самоучкой выучившагося грамотѣ, рисованью, токарному и часовому искусствамъ, приготовленію калейдоскоповъ, и изобрѣвшаго механизмъ для перемѣны декорацій и проч. [6]). И въ настоящее время, чуть только способный мальчикъ изъ рабочаго народа присмотрится гдѣ нибудь къ устройству, наприм., машинъ,—сейчасъ въ немъ проявляются наклонность самому заниматься устройствомъ подобныхъ машинъ по видѣннымъ нагляднымъ образцамъ. Такъ, напримѣръ, по извѣстію «Волынскихъ Вѣдомостей», въ ровенскомъ уѣздѣ (Волынской губерніи), въ с. Стыдини, принадлежащемъ помѣщицѣ графинѣ Езерской, живетъ замѣчательный крестьянинъ-механикъ Варфол. Павл. Демьянчукъ изъ дворовыхъ. Находясь сиротой-горемыкой при панскомъ дворѣ, онъ съ малыхъ лѣтъ имѣлъ случай присмотрѣться къ устройству разныхъ машинъ—молотильной, вѣяльной, къ устройству винокуренныхъ аппаратовъ, и такимъ образомъ научился дѣлать и поправлять ихъ. Въ настоящее время онъ живетъ безбѣдно и пользуется уваженіемъ не только крестьянъ с. Стыдинь и сосѣднихъ селеній, но и живущихъ въ окрестности помѣщиковъ. Испортилась ли молотильная или вѣяльная машина, вѣтряная мельница, карманные или стѣнные часы—все посылаютъ къ нему даже и за 100 верстъ. Лѣтъ 7 или 8 тому назадъ, этотъ самоучка-механикъ самъ, безъ помощи науки, устроилъ стѣнные деревянные часы безъ употребленія металлическихъ частей,—и часы эти не уступали въ вѣрности хода часамъ работы ученаго мастера. Теперь Демьянчукъ выливаетъ колокольчики безъ всякой машины, вѣсящіе отъ 1 до 6 фунтовъ, которые несравненно лучше колокольчиковъ, выливаемыхъ на ближайшемъ заводѣ, находящемся въ с. Любатѣ, въ 30 верстахъ отъ с. Стыдинь. Демьянчукъ въ настоящее время отличный бондарь, столяръ, механикъ, литейщикъ, кузнецъ, телѣжникъ, токарь и даже музыкантъ-самоучка: онъ играетъ на скрипкѣ, флейтѣ, кларнетѣ и віолончели» [7]). Всѣ эти и подобные примѣры болѣе или менѣе ясно обнаруживаютъ въ нашемъ рабочемъ народѣ исторически-развившуюся особенную умственную наклонность къ

---

[1]) Приключенія Суханова въ Отеч. Зап. 1818 г. ч. I, стр. 188. 1819 г. ч. II, стр. 333.
[2]) Отеч. Зап. 1820 г. II, № 1, стр. 45 ч. III, № 6, стр. 301.
[3]) Отеч. Зап. 1820 г. ч. III, № 8, стр. 82.
[4]) Отеч. Зап. 1821 г. ч. VII, № 16, стр. 153, № 17, стр. 243.
[5]) Отеч. Зап. 1822 г. ч. IX, № 21, стр. 98; 1824 г. ч. XVIII, № 46.
[6]) Ibid. ч. XXIV (1825 г.), № 67, стр. 229
[7]) С.-Петерб. Вѣдом. 1867 г. 1 авг. № 210.

эмпирическимъ, реальнымъ знаніямъ и занятіямъ—къ механикѣ, химіи, физикѣ, технологіи, архитектурѣ и проч. Грубы, односторонни и часто ложны и непроизводительны проявленія этой народной способности, часто она злоупотребляется; но надо помнить, что для надлежащаго реальнаго или естественно-научнаго развитія и проявленія ея у рабочаго народа до сихъ поръ не было и нѣтъ средствъ.

Такимъ образомъ, вѣковое, историческое развитіе въ Россіи преобладанія рабочаго народа надъ классомъ интеллектуальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣковое историческое преобладаніе реально-познавательной дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной—этихъ, такъ сказать, рабочихъ органовъ высшаго, теоретическаго интеллекта и мышленія, само по себѣ, независимо отъ другихъ историческихъ вліяній, еще не представляетъ явленія безотраднаго, печальнаго, невыгоднаго для интеллектуальнаго прогресса Россіи. Скорѣе—напротивъ. Въ одной изъ предъидущихъ своихъ статей мы сказали: «при вѣковомъ господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ познающимъ, чистымъ разумомъ (reine Vernunft), вмѣсто идей и теорій чистаго разума, вмѣсто научно-философскаго мышленія, развивался по преимуществу грубый физическій, непосредственно-чувственный реализмъ, или непосредственно-натуральный, элементарно-конкретный эмпиризмъ. Такое естественное реалистическое умонастроеніе русскаго рабочаго народа, намъ кажется, какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ и даже невольно ведетъ народъ къ естественно-научному, реалистическому развитію, потому что, какъ то основывалось главнымъ образомъ и даже исключительно на непосредсвенно-натуральной, только крайне поверхностной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, такъ и это, естественно-научное реалистическое развитіе основывается, главнымъ образомъ, на экспериментальной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, только раціонализируемой или управляемой разумомъ, научно-развитымъ теоретическимъ мышленіемъ [1]). Одинъ изъ нашихъ медиковъ, именно г. В. Стадіонъ въ одномъ заграничномъ отчетѣ своемъ справедливо замѣтилъ: «прежняя наука была схоластической и діалектической, новѣйшая, напротивъ, исключительно демонстративна и наблюдательна. Прежде учащихся заставляли jurare in verba magistri,

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что даже по способности развитія органовъ чувствъ, напримѣръ органа зрѣнія, простые рабочіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сходятся съ глубокомысленнѣйшими естествоиспытателями. Напримѣръ, знаменитый географъ К. Риттеръ, описывая наши алтайско-барнаульскія металлургическія работы, между прочимъ, говоритъ: „въ 1826 году Ледебуръ писалъ, что одинъ изъ рабочихъ долженъ постоянно наблюдать за плавкою серебра, смотря сквозь небольшое отверстіе, чтобы не пропустить того мгновенія, когда серебро, еще не начиная улетучиваться, уже совершенно расплавится. Въ теченіи 40 лѣтъ, эту трудную должность занималъ одинъ и тотъ же работникъ; но кромѣ ослѣпительнаго серебрянаго блеска старикъ не видѣлъ уже ничего. Удивительна и необъяснима способность развитія глаза, благороднѣйшаго изъ органовъ чувствъ, болѣе другихъ отдѣленныхъ отъ человѣческаго организма, такъ что онъ живетъ почти особенною, имъ пріобрѣтенною, внутреннею жизнью и сохраняетъ ее даже при самыхъ противоположныхъ крайностяхъ, смотря ли, подобно тому, какъ здѣсь, на эти серебряные блики, или созерцая солнце. Я обращался съ вопросомъ объ этомъ загадочномъ явленіи къ Самуилу Земерингу, величайшему и ученѣйшему астроному прошлаго вѣка, которому посвящено было первое изданіе этой географіи Азіи въ 1818 году. Въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣлалъ онъ ежедневно самыя тщательныя и безпрерывныя наблюденія надъ солнечными пятнами, для изслѣдованія формы и вращенія центра нашей планетной системы. Осенью 1829 года (ему было тогда 74 года) я выразилъ ему удивленіе, какъ можетъ глазъ его (Земерингъ писалъ объ отправленіяхъ и свойствахъ глаза) смотрѣть ежедневно и безнаказанно въ фрауенгоферовскій телескопъ на яркій, свѣтлый солнечный міръ. Онъ, съ незабвеннымъ для меня спокойствіемъ и хладнокровіемъ изслѣдователя истины, отвѣчалъ мнѣ: глаза мои упиваются солнечнымъ свѣтомъ". (Mein Auge trinkt das Sonnenlicht) (Землевѣд. Азіи, т. III, стр 256—257).

теперь ихъ учатъ наблюдать и удостовѣряться самихъ, *собственнымъ глазомъ*, *собственнымъ ухомъ*, *собственнымъ осязаніемъ* въ томъ, что говоритъ профессоръ. Теперь дѣломъ преподавателей наукъ стало—опытами, демонстраціями, химическимъ анализомъ или наблюденіемъ упражнять, по крайней мѣрѣ, *четыре изъ пяти чувствъ своихъ*, и, дѣйствительно, какъ говорится, «demonstrare ad oculos»—сдѣлать вполнѣ *наглядными* истины и положительность своихъ изрѣченій. Внѣшнія чувства, руководимыя разумомъ или научно-раціональнымъ мышленіемъ, отправляютъ важнѣйшую дѣятельность въ естествоиспытаніи. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ», въ главѣ «*о естественномъ и телескопическомъ зрѣніи*, такъ говоритъ, напримѣръ, о заслугахъ органа зрѣнія для астрономіи: «только со времени двухъ съ половиной столѣтій глазъ, органъ міросозерцанія, въ искусственномъ телескопическомъ возвышеніи своей силы, получилъ величайшее вспомогательное средство къ познанію содержанія міровыхъ пространствъ, къ изслѣдованію вида, физическихъ свойствъ и массъ планетъ вмѣстѣ съ ихъ спутниками. Первая труба была построена въ 1608 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти великаго наблюдателя Тихо-Браге. Уже съ помощію трубы были открыты юпитеровы спутники, солнечныя пятна, сѣрнообразный видъ Венеры, тройственность Сатурна, телескопическія звѣздныя группы и туманное пятно Андромеды, когда въ 1634 г. французскому астроному Морену (Morin), оказавшему важные заслуги своими наблюденіями долготъ, въ первый разъ явилась мысль утвердить зрительную трубу на алидадѣ угломѣрнаго инструмента и отыскать Арктура во время дня. Усовершенствованіе дѣленія дуги вполнѣ, или по крайней мѣрѣ большею частію, не достигало бы главной своей цѣли, т. е. большей точности наблюденія, еслибы оптическіе приборы не были приведены въ соединеніе съ астрономическими инструментами, и острота зрѣнія не соотвѣтствовала точности измѣренія. Микроскопическій приборъ изъ тонкихъ нитей, натянутыхъ въ фокусѣ трубы, который придалъ употребленію телескоповъ свойственное только имъ неоцѣненное достоинство, былъ изобрѣтенъ еще 6 лѣтъ спустя, только въ 1640 году, молодымъ, талантливымъ Гасконьемъ. *Телескопическое зрѣніе*, изслѣдованія и измѣренія, какъ я сейчасъ упомянулъ, обнимаютъ только 240 лѣтъ нашего астрономическаго знанія; напротивъ того, не говоря уже о халдеяхъ, египтянахъ и китайцахъ, а начиная только отъ Тимохареса и Аристилла, до открытій Галилея мы насчитываемъ болѣе 19-ти столѣтій, въ продолженіе которыхъ положеніе и теченіе звѣздъ было наблюдаемо *невооруженнымъ глазомъ*. Принимая въ соображеніе многія препятствія, которыя въ этотъ длинный періодъ времени встрѣчали успѣхи образованія и распространеніе круга идей между народами, обитавшими около бассейна Средиземнаго моря, должно удивляться тому, что еще раньше *изобрѣтенія телескопическаго зрѣнія*, Гиппархъ и Птоломей узнали отступленіе равноденственныхъ точекъ, запутанное движеніе планетъ, два главнѣйшія неравенства луны, опредѣлили положеніе многихъ звѣздъ; Коперникъ открылъ истинную систему міра, Тихо-Браге усовершенствовалъ практическую астрономію и ея методы. Длинныя трубы, которыя, какъ весьма вѣроятно, служили уже древнимъ и, безъ сомнѣнія, арабскимъ астрономамъ, могли конечно увеличить нѣсколько точность наблюденій... Задолго до великой эпохи изобрѣтенія *телескопическаго зрѣнія* и приложенія его къ наблюденію неба, слѣдовательно прежде достопамятныхъ 1608 и 1610 годовъ, было уже положено основаніе чрезвы-

чайно важной части астрономіи нашей планетной системы. Георгъ Пурбахъ, Регіомонтанъ (Іоаннъ Мюллеръ) и Бернгардъ Вальтеръ въ Нюренбергѣ многотрудными и рачительными работами умножили сокровище знаній, наслѣдованное отъ грековъ и арабовъ. За ихъ стремленіемъ послѣдовало смѣлое и величественное развитіе идей, система Коперника; за нею—богатство точныхъ наблюденій Тихо, проницательное остроуміе и упорное влеченіе къ вычисленіямъ Кеплера. Два великіе мужа, Кеплеръ и Галилей, стоятъ на важномъ поворотномъ пунктѣ, какой представляетъ исторія практической астрономіи; оба опредѣляютъ эпоху, когда наблюденіе *безоружнымъ глазомъ*, однакоже съ помощію весьма усовершенствованныхъ измѣряющихъ инструментовъ, отдѣляется отъ телескопическаго зрѣнія... Три кеплеровы закона, навѣки прославившіе его имя, открытые чисто-эмпирическимъ путемъ, но для цѣлой системы науки имѣвшіе болѣе обильныя послѣдствія, нежели отдѣльное открытіе новыхъ небесныхъ тѣлъ,—вполнѣ принадлежатъ *времени естественнаго зрѣнія*, времени Тихо-Браге, даже собственно наблюденіямъ Тихо... Переходъ отъ естественнаго зрѣнія къ телескопическому, который отличаетъ первый десятокъ XVII столѣтія и который для астрономіи (познанія небеснаго пространства) сдѣлался еще важнѣе, нежели 1492 годъ для познанія земныхъ пространствъ,—не только безпредѣльно распространилъ взглядъ на созданное, но также, вмѣстѣ съ обогащеніемъ человѣческаго круга идей, чрезъ возбужденіе новыхъ и сложныхъ задачъ, возвысилъ математическое знаніе до недостижимаго прежде никогда блеска. Такъ дѣйствуетъ *усиленіе чувственнаго органа* на міръ мысли, на укрѣпленіе умственной силы, на облагороженіе человѣчества» [1]). И не только чувство зрѣнія, но и чувство слуха служитъ источникомъ точныхъ знаній. Такъ, безсмертный Laennec впервые примѣнилъ напр., *слухъ* къ изслѣдованію измѣненій грудныхъ органовъ, и довелъ распознаваніе болѣзней легкихъ, сердца и большихъ сосудистыхъ стволовъ, посредствомъ слуха, до такой точности, какой до него даже и не подозрѣвали въ медицинѣ [2]). Вслѣдствіе такого высокаго научно-эмпирическаго или экспериментальнаго значенія органовъ внѣшнихъ чувствъ, намъ кажется, преобладающій сенсуально-реалистическій умственный складъ русскаго народа, обусловленный его вѣковымъ физико-географическимъ воспитаніемъ, вѣковымъ преобладаніемъ рабочей непосредственно-сенсуальной, практической дѣятельности народа надъ дѣятельностью интеллектуально-теоретическою, мыслительною,—могъ бы, намъ кажется, прямо вести его къ раціональному, естественно-научному, реалистическому развитію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно и возможно, что простой, рабочій народъ, вращаясь въ непосредственной сферѣ физической реальности, въ области самой природы, вслѣдствіе вѣкового естественнаго сенсуально-реалистическаго умонастроенія и воспитанія, какъ мы видѣли, издавна самъ сталъ обнаруживать особенную наклонность и способность къ реальнымъ знаніямъ и изобрѣтеніямъ, какъ-то къ механикѣ, химіи, физикѣ и т. п. И мы вѣримъ, что въ Россіи тогда только начнется самое живое, умственно-рабочее, всестороннее и плодотворное интеллектуальное развитіе, когда естественно-научное просвѣщеніе озаритъ всю темную массу рабочаго народа и естественныя

[1]) Космосъ Гумбольдта т. III, отд. I, стр. 51—53, 63—64.

[2]) Не говоримъ уже о томъ, что органы чувствъ и сами по себѣ ведутъ къ важнѣйшимъ физическимъ наукамъ. „Законы звука и зрѣнія“,—замѣчаетъ одинъ ученый,—„акустика и оптика съ такимъ же правомъ могутъ быть отнесены къ области физіологіи, какъ и къ области физики“. Руковод. физіологич. химіи. Дерптъ. 1862 г., стр. 11.

науки, въ возможной степени, сравняютъ всенародный умственный уровень, когда всѣ умственныя силы народа будутъ работать, съ свѣточемъ индуктивно-научнаго, раціонально-теоретическаго естествознанія, и въ непосредственной области природы и въ области рабочаго, практическаго естествоиспытанія, и такимъ образомъ всѣ физическія работы народа будутъ въ одно и тоже время и разумно-сознательнымъ продуктомъ или результатомъ, и практическимъ приложеніемъ естественно-научныхъ, физическихъ работъ или изслѣдованій и, въ тоже время, практическимъ разумно-сознательнымъ, раціональнымъ рабочимъ опытомъ, направленнымъ къ дальнѣйшей разработкѣ естественно-научныхъ знаній. Исторія русская недаромъ обусловила, во-первыхъ, преимущественное развитіе и численное преобладаніе рабочаго народа, во-вторыхъ—вѣковое преимущественное развитіе естественнаго, сенсуально-реалистическаго умонастроенія народнаго. Въ этомъ исторически-развившемся преобладаніи рабочаго народа и въ этомъ вѣковомъ преобладаніи и укрѣпленіи сенсуально-реалистическаго народнаго умственнаго склада, въ вѣковомъ господствѣ и укорененіи реально-познавательной дѣятельности эмпирическихъ или экспериментальныхъ умственныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ,—во всѣхъ этихъ историко-физіологическихъ условіяхъ, можно сказать, рукой самой природы начертанъ историческій завѣтъ и физіологическій законъ реальнаго, естественно-научнаго развитія русскаго народа. Въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рабочаго народа самой природой начертанъ всеобщій физіологическій законъ всенароднаго реальнаго, естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія, и напечатлѣнъ и указанъ сенсуально-индуктивный, реальный методъ всеобщаго, всенароднаго мышленія, познаванія и міросозерцанія. Это, вообще, такой всеобщій физіологическій законъ органовъ чувствъ человѣческихъ, за нарушеніе котораго исторія наказываетъ соціальный организмъ народовъ такими вопіющими соціальными аномаліями и болѣзнями, какъ, наприм., анти-гигіеничность и патологичность образа воспитанія и жизни народа, страшная, вопіющая язва глубокаго и самаго темнаго суевѣрія массъ рабочихъ, господство надъ общественнымъ и народнымъ разумомъ мистицизма и идеализма, духа буржуазіи и т. п., непроходимая пропасть контраста и неестественнаго, анти-антропологическаго дуализма между милліонами темныхъ массъ рабочихъ и какими нибудь сотнями или немногими тысячами образованныхъ мыслящихъ людей среди одной и той же націи, между мозгомъ и міросозерцаніемъ массъ народныхъ и мозгомъ и міросозерцаніемъ Ньютоновъ, Гумбольдтовъ, Дарвиновъ и т. п., между физическими работами и физическими науками, между практикой и теоріей, между трудомъ и знаніемъ, между умственнымъ ротшильдствомъ и умственнымъ пролетаріатомъ, между умственной пищей и умственнымъ голодомъ, между умственной жизнью и умственной смертью и проч. Еще въ прошломъ столѣтіи, англійскій философъ Д. Стюартъ говорилъ: «практическое значеніе физическихъ законовъ начертано рукой самой природы въ органахъ внѣшнихъ чувствъ... Въ операціяхъ мануфактуръ и искуствъ лежитъ изумительное количество научныхъ началъ, какихъ даже и не подозрѣваютъ, и Бойль провозгласилъ громко, что онъ гораздо больше узналъ въ лавкахъ торгашей, чѣмъ изъ всѣхъ читанныхъ имъ сочиненій. Не видимъ ли мы ежедневно самыя высокія истины механики въ приложеніяхъ у самаго невѣжественнаго класса народа? Грубые ремесленники не отличаются ли по временамъ быстротою и ловкостью даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ и самый

глубокомысленный механикъ напрасно пытался бы найтись съ своею наукою?» [1]). Тоже самое недавно сказалъ въ одной лекціи Тиндалль. «Что касается до нашего рабочаго народа»,—говоритъ онъ,—«рабочаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то изученіе физики было бы ему полезно не только какъ средство интеллектуальнаго развитія, но также и какъ нравственное вліяніе, способное предохранить этихъ людей отъ привычекъ, унижающихъ человѣческое достоинство... Придавая предметамъ, окружающимъ постоянно рабочаго человѣка, такую занимательность, которая будетъ вызывать его на размышленіе, вы откроете ему новыя наслажденія, и каждое изъ этихъ наслажденій сдѣлается для него точкою опоры въ борьбѣ съ искушеніемъ (наприм., склонностью къ пьянству и т. п.). Кромѣ того, наши мануфактуры и заводы представляютъ обширное поле для наблюденій, и если бы тѣ, которые въ нихъ работаютъ, сдѣлались способными, при содѣйствіи предварительнаго образованія, оцѣнивать то, что они видятъ, то наука обогатилась бы неисчислимыми пріобрѣтеніями. Кто можетъ сказать, какіе Самсоны умственнаго міра работаютъ въ настоящую минуту съ закрытыми глазами въ нашихъ манчестерскихъ и бирмингэмскихъ кузницахъ и заводахъ? Дайте этимъ Самсонамъ зрѣніе, надѣлите ихъ кое-какими знаніями по части физики, и вы умножите шансы открытій и тѣмъ самымъ расширите поприще будущаго національнаго процвѣтанія. Въ нашихъ многоразличныхъ техническихъ операціяхъ, мы часто играемъ такими силами, которыя, въ случаѣ нашего незнанія, становятся причинами нашей погибели. Въ локомотивѣ дѣйствуютъ такіе двигатели, о которыхъ, по всей вѣроятности, никогда не мечталъ строитель, и которыя однако достаточно сильны, чтобы превратить машину въ истребительное орудіе. Далѣе, когда мы подумаемъ объ умственномъ развитіи того народа, который трудится въ нашихъ угольныхъ копяхъ, тогда мы перестанемъ изумляться тѣмъ ужаснымъ взрывамъ, которые случаются тамъ отъ времени до времени. Если бы эти люди обладали достаточными физическими свѣдѣніями, то, безъ сомнѣнія, изъ среды самихъ работниковъ вышла бы такая система предосторожностей, вслѣдствіе которой эти потрясающія событія перестали бы повторяться. Если бы они обладали знаніемъ, то ихъ личные интересы доставили бы имъ необходимый стимулъ для его практическаго приложенія и, такимъ образомъ, двѣ цѣли оказались бы достигнутыми въ одно и тоже время—возвышеніе людей и уменьшеніе бѣдствій» [2]). Если же практическое знаніе физическихъ законовъ начертано рукой самой природы въ органахъ внѣшнихъ чувствъ народа,—то естественно, по всеобщему физіологическому закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, и теоретическое, раціональное, естественно-научное знаніе физическихъ законовъ должно быть, соотвѣтственно тому, начертано и въ интеллектѣ, въ сознаніи или разумѣ всего народа. Рано или поздно должны раскрыться и въ сознаніи рабочаго народа тѣ общія теоремы, которыя заключаются въ частныхъ приложеніяхъ физическихъ работъ народа и въ ощущеніяхъ его физическихъ чувствъ. Что самой природой предначертано въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, то должно пройти и въ интеллектъ: ибо nihil est in intellectu, quod non sit prius in sensu. И по всеобщей естественно-исторической логикѣ интеллектуальнаго развитія человѣческаго рода въ сферѣ приро[ды], по

[1]) Соч. Д. Стюарта—объ индуктивной философіи человѣческаго духа.

[2]) Лекціи Тиндалля объ изученіи физики. Книга Юманса: „Новѣйшая культура, ея настоящія стремленія и потребности".

общему закону развитія физическаго міросозерцанія,—вслѣдъ за вѣковымъ простымъ созерцаніемъ природы, рабочему народу рано или поздно необходимо должно выступить и на путь раціональнаго, умозрительнаго познанія природы. И какъ по закону органовъ чувствъ естественно весь народъ принималъ живѣйшее непосредственное участіе въ простомъ созерцаніи природы, во времена господства физической работы надъ дѣятельностью интеллектуальной,—такъ точно, по тому же всеобщему закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, естественно, весь же рабочій народъ имѣетъ естественное право и естественно долженъ принимать живѣйшее участіе въ разумно-сознательномъ, раціонально-теоретическомъ, естественно-научномъ созерцаніи и познаніи природы: такъ слѣдуетъ быть по естественной логикѣ умственной исторіи народа, или по общему естественно-историческому закону. Ибо «вслѣдъ за *простымъ созерцаніемъ народа*»,—говоритъ Гумбольдтъ въ исторіи развитія космическихъ идей,—«вслѣдъ за наблюденіемъ явленій, случайно представляющихся взорамъ въ земныхъ и небесныхъ пространствахъ, начинается *изслѣдованіе, познаніе силъ и законовъ природы* посредствомъ производства опытовъ» [1]). И на эту вторую, высшую ступень раціональнаго, сенсуально-реалистическаго развитія рано или поздно долженъ вступить и нашъ рабочій народъ, и рабочія, непосредственно-натуральныя физическія изысканія и опыты его должны сдѣлаться въ то-же время и разумно-сознательными, научно-физическими изслѣдованіями и опытами. За вѣковой практикой рабочаго естествознанія, начертаннаго самой природой въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, логически необходимо должно слѣдовать и раскрытіе общей теоремы раціональнаго, теоретическаго, физико-математическаго естествознанія въ интеллектѣ, въ сознаніи рабочаго народа. И, наконецъ, если въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рукой самой природы начертано практическое знаніе физическихъ законовъ, и если физическія работы народа, по самой реальной природѣ своей, суть естественно-научны, суть практическіе, естественные опыты или практическія, реальныя проявленія и указанія физическихъ силъ и законовъ,—то естественно, что и самая пропаганда естественно-научнаго просвѣщенія рабочихъ массъ должна проводить въ нихъ свѣтъ естественнаго ученія, такъ сказать, черезъ органы же внѣшнихъ чувствъ и посредствомъ естественныхъ, практическихъ лабораторій или сферъ физическихъ работъ народа; то есть: она должна раскрывать, уяснять народу силы и законы природы наглядно, въ естественно-научномъ, практическомъ производствѣ всѣхъ физическихъ работъ народа, наприм., въ естественно-научныхъ операціяхъ, изслѣдованіяхъ и практическихъ опытахъ агрономіи или земледѣлія и скотоводства, въ естественно-научныхъ практическихъ началахъ и опытахъ или приложеніяхъ и операціяхъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ, и т. д. Вообще, методъ или способъ естественно-научной народо-образовательной пропаганды долженъ быть индуктивно-реальный, практическій. Каждый естественно-научно-развитый дѣятель практической экономіи въ сферѣ природы долженъ нести съ собою и вносить въ среду окружающей его рабочей массы, въ физическую сферу вращенія рабочихъ силъ, свѣтъ естественно-научныхъ теорій, знаній, идей и открытій, разумъ математики и естественыхъ наукъ. Каждый фабрикантъ, каждый заводчикъ, мануфактуристъ, сельскій хозяинъ, рудопріискатель, металлургъ, скотоводъ, садоводъ и проч.,—словомъ всѣ эконо-

[1]) Космосъ ч. II, стр. 222.

мическіе, хозяйственные дѣятели должны итти въ массу рабочаго народа съ основательнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ, и каждый, въ сферѣ своей экономической дѣятельности, въ лабораторіи своихъ хозяйственныхъ работъ, долженъ быть естественно-научнымъ учителемъ и просвѣтителемъ окружающихъ его рабочихъ людей. При каждой фабрикѣ, при каждомъ заводѣ, при каждомъ сельскомъ хозяйствѣ и т. д. должны быть рабочія естественно-научныя училища, фермы и проч. И въ то же время, каждая фабрика, каждое сельское хозяйство, каждый садъ, или огородъ, поле, каждый скотный дворъ и проч.; должны быть практическими рабочими училищами естествоиспытанія, рабочими лабораторіями и обсерваторіями физическихъ, естественно-научныхъ опытовъ и наблюденій. Масса русскаго рабочаго народа, по самому историко-физіологическому складу своихъ умственно-рабочихъ сенсуальныхъ способностей, по своей естественной, исторически развившейся, особенной умственной наклонности и воспріимчивости къ нагляднымъ образцамъ, къ реальной очевидности и осязательности естественно-научныхъ истинъ и ихъ доказательствъ, къ реальной, практической приложимости естествознанія,—по всему этому масса рабочаго народа ждетъ наглядныхъ образцовъ, наглядныхъ практическихъ опытовъ и уроковъ естествознанія, ждетъ вещественнаго, реально-эмпирическаго ученія и убѣжденія. Рабочій народъ ждетъ и рабочаго естествознанія. Ему необходимо, чтобы естественныя науки для него были вмѣстѣ и науками, и работами, и теоріей, и практикой, или опытомъ естественно-научно-жизненнымъ,— и въ тоже время—и свѣтомъ, и жизнью, и просвѣщеніемъ ума, и благомъ жизни, или источникомъ умственнаго просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія.

Пименовъ, Э.

—— **Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи.** Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 6).

Рожковъ, Н., приватъ-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель [illegible]

—— **Учебникъ всеобщей исторіи** для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. 1 р. 10 к. (№ 15).

Тэнъ, И.

Происхожденіе современной Франціи. Перев. съ франц. (№ 10) (печатается).

Файфъ, Ч.

—— **Исторія Европы XIX вѣка.** Перев. со второго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго.* Одобрено для ученическихъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній [illegible] каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ 2-мя раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-ое. Спб. 1903 г. 5 р. 50 к. (№ 2).

Фельдманъ, В.

Современная польская литература (№ 19) (печатается).

Франке, Куно.

—— **Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ.** (Съ X-го вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Переводъ съ англ. *П. Витязева.* Спб. 1904 г. 3 р. (№ 9).

Эндрусъ, Веньяминъ.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—65 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго К. А. Гуревичъ. Спб. 1905 г. 2 р. 50 к. (№ 27).

II. Изящная литература, исторія, критика и публицистика

Собственныя изданія.

Бѣлозерскій, И. (Ив. Порошинъ).

Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1903 г. 75 к.

Мельхіоръ де-Вогюэ.

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. В. Ф. Спб. 1902 г. 25 к.

Геринъ, Николай.

Основныя идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 20 к.

Гуревичъ, Л.

—— **„Сѣдовъ" и другіе разсказы.** Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія". Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к.

Левинъ, Мих.

Думы журналиста. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Мережковскій, Д. С.

—— **Грядущій Хамъ.** Спб. 1906 г. 1 р.

—— **Дафнисъ и Хлоя.** Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лесбосѣ. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

—— **Л. Толстой и Достоевскій.** Т. I. Спб. 1902 г.—2 р. Т. II. Спб. 1903 г. 3 р.

—— **Любовь сильнѣе смерти.** Итальянская новелла XV в. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

—— **Петръ и Алексѣй.** Историческій романъ. Спб. 1905 г. 2 р.

Морсье, де-, А.

—— **Права женщины.** Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. [illegible] Спб. 1904 г. 50 к.

Перцовъ, П.

—— **Венеція.** Съ 25 снимками съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Спб. 1905 г. 1 р.

Розановъ, В.

—— **Около церковныхъ стѣнъ.** Въ двухъ томахъ. Спб. 1906 г. II. за каждый томъ 2 р.

...ъ, Василій, авторъ книги „Въ сытомъ голодѣ“ ... 1904 г. 1 р. ...

— Весь клубъ ... Разсказы. Спб. 1904 г. 1 р. ...

Изданія, пріобрѣтенныя полностью

...новичъ, Ю. В. (Налетовичъ).

...ерки французской общественности. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

...ратурное Дѣло.

Сборникъ. Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

...ланъ, Кандидъ, [illegible].

Исторія Франціи отъ 1815 года до нашихъ дней. Иллюстрированное [illegible] 7 рис. и ... внутренней ...

Перев. съ франц. Спб. 1901 г. 1 р. 25 к.

...ковъ, Василій.

Въ сытомъ голодѣ. (Изъ воспоминаній). Спб. 1903 г. 1 р.

III. Философія

...жемсъ, Уилльямъ.

— Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Перев. съ англійскаго С. И. Цереteли. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к.

...жанэ, К.

— Теорія перемѣщенія ... въ психологіи и въ исторіи ... Спб. 1904 г. 1 ...

...инскій, Я. М.

— Религія будущаго (Философскіе разговоры). Спб. 1905 г. 2 р.

Юмъ, Давидъ.

Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

IV. Математическія науки

Бертранъ, Жозефъ.

Алгебра, въ переводѣ М. В. Пирожкова.

Часть I. Спб. 1900 г. 2 р.

Часть II. (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. 2 р.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. и для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Ариѳметика, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. 2 р.

— Дифференціальное исчисленіе. Съ портретомъ автора. Переводъ М. В. Пи... безъ измѣненія ... Спб. 1905 г. 10 р.

Пирожковъ, М. В.

Ариѳметика ... Спб. 1898 г. 1 р. 60 к.

Дополнительныя статьи по Алгебрѣ. Курсъ ... классовъ гимназій ... Спб. 1900 г. 75 к.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ ... учебныхъ заведеній Министерства ... гимназій ... мужскихъ ... военно-учебныхъ ...; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ ... корпусовъ.

Сборникъ задачъ для поступающихъ въ высшія техническія учеб... заведенія. Спб. 1901 г. 1 р. 60 к.

Серре (Ж.-А.).

Ариѳметика, въ перев. М. В. Пирожкова [illegible] ... М. В. Пирожкова.

Дополненія къ теоріи круговыхъ функцій ... М. В. Пирожкова. Спб. 190...

Прямолинейная тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова ... Министерства Народнаго Про...

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства ... Спб. 190...

Сферическая тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова ... Министерства Народнаго Про... учебныхъ ...

Одобрено Ученымъ Комитетомъ ... средн... учебныхъ ...

Типографія ... Вас. Остр., ... линія ... Бѣлицкаго ...

глубокомысленный механикъ напрасно пытался бы найтись съ своею наукою?» [1]). Тоже самое недавно сказалъ въ одной лекціи Тиндалль. «Что касается до нашего рабочаго народа»,—говоритъ онъ,—«рабочаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то изученіе физики было бы ему полезно не только какъ средство интеллектуальнаго развитія, но также и какъ нравственное вліяніе, способное предохранить этихъ людей отъ привычекъ, унижающихъ человѣческое достоинство... Придавая предметамъ, окружающимъ постоянно рабочаго человѣка, такую занимательность, которая будетъ вызывать его на размышленіе, вы откроете ему новыя наслажденія, и каждое изъ этихъ наслажденій сдѣлается для него точкою опоры въ борьбѣ съ искушеніемъ (наприм., склонностью къ пьянству и т. п.). Кромѣ того, наши мануфактуры и заводы представляютъ обширное поле для наблюденій, и если бы тѣ, которые въ нихъ работаютъ, сдѣлались способными, при содѣйствіи предварительнаго образованія, оцѣнивать то, что они видятъ, то наука обогатилась бы неисчислимыми пріобрѣтеніями. Кто можетъ сказать, какіе Самсоны умственнаго міра работаютъ въ настоящую минуту съ закрытыми глазами въ нашихъ манчестерскихъ и бирмингэмскихъ кузницахъ и заводахъ? Дайте этимъ Самсонамъ зрѣніе, надѣлите ихъ кое-какими знаніями по части физики, и вы умножите шансы открытій и тѣмъ самымъ расширите поприще будущаго національнаго процвѣтанія. Въ нашихъ многоразличныхъ техническихъ операціяхъ, мы часто играемъ такими силами, которыя, въ случаѣ нашего незнанія, становятся причинами нашей погибели. Въ локомотивѣ дѣйствуютъ такіе двигатели, о которыхъ, по всей вѣроятности, никогда не мечталъ строитель, и которыя однако достаточно сильны, чтобы превратить машину въ истребительное орудіе. Далѣе, когда мы подумаемъ объ умственномъ развитіи того народа, который трудится въ нашихъ угольныхъ копяхъ, тогда мы перестанемъ изумляться тѣмъ ужаснымъ взрывамъ, которые случаются тамъ отъ времени до времени. Если бы эти люди обладали достаточными физическими свѣдѣніями, то, безъ сомнѣнія, изъ среды самихъ работниковъ вышла бы такая система предосторожностей, вслѣдствіе которой эти потрясающія событія перестали бы повторяться. Если бы они обладали знаніемъ, то ихъ личные интересы доставили бы имъ необходимый стимулъ для его практическаго приложенія и, такимъ образомъ, двѣ цѣли оказались бы достигнутыми въ одно и тоже время—возвышеніе людей и уменьшеніе бѣдствій» [2]). Если же практическое знаніе физическихъ законовъ начертано рукой самой природы въ органахъ внѣшнихъ чувствъ народа,—то естественно, по всеобщему физіологическому закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, и теоретическое, раціональное, естественно-научное знаніе физическихъ законовъ должно быть, соотвѣтственно тому, начертано и въ интеллектѣ, въ сознаніи или разумѣ всего народа. Рано или поздно должны раскрыться и въ сознаніи рабочаго народа тѣ общія теоремы, которыя заключаются въ частныхъ приложеніяхъ физическихъ работъ народа и въ ощущеніяхъ его физическихъ чувствъ. Что самой природой предначертано въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, то должно пройти и въ интеллектъ: ибо nihil est in intellectu, quod non sit prius in sensu. И по всеобщей естественно-исторической логикѣ интеллектуальнаго развитія человѣческаго рода въ сферѣ природы, по

[1]) Соч. Д. Стюарта «объ индуктивной философіи человѣческаго духа.
[2]) Лекціи Тиндалля объ изученіи физики. Книга Юманса: „Новѣйшая культура, ея настоящія стремленія и потребности“.

общему закону развитія физическаго міросозерцанія,—вслѣдъ за вѣковымъ простымъ созерцаніемъ природы, рабочему народу рано или поздно необходимо должно выступить и на путь раціональнаго, умозрительнаго познанія природы. И какъ по закону органовъ чувствъ естественно весь народъ принималъ живѣйшее непосредственное участіе въ простомъ созерцаніи природы, во времена господства физической работы надъ дѣятельностью интеллектуальной,—такъ точно, по тому же всеобщему закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, естественно, весь же рабочій народъ имѣетъ естественное право и естественно долженъ принимать живѣйшее участіе въ разумно-сознательномъ, раціонально-теоретическомъ, естественно-научномъ созерцаніи и познаніи природы: такъ слѣдуетъ быть по естественной логикѣ умственной исторіи народа, или по общему естественно-историческому закону. Ибо «вслѣдъ за *простымъ созерцаніемъ народа*»,—говоритъ Гумбольдтъ въ исторіи развитія космическихъ идей,—«вслѣдъ за наблюденіемъ явленій, случайно представляющихся взорамъ въ земныхъ и небесныхъ пространствахъ, начинается *изслѣдованіе, познаніе силъ и законовъ природы* посредствомъ производства опытовъ» [1]). И на эту вторую, высшую ступень раціональнаго, сенсуально-реалистическаго развитія рано или поздно долженъ вступить и нашъ рабочій народъ, и рабочія, непосредственно-натуральныя физическія изысканія и опыты его должны сдѣлаться въ то-же время и разумно-сознательными, научно-физическими изслѣдованіями и опытами. За вѣковой практикой рабочаго естествознанія, начертаннаго самой природой въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, логически необходимо должно слѣдовать и раскрытіе общей теоремы раціональнаго, теоретическаго, физико-математическаго естествознанія въ интеллектѣ, въ сознаніи рабочаго народа. И, наконецъ, если въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рукой самой природы начертано практическое знаніе физическихъ законовъ, и если физическія работы народа, по самой реальной природѣ своей, суть естественно-научны, суть практическіе, естественные опыты или практическія, реальныя проявленія и указанія физическихъ силъ и законовъ,—то естественно, что и самая пропаганда естественно-научнаго просвѣщенія рабочихъ массъ должна проводить въ нихъ свѣтъ естественнаго ученія, такъ сказать, черезъ органы же внѣшнихъ чувствъ и посредствомъ естественныхъ, практическихъ лабораторій или сферъ физическихъ работъ народа; то есть: она должна раскрывать, уяснять народу силы и законы природы наглядно, въ естественно-научномъ, практическомъ производствѣ всѣхъ физическихъ работъ народа, наприм., въ естественно-научныхъ операціяхъ, изслѣдованіяхъ и практическихъ опытахъ агрономіи или земледѣлія и скотоводства, въ естественно-научныхъ практическихъ началахъ и опытахъ или приложеніяхъ и операціяхъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ, и т. д. Вообще, методъ или способъ естественно-научной народо-образовательной пропаганды долженъ быть индуктивно-реальный, практическій. Каждый естественно-научно-развитый дѣятель практической экономіи въ сферѣ природы долженъ нести съ собою и вносить въ среду окружающей его рабочей массы, въ физическую сферу вращенія рабочихъ силъ, свѣтъ естественно-научныхъ теорій, знаній, идей и открытій, разумъ математики и естественыхъ наукъ. Каждый фабрикантъ, каждый заводчикъ, мануфактуристъ, сельскій хозяинъ, рудопріискатель, металлургъ, скотоводъ, садоводъ и проч.,—словомъ всѣ эконо-

---

[1]) Космосъ ч. II, стр. 222.

мическіе, хозяйственные дѣятели должны итти въ массу рабочаго народа съ основательнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ, и каждый, въ сферѣ своей экономической дѣятельности, въ лабораторіи своихъ хозяйственныхъ работъ, долженъ быть естественно-научнымъ учителемъ и просвѣтителемъ окружающихъ его рабочихъ людей. При каждой фабрикѣ, при каждомъ заводѣ, при каждомъ сельскомъ хозяйствѣ и т. д. должны быть рабочія естественно-научныя училища, фермы и проч. И въ то же время, каждая фабрика, каждое сельское хозяйство, каждый садъ, или огородъ, поле, каждый скотный дворъ и проч.; должны быть практическими рабочими училищами естествоиспытанія, рабочими лабораторіями и обсерваторіями физическихъ, естественно-научныхъ опытовъ и наблюденій. Масса русскаго рабочаго народа, по самому историко-физіологическому складу своихъ умственно-рабочихъ сенсуальныхъ способностей, по своей естественной, исторически развившейся, особенной умственной наклонности и воспріимчивости къ нагляднымъ образцамъ, къ реальной очевидности и осязательности естественно-научныхъ истинъ и ихъ доказательствъ, къ реальной, практической приложимости естествознанія, — по всему этому масса рабочаго народа ждетъ наглядныхъ образцовъ, наглядныхъ практическихъ опытовъ и уроковъ естествознанія, ждетъ вещественнаго, реально-эмпирическаго ученія и убѣжденія. Рабочій народъ ждетъ и рабочаго естествознанія. Ему необходимо, чтобы естественныя науки для него были вмѣстѣ и науками, и работами, и теоріей, и практикой, или опытомъ естественно-научно-жизненнымъ, — и въ тоже время — и свѣтомъ, и жизнью, и просвѣщеніемъ ума, и благомъ жизни, или источникомъ умственнаго просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02287 8204